

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1874 г.

ТОМЪ X.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая. д. № 49—2).

1874.

A. S. Grigorievich

А. С. ГРИВОЪДОВЪ

1795 — 1829.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763 — 1841.

Андріянъ Карповичъ Денисовъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ генераловъ Донскаго войска. Послѣ блистательной Суворовской войны въ Италиі, въ которой, начальствуя надъ казачьими полками, заслужилъ своимъ мужествомъ и распорядительностію высокое о немъ мнѣніе славнаго князя Италійскаго, Денисовъ сдѣлался соперникомъ Платова, и потому въ отечественную войну 1812 года оставленъ имъ на Дону наказнымъ атаманомъ.¹⁾ Безпрерывно получая болѣе и болѣе тревожныя вѣсти о нашествіи громаднхъ полчищъ Наполеона, о ихъ губительныхъ движеніяхъ во внутрь Россіи, о распространяемыхъ ими по пути пожарахъ и грабежахъ, Денисовъ энергически дѣйствовалъ на высылку къ нашимъ арміямъ подмогъ съ Дона и успѣлъ представить въ Тарутинскій лагерь 26 новыхъ полковъ донскихъ казаковъ, составленныхъ поголовно и изъ посѣдѣвшихъ въ бояхъ дѣдовъ, и изъ юныхъ внуковъ ихъ; а между тѣмъ, самъ онъ страдалъ душевно, что не можетъ лично участвовать въ защитѣ отечества, и въ донесеніяхъ своихъ горько жаловался, что его одного забыли въ тяжкую годину и обрекли на бездѣйствіе. По смерти Платова, въ 1818 году, облеченный въ званіе войсковаго атамана, Денисовъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ края,—и честный воинъ не могъ далѣе оставаться пассивнымъ свидѣтелемъ нуждъ своей родины; а нужды эти были велики: на Дону развилось вредное для массы аристократическое самовластіе, общественныя войсковыя земли произвольно раздавались въ частную собственность сильныхъ людей, въ

¹⁾ Такъ назывался въ то время заступающій мѣсто войсковаго атамана.

ущербъ станичныхъ юртовъ; финансовая часть войска велась безпорядочно и не выходила изъ крайне скуднаго состоянія; часть военная въ очередныхъ нарядахъ, льготахъ и отставкахъ отъ службы представляла позорище торговаго рынка. Все это было слѣдствіе того, что войско Донское не имѣло для своего управленія опредѣленныхъ законовъ, а должно было или соображаться съ общими государственными узаконеніями, или ограничиваться мѣстными правилами и обычаями. Денисовъ рѣшился на благородный подвигъ — пожертвовать самовластіемъ общему благу и дать войсковому управленію новую организацію, согласно требованіямъ времени: онъ, въ 1819 году, испросилъ высочайшее повелѣніе на учрежденіе комитета для составленія: „Положенія объ устройствѣ войска Донскаго“.

Въ комитетъ этотъ, подъ предсѣдательствомъ самаго Денисова, назначены членами: генераль-адъютантъ Чернышевъ,¹⁾ со стороны министерства юстиціи—дѣйств. ст. сов. Болгарскій,²⁾ и отъ войска—генер.-лейт. Карповъ, генер.-маіоръ Черевковъ, полковникъ Андріановъ и подполковникъ Шамшевъ.

Учрежденіе комитета возбудило противъ Денисова страшное негодованіе всего донскаго аристократизма, прозрѣвавшаго въ новомъ „Положеніи“ уничтоженіе всѣхъ своихъ преимуществъ; всѣ недовольные начали группироваться вокругъ Чернышева, съ порицаніемъ правительственныхъ распоряженій Денисова и даже съ фальшивымъ толкованіемъ его поступковъ и словъ; въ комитетѣ мнѣнія Денисова и Чернышева стали болѣе и болѣе расходиться, пренія ихъ другъ съ другомъ приняли враждебный тонъ и, наконецъ, разразились паденіемъ Денисова. Во главу обвиненій Денисова положена введенная имъ система питейной продажи на земляхъ войска посредствомъ откупа; но въ этомъ обвиненіи Денисовъ—невинная жертва. Вступивши въ званіе войскаго атамана, онъ увидѣлъ совершенную скудость войсковой казны, на средства которой содержится все управленіе краемъ. Изыскивая источники устранить это пагубное для войска состояніе и видя, что въ войсковой казнѣ нѣтъ денегъ на покупку вина для распродажи его въ край распоряженіемъ войскаго правительства, онъ рѣшился допустить прежде существовавшую уже на войсковой территоріи откупную систему, но съ тою разницею, что прежде откупъ имѣлъ право продажи только въ казачьихъ станицахъ, а Денисовъ распространилъ это право откупа и на имѣнія донскихъ помѣщиковъ, что, конечно, и возстановило послѣднихъ противъ Денисова,

¹⁾ Вслѣдствія графъ, князь и военный министръ.

²⁾ Вслѣдствія тайный совѣтникъ и сенаторъ.

посыгнувшаго на уменьшеніе доходовъ ихъ,—хотя, по справедливости, войсковою атаманъ имѣлъ основаніе на это послыженіе по случаю бѣдственнаго состоянія войсковаго казначейства и потому, что донскіе помѣщики владѣли тогда не собственными землями, а войсковыми, которыя чрезъ двадцать шесть лѣтъ уже послѣ того державною волею императора Николая I дарованы имъ въ потомственную собственность.

Отставка Денисова послѣдовала неожиданно.¹⁾ Высочайшее повелѣніе о томъ (отъ 31-го января 1821 г.) и о назначенія вмѣсто Денисова генераль-маіора Алексѣя Васильевича Иловайскаго получено изъ Лайбаха, гдѣ тогда находился императоръ Александръ I и при немъ былъ виновникъ паденія Денисова — Чернышевъ.

Такъ, одинъ изъ замѣчательныхъ атамановъ войска донскаго сошелъ съ служебнаго поприща, на которомъ онъ проявилъ много опытовъ высокой честности и замѣчательной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ управленія обширнымъ и своеобразнымъ краемъ. Онъ былъ исполнѣ попечительный начальникъ и рѣшался даже на цивилизаторство патріархальной родины своей. Приведемъ въ доказательство послѣдняго хотя два примѣра, сохранившіеся въ памяти донцовъ: Денисовъ, въ видахъ развитія ихъ въ правилахъ общественной жизни, приглашалъ всѣхъ прѣзжающихъ въ Новочеркасскъ по дѣламъ своимъ офицеровъ къ себѣ на обѣдъ и, замѣтивъ, что многіе изъ нихъ употребляютъ салфетку вмѣсто носоваго платка, объявилъ въ приказѣ по войску исключительное назначеніе салфетки; а замѣтивши распространяющуюся въ нарядахъ казачекъ непомѣрную роскошь, объявилъ о томъ также въ приказѣ по войску и потребовалъ, чтобы драгоценныя украшенія и шелковыя одежды (кубелѣки) присвоены были только семействамъ дворянъ.

А. Ч.

Записки Денисова писаны имъ въ концѣ двадцатыхъ или въ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Писаны на простой, сѣрой бумагѣ, связнымъ почеркомъ, малограмотною писарскою рукою,

¹⁾ Донскіе старожилы рассказываютъ: «утромъ 16-го февраля 1821 г., проходящіе жители гор. Новочеркасска замѣтили, что у атаманскаго дома вѣтъ обычныхъ будокъ и часовыхъ. Недоумѣніе и любопытство собрало большую толпу народа. Тогда вышелъ на крыльцо самъ Денисовъ и объявилъ, что онъ, по волѣ государя, смѣненъ съ атаманства. Народъ пожалѣлъ добраго начальника и разошелся. Чрезъ четыре года потомъ, во время проѣзда императора чрезъ Новочеркасскъ въ Таганрогъ, Денисовъ, отростившій уже бороду, страдающій душевно и тѣлесно, желалъ представиться государю, чтобы оправдаться, но не получилъ аудіенціи».

А. Ч.

1*

подъ диктовку самого Андрияна Карповича, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поправлены собственною его рукою. Они состоятъ изъ 24-хъ тетрадей сѣрой, грубой бумаги, въ листъ, 576 страницъ. Записки эти сохранены для отечественной исторіи и сообщены на страницахъ „Русской Старины“ войска Донскаго генераль-лейтенантомъ Адамомъ Петровичемъ Чеботаревымъ, а ему достались, въ 1852 году, отъ внука Денисова, отставнаго маіора Атаманскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, Андрияна Ивановича Егорова, предоставившаго ихъ г. Чеботареву въ полное его распоряженіе.

Приступая къ печатанію „Записокъ атамана Денисова“, редація „Русской Старины“ считаетъ необходимымъ замѣтить, что они раздѣлены ею, для удобства чтенія, на главы и что всѣ наиболѣе важныя въ историческомъ отношеніи части этихъ Записокъ печатаются съ дословною точностью; затѣмъ тѣ мѣста разсказа Андрияна Карповича Денисова, въ которыхъ приведены имъ мелочныя, для него лишь имѣвшія интересъ подробности, изложены нами вкратцѣ; таковы: переѣзды съ мѣста на мѣсто, подробности маршрутовъ, замѣтки о самыхъ мелкихъ стычкахъ съ непріателемъ и т. п.

Ред.

I.

Происхожденіе войска донскаго.—Первыя поселенія казаковъ, ихъ занятія и обычаи.

Прежде нежели начну я писать исторію жизни моей, долгомъ моимъ почитаю сказать то, что я слышалъ по изустному преданію отъ старыхъ людей, относительно дѣйствительнаго происхожденія всего войска донскаго.

Донское войско, по словесному преданію, дознанному мною еще въ 1781 г. отъ самыхъ старыхъ жителей Дона, которые сказали по нарочитому моему розысканію такъ: первые донскіе казаки пришли на Донъ изъ-за рѣки Терека, но были не Татары и не имѣли сходства ни въ лицахъ, ни въ обычаяхъ съ азіатскими народами, а въ семь сообразны были съ великороссіянами. Поселились они отъ Голубинской станицы или Пяттинзбанской внизъ по рѣкѣ Дону, съ правой стороны, малыми отдѣленіями, какъ бы полагать надо, что одно семейство составляло цѣлое селеніе. Сѣм селенія, внизъ рѣки Дона, не были далѣе устья рѣки Донца. Нѣкоторые (изъ жителей) доказывали мнѣ, что (поселенія) кончались Цымлянскою, а другіе — Каргальскою станицею, которыя

прежде назывались городками и всѣ были укрѣплены землянымъ валомъ. Каждое селеніе имѣло своего начальника подъ именемъ «Станишной атаманъ»; а всѣхъ тѣхъ селеній былъ-ли общій начальникъ — никто не показавъ. Сіи начальники были избираемы обществомъ каждаго селенія также по ихъ усмотрѣнію; непремѣнныхъ начальниковъ и чиновниковъ не имѣли, и положеніе всѣхъ городковъ было—никогда не имѣть оныхъ. Всѣ дѣла общественныя рѣшались въ собраніи всего селенія; одно селеніе не мѣшалось въ дѣла другаго. Они другой войны сначала не имѣли, кромѣ оборонительной, или мстили за обиду, и тогда сговаривались одно селеніе съ другими по доброй волѣ, а не по наряду или приказу. Вѣру исповѣдовали христіанскую. Любили семейственную жизнь и почти всѣ были женаты, но въ разводахъ имѣли обычай такой, что ежели кто не захочетъ жену свою имѣть при себѣ и въ домѣ своемъ, таковой выводилъ ее предъ собраніе своего селенія и объявлялъ — что онъ не хочетъ болѣе жить съ своею женою, то не хочеть-ли кто взять ее себѣ въ жену, — и желающему отдавалъ, чѣмъ разводъ и кончался. Въ одно время никто не имѣлъ двухъ женъ, даже и не было примѣра. Строго наказывали тѣхъ, которые хотя малое что украдутъ у земляковъ своихъ, даже иногда и смертію. Слово «трусъ» весьма безчестно было, и обиженный симъ словомъ имѣлъ право—обидчика своего при собраніи бить по голенямъ палкою, пока не докажетъ или не испроситъ прощенія.

Всѣ сіи обитатели городковъ считали себя одно-земляками, охотно одни другихъ защищали отъ внѣшнихъ враговъ; но каждый городокъ имѣлъ отдѣльный удѣлъ земли, и межевались или границы полагали только въ луговыхъ мѣстахъ, то есть, при самой рѣкѣ Донѣ и которыя весняною водою покрывались; въ степяхъ же, или какъ они называли, въ нагорныхъ поляхъ (которое слово и донныя нѣкоторые употребляютъ) не имѣли границъ, но считали ихъ общественными, и вольно было, гдѣ хотѣлъ, заводить хутора—зимовники, но таковыхъ долго совсѣмъ не было и уже гораздо позже оныя начались. Сіи первые жители упражнялись въ земледѣліи, да и скотоводства не имѣли большаго, а болѣе любили звѣриную охоту и рыболовство—чѣмъ и снискивали свое пропитаніе и довольствіе. Они не искали богатства и малымъ оставались довольны. Общія ихъ, сколько мнѣ

сдѣлалось извѣстно, права или законы были: считать себя за одинъ народъ, одному селенію другаго не обижать, за межу одни къ другимъ — для сѣнокосенія, распашей, пастбы скота, рыболовства и ловли дивныхъ звѣрей — не переходить, но хищныхъ звѣрей вольно было (бить), гдѣ кто увидитъ и пожелаетъ.

Сіи жители Дона, какъ нѣкоторые старики объяснили мнѣ, не долго оставались покойны въ своихъ первыхъ жилищахъ, но принуждены, по извѣстнымъ имъ обстоятельствамъ, удалиться и при рѣкѣ Донѣ-жъ поселились; послѣ, какъ они-жъ полагали, опять часть малая изъ нихъ возвратились съ многолюднымъ товариществомъ постороннихъ изъ великороссійнъ же, принятыхъ ими, и заняли тѣ-жъ прежнія мѣста и выше по Дону и рѣчкамъ Хопру и Медвѣдицѣ и оставались долго при тѣхъ же правахъ. А когда приняли общее названіе донскихъ казаковъ и войска донскаго — ясно не могли показать; также, когда учреждено было имѣть всего войска войсковаго атамана и, кажется, что послѣднее возставилось съ существованіемъ города Черкаска.¹⁾

¹⁾ Во время атаманства Денисова Войско Донское не имѣло еще историческаго описанія своего происхожденія и на Дону холили разные легендарныя толки о немъ, одни другия противурѣчащія, одни другия неопредѣленныя. Еще до открытія испрошеннаго Андрияномъ Карповичемъ комитета о составленіи «Войсковаго Положенія», и именно въ 1817 г., начата была войсковыми землемѣрами съемка земель и собраніе статистическихъ свѣдѣній о Донскомъ краѣ, а въ 1821 г. явилась мысль и о составленіи «Военной исторіи Донскихъ казаковъ». Для осуществленія этой мысли тогда же командировано нѣсколько образованныхъ донскихъ офицеровъ для разсмотрѣнія архивовъ всѣхъ войсковыхъ округовъ, а также крѣпости св. Дмитрія (нынѣ Ростовъ-на-Дону), крѣпости Анвинской (близъ стая. Старочеркаской), Таганрогскаго, Азовскаго, Царицынскаго, Дубовскаго, Астраханскаго, Новохоперскаго, Казанскаго и Московскаго государственнаго. Такимъ образомъ составилось богатое собраніе историческихъ матеріаловъ, — и въ 1826 г. написанное даровитымъ доводитомъ, В. Д. Сухоруковымъ: «Историческое и статистическое описаніе войска Донскаго» было представлено высшему правительству; но потомъ нигдѣ не было разсмотрѣно и донское начальство должно было распорядиться о новомъ пересмотрѣ собранныхъ историческихъ матеріаловъ и о составленіи изъ нихъ новаго «Историческаго описанія войска Донскаго». Изъ хранящейся въ донскомъ статистическомъ комитетѣ рукописи этого, оконченнаго въ 1834 г. труда, видно, что нынѣшняя территория Донской области издревле именовалась «Полеми»; что на ней попеременно обитали Козары, Печенѣги и Половцы; что съ 1237 г. на ней стали кочевать Батыевскіе, Тамерлановскіе и Крымскіе Татары; что «Поле» сдѣлалось потомъ пріютомъ отважныхъ храбрецовъ различныхъ народностей, которыхъ мавзлп пролежавшіе чрезъ эту пустыню торговые пути и добыча; что въ началѣ XVI столѣтія буйныя разноплеменные толпы и про-

II.

Происхожденіе фамиліи Денисовыхъ. — Денисъ-Батырь. — Графъ Ѳеодоръ Денисовъ и его походы. — Карпъ Денисовъ, его братья и другіе родственники изъ этой фамиліи.

Я происхожу отъ самой по донскому войску древней фамиліи Денисовыхъ, отрасли которой почти всё и доннынѣ живутъ въ Пятизбчанской, при самой рѣкѣ Донѣ, на не большой равнинѣ, окруженной довольно высокими горами, поселенной станицѣ. Фамилія сія начало свое получила отъ прадѣда моего, по имени Дениса, который въ сраженіяхъ противъ Крымскихъ Татаръ весьма отличался, а храбростію — особо въ одномъ случаѣ, гдѣ татаринъ, прикрытый сверхъ плаत्या панциремъ, искалъ поединщика. Прадѣдъ мой, сразясь съ нимъ, убилъ его, почему съ того времени былъ всегда называемъ: «Денисъ-Батырь». Отецъ же его былъ полководцемъ въ донскомъ войскѣ, по фамиліи

изводимые ими грабежи умножились на «Полю» до невозможности уже проходить чрезъ него и посламъ нашимъ, и турецкимъ; что въ тотъ періодъ времени эти буйныя толпы составлялись изъ Казанскихъ, Азовскихъ, Крымскихъ, и, наконецъ, всѣхъ нашихъ украинскихъ «казаковъ»¹⁾; что общество «Донскихъ» казаковъ составилось первоначально изъ людей бѣглыхъ разныхъ Россійскихъ и болѣе всего Украинскихъ городовъ, искавшихъ дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ улусахъ татарскихъ ордъ: одни укрывались здѣсь отъ притѣсненій своихъ владѣльцевъ, другіе — увлекались своевольствомъ и алчностью къ корысти, третьи — мстятъ Татарамъ и ихъ единовѣрцамъ — Туркамъ за раны отечества. Веда холостую жизнь и не имѣя постоянныхъ жилищъ, они переходили съ одного мѣста на другое — отъ предѣловъ Крымскихъ на берега Дона и отъ украинскихъ городовъ Россіи къ улусамъ Татаръ Заволжскихъ; все, что могли, грабили — и людей, и имущество; сильнымъ иногда предлагали свои услуги изъ корысти, а на слабыхъ нападали неожиданно; жалобы на донскихъ казаковъ турецкаго султана, владѣтелей Крыма и князей нагайскихъ и отрицательство отъ нихъ двора російскаго показываютъ, что до 1550 г. они не были еще въ зависимости отъ Россіи и еще менѣе отъ неприязненныхъ имъ Турокъ и Татаръ; но въ 1551 г. донскіе казаки уже служить государю русскому; можно полагать, что Россія, бывши тогда въ непрерывной борьбѣ съ Нагайцами и Крымцами и защищаясь отъ набѣговъ ихъ пограничными острогами, была довольна, что бѣглецы люди ея сами собою сдѣлались страшными для враговъ ея, и вѣроятно, что дворъ нашъ объявилъ имъ прощеніе, покровительство, предложилъ деньги и свободу жить въ избранныхъ ими мѣстахъ, съ условіемъ: вредить неприятелю, удерживать его отъ набѣговъ и подавать о немъ вѣсти. Съ этого именно времени «донскіе ка-

¹⁾ Слово «Казакъ» означало отважнаго наѣздника, живущаго набѣгами и войною, не привязаннаго къ землѣ и домовности. А. Ч.

Ильинъ. Онъ, или еще отецъ его, отъ блаженной памяти императрицы Елисаветы Петровны, въ написанной въ честь войска донскаго грамотѣ, съ похвалою упоминается; братъ же его родной—Антонъ, оставя прежнюю фамилію, по простотѣ-ли тогдашней, или по гордости его, каковъ онъ и былъ, перемѣнилъ также свою фамилію и принялъ отъ своего имени: Антоновъ, которыхъ родъ и донинѣ существуетъ, и почти всѣ двѣ сии фамиліи соприсчисляются въ древнему положенію сказанной станицы Пятиозбянской.

Сынъ Дениса-Батыря, Петръ Денисовичъ Денисовъ, не

закнъ сталъ служить Россіи твердымъ оплотомъ южныхъ предѣловъ ея; недремлемою стражею и вѣрными вѣстниками о замыслахъ и предпріятіяхъ хищныхъ сосѣдей. Молва объ удачныхъ подвигахъ и о привольной жизни ихъ распространилась по всей Россіи, на Запорожьи и въ Польшѣ; общество ихъ быстро умножалось выходцами со всѣхъ упомянутыхъ сторонъ,—тогда они участвуютъ въ покореніи царствъ Астраханскаго и Казанскаго, пріобрѣтаютъ Россіи Сибирь, берутъ Азовъ, громятъ Крымъ, образуютъ изъ своихъ товарищей новыя общества казацкія на берегахъ Урала и Терека и, вообще, дѣлаются вѣрными слугами царя православнаго. Соединясь въ одно общество изъ разноплеменной вольницы, донскіе казаки начали распоряжаться свои общественныя дѣла общимъ совѣтомъ. Предметы таковыхъ совѣщаній были просты и почти одинаковы: идти на войну или поискъ, раздѣлить добычу, наказать измѣнника. Главное народное собраніе называлось «Войсковымъ кругомъ»; главный начальникъ—«Войсковымъ атаманомъ». Войсковой атаманъ избирался на годъ, лично не имѣлъ особенной власти, а былъ только блюстителемъ порядка и исполнителя приговора народа. Подобно этому общему войсковому управленію, образовались въ концѣ XVI вѣка и частныя управленія городковъ казачьихъ (теперь станицы). Тогдашніе походы донскихъ казаковъ были сухопутныя и на судахъ по морямъ Азовскому, Черному и Каспійскому; быстротѣ сухопутныхъ походовъ много способствовали степныя казачьи лошади, которыхъ каждый казакъ бралъ съ собою по двѣ, чтобы на большихъ переходахъ перемѣнять ихъ; въ морскихъ походахъ казаки употребляли суда малая, помѣщавшія отъ 30 до 50 чел. каждое; на нихъ пускалась они даже чрезъ все Черное море, громили приморскія области и нападали на корабли. Религіозность ихъ не могла быть твердою, по отсутствію въ краѣ до XVII столѣтія духовенства и церквей; чрезъ это происходили и браки по предъявленіи ихъ въ Войсковомъ или Городковомъ кругу: чрезъ это принимались на Дону и растриженные священники, и бѣглые монахи, распространявшіе въ краѣ жетокованія о вѣрѣ. Самая нравственность тогдашнихъ донцовъ представляла смѣсь добродѣтелей и пороковъ, свойственныхъ людямъ, живущимъ войною. Трусовъ въ своемъ обществѣ они не терпѣли и вообще поставляли первѣйшими добродѣтелями—храбрость и дѣломудріе. Въ наказаніяхъ за преступленія были жестоки: «въ куль, да въ воду»—была главная казнь за измѣну, трусость, убійство и воровство: это — утопленіе въ рѣкѣ челоуѣка, завязаннаго въ мѣшокъ.

А. Ч.

потерялъ славу отца своего, былъ полководцемъ, но не имѣлъ случая столько прославить себя, а можетъ, какъ мнѣ кажется, былъ несчастливъ, какъ одинъ случай и доказываетъ. Онъ, узнавъ, что блаженной памяти государь императоръ Петръ Великій, возвращаясь изъ Персіи, терпитъ недостатокъ въ провіантѣ, собралъ сколько могъ своихъ людей, навьючилъ нѣсколько верблюдовъ хлѣбомъ и, взявъ довольно число скота, спѣшилъ на встрѣчу его величеству; но не далеко отъ Царицына былъ атаманомъ Калмитами, которые всѣ запасы у него отняли,—и онъ съ своими людьми, пѣшій, единою храбростію избѣгъ предстоящей смерти и дошелъ до города Царицына.

Сынъ Петра Денисовича — Оедоръ Петровичъ, впоследствии былъ генераломъ отъ кавалеріи и заслужилъ графское достоинство. Почему, описывая Денисову фамилію, долгомъ считаю упомянуть и о немъ подъ именемъ графа Денисова. Онъ былъ воспитанъ родителемъ своимъ въ сказанной станицѣ и наученъ нѣсколько грамотѣ, какъ-то: читать часовникъ и псалтырь и писать сообразно связанному ученію, что тогда полагалось за вышнее ученіе, особливо ежели кто могъ и пѣть въ церкви Божіей на клиросѣ, и читать апостолъ; но ему внушали, что онъ долженъ отличиться храбростію и военными дѣйствіями. На восемнадцатомъ году онъ женился; послѣ записанъ былъ въ число военныхъ казаковъ и причисленъ въ Атаманской, какъ отличный, полкъ; когда же потребованы были казаки въ армію, дѣйствующую противъ Турокъ подъ командою фельдмаршала Румянцева, онъ охотно, испросясь изъ Атаманскаго, поступилъ въ одинъ полкъ, наряженный въ связанную армію, и въ кругу полка выбранъ въ чинъ есаула. При первомъ сраженіи весьма себя отличилъ и убилъ семь турокъ, что сдѣлалось извѣстнымъ и фельдмаршалу, который, замѣтивъ его по оному случаю, началъ употреблять въ важныя партіи. Тутъ, имѣя частые случаи, прославилъ себя болѣе и болѣе. Видѣвъ главнокомандующій, что храбрость въ немъ не измѣняется, произвелъ въ чинъ старшины донскаго войска и ввѣрилъ ему полкъ; ободрясь чѣмъ, онъ по храбрости своей сдѣлался извѣстенъ и непріятелю. Особо зналъ о немъ одинъ храбрый турецкій начальникъ, Черкесь-наша, который и старался во многихъ случаяхъ его, графа Денисова, разбить, но болѣе—плѣнить или убить, что чрезъ плѣнныхъ и графъ узналъ,

а потому взаимно искалъ случаевъ ему вредить. Въ одной схваткѣ казаковъ съ Турками въ разсыпную, что казакамъ болѣе свойственно, Черкесь-паша самъ былъ и нѣсколько разъ возвышая голосъ, кричалъ: «Денись-паша», какъ бы вызывая его. Тогда графъ, замѣтивъ, что это Черкесь-паша долженъ быть, предпринялъ съ нимъ сразиться; но пашу отличные турки на лучшихъ лошадяхъ прикрывали, что примѣтя, графъ Денисовъ, тѣмъ болѣе, что и цвѣтное платье ихъ отличало, почему, скрывая свои намѣренія, приказалъ казакамъ занимать пространнѣе поле, дабы непріятеля растянуть. Когда увидѣлъ, что Черкесь-паша себя довольно открылъ, пустился на него и наѣхавъ отрубилъ у него поводъ,—вѣрно, отъ излишней запальчивости сдѣлалъ промахъ,—тотчасъ воротился. Въ другомъ сраженіи, онъ наскочалъ на Черкесь-пашу такъ, что принудилъ его бѣжать, гдѣ, понуждая свою лошадь, паша билъ ее саблею, которую и уронилъ и которая взята была казакомъ и хранилась у графа, какъ знакъ его доблести. Въ другомъ случаѣ, когда графъ находился въ той же войнѣ турецкой, которая нѣсколько лѣтъ сряду тогда продолжалась, бывъ подъ командою генерала графа Каменскаго и пользуясь его милостію, и уже зная, что Черкесь-паша вспыльчиваго нрава, испросилъ позволеніе и съ двумя или тремя донскими полками пошелъ скрыто къ турецкимъ войскамъ, гдѣ командовалъ Черкесь-паша; чрезъ легкія команды осматривалъ близъ ихъ лагерь мѣста и, найдя одну довольно глубокую лощину, въ одну ночь скрылся съ отборными казаками, распорядя напередъ такъ, чтобъ нѣкоторые офицеры съ лучшими казаками, по утру рано, въ которое время всегда турецкіе чиновники пьютъ шербетъ, атаковали бы передовые пикеты, а полки, что оставались на назначенномъ мѣстѣ, стояли, дабы въ случаѣ нужды могли ему циркулировать. Офицеры, назначенные атаковать, исполнили свою обязанность весьма хорошо, и когда подоспѣвшіе изъ лагеря турки атаковали нашихъ взаимно, тогда казаки начали—съ намѣреніемъ и по распоряженію—уходить, оставляя Денисова въ лощинѣ, бывшей въ сторонѣ; который дождавъ, что турки его минули, нѣсколько быстро въ бокъ ударилъ, опрокинулъ и взялъ въ плѣнъ до десяти ихъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ находились приближенные къ пашѣ, какъ-то: его казначей, секретарь, кафеदारъ и ключникъ. Послѣ сего сдѣлалось извѣстно, что Черкесь-паша

часто говаривалъ, что онъ когда-либо а Дениса-брата достанетъ. Графъ во всю оную войну весьма отличался храбростію и предпримчивостію и въ послѣднихъ предъ миромъ сраженіяхъ жестоко, выше волѣна, въ ногу пулею раненъ съ перебитіемъ кости, отчего вѣчно хромалъ. Въ сію войну произведенъ въ премьеръ-майоры и получилъ золотую, съ портретомъ великой монархини Еватеринны и съ надписью за что, медаль. По выздоровленіи отъ сей раны и при занятіи полуострова Крыма, онъ опять явился на полѣ славы. Въ одномъ случаѣ, когда онъ имѣлъ три донскихъ казаковъ полка, атаквала его отборная толпа Татаръ ханской гвардіи въ превосходномъ числѣ, и сильнымъ ударомъ опрокинула казаковъ и сильно преслѣдовала. Денисовъ весьма старался нашихъ остановить, но когда увидѣлъ, что всѣ способы оставались не дѣйствительными, тогда остался въ заднихъ (рядахъ) и уговаривалъ храбрѣйшихъ, отступая, защищаться, подвергая себя всѣмъ опасностямъ. Видя, что нѣкоторые изъ отважнѣйшихъ ему помогали, и при семъ случаѣ офицеръ Никита Астаховъ далъ ему замѣтить, что одинъ изъ татаръ, мулла, какъ видно было по одѣянію, цѣлитъ ударъ нанести въ него дротикомъ, на что онъ отвѣчалъ, что видитъ. Астаховъ погналъ свою лошадь впередъ, какъ уже былъ раненный и ослабѣвалъ въ силахъ. Не оставая изъ виду Денисова, мулла заскакалъ нѣсколько впередъ и пустился на него. Тогда Денисовъ, отпарировавъ дротіеъ саблею, снизу поднялъ нѣсколько выше себя и однимъ замахомъ въ смерть срубилъ татарина, почему передніе татары всѣ кинулись въ упавшему съ лошади муллѣ и перестали гнаться за казаками.

Въ шведскую войну, гдѣ онъ былъ уже генераломъ, въ одномъ сраженіи, гдѣ онъ получилъ пулею рану близь самага локтя,— нѣсколько ниже онаго,— которая прошла по всей рукѣ внизъ, не повреди кости, остановилась по-за кожей, на поверхности висти, которую онъ, отъѣхавши нѣсколько въ задъ, приказалъ, стоя на ногахъ, вынуть лекарю, и какъ наши проигрывали сіе сраженіе, то тутъ же распорядилъ устроить батарею. Всѣхъ же ранъ, отъ нуля полученныхъ имъ, было восемнадцать, изъ которыхъ одна, понавшая между плечми, пропла такъ далеко, что не могли оную найти; почему, излечась, пуля осталась въ немъ, и уже чрезъ долгое время, лѣтъ чрезъ пятнадцать, оказа-

лась гораздо ниже колѣна, въ ногѣ, которую безъ большой боли тотъ же часъ и вынули.

Послѣ всѣхъ понесенныхъ имъ самыхъ трудныхъ и опасныхъ, сопряженныхъ отъ полученныхъ ранъ жестокихъ болѣзней, онъ былъ, въ 1794 году, въ войнѣ противъ Поляковъ, въ которой бодрствовалъ почти безъ отдохновенія, особо когда подъ командою его бывшій генераль-маіоръ Тормасовъ былъ польскими войсками, подъ командою начальника ихъ Костюшки, разбитъ; которое несчастіе нашихъ многіе заключаютъ, что будто произошло отъ нѣкоторыхъ упущеній генерала Денисова. Это мнѣніе совершенно несправедливо, въ чемъ я, какъ самовидецъ, свидѣтельствую по всей истинѣ и ссылаюсь въ справедливости моего показанія на сенатора Михаила Алексѣевича Обрескова. А сіе было такъ.

Генераль Денисовъ, по прибытіи къ корпусу російскихъ войскъ, недалеко отъ Кракова, преслѣдовалъ непріятеля и, узнавъ, что начальникъ ихъ, Костюшка, верстахъ въ десяти отъ Кракова съ корпусомъ войскъ находится въ укрѣпленномъ лагерѣ, рѣшился атаковать его. Онъ раздѣлилъ свой корпусъ, который составлялъ не болѣе 3,500 человѣкъ регулярнаго и два полка (Орловъ и мой, подъ именемъ Денисовъ) донскихъ, на двѣ части. Съ одною самъ пошелъ въ обходъ, въ лѣво; другую часть ввѣрилъ генералу Тормасову, гдѣ и я съ моимъ полкомъ остался. Исполняя должность мою, я приказалъ легкимъ казачьимъ партиямъ скрыто наблюдать непріятельскія движенія. Въ послѣднюю ночь, когда уже генераль Денисовъ оставилъ генерала Тормасова, я долго не получалъ отъ тѣхъ партий донесенія, чѣмъ бывъ сторопленъ, докладывалъ о томъ его превосходительству. На зарѣ же утренней, когда войска становились въ порядокъ и готовились къ маршу, я, не имѣя донесенія отъ моихъ партий, доложилъ о томъ въ другой разъ моему генералу и, считая важнымъ знать о непріятелѣ сколь можно повѣрнѣй, просилъ позволенія: самому—съ малымъ числомъ казаковъ—ѣхать впередъ, а полкъ чтобъ оставался при немъ, на что онъ и согласился. Взявъ человѣкъ шесть, я поскакалъ, а отѣхавъ версты четыре или пять, увидѣлъ въ правой сторонѣ, напротивъ меня, во многомъ числѣ кавалерію, пѣхоту и артилерію. Я тотчасъ доразумѣлъ, что это Костюшка тянется къ Варшавѣ или желаетъ насъ атаковать; до-

несъ тотъ же часъ о всемъ моему генералу и просилъ о присылкѣ моего полка. Съ прибытіемъ ко мнѣ полка, я получилъ приказаніе употребить всевозможныя средства непріятеля остановить; исполняя это, пустился я съ моимъ полкомъ въ передъ непріятельскому, имѣя въ намѣреніи достать хотя одного въ плѣнъ и узнать о предположеніяхъ непріятеля, но вездѣ встрѣчалъ сильнѣйшихъ, осторожныхъ и предпринимающихъ меня атаковать. Бывъ въ такомъ положеніи, я увидѣлъ изъ лоцимъ вышедшихъ нѣсколько эскадроновъ, удаленныхъ отъ своихъ; я въ тотъ же моментъ наскочилъ съ полкомъ на оныя, ударилъ, но былъ отъ нихъ принятъ мужественно. Они ни на шагъ не попустились и сильною пальбою ранили нѣсколько казаковъ, изъ которыхъ чрезъ нѣсколько дней трое умерло, и подъ однимъ офицеромъ убили лошадь, которая, упавъ, придавила его такъ, что нѣсколько человекъ едва могли вынуть и съ большою трудностію увести офицера. Въ самое это время генералъ Тормасовъ былъ уже не далеко отъ меня, послѣшая съ войсками въ непріятельскому передъ и, подойдя къ одной большой лоцинѣ, остановился на высотѣ, а я поставилъ нѣсколько отдѣльно свой—на той же высотѣ—полкъ, приказавъ, гдѣ нужно, дѣлать за непріятелемъ наблюденія, а особо—замѣчать наѣздивковъ и изъ нихъ стараться хотя одного схватить, что и выполнено скоро. Плѣнный очень тяжело раненъ и весьма былъ пьянъ, почему и надо было сомнѣваться въ его показаніи. Впрочемъ, онъ сказалъ, что Костюшка съ намѣреніемъ шелъ на это мѣсто, полагая за выгодное, и тутъ хочетъ дать сраженіе, что я генералу Тормасову самъ и пересказалъ. Тогда онъ позвалъ полковника Муромцева, Михаила Алексѣевича Обрескова, что нынѣ сенаторъ, и меня; пошелъ въ сторону и, отдѣлясь, спрашивалъ порознь, что кто полагаетъ: атаковать-ли ему непріятеля, или иначе? Муромцевъ предложилъ атаковать; Обресковъ сказалъ, что нужно посмотришь его превосходительству назадъ; какъ бы объяснялъ съ чѣмъ, либо генералъ стоялъ задомъ къ своимъ войскамъ и къ непріятелю; я же, бывъ родной племянникъ Денисову и много почитая генерала Тормасова, подъ командою котораго и прежде находился, видя безъ крайней нужды желаніе его—превосходнаго непріятеля въ весьма выгодной позиціи атаковать,—ибо непріятель расположенъ на высотѣ, примкнувъ лѣвый флангъ къ большому и густому лѣсу, а нашимъ войскамъ должно было

переходить через большую долину подъ ядрами, и, подымаясь въ гору, атаковать,— былъ въ большомъ затрудненіи сказать, что это сверхъ силъ. А чтобы генераль не подумалъ, что я прочу, дабы и генераль Денисовъ,— о которомъ въ то время нивакого не имѣлъ я свѣдѣнія,— участвовалъ въ побѣдѣ, почему, найдя средину, доложилъ, что я полагаю за лучшее сблизиться къ непріятелю, сойти внизъ, а когда Денисовъ появится съ другой стороны, какъ и должно быть, и сдѣлаетъ большую непріятелю диверсію, тогда, не дожидаясь Денисова, скорымъ маршемъ наступить на непріятеля. На это генераль отвѣчалъ, «что онъ не хочетъ стоять подъ ядрами», а Муромцевъ сказалъ: «зачѣмъ трусить».

— Дѣло покажетъ, кто трусь; но я не люблю бить непріятеля, ежели не принужденъ навѣрное побѣдить, возразилъ я.

Тутъ генераль привазалъ мнѣ съ полкомъ спуститься внизъ, въ лежащую противъ насъ деревню, близъ которой развѣзжало нѣсколько человекъ изъ непріятельской кавалеріи. Исполняя что и пройдя деревню, я приказалъ казакамъ ударить на разсыпаннаго непріятеля, и за охотниками пустился на рысяхъ и съ остальными. Непріятель, не дожидаясь, бѣжалъ къ своимъ войскамъ, и я остановился, дожидаясь дальнѣйшаго приказанія. Тутъ приказалъ ко мнѣ дежурный маіоръ и объявилъ, что генераль приказалъ мнѣ идти прямо чрезъ лѣсъ, оставя главнаго непріятеля влѣво, и что за мной вслѣдъ пойдетъ подполковникъ Пустоваловъ съ баталіономъ егерей. Я, дойдя до лѣса по дорогѣ, началъ оной проходить и увидѣлъ, что дорога прикрыта небольшимъ отрядомъ кавалеріи, которую скоро и опрокинулъ; а вышедши изъ лѣсу, увидѣлъ въ сторонѣ непріятельскаго центра нѣсколько эскадроновъ, готовыхъ меня атаковать. Въ это время и подполковникъ Пустоваловъ недалеко отъ меня съ баталіономъ былъ; посему, не давая времени къ размышленію непріятелю, я тотъ же часъ ихъ атаковалъ и опрокинулъ,— и бывъ доволенъ тѣмъ, я остановилъ казаковъ и явился къ г. подполковнику, какъ къ старшему, ибо я имѣлъ чинъ премьеръ-маіора. Онъ, похвала мои дѣйствія, открылъ планъ намѣреній своихъ и привазалъ быть съ полкомъ близъ его баталіона; тутъ, устроивши въ линію, потянулся къ непріятелю. Тутъ наскочила на насъ въ превосходныхъ силахъ кавалерія. Я, видя по дѣйствию ея намѣреніе, чтобъ

оторвать казаковъ отъ пѣхоты, просилъ позволенія примкнуть къ своей пѣхотѣ флангомъ, стать лавою противъ непріятеля, на что онъ и согласился, поставя одно орудіе въ помощь казакамъ, обратилъ часть и егерей, а самъ наблюдалъ пѣхоту, которая грозила и его атаковать. Въ такомъ положеніи нашемъ непріятельская кавалерія ударила въ мой полкъ; напротивъ чего и я съ полкомъ пустился въ атаку, и какъ былъ слабъ силами, то менѣе половины захватилъ съ лѣваго флангу, опрокинулъ и погналъ, а остальные, остановясь, стояли твердо на мѣстѣ. Увидя что, я сколько могъ остановилъ часть своихъ и, обскакавъ спереди, атаковалъ и сихъ и весьма по упорному сраженію опрокинулъ. Тутъ я получилъ три саблями раины и очень жестоко въ правую руку, отъ которой и саблю уронилъ, а лошадь, бывшая подо мною, четыре раны въ голову и одну въ крестецъ, отчего и непріятель не былъ преслѣдуемъ. Перевязавъ раны и подвязавъ руку платкомъ, явился я у г. подполковника, который мнѣ сказалъ, что онъ послалъ къ генералу Тормасову просить помочи, и тутъ же указалъ на одну часть кавалеріи, превосходящую прежнюю, сказалъ, что, точно, оная предполагаетъ его атаковать. Въ самую эту минуту получаю я повелѣніе отъ генерала: половину моего полка прислать къ нему; почему и съ позволенія г. подполковника я послалъ часть, а у меня осталось менѣе ста человѣкъ. Въ это время и кавалерія, прежде замѣченная, сближалась; но въ моментъ атаки является къ намъ полковникъ Муромцевъ съ кавалеріею, атаковалъ непріятеля и опрокинулъ, и оставилъ при егеряхъ маіора съ двумя, не болѣе ста человѣкъ итѣющими, эскадронами, а самъ возвратился. Послѣ его скоро атаковала въ три раза сильнѣе насъ пѣхота и скорымъ маршемъ шла, какъ бы хотѣла ударить въ штыки; но сильнымъ дѣйствіемъ артилеріи и пальбою отъ пѣхоты въ самой близкой дистанціи остановлена. Я, взявъ въ команду свою сказанные эскадроны, какъ старшій, приказалъ сикурсировать казаковъ, съ которыми быстро ударилъ во флангъ пѣхоты; а подполковникъ Пустоваловъ съ егерями—въ штыки. Непріятель былъ опрокинутъ: большая часть осталась на мѣстѣ убитыми, и пѣхота наша заняла первую позицію.

Въ это время сильная слышна была пальба у генерала Тормасова и въ главномъ собраніи непріятеля. Я говорю, что слышна

потому, что мы лѣсомъ были такъ раздѣлены, что никакъ одни другихъ не могли видѣть, потому что лѣсъ былъ большой, густой и высокой; но гора, съ которой мы пошли въ атаку, была видна. Послѣ того, и весьма скоро, мы увидѣли, что наши опрокинуты и уже бѣгутъ на оную гору. Тогда-жъ видно было съ противной стороны вдали скачущую кавалерію къ мѣсту сраженія, и хотя мы догадывались, что это долженъ быть казачій Орлова полкъ, но соединиться съ нимъ нельзя было чрезъ непріятеля, да и не было времени, потому что весьма сильная пѣхота тотчасъ опять атаковала насъ, а конница—обскакивала. Тутъ скоро подполковникъ Пустоваловъ былъ убитъ, съ чѣмъ вмѣстѣ и храбрые егеря почти всѣ были побиты, а остальные бѣжали въ лѣсъ. Я, съ малымъ числомъ казаковъ, графя на прежнюю дорогу, то-жъ сдѣлалъ. Сраженіе совершенно было проиграно, артилерія вся досталась непріятелю, а генералъ Денисовъ ее не видѣлъ. При семъ случаѣ за долгъ поставляю сказать, что весьма жаль подполковника, который, отмѣнный по храбрости и любезному обращенію, достоинъ былъ лучшей участи. Я хотя прежде его и не зналъ, но въ такомъ критическомъ положеніи довольно того времени замѣтить свойства человѣка. Непріятель гнался за нами чрезъ весь лѣсъ, но темная ночь раздѣлила насъ тогда.¹⁾ Я распорядился такъ, чтобъ могъ болѣе собрать разсыпанныхъ казаковъ; почему послалъ въ двѣ стороны человѣкъ по пяти команды, приказалъ легкимъ свистомъ съливаться и направлять всѣхъ на гору, гдѣ прежде стояли. Самъ поспѣшилъ впередъ, дабы скорѣй соединиться съ генераломъ, котораго и нашелъ съ небольшимъ числомъ войскъ. Тутъ же я увидѣлъ полку моего маіора Грузинова съ казаками, и тотчасъ отправилъ другія команды для собранія оставшихся въ живыхъ и, ежели гдѣ будетъ можно, забрать раненныхъ; я же явился къ генералу Торماسову и обо всемъ довелъ, который мнѣ сказалъ, что имѣетъ повелѣніе присоединиться къ генералу Денисову, который отъ насъ не далеко. Какъ уже заря начала показываться, мы скоро пошли и соединились, и на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ положено было раздѣльно атаковать непріятеля, остановились. На другой (день) отступили и про-

¹⁾ Денисовъ не указываетъ мѣстности, гдѣ происходило это сраженіе, но, судя по полученнымъ имъ ранамъ, дѣло происходило при Сломникѣ, 24-го марта 1794 года, что согласно со свѣдѣніями формулярнаго списка Денисова. Ред.

стояли не помню сколько дней. Въ третій или четвертый, по разбитіи нашемъ, день, пріѣхалъ я къ генералу Денисову и донесъ о положеніи передовыхъ пикетовъ и что зналъ о неприятелѣ. Тогда оба казаки полка были уже въ моей командѣ. Я нашелъ генерала въ маломъ домикѣ, въ довольно чистой горницѣ, на старой, кожею обитой канапѣ лежащаго, одного, весьма блѣднаго и какъ бы изнеможеннаго или изнуреннаго. Онъ меня спросилъ:

— «Что?» какъ бы хотѣлъ знать, что я думаю.

— Очень худо, отвѣчалъ я.

— «Почему?»

— Потому, что мы разбиты, потеряли много людей и половину артилеріи, а остальные настращены. Стоитъ Костюшкѣ, который имѣетъ вдвое болѣе войска и всѣ способы въ скорости столько же набрать вновь, насъ атаковать.

Генераль Денисовъ привсталъ съ канаве и, возвыся голосъ, сказалъ:

— «Кого? меня? Нѣтъ, онъ не посмѣетъ атаковать меня, или я его въ пухъ разобью. Онъ только смѣло атакуетъ такихъ, какъ ты, трусовъ!»

Къ тому-жъ сдѣлалъ очень вѣроятные доводы, что неприятель легко бы былъ разбитъ, ежели-бъ генераль Тормасовъ, ставъ на удобномъ мѣстѣ, его дождался, и что Костюшко, ежели его атакуетъ, то стоитъ, при храбрости Россіянъ, не обмануться въ выборѣ мѣста—и Костюшко остальными войсками будетъ разбитъ, ежели только его осмѣлится атаковать.

— Въ полѣ одинъ не воинъ,—замѣтилъ я. Почему вы, бывъ такъ опытны и при своей бодрственной душѣ, столько имѣете надежды, что не боитесь вторичнаго пораженія, и полагаете держать въ опасеніи самого неприятеля, а оставили насъ въ уныніи?

— «Войска наши оробѣли», возразилъ на это генераль Денисовъ, «тѣмъ болѣе, что нѣтъ надежды получить помощь, — и всѣ нижніе чины знаютъ о томъ».

Тогда онъ приказалъ мнѣ спѣшить къ своему мѣсту и такъ распорядиться, дабы онъ, въ случаѣ нападенія, непременно за часъ времени бы зналъ. Съ симъ я поскакалъ къ своимъ полкамъ, которые были впереди; отправилъ двѣ легкія партіи дознать—гдѣ неприятель, и при захожденіи солнца возвратился къ нему. Подѣзжая къ лагерю, услышалъ въ разныхъ мѣстахъ ве-

селян пѣсни и музыку; сблизясь къ одному изъ сихъ веселыхъ собраній и видя друзей моихъ, весьма веселыхъ, сошелъ съ лошади и просилъ, чтобъ сказали о причинѣ ихъ радости. Тогда пересказали такъ:

— «Серебряная голова — твой дядюшка», какъ его солдаты всегда и называли, «ходилъ по всему лагерю и, говоря со многими и солдатами, доказывалъ, что онъ еще не то, что не боится Костюшки, но надѣется его разбить, взять въ плѣнъ и доставить въ Петербургъ».

— «Сверзаль-де глазами, какъ бы уже это и сдѣлалъ, чему мы-де повѣрили и, смѣясь одинъ другому, что унывали, сдѣлались веселы, пьемъ и играемъ».

Описавъ нѣсколько дѣяній сего почтеннаго моего дяди, скажу не къ умноженію его славы, какъ ближняго родственника, но по сущей справедливости, что былъ герой неустрашимый, дѣятельности чудной и таковой домостроитель, что хорошимъ хозяевамъ быть могъ мудрымъ наставникомъ. Въ доказательство сего могу поставить на видъ, что онъ отъ отца получилъ не болѣе пяти семей крестьянъ и хоропія стада лошадей, скота и овецъ, а наслѣдникамъ своимъ оставилъ 7,000 крестьянъ, въ лучшемъ состояніи. Многіе разумѣли его скупымъ, но весьма ошибались; онъ былъ только расцетливъ, и сему причина была та, что крестьянъ своихъ старался обогатить и заслужить ихъ любовь, въ чемъ и успѣлъ. Я видѣлъ многихъ постороннихъ крестьянъ, приходившихъ къ нему съ просьбою, чтобъ онъ ихъ купилъ, потому, что они слышать о немъ, какъ о добромъ господинѣ, отъ его крестьянъ;— одни дали ему сами 60 тысячъ рублей для того, чтобъ ихъ купить, что онъ и сдѣлалъ. Супруга его (козачка Марина Чернозубова) была весьма набожная и столько для добра раздавала денегъ, что онъ весьма мало изъ экономіи получалъ, а въ концѣ родному брату, отцу моему, котораго онъ очень уважалъ, съ жалобою сказалъ, что онъ отдалъ женѣ своей 12 или 15 тысячъ червонныхъ, а она не отдаетъ ему оныхъ и не хочетъ сказать, гдѣ они или куда употребила. По смерти ея, денегъ сихъ не оказалось. Впрочемъ, она была отмѣнно воздержна, вела себя тихо и мирно и всю жизнь провела въ Пятизбжанской станицѣ, гдѣ и онъ окончилъ дни свои натуральною смертію и тѣло его донинѣ поκειται тамъ. Въ чинѣ генерала отъ кавалеріи, имѣлъ ордена

св. Александра Невскаго, второй степени св. Георгія и св. Владимира, прусскаго Краснаго Орла, польскаго Станислава, графское достоинство, двѣ богато-украшенныя алмазами сабли; получилъ отъ великой монархини Еватерины 1,700 душъ крестьянъ и богатое брилліантовое украшеніе для жены его.

Онъ имѣлъ трехъ братьевъ; изъ нихъ одинъ полковникомъ, а два генералами были. Я происхожу отъ одного изъ послѣднихъ. Отецъ мой, также бывъ воспитанъ, въ такіе же годы женился, а поступя въ число военныхъ, былъ помѣщенъ въ Атаманской полкъ, былъ ближнимъ къ атаманамъ—отцу и сыну Ефремовымъ; но всѣ милости ихъ не болѣе значили, какъ что имѣли его близъ и по надобностямъ часто посылали за курьера въ Москву и въ Петербургъ. Съ первымъ Ефремовымъ онъ былъ въ Семилѣтнюю Прусскую войну, часто въ походахъ выбираемъ былъ въ кругъ отъ казаковъ въ чинъ есаула, а по возвращеніи оставался казакомъ, по тогдашнему въ Донскомъ войскѣ положенію, и уже въ 1763 или 1764 г. пожалованъ въ чинъ войсковаго старшины. Онъ былъ съ 3-хъ сотенною командою противъ Крымскихъ Татаръ и съ полкомъ противъ Пугача, при преслѣдованіи его и до искорененія всѣхъ его приверженцевъ и изловленія самаго Пугача, за что произведенъ въ прѣмьеръ-майоры. Послѣ былъ съ полкомъ въ Петербургъ, для разъѣздовъ и преслѣдованія разбойниковъ, гдѣ получилъ чинъ подполковника; былъ въ Турецкой войнѣ подъ командою фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго и на Кубани и во многихъ сраженіяхъ. Часто употреблялся по внутренности войска Донскаго по судебнымъ дѣламъ, былъ членомъ войсковой канцеляріи, достигъ до генераль-майорскаго чина и имѣлъ орденъ первой степени св. Анны. Въ бытность войсковаго атамана въ походѣ, командовалъ войскомъ донскимъ въ достоинствѣ наказнаго атамана войска Донскаго и уже въ глубокой старости, по прошенію, былъ отставленъ тѣмъ же чиномъ. Отецъ мой, по волѣ Ефремова, перешелъ на жительство изъ Пятизбянской въ Нижнюю Чирскую станицу, гдѣ и дни свои окончилъ.

Изъ сей Денисовой фамиліи, во время, когда немного изъ донскихъ армейскіе имѣли чины, двоюродный дядя мой былъ въ чинѣ бригадира и 3-й степени св. Владимира имѣлъ орденъ; многіе чиновники фамиліи Денисовой имѣли разныя отличія, какъ-то:

золотыя сабли и медали съ надписью: «за храбрость», а по другимъ отличіямъ жалованные ковши. Въ исходѣ прошедшаго (XVIII) столѣтія, сей фамиліи въ одно время живыхъ было восемь генераловъ. Сей фамиліи (члены) столь любили славу героевъ, что всегда считали лучшимъ умирать, не бывъ въ отставкѣ, и даже пренебрегали богатство, не искали удѣльной земли, а оставались довольными размноженіемъ конскихъ заводовъ на общихъ земляхъ и таковомъ же правѣ.

И такъ, описавъ исторію моей фамиліи, сколько мнѣ совершенно можно было дознать, не прибавляя ни одного слова, а все то, что есть вѣрно и справедливо, не рѣшился даже объяснить и того, что мой родъ гораздо далѣе, нежели я описываю, существовалъ въ Донскомъ войскѣ и былъ въ большомъ у казаковъ уваженіи, такъ какъ не нашелъ письменныхъ документовъ.

Предложу благосклонному читателю собственно мою исторію, по всей справедливости, какъ старикъ, отставленный отъ всякой службы, удаленный случаемъ и слабостію здоровья отъ всего блестящаго; живущій въ имѣніи, собственно мною пріобрѣтенномъ, населенномъ на дикой степи и устроенномъ, и оставившій уже всѣ честолюбивые помыслы, такъ что ничто уже не прельщаетъ меня, кромѣ попеченія о воспитаніи двухъ внуковъ и одного внука.

Прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о жизни, походахъ и административной дѣятельности Андрияна Карповича Денисова, представляемъ здѣсь роковое его фамиліи (стр. 21).

Ред.

III.

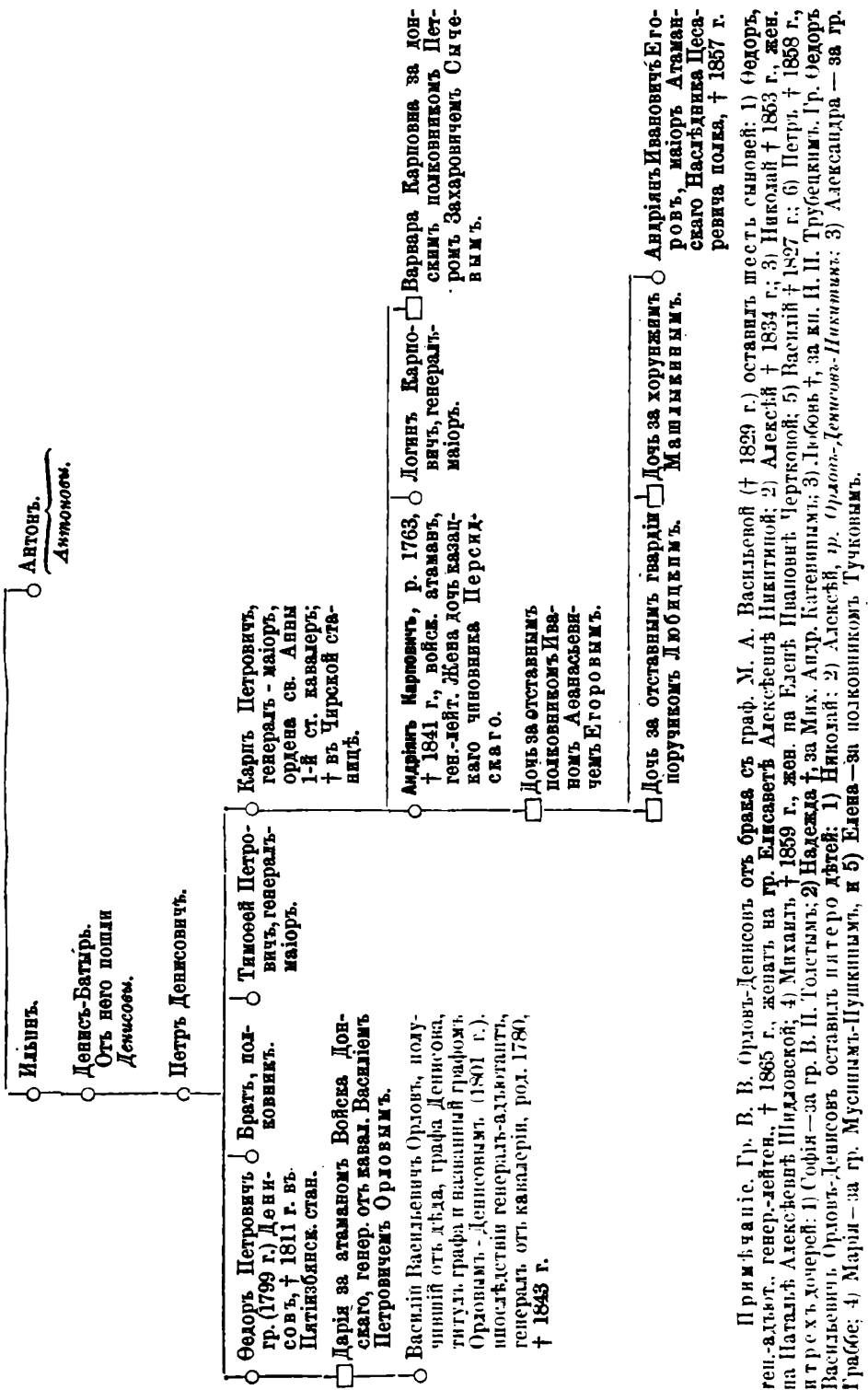
Рожденіе и воспитаніе А. К. Денисова.—Поѣздка его въ Москву и Рязань.—Походъ въ Крымъ, на Турецкую границу и въ Петербургъ.—Женитьба.

«Я родился, какъ въ началѣ исторіи сей видно, въ Пятизбянско́й станицѣ, въ 1763 г.¹⁾ По седьмому году перевезенъ былъ въ Нижнюю Чирскую, въ которой съ родителями моими и остался на всегда. Меня еще въ прежней станицѣ начали учить азбукѣ,

¹⁾ Предъ этимъ годомъ въ Запискахъ поставлена запятая, а послѣ слова: году никакого знака нѣтъ и по начинается съ маленькой буквы, такъ что можно полагать, что Денисовъ въ этомъ году переѣхалъ въ Чирскую станицу семъ лѣтъ, а родился раньше. Между тѣмъ въ формулярномъ его спискѣ за 1818 г. ему показано 54 г., слѣдовательно, 1763 г. нужно принять за годъ его рожденія.

Ред.

РОДОСЛОВІЕ ДЕНИСОВЫХЪ.

Примѣчаніе. Гр. В. В. Орловъ-Денисовъ отъ брака съ граф. М. А. Васильевой († 1829 г.) оставилъ шесть сыновей: 1) Федоръ, ген.-адъют. генер.-лейтен., † 1865 г., женатъ на гр. Елисаветѣ Алексеевнѣ Икитиной; 2) Алексѣй † 1834 г.; 3) Николай † 1863 г., жен. на Наталѣ Алексеевнѣ Шидловской; 4) Михаилъ † 1859 г., жен. на Елизаветѣ Ивановнѣ Чертокной; 5) Василий † 1827 г.; 6) Петръ † 1858 г., въ рохъ дочерей: 1) Софія — за гр. В. П. Толстымъ; 2) Надежда †, за Мих. Андр. Катенинымъ; 3) Любовь †, за кн. П. П. Трубецкимъ. Гр. Федоръ Васильевичъ Орловъ-Денисовъ оставилъ пятеро дѣтей: 1) Николай; 2) Алексѣй, гр. Орловъ-Денисовъ-Икитинъ; 3) Александръ — за гр. Грабесъ; 4) Марія — за гр. Мусиними-Пушкинымъ, и 5) Елена — за полковникомъ Тучковымъ.

послѣ—часовнику и псалтырю; но, не выуча послѣдняго всего, а посему писать еще и не начиналъ, какъ, на двѣнадцатомъ году, отцомъ моимъ, по случаю съ полкомъ похода, взять былъ въ Петербургъ. Малый успѣхъ въ моемъ ученіи—не знаю къ чему приписать, но помню, что въ это время жизни моей я страдалъ близъ четырехъ годовъ сряду сильною лихорадкой и долго не имѣлъ полного здоровья. Мы выступили съ Дона осенью и захватили часть зимы; холода были жестоки, но мнѣ вѣрно было ѣхать на лошади верхомъ, и я до С.-Петербурга на семь экипажѣ достигъ. Слѣдуя къ С.-Петербургу, началъ въ полевой канцеляріи учиться писать подъ смотрѣніемъ благоразумнаго офицера, что нынѣ генераль-маіоръ, Черевкова. По прибытіи въ С.-Петербургъ, по нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отданъ былъ въ Невскій монастырь къ учителю (который въ семинаріи училъ не помню чему) что-бъ онъ обучалъ меня нѣмецкому языку и по-россійски; у котораго въ домѣ я пробылъ небольшое время, былъ взятъ и отданъ въ пансіонъ, бывшій на Садовой улицѣ, въ домѣ г. Турчанинова, къ учителю Іосифу Жоли, гдѣ я пробылъ, какъ могу припомнить, съ небольшимъ годъ. По вспыльчивому характеру учителя и по совѣту пріятелей отца моего, переведенъ въ таковой же пансіонъ, находящійся на Петербургской сторонѣ, къ содержателю онаго г. Масону, гдѣ я также съ годъ или нѣсколько болѣе учился. И весьма благодарнымъ остаюсь сему почтенному наставнику: его мудрыя внушенія остались въ памяти моей вѣчно. Тутъ я много успѣлъ въ ариметикѣ и, пройдя кубы и квадраты, просилъ у родителя моего позволенія начать геометрію; на что сказалъ—какъ онъ не знаетъ сей науки, то спросить у пріятелей своихъ. Послѣ сего я скоро былъ взятъ изъ пансіона и остался при отцѣ своемъ, научась нѣсколько французскому языку и не болѣе, какъ переводилъ вакабулы, главныя части географіи, вкратцѣ священную исторію, умѣлъ изрядно по-русски читать и писать, а по-французски не болѣе, какъ писать, съ копировки, и читать не умѣя. Я былъ произведенъ уже въ чинъ поручика, за который князя Потемкина благодарилъ письмомъ по-французски, мною самимъ писаннымъ.¹⁾

¹⁾ Въ формулярномъ спискѣ А. К. Денисова за 1818 г. значится: «россійской грамотѣ, по-французски читать и писать и часть математики знаетъ»
Ред.

«Родитель мой, взявъ меня изъ пансіона, не переставалъ имѣть попеченіе о моемъ образованіи, не отлучалъ меня съ глазъ своихъ и наблюдалъ, дабы я занимался всегда чтеніемъ книгъ и писаніемъ. Но, въ несчастію, не зная наукъ и не имѣя собственной бібліотеки, онъ находилъ книги чрезъ офицеровъ своихъ, по городу С.-Петербургу съ командами стоявшихъ; а сіи, меньше того разумѣя достоинство книгъ, присылали ко мнѣ большею частью романы, наполненные негодными прелестями, которые тѣмъ охотнѣе я читалъ. Но хорошая жизнь отца моего, съ благородною строгостію, и истинное богопочитаніе, были весьма полезны мнѣ и вселили въ сердце мое сіи правила столь крѣпко, что оныя всегда остались закономъ моимъ. Я всегда долженъ былъ съ отцомъ моимъ являться въ его начальникамъ и во дворцѣ, и очень рѣдко въ театрѣ; другихъ же собраній вовсе я не видѣлъ».¹⁾

Въ исходѣ 1780 г., отецъ съ сыномъ возвратились на Донъ, гдѣ послѣдній занимался охотою, рыбною ловлею и хозяйствомъ. Имѣніе отца составителя Записокъ, Карпа Петровича, заключалось въ рогатомъ скотѣ, конскихъ табунахъ и водяныхъ мельницахъ; крестьянъ всего было до 200 душъ.

«Тутъ долженъ сказать истину», говоритъ Андріянъ Карповичъ Денисовъ, «что я имѣлъ всю свободу дѣйствовать самопроизвольно, но благодаря Всевышняго—внушенныя мнѣ родителемъ правила не оставляли путеводительствовать меня, а строгость отца моего, который не переставалъ наблюдать мои шаги, поддерживала оныя. Я долженъ былъ всегда доносить ему подробно о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ».

Отъ скуки молодой Денисовъ съѣздилъ посмотрѣть на житіе Калмыковъ. По возвращеніи, родители начали ему совѣтовать жениться, но онъ, «не зная обязанностей мужа и жизни супруговъ», просилъ времени на размышленіе. Про это узналъ дядя, гр. Федоръ Петровичъ Денисовъ, и далъ совѣтъ искать невѣсту «въ Россіи»,²⁾ съ чѣмъ согласились и родители Андріана Карповича. Съ письмами перваго и родительскимъ благословеніемъ отправился

¹⁾ Изъ формулярнаго списка оказывается, что Денисовъ поступилъ на службу казаконъ 13-ти лѣтъ, 1-го августа 1776 г.; пожалованъ есауломъ 14-ти лѣтъ, 12-го апрѣля 1777 г.; произведенъ въ поручики 17-ти лѣтъ, 2-го мая 1780 г.

²⁾ Т. е., въ предѣлахъ Донской земли, въ губерніяхъ.

молодой Денисовъ въ Москву въ сопровожденіи казака Кочетовской станицы, Игната Харламова, известнаго отцу своимъ благоразуміемъ и добрымъ поведеніемъ и заслужившаго отъ сына довѣренность и уваженіе.

«По прїѣздѣ въ Москву, я нашелъ одного, довольно богатаго и очень хорошо живущаго господина, въ которому имѣлъ письмо, почему и явился въ нему съ онимъ. Я весьма ласково былъ принятъ и, сколь помню, на другой день прошенъ на обѣдъ, что я и выполнилъ. Тутъ былъ я рекомендованъ г-жѣ дома и тремъ ихъ дочерямъ, которыя всѣ меня довольно обласкали, а дѣвицы хотя со всею вѣжливостію, говоря по-французски, довольно надо мной подшучивали: вѣрно не знали, что я могу ихъ разумѣть. Ободрясь симъ и какъ вторая дочь весьма мнѣ полюбилась, то и осмѣлился ее сватать чрезъ письмо, но не знаю точно резона, только отказа не долго дожидался. Тогда я, соображая и состояніе, и мѣсто моего жилища, разсудилъ, что такъ и въ Москвѣ свататься не есть мудрое дѣло, возвратился и поѣхалъ въ Рязань, гдѣ должно было мнѣ найти прежде отцомъ моимъ купленныхъ крестьянъ и отправить на Донъ».

«Въ Москвѣ я былъ два или три раза въ театрѣ, гдѣ (были) знатные господа, какъ я заключаю по высокимъ орденамъ, которые на нихъ видны были. Узнавъ, что я Денисовъ, весьма меня обласкали, а нѣкоторые просили, чтобъ я былъ у нихъ—и даже на обѣдахъ.

«Былъ я у графа Петра Ивановича Панина съ почтеніемъ, которому прежде я былъ отцомъ моимъ откомендованъ лично. Сей великой мужъ также обласкалъ меня и далъ наставленіе искать счастья въ военномъ ремеслѣ по примѣру моихъ предковъ».

«Прїѣхавъ въ Рязань, я остановился на нѣсколько дней, и въ одинъ, ходя вечеромъ по городу, увидѣлъ въ низкомъ деревянномъ, довольно изрядномъ домѣ, много лицъ, смотрящихъ въ окна; спросилъ—чей домъ этотъ, на что отвѣчали, что это трактиръ, въ который вошелъ и нашелъ въ одной просторной горницѣ играю-трактирщику бутылки двѣ или три прислать шампанскаго. Пошли. Намъ скоро казакъ приготовилъ чай. Они назвались на пуншъ, что также было сдѣлано. По рекомендаціи и просьбѣ гостей выпилъ и я одну чашу, которую услужливые гости сами составляли.

щихъ на биллиардѣ. И какъ я сію игру мало видѣлъ и совершенно не зналъ играть на ономъ, крайне удивился ловкости играющихъ, особливо одного высокаго роста, прекрасной талии и хорошаго лицомъ, почему смотрѣлъ на нихъ съ большимъ любопытствомъ. Съигравши партію, тотъ, который казался мнѣ отличнымъ, подошелъ ко мнѣ и довольно учтиво спросилъ: «не Донскихъ-ли я казаковъ?» и какъ я ему отвѣчалъ, что онъ не обманулся, онъ началъ себя рекомендовать, и что онъ удовольствіемъ поставитъ, буде найдетъ, моей дружбы, называя себя княземъ, не помню чьей фамиліи. Тутъ же рекомендовалъ мнѣ роднаго своего брата, который походилъ на него видомъ, но казался гораздо скромнѣй. Я, по молодости и неопытности, отвѣчалъ со всею учтивостію, что съ большимъ удовольствіемъ буду стараться заслужить ихъ расположенность. Онъ предложилъ тутъ же сыграть съ нимъ партію, но я просто и прямо отвѣчалъ, что не умѣю. Но какъ сильно былъ упрасиваемъ на первый случай, хотя мазомъ сдѣлать ему удовольствіе на небольшой партіи, то я и рѣшился. Онъ началъ швырять во всѣ стороны шары, а меня хотя многіе учили, но совсѣмъ тѣмъ я едва двигать могъ шары, но выигралъ партію и дюжину бутылокъ англискаго пива, которое трактирщикъ со многими поклонами тогчасъ и представилъ ко мнѣ. Видя сіе, я началъ понимать, что надо тутъ быть поосторожнѣе, и какъ совершенно не пилъ крѣпкихъ напитковъ, то и просилъ все именитое собраніе выпить за здоровье его сіятельства, который такъ скоро выучилъ меня играть на биллиардѣ. Просьбу мою съ удовольствіемъ приняли и очень скоро бутылки остались порожними. На другую партію я съ твердостію отказался. Тогда мой знакомый князь просилъ меня на чай въ особую горницу и какъ я не переставалъ искать его дружбы, то и согласился; но вмѣсто чая меня начали подчивать грентвейномъ, увѣряя, что въ ономъ нѣтъ крѣпкихъ напитковъ. Отвѣдавши, нашелъ оный очень пріятнымъ, и, помнится, два стакана выпилъ, и неразумѣя причины, сдѣлался не чувствительно веселѣй. Мнѣ пришло въ голову, что должно взаимно его и брата, который съ нами тутъ же былъ, да еще одинъ изъ друзей, подчивать, почему и при сихъ, однако-жъ только трехъ, я предварилъ, чтобъ онъ болѣе друзей своихъ не приглашалъ, ставя въ резонъ, что у меня квартира въ одной и очень малой горницѣ. Они охотно согласились, а я приказалъ

Гостей зачало умножаться подъ именемъ друзей и родственниковъ князей; дошла очередь и до шампанскаго. Надо было требовать сигурсу и я сдѣлался такъ пьянъ, что лишился памяти. Дорогой мой князь просить въ эту минуту у меня денегъ тысячу или двѣ рублей взаймы, на нѣсколько часовъ, которыя я ему и общалъ; но влючь отъ сундука, по счастью, былъ у храбраго моего путевода, который, видя меня въ такомъ положеніи, началъ прятаться. И какъ не нашли его скоро, то я, потерявъ память и силы, упалъ на мою кровать и уснулъ. Казакъ, притаившись, неотлучно былъ въ боковой горницѣ, за стѣной, а когда услышалъ стужъ, то вошелъ въ горницу мою и видитъ, что стараются у сундука сломать замокъ и что я сплю. Онъ показавъ себя, что хозяинъ и герой неустрашимый, сталъ грозить, что онъ сдѣлаетъ тревогу, и тѣмъ разогналъ досужихъ моихъ гостей. Проснувшись на другой день и узнавъ болѣе отъ моего наставника о всемъ, весьма былъ опечаленъ и съ истиннымъ раскаяніемъ просилъ у него извиненія. Тогда онъ представилъ мнѣ всю опасность, ежели бы я далъ въ займы чужія деньги, ибо у меня было пять или шесть тысячъ рублей, данныхъ изъ вотчинъ графа Денисова для доставленія къ нему».

Дѣло это тѣмъ еще не кончилось: вскорѣ прибыли къ Денисову полицейскіе офицеры съ приказаніемъ—немедленно явиться въ полицію. Оказалось, что ночью, по выходѣ отъ Денисова, князя и прочіе гости возвратились въ трактиру и требовали впустить ихъ; но когда трактирщикъ не исполнилъ ихъ требованія, то они именемъ Денисова перебили всѣ окна. Молодой человекъ разсказалъ всю исторію прошедшей ночи, увѣряя, что не выходилъ изъ квартиры, и просилъ защиты. Опасаясь, чтобы дѣло не дошло до намѣстника, Михаила Ѳедотовича Каменскаго, у котораго, по пріѣздѣ въ Рязань, Денисовъ былъ «съ почтеніемъ, обласканъ имъ и приглашенъ въ обѣду», онъ немедленно нанялъ ямщика и ускакалъ въ Аренбургъ (Раненбургъ, уѣз. гор.), гдѣ принялъ нѣсколько крестьянскихъ семействъ, купленныхъ его отцомъ.

«Изъ шести или семи семей, слѣдуемыхъ отцу моему, разсказываетъ Денисовъ: «слѣдуемыхъ по законной купчей, получилъ я двѣ и то очень старыхъ: мужика съ сыномъ, другаго—съ женою и дочерью, третьяго—малоумнаго, у котораго жена съ двумя

взрослыми дочерьми, а другія (семья) будто бѣжали неизвѣстно куда. Я хотѣлъ ихъ отыскивать, но одинъ изъ тамошнихъ дворянъ открылъ мнѣ, что издержки и труды мои будутъ напрасны; что наши люди тутъ же, но скрыты родственниками продавщицы и что «вамъ, какъ постороннему человѣку, никто о томъ не скажетъ».

По возвращеніи на Донъ, Денисовъ отправился въ Черкасскъ, навѣстить больную сестру.

«Я въ городѣ Черкасскѣ прежде былъ только одинъ разъ и то на короткое время. Въ теперешній случай являлся съ почтеніемъ у г. атамана Иловайскаго и былъ имъ обласканъ и приглашенъ къ обѣду; познакомился со многими фамиліями, имѣлъ случай быть въ большихъ собраніяхъ. Мнѣ странно показалось, что наши дѣвицы прекрасно танцовали и любезны въ обхожденіи при ихъ натуральной красотѣ. Столько былъ я удивленъ, что самъ чувствовалъ мою застѣнчивость».

Въ 1783 году наряжались четыре казачьи полка для отправленія въ Крымъ. Андріянъ Карповичъ съ роднымъ братомъ попали въ полкъ роднаго своего дяди, маіора Тимофея Петровича Денисова. Отецъ снабдилъ ихъ прекрасными лошадьми и всѣмъ нужнымъ; «денегъ пожаловалъ по 30 только рублей, и ни одного не далъ слуги, сказавъ, что онъ, начавъ служить, отъ отца своего и сего не получалъ». Отправляя дѣтей, мать лишилась чувствъ, «но отецъ мужественно скрылъ скорбь въ своей груди и никогда незабвенна, благословляя, сказалъ слова: «будьте храбры и честны всегда; тогда въ счастіи или въ несчастіи приму васъ въ домъ свой и все съ вами раздѣлю, а въ противномъ случаѣ—не пуцу и во дворъ и съ поношеніемъ отъ онаго прогону».

Изъ Черкасска казачій отрядъ тронулся въ Крымъ подъ начальствомъ походнаго атамана полковника Денисова (Федора Петровича). У Конскихъ водъ Андріянъ Карповичъ посланъ былъ въ Карасу-Базаръ, къ дядѣ съ депешами; скакалъ болѣе сутокъ, перемѣняя лишь на почтѣ лошадей и не взявъ своего сѣдла. «Вошедъ къ палатку къ нему, подаль бумаги, и какъ весьма ослабѣлъ и чувствовалъ въ груди большую боль, то прислонился къ дереву. Галстукъ у меня развязался и половина его висѣла,

а у сабли переломились ножны и большая часть оныхъ была потеряна, чего, бывъ въ такомъ положеніи, не осмотрѣлъ. Но мой дядюшка тотчасъ увидѣлъ и за все сдѣлалъ мнѣ выговоръ. Потребовалъ лошадь и поѣхалъ къ князю».

По возвращеніи отъ князя Потемкина, атаманъ Денисовъ не далъ племяннику отдохнуть и немедленно отправилъ его къ полкамъ съ депешами, съ тѣмъ, чтобы онъ «пріѣхалъ къ полкамъ прежде князя, который на тотъ же день полагалъ въ Брестъ выѣхать». Признаюсь откровенно, что я заплакалъ и выговорилъ слова псалмиста къ престоющимъ: «не надѣйтесь на князи, ни на сыны человѣческія», положилъ бумаги въ сумку, булку въ карманъ, сѣлъ на почтовую лошадь и поспекалъ».

Въ Бреславлѣ князь Потемкинъ сдѣлалъ распоряженіе о направленіи трехъ казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ назначеннаго имъ походнымъ атаманомъ Тимофея Денисова, въ корпусъ графа Ивана Петровича Салтыкова, стоявшаго на турецкой границѣ, въ Немировѣ. Денисовъ отправленъ впередъ. «Я былъ милостиво принятъ кн. Потемкинымъ и велѣно мнѣ было быть за общимъ съ нимъ столомъ. Послѣ, на другой или на третій день, былъ, по волѣ его, въ большомъ собраніи у него-жь. Въ одинъ случай сказалъ лично, что назначаюсь я, ежели откроется война, въ число партизановъ, чѣмъ былъ очень обрадованъ».

Съ Турками никакихъ дѣйствій не происходило. «Весною (1784 г.) вся армія Россійская возвратилась и намъ велѣно было слѣдовать въ дома. Мы дошли до Днѣпра и у Кайданъ готовились переправляться. Тогда получили повелѣніе отъ князя Потемкина слѣдовать въ Петербургу. Лѣтомъ не положено казачьимъ лошадямъ фуража, то и довольствовались оныхъ подножнымъ кормомъ. И до того лошади были доведены, что едва могли ходить, и самые казаки достойны были великаго сожалѣнія, потому что, жалѣя лошадей, издержали всѣ деньги, а другіе у богатѣйшихъ занимали, и многіе продали серебряныя патронницы».

Изъ Старой Русы Денисовъ посланъ былъ въ Петербургъ къ кн. Потемкину, съ донесеніемъ и ходатайствомъ о выдачѣ фуража. Въ Татчинѣ казачьи поля получили извѣстіе, «что ея величество жалуетъ каждому казаку зеленаго солдатскаго сукна на чекмень по образцу казачьему». Съ еквартиръ подъ Пулковымъ полемъ Ти-

моея Денисова вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для развѣздовъ по окрестностямъ столицы,¹⁾ а молодой Денисовъ назначенъ на ординарца къ князю Потемкину, чѣмъ очень тяготился и выпросилъ увольненіе отъ этой обязанности. «Декабря 31-го (1784 г.) получилъ я чинъ войска Донскаго старшины, а какъ сей чинъ не имѣлъ мѣста въ донскомъ казачьемъ полку, гдѣ уже есть полковой командиръ, и служить на 50-ти-рублевомъ жалованьи, казовое тогда мы получали, совершенно невозможно было, почему и просился въ домъ, и скоро, получа увольненіе, отправился на почтовыхъ и пріѣхалъ къ моимъ родителямъ благополучно».

«Скоро послѣ сего узналъ я отъ родителей моихъ, что въ казачьемъ городкѣ Дубовкѣ, при Волгѣ рѣвѣ состоящемъ, есть хорошая у одного войскаго казачьяго чиновника Персидскаго, довольно богатаго, дочь; что она единственная его наслѣдница. И какъ съ большою похвалою мои родители объ ней относились, но лично ее не знали, а только по слуху, такъ разумѣли и совѣтовали мнѣ ѣхать и свататься. Такихъ резоновъ довольно для того было, чтобъ я рѣшился. Согласясь на сіе, они отправили меня въ одному родственнику, прося его письмомъ, чтобъ онъ поѣхалъ со мною и былъ бы моимъ путеводителемъ. На что онъ охотно и согласился.

«Пріѣхали въ сказанный городокъ, гдѣ жилъ не богатый другой близкій намъ родственникъ, у котораго мы и остановились. А когда открыли ему свое намѣреніе, то онъ съ женою своею наговорили кучу отличій о сей дѣвицѣ, а богатство увеличили вдесятеро, чѣмъ болѣе меня, не выдащаго ее, ускорили свататься.

«На другой и третій день я былъ съ почтеніемъ у тамошнихъ господъ, которые почти всѣ одной фамиліи—Персидскovy и ближніе родственники. Также былъ и въ домѣ моего предмета. Я видѣлъ и дѣвицу съ подругою и близкою родственницею, которая была мила и ловка, но не богата. Предметъ же мой со всѣмъ противныхъ показался мнѣ свойствъ, но богатство кружило мою голову!

«Я ее еще видѣлъ и не больше прежняго влюбился. Зачали мы съ моимъ менторомъ совѣтоваться. Онъ сказалъ, что съ человѣ-

¹⁾ Полкъ прибылъ въ столицу 14-го сентября 1784 г.

комъ вѣчно жить, а не съ богатствомъ; но я, какъ уже сказалъ выше, хотѣлъ богатства, рѣшился свататься, а потому покорнѣйше просилъ моего дядюшку идти и сватать.

«Онъ уважилъ мое настояніе и исполнилъ. А по возвращеніи, сказалъ, что былъ очень ласково принятъ и что просилъ отецъ невѣсты дня на два или на три, отсрочки. Дѣло кончено и я сдѣлался совершеннымъ женихомъ. Насъ обручили въ присутствіи священника, который и благословилъ при свидѣтеляхъ—многихъ ея родственникахъ. Совершеніе свадьбы отложили на нѣсколько недѣль.

«Погостя у милой моей немного, поѣхалъ съ донесеніемъ къ моимъ родителямъ. Они очень были обрадованы, а я сталъ что-то задумываться; иногда приходило въ мысль, что я моею будущею женою не буду счастливъ. И какъ невѣста моя не далѣе ста пятидесяти верстъ отъ моего дома находилась, то я, взявъ отъ родителей позволеніе, ѣздилъ къ ней и возвратился съ тѣмъ же уныніемъ. И вѣрно по молодости и не знаячи супружескихъ удовольствій и несчастій, молчалъ.

«Срокъ окончанію дѣла приближался. Родители мои собирались сколько могли лучше, что меня нѣсколько утѣшило, и мы съ ближайшими родственниками отправились.

«Такое собраніе и какъ дѣлалось все сіе для меня, къ тому-жъ родители мои наставляли часто меня будущей жизни, а молодые шутками совершенно удалили меня отъ задумчивости. По пріѣздѣ въ Дубовку городокъ, сперва визиты насъ занимали, а послѣ обѣды, и съ тѣмъ насталъ день совершенія свадьбы. Невѣста моя не сдѣлалась розою въ моихъ глазахъ, да что-то показывалась не съ лучшею веселостью. Въ назначенный день къ церкви Божіей и по окончаніи вѣнчанія, мы ѣхали, для тамошняго края, великолѣпно: экипажей шесть или восемь составляли нашъ поѣздъ. Въ тотъ же день былъ у родителей моихъ большой обѣдъ. Пированія продолжались дней шесть сряду. Мы пробыли дней десять или двѣнадцать и затѣмъ поѣхали съ моею супругою къ себѣ, распростаясь съ новыми родственниками дружелюбно. Я съ женою получили отъ ея отца умиленное благословеніе, но ничего того, чего я желалъ, какъ только увѣреніе, что все его имѣніе достанется намъ. Признаюсь, что это меня ни огорчило, ни опечалило.

«Мы благополучно до дома доѣхали, кромѣ малаго происшествія, которое показало мнѣ, неопытному, великую догадливость казаковъ. Замужняя сестра моя была съ двумя дочерьми съ нами и имѣла прекрасную четверомѣстную карету, подъ которой, среди обширной степи, въ дребезги изломалось заднее колесо. Въ столь пустыхъ мѣстахъ всѣ судили оставить карету и какъ-нибудь размѣститься. Отецъ мой поѣхалъ, по повелѣнію войсковаго атамана, въ другія станицы, совсѣмъ въ противную сторону; два казака, бывшіе съ нами прежде, за нѣсколько часовъ испросясь, поѣхали на одинъ, въ сторонѣ находящійся, хуторъ повидаться съ родственниками. Мы должны были ихъ дожидаться, дабы одного съ нашими людьми при каретѣ оставить. По возвращеніи казаковъ, одинъ изъ нихъ тотчасъ вспомнилъ, что на этой степи часто бываетъ стадо овецъ нашего одного родственника и при нихъ татарская, съ большими колесами, арба или телѣга. Тогда и просилъ ихъ ѣхать, найти и, конечно, доставить оную къ намъ. Они пустились въ разныя стороны и колеса прежде ночи были у насъ. Надо было переменить оба заднія колеса, потому что доставленные гораздо были выше; но все это не остановило казаковъ: во всѣхъ мѣстахъ дали имъ крѣпость, вмѣсто желѣза, веревками, такъ что верстъ семьдесятъ безъ нужды проѣхали.»

«Когда мы прибыли въ домъ, посѣтили насъ родственники и нѣсколько дней мы попиروвали съ ними. Послѣ стали думать жить по прежнему. Бывшіе съ нами родственники поѣхали по домамъ, а я съ моею молодою супругою остался при почтеннѣйшей, любезнѣйшей и благоразумной матери и съ двѣнадцатилѣтней сестрою.»

«Я увидѣлъ, хотя не все, но что я несчастливъ. Жена моя сдѣлалась угрюма и не весела, рѣдко оставляла постель и всегда жаловалась на ознобъ, какъ бы признаки лихорадки. Она открылась, что нѣсколько годовъ страдаетъ однимъ женщинамъ свойственною болѣзнію, которую и теперь она чувствуетъ. Докторовъ у насъ нѣтъ и мнѣ осталось горевать; тѣмъ болѣе, что она такъ была упряма, что едва что-либо можно изъ положенія ея переменить. Она не переѣхала въ лучшее и, по рожденіи дочери, продолжала быть упрямою, ничѣмъ не занималась, кромѣ дитяти, и то не по-людски; кое-какъ одѣвалась, но болѣе лежала и ѣла, и даже сдѣлалась неупросимою ѣхать въ близко-живущему

деварю. Тогда вспоминалъ я часто, какъ надо бы было быть осмотрительну въ выборѣ невѣсты, но поздно».

«Я рѣшился рѣдко бывать въ ея горницахъ, что она скоро замѣтила и мнѣ напоминала о томъ. Я не скрылъ, что ея жизнь меня огорчаетъ, и ежели не переимѣнится, то и совсѣмъ будетъ забыта. Она часто плакала, но оставалась при своемъ, да и я сдѣлался, кажется, по неволѣ твердъ. Неудовольствія дѣлались весьма часты, и только имѣлъ я надежду, что скоро буду командированъ на службу, что и послѣдовало».

IV.

Формированіе полковъ для второй Турецкой войны.—Смотръ полка Денисова кн. Потемкинымъ.—Участіе кн. Юрія Долгорукова и Ивана Горича въ положеніи Денисова.—Пояскъ Денисова къ Бендерамъ.—Болѣзнь.—Укомплектованіе полка.

Въ 1787 году «полученъ отъ войсковаго атамана ордеръ, что, по волѣ князя Потемкина, явился бы я въ Новодонское казачье войско подъ команду полковника Платова, который впослѣдствіи войска Донскаго атаманомъ былъ въ чинѣ генерала отъ кавалеріи и графское достоинство получилъ. Съ большою радостію читалъ я оный ордеръ нѣсколько разъ, но когда вспомнилъ, что должнъ оставить почтеннѣйшую мать, которая горячо любила меня и малютку мою дочь,—то утѣшеніе мое превратилось въ горестъ, тѣмъ болѣе, что отецъ мой и братъ близко году находились въ отсутствіи, на службѣ—на границѣ турецкой; и хотя разлука моя съ милыми особами была очень горестна, но я скоро убрался и уѣхалъ въ назначенному посту».

Денисовъ применилъ къ полку войсковаго старшины Мартынова, слѣдовавшаго въ команду Платова. «Мы прибыли въ селеніе Альбевское, гдѣ ожидали Платова, который скоро туда и пріѣхалъ. Онъ очень меня обласкалъ и скоро предписалъ, означая селенія, составить изъ мужиковъ казачій полкъ изъ 1,400 человекъ, для чего прислалъ ко мнѣ нѣсколько мундировъ и на все число людей сувна, голыхъ сѣдельныхъ щепъ, кожъ, ремней и другихъ нужныхъ казавамъ вещей; прислалъ и 120 человекъ донскихъ казаковъ для наученія новыхъ, но ни одного офицера. Приступя къ дѣлу, долженъ сознаться, я увидѣлъ, что это превосходитъ мое познаніе и даже не могъ скоро доразумѣть,—чѣмъ

начать; однако, не остановился въ нерѣшимости. Прежде всего потребовалъ: нѣтъ-ли изъ нихъ хорошо-знающихъ писать, каковыя и нашлись—и довольно благоразумные. Составивъ изъ нихъ канцелярію, приступилъ къ описанію годныхъ къ службѣ, послѣ разсмотрѣвъ, дабы семейства имѣли хотя по одному надежному работнику. Составя комплектъ полка, раздѣлилъ на сотни, произвелъ въ каждой сотнѣ по два начальника изъ нихъ же, написалъ инструкцію о должности каждого, приступилъ мундировать, раздавать сѣдла, недостающія вещи дѣлать. Пригнали лошадей, большею частію нѣуковъ и очень злыхъ, въ чему новые казаки со всѣмъ не имѣли ловкости, чтобъ ихъ усмирить; донскіе-жъ хотя очень хорошо съ ними управлялись, но не умѣли научать и посылать имъ. Какъ и во всѣхъ другихъ вещахъ, былъ я въ такихъ же затрудненіяхъ, но трудился до изнеможенія. Начальникъ нашъ Платовъ имѣлъ свой полкъ и находился не далеко отъ меня; посему распорядился я такъ, что о всѣхъ важныхъ по полку его дѣйствіяхъ меня извѣщали и я всегда при оныхъ самъ былъ, дабы то-жъ и мой полкъ сдѣлалъ. Но я началъ чувствовать слабость въ здоровьи, нашелъ леваря, который, кажется, стоилъ не болѣе посредственнаго цирюльника: онъ въ два случая и не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ пускалъ мнѣ кровь.

Наконецъ, въ началѣ 1788 г., весною, полкъ весь былъ обмундированъ, укомплектованъ лошадьми; казаки новые могли управляться съ ними сами, артельные повозки были готовы. Я испросилъ у Платова одного донскаго войска офицера, но онъ былъ молодъ, богатаго отца сынъ, единый наслѣдникъ, мало узналъ службу и не принимался за должность свою, какъ слѣдовало. Я нѣсколько разъ собиралъ весь полкъ въ одно мѣсто, даль, сколько могъ, одному оборотовъ въ эзерциціяхъ и, находя изрядно, доложилъ Платову о томъ и просилъ, чтобъ удостоилъ лично его осмотрѣть. Онъ не замедлил пожаловать ко мнѣ, смотрѣлъ полкъ. Нѣсколько казаковъ, стоя ногами на сѣдлахъ, скакали въ присутствіи Платова и многіе черезъ рвы, нарочито для того вырытые. Платовъ столько былъ всѣмъ и во всѣхъ частяхъ доволенъ, что увѣрялъ меня въ полученіи чина и ордена св. Владиміра, да даже и при многихъ поздравлялъ съ оными; онъ принялъ представленіе о трехъ изъ новыхъ казаковъ, которые

трудились въ канцеляріи и которые были произведены въ хорунжіе, съ чѣмъ и возвратился.

«Какъ скоро подножный кормъ выросъ, то немедленно выступили къ Елисаветграду. Я всякій день училъ полкъ мой, по частямъ, атакъ, въ рассыпную, а иногда и весь полкъ. Казаки были всегда бодры, ѣздили порядочно и хорошо владѣли оружіемъ. Въ день прихода къ Елисаветграду, кн. Потемкинъ смотрѣлъ наши полки съ вала крѣпости. На другой день велѣно было полкамъ показывать примѣры военныхъ дѣйствій въ рассыпную и атаки всѣми полками. Тогда я замѣтилъ, что войсковою старшина, или уже имѣвшій чинъ премьеръ-маіорскій, Павелъ Иловайскій, часто подѣзжалъ къ моему полку и былъ очень веселъ, съ которымъ хотя и очень былъ знакомъ, но я отъ сего задумался и, какъ бы предчувствуя, сдѣлался не веселъ. Полки возвратились на лагерное свое мѣсто и пустили лошадей въ поле. Я былъ у Платова, котораго нашелъ не веселымъ и занятымъ дѣлами, и онъ ничего мнѣ не сказалъ. На вечеръ увѣдомила меня благодѣтельная особа, что князь предписалъ Платову полкъ мой отдать въ команду Павла Иловайскаго, а меня изъ онаго исключить. Смутясь таковымъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе, что ни съ какой стороны того не заслуживалъ, рѣшился ѣхать къ Платову и сказать ему (о томъ), скрывъ отъ кого я знаю. Коль скоро явился къ нему, онъ, конечно примѣтивъ мое сокрушеніе, подтвердилъ слышанное мною, свидѣтельствуясь всѣмъ священнымъ, что онъ не знаетъ причины и не виноватъ».

«Я поѣхалъ въ полкъ и, какъ помнится, въ тотъ же день получилъ повелѣніе сдать оный Иловайскому. Всѣ дѣла были въ порядкѣ, люди состояли всѣ на лицо, почему на другой день все и передалъ моему преемнику, а самъ остался съ тремя, четьрьмя собственными моими людьми».

«Г Платовъ объявилъ мнѣ волю князя, чтобъ я шелъ въ армію волонтеромъ».

— Полкъ можно у меня взять, но принудить благороднаго человека влачиться по степямъ—не думаю чтобъ захотѣли, а потому я ѣду домой и буду учиться пахать и жить своими трудами.

«Тутъ же я просилъ Платова пересказать эти слова кн. Потемкину. Поступокъ таковой князя съ такимъ малымъ офицеромъ, какимъ я тогда былъ, меня самаго удивлялъ, но я не зналъ причинъ

и уже по смерти его отерпелось, что онъ былъ сердитъ на дядю моего, графа Денисова, а потому и со мной такъ сдѣлалъ. И почти это на правду похоже, ибо отецъ мой нѣсколько мѣсяцевъ сильно былъ обижаемъ и былъ принужденъ оставить полкъ, имъ командуемый, и удалиться въ свой домъ».

«Платовъ съ ново-Донскими полками на другой или третій день пошелъ далѣе. Въ Елисаветградѣ находились князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ и большой Иванъ Петровичъ Горичъ, въ которыхъ я явился... Они хорошо знали отца моего,— и меня кн. Юрій Владиміровичъ весьма милостиво принялъ и обѣщалъ ходатайствовать. Иванъ Петровичъ также обѣщалъ, очень обласкалъ меня и тѣмъ много утѣшилъ. Я имъ нѣсколько разовъ еще свидѣтельствовалъ мое вочтеніе и много обязаннымъ остаюсь донцамъ; они всегда ободряли меня и милостивое отношеніе ко мнѣ не перемѣняли. Я сдѣлался болѣнъ грудью; болѣзнь до того увеличилась, что съ трудомъ могъ говорить; но лежать въ полкъ, въ палаткѣ—не лучшее дѣло, и я съ послѣдними силами бывалъ иногда въ передней кн. Потемкина».

«Въ одинъ день, рано, прискакалъ ко мнѣ изъ дежурства князя (Потемкина) ординарецъ съ приказаніемъ, чтобъ сейчасъ я явился у его свѣтлости. Не надо было сего повторять и я предсталъ въ его передней. Меня всѣ видѣли, но ни одинъ не безпокоилъ вопросами, хотя я всѣмъ кланялся кто войдетъ небывалый. Василій Степановичъ Поповъ часто чрезъ оную горницу проходилъ и даже я видѣлъ, что иногда взглядывалъ на меня, какъ бы съ какимъ-то любопытствомъ. Я иногда оставался даже и одинъ. Въ такую-то минуту входитъ молодой офицеръ, какъ послѣ я узналъ, по фамиліи Хамутининъ; онъ, посмотря на меня, подошелъ и сказалъ:

— «Не печальтесь; вы скоро узнаете, что получите полкъ».

«Я его чувствительнѣйше благодарилъ и просилъ даже, ежели онъ можетъ, чтобъ помогъ мнѣ въ такомъ дѣлѣ. Но со всѣмъ тѣмъ, что сильно я обижался и столько же желалъ получить полкъ, я такъ отъ болѣзни изнемогъ, что едва могъ стоять, почему и убрался въ свой лагерь. Но скоро другой ординарецъ грозно мнѣ сказалъ, чтобъ явился у князя. Я съ таковою же скоростію, какъ и прежде, то исполнилъ. Меня позвалъ г. Поповъ и объявилъ, что его свѣтлость ввѣряетъ мнѣ бывшій донскаго войска Ило-

вайскаго полка, и чтобъ я сей же часъ къ оному отправился, и отвезъ бы генералу Нащовину, въ Херсонъ, болѣе 100 тысячъ рублей ассигнаціями. Я былъ симъ чрезвычайно обрадованъ, благодарилъ его преподобнѣе и просилъ, дабы свѣдѣніе сие окончено».

Въ ту же ночь Денисовъ отправился съ деньгами въ Херсонъ къ Нащовину, сдать деньги, явился гр. Суворову, стоявшему у Кинбурнской крѣпости, а потомъ къ полковнику Орлову, въ палаткѣ всего лечился отъ своей болѣзни¹⁾; этотъ самый Орловъ былъ въ послѣдствіи войска Донскаго войсковымъ атаманомъ, въ чинѣ генерала отъ кавалеріи. Оказалось, что Орловъ и Иловайскій взяли изъ полка Денисова въ свои полки почти всѣхъ лучшихъ офицеровъ и казаковъ до 160 человекъ, а на мѣсто ихъ перевели таковое-же число худшихъ. Къ счастью моему, одинъ офицеръ, есаулъ, остался; старикъ, не знающій свѣтской модной жизни, Сергѣй Варламовичъ Варламовъ, и еще двое (офицеровъ), которые могли ему помогать. Они хотя не могли быть мнѣ совершенными наставниками, но, рассказывая прежніе свои счастливые и несчастные случаи, дали мнѣ понятіе о превратностяхъ войны и нужности изобрѣтать способы къ побѣжденію непріятеля. Прижѣта сіе, приласкалъ ихъ и сдѣлалъ такъ, что они и безъ дѣла являлись ко мнѣ и часто рассказывали бывшія военныя дѣйствія; не хорошихъ же постарался я удалить изъ полку. И признаюсь откровенно, что въ первую кампанію увидѣлъ, — не знаю почему, ибо и въ сраженіяхъ же имѣлъ случая быть, кромѣ малыхъ перепалокъ, — особое уваженіе (ко мнѣ) моего начальника, Орлова, и нѣкоторыхъ генераловъ, да даже не однажды слышалъ милостивые вопросы отъ корпуснаго генерала Суворова, что весьма меня ободряло. Здоровье мое совершенно исправилось. Мы стояли на Кинбурнской косѣ совершенно безъ дѣйствія; видѣлъ только, какъ руссiйская армія сближалась къ Очаковской крѣпости и въ лиманѣ Днѣпра сражался руссiйской флотъ съ Турецкимъ и послѣдняго истребленіе».

Лѣтомъ казачьи полки перешли на очаковскія степи, близъ крѣпости. Отсюда они сдѣлали, подъ начальствомъ генерала Петра

¹⁾ Денисовъ прибылъ въ Крымъ, какъ показано въ формулярѣ его, 28-го марта 1788 г.

Александровича Палена, экспедицію подѣ Хаджибей (Одесса).¹⁾ Остальное время стояли у Очакова до взятія крѣпости.

«По наступленіи зимы, выпали снѣга преглубокіе, стужа была большая и ятели чрезвычайныя. Мы вырыли землянки, обдѣлали ихъ камышомъ и приготовили дровъ изъ камыша и большой травы. Лошади извѣщя ходили по степямъ и гибли; нельзя было подвозить и людямъ провіанту за слабостію лошадей и глубокимъ снѣгомъ. Въ такомъ-то положеніи я сдѣлался болѣе снѣпо по всему (тѣлу) и сталъ жестовою, что по ногамъ были небольшія раны. Въ сіе время, декабря 4-го, полковникъ Орловъ получилъ отъ корпуснаго начальниа повелѣніе послать большую команду казаковъ въ Бендерамъ съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно доставили плѣннаго, въ которомъ повелѣніи изволилъ его превосходительство своею рукою приписать, что «полковой командиръ Денисовъ на сіе болѣе другихъ пригодится».

— Я готовъ, сказалъ я Орлову; гдѣ-либо умирать надо.

Команда изъ 200 лучшихъ казаковъ, съ отличными офицерами, «въ числѣ которыхъ и славной капитанъ Красновъ находился, который въ 1812 году генералъ-майоромъ недалеко Москвы ядромъ былъ убитъ», отправилась подѣ начальствомъ Денисова въ Бендерамъ. «Мы не ѣхали, а брели по глубокимъ снѣгамъ; на высотахъ, гдѣ снѣгъ сдуло вѣтромъ, шли нѣшіе отъ великаго холода». Казаки напали на селеніе Варницы, схватили плѣннаго и увели скота болѣе 100 штукъ.²⁾ Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился хорунжій Ажогинъ, за что и былъ награжденъ отъ князя Потемкина чиномъ сотника.

Послѣ этой экспедиціи вскорѣ получено извѣстіе, что Очаковъ взятъ и русская армія пошла на квартиры. Родной братъ Денисова былъ раненъ на штурмѣ въ голову. Самъ Андріанъ Денисовъ заболѣлъ горячкою. «Я пришелъ въ память на р. Бугѣ, въ одномъ селеніи, гдѣ и остался нѣсколько дней, а полки пошли далѣе. Меня, очень еще больнаго, перевезли въ Елисаветградъ; тутъ мнѣ сдѣлалось хуже и нѣсколько дней оставался я безъ всякой надежды; но, благодарю Всевышняго, опасность миновала. И я, слабый, приказалъ везти себя въ полкъ, который нашли въ небольшомъ заштатномъ городѣ Лукомнѣ. По выздоровленіи,

¹⁾ 20-го августа 1788 г.

²⁾ 6-го декабря 1788 г.

Денисовъ занялся укомплектованіемъ лошадей. Онъ отнесся въ главную провіантскую комиссію, находившуюся въ Кременчугѣ, которая за прошедшее время не додала полку нѣсколько тысячъ рублей, требовалъ денегъ на покупку лошадей и писалъ корпусному начальнику, — «но ничего не даю, а только сказано на словахъ, что донесеніемъ или жалобой корпусному начальнику все дѣло я испортилъ».

Денисовъ обратился къ отцу, который и прислалъ до 100 лошадей. Андріанъ Карповичъ снабдилъ ими казаковъ въ долгъ и потомъ года три собиралъ свои деньги. «Я выступилъ съ эскадромъ, командуя двумя, Орловымъ и своимъ, полками; пришли къ Бугу, гдѣ находился кн. Потемкинъ. Скоро пошелъ я съ полкомъ къ Днѣстру, въ корпусъ генераль-маіора Кутузова, для принятія нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ Турокъ, взятыхъ генераломъ Дерфельденомъ, близъ Дуная, не далеко Галаца, которыхъ мы встрѣили близъ Днѣстра и въ тотъ же день возвратились. По прибытіи корпуса нашего къ Бугу, узналъ я, что три войсковые старшины, младшіе, произведены въ премьеръ-маіоры, минуя меня, о чемъ я жаловался генералу Кутузову и другимъ, и которые обѣщали представительство у князя обо мнѣ, но я остался при своемъ чинѣ».

V.

Участвіе Денисова въ дѣйствіяхъ русской арміи въ нынѣшней Бессарабіи. — Взятіе Бендеръ. — Прибытіе къ арміи Суворова. — Штурмъ Измаила. — Сраженіе при Мачинѣ. — Ясскій миръ.

1789 — 1791.

Армія наша скоро потянулась за Днѣстръ; я съ полкомъ находился въ корпусѣ, въ командѣ полковника Орлова. Остановились при мѣстечкѣ Текучь, а послѣ перешли на рѣчку Бычокъ,¹⁾ не далеко Бендеръ. Часто посылали къ оной крѣпости партіи, которыя иногда схватывались съ Турками; но важнаго ничего не было при мнѣ (кромѣ того), что въ два случая схватили мои казаки нѣсколько бывшихъ въ разбѣздахъ Турокъ. Послѣ переведены наши полки были къ селенію Фальчи, гдѣ собрался большой корпусъ подъ командою генераль-поручика графа Меллина. Скоро потомъ прибылъ къ оному корпусу генераль Кречетни-

¹⁾ 5-го августа 1789 г.

ковъ, который надъ онымъ принялъ команду, а другой корпусъ собирался при Прутѣ подъ командою генераль-аншефа кн. Репнина. Потомъ скоро нашъ корпусъ при Прутѣ соединился подъ команду кн. Репнина, и всѣ вмѣстѣ двинулись впередъ къ Дунаю.

• Кн. Репнинъ съ малымъ отрядомъ ѣздилъ впередъ рекогносцировать мѣстоположеніе и непріятеля. Армія турецкая стояла не далеко отъ нашей, при рѣчкѣ Сальчѣ; казаки прикрывали кн. Репнина; встрѣтились съ Турками, схватились, взяли въ плѣнъ нѣсколько Турокъ и возвратились съ потеряніемъ убитыхъ и раненыхъ своихъ, но ни одного не взяли Турки въ плѣнъ. Тутъ двоюродный мой братъ капитанъ Денисовъ былъ жестоко, ниже колѣна въ ногу пулею, раненъ, съ поврежденіемъ вости. Излечась, онъ продолжалъ съ отмынною храбростію служить и, уже по полученіи нѣсколькихъ другихъ ранъ и съ ослабленіемъ силъ, отсталъ генераль-майоромъ.

• Чрезъ нѣсколько дней, 7-го сентября 1789 г., кн. Репнинъ, построивъ въ боевой порядокъ російскую армію, пошелъ атаковать турецкую, бывшую подъ командою извѣстнаго храбростію и предприимчивостію Гассанъ-паши. Турки, увидѣвши наши войска, торопливо выѣзжали изъ лагера, что очень было примѣтно; наша армія, сближась къ Туркамъ версты на семь, стала: пѣхота въ разныхъ каре, а конница регулярная въ назначенныхъ мѣстахъ; казачьи же полки, подъ командою полковника Орлова, были посланы впередъ версты на двѣ, отдѣленіями, между которыми большое оставалось дефиле, и лавою стали. Турецкая конница шла на насъ съ большою смѣlostію, также въ двѣ толпы; наѣзники ихъ, на прекрасныхъ лешадяхъ и въ убранствѣ, показывали проворство свое и ловкость, а громкимъ крикомъ наносили большой страхъ, — особо я сіе чувствовалъ, какъ небывалый въ большихъ сраженіяхъ. А подѣхавъ къ намъ на ружейный выстрѣлъ, произвели сильную стрѣльбу и съ крикомъ пустились во всѣ ноги въ атаку. Я до сего еще, при видѣ непріятеля, говорилъ полка моего казакамъ при распущенныхъ знаменахъ и просилъ убѣдительно ихъ, чтобъ храбро атаковали непріятеля и не устыдили бы молодого своего начальника, увѣривъ, что я во всѣхъ опасныхъ случаяхъ буду неотлучно съ ними. Они въ одинъ голосъ отвѣчали, что умрутъ или составятъ мнѣ славу, что въ точности и выполнили. Весь полкъ, съ отмынною

храбростію, лавою ударилъ въ скачущаго непріятеля, опрокинулъ и погналъ; я неразлучно былъ съ ними и, въ глазахъ многихъ, убилъ дротикомъ одного Турчина. Послѣ того, другой скакалъ прямо на меня; я не оробѣлъ, ударилъ его дротикомъ, но сдѣлалъ промахъ: трафилъ только въ толстое его одѣяніе, сквозь которое дротикъ пролетѣлъ, а Турчинъ остановилъ свою лошадь и крѣпко кричалъ «Алла!» Я также, не помню почему, задержалъ свою лошадь, и какъ дротикъ мой былъ воткнутъ въ его платье, то не имѣвъ возможности онымъ управлять, хотѣлъ вынуть саблю, но въ замѣшательствѣ не нашелъ оную, и такъ оттого оробѣлъ, а болѣе еще оттого, что видѣлъ, какъ Турокъ хватался за кинжалъ, а саблю у него я не видалъ, что свѣтъ у меня помрачился. Пришедъ въ память, увидѣлъ, что полка моего, Быстрианской станицы казакъ, по фамиліи Поляковъ, воткнулъ въ моего противника дротикъ и силится свалить съ лошади. Турокъ, забывъ меня, кричитъ хотя сильнымъ, но умирающимъ голосомъ. Тогда я, оставя мой дротикъ, отскакалъ прочь и громко, какъ помню, воскликнулъ:

— Владыко великій! спаси меня и всѣхъ христіанъ отъ войны!

«Мнѣ подали дротикъ и я поскакалъ впередъ. Турки оправились, погнали насъ, а послѣ опять казаки ихъ опрокинули. Счастіе переменялось раза три. За дефиле, гдѣ полковникъ Орловъ съ полками былъ, то-жъ было; наша армія во все сіе время стояла на мѣстѣ. Я убилъ еще двухъ Турокъ, изъ которыхъ видѣлъ одного въ сильныхъ конвульсіяхъ, боровшагося со смертію. Съ сего времени (я) весьма возненавидѣлъ дротикъ, и уже никогда не имѣлъ его во время сраженій. Ночь насъ разлучила. Мы применили къ арміи и ожидали повелѣнія. На зарѣ велѣно мнѣ съ полкомъ спѣшить къ непріятелю. Я нашелъ лагерь пустой, поскакалъ впередъ, догналъ нѣсколько повозокъ съ сарачинскимъ пшеномъ и масломъ, которыя заворота, погнался за командою Турокъ. Орловъ скакалъ со всѣми казачьими полками сзади,—въ виду. Армія наша также шла впередъ. Тутъ я получилъ повелѣніе остановиться, а послѣ скоро и возвратиться; изъ повозокъ, мною взятыхъ, воловъ, взяли въ армію, а вещи всѣ расхватали, кто былъ посмѣлѣй».

«Армія наша остановилась въ лагерьѣ и въ тотъ же день, или

на другой, не упомню, перепела рѣчку Табакъ, расположилась при большомъ озерѣ—Ялтусовскомъ лиманѣ, и скоро пошла къ Измаилу. Подошедъ на пушечный выстрѣлъ къ крѣпости, стали въ ордеръ-баталіи; открылась съ обѣихъ сторонъ канонада и наши нѣсколько были побиты во фронтѣ.¹⁾ Конница турецкая выѣзжала изъ крѣпости, но наши полки не имѣли приказанія сражаться и оставались посему въ бездѣйствіи; въ лѣвой же сторонѣ, куда пошелъ съ особымъ корпусомъ генералъ Кутузовъ, казаки, подъ командою Платова, весьма наѣздили. Конечно, Платовъ, пользуясь случаемъ, приучалъ новыхъ казаковъ. Пробывъ въ такомъ положеніи нѣсколько часовъ, возвратилась армія наша въ прежній при Ялтухъ лагерь. За сіи дѣла того-жъ года, декабря 29-го, произведенъ я въ премьеръ-маіоры.

«Армія наша, постоявъ, не помню сколько дней, пошла къ Бендерамъ, гдѣ я во время рекогносцировки былъ въ сильной съ неприятелемъ схваткѣ въ разсыпную и гдѣ Турки удивляли меня проворностію лошадей. Крѣпость сдалась²⁾ и мы расположены были въ Молдавіи по квартирамъ».

По взятіи Бендеръ, Денисовъ съѣздилъ на нѣсколько дней домой, гдѣ и «былъ весьма утѣшенъ со стороны родителей и милой малютки (дочери), но жену оставилъ съ оскорбленнымъ сердцемъ».

«По возвращеніи, мы скоро выступили, но уже весною и при хорошемъ подножномъ кормѣ, внизъ по Пруту. Корпусъ подъ командою генерала Потемкина, въ виду Рябой-Могилы, долго тутъ стоялъ, удаленный отъ рѣки, и воду доставали изъ вырытыхъ войсками колодцевъ, отчего, вѣроятно, сдѣлалось чрезвычайно много больныхъ. Перенесли лагерь къ Пруту; тутъ нечувствительно больные начали выздоравливать».

«Въ продолженіи сего 1790 года, по сдѣланіи нѣкоторыхъ движеній, остановился сей корпусъ, гдѣ и я съ бригадиромъ Орловымъ находился—при Ялтускомъ лиманѣ, простоялъ до осени и два раза подходилъ къ Измаилу, но безъ всякихъ важныхъ дѣйствій возвращался. Я былъ нѣсколько разъ въ партіяхъ и очень близко подѣзжалъ къ крѣпости, но ничего не успѣлъ. Наконецъ, когда корпуса, нашъ и генерала Кутузова, облегли

¹⁾ 12-го сентября 1789 г.

²⁾ 30-го октября 1789 г.

Измаиловъ и черноморской флотъ сблизился, прибылъ въ намъ графъ Суворовъ-Рымникскій, съ прїѣздомъ котораго начались приготовленія — конечно, взять городъ. И такъ всѣ были оуражены, что вездѣ слышны были увѣренія, что городъ будетъ непременно взять.

«Подъ 11-е число декабря 1790 г. назначено было штурмовать крѣпость; всѣ войска готовили лѣстницы и фашины. Казачьимъ полкамъ то-жъ приказано быть готовымъ пѣшимъ съ короткими дротиками. Раздѣлили ихъ на двѣ колонны: одна — подъ команду Платова, другая — подъ команду бригадира Орлова, въ которой и я съ полкомъ былъ, обѣ — подъ начальствомъ графа Ильи Андреевича Безбородко. По изготовленіи всего, мы, въ полночь или еще раньше, устроились въ колонну; охотники стали впереди съ фашинами; за ними, какъ мнѣ помнится, послѣ двинулись и мы въ глубокомъ молчаніи, подошли ближе и остановились, дожидаясь сигнала. И когда были пущены ракеты, наша колонна скорымъ шагомъ побѣжала ко рву, не доходя котораго была встрѣчена картечными выстрѣлами, чѣмъ многіе были убиты и ранены. Близъ меня идущій полка моего храбрый сотникъ, по фамилии Черкесовъ, упавъ отъ жестокой раны, съ какимъ-то невнятнымъ хрипѣніемъ, схватилъ меня за галстукъ, преклонилъ до земли и тутъ же умеръ. Колонна наша нѣсколько поколебалась, но скоро оправилась, достигла рва, и близъ бендерскихъ воротъ многіе казаки, я, войсковой старшина Иванъ Ивановичъ Грековъ, по лѣстницѣ полѣзли на батарею, скоро взшли на оную, но никакъ не могли прорваться чрезъ туры, изъ которыхъ устроены были амбразуры. Большая часть изъ насъ были побиты и хотя всѣ почти полковые начальники къ намъ подоспѣвали, но не могли взять батареи и были почти сброшены съ оной, избитые и раненые. Я былъ оглушенъ изъ рукъ брошеннымъ ядромъ, которое ударило между плечьями, два раза тонули меня дротикомъ въ платье и банникомъ получилъ нѣсколько ударовъ въ голову. Первый ударъ весьма сильно во мнѣ отъ ядра подѣйствовалъ: я сползъ съ батареи и всѣ другіе оную оставили. Немного опомнившись, старался я взойти еще на оную, но всѣ усилія мои были не дѣйствительны; я взшелъ на первый порогъ или брустверь, звалъ, но никто ко мнѣ не шелъ. Тогда я спустился и тутъ же услышалъ, что мы отрѣзаны сзади и непріятель всѣхъ рѣжетъ

и убиваетъ. Я видѣлъ, что находящіеся во рву бѣгутъ въ лѣвую сторону; въ недоумѣніи — что дѣлать, увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ, что одинъ казакъ вылѣзъ изъ рва, а два другіе, держась за его платье, сіяются то-жъ сдѣлать. Непремѣнно рѣшился я симъ воспользоваться, выпрыгнулъ на одного, ухватилъ за мундиръ перваго, выскочилъ изъ рва и пошелъ, не зная куда, — или, лучше сказать, отъ робости не умѣлъ о томъ и мыслить. Пули меня сопровождали. Пройдя нѣсколько, увидѣлъ во рву, довольно глубоко, какъ помнится, натурою произведенномъ, много казаковъ, въ которыхъ и примкнулъ. Послѣ скоро увидѣлъ тутъ же моего начальника бригадира Орлова и секундъ-маіора Краснова; мнѣ сказали, что родной братъ мой, бывшій уже войсковымъ старшиною, убитъ и два двоюродныхъ брата то-жъ; полка моего ни офицеровъ, ни казаковъ тутъ не нашелъ, изъ которыхъ, бывши во рву, еще видѣлъ многихъ убитыхъ. Бригадиръ Орловъ подошелъ ко мнѣ и въ большомъ сокрушеніи сказалъ; «что онъ весьма сожалѣетъ, что слава донскихъ казаковъ симъ случаемъ погибнетъ», и спрашивалъ: «нельзя-ли исправить?» на что отвѣчалъ я, что ежели онъ хочетъ, то стѣитъ съ сими остатками храбро наступить — и батарея наша, и что я готовъ еще дѣйствовать. Тогда онъ очень меня просилъ, чтобъ неудачу нашу исправить, на что отвѣчалъ я:

— Командуй казаками, а я иду впередъ.

«Съ симъ словомъ я вышелъ изъ рва и, обнажа саблю, вскричалъ: «друзья, впередъ!» и пошелъ къ крѣпости. Казаки многіе меня опередили и съ стремленіемъ полетѣли; но мы, хотя уже и видно было, по ошибкѣ, шли противъ бендерскихъ воротъ, гдѣ весьма много находилось Турокъ, и сильною изъ ружей стрѣльбою многихъ моихъ казаковъ побили. Тутъ подошлъ ко мнѣ казакъ моего полка, Киселевъ, схватилъ за руви, и меня, съ помощію другихъ, отвесилъ въ сторону и показалъ мою ошибку. Тогда, разсмотрѣвъ лучше, я повелъ казаковъ на батарею, на которую прежде всходили. Казаки вскарабкались на оную съ геройскимъ духомъ и сколько нашли Турокъ — побили; правда, что оныхъ не болѣе 20-ти было. Сдѣлавшись побѣдителемъ батареи, я нѣсколько утѣшился, но смерть братьевъ моихъ и многихъ офицеровъ весьма меня сокрушала. Тутъ чрезъ посланныхъ узналъ я, что родной братъ мой живъ, но весьма опасно раненъ. Въ крѣ-

пости на обѣихъ сторонахъ я видѣлъ ужасный бой и въ самой близости меня Мекнабова колонна еще не взяла своей (батареи?), въ которой изъ нутра города подошлѣли на помощь съ пушками. Тогда я увидѣлъ Кутузова и Платова въ городъ, къ которому послалъ сказать—что сдѣлалъ и гдѣ я. Въ самое это время отъ бендерскихъ воротъ Турки, до 300 ч., съ противной стороны, меня атаковали, но были усмотрѣны и, всѣ почти раненые, въ ровъ казаками сброшены, гдѣ отъ подошлѣвшихъ казаковъ и побиты».¹)

По окончаніи штурма Денисовъ заботился о раненыхъ своихъ братьяхъ, офицерахъ и казакахъ. Онъ самъ отыскивалъ лекаря и заплатилъ ему изъ своихъ денегъ.

«Брата я нашелъ почти не живова, у него рука выше локтя, вся кость была раздроблена; въ ногѣ пуля прошла чрезъ всю ладуну и остановилась въ большомъ пальцѣ, которую при мнѣ лекарь и вынулъ. Въ той же палаткѣ лежалъ генералъ Мекнабъ, двоюродный мой братъ, двумя пулями тяжело раненый, и нѣсколько нашихъ полковыхъ начальниковъ и офицеровъ».

Изъ Измаила казаки выступили на прежнія квартиры, а въ началѣ 1791 года стояли при Прутѣ и Берлатѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ армія, подъ начальствомъ князя Репнина, двинулась изъ Мачинъ, близъ коего «открылась вся Турецкая армія, превосходящая нашу втрое или четверо и занимающая великое пространство. Началось сраженіе въ разныхъ пунктахъ. Конница Турецкая съ большою отважностью бросалась и иногда брала надъ нашею кавалеріею поверхность; казаки также, бывъ раздѣлены, дрались. Бригадиръ Орловъ съ четырьмя полками, гдѣ и мой былъ, сильно ударилъ на лѣвомъ флангѣ, Турокъ опротивилъ, но Турки исправились, погнавши насъ. И такимъ образомъ дрались до самой ночи. Пѣхота наша вступала и двигалась впередъ, какъ твердая стѣна. Непритель ретировался. Подо мною убили лошадь. На мѣстѣ баталіи армія наша стала. Въ началѣ ночи сдѣлалась въ арміи нашей фальшивая тревога, отъ чего и пробыли всѣ подъ ружьемъ всю ночь».²)

На другой день князь Репнинъ послалъ Денисова по слѣдамъ непріятели. Отъѣхавъ 15 верстъ, Денисовъ послалъ впе-

¹) За штурмъ Измаила Денисовъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

²) 28 го іюня 1791 г.

редъ сотника Никулина, самъ двигался за нимъ, а остальную команду оставилъ на мѣстѣ. Никулинъ наткнулся на отсталыхъ Турокъ, взялъ брешенную на дорогѣ пушку и воловъ и, вмѣстѣ съ Денисовымъ, возвратились къ мѣсту расположенія остальной команды. Денисовъ явился къ князю Репнину во время обѣда, представилъ плѣнныхъ и пушку; князь благодарилъ его. За послѣднія дѣла Андріанъ Карповичъ получилъ золотую медаль съ портретомъ императрицы Екатерины II и съ надписью — за что она пожалована и кому, для ношенія на шеѣ на георгиевской лентѣ. Между тѣмъ русская армія перешла Дунай и здѣсь расположилась; полкъ Денисова прибылъ въ Яссы; туда же пріѣхалъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко и турецкіе уполномоченные, здѣсь и заключенъ былъ миръ.

Сообщ. А. П. Чеботаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА МЕНЬШАГО

1806 — 1849.

I.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись и не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велить. Благословясь, пожелалъ я написать свою біографію. Какъ началъ себя помнить, мнѣ было около девяти лѣтъ; жили мы близъ гор. Одоева, въ Стрѣлецкой слободѣ. Родители мои, отецъ Минай Ивановичъ и мать Фодосія Ларионовна Остроуховы, приписаны были къ крестьянамъ Апухтино-Архангельской волости, въ пяти верстахъ отъ гор. Одоева; дѣтей у нихъ было восемь человѣкъ: четыре сына и четыре дочери, всѣ малъ мала меньше, и всѣ находились при родителяхъ, людяхъ недостаточныхъ. Впослѣдствіи двѣ сестры мои вышли замужъ: Праксѳья, въ этой же слободѣ, за Степана Лукьяновича Буканова, а Акулина, въ гор. Одоевѣ, за купца Семена Тарасова. Другія двѣ сестры Евдокія и Пелагея пошли въ келейницы въ гор. Бѣлевъ. Старшіе братья Иванъ и Лука, по возрастѣ, были отданы въ Одоевѣ хозяевамъ на года, а двое малолѣтнихъ Иванъ (я) и Михаилъ жили при домѣ. Помню, какъ я ходилъ къ мастерицѣ, т. е., къ преображенской діаконицѣ учиться: въ грамотѣ выучился читать по-церковному, началъ писать сперва палки, потомъ буквы,—да учился-то лѣниво и былъ порядочный шалунъ. Учился я недолго: началъ писать склады, а меня отдали снова къ мяснику Панкратову въ Одоевѣ стеречь купленную имъ для убоя скотину; а потомъ отдали караулить садъ въ селѣ Апухтинѣ при церкви, содержимый одоевскимъ купцомъ. Вмѣстѣ со

мною сидѣлъ сторожемъ одоевскій мѣщанинъ, который когда-то былъ «намѣстникомъ» города Одоева, но впоследствии обдѣлалъ. Я караулилъ только днемъ, а онъ — ночью. Просидѣлъ я до осени въ саду; во мнѣ прѣхалъ купецъ Малеевъ (по проstonародному прозвищу Селедкинъ) и сказалъ: не хочу-ли я наняться у него жить? я отвѣчалъ, что у меня есть родители, — съ ними поговорю, и купецъ поѣхалъ. Хозяинъ сада поднялъ послѣднiя яблоки, я пошелъ съ нимъ домой. Черезъ нѣсколько дней мать моя увидалась съ Селедкинымъ и я былъ отданъ къ нему въ работники на коротенькiй срокъ, т. е., на пять лѣтъ, и что называется попалъ въ кабалу. На его готовомъ платьѣ и обуви, но за всѣ пять лѣтъ деньги, по бѣдности, взяты были впередъ, а и денегъ-то всего на-все двадцать пять рублей или бѣленькая ассигнація: вотъ каковъ былъ вѣкъ! А нынѣ (въ 1873 г.), когда я пишу эти строки, такихъ же лѣтъ мальчишкѣ, самъ плачу въ лѣто 12 руб. сер. Замѣчу, впрочемъ, что это было около 1806 г., когда все было дешево: ржаную муку продавали отъ 30 до 35-ти в. ассигнаціями за пудъ; корова стоила полтора и два рубля и такъ далѣе, — и все на ассигнаціи, но деньги были рѣдкость.

Проживши въ городѣ у хозяина съ недѣлю, я поѣхалъ съ нимъ къ мѣсту моего будущаго жилища. Хозяинъ содержалъ въ двѣнадцати верстахъ отъ города Одоева, въ селцѣ Денисовѣ, у г. Сафонова постоянный дворъ. Мы отѣхали отъ города верстъ семь. Въ сторонѣ не далеко отъ дороги стоялъ большой орѣшникъ, а этотъ годъ были сильныя орѣхи. Хозяинъ послалъ меня нарвать орѣховъ; я поѣхалъ и началъ рвать орѣхи и запѣлъ пѣсню: «Ахъ ты молодость моя, молодость, ты когда прошла, прокатилася» и прочее. Голосъ у меня былъ очень хорошій, хозяинъ тоже человѣкъ молодой и любитель пѣть пѣсни. Нарвалъ я орѣховъ, прибѣжалъ, сѣлъ въ телѣгу. Мы поѣхали; сначала грызли орѣхи, а потомъ, какъ теперь помню, пѣли разныя пѣсни и хозяинъ былъ запѣвалою. Наконецъ прѣехали на постоянный дворъ; хозяинъ пошелъ въ избу, а я отпрягъ лошадь, поставилъ ее въ яслямъ и пришелъ въ хату, помолился Богу, поклонился работникамъ: ихъ было двое Егоръ и Фаддей.

«Вотъ вамъ», сказалъ хозяинъ, «мальчикъ для записыванiя долговъ и прочаго». А какой я былъ писака? Бывало запишу въ книгу, такъ ни я самъ, ни хозяинъ разобрать не можетъ, а между

тѣмъ читаю, потому что помнилъ, на комъ и сколько записано. Научился я печь валахи, варить щи, готовить мѣсиво свиньямъ;— это все ничего, но какъ началъ носить воду ушатомъ, что для ребенка было не подѣ силу, такъ натерпѣлся всякаго труда. Росту я былъ небольшого, но довольно плотенъ; о пищѣ говорить нечего: всего было вдоволь, какъ говорится, «ѣшь, не хочу».

Въ этой деревнѣ былъ господскій домъ и жилъ тамъ приващикъ почтенный старикъ, Григорій Даниловичъ. Понадобилось ему написать письмо, да только не своею рукою, онъ и прислалъ за мной садовника. Просить меня написать; я отговариваюсь неумѣньемъ, онъ настаиваетъ. Бумага и чернильница на столѣ: сажусь и написалъ вкривъ и накосъ такъ, что старикъ расхохотался! Писалъ съ бѣлаго, а вышло на-черно, такъ я и пошелъ отъ него.

На другое лѣто пришелъ на постоялый дворъ какой-то господинъ во фракѣ, расположился ночевать, а спать легъ безъ ужина. Мы посмѣялись: «должно быть, какая-нибудь горечь, не хочетъ заплатитъ». Улеглись спать и за день наморившись, скоро заснули. Утромъ проснулись, господина во фракѣ нѣтъ, а когда хватились сундука съ деньгами, то и сундука не оказалось. Побѣжали искать по двору и сундукъ нашли разломаннымъ, а денегъ нѣтъ. Пустились въ погоню, догнали вора и привели. Стали обыскивать, а у него полны карманы мѣдныхъ денегъ, такъ что если бы онъ не придерживалъ брюки руками, они упали бы на полъ отъ тяжести. При всемъ нашемъ горѣ мы расхохотались; когда же мы у него отобрали эти деньги, онъ закричалъ караулъ, что его ограбили. Мы, по глупости, сробѣли, готовы были ему возвратитъ, да спасибо пришелъ староста, Яковъ Муравьевъ, человекъ рѣшительный. Онъ грозно закричалъ: «сковать его, вора, и представить въ земскій судъ»; тутъ г-нъ во фракѣ началъ просить, чтобы его отпустили; мы съ радостію исполнили его просьбу, да и онъ не меньше нашего былъ радъ.

Теперь опишу поступокъ хозяевъ противъ меня, не тѣмъ ихъ помянуть. У меня померъ батюшка. Мать просила хозяевъ, чтобы они отпустили меня на похороны. Не знаю, что они говорили моей матери, какія выставляли причины,—помню только, что не отпустили меня за двѣнадцать верстъ. Конечно, я тогда былъ ребенокъ и не чувствовалъ большаго огорченія, что не былъ на

похоронахъ отца; но теперь, когда пишу эти строки, несмотря на давность, мнѣ становится очень горько.

По милости Божіей, оттянуль я пяти-лѣтнюю кабалу, въ буквальный смыслъ слова, и честно возвратился домой; да не долго прожилъ дома. Мать отдала меня въ городъ Бѣлевъ къ купцу Николаю Иванову Уланову на годъ,—не знаю за сколько, но я не прожилъ и лѣта. Старая хозяйка была очень сердита и часто меня поколачивала; я жаловался матери и она меня взяла и отдала тутъ же въ Бѣлевѣ въ лавку къ купцу Михаилу Петровичу Скопину.

Это было осенью 1812 года.

Въ это время прогнали чрезъ городъ много плѣнныхъ Французовъ. Они были разуты и раздѣты, или кто въ чемъ обернуть: одинъ—въ рагожѣ, другой—въ веретѣи, трудно себѣ представить такое раздирающее душу зрѣлище; имъ бросали калачи, хлѣбъ и даже кочерыжки. Они падали другъ на друга; въ городѣ ихъ размѣстили по харчевнямъ. Въ одинъ ночлегъ ихъ много перемерло и всѣхъ схоронили на кладбищѣ, въ одной могилѣ. Случилось мнѣ быть у французскихъ офицеровъ. Я носилъ къ нимъ деревянныя чашки и ложки, они у меня купили и заплатили деньги. Несмотря на малолѣтство, бесѣда съ плѣнными сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; думалось мнѣ: пожалуй, какъ попадусь подъ красную шапку, такъ и меня такъ же погонять.

Отжилъ я годъ у почтеннаго Скопина. Старшіе мои братья, Иванъ и Лука, собрались въ армию маркитантами и я къ нимъ примкнулъ. Стали собираться и закупать провизію и разныя разности, а тутъ объявленъ былъ рекрутскій наборъ. Разстроился нашъ маркитантскій походъ. Братья начали отъ меня удаляться, повидимому, изъ желанія взвалить на меня, но паспортовъ у насъ еще не было. Самый старшій братъ Иванъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ дѣтей: сталъ предлагать мнѣ, чтобы я его отпустилъ въ армию, а между этою суетою средній братъ Лука улизнулъ отъ насъ съ фальшивымъ билетомъ. Мы остались только съ Иваномъ, да и за него я боялся, чтобы онъ также не улизнулъ отъ меня. Не знаю, по какому-то инстинкту (не скажу, по разуму, ибо его тогда у меня совершенно не было), я слѣдилъ за братомъ. Вскорѣ мы получили отъ матушки изъ Одоева письмо, съ нарочнымъ; пишетъ она, что закована въ кандалы и до тѣхъ

поръ въ нихъ будетъ, покуда не представитъ своихъ дѣтей. У меня сердце закипѣло: думалъ я въ это время, что если бы можно было, я эти желѣзы съ материнскихъ ногъ перегрызъ бы зубами, а братъ Иванъ стоялъ, какъ плетень. Онъ былъ огромнаго роста, вершковъ тринадцати; его, повидимому, ничто не трогало, только трусилъ, да о себѣ одномъ думалъ. Забылъ я сказать, что мать нанимала трехъ наемщиковъ въ рекруты: двое не годились почему-то, а третій былъ годенъ, но не захотѣлъ идти, и тогда уже прислали за нами.

Это было на второй недѣлѣ великаго поста 1813 года.

Зову брата ѣхать въ Одоевъ, а онъ говоритъ «завтра» и долго водилъ меня за носъ и кормилъ завтраками. Вижу, что этимъ завтракамъ не будетъ конца и напомнилъ ему: «за что же будетъ томиться мать въ желѣзахъ? Мы сегодня непременно ѣдемъ домой».

Наняли лошадей, собрались, сѣли и покатили. Во мнѣ не было ни малѣйшаго страха, а братъ сильно трусилъ. Будь съ нами братъ Лука, то Иванъ могъ бы еще надѣяться, что авось Лука попадетъ въ рекруты; но средній братъ бѣжалъ, я былъ молодъ и малъ ростомъ,—и Ивану нельзя было не трусить. И такъ, мы ѣхали домой. Было довольно холодно. Иванъ пилъ водку, а я о ней и понятія не имѣлъ; по просьбѣ брата, заѣхалъ съ нимъ въ кабакъ. Онъ выпилъ большой стаканъ водки, а мнѣ поднесъ, кажется, бальзаму, какъ говорится: «таже водка—вину тетка». Дорогою мнѣ было не хорошо. Добрались мы домой около полуночи, постучали въ кольцо; намъ отперли и мы бросились цѣловать и обнимать матушку. Осмотрѣли хату: вижу на коникѣ сидитъ нашъ сосѣдъ, наряженный караулить матушку. Я сейчасъ взялъ топоръ и косарь, разрубилъ желѣзы и выкинулъ на улицу, а караульщика послалъ извѣстить начальство о нашемъ приѣздѣ. У насъ квартировалъ барабанщикъ. Я попросилъ его пробить въ барабанъ о нашемъ приѣздѣ. Когда барабанщикъ пробилъ въ барабанъ, а караульщикъ пришелъ съ волостнымъ головою и старостою, то помнится, къ намъ набѣжало множество народа и за дѣломъ, и безъ дѣла. Насъ хотѣли заковать, но я брата Ивана оставилъ дома, а меня заковали и повели на другую квартиру. Не помню, долго-ли я сидѣлъ, а между тѣмъ пришло повелѣніе или понужденіе, чтобы къ 1-му апрѣля непременно съ нашей

волости рекрутъ былъ представленъ. Начали собираться въ Тулу. Помню, какъ мои родные рыдали, а больше всѣхъ плакала сестра Пелагея. Слезы начались дня за три до отъѣзда въ Тулу. Сначала я держался, не робѣлъ; но довели и меня до слезъ, такъ что я и самъ сталъ понуждать отдатчика, чтобы поскорѣй уѣхать отъ этихъ горькихъ слезъ. Наконецъ лошади были поданы. Пошло послѣднее цѣлованье, объѣтыя на разлужѣ. Горька была эта минута! Мать и сестры причитаютъ: «вѣдь ты идешь на двадцать пять лѣтъ», а отдатчикъ вричитъ: «садитесь». Я и всѣ мои родные присѣли по обычаю нашихъ предковъ; встали, помолились Богу, еще разъ попрощались,— я съѣлъ и мы поѣхали.

Теперь, когда я пишу эти строки, спустя шестьдесятъ лѣтъ, уже въ чинѣ капитана и будучи кавалеромъ въ отставкѣ, слезы невольно выступаютъ у меня на глаза. Мы приѣхали въ Крапивну на ночлегъ. Хотя я не любилъ вина, но пословица говоритъ: «солдаты и съ горя, и съ радости пьютъ», и я съ горя выпилъ одну, другую рюмку, чтобы заглушить неприятныя чувства моей горести; поужинали, легли спать,—а вѣдь только сномъ и можно забыться и укрѣпиться. Переночевавши, отдатчикъ разбудилъ: мы поохмѣлились, закусили и поѣхали въ Тулу. На постояломъ дворѣ ко мнѣ пришла матушка и братъ Иванъ. Мы напились сбитню и выпили водки.

Матушка начала говорить мнѣ: «Инюша (такъ называла она меня), поди за брата въ солдаты; ты холостой, а братъ женатый и двухъ дѣтей имѣетъ!»

При этихъ словахъ братъ бросился ко мнѣ въ ноги, а мать продолжала: «тебѣ Господь пошлетъ счастье;» а братъ лежитъ въ ногахъ, ожидая моего согласія.

— Я не противлюсь вашей просьбѣ, сказалъ я матушкѣ; если вамъ угодно, я иду!

Братъ отъ радости бросился меня цѣловать и принесъ двѣ бутылки какого-то вина; мы распили и легли спать. Время было въ полночи.

На другой день меня, добраго молодца, повели въ пріемъ, раздѣли, ввели въ присутствіе, поставили въ станокъ; унтеръ-офицеръ повытянулъ и закричалъ: «три вершка съ половиною!» Какой-то господинъ сказалъ: «не годится», а я въ свою очередь сказалъ, что иду Богу и великому государю служить охотою за

брата. Меня опять начали осматривать и докторъ, какъ цыганъ, словамъ моимъ не повѣрилъ, что я здоровъ, что зубы всѣ цѣлы; самъ полѣзъ въ ротъ... Еще что-то поговорили и сказали: «подростеть», еще повертѣли и закричали: «лобъ! лобъ! лобъ!»

Вотъ копія съ подлинной квитанціи, выданная изъ Тульского рекрутскаго присутствія:

Квитанція. 1815 года, ноября 2-го дня, по указу Е. И. В., дана изъ Тульского рекрутскаго присутствія, Одоевского округа, Архангельско-Апуктинской водости, загородной Стрѣлцкой слободы отдатчику стрѣльцу Максиму Степанову въ томъ, что представилъ онъ, прошлаго 1813 года апрѣля 3-го дня, при своемъ доношеніи, къ рекрутскому приему въ прошлой расположенный, что съ 500 душъ, по 8 человекъ, 84-й наборъ—въ рекруты и по осмотру явился въ указныя лѣта и мѣру въ службу годной. Почему оной рекрутъ, да и на содержаніе его положенныя по генеральному учрежденію деньги и провіантъ, приняты. И отосланъ оный для опредѣленія въ команду, а именно вышписанной слободы стрѣлецъ Иванъ Меньшой Минаевъ, восемнадцати лѣтъ; а представляеъ оной рекрутъ за нижеписанныя души Одоевской округи, загородной Стрѣлцкой слободы, стрѣльцевъ изъ числа 114-ти за пятьдесятъ двѣ, къ нимъ въ приписку загородной Кузнецкой слободы кузнецовъ семь, деревни Подремановой оставшихъ отъ рекрута изъ числа 35 душъ три, итого за шестьдесятъ двѣ души. Совѣтникъ Поповъ, канцеляристъ Лебедевъ.

Цирюльникъ сталъ просить у отдатчика денегъ, обѣщая что онъ лучше острижетъ; я приказалъ дать цирюльнику денегъ и мнѣ остригли подъ гребенку лобъ и обрили. Погнали насъ, рекрутовъ, къ присягѣ на вѣрность службы царю. Мы присягнули и насъ повели къ баталіонному командиру. Какъ теперь помню, онъ вышелъ на балконъ, очень высоко, едва видно. Мы были выстроены въ одну шеренгу и писарь началъ перекликать; дошла до меня очередь, онъ кличетъ «Иванъ Меньшой»! Я не откликаюсь; онъ повторилъ, я молчу; наконецъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «ты Иванъ»? я сказалъ: «Иванъ, да не Меньшой, а Остроуховъ», а это вышло потому, что насъ было два брата и два Ивана: одинъ—большой, а другой—меньшой, а какъ отданъ меньшой, то и надо было откликаться Иванъ Меньшой,—такъ я и остался Иванъ Меньшой по гробъ моей жизни. Въ это время офицеръ, въ большихъ эполетахъ, съ балкона закричалъ, что Меньшой не годится, и еще нѣкоторыхъ забраковалъ съ балкона, самъ повернулся и пошелъ, а отдатчики забракованныхъ рекрутовъ пошли къ нему на верхъ, и когда воротились отъ него, то мы всѣ оказались годны. Во все это время братъ мой Иванъ стоялъ подъ воротами, и когда офицеръ съ балкона закричалъ,

что я не гожусь, то братъ мой, испугавшись, подобралъ полы кафтана и былъ таковъ.

Насъ развели по квартирамъ. Ко мнѣ пришла мать и братъ, и мы съ братомъ, я—съ горя, а онъ—съ радости, подписали порядкомъ. Для моего утѣшенія матушка почевала у меня; но когда я на другой день проснулся, какъ разъ противъ зеркала, и увидѣлъ себя съ бритымъ лбомъ, признаюсь, это меня сильно поразило. Я лежалъ, еще поглядѣлъ, поразмыслилъ, перекрестился и сказалъ: «Господи! да будетъ воля Твоя!» Пришелъ ко мнѣ ефрейторъ, повѣстилъ на переличку. Мы сходили и воротились на квартиру. На третій или на четвертый день матушка и братъ отправились домой; я ихъ проводилъ, они оставили мнѣ денегъ и мы распрощались.

Это было на страстной недѣлѣ 1813 года.

Къ намъ былъ назначенъ отставной офицеръ Рудневъ для препровожденія партіи въ походъ, на Оминой недѣлѣ. Мы собрались человекъ три изъ города Одоева, къ нашему офицеру и стали проситься домой, на Святую недѣлю: «мы, васъ, дескать, будемъ благодарить». Онъ насъ выслушалъ милостиво и согласился отпустить, только не помню, съ билетами или безъ нихъ, чуть-ли что не безъ билетовъ. Мы поспѣли какъ разъ въ Великую субботу, сходили къ утрени и къ обѣдни, разговѣлись; матушка и всѣ родные были очень обрадованы моимъ приходомъ; а я уже свыкъ съ своимъ положеніемъ и, прогостивъ двѣ недѣли, долженъ былъ, по приказу начальства, явиться въ городъ Жыздру. Распростился съ родными и думалъ, можетъ быть на вѣки. Тогда говаривали, что въ солдатчину ворота широки, а назадъ—очень узки; а вышло совершенно напротивъ.

II.

Приѣхали мы въ Жыздру еще наканунѣ назначеннаго срока и я на другой день явился къ партіонному офицеру Рудневу и принесъ ему голову сахару и фунтъ чаю. Онъ все это принялъ очень благосклонно и сказалъ мнѣ спасибо за то, что я прибылъ въ срокъ. Забылъ я сказать, что изъ Одоева я ѣхалъ на Бѣлевъ и заѣхалъ къ сестрѣ, Евдокии Минаевнѣ, которая наградила меня тремя большими золотыми имперіалами, которые зашила мнѣ подъ мышкою въ жилетъ. На другой день я съ нею

разстался съ большими слезами. Мои золотые я долго, долго берегалъ, Затѣмъ мы вышли изъ Жиздры, имѣя маршрутъ на Бобруйскъ. Въ этомъ городѣ я купилъ турецкаго табаку два фунта и трубку, и съ этого дня началъ курить. Особыхъ приключеній въ походѣ со мною не было, кромѣ того, что въ лѣсу мы гонялись за бѣлкою, да потерялъ кошелечъ и немного денегъ. Дошли до Слонима. Въ этомъ городѣ партію нашу раздѣлили на двое: одна половина выбрана въ армію, а другая—пошла до Новогрудка, въ томъ числѣ и я. Намъ послѣ сказали, что мы будто бы поступимъ въ гвардію. По прибытіи въ Новогрудокъ, на другой день насъ выстроили на площадѣ и къ намъ подошелъ полковникъ Павловъ, который числился въ л.-гв. Уланскомъ полку; онъ былъ ремонтеръ и сталъ насъ назначать по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ, т. е., въ резервы. Меня онъ назначилъ въ л.-гв. Драгунскій полкъ. Когда онъ кончилъ, тогда онъ вспомнилъ о пѣсенникахъ, тотчасъ же вызвалъ пѣсенниковъ, и я былъ въ томъ числѣ. Онъ насъ всѣхъ зачислилъ въ л.-гв. Уланскій полкъ и мы были отправлены въ резервные эскадроны.

Нашъ Уланскій эскадронъ квартировалъ въ Бѣлостокской области, Бѣльскаго уѣзда. Командиръ эскадрона былъ ротмистръ Романъ Григорьевичъ Глазенапъ 2-й. Насъ распредѣлили по взводамъ,—я поступилъ во второй взводъ. Лошадей было въ каждомъ взводѣ по тридцати и болѣе, а людей не болѣе шести человѣкъ. Лошади всѣ были Донскія, дикія; старыхъ лошадей по три, а старыхъ солдатъ было два и тѣ хуже рекрутъ, потому что они ходили только по корчмамъ и пьянствовали. Вотъ тутъ-то не разъ пришлось всплакнуть: лошадей много, ихъ весятъ чистить; надо напоить, задать корму и т. д., а лошади и близко не подпускаютъ и бьютъ насъ поминутно. Можно судить о ихъ дикости, потому что недоуздки въ два ремня, сыромятныя, съ кольцами, какъ на медвѣдѣ; поводья немного тоньше якорнаго каната и все это лошади у коновязей перерывали; и мы-то, рекруты, должны были ходить за такими звѣрями.

Неволя чего не дѣлаетъ! мало-по-малу начали мы привыкать къ нимъ, а они — къ намъ; въ нашему резерву начали приходить отсталые изъ госпиталей старые солдаты и рекруты и насъ набралось до сорока человѣкъ во взводѣ,—и все прибывали почти каждый день, такъ что изъ нашего эскадрона сформированъ былъ

еще эскадронъ и назначенъ въ походъ къ Парижу. Командиромъ его былъ назначенъ штабъ-ротмистръ Вындомскій; я тоже присоединился въ походъ, но меня ротмистръ Глазенапъ оставилъ бѣдствовать. Эскадронъ Вындомскаго доходилъ до Парижа, а я заправлялъ при оставшихся лошадяхъ и вещахъ, и по расторопности моей, заправлялъ уже какъ старый солдатъ. Всѣ резервы находились подъ командою генерала отъ кавалеріи Кологривова, который стоялъ въ Бѣльскѣ. Нашъ эскадронъ опять началъ пополняться и въ началѣ 1814 года сформированъ въ полномъ составѣ, но безъ офицеровъ. Нашему эскадрону назначено было въ городъ Бѣльскъ для занятія караула; то-то была потѣха! Будучи самъ по себѣ рекрутъ, я былъ назначенъ на главную гауптвахту за офицера.

Насъ довольно учили и муштровали, но хорошо-ли мы исполняли, этого сказать я не могу; но думаю, едва-ли было хорошо. Собрались и отправились въ Бѣльскъ. На другой день была репетиція, но мы маршировали такъ, что я и теперь безъ смѣха вспомнить не могу. На третій день былъ разводъ съ церемоніею, т. е., съ музыкою, которой мы еще до сего времени не знали и не видали; она была отъ Кирасирскаго полка. Кончился разводъ, я вступилъ въ караулъ на главную гауптвахту,—смѣнили кирасирскаго офицера. Положимъ, я былъ боекъ и не застѣнчивъ, но все же въ этомъ отношеніи, какъ говорится, неучъ. На гауптвахтѣ содержалось подъ арестомъ шесть человѣкъ кирасиръ; вины ихъ я тогда не зналъ. Они, видя во мнѣ глупаго мальчишку, начали просить, чтобы я ихъ отпустилъ въ корчму погулять; это было на Святой недѣлѣ. Не зная военныхъ законовъ, снисходя на ихъ убѣдительную просьбу, я рѣшился ихъ отпустить погулять на честное слово. До сихъ поръ содрогаюсь своей глупости. Положимъ, что я послалъ за ними присматривать таковаго же глупца, какъ и я, но, благодаря Бога и честности арестованныхъ, они возвратились всѣ, конечно, подъ хмѣлькомъ; я очень обрадовался и отлегло отъ сердца. Слава Богу, караулъ мой кончился благополучно; насъ смѣнили опять кирасиры безъ церемоніи и мы возвратились на свои квартиры. Ко мнѣ пристала проклятая лихорадка, а лечилъ меня нашъ коноваль однимъ рвотнымъ порошкомъ: измучилъ, а облегченія никакого не было. Мнѣ поручили обучать рекрутъ маршировеѣ и

сабельнымъ пріемамъ, но, по случаю моего нездоровья, ученье было плохое; лихорадка была каждый день. Въ послѣднихъ числахъ мая назначенъ былъ походъ въ С.-Петербургъ; на мѣстѣ было еще сносно, а походъ меня ужасалъ. Эскадронъ выступилъ, а я шелъ при обозѣ до Вильны. Въ этомъ городѣ мы простояли дней шесть; лихорадка, благодаря Бога, меня оставила и я могъ ѣхать на конѣ. Мы выступили изъ Вильны парадомъ и я былъ радъ, что ѣду на конѣ; но восторгъ мой былъ непродолжителенъ: отѣхавъ отъ Вильны верстъ десять или больше, я опять почувствовалъ лихорадку и долженъ былъ оставить мою лошадь при фронтѣ, а самъ кое-какъ побрелъ до назначенныхъ квартиръ. Иду, иду, да упаду, полежу немного, да опять побреду, — и пришелъ довольно поздно на квартиры и меня тотчасъ отправили опять въ обозъ. И такъ я шелъ при обозѣ до самаго Петербурга.

Мы прибыли въ Стрѣльну 12-го октября 1814 года; а такъ какъ казармъ и конюшенъ было недостаточно, то, по расформированіи нашего резервнаго эскадрона по всему полку, мы пошли въ село Рошшу, въ восемнадцать верстахъ отъ Стрѣльны, и тамъ зимовали по квартирамъ. Я стоялъ на квартирѣ у чухонца и долженъ былъ весь великій постъ ѣсть «дубину майду», по-русски кислое молоко, разведенное водою, и рѣдко, что было лучшаго. 5-го іюня 1815 года назначенъ былъ походъ; тогда Наполеонъ I бѣжалъ съ острова Эльбы; но мы доходили только до города Вильны, простояли около города, по деревнямъ, недѣли три или болѣе и пошли обратно въ Стрѣльну. Съ 1815 по 1821 годъ стояли въ Стрѣльнѣ и по деревнямъ около Рошши. Съ этого года началась манежная ѣзда. Эскадронный командиръ былъ полковникъ Заборинскій, а полковымъ командиромъ — генералъ-майоръ Антонъ Степановичъ Чаликовъ. Верховая ѣзда мнѣ хорошо далась и я ее любилъ; впоследствии былъ порядочный ѣздецъ. Полковникъ Заборинскій вышелъ въ армію полковымъ командиромъ; командиръ былъ для насъ прекрасный и разсудительный, а на мѣсто его поступилъ полковникъ Калчевскій: самъ любилъ выпить, а пьяницъ не любилъ, да онъ не много что-то и командовалъ, и скоро вышелъ въ отставку. На мѣсто его поступилъ ротмистръ Кизмеръ, Иванъ Ивановичъ. При этомъ имени у меня перо выпало изъ рукъ. Человѣкъ былъ строгій

безъ мѣры. Старшаго вахмистра у насъ не было, должность его исправлялъ унтеръ-офицеръ Борохъ, котораго Кизмеръ, не то, чтобы не любилъ, а хотѣлъ на его мѣсто перевести своего, изъ лейбъ-эскадрона, младшаго вахмистра Горина въ старшіе вахмистры,— и мы съ ними, т. е., съ Кизмеромъ и съ Горинимъ, съ этого времени начали нести горе, да такое, какого міръ не создавалъ. Три года мы кипѣли, какъ въ аду, если не хуже; безъ палокъ на ученѣ, ни въ манежъ не выходили и не выѣзжали. Годъ два было свободнѣе и то потому только, что много было слѣдствій о побѣгахъ солдатъ У насъ, напримѣръ, убѣгало человѣкъ по тридцати за одну ночь; по этому можно судить, каково было начальство, и потому-то въ послѣдніе два года намъ пооблегчало. Вышее начальство, вѣроятно, обратило вниманіе на Кизмера и запретило ему жестокое обращеніе съ нижними чинами.

Въ 1819 году я произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, а на другой день назначена была въ открытомъ манежѣ ѣзда унтеръ-офицерамъ. Полковникъ Кизмеръ приказалъ, чрезъ вахмистра Горина, осѣдлать мнѣ такую лошадь, которая не годилась бы и солдату, и при этомъ требовалъ невозможнаго отъ меня и, конечно, я дорого, ахъ, очень дорого заплатился за свои галуны...

Въ 1821 году гвардія выходила въ походъ, вѣрнѣе сказать, на прогулку. Мы доходили до гор. Трокъ, Виленской губ., простоявши что-то немного, и воротились въ С.-Петербургъ; я былъ квартиргеромъ туда и обратно; вотъ тутъ-то мнѣ досталось потрудиться....

По прибытіи на мѣсто въ Стрѣльну, въ томъ же 1821 году, я выпросился у моего командира полковника Кизмера въ домовой отпускъ на три мѣсяца; насъ собралось, близкихъ другъ отъ друга, человѣкъ шесть по одной дорогѣ. Мы отправились; ѣхали, гдѣ нанимали, гдѣ надували, но, благодаря Бога, добрались благополучно до Вѣлева. Я заѣхалъ къ сестрѣ, которая не воображала меня видѣть. На другой день мы наняли тройку лошадей и отправились въ Одоевъ къ матери; не доѣзжая до дома, я послалъ сестру пѣшкомъ, а самъ заѣхалъ къ зятю, какъ бы для найма лошадей до Тулы. Онъ меня не узналъ, а я, будто бы не сошелся цѣною, поѣхалъ. Когда я проѣхалъ мимо нашего дома, колокольчикъ прозвенѣлъ, а сестра съ матерью говорятъ: «не Иванушка-ли нашъ ѣдетъ къ намъ?» матушка сказала, «гдѣ этому

быть!» Я заѣхалъ за переулкомъ, слѣзъ съ повозки и подошелъ гѣшеомъ къ калитѣ. Я былъ молодецъ молодцомъ, одѣвшись въ новенькій гвардейскій мундиръ, съ широкими золотыми галунами, вызолоченными пуговицами съ орлами. Радость была велика!

Старшій братъ Иванъ, дня за три до моего приѣзда, тоже возвратился съ Кавказа изъ маркитантовъ. У него я засталъ много гостей гуляющихъ; огромный самоваръ кипѣлъ на столѣ, разставлено было разныхъ водокъ и закусокъ. На другой день я пошелъ въ городъ съ братомъ погулять. Насъ на каждомъ шагу знакомые останавливали, разговаривали и качали головами, какой молодецъ! Я мѣсяца два прогостилъ дома и мнѣ было очень хорошо, и поѣхалъ къ сестрѣ въ Бѣлевъ и тамъ сильно заболѣлъ. Я жилъ у сестры и долго не поправлялся; ужасная была слабость, но мало-по-малу стало мнѣ лучше. Поѣхалъ въ Одоевъ проститься съ матушкою и съ родными. Матушка въ это время была очень больна; я сталъ говорить брату, за котораго я пошелъ въ рекруты, чтобы онъ далъ мнѣ денегъ на дорогу и, несмотря на то, что онъ недавно привезъ съ Кавказа денегъ, какъ говорятъ, болѣе тысячи рублей, онъ далъ мнѣ на дорогу только десять рублей ассигнаціями. Да, горько мнѣ было идти въ рекруты, но въ это время было слышать во сто разъ горьче.... Я заплакалъ и сказалъ: «Да, любезный братъ, такъ-то ходить за васъ въ солдаты!» Матушка дала двадцать пять рублей, сестра и еще изъ родныхъ кой-кто рублей двадцать пять, и я распростился со всѣми, съ матушкою — навѣки.

Когда явился я къ грозному своему командиру полковнику Кизмеру, то онъ сказалъ: «Ты должно быть варениковъ объѣлся?» Это съ его стороны была большая любезность. На другой день принялъ лошадь, она только гонялась на кордѣ, а не ѣздила; я началъ на ней ѣздить. Много было надъ ней работы; но я чрезъ годъ ѣздилъ на ней на ординарцахъ у дивизионнаго начальника и получилъ благодарность отъ полковника Кизмера; кажется, чуть-ли ни я—первую. Чѣмъ дальше я ѣздилъ, тѣмъ моя лошадь становилась лучше,—она примѣнялась чуть-ли не къ моимъ мыслямъ. Я бывалъ на ординарцахъ у государя императора Александра Павловича. Кстати скажу, что я былъ хорошій фехтовщикъ. Мы каждый годъ ходили въ Петербургъ на смотръ къ государю Александру Павловичу со всего корпуса фехтовщиковъ,

и дрались въ Михайловскомъ манежѣ; для этого сдѣланъ былъ изъ досокъ полъ и выставлены были №№, гдѣ кому становиться по-парно. Фехтовальный учитель былъ капитанъ Вальвиль — французъ. Когда мы станемъ на мѣста и государь прикажетъ начинать, Вальвиль сеомандуетъ «ан-гардъ» и мы начинаемъ драться. Государь приказывалъ учителю ставить изъ насъ, по замѣчанію его, лучшихъ особо, въ томъ числѣ и меня. Мы три года ходили для фехтованія и всѣ три года я получалъ по десяти рублей. Вскорѣ послѣ благодарности полковника Кизмера, онъ вышелъ въ армію полковымъ командиромъ, а на мѣсто его поступилъ князь Багратіонъ 2-й.

Для коронаціи Николая Павловича велѣно было изъ cadaго полка сформировать по два полныхъ эскадрона и назначенъ былъ этотъ 1-й дивизионъ въ Москву; я былъ командированъ во второй эскадронъ къ полковнику Торнау. Въ приказѣ по полку было сказано, чтобы всѣ, откомандированные люди въ полный составъ дивизиона, были на своихъ лошадяхъ, но на дѣлѣ вышло иное. Князь Багратіонъ, бывший мой эскадронный командиръ, мою лошадь оставилъ, а мнѣ далъ другую, дрянную, а жаловаться было нельзя. Когда мы выступили въ Москву и дошли до гор. Волоочка, гдѣ великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ представить отъ cadaго эскадрона по ординарцу унтеръ-офицеру и вѣстовому рядовому при одномъ офицерѣ, — полковникъ Торнау вечеромъ приказалъ осѣдлатъ всѣмъ унтеръ-офицерамъ своихъ лошадей и перепробовать всѣхъ унтеръ-офицеровъ какъ ѣзду, такъ равно какъ являться. Дѣло было не легкое и довольно сложное. Онъ назначилъ меня на ординарца на этой же, можно сказать, влячѣ. Полкъ нашъ назывался своднымъ, потому что къ нему присоединялись драгуны — два эскадрона — и велѣно было являться такъ: «Къ вашему императорскому высочеству отъ лейбъ-гвардіи 1-го своднаго легкаго кавалерійскаго полка, отъ эскадрона полковника Торнау, на ординарца присланъ». Это надобно было произнести безъ остановки и запинки. Съ нами былъ прекрасный офицеръ поручикъ Брянчаниновъ, у него была отличная лошадь, и когда мы явились, великому князю угодно было приказать продѣлать всю манежную ѣзду и самъ онъ нами командовалъ. Михаилъ Павловичъ былъ очень доволенъ нашею ѣздою и приказалъ выдать унтеръ-офицерамъ по десяти рублей, а рядовымъ — по пяти. (Окончаніе слѣдуетъ).

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца
города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя
Великаго Князя Константина Николаевича.

III ¹⁾).

Собственноручныя разсужденія в. к. Павла Петровича о защитѣ границъ.

Приведенныя ниже разсужденія не имѣютъ заглавія и безъ подписи, но отъ первой до послѣдней строки писаны великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ собственноручно. Рукопись занимаетъ девять листовъ синеватой, золотообруш-ной тогдашней голландской бумаги; листы не шиты, перегнуты вдоль и пи-саны съ большими полями, съ небольшими помярками. На бандеролѣ, обтяги-вающимъ всѣ девять листовъ, надпись другой руки, вѣроятно одного изъ быв-шихъ библіотекарей въ Павловскомъ дворцѣ: «Собственноручныя разсужденія о защитѣ границъ». Къ разсужденію принадлежатъ два отдѣльныхъ полулиста: на одномъ — цифра войскъ, на другомъ — чертежъ переходовъ до Вѣны, — оба документа писаны великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ; первый изъ нихъ помѣщаемъ въ концѣ настоящаго труда, который, безъ сомнѣнія, составляетъ одну изъ задачъ, исполненныхъ Цесаревичемъ, при изученіи теоріи военнаго искусства.

Ред.

Положеніе границы таково, что невозможно дойти одному до дру-гого, не проходя Польши и даже не утвердись въ оной. Генерально невозможно будетъ начать ничего, не обезпечась со стороны выше-упомянутой земли занятіемъ оной, дабы помѣшать тоже самое учи-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 649 — 690; 853 — 884; изд. 1874 г., т. IX, стр. 37—56; 277—300; 473—512; 667—684.

нить непріятелю и тѣмъ самимъ получить средство соединиться съ союзною державою. Таковое соединеніе обниметь всѣ границы отъ Валахїи до Баварїи. Предварительно надлежитъ разсмотрѣть и снестись между державами о планѣ операцій съ ихъ стороны, а между тѣмъ собрать всѣ войски, отъ Риги до Елисаветы лежація, и поставить отъ Владиміржа до Могилева на Днѣстрѣ, отдѣливъ корпусъ знатной къ Радомышлю, дабы движеніемъ къ Кракову коммуниковать съ Шлезією. Равномѣрно собрать большую часть войскъ, по границѣ Турецкой лежащихъ, и поставить корпусомъ обсерваціоннымъ между Ольвиополя и Лодыжена для прикрытія какъ границъ и заду арміи, такъ и для примѣчанія движеній Турецкихъ. Корпуса Петербургской и Финляндской оставить по мѣстамъ.

Учредить магазейны въ Дубнѣ, Полонномъ и Немировѣ единственно для первой позиціи, которая займетъ линію отъ Владиміржа чрезъ Луки, Дубно, Острогъ, Заславль, Полонное, оба Константиновы до Могилева, а для отдѣленнаго корпуса къ Кракову—въ Люблинѣ. Сему же корпусу стать отъ Опатова чрезъ Радомышль къ Хелму.

Таковымъ расположеніемъ обнимется вся Галиція и тѣмъ удобнѣе, что выступаетъ оная угломъ въ Польшу. Нахожу лишь одно неудобство, а именно: въ доставленіи подвозовъ, ибо всѣ рѣки, почитай, идутъ на встрѣчу движеніямъ, которыми арміи надлежать будетъ дѣлать впередъ; одинъ Днѣстръ можетъ служить, по нуждѣ, до Галича, но и то противъ теченія; будучи же совсѣмъ съ краю позиціи и лежа взаворотъ и поперегъ движеній, весьма удобнымъ почесться не можетъ. Правда, что дешевизна какъ вещей, такъ подвоза въ Подолїи и Волыніи можетъ наградить вышесказанное неудобство.

Разсмотримъ теперъ, баковы могутъ быть дѣйствія. Предполагаю я войну наступательную, причины же сего ощутительны по политическому положенію Россіи. Лежащая предъ нами земля открыта до самыхъ Крапотскихъ (sic) горъ, крѣпостей нѣтъ, слѣдственно помѣшательства большаго быть не можетъ занять всю Галицію, тѣмъ болѣе, что предполагать надлежитъ дѣйствія наступательныя съ Прусской стороны изъ Шлезїи на Богемію, къ чему помогать могутъ и Саксонцы съ своей стороны.

Не войду я здѣсь въ разсмотрѣніе дальнихъ политическихъ видовъ, но не могу не примѣтить, что виды Австрійскаго дома противорѣчатъ видамъ Версальскаго двора, почему и надлежитъ думать, что оной первому помогать не станетъ, а можетъ быть склонится къ демонстраціи какой-либо со стороны Нидерландовъ.

Прусскія и французскія движенія раздѣляютъ достаточно примѣчаніе и силы Австрійскія; не возможно же, чтобъ и другія державы

и князья имперскіе не пристали, хотя несомнительно, что и съ другой стороны тоже самое будетъ. Изъ сего слѣдуетъ, что способіе намъ будетъ тогда дѣйствовать до самой Венгрии и Моравіи, что всегда будетъ служить диверсією въ случаѣ неудачи дѣйствія войскъ другихъ державъ.

Армію дѣйствующую полагаю изъ 77 баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ 2 баталіона егерей; 110 эскадроновъ кавалеріи, то есть, 55 тяжелой и 55 легкой, и 4 батареи артиллеріи.

По границѣ же останутся гарнизоны числомъ 22 баталіона, а противъ сей части Польши, гдѣ полагаю арміи собираться, то есть, отъ Толочина до Кіева,—8. Сверхъ сего, считать надлежитъ и тѣ гарнизоны, которые хотя принадлежать уже къ войскамъ, расположеннымъ по Турецкой границѣ, но, по близости Австрійской, здѣсь же сочтены быть могутъ,¹⁾ и таковыхъ отъ Кіева до Херсона 8 баталіоновъ. Крѣпости позади арміи въ своихъ границахъ: Будиловъ, Кіевъ и Святой Елисаветы.

Корпусъ обсервационной, о которомъ прежде говорилъ, поставить между Ладыжина и Ольвіополя, составленный изъ войскъ, лежащихъ по Турецкой границѣ, а состоять будетъ изъ 20 б. и 1 егер., и 30 эскад. легкой конницы и 1 бат. артиллеріи, которой смѣненъ будетъ идущимъ отъ Москвы. Сей корпусъ имѣть будетъ магазейны свои въ Архангельскѣ и крѣпости Святой Елисаветы; для первой же позиціи надлежитъ предполагать, что непріятель, будучи атакованъ разными державами, долженъ будетъ болѣе искать оборонительнаго положенія, по крайней мѣрѣ на первой случай; чему видѣнъ былъ примѣръ въ 78 году (1678 г.), гдѣ искалъ лишь занять крѣпкія мѣста позиціями и тѣмъ самымъ изнурить своего непріятели, дабы ослабить его къ другой кампаніи и симъ воспользоваться тогда.

Какъ одно изъ первыхъ военныхъ правилъ—мѣшать непріятелю въ его намѣреніяхъ, то и должно будетъ его выманивать разными покушеніями, какъ занятіемъ его земель, такъ и взятіемъ крѣпостей. Сіе должно предметомъ оставаться, хотя бы оной и не слѣдовало намѣренію, которое мы предполагаемъ, ибо лучше предупредить, нежели предупреждену быть; наступающій же свободнѣе въ дѣйствіяхъ, нежели защищающійся.

И такъ, приступимъ къ объясненію возможностей исполнить сей планъ.

Армію собрать [зимою—кругъ генваря мѣсяца]. Сіе тѣмъ возмож-

¹⁾ Въмѣсто зачеркнутаго: «въ то самое время и противъ оной служить могутъ».

нѣе, что каждая сторона ищетъ лучшаго времени для дѣйствій: воспользоваться зимнимъ путемъ для доставленій и подвозовъ. Стать больше кантонированіемъ, нежели зимними квартирами, ибо въ сихъ мѣстахъ въ февралѣ уже весна.

Дистанція всей позиціи, не считая отдѣленныхъ двухъ корпусовъ, т. е., отъ Владимиржа до Могилева—кругъ 560 верстъ.

Отдѣленной корпусъ къ Кракову состоитъ можетъ изъ 15 эскадроновъ тяжелой, 15 эскадроновъ легкой и 20 бат. пѣхоты, 1 батал. егерей, которому стать отъ Опатова до Хельма на 250.

Квартирамъ главной арміи быть перемѣшаннымъ кавалеріи съ пѣхотою, а какъ вступленіе въ непріятельскія земли должно быть въ двухъ мѣстахъ по удобности, то и квартирамъ быть по сему расположеннымъ.¹⁾

Главная армія состоятъ будетъ, за отдѣленіемъ корпуса, изъ 40 эскад. легк., 40 эскад. тяж., 55 бат. пѣхоты и 1 бат. егер.

Одной части арміи вступить чрезъ Соколь и Бѣлецъ, а другой, показавъ видъ на Броды, идти на Збаржъ.

Занятіе Галиціи должно почитаемо быть лишь однимъ предвѣріемъ, ибо земля совсѣмъ открытая и въ которой нѣтъ крѣпостей, а предметъ долженъ быть на Венгрію, дабы тѣмъ чувствительнѣе сдѣлать ударъ. Для сего собрать одну колонну изъ 20 эскад. легкой, 20 эскад. тяж. и 30 баталіоновъ въ лагерь подъ Вишневецъ, а другую—изъ 20 эскад. легк., 20 эскад. тяжелой и 26 баталіоновъ подъ Мишетинъ (sic), какъ скоро рѣки и грязи, которыхъ въ той сторонѣ довольно, дозволить, что и будетъ въ половинѣ марта. Между тѣмъ корпусу отъ Хельма собраться на рѣкѣ Санѣ, дабы идти въ обходъ горъ подъ Тешень, маскировать Ольмюцъ и мѣшать непріятелю сзади турнировать и коммуниковать съ Прусскимъ королемъ. Корпусу же отъ Ладжины, отдѣливъ отъ себя 8 бат. пѣхоты и 10 эскадроновъ, послать маскировать Хотинъ, вошедъ въ Буковину подъ Черноградомъ, и стараться идти до Святина и Черноуцъ.

Должно ожидать, что собранъ будетъ непріятельской корпусъ въ Галиціи кругъ Львова и отъ него отдѣленіе къ Кракову (какъ) для прикрытія соляныхъ заводовъ, такъ и прохода подъ Тешеномъ. Таковой корпусъ подъ Львовымъ не можетъ быть сильнѣе нашей арміи, ибо трудно будетъ непріятелю имѣть 97,750 (кромя 15,000 доп. воз.), какова наша армія, въ отдѣленіи, пока Прусскія арміи будутъ его упражнять—въ Богеміи, Нѣмецкіе князья—въ Баваріи, Французы и

¹⁾ Строка отъ словъ: «съ пѣхотою... до расположеннымъ» зачеркнута и обведена съ поля чертою. Ред.

Голландцы—въ Нидерландахъ, а Сардинской король—въ Италиі. [Державы, которыхъ интересъ не позволить возвышенія австрійскаго дому.] Посему и должно полагать, что хотя бы употребленный въ Галиціи корпусъ противу насъ и могъ равняться противу нашей арміи, такъ по крайней мѣрѣ опасаться отъ него нечего, и въ такомъ случаѣ, двѣ вещи предлежатъ: если непріятель будетъ лишь имѣть корпусъ только, то можетъ идти прямо на него та часть арміи, которой войдти подъ Збаражскъ, пока другая, изъ-подъ Сокола, его можетъ турнировать. Если же непріятель будетъ въ равныхъ съ нами силахъ, то обѣимъ частямъ соединиться, вошедъ въ Галицію, и искать сраженія, дабы ему или помѣшать дѣйствовать, или заставить¹⁾ перемѣнить позицію, а и тѣмъ, и другимъ получить твердую ногу къ дальнѣйшимъ видамъ. Соединеніе таковое можетъ быть подъ Олецкомъ, если непріятель возьметъ постъ кругъ Львова, что предполагать надлежитъ, какъ по удобности мѣстоположенія, такъ и для того, что сей городъ лежитъ по срединѣ Галиціи и главный.

Здѣсь примѣтитъ надлежитъ, что подъ Львовымъ мѣста открытыя и ровныя, удобныя для сраженія; но для сей причины думать надлежитъ, что непріятель будетъ искать воспользоваться многими рѣчками, протекающими по довольно болотной землѣ, дабы остановиться позади ихъ; но сіе только затрудненіе, и такъ пойдемъ далѣ въ Венгрію и то учинимъ подъ Дуклой,²⁾ оставляя корпусъ, взятый изъ лежащей по Турецкой границѣ войскъ подъ Снятинымъ и Чернауцами для маскированія Хотина и примѣчанія Турецкихъ движеній. Тѣмъ временемъ соединятся и Московскія части войска, которыхъ числомъ, взявъ только половину, будетъ 20 эск., 10 бат. и 1 бат. арт., и вступятъ въ Галицію подъ Сатановымъ, а въ Венгрію—черезъ Телятинъ и Сигеть. Сему корпусу кантонировать позади собранной арміи къ Киеву, вдоль по границѣ нашей, отъ Бѣлой Церкви,³⁾ а выступить изъ кантонированія такъ, чтобъ быть въ Галиціи въ одно время съ арміею.

Перешедъ армія горы, идетъ на Кашау, посылая изъ-подъ Еперіеса козаковъ для коммуниваціи къ корпусу подъ Ольмюцомъ, которымъ идучи, напасть на Кремницъ, гдѣ золотныя руды, а на другую сторону для того же къ корпусу, изъ подъ Телятина идущему. Сему же идти на Дебрецинъ, гдѣ и ждать обстоятельствъ, дабы идти или прямо на Пестъ, или идти ближе къ арміи—назадъ на Токай.

Армія, дошедъ до Кашау, обращаетъ свои дѣйствія поперегъ той

¹⁾ Зачеркнуто: «прогнать».

²⁾ Въмѣсто зачеркнутаго: «двумя дорогами».

³⁾ Въмѣсто зачеркнутаго: «отъ Елисаветы».

Ред.

Ред.

Ред.

линіи, которою взошла, чему соответствуетъ корпусъ подъ Дебрециномъ, идучи въ одно или другое изъ вышесказанныхъ мѣстъ. Корпусъ подъ Ольмюцомъ полученною осадною артилеріею осаждаеть сію крѣпость, а главное намѣреніе—утвердиться въ Венгріи и подвигаться къ Вѣнѣ; для сего имѣтъ корпусъ изъ-подъ Дебрецина для прикрытія заду, а арміи искать непріятеля для сраженія, котораго успѣхъ, посреди непріятельской земли и столь близко отъ столицы, долженъ быть рѣшителенъ.

Три вещи могутъ быть: 1-е: непріятель или будетъ убѣгать, тогда за нимъ идти, а если раздѣлится при семь, чему быть трудно, тогда не останавливаться, а идучи брать что можно, чему сзади корпусъ помогать можетъ; 2-е: или давъ баталію, выиграеть, тогда идти на Ольмюцъ всей силой, прикрываясь заднимъ корпусомъ; 3-е: если, давъ баталію, проиграеть, тогда идти за нимъ—тѣмъ способнѣе.

Теперь буду оговаривать первые два случая, ибо послѣдствія ихъ одинаковы, и для того корпусъ отъ Дебрецина идетъ маскировать Пестъ, если его д'амбле¹⁾ взять невозможно. Главная армія идетъ между Хемница и Дуная, беретъ Кремницъ, отдѣля отъ себя для того. Гранъ, Комморнъ также должно, идучи, взять, а Презбургъ, если его вдругъ взять нельзя, оставить и идти прямо на Вѣну. Если же Презбургъ удасться взять, тогда собрать чины Венгерскіе и привести къ присягѣ, а между тѣмъ, конечно, соберется еще разъ непріятель, котораго атаковать, и тогда искать осадить Вѣну, а въ случаѣ неудачи, опять къ Ольмюцу подвинуться.

Если же при первомъ сраженіи въ Венгріи неудача будетъ, тогда армія вся идетъ къ Ольмюцу, какъ для прикрытія осады, такъ и для вспоможенія осаждающимъ, какъ и въ предъидущемъ казусѣ.

Если же удасться Вѣну осадить, тогда осаду Ольмюца обратить въ блокаду, а остатокъ войскъ изъ подъ Ольмюца, какъ и корпусъ изъ-подъ Песта, употребить одинъ отъ Венгріи, а другой—отъ Баваріи обсерваціонными корпусами: одинъ—къ Раабу, а другой—къ Линцу.

Показавъ главное намѣреніе военныхъ дѣйствій, долженъ объяснить съ большимъ вниманіемъ все сказанное мною: со времени влода въ Галицію, для котораго арміи и корпусамъ на вышесказанныхъ сборныхъ мѣстахъ къ 20 марту, доставивъ изъ магазейновъ подвозами все нужное, а возачьихъ лошадей и подъемныхъ довольствуя уже хотя отчасти подножнымъ кормомъ.

¹⁾ Внезапно, съ одного разу.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. X, 1874 г. май

Отъ Милытина ¹⁾ чрезъ Соколъ до Олецко 55 в., а маршами по рѣкѣ Бахъ—4 марша и 1 разтахъ подъ Бѣляцомъ. ²⁾

Маршъ на Соколъ 15 в.; на Бѣлецъ—25; по лѣвому берегу рѣки Баха вверхъ — 30; таковой же къ Олецку, гдѣ и перейтить рѣку оную—25.

Чрезъ Збаржъ отъ Вишневецъ до Олецко—115, а маршами 4 марша и 1 разтахъ, близъ вершинъ Баха. Маршъ на Збаржъ—25, до вершинъ Баха—30, внизъ по сей рѣкѣ, по правому берегу, 30; къ Олецку—30.

При семъ походѣ первой части занять Бѣльць; а другой — Броды, баталіонами двумя, которые соединятся съ арміею подъ Олецко, а козаками коммуниковаать между обѣихъ частей и имѣть ихъ впереди до Баха. ³⁾

Подъ Олецко придетъ армія къ 1 апрѣлю.

Въ сему времени быть корпусу отъ Хелма на Санѣ, до котораго 120 в., а маршами (6)—4 марша и (два) 1 разтахъ.

Маршъ на Красноставъ—30, при рѣкѣ Вепршъ; перешедъ оную до Гершкова—30, гдѣ и разтахъ при рѣкѣ; до Туробана—30 по той же рѣкѣ; до Кржецова на Санѣ—30.

Козакамъ же сего корпуса сдѣлать коммуникацію съ Бѣльцомъ и арміею чрезъ Новозамость и Раверуску, занявъ ихъ. Въ другую же сторону сдѣлать коммуникацію козаками же съ Шлезіею.

Корпусъ по лѣвую сторону арміи, собравшійся подъ Сатановымъ, идетъ на Сигеть, прямо на Телятинъ, въ 6 маршей и 2 разстаха, и такъ выступаетъ 4 днями прежде главной арміи.

Маршъ на Сухиставъ—15 в. Маршъ къ Ярославцу—25 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ на Дибѣстръ—15 в., который и перейти.—Маршъ на Хоцо, маршъ 30 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ на Отѣнье—15 в. Маршъ на Телятинъ—30 в. Здѣсь остановиться и дожидаться сношенія съ главною арміею чрезъ Галичь.

Корпусъ изъ-подъ Ладыжена, собравшись къ Червонграду (Черноградъ тоже), идетъ въ два марша: одинъ въ 30 в., а другой—въ 20 в., къ Черкауцамъ, гдѣ и останавливается.

Такимъ образомъ я довелъ каждой корпусъ до того пункта, съ котораго начинать каждому свои дѣйствительныя дѣйствія въ соображеніи одинъ съ другимъ.

Занятіе Львова и первое подъ онымъ сраженіе должно въ то

¹⁾ Зачеркнуто: «и Вишневецъ».

Ред.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: «отъ Вишневецъ до Олецко чрезъ Збаржъ—маршъ».

Ред.

³⁾ Далѣе зачеркнуто: «тѣмъ временемъ корпусъ изъ подъ Хелма».

Ред.

время быть, ¹⁾ пока корпусъ съ правой стороны, перешедъ Сабъ, будетъ идти на Тешень. Вступленіе же въ Венгрію должно въ одно время съ обѣихъ ²⁾ сторонъ быть, а праваго крыла корпусу въ то самое время сдѣлать инвентитуру Олмюца. И такъ, употребить армія до Олецко ³⁾, а прочіе корпусы до своихъ пунктовъ,—время до 25-го марта.

Подъ Олецко простоятъ армія 5 день, какъ для узнанія о неприятели, такъ и для полученія извѣстій и коммуникацій отъ другихъ корпусовъ.

Если же бы неприятель стоялъ корпусомъ, по первому предположенію, близъ Львова, тогда, не мѣшкая и не останавливаясь, перейти Вахъ и идти на него; а послѣ успѣха сего предпріятія, отправя за нимъ вслѣдъ козаковъ, можно остановиться подъ самымъ Львовымъ нужное время.

Отъ Олецко же до Львова, перешедъ Бахъ у Кожурева. До сего мѣста маршъ 10 в., до Ярычова маршъ 20 в., гдѣ и разтахъ; подъ Львовъ—15 в.; итого 3 марша и 1 разтахъ,—и тамъ сраженію быть кругъ 30-го марта.

Отъ сего города до входа въ Венгрію, какъ до второй эпохи сей кампаніи, маршъ къ Янову 25 в., во время котораго переправа; къ Яворову маршъ 20 в., во время котораго переправа, гдѣ и разтахъ. Маршъ къ Мосцанскѣ 15 в., во время котораго переправа. Маршъ до рѣки Сана 20 в., при которой разтахъ. Переправа черезъ сію рѣку и маршъ къ Пршемислю 15 в.; маршъ къ Дубіекѣ, по сей рѣкѣ—30, гдѣ и разтахъ. Между тѣмъ уже отъ Пршемисля отправить значное число козаковъ въ лѣво, къ горамъ, загоняя отъ Киски до Дуклы.

Арміи же запасти во Львовѣ и Пршемислѣ магазейны для подвозу до горъ, то есть, до Дуклы, располагая такъ, чтобъ послѣдній магазейнъ не прежде трогать, какъ когда первый изойдетъ, а сей чтобъ сталъ на время похода отъ Львова до Пршемисля; второй-же—до самыхъ горъ, прикрывая и тотъ, и другой бригадою въ каждомъ мѣстѣ, которымъ, по окончаніи магазейна, соединиться съ арьергардомъ арміи на разтахъ.

Коммуникацію къ корпусу праваго фланга передвинуть тѣмъ временемъ на большую дорогу.

Отъ Дубіеки маршъ 10 в. до Дунова. Маршъ до Кроено 30 в., оставляя Домрацъ въ правѣ, здѣсь разтахъ. Маршъ къ Дуклѣ, съ

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: «съ инвентитурою занятіемъ Тешена».

Ред.

²⁾ Вмѣсто зачеркнутаго: «со всѣхъ трехъ».

Ред.

³⁾ Вмѣсто зачеркнутаго: «Отъ Олецко до входа въ Венгрію».

Ред.

переходомъ двухъ рѣкъ, 10 в. Маршъ въ горы до Комерника съ переправою 25 в., гдѣ и стать на горахъ, на скатѣ въ Венгрію, имѣя впереди рѣчку, ¹⁾ что будетъ кругъ 13-го апрѣля. Тѣмъ временемъ корпусъ праваго фланга идетъ 31-го марта съ Сава въ верхъ по сей рѣкѣ. Маршъ 20 в. къ рѣкѣ, впадающей въ сію; маршъ 15 в., гдѣ и разтахъ. Въ верхъ по сей рѣкѣ маршъ 20 в. къ Ландсауту. Маршъ съ переправою 20 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ къ Ржесцову съ переправою 15 в. Маршъ къ Фристану 25 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ до рѣчки, текущей отъ Яслы, 20 в. Маршъ до Пиласно и переправа 20 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ на Туховъ и переправа 20 в. Маршъ на Уховъ 30 в., гдѣ и разтахъ. Отсюда отправляется баталіонъ и нѣсколько конницы для занятія и контрибуціи въ Бохню, гдѣ соляные заводы, которые и могутъ послѣ идти для того же въ Величку.

Маршъ до рѣчки и переправы 20 в. Маршъ до рѣчки 20 в., гдѣ переправа и разтахъ. Маршъ къ Затору 20 в. Маршъ къ Кретты и переправа чрезъ рѣку и чрезъ Сота 20 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ до Бѣлицъ 15 в., перешедъ рѣку. Маршъ къ Тешену 25 в., гдѣ и остановиться 22-го апрѣля. И такъ, сей корпусъ, будучи у Ухова въ то время, когда армія войдетъ въ горы, предостережетъ оную отъ турнированія. Кругъ Тешена ожидать надобно будетъ встрѣтить непріятели. Если оной не задержитъ, то идти на Ольмюцъ, а къ Ольмюцу останется маршъ на Фриденъ, съ двумя переправами, 20 в. Маршъ съ переправою до рѣчки 15 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ на Фулькенъ съ переправою 11 в. Маршъ на Либе 25 в., гдѣ и разтахъ. Переправа и маршъ къ Ольмюцу 20 в.

Осадную артилерію везти водою по Вислѣ сколько можно, а потому перевезти сухимъ путемъ и для того идти деташементу съ нею для прикрытія.

Корпусъ и артилерія должны быть подъ Ольмюцемъ 30-го апрѣля; между тѣмъ главная армія простоятъ въ горахъ, взявъ выгодный лагерь, день 7, а остальные 10 день, до инвеституры Ольмюца, употребить на движеніе въ Венгрію.

Тѣмъ временемъ корпусъ лѣваго фланга, снесся съ арміею, идетъ, простоявъ до перваго апрѣля, подъ Телатинимъ. Маршъ къ рѣкѣ 10 в. Маршъ въ горы и переходъ оныхъ 25 в. къ Сигету, гдѣ и остановиться, дѣлая коммуникацію къ арміи день съ 7, а потомъ идти къ Дебрецину, подвозя все сзади. Маршъ, перешедъ Тейсъ внизъ по оной, 10 в. Маршъ къ Капнику 20 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: «и того 13 маршей и 5 разтаховъ, 18 день, что будетъ кругъ».

внизъ по рѣчкѣ и перешедъ оную 20 в. Маршъ внизъ по Тейсу къ Нагибанъ 25 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ внизъ, по той же рѣчкѣ до стеченя съ малою рѣкою, 20 в. Маршъ на половину дороги между Мегіесъ и Спатмора 30 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ къ озеру 25 в. Маршъ до Багамерь—25 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ къ болотамъ подъ Дебрециномъ, во время котораго послать занять козаками предмѣстье Гросъ Варадейна, причемъ можетъ съ гарнизономъ сей крѣпости сраженіе битъ, котораго избѣгать. А подходомъ къ сей крѣпости жалюзію¹⁾ сдѣлаемъ непріятелю.

Маршъ подъ Дебрецинъ между болотъ 10 в. и занятіе его, гдѣ и остановиться, пришедъ 23-го апрѣля. Запася нарочно авангардомъ по дорогѣ провіантъ и фуражъ во время похода до сего мѣста. Простоявъ здѣсь два дни, идетъ на Ерлау, дабы стать съ удобностію для покушенія къ Песту или, въ случаѣ надобности, для сближенія съ арміею, къ 1-му мая. Маршъ до рѣчки, прикрываясь болотами, 20 в. Маршъ до Тейсы 20 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ до рѣчки 20 в. Маршъ до Капелни 25 в., гдѣ и разтахъ. Маршъ подъ Ерлау 20 в. Тѣмъ временемъ не терять коммунивацію съ арміею козаками. Съ сего времени уже главной арміи дѣйствовать всегда комбинированно съ симъ корпусомъ, какъ въ случаѣ удачи, такъ и неудачи.

Лучше же бы было, если бы армія простояла не болѣе 5 день въ горахъ, то есть, до 18-го апрѣля, и тотчасъ шла въ Венгрію, и тѣмъ самымъ всѣ три корпуса дѣлали бы другъ для друга диверсію, и такъ маршъ до Бартиха и переходъ рѣчки 20 в. Маршъ и переправа до Гергслинъ 25 в., гдѣ и разтахъ. Съ сего мѣста идти прямо на непріятеля, гдѣ бы онъ ни былъ. Здѣсь приложу только роспись маршей до Вѣны, ибо вѣрнаго заранее сказать ничего нельзя²⁾. Сею скоростію придается большая ловкость всѣмъ операціямъ даже и другихъ корпусовъ, ибо пока одному захочетъ непріятель что-нибудь сдѣлать, тогда другой ему диверсіею служить будетъ. Впрочемъ, съ сего пункта надлежитъ уже совсѣмъ располагать движенія свои лишь по непріятельскимъ, будучи мы³⁾ вольны въ землѣ, времени и соображеніи.

¹⁾ Вмѣсто зачеркнутого: «диверсію».

Ред.

²⁾ Для нагляднаго объясненія этой росписи, т. е., всего вышензложеннаго, цесаревичъ набросалъ чертежъ маршрутовъ на Вѣну со всѣхъ сторонъ и черезъ разные города, съ означеніемъ по-верстнаго разстоянія какъ между ними, такъ и столицю Австріи. Кромѣ значенія автографическаго, этотъ чертежъ не представляетъ послѣ «росписи» особаго интереса, а потому здѣсь опущенъ.

Ред.

³⁾ Вмѣсто зачеркнутого: «намъ».

Ред.

76,000.		6,000 . . . I.
88,000 . . . In.		1,200 . . . G.
6,600 . . . G.		3,000 . . . C.
6,000 . . . L. C.		1,000 . . . A.
6,000 . . . S. C.		<hr/>
3,000 . . . A.		11,200
750 . . . I.		
<hr/>		
55,350		Объясненіе буквъ:
12,000 . . . I.		In. Infanterie
2,400 . . . G.		G. Garde
2,250 . . . L. C.		L. C. Leichte Cavalerie
2,250 . . . S. C.		S. C. Schwehra Cavalerie
1,000 . . . A.		A. Artillerie
750 . . . I.		I. Invaliden
<hr/>		
20,650		
4,500 . . . I.		
1,200 . . . G.		
1,500 . . . L. C.		
300 . . . A.		
750 . . . I.		
<hr/>		
8,250		
<hr/>		
84,250	95,450	Собъ.

IV.

Примѣрное краткое назначеніе о государственныхъ расходахъ, полагая, что государственный доходъ не превышаетъ 41 милліонъ.

1786 г.

Нынешнее:	изъ 41,000,000 да сверхъ того до 10,000,000 по Кабинету и Дворцовой Канцеляріи.	Примѣрное:	
1. Въ расходъ по мѣстамъ, гдѣ собирается	1,212,849	На губерніи	4,000,000
2. На губерніи	10,921,388	Военной департаментъ съ артиллеріею	19,500,000
3. На комисаріатъ, съ прибавочными	10,057,910	Морской	2,000,000
4. Въ адмиралтейство	2,510,774	Штатской	1,000,000
5. На расходы по штатамъ и пенсіи, въ Петербургѣ) и въ Москвѣ держатся)	5,210,112	6. Духовной	500,000
		7. Императрица	1,000,000
		8. Удѣлы	1,000,000
		9. Дворъ	1,000,000
		10. Уплата долговъ	1,000,000
		11. Строеніи	1,000,000
		12. Пенсіоны (пенсіи)	500,000
		13. Иностранная коллегія	500,000
		14. Откладная сумма	1,500,000
		15. Кабинетъ	1,000,000
Затѣмъ въ остаткѣ	11,861,532	Затѣмъ въ остаткѣ	11,500,000
<hr/>		<hr/>	
Итого	41,774,565	Итого	41,000,000

Примѣчаніе. Вся смѣта писана в. к. Павломъ Петровичемъ собственноручно. Ред.

ГРАФЪ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ

1771—1837.

1798 г.¹⁾

Князь А. В. Буракинъ—гр. Н. П. Панину.

5-го января 1798 года.

(Шифромъ, по-русски). Для поднесенія наслѣдному принцу прусскому ордена св. Андрея Первозваннаго, его императорское величество рѣшиться соизволилъ назначить своего генераль - адъютанта Неплюева;²⁾ но сіе назначеніе, до сего подспудное, извѣстно и объявлено будетъ только тогда, когда Андреевскій орденъ покойнаго короля, сюда, по предварительному о томъ извѣщенію вашему, возвратно придется; и я съ своей стороны искренне желаю, чтобы исполненіе сего не замедлилось. Неплюеву предписано будетъ во всемъ руководствоваться вашими наставленіями и совѣтами. По извѣстнымъ дарованіямъ его, надѣюсь, что вы симъ выборомъ будете довольны, и что онъ съ пользою и успѣхомъ вами употребится по извѣстнымъ для насъ равнодушнымъ и вами самими желаемымъ предметамъ. Въ выборѣ семъ болѣе всего старались, чтобъ для сей комиссіи избираемый былъ чинномъ васъ моложе и могъ бы вамъ совершенно на руки поручиться, какъ Неплюевъ и порученъ будетъ. Слѣдовательно, вы одни должны одушевлять всѣ его разговоры, вну-

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 338—373.

²⁾ Неплюевы были въ родствѣ съ Паниными. Дѣдъ Неплюева, Иванъ Ивановичъ женатъ былъ во второмъ бракѣ на Аннѣ Ивановнѣ Паниной (1717—1745), родной сестрѣ графа Петра Ивановича.

шенія и подвиги и ими, съ отчетомъ его предъ вами объ оныхъ, управлять.

Для дальняго вашего руководства по настоящимъ вообще дѣламъ, снабжены вы будете на сихъ дняхъ съ нарочнымъ курьеромъ новыми и подробными наставленіями, коими, по высочайшему повелѣнію, канцлеръ уже занимается. Между тѣмъ, предварительно и для одинаго свѣдѣнія вашего, сообщу я вамъ, что о желаніи нашемъ—тѣснѣе сблизиться съ дворомъ Берлинскимъ сдѣлано откровеніе министерствомъ нашимъ какъ посланнику Грѣбену, такъ и генераль-лейтенанту Клейсту;—сему послѣднему изъявлено то желаніе и самимъ государемъ императоромъ въ разговорахъ его съ нимъ при разводѣ; что мы не намѣрены, дабы не отдалить возжелѣнное событіе общаго мира, противоборствовать постановленіямъ, учиненнымъ Вѣнскимъ дворомъ съ Французами, равномѣрно и препятствовать Берлинскому двору, если бы онъ, по своимъ обязательствамъ или видамъ, захотѣлъ съ своей стороны сдѣлать въ Германіи нѣкоторыя приобрѣтенія. Не то время, не тѣ обстоятельства уже, чтобы какой-либо державѣ возможно теперь неварушимость германской конституціи удержать. Какъ же скоро нѣтъ такой силы, которая могла бы препятствовать событію готовящихся въ Раштадтѣ¹⁾ перемѣнъ, хотя онѣ безсовѣстны и вопіющи, то и не можетъ быть приличія, о томъ по напрасну въ лишнія и пустыя объясненія безъ соотвѣтствующихъ онимъ дѣйствию вдаваться, и посреди такихъ обстоятельствъ благоразуміе предписываетъ искать и выбирать только то, что сносно и лучшимъ быть можетъ.

Въ вѣдшее откровеніе скажу вамъ еще, что, по уваженію отдаленности отъ владѣній нашихъ княжества Іеверскаго, смѣжнаго съ прусскими областями, которое по маловажности своей пользы намъ никогда приносить не въ состояніи, а можетъ часто подавать поводы въ непріятностямъ и хлопотамъ,—намѣреніе есть промѣнять королю прусскому на такую часть владѣній его, которая была бы смѣжна съ нашими. Почему удобнѣе всего признаемъ мы получить лежащія земли прусскія по сию сторону рѣки Нѣманъ до ея устья, такъ чтобы Мемель и весь Нѣманъ сдѣлать нашими. Все сіе для приведенія въ дѣйствіе поручено будетъ вашему попеченію и искусству, по испытанію, уже сдѣланному о вашемъ усердіи и о вашей способности, и по удостоверенію, что качества Грѣбена не равняются съ вашими: вы лучше и благоуспѣшнѣе его пользу взаимную, въ семъ предположеніи состоящую, объяснить и оное до желаемаго окончанія довести можете.

¹⁾ Раштадтскій конгрессъ между Франціею и Германскою имперіею (1797) окончательно подчинилъ Австрію республикѣ Французской, а Германію и Пруссію поставилъ къ ней въ самыя враждебныя отношенія.

Графъ Н. П. Панинъ—кн. А. Б. Буракину.

Берлинъ, 9-го (20) января.

(Шифромъ, по-французски). Затрудненія, встрѣченныя мною по дѣлу французскаго короля, внезапный пріѣздъ г. Кутузова и хлопоты, въ которыя мнѣ пришлось войти, чтобы онъ представился, заняли у меня всѣ эти дни, такъ что я не имѣлъ ни одной досужей минуты.

Берлинъ, 13-го (24) января.

(Собственноручное. Секретно). Дрожайшій кузень, если бы не пріѣздъ генерала Кутузова, вы съ этимъ курьеромъ получили бы весьма объемистую депешу, такъ какъ у меня для сообщенія вамъ тысячи равныхъ свѣдѣній и открытій; но онъ разстроилъ всѣ мои планы. Вчерашній день весь пропалъ по милости аудіенцій, визитовъ и скучныхъ переписокъ для испрошенія приказаній старыхъ королевскихъ высочествъ. Секретная моя реляція требуетъ скорѣйшаго исполненія и я не могу себѣ позволить задерживать ее долѣе. Вслѣдствіе этого, какъ оно мнѣ ни тяжело, ограничусь сообщеніемъ вамъ только о предметахъ существеннѣйшей важности.

Вы не можете отвергать, почтенный мой благодѣтель, что свѣдѣнія, которыми мы размѣниваемся путемъ нашимъ секретныхъ сношеній, весьма важны; что онѣ, вѣроятно, будутъ еще драгоцѣннѣе впоследствии; что необходимо принять всѣ мѣры, дабы не лишиться ихъ плодовъ: чувства челоуѣчества не требуютъ-ли обезпеченія участи этого (услуживающаго намъ) челоуѣка, если онъ неизмѣнно будетъ продолжать оказывать столь важныя услуги? Обратите на это ваше вниманіе; переговорите съ канцлеромъ и скажите, что могу я предложить въ будущемъ моему агенту? Мнѣ кажется, что онъ всегда весьма успѣшно можетъ исполнять возлагаемыя на него порученія и въ другомъ мѣстѣ, даже можетъ быть у себя на родинѣ, по минованіи въ немъ надобности при теперешнемъ господинѣ. До сихъ поръ я плачу ему только 25 червонцевъ. Согласитесь, что это не дорого. Но вы согласитесь также, что и 200 или 300 червонцевъ не будутъ лишними къ концу года, если я получу тайныя инструкціи и шифрантъ, какъ надѣюсь. До сихъ поръ я не уговаривался съ нимъ объ обезпеченіи его судьбы; но не справедливо-ли, чтобы челоуѣкъ, рискующій попасть въ петлю за привязанность къ своему господину и за свое отвращеніе къ революціоннымъ началамъ, имѣлъ обезпеченную будущность? Еще разъ заклиная васъ, займитесь этимъ вопросомъ.

Похвала ваша и одобреніе, которымъ вы удостоили разные мои предложенія отъ 13-го декабря, доставили мнѣ величайшее удовольствіе.

Подобно вамъ, милый кузень, сознаю трудность выбора человѣка, долженствующаго быть моимъ помощникомъ. Вслѣдствіе этого у меня родилась мысль, которую и отдаю на ваше мнѣніе. Такъ какъ предварительный наказъ хотѣтъ дать генералу Бутузову, нѣтъ-ли возможности остановиться на немъ и оставить его здѣсь на нѣсколько времени? Признаюсь, я предпочитаю его весьма многимъ. Онъ уменъ, со способностями и я нахожу, что у насъ съ нимъ есть сходство во взглядахъ. Если пришло къ кому инаго, мы потеряемъ драгоцѣнное время на изученіе другъ друга и, такъ сказать, на сочетаніе нашихъ мнѣній. Еще одна изъ главныхъ причинъ заключается въ томъ, что онъ (Бутузовъ) имѣлъ успѣхъ при дворѣ и въ обществѣ. Старому воину они здѣсь доступныѣ, чѣмъ кому иному, и съ этой выгодой онъ соединяетъ еще другую: знаетъ въ совершенствѣ нѣмецкій языкъ, что необходимо. Наконецъ, повторяю, я думаю, что онъ будетъ полезнѣе другаго и что мы съ нимъ всегда поладимъ. замѣтьте, однако, милый кузень, что повелѣніе—дѣйствовать по моимъ указаніямъ во всякомъ случаѣ необходимо.

Рѣшаюсь, такъ какъ вы этого желаете, остаться на нѣкоторое время на моемъ постѣ. Но если король скончается, неужели вы оставите меня на произволъ презрѣннаго якобинца, который будетъ правителемъ? Смѣю думать, что вы на столько не желаете мнѣ зла.

Присылка ордена св. Екатерины королевѣ ни подъ какимъ видомъ не прилична. Позвольте мнѣ, почтенный благодѣтель, выразиться откровенно, потому что, по правдѣ сказать, мнѣ не до фразъ. У королевы-матери есть этотъ орденъ, а она его никогда не надѣваетъ. Кажется, здѣсь принято за правило, что царствующей королевѣ не прилично носить иностранный орденъ,—и можетъ быть это справедливо. Если вы того потребуете, я поразвѣдаю; но думаю, что слѣдовало бы сдѣлать нѣчто другое: прислать портретъ императрицы въ знакъ расположенія при любезномъ письмѣ, съ выраженіемъ желанія получить на обмѣнъ портретъ королевы.

Кажется, милый кузень, что императоръ судилъ о герцогѣ Брауншвейгскомъ не такъ строго, какъ вы, ибо приказалъ мнѣ поддерживать съ нимъ пріязненные отношенія. Вы говорите, что моя реляція отъ 13-го (24) декабря противорѣчитъ конфиденціальной депешѣ, писанной въ вамъ того же числа? Не могу съ этимъ согласиться, извините. Прочтите еще разъ мою переписку: я говорилъ всегда, что герцогъ слабъ; храбръ на полѣ сраженія и малодушенъ при дворѣ. Это не мѣшаетъ ему быть гениальнымъ, имѣть большія способности, хорошія правила и все, что нужно, дабы играть въ Пруссіи главную роль. Но его надобно поощрять; его, такъ сказать, на-

добно подталкивать: такова была цѣль моего предложенія. Впрочемъ, оно болѣе неисполнимо, въ чемъ сознаюсь,—и теперь единственное мое желаніе—знать: оправдался-ли я въ глазахъ вашихъ въ вѣжущемся противорѣчій моихъ мнѣній; мнѣ было бы, признаюсь, очень грустно навлечь на себя подобный упрекъ.

Проникнутый чувствами почтительнѣйшей и глубочайшей признательности за участіе, которое еще сохраняетъ во мнѣ особа, упомянутая въ вашей послѣдней депешѣ отъ 29-го декабря, скажу, что я всегда покорюсь ея велѣніямъ. Отлагаю до другаго случая отвѣтъ на то, что вамъ было сказано. Надобно открыть одну, очень важную ошибку, но это откровеніе повело бы меня слишкомъ далеко.

Князя Репнина я всегда увѣдомлялъ съ величайшими подробностями о дѣлѣ, до него касающемся, и не знаю, что можетъ его тревожить.

Князь А. Б. Куракинъ—гр. Н. П. Панину.

С.-Петербургъ, 15-го января.

(Шифромъ). Отвѣчаю, милый кузень, на ваши послѣднія депеши за №№ 32 и 33. Всѣ ваши желанія вполне одобрены. Вы узнаете это изъ рескрипта нашего августѣйшаго монарха и вскорѣ получите для дальнѣйшаго руководства новыя инструкціи, о которыхъ я уже увѣдомлялъ васъ и надъ которыми теперь трудится канцлеръ по особенному повелѣнію.

Вамъ будетъ разрѣшено дѣлать попытки, однако же ни подъ какимъ видомъ васъ не компрометирующія, къ отдаленію отъ министерства того, чей нравъ такъ противоположенъ нраву его новаго государя; чья система всегда была противна нашей; чьи успѣхи произвели всѣ ошибки въ политикѣ минувшаго царствованія; чья хитрость и криводушіе не перестанутъ быть, покуда онъ сохранитъ свое мѣсто и вліяніе, камнями преткновенія для восстановленія довѣрія и прежней искренности между нашимъ дворомъ и тѣмъ, при которомъ вы пребываете. Вы поняли, конечно, что я говорю о г. Гаувицѣ.

Каковы бы ни были поведеніе (доказанное вѣроломство) Вѣнскаго кабинета и утрата въ общественномъ мнѣніи, къ которой приведутъ его договоры Кампо-Форжіо; каково бы ни было наше мнѣніе (негодование), но, принимая въ соображеніе многія и весьма важныя обстоятельства, мы не позволяемъ себѣ мыслить о совершенномъ разрывѣ узъ, соединяющихъ насъ съ Австріею. Должно полагать,—и мнѣ пріятно было бы убѣдить васъ въ томъ,—что она сама чувствуетъ, что наша дружба ей еще необходимѣе, нежели ея дружба намъ; но нѣтъ-

ли причинъ опасаться, чтобы нынѣшніе ея договоры съ Франціей и необходимость заручить пріобрѣтенія ихъ обоюдныхъ хитростей не побудили ее искать союза съ Франціей и подчиниться ея видамъ? Коль скоро вѣрнее нашимъ правиламъ, неоднократно и ясно выраженнымъ, мы не желаемъ вмѣшиваться въ событія, которымъ не можемъ воспрепятствовать; коль скоро мы согласны на всѣ пріобрѣтенія Австріи, вслѣдствіе послѣдняго мира и на пріобрѣтенія Пруссіи, на которыя она можетъ рѣшиться вслѣдствіе переговоровъ въ Раштадтѣ,—послѣ всего этого не будетъ-ли въ естественномъ порядкѣ вещей пріобщить сію послѣднюю къ тройственному союзу, всегда существующему, хотя и ослабленному во всѣхъ его частяхъ, давъ ей понять ея въ томъ выгоду, породивъ въ ней къ тому желаніе. Вамъ совершить это—великое дѣло; такова и ваша мысль. Сколько для васъ радости, сколько славы въ случаѣ успѣха! Но, представляя всѣ выгоды союза молодому королю, вы въ то же время должны сзумѣть убѣдить его, чтобы онъ сдѣлалъ первый шагъ, или, по крайней мѣрѣ, съ нами вступилъ въ первые переговоры. Это всего болѣе убѣдило бы насъ въ чистотѣ его намѣреній, а насъ всего лучше могло бы подвигнуть къ сближенію съ нимъ, столь желанному при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; ибо мы тогда только можемъ дорожить каемъ-нибудь новымъ союзомъ, когда онъ согласуется съ нашими миролюбивыми видами, упрочиваетъ ихъ, способствуетъ поддержанію спокойствія и мира Европы; укрѣпляетъ оплотъ, полагаемый соединенными силами, или совершеннымъ тождествомъ цѣли и исполненія—плачевнымъ успѣхамъ, гнуснымъ и всеокрушающимъ правиламъ Французовъ. Содержаніе вашей депеши за № 67 свидѣтельствуетъ о чернотѣ и опасности ихъ намѣреній въ будущемъ. Согласенъ съ вами, милый кузень, что нашъ союзъ съ Пруссіей, дѣлаясь тѣснѣе, не долженъ развѣдывать насъ съ Австріей. Такова ваша исходная точка. Между разговоромъ и какъ бы нечаянно, закиньте на этотъ счетъ нѣсколько словъ; посмотрите, какъ онѣ будутъ приняты, что вамъ возражать и откровенно сообщите мнѣ, какое дѣйствіе онѣ произведутъ, или какого дѣйствія отъ нихъ можно будетъ ожидать.

Чувствую, милый кузень, что вамъ трудно забыть, что вы были старше Кочубея по вашей службѣ при дворѣ; но такъ какъ онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники прежде васъ, то и первое ваше старшинство надъ нимъ надолго утрачено. Тогда ему давало права на расположеніе начальства посольство его въ Константинополь, гдѣ онъ сзумѣлъ одинаково угодить своему двору и Портѣ; вы же въ то время не обращали на себя вниманія тѣмъ усердіемъ, трудолюбіемъ и тою проникательностью, которыя вы теперь съ та-

кими похвалами проявляете въ Берлинѣ. Я долженъ признаться, что для васъ самый лучший выборъ: продолжать ваше дипломатическое, поприще, покуда оныя остаются въ коллегіи. Но вы слишкомъ необходимыми, слишкомъ полезными тамъ, гдѣ теперь находитесь, чтобы я не попышился убѣждать, даже умолять васъ, отказаться еще на нѣкоторое время отъ желанія — перемѣнить постъ. Въ Вѣну ваканціи нѣтъ и не будетъ. Тамъ всегда останется Разумовскій, потому что здѣсь его не хотятъ, и всѣ слухи о томъ, дошедшіе до васъ, ложны.

Не скрою отъ васъ, что я уже началъ ходатайствовать объ истребленіи желтыхъ каемокъ съ красной ленты, которую вы носите.

Графъ Н. П. Панинъ—кн. А. Б. Буракину.

Берлинъ, 19-го (30) января.

(Оффиціальная депеша). Депеша, которою ваше сіятельство изволили почтить меня отъ 5-го (16) сего мѣсяца, получена мною вчера вечеромъ. Содержащееся въ ней конфиденціальное сообщеніе о г. Неплюевѣ требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій и я спѣшу отправить ихъ къ вамъ, князь, дабы его императорское величество могъ сдѣлать распоряженія, какія ему благоугодно будетъ, покуда назначеніе генерала не получило огласки.

Берлинъ, 19-го (30) января.

№ 40. (Партикулярное письмо. Секретно). Я отплатилъ бы неблагодарностію за всѣ ваши милости и за ваше снисхожденіе, если бы скрылъ отъ васъ впечатлѣніе, произведенное на мой умъ назначеніемъ Неплюева. И такъ, не поколеблюсь признаться вамъ, что оно меня очень огорчило, и нынѣ я весьма сожалѣю, что подать къ тому поводъ. Правда, особенно я его не знаю и не могу опредѣлить степени его способностей; но его внѣшность, хватки, пустота, нескромность и нѣкоторыя выходки, которымъ я былъ свидѣтелемъ, внушили мнѣ къ этому молодому человѣку сплѣтшіую антипатію. Мнѣ будетъ невозможно не только мало-мальски съ успѣхомъ дать ему какое-либо порученіе, но и удѣлить ему малѣйшее довѣріе. Скажу боже: я почелъ бы рисковомъ для интересовъ императора, если бы откровенно высказался подобному человѣку о теперешнихъ отношеніяхъ обонихъ дворовъ. Однимъ словомъ, нисколько не сомнѣваюсь, что оныя въ одинъ мѣсяць испортить то, что я для пользы службы надѣлалъ бы во все продолженіе моей миссіи. Если вы настаиваете на томъ, чтобы навазать его мнѣ, ожидайте одного изъ двухъ: или я, по долгу совѣсти, откажусь отъ службы, или буду продолжать одинъ веденіе дѣлъ такъ, какъ бы его при мнѣ не было. Это будетъ зависѣть отъ

приказаній, которыя вы мнѣ дадите. Если мнѣ дадутъ полную волю— я избираю послѣднее; если же, напротивъ, потребуютъ, чтобы я посвятилъ его въ тайны дѣлъ—честь обяжетъ меня рѣшиться на первое, т. е., уступить мое мѣсто тѣмъ, которые служатъ, чтобы нравиться, а не для того, чтобы заставлять уважать себя. Число ихъ велико и вы не будете въ затрудненіи, если ихъ мнѣ предпочтутъ. Желалъ бы вѣрить, что мой почтенный благодѣтель оцѣнитъ мои побужденія и отвратитъ грозу. Даю вамъ въ тому все способы моими открытымъ письмомъ; ибо дѣйствительно, эта (Андреевская) лента должна возвратиться тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ она будетъ вамъ доставлена. Если мнѣ не измѣняетъ память, я могу быть увѣренъ, что отъ этого правила никогда не уклонялись, и удивился бы, если бы всемилостивѣйшій нашъ государь, строгій блюститель этикета, нынѣ рѣшился сдѣлать исключеніе изъ правила. Если вы расположены, милый кузень, оказать мнѣ важную услугу, которой жду отъ дружбы вашей, я предложу вамъ еще одно средство, которое несколько не покажется натажкой. Пообождите, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда генералъ Кутузовъ не выполнитъ возложеннаго на него порученія. Если оно,—въ чемъ я несколько не сомнѣваюсь,—будетъ исполнено къ вашему удовольствію; если вы признаете существующее между нами и совершеннѣйшее единомысліе,—не будетъ-ли тратой драгоценнаго времени навязываніе мнѣ новыхъ хлопотъ съ новичкомъ, которому успѣть здѣсь будетъ гораздо труднѣе, нежели генералу? Кутузовъ въ Берлинѣ имѣлъ удивительный успѣхъ и, конечно, господину, пользующемуся вашимъ покровительствомъ, долго придется ожидать того приѣма, который былъ оказанъ здѣсь Кутузову. Но довольно надобѣдать вамъ, говоря объ одномъ и томъ же; перехожу къ другому предмету, умоляя васъ, милый кузень, увѣдомить меня: есть-ли мнѣ какая надежда избавиться отъ Неплюева?

Поспѣшность, съ которою вы увѣдомили меня о милостивомъ одобреніи, которыми удостоили мои ходатайства въ пользу несчастнаго французскаго короля, есть новое съ вашей стороны благодѣаніе, которому я вполне знаю цѣну. Свѣдѣніе это было для меня тѣмъ болѣе любопытно, что въ инструкціяхъ моихъ нѣтъ ни строчки, которой я могъ бы руководствоваться въ этомъ щекотливомъ обстоятельстве, а со времени исторіи съ Бронцомъ я не безъ безпокойства смотрю на предѣлы моей отвѣтственности.

Что скажу вамъ, милый кузень, о рѣшеніи его императорскаго величества — предоставить Германскую имперію ея несчастной судьбѣ и дозволить Берлинскому двору расширить предѣлы своихъ владѣній? Это событіе порождаетъ тысячу мыслей. Ояѣ грустны и я не

могу довѣрить ихъ письму. Вы знаете мои правила и образъ мыслей и вамъ не трудно будетъ угадать меня. Вы говорите, что ни къ чему не поведетъ входить въ объясненія о плачевномъ положеніи дѣлъ, когда нѣтъ воли дѣйствовать. Очень грустная истина и послѣдствія ея нешчислимы. Но вы не объяснили мнѣ, что было причиною такой перемѣны въ нашей системѣ? Въ рескриптѣ его императорскаго величества отъ 10-го декабря нахожу слѣдующія строки: „Предусмотрѣніе будущаго мы, конечно, необходимымъ считаемъ, такъ какъ и принятіе мѣръ для преграды дальняго увеличенія Франціи, съ которыми сопрягается не токмо опасность опроверженія равновѣсія державъ европейскихъ, но и самаго разрушенія порядка, донинѣ за лучшей въ обществѣ почитаемаго. Мы намѣрены войти въ откровенное сношеніе съ союзниками нашими о мѣрахъ, къ тому удобныхъ“, и проч. Далѣе, говоря о видахъ увеличенія Берлинскаго кабинета: „Таковыя расположенія не могутъ не побуждать насъ къ вышшей осмотрительности“. И едва прошло шесть недѣль, какъ вы извѣщаете меня о мѣрахъ, совершенно противоположенныхъ тѣмъ, о которыхъ мнѣ тогда говорили! Если новыя, данныя мнѣ, приказанія не объяснятъ этой загадки, что я долженъ думать о нашей системѣ? Какими путями мнѣ слѣдовать? Какими мѣрами думаютъ противопоставить плотину революціонному потоку? Что можетъ быть основою соглашенія съ союзниками, если произнесли смертный приговоръ имперіи Германской? Наконецъ, что можетъ остановить увеличеніе Пруссіи, если нашъ дворъ ее къ тому побуждаетъ? Признаюсь вамъ, милый кузень, что слабыя познанія мои не въ силахъ озарить эту тьму, и вамъ самимъ предоставляю судить, будетъ-ли мнѣ возможно оправдать ваше довѣріе на занимаемомъ мною мѣстѣ, если я буду дѣйствовать, зажмура глаза, въ эпоху самую критическую? И такъ, смѣю ожидать отъ участія, которымъ вы удостоиваете мои успѣхи, быстрого разрѣшенія этихъ разнообразныхъ задачъ. Когда вы имъ займетесь, я попрошу васъ приказать представить себѣ черновую рукопись вашей депеши, внушившей мнѣ всѣ эти соображенія. Она писана отъ 5-го (16) января по-русски, шифромъ.

Проектъ обмѣна, вслѣдствіе котораго Нѣманъ до своего устья будетъ границею обонхъ государствъ, кажется мнѣ благопріятнымъ нашимъ выгодамъ и я молю Бога, чтобы проектъ этотъ былъ здѣсь одобренъ. На счетъ этого пункта не смѣю, однако, дѣлать никакихъ предположеній; надобно было бы знать поземельную цѣнность и годовой доходъ области, которую вы хотите предложить въ вознагражденіе. У меня объ этомъ предметѣ нѣтъ никакихъ данныхъ и я убѣдительно прошу васъ ихъ мнѣ доставить. Мнѣ невозможно вести

успѣшныхъ переговоровъ объ этомъ обмѣнѣ, если къ моимъ инструкціямъ не приложить статистической таблицы княжества Іеверскаго. Она должна быть у васъ и вамъ не трудно будетъ, милый кузень, объяснить канцлеру справедливость моей просьбы.

Остается мнѣ еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ отвѣтъ на то, что было говорено о моихъ связяхъ съ графомъ Марковымъ¹⁾ и де-Рибасомъ. Первый принималъ во мнѣ участіе, когда былъ въ силѣ; тогда я видался съ нимъ рѣдко и по дѣламъ. Послѣ его опалы я навѣщалъ его часто и старался быть ему полезнымъ. Та самая особа, которая говорила вамъ о томъ, не находила дурнымъ, что я принимаю участіе въ графѣ. Съ того времени, какъ я занимаю теперешній мой постъ, я не имѣю съ нимъ ни переписки, никакихъ сношеній, но опять съ удовольствіемъ воспользуюсь случаемъ оказать ему услугу. Рибасъ²⁾ видѣлъ меня подъ гнетомъ несчастія. Онъ пожалѣлъ меня и заботился обо мнѣ, какъ другъ. Я никогда не зналъ причины, побудившей его къ этому великодушію; но тогда онъ оказалъ мнѣ важную услугу и я не могу позволить себѣ приписывать ее гнуснымъ побужденіямъ. Рѣшайте сами: могу-ли я отказать ему въ моемъ уваженіи и прервать сношенія съ человѣкомъ, который искалъ знакомства и связи со мною только тогда, когда я былъ несчастливъ? Нынѣшнія наши отношенія ограничиваются ничтожной перепиской, мало поддерживаемой съ моей стороны. Она была бы исправнѣе, если бы я имѣлъ досугъ; но у меня едва хватаетъ времени, чтобы посѣщать общество. Изъ этого объясненія, милый кузень, можете сдѣлать употребленіе, какое вамъ будетъ угодно. У меня, кромѣ секретовъ моего государя, другихъ нѣтъ. Можно нападать на мое поведеніе и чернить его,—объ этомъ я не забочусь и слышю полагаясь на справедливость упомянутой вами особы, чтобъ думать, что она повѣритъ внѣшнимъ признакамъ, часто обманчивымъ.

Прежде чѣмъ кончить, не могу не сдѣлать вамъ еще одного вопроса: Что вы будете дѣлать съ французскимъ королемъ послѣ того, какъ я буду имѣть честь видѣть имя мое рядомъ съ именемъ

¹⁾ Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ (плн Марковъ) род. 1747, † 1827 г. Начавъ службу въ 1764 г. въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, былъ въ 1772 г. секретаремъ нашего посольства въ Варшавѣ; совѣтникомъ—въ Голландіи (1774); членомъ посольства въ Константинополь съ Н. В. Репнинимъ (1782); полномочнымъ министромъ—въ Голландіи (1785). Помимо своихъ дарованій, доставившихъ ему отличія, многими изъ нихъ былъ обязанъ дружбѣ и покровительству графа Платона Зубова. Графское достоинство Марковъ получилъ въ 1796 году и вскорѣ затѣмъ былъ удаленъ отъ службы императоромъ Павломъ I.

²⁾ Рибасъ переѣхалъ изъ Одессы въ Петербургъ въ февралѣ 1797 года. Въ это время гр. Панинъ потерялъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

Кальяра? Послѣ встрѣчи короля съ пушечной пальбой, откажете-ли вы ему въ титулѣ величества, или въ то же время будете его титуловать большимъ пріятелемъ по примѣру того, какъ величаютъ пятерыхъ государей,¹⁾ составляющихъ Директорію? Это еще одно изъ политическихъ столкновеній, отъ котораго у меня голова идетъ кругомъ.

Мнѣ пишутъ изъ Лондона, что маркизъ де-Галло²⁾ продался Французамъ, подписывая трактатъ, и подозрѣваютъ нашего Кобенцеля, будто и онъ сдѣлалъ то же, потому что у него было здѣсь долговъ на полмилліона, которые онъ разомъ заплатилъ, какъ говорятъ. Вѣрно-ли это? Желалъ бы знать.

Князь А. В. Буракинъ—гр. Н. П. Панину.

26-го января.

(Шифромъ, по-русски). Сообщаетъ, что «извѣстному кавалу», употребленному Панинымъ съ пользою, разрѣшено выдать 300 червонныхъ; въ случаѣ же противныхъ для него обстоятельствъ, онъ будетъ принятъ въ русскую службу. Далѣе:

Оставленіе на дальнее пребываніе въ Берлинѣ М. Л. Кутузова, который столь отлично принятъ тамъ при дворѣ и возложенныя на него порученія отправляетъ съ особливимъ успѣхомъ, не можетъ быть прилично и удобно по большому его чину, ибо онъ, вскорѣ по отъѣздѣ своемъ отсюда, пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи и получилъ финляндскую дивизію, гдѣ присутствіе его нужно. Да притомъ извѣщены вы уже отъ меня, что подъ руководство ваше для вспоможенія вамъ по дѣламъ назначена уже другая особа, съ извѣстною способностью, которая, будучи ниже чиномъ васъ и совершенно завися отъ васъ, съ болѣею удобностью вами употребляема быть можетъ.

Въ разсужденіи же представленія вашего, до екатерининскаго ордена относящагося, оное принято здѣсь за благо. Равномѣрно пріятно мнѣ сказать вамъ, что вообще донесенія ваши послужили къ удовольствію совершенному о вашей должности и о успѣхѣхъ, съ коимъ вы дарованія ваши къ службѣ государя императора употребляете.

Приписка на отдѣльномъ листѣ: Не имѣя ничего отъ васъ сокровеннаго по моей искренней къ вамъ дружбѣ, любезный мой другъ, для вашего единого свѣдѣнія скажу вамъ, что, бывъ²⁾ движимъ

¹⁾ Подъ именемъ пяти королей гр. Панинъ разумѣлъ пятерыхъ членовъ Директоріи Французской республики.

²⁾ Маркизъ де-Галло былъ однимъ изъ австрійскихъ полномочныхъ въ Кампо-Форміо.

многими причинами, до моего положенія по службѣ относящимися, подавалъ я на сизъ дняхъ прошеніе объ увольненіи моемъ изъ оной; но государь, храня древнее ко мнѣ благоволеніе свое, на сіе желаніе мое согласиться не изволилъ. Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобъ удовлетворить и успокоить меня другимъ департаментомъ. Яснѣе я не говорю для того, что ничего нѣтъ еще рѣшеннаго. Но Богъ мой свидѣтелемъ, что все, для меня готовяемое, съ волею и съ удосто- вѣреніемъ моимъ не согласно, и я, окромѣ свободы моей, ничего не хочу, не желаю и не прошу. До времени оставьте за собою однимъ сіе дружеское и на собственный счетъ мой откровеніе.

Графъ Н. П. Панинъ — кн. А. В. Куракину.

Берлинъ, 26-го января (6-го февраля).

(Шифромъ), № 42. Не скрою отъ васъ моего крайняго удивленія при чтеніи рескрипта его императорскаго величества, доставленнаго мнѣ два дня тому назадъ курьеромъ Дужаковымъ. Вы сами могли это предчувствовать, припомнивъ, что изволили сообщить мнѣ конфиденціально въ вашей депешѣ отъ 6-го числа сего мѣсяца по старому стилю. Въ ней извѣщали меня совершенно о противномъ тѣмъ приказаніямъ, которыя я получилъ, и объ особыхъ переговорахъ касательно обмѣна княжества Іенерскаго, о которыхъ ни слова не упомянуто. Теряюсь въ предположеніяхъ о причинахъ такой крутой пере- мѣны. Не рапортъ-ли мой о новомъ коварствѣ Гаугвица, обеща- вшаго Кальяру передать ему все, мною сообщенное? Или слабая надежда, которую я пытаю обличить виновника Базельскаго мира по бумагамъ короля? Или это глупость Грѣбена, потерпѣвшаго неудачу въ своихъ дѣйствіяхъ? Или это, наконецъ, вспышка гнѣва, возбужденнаго мнѣніемъ Гаугвица, что „Россія въ дѣлахъ будетъ играть только страдательную роль?“ Невозможно мнѣ проникнуть въ этотъ хаосъ. Но что бы изъ того ни вышло, я сильно желаю, милый кузень, чтобы вы поняли всѣ затрудненія того щекотливаго положенія, въ которомъ я нахожусь! Что бы имѣть о томъ вѣрное понятіе, я попрошу васъ собрать и привести въ порядокъ разныя инструкціи, данныя мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я занимаю мой постъ. Убѣдительнѣйше прошу пробѣжать и сличить ихъ между собою. Эта работа, которая не слишкомъ затруднитъ васъ, необходима для моей отвѣтственности, а вы во многихъ случаяхъ доказали мнѣ, что вы неравнодушно къ ней относитесь. Этимъ сличеніемъ вы убѣдитесь въ постоянномъ противорѣчии отдаваемыхъ мнѣ приказаній и, по чести, я не знаю, какъ я до сихъ поръ дѣлалъ, чтобы примирить ихъ. Впредь я могу быть менѣе счастливъ, и когда случится мнѣ, для из-

бѣжанія двухъ крайностей, избрать новый исходъ; смѣю думать, что вы не произнесете своего приговора, не прочитавъ предварительно моей официальной корреспонденціи и не изыскавъ причины моихъ дѣйствій въ ряду событій предыдущихъ. Я готовъ сдѣлать все, милый кузень, чтобы исполнить волю нашего августѣйшаго монарха; но вы слишкомъ справедливы и прозорливы, чтобы не предвидѣть затрудненій, почти непреодолимыхъ, которыя я встрѣчу, такъ сказать, на каждомъ шагу. Это одна изъ тѣхъ задачъ, къ которымъ обыкновенныя правила сношеній не примѣнимы, ибо вы не можете привести мнѣ ни одного примѣра, чтобы иностранный министръ могъ свергнуть министра того государя, ко двору котораго присланъ. Мы видѣли, какъ покойная императрица прямо высказалась противъ должностнаго лица при сосѣднемъ дворѣ. При всей слабости этого двора (Варшавскій), не выдерживающаго никакого сравненія съ прусскимъ, хотя это лицо простерло дерзость свою до того, что оказало неуваженіе императрицѣ, но ей не удалось отстранить его отъ должности. Г. Гаугвицъ далеко не представляетъ тѣхъ же средствъ къ нападенію на него, а императоръ, безъ сомнѣнія, не согласится явно противъ него высказаться. Дозволено-ли надѣяться на успѣхъ въ томъ предпріятіи, предъ которымъ оказалось безсильнымъ могущество Екатерины II? Средство, вами предлагаемое, слишкомъ слабо, и я сомнѣваюсь въ его примѣненіи къ дѣлу. До сихъ поръ изъ всѣхъ средствъ предвижу только одно и сообщу его вамъ съ просьбою, сказать о немъ откровенно ваше мнѣніе. Взгляните на прилагаемую депешу за № 43 и потрудитесь ее прочесть прежде, нежели будете читать слѣдующія строки. Вашей опытности, почтенный другъ мой, предоставляю по вашему произволу примѣнить предложеніе мое къ дѣлу. Столько же именно съ этой цѣлью, сколько и для усложненія шифранта, я написалъ на особомъ листѣ. Но каково бы ни было ваше рѣшеніе, заклинаю васъ, не показывайте никому этотъ 42 №, коего неумѣренныя выраженія, которыя я себѣ позволилъ въ избыткѣ чувствъ, могутъ неминуемо погубить меня. Если сочтете нужнымъ, чтобы нѣкоторыя мысли были сообщены князю Безбородко, прошу васъ сдѣлать это наизусть. При вашемъ съ нимъ совѣщаніи весьма важно не упускать изъ виду послѣдствія предполагаемаго ходатайства передъ королемъ. Если оно внушитъ нѣкоторое предубѣжденіе этого государя ко мнѣ, тогда необходимо будетъ отозвать меня и переговоры мои съ Кальяромъ прекратятся вмѣстѣ съ моею миссією. Заранѣе предупреждаю васъ, милый кузень, что къ этому я совершенно равнодушенъ, лишь бы успѣлъ въ главномъ предметѣ, чтобы

не былъ принесенъ въ жертву челоѣкъ, служившій мнѣ, и чтобы въ обществѣ отовзаваніе мое было оправдано почетнымъ предлогодь.

Посмотримъ теперъ, какіе ресурсы остаются у насъ въ запасѣ на случай неудачи. Въ весьма вѣроятномъ предположеніи, что страшные усѣхи революціонной заразы побудятъ короля войти въ переговоры съ нашимъ дворомъ о противодѣйствіи потоку, нельзя-ли будетъ отвѣчать, что его императорское величество вполне убѣжденъ въ необходимости подобнаго соглашенія, но что онъ будетъ способствовать и доверится Берлинскому кабинету только тогда, когда король отдалитъ отъ себя того, кто посѣваетъ недоверіе между всѣми дворами. Подобнаго рода декларація, по общему соглашенію присланная изъ С.-Петербурга, Лондона и Вѣны, могла бы произвести сильное впечатлѣніе. Вы замѣчаете, однако, милый кузень, что ни то, ни другое предложеніе не можетъ осуществиться иначе, какъ вслѣдствіе многихъ предположеній, еще повуда загадочныхъ,— и если въ этотъ промежутокъ времени можно будетъ убѣдиться, что король дѣйствуетъ самостоятельно, а не по внушенію своего министра, тогда, презрѣвъ его увертливую политику, надобно будетъ предоставить времени снять съ него маску. Сегодняшнія мои донесенія поясняютъ этотъ послѣдній пунктъ.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать, милый кузень, дальнѣйшихъ вашихъ сообщеній, чтобы знать, отмѣнены-ли совершенно инструкціи, объявленныя мнѣ 5-го числа сего мѣсяца, и ждатель-ли мнѣ приказаній касательно предполагаемаго обмѣна.

Берлинъ, 25-го января (6-го февраля).

(Шифромъ). № 43. Совершенно вѣрно, что донесенія Кальяра содержатъ вообще свѣдѣнія о пріязненныхъ сношеніяхъ, можетъ быть и не одобренныхъ, графа Гаугвица съ якобинцами. Какъ только я убѣдусь въ этомъ, можно будетъ уведомить короля и въ то же время избѣжать гнусности доноса. Это можно сдѣлать посредствомъ шифранта Кальяра, который мнѣ должны сообщить на дняхъ. Предупредивъ короля чрезъ доверенное лицо, я могу передать ему этотъ шифрантъ въ собственныя руки и, прося о томъ, сказать ему: „имѣю причины думать, что переписка Кальяра разоблачитъ вашему величеству тайны, касающія въ высшей степени блага вашей службы; но это разоблаченіе только тогда принесетъ вамъ пользу, когда вы повелите хранить подъ строжайшимъ секретомъ содержаніе переписки тому, кто будетъ ее дешифрировать при вашихъ глазахъ; и весьма важно, чтобы министры ваши не знали вообще объ открытіи шифранта“.

Не скрываю, что король можетъ заподозрить меня въ тайныхъ сношеніяхъ. Онъ, можетъ быть, побойтся: не распространяются-ли онѣ до его кабинета, и что его дѣла извѣстны мнѣ также, какъ и дѣла республики. Изъ этого опасенія могутъ возникнуть предубѣжденіе и личное недовѣріе ко мнѣ; но невозможно, чтобы онъ приписалъ мой поступокъ видамъ, противнымъ его интересамъ.

Вамъ, князь, и достоуважаемому нашему канцлеру предстоитъ обсудить эти соображенія. Хотя разныя приказанія его императорскаго величества и дають мнѣ полномочіе, но въ данномъ случаѣ я не воспользуюсь имъ, покуда планъ мой не будетъ одобренъ.

Болѣзнь короля и безъ того заставила бы меня ждать нѣсколько недѣль до приведенія плана моего въ исполненіе и у меня довольно времени впереди на полученіе приказаній. Если безпристрастныя и умѣренныя возрѣнія короля этимъ временемъ оправдаются, тогда всякая попытка въ этомъ родѣ будетъ бесполезна, ибо тогда нечего будетъ опасаться недоброжелательства г. Гаугвица. Не признаете-ли, ваше сіятельство, это возрѣніе достаточно уважительнымъ, чтобы не ускорять хода дѣлъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БУНТЪ ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

1842.

Разсказъ крестьянина Гурина.

Лѣтомъ 1872 г., имѣя надобность жить въ селѣ Сухой Логъ (Пермской губерніи, Камышловскаго уѣзда), я узналъ, что въ 8-ми верстахъ отъ села живетъ одинъ изъ ревностныхъ мирныхъ дѣятелей по успокоенію волненія, бывшаго въ 1842 году между крестьянами Камышловскаго, Шадринскаго и Ирбитскаго уѣздовъ. Дѣятель этотъ—крестьянинъ Петръ Григорьевичъ Гуринъ. Онъ служитъ въ должности головы и старшины уже въ теченіи 25-ти лѣтъ; награжденъ почетнымъ кафтаномъ и медалью; въ эпоху возмущенія ему было восемнадцать лѣтъ и онъ занималъ мѣсто писаря въ селѣ Захаровскомъ, Закамышловской волости, Камышловскаго уѣзда.

Петръ Григорьевичъ извѣстенъ въ своемъ краю далеко за предѣлами своего жительства и пользуется репутаціею умнаго, безкорыстнаго человѣка и страстнаго, неустрашимаго охотника и стрѣлка. Имя Петра Григорьевича было мнѣ знакомо, какъ всякому осѣдлому жителю Камышловскаго уѣзда; но до послѣдняго времени мнѣ не приводилось встрѣчаться съ нимъ и узнать его лично. Я воспользовался близкимъ сосѣдствомъ и наше знакомство завязалось.

Петръ Григорьевичъ обладаетъ большою любознательностію и при этомъ такой отличной памятью, что его можно назвать живою лѣтописью всѣхъ событій, совершавшихся на его глазахъ;

кромѣ того, онъ любитель старины и знаетъ много интересныхъ и любопытныхъ разсказовъ, слышанныхъ имъ отъ мѣстныхъ старожиловъ. Съ живымъ интересомъ слѣдя за его разсказами, я просилъ у него позволенія записывать ихъ съ его словъ; но г. Гуринъ, удовлетворяя моему любопытству, самъ взялся за перо и отдалъ въ мое распоряженіе помѣщаемый ниже разсказъ объ одномъ изъ эпизодовъ народнаго возмущенія, разыграннаго весной 1842 года въ здѣшнемъ краю. Въ его разсказѣ помѣщено исключительно то, чему онъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ, и это повѣствованіе правдиваго очевидца происшествій имѣетъ несомнѣнную цѣну, какъ черта яркой характеристики общественнаго строя и умственнаго состоянія нашихъ крестьянъ того времени.

Возмущеніе это, по обширности своего распространенія и по числу крестьянъ, принимавшихъ въ немъ участіе,—одно изъ важнѣйшихъ русскихъ народныхъ волненій настоящаго столѣтія.

По причинамъ своего возникновенія оно не составляетъ исключенія изъ общихъ причинъ большинства крестьянскихъ возмущеній. Тѣже бюрократическія мѣры попеченія о крестьянскихъ нуждахъ, планы которыхъ составлялись въ канцеляріяхъ и хотя по идеѣ своей казались благотворными, но, не будучи согласны ни съ дѣйствительною необходимостью, ни съ возможностью ихъ примѣненія къ дѣлу, вызывали волненія со стороны тѣхъ, которыхъ они касались. Второстепенные исполнители всѣхъ подобныхъ мѣропріятій держались въ сторонѣ отъ крестьянства и, будучи чужды имъ, старались только исполнять приказанія высшаго начальства, причѣмъ, будучи заранѣе увѣрены въ слѣпомъ повиновеніи крестьянъ, часто не считали даже нужнымъ разъяснять имъ значеніе мѣропріятій относительно ихъ же самихъ. Тѣмъ не менѣе для приведенія этихъ мѣръ въ дѣйствіе въ большинствѣ случаевъ требовалось согласіе крестьянскихъ обществъ; но волостные и сельскіе писаря, за малыми исключеніями, считали себя чиновниками и, по примѣру ближайшаго начальства, держались особнякомъ отъ народа. Зачастую составленіе приговоровъ дѣлалось безъ вѣдома крестьянъ: вмѣсто дѣйствительныхъ подписей и рукоприкладствъ подъ такими приговорами, сельскій писарь, вооруженный податнымъ спискомъ, помѣщалъ рядовые именные домохозяевъ, несмотря на то, что въ числѣ таковыхъ

было много умершихъ или давно отсутствующихъ. Къ подобнымъ приговорамъ привыкло и начальство, и крестьяне,—и до времени все шло хорошо, повуда писаря не затрогивали особенно близко ни свободы, ни матеріальной стороны крестьянскаго быта. Зато въ иныхъ случаяхъ, правда, довольно рѣдкихъ, эти приговоры бывали пагубою для составителей. Извѣстно, что причиною, вызвавшею кровавыя беспорядки въ Камышловскомъ, Шадринскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ, было распоряженіе министра государственныхъ имуществъ объ устройствѣ неприкосновенныхъ запасовъ хлѣбнаго зерна для обсмѣненія полей. Въ губерніяхъ не хлѣбородныхъ учрежденіе подобныхъ запасовъ могло принести пользу; но въ Камышловскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ, считающихся, въ особенности послѣдній, житницею значительной части Пермской губерніи, при дешевизнѣ хлѣба, мѣра эта не могла не показаться излишнею. Есть основаніе предполагать, что если бы эта мѣра и цѣль ея были разъяснены крестьянамъ, они приняли бы ее, хоть и безъ большой охоты. Доказательствомъ вѣроятности такого предположенія служитъ рассказъ Петра Григорьевича Гуріна, который своевременно объяснилъ крестьянамъ Захаровскаго общества мысль и пользу этой мѣры и составилъ правильный приговоръ о согласіи общества на оную.

Распоряженіе о посѣвѣ картофеля, не имѣвшее понудительнаго характера, было сдѣлано еще въ 1837—1838 гг. и не вызвало въ народѣ никакихъ толковъ. Впослѣдствіи же, когда волненіе уже вспыхнуло, народъ ухватился и за него, отыскивая въ немъ доказательство его убѣжденія въ продажѣ крестьянъ какому-то господину. Награды, обѣщанныя за посѣвы картофеля, были непонятны крестьянамъ и они старались найти въ дѣйствіяхъ начальства какой-то особенный, тайный смыслъ. Будучи обезпечены въ хлѣбѣ, они видѣли въ картофелѣ такой же не нужный для нихъ овощъ, какъ и всякій другой. Награды эти могли имѣть значеніе въ губерніяхъ не хлѣбородныхъ, въ которыхъ картофель могъ замѣнить собой недостатокъ въ хлѣбѣ.

О согласіи крестьянъ на учрежденіе неприкосновенныхъ запасовъ были написаны по всѣмъ волостямъ и обществамъ приговоры, но едва-ли Захаровское общество было ни единственнымъ въ трехъ уѣздахъ, въ которомъ онъ былъ составленъ съ должною добросовѣстностію и съ вѣдома крестьянъ. Во всѣхъ же

другихъ писаря и старшины не признали за нужное сообщить о нихъ народу и употребили при написаніи ихъ свой обычный пріемъ, т. е., подписали подъ ними именныя изъ податныхъ тетрадей и сообщили окружнымъ начальникамъ, что общества согласны и приговоры даны. Между тѣмъ слухи о какихъ-то незаконныхъ приговорахъ проникли въ народъ и, измѣняясь все больше и больше, остановились наконецъ на томъ, что окружной начальникъ и волостное правленіе, обманувъ царя, продали ихъ, по ихъ выраженію, въ удѣлъ министру государственныхъ имуществъ Киселеву, и за эту продажу окружной получилъ пудъ ассигнацій, а волостные писаря—по фунту. Толки о подкупѣ начальства имѣли въ глазахъ крестьянъ непреложную достовѣрность, такъ какъ о немъ объявилъ имъ самъ же, будто бы подкупленный, писарь Кашинскаго сельскаго управленія Агафилъ Суязинъ. Крестьяне не хотѣли, да и не могли понять, что Суязинъ своимъ показаніемъ, будто-бы окружной за продажу получилъ пудъ ассигнацій, волостной писарь—одинъ фунтъ, а ему дали всего только десятеу, хотѣлъ избавиться отъ побоевъ и дѣйствительно успѣлъ въ этомъ. Кромѣ того, въ селѣ Курьинскомъ, Знаменской волости, сельскаго старшину Филата Подъѣзжаго крестьяне высѣли на сходѣ, какъ соучастника въ продажѣ, въ присутствіи окружнаго начальника г. Сѣрова, а послѣдній не только не удерживалъ ихъ, но, напротивъ, поощрялъ во время сѣченія. Слухи эти произвели неописанное волненіе въ средѣ крестьянъ. Волковское общество поднялось первое. Такъ какъ деревня ихъ въ 8-ми верстахъ отъ Кашенскаго пушечнаго завода, то часть волковскихъ крестьянъ подходила къ Кашенску, съ цѣлю пройти чрезъ него въ волость и, собравшись въ ней съ новыми силами, двинуться уже на самый заводъ, чтобы поднять заводскихъ жителей, которые управлялись въ то время горнымъ вѣдомствомъ и не имѣли волости. Заводскій полиціймейстеръ г. Подкорытовъ, не потерявъ присутствія духа, вышелъ на встрѣчу подступавшимъ толпамъ и остановилъ ихъ на мосту угрозой, что противъ нихъ будутъ выдвинуты пушки. Угроза подѣйствовала и толпы отступили. Примѣру Волковского послѣдовали окрестные общества и принялись за отысканіе приговоровъ о продажѣ ихъ министру. Сельскія начальства спасались, кто куда могъ, отъ ярости народа, но многіе изъ нихъ были схва-

ченъ на мѣстахъ ихъ жительства или нойманы послѣ побѣга. Начались допросы и пытки. Вѣшаніе за ноги головою внизъ на веревкахъ, перекинутыхъ чрезъ водосточные желоба крышъ, перетаскиваніе веревками подъ льдомъ черезъ нарочно устроенные для этого проруби, обнаженіе и обливаніе на улицѣ холодной водой, погруженіе въ колодцы и другія жесточайшія истязанія приходилось испытывать несчастнымъ волостнымъ и сельскимъ начальникамъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ той же участи не избѣгло и духовенство: такъ, священникъ села Течинскаго, о. Василій Констанскій, былъ нѣсколько разъ перетасканъ подо льдомъ черезъ рѣку, съ цѣлю вынудить у него сознаніе о продажѣ крестьянъ «барину» и объ участіи его въ этой продажѣ. О. Констанскій на всю жизнь разстроилъ при этомъ свое здоровье. Въ селѣ Тамакульскомъ послѣ невыразимаго, по всей неслыханной жестокости, убійства писаря Канахина, — убійства, которое длилось нѣсколько часовъ, — дьячекъ и причетникъ того же села были раздѣты до-нага и обливаемы на улицѣ холодною водой. Кромѣ названныхъ случаевъ, было много другихъ по разнымъ волостямъ и селеніямъ. Каждый вымещалъ своему врагу прежнія обиды, сводилъ старые счеты и нелюбимый сельскій начальникъ былъ заранѣе обреченною жертвою. На сходкахъ всѣ были вооружены, кто чѣмъ попало: вилами, топорами, жердями и палками; невооруженныхъ не было видно въ толпахъ. При побояхъ, наносимыхъ «міропродавцамъ», каждый ударившій заботился, чтобы и другіе сдѣлали тоже: отвѣчать, такъ ужъ отвѣчать всѣмъ! Богатыхъ крестьянъ, нехотѣвшихъ принимать участія въ возмущеніи, обвиняли въ сдѣлкѣ съ начальствомъ и предполагали, или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что предполагаютъ, будто-бы они откупились отъ продажи ихъ барину и потому не идутъ за общее дѣло. Ихъ били и истязали жестоко и тѣмъ побуждали пристать къ бунтующей толпѣ.

Замѣчательнъ общій характеръ этого возмущенія. Несмотря на полнѣйшее безначаліе и отсутствіе въ первое время всякихъ угрожающихъ для крестьянъ дѣйствій, съ какою бы то ни было стороны, почти во всѣхъ волостяхъ волостныя и сельскія дѣла и архивы береглись самими же крестьянами. Жертвами были почти исключительно сельскія власти. Немногочисленное чиновничество, которое рѣшалось показываться въ это опасное время

среди возмущеннаго народа, не подвергалось, за рѣдкими исключеніями, даже оскорбленіямъ. Одинъ засѣдатель Чупинъ былъ избитъ и арестованъ въ пригородномъ селѣ Закамышловскомъ, но его безъ малѣйшаго затрудненія выручилъ исправникъ Гурьевъ. Въ селѣ Курьинскомъ крестьяне задержали окружнаго начальника Сѣрова; несмотря на ихъ угрозы, онъ просидѣлъ на дому пономаря Пономарева и былъ освобожденъ исправникомъ. Исправники развѣзжали изъ деревни въ деревню и никто ихъ не трогалъ. Сами окружные, по мнѣнію крестьянъ, измѣнившіе царю и виновные такъ ужасно предъ ними самими, могли безопасно оставаться въ деревняхъ и вести переговоры съ разъяренными толпами. Казалось, народъ смутно чувствовалъ, что все его волненіе есть результатъ несчастнаго недоразумѣнія: истязая и убивая только мелкихъ сельскихъ властей, народъ не отваживался касаться начальства высшаго. Необузданныя ничѣмъ свобода и своевоііе тѣснили его своею новостью; власть и сила, которая такъ неожиданно перешла въ нему въ руки, увлекала его и неудержимо заставляла проявить ее чѣмъ-нибудь, сдѣлать что-нибудь по своему произволу, хотя въ глубинѣ сознанія лежало чувство страха и неувѣренности. Народъ полагалъ, что наказаніе не будетъ такъ страшно, если онъ не тронетъ чиновничества. Для приданія себѣ бодрости, крестьяне, когда имъ угрожали приходомъ войскъ, хвалились, что они забросаютъ ихъ шапками. Но пришли войска въ грозномъ порядкѣ съ многочисленными пушками—и панической страхъ овладѣлъ толпами.... Только крестьяне села Течинскаго не испугались ихъ появленія. Они храбро встрѣтили солдатъ и не хотѣли отступить передъ ними. На первые выстрѣлы холостыми зарядами они отвѣчали градомъ камней и палокъ.... выстрѣлъ картечью, сдѣланный въ упоръ сплошной массы народа, оказалъ свое дѣйствіе: народъ обезумѣлъ отъ ужаса; непокорныхъ не стало, всѣ разбѣжались по селенію, куда кто могъ.

Въ другихъ селахъ и деревняхъ, по прибытіи военной команды, крестьяне послушно шли на сходы по наряду своихъ старостъ, хорошо сознавая, что ожидаетъ ихъ на этихъ сходахъ. Наказаніе было жестоко, безпощадно. Изъ признанныхъ наиболѣе виновными большинство не вынесло его и умерло въ непродолжительномъ времени послѣ сѣкуціи. Крестьяне, бывшіе свидѣте-

лями или жертвами кары, до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаютъ о ней... Они уподобляютъ ее молоченію хлѣба и говорятъ, что первая «настилка» была особенно страшна и ужасна и что многіе перенесли ее. Они прибавляютъ также, что солдаты изъ Полявовъ отличались неумолимою жестокостію въ наказываніи. Определенія степени виновности каждаго предоставлено было дѣлать волостнымъ и сельскимъ начальникамъ. Апелляціи не было и личная вражда или неудовольствіе часто служили мѣриломъ участія въ бунтѣ. Въ числѣ наказанныхъ изъ среды обществъ было много ни въ чемъ неповинныхъ очистительныхъ жертвъ. Система—наказывать изъ десяти одного при многочисленныхъ толпахъ, изъ которыхъ они выхватывались, и при наказываніи массой не могла быть примѣнена съ строгой точностію и справедливостію. Мнѣ рассказывали, что крестьянинъ села Капшинскаго, пріѣхавшій домой изъ Тагильскаго завода и даже не знавшій о бывшихъ беспорядкахъ, еще не успѣлъ съ дороги распречь лошадь, какъ былъ наряженъ на волостной сходъ въ с. Курья и тотчасъ же отправился на мѣсто. Онъ всталъ на немъ со своими односельцами и попалъ въ числѣ очистительныхъ жертвъ. Черезъ недѣлю послѣ наказанія онъ умеръ отъ ранъ. Чтобы понять, на сколько возможна была ошибка при подобнаго рода наказаніяхъ, я укажу на бывшее при томъ же сходѣ, въ Курьяхъ, происшествіе—печальное и вмѣстѣ съ тѣмъ невольное вызывающее улыбку. Трое крестьянъ прохожихъ, узнавши что на сходѣ будетъ военная команда, любопытствовали посмотрѣть, что на немъ будетъ происходить. Имъ хотѣлось идти всѣмъ троицъ, но такъ какъ у нихъ за спинами были котомки, а съ ними идти на сходъ не приходилось, то двумъ изъ нихъ удалось уговорить третьяго покараулить за полуштофъ ихъ ноши и подождать за селеніемъ ихъ возвращенія. Придя на сходъ и видя, что всѣ стоятъ на колѣнахъ, бѣдняки пристроились въ ближайшему обществу и опустили въ ряды его тоже на колѣни, одинъ позади другаго. На ихъ несчастіе при отсчитываніи десятковъ, имъ выпала очередь и, несмотря на всѣ ихъ протесты и увѣренія, они были увлечены солдатами и наказаны наравнѣ съ другими. Хотя товарищъ ихъ не получилъ, конечно, выговореннаго полуштофа, но не могъ завидовать удовлетворенному любопытству своихъ спутниковъ. Этотъ рассказъ всегда приходится слышать

въ предѣлахъ бывшей Курьинской волости и крестьяне все еще подсмѣиваются надъ любопытствомъ своихъ собратьевъ.

Изъ бесѣды съ крестьянами легко замѣтить, что они крайне неохотно разговариваютъ и еще неохотнѣе рассказываютъ о всѣхъ происшествіяхъ той тяжелой для нихъ години. Наказаніе имѣло на нихъ подавляющее дѣйствіе и они избѣгаютъ случая воскрешать его въ своей памяти. Въ ихъ разказахъ остается всегда что-то недомолвленное и въ этой недомолвѣ замѣтна боязнь высказать твердое убѣжденіе, что они были правы въ то время и достигли той цѣли, къ которой стремились. Объ этомъ убѣжденіи говорить и Петръ Григорьевичъ Гуринъ въ своемъ разказѣ о беспорядкахъ въ Захаровскомъ обществѣ.

Курьинскій заводъ.

Гора Благодать.

II. Дѣл.

I.

1842 г., въ среду на Страстной недѣлѣ, ничего не зная о началѣ беспорядковъ, свободный отъ службы, я уѣхалъ за 15-ть верстъ къ своимъ родителямъ, въ село Скатынское, чтобы тамъ отговѣть и провести праздники. Въ страстной четвергъ, идучи домой изъ церкви послѣ обѣдни, я увидѣлъ у Скатынскаго управленія толпу крестьянъ, да не въ домекъ было, зачѣмъ они собрались. Часа черезъ два вижу изъ окна, что подлѣ управления (а оно было въ 30-ти саженьяхъ отъ дома моего отца) собралось народу уже человекъ до двухсотъ. Такое сборище, да еще и въ непоказанное время, странно мнѣ показалось, и я любопытства ради вышелъ на дворъ. Тутъ слышу толки крестьянъ; одни кричатъ: «писаря съ окружнымъ продали міръ за господина!» другіе: «для господина, вишь, и хлѣбъ собирать вздумали!»; третьи: «хлѣбъ-то хлѣбомъ, а картошки-то кому сѣяли?! господину же». Затѣмъ порѣшили: «искать міропродавцевъ и пытаться: скажутъ правду и отдадутъ подлинники». Такъ, вижу въ толпѣ зашевелились и отсталъ отъ нея десятокъ-другой человекъ. Похватали они кому что подъ руку попало: полѣнья и жерди изъ загородакъ и разбрелись въ разныя стороны. Изъ всего, что я видѣлъ и слышалъ, я еще не могъ понять, въ чемъ дѣло. Подозвалъ изъ этой артели знакомаго и дружнаго мнѣ крестьянина Андрея Воронина, а онъ и рассказалъ мнѣ:

— «Сегодня (говорить), ночью, были здѣсь никольскіе крестьяне (село Никольское лежитъ въ 14-ти верстахъ отъ села Скатинскаго) отъ своего общества отыскать сбѣжавшаго сельскаго писаря Матвѣя Шаньгина; сказывали нашимъ крестьянамъ, что-де этотъ писарь съ окружнымъ продалъ міръ господину по фальшивымъ приговорамъ, а общества, которыя отъ писарей такихъ приговоровъ обратно вытребовать не могутъ, останутся за господиномъ. Потомъ, сказывалъ Воронинъ, будто многія общества ужъ выпытали у писарей всю правду и приговоры назадъ получили, а иные писаря показали, что приговоры переданы окружному. Своего-то писаря они схватить не успѣли, онъ и бѣжалъ въ здѣшнюю сторону. Кромѣ того, нѣсколько скатинскихъ крестьянъ были въ городѣ Камышловѣ и тамъ они слышали тѣже вѣсти. Нашъ же волостной писарь (Закамышловской волости) Коровяковъ скрылся съ приговорами и его не знаютъ, гдѣ найти. Вотъ по этому-то дѣлу и было собраніе подлѣ управленья».

Только что Воронинъ досказалъ мнѣ эту исторію, пріѣхалъ ко мнѣ крестьянинъ деревни Чикуновой, Захаровскаго общества, Василій Гавриловъ Тимеревъ и говорить, что-де сегодня, рано утромъ, пригонялъ въ ихъ деревню старшина Алексѣй Яковлевъ Лихачевъ и приказалъ ѣхать въ Захаровку съ каждаго дома по человѣку на сходку, отыскивать фальшивые приговоры, по которымъ писарь ¹⁾ продалъ міръ господину.

Выслушалъ я оба эти разсказа, и сталъ уговаривать Воронина и Тимерева, что все это вздоръ, а имъ, какъ хорошимъ мужикамъ, слѣдовало бы не токмо что не вѣрить такой нелѣпицѣ, а напротивъ, другихъ удерживать отъ безумства. Говорилъ я имъ, что въ нынѣшнія времена государственныхъ крестьянъ не раздають господамъ, и удивлялся, какъ они могли повѣрить, будто писаря или окружные имѣютъ право продавать крестьянъ. На мои слова Воронинъ и Тимеревъ отвѣчали, что они довѣряютъ мнѣ и безпокоиться не будутъ. Затѣмъ я совѣтовалъ имъ съ противозаконными сборищами не связываться, чтобы не попасть потомъ въ число бунтовщиковъ. Во время нашихъ разговоровъ (мы говорили часа два) пришелъ крестья-

¹⁾ Составитель этого разсказа.

нинъ села Скатынскаго Алексѣй Андреевъ Несытыхъ, почтенный старикъ, который до преобразованія сельскихъ учрежденій служилъ при Скатынскомъ волостномъ правленіи головой. Событвеннымъ-ли разумомъ, или по наученію нивольскаго писаря Шаньгина, котораго онъ ночью скрылъ у себя въ дому, онъ не присталъ къ бунтовщикамъ, — этого не знаю, только Несытыхъ, по приходѣ, обратился къ моимъ собесѣдникамъ и сказалъ:

— «Въ такіе великіе дни народъ обезумѣлъ; бьютъ людей и сами не знаютъ за что, да и вы, господа, не туда-ли же дурите, не хотите-ли Гурина изъ дому утащить?»

— «Нѣтъ, нѣтъ, Алексѣй Андреевичъ, мы поняли, что дѣлота не ладно», отвѣтили Воронинъ и Тимерева.

— «Ну и слава Богу, хоть вы-то поняли, а меня сейчасъ останавливали на улицѣ и спрашивали: не знаю-ли я чего о продажѣ міра за господина? Я сказалъ, что этого быть не можетъ; такъ поди-ка, поговори съ ними: окрысились и на меня: «ты, говорятъ, видно, по дружбѣ съ писарями остался, потому и говоришь, что быть не можетъ»... Послѣ этого обратился онъ къ моему отцу: «Григорій Степановичъ! я тебѣ совѣтую берегчись, грозятся и на тебя! Говорятъ, что ты изъ старыхъ писарей и сынъ у тебя писаремъ,—тутъ же участвуешь. Вонъ, Ивана Митричича (отца Шаньгина и моего дядю) на старости лѣтъ избил и связаннаго по улицѣ утащили, а за что!? зато, что сынъ писаремъ!»

— «Вотъ какой вздоръ», возразилъ отецъ. «Не придуть ко мнѣ съ разбоемъ ни съ того, ни съ сего».

— «Нѣтъ, берегчись, Григорій Степановичъ», началъ Тимерева; «наши говорятъ, что если бы не было у тебя ружьевъ, то сегодня тебя и Петра Григорьевича ¹⁾ взяли бы въ пытку. Я нарочно пріѣхалъ сказать тебѣ: лучше бы тебѣ не выходить нигуда изъ дому, а Петра Григорьевича въ ночь отправить въ Камышловъ (въ 17-ти верстахъ). Говорятъ, тамъ много писарей, а мужики въ городѣ не смѣютъ искать ихъ; это было бы лучше».

— Полно пустяки говорить, съ чего я побѣгу, развѣ я виновать въ чемъ? отвѣтилъ я. Ну пусть ищутъ тамъ въ дѣлахъ, что имъ надо, а не найдутъ, такъ я самъ поѣду и узнаю, какою

¹⁾ Составителя этого разсказа.

они фальшивый приговоръ ищутъ. У меня нѣтъ никакого фальшиваго приговора, а всѣ дѣйствительные.

— «Нѣтъ, тебѣ не удастся и слова вымолвить», воскликнули всѣ. «Какъ только появишься, такъ и въ пытку, никто не поворитъ твоимъ словамъ,—это вѣрно, мы знаемъ уже, что дѣлается!»

И они начали приводить много примѣровъ, гдѣ что дѣлается, такъ что отъ ихъ рассказовъ я растерялся и готовъ былъ согласиться на бѣгство. Въ концѣ концовъ, Несытыхъ сказалъ, что у него приготовлены лошади отвезти ночью скрывавшагося у него писаря Шаньгина и что пришелъ онъ къ намъ именно затѣмъ, чтобы условиться и о моемъ побѣгѣ и отвезти потомъ меня вмѣстѣ съ нимъ. Воронинъ и Тимеревъ согласились ѣхать съ нами и совѣтовали взять съ собой для меня и Шаньгина заряженные ружья. Планъ побѣга одобрили мои родители и всѣ присутствующіе; оставалось только дожидаться ночи.

Во время сборовъ, словно кто мнѣ въ уши шепталъ, что бѣжать не слѣдовало, да и мнѣ самому побѣгъ казался дѣломъ низкимъ и преступнымъ. Я разсуждалъ такъ, что если убѣгу, то этимъ самымъ докажу народу, что нелѣпицы — сущая правда.... Не умнѣе-ли будетъ (думаю себѣ)—добровольно выйдти въ общество, поговорить толкомъ и, на сколько ума-разума хватитъ, образумить крестьянъ,—и ихъ-то отъ наказанія избавить, да и начальству-то угодить.

Такъ я и порѣшилъ, и на волю Всемогущаго Творца представилъ уберець меня отъ опасности или выдать на муку и смерть. Открылъ я свое рѣшеніе отцу и просилъ его согласія. Отецъ обнялъ меня, поцѣловалъ; заплакалъ и сказалъ мнѣ:

— «Господь тебя благословить, сынъ мой милый; не ожидалъ я отъ тебя такой смѣлости, ты хоть и молодецъ (мнѣ было 18 лѣтъ), но не могу я тебя отговаривать отъ честнаго дѣла. Господь тебя сохранить! Никто, какъ Богъ: Онъ тебя надоумилъ, Онъ-же тебя и защититъ. Господь съ тобой!»

Порадовалъ меня отецъ своимъ согласіемъ. Отъ него я бѣгомъ бросился въ кухню, гдѣ была мать, и закричалъ:

— Матушка! я ѣду въ Захаровку; батюшка благословилъ меня и пошелъ уже лошадь готовить!

Мать бросилась мнѣ на шею, да такъ и зарыдала. Въ

эту минуту я и самъ не могъ удержаться отъ слезъ. Сидѣли тутъ Несытыхъ, Тимеревъ и Воронинъ, и тѣ прослезились. Въ такомъ положеніи засталъ насъ отецъ. Сталъ я предъ иконою и началъ молиться. Отецъ и мать молились вмѣстѣ со мной. Потомъ поклонился я имъ въ ноги; отецъ благословилъ меня, за нимъ благословила меня мать и я простился съ гостями. Жалко мнѣ было съ родителями разставаться, но страха во мнѣ не было и сердце будто заранѣе успѣхъ чувало.

При выѣздѣ моемъ, на дворѣ было много народу и народъ этотъ, прощаясь со мной, ласково и громко хвалилъ и одобрялъ меня. Во время пути я такъ гордился своимъ рѣшеніемъ, что мнѣ и смерть не была страшна.

Къ вечеру я пріѣхалъ въ Захарово. Зашелъ въ сельское управленіе, гдѣ мнѣ объявили, что общество смѣнило меня за измѣну и избрало другаго писаря — Петра Тимерева. Не видя нужды разговаривать объ этомъ съ караульными, я сказалъ, чтобы дали знать старшинѣ о моемъ пріѣздѣ, и прошелъ къ себѣ на квартиру. Ночь показалась мнѣ очень долгою и я поздно уснулъ, тревожась о своей участи. Утромъ, до восхода солнца, пришли въ мою квартиру, которая была не заперта, крестьянинъ Федоръ Михайловъ Кузнецовъ и съ нимъ человекъ десять товарищей. Кузнецовъ схватилъ меня озящаго за волосы и стащилъ съ постели. Проснувшись отъ такого побуда, я не растерялся, но смѣло сказалъ: «какъ ты смѣлъ такъ безчеловѣчно поступить со мной? Я не упрямлюсь, иду куда нужно, но не одѣвшись не пойду». Бывшіе съ Кузнецовымъ крестьяне велѣли ему дать мнѣ одѣться. Одѣвшись, я пошелъ въ управленіе; за мной крестьяне. Подходя, увидѣлъ множество собравшагося народа (человекъ до 500). Я поздоровался, какъ обыкновенно, и пошелъ прямо въ управленіе. Въ толгѣ я не встрѣтилъ никакой обиды, но видно было, что люди озлоблены. Въ управленіи я протѣснился къ столу,—вдругъ меня ударилъ крестьянинъ Осипъ Хорошихъ. Это меня озлило и я крикнулъ: «не смѣй бить меня, когда не знаешь, правъ я или виноватъ!». Не успѣлъ я выговорить, какъ меня кто-то схватилъ за волосы и бросилъ въ голбецъ,¹⁾ который служилъ вмѣсто арестантской. Тамъ уже были посажены старшина и другія сельскія

¹⁾ Голбецъ на мѣстномъ нарѣчій значить подполье.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. X, 1874 г. МАЙ.

власти. Не успѣлъ я съ духомъ собраться, какъ слышу наверху крики и споры,—и обо мнѣ рѣчь идетъ. Одни кричатъ: «повѣсить его ногами въ желобу,¹⁾ не навѣшается долго внизъ головой — скажетъ правду». Другіе: «нѣтъ, на-перво надо вицами содрать кожу со спины, такъ узнаетъ, какъ мѣръ-отъ продавать». Наконецъ третьи кричатъ: «что вы, ребята? надо перво спросить его и выслушать, чего будетъ говорить, да тогда ужъ и судить». Съ этимъ предложеніемъ всѣ согласились: отперли двери и велѣли мнѣ выходить.

Выйдя изъ подполья, я подошелъ къ столу и сказалъ:

— Спрашивайте, чего хотите.

— «Самъ знаешь, чего хотимъ», закричали со всѣхъ сторонъ; «сказывай правду: за сколько мѣръ продалъ и гдѣ подлинникъ, по которымъ подворачиваютъ за господина мѣръ? Батюшку-царя обманули, написали позаочны приговора и сказали, что мѣръ согласился добровольно быть въ удѣлѣ за министромъ; а министръ перво заставилъ картошки сѣять, да видно жадный: мало того, велитъ собирать хлѣбъ и ссыпать отъ девяти въ десятый домъ. Нѣтъ! Покуда живы, безъ царскаго повелѣнія не будемъ за министромъ! У васъ правды не добьешься, такъ не радуйтесь: живыхъ не оставимъ, всѣхъ міропродавцевъ порѣшимъ, тогда только и узнаетъ батюшка-царь, волей-неволей, что ему донесутъ. Судить за измѣнниковъ не будутъ: собакѣ—собачья и смерть. Вотъ чего хотимъ!!! Коли хочешь жить, скажи правду; мѣръ—материно сердце: если скажешь правду и отдашь намъ приговора — бывать,²⁾ и простимъ по молодости твоей».

По выслушаніи вопросовъ и угрозъ, я отвѣчалъ:

— Все, что васъ сбило съ толку и привело въ буйство,—совершенно ложно; вы послушались и вѣрите безумнымъ слухамъ. Я узналъ о вашемъ бунтѣ вчера и, чтобы не оставить васъ въ обманѣ, пріѣхалъ къ вамъ вечеръ же. Я не нашелъ васъ въ свопѣ и велѣлъ вашей стражѣ дать знать старшинѣ о моемъ пріѣздѣ. Я хотѣлъ собрать васъ сегодня и все вамъ объяснить. Знаю, и вы должны знать, что за всякое сопротивленіе законнымъ властямъ зачинщики судятся строго; изъ общества же, которое не попустило беспорядку, накажутъ, смотря по винѣ: пятого, десятого,

¹⁾ На который упираются кровли крестьянскихъ домовъ.

²⁾ Можетъ быть.

или двадцатаго человѣка, хоть бы они сами и не участвовали въ беспорядкахъ. Хотите слушать мои объясненія — слушайте, а не хотите — послѣ сами будете раскаиваться, да ужъ не воротить. Я пріѣхалъ къ вамъ затѣмъ, чтобы остановить вашу бунтъ или умереть на службѣ отъ вашихъ побоевъ. Я пріѣхалъ добровольно — значить, не боюсь смерти: такъ бейте, или выслушайте меня.

— «Разсказывай, разсказывай! послушаемъ, чего будетъ говорить», закричали со всѣхъ сторонъ, и слышались мнѣ въ этихъ врикахъ и сомнѣнны, и насмѣшка, и угроза.

Когда стихло въ народѣ, я началъ говорить: слышали-ли вы хоть отъ прадедовъ вашихъ, чтобы писаря продавали господамъ государственныхъ крестьянъ? Этого не было и не будетъ. Въ прежнія времена цари наши дарили людьми вельможъ за ихъ службу, но нынче не стали жаловать людьми, а награждаютъ пустопорожней землей, деньгами и орденами. Продажа людей если и дѣлается, то только господскихъ и притомъ самими господами.

— «Оно правда, что господа своихъ людей и на собакъ мѣняють, а государственныхъ крестьянъ не слышно, чтобы продавали!» крикнули нѣсколько голосовъ. «Да, теперь, говорятъ, что вы съ окружнымъ продали по фальшивымъ приговорамъ; написали, что мы согласны сами быть за министеромъ и собирать ему хлѣбъ и сѣять картошки».

— «Нечего, ребята, слушать его сказки, а надо къ жолобу», заревѣли другіе, «тутъ другое запоеть: скажетъ, есть или нѣтъ царскій указъ съ золотой строчкой, либо отдастъ фальшивый приговоръ». Но ближе-стоявшіе крикнули: «Нѣтъ, старики, надо выслушать до конца! Онъ худаго ничего не сказалъ и вины еще не знаемъ; къ жолобу можно подтянуть и послѣ — не убѣжить».

Долго шумѣла толпа, но наконецъ порѣшила слушать и мало-по-малу затихла.

— Сами разсудите, началъ я снова, если въ вашемъ шумѣ и крикѣ что-нибудь похожее на дѣло? Злитесь вы и вовсе не знаете хорошенько, по какой причинѣ, а по одному лишь пустому слуху, который разнесли люди, которые дѣла не знаютъ, и, Богъ знаетъ, съ чего. Если же вы одумаетесь, да безъ шуму и злости обсудите, то и сами себя осудите. Сейчасъ вы кричали: «подай, да выложъ царскій указъ!» Царь манифесты и указы даетъ сенату, а сенатъ посылаетъ списки съ нихъ губернаторамъ; гу-

бернаторы—въ присутственныя мѣста. Въ городахъ читаютъ ихъ въ базарные дни на площадяхъ и для сбора людей къ слушанію бьютъ въ барабанъ; волостные и сельскіе начальники читаютъ ихъ въ церквахъ и на сходахъ. Порядовъ этотъ вы знаете; кажется, можно понять, что вы требуете небывалаго — царскаго указа; еслибъ онъ былъ, то былъ бы обнародованъ.

— «Правда,—тогда мы ни слова бы не сказали; царю воля, что угодно то и дѣлаетъ: потребуеть головами—и головами пойдёмъ», отвѣчали всѣ; «да, говорятъ, что распоряжается-то нами ужъ не царь, а министеръ».

— Слушайте! перебилъ я ихъ, чтобы не дать снова отвлечься отъ себя ихъ вниманію,—слушайте, дойдетъ очередь объяснить все и тогда поймете.

Тутъ я обратился къ новопоставленному писарю Тимереву, чтобы онъ подаль лежавшіе въ шкафу проэеты учрежденія управленій государственныхъ имуществъ. Тимеревъ тотчасъ же подалъ мнѣ ихъ. Взявши ихъ, я сказалъ: «вотъ законъ управленія, онъ данъ царемъ и обнародованъ: когда отрывалось здѣшнее управленіе, я читалъ вамъ его послѣ молебна. Вѣрите-ли закону и повинуетесь-ли? Если не вѣрите и не повинуетесь, то я не буду и говорить съ вами, какъ съ бунтовщиками противъ царя и закона, дѣлайте тогда со мной, что хотите; за царя—смерть нестрашна; я на все готовъ!» Съ этими словами я перекрестился и замолчалъ.

Нѣсколько минутъ было тихо.

— «Повинуемся царю и закону, что велитъ, то и будемъ дѣлать!» загремѣло вдругъ со всѣхъ сторонъ; «мы закону не супротивники».

— А если не супротивники закону и повинуетесь, такъ прошу васъ слушать и не шумѣть.

Тутъ врывнули въ толпѣ: «тише, тише! не кричать, надо слушать ладомъ». Опять все затихло. Я открылъ проэетъ и велѣлъ писарю Тимереву прочитать то мѣсто, гдѣ напечатано: «Быть посему. Николай». По прочтеніи, я спросилъ какъ писаря, такъ и бывшихъ тутъ грамотныхъ крестьянъ: «Достаточно-ли этого, чтобы вѣрить и повиноваться?»

— «Сохрани насъ, Господи, не вѣрить и не повиноваться за-

кону царскому!» отвѣчали и грамотные, и не грамотные, и больше уже не шумѣли.

Послѣ этого я указалъ Тимереву на подходящія статьи и велѣлъ читать. Чтеніе продолжалось болѣе часа и до самаго конца нѣмъ не было нарушено. По окончаніи чтенія, я сказалъ:

— Теперь вы слышали законъ и можете понять, что государь ввѣрилъ министру главное управленіе надъ всѣми государственными имуществами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и попеченіе надъ нами, такъ какъ мы—государственные крестьяне, а не господскіе и не удѣльные. Господскими управляютъ господа, а удѣльными—министръ удѣловъ. Если кто-либо изъ васъ не понялъ чего, я снова прикажу прочесть и объясню.

— «Какъ не понять!» отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Я продолжалъ: Вы знаете, что по разнымъ мѣстамъ царства много случается неурожаевъ, и тогда въ этихъ мѣстахъ народъ голодуетъ и ѣсть хлѣбъ, подмѣшивая въ него глину и гниль?»¹⁾

— «Слышали. И у насъ недавно ѣли лебеду», отозвалось спокойно нѣсколько голосовъ.

— Есть примѣры, что котораго года хлѣбъ родится худо, картофель родится хорошо, да и мѣстами есть земли скудныя: хлѣбъ даютъ плохой, а картофель хорошій. Вотъ по этимъ-то примѣрамъ правительство и старается, чтобы посѣвовъ картофеля было больше; а чтобы пріохотить къ этому людей, закономъ положено: тѣмъ, которые на свои средства сѣяли, раздавать въ награду похвальные листы, деньги, кафтаны и медали. Поэтому самому и данъ за посѣвъ картофеля волостному писарю Коровякову похвальный листъ. Въ обществахъ же г. министръ предложилъ завести общественныя запашки и сѣять на нихъ картофель, какъ подспорье къ хлѣбу. Притомъ на обработку общественныхъ запашекъ велѣно употреблять людей, приговоренныхъ по приговорамъ расправъ въ общественную работу. Это приказаніе многимъ на пользу, но здѣсь у насъ, благодаря Бога, хлѣбъ родится хорошо и поэтому мы не умѣли понять его, да вмѣсто того заорали дичь, будто сѣяли картофель министру, да какому-то господину. Подумайте, куда дѣвался вар-

¹⁾ Гнилое дерево.

тофель, что на общественной запискѣ родился? Вѣдь онъ розданъ на сѣмена намъ же!

— «Вотъ оно, старики, и въ правду онъ говоритъ, что не обсудимъ, да и режемъ», заговорили въ толпѣ.

— О кортофель, значить, вы начинаете понимать, сказалъ я; теперь слушайте о неприкосновенномъ запасѣ.

— «Ну-ко, тутъ чего будетъ», мягко сказали многіе, «а дѣло-то идетъ на-перво, слава Богу, ладно».

— Найди, тутъ же въ шкафу лежитъ дѣло о неприкосновенномъ запасѣ и подай его сюда, обратился я къ писарю. Тиме-ревъ тотчасъ нашелъ его и подаль мнѣ. Взявъ дѣло, я сказалъ: чтобы вамъ лучше понять, я переверну тѣхъ, кому было объявлено распоряженіе и къмъ данъ приговоръ. Кто изъ нихъ здѣсь? пусть подходятъ ближе и встаютъ въ одно мѣсто.

Я сдѣлалъ переключку и по ней оказалось, что всѣ безъ исключенія переключивные были тутъ на-лицо. Они стали отдѣльно, какъ я имъ сказалъ.

— Вотъ предписаніе г. министра о неприкосновенномъ запасѣ и вашъ отзывъ о немъ, обратился я къ вызваннымъ.—помните-ли, что вамъ было читано?

— «Да гдѣ намъ помнить, что читалъ; а рассказывалъ чего—помнимъ».

— Хорошо, что помните. Теперь расскажите, что я вамъ толковалъ?

— «Ты говорилъ, что въ казихъ-то мѣстахъ былъ неурожай, а въ казенныхъ магазинахъ хлѣба было мало; такъ министръ и велѣлъ, чтобы на сходкахъ выбрали добрыхъ мужиковъ. для того, чтобы къ нимъ сыпать сѣмена отъ девяти человекъ. Ты хвалилъ намъ, что будетъ хорошо: пьяницы, да лѣнивцы поневолѣ упасутъ сѣмена, потому что осенью хлѣбъ у нихъ отберутъ; зимой нельзя его продать: занужу стануть работать зимой, чтобы питаться, да и пировать-то менѣе стануть. А весна придетъ—сѣмена готовы: кто какой положить хлѣбъ, тотъ такой и возьметъ. Да и посѣтъ-то собственный, потому что онъ не будетъ мѣшаться, какъ это дѣлается въ магазинахъ, а хранится въ своихъ мѣшкахъ и нието не будетъ его мѣшать и перемѣнивать; зато и называется «неприкосновенный». А возьметъ мужикъ весной, такъ и посѣтъ непремѣнно: за нимъ смотрѣтъ

будутъ, чтобы посѣялъ весь. А которые мужики богаты и умѣютъ берегчи хлѣбъ для сѣмянъ, тѣ не будутъ его въ чужой амбаръ возить. Ну, мы и повѣрили твоимъ словамъ: коли у однихъ нерачителей отбирать сѣмена, такъ и препятствовать нечего: знамо, что хорошо, годъ-другой повозать въ чужой амбаръ, такъ научатся и дома берегчи. Потому и дали руки на то, чтобы съ будущаго урожая устроить запасъ, какъ велитъ начальство».

— «Это хорошо, кабы только правда», проговорили нѣсколько голосовъ. Въ толпѣ стало замѣтно проглядывать сознание и многіе тихо говорили между собой: «знать-то дернуло насъ въ просякъ: чуюшь чего!»

— Правда или нѣтъ, сейчасъ увидите, извольте читать. Говоря это, я указалъ на предписаніе.

— «Читай!» отвѣчали немногіе.

— Нѣтъ, я читать не буду. Довѣрьте кому-либо изъ вашей среды грамотному.

— «А что такъ? велимъ, такъ и читай!» сказали крестьяне.

— Вы должны сами удостовѣриться, такъ-ли написано, какъ я вамъ толковалъ. Буду я читать — вы, пожалуй, не повѣрите; лучше всего, вы довѣрьте читать одному изъ васъ, или хоть всѣмъ грамотнымъ, а я буду объяснять, если нужно будетъ; исполнять же ваши приказанія я отказываюсь и слушать ихъ вамъ меня не заставить.

— «Мы довѣряемъ тебѣ; вѣдь ты писарь!» раздалось кругомъ.

— То-то и есть, что не писарь! Былъ писаремъ, когда былъ закономъ установленный порядокъ. Теперь его нѣтъ: вы потоптали его. Гдѣ порядокъ, скажите? Старшина, староста и добросовѣстные заперты въ голбцѣ; я былъ тамъ же и при томъ избить! Спросите-ка одинъ другаго: кто это сдѣлалъ?

— «Вотъ, старики, онъ еще ребенокъ, а молодецъ: съ перваго разу видно, что не робаго десятка: отрѣзывается отъ народа, да и только. Вѣдь правду говорить, что не хорошо сдѣлали!» сказалъ крестьянинъ Иванъ Сысоевъ, пользовавшійся въ обществѣ большимъ довѣріемъ. Другіе громко подхватили: «А вѣдь правда, что бунтуемъ, надо старшину-то выпустить: вины-то, вѣдь, никакой, видно, не будетъ, а надерутъ хребетъ-отъ намъ!»

Старшина и другіе, сидѣвшіе съ нимъ, тотчасъ же были выпущены. При появленіи старшины, крестьяне стали говорить ему:

— «Видишь ты, Алексѣй Яковлевичъ, посадилъ ты насъ третьяго дня въ просакъ-отъ, какъ въ рѣпную яму: сказалъ, что писарь продалъ мѣръ и обманомъ приложилъ твою печатку, а на дѣлѣ-то выходитъ не то; насъ судить будутъ, а тебя—нуще... Кабы не ты, мы, бывать, и не шибко повѣрили волковцамъ-то!»

— «Что вы, батюшки, старички», заговорилъ старшина: «я, вѣдь, не самъ собой—меня послали колесниковскіе и наши старики. Они были въ волости и имъ сказалъ это голова, Иванъ Семеновичъ, и приказалъ мнѣ оправу ¹⁾ имѣть. Я пріѣхалъ къ вамъ, а у васъ ужъ сходка была и вы тоже, вѣдь, говорили, что писаря мѣръ продали за господина, и вы же велѣли мнѣ самому объѣхать по деревнямъ и собрать на совѣтъ съ каждаго дома по человѣку. Я и объѣхалъ. А чѣмъ я знаю: продали—не продали... мое дѣло темное: вотъ хогъ сегодня. Спрашивали, почто печатку приложилъ? Да какъ не приложить, коли прочитали, что у однихъ неащителей собирать хлѣбъ!»

— «Полно, полно, не то говоришь!» зашумѣла большая половина; «видно выслушалъ, да и вздумалъ пятиться. Нѣтъ, ужъ на то пошло: говори правду, не выправляй себя, а насъ—не грузи. Какая была у насъ сходка? Мы сидѣли у часовни, дожидались вечерни, а ты подѣхалъ, да и началъ: «чего сидите, останетесь за господиномъ, коли не отыщемъ приговоровъ, по которымъ писаря продали мѣръ!» А мы такъ и сказали, что это же чуяли²⁾ отъ володинскихъ и волковскихъ мужиковъ. Вотъ, вѣдь, какъ дѣло-то было! А сегодня знаете, за что васъ посадили въ голбецъ? Зато, что вы то скажете, что приложили печать, то опять скажете, что нѣтъ, не прикладывали».

Эти уворы сыпались на старшину со всѣхъ сторонъ, а онъ до того растерялся, что не могъ выговорить больше ни слова и только плакалъ. Видя его тягостное положеніе, я, чтобы остановить пререванія, сталъ настаивать, чтобы читали распоряженіе и приговоръ.

Послышался тотъ же отвѣтъ: «читай ты, вѣримъ тебѣ».

И на этотъ разъ я отказался отъ чтенія, а просилъ читать Тимерева.—«Старшина и другіе, слышавшіе отъ меня прежде распоряженіе и приговоръ на него, должны слушать: такъ-ли я читалъ

¹⁾ Стараться оправдаться предъ крестьянами.

²⁾ Слышали.

имъ раньше и согласно-ли моему чтенію написанъ приговоръ? Тимеревъ, не ожидая приказанія схода, взялъ дѣло и началъ читать. Когда онъ прочелъ, я спросилъ:

— Такъ-ли было читано мной?

— «Такъ», отвѣчали старшина и подписавшіе приговоръ.

Затѣмъ былъ прочтенъ приговоръ съ рукоприкладствомъ подъ нимъ и съ засвидѣтельствомъ.

— «Именно такъ! изъ слова въ слово!» закричали подписавшіеся, «ай-да Петръ Григорьевичъ, молодецъ! Должны вѣкъ за тебя Бога молить, и съ ребятишками! Чего бы у насъ было, кабы Богъ-отъ тебя не послалъ къ намъ! Пожалуй, чего добраго, туда же съ колесничатами (крестьянами деревни Колесниковой) угнали бы въ волость: тамо, говорятъ, засѣдателя Чупина едва не до смерти убили, а сельскихъ начальниковъ безъ разбору бьютъ да дерутъ, да и простыхъ-то мужиковъ, какъ барановъ набили! Мы думали тоже, что такъ и надо, а вотъ какъ ты очуралъ, да рассказавъ, теперь сами узнали, что таже пугачевщина: вмѣсто царскаго-то спасибо, станешь гноить острогъ; наказывать-то накажутъ, да и столбы заставятъ считать.¹⁾ Самосудничать-то долго нельзя: чего-нибудь да будетъ! а знамо чего будетъ: всѣхъ рѣнныхъ королей²⁾ большую рыбу ѣсть пошлутъ³⁾ (сошлутъ въ Сибирь). То-то и есть! а мы чего начали-было дѣлать-то? Только теперь стали иначе говорить! Небось и намъ достанется на калачи. Что же станешь дѣлать! мы хоть и много передъ закономъ и царемъ виноваты, да все же, слава Богу, одумались. Богъ не допустилъ кровь проливать; значить, будемъ менѣе виноваты: рѣнницы те хоть и надерутъ, да бывають, Богъ помилуеть острогу-то».

И много подобныхъ разсужденій слышалось въ народѣ.

Наконецъ, я спросилъ: «Господа! могу-ли я быть свободнымъ?»

— «Что это ты говоришь?» спросили со всѣхъ сторонъ, словно съ упрекомъ и будто удивляясь.

— Я спрашиваю: могу-ли я быть свободнымъ отъ вашего суда и ареста?

— «Что ты, отецъ родной?» закричали всѣ, «мы виноваты

¹⁾ Отправлять по столбовой сибирской дорогѣ.

²⁾ Рѣнный король—насмѣшливое названіе мужика.

³⁾ Сибирскія рѣки изобилуютъ крушюной рыбой.

передъ тобой! Прости, ради Христа. Ты знаешь, что мы сами не знали, чего дѣлали».

Въ это время Осипъ Хорошихъ, ударившій меня и приходившій за мной на квартиру Федоръ Кузнецовъ стали просить у меня прощенія. Я простилъ ихъ, сказавъ, что личную обиду прощаю, а зато, что они законъ нарушили, я не въ правѣ простить ихъ. Осипа Хорошихъ, какъ мнѣ сказали, только что по рѣшенію схода наказали розгами за ударъ, нанесенный мнѣ, находя, что этимъ ударомъ онъ наложилъ большую вину на общество.

— Спасибо, господа, что выслушали меня и образумились; теперь прощайте и будьте въ покоѣ, а если въ чемъ-либо будетъ вамъ сомнѣніе, приходите и скажите: я всегда радъ вамъ объяснить.

— «Дай тебѣ, Господи, добраго здоровья и счастья! Мы теперь не разстанемся съ тобой; теперь пусть хоть что говорятъ, а насъ не сбить съ ума; знаемъ, что дѣло противозаконное затѣялось. Богъ за грѣхъ такіе потрусы ¹⁾ спустилъ!»

Всѣ горячо благодарили меня и я, въ моему удовольствію, видѣлъ, что крестьяне успокоились.

Попрощавшись еще съ народомъ, я направился выходить изъ управленія, но Тимеревъ обратился ко мнѣ:

— «Петръ Григорьевичъ! дѣла-то положи и возьми ключъ».

— Нѣтъ, возразилъ я, дѣла пусть будутъ у тебя, я принимать ихъ не буду до распоряженія начальства.

Тимеревъ заплакалъ и сказалъ: «Я понимаю, что меня будутъ строго судить, какъ подстрекателя, но видитъ Богъ и я влянусь, что невиновенъ въ подстрекательствѣ. Ты видѣлъ, Петръ Григорьевичъ, что я ни въ чемъ не участвовалъ; вся моя вина въ томъ, что съ дуру послушался общества».

Въ это время народъ, начинавшій выходить изъ управленія, хлынулъ обратно и сталъ просить, чтобы я принялъ дѣла. Мнѣ не хотѣлось этого, такъ какъ я рассчитывалъ поѣхать домой и обрадовать родителей; но просьба всего народа и слезы старшины и Тимерева заставили меня воротиться и принять дѣла. По повѣрѣ, они оказались всѣ въ цѣлости и на лицо. Когда

¹⁾ Несчастіе, бѣда.

я принялъ дѣла, Тимеревъ и старшина упали мнѣ въ ноги и благодарили меня. Народъ разошелся въ восторгѣ, да и я былъ самъ не свой отъ радости.

По окончаніи схода, всѣ называли эту смуту или глупостію, или потрусомъ, или безуміемъ. Полное спокойствіе воцарилось. Это было уже вечеромъ, передъ закатомъ солнца.

II.

Утромъ въ Великденную субботу, послѣ божественной службы, совершенно было благодарственное Господу Богу молебствіе о благополучномъ окончаніи волненія. Послѣ молебна священникъ Словцовъ поздравилъ меня съ восстановленіемъ въ обществѣ порядка и благодарилъ меня. Послѣ обѣда, часу въ 10-мъ, пришли во мнѣ крестьяне Иванъ Сысоевъ, Аванасій и Иванъ Кузнецовы съ товарищами и стали говорить, что послѣ выхода изъ часовни (служба тогда, за сторгѣніемъ церкви, совершалась въ часовнѣ) волесничата спрашивали ихъ: «такой-ли отправленный подлинный приговоръ, какой вчера читали?» Напи сказали: «какой же другой?» Они на это и говорятъ: «Не отправленъ-ли фальшивый, а въ дѣлакѣ-то оставленъ, можетъ только для виду, настоящей?» — «Если сомнѣваетесь, возразили мы имъ, такъ и поѣзжайте въ волость-то, за одно вамъ: дорога-то проторена, а мы не сомнѣваемся». Напихъ много было при разговорѣ и воѣ одно сказали; а они говорятъ: «Лучше бы съѣздить въ волость справиться: оно бы не сомнѣвалось». Напи рукой махнули: «поѣзжайте, а намъ нечего тамъ дѣлать» и разошлись по домамъ. Мы отобѣдали, потолковали между собой и пошли къ тебѣ; ты вчера говорилъ, что буде чего учуемъ, такъ сказать бы тебѣ, ну мы и пришли сказать».

— Спасибо вамъ, что такъ сдѣлали. Я сейчасъ же поѣду въ волость и узнаю: отправленъ или нѣтъ приговоръ? если нѣтъ, то возьму его и отдамъ — пусть читаютъ».

Лошади были поданы; немедленно я одѣлся и вышелъ, чтобы ѣхать въ Завамышловку. Тогда стоявшіе на дворѣ Сысоевъ съ товарищами сказали:

— «Да, вѣдь, ѣхать хорошо, а не ѣхать — лучше!»

— Это почему? спросилъ я.

— «А вотъ почему: тамъ народъ-отъ со всѣхъ деревень, тебѣ

и пикнуть не дадутъ, схватятъ и изобьютъ, какъ своихъ избыли; видѣлъ вчера, сказывать-то нечего, да слава Богу, что Господь тебя сохранилъ, а вѣдь на одну только крошечку спасся, кабы въ голбець-отъ не толенули, такъ добраго-то бы не было,—одинъ началъ бы, другіе—кончили. Кто знаетъ, былъ-ли бы живъ-отъ сегодня!? А по нашему—не ѣзди, пусть толбуютъ чего хотять, пусть сами и ѣдутъ, воли сомнѣваются!»

Изъ совѣта—не ѣздить въ волость, я понялъ, что они не довѣряютъ мнѣ и опасаются, чтобы я, доѣхавши до города, не скрылся отъ нихъ, а потому и сказалъ:

— Если вы бонтесь, чтобы я не убѣжалъ, то пошлите караулъ. Не безпокойтесь! я ѣду покончить и послѣднее ваше сомнѣніе, да и колесниковцы лучше, если не будутъ сомнѣваться, вѣдь они одного съ вами общества!

— «Ей-Богу, мы говоримъ по совѣсти, лучше поѣзжай домой въ Свату; надѣйся, что наши вѣрятъ тебѣ. Буде, что нужно, мы пріѣдемъ и туда, тѣмъ отпустить тебя прямо на смерть. Старик! съ имъ, вѣдь, не стоворишь,—упрямый! видѣли вчера: не могли заставить, чтобы читаль, сказалъ Сысоевъ, значить и теперь его верхъ будетъ. А по моему вотъ что надо сдѣлать: чело-вѣкамъ 10-ти ѣхать съ нимъ и не давать тамъ въ обиду; я побѣгу, осѣдлаю лошадь и поѣду». Кузнецовы согласились съ нимъ и, уходя сѣдлать лошадей, сказали: «поѣзжайте — мы догонимъ!»

Но я остался ждать конвоя, чтобы не заставить его, догоняя, скоро ѣхать, и тѣмъ не всполошить о моей поѣздѣ крестьянъ, которые могутъ подумать, что я бѣжалъ, а за мной погоня. Черезъ нѣсколько минутъ явилось восемнадцать верховыхъ и, порѣшивши ѣхать не черезъ деревню Колесникову, а черезъ деревню Оадюшину, отправились сопровождать меня въ Закамышловку.

Дорогой я спросилъ ихъ: почему они избрали дальній, а не ближній путь: черезъ дер. Колесникову 15 верстъ до волости, а черезъ Оадюшину—20, если не больше, и при томъ еще на послѣдней дорогѣ, въ дер. Реутинской, перевозъ чрезъ рѣку Пышму.

— «Тамъ ближе—да опаснѣе», отвѣчали конвойные. «Колесничата все съ нами наперегъ; пожалуй, тебя и насъ изобьютъ, а здѣсь хоть и дальше, да все-таки не столь опасно. Одна только

опасность въ волости, ну, бывать, Богъ помилуетъ; поѣхали, такъ поѣдемъ».

На пути нашемъ лежали деревни: Казенкова, Оадюшина и Реутинская и мой конвой въ каждой изъ нихъ останавливался разговаривать съ крестьянами и оттого далеко отставалъ отъ меня. Отъ ихъ остановокъ едва не случилась со мной бѣда на перевозѣ, къ которому я пріѣхалъ только съ кучеромъ и съ однимъ изъ конвоя. Народу у рѣки было много и лишь онъ завидѣлъ меня, какъ привѣтствовалъ криками: «А! попалъ одинъ міропродавецъ! Въ воду его, ребята, вмѣстѣ съ измѣнниками! вишь подкупили, чтобы улизнуть въ городъ! Нѣтъ, не повѣримъ вашимъ выдумкамъ! Держи, ребята, всѣхъ, не отпустимъ измѣнниковъ!» (Измѣнниками они называли кучера и конвойнаго). Въ это время меня ужъ схватили за руки и заворотили ихъ за спину, чтобы связать веревкой, но, къ счастью, конвойный, увидѣвшій своихъ товарищей, стоявшихъ саженьхъ въ 70-ти и разговаривавшихъ съ толпой же народа, закричалъ имъ, чтобы они ѣхали скорѣе. На кликъ его всѣ они тотчасъ же прискакали и закричали: «Стой, не смѣйте нашего писаря обидѣть!» и я въ ту же минуту былъ освобожденъ. Конвойные рассказали народу въ короткихъ словахъ о томъ, что было у нихъ въ деревнѣ, и всѣ люди на перевозѣ, которые раньше пришли, а также прибѣжавшіе къ нему на шумъ, завидовали рассказывавъ, говоря: «вотъ у васъ доброй-отъ писарь, дакъ не то, чтобы бѣжать, а самъ пріѣхалъ; видно, нѣтъ у него заодинства-то¹⁾ съ нашими-то міропродавцами!»

Услыхавъ это, я сказалъ имъ, что и у нихъ точно такое же, а не иное распоряженіе о неприкосновенномъ запасѣ, какъ и у насъ, а что писаря не показываются изъ страха быть избитыми.

— «Нѣтъ, у насъ ничего не было, а приговоры написаны, чтобы хлѣбъ собирать съ каждой души и ссыпать отъ девяти въ десятый домъ. Вчера читали ихъ, такъ голоса подписаны по-заошны, другіи ужъ давно въ землѣ, а тутъ же подписаны. Кабы тако же было распоряженіе, какъ у васъ-то, да и сдѣлано также, оно бы ничего; а то, вишь, не такъ, а иначе, чего не говори, а не ладно, что-нибудь да кроется!»

¹⁾ Сообщничества.

— Ребята, намъ надо пробираться, пока свѣтло! сказалъ я. Было уже подъ вечеръ.

— «Да поговори ты съ нами, покадовъ ледь-отъ не перейдетъ (по рѣкѣ шель ледъ)».

— Нѣтъ, мы лучше перейдемъ безъ лошадей и тѣмъ временемъ сходимъ въ волость, сказалъ я. Отъ перевозу до волостнаго правленія верстъ шесть.

— «Ну съ Богомъ, удерживать нельзя!» отвѣтила толпа.

Во время переправы одинъ изъ перевозчиковъ, крестьянинъ деревни Реутинской Наумъ Лугвинъ, сказалъ мнѣ: «ладно, што съ людьми, а то, пожалуй, проплавалъ бы батомъ¹⁾), какъ лошадь, да потомъ по загороду отвели бы въ волость-ту».

Тутъ я понялъ, конечно, что безъ конвоя мнѣ нельзя было ѣхать.

Переправившись черезъ Пышму, мы пошли въ волость. Проходя городомъ (Камышловымъ) мимо зданія присутственныхъ мѣстъ, мы были остановлены по приказанію исправника г. Гурьева, увидавашаго насъ въ окно, и я былъ позванъ имъ въ земскій судъ. Когда я зашелъ въ присутствіе, то исправникъ спросилъ меня о причинѣ нашего путешествія. Когда я объяснилъ ему цѣль ея, г. Гурьевъ вышелъ въ мои конвойнымъ и сказалъ имъ:

— «Спасибо, что за умъ спохватились: увидите, какъ бунтовщиковъ будутъ пороть. Сегодня эстафета усвакала и скоро будутъ солдаты».

— «Мы, ваше высокоблагородіе, и ѣхать-то сюда отговаривали, да Петръ-отъ Григорьевичъ самъ похотѣлъ», отвѣтили мужики.

— «Хорошо онъ и дѣлаетъ; у васъ, у дураковъ, не долго опять за старое приняться!» сказалъ имъ исправникъ.

— «Нѣтъ, ужъ сохрани Богъ до того доходить», влкаясь, говорили мужички.

— «Хорошо. Такъ и дѣлайте, это избавитъ васъ отъ большаго наказанія». Сказавъ это, исправникъ ушелъ, а мы пошли далѣе.

Село Закамышловское отдѣлено отъ города только рѣкой Пышмой и расположено на низкомъ берегу; самый же Камышловъ лежитъ на высокомъ берегу, спускающемся къ Закамышловскому

¹⁾ Батъ — челнокъ-душегубка, выдолбленный изъ дѣлваго обрубка дерева.

мосту вкрутымъ спускомъ. Отъ этой разницы въ высотѣ, какъ село съ волостнымъ правленіемъ, такъ и мостъ, невидимы изъ города уже на разстояніи 70-ти сажень отъ рѣки.

Когда я подошелъ къ вершинѣ спуска, передо мной внезапно открылась, на противоположномъ берегу, въ улицѣ села и на мосту сплошная толпа народа и лишь только начали мы спускаться подъ гору, какъ вся эта орава заволновалась и поднялись крики: «міропродавца ведутъ! эй, міропродавца ведутъ!» и на встрѣчу къ намъ хлынули передовыя толпы народа съ криками: «бери на руки!» меня обуялъ такой страхъ и ужасъ, какихъ я въ жизнь свою не испытывалъ; я растерялся до того, что не сознавалъ, продолжалъ-ли я идти, или остановился; а когда одинъ изъ прибѣжавшихъ, какой-то здоровый мужикъ, поднялъ къ верху полѣно, чтобы нанести мнѣ ударъ, то я потерялъ всю надежду на спасеніе, и не знаю, самъ-ли я упалъ на землю, или меня сбили съ ногъ мои провожатые. Они сгрудились вокругъ меня и были стиснуты напоромъ толпы, а я лежалъ у нихъ подъ ногами и слышалъ только шумъ и ревъ народа. Когда гроза начала стихать, меня подняли и я увидѣлъ, что бѣшенная толпа даетъ намъ проходъ; что же говорилось между ею и моими провожатыми, я неспособенъ былъ понимать послѣ всего, что испыталъ. Проходя въ кругу своихъ товарищей мостъ, я очнулся, и когда мы подошли къ правленію (находившемуся саженьяхъ въ ста отъ рѣки), я увидѣлъ, что изъ него выскочилъ въ окно какой-то человѣкъ и подошелъ ко мнѣ. Какъ оказалось впоследствии, это былъ крестьянинъ Закамышловскаго общества Григорій Боровскій. Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и спросилъ:

— «Ты, какъ говорятъ, министерское предписаніе обществу объявилъ и приговоръ написалъ неподложно?»

Передо мной стоялъ невзрачный и простой мужиченко, но я тотчасъ же замѣтилъ, что при его появленіи все смолкло.

Я отвѣчалъ: «Все то, о чемъ спрашиваешь меня, можешь видѣть изъ дѣла».

Съ этими словами я подалъ ему дѣло о неприкосновенномъ запасѣ, которое было со мной. Боровскій взялъ дѣло, прочиталъ какъ предписаніе, такъ и приговоръ, и, отдавая ихъ мнѣ обратно, сказалъ:

— «Ладно у тебя всё, да вотъ это чего?» прибавилъ онъ, указывая въ предписаніи на буквы М. Г. И.

Изъ этого вопроса я понялъ, что онъ малограмотный и не знакомъ съ канцелярскимъ порядкомъ. Я сказалъ ему, что буквы эти означаютъ: «Министерство Государственныхъ Имуществъ», и объяснилъ, что въ государствѣ много министерствъ и каждое министерство вѣдаетъ тѣ дѣла, какія ему закономъ предоставлены. Министерству государственныхъ имуществъ ввѣрено управленіе государственными имуществами и попеченіе о благосостояніи государственныхъ крестьянъ.

— «Вотъ чево!!!» проговорилъ Боровскій, такимъ голосомъ, что-де: теперь только я понялъ! «Ну, а это чего?» сказалъ онъ, указывая на слово отдѣленіе.

— Палата подраздѣлена на отдѣленія, а отдѣленія—на столы, объяснялъ я; у тѣхъ и другихъ свои отдѣльныя обязанности: на примѣръ Лѣсное отдѣленіе не дѣлаетъ распоряженія по управленію волостями, а это (я указалъ ему на бумагу) не вмѣшивается въ Лѣсное управленіе.

Мнѣ показалось, что слово отдѣленіе въ умѣ его смѣшивалось съ словомъ удѣльные и потому-то вызывало сильное сомнѣніе.

— «Я спрашивалъ чиновниковъ, да тѣ только и говорить, что я дуракъ, да бунтовщикъ», проговорилъ Боровскій, и потомъ спросилъ меня: «зачѣмъ ты идешь въ волость?»

Когда я отвѣтилъ ему на вопросъ, онъ велѣлъ мнѣ идти въ правленіе, а самъ пошелъ туда же болѣе близкимъ путемъ, т. е., опять черезъ окно; при этомъ онъ обратился къ толпѣ и далъ приказъ, чтобы меня пропустили безъ обиды.

При входѣ въ правленіе, въ сѣняхъ, я былъ остановленъ крестьяниномъ Николаемъ Колясниковымъ и еще какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ старикомъ.

Послѣдній отперъ двери арестантской, а первый втолкнулъ меня туда со словами: «ступай-ка, міропродавецъ, посиди до суда-то Божьяго».

Здѣсь въ арестантской представилась мнѣ страшная картина: весь полъ воннаты положительно былъ покрытъ кровію и въ крови этой лежало человѣкъ до двадцати избитыхъ и изувѣченныхъ; вырванные и окровавленные волосы ихъ облѣпляли ихъ

лица, шеи, плечи и руки; я не нашель между ними ни одного, у кого лицо не было бы обезображено. Одни изъ нихъ лежали молча, другіе — тяжко стонали. Я не могъ сдѣлать ни одного шагу съ мѣста близъ дверей, гдѣ я остановился: буквально не было кругомъ меня мѣста, куда бы я могъ сѣсть; вездѣ избитые люди и кровь, ссѣвшаяся на подобіе киселя.

Простоявши въ такомъ положеніи минутъ десять, я услышалъ голосъ Боровскаго: «гдѣ Гуринъ?» затѣмъ отперли двери и Боровскій велѣлъ мнѣ выходить. По выходѣ моемъ, онъ спросилъ, кто меня туда заперъ? Я указалъ на Колясниковъ и незнакомаго мнѣ старика. Оба они стали оправдываться, говоря, что они думали: «въ черную и надо, коли писарь».

Боровскій далъ имъ по нѣсколькѣ пощечинъ и, сверхъ того, приказалъ наказать розгами. Наказаніе это было въ ту же минуту выполнено.

Когда я вошелъ въ комнату, гдѣ помѣщалось правленіе, я увидѣлъ, что за столомъ, на мѣстѣ волостнаго писаря, сидитъ крестьянинъ Петръ Шелегинъ, а у конца стола—волостной голова Иванъ Семеновъ Лукинъ. Боровскій подошелъ къ нимъ и, обратясь къ Шелегину, приказалъ найти приговоръ Захаровскаго общества. Шелегинъ, поискавши въ шкафу и въ сундукѣ, объявилъ, что приговора нѣтъ. Боровскій, обратившись ко мнѣ, повторилъ сказанное Шелегинымъ. Тутъ нѣсколько громкихъ голосовъ раздалось кругомъ: «вишь, обманъ строить, правду колесниковцы-то говорить».

— «Тихе, тихе!» прикрикнулъ Боровскій, и все стихло.

— «Ты самъ привозилъ приговоръ, или съ ямщикомъ посылаешь его?» спросилъ онъ меня.

— Послано было съ ямщикомъ и въ принятіи есть росписка въ относной, отвѣтилъ я.

Боровскій снова приказалъ искать приговоръ, но Шелегинъ завѣрялъ, что его нѣтъ и что онъ и раньше не видалъ его. Въ народѣ сильно зашумѣли, что «приговоръ; видно, такой же фальшивый, какъ и у другихъ, а не такой, какимъ обманулъ-было общество-то».

Увидѣвъ, что Боровскій въ сомнѣніи, да и провожатые мои нахмурились, я нашель способъ выйти изъ своего опаснаго положенія: попросилъ Боровскаго дать мнѣ входящій рѣстръ во-

лостнаго правленія. Боровскій приказалъ Шелегину подать его. Взявши рюестръ, я нашелъ въ немъ отмѣтку о полученіи донесенія Захаровскаго управленія, съ приложеннымъ къ нему приговоромъ о неприкосновенномъ запасѣ и показалъ эту отмѣтку Боровскому. Боровскій, прочитавъ ее, закричалъ народу, чтобы не шумѣли, а Шелегину приказалъ непременно отыскать приговоръ.

— «Гдѣ же я найду его, коли нѣту? видно окружному отданъ!» былъ отвѣтъ.

— Если бы онъ былъ отосланъ къ окружному, возразилъ я, то была бы отмѣтка въ графѣ исполненія, но ея нѣтъ; а чтобы удостовѣриться окончательно, нужно еще просмотрѣть исходящій списокъ. Если въ немъ окажется, что приговоръ отосланъ къ окружному, то я возьму справку и сейчасъ же пойдемъ къ нему и прочитаемъ его тамъ, или принесемъ сюда.

Боровскій приказалъ подать исходящій, и, по просмотрѣ, въ немъ не оказалось отсылки. Я сказалъ объ этомъ Боровскому и тотъ, обратясь къ Шелегину, закричалъ:

— «Ты, пустая борода, врешь, что приговора нѣтъ! Здѣсь. Найди, хоть изъ земли вырой, да найди! Дѣла у тебя на рукахъ!»

Шелегинъ повернулся къ сундуку и, какъ бы роясь въ немъ, выпустилъ изъ рукава спрятанный имъ приговоръ. Боровскій, вѣроятно, это замѣтилъ: онъ въ ту же минуту далъ ему пощечину и сталъ его тащить изъ-за стола за волосы. Затѣмъ взялъ у него приговоръ, сложенный въ восьмую долю листа, и прочиталъ сначала про себя, а потомъ прочиталъ вслухъ. Когда чтеніе кончилось, провожатые мои, а съ ними вмѣстѣ и бывшіе тутъ крестьяне деревни Колясниковой, стали креститься и говорить:

— «Слава Богу! намъ теперь здѣсь дѣлать нечего, поѣдемъ Петръ Григорьевичъ, домой!»

Боровскій же обратился къ народу: «Ну, старики, знать-то мы согрѣшили! Я теперь уйду домой, дѣлайте, какъ хотите! Если бы писаря дѣлали, какъ Гурицъ, мы бы не согрѣшили; а то они написали фальшивые приговоры и разбѣжались: по-неволѣ повѣришь всякимъ слухамъ, коли самъ дѣла не знаешь, а видишь, что въ слухахъ есть похожее на правду!»

Послѣ этого мы отправились въ Захаровку, не встрѣчая нигдѣ ни малѣйшихъ задержекъ, и пріѣхали домой въ самую утреню Свѣтлаго Христова Воскресенія.

III.

Народонаселеніе Захаровскаго общества встрѣтило Пасху обычнымъ порядкомъ. Не было въ народѣ никакого безпокойства, хотя безпорядки въ селахъ и деревняхъ нашего и двухъ смѣжныхъ уѣздовъ еще продолжались, или возникали вновь. Крестьяне Захаровскаго общества оставались спокойными и, передавая съ непритворнымъ страхомъ другъ другу доходившіе до нихъ слухи о разныхъ толкахъ и буйствахъ, благодарили Бага, что они не увлеклись общимъ бунтомъ. Не помню, въ какой день, но, кажется, во вторникъ или среду на Пасхѣ, гуляя по селу, я встрѣтился съ нѣкоторыми нашими крестьянами и, между разговорами о безпорядкахъ въ сосѣднихъ волостяхъ, они мнѣ передали, будто бы въ Захаровское управленіе было послано предписаніе о непркосновенномъ запасѣ не такое, какія посланы въ другія волости, и именно потому, что окружной начальникъ и волостной писарь не понадѣялись на меня, такъ какъ я опредѣленъ сельскимъ писаремъ по просьбѣ общества, а не избранъ окружнымъ. (Дѣйствительно, при открытіи управленія, крестьяне просили, чтобы я былъ опредѣленъ въ нимъ писаремъ; до того же времени я былъ у нихъ участковымъ писаремъ для сбора податей и потому они знали меня). Я объяснилъ имъ, что слухи эти точно такіе же, какіе были о нашемъ приговорѣ; что предписаніе вездѣ одно и то же, но толкуется не вѣрно потому, что читаютъ ихъ малограмотные и, не понимая хорошенько ихъ смысла, толкуютъ совершенный вздоръ; неграмотные же, повѣривъ имъ, пустились въ буйство, не слушая добрыхъ совѣтовъ и увѣщаній.

По возвращеніи въ квартиру, я снова услыхалъ тѣ же толки отъ хозяина дома. Хотя въ сущности я не сомнѣвался, чтобы спокойствіе было нарушено, но нашелъ лучшимъ: донести окружному начальнику и просить, для большаго убѣжденія народа, дозволить грамотнымъ крестьянамъ прочитать циркуляръ палаты и копію съ распоряженія министерства. Приготовивъ донесенія, я пригласилъ человѣкъ трехъ крестьянъ и поѣхалъ съ ними въ Камышловъ. Проѣздомъ черезъ деревню Обухову, насъ догналъ верховый и сказалъ, что Григорій Боровскій проситъ показать ему, какое донесеніе веземъ мы къ окружному? Боровскій успѣлъ

узнать о немъ черезъ одного изъ моихъ спутниковъ, сообщившаго на пути людямъ, стоявшимъ у воротъ его дома.

Не было причины отказывать ему, тѣмъ болѣе, что вернуться приходилось недалеко. Я нашелъ Боровскаго сидящимъ у себя дома и съ нимъ человекъ до десяти постороннихъ. Онъ просилъ меня ласковымъ голосомъ посмотреть донесеніе. Я сдѣлалъ по его желанію. Когда онъ прочелъ бумагу, то, отдавая ее мнѣ, сказалъ окружающимъ: «Ну, старики, согрѣшили мы! будемъ виноваты за свою дерзость!» при чемъ у него на глазахъ были слезы.

Пріѣхалъ я къ окружному начальнику, подаль ему донесеніе и объяснилъ обо всемъ подробно. Окружной начальникъ и бывшій у него ассесоръ палаты государственныхъ имуществъ, Золотницкій, благодарили меня и передали мнѣ предписаніе.

Когда я доложилъ имъ, что со мной вмѣстѣ пріѣхали и крестьяне, то оба они вышли къ нимъ на крыльцо и благодарили мужичковъ за то, что они слушаются властей. Въ то время, какъ ассесоръ выслушивалъ мои объясненія о происходившемъ, пришли два крестьянина Закамышловскаго общества и объявили, что при ихъ волостномъ правленіи собралось много людей изъ разныхъ обществъ и, услышавши, что Захаровскіе пріѣхали къ окружному, прочтатъ подлинное предписаніе, послали ихъ просить: не будетъ-ли дозволено и имъ выслушать? Окружной отвѣчалъ имъ: «Вамъ много разъ было читано, да не понимаете, а вотъ Захаровскіе умнѣе васъ—пріѣхали, прочтати и поняли»...

Ассесоръ не далъ ему докончить рѣчи и сказалъ: «Если они просятъ, то надо будетъ еще прочтатъ». Сказавши это, онъ подаль мнѣ предписаніе съ приказаніемъ съѣздить въ волость и дать его тамъ прочтатъ. Крестьяне поклонились и отправились впередъ, за ними и мы. У волости дѣйствительно оказалось много народу, но буйства не было, а напротивъ, замѣтно было, что люди въ какомъ-то страхѣ и уныніи. Я сталъ читать предписаніе, его выслушали съ поднымъ вниманіемъ и среди глубокой тишины. Когда я кончилъ чтеніе, крестьяне, покачивая головами, говорили: «Вотъ подлинникъ, теперь чего станешь дѣлать! А чего дѣлать? Знамо, што нечево; кабы Коровяковъ попалъ, такъ ево бы надо отъютужить: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, двѣ смерти не будетъ, одной—не миновать!» Другіе говорили: «нѣтъ, старики, и

за то, чево подѣлали, не скоро выхлебашь, а вы ишло думаете грозить¹⁾! лучше всево поѣдемте-ко домой, будетъ грозить-то!»

Совѣтъ этотъ, видно, былъ принятъ многими, потому что когда я отвезъ предписаніе обратно и возвращался мимо волости домой, то у нея было ужъ не больше человекъ десяти. По возвращеніи въ Захаровку, я нашелъ у своей квартиры полный дворъ мужичковъ, котормъ растолобовали все слышанное и видѣнное ѣздившіе со мной товарищи, пріѣхавшіе раньше меня. Слушавшіе острили между собой: «ладно теперъ намъ смѣяться-то, а кабы не онъ (указывали они на меня), то вмѣстѣ бы носъ-то повѣсили! За нузу повисишь, воли недѣлю царили, а людей набили—на возу не увести! тутъ ждать добраго нечево! Вотъ какъ будутъ солдаты, такъ пусть отвѣдаютъ «шапками-то забросать». (Крестьяне говорили вездѣ, что они забросаютъ солдатъ шапками). «Нѣтъ, не узнашь, какъ штаны-те спустятъ! Да, вѣдь, слурили же мы всѣ; ну, воли оружной да писаря продали, а исправникъ-то? Тѣ, вѣдь, издревле отъ царя ставятся: надо бы хоть ему повѣрить! да нѣтъ, говоримъ-ишь, подкупленъ! Чего и говорить, это Богъ спустилъ такіе потрусы на народъ».

Много еще было разныхъ разговоровъ, но, наконецъ, всѣ разошлись въ полномъ спокойствіи.

Въ послѣдующее затѣмъ время не было уже у насъ ничего особеннаго и во всемъ Захаровскомъ обществѣ водворилось полное спокойствіе. Доходившіе слухи о буйствахъ въ другихъ волостяхъ, въ особенности въ Тамавульской и Кашайской, только ужасали людей, и о нихъ говорилось ими такъ: «Слава Богу, что мы обуздались во-время и не дошли до душегубства и поруганія церковнаго». (Въ селѣ Кашайскомъ священнослужителямъ, во время выноса ими иконъ для увѣщанія, нанесены были обиды и оскорбленія).

По прибытіи, для возстановленія порядка и наказанія виновныхъ, военной команды, крестьяне Закамышловской волости были собраны при волостномъ правленіи въ селѣ Закамышловкѣ и поставлены на площади, каждое общество отдѣльно. Люди эти, за нѣсколько дней передъ тѣмъ представлявшіе буйное и дерзкое скопище, стояли теперъ безмолвно, какъ тяжкіе преступники,

¹⁾ Грозить.

осужденные на смерть. Головы ихъ какъ-будто гнезло что-то и, поставленные на мѣста, они не осмѣливались даже смотрѣть куда-либо по сторонамъ и, опустивши головы и глаза, глядѣли только на шапки и рукавицы, бывшія у нихъ въ рукахъ. Когда же военная команда обошла ихъ цѣпью и открылись пушки, то при видѣ ихъ шапки и рукавицы у большинства выпали изъ безсознательно-выпустившихъ ихъ рукъ, а у которыхъ и остались, то они судорожно сжимали и мяли ихъ. При появленіи вице-губернатора, управляющаго палатой государственныхъ имуществъ и военныхъ чиновъ, кто-то закричалъ народу:

— «Въ знакъ покорности станьте на колѣна».

Мгновенно это было исполнено. Явилось четыре воза: два — съ розгами и два — съ палками. Послѣдовалъ приказъ выводить бунтовщиковъ. Явились волостной и сельскіе писаря и стали показывать на виновныхъ, которыхъ въ ту же минуту солдаты выхватывали изъ толпы и ставили въ отдѣльную кучку....

По докладу земскаго исправника, начальствующіе обратились ко мнѣ и я объяснилъ имъ послѣдовательно все происходившее въ нашемъ обществѣ. Когда я кончилъ, вице-губернаторъ и управляющій палатой, потрепавъ меня по плечамъ, сказали:

— «Умный мальчишъ, рѣдкій примѣръ показаль; ¹⁾ заслуживаешь похвалы и благодарности отъ начальства и общества».

Затѣмъ они обратились къ старшинѣ, который всталъ предъ ними на колѣна и со слезами откровенно объяснилъ свои дѣйствія. И отъ Захаровскихъ общественниковъ они также получили полное признаніе.

— «Вы первымъ поступкомъ вашимъ заслужили наказаніе; но зато, что послушали своего молодого писаря и перестали буйствовать, вамъ прощается все!» сказали имъ начальники.

Виновные, между тѣмъ, были выбраны и раздѣлены на двѣ части: въ одной—главные, въ другой—менѣе виновные. Первые отданы подъ конвой для препровожденія въ острогъ, а послѣднихъ приказано раздѣвать. Розги и палки были уже разложены кучками въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ порядкѣ полукруга и у каждой такой кучки стояли по два солдата, изъ которыхъ одинъ имѣлъ въ рукахъ палки, а другой—розги. Скомандовали «подво-

¹⁾ Въ Камышловскомъ уѣздѣ только одно наше общество было такъ успокоено.

дять!» и извѣстное число людей взято изъ стоявшей раздѣтой толпы. Каждого подхватили подъ руки двое солдатъ и развели по мѣстамъ. «Готово!» провозгласилъ унтеръ-офицеръ. Лишь раздалась команда офицера «начинай», какъ въ тоже мгновеніе палки и розги свиснули въ воздухъ и раздались неистовые вопли... Вопли постепенно перешли въ стоны, наконецъ и самые стоны слышатся все рѣже и рѣже, да и то уже у немногихъ, а удары сыплются, да сыплются съ прежнею силою, несмотря на безчувственное состояніе большинства наказываемыхъ.... «Довольно!» прозвучала команда, и несчастные, истерзанные, полуживые растащены въ стороны. Мѣста ихъ заняли другія, третьи смѣны и т. д.... Когда такимъ образомъ были наказаны виновные, дошла очередь до обществъ. Выведено было изъ ихъ среды нѣсколько десятковъ человѣкъ, по расчету изъ каждаго десяти однообщественниковъ по одному. Въ числѣ этихъ людей было много и такихъ, которые совершенно не были виновны, но въ лицѣ ихъ наказывалось общество.... Наказаніе имъ было легче: многіе изъ нихъ послѣ него одѣлись сами, чего не могъ сдѣлать никто изъ наказанныхъ, принадлежавшихъ къ разряду виновныхъ.

Съюція кончилась. Главныхъ виновниковъ повели въ острогъ; наказанные увезены крестьянами по домамъ, а команды и начальство отбыли въ Тамакульскую волость.

Крестьяне Захаровскаго общества, получивъ прощеніе и увидѣвъ наказаніе собратьевъ, не знали, какъ и благодарить меня: цѣлуютъ, обнимаютъ, какъ благодѣтеля; другія общества хвалятъ меня и завидуютъ счастью Захаровцевъ; сослуживцы мои поздравляютъ со счастливымъ успѣхомъ и похвалою начальства; наконецъ родители радуются... Словомъ сказать, никогда въ жизни я еще не былъ такъ счастливъ и не забыть мнѣ этихъ дней, повуда живъ.

Заканчивая свой рассказъ, выскажу въ короткихъ словахъ то мнѣніе, которое могъ составить о причинѣ тогдашняго возмущенія. Оно произошло отъ недостаточнаго и небрежно сдѣланнаго объявленія обществамъ правительственнаго распоряженія о неприкосновенномъ запасѣ и отъ составленія о немъ приговоровъ: частію подложныхъ, частію непонятныхъ для крестьянъ. Прослуживъ въ должности писари — семь лѣтъ, въ должности

сперва головы, а потомъ старшины — двадцать пять лѣтъ, я увѣрился, что ни одно распоряженіе начальства, если его объяснить крестьянамъ толково, не оспаривается ими, хотя бы они и призывали его для себя стѣснительнымъ и невыгоднымъ. Относительно же рассказаннаго возмущенія я прибавлю еще, что у крестьянъ уворенилось твердое убѣжденіе, что хотя поступокъ ихъ былъ противозаконный, но что отъ нихъ дѣйствительно что-то скрывалось. Въ этой вѣрѣ поддерживаетъ ихъ то обстоятельство, что за составленіе фальшивыхъ приговоровъ никто не былъ наказанъ, а самое распоряженіе о неприкосновенномъ запасѣ было отмѣнено.

Село Сухой Логъ.

Крестьянинъ П. Г. Гурьянъ.

ЗАПИСКИ М. П. ПОГОДИНА О ПОЛИТИКѢ РОССИИ

1853—1854.

Письма и записки нашего маститаго историка и публициста о политикѣ и войны Россіи 1853 — 1854 гг. обошли, въ свое время, всю грамотную Русь во множествѣ списковъ и жадно перечитывались и переписывались. О напечатаніи ихъ, несмотря на преданность и любовь къ отечеству, которыми они проникнуты, не могло быть тогда и рѣчи: общественное мнѣніе тогда еще не имѣло правъ гражданства на Русь; оно не дерзало касаться въ печати политическихъ вопросовъ. Русскіе мужественно проливали за Отечество кровь, но еще не были призваны къ борьбѣ съ врагами другимъ орудіемъ, не менѣе сильнымъ, нежели порохъ,—печатнымъ словомъ.

Нынѣ помянутыя письма и записки М. П. Погодина составляютъ достойніе исторіи и мы весьма признательны старѣйшему нашему писателю и ученому за настоящій вкладъ въ «Русскую Старину». Едва-ли нужно упоминать, что одна или двѣ изъ предлагаемыхъ трехъ записокъ, помимо воли автора, были напечатаны гдѣ двѣнадцать тому назадъ за границей: напечатаны не безъ погрѣшностей, столь обычныхъ русскимъ заграничнымъ изданіямъ; гораздо важнѣ замѣтить, что вторая записка вызвала возраженіе, приписываемое покойному государственному канцлеру гр. Нессельроде: оно напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. (т. VIII, стр. 800 — 806); тѣмъ необходимѣе напечатать записки М. П. Погодина, т. е., возобновить въ памяти то, что подало поводъ къ критикѣ и возраженіямъ покойнаго канцлера. Ред.

I.

1853 года, декабря 7.

Вы хотите, чтобы я написалъ вамъ отчетъ о своемъ путешествіи, особенно къ Славянамъ и современнымъ вопросамъ. Но съ какою цѣлію буду я писать къ вамъ этотъ отчетъ? Если не произошло никакого дѣйствія и пропало безъ вѣсти мое донесеніе 1842 года, которое такъ великолѣпно и удивительно, даже для меня самого, паче чаянія, оправдалось и оправдывается послѣдовавшими событіями, съ

нынѣшними вѣлючительно, то какую пользу можетъ принести краткая записка? Но такъ и быть. Исполню ваше желаніе, какъ могу, второпяхъ. Признаюсь, у меня самого давно ужъ порывается рука, давно ужъ волнуется желчь при чтеніи иностранныхъ газетъ. Западная логика выведетъ хоть кого изъ терѣнія: переведемъ на простой русскій языкъ ея послѣднія выходы.

Помиритеcь съ Турками, говоритъ она Россіи, вотъ примирительная нота, нами сообщена сочиненная, примите ее, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы не толковали ея статей въ свою пользу, а во вредъ, противъ себя, а не для себя, подъ строгой отвѣтственностію.

Или войте съ Турками, проливайте свою кровь, истощайте свои силы, побѣждайте, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣ побѣды вы отказались отъ всѣхъ своихъ выгодъ, не только настоящихъ, но и прошедшихъ, полученныхъ вашими предками, а предоставили рѣшеніе намъ, и мы устроимъ всѣ ваши дѣла, какъ можно полезнѣе для себя, а не для васъ.

Каково положеніе предоставляется Россіи—и въ мирѣ, и въ войнѣ, и даже послѣ побѣды! Мудрено и выбирать! Не лучше-ли желать ужъ намъ пораженія. Есть-ли смыслъ не только политическій, но общій человѣческій, въ этихъ предложеніяхъ? Нѣтъ, господа, по-Русски понимаемъ мы дѣло такъ, что если вы предлагаете намъ миръ, то мы имѣемъ полное право толковать его въ свою пользу: никто себѣ не лиходѣй, а если воевать, такъ по крайней мѣрѣ не даромъ, и работать на себя, а не на васъ, для какого-то мнимаго равновѣсія.

А каково разсуждаютъ они объ этомъ равновѣсіи?

Франція отнимаетъ у Турціи Алжиръ; Англія присоединяетъ къ своей Ост-Индской монархіи всякой годъ почти по новому царству. Это не прибавляетъ имъ тяжести и не нарушаетъ равновѣсія, а Россія заняла Молдавію и Валахію, на время, по слову Русскаго Государя (а кто же смѣетъ ему не повѣрить), и всѣ государства распались. Франція среди мира занимаетъ Римъ и остается тамъ нѣсколько лѣтъ: это ничего, а Россія, если даже думаетъ только о Константинополѣ, въ ихъ собственномъ воображеніи, то все зданіе европейской политики колеблется. Англія объявляетъ войну Китайцамъ, которые, будто бы, ее оскорбили: никто не имѣетъ права вступаться въ ея дѣла, но Россія должна спрашивать позволенія у Европы, если поссорится съ сосѣдомъ. Англія разоряетъ Грецію, поддерживая фальшивый искъ одного бѣглаго жида, и губить ея флотъ,—это дѣйствіе законное, а Россія требуетъ, въ силу трактатовъ, безопасности милліонамъ христіанъ,—это слѣшкомъ усиливаетъ ея вліяніе на Востокъ, въ ущербъ всеобщаго равновѣсія. Австрійская имперія погибаетъ,—всѣ западныя державы

молчать и не опасаются, что равновѣсіе безъ нея нарушится, пусть она погибнетъ, напротивъ еще лордъ Пальмерстонъ старается увеличить ея трудныя обстоятельства, а мысль, что Турція лишится какой-нибудь своей области, или султанъ ослабѣетъ въ верховныхъ правахъ своихъ, заставляетъ Европу трепетать даже за себя.

Грустно, грустно смотрѣть на Европу. Что сдѣлалось съ нею? Какъ могло случиться, что отступничество, ренегатство, самое постыдное изъ человѣческихъ дѣйствій, даже въ частной жизни, сдѣлалось повсюду какъ-будто à l'ordre du jour, безъ малѣшаго зазрѣнія совѣсти. По какому закону совершенствованія могло случиться, что христіанскіе народы, не краснѣя, становятся подъ ненавистнымъ нѣбогда знаменемъ луны и празднуютъ ея побѣды, даже выдуманныя? Откуда такая симпатія къ Магомету!

А впрочемъ всѣ стараются о мирѣ и желаютъ добра христіанамъ. Поневолѣ вспомнишь объ Іудѣ и объ его лобзаніяхъ.

И что сдѣлала имъ Россія?

Не говоря о 1812 годѣ, годѣ спасенія, отъ котораго вся настоящая Европа ведетъ свое происхожденіе, въ 1848 году кто останавливалъ волны революціоннаго потока, грозившаго поглотить все, по собственному ея сознанію, и образованію, и нравственности, и свободу, и науку, и искусство. Кто, въ 1850 году, не допустилъ Австрію и Пруссію до междоусобной войны, которая могла привести на край гибели ту и другую, а вмѣстѣ съ ними и всю Европу? Предъ началомъ нынѣшней войны, сколько сдѣлано было уступокъ, сколько дано отсрочекъ, сколько принято ограниченій, сколько предложено ультиматовъ и ультиматиссимовъ. Не служили-ль всѣ сіи согласія, увѣнчанныя полнымъ принятіемъ Вѣнской ноты, не служили-ль осязательнымъ доказательствомъ желанія нашего сохранить миръ?

А самыя требованія наши? Онѣ были такъ умѣренны, такъ стары, такъ просты, что только упорное сопротивленіе принять ихъ сообщило имъ значеніе. И если-бъ онѣ были исполнены съ перваго раза, безъ дальнѣйшаго разсужденія (какъ и была готова Турція, безъ присоединенія Англіи, судя по общимъ слухамъ), то кажется, ни одинъ листокъ не пошевелился бы на деревѣ въ Европѣ, развѣ несчастные Турецкіе Христіане вздохнули бы отъ глубины сердца объ отсрочкѣ спасенія, но отъ этихъ потаенныхъ вздоховъ положительная Европа, разумѣется, не покачнулася бы на сторону и ни одинъ ея вагонъ не выскочилъ бы изъ своихъ рельсовъ.

Кто же виноватъ въ нарушеніи мира и въ вызовѣ опасностей?

Но мы заняли Княжества?

Временное, условное занятіе Княжествъ, принадлежащихъ намъ

почти наравнѣ съ Турціей, при торжественномъ обѣщаніи императора Николая, которому, повторяю, никто не смѣлъ не вѣрить послѣ тридцатилѣтнихъ доказательствъ въ справедливости и великодушіи, не значило ровно ничего, кромѣ намѣренія имѣть залогъ, намѣренія, вынужденнаго предъидущими обстоятельствами. Занятіе должно было показать только, что мы предъявили наши требованія, не шутя, и что миссія князя Меншикова имѣла право на вниманіе со стороны Турціи, не менѣе миссія графа Лейнингена.

Все это такъ ясно, искренно, естественно, осязательно, что, казалось, не имѣетъ нужды ни въ какихъ дальнѣйшихъ поясненіяхъ и доказательствахъ; но слѣпая ненависть и злоба ничего не понимаетъ и понимать не хочетъ. Она видитъ не видитъ и слышитъ не разумѣетъ.

Какая же причина этой ненависти?

Здѣсь я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Есть двѣ Европы. Европа газетъ и журналовъ и Европа настоящая. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ даже не похожи одна на другую. Въ настоящей Европѣ большинство думаетъ о своихъ дѣлахъ, о процентахъ и объ акціяхъ, о нуждахъ и удовольствіяхъ, и не заботится ни о войнѣ, ни о мирѣ, ни о Россіи, ни о Турціи, развѣ въ отношеніи къ своимъ непосредственнымъ выгодамъ. Остальное народонаселеніе, съ журналами и газетами, можно раздѣлить на три категории.

Одни ненавидятъ Россію, потому что не имѣютъ о ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь сочиненіемъ какого-нибудь Кюстина и двухъ, трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое отечество еще хуже его. Церковь наша, во имя которой мы обнажили теперь мечъ, называется ересью; всѣ учрежденія считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною, и вся исторія — вчерашнею. На мѣстѣ закона они видятъ вездѣ произволъ. Наше молчаніе, глубокое, могильное, утверждаетъ ихъ въ нелѣпыхъ мнѣніяхъ. Они не могутъ понять, чтобъ можно было такіа капитальныя обвиненія оставлять безъ возраженія и потому считаютъ ихъ положительными и истинными. Чему можетъ она сочувствовать? Вотъ вредъ, происшедшій отъ нашего пренебреженія общимъ мнѣніемъ. Мы имѣли бы многихъ на своей сторонѣ, если бы старались не только быть, но и казаться правыми.

Другіе ненавидятъ Россію, считая ее главнымъ препятствіемъ общему прогрессу, бывъ увѣрены, что безъ Россіи конституціонныя попытки въ Германіи и повсюду удались бы гораздо полнѣе; они думаютъ, что и впредь на этомъ пути прежде всего встрѣтится имъ Россія. Слѣдовательно, всякое увеличеніе Русской силы, которая счи-

тается темною, опасно и вредно для свободы, для развитія, для просвѣщенія, и потому непремѣнно, во чтобы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взглядъ такъ называемой лѣвой стороны, которую слѣдуетъ вразумлять, что намъ до нея дѣла нѣтъ, хоть на головахъ ходи, лишь только насъ не тронь, пова сама не просить нашего участія.

Къ третьей категоріи принадлежатъ различныя выходцы, изгнанники, политическіе бобыли и пролетаріи, которымъ терять нечего, радикалы, которые имѣютъ цѣлю только въ мутной водѣ рыбу ловить. Они желаютъ войны, какой бы то ни было, надѣясь вызвать ею новыя происшествія, новыя столкновенія, полезныя для осуществленія ихъ замысловъ, частныхъ и общихъ. Между ними Поляки и Венгерцы удовлетворяютъ войною вмѣстѣ и чувству личной мести. Съ этой категоріей всякое объясненіе бесполезно: она пойметъ только грозу и силу.

Наконецъ дѣйствуетъ противъ насъ инстинктъ зла, которое, естественно, ненавидитъ добро, и какъ-будто слышитъ себѣ грозу съ Востока. Эта злоба безъотчетная имѣетъ для насъ даже нѣчто утѣшительное, заставляя предполагать въ себѣ большой капиталъ добра, для насъ самихъ можетъ быть сокровенный.

Вотъ вамъ мнѣніе о народахъ и массахъ. Литература играетъ нынѣ въ Европѣ жалкую роль: или невѣжество, или пристрастіе внушаетъ ея рѣчи, преимущественно въ продажныхъ газетахъ и журналахъ, служащихъ отголосками партій, или потакающихъ толпѣ изъ корыстныхъ видовъ.

Правительства почти всѣ противъ насъ: одни—изъ зависти, другія—изъ страха, изъ личныхъ побужденій. Даже Австрія, недавно спасенная нами отъ конечной гибели, объявляетъ себя только что нейтральною и во многихъ случаяхъ, особенно суда по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣйствуетъ за-одно съ морскими державами.

Здѣсь я долженъ объяснить одно недоразумѣніе, которое можетъ встрѣтиться при чтеніи моихъ прежнихъ донесеній: я говорилъ, что Австрія менѣ Турціи имѣетъ внутренней силы и залоговъ своей долговѣчности, а Австрія избавилась такъ блистательно отъ всѣхъ своихъ опасностей 1848 года и играетъ теперь такую важную роль въ системѣ европейскихъ государствъ. Нѣтъ-ли здѣсь противорѣчія моимъ положеніямъ? Нѣтъ, противорѣчія никакого нѣтъ, потому что Австрія погибла бы безвозвратно, распавшись на составныя свои части, если бы не спасла ея Россія.

Россія спасла Австрію въ 1850 году, и спасаетъ ее всякую минуту теперь: отнимите у Венгерцевъ, Итальянцевъ, Славянъ мысль,

что въ нужномъ случаѣ Россія вступится опять за Австрію, — и вы увидите, долго-ли простоятъ она!

По симъ причинамъ можно, кажется, говорить съ нею нѣсколько тверже и не считать ея неутраченнаго особеннымъ благодѣяніемъ, и если великій императоръ Россіи, на двадцать девятомъ году своего царствованія осчастливить своимъ посѣщеніемъ Ольмюцъ, то тамошній вѣнчаный юноша не долженъ бы, кажется, предъавлять ему выгоды своей искусственной монархіи, существующей, *à la lettre*, только по доброй волѣ его великодушнаго союзника, а предать ему себя и ее въ полное распоряженіе.

Можетъ быть, я несправедливъ къ нему, пишучи это подъ вліяніемъ иностранныхъ газетъ, которыя приписываютъ ему какую-то самостоятельность, оскорбительную для Русскаго, преданнаго своему государю. Можетъ быть, онъ исполнилъ сноровныхъ чувствованій къ своему благодѣтелю, какъ и долженъ, но кромѣ его въ Австріи есть еще правительство, есть дипломатія, есть бюрократія, враждебныя искони Россіи, знаменитыя своимъ предательствомъ (какъ при Екатеринѣ, такъ и при Павлѣ и при Александрѣ), которымъ и должно открывать иногда глаза, чтобъ не забывались.

Я остаюсь при своемъ мнѣніи, и нынѣшнее путешествіе утвердило меня въ немъ окончательно: союзъ Австріи съ Россіей еще противоестественнѣе союза Франціи съ Англіей. Что это за союзъ, укажу на маловажный примѣръ, если одной книги, одного нумера газеты или журнала нельзя переслать изъ Россіи въ Австрію безъ величайшаго затрудненія, какъ будто-бъ они были пропитаны ядомъ. Утвердиться Россіи на Дунаѣ Австрія всегда будетъ мѣшать больше, нежели даже Франція и Англія, потому что, приблизясь къ Сербіи, а слѣдовательно и къ ея воеводинѣ, Сирміи—военной границѣ, вообще къ Славянамъ, мы повѣсимъ надъ нею мечъ Дамоклесовъ. Такъ изъ чего же будемъ мы хлопотать? А пожертвовать для нея Славянами, значить обрубить себѣ руки, увѣчить свое тѣло.

Впрочемъ это все только предположенія. Если вслѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ, Австрія есть наша союзница, то такъ тому и быть. Только, *conditio sine qua non*, она должна быть союзницею вѣрною, искреннею и безусловною, въ огонь и воду, не изъ новыхъ выгодъ и расчетовъ, а съ готовностію принести всякую жертву въ случаѣ нужды. При малѣйшемъ сомнѣніи, подозрѣніи или уликѣ (воихъ, вѣроятно, ждать не будемъ долго), медалъ должна перевернуться, ибо Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ, нежели другомъ,—выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ, даже безъ промѣна ея на Францію, которая можетъ перейти на нашу сторону, а съ Франціей

и говорить нечего. Франція за Италію отдастъ намъ въ распоряженіе не только Австрію и Турцію, но пожертвуетъ, безъ сомнѣнія, и *entente cordiale* съ Англіею.

Скажутъ: правительство во Франціи непечно и неизвѣстно, останется-ли Бонапартъ, или возвратятся Бурбоны. По моему мнѣнію, во Франціи — Франція, съ Бонапартомъ или Бурбономъ, смотря по тому, кто пораньше всталъ, да палку въ руки ввялъ. Мы можемъ внутренне, нравственно благопріятствовать болѣе одному, нежели другому, но во внѣшнемъ образѣ дѣйствій подражать Англіи, которая ублажаетъ и Бонапарта, и Бурбона, и конституціонную монархію, и радикальную республику. Да къ тому же, у Французовъ внѣшняя политика не зависитъ никогда отъ образа правленія и въ послѣднее время республика, въ эпоху своихъ оргій, дѣйствовала въ отношеніи къ единству Германіи и Италиі совершенно въ духѣ старыхъ преданій, какъ-будто при Лудовикѣ XIV.

Но оставимъ возможности и обратимся къ настоящему времени: кто же наши союзники въ Европѣ?

Союзники наши въ Европѣ и единственные, и надежные, и могущественные — Славяне, родные намъ по крови, по языку, по сердцу, по исторіи, по вѣрѣ, а ихъ десять милліоновъ въ Турціи и двадцать милліоновъ — въ Австріи. Это количество, значительное само по себѣ, еще значительнѣе по своему качеству, въ сравненіи съ измѣненными сынами Западной Европы. Черногорцы вѣдь стануть въ ряды поголовно. Сербы также, Босняки отъ нихъ не отстануть. Одни Турецкіе Славяне могутъ выставить двѣсти или болѣе тысячъ войска — и какого войска! Не говорю о военной границѣ, Кроатахъ, Далматинцахъ, Славонцахъ и проч. Вотъ естественные наши союзники! Покажите имъ прекрасную, святую цѣль освобожденія отъ несноснаго, иноплеменнаго ига, подъ которымъ они стонуть четыреста лѣтъ, умѣйте управить ихъ силами, живыми, могучими, восторженными, и вы увидите, какія чудеса ими сотворятся. Да сколько прибудетъ силъ у русскаго Самсона. Или духъ его не въ счетъ ужъ пошелъ?

Пріѣзжай-ка Государь въ Москву, на весну, отслужи молебень Иверской Божіей Матери, сходи помолиться ко гробу чудотворца Сергія, да кликни кличъ: Православные! за гробъ Христовъ, за святмя мѣста, на помощь къ нашимъ братьямъ, истомленнымъ въ мукахъ и страданіяхъ, — вся земля встанеть, откуда что возьметса, и посмотримъ, будетъ-ли намъ страшень тогда старый Западъ, съ его логикой, дипломатіей и измѣною.

Въ отношеніи къ Туркамъ мы находимся въ самомъ благопріятномъ положеніи, въ которое поставили они насъ сами, вмѣстѣ съ

своими знаменитыми и премудрыми союзниками, по какому-то таинственному движению исторіи, которая видимо хочет чего-то другаго, чѣмъ люди. Мы можемъ сказать: вы отказываетесь общать намъ искреннее, дѣйствительное покровительство вашимъ христіанамъ, котораго мы единственно требовали, увѣряя васъ нѣсколько разъ торжественно, предъ лицомъ всей Европы. что мы не хотимъ ничего больше и не ищемъ никакихъ завоеваній; вы объявили намъ войну и провозгласили уничтоженіе всѣхъ прежнихъ трактатовъ, для новаго опредѣленія нашихъ отношеній, такъ мы требуемъ теперь освобожденія Славянъ, и пусть война, избранное вами самими средство, по собственному вашему желанію, рѣшитъ новый нашъ споръ.

Скажу даже вотъ что: если мы теперь не сдѣлаемъ этого, не освободимъ Славянъ, такъ или иначе, подъ нашимъ покровительствомъ, то сдѣлаютъ это наши враги—Англичане и Французы, которые только того и ждутъ, чтобъ мы обробрѣли (о чемъ распространяются теперь слухи) и согласились заключить миръ, то-есть, уступить, то-есть, отказаться отъ всякаго вліянія на Востокѣ, отъ миссіи, намъ предназначенной со времени основанія нашего государства. Они сдѣлаютъ то, чему теперь мѣшаютъ, потому что иначе вопроса рѣшить нельзя, а теперешняя ихъ роль ренегатовъ слишкомъ позорна, и они столько умны, что побоятся оставить ее за собою въ исторіи. Въ Сербіи, Болгаріи и Воеводинѣ, вездѣ между Славянами, они дѣйствуютъ и завели свои западныя партіи, кои предсказали я впрочемъ за десять лѣтъ предъ симъ. Они развратятъ и освободятъ Славянъ. Каково же будетъ намъ тогда?

Да! Если мы не воспользуемся теперь благоприятными обстоятельствами, если пожертвуемъ славянскими интересами, если обманемъ ихъ разцвѣтшую надежду или предоставимъ ихъ судьбу рѣшеніямъ другихъ державъ, тогда мы будемъ имѣть противъ себя не одну Польшу, а десять (чего только враги и желаютъ, о чемъ и заботятся),—и Петровы, Екатериныны высокія предположенія и предначинанія—простите на вѣкъ. Имѣя противъ себя Славянъ, и это будутъ уже самые лютые враги Россіи, укрѣпляйте Кіевъ и чините Годуновскую стѣну въ Смоленскѣ. Россія снизойдетъ на степень державъ второго класса, ко времени Андрусовскаго мира, поруганная и осрамленная не только въ глазахъ современниковъ, но и потомства, не умѣвъ исполнить своего историческаго предначинанія. Самая великая и торжественная минута наступила для нея, какой не бывало можетъ быть съ Полтавскаго и Бородинскаго дня! Если не впередъ, то назадъ—таковъ непреложный законъ исторіи. Неужели назадъ? Неужели это случится въ царствованіе императора Николая, за его

неутомимую и безпримѣрную, послѣ Петровой, службу отечеству, въ продолженіи тридцати почти лѣтъ, отъ ранняго утра до поздняго вечера, безъ отпусковъ, болѣзней и промежутковъ. Нѣтъ, этого не будетъ, и Богъ его и насъ съ нимъ такъ не накажетъ. Съ нимъ не пойдемъ мы назадъ. Нѣтъ! Благородное, великодушное, русское сердце его чувствуетъ, и мы все это видимъ, какія двѣ страницы, не въ примѣръ другимъ, предоставлены ему въ отечественной исторіи! Неужели промѣняетъ онъ ихъ на ту, гдѣ было бы сказано: Петръ основалъ владычество Россіи на Востокѣ, Екатерина утвердила, Александръ распространилъ, а Николай предалъ его латинамъ. Нѣтъ! Этого не можетъ быть, и этого не будетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Боже, Царя храни!

II.

1854 г., въ апрѣлѣ.

Есть политика, которая дѣйствуетъ во тьмѣ и состоитъ изъ тайнъ; есть дипломатія, которая имѣетъ цѣлью, по отзыву, кажется, Талейрана, закрывать мысли словами, а не открывать ихъ; но есть и здравый смыслъ, который судить о дѣлахъ міра сего, не мудрствуя лукаво, и старается приводить всѣ соображенія къ простой формулѣ: дважды два—четыре.

Намъ Богъ далъ особый видъ здраваго смысла, который выразительно называется у насъ „толкомъ“, и не имѣетъ синонима ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Вотъ къ этому чистому русскому толку я и обращаюсь, предлагая свои мысли о нашей политикѣ въ продолженіе нынѣшняго столѣтія.

Найдется въ нихъ дѣльное, пусть употребится по усмотрѣнію; окажется что не дѣльное, пусть отбросится въ сторону, а я, какъ русскій человекъ, какъ вѣроподданный, какъ старый служитель исторіи, хочу исполнить свой долгъ.

Нынѣшнее столѣтіе¹⁾ открылось, а прошедшее кончилось, помощію императора Павла Австрійцамъ, противъ властолюбивыхъ притязаній Французской республики, и освобожденіемъ почти всей Италіи. Дальнѣйшіе успѣхи Суворова и намѣреніе поразить революцію въ Парижѣ остановлены предательскими мѣрами Вѣнскаго кабинета, какъ теперь документально извѣстно.

Императоръ Александръ, по востествіи своему на престолѣ, два раза посылалъ свои войска спасать Австрію (1805) и Пруссію (1806) противъ Наполеона.

¹⁾ XVIII столѣтіе могло бы доставить намъ много поучительнаго, но мы оставимъ пока эти дѣла давно минувшихъ дней. М. П.

Наконецъ, отразивъ, въ 1812 году, его нападеніе, вмѣстѣ съ сими союзниками на Россію, онъ продолжалъ войну далѣе, и избавилъ Европу отъ ига Наполеонова, походами 1813 и 1814 годовъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ были восстановлены всѣ разрушенные престолы и возвращены государямъ всѣ владѣнія, коиъ они были лишены прежде. Австрія и Пруссія, совершенно разстроенныя и изложенныя Наполеономъ, обязаны были преимущественно императору Александру за возвращеніе имъ прежняго значенія въ системѣ европейскихкихъ государствъ.

Съ ними заключилъ онъ тройственный священный союзъ — жить братски, помогать другъ другу всѣми силами и защищать установленный порядокъ.

И съ 1814 года Россія стала какъ-будто на стражу этого порядка, держа цѣлый милліонъ войска, для самой почти ненужнаго, она готова была останавливать всѣ покушенія ниспровергнуть или поколебать его, гдѣ бы и какъ бы они ни обнаруживались. Сорокъ лѣтъ милліонъ русскаго войска готовъ былъ летѣть всюду, въ Италію и на Рейнъ, въ Германію и на Дунай. Императоры Русскіе, сами, священной своей особою, скакали на перекладныхъ, какъ фельдъегери, въ Троппау и Лайбахъ, Верону и Вѣну, а о Берлинѣ и говорить нечего, чтобъ какъ можно скорѣе и дѣйствительнѣе доставить свою помощь и успокоить любезныхъ союзниковъ. Никакихъ трудовъ и стараній они не щадили, а употребленныхъ милліоновъ русскихихъ денегъ и счесть трудно.

Усилія наши увѣнчивались, казалось, полнымъ успѣхомъ, въ принятомъ смыслѣ, особенно въ отношеніи къ Австріи, Пруссіи и Германіи и, несмотря на страшное потрясеніе 1848 года, ихъ престолы устояли, а черезъ нѣсколько времени утвердились даже крѣпче. Опасеніе, что Россія сзади готова напереть своею массою, останавливало самыхъ отчаянныхъ республиканцевъ отъ крайнихъ мѣръ и давало время другой сторонѣ переводить духъ, отдыхать, оправляться.

Но, кромѣ нравственной пользы, она приносила помощь дѣйствительную. Въ 1849 году Австрія приведена была на край гибели, вслѣдствіе Венгерскаго возстанія. Двѣсти тысячъ Русскаго войска принудили Венгерцевъ сдаться, и Австрія была спасена. Въ 1851 году Пруссія и Австрія, вслѣдствіе происковъ партій, готовы были начать междоусобную войну, которая неминуемо бы привела обѣихъ на тотъ же край гибели, вмѣстѣ съ Германіей, и двѣсти тысячъ Русскаго войска, готовые стать, по знаменитому слову императора Николая, противъ перваго обнажившаго мечъ, остановили пагубное кровопролитіе.

Дѣйствуя такъ въ отношеніи европейскихъ государствъ, Россія сама старалась наблюдать и поазывать какъ можно болѣе безкорыстія и въ 1840 г. спасла она Константинополь отъ покушеній Египетскаго паши; въ 1848 году, когда вся Европа была поставлена вверхъ дномъ, Россія не ступила ни одного шага для распространенія своихъ владѣній, доказывая тѣмъ, очевидно, великодушіе своей политики, въ коей наше правительство поставляло какъ-будто всю свою честь и всю свою пользу.

Этого мало: она готова была ко всякимъ уступкамъ и въ 1846 году предоставила Австріи во владѣніе одинъ изъ важнѣйшихъ европейскихъ пунктовъ—Краковъ.

Она простирала свою снисходительность до того, что старалась всѣми силами избѣгать даже малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ или подозрѣніямъ, и приносила въ жертву всё свои, самыя дорогіе, кровные интересы, отказываясь отъ священнѣйшихъ чувствованій. Все для европейскаго порядка, который былъ, кажется, высшею, единственною ея цѣлю. Тридцать миллионовъ народа Славянскаго, ей соплеменнаго, связаннаго съ ней тѣснѣйшими узами крови, языка и религіи, было оставляемо почти безъ малѣйшей помощи, безъ малѣйшаго участія въ ихъ горестной судьбѣ, на жертву всѣмъ изгнанимъ, изъ коихъ Турецкія были самыя легкія, — единственно потому, чтобъ эта помощь и это участіе не произвели какого-нибудь смущенія, непріятнаго чувства въ союзныхъ державахъ, преимущественно въ Австріи. Даже ученые русскіе путешественники не получали почти никакого пособія со стороны Русскаго правительства, и должны были прибѣгать къ чужимъ миссіямъ за содѣйствіемъ къ ихъ трудамъ на пользу науки. Вотъ до какой почти унижительной степени доводима была дипломатическая деликатность, особенно въ отношенія къ Австріи и Пруссіи.

Казалось, эти два государства, объявляя, такъ сказать, своимъ существованіемъ Россіи, осыпанная неслѣтными благодѣяніями, избавленная, по нѣскольку разъ, отъ конечной гибели, получавшія безпрерывныя доказательства родственной дружбы и пріязни, должны были быть привязаны къ Россіи самыми тѣсными узами, готовы для нея на всякія пожертвованія, коими могли-бъ хотя нѣсколько выразить свою благодарность, должны-бъ почитать за особенное счастье всякій случай оказать ей малѣйшую услугу.

И что же? Повѣрять-ли исторія совершающимся предъ нашими глазами событіямъ?

Возникнулъ у Россіи споръ съ Турціей по поводу несчастнаго состоянія христіанъ на Востокѣ, которое, не улучшаясь нисколько,

несмотря на обѣщанія самыя торжественныя, возбудило, наконецъ, справедливое состраданіе въ сердцѣ Русскаго Государя, и онъ потребовалъ подтвержденія ихъ старыхъ правъ, купленныхъ русскою кровью еще въ прошедшемъ столѣтіи. Требования эти были самыя умѣренныя и легкія въ сравненіи съ непрерывными требованіями, по мѣстамъ, европейскихъ консуловъ и ничтожныя въ сравненіи съ тѣми, кои предъявляютъ теперь Франція и Австрія.

Но въ прошломъ году онѣ показались морскимъ державамъ стѣсняющими власть султана (стѣсняющими—власть султана—исторія! что ты скажешь на это опасеніе первыхъ христіанскихъ державъ XIX столѣтія?) и онѣ ободрили Турокъ отказаться отъ ихъ исполненія, послали имъ флотъ на помощь. Русскій Государь повелѣлъ занять Княжества, зависящія впрочемъ отъ Россіи, въ подтвержденіе своего требованія, объявивъ торжественно, что онъ не хочетъ завоеваній и очистить занятія области, лишь только исполнятся первыя его условія.

Австріи и Пруссіи стоило присоединить одно твердое слово о согласіи съ Россіей къ этому занятію, и всѣ требованія Россіи, безъ сомнѣнія, были бы исполнены, морскія державы притихли бы и обдумались, миръ не нарушился и Европа осталась бы спокойною.

Собственная польза ихъ, особенно Австріи, того требовала, какъ мы докажемъ послѣ, чтобъ они сказали это слово.

И этого слова, ни Австрія, ни Пруссія, въ ту минуту, когда происшествіе подвергалось, такъ сказать, своему кризису и зависѣло почти отъ ихъ содѣйствія, сказать не хотѣли за Россію, ободря своей видимой нерѣшительностію, а можетъ быть и еще чѣмъ-нибудь болѣе, къ противодѣйствію!

Никакими словоизвитіями, никакими софизмами, никакими нотами никогда не могутъ онѣ оправдаться въ этомъ простомъ, ясномъ и непреоборимомъ обвиненіи, которое легло на ихъ голову во вѣки вѣковъ,—въ дополненіе къ прочимъ, коихъ полна русская исторія.

Съ самаго начала переговоровъ Австрія твердила непрерывно о цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи, которая сдѣлалась столько драгоценною для европейскихъ государствъ и европейскаго прогресса, и поставила непремѣннымъ условіемъ своего нейтралитета, чтобъ мы не шли впередъ, какъ-будто бѣ русское войско можно легко приучить къ такой тактикѣ,—условіе, въ сущности равное объявленію войны.

Этого мало. Послѣдующими своими дѣйствіями, судя по отзывамъ самыхъ официальныхъ, слѣдовательно свѣдущихъ лицъ, каковы императоръ Французовъ въ своемъ посланіи къ палатамъ и англійскій

министръ иностранныхъ дѣлъ въ своей парламентской рѣчи, австрійскій посланникъ въ Парижѣ, который на публичныхъ балахъ объяснялъ свою политику, и принцъ прусскій, который искалъ своей популярности выраженіемъ непріязни къ Россіи,—судя, говорю, по симъ отзывамъ, даже послѣ безусловнаго принятія русскимъ императоромъ вѣнской ноты, Австрія и Пруссія явно показывали, что склоняются гораздо болѣе къ врагамъ Россіи, чѣмъ къ ней, и тѣмъ опредѣлили наступательный образъ ихъ дѣйствій.

То-есть, Австрія съ Пруссіей, выбирая между двумя сторонами, Россіи—съ одной, и Англии съ Франціей—съ другой, выбрала сторону Англии съ Франціей, которая не только не думала объ ея спасеніи въ 1849 году, но, напротивъ, старалась всѣми силами разжигать вездѣ, гдѣ могла, пламя бунта, приняла потомъ подъ свое покровительство ея враговъ и изгнанниковъ, оказала имъ возможныя пособія, какъ у себя, такъ и въ Турціи, и даже устроила имъ всѣ нужныя лабораторіи для продолженія ихъ замысловъ,—Австрія приняла эту сторону и оставила сторону Россіи, своей благодѣтельницы и избавительницы.

Это еще не все. Становясь на сторону Англии съ Франціей противъ Россіи, она становилась, вмѣстѣ съ своимъ титуломъ апостоличества, на сторонѣ Магомета противъ Христа, и должна была готовиться на помощь Корану противъ Евангелія. Вотъ даже что не испугало ея, вотъ даже на что рѣшилась она, лишь бы только не принести какой-нибудь, хоть отдаленной, хоть неизвѣстной, хоть отвлеченной пользы Россіи, несмотря на торжественныя обѣщанія своего благодѣтеля.

Отдаленная, отвлеченная польза Россіи, — и союзъ съ отъявленными своими злодѣями, помощь заклятымъ врагамъ имперіи (Reichsfeind), побѣда магометанства—вотъ какія двѣ стороны представлялись ей на выборъ, и она не усомнилась выбрать послѣднюю.

За Австріей послѣдовала Пруссія, за Пруссіей—Германія.

Съ врагами, съ злодѣями, съ Магометомъ, лишь бы не съ нами!

Какъ объяснить эту сверхъ-естественную злобу? какъ объяснить такое непостижимое ослѣпленіе?

Русскій Богъ затмилъ ихъ очи!

Господи! со слезами на колѣняхъ благодаримъ Тебя! Никакого благодаренія не могъ ты оказать намъ больше. Какія потери ни ожидали бы насъ впереди, какія пораженія, тяжелыя для нашего народнаго самолюбія, ни готовила бы для насъ предстоящая война, но Ты оказалъ уже намъ милость свою выше всякой мѣры. Ты изба-

вилъ насъ отъ нашихъ друзей, а съ врагами раздѣлаться пособить намъ и старшій нашъ помощникъ—Николай чудотворецъ.

Еслибъ Австрія и Пруссія поступили чуть-чуть поблагороднѣе, по-человѣчнѣе, даже поумнѣе, великодушный Русскій государь остался бы опять на ихъ службѣ, и опять наши войска должны бы были быть всегда на-готовѣ, чтобъ летѣть на Рейнъ и Дунай, въ Германію и Италію, въ помощь любезныхъ союзниковъ, которые теперь показали намъ своекорыстную натуру во всемъ безобразіи.

Шварценбергъ, незадолго предъ смертію, говорилъ, что Австрія удивить міръ своею неблагодарностію, и точно она удивила—только не знакомыхъ съ ея натурою, а мы не ожидали ничего лучше!

Какое было великодушному, благородному, рыцарскому сердцу русскаго государя перенести этотъ ударъ въ самое чувствительное мѣсто?

Вотъ горькій плодъ пятидесятилѣтней русской политики со всѣми ея жертвами, благодѣяніями, услугами, любезностями въ отношеніи къ Австріи, Пруссіи и Германіи. Вотъ чѣмъ ихъ государи отблагодарили своего отца и покровителя при первомъ отрывшемся для нихъ случаѣ оказать ему какую-нибудь маловажную услугу.

Прочіе европейскіе государи объявляютъ себя также противъ Россіи, болѣе или менѣе. Ни одинъ голосъ не раздается въ ея пользу. Даже Неаполитанскій король, угощенный нами такъ радушно и блистательно, когда мы у него были въ гостяхъ, даже Неаполитанскій король предлагаетъ свои услуги морскимъ державамъ, Датскій—волей или неволей служить имъ; Шведскій—скрываетъ. можетъ быть, болѣе опасные замыслы. Наконецъ, о верхъ посрамленія! Испанская королева Изабелла хочетъ непремѣнно имѣть представителя въ Турецкомъ лагерѣ, и генералъ Примъ съ своимъ штабомъ отправляется на сцену военныхъ дѣйствій!

И такъ, русская политика въ отношеніи къ европейскимъ государямъ, которые всѣ становятся противъ нея, оказалась очевидно несостоятельною, и слѣдовательно съ этой стороны не принесла намъ ничего, кромѣ вреда.

Но не оказала-ль она послѣдствій, болѣе благоприятныхъ со стороны народовъ?

Народы возненавидѣли Россію, и теперь Русскому почти невозможно путешествовать, не подвергаясь самымъ чувствительнымъ оскорбленіямъ, кои не знаютъ никакихъ границъ.

Народы видятъ въ Россію, съ ея могуществомъ, главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣянію, злобствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла, замѣчая только неприятную его для себя сто-

рону и съ радостію ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько-нибудь поколебать ее. Вотъ почему со всѣхъ сторонъ Европы: изъ Испаніи и Италіи, Англій и Франціи, Германіи и Венгріи, стекаются офицеры и солдаты не столько помогать Турціи, сколько вредить Россіи: Евронейцы управляютъ движеніями войскъ Турецкихъ, строятъ крѣпости, служатъ на корабляхъ, начальствуютъ пароходами, учреждаютъ фабрики для огнестрѣльныхъ орудій. Журналы и газеты истекаютъ желчью, книги устремляютъ на насъ тяжелую свою артиллерію, и вотъ составился легионъ общаго мнѣнія противъ Россіи въ дополненіе къ враждебнымъ флотамъ и арміямъ.

Я не стану теперь разбирать, сколько здѣсь есть справедливаго и несправедливаго, и точно-ли виновата Россія въ приписываемыхъ ей видахъ и возводимыхъ на нее преступленіяхъ. Довольно, что она сдѣлалась ненавистною для народнаго большинства въ Европѣ,—и вотъ второй, не горькій, а горчайшій плодъ русской политики въ послѣднее пятидесятилѣтіе.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о самомъ ея началѣ (principe), объ этомъ такъ называемомъ законномъ порядкѣ, во имя котораго она дѣйствовала такъ долго съ такимъ напряженіемъ, съ такимъ самопожертвованіемъ и съ такою несчастною наградою, какъ мы сейчасъ видѣли, со стороны правительствъ и со стороны народовъ.

Поддержали-ль мы, согласно съ нашею цѣлію, законный порядокъ въ Европѣ?

Нѣтъ. И въ этомъ отношеніи мы имѣли успѣхъ только временный и мѣстный, который почти вездѣ кончился оптическимъ обманомъ. Пересмотримъ всѣ европейскія государства и мы увидимъ, что они дѣлали, кому что угодно, несмотря на наши угрозы, неодобренія и прочія мѣры.

Португальцы не захотѣли признать дона-Мигуеля и прогнали его, а на престолъ свой возвели малолѣтнюю дочь дона-Педро.

Испанія точно также поступила, послѣ продолжительной кровопролитной войны съ донъ-Карлосомъ, и на престолъ свой возвела малолѣтнюю дочь Фердинандову.

Вздумалось Франціи, и она изгнала Карла X, а объявила королемъ Людовика-Филиппа, потомъ прогнала и его. Вздумалось ей объявить себя республикою, и никто не посмѣлъ съ нею спорить. Вздумалось ей сдѣлать новую перемену, и вмѣсто республики учредить у себя имперію,—ту имперію, которую союзные монархи именно уничтожили,—и вотъ Наполеону III (въ самомъ имени новое для нихъ оскорбленіе) они должны были предоставить титуло „друга и брата.“

Бельгія рѣшилась (по прояскамъ Англіи) отдѣлиться отъ Голландіи, и она отдѣлилась, составивъ особое королевство, а союзныя державы имѣли честь только подписать протоколъ въ Лондонѣ.

Возстали Греки, и вотъ основалось новое королевство, которому Европа имѣла только премудрость назначить нѣмецкаго короля. какъ-будто-бъ въ самомъ дѣлѣ уже безъ Нѣмцевъ не было нигдѣ спасенія.

Даже Швейцарія дѣлала и дѣлаеть, что хочетъ.

Вотъ сколько политическихъ событій, совершенно противоположныхъ духу Вѣнскаго конгресса и совершенно не согласныхъ съ дѣлами Русской политики.

Гдѣ собственно имѣли мы успѣхъ, гдѣ получили мы награду за свои старанія, гдѣ видѣли мы исполненіе своего начала?

Только въ Австріи, Пруссіи и Германіи. Россія, съ милліономъ войска, въ продолженіи сорока лѣтъ, стояла у нихъ на границѣ, какъ будочникъ, и содѣйствовала точно къ сохраненію порядка у нихъ, себѣ на голову, какъ теперь оказалось. Впрочемъ, и этотъ успѣхъ нельзя принимать совершенно безусловно: онъ подвергался большимъ ограниченіямъ, а именно, въ Германіи произошли вездѣ значительныя преобразованія, въ Австріи совершилась революція, императоръ Фердинандъ долженъ былъ уступить свою корону и даже не по законамъ старшинства, не брату, не старшему племяннику, а младшему племяннику, Францу Іосифу, — революція, подобная Іюльской, когда Французы вмѣсто престарѣлаго Карла X, ими изгнаннаго съ внукомъ, избрали герцога Орлеанскаго. Австрійскіе аристократы исполнили свою революцію — только гораздо тише, не площаднымъ, а семейнымъ образомъ, предоставивъ отставленному императору Пражскій дворецъ со всѣми почестями.

Въ Пруссіи народъ вытребовалъ себѣ конституцію и прикоснулся даже къ особѣ короля, но удержался отъ дальнѣйшихъ неистовствъ, опасаясь Россіи.

И такъ, вотъ результаты нашей политики! Правительства насъ предали, народы возненавидѣли, а порядокъ, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будетъ нарушаться. Слѣдовательно, политика наша была не только для насъ вредна, но и вообще безуспѣшна.

Но будемъ справедливы. Мы разсмотрѣли, подъ вліяніемъ настоящихъ прискорбныхъ и тяжелыхъ для русскаго сердца впечатлѣній, только дурныя ея слѣдствія, преимущественно для насъ. Но не можетъ же быть, въ великой экономіи исторіи, чтобъ сильнѣйшее государство въ мірѣ, подъ управленіемъ славныхъ государей, въ продолженіе цѣлаго столѣтія тратило лучшія свои силы совершенно по пустому!

Вѣрно такъ должно было! И дѣйствительно, кто поручится, чтобъ безъ вспоминанія о Россіи и ея образѣ мыслей общественный порядокъ во Франціи, въ эпоху ея республиканскаго неистовства, совершенно не погибъ вмѣстѣ со всѣми плодами новой цивилизаціи, наукъ и искусствъ, и собственность не предалась грабежу, кто поручится, чтобъ не былъ тогда воскликнуть всеобщій шарапъ!

И еслибъ это случилось во Франціи, то вслѣдъ за нею, исполненная страстей, Италия представила-бъ навѣрное такія явленія, какимъ удивились бы и средніе вѣка. А въ Германіи развѣ большинство мнѣе обнищало и ожесточилось, дальше находилось отъ неистовства. Вспомнимъ франкфуртскія и вѣйскія явленія. Послѣдствія необозрими. Страхъ объемлетъ сердце. Кто поручится, что замахнувшаяся рука вездѣ не ослаблялась бессознательно мыслию о сѣверномъ колосѣ, готовомъ остановить ея порывъ и покарать преступниковъ.

Не станемъ же раскаяваться въ нашихъ трудахъ, нашихъ жертвахъ, нашихъ усиліяхъ. Признаемся въ настоящемъ нетерпѣннн или даже осудимъ его за то, что оно осмѣливается находить недостатки въ прошедшемъ или обвинять оное.

Русскія намѣренія растолкованы въ дурную сторону Европой — не ей въ честь, то Богу въ честь, утѣшимся нашей пословицей. Это служба, сослуженная Россіею Европѣ безкорыстно, и даже безъ занесенія въ формулярный списокъ, исполненіе судебъ историческихъ, за которую и воздасть намъ должно безпристрастная исторія.

Будемъ справедливы и ко всѣмъ дѣйствовавшимъ лицамъ. Намѣреніемъ освящается дѣйствіе. Они были убѣждены въ святости своей цѣли, и мы должны почтить благородство ихъ убѣжденій, точно такъ и они должны, въ свою очередь, согласиться съ нами, что ихъ миссія кончена и начинается другая.

Во всякомъ случаѣ, мы остались и не безъ настоящей пользы и награды. Мы сдѣлали драгоцѣнные опыты, и для такого молодого государства, какъ Россія, у котораго впереди столько будущности, за подобные опыты жалѣть не должно ничего, лишь пошли бы они въ прокъ: мы узнали своихъ друзей. Русакъ задомъ умнѣе, говорить пословица, и всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупить, говорить басня. Навѣрно, мы будемъ теперь умнѣе, и кривши столько времени чужія крыши, подумаемъ наконецъ и о своей.

Здѣсь я кончу мое письмо и въ заключеніе, для ясности, повторю вратцѣ главныя мои положенія и выводы: Россія пятьдесятъ лѣтъ служила Европѣ. Политика ея возбудила противъ нея слѣпую ненависть народовъ и доставила ей черную неблагодарность государей, вольную или невольную. Это въ итогѣ для нея все равно; касательно

законнаго порядка, онъ сохранился, и то только отчасти, въ смежныхъ государствахъ въ новому для нея вреду, — слѣдовательно, политика ея была невѣрная и должна переѣниться, хотя для Европы она была, можетъ быть, спасительна, если не популярна, и доставила императорамъ Александру и Николаю лестное право на историческое титуло европейскихъ благодѣтелей.

М. П. Погодинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

1854 — 1856.

De mortuis aut bene, aut nihil, говорила еще древняя, языческая пословица; а у насъ даже и чрезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ чело-вѣкъ, исполненный заслугами отечеству, сошелъ съ своего земнаго поприща, еще стараются запятнать (?) добрую о немъ память. Нельзя не подивиться, что „Русская Старина“, доселѣ столь разборчивая въ выборѣ своихъ статей, могла рѣшиться принять на свои страницы такую статью, которая домогается бросить тѣнь на личность, уже принадлежащую минувшему, можно сказать русской старинѣ, ибо такія характеристическія личности не часто являются въ настоящемъ. Конечно, ни у одного русскаго воина, въ какомъ бы онъ званіи ни былъ, не поднялась бы рука написать подобную клевету (?) на доблестнаго ветерана, начавшаго Хивую и окончившаго Карсомъ, съ которымъ усвоился онъ во мнѣніи народномъ; на это могъ рѣшиться одинъ лишь гражданскій чиновникъ, съ канцелярскими взглядами, смѣло обсуживающій не только стратегическія дѣйствія, но и воинскія достоинства заслуженнаго чело-вѣка.

Хотя лучшимъ отвѣтомъ на такого рода статью было бы молчаніе, достойно ее оцѣняющее, нельзя, однако-жъ, и оставаться равнодушнымъ къ столь неприличнымъ нареканіямъ и долгъ совѣсти побуждаетъ написать хотя нѣсколько словъ въ защиту осуждаемаго еще при свѣжей памяти его дѣяній.¹⁾

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. (т. VIII, стр. 599—632) напечатано собраніе писемъ покойнаго Н. Н. Муравьева къ кн. В. О. Бебутову за время 1855 г. Этими письмами, сообщеннымъ предсѣдателемъ Кавказской Археологической Комиссіи А. П. Берге, предпослана его же небольшая статейка: «Н. Н. Муравьевъ во время его намѣстничества на Кавказѣ 1854—1856 гг.» Статьейка эта, выражая личное мнѣніе автора о нѣкоторыхъ чертахъ ха-

Не надобно имѣть какихъ-нибудь стратегическихъ познаній, чтобы возражать на сію бездоказательную статью, которая скорѣе падаетъ на того, кто ее писалъ, нежели на того, противъ кого она писана. Для ея опроверженія не слѣдуетъ только выходить изъ собственныхъ ея предѣловъ, потому что она сама себя уничтожаетъ своими противорѣчїями. За одно лишь нельзя не поблагодарить ея автора: это за драгоцѣнныя письма бывшаго намѣстника изъ-подъ Карса князю Бебутову, которыя, можетъ быть, остались бы не извѣстными для многихъ, тогда какъ въ нихъ рѣзко обличаются, самими фактами, всѣ пристрастныя обвиненія.

Такъ какъ писавшій эти письма къ своему старому сослуживцу никакъ не подозрѣвалъ, что они когда-либо увидятъ свѣтъ, то онъ откровенно изливалъ въ нихъ, особенно послѣ неудачнаго штурма, всѣ свои душевныя чувства и скромно просилъ совѣтовъ: это показываетъ, что онъ способенъ былъ принимать ихъ, хотя его собственнo упрекаютъ въ противномъ. А между тѣмъ, какою административною предусмотрительностью преисполнены всѣ сіи письма! Если неудачное письмо къ А. П. Ермолову не безъ тайной цѣли было

рактора и общественной дѣятельности покойнаго генерала, вызвала возраженіе одного изъ лицъ, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Н. Н. Муравьеву.

«Русская Старина», руководясь неизмѣннымъ своимъ правиломъ — относиться ко всѣмъ мнѣніямъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, даетъ мѣсто на своихъ страницахъ упомянутому возраженію и, согласно желанію его составителя, не выпускаетъ изъ статьи ни одного слова... Сомнѣваемся однако, чтобы возраженіе или опроверженіе статьи г. Берге отъ этого бы выиграло: бравныя слова никогда никого и ни въ чемъ не убѣждали, и мы искренно сожалѣемъ, что защитникъ побѣдителя Карса не сумѣлъ воздержаться отъ рѣзкихъ выходокъ. Вполнѣ увѣрены, что они не огорчатъ достопочтеннаго предсѣдателя Кавказской Археографической Комиссіи, заслуги котораго отечественной исторіи должны бы вызвать большее сдержанности со стороны его опонента; точно также не принимаемъ и «Русская Старина» обвиненія въ помѣщеніи на своихъ страницахъ клеветы, что изводитъ на нее защитникъ Н. Н. Муравьева. Смѣемъ думать, что въ пять лѣтъ, уже прожитыхъ нашимъ изданіемъ, оно достаточно ознакомило своихъ читателей съ характеромъ и цѣлью своей дѣятельности: онъ состоитъ въ честномъ, неуклонномъ служеніи исторической правдѣ, служеніи, чуждомъ малѣйшаго пристрастія и увлеченій. Мы помѣщаемъ и будемъ помѣщать разнорѣчныя, нерѣдко совершенно противоположныя, отзывы о лицахъ и событіяхъ, подлежащихъ суду отечественной исторіи, но только потому, что зтоуть судъ— чтобы быть праведнымъ и не лицемернымъ—долженъ видѣть предъ собою обѣ стороны, долженъ спокойно выслушивать и хвалу, нерѣдко восторженную, и порицаніе, зачастую рѣзкое... Гдѣ же и въ чемъ тутъ клевета? гдѣ ея распространеніе?

Ред.

передано гласности, по мнѣнію автора, то уже въ этихъ письмахъ нельзя подоврѣвать никакихъ заднихъ мыслей, всѣ они дышутъ одною лишь настоящею практикою, и кажется, могли бы изгладить то неприятное впечатлѣніе, какое было произведено первымъ письмомъ изъ крѣпости Грозной. Послѣ сего краткаго предисловія, приступимъ къ разбору самой статьи.

Что же встрѣчаемъ мы на самой первой страницѣ? Авторъ утверждаетъ,— потому только, что онъ самъ въ томъ убѣжденъ, какъ служившій въ канцеляріи кн. Воронцова,— что новый намѣстникъ безъ жѣры обрадовался своему назначенію, съ одной стороны, изъ видовъ удовольствіи чрезвычайному своему честолюбію; съ другой же, чтобы свести счеты съ нѣкоторыми изъ своихъ недоброжелателей, въ числѣ коихъ самое видное мѣсто занималъ кн. Воронцовъ. Но кто же внушилъ автору такую проницательность? И столь рѣзко выраженное имъ пристрастіе на первыхъ строкахъ его статьи не обличаетъ-ли уже, въ какомъ духѣ будетъ написано все прочее? Всѣ тѣ, которые знали покойнаго Н. Н. Муравьева, несмотря на тѣ слабости и недостатки, какимъ подверженъ каждый человѣкъ, отдавали ему полную справедливость, что во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни онъ былъ всегда рыцаремъ чести и отличался благороднымъ забвеніемъ обидъ, а не мстительностію. Слѣдовательно, видѣть въ столь высокомъ назначеніи удобный случай свести счеты съ своими бывшими недругами,—не было въ его духѣ и характерѣ. Если же его честолюбіе, равно какъ и всякаго другаго, могло быть удовлетворено намѣстничествомъ Кавказа, то любовь къ отечеству и преданность своему государю, конечно, были у него выше всякаго честолюбія,—и это онъ доказалъ во всю свою службу.

Авторъ, однако, самъ неволью сознается, что прежняя служба Н. Н. Муравьева на Кавказѣ, участіе въ походахъ Персидскомъ и Турецкомъ, посольство въ Хиву и Египеть, стоянка на Босфорѣ и проч., все это, взятое вмѣстѣ, заставило въ Россіи смотрѣть на него, какъ на замѣчательный военный талантъ. Да и могло-ли быть иначе, если по дѣйствіямъ судить о человѣкѣ? Кромѣ того еще, по словамъ автора, онъ пользовался репутаціею строгаго, но справедливаго начальника и человѣка не только образованнаго, но и по тогдашнему времени даже ученаго и хорошаго ориенталиста. Еще-ли этого мало? Такая репутація не приходитъ слѣпо, но основывается на многолѣтнемъ опытѣ. Не надобно забывать и того, что начало этой репутаціи приобрѣлъ онъ на Кавказѣ, гдѣ провелъ 20 лѣтъ своей службы; и вотъ, однимъ почеркомъ канцелярскаго пера, все сіе опрокидываетъ строгій его критикъ, присовокупляя, что не такъ, однако, смот-

рѣлъ на него Кавказъ, который помнилъ только его педантическій, суровый характеръ,—и потому большая часть кавказцевъ со страхомъ и трепетомъ ожидала новаго намѣстника. Но такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ?

Что Муравьевъ былъ дѣйствительно педантически строгъ и, можно даже сказать, суровъ по службѣ,—это совершенно справедливо; но ни для кого не былъ онъ столько строгъ, какъ въ отношеніи самаго себя, при точномъ и, можно сказать, педантическомъ исполненіи своего долга. Онъ готовъ былъ всегда жертвовать собою для пользы службы и до мелочи исполнять всѣ возложенныя на него порученія; такую настойчивостью преодолевалъ онъ всѣ препоны. Первымъ тому свидѣтельствомъ послужила, еще при началѣ его кавказской службы, Хива, гдѣ едва онъ не сложилъ голову, но возвратился съ честью и успѣхомъ, и это послужило прочнымъ основаніемъ его служебной репутаціи. Теперь, когда мы ближе узнали Хиву, можемъ лучше оцѣнить его геройскій подвигъ. Столь же успѣшно было, хотя менѣе опасно, его посольство въ Египетъ къ Мегметъ-Али-пашѣ, въ самую апогею его величія, когда уже войско его шло къ Царьграду опрокинуть тронъ султана. Какъ нѣкогда легатъ Рима Помпидій, посланный отъ севата смирить одного изъ властителей Азіи, очертилъ около него завѣтный кругъ своимъ жезломъ и сказалъ: „не выйдешь, доколѣ не покорисься“, такъ и посланный отъ имени русскаго царя, безъ всякаго оружія, однимъ лишь твердымъ словомъ, принудилъ пашу остановить свое войско въ Анатолиіи и отложить свои честолюбивыя планы; а потомъ, ставъ твердою ногою на Босфорѣ, уже какъ военачальникъ, доказалъ ему свою готовность—отразить всѣ его замыслы. Сколько тутъ силы характера и умѣнья обращаться съ Востокомъ! И мудрено-ли, что такое блистательное исполненіе возложеннаго на него труднаго порученія еще болѣе возвысило общее къ нему довѣріе! Не стану исчислять всей его служебной дѣятельности и въ мирное время, и въ походахъ; скажу только, что нигдѣ не измѣнилъ онъ своему характеру.

Если же назначеніе на Кавказъ постѣдовало, какъ сознается самъ авторъ, по недораумѣніямъ и несогласіямъ, возникшимъ послѣ выѣзда кн. Воронцова между командовавшимъ кавказскимъ корпусомъ, Реадомъ, и начальствовавшимъ надъ войсками на турецкой границѣ кн. Бебутовымъ, т. е., между двумя главными вождями всего края, то надобно вспомнить, въ какую это было минуту. Тогда Турки сильными массами громили нашу границу; намъ угрожала опасность потерять всю западную часть Закавказья и даже боялись за Тифлисъ. Когда же, если не въ такое роковое время, необходимо было выва-

зять всю свою энергію и восстановить потрясенную дисциплину? И въ эту минуту быть дѣйствительно назначенъ намѣстникомъ Н. Н. Муравьевъ, вызванный изъ Царства Польскаго въ столицу, сперва не для Кавказа, а для Финляндіи, которой угрожали Шведы.

Авторъ весьма кратко говорить, что Муравьевъ, пробывъ 10 дней въ Ставрополѣ, поѣхалъ сперва на правый флангъ линій, а потомъ на лѣвый, въ крѣпость Грозную, откуда написалъ известное письмо свое къ Ермолову, которое надѣлало столько шума и неудовольствія.¹⁾ Какія же причины столь невыгодно на него повліяли, и отчего оставался онъ болѣе мѣсяца по сю сторону Кавказа? авторъ не объясняетъ, занятый болѣе этимъ несчастнымъ письмомъ, котораго гласность возлагаетъ на самаго писавшаго. Но сколько намъ известно, не даромъ провелъ новый намѣстникъ цѣлый мѣсяцъ на Кавказской линіи. Онъ останавливался тамъ въ полковыхъ штабахъ и старался, по спискамъ, собрать всѣхъ разсыданныхъ по козиственнымъ заведеніямъ въ и неправильныхъ командировкахъ солдатъ, такъ какъ ему известно было это давнее злоупотребленіе на Кавказѣ. Такимъ образомъ онъ могъ собрать до 16,000 человекъ, которые только числились въ войскахъ, будучи употребляемы на частныя работы. Мудрено-ли послѣ сего, что и начальникъ дивизіи, допускавшій подобныя безпорядки, скоропостижно скончался, если только не постигла его сама-собою преждевременная смерть, которую, однако, авторъ, по непріязненнымъ слухамъ, приписываетъ грозному появленію намѣстника въ вѣранный ему край? Мудрено-ли также, что и самъ намѣстникъ, глубоко взволнованный такимъ упадкомъ военной дисциплины, при несогласіи главныхъ вождей, вспомнилъ былыя времена Ермолова, предъ его скромной землянкой—въ крѣпости Грозной, и излилъ свою душу въ горькихъ выраженіяхъ о настоящемъ маститому дѣятелю славныхъ дней Кавказа, который нѣкогда былъ его начальникомъ¹⁾?

Если это письмо, неосторожно имъ оглашенное, и произвело много шума, то весьма естественно, что онъ не хотѣлъ отвѣчать на рѣзкія противъ него возраженія, дабы не ввойти въ неприличную полемику съ своими подчиненными, что поколебало бы его начальственный авторитетъ. Онъ предпочелъ отвѣчать дѣломъ, а не словомъ, и дѣйствительно показалъ на самомъ дѣлѣ, чего можно было ожидать отъ него на Кавказѣ. Замѣчательно, что во все время двухлѣтняго своего намѣстничества, несмотря на военныя обстоятельства, Н. Н. Муравьевъ не потребовалъ отъ правительства ни войска,

¹⁾ См. это письмо въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. VI, стр. 542—543, и отвѣтъ на него кн. Святополка-Мирскаго, тамъ же, стр. 544—546.

ни пороха, ни денегъ, довольствуясь тѣмъ, что нашель; онъ даже оставилъ послѣ себя значительный капиталъ, уплативъ всѣ найденныя имъ долги, тогда какъ прежде него всего казагось мало и постоянно требовались новыя пособія. Не доказываетъ-ли это большую его распорядительность и опытное знаніе мѣстности, людей и запасовъ? Онъ часто говаривалъ, что легче одерживать побѣды, нежели обезпечивать продовольствіе и устривать госпитали.

Не менѣе достойно вниманія и то, что во все это время не трогался Шамиль, хотя ему весьма удобно было бы воспользоваться военными обстоятельствами въ отсутствіи намѣстника и даже неудачей его подъ Карсомъ. Но въ этомъ случаѣ Азіаты гораздо мудрѣ Европейцевъ и опытнѣе судятъ о людяхъ; военная репутація Муравьева была ему извѣстна съ давнихъ поръ; вида, при самомъ его вступленіи на новое поприще, чрезвычайную его бдительность на линіи и введеніе повсюду строгаго порядка, хитрый горецъ понялъ, что его покушенія будутъ напрасны и могутъ отозваться ему въ послѣдствіи; посему онъ предпочелъ оставаться въ покоѣ до рѣшенія Турецкой войны. А между тѣмъ, въ какой были бы мы крайности, если бы съ одной стороны громилъ насъ Шамиль, а съ другой—Омеръ-паша, когда мы сами были заняты подъ Карсомъ? Чему же иному приписать такое бездѣйствіе нашего закоснѣлаго врага? Но и это не бросилось въ глаза строгому критику!

Затѣмъ онъ описываетъ прибытіе намѣстника въ Тифлисъ, которое совпадало съ печальною вѣстію о кончинѣ Государя, и говоритъ, какое тяжкое впечатленіе произвело на всѣхъ мрачное явленіе новаго строгаго начальника послѣ блистательныхъ и свѣтлыхъ дней десятилѣтняго управленія кн. Воронцова. „Тяжелую стопою ступилъ онъ на нашу почву и не видать намъ отъ него добра“, такъ, будто бы, выражалось общественное мнѣніе! Многіе изъ окружавшихъ князя стали собираться въ Россію; на всѣхъ напалъ панической страхъ и всѣ съ трепетомъ ожидали перваго представленія, не зная, въ чемъ и какъ явиться. Если справедливъ, однако, рассказъ его о дерзкомъ отвѣтѣ, какой позволилъ себѣ сдѣлать, на первыхъ же порахъ, комендантъ Тифлиса новому намѣстнику, то уже этотъ одинъ случай могъ бы внушить ему необходимость быть строгимъ съ подчиненными. Авторъ увѣряетъ, что комендантъ, на вопросъ намѣстника, почему не объявилъ онъ наканунѣ его пріѣзда гарнизону о кончинѣ государя, какъ ему было приказано? отвѣчалъ: „я не могъ на это рѣшиться: вотъ если бы умерли вы или я, то это другое дѣло“. Муравьевъ только нахмурился и отошелъ. Мудрено этому повѣрить; тоже самое могло быть сказано, только инымъ тономъ и въ другихъ словахъ; иначе

какъ допустить, съ одной стороны, такую дерзость, а съ другой—такую слабость, особенно въ такомъ суровомъ начальникѣ, какимъ описываютъ намѣстника?

При первомъ представленіи чиновниковъ — опять неприятная выходка: извѣстному писателю нашему гр. Соллогубу намѣстникъ говорить: „Вы авторъ „Тарантаса“, и такъ можете въ него сѣсть и уѣхать“. Если это справедливо, то подобная шутка была весьма неумѣстна и нельзя о томъ не пожалѣть, хотя можетъ быть, видя, какая праздная толпа чиновниковъ безъ всякой нужды окружала его предмѣстника, новый начальникъ старался ее разсѣять, оставивъ при себѣ только людей дѣловыхъ. А каково было это блистательное общество и какъ держало оно себя въ отношеніи главнаго своего начальника, можно о томъ судить по разсказу самаго автора. „Такая разительная противоположность“, пишетъ онъ, „съ недавно-минувшимъ, которое, повидимому, уже было такъ далеко позади насъ! Бывало при кн. Воронцовѣ, не только гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ того же дома, но даже въ адъютантской, сосѣдней съ кабинетомъ, во время самаго доклада, слышались громкій говоръ, смѣхъ и шутки, отдававшіеся даже въ кабинетъ, вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ, который подымался, какъ говорятъ, коромысломъ. Помнится мнѣ, какъ однажды кн. Михайлъ Семеновичъ, войдя въ адъютантскую, положу сюртука старался разсѣять облако дыма, чтобы въ числѣ другихъ отыскать одного изъ приближенныхъ. И все это сходило съ рукъ, какъ будто оно такъ и должно быть“.

Предоставляю на усмотрѣніе каждаго благомыслящаго: до какой степени прилична и могла-ли быть терпима подобная распушенность подчиненныхъ предъ своимъ начальникомъ? и если на это снисходительно смотрѣлъ маститый магнатъ при своей европейской славѣ, которая ставила его выше всякихъ мелочей, то не могъ быть равнодушенъ къ такому настроенію новый начальникъ края, собственно для того и назначенный, чтобы подтянуть все, что было распушено.

Далѣе слѣдуетъ на него жалоба за то, что онъ велѣлъ отказывать многочисленнымъ просительницамъ изъ туземнаго населенія, которыхъ приучилъ его предмѣстникъ ежедневно являться съ просьбами о пособіи. Но то, что возможно роскошному вельможѣ, было совершенно недоступно его преемнику, весьма ограниченному по своимъ средствамъ.

Случай съ солдатомъ, который остановилъ на улицѣ намѣстника, прося себѣ защиты противъ ближайшаго начальника, и данный ему отвѣтъ: „что самъ лично разсмотритъ его дѣло, но строго накажетъ, если жалоба не справедлива“, свидѣтельство болѣе въ пользу на-

мѣстника, нежели противъ него. Это доказываетъ простоту его обращенія и доступность, при строгомъ, однако, соблюденіи дисциплины.

Анекдотъ съ академикомъ Беромъ довольно оригиналенъ. Весьма простиительно намѣстнику, занятому въ то время военными обстоятельствомъ и голодомъ края, не обратить вниманія на ученя изысканія профессора о умноженіи рыбы въ Каспійскомъ морѣ, тѣмъ болѣе, что много подобныхъ изыскателей природы странствовало по Грузіи. Кажется, это болѣе вина правителя канцеляріи или дежурнаго адъютанта, что намѣстникъ не былъ предвараенъ, какъ слѣдуетъ, о явленіи ученаго Бера. Во всякомъ случаѣ, онъ на другой же день исправилъ свою ошибку, отдавъ ему визитъ, и такую учтивостію могъ достаточно доказать, что нельзя къ нему примѣнить названіе Вандала.

Наконецъ, вотъ и послѣдній анекдотъ, приводимый авторомъ, гдѣ уже онъ самъ является на сценѣ,—и этотъ случай обнаруживаетъ только, что было причиною той желчи, какую излилъ онъ противъ Николая Николаевича. Будучи назначенъ, по милости намѣстника, въ персидское посольство, какъ знающій восточные языки, онъ былъ приглашенъ съ прочими членами миссіи къ его столу, и чѣмъ же заплатилъ за такое вниманіе? Весьма естественно, что Муравьевъ, какъ ориенталистъ, пожелалъ знать: гдѣ научился онъ восточнымъ языкамъ? и усумнился, чтобы можно было въ университетѣ практически ихъ изучить. Такое сомнѣніе оскорбило самолюбіе чиновника; когда же, по другому вопросу, произошло недоразумѣніе въ одномъ арабскомъ словѣ, по неопредѣленности его произношенія, чиновникъ осмѣлился съ своей стороны сдѣлать рѣзкое замѣчаніе намѣстнику, „что надобно опытно изучить языкъ прежде, нежели о немъ судить“, и получилъ за это заслуженный намекъ: „не забываются предъ своимъ начальствомъ“. И такъ, вотъ причина неумолимой его злобы, даже семь лѣтъ спустя послѣ кончины намѣстника!

Истощивъ запасъ анекдотовъ, авторъ изъ глубины своей канцеляріи начнаетъ уже, какъ опытный стратегикъ, судить о военныхъ дѣйствіяхъ намѣстника подъ Карсомъ, и смѣло утверждаетъ, что если бы онъ оставилъ тамъ князя Бебутова начальствовать вмѣсто себя надъ войсками, то, конечно, не произошло бы несчастнаго штурма, потому что князь, по своей благоразумной осторожности, ничего бы не предпринялъ безъ совѣта. Муравьевъ же съ завистію смотрѣлъ на военные подвиги стараго своего сотоварища, и потому собственно удалилъ его изъ-подъ Карса, хотя и съ блестящимъ о немъ отзывомъ, поручивъ ему управленіе краемъ въ Тифлисѣ. Самъ онъ (по догадкѣ опытнаго чиновника) думалъ, взявъ Карсъ, пройти въ Имеретію и разбить Омеръ-пашу, чтобы получить фельдмаршал-

скій жезлъ. Тутъ онъ распространяется о военныхъ способностяхъ Бебутова, утверждая: „что князь одаренъ былъ ими несравненно болѣе, чѣмъ Муравьевъ, который не выдвигался изъ числа людей самыхъ обыкновенныхъ, не имѣлъ почти никакого понятія объ администраціи и нигдѣ не заявилъ своихъ военныхъ дарованій на практикѣ, несмотря на свои теоретическія познанія, чему свидѣтелемъ штурмъ Карса“.

Объ этомъ штурмѣ приводитъ онъ свидѣтельство плѣннаго генерала Вильямса, который будто бы заявлялъ въ Тифлисѣ, что одни только сумасшедшіе могли безъ фашинъ и безъ лѣстницъ идти на штурмъ крѣпости, которая и безъ того должна бы сдаться чрезъ нѣсколько дней (однако, она простояла еще два мѣсяца). Онъ присовокупляетъ: „что Муравьевъ считалъ себя непогрѣшимымъ, пренебрегая мнѣніями людей, стоявшихъ ниже его въ служебной іерархіи, хотя и болѣе его опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ; такое самообольщеніе и привело его къ печальной, кровавой развязкѣ Карскаго штурма“. Этимъ заключаетъ онъ свой рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ намѣстника и дополняетъ только свои рѣзкія сужденія картиною жестокаго голода въ Тифлисѣ, который также поставляетъ ему въ вину, хотя всею администраціею края завѣдывалъ князь Бебутовъ, тогда какъ самъ намѣстникъ, съ весны и до глубокой осени, былъ задержанъ подъ Карсомъ.

Любопытно однако, что на концѣ своей статьи, печатая письма намѣстника князю Бебутову, какъ бы въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ считаетъ нужнымъ оговориться такимъ образомъ: „въ очеркѣ нашемъ упоминается, между прочимъ, о недовѣрчивости Муравьева и о той увѣренности въ своемъ умѣ, вслѣдствіе которой онъ не уважалъ чужихъ мнѣній, тогда какъ въ приводимыхъ ниже письмахъ, онъ не только обращается за совѣтами къ князю Бебутову, но даже какъ будто отдаетъ преимущество его знаніямъ и опытности. Очевидно, что одно съ другимъ не согласуется“. (Наслы-то сознался въ своихъ противорѣчійхъ, и какъ же послѣ этого вѣрить его сужденіямъ? Однако, онъ имѣетъ духъ продолжать): „Мы объясняемъ это кажущееся противорѣчіе такъ: Муравьевъ дѣйствительно спрашивалъ у князя Бебутова совѣта, но только по тѣмъ вопросамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о дѣлахъ, такъ сказать, второстепенныхъ. Такъ, напримѣръ, по блокадѣ и штурму Карса онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, и если обращался къ нѣкоторымъ лицамъ за совѣтами, то никакъ не къ князю Бебутову; совѣтами же другихъ не только не пользовался, но положительно пренебрегалъ ими; а потому и самое увѣреніе Муравьева, въ одномъ изъ писемъ, что штурмъ

Карса былъ долго обдуманъ и рѣшенъ, должно быть отнесено собственнo къ нему самому; винить же въ неудачѣ другихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія“ (но онъ никого и не обвинилъ, а все великодушно бралъ на себя). „Наконецъ, если даже допустить, что Муравьевъ былъ искрененъ къ князю Бебутову, то искренность эта была вынужденною по известной поговоркѣ, что одинъ въ полѣ не воинъ“.

И такъ, обратимся къ подлиннымъ письмамъ намѣстника, чтобы узнать истину. Если же я привелъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ неприязненной статьи, которыя неприятно даже и повторять, то единственно для того, чтобы показать, до какой степени могутъ увлечь заносчивость и пристрастіе человѣка, который позволяетъ себѣ обсуждать то, что ему не по силамъ.

Что же мы видимъ въ самомъ первомъ письмѣ изъ-подъ Карса, еще за нѣсколько дней до штурма, слѣдственно въ такое время, когда намѣстникъ былъ еще въ полномъ блескѣ и могъ дѣйствовать съ большою самонадѣянностію? Онъ пишетъ къ князю Бебутову, что можетъ имѣть достаточныя свѣдѣнія о томъ, что у нихъ дѣлается, изъ его писемъ военному министру, которыя постоянно посылаетъ ему открытыми. Какой начальникъ рѣшился бы на такую откровенность въ отношеніи своихъ подчиненныхъ? и гдѣ же та недовѣрчивость, въ которой его такъ жестоко упрекаютъ? Замѣчательно второе письмо, недѣлю спустя послѣ штурма. Оно дышетъ тою же откровенностію, потому что Н. Н. Муравьевъ ничего не умѣлъ скрывать, чтобы только блеснуть или себя выказать, но всегда готовъ былъ дѣйствовать искренно, даже во вредъ себѣ, мало заботясь о томъ: поймутъ его или нѣтъ? потому что слушался одного лишь голоса своей совѣсти.

„Я не писалъ къ вамъ особо“, говоритъ онъ опять князю Бебутову, „потому что мои открытыя письма къ министру довольно объясняютъ вамъ положеніе дѣлъ нашихъ; конечно, чувствительны потери, но изъ семи тысячъ многіе остались во фронтѣ и легко раненные, надѣюсь, скоро возвратятся. Непріятель имѣлъ, безъ сомнѣнія, до четырехъ тысячъ утраты невозвратной. Блокада восстановлена была въ день штурма въ томъ же порядкѣ, какъ прежде; теперь все зависитъ отъ времени и погоды“.

„Въ Эрзурумъ ожидаютъ, по слухамъ, прибытія Омеръ-паши безъ войска; въ Батумѣ не могло высадиться болѣе двѣнадцати тысячъ, но тамъ грозныя милиціи Гурін и Мингрелин. Войска здѣсь очень бодры. Чинимся и въ этомъ вы намъ помогите, такъ же какъ помогли намъ въ сухарихъ; нужны и скоро лекаря, фельдшеры, штабъ-

и оберъ-офицеры. Пособите намъ тоже развозомъ раненныхъ, пока еще стоитъ погода хорошая, по дальнимъ госпиталямъ. Пошлите офицеровъ распорядительныхъ, чтобы выслать изъ гренадерскихъ штабъ-квартиръ людей, которые тамъ напрасно проживаютъ. Въ замѣщеніи должностей людьми способными ожидаю вашего совѣта, такъ какъ вы болѣе меня въ край знакомы“.

Кажется, изъ этого письма видно, съ какимъ спокойнымъ духомъ намѣстникъ распорядился и послѣ урона, и какъ скромно просить онъ себя совѣта. Но главная его забота, какъ и въ послѣдующемъ письмѣ, только о пострадавшихъ подъ Карсомъ. „Всего болѣе“, пишетъ онъ, „забочусь теперь объ отвозѣ и успокоеніи раненныхъ и о сборѣ фуража. Войска очень бодры и желаютъ новаго боя, и опять благодарю васъ за распоряженія о раненныхъ,— по доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, они въ хорошемъ положеніи и съ бодримъ духомъ“. О положеніи же Карса онъ не обманывалъ себя лестными надеждами. „По ходу дѣла и имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можно полагать, что у Турокъ есть хлѣба скорѣе на двѣ недѣли, чѣмъ на два мѣсяца; но рассчитывать своими дѣйствіями я долженъ по послѣднему, дабы не ошибиться въ первомъ“ (и дѣйствительно, онъ не ошибся въ этотъ срокъ). „Алармистовъ вездѣ и всегда бываетъ довольно. Этихъ людей утѣшеніе—всякая неудача, несмотря даже на то, касается-ли она общаго дѣла. Они же, можетъ быть, будутъ сожалѣть и объ успѣхѣ, если Богъ пошлетъ; изъ исхода дѣла вы видите, что обстоятельства не такъ дурны: есть войска, хлѣбъ, фуражъ и деньги,— нужно терпѣніе“.

Изъ этихъ словъ уже видно, что послѣ неудачнаго штурма, намѣстникъ долженъ былъ бороться не только съ внѣшнимъ непріателемъ, но и съ тайными врагами, которые были около него. И вотъ ему пришлось оправдываться даже и предъ своимъ старымъ сотоварищемъ, который укорилъ его въ нетерпѣннн за штурмъ. Письмо это исполнено смиренія и вмѣстѣ достоинства.

„Если“, пишетъ онъ, „обстоятельства заставили меня переимѣнить первоначальный планъ мой, то уже переимѣна эта не могла произойти отъ нетерпѣннн. Не буду повторять причинъ, побудившихъ меня къ штурму; это былъ общій голосъ, и вамъ причины эти довольно извѣстны изъ моихъ писемъ государю и военному министру. Меня удивило, что, послѣ 40 лѣтняго знакомства нашего, вы могли еще полагать во мнѣ недостатокъ терпѣннн,—качество, въ которомъ я изощренъ еще съ молодыхъ лѣтъ моихъ и въ которомъ, конечно, не способенъ уже измѣниться на 62 году моей жизни. Могли-ли вы полагать, что я побуждаемъ былъ мелочными видами—скорѣе приобрѣсти

славу, за которую и не думаю гнаться въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, имѣя въ предметѣ только пользу общаго дѣла и рѣшительно болѣе ничего. Повторяю, дѣло приступа было долго обсуждено, обдумано и рѣшено. Не упустилъ я тогда изъ виду, что въ случаѣ неудачи, будутъ пересуды; но это не могло меня остановить, какъ и теперь не измѣнить моего взгляда и моихъ дѣйствій сужденія другихъ послѣ совершившагося дѣла. Къ сожалѣнiю, не слыхалъ я мнѣнiя ихъ до дѣла. Не оскорбляюсь я вашимъ сужденiемъ, какъ человека, мнѣ близкаго, но сожалѣю, что вы меня до сихъ поръ мало познали“.

Но не прошло и мѣсяца послѣ сего письма, исполненнаго столь тяжкихъ думъ и *заботъ, и вотъ уже новымъ радостнымъ письмомъ извѣщаетъ онъ кн. Бебутова о свѣтлой побѣдѣ, увѣнчавшей успехомъ всѣ его военные планы, которою заключилась и самая кампанiя. „15-го ноября всѣ условiя сдачи подписаны, по довѣренности, данной Муширомъ Виллиамсу. Завтра передача, въ 10 часовъ утра, Муширъ-Кирымъ-паша и Виллиамсъ со всѣми англичанами и всѣмъ войскамъ, военноплѣнные; 6,000 редифовъ, по обезоруженiю ихъ, будутъ отпущены въ дома, прочiе 11,000 возьмутся въ плѣнъ; вся артиллерiя и все, что въ крѣпости есть, сдается по описямъ. Еще счеты не сведены ни людямъ, ни оружiю; множество оружiя и имущества; 130 орудiй. Не Карсъ отъ Омеръ-паши будетъ зависѣть, а Омеръ-паша отъ Карса. Поздравляю и обнимаю васъ. Пошлите поскорѣе денегъ Базину, чтобы хлѣба купить въ Ардаганѣ; завтра, въ 10 часовъ, все должно кончиться, тогда и курьеръ“.

Остановимся на этомъ блистательномъ подвигѣ, который увѣнчалъ новыми лаврами заслуженнаго война уже на концѣ его славнаго поприща, сроднивъ на всегда съ его именемъ имя покореннаго имъ Карса! Для того, чтобы вполне оцѣнить всю его заслугу Россiи сокрушенiемъ сего крайняго оплота Турецкихъ и, можно сказать, ихъ союзныхъ силъ въ Азiи, надобно перенестись въ ту печальную эпоху, когда, послѣ паденiя Севастополя, ничего уже насъ не радовало и грозныя тучи все мрачнѣе собирались на горизонтѣ. Радостная вѣсть о взятiи Карса электрически пропеслась по всей Россiи, возбуждивъ общiй восторгъ. Тѣ, которые были въ сѣверной столицѣ, или присутствовали въ царскихъ палатахъ на благодарственномъ молебнѣ за сiе славное торжество нашего оружiя, могли быть свидѣтелями, какою неподдѣльною радостiю были преисполнены сердца всѣхъ добрыхъ сыновъ Россiи, какими поздравленiями прiвѣтствовали они другъ друга, осыпая ими и семью виновника торжества! На улицахъ слышалось его имя и народъ кричалъ ему „ура!“ когда кавалергарды возили знамена, отбитыя подъ Карсомъ. И дѣйствительно, было чему

порадоваться, ибо этимъ блестящимъ трофеємъ, какъ славнымъ отголоскомъ Синопа, заключилась тяжкая для насъ война. Паденіе Карса заставило призадуматься враговъ нашихъ, особенно Англію, которой самые вожди были взяты въ плѣнъ, потому что намъ открытъ былъ путь черезъ Анатолію къ Царьграду, — и доблестный вождь Кавказа уже готовился къ сему походу, на который благопріятно смотрѣли христіанскія племена. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ послѣдовало неожиданное предложеніе мира; и сколь ни тягостны были для насъ его условія, но опытные дипломаты довольно знаютъ, что условія сіи были бы еще тягостнѣе, если бы Карсъ, громомъ своего паденія, не тяготѣлъ на пристрастныхъ вѣсахъ милосердныхъ судей нашихъ. Воздадимъ же должное памяти его побѣдителя!

Любитель Кавказа и Закавказья.

Примѣчаніе. Вышенапечатанную статью мы имѣемъ въ двухъ спискахъ, оба они озаглавлены: «Памяти Н. Н. Муравьева. Отвѣтъ на статью «Русской Старины», октябрь 1873 г.». Первый списокъ полученъ въ январѣ 1874 г. — отъ воина, славнаго въ дѣло обороны Севастополя г. Д. Е. Остенъ-Сакена. Графъ сообщилъ эту статью «по порученію одного изъ друзей своихъ» съ просьбой — напечатать «въ отличномъ журналѣ, какова «Р. С.», но ничего въ статьѣ не измѣняя». Мы готовы были немедля напечатать доставленную статью, но приостановились вслѣдствіе желанія самого г. Дмитрія Ерофѣевича. Вслѣдъ затѣмъ, при посредствѣ г. Бибикова и кн. А. В. Шаховскаго, намъ доставленъ другой, совершенно одинаковый, списокъ той же статьи съ выраженіемъ желанія автора видѣть ее на страницахъ нашего изданія, что мы и исполнили.

Ред.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

1795—1829.

Сохраненіемъ писемъ Грибоѣдова, составляющихъ сущность предлагаемой статьи, русская литература обязана покойному Ѡ. В. Булгарину. Благоговѣя предъ памятью покойнаго Грибоѣдова, онъ, какъ святыню, берегъ малѣйшія доскутъ бумаги, писанныя его рукою. Письма, въ числѣ прочихъ любопытныхъ бумагъ, хранились въ архивѣ покойнаго Булгарина; нынѣ архивъ этотъ обязательно предоставленъ въ распоряженіе редакціи „Русской Старины“ Болеславомъ и Владиславомъ Ѡаддѣевичами Булгаринными при посредствѣ Т. А. Сосновскаго. Нѣкоторыя изъ ниже приведенныхъ писемъ были уже напечатаны, но съ такими значительными пропусками и въ столь давнее время, что появленіе ихъ нынѣ въ печати составитъ, если можно такъ выразиться, почти новость для многихъ изъ читателей. Большая часть этихъ писемъ проливаетъ яркій свѣтъ на характеристику Грибоѣдова и можетъ служить довольно вѣрнымъ матеріаломъ для полной біографіи автора „Горя отъ ума“.

Такъ какъ многія письма имѣютъ надобность въ поясненіяхъ и въ указаніяхъ на обстоятельства, при которыхъ онѣ были писаны, то мы предоставили одному изъ нашихъ сотрудниковъ связать ихъ въ послѣдовательный біографическій очеркъ. Независимо отъ бумагъ Грибоѣдова, а также печатныхъ матеріаловъ, въ которыхъ составитель очерка обращался, онъ пользовался и изустными разсказами нѣкоторыхъ современниковъ и вороткихъ знакомыхъ Грибоѣдова.

Ред.

I.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4-го января 1795 года.¹⁾ Не распространяясь о его предкахъ, замѣтимъ, что родители Александра Сергѣевича — Сергѣй Ивановичъ и Настасья Ѳедоровна, были однофамильцы и вели свой родъ отъ одного и того же корня.²⁾ Фамилія Грибоѣдовыхъ, къ которой принадлежалъ Александръ Сергѣевичъ, состояла въ родствѣ съ князьями Одоевскими, съ Нарышкиными, Римскими-Корсаковыми и съ графами Разумовскими;³⁾ двоюродная сестра Александра Сергѣевича, Елисавета Алексѣевна (рожд. Грибоѣдова), была супругою († 1856 г.) князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго († 20-го января 1856 г.).

Первоначальное образованіе Грибоѣдовъ получилъ въ родительскомъ домѣ. Трудно сказать, на сколько заботились родители о первоначальномъ его воспитаніи. Мать Александра Сергѣевича, Анастасія Ѳедоровна (рожд. Грибоѣдова, въ замужествѣ съ 1793 г., † 1834 г.), женщина заносчивая, характера вообще тяжелаго, едва-ли могла имѣть благотворное вліяніе на умъ и сердце Грибоѣдова; отецъ его, Сергѣй Ивановичъ, повидимому, игралъ въ своемъ семействѣ роль второстепенную; по крайней мѣрѣ, о немъ до сихъ поръ почти не имѣемъ свѣдѣній... Единственнымъ другомъ дѣтства Грибоѣдова была его сестра — Марья Сергѣевна († 1856 г., въ замужествѣ за г. Дурново), подобно брату своему, одаренная замѣчательною способностію къ музыкѣ и впослѣдствіи отличная піанистка. У Грибоѣдовыхъ въ Москвѣ былъ довольно обширный кругъ знакомства и въ гостиной родителей будущій авторъ «Горя отъ ума» имѣлъ возможность вдоволь насмотрѣться на типы, которые онъ впослѣдствіи обезсмертилъ

¹⁾ Г. Серчевскій, издатель книги: «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія» (Спб., 1858 г.), указывая годъ рожденія Грибоѣдова, допустилъ ошибку, обозначивъ на стр. V-й — 1794 годъ, а на стр. XLIV, при описаніи памятника Грибоѣдова, 1793 г. Этою же цифрою означенъ годъ рожденія Александра Сергѣевича и въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара (Спб., 1838 г. т. XV, стр. 131). Ред.

²⁾ См. «Москвитянинъ» 1856 г., № 11, книга 2-я, наше «Письмо о фамиліи Грибоѣдовыхъ». См. также «Русскую Родословную книгу», изд. «Русской Старины» 1873 г., стр. 152. Ред.

³⁾ Сестра Алексѣя Ѳедоровича, Анна Ѳедоровна Грибоѣдова, была за графомъ Разумовскимъ. Ред.

въ воей комедіи подъ именами: Фамусова, Скалозуба, впазя Тугоуховскаго, княгини, княжень, Хлестовой и проч. По-нятно, что глубоко должны были врѣзаться въ память Грибоѣдова эти личности.

Не думаемъ, что мы удалимся отъ правды, если скажемъ, что житье Грибоѣдова въ родительскомъ домѣ было непривольно и невесело. Нѣтъ сомнѣнія, что оно развило въ его характерѣ ту меланхолю и ту нервную раздражительность, которыми онъ потомъ всегда отличался. Первыми его наставниками были: извѣстный ученый и энциклопедистъ Петрозиліусъ и докторъ правъ Богданъ Ивановичъ Іонъ. Подъ ихъ руководствомъ Грибоѣдовъ приготовился къ поступленію въ университетъ вольнослушателемъ (1810) и посѣщаль лекціи профессоровъ: Гейма, Буле, Сохацкаго, Рейнгардта, Шлѣцера и Снегирева. О времени пребыванія своего въ университетѣ Грибоѣдовъ сохранилъ во всю жизнь самыя отрадныя воспомнанія, но съ особеннымъ уваженіемъ отзывался онъ объ И. И. Буле, который читалъ тогда въ университетѣ естественное и народное право и занимался съ Грибоѣдовымъ у него на дому «разными отраслями наукъ умозрительныхъ».

Наступилъ 1812 годъ. Выдержавъ экзаменъ и удостоенный степени кандидата правъ, Грибоѣдовъ, увлекаясь духомъ времени, поступилъ въ военную службу корнетомъ во вновь формируемый тогда графомъ Салтыковымъ московскій гусарскій полкъ (26-го іюля 1812 г.) Четыре года (1812—1816) прослужилъ Грибоѣдовъ въ военной службѣ, не принимая, однако, участія въ битвахъ, ознаменовавшихъ эти достопамятныя годы. Еще въ 1812 году, вскорѣ послѣ смерти графа Салтыкова, московскій гусарскій полкъ былъ распущенъ и Грибоѣдовъ, въ чинѣ корнета, перешелъ въ Иркутскій гусарскій полкъ съ привомадированіемъ къ резервному кавалерійскому корпусу, состоявшему подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Андрея Семеновича Кологривова. Главная корпусная квартира находилась тогда въ Брестѣ-Литовскомъ. Кутежи, попойки, карты, женщины—были тамъ любимѣйшею забавой офицеровъ, и Грибоѣдовъ не отставалъ отъ разгульныхъ товарищей. Къ счастью для Грибоѣдова, судьба послала ему друга въ лицѣ Степана Никитича Бѣгичева, бывшаго тогда адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ. Въ немъ Грибоѣдовъ нашелъ умнаго, пріятнаго собесѣдника и

добраго руководителя, всегда умѣвшаго отвлекать пылкаго юношу отъ вредныхъ шалостей и излишнихъ кутежей. Бѣгичевъ же пробудилъ въ юномъ своемъ другѣ и благородную охоту къ занятіямъ литературнымъ. Еще въ университетѣ Грибоѣдовъ писалъ стихи, не лѣстясь, впрочемъ, мыслию видѣть ихъ въ печати. Уступая требованіямъ Бѣгичева, Грибоѣдовъ опять принялся за перо и первыми его литературными опытами, напечатанными въ 1814 г., были двѣ статьи: «О кавалерійскихъ резервахъ» и «О праздникѣ, данномъ генералу Кологривову его офицерами» (22-го іюня 1814 года). Въ описаніи праздника помѣщены были и стихи, или скорѣе, виріи, на которые, конечно, никто не обратилъ вниманія. Пиръ, судя по описанію, былъ гомерической и обошелся учредителямъ въ 10,000 руб. ассигн.; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ опроверженіе пословицы: «сытый голоднаго не разумѣетъ», Грибоѣдовъ при своей статьѣ, отъ лица всѣхъ товарищей, przeprowadилъ въ редакцію «Вѣстника Европы» тысячу рублей для раздачи бѣднымъ, пострадавшимъ при пожарѣ Москвы.¹⁾

Въ томъ же 1814 году, въ бытность свою въ Польшѣ, Грибоѣдовъ познакомился съ княземъ Александромъ Александровичемъ Шаховскимъ. Бесѣды съ этимъ знаткомъ нашей сцены возбудили въ Грибоѣдовѣ страсть къ театру и онъ рѣшился испытать свои силы на поприщѣ драматургіи. На досугѣ онъ перевелъ съ французскаго стихами небольшую комедію («Le secret du ménage») подъ заглавіемъ «Молодые Супруги», и съ этой пьесой молодой авторъ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ лѣта 1815 г. Новое общество, новые люди, новыя впечатлѣнія ожидали здѣсь Грибоѣдова.

II.

Люди александровскихъ временъ въ своихъ «Запискахъ» съ удовольствіемъ вспоминаютъ о русскомъ театрѣ въ царствованіе 1817—1826 гг. Мнѣніе людей минувшаго поколѣнія хотя отчасти и пристрастно, однако же во многихъ отношеніяхъ справедливо. Театръ и литература были насущными потребностями тогдашняго образованнаго общества, относившагося къ нимъ съ

¹⁾ Кромѣ этихъ денегъ, на праздникъ было собрано по подпискѣ въ пользу бѣдныхъ и госпиталя до 6,500 рублей. См. объ этомъ письмѣ въ замѣткахъ М. Н. Лонгинова: «Современникъ» 1857 г., кн. III, стр. 53. Фед.

тѣмъ горячимъ сочувствіемъ, которое во всякомъ государствѣ служитъ мѣриломъ общественнаго образованія. Особенную любовь къ театру питала тогдашняя военная молодежь. Многіе гвардейскіе офицеры писали и переводили для театра;¹⁾ по вечерамъ составляли пріятельскіе кружки, въ которыхъ читались произведенія лучшихъ драматурговъ русскихъ и иностранныхъ, и велись горячіе споры о сценическомъ искусствѣ, объ игрѣ артистовъ и т. д. Представителемъ одного изъ подобныхъ кружковъ былъ талантливый и европейски образованный Павелъ Александровичъ Катенинъ. Его мнѣнія признавались за авторитетъ; его замѣчанія, всегда основанныя на непреложныхъ законахъ логики и эстетики, съ благодарностью принимались молодыми, начинавшими авторами, которые читали ему свои произведенія. Средоточіемъ другаго кружка театраловъ былъ князь А. А. Шаховской, покровитель талантовъ сценическихъ, даровитый и плодовитый писатель для театра. Кружокъ Шаховскаго состоялъ преимущественно изъ людей стараго поколѣнія, относившихся къ молодежи съ высоты строгаго «классицизма», съ одобрительной, покровительственной улыбкой. Впрочемъ, подвижники театра этого кружка любили его не такъ платонически, какъ принадлежавшіе къ кружку Катенина: друзья и пріатели Шаховскаго не чуждались закулисныхъ интригъ и въ сужденіяхъ своихъ, въ особенности объ актрисахъ, не могли похвалиться безпристрастіемъ. Послѣдователи западныхъ политическихъ идей (будущіе декабристы), тогда большею частію молодые еще люди, не составляя отдѣльнаго литературнаго кружка (до 1820 г.), вращались во всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ сферахъ, одновременно посѣщая ихъ представителей.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, не отдавая особеннаго преимущества одному кружку передъ другимъ, Грибовдовъ одновременно сблизился съ П. А. Катенинымъ, съ Булгаринымъ, Гречемъ и кн. Шаховскимъ. Любезность, остроуміе, искренность Грибовдова обаятельно дѣйствовали на его знакомыхъ. Всесторонне образованный, онъ могъ поддержать съ одинаковымъ так-

¹⁾ Графъ Сергій Павловичъ Потемкинъ, Сергій Никифоровичъ Маринъ, Петръ Николаевичъ Семеновъ, Дмитрій Николаевичъ Барковъ, Павелъ Александровичъ Катенинъ и мн. др. Ред.

томъ разговоръ, какихъ бы вопросовъ онъ ни касался: научныхъ, художественныхъ, политическихъ. Свободно изъяснявшійся на четырехъ языкахъ, Грибоѣдовъ (подобно Катенину), смотря въ иностранную книгу, читалъ ее по-русски въ самомъ вѣрномъ переводѣ, такъ, что хотъ записывать и отдавать въ печать. Отличный музыкантъ, онъ по цѣлымъ часамъ импровизировалъ на фортепіано и, по отзыву современниковъ, можно было заслушаться его импровизаціей. Если во всѣмъ этимъ способностямъ присоединить пріятную, весьма выразительную наружность, ловкость, изящество манеръ, умѣнье мастерски ѣздить верхомъ, замѣчательную мѣткость въ стрѣльбѣ изъ пистолета, — то портретъ Грибоѣдова, нами очерченный, будетъ возможно полонъ и не трудно представить, какое впечатлѣніе онъ произвелъ въ петербургскихъ гостинныхъ. Здѣсь же Грибоѣдовъ познакомился съ Н. И. Хмельницкимъ и съ Андреемъ Андреевичемъ Жандромъ,¹⁾ съ которымъ оставался связаннымъ узами дружбы до самой кончины.

29-го сентября 1815 года комедія «Молодые Супруги» была въ первый разъ представлена въ Петербургѣ, въ бенефисъ актрисы Семеновой младшей (Нимфодоры Семеновны), и разыграна прекрасно. Ободренный успѣхомъ, Грибоѣдовъ перевелъ (уже при сотрудничествѣ Шаховскаго, Хмельницкаго и Жандра) комедію Барта: «Притворная Невѣрность» (играна въ февралѣ 1817 г.), пять явленій втораго акта комедіи: «Своя Семья» (представленной въ первый разъ 24-го января 1818 года въ бенефисъ г-жи Валберховой) и комедію «Студентъ» (въ прозѣ, при сотрудничествѣ П. А. Катенина).

Въ мартѣ 1816 г. Грибоѣдовъ перешелъ изъ военной службы въ статскую и все свое время посвятилъ литературѣ. На этомъ поприщѣ съ перваго шагу ему пришлось вступить въ полемику, при которой онъ выказалъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ, раздражи-

¹⁾ Скончался года два тому назадъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Когда послѣ событій 14-го декабря князь А. И. Одоевскій скрылся у него въ домѣ, Жандръ его не выдалъ явившимся къ нему сыщикамъ. Говорятъ, что призванный въ Слѣдственную Коммиссію и вслѣдъ затѣмъ къ государю Николаю Павловичу, онъ снискалъ совершенное его расположеніе, сказавъ ему: «и вы, ваше величество, на моемъ мѣстѣ не выдали бы!» Въ этихъ словахъ весь характеръ А. А. Жандра.

тельность и авторское самолюбіе, не соразмѣрныя съ его первыми слабыми опытами.

Другъ Грибовдова — Катенинъ перевелъ балладу Бюргера «Ленора», передѣлавъ ее на русскіе нравы: героиню назвалъ Ольгою, мѣсто дѣйствія изъ Богеміи перенесъ подъ Полтаву, преобразивъ эпоху Семилѣтней войны въ 1709 годъ. Стихи Катенина вообще тяжеловатые, а мѣстами и вовсе неудачные, не понравились Н. И. Гнѣдичу и переводчикъ «Иліады», подъ псевдонимомъ «Жителя Тентелевой деревни», отозвался о переводѣ Катенина не совсѣмъ благосклонно.¹⁾ Грибовдовъ вступился за друга и отвѣчалъ въ «Сынѣ Отечества» рѣзкой статьёй, основанной на самыхъ мелочныхъ придиркахъ, но въ этой же статьѣ проронилъ и нѣсколько дѣльныхъ замѣтокъ...

Гнѣдичъ не возражалъ и Грибовдовъ считалъ себя побѣдителемъ.

На слѣдующій годъ М. Н. Загоскинъ,²⁾ разбирая представленіе комедіи Грибовдова «Молодые Супруги», указалъ на нѣкоторые плохіе стихи и довольно скромно замѣтилъ о нихъ словами «Мизантропа» въ русскомъ переводѣ:

«..... Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи!»

Затронутый за живое, Грибовдовъ не выдержалъ и, питая вообще нерасположеніе къ Загоскину, какъ къ человѣку и какъ къ писателю (онъ никогда не отдѣлялъ одно отъ другаго), отвѣтилъ своему противнику злымъ стихотвореніемъ. Приводимъ это произведеніе въ томъ видѣ, въ какомъ, переписанное рукою самого Грибовдова, оно сохранилось въ бумагахъ Ѳ. В. Булгарина.³⁾

¹⁾ См. «Сынъ Отечества» 1816 г., № 24, стр. 186. Статья Гнѣдича тамъ же: № 27, стр. 3—23. Статья Грибовдова въ томъ же журналѣ: № 30, стр. 150—161.

²⁾ См. «Сѣверный Наблюдатель» 1817 г., № 15, Отд. III, стр. 54—56.

³⁾ «Дубочный театръ» былъ напечатанъ нѣсколько разъ. Въ «Лѣтописи Русскаго Театра» г. Пямена Арапова (Сиб., 1861); въ сборникѣ: «Бесѣды въ обществѣ любителей російской словесности» (Москва, 1867); въ статьѣ: «А. С. Грибовдовъ» — Д. А. Смирнова и въ нѣкоторыхъ другихъ издачіяхъ. Тамъ не менѣе печатаемъ это стихотвореніе въ его вѣрнѣйшемъ спискѣ, руки самого автора.

Лубочный театр.

Comptable de l'ennui, dont sa Muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme?

(Gilbert ').

Эй! Господа!

Сюда! Сюда!!

Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тема у насъ okazji разныхъ:
Есть дикій человекъ, бешуная мадамъ,
Взойдите къ намъ!

Добро пожаловать, кто баринъ тароватый,
Извольте видѣть — вотъ
Рогатый — не рогатый

И всякій скоть:

Вотъ вамъ Михайло Москипъ ²⁾

Вотъ несъ его причеть:

Княгини и

Бняжны,

Князь Фольгипъ и

Князь Блѣскипъ.

Они хоть не смѣшны, да самъ за то ужъ опъ
Куда смѣшновъ!

Водится съ нимъ ей-Богу праздникъ.

Вотъ вамъ его Проказникъ ³⁾

Спроказилъ онъ целовко — разъ упалъ

Да и не всталъ.

Но авторъ таковымъ примѣромъ

Не наученъ — грѣшитъ передъ партеромъ,

Проказитъ до сихъ поръ:

Что видитъ и что слышетъ,

Онъ обо всемъ исправно вздоръ

И говоритъ, и пишетъ.

Вотъ Богатовъ ⁴⁾ вамъ — особенно онъ милъ,

Богатъ чужимъ добромъ — все крадетъ, что паходитъ;

Съ Тран жирна ⁵⁾ кафтанъ стащилъ,

Да въ немъ в ходять.

¹⁾ Кто Музою своей зѣвоту нагоняетъ,
Зачѣмъ отыликинулся, коль имя онъ скрываетъ?

Таковъ въ вольномъ переводѣ смыслъ эпиграфа, авторомъ не переведеннаго

Ред.

²⁾ Во всѣхъ спискахъ: «Вотъ господинъ Загоскипъ».

Ред.

³⁾ Первая комедія Загоскина, игранная въ 1815 г. (См. «Лѣтопись Русскаго Театра», г. П. Арапова, стр. 244).

Ред.

⁴⁾ Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Играна въ первый разъ въ Слб. 27-го іюня 1817 г съ большимъ успѣхомъ. (См. «Лѣтопись Русскаго Театра», стр. 254).

⁵⁾ Одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи кня Шаховскаго: «Полубарскія затѣи».

Ред.

А свѣтскій товъ,
 Не только онъ,
 И вся его бесѣда —
 Переняла у Буйнаго Сосѣда.¹⁾
 Что вы? неужь-то по домамъ?
 Ужь надоѣло вамъ?
 И кстатя-ль?²⁾
 Вотъ Моськинъ-Наблюдатель.³⁾
 А вотъ другой чудакъ⁴⁾... съ нимъ вѣчный состязатель.
 Одинъ напишетъ вздоръ,
 Другой на то разборъ,
 А разобрать труднѣе,
 Кто изъ двоихъ глупѣе?...
 Что вы смѣтаете, господа?
 Писцу насмѣшка не бѣда.
 Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
 Да ужъ давно махнулъ рукою;
 Махнулъ перомъ, отдалъ сыграть,
 А вы пожалуй разсуждайте,
 Махнулъ перомъ, отдалъ въ печать,
 А вы — чтайте.

16-го октября 1817 года.

Грибоѣдовъ.

При всемъ желаніи автора эти стихи не были въ свое время напечатаны, но Грибоѣдовъ распространилъ ихъ самъ во множествѣ списковъ.

Тотъ же 1817 годъ былъ ознаменованъ въ жизни Грибоѣдова двумя событіями: его знакомствомъ съ Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ и А. С. Пушкинымъ, и дуэлью, въ которой будущій авторъ «Горя отъ ума» принялъ участіе въ качествѣ секунданта и даже чуть ни дѣйствующаго лица.

Кюхельбекеръ всей душой любилъ Грибоѣдова и благоговѣлъ передъ нимъ.⁵⁾ Пушкинъ, съ первой встрѣчи съ Грибоѣдовымъ, по достоинству оцѣнилъ его свѣтлый умъ и дарованія, понялъ его характеръ и, при всемъ томъ, эти два даровитые писателя не сошлись близко. Тѣмъ не менѣе, никого нещадившій

¹⁾ Извѣстная рукописная поэма «Опасный Сосѣдъ», соч. В. Л. Пушкина.
Ред.

²⁾ Приемъ повторенная и въ «Горѣ отъ ума» въ первомъ монологѣ Загорѣцкаго.
Ред.

³⁾ Во всѣхъ спискахъ: «Загоскинъ-Наблюдатель». Намекъ на его журналъ.

⁴⁾ Въ рукописяхъ: «Вотъ Смыкъ Отечества».

⁵⁾ Они особенно тѣсно подружились во время службы В. К. Кюхельбекера въ Тифлисѣ при А. П. Ермоловѣ въ 1822 г.

для краснаго словца, Пушкинъ никогда не затрогивалъ Грибоѣдова; встрѣчаясь въ обществѣ, они размѣнивались шутками, остротами, но не сходились столь коротко, какъ, повидимому, должны были бы сойтись два одинаково талантливые, умные и образованные человѣка.

Дуэль, о которой мы упомянули, хотя и не повредила Грибоѣдову въ его общественномъ положеніи, однако, имѣла немаловажно вліяніе на его участь.

Грибоѣдовъ жилъ на одной квартирѣ со своимъ добрымъ пріателемъ, товарищемъ С. Н. Бѣгичева,—графомъ Александромъ Петровичемъ Завадовскимъ.¹⁾ Графъ ухаживалъ тогда за знаменитой танцовщицей Истоминой, счастливымъ обожателемъ которой былъ молодой кавалергардъ Василій Александровичъ Шереметевъ. Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ Истоминой, часто встрѣчалъ ее у князя Шаховскаго, бывалъ у нея въ домѣ, любилъ ее за талантъ, но никогда не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ. Какъ-то вздумалось ему пригласить ее къ себѣ, послѣ спектакля, пить чай. Истомина согласилась; но, опасаясь возбудить подозрѣнія въ ревнивомъ Шереметевѣ, предложила Грибоѣдову подождать ее съ саними у Гостиного двора, къ которому общала подъѣхать въ казенной театральной каретѣ. Все было исполнено согласно ея желанію: изъ кареты она пересѣла въ сани Грибоѣдова и поѣхала къ нему. Шереметевъ, однако, слѣдилъ за ними; онъ видѣлъ, какъ Грибоѣдовъ и Истомина доѣхали до квартиры графа Завадовскаго и этого было достаточно. Пріятель Шереметева — ѹланскій штабъ-ротмистръ Александръ Ивановичъ Якубовичъ (впослѣдствіи декабристъ), записной театраль, шалунъ и забіяка, посоветовалъ ему вызвать на дуэль Грибоѣдова, общая, въ свою очередь, стрѣляться съ Завадовскимъ. Тогда дуэли были въ ходу и гвардейцы александровской эпохи частенько обмѣнивались пистолетными выстрѣлами. Шереметевъ вызвалъ Грибоѣдова; послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, предложилъ только

¹⁾ Графъ Александръ Петровичъ скончался лѣтъ десять тому назадъ. Это былъ добрѣйшій и благородѣйшій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, не смотря на многія свои чудачества. Съ него Грибоѣдовъ списалъ своего князь Григорія:

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моригъ.

«Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка!»

помѣняться мѣстами, т. е., чтобы ему, Грибоѣдову, стрѣляться съ Якубовичемъ, а Заводовскому—съ Шереметевымъ. Эта двойная дуэль состоялась — и при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Противники должны были сходитьса на шесть шаговъ, при барьерѣ въ восемнадцать. Секундантами были: докторъ Іонъ и гусаръ Каверинъ — извѣстный кутила, незабытый Пушкинымъ въ его «Онѣгинѣ». ¹⁾ Первая очередь была предоставлена Заводовскому и Шереметеву: оба они отлично стрѣляли, но Шереметевъ выстрѣлилъ, не давъ своему противнику дойти до барьера. Пуля оторвала край воротника у сюртука Заводовскаго.

— «А!» произнесъ графъ, «тавъ онъ хотѣлъ убить меня... Къ барьеру!» ²⁾

Секунданты, предвидя кровавую развязку, стали уговаривать графа пощадить жизнь противника. Заводовскій готовъ былъ уступить ихъ просьбамъ, намѣреваясь только слегка ранить Шереметева, но послѣдній, забывъ всѣ условныя приличія дуэли, крикнулъ, что Заводовскій долженъ его убить, если самъ, рано или поздно, не хочетъ быть имъ убитымъ. Графъ выстрѣлилъ: Шереметевъ упалъ; пуля прошла ему чрезъ животъ и засѣла въ лѣвомъ боку. Якубовичъ извинился передъ Грибоѣдовымъ, предложивъ ему отсрочить ихъ дуэль до благопріятнѣйшаго времени... Она состоялась въ Тифлисѣ осенью слѣдующаго года.

Послѣ трехдневныхъ страданій, Шереметевъ умеръ. Отецъ его просилъ императора Александра Павловича не подвергать участниковъ дуэли взысканію. Государь принялъ во вниманіе его просьбу и виновные подверглись, относительно говоря, весьма легкому наказанію: графъ Заводовскій былъ высланъ за границу, Якубовичъ изъ лейбъ-улановъ переведенъ на Кавказъ, въ драгунскій полкъ; Грибоѣдовъ не подвергся даже выговору. Но ему нелегко было примириться съ собственной совѣстью, долгое время не дававшей покоя. Онъ писалъ Бѣгичеву въ Москву, что на него напала ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собою смертельно раненнаго Шереметева; что, наконецъ, пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимо. Знакомый

¹⁾ «Евгеніи Онѣгинъ», глава первая, строфа XVI:

Къ Talon помчался; онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ.

²⁾ Ah, il en voulait à ma vie... à la barrière!

съ Грибоѣдовымъ Мазаровичъ, тогда повѣренный Россіи въ дѣлахъ въ Персіи, предложилъ Грибоѣдову, служившему при иностранной коллегіи, ѣхать съ собою въ качествѣ секретаря посольства. Грибоѣдовъ принялъ это предложеніе и 30-го августа 1818 года выѣхалъ изъ Петербурга.

III.

Прибывъ въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ видѣлся съ Ермоловымъ и встрѣтилъ Якубовича, съ которымъ и поспѣшилъ кончить отсроченные счета. Они стрѣлялись: Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки; вслѣдствіе чего у Грибоѣдова свело мизинецъ. Это увѣще, черезъ одинадцать лѣтъ, помогло узнать трупъ Грибоѣдова въ грудѣ прочихъ, изрубленныхъ Тегеранскою чернью. Эта дуэль была послѣдней данью, которую Грибоѣдовъ заплатилъ молодости. Въ томъ же самомъ Тифлисѣ ему суждено было найти и подругу жизни—и могилу.

Ермоловъ, бывшій тогда на вершинѣ своего могущества, нѣсколько времени сердился на Якубовича и на Грибоѣдова; потомъ смѣнилъ гнѣвъ на ласку и, прощаясь съ Грибоѣдовымъ, называлъ его «повѣсою, но со всѣмъ тѣмъ прекраснымъ человекомъ».

Судя по путевымъ запискамъ, которыя велъ Грибоѣдовъ до самаго Тегерана,¹⁾ хваленый востокъ не произвелъ на него обаятельнаго, вдохновляющаго впечатлѣнія. Юноша годами, мужъ умомъ и сердцемъ, Грибоѣдовъ уже смотрѣлъ на окружающую его природу безъ поэтическаго увлеченія, безъ восторговъ, безъ ослѣпленія лицевой стороною восточной жизни—этой пестрой смѣси грязи и золота, роскоши и нищеты, нѣги и истязаній. Его путевыя замѣтки писаны отрывисто, нѣ-скоро, но Грибоѣдовскимъ перомъ: немногими словами онъ нерѣдко высказываетъ многое.

Въ Тегеранъ Грибоѣдовъ прибылъ 8-го марта 1819 года, и черезъ три мѣсяца переселился въ Тавризъ. Прилежно занимаясь

¹⁾ Отрывки, сохранившіеся въ рукописи, были напечатаны Д. А. Смирновымъ въ «Русскомъ Словѣ»; имъ-же напечатана въ сборникѣ «Бесѣды въ Обществѣ Любителей россійской словесности» (Москва 1867) интересная статья о Грибоѣдовѣ, въ защиту его отъ обвиненій партизана Дениса Давыдова по поводу отношеній Грибоѣдова къ Ермолову.

изученіемъ Персидскаго языка, онъ, помимо исполненія служебныхъ своихъ обязанностей, единственно по влеченію добраго своего сердца, обратилъ вниманіе на освобожденіе русскихъ плѣнныхъ и на переселеніе ихъ въ Россію вмѣстѣ съ бѣглецами, проживавшими во владѣніяхъ Фетхъ-Али-шаха еще со времени первой кампаніи 1803 года. Само собою разумѣется, что въ челоуѣколюбивомъ своемъ намѣреніи онъ встрѣтилъ затрудненія и препятствія. Вѣроломная персидская политика не стѣснялась никакими средствами, чтобы удержать плѣнныхъ. По приказанію Наибъ-Султана (сына Фетхъ-Али-шаха), для возмущенія народа противъ русской миссіи пущены были въ ходъ подметныя письма; плѣнныхъ, изъявившихъ согласіе возвратиться въ Россію, подвергали истязаніямъ; подкупали, чтобы они оставались; запугивали ихъ разсказами о наказаніяхъ, будто бы ожидающихъ ихъ на родинѣ и т. д. Трудно было Грибовдову бороться съ цѣлою массою происковъ, но сила воли его не ослабѣвала.... «Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ», писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, будто подъ наитіемъ пророческаго вдохновенія. Преодолевъ всѣ преграды, онъ достигъ, однако, своей цѣли: множество плѣнныхъ было переселено въ Россію; ненависть Персидскаго правительства затихла и черезъ два года Грибовдовъ уже пользовался пріязнью Аббаса-Мирзы, сына и наследника Фетхъ-Али-шаха.

Ровно три года Грибовдовъ провелъ въ Персіи. Языкъ этой страны онъ изучилъ въ совершенствѣ; ознакомился съ нравами и обычаями этого края, изучилъ и характеръ народный, основами котораго издревле были жестокость, коварство и вѣроломство. Характеръ самого Грибовдова сложился окончательно въ эти три года: по прежнему добрый, но нервный, раздражительный, онъ утратилъ юношескую веселость и беззаботность. Образъ жизни его былъ воздерженъ и скромнень: онъ не давалъ лишней воли страстямъ и единственной его слабостью можно было назвать развѣ только его любовь къ лакомствамъ, на которыя такъ изобрѣтателенъ востокъ. Въ томъ убѣжденіи, что званіе секретаря посольства обязываетъ его жить, до нѣкоторой степени, роскошно, особенно при дворѣ шаха, при которомъ пышность служить мѣриломъ знатности, — Грибовдовъ держалъ многочисленную прислугу. Обхожденіе его съ нею было вообще ласковое и

снисходительное; изъ всей прислуги особеннымъ расположеніемъ пользовались его молочный братъ Александръ Грибовъ и нѣкто Амліхъ—дядьва Грибоѣдова, всей душою къ нему привязанный. Рассказывая о пребываніи Грибоѣдова въ Персіи, нельзя умолчать о томъ странномъ событіи въ его жизни, о которомъ онъ рассказалъ самъ въ своихъ «Запискахъ».

Какъ-то лѣтомъ 1821 года, утомленный знюемъ, онъ заснулъ въ садовомъ кіоскѣ. Снилось ему, будто онъ на родинѣ, въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ новой, имъ написанной, комедіи и читаетъ изъ нея отрывки. Тотчасъ по пробужденіи, Грибоѣдовъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ загадочной грезы, записалъ сюжетъ и набросалъ первыя сцены приснившейся ему комедіи. Такъ, по собственному его сознанию, родилась въ Грибоѣдовѣ мысль написать «Горе отъ ума». Онъ прилежно занялся ею и комедія была окончена въ слѣдующемъ же году въ Тифлисѣ.

Служебные труды Грибоѣдова обратили на него вниманіе правительства. 3-го января 1822 года онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, получивъ разрѣшеніе носить орденъ Льва и Солнца 2-й степени, пожалованный ему Персидскимъ шахомъ. Въ февралѣ, согласно желанію, Грибоѣдовъ былъ уволенъ отъ должности при миссіи съ назначеніемъ состоять по дипломатической части при А. П. Ермоловѣ. Вполнѣ довольный своимъ назначеніемъ, онъ отправился въ Тифлисъ и пробылъ здѣсь до марта 1823 года; затѣмъ получилъ четырехмѣсячный отпускъ въ Москву и Петербургъ. Въ Тифлисѣ, помимо служебныхъ обязанностей, Грибоѣдовъ занялся окончаніемъ и отдѣлкою своей комедіи: исправлялъ дѣлыя сцены, дополнял и сокращалъ ихъ; обдѣлывалъ свои дивныя стихи, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи вошли въ пословицы, распространенныя по всей Россіи.

Какого мнѣнія былъ самъ Грибоѣдовъ о своемъ образцовомъ произведеніи: могъ-ли онъ не сознавать достоинствъ и красоту, превосходящихъ слабыя стороны безсмертной комедіи? Отвѣтъ на эти вопросы находимъ въ слѣдующемъ его письмѣ къ П. А. Катенину. Подлинникъ этого письма, въ числѣ нѣсколькихъ любопытныхъ автографовъ, подаренъ П. А. Каратыгину покойнымъ Александромъ Андреевичемъ Катенинымъ, двоюроднымъ братомъ Павла Александровича. Шестъ лѣтъ тому назадъ оно было напечатано въ одномъ, весьма мало распространенномъ журналѣ,

а потому не обратило на себя никакого вниманія ни публики, ни рецензентовъ. Вотъ это письмо.

• Умильшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ! Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь-ли, какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день, и у огонька моей печки полсутки пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Превжніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно!... Критика твоя, хотя и жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ (однако) истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей. Не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ-ли мнѣ въ ихъ мнѣніи? Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ: мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка, сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, чтобы умъ у насъ, грѣшныхъ, былъ обыкновененъ; нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчій съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за чѣмъ онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ,—и это порокъ: «шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ!» Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ: что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей, замѣтной черты! Его насмѣшки незвѣтельны, куда его не взбѣсятъ, но все-таки: «не человѣкъ! змѣя!» а послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули, предается анаемѣ: «унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!» Не терпитъ подлости: «Ахъ! Боже мой, онъ карбонари!» Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь ¹⁾ тоже разочарована на счетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого? «Сцены связаны произ-

¹⁾ Такъ, вѣроятно, Грибовдовъ въ своемъ письмѣ назвалъ Софью Павловну. Ферзь — жевская фигурка въ шахматахъ.

вольно.¹⁾ Такъ же какъ и въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе увлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ, а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раздѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «Характеры портретны».²⁾ Да! я коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе его; портреты, и только портреты, входятъ въ составъ комедіи и трагедіи, въ нихъ, однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли что выдумаешь, я позаимую отъ тебя съ благодарностію. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc., etc., etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальнію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: «Мѣщанинъ во дворянствѣ», «Мнимый больной» — портреты, и превосходные; «Скупецъ» — Антропосъ собственной фабрики, и несносенъ.

«Дарованія болѣе, нежели искусства».³⁾ Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, не знаю, стою-ли ее? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, приобрѣтеннаго потомъ и содѣйствіемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е., дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше-ли вовсе безъ хитростей? *nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно».

Въ продолженіе вышеупомянутыхъ трехъ лѣтъ, проведенныхъ

¹⁾ Вѣроятно, по замѣчанію Катенина.

²⁾ Тоже.

³⁾ Слова Катенина

Грибовдовымъ вдали отъ родныхъ и друзей, онъ велъ съ ними исправную переписку, которая особенно развилась въ бытность его въ Тифлисѣ. Изъ числа неизданныхъ писемъ, относящихся къ этому времени, приводимъ слѣдующее, написанное къ В. К. Кюхельбекеру ¹⁾ и любопытное во многихъ отношеніяхъ:

Тифлисъ, 1-го октября 822 г. (начало письма).

«Любезный Вильгельмъ! Пеняй на мою лѣнь и правъ будешь. Дивлюсь, коли сохранилъ ты ко мнѣ хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойнымъ. Сколько времени утекло! Сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо изъ Харькова, объ которомъ ты упоминаешь, до меня не дошло, слѣдовательно, благодарю не читавши.

«Изъ послѣдняго, отъ 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругомъ пошла. На которую памѣтилъ неудачно? Назови А я, въ отраду, научу тебя преданію изъ книги, прежде всѣхъ вѣкъ изданной. Эрутъ и Мерутъ были два ангела, ниспосланные Богомъ для отвращенія человѣковъ отъ соблазновъ любви. Тогда же долу спустилась планета Венера (*о n j*) въ лицѣ жены прелестной. Послы Господни ее увидѣли, смутились въ сердцахъ своихъ, къ ней прилѣпились всею силою чувства..... какъ вдругъ, взвилась она высоко отъ желателей и воспріяла свое мѣсто въ тѣлахъ небесныхъ. Два ангела — вслѣдъ за нею, но охватили мракъ и пустоту. Вымыселъ стоитъ Иксионова, а тебѣ дано ихъ обоихъ оправдать своими опытами.

«Согласись, мой другъ, что утративши теплое мѣсто въ Тифлисѣ, гдѣ мы обогрѣвали тебя дружбою, какъ умѣли, ты многого лишился для своего спокойствія. По крайней мѣрѣ, здѣсь не столько было искушеній: женщины у насъ, коли поблаговиднѣе, укрыты плотностію чадера, а нашихъ одноземоковъ природа не вооружила черными волшебствами, которыя души губятъ: любезностію и красотою. Ей Богу, тебѣ здѣсь хорошо было для себя. А для меня?... Теперь, въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю

¹⁾ Это письмо, вмѣстѣ со многими другими бумагами и записками В. К. Кюхельбекера, предоставлено въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» его дочерью Ю. В. Косовой и племянницей А. Г. Глядкою. Ред.

изрѣдка свое, или чужое; а людямъ — ничего; некому. Кабы могъ я предложить тебѣ нельстивыя надежды, силою бы вызвалъ обратно. Этому не сбыться; хочешь-ли покуда слышать о пріятеляхъ обоего пола?

«Гр. Симоночъ женился на хорошенькой княгинѣ Аннѣ Атаровиѣ. Грека, рыцаря промышленности, выгнали отъ Ахвердовыхъ и я при этомъ острацизмъ былъ очень дѣятеленъ.

«Генеральша Крабе по прежнему родить дѣтей, какъ печатаетъ.

«Умерли: Наумъ, Юргенсонъ и Мишхарбатъ Бебутовъ, Шпренгель, etc., etc.

«Только что было росписался, повѣстили мнѣ объ отъѣздѣ съ г. Клендсъ въ Кахетію; это третье путешествіе съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.....

Январь, 823 г. (окончаніе письма).

«И сколько разъ потомъ я еще куда-то ѣздила. Цѣлые мѣсяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись въ мучительной долготѣ. Оставляю начатыя строки въ свидѣтельство, что не теперь только ты присутственъ въ моихъ мысляхъ.

«Однако, куда дѣвалось то, что мнѣ душу наполняло какою-то спокойною ясностію, когда, напитанный древними сказаніями, я терялся въ развалинахъ Бердъ, Шамхора и въ памятникахъ Арабовъ, въ Шемахѣ? Это было во время рамазана, и послѣ, съ тѣхъ поръ, налегла на меня необъяснимая мрачность. А. П.¹⁾ смѣялся; другіе—тоже, и напрасно. Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ! помяни Амлиха, вѣрнаго моего спутника въ теченіи 15-ти лѣтъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Потомъ Щербаковъ пріѣхалъ изъ Персіи и страдалъ на рукахъ у меня; вышелъ я на нѣсколько часовъ, вернулся: его уже въ гробъ вляли. Кого еще скоситъ смерть изъ пріятелей и знакомыхъ? А весною, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлаго года зимній холодъ остановилъ на нашей границѣ. Трезвые умы,—Коцебу, напримѣръ,—обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ-будто я самъ боюсь въ землю лечь, другихъ жаль сторично пуще себя! Ахъ, эти, избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ etc., etc. Переселилъ

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

бы я ихъ въ современность моей души: для нея ничего нѣтъ чужаго, — страдаетъ болѣзнію ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи; чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ!

«Сокращу печальныя мои выходы; а все легче, когда этакъ распишешься!

«Объявляю тебѣ отъѣздъ мой за тридевять земель, словно на мнѣ отягчѣло пророчество: И будетъ ти всякое мѣсто въ движеніе.

Пиши ко мнѣ въ Москву, на Новинской площади, въ мой домъ. А тамъ, авось-ли еще хуже будетъ! Давеча, на примѣръ, приносили шубы на выборъ: я, года четыре, совсѣмъ позабылъ объ нихъ. Но какъ же безъ того отважиться въ любезное Отечество! Тяжелыя. Плечи къ землѣ гнетутъ. Точно трупы, запахомъ заражаютъ комнату всякія лисицы, чекалки, волки... И вотъ первый искусъ желающимъ въ Россію: надобно непременно растерзать звѣря и окутаться его кожею, чтобъ потомъ роскошно черпать отечественный студеный воздухъ! Прощай мой другъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Портретъ А. С. Грибоѣдова.

Считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о приложенномъ при настоящей книгѣ „Русской Старинѣ“ портретѣ А. С. Грибоѣдова.

Оригиналъ принадлежитъ г. Третьякову и находится въ его портретной галлерей въ Москвѣ; писанъ онъ талантливымъ художникомъ, академикомъ Иваномъ Николаевичемъ Крамскимъ. Пересмотрѣвъ и сличивъ между собою всѣ гравированные портреты Грибоѣдова, г. Крамской призналъ вполне необходимымъ остановиться на литографированномъ портретѣ, приложенномъ къ изданному Е. Серчевскимъ „Собранію сочиненій Грибоѣдова“, какъ наиболѣе удовлетворительномъ его изображеніи, снятомъ съ акварели, рисованной на память артистомъ П. А. Каратыгинымъ.

Слививъ съ этой литографіей еще миниатюрный портретъ на слоновой кости, снятый П. А. Каратыгинымъ съ Грибоѣдова, художникъ на основаніи этихъ данныхъ превосходно исполненнымъ произведеніемъ постарался разрѣшить задачу трудную — написать первый, дѣйствительно схожій портретъ автора „Горя отъ ума“.

Руководствуясь изустнымъ разсказомъ П. А. Каратыгина о наружности Грибоѣдова, г. Крамской писалъ какъ-бы „подъ диктовку“ и воскресилъ талантливою кистью наружность славнаго писателя. Желая затѣмъ провѣрить себя и убѣдиться, дѣйствительно-ли ему удалось уловить сходство, цвѣтъ и выраженіе лица поэта, художникъ показывалъ портретъ, еще на мольбертѣ, нѣкоторымъ особамъ, лично знавшимъ Грибоѣдова, и всѣ они были поражены удивительнымъ сходствомъ и тѣмъ выраженіемъ ума и граціи, которымъ дышали черты Грибоѣдова.

Долгомъ себѣ поставляемъ выразить Ивану Николаевичу Крамскому глубокую признательность за сообщеніе редакціи большой фотографической копіи съ его мастерскаго произведенія.

Копія въ уменьшенномъ видѣ, по формату „Русской Старинѣ“, исполнена извѣстнымъ фотографомъ С. Л. Левицкимъ. Портретъ рисованъ на деревѣ К. О. Брожемъ, гравировалъ его академикъ граверъ Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣряковъ.

Ред.

ВАЛЕРИКЪ.

(Сообщилъ П. А. Ефремовъ, по подлинной рукописи).

«Валерикъ» написанъ поэтомъ въ 1841 г., т. е., въ послѣдній годъ его жизни. Принадлежа къ числу позднѣйшихъ, «Валерикъ» относится къ группѣ совершеннѣйшихъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію, произведеній гениальнаго поэта. Тѣмъ прискорбило то, что во всѣхъ изданіяхъ соч. Лермонтова, не исключая и послѣдняго (1873 г., т. I, стр. 141—147), «Валерикъ» печатался по спискамъ не вполнѣ исправнымъ, съ погрѣшностями, довольно существенными по отношенію къ произведенію такого поэта, каждый стихъ, каждый образъ, выраженіе, слово котораго должны бы быть переданы съ буквальной точностью... Вотъ почему розысканіе почтеннымъ библіографомъ нашимъ П. А. Ефремовымъ (ему же принадлеж. ред. лучшихъ собраній сочиненій Лермонтова) подлинника стихотворенія «Валерика», т. е. списка руки самого поэта и затѣмъ внимательное воспроизведеніе этого подлинника, по словенію съ тѣмъ, что было до сихъ поръ печатаемо подъ названіемъ этой пьесы, есть интересный вкладъ въ сокровищницу исторіи отечественной литературы и драгоценныя страницы для будущаго изданія собранія стихотвореній М. Ю. Лермонтова. Ред.

Извѣстно, что автографы замѣчательнѣйшихъ изъ русскихъ писателей, къ счастью, сохранились въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ; но также извѣстно, что всѣ они разсѣяны отрывочными, безсвязными группами по частнымъ и общественнымъ книгохранилищамъ. Чтобъ недалеко ходить за примѣромъ, укажу на подлинныя рукописи Лермонтова: значительная часть ихъ хранится у А. А. Краевского и у Б. Н. Чичерина; есть доля и у меня, а также по одному, по два стихотворенія у нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ лицъ, не говоря ужъ о родственникахъ поэта, гдѣ внезапно отыскиваются цѣлыя тетради сочиненій и ряды писемъ Михаила Юрьевича. Независимо отъ этихъ частныхъ собраній можно встрѣтить много рукописей Лермонтова въ Публичной Библіотекѣ, въ Чертковской и въ Московскомъ Музеѣ. Нѣтъ надобности говорить, что частныя собранія почти недоступны

постороннему лицу и раскрываются для него только благодаря какой-нибудь счастливой случайности. Немногимъ лучше и съ общественными хранилищами, ибо по недостатку въ нихъ описей и каталоговъ, можетъ быть и имѣющихся тамъ въ рукописяхъ, но недоступныхъ для публики, нельзя даже приблизительно опредѣлить: гдѣ именно и что именно слѣдуетъ искать. Я на опытѣ испыталъ это при редактированіи послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова (Спб. 1873 г.): гдѣ что-нибудь спросишь, то и даютъ, и никакъ не укажутъ, что тутъ же хранится кое-что неизвѣстное просителю, чего поэтому онъ и спросить не можетъ. Именно такимъ образомъ я прошелъ мимо одной рукописи, не подозрѣвая существованія ея въ томъ самомъ хранилищѣ, гдѣ занимался. Рукописи Чертковской библіотеки попали мнѣ уже по отпечатаніи 1-го тома и тоже благодаря случайному разговору. Рукопись „повѣсти“, напечатанной послѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, была мнѣ только показана, но я не могъ дознаться: къ кому надо обратиться за полученіемъ ея для пользованія — такъ и слѣдовъ не нашелъ, до появленія ея въ печати.

Между тѣмъ ближайшее знакомство съ подлинными рукописями до того важно при новыхъ изданіяхъ, что и распространяться объ этомъ излишне, ибо кому неизвѣстно, что прежде многое печаталось съ измѣненіями не только цензурными, но и сдѣланными малограмотными издателями и (что хуже) даже друзьями писателя, неразбравшими хорошо его рукописей или произвольно исправлявшими его труды. Такихъ примѣровъ приведено достаточное количество въ примѣчаніяхъ къ изданію сочиненій Лермонтова 1873 г., особенно при такъ-называемыхъ „посмертныхъ“ произведеніяхъ. Недавно въ Московскій Музей поступила рукопись 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“, напечатанная г. Кулишемъ въ его изданіи сочиненій Гоголя дважды: по первоначальному списку, почти скрывшемуся подъ множествомъ поправокъ и потомъ съ этими поправками. Оказывается, однако, по заявленію Музея, напечатанному недавно въ „Голосѣ“ (1874 г.), что оба печатныхъ текста страдаютъ неточностями и ошибками, которыхъ за недоступностью рукописи, конечно, невозможно было исправить послѣдующимъ издателямъ. Рукописи Пушкина также требуютъ тщательнаго пересмотра, а между тѣмъ онѣ разсыпаны по такому множеству рукъ, что не достанетъ силъ и времени у одного человѣка прослѣдить за ними. Я. К. Гротъ, напримѣръ, недавно напечаталъ въ „Складчинѣ“ два письма Пушкина къ Гнѣдичу и не предполагалъ (иначе указалъ бы), что начало и конецъ этой переписки, имѣющіе связь съ обнародованными имъ письмами, уже были напечатаны мною въ № 1 „Современнаго Обозрѣнія“ Тиблена (1868 г.); а я съ своей

стороны, конечно, тогда не могъ и подозрѣвать, что два письма изъ цѣлаго ряда писемъ въ одному и тому же лицу сохранились не въ тѣхъ рукахъ, откуда я получилъ свое собраніе.

Всѣмъ приведеннымъ неудобствамъ хотя отчасти могли бы пособить наши общественныя книгохранилища, если бы отказались отъ суетнаго желанія — непременно имѣть у себя автографы всѣхъ русскихъ писателей (иногда просто — ради почерка), а передавали бы другъ другу или въ одно хранилище всѣ попадающія въ нихъ автографы одного писателя, если ужъ нельзя никакъ устроить, чтобы всѣ безъ исключенія автографы собирались только въ одномъ хранилищѣ. Тогда, по крайней мѣрѣ, Пушкина ужъ искали бы исключительно въ одной, на примѣръ, Публичной Библиотекѣ, Лермонтова — въ Московскомъ Музеѣ, Гоголя — въ Нѣжинскомъ лицей и т. п., не бросаясь на удачу по разнымъ мѣстамъ и не странствуя, на примѣръ, въ Петербургѣ между Публичною и Академическою библиотечками для сличенія рукописей Д. И. Фонъ-Визина или кн. Кантемира, какъ это было со мною.

Это предисловіе я счелъ нужнымъ предпослать нынѣшнему печатанію „Валерика“. При изданіи сочиненій Лермонтова 1873 г., я тщетно искалъ подлинной рукописи въ общественныхъ и частныхъ хранилищахъ; а найти ее было нужно, потому что „Валерикъ“ былъ напечатанъ уже послѣ смерти Лермонтова и съ такими странными ошибками, которыя невольно бросались въ глаза, не говоря уже о пропускѣ цѣлыхъ стиховъ, такъ какъ многіе изъ напечатанныхъ оставались безъ рифмующихъ съ ними. Въ одномъ изъ альбомовъ поэта я нашелъ только два стиха, набросанныхъ на-черно, изъ которыхъ одинъ былъ искаженъ въ печати, а другой вовсе пропущенъ. Затѣмъ уже по смыслу, не имѣя рукописи, я рѣшился сдѣлать поправку въ четырехъ мѣстахъ и теперь оказывается, что въ двухъ я совершенно угадалъ лермонтовскій подлинникъ, въ одномъ — исправивъ слово, тоже какъ оказывается согласно рукописи, а не доправивъ другаго, искаженнаго печатью, и въ одномъ немного ошибся, измѣнивъ окончаніе прилагательнаго и передвинувъ точку на два слова впередъ, тогда какъ по рукописи оказывается, что надо было передвинуть на одно слово, оставивъ указанное прилагательное передъ точкою. Изъ недостававшихъ, по моему мнѣнію, трехъ пропусковъ, въ рукописи нашлось три съ половиною стиха взаимно двухъ и одного искаженнаго, но третьяго не оказалось. Точно также указанное мною въ примѣчаніи видимое искаженіе одного мѣста отчасти подтвердилось рукописью. Все это подробно означено мною далѣе въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію. (Изд. 1873 г., т. I, стр. 373—374, прим. 31).

Теперь слова два о рукописи. Уже долго спустя по отпечатаніи изданія 1873 г., я узналъ отъ А. Е. Викторова, что въ Московскій Музей поступилъ черновой и, вѣроятно, единственный набросокъ „Валерика“, сдѣланный рукою Лермонтова. По моей просьбѣ, г. Викторъ доставилъ мнѣ точнѣйшую копію съ этого стихотворенія, сдѣланную И. Д. Бердниковымъ, со всѣми измѣненіями и поправками на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и у Лермонтова. Мнѣ оставалось только свести и возстановить подлинный текстъ по незачеркнутымъ стихамъ, часть поправокъ отнести въ примѣчанія и сопоставить все это съ прежнимъ печатнымъ текстомъ. Оказалось, что еще многіе стихи напечатаны были невѣрно, какъ читатели увидятъ ниже.

Помѣщаемъ на страницахъ „Русской Старины“ правильный текстъ стихотворенія „Валерикъ“, неизмѣняющаго, впрочемъ, въ рукописи никакого заглавія.

П. Е.

Валерикъ.

Я къ вамъ пишу случайно; право, ¹⁾
 Не знаю какъ и для чего.
 Я потерялъ ужъ это право. ²⁾
 И что скажу вамъ? — ничего!
 Что помню васъ?... Но, Боже правый!
 Вы это знаете давно.
 И вамъ, конечно, все равно. ³⁾
 И знать вамъ также вѣту нужды,
 Гдѣ я? что я? въ какой глуши?
 Душою мнѣ другъ другу чужды, ⁴⁾
 Да врядъ-ли есть родство души!
 Страницы прошлаго читая,
 Ихъ по порядку разбирая ⁵⁾
 Теперь остинувшимъ умомъ,
 Разувѣряюсь я во всемъ.
 Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
 Передъ собою столько лѣтъ: ⁶⁾
 Добро-бъ, еще морочить свѣтъ!
 Да и притомъ, что пользы вѣрить
 Тому, чего ужъ больше нѣтъ?...
 Безумно ждать любви заочной? ⁷⁾
 Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ;
 Но я васъ помню — да и точно,
 Я васъ никакъ забыть не могъ! ⁸⁾
 Во-первыхъ, потому что много
 И долго, долго васъ любилъ,
 Потомъ страдаемъ и тревогой

За дни блаженства заплатилъ;
 Потому въ раскаяннѣ-безплодномъ
 Влечидь я цѣль тяжелыхъ лѣтъ, ⁹⁾
 И размышленіемъ холоднымъ
 Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ... ¹⁰⁾
 Съ людьми сближаясь осторожно,
 Забылъ я шумъ молодыхъ проказъ,
 Любовь, поэзію — но насъ
 • Забыть мнѣ было невозможно.
 И къ мысли этой я привыкъ,
 Мой крестъ несу я безъ роптанья,
 То иль другое наказанье? ¹¹⁾
 Не все-ль одно. Я жизнь постигъ.
 Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
 За все я ровно благодаренъ; ¹²⁾
 У Бога счастья не прошу
 И молча зло переношу:
 Быть можетъ, небеса Востока
 Меня съ ученьемъ ихъ пророка
 Неволью сблизили. Притомъ
 И жизнь всечасно кочевая
 Труды, заботы ночь и днемъ, ¹³⁾
 Все, размышленію мѣшая,
 Приводить въ первобытный видъ
 Большую душу; сердце спитъ,
 Простора нѣтъ воображенію ¹⁴⁾
 И нѣтъ работы головѣ...
 За то лежишь въ густой травѣ
 И дремлешь... подъ широкой тѣнью ¹⁵⁾
 Чинарь иль виноградныхъ лозъ
 Кругомъ бѣлѣются палатки;
 Казачьи тощія лошади
 Стоять рядкомъ, повѣся носъ;
 У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга; ¹⁶⁾
 Едва дымятся фитили;
 Попарно цѣпь стоитъ вдали;
 Штыки горять подъ солнцемъ юга.
 Вотъ разговоръ о старинѣ
 Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
 Какъ при Ермоловѣ ходили
 Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ, ¹⁷⁾
 Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
 Какъ доставалось и намъ.
 И вижу я, неподалеку,
 У рѣчки, слѣдя пророку,
 Мирной татаринъ свой намазъ ¹⁸⁾
 Творить, не подымая глазъ;
 И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
 Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ

Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала²⁰⁾
Шальная пуля... славный звукъ...
Вотъ крикъ—я снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой!
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что? выучить?—«Что-же капитанъ?...»²¹⁾
«Повозки выдвигайте живо!»
«Савельичъ!...» — ой-ли? — «дай огниво!»
Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гудить музыка полковая,²²⁾
Между колоннами въѣзжалъ,
Звепять орудья; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ;²³⁾
Разсыпались въ широкое поле,
Какъ пчелы, съ глкомъ казаки;
Ужъ показались значки²⁴⁾
Тамъ на опушкѣ — два, и болѣ.
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ²⁵⁾
Въ черкескѣ красной ѣздить важно,²⁶⁾
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машеть, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?...
Сейчасъ... смотрите: въ шапкѣ черной²⁷⁾
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...²⁸⁾
«Эй вы, станичники, за нимъ!...»
«Что? раненъ? — Ничего! бездѣлка!...»
И завязалась перестрѣлка...²⁹⁾

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;³⁰⁾
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовались на нихъ
Безъ кроваваго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;³¹⁾
За то видалъ я представленья,
Какъ ихъ у васъ на сценѣ вѣтъ...

Разъ, — это было подъ Гехами,³²⁾
Мы проходили темный лѣсъ.

Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
 Лазурно-яркій сводъ небесъ. ³³⁾
 Намъ былъ общаеъ бой жестокой.
 Изъ горъ Ичкеріи далекой ³⁴⁾
 Уже въ Чечню на бранный зовъ
 Толпы стекались удалцовъ.
 Надъ дошотопными лѣсами
 Мелькали маяки кругомъ ³⁵⁾
 И дымъ ихъ то видся столбомъ,
 То разстиался облаками,
 И оживилися лѣса, ³⁶⁾
 Скликались дико голоса
 Подъ ихъ зелеными шатрами...
 Едва лишь выбрался обозъ
 Въ поляну, дѣло началось. ³⁷⁾
 Чу! въ аръбергартъ орудые просятъ;
 Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
 Вотъ тащутъ за ноги людей
 И кличутъ громко лекарей...
 И вотъ изъ лѣса, изъ опушки
 Вдругъ съ тикомъ кинулись на пушки... ³⁸⁾
 И градомъ пулъ съ вершинъ деревъ
 Отрядъ осыпанъ... впереди-же
 Все тихо... Тамъ между кустовъ
 Бѣжалъ потовъ; подходимъ ближе.
 Пустили нѣсколько гранатъ;
 Еще подвинулись... молчать...
 Но вотъ надъ бревнами завала
 Ружье какъ-будто заблестало, ³⁹⁾
 Потомъ мелькнуло шапки двѣ —
 И вновь все спряталось въ травѣ.
 То было грозное молчанье... ⁴⁰⁾
 Не долго длилось оно, ⁴¹⁾
 Но въ этомъ страшномъ ожиданьи
 Забилось сердце не одво.
 Вдругъ залпъ... глядимъ: лежать рядами.
 Что нужды? Здѣшніе поля
 Народъ испытанный... Въ штыки
 Дружиѣ! — раздалось за нами.
 Кровь загорѣлася въ груди!
 Всѣ офицеры впереди...
 Верхомъ помчался на завалы, ⁴²⁾
 Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
 Ура! — и смогло. — Вонъ кинжалы...
 Въ приклады... и пошла рѣзня. ⁴³⁾
 И два часа въ струяхъ потока
 Бой длился; рѣзались жестоко,
 Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь.
 Ручей тѣлами запрудили.

Хотѣлъ воды я зачерпнуть—⁴⁴⁾
 И зной, и битва-утомили
 Меня—но мутная волна
 Была тепла, была красна...

На берегу, подъ тѣнью дуба,
 Пройдя заваловъ первый рядъ, ⁴⁵⁾
 Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
 Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
 Казалось выраженье лицъ,
 Но слезы капали съ рѣсницъ, ⁴⁶⁾
 Покрытыхъ пылью. На шинели,
 Спиною къ дереву, лежалъ
 Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ;
 Въ груди его едва чернѣли
 Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть ⁴⁷⁾
 Сочилась; но высоко грудь
 И трудно подымалась; взоръ
 Бродилъ страшно; онъ шепталъ:
 «Спасите, братцы!... Тащутъ въ горы!...
 «Постойте!... Гдѣ же генералъ?...
 «Не слышу...» Долго онъ стоналъ, ⁴⁸⁾
 Но все слабѣй, и понемногу
 Затихъ и — душу отдалъ Богу.
 На ружья опершись, кругомъ
 Стояли усачи сѣдые ⁴⁹⁾
 И тихо плакали... потомъ
 Его останки боевые
 Накрывъ бережно плащомъ
 И понесли... Тоской томимый,
 Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижный. ⁵⁰⁾

Уже затихло все; тѣла
 Стащили въ кучу; кровь текла
 Струюю дымной по камнямъ; ⁵¹⁾
 Ея тяжелымъ испареньемъ
 Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
 Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
 И донесенья принимать.
 Окрестный лѣсъ какъ бы въ туманѣ,
 Синѣлъ въ дыму пороховомъ. ⁵²⁾
 А тамъ вдали — грядой востройной,
 Но вѣчно гордой и спокойной,
 Тянулись горы, — и Казбекъ
 Сверкалъ главою остроконечной.
 И съ грустью тайной и сердечной
 Я думалъ: жалкій человекъ!
 Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
 Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:

Но безпрестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?... ⁵³⁾
 Галубъ прервалъ мое мечтанье,
 Ударивъ по плечу, — онъ былъ
 Кунакъ мой, — я его спросилъ,
 Какъ мѣсту этому названье?
 Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ, —
 «А перевестъ на вашъ языкъ,
 «Такъ будетъ — рѣчка смерти; вѣрно,
 «Дано старинными людьми.»
 — А сколько ихъ дралось, пригвѣрно, ⁵⁴⁾
 Сегодня? — «Тысячъ до семи.»
 — А много горды потеряли? ⁵⁵⁾
 «Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
 — Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
 Имъ въ память этотъ день кровавый! —
 Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
 И головою покачалъ.

Но я боюсь вамъ наскучить. ⁵⁶⁾
 Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
 Тревоги дикія войны;
 Свой умъ вы не привыкли мучить
 Тяжелой думой о концѣ;
 На вашемъ молодомъ лицѣ
 Слѣдовъ заботы и печали
 Не отыскать, и вы едва-ли
 Вблизи когда-нибудь видали,
 Какъ умирають... Дай вамъ Богъ
 И не видать! Иныхъ тревогъ ⁵⁷⁾
 Довольно есть. Въ самозабвеньи
 Не лучше-ль кончить жизни путь,
 И безпробуднымъ сномъ заснуть
 Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте! — Если васъ
 Мой безыскусственный рассказъ
 Развеселить, займетъ хоть малость —
 Я буду счастливъ; а не такъ...
 Простите мнѣ его, какъ шалость,
 И тихо молвите: чужаждъ!..

ПРИМѢЧАНІЯ:

- 1) Въ рукописи было написано, но зачеркнуто:
«Я къ вамъ пишу, не странно-ль! право.»
- 2) И кто мнѣ далъ на это право.
- 3) При томъ вамъ это все равно.
Конечно, знать вамъ нѣту нужды.
- 4) Душой ужъ мы другъ другу чужды.
- 5) И ихъ какъ критикъ разбирая.
- 6) Такъ долго предъ самимъ собой.
- 7) Гдѣ нынче ждать любви заочной?
- 8) Ну какже-бъ васъ забыть я могъ!
- 9) Вячили напрасно много лѣтъ.
А въ печати было: Вячили я цѣль безплодныхъ лѣтъ.
- 10) И въ размышленіи холодномъ
Топилъ напрасно жизни цвѣтъ.
Потомъ было въ рукописи:
Убилъ я лучший въ жизни цвѣтъ.
- 11) Было: Одно, другое-ль наказанье?
Не все-ль равно. Я жизнь постигъ.
Въ печати: И то и это — наказанье!...
- 12) За все я молча благодаренъ.
Въ печати: За все равно я благодаренъ;
У неба счастья не прошу.
- 13) Въ печати: Труды, заботы ночью, днемъ.
- 14) Воображенію нѣтъ простора.
- 15) И дремлешь... подъ густою тѣнью и пр.
Въ печати слово «дремлешь» не было отдѣлено отъ послѣдующихъ и послѣ
слова «лозь» поставлена была точка.
- 16) Подъ тѣнью пушекъ...
- 17) Въ Чечню, къ аварцамъ, въ Дагестанъ.
Слѣдующій стихъ въ печати былъ: «И какъ дрались и какъ ихъ били»...
Онъ восстановленъ только въ изд. 1873 г. по черновому наброску, равно до-
бавленъ и слѣдующій за нимъ, прежде не печатавшійся.
- 18) Мирной татаринъ нашъ сидитъ.
- 19) Въ печати было: И вотъ кругомъ сидятъ другіе.
- 20) Порою выстрѣлъ раздается.
- 21) А гдѣ такой-то капитанъ?
Въ печати было: «Что, выучить что-ли, капитанъ?» Я поправилъ въ изда-
віи «вью чить», но оставилъ «что-ли». Далѣе въ печати было: «Повозки!. .
выдвигайте живо!»
- 22) Встаютъ сверкая батальоны,
Цѣль потянулась; казаки...
- 23) Въ печати было: «проскакалъ», но въ рукописи «р» вычеркнуто.
- 24) Ужъ показались значки.
- 25) А тамъ въ чалмѣ одинъ мюридъ.

- 26) Въ печати: «Въ черкескѣ красной ѣдетъ важно.»
 27) А вотъ сейчасъ, вотъ въ шапкѣ черной.
 28) Вотъ близко... Видѣнъ легкій дымъ...
 29) И передъ нами перестрѣлка.
 30) Забавы много, крови мало.
 31) Какъ на балетъ столичной сцены.
 32) Въ печатномъ: «Разъ — это было подъ горами». О Гехискомъ дѣсѣ см. въ статьѣ бар. Ф. Торнау, въ «Сладчинѣ» (Сиб, 1874 г.): Изъ воспоминаній бывшаго кавказца.

33) Въ рукописи было набросано:

Лазурно-темный сводъ небесъ.
 И шли мы въ тишинѣ глубокой
 Намъ былъ обѣщанъ бой жестокий.
 Чечня возстала вся кругомъ.
 У насъ двухъ тысячъ подъ ружьемъ
 Не набралось-бы. Слава Богу,
 Выходить изъ кустовъ обозъ.
 Въ цѣпи стрѣльба; но началось
 И въ арбергартѣ повемногу.
 Вотъ жарче, жарче... Крикъ!... Глядимъ:
 Ужъ тащутъ одного, — за нимъ
 Другихъ... и много... ружья носить
 И кличутъ громко лекарей!
 Ужъ имъ не вночь — подмоги просать;
 А нашихъ тамъ порядкомъ косятъ...
 «Сюда орудія, скорѣй
 Картечи!...» Тихо развернулся
 Межъ тѣмъ въ полянѣ весь отрядъ.
 Кругомъ зеленый дѣсъ замкнулся,
 Дымится весь... Свистятъ, жужжатъ
 Надъ нами пули. — Передъ нами
 Оврагъ, рѣка, — по берегамъ
 Валежникъ, бревна здѣсь и тамъ, —
 Но ни души... Кусты вѣтвями
 Сплелись... Мы ближе подошли
 Орудій восемь (навели)
 (На) дерева, въ оврагъ, безъ цѣли,
 Гранаты глухо загудѣли
 И лопнули... Отвѣта нѣтъ...
 Мы ближе... Что за притча право?
 Вотъ отъ ружья какъ будто (свѣтъ),
 Вотъ кто-то выбѣжалъ на право,
 Мелькнулъ и скрылся врагъ лукавой...
 Мы снова тронулись впередъ,
 Послали выстрѣлъ имъ прощальный.
 И ружей вдругъ изъ семисотъ
 Осыпалъ насъ огонь батальный,
 И затрещало... По бокамъ,
 И впереди, и здѣсь, и тамъ

Валются цѣлыми рядами
 Второй и третій батальонъ.
 Какъ птицъ насъ бьютъ со всѣхъ сторонъ.
 «Не мѣшкать, братцы! молодцами!...»
 Кровь загорѣлася въ груди и пр.

Въ этомъ наброскѣ также встрѣчаются поправки и варианты, но мы ихъ не приводимъ, такъ какъ весь набросокъ зачеркнуть.

34) Этотъ стихъ былъ пронуженъ въ печати, а слѣдующій читался:
 Уже въ Чечню на страшный зовъ.

35) «Дымилась маяки кругомъ». Въ слѣдующемъ стихѣ послѣднее слово до 1873 г. печаталось тоже «кругомъ». Я исправилъ: «столбомъ», какъ оказалось теперь и въ рукописи.

36) Въ печатномъ было: И оживлялися лѣса.»

37) Въ печатномъ было: «Въ полянку». Слѣдующіе стихи въ рукописи читались сначала: «Цѣпи въ арбергартѣ изрубилъ.»

Потомъ: Чу! въ арбергартѣ пушку просать,
 И многихъ тащутъ; ружья носить.
 Вотъ тащутъ за ноги людей.

Въ печати послѣдній стихъ явился:

«За ними тащутъ и людей».

38) Въ печати: «Вдругъ съ гикомъ бросились...»

39) Въ печати: Но вотъ подъ бревнами завали...
 Какъ-будто ружья заблестали,
 Потомъ мелькнули ланки двѣ.

40) «Насъ всѣхъ сковало ожиданье».

41) Послѣ было зачеркнуто: «Какъ передъ бурей тишина,» и потомъ:
 Вдругъ залпъ... и цѣлыми рядами
 У насъ попадали.... Полеги
 Народъ испытанный... Въ штыки,
 Впередъ, дружите и пр.

42) Верхомъ несетя на завали.

43) Напечатано: Ура — и шашки вонъ... Кинжалы...
 «Въ приклады!» и пошла рѣзня...

44) Напечатано: Хотѣлъ воды я зачерпнуть
 Но мутная, струясь, волна
 Была тепла, была красна...

Послѣ этого стиха въ рукописи зачеркнуто слѣдующее:

Тогда на самомъ мѣстѣ сѣчи
 У батареи я прилегъ
 Безъ силъ и чувствъ: я изнемогъ
 Но слышалъ, какъ просилъ картечи
 Артиллеристъ. Онъ приберегъ
 Одинъ зарядъ на крайній случай.
 Ужъ раза три чеченцы тучей
 Кидались шашки на голо.
 Прикрытыя все почти легло.
 Я слушалъ, лежа равнодушно;
 Хотѣлось спать и было душно.
 Межъ тѣмъ товарищей, друзей

Со вздохомъ возгѣ называли;
 Но не нашелъ въ душѣ моеѣ
 Я сожалѣнья, ни печали.
 Ужъ все затихло....
 Межъ тѣмъ, затихло все; тѣла
 Нагія грудями лежали
 Огромной кучей: кровь текла
 Струею дымной по камнямъ....

Послѣдніе стихи не разъ переправлялись и 3-й съ конца былъ попрашенъ такъ
 Солдатъ изрубленныхъ лежали

Потомъ опять поправлено, и мы приводимъ зачеркнутыя слова въ свободъ какъ
 чтобъ доказать правильность принятаго вами чтенія въ текстѣ:

(Межъ тѣмъ) Уже затихло все; тѣла
 (Солдатъ) изрубленныхъ
 (Нагія грудями) (лежали) стащили въ кучу
 (Огромной кучей) кровь текла.

По нашему мнѣнію, слово «изрубленныхъ» не зачеркнуто по недосмотру и
 два послѣднихъ стиха составляютъ, по выкидѣ зачеркнутаго, одинъ:

1. Уже затихло все; тѣла
 Стащили въ кучу; кровь текла
 Струею дымной по камнямъ.

Замѣтимъ, что четыре первыхъ стиха вычеркнутой вставки имѣли еще
 вариантъ:

Тогда довольно равнодушно
 На батареѣ я прилегу.
 Признаться вамъ, я изнемогу,
 Хотѣлось спать и было душно.

45) Въ печатномъ: «длинный рядъ.»

46) До 1873 г. печаталось:

Но слезы капали съ рѣсницъ,
 Покрытыхъ пылью, на шинели.
 Спиную къ дереву и пр.

Я поправилъ-было 2-й стихъ такъ:

Покрытый пылью, на шинели,
 Спиную къ дереву и пр.

Оказывается однако, что ни моя поправка, ни прежній текстъ не сходятся
 съ рукописью, хотя мое исправленіе и ближе къ ней.

47) Въ печати: Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть.

48) До 1873 г. печаталось:

«Не слышу...» Долго онъ шепталъ.

Я поставилъ: «стопаль», какъ теперь оказалось и въ рукописи.

49) Зачеркнуто: Смотрѣли старые солдаты.

50) Въ печатномъ было:

Покрыли бережно плащомъ
 И повесли... (Далѣе, ничего не было напечатано).

51) Въ печатномъ было (см. выше примѣчаніе 44): неизвѣстно къмъ исправ-
 лено, ибо словъ: «цотекла» и «багряной», въ рукописи совсѣмъ нѣтъ:

Уже затихло все; тѣла
 Изрубленныхъ стащили въ кучу...

. Кровь потекла
Струей багряной по каменьямъ...

52) Этотъ стихъ не имѣеть рифмующаго и въ печати, и въ рукописи.

53) Въмѣсто послѣднихъ 4-хъ стиховъ было:

Какъ звѣрь онъ жадеиъ, дикъ и злобенъ
Къ любви и счастью неспособенъ!
Пускай-же гибнетъ по дѣломъ!
И стало мнѣ смѣшно потомъ,
Я жадный мечтанье...
Я подозвалъ къ себѣ чеченца.

При слѣдующемъ стихѣ въ слову Галубъ никакого примѣчанія нѣтъ, тогда какъ въ печатномъ текстѣ сдѣлана выписка: «собственное имя».

54) А сколько было ихъ примѣрно?

Да было — тысячь до семи.

55) Въ печатномъ было: И много горцы потеряли?

56) Зачеркнуто:

Но я наскучилъ вамъ довольно.
Спокойна совѣсть у меня.

Далѣе въ стихахъ были поправлены слова: въ тревогахъ (забавахъ), дальняя (днѣя), печальной душой (тяжелой).

Не разберешь слѣдовъ печали
Или страстей и вы едва-ли
Хоть разъ когда-нибудь видали
Какъ умирають. Дай вамъ Богъ
И не видать: въ самозабвеньи...

57) Въ печати было:

И не видать! И такъ тревогъ
Довольно есть; въ самозабвеньи
Не лучше-ль жизни кончить путь.

Далѣе были поправлены два стиха, набросанные первоначально такъ:

«Прощайте: если только васъ...»
«Я буду счастливъ; ежели нѣтъ...»

Сообщ. П. А. Ефремовъ.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

(Слб., 1870 г. Историческая монографія Костомарова).

Во-первыхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ источникахъ, которыми пользовался авторъ. Въ началѣ своей книги онъ приводитъ реестръ сочиненій и источниковъ, числомъ до 125 названій. Цифра весьма значительная. Хотя она и не исчерпываетъ всего печатнаго матеріала, который имѣетъ непосредственное или посредственное отношеніе къ данной эпохѣ, тѣмъ не менѣе, она болѣе чѣмъ достаточна для выполненія задачи, предположенной авторомъ. А задача эта, какъ надобно понимать изъ самаго сочиненія, состояла въ томъ, чтобы дать русской читающей публикѣ возможно полное и популярное изложеніе важнѣйшихъ событій, приведшихъ Польшу къ потерѣ самобытности. Наиболѣе цѣнный и обильный матеріалъ для изученія послѣдняго періода Рѣчи Посполитой, безспорно, заключается въ европейскихъ государственныхъ архивахъ и преимущественно въ нашемъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Но проникнуть во всѣ эти архивы и овладѣть ихъ матеріаломъ—такой трудъ почти превышаетъ силы и средства одного человѣка. Г. Костомаровъ имѣлъ подъ рукою тѣ извлеченія, которыя были сдѣланы его предшественниками по историческимъ трудамъ о данномъ времени, именно: Германомъ—изъ архивовъ Дрезденскаго, Берлинскаго и Лондонскаго, Смитомъ и Соловьевымъ—изъ архива Московскаго. Принятая авторомъ система ссылокъ, весьма сокращенная и глухая, затрудняетъ провѣрку его труда и его отношеній къ своимъ источникамъ. Насколько можемъ судить по разнымъ даннымъ, онъ не всегда съ надлежащею критикою пользовался разными извѣстіями; особенно это можно сказать объ отдѣлѣ польскихъ мемуаровъ. Впрочемъ, такой недостатокъ относится по большей части къ подробностямъ несущественнымъ.

Во введеніи къ своей монографіи г. Костомаровъ дѣлаетъ обзоръ исконной борьбы между Россіей и Польшей за обладаніе западно-русскими областями, и бросаетъ взглядъ на причины паденія Польши. Нельзя не отдать справедливости нѣкоторымъ мѣткимъ замѣчаніямъ его; въ особенности укажемъ на то, что онъ говоритъ о неуклонной, традиціонной политикѣ Москвы,—политикѣ, неизмѣнявшейся съ перемѣною лицъ (стр. 19); а также на его попытку—свести причины паденія къ главному источнику, т. е., къ народному польскому харак-

теру. Но нерѣшительный отзывъ о явленіи, извѣстномъ подъ именемъ *liberum veto*, напоминаетъ снисходительныя сужденія о немъ нѣкоторыхъ польскихъ историковъ (стр. 26). Все сказанное авторомъ объ іезуитскомъ воспитаніи, конечно, вполне справедливо и принадлежитъ въ литературѣ къ числу общихъ мѣстъ. Но жаль, что онъ не попытался сколько-нибудь очертить вообще вліяніе католицизма на судьбы польскаго народа. Впрочемъ, мы не знаемъ ни одного сочиненія, въ которомъ эта сторона была бы удовлетворительно разработана и которымъ г. Костомаровъ могъ бы, слѣдовательно, воспользоваться для своего введенія.

Связный, непрерывный разсказъ о послѣдней эпохѣ Рѣчи Посполитой начинается собственно съ избранія на престолъ Станислава Понятовскаго. Время этого короля ознаменовано рядомъ попытокъ къ возрожденію Польши; но эти попытки пришли слишкомъ поздно, и, какъ извѣстно, повлекли за собою окончательную развязку. Обозрѣвъ въ довольно сжатой формѣ событія до 1787 года, авторъ затѣмъ останавливаетъ вниманіе читателя преимущественно на трехъ послѣднихъ актахъ той драмы, которая называется раздѣлами Польши. Это суть: во-первыхъ, Четырехлѣтній сеймъ съ его Конституціей 3-го мая; во-вторыхъ, Тарговицкая конфедерація и непосредственно связанный съ нею Гродненскій сеймъ 1793 года; въ-третьихъ, возстаніе 1794 года.

Дѣятельность Четырехлѣтняго сейма изображена съ возможною отчетливостію и полнотою, при надлежащемъ освѣщеніи дѣйствовавшихъ лицъ и побужденій. Противорѣчивые интересы партій, недальновидность вождей, несостоятельность шляхетскаго общества и его неспособность къ серьезнымъ реформамъ—все это выставлено довольно рельефно. При обработкѣ этого отдѣла авторъ имѣлъ передъ собою многочисленныхъ предшественниковъ, такъ какъ знаменитый сеймъ служилъ однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ для польскихъ писателей; но никто изъ нихъ не представилъ законченной и сколько-нибудь безпристрастной его картины. Рядомъ съ политическими событіями, г. Костомаровъ даетъ мастерскіе очерки польско-шляхетскаго быта въ данную эпоху. Какъ на заслугу его, укажемъ также на дѣло архіерея Садковскаго и преслѣдованіе православныхъ въ 1789 году. Авторъ довольно подробно и наглядно раскрываетъ передъ нами этотъ мнимый бунтъ, въ существованіе котораго (собственно въ приготовленія къ нему) доселѣ многіе вѣрили. Но говоря о реформахъ, предпринятыхъ сеймомъ, и особенно о реформѣ военной, слѣдовало, по нашему мнѣнію, остановить болѣе вниманія на финансовомъ и экономическомъ положеніи страны; такимъ образомъ можно

было бы судить, одно-ли только нежеланіе жертвовать со стороны шляхетства и духовенства мѣшало осуществленію этихъ реформъ. По поводу вопроса о допущеніи на сеймъ городскихъ представителей было бы далеко не лишнею попыткою очертить состояніе польскихъ городовъ и указать на то значеніе, которое имѣлъ въ нихъ (а слѣдовательно и въ судьбахъ цѣлой Польши) Еврейскій элементъ.

Тарговицкая конфедерація и Гродненскій сеймъ 1793 года очерчены не менѣе удачно. Если внутренняя связь фактовъ и дѣйствующихъ пружины не вездѣ обнаружены съ достаточною ясностію, то причина этого заключается главнымъ образомъ въ качествѣ тѣхъ матеріаловъ, которые авторъ имѣлъ подъ руками. Объясню примѣромъ. Возобновленіе Постояннаго Совѣта передъ открытіемъ Гродненскаго сейма въ книгѣ г. Костомарова является какъ бы безъ всякаго видимаго повода (стр. 576); а между тѣмъ оно занимало немаловажное мѣсто въ цѣпи событій. Тарговицкая конфедерація, связанная торжественною присягою—недопускать никакого ущерба въ границахъ республики, упорно отказывалась издать универсалы о созваніи сейма, который долженъ былъ подписать уступку земель по Второму раздѣлу. Чтобы обойти это затрудненіе, епископъ Коссаковский предложилъ Сиверсу возстановить Постоянный Совѣтъ, который вмѣстѣ съ королемъ издастъ требуемые универсалы. Сиверсъ подумалъ, и принялъ его предложеніе. Вообще вліятельная роль епископа Коссаковскаго на этомъ сеймѣ какъ бы ускользаетъ отъ вниманія автора; но дѣло въ томъ, что Коссаковский является болѣе закулиснымъ дѣятелемъ, чѣмъ публичнымъ, и намъ удалось ближе ознакомиться съ нимъ, только благодаря отчетамъ Сиверса, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (куда мы обращались для монографіи о томъ же Гродненскомъ сеймѣ). Слѣдуя внушеніямъ Коссаковскаго, Сиверсъ рѣшился—на свой страхъ—сохранить Тарговицкую конфедерацію рядомъ съ сеймомъ, хотя имѣлъ порученіе отъ императрицы распустить ее. Г. Костомаровъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, замѣчаетъ, что, наоборотъ, императрица препятствовала ея распущенію (стр. 660); чему противорѣчатъ и собственныя слова Сиверса, приведенныя у Блума (стр. 434).

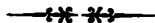
Что касается до послѣдняго отдѣла, то есть, до возстанія 1794 г., то онъ представляетъ наиболѣе живыя главы въ сочиненіи г. Костомарова, какъ и слѣдовало ожидать по интересу самихъ событій. Но есть, конечно, нѣкоторыя слабыя стороны и въ этомъ отдѣлѣ; на примѣръ: личность и дѣятельность Костюшки должны быть, по нашему мнѣнію, выяснены и очерчены съ большимъ тщаніемъ; знаменитая битва при Маціовицахъ также недостаточно отгѣнена.

Что касается до мелочныхъ недосмотровъ, то, конечно, они найдутся въ книгѣ г. Костомарова, напримѣръ, по отношенію къ нѣкоторымъ числамъ и другимъ подробностямъ.¹⁾ Но подобныя недосмотры естественны въ трудѣ, обнимающемъ эпоху, столь обильную разнообразными событіями.

Въ заключеніе отдадимъ справедливость и собственно внѣшней сторонѣ книги, то есть, живому, литературному изложенію, которымъ обыкновенно отличаются произведенія г. Костомарова. Хотя въ данномъ сочиненіи внѣшняя обработка не вездѣ проведена съ одинаковымъ тщаніемъ, тѣмъ не менѣе она обращаетъ на себя вниманіе посреди господствующей въ этомъ отношеніи небрежности въ нашей исторической литературѣ.

Д. Иловайскій.

Москва. Мартъ 1871 г.

¹⁾ Для образца укажу нѣкоторыя неточности. На страницѣ 586 сказано: «Избраны были, по желанію Сиверса, единогласно маршаломъ сейма Бѣлинскій и литовскимъ—Тышкевичъ». Маршаломъ сейма былъ выбранъ только Бѣлинскій, а Тышкевичъ имѣлъ полицейскую власть на Гродненскомъ сеймѣ, въ качествѣ великаго маршала Литовскаго. На слѣдующей страницѣ: «именно Коссаковскій, его братъ Виленскій воевода и Суходольскій». У епископа Коссаковскаго не было брата, который бы носилъ титулъ Виленскаго воеводы. Слова Сиверса, обращенныя къ Коссаковскому (на стр. 607), были сказаны не 5-го (16) іюня, а на слѣдующій день, и притомъ не въ присутствіи депутаціи, а въ кругу польскихъ совѣтниковъ русскаго посла. Мы указываемъ на эти два обстоятельства, потому что они находились въ тѣсной связи съ тѣмъ, что происходило тогда на сеймѣ. Обнародованный Кречетниковымъ манифестъ 27-го марта 1793 г., изложенъ авторомъ въ переводѣ съ польскаго текста (стр. 562). Хотя для книги отъ этого вѣтъ ущерба, но все-таки переводъ былъ лишнимъ трудомъ, такъ какъ русскій текстъ означеннаго манифеста есть въ «Полн. Соб. Законовъ» (№№ 17,108), которое упомянуто г. Костомаровымъ въ числѣ его источниковъ.

Д. И.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Графъ А. Аракчеевъ наканунѣ войны

1812 г.

Письмо его жъ брату Петру Аракчееву.

Милостивый государь любезной другъ и братъ Петръ андреевичъ. дружескіе ваши письма—первое отъ 8, а послѣднее отъ 27 марта—мною получены, но послѣднее мнѣ очень непріятно, что вы нездоровы; Берегитесь, у васъ некому в болезняхъ и пособить.

Теперь я радъ, что нашолъ случай писать къ вамъ не по почтѣ, а съ госп: хохряковымъ, то и намеренъ вамъ написать целую исторію здешни^х происшествіевъ, и потомъ изъ оныхъ вывести и заключеніе, касающееся собственно до насъ.

война не неизбежна, и уже все войски наши на границахъ, і главноко мандующіе на своихъ местахъ, а и государь изъ с. петербурха выезжаетъ завтрѣ; место Его, а следовательно и всѣхъ снимъ находящихся, предположено въ вильнѣ; ¹⁾ война предполагается самая жестокая, усиленная, продолжительная, и со всеми возможными строгостями, о которыхъ выдано конфермованное изъ четырехъ частей положеніе, коего одинъ экземпляръ къ вамъ при семъ посылаю.

Если вы поедетѣ въ армию, то возьмитѣ его съ собою, ибо оныя книжки еще редки, то и надобны тамъ будутъ.

вы найдете въ сихъ положеніяхъ почти товарищей главноко мандующими, то оныя сделаны, въ армияхъ у барклая, гдѣ и государь предполагаетъ свое пребываніе Ген. лейт: паулучи, а во второй за-

¹⁾ Приписка съ боку: «Приказано ехать съ Государемъ канцлеру румянову, Кочубею, мнѣ, балашеву, чичагову; а потомъ всемъ генералъ адъютантамъ и разумеется графу Толстому».

падной арміи, т: е, у князя багратіона Г: адъют: С. пріестъ, вы увидите въ сихъ положеніяхъ важную должность Генераль интенданда въ оныя помѣщены—въ арміяхъ у барклая, канкринъ; которой досего селилъ колонистовъ, а отецъ его пріятель еще Тишину, въ старой русѣ на соляныхъ заводахъ, а у багратіона сенаторъ ланской, которой былъ въ 1809 году губернаторомъ въ москвѣ.

вы увидите въ сихъ положеніяхъ строгую военную полицію, которая должна все знать, и обовсемъ доносить, всему употребится те люди, которые всему привыкли здесь, въ с. петербурхѣ, и которые уже несколько летъ живутъ счастливо на несчастье другихъ людей.

Теперь приступаю вамъ къ описанію, что я думаю известно вамъ уже выездъ изъ с. петербурха Госп: сперанскаго, и госп: магнитскаго; на ихъ счетъ много здесь говорятъ нехорошаго, следовательно естли это такъ, то онѣ и заслужили свою нынешнюю участь, но вместо оныхъ теперь партія знатныхъ нашихъ господъ зделалась уже чрезмерно сильна, состоящая изъ графовъ салтыковыхъ, гурьевыхъ, толстыхъ и голицыныхъ,—следовательно я не былъ спервыми въ связи, былъ оставленъ безъ дела. а сими новыми патрїотами равномерно нелюбимъ, такъ же буду безъ дела и безъ доверенности.

сіе все меня бы не безпокоило, ибо я уже ничего нехочу, кромѣ уединения и спокойствія, и предоставляю всемъ вышписаннымъ вернуться и делать все то, что къ ихъ пользамъ; но Безпокоитъ меня то, что, при всемъ ономъ положеніи, велитъ ещѣ мнѣ ехать и быть въ арміи безъ пользы, а какъ кажется только пугаломъ мирскимъ; и я веревъ, что пріятели мои употребятъ меня въ первомъ возможномъ случае тамъ, гдѣ имѣтъ я буду верной способъ потерять жизнь, вчему я и долженъ быть готовъ; вотъ вамъ мое положеніе въ ясности.

Со всемъ онымъ, какъ бы то небыло, но уже мнѣ объявленъ подписной указъ, чтобы я ехалъ въ вильну и находился при особѣ государя при семъ случае; я осмелился ему доложить обтебѣ, что ты верно желаешь и просишь меня, дабы ты былъ употребленъ въ делахъ нынешнихъ, онъ мнѣ на сіе обыкновеннымъ образомъ сказалъ, что Болезнь твоя не позволяетъ тебя ему имѣтъ собственно при себѣ, а какъ-де и многіе флигель адъютанты употреблены будутъ по разнымъ корпусамъ, то я и сго-де назначу въ средней корпусъ къ Г. лейтенанту николаю ивановичу лаврову; но пусть-дѣ онъ пріезжаетъ и явится въ вильну; вотъ братецъ весь нашъ разговоръ, я уже радъ, кажется, и етому, что онъ изволитъ помещать тебя къ лаврову, которой, кажется, доброй человекъ.

Теперь располагай самъ, какъ ты хочешь; я думаю выехать изъ петербурха около 15 апреля, следовательно на первыхъ дняхъ святой

недели думаю быть въ вильнѣ; вотъ тебѣ мое положеніе, а душа моя всегда соединена съ твоею, слѣдовательно о дружбѣ братской моей къ тебѣ нечего сомневаться, болѣе ничего неимею писать, какъ только остаюсь невеселомъ твой братъ и верный другъ Графъ Аракчеевъ.

С. Петербур
3 апреля
1812

Сообщ. П. И. Ламакинѣй.

Примѣчаніе. Настоящее письмо гр. Аракчеева напечатано съ буквальною точностью; къ многочисленнымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ «Русской Старинѣ» о знаменитомъ временщикѣ, документъ этотъ является весьма важнымъ и характеристическимъ дополненіемъ. У гр. Аракчеева (р. 1769, † 1834 г.) было два брата: Петръ (р. 1776 г.)—флигель-адъютантъ императора Александра I и Андрей, комендантъ въ Кіевѣ (р. 1778 г.). Къ первому изъ нихъ и адресовано приведенное выше письмо. Ред.

Флигель-адъютантъ полковникъ Копьевъ.

(Замѣтка къ разсказу о его дѣлѣ).

Въ апрѣльской и майской книгахъ «Русской Старины» изд. 1873 г. напечатаны разсказы А. И. Фелькнера о дѣлѣ полковника Копьева и замѣтка по этому поводу М. П. Щербинина.

Прослуживъ на Кавказѣ 25 лѣтъ, 1842—1867 г., я имѣлъ случай знать большую часть лицъ, чѣмъ-нибудь выдававшихся на поприщахъ военной и гражданской дѣятельности, и слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за всякаго рода дѣлами, выходившими изъ ряда обыкновенныхъ. Такимъ образомъ и дѣло полковника Копьева, произошедшее въ свое время много шума на Кавказѣ, и всѣ лица, начиная съ А. И. Фелькнера, М. П. Щербинина и упоминаемыхъ ими, были мнѣ болѣе или менѣе знакомы и извѣстны.

Имѣя въ виду, что все печатаемое въ «Русской Старинѣ», кромѣ чрезвычайнаго интереса для читателей, драгоценный матеріалъ для будущихъ историковъ, полагаю, что каждое слово, служащее къ разъясненію истины, какъ бы оно малозначущимъ ни казалось, можетъ въ этомъ отношеніи принести свою долю пользы.

Полковникъ Копьевъ, испытавшій такіе ужасные, жестокие удары, оказался совершенно невиннымъ,—это фактъ неоспоримый: и официально, высшею военносудебною инстанціею, онъ былъ оправданъ, и общественное мнѣніе—тогда и десятки лѣтъ впоследствии—единодушно было на его сторонѣ. Сколько я ни зналъ офицеровъ Грузинскаго гренадерскаго полка, съ которыми ни приходилось говорить о несчастномъ дѣлѣ Копьева, всѣ и всегда единогласно отзывались о немъ съ чувствомъ искреннѣйшей привязанности и съ неподдѣльной болью о постигшей его злой участи. Немыслимо, чтобы человекъ, допускавшій изъ корыстолюбивыхъ видовъ кормить солдатъ гнилымъ хлѣбомъ, отъ котораго они умирали, да сверхъ того такъ жестоко съ ними обращавшійся, что доводилъ до самоубійства, могъ пользоваться общою любовью и уваженіемъ. Въ этомъ случаѣ vox populi былъ неоспоримо vox dei.

Высоко-честные порывы, выказанные въ этомъ дѣлѣ А. И. Фелькнера, безъ сомнѣнія, почерпали не мало силъ въ общественномъ мнѣніи.

Что же, спрашивается, могло быть поводомъ такого настойчиваго преслѣдованія Копьева главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ? Вѣдь послѣ разсказа г. Фелькера, не могущаго поддѣлать никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что въ самомъ важномъ мѣстѣ онъ ссылается на живаго свидѣтеля—князя А. М. Дондукова-Корсакова (киевскаго генералъ-губернатора), — тутъ, очевидно, было какое-то предвзятое преслѣдованіе?... Упомянутый г. Фелькнеромъ слухъ о старинной враждѣ князя къ отцу Копьева — просто абсурдъ, да обвинить меня авторъ разсказа за это рѣзкое выраженіе. Это значило бы князя М. С. Воронцова, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, воздвигнутаго себѣ неизблемую славу великими военными и гражданскими дѣяніями, ставить въ уровень чуть-ли не съ какимъ-нибудь полудикимъ горцемъ-кровостителемъ?... Такіе базарные слухи должны бы тамъ, на базарѣ, и оставаться.

Я думаю, причина была другая, гораздо легче объяснимая. Князь М. С. Воронцовъ ѣхалъ на Кавказъ, убѣжденный въ страшныхъ злоупотребленіяхъ, тамъ укоренившихся,—это подтверждаетъ и М. П. Щербининъ, одинъ изъ самыхъ довѣренныхъ, близкихъ къ князю лицъ. Задавшись мыслію—испоренію зло, князь въ началѣ горячо принималъ всякіе доносы и жалобы, посыпавшіеся массами, благодаря прибитому къ подѣзду дворца Желтому ащигу съ лаконическою надписью: «для принятія писемъ и прошеній»... Въ числѣ первыхъ оказался доносъ о воюющихъ, будто бы, злодѣяніяхъ полковника Копьева. Князь Михаилъ Семеновичъ, вѣдохась подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ, очевидно, соблазнился случаемъ показать жестокій примѣръ надъ Копьевымъ, который-де, какъ флигель-адъютантъ государя, долженъ бы служить образцомъ другимъ командирамъ и т. д... Въмѣсто того, чтобы дать дѣлу законный ходъ, т. е., назначить черезъ довѣренное лицо строжайшій, нерушимый инспекторскій смотръ полку, затѣмъ слѣдственную комиссію и тогда уже судъ,—послать малознаемаго полковника Грекулова, состоявшаго «не у дѣлъ», произвести «въ-подъ-руки» дознание. Сей господинъ, смекнувъ, чѣмъ можно угодить начальству, дѣлаетъ фальшивое донесеніе и на основаніи онаго полковникъ Копьевъ, во-первыхъ, отрѣшается отъ командованія полкомъ, во-вторыхъ, съ него снимаютъ флигель-адъютантскіе аксельбанты, въ-третьихъ, сажаютъ на гауптвахту, въ которой караулъ содержится людьми Груанискаго полка, въ-четвертыхъ, передаютъ суду. Всякому, даже не военному человѣку, ясно, что этихъ «четырехъ шкуръ съ одного быка» было достаточно, чтобы нравственно убить человѣка... Что же еще судъ-то могъ ему больше сдѣлать? Но главнокомандующій, сознававшій, безъ сомнѣнія, жестокость наказанія Копьева, былъ, однако, убѣжденъ, что онъ виновенъ и заслужилъ ихъ; что это будетъ спасительнымъ примѣромъ для другихъ. Вышло, что не всегда дѣль, даже самая благонамѣренная, оправдываетъ средства...

Вдругъ, въ лицѣ одного изъ членовъ судной комиссіи, А. И. Фелькера, является fatish, напоминающій о справедливости, о законѣ, повегѣвающимъ, не обвинять никого, не выслушавъ оправданій, и даже лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго. Что дѣлать? сознаться въ непростительной поспѣшности, отмѣнить все сдѣланное, поколебать вѣру въ свой авторитетъ, въ непогрѣшимость своихъ дѣйствій, дать обильную пищу

влымъ языкамъ,—однимъ словомъ, вызвать цѣлый рядъ явленій, весьма щекотливаго свойства? для этого нужна бы чуть не идеальная добродѣтель... Князь, сохраняя, вѣроятно, еще убѣжденіе хоть въ нѣкоторой виновности Копьева и въ спасительной силѣ примѣра, рѣшается жертвовать единицей общему: переходитъ къ настойчивому преслѣдованію и даже лично приказываетъ г. Фелькнеру никакихъ мѣръ не подавать, окончить дѣло немедленно обвиненіемъ, а слѣдствіе молъ — вздоръ!... (Странно, впрочемъ, что князь, вмѣсто такихъ объясненій, не приказалъ просто замѣнить г. Фелькнера другимъ членомъ. За предлогами бы дѣло не стало).

Едва-ли я ошибаюсь, что въ этомъ разгадка всего дѣла. Гдѣ нѣтъ прямыхъ, ясныхъ фактовъ, тамъ анализъ душевныхъ движеній человѣка нерѣдко наводитъ на истинный источникъ событій. Я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, особенно въ отношеніи «высокопоставленныхъ» лицъ, что при всей благонамѣренности недостатокъ силы сознаться въ ошибкѣ—былъ поводомъ вопіющихъ несправедливостей. Приводимые М. П. Щербининымъ примѣры безпристрастія кн. Михаила Семеновича Воронцова, едва-ли въ этомъ случаѣ подходятъ: во-первыхъ, слова и представленія такого довѣреннаго и приближеннаго лица, директора собственной канцеляріи, почти члена семейства,—или слова вакого-нибудь маіора,—какая же это параллель? во-вторыхъ, разорвать бумагу, хотя бы уже подписанную, и тѣмъ отмѣнить неправомерное распоряженіе, еще неприведенное въ исполненіе и неполучившее огласки, или, разорвавъ прежде человѣка, послѣ сознаться въ ошибкѣ и отмѣнить его преслѣдованіе,—какая же это параллель? Князь М. С. Воронцовъ, онъ какъ государственный дѣятель, онъ какъ частный человѣкъ, не нуждается въ защитѣ. Онъ воздвигъ себя, кромѣ памятника, поставленнаго въ Тифлисъ, еще больше памятниковъ на страницахъ русской исторіи, которая во многихъ мѣстахъ будетъ полна его именемъ. Что М. П. Щербининъ, одинъ изъ самыхъ симпатичнѣйшихъ приближенныхъ князя, оставившій послѣ себя на Кавказѣ наилучшую память, старается стирать мажѣйшую пылинку съ ореола, окружающаго покойнаго фельдмаршала,—это совершенно естественно; но я убѣжденъ—онъ согласится, что истина прежде всего и что, наконецъ, какъ самъ онъ говоритъ, *ergo humanum est*, и «человѣкъ есмь, все человѣческое же мнѣ не чуждо», прибавлю я.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ объ упоминаемомъ А. И. Фелькнеромъ въ концѣ его разсказа переходѣ чрезъ Кавказскій хребетъ къ с. Цахуръ (не ради полемики, а опять же въ интересѣ истины). Я,—тогда молодой прапорщикъ,—имѣлъ удовольствіе совершить этотъ переходъ вмѣстѣ съ разскащикомъ; съ нами же былъ еще и А. П. Александровскій, тогда адъютантъ кн. Василия Осиповича Бебутова, впоследствии флигель-адъютантъ, трагически окончившій самоубійствомъ. Не могу оспаривать, была-ли въ тѣхъ мѣстахъ до насъ когда-нибудь русская нога,—да это не важно, нельзя же было по всѣмъ тропинкамъ непремѣнно выходить,—но положительно скажу, что переходъ этотъ не представлялъ намъ, кромѣ обычнаго,—для кавказцевъ не въ диковинку,—труда, никакихъ опасностей: всѣ попутные аулы, включая Цахуръ, были покоренные и принадлежали къ Енисельскому и Элисуйскому приставамъ; если-бы была какая-нибудь очевидная опасность, тогда не послали бы двухъ ротъ, тѣмъ болѣе, что къ Цахуру вели еще двѣ другія дороги, болѣе удобныя,—на Сувачиль и Сарыбашъ. Впрочемъ, съ такими молодцами, каковы были роты А. И. Фелькнера, не мудрено было совершать какіе угодно переходы.

Если же, какъ разскажишь прибавляетъ, князь Воронцовъ самъ прибылъ въ Цахуръ съ нѣсколькими баталіонами, артиллеріей и проч., то онъ забываетъ, что главнокомандующій и намѣстникъ, при которомъ находились генераль-адъютанты: Коцебу и князь Аргутинскій-Долгорукой, да дербентскій губернаторъ—князь Гагаринъ и еще нѣсколько генераловъ, имѣлъ нѣкоторое право окружать себя болѣе или менѣе конвоемъ, чѣмъ баталіонный командиръ съ нѣсколькими субалтернъ-офицерами. Къ тому же тогда было предположеніе устроить въ Цахурѣ укрѣпленіе, изъ всѣхъ окрестныхъ ауловъ учредить отдѣльное приставство и поручить его мнѣ, какъ знавшему и языкъ, и всѣ мѣстныя обстоятельства; для этого пришлось бы, само собою, оставить большую часть пришедшихъ съ княземъ войскъ въ Цахурѣ и онъ возвращался бы въ Сангурскій округъ только съ нужнымъ числомъ конвою. Предположеніе это, послѣ долгихъ обсужденій, однако, не состоялось и всѣ разошлись изъ Цахура по своимъ мѣстамъ. Повторяю впрочемъ, что опасности никакой не представляло. Черезъ этотъ же Цахуръ, годомъ раньше, я проѣзжалъ съ полковникомъ Ростиславомъ Дмитріевичемъ Давыдовымъ, адъютантомъ князя Воронцова, имѣя нѣсколько человекъ казаковъ и милиціонеровъ въ конвоѣ; оставивъ Давыдова въ Арты, я той же дорогой вернулся въ Элису. Въ томъ же 1849 году, этимъ же путемъ, былъ на носилкахъ доставленъ ко мнѣ раненный при осадѣ Чоха въ ногу гвардейскаго сапернаго баталіона капитанъ К. П. Кауфманъ, сынъ покорителя Хивы, который и пролежалъ у меня нѣсколько дней.

Не взирая, что послѣ описываемыхъ происшествій прошло 23 года, я какъ теперь помню: князь Михаилъ Семеновичъ, въ Цахурѣ, за походнымъ обѣдомъ, къ коему и я имѣлъ честь быть приглашеннымъ, разсказывая о какомъ-то интересномъ дѣлѣ, такъ закончилъ свою рѣчь: «Да, господа, даже добродѣтель, доведенная до крайности, становится порокомъ». Какъ эти слова приходятся встать и въ дѣлѣ Кошьева!..

Вообще же—извѣстная пѣсня, что большинство новыхъ начальниковъ ретиво берутся за преслѣдованія и искорененія злоупотребленій, не замѣчая, что новыя, ими поставляемыя на мѣста, лица нерѣдко поступаютъ еще хуже своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ на Кавказѣ генералъ Нейгардтъ чуть-ли не всю свою двухлѣтнюю дѣятельность посвящалъ преслѣдованію злоупотребленій. Князь Воронцовъ пошелъ за нимъ по этому пути еще далѣе; а между тѣмъ, назначенный на его мѣсто Н. Н. Муравьевъ (Карскій) вообразилъ, что ѣдетъ въ вертепъ взяточниковъ, казнакрадовъ и всяческихъ злодѣевъ! Не прошло года, и онъ же долженъ былъ признаться предъ М. П. Щербиннымъ, что очень ошибался!..

А. Зиссерманъ.

23-го іюня 1873 г.
Дрезденъ.

Николай Семеновичъ Сулима.

Николай Семеновичъ Сулима родился въ 1777 г. Въ 1792 г. былъ записанъ въ Преображенскій полкъ; въ слѣдующемъ году переведенъ въ Семеновскій. Въ восьмилѣтній періодъ, съ 1797 по 1805 годъ, достигъ чина полковника и званія командира Московскаго мушкетерскаго полка. 29-го октября 1806 г. подъ Дирнштейномъ, близъ Кремса, Сулима съ своимъ полкомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ преграждалъ путь пѣлой дивизіи Дюпона и отбилъ у нихъ знамя. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ св.

Владимира 4-й ст.; но не менѣе лестною наградою былъ отзывъ Кутузова. Когда Сулима послѣ сраженія проходилъ со своимъ полкомъ мимо маститаго вождя, онъ сказалъ ему: «Полковникъ, вы храбры: это обыкновенно въ русскомъ; но за вашу находчивость и распорядительность, при старости лѣтъ моихъ, передъ нами снимаю шляпу!» Этого приѣта Н. С. Сулима не могъ позабыть и гордился имъ во всю свою жизнь. 20-го ноября, въ роковую день битвы подъ Аустерлицемъ, Сулима со своимъ полкомъ держался до послѣдней крайности и, тяжело раненный, былъ взятъ въ плѣнъ. Черезъ двѣ недѣли Кутузовъ размѣнялъ его на плѣннаго французскаго полковника Геріоля. Съ 1806 по 1811 годъ Сулима находился въ отставкѣ; но при самомъ началѣ отечественной войны, опять поступилъ на службу командиромъ Таврическаго гренадерскаго полка. Въ битвахъ 13-го и 14-го іюля 1812 г. подъ Витебскомъ, 5-го августа—подъ Смоленскомъ, 26-го августа—при Бородинѣ полкъ Сулимы отличился на ряду съ прочими, которыми въ правѣ гордиться русская армія. Въ чинѣ генералъ-майора, командуя бригадою, Сулима отличился подъ Тарутиннымъ (6-го октября) и подъ Краснымъ (5-го ноября). Здѣсь онъ отбилъ шесть орудій и взялъ въ плѣнъ болѣе тысячи неприятелей. Орденъ св. Георгія 3-го класса былъ наградою за его подвигъ. Не менѣе блистательны были его дѣйствія въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. По возвращеніи изъ Парижа въ Россію, Сулима въ теченіи многихъ лѣтъ командовалъ поперемѣнно нѣсколькими бригадами и дивизіями. Турецкая кампанія 1828—1829 годовъ доставила Сулимѣ неоднократные случаи отличиться на ратномъ полѣ. Вотъ примѣръ его личной храбрости. Въ послѣднихъ числахъ сентября, въ сумерки, обходя передовую цѣпь, Сулима едва не погибъ отъ пули одного изъ Некрасовцевъ, служившихъ тогда въ Турецкихъ войскахъ. Къ счастью ружье осѣлось. Шутливо погрозивъ ему, Сулима сказалъ: «Прикладываешься по генералу, а ружья не осмотрѣлъ». Съ 1829 по 1831 г. Сулима былъ командиромъ 2-го корпуса, подъ его начальствомъ совершившаго всю Польскую кампанію, отъ битвы при Маріамполѣ (10-го апрѣля 1831 г.) до взятія штурмомъ Варшавы (26-го августа).

Съ 1832 по 1837 годъ Сулима былъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной въ Варшавѣ для окончательнаго уничтоженія состава бывшей Польской арміи и членомъ верховнаго уголовного суда. Въ этихъ должностяхъ генералъ Сулима умѣлъ примирить требованіе правосудія съ чувствами человеколюбія. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири; въ мартѣ слѣдующаго года—Сибири Западной. Разумная распорядительность и успѣшныя мѣропріятія къ возможному улучшенію быта жителей этого отдаленнаго края, свискали ему искреннюю признательность Сибиряковъ. 13-го января 1837 г., по разстроеному здоровью, онъ былъ уволенъ отъ занимаемой должности съ назначеніемъ въ члены Совѣта государственнаго контроля. Скопчался въ Петербургѣ 21-го октября 1840 г. Портретъ Н. С. Сулимы, въ числѣ трехсотъ пятидесяти портретовъ сподвижниковъ Александра I-го, находится въ военной галлерей Зимняго дворца.

Представляемое письмо Н. С. Сулимы къ его сыну есть не только документъ весьма важный для біографіи генерала, но и весьма характеристичный по отношенію ко всей эпохѣ и той средѣ, которымъ принадлежитъ Николай Семеновичъ. Внимательный читатель подмѣтитъ въ этомъ письмѣ нѣсколько яркихъ чертъ, рисующихъ нравственный обликъ подвижниковъ двѣнадцати

таго года; наконецъ, есть черта не безынтересная по отношенію къ императору Николаю, тайно протягивавшаго руку помощи тѣмъ, политическія заблужденія которыхъ привели къ погябелн. Мы говоримъ о великодушнот помощи Николая Павловича семействамъ вождей Польскаго возстанія.

Сообщеніемъ настоящаго документа мы обязаны С. Н. Сулими 1-му, сыну достойнаго генерала Н. С. Сулимы. Ред.

С.-Петербургъ, 20-го сентября 1840 г.

Если письмо мое могло тебя обрадовать, такъ какъ ты пишешь, то повѣрь, другъ мой Семенъ Николаевичъ, что твое меня обрадовало вдвое. Вишь не твою но мнѣ, а моя въ тебѣ кровь, и по симъ-то чувствамъ природы, вида и зная твое критическое положеніе по приему полка, а до благополучнаго окончанія онаго покоенъ быть не могу; и повѣрь мнѣ, что всякая отъ тебя строчка меня пугаетъ и радуетъ. Благородныя твои чувства, мысли, поступки и дѣйствія меня восхищаютъ и хотя мысленно я прижимаю тебя къ сердцу, но вмѣстѣ съ симъ трещу, чтобы ты именно отъ нихъ не попалъ въ пропасть. Помни, Бога ради, что мы въ Россіи, гдѣ всякое воровство, лихоимство и обманъ нашими соотчидами не только что терпимо, но даже считается генеальнымъ умомъ, а честность и добродѣтель—простотою. Горько и прискорбно это говорить, особенно же сыну, но, въ истиннѣ сего мнѣнія долговременные опыты меня вполне удостовѣрили и даже надъ самимъ собою а это испыталъ какъ нельзя болѣе, ибо, кромя обожаемаго мною Государя, который, обезпечивъ меня до смерти моею вѣрнымъ кускомъ хлѣба, симъ удостовѣрилъ меня, что честная и безпорочная служба моя имъ однимъ одбнена по сущей справедливости, а болѣе его никѣмъ. И что всего важнѣе, безъ всякой протекціи, которой я никогда (и) не искалъ ни въ комъ на свѣтѣ,—но онъ увидѣлъ самъ и наградилъ, и за то благодарность моя безпредѣльна. Въ бытность мою председателемъ верховнаго уголовного суда въ Варшавѣ, а еще болѣе въ комиссіи Спарціа, то есть временно исполнителя учрежденной безпримѣрнымъ великодушіемъ въ исторіи для вспоможенія бунтовавшимъ, гдѣ я роздалъ отъ щедротъ монарха шесть милліоновъ золотыхъ; потомъ генераль-губернаторомъ обвѣхъ Сибирь, съ властію главнокомандующаго; тутъ всякъ знаетъ и видитъ ясно, что покриви я душой, и я могъ бы сдѣлать себѣ огромное состояніе, но я сохранилъ мою честь и остался бѣднымъ. Полаки хотя насъ ненавидать, но знаю, что они отдають мнѣ должную справедливость, а Русскіе, если даже тебѣ случится кому изъ нихъ сказать, что я бѣденъ, то навѣрное покажутъ тебѣ злую улыбку, означающую одно изъ двухъ: или-де ты лжешь, или отъ тебя дуракъ! Вотъ отъ чего я и умоляю тебя, другъ мой, разумѣется, что слѣдуя завсегда путемъ чести, но быть сколь возможно осторожнымъ, и отнюдь не мечи бисера предъ свиньями, да не попрутъ его ногами.

Напримѣръ, ты говоришь, что чрезъ четыре года ты надѣсся довести полкъ до требуемаго устройства, и что ты покупаешь жеребятъ и надѣсся наверстать то хозяйствомъ, что изъ великодушія уступишь твоему предмѣстнику. Это все прекрасно, только весьма не благонадежно, а почему мнѣ это такъ кажется, а тебѣ сей же часъ объясню: первое—читать на то, что вы, будучи на поселеніи, останетесь за всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, вы отнюдь не должны, потому что вы тамъ всѣ перекумились и переродились, а это для правительства совсѣмъ не безопасно. Второе— война, или даже демонстраціи,

и вы всё въ движеніи. И послѣ сего, когда вы попадете ужь опять на ваше поселеніе, одинъ Богъ вѣдаетъ, что же тогда будетъ со всѣмъ твоимъ хозяйственнымъ заведеніемъ, жеребятami и прочее; а четыре года начальство выждать тебя не станетъ, да ты посуди и самъ, что съ самимъ тобою и съ твоимъ полкомъ черезъ четыре года случиться можетъ: вѣтъ это срокъ ужасный. Вотъ, братъ, почему я полагаю, что ты основывать твоихъ расчетовъ иначе не долженъ, какъ на чистыхъ деньгахъ, которыми безъ всякихъ околичностей и увертокъ тебя долженъ снабдить твой предѣстникъ, иначе же ты въ опасномъ положеніи. Начальники же твои будутъ тебя ласкать только до тѣхъ поръ, покуда ты не далъ квитанціи, дабы за г. В..... имъ не платить, а какъ скоро ты квитанцію выдашь, то, повѣрь мнѣ, что они тотъ же часъ къ тебѣ перемѣнятся и, принявъ твою начальничей, не токмо что не станутъ ожидать истеченія четырехъ лѣтъ, но будутъ требовать, чтобы ты черезъ четыре дни все исправилъ и пополнилъ.

Ты меня очень одолжишь, если имъ это покажешь. Честь—честью, а что слѣдуетъ, то подай; вѣтъ не всякому удачи девять лѣтъ прокомандовать полкомъ на мѣстѣ, а на мѣстѣ и камень обростаетъ.

У васъ читають же хоть газеты, изъ которыхъ очень видно, что во всей Европѣ готовится война, которая и должна скоро, скоро вспыхнуть.

Прощай, милый мой, я тебя отъ души и сердца обнимаю, только Бога ради дѣйствуй смѣло и не очень смягчайся. Н. Сулима.

Примѣчаніе. Упоминаемый въ письмѣ полкъ, который я принималъ, Новомірогородскій, нынѣ Драгунскій. Полкъ этотъ стоялъ въ Новороссійскомъ Военномъ Поселеніи, нынѣ уже не существующемъ. Совѣтамъ отца моего, относительно приѣма полка, я до такой степени послѣдовалъ, что мой, нынѣ покойный, предшественникъ не только не пострадалъ, но, напротивъ, прокомандовалъ еще Драгунскимъ полкомъ.

С. Сулима.

Вечеръ съ А. П. Ермоловымъ

23-го января 1847 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. (т. VI, стр. 539—542) сообщено С. И. Храповицкимъ «Воспоминаніе» о вечерѣ, на которомъ, при заздравномъ тостѣ въ честь А. П. Ермолова были произнесены напечатанные при этомъ стихи,—я вспомнилъ, что у меня вмѣстѣ съ письмами и записками, получавшимися мною отъ А. П. Ермолова (въ продолженіи 14-ти лѣтъ), сохраняется современный списокъ этихъ стиховъ, съ краткимъ описаніемъ самаго вечера. Отыскавъ этотъ списокъ и сличивъ съ нимъ напечатанное, я не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ въ послѣднемъ неточностей. Поэтому, относясь вполне сочувственно къ сообщенію, сдѣланному С. И. Храповицкимъ; и имѣя въ виду, что воспоминаніе объ одномъ изъ эпизодовъ въ жизни московскаго общества представляетъ и общій интересъ, какъ сохраняющее для потомства произведенія нашихъ поэтовъ, такъ и особенный для почитателей высокой личности Алексѣя Петровича, считаю долгомъ представить, въ подлинникѣ находящійся у меня списокъ, для исправленія какъ текста, предшествующаго стихамъ, такъ и особенно самихъ стиховъ.

При сличеніи современнаго списка съ напечатаннымъ, каждый, вѣроятно, усмотритъ, что хотя они разнятся между собою въ нѣкоторыхъ словахъ, но

представляются, очевидно, копіями съ одного и того же оригинала, написаннаго, сколько мнѣ извѣстно, на другой день вечерней бесѣды. У кого именно было это вечернее собраніе, у Сушкова-ли (Н. В.), или у Писемскаго (П. П.), я утвердительно теперь, черезъ 25 лѣтъ, сказать не могу; но это всего лучше имѣлъ случай объяснить С. И. Храповицкій, какъ бывший самъ въ числѣ гостей и сообщающій объ этомъ, какъ очевидецъ происходившаго. Далѣе, затѣмъ изъ того же списка видно, что при здравницѣ, предложенной хозяиномъ за Алексѣя Петровича, поэтомъ¹⁾ были сказаны экспромтомъ только первые четыре стиха; остальные же 4 четверостишія были имъ вслѣдъ затѣмъ написаны, что, конечно, и весьма естественно. Наконецъ, что самое стихотвореніе сообщено и напечатано по неправильному списку, ибо оно въ дѣйствительности состоитъ только изъ 5-ти строфъ, или 20-ти стиховъ, при чемъ четыре стиха, составляющіе, какъ напечатано, вторую строфу, вовсе къ нему не относятся и, какъ мнѣ положительно извѣстно, принадлежать даже другому поэту. Кромѣ того, эта вставка напечатана, къ сожалѣнію, даже съ нарушеніемъ смысла. Я до сихъ поръ твердо помню эти стихи, которые читаются такъ:

За нимъ, предъ нимъ нѣтъ пышныхъ титлъ²⁾,
 Не громокъ онъ средь гордой знати;
 Но за него усердный гласъ молитъ
 Непобѣдимой русской рати.

Естественно, что вслѣдствіе этого возникаетъ вопросъ, что же это за стихи, чьему перу они принадлежать и какъ они могли попасть въ списокъ другихъ стиховъ, сообщенный редакціи «Русской Старины». Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и въ доказательство дѣлаемой мною поправки, я нахожу нужнымъ сказать, что это четверостишіе принадлежитъ В. А. Жуковскому и написано имъ «въ портрету» А. П. Ермолова.

Хотя я не могу подтвердить сказаннаго никакимъ письменнымъ документомъ, но могу положительно удостовѣрить, что слышалъ объ этомъ неоднократно отъ самаго Алексѣя Петровича, котораго этотъ привѣтъ нашего знаменитаго поэта до крайности трогалъ всякій разъ, когда онъ вспоминалъ его; при чемъ онъ обыкновенно говаривалъ, «что тѣмъ болѣе дѣвить эти слова, что они принадлежать царедворцу, неустрашившемуся сказать ихъ въ похвалу опальнаго».

Что же касается до того, какъ эти стихи могли попасть въ другія руки, то это всего проще объясняется предположеніемъ, что на экземплярѣ, съ котораго переписывалось описаніе вечерней бесѣды, была записана кѣмъ-нибудь на поляхъ между первыми двумя строфами стиховъ и надпись къ портрету, какъ относящаяся къ одному и тому же лицу.

Пожѣлая настоящую замѣтку въ «Русской Старинѣ», смѣю надѣяться, что лицо, сообщившее «воспоминаніе», которому я лично извѣстенъ, не посѣтуетъ на поправку, сдѣланную мною въ интересъ истины и по глубокому чувству уваженія къ памяти А. П. Ермолова.

Но, оканчивая письмо, не могу воздержаться, чтобы не сдѣлать, если не вставку, то по крайней мѣрѣ нѣчто въ родѣ приставки, или *post-scriptum*^{а)} такъ какъ въ эту минуту, при воспоминаніи объ Алексѣѣ Петровичѣ и отно-

¹⁾ О. Н. Глинкою.

²⁾ А не куколъ, какъ напечатано.

неніяхъ къ нему русскихъ поэтовъ, мнѣ припомнилась надпись, сдѣланная Пушкинымъ на экземплярѣ присланныхъ имъ Ермолову своихъ сочиненій. Къ сожалѣнію, я помню только послѣдніе два стиха:

Заочетъ — о себѣ, какъ Тацитъ, онъ напишетъ
И лихо лѣтопись свою переплететъ.

Автографъ этого посланія, безъ сомнѣнія, находится въ библиотекѣ Московскаго университета, куда, какъ извѣстно, поступило собраніе книгъ, принадлежавшихъ А. П. Ермолову.

В. Ж.

«Вчера, 23-го января 1847 г., въ домѣ одного изъ образованнѣйшихъ московскихъ жителей, почетнымъ гостемъ вечерней бесѣды былъ А. П. Ермоловъ. Онъ мало говорилъ и, кажется, расположенъ былъ только слушать другихъ. Но какъ-то вышло наоборотъ: всѣ хотѣли слушать и слушали его. Разговоръ, прежде лѣнивый, становился живѣе по мѣрѣ, какъ свитокъ дѣлъ давно минувшихъ лѣтъ развертывался самъ собою. Отъ перваго штурма Праги, отъ Суворова, Ферзена и Костюшки до людей и событій XII года. Богатырскими шагами русской славы разговоръ переносился отъ Бородина до Сены и на гребни Кавказской Чечни. За ужиномъ хозяинъ поднялъ кубокъ въ честь Алексѣя Петровича, а одинъ изъ гостей произнесъ четыре стиха, къ которымъ вслѣдъ затѣмъ прибавилось еще четыре четверостишія.

Здравный кубокъ А. П. Ермолову.

Умомъ затмилъ онъ блескъ алмаза,
Въ боюхъ былъ славный онъ боець:
Да здравствуетъ герой Кавказа!
Да здравствуетъ герой сердець!

Подъ буркою надъ русскимъ станомъ,
Съ морщивой умной на челѣ,
Неразъ стоялъ онъ великаномъ
Монументально на скалѣ.

А шапка, между тѣмъ, Чеченцевъ
Вела съ штыкомъ треграннымъ споръ
И именовъ его младенцевъ
Пугали жены дикихъ горъ.

И вотъ еще изъ-за тумана,
Которымъ ляхъ его прикрытъ,
Глядитъ героемъ Осіяна
Онъ на мелѣющій нашъ бытъ.

И подъ маститой сѣдиною
Хоть взоръ орлиной и пригасъ,
Все баснословной старинною
И славой обдаетъ онъ насъ.

Сообщ. В. В. Жлоповъ.

Разказы изъ прежней полицейской службы въ Петербургѣ.

VIII. ¹⁾

Въ первый день Нового 1847 года, на углу Невскаго проспекта и Троицкаго переулка, въ домѣ Дидло, найдены были убитыми въ своихъ кроватяхъ двѣ молодыя дѣвушки, проживавшія безъ присуги и принадлежавшія къ извѣстной профессіи терпимости. На полу видѣнъ былъ кровавый слѣдъ мужскихъ сапогъ изъ одной комнаты въ другую. Вынутыя изъ комодовъ платья и бѣлье раскиданы были по полу. При врачебно-полицейскомъ осмотрѣ найдено было, что головы убитыхъ проломлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ и что убійство совершено тупымъ, шарообразнымъ орудіемъ, въ діаметрѣ около вершка; наконецъ, что смерть этихъ жертвъ послѣдовала дня за два до составленія акта. По обстоятельству можно было заключить, что убійство совершено съ цѣлю захвата денегъ и цѣнныхъ вещей, которыхъ въ квартирѣ убитыхъ вовсе не оказалось.

Первоначально подозрѣніе въ убійствѣ этомъ упало на дворника дома, который почти ежедневно приносилъ жилищамъ дрова и воду, и, по всей вѣроятности, обходя жильцовъ съ поздравлениями, не преминулъ зайти въ квартиру убитыхъ утромъ, но объявилъ о происшествіи только позднимъ вечеромъ.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ вся петербургская полиція неутомимо дѣйствовала къ открытію слѣдовъ преступленія, но всѣ ея поиски не имѣли нимагѣйшаго успѣха, не взирая и на то, что кровавое происшествіе это случилось въ кварталѣ знаменитаго въ свое время сыщика Шерстобитова, по настоянію котораго, въ числѣ другихъ принятыхъ имъ мѣръ, вытребованъ былъ къ слѣдствію одинъ фельдтегеръ, который, въ помоченныхъ въ чернила сапогахъ, долженъ былъ пройти рядомъ съ кровавымъ слѣдомъ, оставленнымъ убійцею,—но и эта проба и всѣ принятія слѣдователями мѣры въ совокупности не повели къ раскрытію преступленія.

По прошествіи 70-ти дней происшествія въ домѣ Дидло, и именно 11-го марта 1847 года, въ участіи того же Шерстобитова, по Стремянной улицѣ, къ дому полковника Тишенинова, подвезенъ былъ и выкинутъ у воротъ въ безчувственномъ положеніи, съ проломленной въ нѣсколькихъ мѣстахъ головой, проживавшій въ этомъ домѣ и за нѣсколько дней предъ тѣмъ женившійся писецъ городской Думы.

По приѣздѣ туда мѣстнаго полиціймейстера, онъ нашелъ нѣсколькихъ врачей, обмывавшихъ и перевязывавшихъ раны больного, который, придя на нѣкоторое время въ сознаніе, произнесъ нѣсколько не связныхъ словъ, изъ которыхъ можно было догадаться, кто именно и при какихъ обстоятельствахъ покушался на его жизнь, которая, по заключенію медиковъ, была въ большой опасности.²⁾ При этомъ найдено, что и раны новой жертвы произведены такими же точно тупымъ орудіемъ, какъ и убійство женщины въ домѣ Дидло.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. IX, стр. 780—789.

²⁾ На другой день пострадавшій на носилкахъ доставленъ былъ въ Маринскую больницу, гдѣ, благодаря сильному сложенію и искусству врачей, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выздоравлилъ.

При дальнѣйшемъ дознаніи, мать и жена пострадавшаго предъявили полученную имъ утромъ того же дня, по городской почтѣ, записку неизвестнаго лица, которое, въ дружескихъ выраженіяхъ, приглашало его, въ поддень, въ ближайшую къ думѣ ресторацію,¹⁾ для личнаго объясненія по дѣлу о присканной новобрачному, согласно его желанію, должности управляющаго домомъ на Васильевскомъ острову.

Этимъ путемъ обнаруженъ былъ авторъ записки, 19-ти лѣтній молодой человекъ Я — левъ, сынъ чиновника, занимавшаго казенную квартиру въ домѣ, принадлежащемъ Государственному банку.

На другой же день отыскана была Шерстобитовымъ одна близкая молодому человеку дѣвушка, получившая отъ него въ Новый годъ золотыя серьги и колечко, признанныя знакомыми убитыхъ женщинъ принадлежавшими одной изъ нихъ.

Самаго Я—лева схватили въ лѣсу за Невскою заставой. Это былъ смотрѣвшій изъ подлобья, тучный, сильный, приземистый молодой человекъ, съ растрепанными волосами и распухшимъ лицомъ, на которомъ выражалось необыкновенное звѣрство. По наружности ему было около 25-ти лѣтъ, а въ дѣйствительности только 19. Онъ не только скоро сознался Шерстобатову въ обоихъ преступленіяхъ и указалъ, гдѣ найти остальные изъ украденныхъ имъ въ домѣ Дидло вещей, но выложилъ весь задуманный планъ новаго убійства.

— «Зная, что пріятель мой», сказалъ преступникъ, «получилъ за женою порядочное приданое, заключавшееся, кромѣ мебели и одежды, въ серебряныхъ и золотыхъ вещахъ, я рѣшился воспользоваться имъ, рассчитывая, въ отсутствіе хозяина, убить мать, жену и служанку, но чтобы успѣхъ задуманнаго предпріятія былъ вѣрнѣе, я намѣревался убить сначала главу семейства, а потому, въ видахъ предосторожности, написалъ ему каракулями пригласительную записку, не подписавъ своего имени, чтобы со смертію его окончательно скрыть всякій слѣдъ къ поискамъ».

Далѣе преступникъ объяснилъ, что, заманивъ къ себѣ послѣ сытнаго завтрака и доброй выпивки свою жертву, онъ нѣсколькими ударами кистеня надѣялся повалить ее и, разрѣзавъ на части, разложить въ три парусиные мѣшка, для непроницаемости выкрашенные снаружи и свутри масляною краскою. Наполненные человѣчиною мѣшки убійца рассчитывалъ постепенно вынести, побросать въ прорубь сосѣднаго съ казенной квартирой Екатерининскаго канала и потомъ уже, когда смеркнется, смѣло идти въ Стремянную на болѣе легкое предпріятіе и, разбогатѣвъ золотомъ и серебромъ, для окончательнаго сокрытія слѣдовъ преступленія, задумалъ поджечь квартиру и скрыться!..... Но едва только успѣлъ онъ приглашенному имъ гостю нанести нѣсколько ударовъ (послѣ которыхъ онъ имѣлъ еще столько силы, что выскочилъ въ кухню и, захрапѣвъ, упалъ), какъ неожиданно вопля возвратившаяся съ похоронъ²⁾ кухарка, которая, не понявъ сначала, въ чемъ дѣло, помогла ему вытащить полумертваго и посадить на извозчика. Сбросивъ умирающаго у воротъ, Я—левъ побрѣлъ, куда глаза глядятъ, и очутился за городомъ, гдѣ скрывался около двухъ сутокъ, опасаясь воротиться домой!.....

¹⁾ Гдѣ смѣтливые служители знали Я — лева.

²⁾ Т. е., съ похоронъ отца убійцы, который, рассчитывая на продолжительность поминковъ, справляемыхъ большею частію у кухмистеровъ, не ожидалъ ранняго возвращенія кого-либо изъ домашнихъ.

Такъ провелъ сынъ день погребенія отца!

Такъ обнаружилось ужасное преступленіе нравственнаго урода, который, въ качествѣ несовершеннолѣтняго, подлежалъ не обыкновенному уголовному, но лишь совѣстному суду (Св. Зак., т. X, разд. III, гл. I). Но за нанесеніе смотрителю тюрьмы удара по лицу, Я—левъ посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ умеръ, не дождавшись рѣшенія суда.

IX.

Къ извѣстному петербургскому банкиру является молодой человекъ, назвавшійся камердинеромъ одного изъ иностранныхъ принцевъ, и объявляетъ, что пріѣхавшій на нѣсколько часовъ изъ лагерей подъ Краснымъ Селомъ и остановившійся въ одномъ изъ аристократическихъ отелей принцъ, проситъ банкира пожаловать къ нему по нетерпящему отлагательства дѣлу и для выграва времени прислать за нимъ свой экипажъ.

Банкиръ, спросивъ нумеръ, въ которомъ остановился принцъ, обѣщаль тотчасъ пріѣхать, но въ своемъ экипажѣ.

При входѣ въ первую комнату, банкиръ нашелъ ее пустою, но едва заглянулъ въ другую, какъ мнимый камердинеръ принца и два его товарища, стремительно бросились на него и принялись душить, но онъ успѣлъ одного изъ нихъ сильно ударить въ грудь и еще сильнѣе закричать о помощи. Къ счастью, крикъ былъ услышанъ прислугой, при появленіи которой мошенники, оставя свою жертву, успѣли скрыться другимъ ходомъ, который за собою заперли.

Оказалось, что трое финляндцевъ, привеза большой и тяжелый чемоданъ, завали на одинъ день дорогой нумеръ отеля для какого-то принца.

При осмотрѣ оставленнаго злоумышленниками чемодана, въ немъ найдены были завернутые въ рогожѣ кирпичи, грязныя тряпки и пара старухъ, стоптаныхъ и никуда негодныхъ сапогъ. Изъ совокупности обстоятельствъ можно было съ достовѣрностію заключить, что мошенники, нанявъ экипажъ, посланный съ однимъ изъ нихъ за банкиромъ, рассчитывали, что догадливый капитанскій, отправляясь къ принцу, непременно захватитъ съ собою почтенную сумму денегъ, которою можно будетъ воспользоваться цѣною жизни довѣрчиваго богача.

Такъ или иначе, но полиціи предстояла трудная задача доисаться, кто были эти злоумышленники? При положительномъ отсутствіи какихъ-либо данныхъ, задача была дѣйствительно не легкая. Надъ нею долго ломала голову и билась мѣстная полиція, но совершенно безуспѣшно. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ оберъ-полиціймейстеръ, генералъ-адъютантъ А. П. Галаховъ, долго не рѣшавшійся обойти мѣстнаго пристава,¹⁾ посылаетъ за Шерстобитовымъ, поручаетъ ему съѣздить въ 1-ю адмиралтейскую часть, внимательно осмотрѣть оставленныя мошенниками вещи и попытаться, не найдеть-ли онъ какого-нибудь ключа къ разрѣшенію задачи?

При появленіи Шерстобитова, мѣстные полицейскіе чиновники открыто подтрунивали надъ нимъ, пока онъ разсматривалъ чемоданъ, каждый кирпичъ, въ немъ найденный, и стоптанные до-нельзя сапоги. Наконецъ онъ беретъ перочинный ножикъ и разрѣзаетъ голенище одного сапога до самаго каблукка.

¹⁾ Подполковникъ Горбуновъ, служившій прежде л.-г. въ Егерскомъ полку. А. Л.

Насмѣшки усилились, но Шерстобитовъ, не обращая на нихъ вниманія, беретъ разрѣзанный сапогъ, раскланывается и уѣзжаетъ.

Шерстобитовъ исчезъ, но черезъ три дня привозитъ къ Галахову арестованныхъ имъ и доведенныхъ до чистосердечнаго раскаянiя всѣхъ тронхъ злоумышленниковъ.

Торжество Галахова и Шерстобитова было полное! Государь пожаловалъ Шерстобитову орденъ, а банкиръ при любезномъ письмѣ прислалъ ему тысячу рублей, но онъ ихъ не принялъ, отзываясь, что хотя обнаруженiемъ людей, покушавшихся на его жизнь, онъ исполнилъ только свою обязанность, но не откажется отъ пособiя, если на это будетъ испрошено высочайшее соизволенiе.

Оно послѣдовало съ добавленiемъ, чтобы такая же сумма была выдана Шерстобитову изъ государственнаго казначейства.

Штука Шерстобитова не заключала въ себѣ ничего чрезвычайнаго, кромѣ находчивости и примѣрнаго терпѣнiя. Дѣло въ томъ, что ему посчастливилось найтц въ нижней части голенища почти совершенно стертое отъ времени клеймо мастера и на немъ что-то похожее на букву Ф. Выписавъ изъ адреснаго стола всѣхъ сапожныхъ мастеровъ, фамилiи которыхъ начинались этою буквою, онъ объѣздитъ весь городъ и добился, что одинъ изъ мастеровъ призналъ сапогъ за свою работу и въ старой записной книгѣ заказовъ отыскалъ фамилiю давальца.

Обратясь снова въ адресный столъ, Шерстобитовъ узналъ, что бывший владѣлецъ изношеннаго сапога проживаетъ на Васильевскомъ островѣ, у одной нѣмки, отдающей уголки нѣсколькимъ постояльцамъ. Первое, что бросилось ему въ глаза при входѣ къ этой женщинѣ былъ чемоданъ, близнецъ найденному въ отелѣ. Оказалось, что тутъ проживали три финляндца, не имѣвшие определенныхъ занятiй и, по описанiю наружности, весьма сходные съ примѣтами отыскиваемыхъ. Далѣе узнано было, что къ нимъ никогда никто не заходилъ, кромѣ одного земляка, служащаго провизоромъ въ аптекѣ, у Калинкина моста.

Шерстобитовъ поскакалъ къ Калинкину мосту за провизоромъ, но, не успѣвъ войти въ аптеку, встрѣтилъ выходящаго оттуда рыжаго мужчину. Онъ быстро и, конечно, на удачу, хватается его за воротъ и спрашиваетъ:

— «Гдѣ твои два товарища?»

— «Тутъ, на мосту», отвѣчалъ оторопѣвшiй арестантъ.

Съ помощiю торгующихъ на мосту калачниковъ схвачены и остальные. Всѣ они тутъ же созвались.

X.

Надзиратель Шерстобитовъ.

Если бы, кромѣ описанныхъ здѣсь двухъ случаевъ, пришлось припоминать и другiе, болѣе или менѣе выдающiеся факты изъ полицейской службы Карпа Леонтьевича Шерстобитова, въ нихъ нашлось бы много поучительнаго и для выѣшнихъ, болѣе его образованныхъ, молодыхъ людей, имѣющихъ призванiе къ честной дѣятельности на этомъ почтенномъ и трудномъ поприщѣ службы. Во всякомъ случаѣ личность Шерстобитова, этого знаменитаго въ свое время сыщика, этого русскаго Фуше, какъ не совсѣмъ вѣрно¹⁾ величалъ

¹⁾ Потому невѣрно, что Шерстобитовъ, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ искуснаго сыщика, имѣлъ доброе, сострадательное сердце, чего исторiя отнюдь

его покойный А. П. Галаховъ, заслуживаетъ, чтобы о немъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Б. Л. Шерстобитовъ происходилъ изъ солдатскихъ дѣтей и, прослужа 20 л. въ званіи фельдшера Кронштадскаго морскаго госпиталя, уволенъ былъ съ производствомъ въ коллежскіе регистраторы (1841 г.). По наружности Шерстобитова, по отсутствію въ немъ угловатости, по его мягкимъ и благороднымъ приемамъ, онъ болѣе походилъ на приличнаго свѣтскаго господина, чѣмъ на бывшаго кавтониста.

По рекомендаціи бывшаго брантъ-маіора О. С. Орловскаго, покойный С. А. Кокоскинъ охотно принялъ Шерстобитова на службу съ званіемъ помощника квартальнаго надирателя. Въ этомъ званіи онъ прослужилъ не болѣе года и сдѣланъ былъ старшимъ помощникомъ, а вслѣдъ затѣмъ получилъ кварталъ, или, какъ теперь называютъ, участокъ.

Не было примѣра, чтобы Шерстобитовъ не счумѣлъ дать обстоятельнаго отчета о комъ-либо изъ домовладѣльцевъ или порядочныхъ обывателей ввѣреннаго ему квартала. Кромѣ добраго, дѣльнаго и всѣми любимаго полицейскаго офицера, Шерстобитовъ вскорѣ заявилъ себя самымъ искуснымъ, осторожнымъ, находчивымъ, вкрадчивымъ и терпѣливымъ сыщикомъ, а потому, кромѣ прямыхъ обязанностей по участку, на него весьма часто возлагались особыя порученія, а иногда и командировки по преслѣдованію скрывавшихся преступниковъ. Тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, при помощи которыхъ во сто кратъ удобнѣе преслѣдовать злодѣевъ, но, не взирая на все это, не было примѣра, чтобы Шерстобитовъ не выполнялъ возложеннаго на него порученія къ пользѣ службы.

Заслуги Шерстобитова не только выдвинули его изъ толпы, но и привлекли на себя милостивое вниманіе покойнаго Государя, удостоившаго его въ теченіи трехъ лѣтъ слѣдующихъ наградъ: св. Станислава и св. Анны 3-хъ степеней, св. Владиміра 4-й ст. и св. Станислава 2-го класса, а съ ними—и потомственнаго дворянства.

Кокоскинъ и Галаховъ дорожили Шерстобитовымъ, но что побудило его оставить службу послѣ увольненія Галахова—миѣ неизвѣстно.

А. Домачевскій.

Описка въ статьѣ о М. И. Глинкѣ.

Въ текстѣ моей статьи, въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины», вкрадась довольно важная описка, если не опечатка. На страницѣ 707 сказано: «Поощряемый П. Кукольниковъ, Глинка приглашалъ насъ на обѣдъ и няняки въ складчину и проч.». Слѣдуетъ сказать: «...Я не только приглашалъ насъ...» и проч.

Глинка, какъ добрый и всегда стоворчивый товарищъ, никогда почти не отказывался отъ подобныхъ сходокъ, но никогда не дѣлалъ и почина въ этомъ отношеніи; напротивъ, онъ первый, какъ это видно изъ моей же статьи (таже

не приписываетъ Наполеоновскому Фуше, этому свидѣтелю всѣхъ ужасовъ терроризма и участнику въ смертномъ приговорѣ несчастному Людовику XVI. Шерстобитовъ скорѣе былъ русскій Лекокъ, чѣмъ Фуше. А. Л.

107 стр.), возсталъ противу многочисленныхъ, но малосмысленныхъ первый, такъ сказать, образумилъ Нестора-Ковольника, увлеченнаго примаса черезъ-чуръ разгуливавшейся «братія».

А. Н. Струговщичевъ.

Н. А. Маркевичъ.

Въ IX томѣ «Русской Старины» изд. 1873 г., А. Н. Струговщичевъ, упоминая объ исторіи Малороссіи Николаѣ Андреевичѣ Маркевичѣ (стр. 700, примѣчаніе), говоритъ, что онъ умеръ въ сороковыхъ годахъ. Показаніе это ошибочно, что видно изъ слѣдующей замѣтки «Памятной книжки Полтавской губерніи» 1856 г., изд. г. Бодянского.

Николай Андреевичъ Маркевичъ родился 26-го января 1804 г. въ с. Дунайцѣ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда, скончался 9-го іюня 1880 г. въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Туровѣ, Прилуцкаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе получилъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію, Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенко, а въ 1817 г. былъ помѣщенъ въ пансіонъ при Педагогическомъ Институтѣ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Первые стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: его «Гробъ» — стихотвореніе, написанное гекзаметромъ, было напечатано В. А. Жуковскимъ еще въ 1817 г., когда Маркевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 г. Николай Андреевичъ поступилъ на службу въ Драгунскій армейскій полкъ; вскорѣ, по желанію отца, вышелъ въ отставку; въ 1829 г. поселился въ Москвѣ; здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, сдѣлался превосходнымъ пианистомъ. Въ 1829 г. Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои «Элегіи», «Еврейскія мелодіи» и «Стихотворенія эротическія»; въ 1831 г. тамъ же издавалъ «Украинскія мелодіи». По смерти отца, Николай Андреевичъ удалился въ деревню и предался съ увлеченіемъ сельскому хозяйству. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была «Исторія Малороссіи», изданная въ 5-ти томахъ, въ Москвѣ, въ 1842 г. Онъ оказалъ услугу своей роднѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6,000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву, который продалъ, незадолго до смерти, помѣщику Полтавской губерніи, Лукашевичу (ум. въ 1859 г.). Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ въ послѣдніе годы своей жизни напечаталъ слѣдующія интересныя брошюры: 1) О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ особенности; 2) Объ овцеводствѣ въ Малороссіи; 3) Рѣка Полтавской губерніи; 4) О народонаселеніи Полтавской губерніи; 5) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки вышншихъ Малороссіянъ.

Онъ похороненъ въ своей любимой Туровѣ, подлѣ церкви, въ саду.

Въ 1851 г. Маркевичъ предполагалъ приступать къ изданію своего громаднаго архива (12,000 манускриптовъ на четырнадцати языкахъ, начиная съ 1594 г.) и заявленіе о своемъ намѣреніи напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1851 г., LXXIV, отд. 3, стр. 328—336). Дѣло изданія, однако, дальше заявленія не поднялось.

Иванъ Павловскій.

Село Циглеровна, Полтавской губ.

МАРВА ПОСАДНИЦА

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Н. П. ЖАНДРА.

(Посвящено Н. П. К—ой).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Люди, достаточно знакомые съ исторіей, знаютъ, что если, при изображеніи какого-либо политическаго переворота, мы не имѣемъ свѣденій о фізіономіи лицъ, принимавшихъ въ немъ дѣятельное участіе, то единственное средство составить себѣ вѣрное о нихъ представленіе есть изученіе среды ихъ породившей, то есть фізіономіи цѣлаго общества въ данную минуту. Такъ, въ эпоху древняго республиканскаго Рима, мы видимъ величавые образы, съ цѣльными характеристиками, гражданъ и гражданокъ, полныхъ самоотверженія, желѣзной воли и доблести гражданской; въ эпоху императорскаго Рима—развратныхъ деспотовъ, продажныхъ сенаторовъ, наемныхъ доносчиковъ, разныхъ Тигелиновъ, Аницетовъ, Коммодовъ, Каллигулъ, Мессалинъ, Агриппинъ и т. п. Къ какой бы исторіи мы ни обратились, вездѣ встрѣчаемъ тоже самое; никогда иначе и не бываетъ.

Историческое повѣствованіе событія, воспроизведеннаго въ предлагаемой драмѣ, не даетъ намъ никакихъ свѣденій о фізіономіи главныхъ руководителей Новгородскаго движенія. Н. И. Костомаровъ, съ подобающею мужу науки осторожностью, прямо говоритъ: „Личность самой Марѣи остается блѣдною по недостатку свѣденій“ (Сѣверн. рус. народопр. I, 162). О другихъ дѣятеляхъ: сынъ ея Дмитріѣвъ, Клирианъ Арбузевъ, Селезневъ и прочихъ,—намъ еще менѣе извѣстно. Изъ трудовъ Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и Н. И. Костомарова знаемъ только, что они были главными приверженцами Литовской партіи и были казнены; больше ничего.

Но для драмы, какъ воспроизведенія жизни, нужны прежде всего живыя лица, охарактеризованныя господствующею въ каждомъ страстью, такъ какъ политическія мнѣнія не рисуютъ характера чело-
вѣка,—рисуютъ его одніи страсти. Поэтому, драматургу мало знать,

что такіе-то люди дѣлали въ данномъ случаѣ то или другое; нужно знать почему они дѣйствовали такъ, а не иначе; какія страсти и личныя расчѣты ихъ къ тому побуждали,—словомъ, нужны характеры. Вотъ тутъ-то, за неимѣніемъ свѣденій о характерахъ выводимыхъ лицъ, и приходится обратиться къ средѣ ихъ окружавшей, и сообразить, какого-же рода людей эта среда, то есть общество, могло изъ себя дать?

Для изученія фізіономіи Новгородскаго общества въ описываемое время, лѣтописи представляютъ не мало любопытныхъ свидѣтельствъ; но читателю, желающему познакомиться съ нравами эпохи, нѣтъ даже надобности рыться въ сухихъ матеріалахъ; стѣитъ прочесть со вниманіемъ, какъ плодъ позднѣйшихъ изысканій, „Сѣверно-русскія народоправства“ Н. И. Костомарова и сгруппировать свѣденія, изложенныя на страницахъ: 186, 192, 193, 205 и 209 тома I, главы X, а также свѣденія о нравахъ, бытѣ и проч. въ статьяхъ II тома: Вѣче (стр 37), Судъ (стр. 100—103), Усобицы (стр. 104, 112—117), Частная жизнь и друг. Передъ нимъ тогда предстанетъ полная картина глубоко, нравственно и политически, деморализованнаго Новгородскаго общества.¹⁾ Если сопоставить, рядомъ съ этимъ фактомъ, тотъ знаменательный фактъ, что Псковъ и Вятка, связанные тождественною судьбою съ Новгородомъ, и также деморализованные, не только не пошли за него, при покушеніи Московскаго Великаго Князя, но пошли противъ него подъ знаменемъ единодержавія, то нельзя не придти къ заключенію, что пѣсня Новгородцевъ была дѣйствительно уже спѣта, что почвы для самоуправленія не существовало, и не Іоаннъ III. со своими объединительными планами, покорилъ Новгородъ, а покорили его, какъ потомъ и Псковъ и Вятку, собственная неурядица и политическая безтактность. При произвольномъ толкованіи историческихъ фактовъ, можно представлять дѣло, какъ угодно, но въ дѣйствительности оно было такъ. Еслибы Псковъ, Новгородъ и Вятка были тверды въ самоуправленіи и дружно спло-

¹⁾ «Тогда»—говоритъ лѣтописецъ—«въ Новгородѣ не было ни правды, ни справедливаго суда; возстали ябедники, устраивали четы и обѣты и дѣловали на неправду; и стали грабить по селамъ и на волостяхъ и по городу; и стали мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ; и по волостямъ было разореніе и частые поборы, крикъ и рыданіе, и вопль, и проклятія людей на нашихъ старѣйшинъ и на нашъ городъ; ибо не было у насъ ни жалости, ни правосудія». Новгород. Лѣт. IV,—126.

тились на опору всякому посягательству на ихъ независимость, нѣтъ сомнѣнiя, что они могли бы еще продлить свою самостоятельность. Иоаннъ, какъ извѣстно, только ловко воспользовался ихъ внутреннимъ разладомъ и безрасчетною взаимною враждой. Да мы не видимъ, наконецъ, въ исторiи и примѣровъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ, по своей инициативѣ, измѣнить государственный строй цѣлаго политическаго тѣла. Филиппъ II Испанскiй думалъ такъ сдѣлать съ Нидерландами въ XVI столѣтiи, но, всѣмъ извѣстно, успѣлъ ли онъ въ этомъ. Исторiя, напротивъ, насъ учитъ, что государственный строй страны можетъ быть измѣненъ только временемъ, т. е. связывающеюся въ самомъ обществѣ потребностью такого измѣненiя. Человѣкъ, въ этомъ случаѣ его совершающiй, является не болѣе какъ орудiемъ историческихъ судебъ своего народа, и если онъ оставляетъ по себѣ имя въ исторiи, то это собственно потому, что имѣлъ прозорливость понять и твердость воли осуществить жизненные потребности своего времени. Изъ этого вытекаетъ та непреложная истина, что всякiй политическiй организмъ умираетъ только тогда, когда носить уже въ самомъ себѣ зачатки своего разрушенiя и отжившiй въ немъ строй, отвергаемый духомъ времени, вынужденъ бѣжать въ мѣсто новому порядку.

Въ виду указаннаго положенiя Новгородскаго общества, предполагать въ Марѣ Борецкой какую-нибудь грандиозную римлянку временъ древней республики, жертвующую (для усиленiя своей партiи въ народѣ) громаднымъ состоянiемъ, рискующую жизнью сыновей и собственной своею, безъ всякихъ личныхъ расчетовъ, изъ одного лишь рвенiя къ общему благу, было бы, со стороны автора, крайнею наивностью; такихъ характеровъ въ подобныя эпохи не бываетъ. Если же и встрѣчаются исключенiя, то это въ лицѣ идеалистовъ, людей не практическихъ; они не играютъ первенствующей роли, а довѣрчиво группируются около главной силы, часто служа бессознательно ея вполнѣ личнымъ цѣлямъ. Это мы видимъ во всѣхъ революцiяхъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что и въ упавшемъ Новгородскомъ обществѣ XV-го вѣка были, особенно въ рядахъ довѣрчивой молодежи, люди съ доблестнымъ духомъ, любившiе свою родину безкорыстно и отстаивавшiе ея независимость безъ всякихъ личныхъ видовъ. Такимъ является въ драмѣ старшiй сынъ Мары—Дмитрiй. Онъ, со всѣмъ пыломъ и увлеченiемъ молодости, бросается безъ оглядки въ рискован-

ное предпріятіе, основывая надежды на однихъ сомнительныхъ предположеніяхъ, идетъ потомъ въ первый огонь, когда увидѣлъ, что дѣло ужъ проиграно и оплачивается, наконецъ, поворною казнью за свою слѣбую вѣру въ невозможный идеалъ. Такова всегда участь мучениковъ за идею; но не такою личностью представляется автору Марен. Онъ видитъ въ ней женщину умную, но не проникательную, пылкую и энергическую, властолюбивую и увлекающуюся, легкомысленную, наконецъ, какъ все общество ее окружавшее. Этимъ характеромъ легкомыслія запечатлѣно, по свидѣтельству исторіи, и самое возстаніе Новгородцевъ.

Изъ такого взгляда на характеръ Маренъ, возникаетъ невольна догадка, что преданіе о замышленномъ ею бракѣ съ однимъ знатымъ Литовскимъ вельможей, другомъ короля Казимира, въ тѣхъ видахъ чтобы, отбившись при помощи послѣдняго отъ притязаній Іоанна, стать правительницей самостоятельной области, подъ покровительствомъ Польши,—что преданіе это, какъ выше сказано, есть фактъ, съ одной стороны объясняющій раздвоеніе Новгородскаго общества на партіи Московскую и Литовскую, съ другой—снимающій съ Новгородскаго народа укоризну въ посягательствѣ отложиться отъ единовѣрной Москвы. Такова историческая догадка автора; она можетъ оказаться и вѣрною и нѣтъ, но сомнительно, чтобы наука могла, путемъ фактовъ, опровергнуть такое предположеніе; въ области же догадокъ, ей не предоставлено такого широкаго поприща, какъ фантазіи драматурга. Наконецъ, если бы наука и смогла доказать несостоятельность приводимаго преданія (передаваемого, впрочемъ, лѣтописцами), то поэзія тѣмъ не менѣе имѣетъ не только право, но даже обязанность имъ пользоваться, въ томъ вниманіи, что подобнаго рода преданія свидѣтельствуютъ о настроеніи, въ данную минуту, народной мысли.

На этомъ-то преданіи построена вся пьеса. Въ ней много вымысла, но нѣтъ ничего, въ крупныхъ чертахъ разумѣтся, не имѣющаго исторической основы. Капитальныя же черты, которыми исторія передаетъ событіе, воспроизведены въ точности,

Н. Ж.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Іоаннъ III, Великій Князь Московскій.

Марѳа Борецкая, вдова Посадника Ісаака Борецкаго, 40 лѣтъ.

Дмитрій Борецкій, Степенный Посадникъ

Новгородскій, 24-хъ лѣтъ.

Феодоръ Борецкій, 23-хъ лѣтъ.

} сыновья Марѳы.

Бояринъ Иванъ Федоровичъ Товарновъ, посолъ Іоанна къ Новгородцамъ.

Алексѣй Баторинъ, лѣтъ 35-ти.

Киприанъ Арбузьевъ, старый Посадникъ.

Захаръ Аванасьевъ, старый Посадникъ.

Василій Ананьинъ, старый Посадникъ.

Дмитрій Патрикѣевъ, старый Посадникъ.

Титъ Арбузьевъ.

Василій Селезневъ.

Андрей Селезневъ.

Никита Аванасьевъ.

Степанъ Григоровичъ.

Иванъ Сухомлиновъ, старый Посадникъ.

Данило Асташевъ,

Настасья, дочь Сухомлинова.

Филатьевна, ея мамушка.

Наталья Григоровичева, жена Григоровича.

Володя Бутусъ, Посадничій сынъ.

Данила Артамоновъ, Степенный Тысяцкій.

Отецъ Амвросій, инокъ.

Катерина, племянница Марѳы.

Ратный говедъ изъ Вышгорода.

Староста Неревскаго конца.

Староста Гончарскаго конца.

Староста Славенскаго конца.

} Бояре, сторонники Борецкихъ.

} Бояре, сторонники Москвы.

Староста Плотницкаго конца.

Староста Загороднаго конца.

Купецъ суконныхъ товаровъ.

Оружейный мастеръ.

Торговецъ желѣза.

Московскій гость изъ купцовъ.

Игнатъевна, старуха торговка.

Тимоша Веселый, парень среднихъ лѣтъ.

Пафнутьичъ, дворяникъ.

Слуга Мары.

Старикъ, престолюдинъ.

Парни: первый, второй, третій.

Ратники: первый, второй третій.

Торговки: первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая.

Боаре и ратные воеводы свиты Великаго Князя, Посадники и боаре Новгородскіе, купцы; Очередные Неревскаго и Плотницкаго концовъ, ратники, два тюремные сторожа, городская стража, народъ, женщины и дѣти.

Дѣйствіе въ Великомъ Новгородѣ въ 1471 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена I.

(Пріемный покой въ *чудномъ*, по сказанію лѣтописца, домѣ Марѣи. Въ среднѣи дверь и, по каждую ея сторону, окна. Справа и слѣва, дѣри во внутрєннєі покои. Утро).

Дмитрій и Ѳеодоръ Борецкіе, братья Арбузьевы, братья Селезевы, братья Аѳанасьевы, Патрикѣевъ, Григоровичъ и Ананьинъ—сидятъ, группою, въ правой отъ зрителя сторонѣ. При поднятїи занавѣса, Дмитрій Борецкій, а за нимъ и всѣ другіе, вставатъ.

Дмитрій.

Такъ, такъ, бояре; дѣло рѣшено;
Во всемъ другомъ, мы сдѣлаемъ уступку,
Но вольности не отдадимъ своей.
Вы слышали, что намъ посоль повѣдалъ;
Знать осерчалъ ужъ больно Іоаннъ;
Посоль привезъ намъ уговоръ послѣдній.
Каковъ бы ни былъ уговоръ, одинъ
Намъ Новгородъ Великій государемъ.

Ѳеодоръ Борецкій и братья Селезевы.

Вѣстимо такъ.

Братья Арбузьевы и Аѳанасьевы.

На этомъ стоимъ.

Ананьинъ.

А что-жь, Дмитрій, наша дорогая
Хозяйшка не съ нами въ этотъ часъ?

Дмитрій (*подходит къ окну*).

Пошла къ обѣднѣ, но должно быть скоро
Воротится. Вотъ, кажется, идетъ.

Патрикѣевъ (*тихо Григоровичу заглядыва-
вая въ другое окно*).

Гляди-ка! и идетъ-то, что царица!
Не диво, вправду, что Баторинъ бросилъ
Изъ-за нея касаточку свою.

(*Входитъ Марѳа*).

Марѳа (*клямясь вѣсьмъ*).

Свободнымъ русскимъ людямъ мой поклонъ.

Кирианъ Арбузьевъ (*низко клямясь*).

Тебѣ и до земли, надежда наша.

Марѳа.

Такъ чествую васъ, гости, потому,
Что вѣдаю, о чемъ идетъ бесѣда.
Да! настаетъ часъ роковой для насъ:
Теперь или никогда—пусть знаетъ Вѣче.
Навѣкъ остаться вольною землей,
Или заглохнуть въ рабствѣ малодушномъ.
Надѣюсь, какъ вечеръ рѣшили мы,
Такъ и отвѣтимъ?

Патрикѣевъ.

Такъ, вѣстимо, Марѳа;
Но, вотъ, намъ всѣмъ сдается, что посоль'
Пожалуетъ, гляди, къ тебѣ съ поклономъ.
Разумна ты, и рѣчью не обидѣлъ
Тебя Господь, такъ ужъ потщись посла
Уговорить, какъ знаешь,—чтобъ избѣгнуть
Войны намъ съ Иоанномъ и бѣды
По моему, едва-ль того не горшеи—
Искать союза съ Польскимъ королемъ.

Кирианъ Арбузьевъ.

А чѣмъ бѣда въ томъ горшая, бояринъ?

Патрикѣевъ.

А тѣмъ, родной, что, вотъ, до сей поры,
Народъ на нашей сторонѣ, но буде
Уразумѣеть онъ, что съ подчиненьемъ
Господству Казимірову, грозитъ
Обида нашей вѣрѣ православной,
Что ересь намъ латинская грозитъ,
Онъ не пойдетъ за нами.

Кирианъ Арбузьевъ

Но, позволь;

Мы рѣчи не ведемъ о подчиненьи;
Въ подданствѣ не хотимъ мы быть ни въ чьемъ.

Патрикѣевъ.

Отецъ мой, подчиненье не подданство,
А подчиненье будетъ, что ты тамъ
Ни говори о вольномъ договорѣ.

Кирианъ Арбузьевъ.

И всё-жъ, на счетъ латинства можемъ мы....

Марфа.

Дозвольте мнѣ васъ примирить, бояре.
Димитрій Аванасъичъ разсудилъ —
И спора нѣтъ — разумно; но надѣюсь,
Намъ нечего бояться ни войны
Съ Московцами, ни угнетенья вѣры.
Войной на насъ князь, нынѣ, не пойдетъ;
Онъ вѣдаетъ — самъ Богъ оберегаетъ
Великій Новгородъ; не кладъ ему
Топить весной, въ болотахъ нашихъ, войско;
До осени, войны не можетъ быть.
А что до подчиненья Казиміру,

И этого, дасть Богъ, не будетъ зла.
 Намъ надо припугнуть лишь Юанна;
 Онъ не допуститъ насъ пристать къ Литвѣ;
 Скорѣй на уговоръ нашъ согласится.

Патрикѣевъ.

Твоими бы устами меду пить,
 Боярыня!

Титъ Арбузьевъ

А что-жъ! и впрямь онъ струсить.

Патрикѣевъ.

Увидимъ. А касательно расчета,
 Что въ этотъ часъ не можетъ быть войны,
 Оно хотя и правда, что доселѣ
 Никто весной къ намъ рати не водилъ,
 Но вѣдь болота могутъ и просохнуть;
 На все Господня воля.

Марса (*всплльчиво*).

Если такъ

Димитрій Аванасъичъ, то не лучше-ль
 Намъ прямо ужъ съ повинною идти
 И надѣвать своей рукою цѣпи?

Григоровичъ.

Не гнѣвайся, боярыня! сказалъ
 Димитрій Аванасъичъ лишь къ тому,
 Что надо быть на все готовымъ.

Патрикѣевъ.

Правда,

И слѣдъ бы намъ, по мнѣ, съ сего-жъ часа
 Рать подымать, — тамъ, вѣдь готово войско.

Марса

А! это рѣчь иная. Бабій умъ
 Коротокъ, что и говорить, бояринъ;

Но, вотъ, пождемъ, чѣмъ кончимъ споръ съ Москвой;
Коли-жъ любовью дѣла не уладимъ,
Рѣшимъ тогда и войско подымать.

(Входитъ слуга).

Слуга.

Боярыня! бояринъ Товарковъ
Съ Москвы, предстать передъ тебя желаетъ;
Посланецъ ждетъ отвѣта.

Марфа *(слухъ).*

Попроси

Боярыня. Ну, гости дорогіе,
Вотъ вамъ и онъ, какъ на голову снѣгъ.
Пойду, принаряжусь; а васъ покорно
Прошу, пока, въ палаты къ сыновьямъ
Пожаловать; по вечеру, надѣюсь,
За хлѣбомъ-солью, мы поговоримъ.

(Уходитъ въ лѣвую отъ зрителя дверь).

Патрикѣевъ *(Григоровичу).*

Замѣтилъ, какъ на счетъ-то Казимира
Она юркнула ловко? А?

Григоровичъ.

Ну, да.

Титъ Арбузовъ *(Дмитрію).*

Ты что-жъ, хозяинъ дорогой, намъ скажешь
Про договоръ нашъ съ Польскимъ королемъ?

Дмитрій.

Я, Титъ Ѳомичъ, молдшій между вами,
Какъ вы рѣшите, такъ и будетъ.

Кирианъ Арбузовъ.

Нѣтъ,

Ты намъ скажи, какъ ты объ этомъ мыслишь.

Дмитрій.

Что напередъ загадывать? пождемъ,
 Чѣмъ порѣшится споръ нашъ съ Товарковымъ;
 Когда же не уступитъ Іоаннъ,
 Тогда, по мнѣ, благословяся, биться
 На жизнь и смерть; вотъ все.

Кипріанъ Арбузьевъ.

Люба отвага

И пылкость молодецкая; но, другъ,
 Вѣдь въ томъ и суть, чтобъ биться не напрасно
 И взять свое; а одолѣть Москву
 Намъ можно-ли безъ рати Казимира?
 Вотъ ты на этотъ счетъ намъ и скажи,
 Какъ думаешь?

Дмитрій.

Я, Кипріанъ Петровичъ,
 Тождь думаю, что намъ сейчасъ сказалъ
 Дмитрій Аванасъичъ.

Василій Селезневъ.

Нѣтъ! не можно

Безъ Казимира быть.

Никита Аванасьевъ.

Не можно! нѣтъ!

Ананъинъ.

Не слѣдъ бы подымать о семъ и рѣчи.

Андрей Селезневъ.

Гдѣ-жъ справиться съ Москвою намъ однимъ!

Григоровичъ.

И мнѣ сдается, трудно.

Захаръ Аванасьевъ.

Да не трудно,
А просто, значить, овцами идти
На встрѣчу волку!

Кирианъ Арбузьевъ.

Ну, а ты, Феодоръ
Исаковичъ? ты тоже съ братомъ, что-ль?

Феодоръ.

Вѣстимо съ нимъ.

Кирианъ Арбузьевъ.

Ну, други, если нынѣ
И въ такомъ мы дѣлѣ врозь, такъ что-жъ,
Не лучше-ли и впрямь идти съ повинной?
Да и чего вамъ страшень Казиміръ?
Съ нимъ ладно жить, — однимъ свѣтъ полонъ слухомъ; —
Къ нему идутъ и нѣмцы.

Патрикѣевъ.

Нѣмцы пусть

Себѣ идутъ, коль это имъ пригодно,
Но намъ не подобаешь; а всего
Найболѣе, боимся мы за вѣру,
Я, Кирианъ Петровичъ, пояснилъ.

Кирианъ Арбузьевъ.

Ты пояснилъ не ясно, Аванасьичъ.
Не властны нѣшто выговорить мы
Всего первѣе въ грамотѣ, чтобъ вѣры
Не могъ отнюдь касаться Казиміръ?

Патрикѣевъ.

Мы властны выговаривать, что хотимъ,
Но договоръ одна статья, вотъ видишь,
А строгое храненіе его
Статья другая. Наконецъ, родимый,
Не въ томъ вѣдь суть, какъ мы съ тобой глядимъ,
А какъ народъ на это дѣло смотритъ,

Народъ-то, чья опора намъ нужна;
 А онъ, изволишь видѣть какъ смекаетъ, —
 За доводомъ ходить не далекò. —
 Когда скончался папъ Иона —
 (Пошли, Господь, покой душѣ его) —
 И приступили къ выбору владыки,
 Три жеребья избранныхъ, на престолъ
 Возложены въ святой Софїи были.
 По окончаньи литургїи, ихъ
 Къ народу стали выносить, и вышло,
 Что жребьемъ избранъ инокъ Θεοοидъ,
 Хотя Пименъ голосовъ имѣлъ всѣхъ больше —
 Что было всѣмъ извѣстно. Какъ тогда
 Народъ-то посмотрѣлъ на дѣло, помнишь?
 Его-де отвергаетъ самъ Господь;
 Онъ-де готовъ идти на поставленье
 Къ Григорію митрополиту, въ Кіевъ;
 Григорій же, Исидора преемникъ,
 Радѣлецъ Казиміра, и такой же
 Благопріятель папы. На Москвѣ —
 Кричалъ народъ — быть ставленнымъ владыкѣ,
 По старинѣ! — такъ вотъ оно, родной.

(Входитъ слуга)

Слуга.

Бояринъ Товарковъ, кажися, ѣдетъ.

Дмитрій.

Прошу ко мнѣ, бояре.

Патрикѣевъ.

Да ужò

Увидимся. Прости, добро, дружище.

*(Прощается и уходитъ. За нимъ уходятъ
 братья Склезины.)*

Кирианъ Арбузьевъ.

И то, — по вечеру поговоримъ.

*(Вся прощаются и уходятъ въ среднюю
 дверь. Дмитрій и Θεодоръ, проводивъ
 ихъ, уходятъ на право.)*

Сцена II.

Входит Мароа, въ богатомъ нарядѣ, съ ожерельемъ и запястьями на рукахъ.
Потомъ Товарковъ.

Мароа (*опрямляя нарядъ*).

Ну, какъ-то слажу я съ почетнымъ гостемъ?
Съ нимъ ухо, говорятъ, держи востро.

(*Входитъ Товарковъ, въ богатомъ боярскомъ нарядѣ*).

Мароа (*кланяясь*).

Добро пожаловать, нашъ гость желанный.

Товарковъ (*кланяясь*).

Боярыня! дозвожь мнѣ бить челомъ
Новгородца дщери именитой.
Великимъ княземъ присланъ я держать
Рѣчь мирную новгородскимъ людямъ,
И на сихъ дняхъ, на Вѣче выйду я;
Но прежде, бывъ уже наслышанъ много
О мудрости не женственной твоей,
И вѣдая твою въ народѣ силу,
Дозволилъ я себѣ придти сюда,
Чтобъ дружно побесѣдовать съ тобою.
Будь благодушна и внемли тому,
Въ чемъ отъ тебя себѣ опоры чаю.

Мароа (*кланяясь*).

Благодарю, бояринъ, за почетъ,
Котораго ничѣмъ не заслужила,
И слушаю, что повелишь.

(*Проситъ его знакомъ садиться и садится сама*).

Товарковъ.

Не стану,

Боярыня, упоминать обидь,
Считаю ихъ на васъ великимъ княземъ; —

Онъ тебѣ извѣстны; — рѣчь не въ нихъ.
 Ты вѣдаешь, какъ много Русь страдала
 По днесъ отъ раздробленья своего:
 Скорбь и позоръ лишь были намъ удѣломъ!
 Да иначе и быть тому нельзя,
 Пока мы врозь, какъ недруги какіе.
 Вотъ почему, великій князь не разъ
 Васъ звалъ къ себѣ, и нынѣ призываетъ;
 Но вы, какъ я ужъ вижу изъ моей
 Съ посадникомъ и тысяцкимъ бесѣды,
 И на сей разъ хотите отклонить
 Союзъ съ Москвой.

Марса.

Бояринъ! не союза
 Великій князь желаетъ съ нами; нѣтъ.
 Союза сами мы желаемъ крѣпко.
 Онъ требуетъ подданства; онъ зоветъ
 Насъ «отчиной» своею, а ни чьей
 Мы отчиной считаться не желаемъ.
 Хотимъ мы покровителя себѣ,
 Не государя, — вотъ оно, бояринъ.

Товарковъ.

Но это вѣдь не больше какъ почѣтъ.
 Великій князь льготъ вашихъ не нарушить,
 Онъ всѣ порядки ваши сохранить;
 Вы будете, чѣмъ и доселѣ были, —
 Войдете только въ общую семью
 Съ великою московскою семьею.
 Тогда лишь Русь, могуча и крѣпка,
 Возможенъ стать великимъ государствомъ
 На славу намъ, грозу врагамъ.

Марса (съ легкой ироніей).

Красно

Ты говоришь, бояринъ; оттого
 И шуба на тебѣ съ плеча княжова,
 И шапка многоцѣннаго бобра;

Тебѣ иной нельзя вести и рѣчи,
 На то, ты вѣрный княжескій слуга.
 Но намъ....

Товарковъ.

Твой сынъ, боярыня, не меньше
 Великимъ княземъ взысканъ; для тебя,
 Великій князь возвелъ его, столь юна,
 Въ почетный санъ боярина Москвы.

Мареа.

Все это правда сущая, бояринъ,
 И цѣнимъ это мы, и сынъ, и я,
 Но намъ-то, вольнымъ Новгородца людямъ,
 Свобода краше милостей и ласкъ;
 Ее не отдадимъ ни за какую
 Мы славу, что судить намъ Юаннъ.
 Не слава, благоденствіе намъ нужно;
 А мы его имѣемъ и безъ васъ.

Товарковъ.

Дозволь, боярыня....

Мареа.

Молчу, бояринъ.

Товарковъ.

Что благоденствіемъ изволишь звать,
 Едва-ли таково на самомъ дѣлѣ.
 Сословная вражда у васъ, что день
 То большіе размѣры принимаетъ;
 Усобицамъ и распрямъ нѣтъ конца;
 Нѣтъ между васъ того единодушья,
 Безъ коего, не можетъ ни одна
 Народная семья собою править.
 Повѣрь мнѣ, васъ поработить не тотъ
 Или другой сосѣдъ, своимъ оружіемъ, —
 Васъ собственный разладъ поработить.

Когда въ семьѣ народной нѣтъ единства,
Нѣтъ доблести гражданской, —

(допущеніе МАРЕН).

лишь одна

Державная рука главы народа
Порядокъ можетъ прочный водворить.
Будь, напримѣръ, въ твоей рукѣ могучей
Кормило Новгородскія земли,
Я-бъ головой за строй ея ручался.

Марен.

Бояринъ! ты-ли это говоришь?
Пособницей такого мужа дѣла,
Съ какимъ горжусь бесѣдой въ этотъ часъ,
Я-бы могла, быть можетъ, быть, не спору;
Но гдѣ-же мнѣ, безпомощной вдовѣ,
Держать въ рукахъ кормило управленья?
И у себя-то, въ собственной семьѣ,
Едва могу управиться. Ты въ посмѣхъ
Мнѣ говоришь, бояринъ, такъ.

Товарковъ.

Ничуть

Не въ посмѣхъ говорю; я больше вѣрю
Твоей единой силѣ, чѣмъ могу
Я вѣрить вашей власти безурядной.
Уразумѣй, боярыня, къ чему
Веду я рѣчь. Нашелся-бъ не одинъ,
Сомнѣнья нѣтъ, бояринъ именитый,
Который бы за счастье почелъ
Владѣть рукой, способной царствомъ править.

Марен.

Бояринъ! эти льстивыя слова.....

Товарковъ.

Есть истина, текущая отъ сердца. —
Великій князь, безспорно, былъ бы радъ

Намѣстникомъ своимъ такого мужа —
 (Съ широкими правами всеконечно) —
 Поставить на челѣ земли твоей;
 И, ежели ты родину такъ любишь,
 Помысли, сколько средствъ тогда найдешь
 Быть матерью для цѣлаго народа.

(Про себя)

Не въ этомъ-ли и вся-то дѣла суть?

Марфа *(про себя)*.

Пытаетъ онъ меня, но не поддамся.

(Вслухъ).

Нѣтъ, дорогой нашъ гость. Скажу, притомъ,
 Что сила та, какую мнѣ въ народѣ
 Ты придаешь, есть больше слухъ одинъ.
 Народъ ко мнѣ, вѣстимо, въ память мужа
 Благоволитъ; онъ сына моего,
 По той-же самой памяти, избралъ
 Посадникомъ степеннымъ; но, чтобъ волю
 Его могла, не только я, но сынъ
 Такъ или сякъ направить,—это сказка,
 Что недруги пускаютъ лишь о насъ.

Товарковъ.

Я думаю, не сказка.

Марфа.

Безъ лукавства

Должна, бояринъ, подтвердить одно —
 Что быть тебѣ угодною не властна.
 Вотъ, будешь ты къ народу рѣчь держать;
 Какъ скажутся бояре; какъ всѣмъ міромъ
 Народъ на твой откликнется призывъ,
 Ты это самъ увидишь; ты увидишь
 И тѣ, быть можетъ, что не такъ легко
 Туда или сюда народъ направить.
 А я,—я что?—я слабая жена;
 Могу желать лишь добраго исхода,
 И отъ души его желаю я;

Но, чѣмъ рѣшать, тому и поворюся.
Новгородъ дщерь, я раздѣлю
Во всея земли моей родимой долю.

Товарковъ *(кланяясь)*.

Прости, боярыня.

Марѳа *(кланяясь)*.

Благоволи

Принять мое спасибо за бесѣду.

Товарковъ.

Благодарю за ласку.

Марѳа.

Въ добрый часъ.

(Кланяются другъ другу; ТОВАРКОВЪ уходитъ. МАРФА хлопаетъ въ ладони. Входитъ спящая дѣвушка).

Сцена III.

Марѳа, потомъ Дмитрій и Феодоръ Борецкіе.

Марѳа.

Зови мнѣ сыновей сюда скорѣе.

(Дѣвушка уходитъ).

Марѳа.

Что это онъ мнѣ мазаль по губамъ
Надеждой быть правительницей вряя?
Не угадалъ-ли мысли ужъ моей?....
Но я не сдамся на посулы. Знаемъ
Мы эти обѣщанья! — пощадятъ,
На первый разъ, строй и порядки наши, —
А тамъ, чуть что, прихлопнуть, и — прощай,
И поминай какъ звали нашу волю. —
Нѣтъ, ты ужъ больно много рассчиталъ
На рѣчь свою медовую, бояринъ.

Нѣтъ, если быть правительницей мнѣ,
То ужь не подь началомъ Юанна!

(Входитъ ДМИТРІЙ и ѲЕОДОРЪ).

Марфа.

Ну, вѣрные сподвижники мои,
Окончена бесѣда съ Товарковымъ
Я вижу, остается намъ одно —
Искать себѣ опоры въ Казимірѣ.

Дмитрій.

Намъ остается, хочешь ты сказать,
Отстаивать родную волю силой?

Марфа.

Ну да, и съединиться съ королемъ,
Чтобъ войско даль; другаго нѣту средства.

Дмитрій.

Дозволь, родная, молвить слова два:
Какъ родину люблю я — это не знаетъ;
Я за нее радъ голову сложить
Въ бою честнѣмъ съ Москвой, на ратномъ полѣ;
Я за нее радъ въ пыткѣ умереть.
Но призывать на помощь иноземца,
Исконнаго земли своей врага;
Но измѣнять отечеству, — въ господство
Латинскому сдаваться королю...

Марфа.

Что это ты? или впервые слышишь?
Объ этомъ рѣчь не разъ уже была,
И ты мнѣ не перечеилъ.

Дмитрій.

Не перечеилъ

Я потому, что то была пова
Одна бесѣда только; коли-жъ слово

До дѣла ужъ доходить, то нельзя
О немъ не поразмыслить осторожно.

Марса (*запальчиво*).

Ну, да; быть можно храбрымъ на словахъ,
А какъ до дѣла, можно быть....

Дмитрій.

И трусомъ?

Никто меня такимъ не назоветъ,
Но я боюсь союза съ Казиміромъ.

Марса.

Ты, значить, противъ матери идешь?

Дмитрій.

Хотѣлъ-бы я идти путемъ вѣрнѣйшимъ.

Марса.

Какой же, по тебѣ, вѣрнѣйшій путь?

Дмитрій.

Самимъ стоять за дѣло, какъ стояли
Отцы и дѣды искони вѣковъ.
Нашъ Новгородъ, отъ князя Ярослава,
Былъ русскою свободною землей,
Но русскою землею, мать. Пытались
Не разъ князя насъ поворить; мы имъ
Не поддавались и бились съ ними,
Но то была борьба промежь себя,
Не звали мы враговъ Руси на помощь;
Такъ отстоимъ, дастъ Богъ, и въ этотъ разъ,
Не отпадая отъ семьи единой.

Марса (*садясь*).

Какую же имѣешь силу ты
Поставить противъ силы Юанна?

Дмитрій.

Псковъ, братъ меньшей нашъ, руку намъ подастъ;
Помогутъ намъ и Двиняне, и Вятка.
Они должны быть съ нами за одно.

Мареа.

Все это ладно въ головѣ твоей;
На дѣлѣ, ничего того не будетъ.
Намъ надо Казиміру бить челомя.

Дмитрій.

На это, мать, не можно согласиться.

Мареа (именно).

Ты вотъ каковъ?

(**Теодору.**)

А ты же скажешь что?

Теодоръ.

Онъ мой старшій; куда онъ путь направитъ,
Туда и я долженъ за нимъ идти.

Мареа.

Ну, ты не диво! вѣдь жена Московца.

Теодоръ.

Напрасно, мать, изволишь попрекать;
Жена моя давно всѣмъ сердцемъ наша;
Отвѣтствовалъ же такъ я потому,
Что дружно съ братомъ думаю, великой
Бѣдою намъ грозить союзъ съ Литвой.

Мареа.

Вы, значитъ, противъ матери идете?
Такъ Богъ же вамъ и совѣсть судія.
Отнынѣ, я не знаю васъ; идите
Своимъ путемъ-дорожкой, я — своей,
И каждому своя да будетъ доля.

Дмитрій.

Родимая! что это молвишь ты?
 Какъ и куда идти мы можемъ съ братомъ,
 Повинувъ нашу мать среди бѣды?

Марѳа.

Да коли мать, по вашему, безумна,
 Такъ что-жъ вязаться съ нею!

Феодоръ.

Мать! нельзя
 Намъ быть съ тобою врозь. О, поразмысли!

Марѳа.

Я, Феодоръ, поразмыслила давно
 Не хуже васъ обоихъ, и рѣшенья
 Не измѣню ни для кого; хотите
 Дѣлить судьбу мою со мной, поидемъ
 Рука съ рукой, на радость и на горе;
 А не хотите, такъ прошу сейчасъ
 Прочь отойти, и не стоять преградой
 Мнѣ и моимъ сторонникамъ, на срамъ
 И оскорбленье памяти отцовой.

Дмитрій.

Дозволь еще, родная, доложить:
 Сторонниковъ своихъ мы убавляемъ,
 Идя въ союзъ съ латинскою Литвой.
 Самъ по себѣ, весь Новгородъ возстанетъ,
 Не многіе потянутъ за Москву,
 Но чтобы задаваться Казиміру,
 На то и половина не пойдетъ.

Марѳа.

Такъ это ты въ умѣ своемъ гадаешь,
 А я....

Дмитрій.

Дозволь, — я болѣе скажу:
 Псковъ не пойдетъ за нами, съ Казиміромъ;
 Ни Двиняне, ни Вятка не пойдутъ;
 Останемся одни мы, а въ ту пору
 Условія съ латинскимъ королемъ
 Не тѣ ужъ будутъ, что мы чаемъ нынѣ;
 Мы будемъ у него въ рукахъ, и онъ
 Намъ дастъ свои, какія пожелаетъ.
 А буде одолѣетъ Іоаннъ,
 То ужъ тогда....

Марга.

Такъ это ты гадаешь,
 А мнѣ сдается иначе оно,
 И потому оставимъ празднословье;
 Ни ты меня, ни я обоеихъ васъ
 Не согласимъ; идите же особо,
 Но нѣтъ благословенья моего
 Сынамъ строптивымъ.

Дмитрій.

Дорогая мать,
 Не гнѣвайся! съ чего намъ расходиться?
 Вѣдь мы согласны въ главномъ — головой
 Стоять за нашу вольность дорогую;
 Мы просимъ одного, не затѣвай
 Ты съ Ляхами союза! на колѣняхъ
 Готовы мы просить тебя о томъ.

Марга (*вставая*).

Я не могу, не вправѣ согласиться.
 Одно изъ двухъ, — или союзъ съ Литвой,
 Иль отдаваться въ рабство Іоанну;
 И тотчасъ же, чтобъ крови хоть людской
 Не лить напрасно. Можетъ, ты согласенъ?

Дмитрій (*въ сильномъ волненіи*).

Нѣтъ, мать; ты крѣпко знаешь, что никто
 На это не возможетъ согласиться;

Но, воль ужъ такъ рѣшаешь ты, скажу
 Послѣднее я слово: вольность наша
 Дороже самой жизни для меня,
 И я о ней не думаю. Пусть лягу
 На полѣ ратномъ, съ топоромъ въ рукахъ,
 Иль подъ топоръ головой на плахѣ лягу,
 Благословлю безвременный конецъ,
 Лишь бы купить имъ родины свободу!
 Но умереть, не сдѣлавъ ничего,
 Задаромъ лечь... мнѣ будетъ горько, мать!
 Теперь я твой; — приказывай.

Марса (съ княжностью).

Зачѣмъ

Такія мысли напускать на сердце?
 Дай обниму тебя, мой дорогой,
 И Богъ да сохранить тебя отчизнѣ.

(Обнимаетъ его; потомъ Феодора .

Дай и тебя обнять. Ты вмѣстѣ съ нимъ?

Феодоръ.

Съ тобою вмѣстѣ, мать, и будь — что будетъ.

Марса.

Такъ слушайте-жь: когда сберется мѣръ
 Внимать великокняжескому слову,
 Стоять намъ на рѣшеніи своемъ,
 Не уступая пяди Іоанну,
 И если тутъ сторонники Москвы
 Потянуть къ ней, — кричать за Казиміра!
 Пусть вѣдаетъ посоль и передастъ
 Что мы съ Литвой готовы съединиться
 Скорѣе, чѣмъ лишиться правъ своихъ.
 Великій князь, быть надобно, уступить
 Изъ страха намъ тогда.

Дмитрій.

На это, мать,

Ты не считай.

Марфа.

Тѣмъ временемъ, не медля,
Отправлю Алексѣя я въ Москву.
Пусть толкомъ поразвѣдаетъ, какъ приметъ
Отецъ сей милосердый отзывъ нашъ
И насъ о томъ оповѣститъ, да сможемъ
На всякій изготвиться случай.
Когда же Товарковъ отъ насъ отъѣдетъ,
Отправимъ тотчасъ мы посла во Псковъ
И наше челобитье Казиміру.

Дмитрій.

Не обождаютъ-ли этимъ?

Марфа.

Нѣтъ, нельзя;
Посоль великокняжескій лукавить;
Онъ сладкое одно намъ говорить,
А на умѣ, что у него и князя,
Про то своимъ умомъ должны мы знать.
Ступайте же, друзья, — распорядитесь:
Ни денегъ не жалѣйте на народъ,
Ни увѣщаній малодушнымъ; дорогъ,
О, дорогъ настоящій часъ!... позднѣй
Поговоримъ еще. Да!... Алексѣю
Ни слова обо всемъ! такъ надо мнѣ.

Феодоръ.

Какъ знаешь, мать.

Марфа.

Ни слова, ради Бога!
Ступайте же, пока.

(Увидя входящую Баторина).

А! вотъ и онъ.

(ДМИТРІЙ и ФЕОДОРЪ здороваются съ дверяхъ съ БАТОРИНЫМЪ и уходятъ).

Сцена IV.

МАРЕА, БАТОРИНЪ.

Мареа.

Ну, дорогой, желанный мой; не чаешь
Зачѣмъ звалъ тебя?

Баторинъ.

Не знаю, нѣтъ.

Мареа.

Звала затѣмъ, чтобы съ тобой проститься.

Баторинъ.

Проститься?

Мареа.

Да. Раненько поутру,
Тебѣ, мой соколь, въ путь-дорожку надо.

Баторинъ.

Знать на Москву?

Мареа.

Да, на Москву.

Баторинъ.

А что?

Мареа.

Съ посломъ мы совѣщались. Хитроумно
Повѣдалъ онъ намъ волю своего
Властителя, а воля та такая,
Чтобъ намъ ужъ воли не имѣть своей,
Его бы «отчиной» именоваться
И, словомъ, стать холопами его.
На это мы не можемъ согласиться,
И онъ, гляди, пойдетъ на насъ войной.
Такъ вотъ тебѣ, дружокъ сердечный, надо

Спѣшить въ Москву и ладно тамъ узнать,
Какъ приметъ Іоаннъ отвѣтъ нашъ твердый;
Уступитъ-ли онъ Новгороду въ томъ,
Чтобъ быть его союзникомъ надежнымъ,
Или въ подданство будетъ насъ ломить.
Тогда, и поразвѣдавъ хорошенько,
Что противъ насъ онъ хочетъ предпринять,
Спѣши сюда, и станемъ мы къ отпору
Готовиться, какъ тамъ поможетъ Богъ.

Баторинъ.

Вы такъ уже рѣшили?

Марфа.

Да, рѣшили.

Баторинъ

Кого-жъ на помощь позовемъ мы? Псковъ?

Марфа.

Да, Псковъ; ну, Двинянь, Вятку....

Баторинъ.

Да пойдетъ-ли

За нами Псковъ? Охъ, Марфа! тяжела
Борьба намъ будетъ съ Іоанномъ!

Марфа.

Знаю,

Ты это не впервые говоришь;
Но ты вѣдь нашъ?

Баторинъ.

Я твой, моя отрада.

Какъ мысляю я о дѣлѣ, знаешь ты,
Но я связалъ судьбу мою съ твоею,
Я отдался тебѣ, какъ есмь я, весь;
Нѣтъ у меня ни мысли сокровенной,
Ни чувства, не живущаго тобой.

Что мнѣ сулить впередъ сближенье наше,
 Къ добру-ли, къ худу-ль приведетъ меня,
 Не знаю и не думаю; я знаю
 Одно лишь, Марѳа, — твой я, твой на вѣкъ,
 Была бы только ты всегда моею.

Марѳа.

Да, соколъ мой, и уговоръ нашъ святъ
 И нерушимъ. Какъ только смуты наши
 Улягутся, — окончимъ давній споръ
 И укрѣпимъ союзъ мы съ Іоанномъ,
 За пиръ честной и свадебку тогда
 Съ веселымъ сердцемъ примемся; — не такъ-ли?

Баторинъ (*задумчиво*).

Да, это такъ, коль можетъ человѣкъ
 Загадывать впередъ свою судьбину;
 Такъ, но теперь, не знаю почему,
 А больно тяжело съ тобой разстаться!

Марѳа.

И мнѣ, сердечный, больно тяжело;
 Да коли надобно разстаться?

Баторинъ.

Знаю,
 А сердце-то свое вѣдь говорить;
 А сердце вѣдь вѣщунъ, родная!

Марѳа.

Полно
 Кручиниться! Не на-долго съ тобой
 Прощаемся.

Баторинъ.

Ну, надо; что же дѣлать!
 Пойду радиться въ путь; но я еще
 Приду ужъ съ тобой проститься, Марѳа.

Марфа.

И вѣдомо придешь. Мы для тебя
Съ Димитріемъ, что надо, приготовимъ.

Баторинъ.

Да, всё обдумайте; про всякъ случай,
Чтобъ зналъ я всё намѣренія ваши;
Все зрѣло обсудите, и одно
Припомните, что говорилъ не разъ ужъ,
Не затѣвайте дѣла вы съ Литвой.
На все пойду я съ вами, но на это
Я не пойду.

Марфа.

Все это, мой желанный,
Зависѣть будетъ пуще отъ тебя.
Устрой ты дѣло такъ у Іоанна
Черезъ твоихъ друзей, чтобъ принялъ онъ
Миролюбиво наше челобитье;
Тогда все будетъ ладно. А не то,
Слѣши насъ извѣстить, и мы въ ту пору
Размыслимъ, уступить ли намъ ему,
Или бороться съ нимъ, коль хватить силы.
Всё отъ тебя; и Новгородъ, и я
Въ твоихъ рукахъ.

Баторинъ.

Ну, ладно.

Марфа

Приходи же.

*(Баторинъ уходитъ въ среднюю дверь.
Марфа въ боковую, на лѣво. Занавѣсъ
опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена I.

(Садъ при домѣ Сухомлинова, обнесенный въ глубинѣ сцены частоколомъ, съ калиткою въ немъ. На лѣвой сторонѣ, также въ глубинѣ, самый домъ съ крыльцомъ. На аван-сценѣ дерновая скамья).

Настасья и Филатьевна—приближаются изъ глубины сада.

Филатьевна.

Ну, вотъ, ты снова, дитятео, тоскуешь?
Да стоитъ-ли, безстыжій человѣкъ,
Онъ слезъ твоихъ жемчужныхъ? Оскорбилъ
Тебя мою онъ, чистую голубку,
Повинулъ чуть не подъ самимъ вѣнцомъ,
Недобрую молву пустилъ по людямъ,
За это-ль слезы проливать по немъ?

Настасья.

Ахъ, не о немъ я, мамушка, тоскую;
Не стоитъ онъ—ты правду говоришь—
Да и еще такъ долго, слезъ дѣвичьихъ.
Я плачу не отъ горя,—отъ стыда;
На самое себя съ досады плачу.
Какъ я могла увѣровать въ него!
Какъ я могла подумать, что и вправду
Въ немъ суженый мнѣ посланъ!—да когда-бъ
Ты видѣла,—я и сказать не смѣла—
Какъ клялся-то, да руки цѣловаль....
Какъ съ жизнію повончить покушался

Коль я несоглашусь;—а тутъ еще
 И матушкѣ-покойницѣ желалось
 Меня пристроить при себѣ;—онъ былъ
 Ей по сердцу;—ну... думала я долго,
 Поплакала, рѣшилась,—и теперь
 Кому въ глаза я поглядѣть посмѣю? .
 Кто на меня-то вздумаетъ глядѣть?
 Вотъ то, чего забыть нельзя, родная.

Филатьевна.

Ну! вѣдь не клиномъ же сошелся свѣтъ!
 И для кого повинулъ! для безстыжей
 Сороколѣтней бабы! обошла
 Она его лукавымъ навожденьемъ.
 Толикій грѣхъ не приведетъ къ добру.

Настасья.

Не одного его она, родная,
 Лукавымъ навожденьемъ обошла,
 И на меня заклятыя напустила.

Филатьевна.

Дитя мое! что ты! Христось съ тобой!

Настасья.

Съ тѣхъ поръ, какъ знаю я себя, ни разу
 Дурная мысль мнѣ въ сердце не зашла;
 Любила я людей, какъ братьевъ кровныхъ,
 Я видѣла въ нихъ доброе одно,
 И никому бѣды не пожелала;
 Но нынѣ, эта чародѣйка все
 Не только бытѣ мнѣ отравила,
 Но напоила ядомъ сердце мнѣ.
 Одно теперь кипитъ въ груди желанье —
 Ей отомстить, и, какъ она меня
 Втолкнула въ бездну горя и горячимъ
 Прожгла мнѣ ядомъ сердце, такъ и ей
 Ядъ этотъ въ сердце перелить.

Филатьевна.

Настасья!

Господь съ тобой! что это молвишь ты!
Великій грѣхъ питать на ближнихъ злобу;
Господь велитъ прощать своимъ врагамъ.
Оставь ее! повѣрь мнѣ, злое сѣмя
Помимо насъ плодъ горькій принесеть;
На то есть Богъ; а намъ молиться надо
Да помысль грѣховный насъ бѣжить.

(За сценой вдали слышна пѣсня).

Чу! это кто? никакъ, знакомый голосъ!....

Настасья *(прислушиваясь).*

Да, кажется и мнѣ, какъ бы знакомъ.

(Голосъ слышенъ ближе, потомъ умолкаетъ).

Филатьевна.

Идетъ сюда! Уйди, моя касатка;
Быть можетъ, забубѣнный тамъ какой
Гуляка съ братчины,—сюда заглянетъ....
Уйди, а я вотъ вытурю его.

(Настасья уходитъ. Филатьевна прислушивается. Черезъ минуту слышенъ въ калитку стукъ).

Филатьевна.

Кто тамъ такой, непрошенный? Аль съ хмѣлю?
Чего-те надо?

Голосъ.

Отопри, скажу.

Филатьевна.

Такъ вотъ и есть оно! набрелъ на дуру!
Я отопри ему! ты кто такой?

Голосъ.

Паломникъ, съ богомолья. Дорогаго
Гостинчика Филатьевнѣ принесть.

Филатьевна.

Ты вралъ бы, да хошь вралъ бы поумнѣе.
Поломники, чай, не горланятъ такъ.

Голосъ.

Ей-ей паломникъ; вотъ сама увидишь.
Изъ Кіева,—съ Аѳонскія горы!

Филатьевна.

Проваливай добро, пока-те съ нашей
Горы-то не спихнули по шеямъ.

Голосъ.

Что-жь, мамушка? Аль гостя не признала?
Дозволь поклонъ отвѣсить! свой вѣдь, свой.

Филатьевна.

Твой голосъ мнѣ знакомъ, а кто такой ты—
Не вспомню; говори,—не отопру
Пока не скажешь.

Голосъ.

Ну, такъ и не надо.

Я и заборъ сьумѣю перелѣзть.
Гляди-ка.

(Надъ частоколомъ показывается голова Володи Бутуса; она перевязана платкомъ).

Филатьевна.

Ахъ! такъ это ты, родимый?
Вотъ дура! не узнала. Ну, ступай.

(Отворяетъ калитку; выходитъ Володя).

Чего-жь ты это по ночамъ, сердечный,
Шатаешься.

Володя.

До ночи далеко.

Филатьевна *(указывая на перевязку).*

А это что?

Володя.

Такъ, мамушка....

Филатьевна.

Чай дрался

На Волховѣ?... да дрался-жь, знаю я;
Ужь слышала. Не грѣхъ тебѣ, родимый?

Володя.

Я, мамушка, на томъ не виновать.
Озорники, сосѣдніе холопы—
Изъ Марѣинныхъ—затронули моихъ;
Я пригрозилъ, то есть побилъ маленько;
Они же, чѣмъ покорность изъявить,
Давай собирать противъ меня ватагу
Ото всего Неревского конца
И вызывать, чтобъ шель я съ ними биться
На Волховскомъ мосту. Даютъ закладъ,
Что коли я, съ моими, одолѣю,
Они, вишь, платятъ мнѣ пятьсотъ рублей;
А коль они, съ своими, одолѣютъ,
То я плачу имъ столько-жь. Ладно, молю!
(Не гладко отъ заклада отказать);—
Я созвалъ побратенниковъ своихъ
Ну, и пошла потѣха.

Филатьевна.

Да, потѣха

Изрядная! ты мало что побилъ
Да изувѣчилъ сотни двѣ буйновъ,
Съ десятокъ, бають, въ Волховъ пошвырялъ?

Володя.

Нѣтъ, пятерыхъ; такъ только, дѣя острасти.

Филатьевна.

И потонули?

Володя.

Выплыли. Я такъ.....

Собственноручно..... ради лишь забавы;
Подъ берегомъ и бросилъ.

Филатьевна.

Ахъ, буянъ,

Буянъ-то вѣдь какой непроходимый!
Когда уймешься ты?

Володя.

Когда женюсь.

Филатьевна.

Вотъ какъ! А ты жениться ужъ задумалъ?

Володя.

Да, мамушка; пора-бы.

Филатьевна.

Чай о томъ

И пѣсню-то сложишь? Ты что такое
Тамъ распѣвалъ?

Володя.

Такъ; горе, вишь, хотѣлъ
Размыкать.

Филатьевна.

Да? Ну, какъ-же это? нуть-ва!

Володя (*занимается*)

Во-оля моя!

Филатьевна (*закрывая ему ротъ*).

Стой! ты не горлань;
Услышать люди. Ты скажи мнѣ просто.

Володя (*говоритъ*).

Воля моя волюшка,
Воля опостылая;

Доля моя, долюшка,
Доля одинокая.

Вьется въ небѣ пташечка,
Пѣсней сердце радуеть;
Ходить красна-дѣвица,
Душу истомляючи.

Пріютиль-бы пташечку
Подъ тѣнистымъ яворомъ,
Положилъ-бы волюшеу
Къ ноженькамъ лебяжиимъ;

Да не хочеть пташечка
Вить гнѣзда въ саду моемъ;
Не голубить дѣвица
Добрымъ словцомъ мѣлодца!

Фклатьевна.

А! вотъ оно! Ты про кого-же это?

Володя.

Объ этомъ рѣчь пусть будетъ впереди.
А ты, сперва, благоволѣ послушать,
Сударушка, гдѣ побывалъ-то я,
Какъ въ Кіевѣ, угодникамъ Печерскимъ
Молился.

Филатьевна.

Да? и на Аѳонѣ былъ?

Володя.

Нѣтъ, тамъ я нѣ былъ; ѣхалъ, не доѣхалъ.

Филатьевна.

А для чего-жъ сказалъ, что былъ?

Володя.

Я.... такъ,

Чтобъ заманить тебя, чтобы впустила.

Филатьевна.

Эхъ, балагуръ! Ты, чай, и у Печерскихъ
Угодниковъ, былъ только на словахъ?

Володя.

Нѣтъ, мамушка; тамъ былъ я, и сподобилъ
Меня Господь узрѣть мѣста святыя!
Тамъ, на Днѣпрѣ, я видѣлъ Іордань,
Гдѣ князь Владиміръ сыновей, съ народомъ,
Своихъ крестилъ; тамъ видѣлъ гору я,
Гдѣ водрузилъ апостоль Первозванный
Святыя вѣры крестъ; молился я
И у святой Софіи, гдѣ почиетъ
Князь Ярославъ, что грамоту намъ далъ;
Былъ подь Днѣпромъ, въ пещерахъ, гдѣ спасались
Угодники святые; видѣлъ тамъ
Главу мироточивую; къ Варварѣ
Ходилъ Великомученицѣ, гдѣ
Ужъ какъ-же слезно я о васъ молился!
Вотъ образокъ угодницы; лежалъ
Обѣдню всю на жертвенникѣ, право;
Вотъ ладонка съ мощами; вотъ тебѣ
И просфора, частицу изъ которой
Я вынималъ о здравіи твоемъ.
А вотъ и чѣтки изъ Іерусалима;
Въ нихъ два зерна, божился мнѣ монахъ,
Изъ древа въ Геосиманскомъ вертоградѣ.
Все это я вѣдь для тебя добылъ,
Чтобъ вѣдала, какъ памятую ласки
И доброту великую твою.

(Кланяется).

Филатьевна *(вся растаяла).*

Все это мнѣ? Ахъ ты мой соколь ясный!
Спасибо, дорогой! вотъ подарилъ!
Ужъ подлинно, что сердце золотое!

Володя *(дастъ ей кошелекъ съ деньгами).*

А вотъ-те, мамушка, и на пугай,
Чтобъ приодѣться, какъ жениться буду.

Филатьевна.

Что это? деньги?

Володя.

Это, вишь, уже
Не отъ угодниковъ Печерскихъ; эта
Находочка попалась на пути.

Филатьевна *(заглянувъ въ кошелекъ).*

Никакъ червонцы?

Володя.

Лучшаго чекана.

Филатьевна.

Ну, милый; тѣ подарочки твои
Беру и благодарствую усердно;
А это — нѣтъ.

Володя.

А что?

Филатьевна.

Да нѣ за что.

Володя.

И полно, мамушка! свои, сочтемся;
Не обижай! я только что обрѣлъ
Находочку, такъ въ тотъ-же часъ подумалъ,
А это, моль, я мамушкѣ отдамъ.
Не обижай.

Филатьевна.

Вѣдь вотъ какой ты, право;
Вынь, да положи!

Володя.

Ну, и положи.

Филатьевна *(как-бы машинально кладя кошелек въ карманъ)*.

Ты прежде

Скажи, откуда. Разорять тебя
Я не хочу.

Володя.

А вотъ оно какъ было:

Плыль Волгой на обратномъ я пути,
И вечеромъ, какъ ужъ смеряться стало,
Наткнулся на ушкуйниковъ. Они
Разграбили богатую усадьбу,
Гдѣ оставалась, съ малыми дѣтьми,
Хозяюшка,— пригожая такая,—
(Мужъ, видишь-ли, въ отбывкѣ въ Нижнемъ былъ).
Дворовыхъ всѣхъ злодѣи перебили,
Усадьбу всю обшарили до тла,
Да съ краденымъ добромъ, и молодицу
Въ заложницы съ собою взяли.

Филатьевна.

Что?

Въ наложницы?

Володя.

Въ заложницы, родная.

Пускай-де мужу пишеть, чтобы слалъ
Туда-то, за нее и дѣтовъ выкупъ,
Не то, пускай пропадшими сочтеть.
Когда нагналъ я ихъ, они стояли
У берега, причаливъ на нощлегъ.
Смотрю, ушвуй богатый, и народъ-то
Какъ на подборъ, осанистый такой.
Въ котлахъ готовятъ ужинъ, а она-то
Сердечная, сидитъ себѣ съ дѣтьми
Да знай платочкомъ слезы отираеть.
Смекнуть я дѣломъ. «Хлѣбъ да соль, друзья»,
Имъ говорю, «нельзя-ли съ атаманомъ
Мнѣ вашимъ перемолвить? дѣло есть».

«Добро пожаловать», онъ самъ-то, вставши,
 И вотъ, мы съ нимъ въ сторонку отошли.
 Я такъ ему и брякнулъ: «Атаманъ,
 Ушкуй твой ладень, и народъ все ражий.
 Да вѣдь и я, Богъ милостивъ, не плохъ,
 Съ десятокъ уберу своей рукою;
 А съ остальными, молодцы мои
 Тожь на руку охулки не положать;
 Такъ для чего намъ драку затѣвать?
 Что тамъ и гдѣ наградилъ ты, не знаю
 И вѣдать не хочу; но ты отдай
 Безъ спору мнѣ молодежь со птенцами
 И все что у нея ты понабралъ;
 Не то, какъ разъ пушу ушеуй твой ко дну.»
 Подумалъ онъ, затылокъ почесалъ,
 «Ишь, ладно» говоритъ: «съ тобой не вздорить;
 Слыхали про тебя уже давно;
 А какъ, притомъ, ты милостливъ, бояринъ,
 То поднесемъ и дани нашей въ знакъ
 Хоть малую толику; не побрезгай.»
 Вотъ я и взялъ боярыню съ собой.
 Ужь какъ она меня благодарила;
 Спаситель, и такой-де и сякой, —
 Ну, словомъ, просто, жалостно мнѣ стало.
 Три дня, три ночи, плыли съ нею мы
 До Нижняго, а тамъ, когда прощалась,
 Сняла съ руки свой лучший перстенець
 И говоритъ: «вотъ, говоритъ, бояринъ,
 Когда найдешь невѣсту по себѣ
 Таковую-жъ добрую, и то, и то-то,
 Ты подари ей этотъ перстенець;
 Онъ принесетъ ей счастье.» Вотъ какъ было.

Филатьевна (*лукаво*).

Ужь будто только перстень и дала?

Володя (*улыбаясь*).

И только-то.

Филатьевна (*грозя пальцем*).

Ой, соколя! Ну, да ладно;
Быль молодцу, известно, не въ укорь.
А въ Нижнемъ что-жь?

Володя.

А сдаль ее я мужу

Цѣлехоньку.

Филатьевна.

Цѣлехоньку?

Володя.

Какъ есть.

Филатьевна.

Ой, родненькій! морочишь ты старуху!
Ну, да твое вѣдь дѣло. Что же ты
Теперь изволишь?

Володя.

Слышаль я, родная,
Что безъ меня, случилось горе здѣсь?

Филатьевна (*съ гордостью*).

Ну, горе-то не горе, а досада.
Ты, чай, объ этомъ чортѣ говоришь —
Баторинѣ?

Володя.

Да, мамушка. А если-бъ
Въ ту пору, не побрезгали вы мной,
Такого горя не было-бъ!

Филатьевна.

Вѣстимо.

Да, вотъ, изволишь: всѣмъ вѣдь ты хорошъ;
Что говорить: полетею соколиной,
Поступкой молодецкою, всѣмъ взялъ;
И старику, и дочкѣ полюбился;
И матушка-покойница—дай Богъ

Ей царствіе небесное—хвалила
И жаловала очень тебя;
Да вѣдь одно, въ тотъ разъ, остановило,
Что больно ужъ удалъ ты молодець,
Что разбитной такой ты, не степенный.

Володя.

Эхъ, мамушка; да гдѣ-жъ степеннымъ быть?
Вѣдь силушка-то молодца коробить;
Вѣдь рученьки-то, ноженьки-то есть;
Вѣдь и душа-то рвется на потѣху.
А голова—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ,
Ну, и гуляй душа, пока на волѣ.
Вотъ, если-бъ мнѣ кому отвѣтъ держать
За буйную головушку, тогда-бы
И удалъ ужъ не та была; сложилъ бы
Я силушку, съ покорной головой,
Къ ногамъ моей возлюбленной.

Филатьевна.

Ну, милый,

Коль силушке захочешь выправлять
Ты на женѣ, такъ не на долго станеть.
Вишь вѣдь какой ты! на тебя, поди,
Чай только Марса угодить, пожалуй?

Володя.

Нѣтъ, мамушка. Я знаю вѣдь... таво...

Филатьевна.

И что-жъ задумалъ ты?

Володя.

Вотъ что задумалъ:

Не засылать-же сватовъ мнѣ; я свой, —
Извѣстно кто; а ты бы вотъ, родная,
Устроила, чтобъ можно было мнѣ
Поговорить съ боярышней, глазъ на глазъ.

Коль любовь я ей, такъ что тутъ сватовъ слать;
Бухъ въ ноги старику, — и свято дѣлю.

Филатьевна.

Оно-то такъ, да гдѣ? не ладно здѣсь.

Володя.

Ну, ходите же съ нею вы къ вечернѣ,
Не то къ заутренѣ; вотъ я бы вамъ
Какъ будто невзначай, и повстрѣчался.
Поклонъ, и то, и сѣ..... а тамъ ужъ я
Самъ знаю какъ; — управлюся; ты только
Маленько поотстань, чтобъ не мѣшать.

Филатьевна (*призадумавшись*).

Все такъ-то, такъ; да нонѣ, вишь, старики
Не по себѣ.

Володя.

А что?

Филатьевна.

Ну, да вотъ съ дѣломъ.

Володя.

Какимъ?

Филатьевна.

Ты гдѣ-жъ, сердечный, пропадалъ?

Володя.

Былъ у себя въ усадьбѣ, и вотъ только,
Вотъ только прикатилъ.

Филатьевна (*съ удивленіемъ*)

И ничего

Не знаешь ты?

Володя.

Ни, ни.

Филатьевна.

И что съ Москвы
Бояринъ былъ, и говорилъ на вѣщѣ?

Володя.

Не знаю ничего.

Филатьевна.

Ну, коли такъ,
То я ужъ и повѣдать не беруся.
Страшущія дѣла! Народъ кричалъ
За Казимира!

Володя.

Что? за Казимира?

Филатьевна.

И грамоту послали ужъ ему.

Володя.

Ахъ, мамушка! да можетъ-ли то быть?

Филатьевна.

Такъ есть оно; и тѣмъ-то нашъ-отъ больно
И огорченъ.

Володя.

Да какъ не огорчиться!
Однако, все-жъ, устрой ты дѣло мнѣ,
Что-бъ свидѣться съ боярышнею.

Филатьевна.

Ладно.

(Подумавъ)

Вотъ, завтра, мы' пойдемъ къ Миколѣ, къ ранней;
А я тѣмъ часомъ съ ней поговорю.
Прощай, пока.

Володя.

До завтра!

(Хочетъ идти).

Филатьевна (*вынимая кошелек*).

А вису-го.

Володя.

Нѣтъ, мамушка; она твоя. Прощай.

(*Уходитъ*).

Филатьевна (*показывая на кису*).

Вѣдь навязалъ! что ты съ нимъ будешь дѣлать?

(*Кричитъ, обращая къ дому*).

Пафнутьичъ!... а Пафнутьичъ!... Экой чортъ

Какъ заспался!

(*Входитъ хромой дворникъ, Пафнутьичъ*).

Пафнутьичъ.

Я здѣсь, кума; что надо?

Филатьевна (*оглядывая его*).

Какая я тебѣ кума?

Пафнутьичъ (*хорохорясь*).

А что-жъ?

Чѣмъ брезгаешь?

Филатьевна (*презрительно*).

Запри, добро, валитку;

Бояринъ-то не скоро, чай, придетъ.

(*Идетъ и оглядывается*).

Вамъ только-бъ спать! другаго нѣту дѣла.

Пафнутьичъ.

Да, тутъ поспишь! Ишь, старая корга!

Сама-то наровить, знай, на лежанку;

Тамъ-те гораздо спать! А здѣсь поспишь!

Народъ-то словно бѣлены объѣлся;

Ни днемъ, ни ночью отдыха. Снуютъ

Туда, сюда; шу-шу, шу-шу бояре

Промежь себя; да и нашъ братъ туда-жъ....

Не гладко что-то!...

(Стукъ въ калитку).

Знать, и самъ бояринъ.

Иду, кормилецъ.

*(Отворяетъ калитку. Входятъ Сухо-
линовъ и Осташевъ).*

Сухолиновъ.

Ладно. Уходи.

*(Пафнутьичъ запираетъ калитку и
уходитъ).*

Сухолиновъ.

Да, кумъ! дожить не чаяли съ тобою
До экаго мы горя! И рука
Не дрогнула у русскихъ, православныхъ
Людей такую грамоту писать!
Да наша бы съ тобой отсохла прежде?

Осташевъ.

И вѣдомо, отсохла-бъ.

Сухолиновъ.

Правый Богъ!

Мы значить, что же? вовсе отпадаемъ
Ужъ отъ Руси?

Осташевъ.

А значить, кумъ, что такъ.

Сухолиновъ *(всплеснувъ руками).*

Русь! дорогая мать! прости заблудшихъ,
Прелестникамъ увѣровавшихъ чадъ!
Да какъ оно такъ скоро повернулось?
Ты былъ, кажись, на вѣчѣ томъ?....

Осташевъ.

А былъ.

Сухолиновъ.

Ну, что-же наши?

(Садятся на скамью).

Осташевъ.

Наши, что-жь! кричали:
 «Хотимъ въ Москвѣ! хотимъ по старинѣ!»
 Да Марейны-то такъ заголосили,
 Что нашихъ, почитай, и не слышать.
 И ужъ отколь понабралось ихъ столько —
 Не вѣдаю. Ну, шумъ такой пошелъ,
 Что Боже упаси. Бояринъ слово —
 (Московскій-то бояринъ), а они:
 «Долой Москву!» Ужъ и владыка тутъ
 Пришелъ; увѣщевалъ, просилъ, грозился:
 «Что люди замышляете-де? Грѣхъ!
 Суда Господня бойтесь, нечестивцы!
 Уймьтесь, окаянные!...» ни, ни;
 И ухомъ не ведутъ; деруть знай горло —
 «Долой Москву! долой! катая, валяя» —
 Да и начни видать каменьемъ въ нашихъ.
 Тѣ на отпоръ; ну, и пошла бѣда:
 Шумъ, драка, брань негожая... — Посадникъ
 Сталъ унимать; куда-те! какъ быки
 Взбѣшенные!... — Бояринъ Товарковъ
 Закрылъ лице, и, смутенъ, удалился;
 Да слава Богу, что успѣлъ еще
 Уйти живымъ. Тутъ, съизнова владыка
 Заговорить пытался; и, куда!
 И не слышать. Возвелъ горѣ онъ очи,
 Заплакалъ старецъ, и, махнувъ рукой,
 Ушелъ, моляся: «Отпусти имъ, Отче;
 Не вѣдаютъ-бо, что творять!» А тутъ,
 Они и договоръ свой стали стряпать.

Сухомлиновъ.

А Товарковъ?

Осташевъ.

Уѣхалъ въ тотъ-же день;
 И часу не могу-де оставаться
 Въ землѣ не русской, вражеской землѣ.

Сухошлиновъ.

Вотъ какъ оно! Ну, нонѣ князь Московскій
 Задастъ же знать себя! И по дѣломъ.
 Вѣдь экіе безумцы! Задаваться
 За короля латинца! измѣнять
 Своей исконной вѣрѣ православной!
 Чего-жъ они надѣются?

Осташевъ.

А, вотъ,

Что князь Московскій передъ ними струсить
 И имъ уступить по неволѣ.

Сухошлиновъ.

Да?

Уступить? струсить? Ну, когда Всевышній
 Готовить людямъ кару за грѣхи,
 То прежде Онъ ихъ разума лишаетъ.
 А ужъ грѣховъ-то... есть за что карать!
 Народъ растлѣнъ, святыня брака пбсмѣхъ,—
 Вездѣ разладъ, корысть,—вотъ-те и вся!

(По некоторомъ молчаніи).

Да коль они такъ слѣпы, чтобъ не видѣть
 Что наша пѣсня спѣта,—ну, иди,
 Съ мечемъ въ рукахъ, отстаивай, коль можешь,
 Какъ то водилось встарь, свои права.
 Безспорно, проку не было-бъ;—не въ шутку
 Свое задумалъ дѣло Іоаннъ;
 Да сраму-то, грѣха не отпуснѣго
 Не приняли-бъ на душу. Тяжело!
 А все она, она съ своею думкой!...

Осташевъ.

Одначе, ты, дружище, поусталь;
 Пора и отдохнуть тебѣ;—поздненько.
 Прости, добро.

Сухошлиновъ.

Спасибо. Будь здоровъ.

(Осташевъ уходитъ. Сухошлиновъ запираетъ за нимъ калитку и уходитъ къ себѣ).

Сцена III.

(Раннее утро. Улица. Горожанки, съ овощами и иными припасами, отправляются на рынокъ. Въ продолженіи разговора, къ нимъ присоединяются, отъ времени до времени, горожане изъ простаго народа).

Первая Горожанка (*заглядывая въ корзину второй*).

Знать, зашибешь копѣечку, кума?
Ишь ягодокъ-то сколько понабрала.

Вторая (*притюжал, съ людами и грибами*).

Что, ягодки лѣсныя ничего;
Вотъ, мы пождемъ, какъ смаковать-то станемъ
Тѣ ягодки, что спѣютъ впереди;
Цвѣточки распустилися изрядно.

Первая.

Ты что такъ, словно притчу говоришь?

Вторая.

Какая притча! Вонъ, гляди что баютъ:
Большущую такую вкликнуть рать,
Что намъ однѣмъ съ ребятами остаться.

Третья.

А кто тебѣ про то оповѣстилъ?

Вторая.

Да люди говорятъ; и мой, вонъ, тоже
Разсказывалъ вечеръ; чай, самъ пойдетъ.

Первая.

А! вотъ оно! затѣмъ-то ты, лебедка,
И пригорюнилась?

Четвертая (*почтеннѣе лѣтъ*).

Ни, ни; она
Кручинится не спроста. Что-съ не ладно!

Лихія времена приходятъ. Да!
Вонъ, ономнись-то, на святой Софіи
Сдомила буря вкрестъ. Аль ни съ чего?

Первая.

Ну, буря!

(Входятъ два старика и трое молодыхъ парней и прислушиваются).

Третья.

А у Спаса-то, въ Хутынскомъ,
Колокола звонили сами. Ась?
И это, что-ль, задаромъ?

Пятая *(старуха).*

Ну, а въ женскомъ
Евфиміи святой монастырѣ....

*(Входитъ Игнатъевна съ другою тог-
говкой и прислушиваются).*

Первая, вторая и третья.

А что?

Пятая.

Да на иконѣ...

Первая, вторая и третья.

Не слышали.

Пятая.

Ахъ, Господи! У Матери-то Божьей,
Вѣдь слезы полилися.

Первая и третья.

Слезы?

Пятая.

Да!

Заплакала Пречистая. Не спроста!
Знать, стало ей ужъ жалко грѣшныхъ насъ.

Шестая (*старуха, подслушавъ*).

Ну да; вотъ мы съ сосѣдкою тамъ были.

Первая и четвертая.

И видѣли?

Игнатьевна.

Да какъ же не видать!

Четвертая.

Владычица, заступница святая,
Помилуй насъ!

(*Входятъ четыре горожанки; въ числѣ
ихъ Тимоша Веселый*).

Игнатьевна.

Охъ, дѣтки! Не къ добру!

Третья.

Гдѣ тутъ къ добру! А вонъ, весной-то прошлой,
Вы помните, какъ у святой Софiи,
На двухъ гробахъ владыкъ Новгородскихъ,
Кровь свѣжую нашла?

Первая.

И какъ народъ

Я помню, въ ту пору перепужался.

Игнатьевна.

Да какъ не испужаться! Не къ добру!—
А вы слышали-ль, дѣтки... въ позапрошломъ
Никакъ году.... когда къ намъ приходилъ
Отшельникъ изъ пустыни Соловецкой,
Зосима преподобный?

Нѣсколько голосовъ.

Ну! А что?

Игнатьевна.

Неужто не слышали?

Тимоша.

Что вы, тётки,
Тутъ разгудорились? Гляди, народъ
Отъ ранней поплелся, а вы на рынокъ
Еще не собралися.

Нѣсколько женщинъ (*отталкивая его*).

Не мѣшай!

Вторая и третья.

Разсказывай, Игнатъевна, пожалуй!

Игнатъевна.

Такъ вотъ, когда отшельникъ-то святой
Пожаловаль, и угощала Марѳа
Его за трапезой своею, вдругъ сошло
На старца какъ-бы нѣкое наитье.
Со страхомъ посмотрѣлъ онъ вкругъ себя,
Заплакалъ, и затѣмъ, весь пиръ ни слова
Не вымолвилъ, и не вкусилъ отъ яствъ.
Такъ и ушелъ; когда-жъ посла спросили,
Что было съ нимъ, съ чего такъ поблѣднѣлъ,
Сказалъ, что видѣлъ, будто всѣ бояре,
Что были тутъ, сидѣли безъ головъ.

Нѣсколько голосовъ.

Ахти! какія страсти!

Тимоша.

Вотъ и страсти!

Что дѣва, что бояре безъ головъ!
Они вчастую такъ бывають. Нѣча
Быть и святымъ, чтобъ видѣть.

Игнатъевна.

Ишь, шальной!

Тутъ дѣломъ рѣчь, а онъ знай зубы скалить.
Проваливай, добро!

Вторая и третья.

Иди себѣ!

Игнатъевна.

Да, дѣтки; все-то знаменье Господне.
Знать, гнѣвенъ Богъ; бѣду готовить намъ.

Шестая (*крестьянъ*).

О, Господи помилуй!

Тимоша (*защипывая со второю горожанкою*).

Ай, молодец!

Что, ягодки-то, сладки у тебя?

Вторая.

Не про тебя. Проваливай, безстыжій.

(*Показывая ему другую корзинку*).

Не хочешь-ли, грибъ съѣшь?

Тимоша.

Ишь, бабова!

Спѣсива больно!

Первая горожанка.

Не замай её;

Кручинится, вишь, тѣмъ, что мужъ покинетъ.

Тимоша.

Покинетъ мужъ?

Первая.

Да; на войну пойдетъ.

Тимоша.

Ну, эаго-то горя что бояться!

Другой полюбится.

Вторая (*собираясь уходить*).

Не ты-ль, небось?

Тимоша.

А чѣмъ-же я не любъ тебѣ, лебедка?

Вторая.

А тѣмъ, что, вишь, языкъ твой безъ костей.

(Уходитъ).

Первая.

Пойдемте, кумушки; пора и вправду.

(Вся уходитъ, разговаривая между собою: изъ глубины сцены, приближаются, показавшіяся передъ тѣмъ, Григоровичъ и Наталья).

Сцена IV.

Григоровичъ и Наталья.

Григоровичъ.

Я ужъ сказалъ, не быть тому во вѣкъ,
Чтобы Литовскій панъ, хотя-бъ знатнѣйшій
И другъ наиблизайшій короля,
Сталъ на челѣ земли Новгородской.
Но нынѣ, вишь, не время показать
Что Марейнъ замыселъ объ этомъ бракѣ
Для насъ не тайна, какъ сдается ей.
Когда-же Казиміръ сослужить службу,
Устроимъ сами мы свои дѣла.

Наталья.

Да выбереть-ли Новгородъ тебя-то?

Григоровичъ.

Ну, вотъ; мудрёно дѣло, чтобъ меня
Или другаго выбрали, кто хочетъ.
Вѣдь выборы у насъ, извѣстно какъ:
Боярамъ—пиръ горой; ну, а народу....

Вонъ, Пимень-то монахъ, какъ раздобылъ.
Двѣ трети голосовъ, чтобъ быть владыкой!

Наталья.

Ну, онъ казну владычную загребъ.

Григоровичъ.

А мы свою кису тогда развяжемъ.
Объ этомъ не тревожься до поры.
Важнѣй всего, не проболтаться съ Марей,
И дѣйствовать, пока, съ ней за одно.
Пойдемъ, добро.

*(Уходятъ. Въ это время, изъ глубины сцены,
подходятъ Настасья съ Филатьевной).*

Сцена V.

НАСТАСЬЯ и ФИЛАТЬЕВНА. Потомъ Володя Бутусъ.

Настасья.

Что, мамушка; не видно?

Филатьевна *(глядя вдоль улицы).*

Идетъ, идетъ, касатикъ.

Настасья.

Охъ, боюсь,

Чтобъ люди намъ, гляди, не помѣшали.

Филатьевна.

Кому мѣшать! Народу нѣтъ еще.
Вотъ развѣ наши кумушки-трещотки;
Тѣмъ надо все провѣдать, да болтать;
Ну, да вотъ я тутъ сяду, у колодца;
Какая тамъ пойдетъ, и придержу.
А ты, посла, и приходи за мною.

*(Подходитъ Володя Бутусъ и низко
кланяется Настасья).*

Володя.

Боярышня! три года не имѣлъ
Я радости бесѣдовать съ тобою.
Признаешь-ли?

Настасья (*отвѣчая ему поклономъ*).

Владиміръ Павлычъ! ты?
Да какъ же не признать тебя! Дивлюся,
Что ты меня призналъ.

Володя.

Мнѣ мудрено-ли
Признать тебя, боярышня! Нѣтъ дня,
Чтобъ о тебѣ не думалъ и не грезилъ;—
Иной разъ, словно вижу на яву.
Тутъ не забудешь.

Настасья.

Ты понинѣ тотъ-же,
Какимъ тебя я знаю съ давнихъ лѣтъ,
Когда въ саду мы бѣгали съ тобою;
Такой-же благодушный и прямой.

Володя.

Что проку въ томъ, что прямъ и благодушенъ?
Пословица не даромъ говоритъ:
Родися не богатъ и не уменъ,
Родись счастливъ; а мнѣ-то, вотъ, Настасья
Ивановна, мнѣ счастья не дано!

Настасья.

Грѣхъ Господа гнѣвить, Владиміръ Павлычъ.
Чего еще тебѣ не достаетъ?
Всѣ, кто тебя позналъ, и чтуть и любятъ.

Володя.

Да любятъ-ли тѣ люди, чья любовь
Дороже самой жизни мнѣ? Не даромъ,

Настасія Ивановна, пошелъ
 Скитаться я шальнымъ по бѣлу свѣту;
 Размыкать горе горькое хотѣлъ.
 Да горе не алтынъ, въ карманъ не спрячешь,
 За выси горъ стоячихъ не забросишь,
 Въ сырѹ-борѹ дремучемъ не схоронишь,
 И въ синемъ морѣ не утопишь. Да!
 Вотъ припелся на родину. Авось-де
 Родные люди приютятъ меня.
 И кто-жь? сюда пришелъ поклонъ отвѣсить;—
 Домой къ тебѣ, я не посмѣлъ придти,
 Не зная, буду-ль тѣмъ тебѣ угодень?

Настасья.

Угодень ты всегда, нашъ старый другъ;
 Не только мнѣ, и батюшкѣ угодень.
 Бесѣдовали часто о тебѣ;
 И завсегда добромъ воспоминали.

Володя.

Ну, коли такъ, благодарю Творца,
 Что въ край родной сподобилъ воротиться
(Призадумывается, потомъ нервничательно).
 Что-жь? какъ живете-можете вы?.. Гмь!
 Да что обинякомъ-то изловчаться!
 На радостяхъ, дозволю, краса моя,
 Всю правду молвить; больно давить сердце.

Настасья.

Ну, говори, Владиміръ Павлычъ.

Володя.

Я.....

Вотъ видишь-ли, такъ радостенъ услышать
 Что можно мнѣ ступить на вашъ порогъ,
 Что не умѣю и связать; да только
 По прямотѣ (сама же ты меня

Прямымъ, и по дѣломъ, считать изволишь);
 По прямоу-то, долженъ объяснить,
 Что въ старику-родителю, затѣмъ лишь
 Могу придти, зачѣмъ ужъ приходилъ
 Тому назадъ три года. Коль дозволишь....

(Настасья задумывается).

Ужъ какъ же бы любилъ-то я тебя!...
 Одинъ Господь свидѣтель!... дай согласье!

Настасья *(отирая слезу и подавая ему руку).*

Благодарю, благодарю мой другъ,
 Мой вѣрный другъ; но дать тебѣ отвѣта
 Я не могу въ сей часъ; дозвожь съ отцомъ
 Поговорить сперва.—А вотъ что: Помнишь
 Изъ-за кабой причины насъ съ тобой
 Въ ту пору разлучили?

Володя.

Какъ не помнить!

Нашли, что не степенень.

Настасья.

Ну, такъ вотъ

Теперь, и докажи свою степенность.

Ты помнишь-ли, какъ въ дѣтствѣ, въ тѣ годъ....

Володя

Гдѣ ты меня Володией называла!

Настасья

Ну да, и забавлялись мы съ тобой?

Володя.

Ахъ, какъ не помнить!

Настасья.

Ну, и я бывала

Царевною, а ты богатыремъ?...

Володя *(перебивая)*.
Ильею-Муромцемъ?

Настасья.
И задавала
Тебѣ я службу всякую, какъ есть
Оно всегда въ старинныхъ сказкахъ нашихъ?

Володя *(съ восторгомъ)*.
Все помню, Настя дорогая.... Ай!
Прости! обмолвился!

Настасья *(улыбаясь и пожимая ему руку)*
Ну, Богъ съ тобою!
Такъ вотъ, теперь, чтобъ старику-отцу
Свою степенность доказать и разумъ,
Ты сослужи мнѣ службу, богатырь.

Володя.
Изволь, душа-дѣвица; что прикажешь.
Велишь,—вскочу на воронѣ коня,
Помчусь со свистомъ-посвистомъ, что вѣтру
Ревучему въ степи насъ не догнать.
Приволоку за бороду Кащея
Безсмертнаго; Жаръ-птицу изловлю;
Да какъ пришилишь пѣрышко къ повязкѣ,
Звѣздой, что Божій день твой, загорись.

Настасья *(смѣется)*.
Нѣтъ, нѣтъ; такихъ мнѣ трудностей не надо.

Володя.
Ну, съ бабою-Ягою.....

Настасья.
И еѣ
Не надо мнѣ. А вотъ что: ты послушай.
Слухъ ходить у людей, что Мареа.....

Володя.

А!.....

Настасья.

Ты, можетъ быть, и слышалъ?... что у Марѣм
Есть суженный бояринъ на Литвѣ.

Володя.

Да, слышалъ; говорили.

Настасья.

Ну, такъ видишь:

Слухъ можетъ и правдивымъ быть, и нѣтъ,
А ты бы могъ до правды допытаться.
Готовъ-ли ты поѣхать?...

Володя.

За моря

За синія, за горы великаны,
На край хоть свѣта посылай, душа;
Исправить-бы твою мнѣ только службу.

Настасья.

Такъ далеко не надо; а въ Литву
Поѣдешь?

Володя.

Для чего не ѣхать! Что-жъ
Мнѣ дѣлать тамъ?

Настасья.

А вотъ узнать, да ладно,
На вѣрное, ужъ отъ такихъ людей,
Что всю и подноготную-то знаютъ;
Не на Литвѣ, такъ въ Польшѣ, отъ людей
Стоящихъ близко къ королю, развѣдать
Правдивъ-ли слухъ такой, иль нѣтъ?

Володя.

Настасья

Ивановна! убила ты тоской,

Разогорчила молодца! Впервые
Мнѣ службу задаешь, и не могу
Её исполнить.

Настасья.

Для чего-жъ не можешь?

Володя.

Да непригоденъ я въ дѣламъ такимъ;
А браться за такое, съ чѣмъ не слажу,
Не слѣдъ, сама ты знаешь. Не мое,
Изволишь видѣть дѣло; вотъ, примѣрно,
Побить кого, ну это знаемъ мы;
Хоть Змѣй-Горынычъ будь, и то не струсимъ;
А тутъ.... да вотъ, позволь, я расскажу,
Какъ сплеховалъ и не въ такой задачѣ.
Всего-то разъ одинъ посланъ былъ
Я къ ордену Ливонскому, съ посольствомъ,
На счетъ торговыхъ разныхъ нашихъ дѣлъ.
И говорить-то мнѣ не приходилось;
На то былъ съ нами знатный краснобай;
Я—такъ, промежъ другихъ, почета ради.
Кажися-бы, задача не трудна;
Молчи себѣ, да отвѣчай поклономъ
На ихъ поклонъ; такъ нѣтъ, не снаровиль.
Одинъ тамъ нѣмецъ, больно ужъ обидно
На счетъ насъ, русскихъ, началъ разсуждать;
Что мы-де и такіе, и сякіе,
И неучи, и свѣтъ-то весь отъ нихъ.
Я слушалъ, слушалъ; сердце закипало,
Я все молчалъ; да подъ конецъ не смогъ,
Взялъ за руку легонько краснобая,
Да и помялъ суставчиковъ пятокъ.
Ну, мы вѣдь въ ту пору, чуть не до драки
Дошли со всей Ливонскою землей;
А съ мирнымъ договоромъ послались.

(Настасья смѣется).

Такъ вотъ, изволь сама судить, каковъ;
Гожусь-ли я въ такомъ случаѣ?

Настасья *(смѣясь)*.

Нѣтъ,

Я вижу, не годишься.

Володя.

А ужь какъ-бы

Радѣхонекъ былъ службу сослужить!

Да, вотъ; позволъ; вотъ что на умъ приходитъ:

Съ какимъ-бы это письмецомъ, гонца

Послала Марѳа на Литву?

Настасья *(съ удивленіемъ)*.

Не знаю.

А ты почему извѣстенъ?

Володя.

Вотъ почему:

Былъ у меня, съ моими удалцами,

Одинъ лихой товарищъ; молодецъ,

Что говорить, когда до драки дѣло,

За то ужь въ чемъ другомъ, намъ не подѣ стать.

На все, изволишь видѣть, изъ корысти

Готовъ пойти; ну, это не по насъ,

Товарищи его не полюбили,

И онъ отъ насъ отсталъ. Такъ вотъ его,

Вечоръ, я знаю, Марѳа призывала,

Тайкомъ, на ранней зорькѣ, и оттолъ

Прямехонько, онъ на Литву поѣхалъ

Съ какимъ-то важнымъ письмецомъ; къ кому—

Не вѣдаю; а что повезъ такое

Онъ письмецо, мнѣ сказывалъ про то

Одинъ изъ нашихъ, братъ его молочный.

Вотъ письмецо-то это, въ чемъ оно,

И не къ тому-ль боярину литовцу

Отписано, вотъ что хотѣлъ-бы знать,

И уловчусь достать его; и буде

Впрямъ тавово, какъ думаю, то къ ножвамъ

И положу твоимъ.

Настасья.

Да какъ-же ты
Его достать-то сможешь?

Володя.

Это дѣло
Ужъ наше, жизнь моя; ты повели,
И будетъ.

Настасья.

Ну, дружокъ Владиміръ Павлычъ,
Коль вправду будетъ такъ оно, какъ ты
Предполагать изволишь, то не мнѣ
Вези ты письмоцо твое, а прямо
Съ нимъ поспѣшай въ Москву, и тамъ отдай
Его Баторину.

Володя.

И только?

Настасья.

Только.

А какъ отдашь, спѣши тотчасъ сюда,
И мы пойдемъ къ отцу, и бухнемъ въ ноги.

Володя.

Ахъ, Господи! за экой-ли пустякъ
Сулишь мнѣ, жизнь моя, такое счастье!

Настасья.

Не за него, а за твою любовь.
Но я съ тобой замѣшчалась; гляди,
Ужъ мамушка покашливаетъ; люди
Прохожіе подсматриваютъ насъ. Пора
Проститься намъ съ тобой, мой славный витязь.

(Показывается Филатьевна).

Володя.

Хоть ручку на прощанье-бы дала?

Настасья *(дастъ ему руку, которую она иплуетъ).*

Ну, Богъ съ тобой. Прощай-же! путь счастливый.

Володя.

Храни тебя Господь!

(Настасья уходитъ съ выгнувшей изъ-за угла Филатьеввой. Володя илдитъ ей въ слѣдъ. Потомъ).

Ну, ужъ была

Тамъ не была, а сдѣлаю я дѣло.

(Уходитъ въ противоположную сторону. Занавѣсъ опускается).

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

1795 — 1829.

IV.¹⁾

Въ мартѣ 1823 г. ГрибоѢдовъ прибылъ въ Москву. Разлука, разумѣется, не уменьшила любви родныхъ и друзей къ Александру СергѢевичу. Обширный кругъ знакомыхъ радушно и съ уваженіемъ принялъ молодаго дипломата, не подозрѣвая, что онъ, въ портфель своемъ, привезъ произведеніе, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица сняты съ окружавшаго ихъ общества, и что многіе изъ круга общихъ знаемыхъ, своими чертами, послужатъ еще ГрибоѢдову для окончательной отдѣлки «Горя отъ Ума». Дѣйствительно, въ бытность свою въ Москвѣ, ГрибоѢдовъ имѣлъ возможность дополнить и окончательно отдѣлать свою комедію. Чтеніе ея въ пріятельскихъ кружкахъ возбудило тысячи разнорѣчивыхъ толковъ; одни—восхищались, другіе негодовали, а между тѣмъ стоустая молва и письма, частію даже имѣвшія характеръ предупрежденія кого слѣдуетъ, разнесли по Петербургу вѣсть о комедіи ГрибоѢдова. Отрывки изъ комедіи и списки расходились по рукамъ; Булгаринъ напечаталъ нѣсколько сценъ въ своемъ альманахѣ: «Русская Талія». Петербургъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ большинствѣ своего общества, отнесся къ произведенію ГрибоѢдова съ большимъ сочувствіемъ, нежели Москва. Особенно довольна была молодежь. Но, восхищаясь комедіей ГрибоѢдова, она не замѣтила, однако, что онъ съ одинаковымъ безпристра-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X, стр. 152—170.

стіемъ относится въ обоимъ лагерямъ: осмѣиваетъ остальныхъ и смѣется надъ крайними западниками, къ числу которыхъ принадлежало большинство молодаго поколѣнія. Грибоѣдову, въ равной степени были противны и устарѣлыя, полу-татарскія идеи и слѣпое подражаніе иностранцамъ; въ Россіи онъ желалъ видѣть Россію самобытную, независимую отъ иноземныхъ помочей. Онъ не вполнѣ сочувствовалъ преобразованіямъ Петра Великаго, но и до-петровской Русью не восхищался.

Прибывъ въ Петербургъ въ маѣ 1824 г., Грибоѣдовъ приобрѣлъ множество новыхъ знакомцевъ и, въ томъ числѣ, сблизился съ будущими декабристами. Онъ былъ особенно друженъ съ родственникомъ своимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, съ К. Ф. Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ. Довѣряясь благородству Грибоѣдова, они откровенно высказывали при немъ свои убѣжденія... Однако, искренно любя своихъ пріятелей, Грибоѣдовъ не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мнѣнія.

Замѣчательно, что другъ и родственникъ Грибоѣдова, десятью годами его моложе, князь А. И. Одоевскій былъ его постояннымъ спутникомъ въ домахъ знакомыхъ и въ театрѣ, къ которому въ Грибоѣдовѣ опять пробудилась сильная страсть, въ бытность въ Петербургѣ. Одоевскій удерживалъ Грибоѣдова отъ излишняго увлеченія закулисными цирцеями, ухаживая за которыми, авторъ «Горя отъ Ума» могъ навлечь на себя большія непріятности, особенно обращая вниманіе на танцовщицъ, пользовавшихся покровительствомъ гр. Милорадовича, котораго Грибоѣдовъ шутя называлъ *le chevalier bavard*.¹⁾ Для Грибоѣдова театръ былъ любимымъ развлеченіемъ. Въ Петербургѣ онъ жилъ уединенно, занимаясь изученіемъ восточныхъ языковъ (подъ руководствомъ профессора Каземъ-бека и Мирзы-Джафара), правовѣдѣнія, философіи, исторіи и политической экономіи. Изъ всѣхъ знакомыхъ ему домовъ, Грибоѣдовъ особенно любилъ посѣщать Андрея Андреевича Жандра, у котораго всегда былъ принятъ, какъ родной. Гостинныя большаго свѣта были несносны Грибоѣдову; бе-

¹⁾ Рыцарь-болтунъ, вмѣсто рыцарь Баярдъ, какъ величали Милорадовича. Кромѣ намека на говорливость, Грибоѣдовъ далъ свое прозвище графу, помня анекдотъ, какъ Милорадовичъ, гонимый по-французски Александромъ I о смерти короля баварскаго, сказалъ вмѣсто: «le roi de Bavière» — «le roi des bavages».

сѣды съ литераторами и артистами онъ всегда предпочиталъ болтовнѣ свѣтскихъ людей, которые даже и не умѣли цѣнить Грибоѣдова, а если и цѣнили, то болѣе какъ должностное лицо, нежели какъ гениальнаго писателя.

Какъ мы сказали выше, поѣздка Грибоѣдова въ Петербургъ имѣла цѣлю выхлопотать отпускъ за границу, что и было ему дозволено; однако же онъ не воспользовался этимъ дозволеніемъ, а заработался и загостился въ сѣверной столицѣ. Онъ былъ очевидцемъ наводненія 7-го ноября 1824 года, и это бѣдствіе поразило ужасомъ его впечатлительную душу; но именно какъ поэтъ въ душѣ, онъ нашелъ, по его словамъ, мучительное, невыразимое упоеніе, обоврѣвая на другой же день слѣды опустошенія, произведеннаго возмутившейся Невойю.

Въ своемъ дневникѣ Грибоѣдовъ записалъ ужасы этого дня художественно-прекрасно, и сдѣлалъ это, можетъ быть, не безъ намѣренія, видя въ нихъ богатый матеріалъ для поэмы, или разсказа.

Грибоѣдовъ не могъ не сознавать достоинствъ своей комедіи, но похвалы «ему досаждали», какъ похвалы Фамусова Чацкому. Съ Булгаринымъ Грибоѣдовъ ладилъ, а между тѣмъ едва не разсорился не на шутку за то, что тотъ въ какой-то статьѣ расхвалилъ Грибоѣдова подъ именемъ «Талантина». Подъ вліяніемъ страннаго каприза, причуды, непонятной брюзгливости, Грибоѣдовъ написалъ Булгарину слѣдующее письмо, сохранившееся въ архивѣ этого литератора, съ его помѣткой карандашемъ:

«Грибоѣдовъ въ минуту сумасшествія».

«Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Тонъ и содержаніе этого письма покажутся вамъ странны, что же дѣлать?! Вы сами этому причиную. Я долго думалъ, не рѣшался, наконецъ, принялъ твердое намѣреніе—объявить вамъ истину; il vaut mieux tard, que jamais. ¹⁾ Признаюсь, мнѣ самому жаль: потому что съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей; хорошее мнѣніе обо мнѣ я въ васъ почитаю искреннимъ. Но, несмотря на все это, не могу далѣе продолжать нашего знакомства. Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ именемъ

¹⁾ Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственно въ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго. Не думайте, чтобы какая-нибудь внѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили въ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю-ли я еще горсточку ладона!!

«Разстанемтесь. Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтимся: то безъ пріязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы вѣрно поймете, что, поступая, какъ я теперь, не съ горяча, а по весьма долгомъ размышленіи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно, и васъ чувство благородной гордости недопуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Гречу объясню это пространнѣе..... а можетъ быть и нѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошихъ мыслей, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностію. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите. Милостивый государь, вашъ всепокорнѣйшій А. Грибовдовъ».

Октябрь.

На оборотѣ: «Его высокоблагородію, м. г., Оадею Венедиктовичу Булгарину».

Эта размолвка была непродолжительна; вскорѣ Грибовдовъ примирился съ Булгаринимъ, и дружба ихъ потомъ уже не нарушалась никакими ссорами.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Грибовдовъ перевелъ стихами Прологъ изъ Фауста—Гёте (напечатанный въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1825 годѣ), написалъ Посланіе къ Телешовой («Сынъ Отечества» 1825 г.)¹⁾

¹⁾ Катерина Александровна Телешова была въ то время одною изъ любимѣйшихъ публикою танцовщицъ. По собственному выраженію Грибовдова, она: «вскружила ему голову».

и нѣсколько мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ романсъ для водевиля князя П. А. Вяземскаго: «Братъ и Сестра»¹⁾. Къ этому же времени относится, вѣроятно, и эпиграмма, изъ которой долго печаталась одна только первая половина.²⁾

Пользуясь даннымъ отпускомъ, изъ Петербурга Грибоѣдовъ проѣхалъ въ южную Россію и въ Крымъ и оттуда уже возвратился въ Грузію. Въ его «черновыхъ тетрадахъ», напечатанныхъ Д. А. Смирновымъ, сохранились замѣтки, касающіяся преимущественно исторіи и археологіи Тавриды. По возвращеніи въ Грузію, Грибоѣдовъ участвовалъ, какъ охотникъ, въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ чеченцевъ. Здѣсь, въ виду непріятели, у подножія кавказскихъ горъ, Грибоѣдовъ написалъ стихотвореніе: «Хищники на Чегемѣ». Оно было напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» (1826 г., № 143), его перепечатали: Серчевскій («А. С. Грибоѣдовъ» стр. 61—63) и Смирдинъ («Сочиненія Грибоѣдова и Крюковскаго» Спб., 1854 г.), но съ ошибками и пропусками, дающими намъ полное право напечатать это стихотвореніе съ подлинника, писаннаго рукою Грибоѣдова:

Хищники на Чегемѣ.³⁾

1.

Окопайтесь рвами, рвами
Отразите смерть и илѣвъ —
Блескомъ ружей твержей стѣнь!
Какъ не крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами,
Будто быстрые орлы,
Надъ челою крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ.
На угонъ коней табунныхъ,
На овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витають вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

¹⁾ Перепечатанъ въ книгѣ Серчевскаго, стр. 72.

²⁾ Напечатана тамъ же, стр. 72.

³⁾ Горная рѣка прк сѣверою склоненіи Кавказа. Прим. Вулгарина.

3.

Живы въ насъ отцевъ обряды,
 Кровь ихъ буйная жива.
 Таже въ небѣ синева!
 Тѣже лдяныя громады,
 Тѣже съ ревомъ водопады,
 Таже дикость, красота,
 Но ущельямъ разлита!

4.

Наши камни, наши кручи!
 Русь! Зачѣмъ воюешь ты?
 Вѣковья высоты
 Досягнешь-ли? вонъ подъ тучей —
 Двувершинный, и могучій,¹⁾
 Рѣжется въ облаковъ,
 Надъ главою твоихъ полковъ.

5.

Парь изъ бездны отдаленной
 Вьется по его плечамъ,
 Вотъ невидимъ онъ очамъ! —
 Тойже тваню свиенной,
 Такъ-же скрыты мы мгновенно,
 Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
 Выстрѣлъ, два — и сгнулъ слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропкою
 Не въ краю вы селъ и нивъ.
 Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
 Тутъ утѣсь — берите съ бою.
 Камень сорванный стовою,
 Въ глубь летитъ разбитый въ прахъ,
 Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

7.

Ждемъ. Готовы къ новой сѣчѣ.....
 Но я слухъ о нихъ исчезъ!..
 Загарайся древній гѣсь!
 Лейся зарево далече!
 Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ
 И по ряду, дѣлжемъ
 Дѣлимъ взятое ножемъ.

¹⁾ Эльборусъ.

8.

Доли лучшія отложимъ
 Нашимъ панцирнымъ князьямъ,
 И Джигитамъ,¹⁾ Узденямъ,
 Юныхъ плѣнницъ приумножимъ,
 И Кадіямъ, людямъ Божьямъ,
 Красныхъ отроковъ дадимъ
 (Вѣрой станъ нашъ невредимъ).

9.²⁾

Узникамъ удѣлъ обычный,
 Надъ рабами висока
 Ихъ стяжателей рука.
 Узы — жребій имъ приличный;
 Въ ихъ землѣ и свѣтъ³⁾ темничный!
 И ужасенъ-ли обманъ?
 Дома цѣпи! Въ чужь — плѣнъ!

10.

Дѣлимъ женамъ ожерелье,
 Вотъ обломки хрустала!
 Пьемъ бузу! Стои земля!
 Кликкомъ огласисъ ущелье!
 Падшимъ — миръ, живымъ — веселье,
 Разъ еще увидѣлъ взоръ
 Вольный край родимыхъ горъ!

А. Грибоѣдовъ.⁴⁾

Кав. мость на Малѣтъ.

** октября 1825.

Ермоловъ, при которомъ Грибоѣдовъ состоялъ на службѣ, любилъ его какъ роднаго сына, не полагая предѣловъ ни своей къ нему пріязни, ни снисходительности. Человѣкъ, именемъ котораго горянки пугали своихъ дѣтей и котораго горцы страшились, какъ грозы божьей—Ермоловъ, обладалъ рѣдкимъ даромъ привязывать къ себѣ подчиненныхъ, и гордый Грибоѣдовъ, отзываясь о немъ, не скупился на хвалы самыя восторженныя, хотя и далъ Ермолову прозвище «проконсула». Въ это же время при Ермоловѣ находился на Кавказѣ извѣстный нашъ партизанъ Де-

1) Джигитъ: удалецъ.

Ө. В.

2) Въ печати эта строфа была выброшена.

Ред.

3) Это слово написано рукою Булгарина вмѣсто какого-то другаго слова, тщательно вытертаго.

4) Фамилія приписана рукою Булгарина.

Ред.

нисъ Васильевичъ Давыдовъ. ГрибоѢдовъ сошелся съ нимъ и полюбилъ его. Въ письмахъ своихъ къ С. Н. Бѣгичеву, онъ отзывался о Давыдовѣ съ самой выгодной стороны. Такъ, въ письмѣ отъ 7-го декабря 1825 г., онъ, между прочимъ, выразился: «Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ бы ошибки самого Алексѣя Петровича (Ермолова). Эта краска рыцарства, какою судьба отѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему кабардинцевъ»¹⁾.

Въ началѣ февраля 1826 года, въ Екатериноградскую станицу, прямо къ Ермолову, явился курьеръ изъ Петербурга, для препровожденія туда ГрибоѢдова, вслѣдствіе событій 14-го декабря 1825 г. Курьеръ засталъ Ермолова за ужиномъ. Прочитавъ депешу, Алексѣй Петровичъ шепнулъ ГрибоѢдову, «чтобы онъ сжегъ бумаги, могущія его компрометировать», и далъ ему на это часъ времени. ГрибоѢдовъ послѣдовалъ отеческому совѣту своего начальника; другая часть его бумагъ, находившаяся въ крѣпости Грозной, была вручена курьеру, съ нею вмѣстѣ и ГрибоѢдовъ. Не зная за собою ничего преступнаго или предосудительнаго, онъ былъ не только спокоенъ, даже неистощимо весель во весь свой путь до Петербурга, куда курьеръ везъ его «къ отвѣту». Прибывъ въ Москву, ГрибоѢдовъ, съ согласія уступчиваго своего провожататаго, пробылъ десять часовъ (съ четырехъ по полудни до двухъ ночи); успѣлъ повидаться съ своими друзьями — братьями Бѣгичевыми; позволилъ курьеру повидаться съ своими родными и затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Подъ арестомъ въ главномъ штабѣ ГрибоѢдовъ просидѣлъ четыре мѣсяца (съ февраля по іюнь 1826 г.), и памятникомъ этого грустнаго времени остались его записочки къ Булгарину (писанныя на лоскуткахъ и обрывкахъ сѣрой бумаги), въ первый разъ приводимыя здѣсь нами въ точныхъ спискахъ съ подлинниковъ:

ГрибоѢдовъ — Булгарину.

1.

Съ дозволенія инквизиціи.²⁾

«Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типогра-

¹⁾ См. «Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности» (Москва, 1867) статья: «А. С. ГрибоѢдовъ».

Ред.

²⁾ Письма 1, 2 и 4 были напечатаны въ фотолитографическихъ снимкахъ

фія? Пришлите мнѣ газетъ какихъ-нибудь и журналовъ, и нѣтъ-ли у васъ «Чайльдъ-Гарольда»? Меня здѣсь заперли и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17-го февр.

Das Papier in's Feuer.¹⁾

«Фаддей, мой другъ, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, *bons sommes camarades comme cochons,*²⁾ можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ прониьнуть. Я писалъ къ Государю, ничего не отвѣчаетъ».

На оборотѣ: «М. г. Николаю Ивановичу Гречу или Фаддею Венедиктовичу Бугарину въ собственныя руки».

2.

«Сто тысячъ разъ благодарю, что потѣшилъ заключеннаго; а то я сидѣлъ только и проклиналъ моихъ гонителей. Сдѣлай одолженіе не пугайся. Бояться людей, значить, баловать ихъ. Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки. Какъ бы я желалъ тебя видѣть».

На оборотѣ: «Издателю Севѣрной Пчелы».

3.

«Атласъ въ Анахарсису. Вчера я говорилъ Жуковскому,³⁾ что ты у него былъ; онъ у меня спрашивалъ, видѣлъ-ли ты меня? Нѣтъ. Коли захочешь, онъ доставить тебѣ случай у меня побывать».

(На четвергушкѣ грубой оберточной бумага).

4.

«Благодарю тебя за четвероногіе «Апологи»; на дняхъ дочитываю «Degeando»; воли еще нѣтъ продолженія, то доставь мнѣ старое изданіе, которое мнѣ 15 лѣтъ тому назадъ подарилъ профессоръ Буле; оно доведено до Фихте и Шеллинга. Также «Анахарсиса» скоро кончу и попрошу на мѣсто его «Шу-

въ нашемъ и О. К. Опочивина изд. «Сборникъ спямокъ съ автографовъ Русскихъ дѣятелей», стр. 57 — 59.

Ред.

¹⁾ Бумагу въ огонь.

²⁾ Мы съ нимъ закадычныя пріятели.

³⁾ Капитанъ главнаго штаба, о которомъ упомянуто въ первой запискѣ.

Ред.

бертовы календарики». Кажется, что мнѣ воли еще долго не видать, и вѣроятно, буду отправленъ съ фельдъегеремъ; въ такомъ случаѣ, я матушкѣ дамъ знать о деньгахъ, которыми ты меня одолжилъ».

5.

«Дай, братъ, пожалуста длинныхъ академическихъ газетъ, да еще какихъ-нибудь журналовъ, я тотчасъ приплю назадъ. Вѣрный твой другъ».

(Писано на клочкѣ сѣрой бумаги).

6.

«Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ивановскій,¹⁾ благороднѣйшій человекъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому, и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участія. Расскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слезь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусь, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свидѣніе Ж*, а тотъ перескажетъ А*, а А* найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale».

Булгаринъ — Грибоѣдову.

«Любезный другъ! Береги свое здоровье, не мучься и не терзайся напрасно. Ты невиненъ, слѣдственно будешь освобожденъ въ самомъ скорѣйшемъ времени, и одна только печальная церемонія могла удержать теченіе дѣлъ. Почтеннѣйшій Михайла Петровичъ расскажетъ тебѣ, что твое освобожденіе — вещь вѣрная. Цѣлый городъ знаетъ, съ какою радостью Государь освобождаетъ невинныхъ; за что-жъ тебя, ангела, стали бы держать? Пожалуйста успокойся! Умъ и твердость познаются въ противностяхъ судьбы. Ты подвергся только вротвому опыту. Перенеси съ твердостью, и вѣрь, что я въ сердцѣ болѣе мучусь твоею мукою,

¹⁾ См. о немъ «Русская Старина», т. IX, 1874 г., февр., стр. 392. Ред.

нежели ты своимъ заключеніемъ. Теперь я успокоился, и ты успокойся. Познай руку Провидѣнія, которое спасло тебя отъ клеветы. Надѣюсь вскорѣ при.....»

На этихъ словахъ письмо разорвано, а на оборотѣ рукою Грибоѣдова написана слѣдующая записочка:

Грибоѣдовъ—Булгарину.

7.

«Сдѣлай одолженіе, достань у Греча или у кого-нибудь атласъ къ «Анахарсису», или какую-нибудь карту Греціи, да новыхъ журналовъ пришли. О правосудіе!!»

8.

«Любезный другъ, коли ты будешь что-нибудь писать о «Телеграфѣ», не можешь-ли его спросить, какъ онъ ухитрился произвести грозный судъ о ходѣ Катенинской трагедіи по одному только дѣйствию, которое напечатано въ «Талии»? Это или что-нибудь подобное пожалуйста скажи печатно. Коли я напишу, то никого не увѣришь, чтобы тутъ не примѣшивалось дружеское пристрастіе; я думаю, лучше коли-бы ты самъ вступился.

«Прощай, будь здоровъ. Вѣрный твой А. Г.»

9.

19-го марта. (1826 г.)

«Любезный другъ. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нѣтъ, то извѣсти о моемъ голодномъ положеніи Ж* или Петр. Никол. Ч*. Въ случаѣ, что меня отправятъ куда-нибудь подальше, я чрезъ подателя этой же записки передамъ тебѣ мой адмантовый крестъ, а ты его по боку. Прощай.»

10.

«Любезный другъ, очень, очень благодаренъ тебѣ за присылку денегъ. Сдѣлай одолженіе, достань мнѣ «Тавриду» — Боброва, да ежели нельзя имѣть на поддержаніе, то купи мнѣ le Calcul différentiel de Francœur,¹⁾ по-французски или по-русски».

(На другой половинѣ этой же записки):

«19-го марта получилъ я въ займы отъ Оадея Венедиктовича

¹⁾ Дифференціальное исчисленіе Франкёра.

Булгарина ассигнаціями сто пятьдесятъ рублей. Александръ Грибоѣдовъ».

11.

«Христось воскресе,¹⁾ любезный другъ. Жуковскій (капитанъ) просилъ меня достать ему точно такое же народное изданіе Крылова, какъ то, которое ты мнѣ прислалъ. Купи у Слѣнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre.²⁾ Да пришли, братъ, газетъ. Другъ мой, когда мы свидимся!!!»

«NB. Крылова онъ нынче же долженъ подарить въ именины какой-то ему любезной дамочки».

Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюня 1826 г., Грибоѣдовъ, совершенно оправданный, освобожденный изъ-подъ ареста, облаченный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, былъ награжденъ (8-го іюня) чиномъ надворнаго совѣтника. Но радость его, конечно, была омрачена мыслью объ участи людей когда-то ему близкихъ: страшная кара постигла А. И. Одоевскаго, В. К. Кюхельбекера, которыхъ Грибоѣдовъ любилъ отъ всего сердца. Черезъ два года, прибывъ въ Петербургъ съ Туркманчайскимъ договоромъ и щедро награжденный императоромъ, онъ писалъ въ изгнаннику Одоевскому дружеское письмо, проникнутое любовью друга (см. ниже).

Лѣто 1826 г. Грибоѣдовъ провелъ на уединенной дачѣ, на Выборгской сторонѣ, прилежно занимаясь музыкою и литературою. Къ этому времени относятся слѣдующія его письма къ Булгарину:

12.

«Любезный другъ, пересмотри все, что я отмѣтилъ на память, потому что у меня никакой нѣтъ книги о Персiв. Зачѣмъ ты мнѣ прислалъ вдвойнѣ работу? Я сначала не примѣтилъ, что это одно и то же и писалъ на черномъ спискѣ, потомъ тоже принужденъ былъ перенести въ бѣлую тетрадь?»

«NB. При имени Александра Гривсъ, въ Бомбеѣ, нельзя-ли приложить слѣдующее замѣчаніе:

¹⁾ Въ 1826 году праздникъ св. Пасхи былъ 18-го апрѣля. Ред.

²⁾ Вы понимаете, конечно, что я не могу отказать ему въ подарочкѣ этого рода.

«Семейство Гривсъ; дѣти покойнаго Петербургскаго медика, получили наслѣдство послѣ дяди въ Бомбеѣ, съ условіемъ въ немъ поселиться. Тамъ дѣвицы Гривсъ славятся своею красотою и привязанностью къ Россіи, и вообще извѣстны подъ названіемъ гордыхъ Петербургскихъ красавицъ. Многіе знаменитые искатели домогались ихъ руки, но не были приняты даже въ число ихъ знакомыхъ, между тѣмъ какъ всякій Русскій, или хоть мелькомъ побывавшій въ Россіи, находитъ въ ихъ домѣ самый ласковый и родственныи пріемъ. Здѣсь новый этому опытъ.»

«Неужели ты не замѣтилъ, что Цибулинъ вретъ объ англійскомъ навазаніи кошками?!»

13.

«Очень хорошъ и заботливъ ты, Калибанъ Венедиктовичъ! Присылаешь ко мнѣ Муханова, а не могъ мнѣ дать знать объ отпращиваніи въ ночь фельдъегеря; такимъ образомъ, заготовленные мои письма остались въ столѣ и будутъ лежать по твоей милости. Гдѣ ты вчера, моя душа, набрался необыкновеннаго вдохновенія? Эй, берегись. Галича получилъ; на счетъ шейнаго платка успокой Семена, которому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.»

14.

«Любезный Булгаринъ, какъ тебя Богъ бережетъ? О Гречъ я слышалъ неприятность, будто его снова-здорово преслѣдуютъ за Госнера¹⁾; я, между тѣмъ, странствую по берегу морскому и переносусь то на верхъ Дудоровой горы, то въ пески Ораніенбаума; на дняхъ ворочусь, и прямо въ твою пустыньку.²⁾ «Vergeen» не нашелся у Майера; Шмидта я прочелъ и лучше бы не читалъ: безконечное преніе объ уродахъ Уйгурахъ, Турки-ли они

¹⁾ Въ мартѣ 1824 г. Гречъ печаталъ въ своей типографіи, съ одобренія цензора Бирукова, переводъ «Толкованій на Новый завѣтъ» — пастора Госнера. По проискамъ Магницкаго, книга была признана вредною, и издатель подвергся всѣмъ гоненіямъ—явнымъ и тайнымъ. Дѣло пошло на разсмотрѣніе комитета министровъ, въ сенатъ; танулось пять лѣтъ и окончилось, въ 1828 г., совершеннымъ оправданіемъ Греча. Этотъ процессъ имѣлъ на его литературныя дѣла, а съ ними вмѣстѣ и на денежныя его выгоды, большое вліяніе.

Ред.

²⁾ На дачу, на берегу Невки, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ.

Ред.

или Тангутцы? Тибетинцы? Столько трудовъ для объясненія себѣ, кто былъ давно исчезнувшій народъ, о которомъ почти никто не говорилъ, который ничего не сдѣлалъ достопамятнаго и пропасть, какъ не бывалъ. Сдѣлай одолженіе, пришли «Времянникъ» и «Абуль-Газа», да коли нѣтъ «Бержерона», такъ по-русски «План-Карпина»; вѣроятно, достать можно. Онъ у меня въ Москвѣ есть. Прощай, поминай добромъ. Греча очень, очень жалѣю, но увѣренъ, что всѣ нападки на него пусты. Вѣрный твой».

На оборотѣ: «М. г. Ѳадею Венедиктовичу Булгарину».

V.

Туча, грозившая Грибодову въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, какъ мы уже сказали выше, разрѣшилась милостями къ нему государя, но одновременно опала царская постигла А. П. Ермолова, котораго, 29-го марта 1827 г., замѣнилъ Паскевичъ; при немъ, въ той же самой должности, въ которой былъ при Ермоловѣ, состоялъ и Грибодовъ. Д. В. Давыдовъ, въ своихъ запискахъ,¹⁾ видитъ въ этомъ явленіи доказательство неблагодарности Грибодова и, по этому поводу, почтенный партизанъ-литераторъ, къ слову, глумится и надъ дипломатическими способностями автора «Горя отъ Ума»... «Грибодову», говоритъ онъ—«не знакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онѣ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ».

Воздерживаясь отъ всякихъ голословныхъ оправданій памяти Грибодова, ограничимся указаніемъ на напечатанное въ «Русской Старинѣ» подлинное его донесеніе 1827 г. (Персія и Персіяне, «Р. С.», т. VII, 1873 г., іюнь, стр. 799), предоставляя самому читателю судить, какъ о дипломатическихъ способностяхъ Грибодова, такъ и объ его умѣннн писать форменныя бумаги.

Что касается до намека Д. В. Давыдова, будто Грибодовъ поступилъ на службу къ Паскевичу ради покровительства отъ «роднаго челоуѣка», то и намекъ этотъ не основателенъ. Предѣленію Грибодова на службу при Паскевичѣ были иныя, уважительнѣйшія причины.

Грибодовъ до послѣдней минуты горячо любилъ свою мать, прилагая объ участи ея самыя нѣжнѣйшія попеченія. Не беремъ

¹⁾ См. «Русскій Вѣстникъ», 1863 г., декабрь, т. 48, стр. 583—584.

судить, умѣла-ли она цѣнить любовь сына, но изъ статьи Д. А. Смирнова¹⁾ видимъ, что права она была довольно вѣрутаго и сварливаго. Узнавъ, что сына везуть въ Петербургъ съ фельдгегеремъ (въ февралѣ 1826 г.), она, «съ обыкновенной своей заносчивостью, съ первыхъ же словъ начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ, и проч. и проч.».

Когда Грибоѣдовъ прибылъ изъ Петербурга въ Москву награжденный чиномъ надворнаго совѣтника, Настасья Федоровна, предвидя, что онъ при Паскевичѣ, женатомъ на ея родной племянницѣ, много выиграетъ по службѣ, всячески уговаривала его искать покровительства будущаго фельдмаршала. Грибоѣдовъ отнѣживался, понимая всю неловкость своего положенія. Тогда г-жа Грибоѣдова прибѣгнула къ другому средству. Она пригласила Александра Сергѣевича ѣхать съ нею помолиться къ Иверской Божіей матери.. Отслужили молебень—и г-жа Грибоѣдова, упавъ передъ сыномъ на колѣни, стала слезно умолять его согласиться на то, о чемъ она попроситъ. Грибоѣдовъ, глубоко тронутый, далъ слово—и мать объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Могъ-ли Грибоѣдовъ отказать матери?...

Судьба рѣдко тѣшила его удачами и успѣхами, но при каждой ея улыбкѣ, при каждомъ улучшеніи денежныхъ своихъ средствъ, Грибоѣдовъ радовался, не столько за себя, сколько за мать, имѣніе которой было постоянно разстроено. Въ послѣдній разъ, уѣзжая изъ Россіи (въ 1828 г.), всѣмъ друзьямъ своимъ и короткимъ знакомымъ онъ говорилъ, что принялъ постъ посланника единственно съ цѣлю улучшить состояніе своей матери. И это была совершенная истина.

Исполнилось желаніе г-жи Грибоѣдовой—сынъ ея поступилъ на службу подъ начальство Паскевича и, вмѣстѣ съ нимъ, прибылъ въ Тифлисъ. Отсюда, въ декабрѣ 1826 г., онъ писалъ Булгарину:

11-го декабря (1826 г.).

«Сармать мой любезный. Помнишь-ли ты меня? А коли помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копѣйки.

¹⁾ «Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности». Москва, 1867, Выпускъ первый. Отдѣленіе второе, стр. 24 — 25.

«Часто, милый мой, вспоминаю о Невѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно прожили, хотя недолго. Здѣсь твои листки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась-ли твоя Länchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl¹⁾ передай исправно. Гречу поклонись. Благодаримъ тебя за присланную Фуссову статью: «Одинъ день изъ жизни Суворова».

«Твои прогулки и встрѣчи тоже здѣсь высоко ставятся; за 3,000 в. полагаютъ, что это истинная картина Петербургскихъ нравовъ. Продолжай, будь также плодovitъ въ твоихъ произведеніяхъ, какъ ты милъ и добръ въ обществѣ хорошихъ пріятелей. Прощай, благослови тебя Богъ. Вѣрный твой.

«P. S. Не искажай слишкомъ Персидскихъ именъ и нашихъ здѣшнихъ, какъ Шаликовъ въ Московскихъ газетахъ пишетъ Шаманда, вмѣсто Шамшадиль, etc. etc.

«Отъ чего вы такъ мало пишете о сраженіи при Елисаветполѣ, гдѣ 7,000 Русскихъ разбили 35,000 Персіянъ?²⁾ Самое дерзкое то, что мы врѣзались и учредили наши батареи за 300 сажень отъ непріятеля и, по превосходству его, были имъ обхвачены съ обоихъ фланговъ, а самое умное, что пѣхота наша за бугромъ была удачно поставлена вѣ пушечныхъ выстрѣловъ, но это обстоятельство нигдѣ не выставлено въ описаніи сраженія.

Положеніе Грибоѣдова между двухъ враждовавшихъ генераловъ было крайне непріятное: Паскевичъ — родственникъ, искренно къ нему расположенный; Ермоловъ еще въ недавнее время любилъ Грибоѣдова, какъ роднаго сына..... Въ мартѣ 1827 г. Ермоловъ уступилъ свое мѣсто молодому Паскевичу и покинулъ Кавказъ.³⁾ Въ половинѣ мая Грибоѣдовъ участвовалъ съ Паскевичемъ въ персидскомъ походѣ. Въ дипломатѣ загово-

¹⁾ «Леночка? Мой поклонъ и поцѣлуй. Тантушекъ тоже пожеланія всякихъ благъ.

²⁾ 13-го сентября 1826 г. Честь побѣды этого дня неотъемлемо принадлежить кн. Мадатову. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII.

Ред.

³⁾ Изъ статей, относящихся къ этой эпохѣ и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», назовемъ слѣдующія: т. V, 1872 г., Ермоловъ, Дибичъ и Паске-

рила кровь прежняго кавалериста, и онъ съ одинаковымъ пыломъ переходилъ отъ пера въ саблѣ, отъ канцелярскаго стола подъ сѣнь боеваго шатра. Еще въ половинѣ апрѣля, передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, онъ писалъ Булгарину изъ Тифлиса:

16-го апрѣля 827 г. Тифлисъ.¹⁾

«Любезный другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Прежде всего провъба, чтобы не забыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какаго-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго, и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главноуправляющаго на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ.²⁾ При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу.»

«Стихи Жандра въ 1-мъ № я нигдѣ не могъ отыскать, ты не прислалъ мнѣ, а другіе—«къ Музѣ» я, еще не зная, чьи они, читалъ здѣсь вслухъ у Ховена и увѣренъ былъ, что это произведеніе чловека съ большимъ дарованіемъ. (Поощрай, прищипоривай его. А я надѣюсь, что, воротясь изъ похода, какъ-нибудь его сюда выпишу). Не могу довольно отблагодарить тебя за прежнее твое письмо, и за присылку журналовъ.»

«Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова». Повѣса Левъ Пушкинъ здѣсь, но не имѣлъ ко мнѣ достаточно вниманія, и не при-

вичъ (стр. 706), А. П. Ермоловъ (стр. 431); т. VI.—А. П. Ермоловъ (стр. 493); Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ (стр. 39); т. VII: Персія и Персіане,—донесеніе Грибоѣдова (стр. 799). Ред.

¹⁾ Письмо это было напечатано въ книгѣ Серчевскаго (А. С. Грибоѣдовъ, стр. XVIII—XIX), но съ большими пропусками. Ред.

²⁾ Со словъ: «а то...» до конца зачеркнута Булгаринимъ карандашомъ.

везъ мнѣ братнина манускрипта. Зато я принялъ его по не-пріятельски: велѣлъ принести пистолеты и во все время, что онъ у меня сидѣлъ, стрѣлялъ въ дверь моей комнаты, пробилъ ее насквозь, съ верху до низу, и Льва съ пальбой отпустилъ въ полкъ на юнкерство.¹⁾

«Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пимень—старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не азыкомъ тѣхъ временъ.²⁾

«Неожидай отъ меня стиховъ; Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я отъезжаю. Въ обыкновенныя времена нигде не-гожусь: и не моя вина; люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разумъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему.³⁾

«Я рожденъ для другаго поприща.

«Развѣдай у Петерса, моего портнаго, и Жандра попроси, что онъ пятый мѣсяцъ не шлетъ мнѣ платье, получивши деньги 600 р. отъ матушки. Скажи ему по-французски, что онъ свинья. 1-я глава твоей «Сиротки» такъ съ натуры списана, что (прости душа моя) невольно подумаешь, что ты самъ когда-нибудь валялся съ кудлашкой. Тыфу, пропасть! какъ это смѣшно, и жалко, и справедливо. Я нѣсколько разъ заставлялъ моего Александра,⁴⁾ когда онъ это читалъ вслухъ своимъ пріятелямъ. Многіе просятъ, чтобы ты непремѣнно продолжалъ и окончилъ эту повѣсть.

«Länchen meiner liebenswürdiger Freundin und Tante meinen besten Gruss⁵⁾). Прощай; вланыйся друзьямъ и помни о добромъ пріятелѣ, который тебя душевно любитъ. А. Г.».

На оборотѣ: «Его высокоблагородію Гадею Венедиктовичу Булгарину, издателю «Сѣверной Пчелы» и пр. Въ С.-Петербургъ, въ типографію Н. И. Греча».

¹⁾ Со словъ: «повѣса Левъ...» до конца зачеркнуто въ подлинникѣ карандашомъ. Ред.

²⁾ Со словъ: «а юноша...» въ подлинникѣ зачеркнуто карандашомъ. Ред.

³⁾ Со словъ: «люди...» въ подлинникѣ зачеркнуто карандашомъ. Ред.

⁴⁾ Александръ Грибовъ — молочный братъ и камердинеръ Грибовдова. Ред.

⁵⁾ «Леночкѣ (женѣ Булгарина), любезнѣйшему моему другу, и таятѣ (ея теткѣ) мой глубокій поклонъ».

Принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, находясь безотлучно при Паскевичѣ, Грибоѣдовъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовалъ ему въ подвигахъ, ознаменовавшихъ эту кампанію, блестящую для нашего оружія. Движеніе къ Аббасъ-Аббаду и даже въ Эривани было слѣдствіемъ убѣдительныхъ настояній Грибоѣдова. Неоднократно, на конѣ, онъ гарцовалъ подъ непріятельскими выстрѣлами, выказывая при этомъ храбрость и хладнокровіе бывалаго, опытнаго воина. «Нашъ слѣпой»¹⁾—писалъ Паскевичъ г-жѣ Грибоѣдовой—«совсѣмъ меня не слушается: разѣзжаетъ себѣ подъ пулями, да и только». Не храбрость Грибоѣдова вмѣняла ему въ заслугу, но признательный къ трудамъ его въ кругу служебной дѣятельности, Паскевичъ, въ декабрѣ 1827 г., исходатайствовалъ Грибоѣдову чинъ коллежскаго совѣтника.

Путемъ побѣдъ война близилась къ окончанію славнымъ миромъ Турьменчайскимъ, слѣдствіемъ котораго было присоединеніе къ Россіи сѣверо-восточной Арменіи (провинцій Эриванской и Нахичеванской). Чуждый мелочнаго тщеславія, Грибоѣдовъ радовался успѣхамъ нашего оружія и восторженно увѣдомлялъ о нихъ своихъ друзей въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Вскользь упоминая о собственныхъ своихъ заслугахъ, онъ увлекательно описывалъ ратные подвиги, которыхъ былъ свидѣтелемъ.

Въ переговорахъ о мирѣ Грибоѣдовъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе. Онъ посѣтилъ Аббаса-Мирзу въ его лагерь и, несмотря на всѣ уловки и увертки персидскихъ сановниковъ, презирая происки Аллаяр-хана, зятя Фетх-Али-шаха и главнаго виновника бѣдственной для Персіи войны, Грибоѣдовъ привелъ переговоры къ желанному, успѣшному окончанію. Турьманчайскій миръ былъ подписанъ 10-го февраля 1828 г. На Грибоѣдова возложилъ Паскевичъ поднесеніе Государю Турьманчайскаго договора. Исторія оцѣнить по достоинству этотъ славный договоръ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодный для Россіи, особенно въ виду предстоявшей тогда турецкой кампаніи. Д. В. Давыдовъ, въ своихъ «Запискахъ», не одобряетъ дѣйствій Паскевича. По словамъ почтеннаго партизана, Паскевичъ въ Персіи надѣлалъ тьму ошибокъ.²⁾

¹⁾ Намѣкъ на близорукость Грибоѣдова, носившаго очки. Ред.

²⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. VI, Записки Д. В. Давыдова.

Грибовдовъ не искалъ тѣхъ почестей, которыми его осыпали за персидскую кампанію. Онъ говорилъ самому Паскевичу, что денежное награжденіе, которымъ можно поправить дѣла его матери, онъ предпочитаетъ всякимъ повышеніямъ и почестямъ.

Проѣздомъ черезъ Москву, Александръ Сергѣевичъ посѣтилъ Бѣгичевыхъ и, по собственному его выраженію, «имѣлъ безтактность» явиться къ А. П. Ермолову.¹⁾ Герой Кавказа принялъ молодого дипломата, разумѣется, угрюмо и холодно; поздно понявъ Грибовдовъ свою ошибку. Это сознаніе побудило его сказать Степану Никитичу Бѣгичеву, или брату его, Дмитрію Никитичу: «я вѣчный злодѣй Ермолова!»—въ томъ смыслѣ, т. е., что старіеъ глядять на него, какъ на личнаго врага, а отнюдь не потому, чтобы онъ самъ питалъ въ Ермолову чувства ненависти. Бѣдучи въ Петербургъ, Грибовдовъ живо вспомнилъ, какъ ровно два года тому назадъ, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ ѣхалъ въ Петербургъ «въ отвѣту», тяжесть котораго была такъ значительно облегчена ему великодушнымъ Ермоловымъ.

Въ Петербургъ Грибовдовъ прибылъ вечеромъ 14-го марта 1828 г. Императоръ пожаловалъ вѣстнику о мирѣ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны, алмазами украшенный, и четыре тысячи червонныхъ. Взысканный щедротами государя, осыпaeмый поздравленіями за него радовавшихся друзей, любезностями знати и лестью скороспѣлыхъ повлонниковъ всякаго успѣха, Грибовдовъ писалъ (официальнымъ путемъ, чрезъ начальство) другу своему А. И. Одоевскому:

С.-Петербургъ.

«Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь наградилъ меня щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде; но я тебя знаю, ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ и тамъ, въ дали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

«Осмѣлюсь - ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней

¹⁾ «Этого я себя простить не могу»—говорилъ Грибовдовъ въ Петербургѣ нѣкоторымъ изъ короткихъ знакомыхъ (въ ихъ числѣ и П. А. Каратыгину). «Что могъ подумать Ермоловъ? Точно я похвастать хотѣлъ..... а ей-Богу заѣхалъ къ нему по старой памяти!» Ред.

судьбѣ твоей? Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь—нравственная и высокая, независимая отъ вѣншей. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ уважѣ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи въ 1825 г. Она была мгновенна, и ты, вѣрно, теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти.

«Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Ни тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила. Довольно объ этомъ.

«Слышу, что, снисхожденіемъ высшаго начальства, тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволяется читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины. Реэстръ приложу послѣ».

Въ апрѣлѣ того же 1828 года императоръ Николай Павловичъ назначилъ Грибоѣдова полномочнымъ министромъ при дворѣ персидскомъ. Это назначеніе, котораго Грибоѣдовъ отнюдь не домогался, болѣе опечалило его, нежели обрадовало. Какое-то мрачное предчувствіе отяготило его душу. Въ теченіи десяти лѣтъ, почти непрерывно вращаясь въ кругу Персіанъ, онъ изучилъ характеръ этого народа—отъ деспота до послѣдняго раба—и этотъ характеръ былъ ненадежною порукою за личную безопасность посланника въ этой странѣ—лютости и вѣроломства.

Посѣтивъ друга своего А. А. Жандра и сообщая ему о своемъ назначеніи, Грибоѣдовъ сказалъ:

— «Насъ тамъ непременно всѣхъ перерѣжутъ. Аллаяр-ханъ—мой личный врагъ; не подарить онъ мнѣ Туркменчайскаго троктата!»

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня 1828 г.; выѣхалъ—навсегда. Передъ отъѣздомъ хлопоталъ о дозволеніи представлять на сценѣ «Горе отъ Ума», но всѣ его старанія

были напрасны: комедія терпѣла горе и отъ своего ума и отъ тупоумія ея гонителей... Не суждено было Грибоводу видѣть свою комедію ни въ печати, ни на сценѣ.¹⁾

Къ періоду послѣдняго пребыванія его въ предѣлахъ Россіи относятся слѣдующія письма, сохранившіяся въ архивѣ Булгарина:

А. С. Грибоводъ — Е. И. Булгаринной.²⁾

5 iuny (1828).

«Adieu, bestes Länchen, theure Freundinn, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu! Ich nehme Abschied auf 3, zehn Jahr, vielleicht auf immer. O, mein Gott! soll ich mein ganzes Leben dort verbringen, in dem Lande, das so fremd ist meinem Gefühl, meinen Sinnen... Nichts zu...³⁾ Vielleicht werde ich einmal in Karlowa flüchten, von allem was mir jetzt zuwieder ist. Aber wann? Es ist noch weit bis dahin. Unterdessen, umarme ich Sie, meine gute Freundinn, und leben Sie glücklich. Ihr theurer Freund A. v. Griboyedof.

5 го іюня (1828).

(Переводъ). Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой, отъ всего сердца цѣлую васъ и танту также. Простите! Прощаюсь года на три, на десять лѣтъ; можетъ быть, навсегда. О, Боже мой! неужели тамъ проведу я всю мою жизнь, въ странѣ, чуждой моимъ чувствамъ, мыслямъ.... Можетъ быть, я когда-

¹⁾ Мы слышали отъ одного цензора, живущаго въ отставкѣ, что еще въ 1824 г., въ приемную къ министру явился однажды высокій стройный мужчина, во фракѣ, въ очкахъ, съ большею переплетенною рукописью. То былъ Грибоводъ. Разсказчикъ, случившійся въ приемной, спросилъ вошедшаго, чего онъ желаетъ? Я хочу видѣть министра и просить у него разрѣшенія напечатать мою комедію «Горе отъ Ума». Чиновникъ объяснилъ, что дѣло просмотра рукописи принадлежитъ цензурѣ, и онъ напрасно обращается къ министру. Грибоводъ, однако, стоялъ на своемъ, а потому былъ допущенъ къ министру; тотъ, просмотрѣвъ рукопись, перепугался разныхъ суждѣльныхъ стиховъ, и комедія на многіе годы была запрещена. «Не види Грибоводъ къ министру, а представь рукопись къ намъ въ комитетъ, — разсказывалъ цензоръ — мы бы вычеркнули изъ нея нѣсколько строкъ и «Горе отъ Ума» явилось бы въ печати почти десяткомъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ то случилось, по гордости Грибоводова, пожелавшаго имѣть дѣло прямо съ министромъ, а не съ цензурнымъ комитетомъ».

Ред.

²⁾ Отрывки изъ этого письма напечатаны въ книгѣ Сергеевскаго «А. С. Грибоводъ», стр. XXI.

³⁾ Невозможно разобрать.

нибудь убѣгу въ Карлово,¹⁾ отъ всего, что теперь мнѣ противно. Но когда? Еще далеко до этого. Покуда обнимаю васъ, добрый другъ мой, будьте счастливы. Вашъ вѣрный другъ А Грибоѣдовъ.

Грибоѣдовъ—Булгарину.

Москва, 12-го іюня (1828).

«Любезнѣйшій другъ Оадей Венедиктовичъ. Чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе важности пріобрѣтаетъ мое павлинное званіе. Здѣсь я нѣсколькими часами промедлил долѣе, чѣмъ разсчитывалъ. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно въ обществѣ съ матерью и съ миленькими полу-кузинками, *jolies sœurs des anges*,²⁾ и этотъ домъ родимый, въ которомъ я вѣчно, какъ на станціи!!! Проѣду, переночую, исчезну!!! Une f....e existence.»³⁾

«Скажи Ордынскому, что я былъ здѣсь опечаленъ чрезвычайно, имянно на его счетъ. Похвисневъ, котораго я полагалъ сдѣлать предстателемъ у Вельяминова за его братьевъ, умеръ. И жалъ собственно за этого молодаго человѣка и за братьевъ нашего пріятеля. Но въ Тулѣ думаю найти истиннаго ко мнѣ дружески расположеннаго А. А., брата Вельяминова, а коли нѣтъ, то буду писать къ нему.

«Сходи къ пикуло человѣкуло. Онъ у меня ускромилъ мѣсяцъ жалованья. Но со мною нѣтъ полномочія, письма Государева къ тому государю, къ которому я ѣду. Подстрекни, чтобы скорѣе прислали, иначе какъ же я явлюсь къ моему назначенію. Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ Государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-либо ему неусердствовать. Его именемъ мнѣ объявлено, чтобы я скорѣе ѣхалъ; я уже на пути, но въ томъ не моя вина, коли не снабдили меня всѣмъ нужнымъ для скорѣйшаго исполненія высочайшей воли. Здѣсь я слышу, стороною, вещи, оттудова, которыя понуждаютъ меня торопиться. Приторопи же и ты мое азіатское начальство, его превосходительство пикулодерякуло.

«На первый случай пришли мнѣ Іордена атласъ всеобщій

¹⁾ Помѣстье О. В. Булгарина, близъ Дерпта.

²⁾ Хорошенькими, какъ ангелы.

³⁾ Распроклятое житье! — (по-французски еще того рѣзче).

и карту войны, непременно и скорѣе, а антиквитетами и отвлеченностями повремени. Новѣйшее сочиненіе о коммерціи, о веденіи консульскихъ книгъ, двойную или десятирную бухгалтерію тоже пришли, въ руководство мнѣ и моему Амбургеру.

«Вотъ, мой другъ, письмо ко мнѣ моей сестры. Разсуди и, если можно, спишись съ ней и помоги. Адресъ ея: Марья Сергѣевна Дурновой, Тульской губерніи, въ городъ Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произволь, какъ другу, обо мнѣ искренно попечительному.

«Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевскій требуетъ отъ матушки уплаты долгу = 5,000 рублей. Можетъ-ли онъ уплатить ему за матушку (которой онъ самъ долженъ тридцать четыре тысячи)? Она совѣстлива, больна и безденежна. Александръ меня любитъ и честенъ. Поговори ему, и понудь его непременно сдѣлать мнѣ пріятное.

«Прощай. Ты далъ мнѣ волю докучать тебѣ моими дѣлами. Терпи и одолай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя цѣнить умѣетъ.

«Андрея, нашего благороднаго, славнаго и почтеннаго малаго, Андрея обними за меня. Звонять здѣсь безъ милосердія,—оглушили. Коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночкѣ и Тантѣ поклонъ.

(На оборотѣ): «Матушка посылаетъ тебѣ мое свидѣтельство о дворянствѣ, узнай въ герольдіи наконецъ, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онѣрами».

М. С. Дурново—А. С. Грибоводову.

● 25-го мая (1828 г.).

(Переводъ съ французскаго). Любезный Александръ! Я сію минуту уѣзжаю изъ Богородска. Слава Богу, ребенку лучше, благодаря безконечнымъ заботамъ доброй графини, которая не пренебрегла ничѣмъ и употребляла всѣ возможныя старанія къ скорѣйшему моему выздоровленію, и въ особенности къ выздоровленію Саши, котораго я вполнѣ предоставила попеченіямъ ея и нянkinъми. Безъ нихъ онъ бы погибъ жертвою моей неопытности, ибо моя нянька, къ несчастью, никогда неходившая за новорожденными, не сумѣла бы какъ должно справиться и только умножила бы

страданія нашего малютки. Твое послѣднее письмо насъ совершенно ошастливило. Люби дорогаго Александра, и если ему суждено жить, то я употреблю все средства, чтобы сдѣлать его достойнымъ любви твоей. Сердце мое обливается кровью при мысли о твоёмъ отъѣздѣ. Зачѣмъ должны мы жить всегда вдали другъ отъ друга? Когда же наступитъ счастливое время и мы опять сблизимся? Мужъ мой тебя обожаетъ: единственное его желаніе—видѣть тебя съ нами. Надобно видѣть, какъ каждая строка твоего письма его трогаетъ и восхищаетъ.¹⁾ Для насъ было бы величайшимъ счастіемъ—видѣть между нами нашего обожаемаго брата. Лыщусь этою надеждою, она поддерживаетъ мое существованіе. Во время твоего отсутствія, съ помощью Божіею, я постараюсь привести въ порядокъ наши дѣла. Надѣюсь успѣть, ибо мы живемъ очень экономно и прикопленными деньгами мы уже уплатили часть долговъ. Люди, которымъ мы должны, изъ разряда такихъ, съ которыми никогда не хотѣлось бы и знаться и которые еще воображаютъ, къ несчастію, что, взявъ съ насъ 12 процентовъ, оказываютъ намъ великое одолженіе и грубымъ образомъ даютъ намъ чувствовать свои услуги. Между нами будь сказано, это меня сильно тревожитъ и тяготитъ мнѣ сердце. Обращаюсь къ тебѣ, какъ къ истинному другу: если ты можешь располагать суммою въ 10,000 р., которую желалъ-бы помѣстить, сдѣлай милость, дай ихъ мнѣ въ займы на 10 процентовъ. Проценты ты будешь получать исправно, а меня несказанно одолжишь, избавя отъ подлыхъ людей, которые меня мучатъ. Черезъ два года я уплачу этотъ долгъ и буду ждать твоихъ приказаній, чтобы пустить эти деньги въ выгодный для тебя оборотъ. Итакъ, сдѣлай же милость, привези мнѣ 9,000 руб. съ вычетомъ процентовъ. Достанетъ-ли только у тебя на это средствъ, въ желаніи же услужить мнѣ—не сомнѣваюсь; если нѣтъ, то быть по сему.

Прощай, дражайшій другъ, пріѣзжай же къ намъ скорѣе; мы считаемъ минуты и ожидаемъ тебя съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Цѣлую тебя за себя и за Сашу. Вѣроятно, ты передѣлать, какъ ѣхать къ намъ, заѣдешь къ Бѣгичеву? Пожалуйста

¹⁾ Покорѣйше просимъ семейство г. Дурново, буде сохранились у него неизвѣстныя еще въ печати письма А. С. Грибоѣдова, — подѣлиться ими съ читателями «Русской Старины».

не надолго, и попроси его отъ моего имени также съ тобою къ намъ пріѣхать.

(Приписка г. Дурново, по-русски). «Душевный другъ и братъ, всегда съ восторгомъ получаю твои письма; послѣднее тѣмъ болѣе меня восхитило, что надѣюсь скоро съ тобою видѣться. Ради Бога, пріѣзжай поскорѣе: мы съ Машенькой считаемъ всѣ минуты и часы: Сашка нашъ насъ очень занимаетъ и дѣлается милъ; только жаль, что все болень и теперь въ вѣтренной оснѣ, что насъ и задержало въ Богородскѣ долѣе, чѣмъ мы желали; кромѣ тебя, никто его крестить не будетъ, я непременно сего желаю; надѣюсь и Степана Никитича (Бѣгичева) у себя видѣть. Съ нетерпѣніемъ тебя ожидаемъ. Прощай, мой неоцѣненный».

Адресъ: «Въ Москвѣ, его высокородію, милостивому государю, Александру Сергѣевичу Грибоѣдову. Подъ Новинскимъ, въ домѣ госпожи Грибоѣдовой подъ № 61. Письмо самое нужное».

Настасья Федоровна Грибоѣдова—Ф. В. Булгарину.

(Москва), 13-го іюня 1828 года.

«Милостивый государь, Фаддей Венедиктовичъ. Не имѣя чести быть съ вами знакома, но, по праву дружбы моего сына съ вами, отношусь къ вамъ точно какъ къ своему, почитая его друзей, какъ близкихъ моему сердцу; а какъ вы сами отецъ семейства, то это чувство для васъ и нечуждо, оттого-то и говорю такимъ языкомъ. Прошу, мой почтенный, не охладѣвайте вашу къ нему дружбу, не замедливайте его извѣщеніемъ обо всемъ, что касается до васъ и до него; давайте ему чаще о себѣ извѣстіе; онъ къ вамъ привязанъ истинно, какъ къ ближнему родственнику, котораго любить отъ души и сердца; уважаетъ, какъ нельзя болѣе; чтитъ вашъ талантъ съ восхищеніемъ; а я, какъ усердная мать, по всему сему сношенію, обожаю васъ, смѣю связать, какъ бы моего сына. Не оставляйте его, ради Бога, вашимъ вниманіемъ, вашими совѣтами. Вы, нашъ неоцѣненный другъ, знаете его достоинства, правоту его чувствъ и доброту, знаете, на что и къ чему онъ способенъ; зная же и его нѣжность и безынтересную личность, на васъ-то и надѣюсь, вы-то и возбудите въ немъ дѣятельность, частую ведя съ нимъ переписку; онъ,

уважая ваши дарованія, воспользуется вашимъ къ нему вниманіемъ; онъ мнѣ все сообщилъ, какъ вы имъ занимаетесь, даже и въ интересныхъ его дѣлахъ. Да вознаградитъ Всевышній вашихъ дѣтей и уподобитъ ихъ почтенному своему родителю. Препровождаю бумаги, нужныя для Александра, и прошу скорымъ вашимъ трудомъ ихъ обработать и къ нему всѣ доставить. Буде вамъ угодно меня удостоить когда-либо вашею памятью, чего я и требовать не смѣю по вашимъ недосугамъ,—я сейчасъ ѣду въ деревню, и мой адресъ прямо въ Ярославъ, Настасья Федоровна Грибоѣдова. И за симъ, препоручая себя въ ваше знакомство и прося принять мое усердіе всему вашему любезному семейству, честь имѣю быть вамъ, милостивый государь, съ истиннымъ моимъ уваженіемъ, готовая къ услугамъ Настасья Грибоѣдова.

А. С. Грибоѣдовъ — О. В. Булгарину.

Тула, 13-го іюня (1828 г.).

«Вчера я позабылъ еще объ одномъ для меня важномъ предметѣ: «Hassel's Geographie von Asien, 4 vol.»; всѣ четыре тома пришли поскорѣе въ Тифлисъ. Грефъ ее при мнѣ ожидалъ. Аделунгъ общалъ купить мнѣ.

«Прощай, Тула, Воронежъ! Что за точки на семь свѣтъ и почему надобно по нескольку часовъ ими заниматься. Какъ въѣдешь? Какъ выѣдешь? Вѣрный твой другъ А. Г.

Адресъ: Въ С-Петербургъ. Его высокоблагородію, м. г., Оадею Венедиктовичу Булгарину. Г. издателю «Севѣрной (sic) Пчелы».

Почтовый штемпель: «Тула. 1828 г. іюня 14».

За этимъ письмомъ слѣдовалъ рядъ писемъ почти официальнаго характера. Нѣкоторыя изъ нихъ были своевременно напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ изданіи Серчевскаго,¹⁾ но съ большими пропусками и съ измѣненіемъ многихъ выраженій. Замѣтимъ здѣсь, что О. В. Булгаринъ, во все время пребыванія Грибоѣдова на Кавказѣ и въ Персіи, обязательно исполнялъ все-

¹⁾ Ставрополь, 27-го іюня (стр. XXIII); о взятіи Карса изъ Владикавказа, 23-го іюня (XXV), явная ошибка, или, лучше сказать, описка самого Грибоѣдова, какъ явствуетъ изъ содержанія перваго письма. Бывуаки при Каванчѣ, 24-го іюля (XXV—XXVIII). Ред.

возможныя порученія своего друга по части литературной, денежной, хозяйственной, вполне оправдывая довѣренность Грибодова и не полагая предѣловъ своей услужливости. Заботливый только о родныхъ и друзьяхъ своихъ, Грибодовъ лично въ отношеніи себя былъ безпечень и дѣтски неразсчетливъ.

Ставрополь, 27-го іюня 1828 г.

«Любезнѣйшая Пчела. Вчера я сюда прибылъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью. Пустилъ бы я на свое мѣсто какого-нибудь франта, охотника до почетныхъ назначеній, dandy петербургскаго Bonds-street — Невскаго проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умѣренность въ желаніяхъ и неизвѣстность.

«Здѣсь меня задерживаетъ приготовленіе конвоя. Какъ добрый патріотъ, радуюсь взятію Анапы. Съ этимъ извѣстіемъ былъ я встрѣченъ тотчасъ при вѣздѣ. Нельзя довольно за это благодарить Бога тому, кто дорожить безопасностью здѣшняго края. Въ послѣднее время закубанцы сдѣлались дерзки до сумазбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши, пошедшіе къ нимъ на перерѣзъ съ 1,000 конными и съ 4-мя орудіями, по обыкновенію оттянули, не поспѣли. Пѣхота ¹⁾ вздумала дѣйствовать отдѣльно, растянулась длинною цѣпью, тогда какъ донской полковникъ Радіоновъ предлагалъ, соединившись, тотчасъ напасть на непріятеля, утомленнаго быстрымъ походомъ. Горцы расположены были таборомъ въ виду, но, замѣтивъ несовокупность нашихъ движеній, тотчасъ бросились въ пашки, не дали ни разу выстрѣлить орудію, бывшему при пѣхотномъ отрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, которые при немъ были, опрокинули его вверхъ колесами и поспѣшили противъ коннаго нашего отряда. Радіоновъ удержалъ ихъ 4-мя орудіями; потомъ хотѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками — линейными и донскими — но, не бывъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ только съ горстью донцевъ своихъ и заплатилъ жизнью за великодушную смѣлость. Ему шапкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили шею, онъ сва-

¹⁾ 39-го егерскаго полка майоръ Козачковскій, который думалъ фрунтомъ ударить на черкесскую конницу и самъ тяжело раненъ. Примѣч. Грибод.

дѣлся съ лошади и былъ изрубленъ. Однако, отпоръ этотъ заставилъ закубанцевъ бѣжать отъ Горячихъ Водъ, которымъ они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Радіонова, жаль его, отличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на Воды.

«Посѣтители сложились, чтобы сдѣлать ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавителя, до могилы.

«Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбой и грабительства утихли и тепловодцы, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пить воду и чай. Генераль Эммануель отправился въ Анапу, чтобы принять присягу отъ тамошнихъ князей. На дорогѣ, съ той стороны Кубани, толпами къ нему выходили на встрѣчу всѣ горскіе народы съ покорностію и подданствомъ.

«Опять повторяю, что выгоды отъ взятія Анапы неисчислимы. Бѣсится меня только этотъ пѣхотный маіоръ, который не соединился съ Радіоновымъ и причиною его безвременной смерти. Онъ 20-й крымской дивизіи. Нашего кавказскаго корпуса штабъ-офицеръ никогда бы этой глупости не сдѣлалъ. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ уroda. Въ 1825 году, я былъ свидѣтелемъ глупости Булгакова, который также пропустилъ закубанцевъ и къ намъ, и отъ насъ:

«Прощай. Лошади готовы.

«Если къ моему пріѣзду гр. Эриванскій возьметъ Карсъ, то это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже къ его услугамъ, всѣ меня привѣтствуютъ съ чрезвычайною перемѣною его характера. Говорятъ, что онъ со всѣми ласковъ, добръ, внимателенъ, и бездну добра дѣлаетъ частнаго и общаго. А у насъ чиновники—народъ добрый, собачья натура, всѣ забыли прошедшее, полюбили его и стали передъ нимъ на заднія лапы. Но жребій людей всегда одинъ и тотъ же. О дурномъ его нравѣ всѣ прокричали въ Петербургѣ, и, вѣрно, умолчать о перемѣнѣ, потому что она въ его пользу.

«Прощай еще разъ, любезный другъ. Пришли мнѣ отъ Винтера стекла три-четыре, отъ карманныхъ часовъ, которыя я у него купилъ. Я забылъ запастись ими, а стекло въ дорогѣ расшиблось, и я принужденъ руководствоваться свѣтилами небесными».

«Ура! Любезнѣйшій другъ. Мои желанія и предчувствія сбылись. Карсъ взятъ штурмомъ. Читаю реляцію и проповѣдую ее всенародно. Это столько чести приноситъ войску и генералу, что нельзя русскому сердцу непрыгать отъ радости. У насъ здѣсь всѣ отъ славы съ ума сходятъ. Вѣрный другъ твой Гр.»

«Порадуй отъ меня этимъ его превосходительство Константина Константиновича Родофинкина. Я оттого не доношу ему официально, что не имѣю мѣста, гдѣ бы прислониться съ перомъ и бумагой для чистописанія, а служба требуетъ наблюденія различныхъ формъ благоприличія, несовмѣстныхъ съ дорожною ѣздою».

Письмо изъ Карса къ издателю „Сѣверной Пчелы“.

23-го юня 1828 г. Крѣпость Карсъ.

«Знамена россійскаго императора развѣваются на стѣнахъ Карса, взятаго штурмомъ сего числа, въ 8 часовъ утра. На юго-западной сторонѣ онаго, непріятель имѣлъ укрѣпленный лагерь на высотѣ, господствующей городомъ, которую необходимо было занять для продолженія осадныхъ работъ.

«Храбрыя россійскія войска штыками вытѣснили оттуда превосходнаго числомъ непріятеля, съ отчаяніемъ защищавшагося, на плечахъ его взосли въ форштатъ и въ крѣпость, овладѣвъ приступомъ тремя стѣнами; часть гарнизона успѣла укрыться въ весьма крѣпкой цитадели, но уstraшенная успѣхами нашими, сдалась въ числѣ 5,000 человекъ, крожѣ 1,250 взятыхъ въ плѣвъ во время приступа. Въ числѣ плѣнныхъ находятся дубчужный паша Магмедъ-Еминъ, начальнивъ кавалеріи Вали-Ата и много другихъ чиновниковъ.

«Штурмъ продолжался три часа; мѣсто укрѣпленнаго лагерьа и форштаты усѣяны трупами турокъ, кои всего потеряли до 2,000 убитыми и ранеными; изъ кавалеріи, бывшей въ гарнизонѣ, 3,000 человекъ успѣли пробиться между кавалерійскими партіями нашими и скрылись въ горахъ. Всего же гарнизона было до 11,000.

«Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 33; ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 216. Въ крѣпости и на батареяхъ непріятельскихъ взято пушекъ и мортиръ 151, отбито 33 знамя; также приобрѣ-

тено значительное количество артиллерійских снарядовъ, множество разнаго рода оружія и большой хлѣбный магазейнъ.

«Карсъ есть одна изъ первѣйшихъ азіатскихъ крѣпостей и наипаче по мѣстному положенію. Толстыя каменные стѣны, въ три ряда, съ башнями, построенными въ видѣ бастионовъ, окружаютъ городъ и часть предмѣстія и находятся подъ обороною цитадели, лежащей на высокой скалѣ, и одной укрѣпленной горы, называемой Карадагомъ. 151 орудіе очищаютъ поле выстрѣлами во всѣ стороны; почва земли чрезвычайно каменистая, препятствующая осаднымъ работамъ; многочисленный гарнизонъ усугублялъ средства защиты сей крѣпости и форштатовъ, обороняемыхъ башнями, въ видѣ бастионовъ построенными».

Бываки при Казанчѣ, на турецкой границѣ, 24-го іюля 1828 г.

«Любезный другъ, пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водить моимъ перомъ, иначе ни какъ бы не принялся за эту работу послѣ труднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны тебѣ докучать. Повунать, заказывать, отсылать!!!

«Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ тѣхъ поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ; отъ Паскевича ни слова, и я пустился къ нему на удачу. Въ душевной долині, гдѣ протекаютъ Храмъ и Алгетла, лошади мои стали; далѣе, поднимаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было повудить ихъ идти въ гору; я въ рѣкѣ ночевалъ; разсердась, побросалъ экипажи, воротился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ пуститься снова въ путь; а съ поста казачьего отправилъ денешу къ графу, чтобы онъ мнѣ далъ способы къ нему пробраться; увѣдомилъ его обо всемъ, о чемъ мнѣ крайне нужно имѣть отъ него свѣдѣнія, если уже нельзя намъ соединиться, и между тѣмъ просилъ его удерживать до моего приѣзда Мирзу Джафара, о которомъ я слышалъ, что къ нему посланъ изъ Тавриза. Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахгердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевои (второй томъ Лечочки), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось, не знаю, безпокойства-ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно

важной, или что другое придадо мнѣ рѣшительность необычайную, выходя изъ (за) стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire.»¹⁾ Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепиано; вышло не то; домъ ее матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ее, къ бабушкѣ, къ ее второй матери Праск. Ник. Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нее на губахъ всю ночь, и весь день, отправилъ курьера къ ее отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между тѣмъ, въюви мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ Паскевича, которымъ, онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подь Ахалкалаки.²⁾ На самой крутизнѣ Гезобдала гроза сильнѣйшая прoderжала насъ всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашель, что уже сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано; графъ оставилъ Карскій папалыкъ, и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самой день моего приѣзда была жаркая стычка у Басова Черноморскаго полка въ горахъ, за Арпачаемъ. Подь Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ ротъ 7-го Карабинернаго и 100 человекъ выздоровѣвшихъ,—все это назначено на усиленіе главнаго корпуса, но не знали, куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подь команду, 4-хъ проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками, впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подь Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія; коли въ цѣлости доведу, дай Богъ. Мальцевъ въ восхищеніи, воображаетъ себѣ, что онъ воюеть.

«Въ Гумрахъ-же нагналъ меня отвѣтъ отъ кн. Чавчавадзева—отца, изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви. Хорошо-ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, онъ

¹⁾ Подите со мною, мнѣ нужно что-то сказать вамъ.

²⁾ Въ подлинникѣ зачеркнуто: «Въ Гумрахъ»....

вообразить себѣ, что любовь заглушить во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ. Я буду вдвое старательнѣе, за себя и за нее.

«Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить».

«Строфы XIII, XIV, XV.¹⁾

«Промежутковъ 1½ мѣсяца.

«Дорогой мой Гадей. Я, по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда, въ Тифлисъ, 6-го августа занемогъ, желтою лихорадкою. Къ 22-му получилъ облегченіе, Нина не отходила отъ моей постели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцомъ уже опять посѣтилъ меня паровсизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха; я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что думаю капли крови здоровой во мнѣ неосталось.

«Еще разъ благодарю за всѣ твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя въ отвѣтственность за мои долги. Вмѣстѣ съ симъ, или вскорѣ послѣ, ты получишь отъ дяди Мальцева 15,000 руб. и слѣдовательно до 1-го января со всѣми расквитаешься.

«Изрѣдка до меня доходитъ «Сынъ Отечества» и «Севѣрный Архивъ», «Севѣрная Пчела» довольно регулярно. Но отчего же прочихъ журналовъ ты мнѣ не присылаешь? А объ иностранныхъ и въ поминѣ нѣтъ. Сдѣлай одолженіе, позаботься и объ этомъ.

«Прощай. Прими поцѣлуй отъ меня и отъ жены».

Въ послѣдній разъ Грибоѣдовъ писалъ Булгарину изъ Табриза (въ ноябрѣ 1828 года), препровождая къ нему, для напечатанія въ «Сѣверной Пчелѣ», статью И. С. Мальцева.²⁾

¹⁾ Двѣ строки точекъ въ подлинножъ письмѣ Грибоѣдова. Ред.

²⁾ О праздниѣ 24-го ноября, данномъ персіянами русскому посольству, по случаю благополучнаго возвращенія императора Николая въ Петербургъ изъ дѣйствующей арміи (въ Турціи). Подлинникъ статьи сохранился въ архивѣ Булгарина, онъ чисто переписанъ и на немъ слѣды проколовъ въ караванѣ. Приписка рукою Грибоѣдова сдѣлана на немъ же. Статью г. Мальцева мы не приводимъ здѣсь, такъ какъ она тогда же была напечатана въ «Севѣрной Пчелѣ» и перепечатывалась позднѣе. Помѣщаемъ здѣсь только собственноручную приписку А. С. Грибоѣдова. Ред.

— «Напечатанъ, любезный другъ Фадей, это блестящее описаніе, которое очень удачно выдѣлалось изъ-подъ пера товарища моей политической ссылки».

«Дѣло въ томъ, что насъ, кромѣ праздниковъ, здѣсь точно боятся и уважаютъ. $\frac{4}{5}$ слѣдующихъ намъ денегъ взяли; рѣдко пишется отъ меня требованіе здѣшнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь ѣду въ Тегеранъ, куда и шахъ въ скоромъ времени возвращается. Коли все еще меня будутъ ругать пріятели, *pos amis les ennemis*,¹⁾ то объяви имъ, что я на нихъ плюю. Ты, въ своихъ письмахъ, крѣпко настаиваешь, чтобы я Аббасъ-Мирзу подвигъ на войну противъ турковъ. Любезный другъ, знаешь-ли ты, имѣю-ли я на то разрѣшеніе? Удивляюсь, что тотъ, кто лучше тебя это знаетъ, говоритъ, что я бы могъ это сдѣлать. Коли служишь, то, прежде всего, слѣдуй буквально ниспосылаемымъ свыше инструкціямъ, а если, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно пожить и для газетъ, и то хорошо. Я, братъ, изъ своей головы готовъ изобретать всякіе наступательные планы, но не исполнять, покуда мнѣ же, наоборотъ, не предпишутъ поступать такъ, а не иначе. Поцѣлуй Леночку и Танту. Вѣрной твой А. Грибовдовъ».

Отправляясь въ Тегеранъ, Грибовдовъ сказалъ своей супругѣ, что ѣдетъ не надолго... Онъ погибъ 30-го января 1829 года.²⁾

Вѣсть о его убіеніи пришла въ Петербургъ 14-го марта: по какому-то роковому предопредѣленію, въ самый тотъ день, въ который Грибовдовъ, ровно годъ тому назадъ, прибылъ въ Петербургъ съ договоромъ Турменчайскимъ.

Согласно желанію покойнаго, бранные его останки были погребены въ Тифлисъ (2-го мая 1829 г.), въ склепѣ при монастырѣ св. Давида. Рядомъ съ его гробницею, черезъ двадцать восемь лѣтъ, воздвиглась другая, вдовы Грибовдова, Нины Александровны, скончавшейся 25-го ноября 1857 года.³⁾

¹⁾ Наши друзья-враги.

²⁾ Самое подробное, на подлинныхъ документахъ основанное, изслѣдованіе о смерти А. С. Грибовдова принадлежатъ А. П. Берже; оно напечатано въ «Русской Старинѣ», 1872 г., т. VI, авг., стр. 163—207. Фед.

³⁾ Нина Александровна Грибовдова, рожденная княжна Чавчавадзе, родилась 4-го ноября 1812 года.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца
города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя
Великаго Князя Константина Николаевича.

V.1)

**Собственноручныя выписки и замѣтки в. к. Павла Петровича,
съ октября 1778 г. по январь 1779 г., изъ Записокъ Ретца.**

Авторъ Записокъ, Жанъ-Франсуа-Поль аббатъ Гонди, кардиналъ Ретцъ, родился въ Монмирагѣ въ 1614 г. Отецъ его, вопреки характеру юноши, побудилъ Жана посвятить себя духовному званію. Какъ бы желая доказать отцу, что ни его способности, ни врожденныя наклонности не соответствуютъ этому званію, молодой Гонди предавался всякаго рода безпутствамъ и приобрѣлъ извѣстность отчаяннаго дуэлиста. Тѣмъ не менѣе, все это не избавило Гонди отъ нелюбезной ему рясы, и въ 1643 году онъ былъ удостоенъ званія коадьютора архіепископа парижскаго. Въ этомъ санѣ онъ вскорѣ прославился, какъ даровитый витія, удостоился сана архіепископа и снискалъ народную любовь. Мазарини, достигнувъ высшей степени могущества, оказывалъ аббату Гонди явное нерасположеніе; гордый Гонди отплачивалъ временщику тою же монетою и явился во главѣ обширнаго заговора Фронды (пращениковъ), имѣвшаго цѣлю низверженіе лукаваго, всѣмъ ненавистнаго Мазарини. Народъ, возбуждаемый проповѣдями и щедротами аббата Гонди, совершенно подчинился этому неутомному агитатору. По удаленіи Мазарини, аббатъ Гонди снискалъ расположеніе Анны Австрійской и, по ея ходатайству, получалъ кардинальскую шапку. Она, однако же, не предохранила его отъ заточенія въ Венсенъ (1652) и ссмыки въ Нантъ, откуда онъ нашелъ возможность бѣжать

*) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 649—690; 853—884; изд. 1874 г., т. IX, стр. 37—56; 277—300; 473—512; 667—684; т. X, стр. 60—70.

за границу. Выждавъ наступленіе времени мирныхъ, онъ возвратился во Францію; затѣмъ былъ вынужденъ сложить съ себя санъ архіепископа, но получилъ въ вознагражденіе аббатство Сен-Дени. Это выгодное, прибыльное мѣсто дало ему возможность уплатить долги, простиравшіеся до 4 милліоновъ франковъ. Впослѣдствіи онъ удалился въ Сен-Мишель и здѣсь, до самой кончины (1679), занимался сочиненіемъ своихъ «Записокъ». Этотъ обширный трудъ, лишенный, впрочемъ, литературнаго достоинства, составляетъ важный матеріалъ для исторіи смутнаго времени Фривды—этого безтолковаго заговора, бывшаго забавою для празднои знати и мученіемъ для бѣднаго народа.

«Записки Ретца» изложены тяжелымъ, пестрымъ языкомъ и пересыпаны афоризмами, не всегда впрочемъ справедливыми и разумными. Любопытно знать, кто обратилъ вниманіе цесаревича Павла Петровича на эту книгу и чѣмъ она увлекла его на столько, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 1778—1779 г. великій князь довольно усердно дѣлалъ изъ нея выписки?

Во всякомъ случаѣ, выписки эти имѣютъ для насъ интересъ по отношенію къ характеристикѣ Павла Петровича, знакомя насъ съ тѣмъ, что въ известное время интересовало наследника Екатерины II, надъ чѣмъ онъ задумывался, какіе афоризмы, какіе историческіе факты и какого рода разсужденія оставались на себѣ его вниманіе.

Выписки, разумѣется, сдѣланы на французскомъ языкѣ. Мы помѣщаемъ ихъ въ переводѣ и притомъ, опуская такіе отрывки, которые ни значенія, ни интереса не имѣютъ. Указанія на стр. «Записокъ Ретца» сдѣланы Павломъ Петровичемъ, именно на Амстердамское изд. этихъ «Записокъ», вышедшее въ 1751 г.

Ред.

Стр. 5. Отецъ хочетъ его припудить вступить въ духовное званіе, имѣя въ виду парижское архіепископство. Его разсужденія по этому случаю: „Набожность скорѣй всего ведетъ къ мечтательности; всякаго рода заблужденія, закрадываясь въ нее, прячутся подъ ея покровомъ; она придаетъ значеніе святости разнымъ вымысламъ и самое благое намѣреніе не въ силахъ удержать ее отъ сумасбродныхъ причудъ!“¹⁾

Стр. 6 и 7. Его отвращеніе къ духовному званію, но онъ его скрываетъ, чтобы съѣздить въ Бретань для свиданія съ одной богатой наследницей, на которой онъ намѣревался жениться.

Стр. 9. Намѣренія его открыты; замыселъ рушится. Онъ уѣзжаетъ въ Парижъ.

Стр. 11. Третій поединокъ: дуэль съ графомъ Праленъ.

Стр. 12. (Его разсужденія). Духовныя лица, какъ женщины, могутъ сохранить свои достоинства при любовныхъ дѣлахъ, только благодаря заслугамъ своихъ возлюбленныхъ.

Стр. 13. Кардиналь де-Ришелье питаетъ склонность къ королевѣ;

¹⁾ Въ подлинникѣ выписокъ отъ слова «Набожность» до конца подчеркнуто.

Ред.

это обнаруживается чрезъ одно изъ его писемъ, доставленное королевѣ-матери, Маріи Медичи.

Стр. 16 и 17. Онъ не угождаетъ кардиналу Ришелье и это первая причина немилости къ нему. По этому случаю разсуждаетъ, что хотя кардиналъ де-Ришелье и великій человѣкъ, однако-же, въ высшей степени подверженъ слабости не пренебрегать мелочами.

Стр. 25. Кардиналъ де-Ришелье любилъ насмѣшку, но терпѣть не могъ лицъ съ насмѣшливымъ характеромъ; онѣ всегда ему досаждали.

Стр. 30. Братъ короля обо всемъ мечталъ и ничего не хотѣлъ; когда же ему случалось желать чего-нибудь, то стоило только его подстрекнуть или двинуть на дорогу къ цѣли, чтобы онъ отступился отъ своего желанія.

Стр. 30. Участъ необыкновенныхъ дѣяній—всегда казаться гораздо важнѣе, нежели онѣ были на самомъ дѣлѣ.

Стр. 32. Намѣреніе убить кардинала де-Ришелье, для исполненія котораго у кардинала Ретца не нашлось рукъ.

Стр. 34. Заговоры весьма часто сумасбродны; но опасности, съ ними сопряженныя—отличнѣйшее средство для поученія людей быть впередъ благоразумнѣе, по крайней мѣрѣ, хоть на нѣкоторое время. Первую пору, послѣ событій подобнаго рода, живутъ осторожно и съ оглядкой.

Стр. 35. Величайшая неловкость — воображать себя способнымъ на дѣла, внушающія опасенія.

Стр. 36. Первое свойство геройскаго рѣшенія — отличать обыкновенное отъ невозможнаго.

Стр. 38. Люди, которымъ до извѣстной степени благопріятствуетъ счастье, всегда и непремѣнно подшучиваютъ надъ несчастными.

Стр. 40 и слѣдующія. Междоусобіе; замысль графа Суассонъ овладѣть Парижемъ и участіе въ немъ кардинала Ретца.

Стр. 46. Необыкновенныя обстоятельства имѣютъ огромное значеніе въ народныхъ возстаніяхъ.

Стр. 48. Главную роль въ мятежахъ играютъ люди, на столько стѣсненные въ своихъ обстоятельствахъ, чтобы желать переменъ въ общественномъ строѣ, но и не до такой степени бѣдны, чтобы преществовать. Богачи участвуютъ въ революціяхъ по неволѣ; нищія приносятъ болѣе вреда, нежели пользы, потому что, опасаясь съ ихъ стороны грабежа, ихъ всѣ боятся.

Стр. 53. Графъ Суассонъ убитъ въ минуту своей побѣды близъ Парижа и среди своихъ, изъ которыхъ никогда не нашлось ни одного, кто могъ бы разсказать, какъ было дѣло.

Стр. 59. Навыкъ, во многихъ случаяхъ, замѣняетъ умъ.

Стр. 78. Онъ (т. е. Ретцъ) дѣлается коадьюторомъ Парижа.

Стр. 79. Величайшая тайна людей, при занятіи какой-либо должности, тотчасъ поразить воображеніе другихъ какимъ-нибудь дѣяніемъ, которому обстоятельства придаютъ впоследствии видъ чрезвычайный.

Стр. 81. Нисходить до малаго—вѣрнѣйшее средство сравняться съ великими.

Стр. 86. Мода, владствующая надо всѣмъ, нигдѣ не проявляется такъ очевидно, какъ при дворѣ — въ добрѣ и злѣ. Бываютъ времена, когда опала — огонь, очищающій отъ дурныхъ качествъ и озаряющій всѣ качества добрыя; въ другую пору — честному чело-вѣку не годится подвергаться опалѣ.

Стр. 88. У вельможъ страданіе замѣняетъ высокую добродѣтель.

Стр. 90. Причина, по которой весьма часто навлекаютъ на себя ненависть поступки министровъ, даже вызванные необходимостью, заключается въ томъ, что, для ихъ совершенія, министры почти всегда принуждены преодолевать препятствія, одолѣніе которыхъ неминуемо навлекаетъ на нихъ зависть и ненависть. Когда представляется случай важный, при которомъ опасаться нечего, потому что бороться не съ чѣмъ (что бываетъ весьма рѣдко), тогда власть министровъ приобретаетъ блескъ чистый, никакими примѣсами не затемненный, который не только виѣняется имъ въ заслугу, но и впоследствии придаетъ значеніе заслуги тому, чего они и не дѣлали.

Стр. 105. Всегда разумно зацѣпиться всѣми исходами, честью дозволяемыми, чтобы выйти изъ дѣлъ, которыя имѣешь со дворомъ.

Стр. 116. Недовѣрчивый чаще довѣрчиваго попадаетъ въ про-сакъ.

Стр. 118. Протоколы договоровъ между державами и занесеніе въ протоколъ указовъ о сборѣ податей—полуизгладившіяся изображенія той разумной середины, которую отцы наши полагали между произволомъ царей и своеволіемъ народовъ. На эту средину разумные и добрые государи смотрѣли, какъ на приправу своей власти, весьма полезную, чтобы власть пришлась народу по вкусу; неволькіе и недоброжелательные смотрѣли на нее, какъ на помѣху своимъ безпутствамъ и прихотямъ.

Стр. 119. Генрихъ IV не относился съ недоумѣніемъ къ законамъ, потому что довѣрялъ себѣ самому.

Стр. 121. Короли мудрые, создававшіе свои истинныя выгоды,

предоставляли парламентамъ быть блюстителями своихъ повелѣній, преимущественно затѣмъ, чтобы отчасти сложить съ себя бремя зависти и ненависти, налагаемое на нихъ иногда исполненіемъ указовъ, самыхъ справедливыхъ и даже необходимыхъ. Они не считали за униженіе собственную свою подчиненность законамъ, подобно Богу, всегда повинующемуся тому, что Онъ однажды повелѣлъ.

Одинъ только Богъ можетъ существовать самъ собою: благоустроеннѣйшія государства и могущественнѣйшіе государи поддерживаются единственно соединеніемъ оружія и законовъ; это соединеніе столь необходимо, что одни безъ другихъ существовать не могутъ.

Стр. 123. Ослабленіе и переменна въ государственныхъ законахъ всегда нравятся малопросвѣщеннымъ государямъ, воображающимъ, что это знакъ увеличенія ихъ власти; онѣ же, впоследствии, служатъ для вельможъ предлогомъ, а для народа—причиною возстанія.

Стр. 125. Должно сознаться, что всѣ пороки кардинала Ришелье были изъ разряда тѣхъ, которые особенно замѣтны въ людяхъ, обладающихъ великими богатствами; но эти же самыя богатства могли бы обыкновеннымъ достоинствамъ придавать видъ добродѣтели.

Стр. 127. Кардиналъ Мазарини чрезчуръ любилъ себя — это свойство душъ низкихъ; чрезчуръ на себя полагался — характеристическая черта людей, не радѣющихъ о своемъ добромъ имени.

Стр. 129. Крайній предѣлъ заблужденія правительственнаго — родъ той спячки, которая обыкновенно наступаетъ послѣ сильныхъ органическихъ потрясеній. Отмѣна древнихъ законовъ; уничтоженіе пограничной черты, полагаемой ими между царями и народами; установленіе власти чисто и безусловно деспотической—всегда доводятъ государство до судорожныхъ припадковъ.

Стр. 132. Причина усиленія бѣдствующихъ государствъ — продолжительность зла, овладѣвающаго разсудкомъ людей и внушающаго имъ ту вѣру, что этому злу не будетъ конца. Лишь только завидать они день исхода, что всегда случается, и когда онъ приблизится, люди такъ удивлены, рады, восхищены, что тотчасъ же ударяются въ другую крайность: не только перестаютъ признавать невозможность революціи, но считаютъ ее самымъ легкимъ дѣломъ; а это настроеніе умовъ, само по себѣ, иногда способно произвести революцію.

Стр. 153. Люди, у которыхъ великіе замыслы на умѣ, а не на сердцѣ, ничего не приводятъ сами въ исполненіе, совѣтуютъ другимъ исполнять все.

— Люди ума не дальняго, но храбрые и высокоумные, отважи-

ваются на все то, въ чемъ увѣрять ихъ лица, къ которымъ они имѣютъ довѣріе.

Стр. 155. Данные совѣты всегда почитаются за преступленія, если ими не угодишь.

Стр. 160. Людямъ, приближеннымъ къ государю, одинаково опасно и почти одинаково гибельно, какъ мочь дѣлать добро, такъ и хотѣть дѣлать зло.

Стр. 162. Слѣпая отвага и чрезмѣрный страхъ производятъ одинаковыя дѣйствія, покуда неизвѣстна опасность.

Стр. 163. Нѣтъ ничего опаснѣе лести, при такихъ обстоятельствахъ, когда тотъ, кому льстятъ, чего-нибудь боится. Желаніе не поддаться страху заставляетъ его вѣрить всему, что именно и препятствуетъ избавиться отъ страха.

Стр. 184. Временщики сами не вѣдаютъ, что творятъ, не обращая въ привычку царямъ внимательность, которую они должны оказывать своимъ подданнымъ. За то, бывають обстоятельства, при которыхъ, по необходимой послѣдовательности, истинная покорность царямъ обращается подданнымъ въ привычку.

Стр. 192. Причину государственныхъ переворотовъ должно искать въ разстройствѣ законовъ, которое нечувствительно влечетъ за собою разстройство умовъ, доводящее до того, что прежде нежели замѣтять перемѣну, уже образуется партія.

— Отличительное свойство крѣпководѣя и педанта — упрямство, совершенно противоположное уступчивости — качеству, необходимѣйшему при веденіи важныхъ дѣлъ.

Стр. 193. За ослѣпленіемъ людей благонамѣренныхъ, обыкновенно вскорѣ слѣдуетъ проницательность людей, смѣшивающихъ страсть къ смутамъ съ общественнымъ благомъ, прозрѣвающихъ будущее и возможное въ то время, когда люди благомыслящіе думаютъ только о настоящемъ и объ очевидномъ.

— Заблуждаются тѣ, которые воображаютъ, будто не опасна та партія, у которой нѣтъ вожаковъ. Вожаки рождаются иногда и въ одну ночь.

Стр. 196. Сильныя средства иногда необходимы для обузданія народнаго непостоянства.

Стр. 199. Въ партіяхъ гораздо труднѣе уживаться съ единомыслящими, нежели бороться съ людьми противныхъ мнѣній.

Стр. 200. Въ величайшихъ опасностяхъ есть своя прелесть, если и самый неуспѣхъ сулитъ хоть малую долю славы; въ ничтожныхъ опасностяхъ важутся одни ужасы, если съ неудачей сопряжена потеря добраго имени.

— Впадать въ крайности всегда непріятно; но онѣ же могутъ быть и разумными мѣрами, въ случаѣ неизбѣжной необходимости.

Стр. 218. Люди, безсильные при дворѣ, всегда готовы безусловно вѣрить всему, во что угодно двору, чтобы они вѣрили; вина министра, когда такіе люди не попадаютъ въ просакъ.

Стр. 220. Высшее совершенство распорядительности—умѣть выбрать и угадать рѣшительную минуту. Разъ упустивъ ее, особенно при государственныхъ переворотахъ, ея уже не воротить, или не угадаешь.

Стр. 221. Способность пріобрѣтать почести при стѣсненныхъ обстоятельствахъ—одно изъ качествъ нужнѣйшихъ министру.

Стр. 223. Государямъ необходимо взять за правило: малыя неудачи считать жертвами, приносимыми ради успѣха въ великихъ дѣлахъ.

Стр. 229. Государственныя словія, въ раздраженномъ состояніи, всегда слишкомъ строго судятъ объ ошибкахъ министровъ и къ опрометчивости ихъ беспощадны. Въ иныхъ случаяхъ, это можетъ быть причиною гибели государства.

Стр. 230. У каждаго государства есть особый покровъ для сокрытія государственной тайны. Онъ сотканъ изъ священнаго, благоговѣйнаго безмолвія, въ которое, вслѣдствіе слѣпаго повиновенія царямъ, погружено право говорить; это безмолвіе нарушается только тогда, когда угожденіе царямъ перестаетъ быть служебною обязанностью.

Стр. 236. Всѣ вообще люди, безъ послѣдовательности въ мысляхъ, обладаютъ свойствомъ отлично видѣть неудобства и выгоды двухъ тяжущихся сторонъ, въ выборѣ между которыми они затрудняются. и хотя видятъ ихъ вмѣстѣ, но взвѣшиваютъ доводы каждой стороны порознь, и то, что сегодня казалось имъ легкимъ, завтра кажется тяжелымъ.

Стр. 249. Страхъ всегда постепенно заступаетъ мѣсто ярости.

Стр. 250. Я замѣчалъ тысячу разъ, что всякій испугъ уничтожается другимъ, сильнѣйшимъ.

Стр. 278. Въ великихъ дѣлахъ одинъ умъ, безъ сердца, ничего не значитъ.

Стр. 286. Нерѣшительность можетъ быть слѣдствіемъ плодовитости воображенія.

Стр. 292. Слѣдуетъ судить о людяхъ по ихъ дѣяніямъ, а не о дѣяніяхъ по людямъ.

— Самое опасное настроеніе духа въ тѣхъ случаяхъ, когда обик-

новенныя мѣропріятія неумѣстны, если человѣкъ съ подозрительностью относится ко всему, что необыкновенно.

Стр. 297. Примѣры минувшихъ временъ трогаютъ людей несравненно болѣе, нежели примѣры имъ современные.

Стр. 301. Войска, расположенныя на отдыхѣ, никогда не бываютъ способны въ возстанію.

Стр. 325. Ничто такъ не обличаетъ человѣка здравомыслящаго, какъ способность выбрать изъ двухъ большихъ неудобствъ—наименьшее.

Стр. 326. Самое вѣрное и успѣшное средство возмутить войска—разжечь молодежь противъ стариковъ.

Стр. 329. Бываютъ такія стеченія обстоятельствъ, при которыхъ самое лучшее—отмалчиваться, если дѣлаемые вамъ возраженія производятъ на присутствующихъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели ваши отвѣты; и наоборотъ, говорить—если ваши отвѣты дѣлаютъ болѣе впечатлѣнія.

Стр. 343. Такова участь народныхъ властей: въ нихъ вѣрять только тогда, когда онѣ даютъ себя чувствовать; а между тѣмъ, весьма часто выгода и долгъ чести тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится власть—требуютъ, чтобы ее менѣе давали чувствовать, а болѣе заставляли въ нее вѣрять.

Стр. 356. Старый принцъ Оранскій говаривалъ: „въ минуту полученія самыхъ отрадныхъ вѣстей, слѣдуетъ удвоить вниманіе къ извѣстіямъ маловажнымъ“.

Стр. 362. Народная власть досадна тѣмъ, что она подвергаетъ насъ отвѣтственности за то самое, что дѣлаетъ народъ вопреки нашей волѣ.

Стр. 364. Одно изъ величайшихъ неудобствъ междоусобія заключается въ томъ, что, въ разговорахъ съ друзьями, слѣдуетъ быть гораздо осмотрительнѣе, нежели въ дѣлахъ съ неприятелями.

Стр. 384. Справедливость въ дѣлѣ личнаго своего интереса—одно изъ самыхъ рѣдкихъ качествъ.

Стр. 386. Свѣтъ, который судить только по событіямъ, не всегда справедливъ; за то не рѣдки случаи, при которыхъ, единственно отъ исполненія своихъ обязанностей, должно ожидать благопріятныхъ событий.

Стр. 389. Злоба низкихъ душъ никогда не бываетъ на столько сильна, чтобы подрывать довѣріе, которое весьма часто люди должны оказывать событіямъ необыкновеннымъ.

Стр. 391. Истинная народная польза—общій миръ; выгода взятыхъ порознь сословій—возстановленіе порядка; выгода каждаго отдѣльно взятаго лица—способствованіе тому и другому.

Стр. 401. Изъ всѣхъ пороковъ ни одинъ такъ не унижителенъ для великаго человѣка, какъ неумѣнье умучить рѣшительную минуту для снисканія себѣ доброй славы. Ее всегда упускаютъ изъ рукъ, чтобы уловить минуту счастья, и при этомъ, обыкновенно, только вдвойнѣ обманываются.

Стр. 412. Въ чемъ главное несчастіе междоусобій? Часто дѣлаютъ ошибки, вслѣдствіе честности въ своихъ дѣйствіяхъ.

Стр. 424. Несравненно доблестнѣе сознаваться въ своихъ погрѣшностяхъ, нежели не дѣлать ихъ вовсе.

Стр. 426. Отвѣчать на собственную свою мысль прежде, нежели на то, что говорятъ другіе, непремѣнно случается тѣмъ, которые знаютъ за собою нѣчто, заслуживающее справедливаго упрека.

Стр. 432. Людямъ гораздо свойственнѣе раскаяваться мысленно въ погрѣшности, не увѣчавшейся успѣхомъ, нежели гласно и на дѣлѣ отрѣчься отъ побужденія, заставившаго ихъ впасть въ погрѣшность.

Стр. 437. Междоусобіе — одинъ изъ тѣхъ сложныхъ недуговъ, при которыхъ лекарство, даваемое для излеченія одного припадка, иногда влечетъ за собою три или четыре другихъ.

Стр. 477. Люди нерѣшительные всегда легко принимаютъ всякаго рода совѣты, указывающіе имъ на два разные пути и, вслѣдствіе этого, затрудняющіе ихъ выборомъ.

Стр. 478. Нѣжность къ своей женѣ, иногда называемая слабостью, — одна изъ вещей, осуждаемыхъ политикою, но оправдываемыхъ нравственностью, потому что она — признакъ сердечной доброты, которая не можетъ не быть выше политики, будучи выше всякихъ интересовъ.

Стр. 516. Должно знать, что въ великихъ дѣлахъ — нѣтъ маленькихъ шаговъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

«С.-Петербургъ. Сего 3-го октября 1778 г.»

ТОМЪ II-й ЗАПИСОКЪ РЕТЦА.

«Начать 5-го октября 1778 г., въ С.-Петербургѣ».

Стр. 2. Не должно издѣваться надъ лицами, облеченными царской властью. Каковы бы ни были ихъ недостатки, лица эти никогда не бываютъ на столько слабы, чтобы заслуживать пощадку или наказаніе. Враги царей никогда не должны презирать ихъ, потому что, въ пѣломъ свѣтѣ, цари — единственный разрядъ людей, которые не могутъ быть презираемы.

Стр. 4. Своеволие — самый неизлечимый изъ всѣхъ недуговъ, сопряженныхъ съ мятежемъ; оно тѣмъ болѣе вредно, что, во-первыхъ, совершенно неумѣство; во вторыхъ, почти всегда гибельно мятежу, затѣмъ, что оно его лозоритъ.

Стр. 6. Опасно допускать враговъ нашихъ творить въ глазахъ народа то, что намъ должно быть непріятно; это можетъ внушить народу мысль, что враги могутъ дѣлать зло, коль скоро оно терпимо.

Бываютъ времена, въ которыя извѣстные люди всегда бываютъ правы.

Стр. 11. Ничѣмъ нельзя такъ хорошо убѣдить бессмысленныхъ людей, какъ говоря имъ то, чего они не понимаютъ.

Стр. 13. Мѣра необходимая не можетъ быть отчаянною.

Стр. 15. Дворъ рѣшился, или объявилъ о своемъ рѣшеніи возвратиться въ Парижъ. Его привали, какъ обыкновенно принимаютъ и всегда будутъ принимать королей, т. е. съ кликами, ничего не выражающими, но всегда имѣющими значеніе въ глазахъ себялюбцевъ.

Стр. 18. Одинъ изъ величайшихъ пороковъ кардинала Мазарини былъ тотъ, что онъ никогда не допускалъ мысли, чтобы кто-нибудь могъ говорить съ нимъ доброжелательно.

Стр. 26. Бросать деньги кстаті — особенное искусство, которое, при умѣнны, такъ же хорошо дѣйствуетъ на народъ, какъ оно дѣйствуетъ дурно при неумѣнны. Это искусство принадлежитъ къ разряду тѣхъ мѣропріятій, которыя, или безусловно хороши, или безусловно дурны.

— При мятежахъ неблагоприятно спѣшить какими-либо дѣйствіями, если не находишься въ оборонительномъ положеніи. Въ этихъ случаяхъ, главное неудобство — суетливость подчиненныхъ. Они воображаютъ, что если дѣйствій нѣтъ, то все пропало.

Стр. 27. Начальниками въ мятежахъ можно назвать тѣхъ людей, которые умѣютъ предупреждать или усмирять народный ропоть.

Стр. 28. Люди средняго состоянія всегда самые опасные въ революціяхъ.

— Сборища, безъ разрѣшенія государя, никогда не бываютъ законны.

Стр. 31. Въ дѣлахъ общественныхъ, нравственность имѣетъ обширѣйшую власть, нежели въ дѣлахъ частныхъ.

Стр. 45. Распаленное воображеніе никогда не бываетъ уступчиво.

Стр. 49. Въ великихъ дѣлахъ на столько же необходимо быть разборчивымъ въ выраженіяхъ, на сколько это неумѣстно въ дѣлахъ малыхъ.

Стр. 59. Нѣтъ ничего удобнѣе, какъ проводить утренніе часы за обрядами дѣлопроизводства, когда иной разъ достаточно одного слова, чтобы заговорили пятьдесятъ человѣкъ.

Стр. 68. При новомъ примиреніи, ничто такъ не способно породить недовѣрчивость, какъ отвращеніе, выказываемое тому, съ кѣмъ примиряются.

10-го октября 1778.

12-го октября.

Стр. 81. Быть мелочнымъ и ворчливымъ — большой недостатокъ въ людяхъ, имѣющихъ дѣло со множествомъ лицъ.

Стр. 83. Самая тѣнь царскаго кабинета, подверженнаго слабостямъ неисправимымъ, несносна человѣку, полагающему свою силу въ общественномъ мнѣніи.

Стр. 86. Величайшая рѣдкость и величайшая трудность для министровъ дѣйствовать такъ, чтобы дворъ умѣлъ держаться осторожно во время затишья, наступающаго тотчасъ послѣ сильныхъ бурь, потому что тогда лезть при дворѣ усиливается, а недовѣріе еще не ослабѣваетъ.

Стр. 90. Вѣрность своимъ правиламъ неумѣстна тамъ, гдѣ надобно немедленно рѣшаться пристать къ той или другой сторонѣ.

Стр. 93. Истина, достигнувъ извѣстной точки, сіяетъ особымъ блескомъ, противъ котораго устоять невозможно.

24-го октября.

Стр. 96. Наклонность къ раболѣпству затмѣваетъ великое дарованіе и дѣлаетъ человѣка гнуснымъ или, вѣрнѣе, презрѣннымъ въ глазахъ общества.

Стр. 123. Мы не должны слишкомъ сильно досадовать на нашихъ друзей, чтобы этимъ не дать надъ ними преимущества врагамъ нашимъ.

Стр. 134. Даръ — уговаривать вкрадчиво чаще употребляется въ дѣло, нежели убѣжденіе: вкрадчивости доступны всѣ; убѣжденію же никто и никогда.

26-го октября.

Стр. 136. Нѣтъ ничего досаднѣе, какъ быть министромъ государя, не будучи его любимцемъ, потому что только фавора даетъ въ домѣ царскомъ ту полную власть, за которую министръ не подлежитъ ответственности передъ обществомъ, если люди видятъ, что эта власть не распространяется на дѣла, поважнѣе домашнихъ.

Стр. 149. При неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, всякая пере-мѣна, которая не необходима — вредна, а вредна потому, что не-навистна.

Стр. 151. Монтрѣль соединился съ прислужниками принца (Конде) и, вмѣстѣ съ ними, образовалъ невидимый отрядъ, который былъ страшнѣе цѣлыхъ баталіоновъ.

— Люди, носящіе громкіе имена, хотя сами по себѣ не важные, даже пусты, всегда бываютъ опасны.

Стр. 156. Умы, вслѣдствіе желанія имѣть все, не желающіе ни-чего, всегда наполняютъ свое воображеніе вещами необыкновенными.

Стр. 157. Одинъ только опытъ можетъ научить, до какой сте-пени трудно и щекотливо имѣть дѣла съ человѣкомъ слабымъ, не-довѣрчивымъ и скрытнымъ.

Стр. 159. Очень велико разстояніе между простымъ убѣжденіемъ и убѣжденіемъ такого рода, которое заставило бы насъ дѣйствовать вопреки нашимъ склонностямъ. Находясь въ этомъ состояніи, кото-рое можно назвать переходнымъ, человѣкъ пользуется случаями, но онъ ихъ не ищетъ.

Стр. 162. Показать людямъ, слабымъ отъ природы, всякаго рода пропасти — вѣрнѣйшее средство заставить ихъ броситься на первую, имъ указанную, дорогу.

Стр. 164. Надобно отваживаться на возможное всякій разъ, когда сознаешь возможность воспользоваться даже самой неудачей.

ГРАФЪ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ.

1771—1837.

1798 г. ¹⁾.

Графъ Н. И. Панинъ — кн. А. Б. Куракину.

Берлинъ, 3-го (14) февраля, 1789 г.

(Шифромъ). № 46..... я узналъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, изъ этой депеши, что новыя инструкціи, съ сущностью которыхъ вамъ угодно было познакомить меня, не отгнѣнены, и я жду съ нетерпѣніемъ посланнаго съ ними.

Чтобы сообразоваться съ порядкомъ, которому вы слѣдовали, милый кузень, въ этихъ различныхъ сообщенияхъ, начинаю съ того, что представляю на благоусмотрѣніе ваше новыя соображенія о способахъ къ устраненію г. Гаугвица. Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что г. Грѣбенъ говоритъ вамъ совсѣмъ иное, что я говорю въ моихъ донесеніяхъ о планѣ его двора, къ поддержанію нейтралитета Сѣверной Германіи на случай, если бы курфюршеству ГанOVERскому угрожало вторженіе непріятели. Однако же, тѣмъ не менѣе справедливо, что я приложилъ самое тщательное стараніе, чтобы передать вамъ подлинныя выраженія графа Гаугвица въ моей реляціи за № 64, неоднократно заставляя этого министра повторять формальное удостовѣреніе, что король, съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ поддерживать нейтралитетъ Сѣверной Германіи; что ожидали только отвѣта изъ Парижа, дабы уговориться съ нашимъ дворомъ, и, что въ случаѣ, если бы война была неизбежна, надѣялись, что мы возъ-

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 338—373; изд. 1874 г., т. X, стр. 71—85.

мемъ на себя трудъ удержать Вѣнскій дворъ. Если прусскій министръ говорилъ вамъ иное, это было, можетъ быть, только по приказанію г. Гаугвица. Тогда ясно, что послѣдній дѣйствовалъ въ противность намѣреніямъ своего государя, или говоря мнѣ объ этомъ дѣлѣ, или давая инструкціи Грѣбену, и я долженъ прибавить, для лучшаго уясненія вѣроломства статсъ-министра, что когда онъ дѣлалъ мнѣ вышеупомянутую декларацію, онъ прибавилъ: „король желаетъ передать это чрезъ ваше посредство“. На мой вопросъ, получить-ли приказанія Грѣбенъ, онъ отвѣчалъ совершеннымъ отрицаніемъ. Призываю въ свидѣтели его собственную совѣсть, если только у него таковая есть, и если представится къ тому малѣйшій случай, берусь уличить его этой послѣдней чертою низости и безстыдства. Для этого нужно было бы, милый кузенъ, чтобы вы дали мнѣ точный протоколъ вашихъ конференцій съ Грѣбеномъ объ упомянутомъ предметѣ. Если его императорское величество разрѣшитъ мнѣ употребить его въ дѣло, мнѣ будетъ легко открыть королю, что съ подобнымъ министромъ вести переговоры невозможно, и доказать ему, что все, проходящее чрезъ такое подозрительное посредство, не можетъ быть съ довѣріемъ принято. Не находите-ли вы, что это объясненіе привело бы прямо къ цѣли, предположенной нашимъ августѣйшимъ монархомъ, гораздо съ большимъ успѣхомъ, нежели первый планъ, который я имѣлъ честь представить на ваше одобреніе? Прошу васъ сказать о томъ ваше мнѣніе, сколь возможно скорѣе, одновременно сообщивъ мнѣ о вашихъ послѣднихъ разговорахъ съ прусскимъ министромъ.

Вы одобряете мой прозектъ о приобщеніи Берлинскаго двора къ тройственному союзу, но настаиваете на томъ, чтобы король сдѣлалъ первый шагъ. Развѣ вы позабыли, милый кузенъ, что статьи этого договора ему совершенно неизвѣстны; что предшественникъ его тщетно просилъ о ихъ сообщеніи; что молчаніе наше, впрочемъ, весьма естественное, было всегда источникомъ подозрительности и недовѣрія этого двора? Чувства эти обнаруживались во многихъ случаяхъ, и вы имѣете тому доказательство въ послѣднихъ строкахъ, подписанныхъ покойнымъ королемъ; говорю объ отвѣтѣ на письмо, врученное ему мною за восемь дней до его смерти. Изъ этихъ неоспоримыхъ фактовъ явствуетъ, что если желаютъ приобщенія Пруссіи въ союзу, то, всего прежде, надобно войти въ соглашеніе съ Вѣнскимъ и Лондонскимъ дворами, ибо тайна тройственнаго союза принадлежитъ имъ столько же, сколько и намъ. Затѣмъ, и съ общаго согласія, можно сообщить о томъ прусскому королю и лишь только тогда можно пригласить его соединить свои интересы съ интересами

договаривающихся сторонѣ. Покуда я сдѣлаю изысканія, такъ какъ вы того желаете, но съ крайнею осторожностью, если только послѣдующія инструкціи не развяжутъ мнѣ руки, отмѣняя или измѣняя различныя приказанія отъ 14-го января.

Для меня весьма отрадно, почтенный благодѣтель, видѣть, что моя реляція за № 47, относительно польскихъ мятежниковъ, произвела у васъ впечатлѣніе. Мой секретный рапортъ, отъ 13-го января стараго стilia, и рапортъ о моихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ съ Кальярромъ, еще лучше докажутъ злодѣйство и коварство, какъ этого подлаго агента, такъ и тѣхъ, которые ему платятъ. Не останоятся, я думаю, передъ медовыми выраженіями, имъ употребленными въ его письмѣ отъ 22-го января, и съ того времени какъ онъ видѣть, что я разоблачаю его истинныя чувства. Надѣюсь, что о заключеніи договора не будетъ болѣе вопроса. Къ тому, чтобы не обнажить шпаги, я вижу одно только не унижительное средство: предложить республикѣ наше посредничество для примиренія съ Англіею. За эту цѣну я еще могу, безъ угрызеній совѣсти, подписать мое имя рядомъ съ именемъ Кальяра.

Еще очень многое имѣю я сказать вамъ, въ отвѣтъ о моемъ пребываніи въ Берлинѣ, но затрудненіе въ шифрантѣ заставляеть меня отложить это намѣреніе до первой отправки курьера.

Примите увѣреніе въ нѣжнѣйшей признательности за ваше обязательное желаніе къ исчезновенію одного изъ носимыхъ мною цвѣтовъ. Все, что можетъ быть сдѣлано пріятнаго для меня, приобрететь только новую цѣну, исходя отъ васъ; и, позвольте сказать вамъ, что мнѣ не нужно ничего инаго, кромѣ лестнаго поощренія, которымъ вы меня удостоиваете при каждомъ случаѣ, чтобы надѣяться заслужить впредь еще болѣе одобреніе за мои дѣйствія.

Князь А. В. Куракинъ—гр. Н. П. Панину.

6-го февраля, 1798 г.

(Шифромъ, по-русски). Вчера только получилъ я письма ваши отъ 19-го (30) января, отправленныя до Митавы съ курьеромъ. По разнымъ статьямъ оныхъ, изъяснялся я съ канцлеромъ и приступаю теперь отвѣтствовать вамъ.

Предлагаемый вами новый способъ—объ обратномъ доставленіи въ Берлинъ Андреевскаго ордена, который имѣлъ покойный король прусскій, не можетъ быть принятъ по тому назначенію, уже для сего сдѣланному, въ особѣ г. Неплюева; объ отмѣнѣ же сего назначенія всѣ старанія и представленія были бы тщетны. Я весьма сожалѣю, что

выборъ сей вамъ непріятенъ. Оный, однако жъ, послѣдовалъ по многимъ соображеніямъ, и въ намѣреніи сходно съ вашимъ собственнымъ желаніемъ—дать вамъ въ помощь такого человѣка, который, бывъ чиномъ ниже васъ, состоялъ бы совершенно подъ руководствомъ вашимъ. Да и отъ васъ зависть будетъ—управлять имъ по лучшему усмотрѣнію вашему и разсмѣрять ваше къ нему довѣріе; ибо онъ совершенно вамъ на руки отдается, какъ и вчерась еще канцлеръ то мнѣ подтвердилъ. А потому и совѣтую вамъ, по истинной моей къ вамъ дружбѣ и усердію, успокоить себя по сему предмету; г. Неплюеву вашихъ о немъ понятій не давать угадывать, быть съ нимъ ласковымъ, и всѣмъ его подвигамъ и рѣчамъ только то направленіе давать, которое вы, съ мѣрою его способности и удачи его у Берлинскаго двора, приличнымъ находить будете. Съ истиннымъ удовольствіемъ узнаю о почтеніи и отличномъ приѣмѣ Михайлу Ларіоновичу (Кутузову), въ Берлинѣ оказанныхъ; но, впрочемъ, объяснилъ я вамъ уже прежде причины, по коимъ пребываніе его тамъ продолжено быть не можетъ.

Само по себѣ разумѣется, что вы, въ исполненіяхъ вашихъ, слова и содержаніе получаемыхъ вами высочайшихъ рескриптовъ держать должны. Съ начала самаго извѣстія о постановленіяхъ мира, въ Кампо-Форміо заключеннаго, видѣли мы, что втунѣ обратилось бы всякое попеченіе о сохраненіи невредимости границъ Германской имперіи, когда весь лѣвый берегъ Рейна и крѣпости онаго, Французами завоеванныя, продолжали быть ихъ войсками занятыми и согласіемъ главы имперіи имъ уже предоставлялись. Рескриптъ отъ 10-го декабря, о коемъ вы упоминаете, былъ писанъ канцлеромъ и, какъ онъ мнѣ вчерась еще подтвердилъ, съ тою цѣлью, чтобы владычество и похищенія республиканцевъ въ извѣстныхъ до сего положеніяхъ удержать и по сю сторону Рейна не перепускать.

Распространенію Пруссіи нѣтъ намъ, конечно, пользы способствовать, но сіе дѣлается необходимымъ: ибо Французы, владѣя всѣми областями по лѣвую сторону Рейна, не захотятъ, безъ сомнѣнія, уступить Пруссіи тамошнія ея земли, будутъ предлагать ей за оныя разныя удовлетворенія, да и она сама должна помышлять о замѣнѣ ихъ другими приобрѣтеніями. Главнымъ предметомъ должно быть теперь, чтобы Французовъ удержать за Рейномъ, дабы сія рѣка осталась ихъ границею, и чтобы пагубныя ихъ правила чрезъ оную далѣе не распространялись.

Желаемое вами статистическое описаніе о княжествѣ Геверскомъ не оставляю я вамъ доставить. Я сердечно желаю, чтобы порученіе, которое о семъ княжествѣ дано вамъ будетъ, было увѣнчано вожде-

лѣвными успѣхомъ, чѣмъ пріобрѣтете вы новый опытъ монаршаго къ себѣ благоволенія.

О королѣ французскомъ скажу вамъ, въ удовлетвореніе любопытству вашему, что оказано ему будетъ все то, что достоинству и высокому его роду принадлежить, и что никакого нѣтъ вѣроятія, чтобы событіе нашего желаемого сближенія съ настоящею Франціею, еслибы оное чрезъ труды ваши и состоялось, какую-либо перемѣну въ великодушныхъ и щедрыхъ расположеніяхъ его императорскаго величества противъ сего несчастнаго монарха произвести могло.

Послѣднія донесенія ваши о подвигѣ Кальяра и отвѣтъ вашемъ приняты съ благоволеніемъ.

Изъ объясненій вашихъ о гр. Марковѣ и Рибасѣ не премину я сдѣлать полезное употребленіе.

Фельдъегерь Дюжаковъ отправленъ былъ прямо изъ дворца, и рескриптъ порученъ ему былъ отъ г. П. А. Обрескова, почему въ канцеляріи и неизвѣстно, все-ли то къ нему приложено, что слѣдовало.

Графъ Н. Ш. Панинъ — кн. А. Б. Куракину.

Берлинъ, 8-го (19) февраля, 1798 г.

(Конфиденціально). № 47. Вамъ, безъ сомнѣнія, не безызвѣстно, что курьеръ, отправленный 25-го января, доставилъ мнѣ приказъ, единственно касающійся моихъ отношеній къ Кальяру. Къ великому моему удивленію, я не нашелъ въ этомъ приказѣ ни слова о Берлинскомъ дворѣ, между тѣмъ какъ, увидя курьера, я былъ въ полной увѣренности, что онъ привезъ мнѣ инструкціи, такъ давно обѣщанныя, коихъ дѣйствіе было бы такъ спасительно въ данную минуту. Что значить это противорѣчіе и ваше молчаніе? Признаюсь, недоумѣваю. Къ довершенію моего недоумѣнія, сегодня утромъ пріѣхалъ другой фельдъегерь, съ извѣстіемъ о благополучномъ разрѣшеніи императрицы отъ бремени, и у него нѣтъ ни строчки ко мнѣ. Вы, всегда столь исправные и любезные въ нашей перепискѣ, какъ же вы не имѣете состраданія, чтобы сказать мнѣ слово, которое могло бы мнѣ разобрать эту галиматью? Увѣряю васъ, что я болѣе не знаю, какимъ языкомъ говорить съ министрами. Я какъ на иглокахъ, и если вы надо мною не сжалятся, я совершенно упаду духомъ. Читая нынѣшнія мои донесенія о тайныхъ переговорахъ Лондонскаго кабинета, вы сами посудите, какъ благопріятна минута, чтобы здѣсь согласились на четверной союзъ, и какъ было бы выгодно воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, который, можетъ быть, скоро пройдетъ. Я могъ бы сдѣлать это, если бы инструкціи, вами обѣщанныя, были въ моихъ рукахъ.

Прошу прощенія, если говорю вамъ, можетъ быть, слишкомъ откровенно; но не могу не высказать своего мнѣнія, что всѣ кабинеты, не исключая и нашего, утратили способность пользоваться въ дѣлахъ минутою, благоприятствующею успѣху. Иногда это вспышеа молніи: когда она гаснетъ, то наступаетъ прежній мракъ, изъ котораго не извлечете васъ и вся человѣческая мудрость. Примѣромъ тому служатъ нынѣшнія обстоятельства. Если дадутъ время Франціи порвать всѣ нити, связующія Германскій союзъ, и довершить разрушеніе системы общественнаго строя, невозможно будетъ скрѣпить союзъ великихъ державъ; предложенія наши не будутъ болѣе приняты ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ; дѣйствіе страха и слабости примутъ за дѣйствіе недоброжелательства; неудовольствіе и досада усилятся; наши распри и беспокойства упрочатъ могущество общаго врага, и послѣднимъ результатомъ этого уклоненія отъ истинныхъ правилъ будетъ склоненіе подъ иго республики! Очень грустная картина, милый кузенъ, но, разсмотрѣвъ ее хладнокровно, боюсь, что вы найдете ее еще недостаточно преувеличенною.

P. S. Предупреждаю, что въ скоромъ времени вы получите отъ меня прошеніе касательно дозволенія мнѣ отправиться на воды въ Карлсбадъ, околѣ іюня мѣсяца. Это путешествіе продлится шесть недѣль. Подробно о его причинахъ скажу вамъ въ другой разъ; нынѣ я слишкомъ усталъ и достаточно будетъ этихъ строкъ, чтобы знать, расположены-ли вы способствовать моему намѣренію.

Берлинъ, 8-го февраля, 1798 г.

(Конфиденціально и секретно). № 48. Зная по опыту, почтенный мой благодѣтель, что иногда донесеніямъ моимъ даютъ ложное толкованіе, я рѣшаюсь обратиться только къ вамъ съ важнымъ сообщеніемъ о такомъ щекотливомъ пунктѣ, что малѣйшее недоразумѣніе можетъ повлечь за собою неприятыя послѣдствія. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ февральскихъ депешъ, Кальяръ употребилъ слѣдующія выраженія:

„Г. Гаугвицъ до такой степени преданъ французской націи, что только отъ Директоріи зависитъ заключить договоръ о союзѣ. Онъ ожидаетъ единственно новыхъ инструкцій для составленія статей“.

Я ужаснулся, точно такъ же, какъ бы ужаснулись и вы, читая эти строки; но, послѣ минутнаго размышленія, сознался, что неблаго-разумно было бы принимать ихъ буквально. Сличая рапорты республиканскаго министра съ событіями и авторитетами, менѣе подозрительными, я неоднократно имѣлъ случаи убѣждаться, что онъ съ

безстыдствомъ преувеличиваетъ все, что только можетъ придать болѣе вѣсу его значенію и снискать ему довѣріе правительства. Не въ томъ дѣло, чтобы у Директоріи не было помысла о союзѣ съ Пруссіей; объ этомъ было даже дѣлано предложеніе, но я увѣренъ, что оно нѣсколько разъ было и отклонено. Согласитесь, что если бы были положены основанія союзу, какъ то можно подуматъ изъ словъ Кальяра, тому были бы въ его корреспонденціи болѣе видимыя слѣды, но до сихъ поръ въ ней ничего не найдено, кромѣ вышеупомянутой фразы. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что мой шпіонъ уже перерылъ архивъ за послѣдніе мѣсяцы. Теперь займемся документами болѣе отдаленными: я поручилъ ему ту эпоху, когда Франція предлагала здѣшнему двору наступательный союзъ противъ Австріи. Если результатъ новыхъ моихъ изысканій подтвердитъ увѣренія Кальяра, я, не теряя ни минуты, повергну къ столамъ императора подробное донесеніе объ этомъ важномъ предметѣ. Нынѣ онъ могъ бы огорчить и, можетъ быть безъ причины, воздвигнуть непреодолимныя преграды доброму согласію и единомыслію, которыя мы желали бы упрочить и которыя имѣли бы самыя счастливыя послѣдствія. Однимъ слѣвомъ, я имѣю всѣ причины опасаться, чтобы не поступили такъ, какъ поступили при полученіи моей копии, совершенно достовѣрной, объ инструкціяхъ г. Якоби. Тогда испугались одной статьи, въ ней заключающейся, какъ-будто она была исполнена, и не обращая вниманія на мою заботливость къ опредѣленію степени довѣрія, которое этотъ документъ заслуживалъ. Посмотрите мою секретную депешу отъ 29-го ноября стараго стиля.

Таковы, милый кузень, важныя причины, заставляющія меня обойти молчаніемъ смутныя подозрѣнія, вамъ сообщенныя, до тѣхъ поръ, покуда онѣ вполне не подтвердятся. Надѣюсь, что этого не случится, и умоляю васъ принять въ соображеніе, что вы не рискуете ничѣмъ, сохраняя молчаніе передъ императоромъ и даже передъ канцлеромъ. Покуда я продолжаю тайныя мои сношенія съ французскимъ посольствомъ, Кальяру невозможно сдѣлать ни мажѣйшаго шагу безъ моего вѣдома, и я надѣюсь, на столько вы отдаете справедливости моему усердію, чтобы вѣрить, что, въ крайнемъ случаѣ, я не буду ждать новыхъ приказаній и разрушу его козни. Согласитесь также, что съ нашей, слишкомъ миролюбивой системой, мы не воспрепятствуемъ этому союзу, если онъ состоится. Я всегда своевременно увѣдомляю васъ, чтобы не допустить его, или разрушить. Съ пушками въ авангардѣ, мы можемъ сказать: „вы хотѣли измѣнить намъ; ваши тайны намъ извѣстны: эти огненные уста пораскажутъ вамъ о нашихъ тайнахъ“. Но было бы, ко-

нечно, благоразумнѣе предупредить эти печальныя, крайнія мѣры и вѣрнѣйшее къ тому средство, по моему мнѣнію, не теряя времени, предложить королю приступить къ тройственному союзу. Если этой мѣрою пренебрегутъ, тогда я не удивлюсь, если система Гаугвица возьметъ верхъ и союзъ съ Франціей будетъ заключенъ, особенно въ томъ случаѣ, если Австрія будетъ продолжать имѣть виды на расширеніе своихъ границъ и на захватъ чужихъ владѣній.

Извѣстны-ли вамъ, милый кузень, нынѣшнія сношенія Вѣнскаго кабинета съ Директоріей, и переписка графа Разумовскаго доставляетъ-ли вамъ объ этомъ пунктѣ достаточныя свѣдѣнія? Вы крайне обязали бы меня, сообщивъ ихъ мнѣ, и тѣмъ придадите большую точность моимъ донесеніямъ. Жду съ неменьшимъ нетерпѣніемъ, что вы мнѣ скажите о послѣднихъ дѣйствіяхъ здѣшняго двора чрезъ г. Грѣбена и какого вы о нихъ мнѣнія?

Князь А. В. Куракинъ — гр. Н. П. Панину.

С.-Петербургъ, 10-го (31) февраля, 1798 г.

Письмо ваше за № 42 произвело на меня именно то дѣйствіе, которое должно было произвести. Этого письма достаточно было бы въ случаѣ, если бы чувства мои не были вамъ вполне посвящены, чтобы всегда упрочить мою къ вамъ привязанность и совершенное довѣріе. Разными перьями были писаны разныя инструкціи, полученныя вами во все продолженіе вашей нынѣшней миссіи, и потому невозможно, милый кузень, привести ихъ въ порядокъ для внимательнаго просмотра, какъ вы того желаете; но я обращаюсь къ собственной вашей прозорливости и къ той опытности, которая должна быть у васъ! Ихъ достаточно, чтобы успокоить тревожныя чувства, вами мнѣ изъявленныя; я думаю, мнѣ нечего прибавлять къ вѣрной картинѣ, которую онѣ должны начертить; а чтобы оградиться отъ всякой отвѣтственности, чтобы дѣйствовать всегда согласно вашимъ обязанностямъ — вамъ надобно только строго придерживаться главнаго правила: никогда не отдаляться отъ содержанія послѣднихъ, вамъ присылаемыхъ, приказаній. Пусть онѣ будутъ постоянными руководителями официальныхъ вашихъ дѣйствій. Исполняйте ихъ всегда по мѣрѣ силъ — съ усердіемъ, со смысломъ, съ прилежаніемъ — и вы будете выше всякихъ опасеній, точно такъ же какъ и выше всякихъ упрековъ и обвиненій.

Г. канцлеръ увѣрилъ меня еще сегодня, что онъ вскорѣ снабдитъ васъ инструкціями, необходимыми для вступленія въ переговоры о предполагаемомъ обихѣ Иверна. Онъ сказалъ также, что тѣ, которые я обѣщаль доставить отъ него, касательно общихъ дѣлъ Европы,

запоздали, вслѣдствіе ожиданія нашего нѣкоторыхъ сообщеній отъ Берлинскаго двора, которыя, естественно, ознакомивъ насъ съ его мѣропріятіями, рѣшатъ, наконецъ, какъ и мы должны будемъ дѣйствовать.

Сознаю вмѣстѣ съ вами большія затрудненія, которыя вы встрѣчаете и преодолѣвать должны при буквальной исполненія приказовъ, доставленныхъ вамъ курьеромъ Дюжаковымъ. Но за то, если вамъ удастся сдвинуть съ мѣста человека, который намъ постоянно подозрителенъ и который всегда будетъ враждебенъ намъ, какова бы ни была сила воли и характера молодаго короля, успѣхъ вашъ будетъ безиримѣрный. Г. канцлеръ того мнѣнія, что средство, предложенное нами въ нашей депешѣ, № 43, есть единственное, которое вы можете употребить; но подождите, пока я не скажу вамъ о томъ положительно, потому что онъ хотѣлъ представить эту депешу на усмотрѣніе его величества императора и черезъ нѣсколько дней сообщить мнѣ его намѣренія.

Вы слишкомъ хорошо выполняете возложенное на васъ порученіе, слишкомъ хорошо служите нашему августѣйшему монарху, чтобы можно было такъ легко отнестись къ увольненію вашему отъ занимаемаго вами поста, столь важнаго для интересовъ имперіи, и котораго дониндѣ еще никто не занималъ лучше васъ. Эта похвала вамъ должна; ес воздастъ вамъ не одно только мое сердце, привыкшее любить васъ, и она тѣмъ болѣе должна быть вамъ лестна, что вы успѣли заслужить ее въ ваши годы въ самомъ началѣ вашего политическаго поприща.

Революціонная зараза слишкомъ ужасна въ ежедневномъ своемъ возрастаніи, чтобы можно было ограничиваться простыми предположеніями о мѣропріятіяхъ къ ея пресѣченію. Она угрожаетъ общими опасностями всѣмъ правительствамъ, всѣмъ странамъ. Пруссія, по своему мѣстоположенію, подвергается имъ первая, и дѣйствительно, пора ей сознать это и обратиться во двору нашему съ примодушіемъ, для принятія сообщенія мѣръ для установленія новой системы, которая могла бы ее самое предохранить; могла бы поддержать равновѣсіе Европы и спасти ея здоровыя части, еще не охваченныя политическою гангреною.

Мысль Берлинскаго двора, вами мнѣ сообщенная,—уступить Франціи за-рейнскія провинціи безъ всякаго вознагражденія, съ тѣмъ, чтобы Вѣнскій кабинетъ, въ свою очередь, согласился отказаться отъ всѣхъ приобрѣтеній, предоставленныхъ ему секретными статьями мира Кампо-Формію, въ ущербъ Германской имперіи,—кажется мнѣ не искреннею. Такъ какъ почти несомнѣнно, что Вѣнскій кабинетъ на то не рѣшится, то не вѣроятнѣе ли предположить, что только и

ждать этого отказа, чтобы развить проэктъ расширенія границъ, такъ давно желаемый и поддерживаемый г. Гаугвицемъ?

С.-Петербургъ, 12-го (23) февраля, 1798 г.

(Шифромъ). Г. канцлеръ только что сообщилъ мнѣ о намѣреніяхъ нашего августѣйшаго монарха, касательно содержанія депеши за № 43, вами мнѣ присланной. Онѣ заключаются въ томъ, чтобы вы не употребляли средства, вами предлагаемаго. Его императорское величество на оное не соизволяетъ, потому что посредникъ, вамъ столь дорогой и полезный, можетъ попасться и подвергнуться опасности; потому что вы сами можете лишиться той благосклонности, которой пользуетесь при Берлинскомъ дворѣ и сдѣлаться предметомъ педовѣрія и подозрѣній; потому еще, что столь щекотливый поступокъ имѣетъ видъ доноса, вся гнусность котораго можетъ пасть на васъ и нарушить увѣренность, которую должны повсюду имѣть въ великодушную прямизну правилъ государя. И такъ, милый кузень, болѣе объ этомъ не думайте. Имѣя на сердцѣ исполненіе верховныхъ велѣній, вамъ данныхъ, посвятите вниманіе и заботы ваши изысканію другихъ способовъ, которые привели бы васъ къ желанной цѣли, но безъ непріятныхъ послѣдствій, какъ для того, отъ чьего имени вы будете говорить, такъ и для тѣхъ, которые служатъ вамъ и которыхъ вы должны падить.

Поприще ваше становится тернистѣе, съ той поры, какъ начали выясняться воззрѣнія Берлинскаго кабинета на теперешній переворотъ въ Германіи. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать, какое дѣйствіе произведутъ онѣ въ Вѣнѣ. Желательно было бы для общаго блага, чтобы Австрія удовольствовалась своими приобрѣтеніями въ Италіи; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, на это нельзя надѣяться.

Генераль-маіоръ Неплюевъ получилъ назначеніе въ Штутгартъ. Нынѣшнія обстоятельства заставили отказать отъ мысли—послать его въ Берлинъ, какъ я увѣдомлялъ васъ. Поздравляю васъ съ этой переменой его назначенія, такъ какъ она развязываетъ вамъ руки, избавляя отъ безпокойства, причиненнаго вамъ его первымъ назначеніемъ.

12-го февраля, 1798 г.

(Шифромъ, по-русски). Въ реляціи вашей подъ № 79 расшифровано было изреченіе: „l'ame atroce du roi“ (гнусная душа короля) и прочее, что весьма насъ удивило, поелику вы всегда описывали короля наилучшимъ образомъ. Удивленіе государя императора о семъ неожиданномъ заключеніи вашемъ на счетъ короля до того простерлось, что онъ генераль-адъютанта Нехидова, по болѣзни Обрес-

кова¹⁾, министерскую почту у него читающего, нарочно къ канцлеру посылалъ спрашивать, что сіе значить, и отчего вы такъ ваше сужденіе о качествахъ сего государя перемѣнили? Всѣ ваши предшешія депеши были разсматриваемы; ни въ одной ничего, въ сему изреченію вашему приуготовляющаго, не найдено, и канцлеръ отвѣчалъ Нелидову и сего утра самъ государю лично доносилъ, что предложенія послѣднія, по германскимъ дѣламъ Вѣнскому двору учиненныя, васъ, видно, противъ короля огорчили и о немъ инако думать заставили. Я самъ былъ въ крайнемъ удивленіи; не зналъ, къ чему такую перемѣну въ васъ притисать; даже, признаюсь, досадовалъ на васъ, что меня къ оной чистосердечнымъ извѣщеніемъ не приготовили. Но, когда сія депеша доставлена ко мнѣ была послѣ того, то приказалъ я у себя въ канцелярїи перешифровать,—и оказалось, что подъ однимъ числомъ въ дешифрантѣ поставлено: Roi и républicain, а осудительною неосторожностію разборщика взято первое вмѣсто другаго, когда, напротивъ того, по смыслу ясно видно было, что надлежало употребить послѣднее, ибо во всей депешѣ объ одномъ Кальярѣ была рѣчь, а о королѣ не было ни одного слова; меня же Чернышъ увѣрялъ прежде, что онъ самъ три раза расшифрованіе повѣрялъ, и что въ ономъ никакой ошибки быть не можетъ. Я немедленно послалъ къ канцлеру показать ему сію важную ошибку; онъ нашелъ примѣчаніе мое справедливымъ и хотѣлъ передоложить государю, приказавъ при томъ мнѣ сказать, чтобъ я къ вамъ отписалъ, что замѣшательство сіе произошло отъ чиселъ двухъ значеній, въ сочиненной у васъ цифрѣ употребляемыхъ. О сихъ обстоятельствахъ нахожу я за нужное васъ увѣдомить, дабы вы ни о чемъ до васъ и до дѣлъ, вами производимыхъ, въ безъизвѣстїи не оставались.

Сегодня узналъ я, что государь императоръ, въ изъявленіе благоволенія своего, приказалъ фельдмаршалу С. (Суворову) быть сюда, равножѣрно и кн. Пр... (Прозоровскому)²⁾ позволено оставить деревни свои и прїѣхать въ Москву.

16-го февраля, 1798 г.

(Шифромъ, по-русски). Письмо ваше подъ № 46 я получилъ и спѣшу на оное въ отвѣтъ вамъ объяснить, что сообщенія, г. Грѣбеномъ здѣсь учиненныя, согласовались съ донесеніями вашими о изъявленномъ намѣреніи Берлинскимъ дворомъ—защищать нейтралитетъ

¹⁾ Петръ Александровичъ Обресковъ, см. «Русск. Стар.», т. V, стр. 480.

²⁾ Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій (род. 1732, † 1808 г.) былъ тогда генераломъ отъ инфантерїи и кавалеромъ св. Андрея Первозваннаго. При Александрѣ I онъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ. На его родной племянницѣ, княжѣ Варварѣ Ивановнѣ, былъ женатъ Суворовъ.

сѣвера Германіи вооруженною рукою, когда говорили, что курфюрство Ганноверское угрожаемо было нападеніемъ отъ Французовъ, и если въ тѣхъ сообщеніяхъ, по его глупости и малой опытности, и была какая разность, то, конечно, весьма маловажная. Записокъ же о бывшихъ съ нимъ конференціяхъ не составлено, и составленіе оныхъ, послѣ официальныхъ переговоровъ нашихъ съ иностранными министрами, изъ обряда уже у насъ вышло. Да хоти-бъ оныя и были, то мало пользы изъ того послѣдовать могло, ибо все, что не писменно сообщается, министр, безстыдными правилами управляемый, всегда отъ своихъ словъ отпереться можетъ. Слѣдовательно, посему послѣдняя мысль ваша объ изобличеніи невѣрности Гаугвица къ своему государю и его общаго вѣроломства, доводомъ имъ сдѣланныхъ предписаній Грѣбену, сама по себѣ падаетъ.

Въ разсужденіи образа сообщенія двору Берлинскому о содержаніи тройнаго союза, согласенъ я съ мнѣніемъ вашимъ; но какъ настоящія обстоятельства и именно сношенія между Вѣнскимъ и Прусскимъ дворами по дѣламъ германскимъ относительно мира, въ Кампо-Форміо заключеннаго, не только не подають надежды къ сближенію сихъ, но даже взаимную ненависть ихъ становятъ явнѣе, то полагаю я, что надобно дожидаться, какой отзывъ сдѣлаетъ Вѣнской дворъ Берлинскому на его послѣднія и вамъ, конечно, извѣстныя предложенія—на счетъ обоюдныхъ пріобрѣтеній ихъ въ Германіи, дабы тогда можно было съ надежностію судить, удобно-ли будетъ, по взаимному соглашенію между союзными дворами, учинить откровеніе королю прусскому о ихъ тройномъ союзѣ, для приглашенія его къ оному. Между тѣмъ, конечно, можете вы, осторожнымъ образомъ, развѣдать о расположеніи къ сему Пруссаго двора и, послыку можно, отдаляя его отъ Французовъ, содержать въ единомысліи съ нами о великой общей нуждѣ противъ коварныхъ видовъ и подвиговъ сихъ послѣднихъ достаточную и общую оборону составить, чѣмъ однимъ повсемѣстно распространяющійся демократическій духъ можетъ еще въ предѣлахъ удержанъ быть. По всѣмъ предшедшимъ дѣламъ и по образу ихъ производить Директоріи, ни малѣйшей нѣтъ возможности, другъ мой, чтобы оная медиацию нашу для мира съ Англіею пожелать или принять восхотѣла. Что же касается до вашихъ, весьма здравыхъ и справедливыхъ, сужденій о Кальярѣ и о существѣ и предметѣ вашей съ нимъ негоціаціи, то я совершенно съ вами согласенъ; но болѣе объ оныхъ не распространяюсь, дабы тѣмъ лучше все вниманіе ваше въ нетлѣнности къ исполненію безпрепятственно къ вамъ отправляемыхъ предписаній сохранить.

С.-Петербургъ, 19-го февраля (2-го марта), 1798 г.

(По-французски). Сегодня не сообщу вамъ ничего утѣшительнаго. Терпѣливо подождите отвѣтовъ на вопросы, замѣтки и предложенія, сдѣланныя мнѣ въ вашей депешѣ за № 47. Надобно, чтобы ваша проницательность—съ одной стороны, и данныя вамъ инструкціи—съ другой, указали вамъ путь, по которому вы должны теперь слѣдовать, не упуская изъ виду великой взятой вами дѣли, ни подъ какимъ видомъ не компрометируя себя, до полученія новыхъ приказаній, положительнѣе тѣхъ, которыя уже у васъ есть. Надобно въ особенностяхъ, милый кузень, чтобы, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ—легкихъ или затруднительныхъ, ясныхъ или темныхъ,—при которыхъ вамъ приходится трудиться, вы не упали духомъ; чтобы усердіе и дѣятельность ваши отъ того не ослабѣвали; чтобы вы постоянно имѣли въ виду славу и интересы нашего августѣйшаго монарха и—если позволите прибавить—интересы вашей собственной репутаціи. Твердость характера и правилъ должна быть первымъ качествомъ человѣка, посвятившаго себя пользѣ общественной. Помните также, что, ни тяготясь, ни смущаясь ничѣмъ, онъ долженъ умѣть—всего ожидать, на все рѣшаться, все преодолевать.

Вполнѣ убѣжденъ, что вамъ давно должны были прислать новыя, обѣщанныя мною, инструкціи. Совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что именно теперь самая благопріятная минута для предложенія Пруссіи приступить къ тройственному союзу. Я неоднократно возобновлялъ о томъ мои настоянія; говорилъ о томъ еще сегодня утромъ; читалъ канцлеру вашу депешу за № 47. Онъ отвѣчалъ, что и тотъ, и другой вопросъ должны быть отложены; что всего прежде надобно, чтобы дѣла и притязанія каждаго двора въ Раштадтѣ болѣе выяснились; что надобно получить извѣстія о впечатлѣніи, произведенномъ въ Вѣнѣ послѣдними предложеніями; что надобно имѣть болѣе точныя свѣдѣнія, нежели мы имѣемъ объ истинныхъ намѣреніяхъ Фридриха Вильгельма, о системѣ, которой онъ желаетъ слѣдовать, и о пріобрѣтеніяхъ въ Германіи, на которыя имѣетъ виды. Но для пресѣченія гибельныхъ успѣховъ республиканцевъ и ихъ пропаганды, образованія этого четвернаго союза будетъ-ли достаточно, если,—что слѣдуетъ допустить по теоріи вѣроятностей,—онъ ослабѣетъ въ послѣдствіи, подобно тройственному союзу, который напумѣлъ, напугалъ, а въ сущности не произвелъ никакого настоящаго дѣйствія? Канцлеръ, принявъ за исходную точку правило, что мы не должны становиться во враждебныя отношенія къ Франціи, при ея тепереш-

немъ перевѣсѣ, очень сожалѣть, что вы не могли покончить съ Кальяромъ при началѣ переговоровъ, начатыхъ съ нимъ, и въ ту минуту, когда онъ вручилъ вамъ свой проектъ договора. Онъ утверждаетъ, что тогда у пась были бы совершенно развязаны руки и мы могли-бы сильнѣе вліять на поступки и дальнѣйшіе виды другихъ державъ. На просьбу мою—о необходимости снабдить васъ, наконецъ, положительными инструкціями, согласно изустнымъ сообщеніямъ канцлера г. Грѣбену, объ обмѣнѣ княжества Іеверскаго на Мемель, съ его округомъ,—онъ отвѣчалъ мнѣ, что этотъ обмѣнъ не можетъ быть ни выгоденъ, ни приятенъ Пруссіи, повуда она не увеличитъ владѣній своихъ въ Вестфалии; а для этого предмета слѣдуетъ подождать исхода Раштадтскаго конгресса.

Весьма вамъ благодаренъ за ваше сообщеніе въ № 48. Приберегаю его для себя и не употреблю до тѣхъ поръ, покуда вы не сочтете нужнымъ. Мнѣніе ваше о событіи, въ томъ сообщеніи упомянутомъ, и о послѣдствіяхъ, которое оно можетъ имѣть, тамъ, гдѣ вы находитесь, и здѣсь,—служить новымъ доказательствомъ вашей большой проницательности.

Дружба моя къ вамъ заставляетъ меня желать съ нетерпѣніемъ знать причины, по которымъ вы намѣрены на шесть недѣль ѣхать на воды въ Карлсбадъ? Какія бы онѣ ни были, но если вы рѣшились, то я не отговариваю и также думаю, что вы можете получить отпускъ безъ особенныхъ затрудненій.

Графъ Н. П. Панинъ — кн. А. Б. Куракину.

20-го февраля (3 марта), 1798 г.

(Шифромъ, по-русски). № 50. Я признаю справедливость примѣчаній вашихъ о Мих. Лар. Кутузовѣ. Тѣмъ не менѣ, однако же, сожалѣю я, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ имѣть подобнаго ему сотрудника. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ вашего сіятельства извѣщенія на возраженія мои относительно г. Неплюева. Симъ остается мнѣ только повторить чувствительную мою благодарность за милостивое уваженіе представленій моихъ и за утѣшительное увѣреніе, что донесенія мои удостоены благосклоннаго возвращенія.

Генералъ Клейстъ посѣтилъ меня на сихъ дняхъ и, къ малому удивленію моему, увидѣлъ я, что онъ даетъ первенство ордену Краснаго Орла: онъ носить на шеѣ Александровскій крестъ при звѣздѣ, которал, однако же, пришита ниже прусской. При первомъ случаѣ намѣренъ я ему внушить, что одни архіереи надѣваютъ у

нась ордена такимъ образомъ. Я не осмѣлился о семъ донести государю, дабы не подвергнуть негодованію его императорскаго величества сего старика, который, конечно, не чувствуетъ непристойность своего поведенія.

(Приписка по-французски). Я обязанъ объяснить вамъ, мой почтенный благодѣтель, причину моего молчанія въ послѣднюю почту. Я намѣревался отправить курьера сегодня, но такъ какъ былъ не совсемъ здоровъ, то и не подосадовалъ на благовидный предлогъ, чтобы тогда не писать. Однако же, отправку курьера пришлось замедлить по слѣдующимъ причинамъ: 1) по случаю пріѣзда того, о комъ вы меня увѣдомляли мѣсяцъ тому назадъ; 2) по случаю пріѣзда Клейста и Тауэнціена, которые, вѣроятно, оба привезли любопытныя свѣдѣнія, а я не могъ у нихъ еще ничего вывѣдать; 3) что нерѣшительное положеніе дѣлъ вообще не можетъ быть продолжительно; 4) обѣщаніе, данное мнѣ о томъ, что дѣло о разбѣнѣ будетъ пущено въ ходъ. Какъ только нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ будутъ рѣшены, курьеръ мой отправится въ путь.

Покуда не скрою отъ васъ, милый кузень, досадныхъ послѣдствій вашего промедленія въ присылкѣ приказаній о предполагаемомъ соглашеніи съ тѣмъ дворомъ, при которомъ я нахожусь. Не только предметъ этихъ привязовъ уже извѣстенъ въ Лондонѣ, чрезъ депеши кавалера Витворта, но—знаю изъ вѣрнаго источника—секретъ извѣстенъ даже въ Германіи. Саксонскій министръ получилъ депешу отъ своего двора, въ которой упомянуто о принятомъ у насъ планѣ къ соглашенію противъ Франціи. Знаютъ даже въ Дрезденѣ, что я долженъ способствовать его исполненію; воображаютъ, что я уже получилъ приказанія, а что вы ожидаете только моихъ донесеній. Принявъ въ соображеніе пріязнь берлинскаго и саксонскаго дворовъ, вы поймете, милый кузень, послѣдствія этого открытія. Гаугвицъ неминуемо построитъ противъ насъ свои батареи, прежде нежели я получу ваши инструкціи. Согласитесь, что это не придаетъ мнѣ духу. Я думаю, что соображенія эти не достойны вниманія г. канцлера; но вашему благоразумію предоставляю распорядиться ими.

(На отдѣльномъ листѣ, шифромъ, по-французски). № 51. Самое дружеское откровеніе въ вашей припискѣ отъ 26-го января, — предметъ всѣхъ моихъ мыслей и сильнѣйшихъ сожалѣній. Намѣреніе ваше для меня будетъ имѣть несчастнѣйшія послѣдствія, и я могу только сѣтовать на него всей душой. Необходимо надобно, чтобы и

я послѣдовалъ вашему примѣру, ибо единственная нить, удерживающая меня, будетъ порвана. Заклинаю васъ, почтенный другъ мой, всѣмъ, что для васъ дорого, откажитесь отъ этого жестокаго нагнѣренія и твердостью вашей разрушьте каверзы. Не знаю подробностей, но твердо увѣренъ, что васъ хотять сдѣлать жертвою гнусныхъ козней. Выразусь яснѣе, когда буду писать собственноручно.

— * * * —

КНЯЗЬ М. И. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ.

1745 — 1813.

Письма къ его дочери графинѣ Е. М. Тизенгаузенъ, во второмъ замужествѣ Хитрово.

1803 — 1813.

Читателямъ «Русской Старины» извѣстно обширное и въ историческомъ отношеніи драгоценное собраніе писемъ знаменитаго дипломата и полководца кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго къ его достойной супругѣ княгинѣ Екатеринѣ Ильинишнѣ. Письма эти, а равно и другіе документы изъ архива князя Смоленскаго, весьма обязательно сообщенные намъ его правнукомъ Ѳ. К. Опочининимъ, напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 249 и 325; изд. второе, стр. 483; т. II, стр. 498; 1871 г., т. III, стр. 49 и 201; изд. 1872 г., т. V, стр. 257, 646 и 687.

Нынѣ мы получили отъ внуки кн. Смоленскаго, графини Е. Ѳ. Тизенгаузенъ, собраніе писемъ кн. Михаила Илларионовича къ его любимой дочери, ея матери, графинѣ Елисаветѣ Михайловнѣ Тизенгаузенъ (род. 1783, ум. 1839 г.), во второмъ замужествѣ г-жа Хитрово.

Всѣхъ этихъ писемъ восемьдесятъ три; переплетены они въ одну книгу, въ старинный кожаный переплетъ; нѣкоторыя изъ писемъ, какъ неимѣющія значенія, кромѣ семейнаго, въ печати нами опущены.

Свидѣтельствуемъ душевную признательность графинѣ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Тизенгаузенъ за настоящій вкладъ ея въ «Русскую Старину». Нижеприводимыя письма представляютъ нѣсколько весьма интересныхъ чертъ для полной обрисовки прекрасной личности ея дѣда, одного изъ славнѣйшихъ, вполнѣ народныхъ героев Россіи.

Подлинники, какъ замѣчено выше, переплетены въ простой кожаный переплетъ; въ сожалѣнію, не въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Помѣты годовъ сдѣланы карандашемъ и едва-ли ни А. И. Михайловскіямъ-Данилевскимъ, просматривавшимъ эти письма; помѣты очень часто грубо-

ошибочны: 1810 г. вмѣсто 1805; 1812—вмѣсто 1813 г. Мы, по возможности, размѣстили письма въ надлежащей послѣдовательности; но считаемъ необходимымъ оговориться, что будущій биографъ князя Кутузова или послѣдователь его эпохи, при пользованіи этими документами, долженъ будетъ еще строже вѣряться, въ томъ-ли они хронологическомъ порядкѣ, какъ бы слѣдовало. Почти всѣ письма Кутузова безъ указанія годовъ, а потому не могутъ быть приведены вполне въ точный хронологическій порядокъ. Года нами выставлены въ скобкахъ, при нѣкоторыхъ письмахъ, но лишь предположительно. Бумага настоящихъ документовъ почтовая, иногда весьма грубовата, нѣрѣдко синевата, въ 4-ю д., большею же частью въ 8-ю и даже въ 16-ю д. Чернила многихъ писемъ порыжѣвшія, раслившіяся;—почеркъ въ высшей степени не четокъ. Съ своеобразнымъ почеркомъ вн. М. И. Голенищева-Кутузова читатели «Русской Старины» знакомы по снимкамъ (см. при «Рус. Ст.» 1870 г., т. II, стр. 501, и 1872 г.; также въ «Собраніи снимковъ», изд. О. К. Опочининымъ; а съ правосаніемъ князя Кутузова по многимъ буквально напечатаннымъ его письмамъ въ «Русской Старинѣ» 1871 и 1872 гг.; поэтому здѣсь хотя мы и печатаемъ настоящее собраніе его писемъ дословно точно, но безъ сохраненія отступленій князя отъ нынѣшнихъ правилъ орфографіи. Ред.

15-го іюля (1805 г.). Кіевъ. Любезная Лизанька и другъ мой, я всегда лѣннвъ къ вамъ писать, когда вмѣстѣ живу съ матушкой, для того, что она много пишетъ и вы отъ нея обо мнѣ знаете. Богъ знаетъ, скоро-ли съ вами увижусь, столько разныхъ слуховъ обо мнѣ: то туды, то сюды меня опредѣляютъ. Ты, мой другъ, меня забыла, давно уже ко мнѣ не пишешь. Ты, можетъ быть, теперь уже въ Петербургѣ? Кланяйся сестрицамъ. Боже ихъ благослови! Сегодня получилъ письма отъ Хитрова и отъ Опочинина. Прости, моя милая Лизанька, напомни обо мнѣ Катенькѣ. Боже тебя и ихъ благослови. Вѣрный другъ Михайла Г. К.

Отъ Тизенгаузена не получалъ еще никакого письма.

Безъ числа (1805). Папушинка! Vous voilà-mère, ma chère Lise. Aimez vos enfants, comme j'aime les miens, et cela suffit. Dieu vous bénisse et votre petite. Est-elle brune ou blonde? Est-elle spirituelle? Mais surtout, est-elle sage? Marina ne vous a-t-elle pas grondé d'avoir causé tant d'embarras.¹⁾ Любезнаго Фердинанда благодарю за приписку, или лучше сказать, за большое письмо. Благодарю за комплименты,

¹⁾ (Переводъ). Вотъ и ты сдѣлалась матерью, дорогая моя Лизанька. Люби своихъ дѣтей, какъ я моихъ, и этого будетъ достаточно. Да благословитъ Богъ тебя и твою малютку. Брюнетка-ли она, или блондинка? Умва-ли она? А главное, послушна-ли она? Не бранила тебя Марина *) за хлопоты, которыя ты надѣлала?

*) Марина—дѣвушка княгини Кутузовой.

которые онъ Лизанькѣ дѣлаеть, et pour cela elle n'aura qu'à imiter son adorable mère.¹⁾ Ежели бы быть у меня сыну, то не хотѣлъ бы имѣть другаго, какъ Фердинанда.²⁾ Боже васъ благослови. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.

(Ноябрь, 1805 г.).³⁾ Лизанька, мой другъ сердечный, у тебя дѣтки маленькія, я лучший твой другъ и матушка; побереги себя для насъ. Жаль очень, что я не могу съ тобою сейчасъ видѣться. Я пойду съ арміею по другой дорогѣ, черезъ Венгрію, куда тебѣ никакъ въ теперешнее время доѣхать нельзя. Поѣзжай поскорѣе къ своимъ дѣткамъ и къ матушкѣ, и я скоро къ вамъ приѣду. Боже тебя благослови и подкрѣпи. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.

15-го января, (1806 г.). Броды. Милый другъ мой, Лизанька, я ѣду по твоимъ слѣдамъ. Во Львовѣ нашелъ твое письмо у Потоцкой. Здѣсь привезъ ко мнѣ письмо Литва. Слава Богу, что ты жива. Всѣхъ за тебя благодарю. Карета твоя здѣсь, я ее доставлю въ Петербургъ. Слышу, что ты поѣхала въ Ревель. Жаль, душенька; что тамъ будешь много плавать. Сдѣлаемъ лучше такъ: безъ меня не плавать никогда, а со мною виѣсть. Очень хочется твоихъ дѣтей видѣть. Какъ, думаю, Катенька умна? Боже тебя благослови и дѣтѣвъ твоихъ. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.

24-го іюня. Киевъ (1806). Лизанька, Дашенька и маленькая Катенька, мои друзья, здравствуйте.... Всего мнѣ тяжелѣе, что такъ грустишь. Лизанька, неужели я ей ничего? Il est bien vrai, que l'amour filial est très peu en comparaison de l'amour paternel. Je voudrais vivre toujours pour vous, tandis que vous ne voulez pas vous conserver pour moi.⁴⁾ У насъ также много пустыхъ вѣстей, какъ и у васъ; однако я увѣренъ, что Опочининъ здоровъ....

27-го іюня. Киевъ (1806 г.). Лизанька, мой другъ, je n'ai pas reçu de lettres du comte Tisenhausen, mais soyez sûre que je ne contribuerai pas à vous rendre plus malheureuse: je donnerai mon sang pour vous voir tranquille. Adieu, ma chère enfant.⁵⁾ Боже

¹⁾ (Переводъ). И для этого ей стоить только подражать обожаемой матери.

²⁾ Графа Тизенгаузена.

Ред.

³⁾ Письмо это писано послѣ смерти флигель-адъютанта графа Тизенгаузена, тяжело раненнаго взятаго въ плѣнъ Французами при Аустерлицѣ, 20-го ноября 1805 г. Онъ умеръ послѣ трехдневныхъ страданій. Вѣсть о смерти графа долго скрывали отъ обожавшей его супруги.

Е. О.

⁴⁾ (Переводъ). Истинная правда, что любовь дѣтей ничто въ сравненіи съ родительскою любовью. Я всегда хотѣлъ бы жить для васъ, тогда какъ вы не хотите беречься для меня.

⁵⁾ (Переводъ). Я не получалъ писемъ отъ графа Тизенгаузена (тестя гра-

васъ благослови! Сегодня къ вамъ пишетъ матушка. Всѣхъ сестеръ и маленькихъ поцѣлуй. Вѣрный другъ Михайла Го. Ку.

29-го ноября, Кіевъ (1806 г.). Лизанька, мой другъ, здравствуй! Письмо, въ которомъ ты, мой другъ, пишешь о своихъ намѣреніяхъ въ разсужденіи аренды, я весьма одобряю. Дай Богъ, чтобы вышло какъ можно лучше. Я, слава Богу, здоровъ, но иногда бываетъ скучно; сосіететъ довольно великъ, но по моему вкусу людей мало. Боже тебя благослови и съ дѣтками. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.

6-го мая. Кіевъ (1807 г.?) Друзья мои дерптскіе, Лизанька и Дашенька. Сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 18-го апрѣля. Удивительно, какъ долго ходить! Je suis consolé que vous ne vous ennuyez pas et que vous trouvez Dorpat au moins un séjour tranquille. Vous ne recevez pas mes lettres, mais je vous écris chaque semaine une fois. La dernière j'ai envoyée par Annouchka Nitroff. Vous avez raison, Lissinka, de me parler de vos affaires. Qui au monde vous aime plus que moi?..... je suis encore au monde. Vous me parlez dans votre avant-dernière lettre, que la petite Dacha me ressemble? J'aime à le croire, puisqu'elle était toute comme vous à son âge, quand je l'ai vue la dernière fois, et c'est encore un bonheur pour moi. Le séjour de Kiev est aussi tranquille que Dorpat. Comme je serais heureux si je vous avais ici.¹⁾ Вѣрный другъ Михайла Го. Кутузовъ. Боже васъ благослови! Катеньки ручки и ножки цѣлую.

13-го мая. Кіевъ (1807 г.?). Лизанька, Дашенька и маленькая Катенька, здравствуйте. Не знаю, получаете-ли вы мои письма, а я всякую недѣлю пишу и всякую минуту помню. Сію минуту получаю письмо ваше отъ 25-го апрѣля и всякую недѣлю получаю. En me parlant de la pauvre O***, vous m'avez déchiré le cœur; quel est le parent qui peut tomber dans une erreur pareille, maudire son en-

фини); но будь увѣрена, что я не только не допущу несчастію твоему увеличиться, но готовъ для спокойствія твоего и кровь пролить. Прощай, милое дитя.

¹⁾ (Переводъ). Меня утѣшаетъ то, что вы не скучаете, и находите Дерптъ по крайней мѣрѣ спокойнымъ мѣстопребываніемъ. Вы не получаете моихъ писемъ, тогда какъ я пишу вамъ каждую недѣлю; послѣднее письмо я отправилъ съ Аннушкой Хитровой. Ты хорошо дѣлаешь, Лизанька, что рассказываешь мнѣ о своихъ дѣлахъ: никто на свѣтѣ не любитъ тебя больше моего!..... я еще живу на свѣтѣ. Ты мнѣ говоришь въ предпослѣднемъ письмѣ, будто маленькая Даша па меня походить? Я готовъ этому вѣрить, потому что когда я ее въ послѣдній разъ видѣлъ, она была вылитая ты въ ея годы; я и въ этомъ нахожу счастье для себя. Въ Кіевѣ такъ же спокойно живетъ, какъ и въ Дерптѣ. То-то бы я порадовался, еслибъ имѣлъ васъ здѣсь при себѣ.

fant. Dieu qui est l'indulgence même, repousserait ce voeu criminel. La malédiction n'atteindrait pas l'enfant malheureux, mais elle retomberait sur la mère dénaturée. La nature n'a pas destiné les parents à être les bourreaux de leurs enfants, et Dieu ne veut agréer que leur bénédiction. C'est là où ce borne le droit paternel. Les parents sont responsables des vices de leurs enfants par l'éducation qu'ils leur ont donnée. Si un enfant tomberait dans le crime, le père le suivra comme un ange gardien; il bénira l'enfant qui le repousse; il pleurera à la porte qui lui sera fermée, en faisant des vœux pour la prospérité de celui qu'il a mis dans ce monde pervers.¹⁾ Вотъ какая проповѣдь. Это оттого, что твое письмо, Лизанька, меня растрогало. Маленькая Катенька краснѣетъ, говоря по-чухонски. Видно, что она уже начинаетъ чувствовать самолюбіе и не хочетъ быть смѣшна. Дашенька, кланяйся Федору Петровичу (Опочинину)...

27-го мая. Кіевъ (1807 г.?). Лизанька, Дашенька и Катенька маленькая, здравствуйте.... Слухъ сегодня пронесся, что будто была баталія въ главной арміи, но гвардія въ дѣлѣ не была. Ежели это правда, то, безъ сомнѣнія, вы уже объ этомъ знаете о сию пору. Лизанька, je veux me décider enfin de te gronder sérieusement: vous me rapportez un entretien avec la petite Катенька, où vous lui annoncez ce long voyage que vous voulez faire, que nous ferons tous, mais qu'il ne nous est pas permis de désirer, à plus forte raison si nous avons des êtres qui doivent nous attacher à la vie. Vos enfants ne sont donc rien pour vous? Et le malheur qui me frapperait dans ma vieillesse. Laissez moi vous précéder au moins pour que je puisse dire là-haut quelle est votre âme, et vous préparer un bon gîte. Je ne crois pas que vous aimez à voir pleurer la petite Katinka; mais moi, je ne pouvais jamais m'accoutumer à voir pleurer mes enfants. Je crois, que la Filice viendra passer quelque temps ici; vous pouvez croire comme je

¹⁾ (Переводъ). Разсказомъ про бѣдную О....., вы разстерзали мое сердце. Кто изъ родителей можетъ впасть въ такое заблужденіе, чтобы проклясть дѣтей своихъ. Самъ Господь Богъ, какъ олицетворенное милосердіе, отвергъ бы столь преступное желаніе. Не на несчастное дитя падеть проклятіе, а на неестественную мать. Природа не назначила родителей быть палачами своихъ дѣтей, а Богъ принимаетъ лишь благословеніе ихъ, до котораго только простирается ихъ право надъ ними. Родители отвѣчаютъ воспитаніемъ дѣтей за пороки ихъ. Если дитя совершить преступленіе, родитель послѣдуетъ за нимъ какъ ангель-хранитель, будетъ его благословлять даже и тогда, когда оно его отвергаетъ, будетъ проливать слезы у дверей, для него закрытыхъ, и молиться о благоденствіи того, кого онъ произвелъ на этотъ развращенный свѣтъ.

m'en occurerai. ¹⁾ Простите, мои друзья. Боже васъ благослови и миленькую Дашеньку въ Ревелѣ. Вѣрный другъ Михайла Г. К.

1-го іюля. Кіевъ (1807 г.). Лизанька, Дашенька и маленькая Катенька, друзья мои. Сегодня получилъ твое письмо, Дашенька, отъ 12-го іюня, когда еще Лизанька не возвратилась.... Теперь, надѣюсь, уже миръ подписанъ и объ этомъ имѣете извѣстіе уже, я думаю. Какъ возможно намъ жить все розно, nos coeurs ne sont pas faits pour supporter cet état pénible. Katinka grandira donc, sans que je puisse m'attendrir tous les jours en l'embrassant ²⁾. Простите, мои друзья. Боже васъ благослови. Вѣрный другъ Михайла Го. Бутузовъ.

21-го ноября. Кіевъ (1807 г.?). Любезная Лизанька, здравствуй, и съ дѣтками. J'ai de mauvaises nouvelles, ma chère amie: Катерина Ильинишна me dit, que vous êtes tombée malade après l'avoir veillée. J'espère toujours que ça ne sera rien. La bonne petite Катенька m'a attendri avec son billet russe. Comme je désire la voir, mais, ma foi, autant la petite Dachinka. Embrassez tous mes enfants, grands et petits. ³⁾ Боже васъ благослови! Вѣрный другъ Михайла Го. Ку.

6-го февраля. Кіевъ. Лизанька, мой другъ, je me fais toujours illusion, que vous viendrez encore à Kiev. Votre dernière lettre qui en parlait, m'a fait plaisir. Nous avons toujours la même société, éxcepté que madame Zoubkoff, venant de l'étranger, c'est arrêtée

¹⁾ (Переводъ). Лизанька, рѣшаюсь наконецъ порядкомъ тебя пожуришь: ты мнѣ рассказываешь о разговорѣ съ маленькой Катенькой, гдѣ ты ей объявляешь о дальнемъ путешествіи, которое ты намѣреваешься предпринять и которое мы всѣ предпримемъ, но желать не смѣемъ, тѣмъ болѣе, когда имѣемъ существа, привязывающія насъ къ жизни. Развѣ ты не дорожишь своими дѣтками? И какое бы несчастье постигло меня въ старости! Позволь мнѣ по крайней мѣрѣ тебя опередить, чтобы тамъ рассказать о твоей душѣ и приготовить тебѣ жилище. Не думаю, что-бъ тебѣ пріятно было видѣть маленькую Катеньку плачущею,—я вѣкогда не могъ видѣть своихъ дѣтей въ слезахъ.

Кажется Филисъ*) намѣревается провести здѣсь нѣкоторое время. Можешь себѣ вообразить, какъ я ея буду занять.

²⁾ (Переводъ). Нашимъ сердцамъ не подъ силу переносить это тяжелое положеніе. Катенька будетъ расти, а мнѣ не придется каждый день видѣть ее и цѣловать.

³⁾ (Переводъ). Я получилъ недобрыя вѣсти, другъ мой: Катерина Ильинишна пишетъ мнѣ, что ты сама захворала, ухаживая за нею. Но я надѣюсь, что послѣдствій дальнѣйшихъ не будетъ. Какъ тронула меня малютка Катенька своимъ русскимъ письмецомъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось ее видѣть, но, разумѣется, въ то же время и Дашеньку. Поцѣлуй всѣхъ моихъ дѣтей, какъ большихъ, такъ и малыхъ.

*) Филисъ — актриса.

ici pour quelque temps. Elle est gentille et folle. Embrassez tous mes enfants, grands et petits.¹⁾ Боже васъ благослови. Вѣрный другъ Михайла Го. Кутузовъ.

(Безъ числа). Кіевъ. Здравствуй, мой другъ, Лизанька. Il y'a un postillon à la première poste de Кіевъ, qui est devenu fou pour vous avoir vu chez lui à la poste. Il entretient tout proprement une espèce de lit, où il ne se couche jamais et ne permet à qui que soit d'y toucher. Mille personnes me l'on dit. Il parle de vous avec tout le monde et n'a pas permis à Paracha de s'approcher de ce lit.²⁾ Ты, мой другъ, не пишешь уже больше ко мнѣ, будешь ли въ Кіевъ? Nous avons ici madame Z., venue de Vienne, qui fait le diable à quatre, qui se brouille avec tout le monde, qui fait des scènes à toutes les femmes, et ça me rend si heureux.³⁾ Прости, мой другъ, и ни о чемъ не тужи. Дѣтямъ и тебѣ Божіе благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Го. Ку.

20-го февраля. Кіевъ. (1808 г.). Лизанька, мой другъ, и съ маленькими, здравствуй. Маленькой Катеньки письмо меня очень обрадовало и я ей отвѣтствую по-нѣмецки. Съ Кудашевымъ посылаю 1,000 рублей тебѣ; чтобы не вдругъ, то тысячу пришлю послѣ. La Zoubkoff fait sensation à Kiev. On la trouve jolie, moi je la trouve aussi. Elle a beaucoup de babil, un peu de folie, et un très grand désir de plaire. Avec ces dispositions on va fort loin⁴⁾. Прости, мой другъ; рѣдко пишешь. Божіе тебѣ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Го. Кутузовъ.

Ежели къ сестрамъ сегодня не успѣю написать, то кланяйся имъ и поцѣлуй отъ меня.

3-го апрѣля. Кіевъ. (1808 г.). Милая Лизанька, здравствуй и съ

¹⁾ (Переводъ). Я все еще мечтаю, что ты будешь таки въ Кіевъ. Пріятно было мнѣ узнать это изъ твоего послѣдняго письма. Общество наше все тоже, кромѣ развѣ пріѣхавшей сюда изъ-за границы г-жи Зубковой, которая пробудетъ тутъ вѣскольکو времени. Это миленькая, вѣтрная женщина. Поцѣлуй всѣхъ моихъ дѣтей—большихъ и малыхъ.

²⁾ (Переводъ). На первой почтовой станціи отъ Кіева есть ящикъ, который съ ума сходитъ отъ вашего посѣщенія. Онъ содержитъ особенно чисто какую-то кровать, самъ никого не подпускаетъ къ ней. Это мнѣ сказывали многіе. Онъ рассказываетъ объ васъ всѣмъ и каждому, и Парашѣ не позволилъ подходить къ постели.

³⁾ (Переводъ). Пріѣхала къ намъ сюда изъ Вѣны госпожа З.; бѣснуется, ссорится съ цѣлымъ свѣтомъ, нападаетъ на всѣхъ женщинъ, а мнѣ то и весело.

⁴⁾ (Переводъ). Зубкова возбуждаетъ вниманіе въ Кіевѣ. Ее находятъ хорошенькою, да и я тоже. Болтунья, немного сумасбродная, съ сильнымъ желаніемъ нравиться—съ этими склонностями можно далеко пойти.

Катенькой, и съ Дашенькой. Я думаю, завтра ѣду изъ Кіева. Vous ne sauriez croire quel tyran est l'habitude. Je m'attache d'ici avec peine; je me rappelle que j'ai passé dans cet endroit plusieurs mois paisiblement; je me suis toujours couché et levé sans crainte et sans remords ¹⁾. Посылаю тебѣ 200 червонныхъ. Поговори обо мнѣ съ Катинькой. Боже благослови тебя и дѣтей. Вѣрный другъ Михайла Го. Кутузовъ.

Перваго мая. Яссы (1808 г.). Здравствуй, мой другъ, Лизанька и съ дѣтьми. Imaginez vous, que je n'ai pas encore vu Аннушка, mais dans peu de jours je la verrai et je l'expédierai à Pétersbourg. Michel a la fièvre, mais il va mieux. Embrassez tous mes enfants, dites leur que je me porte bien et que je pense continuellement à eux. Mille choses à Katinka. Adieu, ma tendre amie.²⁾ Боже васъ всѣхъ благослови. Вѣрный другъ Михайла Го. Ку.

2-го мая. Яссы (1808 г.). Comme je suis atterré de la vilaine aventure de votre main, ma chère Lisa. Vous sentez que Nicolas ne m'a pas fait grâce d'une seule circonstance; il faut avouer que les nouvelles de Pétersbourg ne sont pas consolantes pour moi: vous et Annouchka ne m'avez point égayé, il faut espérer que tout ira mieux à l'avenir. Pahlen, celui de la défunte Mimi, est ici, amoureux à la folie d'une aventurière; on dit même qu'il l'épouse.³⁾

Прости, мой другъ, кланяйся Катенькѣ своей. Боже благослови тебя и дѣтей.

3-го іюня. Галацъ (1808 г.). Здравствуй, милая Лизанька, и съ Катенькой, и съ Дашенькой. Мы съ Аннушкой всякій день о тебѣ разговариваемъ et à présent je connais non seulement Katinka, mais même Daschenka par coeur. Cette chère enfant Daschenka, que je ne connais presque pas, Annouchka m'en a fait un portrait enchanteur.

¹⁾ (Переводъ). Ты не повѣришь, какой тиранъ—привычка. Мнѣ тяжело отсюда уѣзжать. Вспоминаю, что провелъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ безмятежно: ложился и вставалъ безъ боязни и съ чистою совѣстью.

²⁾ (Переводъ). Представьте себѣ, что я еще не видалъ Аннушки; но черезъ нѣсколько дней я ее увижу и отправлю въ Петербургъ. У Мишеля лихорадка, однако ему лучше. Поцѣлуй всѣхъ моихъ дѣтей; скажи имъ, что я здоровъ и не перестаю думать о нихъ. Катенькѣ всего хорошаго. Прощай, нѣжный другъ мой.

³⁾ (Переводъ). Какъ меня ужасаетъ, милая Лизанька, это несчастное включеніе съ твоей рукой; понимаешь, что Николай не скрылъ отъ меня ни единой подробности. Признаться, не утѣшительно для меня вѣсти изъ Петербурга: ты да Аннушка не доставили мнѣ удовольствія, будемъ надѣяться, что впередъ будетъ лучше. Паленъ, мужъ покойной Мими, влюбился здѣсь въ какую-то авантюрьерку; говорятъ даже, будто онъ женится на ней.

Pour Katinka, je sais que c'est une grande demoiselle, qui travaille à l'aiguille quand Michinka est auprès d'elle. Enfin nous parlons beaucoup de vous. ¹⁾ Прости, моя милая Лизанька. Боже тебя благослови и съ дѣтками. Вѣрный другъ Михайла Го. Ку.

Ne ussiéu сегодня писать къ Дашенькѣ, dites lui beaucoup de ma part, je la remercie, elle n'est pas paresseuse et m'écrit souvent. Vous m'avez dit de Katinka Кудашева, que vous avez un peu d'espérance. Apprenez lui ce que vous n'avez pas pu apprendre à vous même — à être heureuse.

8-го марта. Яссы (1809 г.). Ежели бы возможно было, мой милый другъ Лизанька, чтобы я лѣтомъ остался на мѣстѣ, то бы я тотчасъ послалъ за тобою, croyant que le voyage ferait du bien à votre santé, mais nous commençons la guerre. Cependant si je vois qu'Annouchka peut rester ici, alors je voudrais vous faire venir dans ce pays, et au moins je vous verrais en automne. Mille choses de ma part à ma petite Катенька. Je lui ai acheté un petit châle bleu, juste à sa petite taille, mais je n'ose pas l'envoyer avec le feldjéguer. Je n'aurai pas peut-être le temps d'écrire à Катерина Михайловна, embrassez-la de toute mon âme et dites lui combien je l'aime. Dacha est je crois absente²⁾. Боже тебя благослови и дѣтей твоихъ. Вѣрный другъ М. Г. К.

14-го марта. Яссы (1809 г.). Милая Лизанька, посылаю маленькую голубую шаль маленькой твоей Катенькѣ и желаю, чтобы объ тебѣ, мой другъ, слышать что-нибудь лучшее. Все ты хвораешь. Увѣдомъ, когда получишь шаль. Боже тебя благослови и дѣтей своихъ. Вѣрный другъ Михайла Г. К.

Meine liebe Katinka, ich schicke dir einen blauen Schawl und wünsche, dass du, Mama und deine Schwester gesund bleibet.³⁾

¹⁾ (Переводъ). ... А теперь я не только Катеньку, но и Дашеньку знаю насквозь. А Дашеньку, которой я почти не знаю, мѣ опиcала Аннушка въ самомъ очаровательномъ видѣ. Катенька, я знаю, большая дѣвица, которая занимается рукодѣльемъ, пока Мишенька сидитъ подлѣ нея. Словомъ, мы много о васъ говоримъ.

²⁾ (Переводъ).... «понимая, что для твоего здоровья путешествіе полезно; между тѣмъ начинается война. Однако если увижу, что Аннушкѣ можно здѣсь остаться, я постараюсь перевезти васъ въ здѣшній край; по крайней мѣрѣ я увидѣлъ бы васъ осенью. Всего хорошаго моей малюткѣ Катенькѣ. Я купилъ для нея голубую шаль, какъ разъ на ея ростъ, но не рѣшаюсь отсылать ее съ фельдъегеремъ. Можетъ быть, я не успѣю написать Катеринѣ Михайловнѣ; цѣлую ее отъ души, повторяя, сколько я люблю ее. Даша, я думаю, въ отсутствіи».

³⁾ (Переводъ). Любезная Катенька, посылаю тебѣ голубую шаль и желаю, чтобы и ты, и мама, и сестрица были здоровы.

3-го августа. Вильна (1809 г.). Третій день, какъ пріѣхалъ въ Вильну; нашелъ здѣсь мало людей, для того, что разѣхались по деревнямъ; однако же театръ полонъ. Здѣсь нашелъ французскій театръ изъ Москвы: Balli, Mérienne, Xi и славнаго Fougioso съ сестрами. Ёдучи черезъ Минскъ, нашелъ тамъ губернатора Радинга съ женою, который былъ въ Ревелѣ вице-губернаторомъ, и цѣлый день говорилъ съ ими только объ Дашенькѣ Тизенгаузеновой; такъ ее хвалили, что я разстрогался: «*sie ist so klug dass siechon im house virt chaften köntè*»; (*sie ist so klug, dass siechon im Hause wirtchaf-ten könnte*; ¹⁾ такъ нѣмцы ее почитаютъ. Катенька и Дашенька, что дѣлаетъ Костинька? Умень-ли онъ такъ, какъ Дашенька? Катенька, у тебя еще нѣту своего Костиньки, то покажьсть можно тебѣ хвастать Мишенькой. Ей Богу, милъ очень; я съ нимъ и прошлую ночь во снѣ игралъ. Однако же, не позабудь поклониться Кудашеву. *Liebe Katinka Tiesenhausen, du hast mich ganz vergessen und schreibest mir nicht mehr. Wie wunchte ich dich zu küssen und bei dir zu wohnen.* ²⁾ Боже васъ всѣхъ благослови. Вѣрный другъ Михайла Г. К.

22-го августа. (Вильна, 1809 г.). Любезная Аннушка... Я въ Вильно нашелъ много старыхъ знакомыхъ и удивился, что у всѣхъ лица перемѣнились и всѣ стали старѣе десятью годами. За то есть дѣти знакомыя, которымъ стало по 17, по 18 и по 20-ти лѣтъ. Теперь, однакоже, еще пусто; всѣ по деревнямъ, но есть театръ и концерты.

Любезная Лизанька! *Dites-moi en verité, si vous êtes mieux; tranquillisez-moi, car je souffre beaucoup pour vous. Il y a ici la fameuse Mad. Franc, chanteuse, qui n'est pas dutout jolie et qui a toutes les manières d'une italienne du théâtre. Elle m'amuse beaucoup, par ce qu'elle s'est mis en tête de m'inspirer une grande passion. Mais elle chante comme un ange. Catherine l'a entendu chanter chez les Чернышевы. Dites lui qu'elle m'expose son sentiment sur le talent de Mad. Franc.* ³⁾ Что моя маленькая Катенька дѣлаетъ? Ножки ея поцѣлуй; она давно ко мнѣ не писала.

Отъ Дашеньки сейчасъ получаю письмо большое; она очень не лѣнива. *Je crois pouvoir me dispenser tout-à-fait de prier Dieu; Да-*

¹⁾ (Переводъ). Она такъ умна, что уже могла бы хозяйничать въ домѣ.

²⁾ (Переводъ). Милая Катенька Тизенгаузенъ, ты меня совсѣмъ забыла и вовсе ко мнѣ не пишешь. Какъ бы я хотѣлъ тебя разцѣловать и у тебя жить.

³⁾ (Переводъ). Скажи мнѣ правду, лучше ли тебѣ? Успокой меня, потому что я очень страдаю изъ-за тебя. Здѣсь знаменитая пѣвица М-ше Франкъ. Она не хороша собой и имѣетъ всѣ манеры итальянской актрисы. Она меня потѣшаетъ тѣмъ, что вообразила себѣ, что я питаю къ ней сильную страсть. Поетъ она, какъ ангелъ. Катенька ее слышала у Чернышевыхъ; скажи ей,

шенька prie pour moi; et sa prière vaut bien la mienne. ¹⁾ Боже васъ благослови всѣхъ. Вѣрный другъ М. Г. К.

1-го сентября. Вильна. (1809 г.). Любезная Лизанька и съ дѣтьми, здравствуй. Благодарю за письмо твое, surtout pour la promesse de venir me voir; à Vilna il y a beaucoup de distractions, entre autres des spectacles de société; mais ce qui plus est,—des femmes si folles, qu'on croirait devoir les enfermer aux petites maisons. En cas que je ne pourrais pas venir jusqu'à vous, je vous tourmenterai beaucoup pour vous attirer à Vilna, mais avec Katinka, ma petite, que j'adore. ²⁾ Поцѣлуй всѣхъ моихъ дѣтей и внучать. Боже васъ всѣхъ благослови! Вѣрный другъ Михайла Г. К.

3-го октября. Вильна. (1809 г.). Любезная Лизанька и съ дѣтьми, здравствуй! Катерина Ильинишна me parle dans sa dernière lettre qu'vous souffrez toujours des nerfs? Ça m'affecte, mais mon amitié ou plutôt mon idolâtrie pour vous, a trouvé à me tromper. Je suis à lire un roman de Kotzebou: Léontine, plein de feu, plein d'esprit, ou l'héroïne faite comme vous, une créature céleste, dans son veuvage souffrait beaucoup de votre mal; et en fut guérie après son remariage, et moi qui aime à me flatter quand il s'agit de vous, je me suis dit: ma Lise peut-être trouvera quelque mortel heureux à qui elle s'unira et il n'e sera plus question de nerfs. Il me paraît que je ne suis plus connu avec ma chère petite Katinka, je parie que vous ne lui parlez plus de moi. Du gute Katinka, du göttliches Kind, denke an mich und liebe mich, Gott segne dich, deine Schwester und deine Mama. Sage ihr, dass sie einen alten Vater hat, der sie herzlich liebt. Diese Liebe macht ihn glücklich, da er weiss, dass seine Lisinka ihn auch liebt, recht viel liebt. Grüsse deine gute Bonne. ³⁾

(Безъ подписи).

чтобы она мнѣ сообщила, какое впечатлѣніе произвелъ на нее талантъ г-жи Франкъ?

¹⁾ (Переводъ). Я думаю, что я могу перестать молиться, потому что Дашенька за меня молится; а ея молитва стоитъ моею.

²⁾ (Переводъ)... «особенно за обѣщаніе—наѣстить меня. Въ Вильнѣ много развлеченій, между прочимъ, домашніе спектакли; а пуще всего такіа взбалмошныя женщины, что, право, не худо бы запретить ихъ въ домъ умалишенныхъ. Въ случаѣ, что я не попаду къ вамъ, я такъ или иначе, а перетащу васъ въ Вильну съ Катенькой, моимъ божкомъ.

³⁾ (Переводъ)... «писала мнѣ послѣдній разъ, что ты очень страдаешь нервами? Мнѣ больно это, но, любя, или, лучше сказать, обожая тебя, я напелъ, чѣмъ обмануть себя. Я читаю теперь романъ Коцебу: «Léontine», исполненный огня и ума, въ которомъ героиня, подобно тебѣ небесное существо, тоже овдовѣвъ, страдала твоимъ недугомъ, но послѣ вторичнаго брака выздоровѣла. Я и подумалъ, по своей привычкѣ всегда надѣяться на все хорошее, какъ

6-го января. Вильна. (1810 г.). Милая моя Лизанька, и съ маленькими, здравствуй, и съ новымъ годомъ поздравляю. Давно отъ тебя, мой другъ, нѣтъ писемъ; и что меня больше беспокоитъ, это то, что я слышала, что маленькая Дашенька была больна глазомъ, и не знаю, какъ это кончилось? La vie que je mène commence à m'ennuyer beaucoup, malgré ma gaiété naturelle. Eloigné de tout ce qui m'est cher, je sens que la vieillesse demande à être entourée de ses proches. ¹⁾ Маленькая Катенька вырастаетъ, а я ее не вижу. Скоро изъ Кіева получишь деньги. Прости, мой другъ, Боже тебя благослови. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.

9-го января 1810 г. Вильна. Милая Лизанька и съ дѣтками, здравствуй. Je reçois, ma chère amie, votre lettre du dernier Décembre. Vous-avez tort, ma chère, de croire que je n'aime pas quand on me parle de l'argent; je suis seulement embarrassé quand je n'en ai pas à donner; mais vous en aurez bientôt. Quant au reste je vous renvoie à une de mes lettres, où je vous parle d'un voyage. Pensez à ça et faites ça, alors votre talent dramatique ne sera pas perdu. Dites moi ou faites moi dire par quelqu'un, Katinka Koudacheff viendra-t-elle ici ou non? Je l'attends avec impatience. Baisez les pieds de ma petite Katinka et les vôtres. Adieu, mes chers enfants. ²⁾ Боже васъ благослови. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

23-го февраля. Вильна (1810 г.). Лизанька, мой другъ, буди Богомъ хранима и съ дѣтми. Me voilà enfin à Vilna, bien fatigué.

скоро это относится* къ тебѣ: Лиза моя, пожалуй, встрѣтитъ счастливаго смертнаго, соединится, послѣ чего нервы замолчатъ. Мнѣ кажется, я разнакомился съ моей малюткой Катей: ты вѣрно перестала ей говорить обо мнѣ. Милая Катя, божественное дитя, помни обо мнѣ, люби меня. Да благословить Богъ тебя, сестрицу и мамашу. Скажи мамѣ, что у нея есть старый отецъ который искренно ее любитъ. Эта любовь составляетъ его счастье, такъ какъ онъ знаетъ, что и Лизанька его любитъ, очень любитъ. Клянйся твоей доброй нянѣ.

¹⁾ (Переводъ). Я начинаю скучать отъ жизни, которую веду, не смотря на врожденную веселость мою. Вдали отъ всего, что дорого для меня, я чувствую, что въ старости необходимо окружать себя близкими.

²⁾ (Переводъ). Только что получилъ, милый другъ, твое письмо отъ декабря мѣсяца. Напрасно думаешь, моя милая, что я не люблю, когда мнѣ говорить о деньгахъ; дѣло только въ томъ, что я не знаю, какъ быть, когда ихъ нѣтъ у меня; впрочемъ, скоро доставлю тебѣ денегъ. Остальное тебѣ известно изъ письма, въ которомъ я упоминаю объ одномъ путешествіи. Подумай и сдѣлай такъ; тогда не пропадетъ и твой драматическій талантъ. Скажи мнѣ, а не то передай черезъ кого-нибудь, будетъ-ли сюда, или нѣтъ Катенька Кудашева? Я жду ее съ нетерпѣніемъ. Цѣлую ножки маленькой Кати и твои. Простите, милые дѣти.

Il y a quatre jours que je suis arrivé, et tout ce que je sais à présent se réduit à ce que la jolie vice-gouverneur s'est laissée faire la cour très assidûment par le général Essen, qui occupe ma place, et c'est dans le genre polonais. Le nouveau petit théâtre est très joli. La nouvelle entrepreneuse mad. Mouravska a fait des prodiges; entre autres on a donné hier la Genlis, si bien, mais si bien, que j'en étais étonné; Franc, pour me plaire, y est pour beaucoup. A propos de Franc: Il m'a dit que vous lui avez parlé d'un remède contre des tâches au visage. Ceci m'a calmé beaucoup, car vous ne dites rien sur le reste de votre santé. On m'attend à déjeuner chez Pobedinska, et ça fait que je vous quitte non sans vous embrasser du fond de mon âme, vous et vos beaux yeux.¹⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтьми! Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

P: Mad. Tousainte, avec d'autres acteurs, ont voulu venir ici pour le carême; mais c'est impossible.²⁾

Катенька, мой другъ, Боже тебя благослови. Кланайся нянюшкѣ и Лизѣ. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

13-го марта. Вильна. (1810 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. Аннужка me parle d'un projet que vous avez d'aller aux eaux, et que l'état de vos affaires pourrait ne pas vous le permettre. Dans ce cas, ma chère enfant, si les médecins vous le conseillent, vous ferez faire à peu près un compte du besoin et vous me le ferez envoyer. Catherine m'écrivit qu'elle compte bientôt partir de chez son beau père, pour venir chez moi. Mais en même temps elle me demande, si elle doit se mettre en chemin au carême, ou après les pâques? Je lui ai répondu: le plutôt possible. Mais je n'aurais pas dû répondre avant que je vous voie de mes yeux.³⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

¹⁾ (Переводъ). Наконецъ-то я въ Вильнѣ, усталъ. Дня четыре какъ я приѣхалъ; все, что знаю до сихъ поръ, ограничивается новостью, что хороневская вице-губернаторша принимаетъ усердное ухаживанье генерала Эссена, который заступаетъ мое мѣсто: это въ польскомъ вкусѣ. Очень не дуренъ новый маленькій театръ. Содержательница его, Моравская, дѣлаетъ чудеса. Между прочимъ, давали вчера «Жанлисъ», да вѣдь такъ удачно, что я удивлялся. Франкъ, въ угоду мнѣ, много содѣйствуетъ успѣху. Кстати о Франкѣ: онъ говорилъ мнѣ, что ты рекомендовала еще средство отъ пятенъ на лицѣ. Молчаніе твое о твоемъ здоровьи успокоиваетъ меня. Меня ждутъ къ завтраку у Побѣдинской; затѣмъ оставлю тебя, цѣлуя отъ души въ твои прекрасные глаза.

²⁾ (Переводъ). P. S. Хотѣла-было сюда приѣхать mademoiselle Tousainte съ прочими актерами на время поста, но этому не бывать.

³⁾ (Переводъ). Аннужка сообщила мнѣ о твоемъ намѣреніи—ѣхать на воды,

16-го марта. Вильна. (1810 г.). Аннущка, мой другъ, и съ дѣтками, здравствуй. Comme vous êtes injuste de m'accuser à ne pas vous répondre à toutes mes lettres et vous verrez que vous avez tort. Je vous remercie beaucoup pour les détails, que vous me donnez sur Lise après votre retour du pèlerinage. Embrassez bien ma Lise, bénissez là, faites couler sur sa joue quelques unes de mes larmes. J'embrasse Katinka. ¹⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтymi. Вѣрный другъ Михайла Го. Кут.

27-го марта. Вильна. (1810 г.). Аннущка, мой другъ, и съ дѣтками, здравствуй. Voilà Катенька ici. Tout ce que me dit Катерина Ильинишна sur Lise m'afflige beaucoup. Je ne veux pas cependant ignorer son état. Catinka croit, que je ne veux pas venir à Pétersbourg pour ne pas voir souffrir Lisa, et je ne peux pas lui ôter cette idée de la tête. Dites à ma Lisinka, que je ne lui écris point, crainte de l'affecter; et en vérité, ma lettre peut venir dans un moment, où elle a besoin du calme, et si elle voudra la lire, elle voudra pleurer; mais vous pourriez lui montrer celles que vous recevez, qui sont toujours remplies d'elle. Dites lui, si elle ne voudra pas à l'entrée du beau temps voyager vers moi, je viendrais certainement chez elle. Portez lui mes bénédictions et mes vœux, comme à ma petite Catinka. Je vous bénis et vos enfants. ²⁾ Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

20-го апрѣля. Вильна. (1810 г.). Милая Лизанька и съ дѣтymi, здравствуй. Il y a quelque temps, ma chère amie, que je ne vous

но что положеніе дѣлъ твоихъ, пожалуй, не позволить тебѣ этого сдѣлать. Въ такомъ случаѣ, если доктора совѣтуютъ ѣхать, составь счетъ нужнымъ расходамъ и перешли ко мнѣ. Катенька располагаетъ выѣхать отъ своего свекра и быть ко мнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она спрашиваетъ меня, ѣхать-ли ей въ посту, или послѣ пасхи? Я отвѣчаю: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но мнѣ не слѣдовало бы отвѣчать, покуда я не повидался съ тобою.

¹⁾ (Переводъ). Какъ несправедливо обвиняете вы меня, будто я не пишу вамъ. Припомните всѣ мои письма, и вы увидите, что вы не правы. Благодарю за все, что пишете подробнаго о Лизѣ послѣ вашего хожденія на богомолье. Поцѣлуй отъ меня Лизу, пусть хоть одна слеза моя падетъ на ея щеку. Цѣлую Катеньку.

²⁾ (Переводъ). Меня очень огорчаетъ все то, что пишешь мнѣ о Лизѣ Катерина Ильинишна. Однако, я не хочу быть въ невѣдѣніи на счетъ ея здоровья. Катенька полагаетъ, что я потому не ѣду въ Петербургъ, чтобъ не видѣть страданій Лизы, и я не могу разумѣть ее. Скажи Лизанькѣ, что я не пишу ей потому, что боюсь тревожить ее; и въ самомъ дѣлѣ, письмо мое можетъ придти въ такую минуту, когда ей нуженъ покой; а захочется ей прочесть его, такъ, пожалуй, заплачетъ. Покажи ей тѣ письма, которыя получаешь и въ которыхъ постоянно говорится о ней. Скажи ей, что если она не вадумаетъ, съ наступленіемъ хорошей погоды, прокатиться ко мнѣ, то я навѣрное въ ней приѣду. Передай ей мое благословеніе, равно какъ и маленькой Катенькѣ. Благославляю тебѣ и твоихъ дѣтей.

ai pas écrit directement, crainte de vous affecter dans un accès de votre maladie; mais je vous parlais par Аннушка. Votre dernière lettre m'a donné un peu de courage, et j'espère que le beau temps vous retablira passablement. Mais quand le beau temps viendra-t-il! Aujourd'hui il y a de la gelée. Parlez moi, ou faites moi parler quelque fois de Катинька. Je me suis fortement décidé d'aller à Pétersbourg, car je deviens impatient de vous embrasser.¹⁾ Боже васъ благослови. Кланяйся сестрамъ. Вѣрный другъ Михайло Го. Куѣзовъ.

27-го апрѣля. Вильна. (1810 г.). Другъ мой, Лизанька, и съ дѣтками, здравствуй. J'envoie à ma petite Katinka un oeuf de pâques avec des petits anneaux d'oreilles, accompagné d'une lettre allemande. Je suis toujours dans la ferme espérance, que le beau temps vous retablira et fera passer vos rhumatismes. Faites que Katinka m'ecrive et beaucoup, ça me fait bien du plaisir.²⁾ Боже тебя благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

11-го мая. Вильна. (1810 г.). Другъ мой, Лизанька, и съ дѣтми, здравствуй. J'ai eu la consolation, ma chère amie, de recevoir votre lettre du 3-me de ce mois. J'en étais attendri et un peu affligé de vous voir toujours souffrante; c'est ce vilain temps; et je me flatte, que le beau temps amenera aussi la bonne santé et que je me promènerai avec vous à Strelna. Vous ne saurai jamais concevoir l'impatience, que j'ai de vous voir et vos enfants. Mille choses à Katinka. Cathérine part je crois dans deux jours; elle est gaie et heureuse. Comme sa figure a changée depuis que je l'ai vue à Kief. ³⁾ Боже тебя благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

7-го іюля. Гороцки. Лизанька, мой другъ, здравствуй и съ Катенькой. Я получилъ твое письмо по послѣдней почтѣ, гдѣ ты пишешь объ успѣхѣхъ Вальвильши la femme jalouse. Меня ничто не

¹⁾ (Переводъ). Я уже нѣсколько времени не писалъ къ тебѣ непосредственно, милый другъ; я боялся встревожить тебя въ минуту болѣзненнаго приступа; за то я сообщался съ тобою черезъ Аннушку. Послѣднее твое письмо нѣсколько ободрило меня; надѣюсь, что хорошая погода поправитъ твое здоровье. Впрочемъ, когда-то она будетъ! Сегодня у насъ морозъ. Или сама, или черезъ кого-нибудь дай мнѣ вѣсточку о Катенькѣ. Я твердо рѣшился ѣхать въ Петербургъ: такъ мнѣ хочется тебя расцѣловать.

²⁾ (Переводъ). Посылаю маленькой Катенькѣ пасхальное яйцо и сережки при нѣмецкомъ письмѣ. Я вѣрнѣе надѣюсь на твое выздоровленіе съ наступленіемъ яснѣхъ дней; ревматизмъ уступить. Заставь Катеньку написать мнѣ, да побольше: это такъ меня утѣшаетъ.

³⁾ (Переводъ). Съ удовольствіемъ получилъ я, милый другъ, твое письмо отъ 3-го сего мѣсяца. Оно и тронуло, и опечалило меня тѣмъ, что ты все еще хворашь: всему причиной—эта северная погода; все-таки я надѣюсь,

удивляетъ. Здѣсь такъ много по городкамъ театровъ, что когда я былъ въ Райгородѣ, то прїѣзжала странствующая польская труппа и хотѣла въ сараѣ играть, но мало было зрителей. Деньги, мой другъ, пришлю, какъ скоро продамъ юташъ. Боже васъ благослови. Ферд. поцѣлуй. Вѣрный другъ М.

Адресъ: Лизаветѣ Михайловнѣ.

28-го декабря. Горошки. (1810 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтками, здравствуй. Me voilà arrivé à Горошки, où j'ai trouvé beaucoup d'ouvrage, mais cependant rien de très mauvais. Je vous envoie 2,500 roubles en assignats et dans quelques peu de jours autant, et puis nous écrirons et nous ferons de sorte que rien ne vous manque. Adressez moi vos lettres à Jitomir, c'est plus sûr. Il fait bien froid ici et je pense toujours à la Crimée. Si l'hiver continue à être fort ici, je crains alors qu'il ne se fasse sentir en Crimée; mais au moins je me flatte que ça ne sera que pour quelques peu de jours. Mes adieux ont été bien tendres à Vilna. Madame Bennigsen m'a quitté au passage dans la rue, malgré qu'il faisait froid, et elle m'a inondé des larmes. La vice-gouverneur était partie quelques jours avant moi. Mais la Ficher a couru 80 verstes pour m'attraper. Le général Essen, qui de Réval était arrivé à Vilna, m'a parlé beaucoup de Дашенька, et il m'a assuré que c'est étonnant comme elle me ressemble et ça m'a tiré des larmes.... Meine gute Katinka, wie befindest du dich und was macht deine gute Niania und die Lisa Martel? Gott segne dich! Dans cinq jours j'irais à Kief, mais vos lettres viendront toujours à Jitomir.¹⁾ Боже васъ благослови! Вѣрный другъ Михайло Го. Кутузовъ.

La lettre sera cacheté du cachet de père Adam, le mien est resté avec ma voiture à quelques verstes.

что хорошая погода возвратитъ тебѣ здорвье и мы еще погуляемъ съ тобою въ Стрѣльнѣ. Ты никакъ себѣ не представишь моего нетерпѣвїя видѣть тебя и дѣтей твоихъ. Малюткѣ Катѣ—всего хорошаго. Катенька увѣжаетъ дна черезъ два: она весела и счастлива. Какъ измѣнилось ея лицо съ тѣхъ поръ, что я видѣлъ ее въ Кіевѣ.

¹⁾ (Переводъ). Вотъ я и въ Горошкахъ, гдѣ нашего много дѣла, но ничего особенно дурнаго. Посылаю тебѣ 2,500 руб. ассиг., а черезъ нѣсколько дней пришлю еще столько; потомъ мы перепишемся и сдѣлаемъ такъ, чтобы не было у тебя ни въ чемъ недостатка. Адресуй письма ко мнѣ въ Житомиръ: это вѣрнѣе. Здѣсь очень холодно, а я все думаю, каково въ Крыму. Если здѣсь зима будетъ жестока, то я боюсь, чтобы не отозвалось это и въ Крыму; надѣюсь только, что тамъ она не продлится. Проводы мои изъ Вильны были очень трогательны. Госпожа Беннигсенъ разсталась со мною только по выходѣ на улицу, не смотря на холодъ, и облила меня слезами. Вице-губернаторша выѣхала за нѣсколько дней до меня; а г-жа Фишеръ проскакала

23-го января. Кіевъ. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, здравствуй, и съ дѣтьми. Votre dernière lettre, ma chère enfant, était du 29 Decembre. L'hiver tient assez fort ici et je crains qu'il ne soit sensible en Crimée. A présent pour moi la terre est l'endroit que vous habitez, le reste est à peu près indifférent, plus ou moins du beau temps est égal pour moi et je calcule toujours quel temps pourrait-il faire en Crimée. Madame Borosdin est ici et comme musicienne elle a de l'occupation, car il y a beaucoup de concerts. Je suis dans les affaires jusqu'aux oreilles et dans ce temps-ci il faut perdre beaucoup de ses revenus, c'est désolant, mais c'est égal pour tout le monde et puis, ça ne vous regarde pas, car on ne vous laissera pas dans la peine. A présent c'est trop bruyant ici, pendant les contrats, et ce n'est pas ma manière de m'amuser. J'ai cependant trouvé ici madame Ledancovska, avec laquelle je suis souvent. Cathérine Coudachef m'écrit,¹⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку. — Катенька, мой другъ, я посылаю къ тебѣ мое сердечко и конфетокъ: одно носи, а другое кушай и кланяйся нянѣ и Лизѣ. Боже тебя благослови. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.—Dizkanez n'a pas puis vous expédier l'argent aujourd'hui. Bien des compliments à monsieur Borosdin et bien ma reconnaissance.²⁾

29-го января. Кіевъ. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, здравствуй и съ дѣтьми. A l'instant j'ai expédié, ma chère amie, par la poste et de l'argent 2,500 p. et ma lettre, mais madame Borosdin me fait savoir qu'elle expédie un courrier, ainsi je ne vous écris qu'un billet pour vous dire aujourd'hui encore une fois, que vous êtes mon

80 верстъ, чтобы догнать меня. Генералъ Эссенъ, прїѣхавшій въ Вильну изъ Ревеля, много говорилъ мнѣ о Дашенькѣ, увѣряя, что она удивительно на меня похожа, такъ что я прослезился... Милая Катя, какъ ты поживаешь? Что дѣлаютъ твои няня да Лиза Мартель? Благослови тебя Господь. Черезъ пять дней я возвращаюсь въ Кіевъ, но письма постоянно адресуйте въ Житомиръ.

¹⁾ (Переводъ). Твое послѣднее письмо было отъ 29-го декабря. Зима здѣсь крѣпко держится и я боюсь, чтобы она не была чувствительна въ Крыму. Для меня только тотъ и край, гдѣ ты живешь; къ остальному я равнодушенъ, такъ какъ и къ погодѣ; я только интересуюсь погодой въ Крыму. Г-жа Бороздина здѣсь и, какъ музыкантша, очень занята, потому что концерты даются во множествѣ. Дѣла у меня по горло. Въ теперешнее время доходы плохи,—это неприятно, но всё тому же подвержены; только до тебя это не касается, потому что я не допущу тебя до нужды. Здѣсь во время контрактовъ очень шумно, а я не люблю этого рода удовольствій. Впрочемъ я застаю здѣсь г-жу Леданковскую, съ которою часто вижуся. Кудашева пишетъ мнѣ.....

²⁾ Дисканецъ не могъ сегодня отправить къ вамъ деньги. Мой поклонъ и чувствительную благодарность г. Бороздину.

ange et mon enfant chérie. Comme je pars dans quelques jours, adressez vos lettres à Vilna. ¹⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтьми Вѣрный другъ Михайло Го. Кутузовъ.

(Другая рука.) Je suis ravie de plaiser.

2-го февраля. Горошки. (1811 г.?). Лизанька, другъ мой, и съ дѣтьми, здравствуй. Ecrivez moi un mot, ma chère amie, pour que je sache, que vous êtes retablie. J'ai écrit à Dizkanetz de vous envoyer de l'argent, d'abord qu'il en ramassera à Kief. Je ne peux pas me plaindre de ma santé, je crois que je me porte bien; mais ça me fait mal, quand je vous sais malade. Embrassez bien vos soeurs. ²⁾ Боже тебя благослови! Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

Liebe und gute Katinka, Gott segne dich und deine Schwester! ³⁾,

6-го февраля. Кіевъ. (1811 г.?). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. Je pars demain pour Gorochki où je ne resterai que deux jours. Je n'ai pas reçu de vos lettres, ma chère enfant, pendant quelques jours, mais je sais qu'il doit y arriver à Jitomir où j'arrive demain et le maître de poste, m'attendant de retour a été assez bête pour ne pas les envoyer a Kief. Je les aurai donc demain et je serai peut être plus tranquille sur votre santé et je ferai mes arrangements sur vos besoins. Si vous ne m'avez pas encore parlé là-dessus, écrivez le moi incessamment, car je pourrai me tromper, ma bonne amie; en attendant je n'ai pas d'argent. Vous avez je crois déjà reçu les cinq milles roubles que j'ai envoyés en deux fois, et je vous écrirai de Gorochki. Pour maman vous pouvez être tranquille: malgré l'état gêné dans lequel je me suis trouvé pendant ces mauvais contrats, je lui ai fait passer en perles que j'ai prises pour une partie de ma potasse et d'autres moyens pour plus de cinquante milles roubles, pour qu'elle puisse payer aussi quelques dettes criardes. A la fin je me suis ennuyé ici, parce que je ne me plais que là, où je suis établi. Hier il y avait bal chez Miloradowitch en mon honneur, et madame Borosdin est partie la nuit. Elle ne sait pas quand elle ira en Crimée. Les gelées sont revenues ici. Je voudrai que ça ne fut pas en Crimée. Je vous embrasse bien

¹⁾ (Переводъ). Я только что отправилъ письмо къ тебѣ и деньги 2,500 р., а въ сію минуту г-жа Бороздина дала мнѣ знать, что она отправляетъ курьера, такъ я посылаю съ нимъ цыдулку, повторяя тебѣ, что ты мой ангелъ и мое милое дитя. Такъ какъ я уѣзжаю черезъ нѣсколько дней, то пиши въ Вильну.

²⁾ (Переводъ). Напиши мнѣ словечко, дружокъ, чтобы я зналъ, что ты здорова. Я писалъ Дисканецу, чтобы онъ выслалъ вамъ денегъ, какъ скоро соберетъ ихъ въ Кіевѣ. Не могу жаловаться на свое здоровье; но мнѣ больно слышать, что ты больна. Поцѣлуй сестрицъ.

³⁾ Милая, добрая Катенька, благослови Господь тебя и сестеръ твоихъ.

tendrement, ma chère enfant. Боже тебя благослови, и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку. Katinka, ich küsse dich vom ganzen Herzen. Grüsse deine guten Freunde, die Mama und Lisa.')

12-го февраля. Горошки. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй! Me voilà sur mon retour pour Vilna. Je suis obligé de rester quelques jours ici à Gorochki pour y arranger ce que je crois nécessaire. De Kief j'ai envoyé beaucoup à Катерина Ильиншна et je vous assure beaucoup plus que mes mouens ne le permettaient. Votre dernière lettre que j'ai trouvée à Jitomir, était datée de Théodosie du 24 janvier; depuis le 15 janvier l'hiver est assez doux ici, cependant il gele toujours un peu. Vous devez, ma chère enfant, avoir reçu encore 2,500 r. de Kief, en tout 5,000 roubles. A présent dites moi au juste ce qu'il vous faudra encore pour votre retour et faites comme ça: Ecrivez moi à Vilna et en même temps écrivez à mon homme d'affaires à Gorochki une lettre, en russe, que vous adresserez: Его благородію, г. Блажевскому, управляющему имѣніемъ генерала Кутузова, близъ Житомира, въ Горошкахъ. Je veux employer une troisième précaution, je veux écrire à Borosdin de vous donner de l'argent à votre demande, avec promesse de le rembourser au mois de Mai. Catinka a-t-elle reçu le petit cœur que je lui ai envoyé? Ça lui a-t-il fait plaisir? Je me flatte que le froid est fini en Crimée pour a présent. Ecrivez moi, ma chère amie, jusqu'à quand fixez vous votre séjour en Crimée, et reviendrez vous à Vilna? Ce qui serait fort bien. Les contrats ont été aussi monotones. Une histoire de femme cependant m'a egayée à la fin. Cette

') (Переводъ). Завтра ѣду въ Горошки, гдѣ пробуду два дня. Я уже нѣсколько дней не получала отъ тебя писемъ, милый другъ; знаю, что они должны прійти въ Житомиръ, куда я самъ буду завтра. Почтмейстеръ, выжидая моего возвращенія, глупо сдѣлалъ, что не послалъ писемъ въ Кіевъ. И такъ, я получу ихъ завтра, и можетъ быть успокоюсь на счетъ твоего здоровья, да устрою твои дѣла. Если ты мнѣ еще не писала о нихъ, то сдѣлай это немедленно, а то я могу ошибиться, другъ мой. Повуда вѣтъ у меня денегъ. Я думаю, ты ужъ получила тѣ пять тысячъ рублей, которые я отправилъ въ два приѣма, а изъ Горошекъ я тебѣ напишу. Относительно матушки ты можешь быть спокойна: не смотря на мои стѣсненные обстоятельства въ теченіе этихъ дурныхъ контрактовъ, я переслалъ ей болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ рублей жемчугу, который я выручилъ изъ (продажи) партіи моего поташа и другихъ средствъ, съ тѣмъ, чтобы она могла заплатить важнѣйшіе долги. Наконецъ я соскучился здѣсь, потому что мнѣ только тамъ хорошо, гдѣ я живу осѣдо. Вчера въ честь мою Милорадовичъ давалъ балъ. Г-жа Бороздина уѣхала въ ночь. Ей неизвѣстно, когда она ѣдетъ въ Крымъ. Морозы у насъ возобновились. Желательно, чтобы не было этого въ Крыму. Нѣжно цѣлую тебя, милый другъ. Катенька, цѣлую тебя отъ всего сердца; влывайся твоимъ добрымъ знакомымъ, мамашѣ и Лизѣ.

personne, extraordinairement jolie, dont je vous ai parlé (à ce que je me rappelle), mad. Cotzcewitz, en est le sujet. Mad. Poupart remarqua que je m'en occupais, très légèrement à la vérité, et me croyant toujours sa propriété me fait des reproches, et voyant que je m'en moque, elle employa tant d'activité qu'avec son ascendant sur l'esprit de cette femme simple, dans trois jours madame. Poupart après la redoute promène cette pauvre Cotzewitz avec le prince Golitzin, adjudant de l'empereur, en voiture par toute la ville, et les jeunes gens au sortie de la redoute furent témoins de ce tête-à-tête. Madame Poupart me regardait le lendemain avec un air triomphant. Je n'avais pas l'air embarrassé me tenant beaucoup près de madame Ledancovska, qui s'était réconciliée avec moi et je voyais l'orage s'approcher, car le mari, instruit du scandale, bat sa femme. La femme se réfugie à trois heures du matin chez madame Slotnitzka et elle est renvoyée sous escorte chez son mari. Le lendemain toutes les femmes en l'air, courant d'une maison à l'autre, et venant savoir mon sentiment, que je prononce gravement. „Je crois,“ dis-je, „qu'il n'y a point de femme honnête, qui puisse se dispenser de prendre partie dans un cas qui offense toute la société, qu'il faut accabler du mépris la coupable, et la coupable c'est madame Poupart“; et je jetais toute la faute sur elle. Aussi dès ce moment toutes les portes lui étaient fermées, et elle est au désespoir. Croyez moi, que c'est pour la première fois, que j'étais coupable d'un tour comme ça, envers une femme, mais c'est par ce que madame Poupart m'a joué beaucoup de scènes. Comme le ciel a voulu nous rendre ressemblant en tout, vous êtes devenue antiquaire, et c'est aussi un peu ma folie. — Avez vous été à Sebastopol? Il faut y remarquer les ruines de l'ancien Kherson. Il y a 40 ans qu'il y avait encore de beaux restes, et remarquez en vous approchant du port, des cavités qui étaient des catacombes: c'est justement sous un château qui est en haut, nommé Inkerman; elles sont bien curieuses. Adieu, ma très chère enfant, je vous embrasse tendrement et de tout mon coeur. ¹⁾ Боже тебя благослови, и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

Катенька, мой другъ, Боже тебя благослови; я тебя буду дожидаться въ Вильнѣ и, Богъ знаетъ, чего тебѣ не приготовлю. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

¹⁾ (Переводъ). Вотъ я и на обратномъ пути въ Вильну. Я принужденъ оставаться нѣсколько дней здѣсь въ Горошкахъ, для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ. Я послалъ изъ Кіева Катеринѣ Ильиничнѣ очень много, болѣе, нежели позволяютъ мои средства. Твое послѣднее письмо, найденное мною въ Житомирѣ, было изъ Феодосіи отъ 24-го января. Съ 15-го числа зима здѣсь довольно умѣ-

13-го февраля. Киевъ. (1811 г.). Милая Лизанька, здравствуй, и съ дѣтками. La poste d'hier ne m'a apporté aucune nouvelle de vous, ma chère, et ça me tourmente beaucoup. Maman a peut être oublié de m'en parler, mais vos soeurs pour quoi se taisent-elles? J'attends impatientement Diakanez pour vous envoyer de l'argent; enfin il doit arriver aujourd'hui. Je me porte bien. Voilà tout ce que je peux vous dire de nouveau (d'ici.¹⁾) Боже тебя благослови и съ дѣтми. Вѣрный другъ Михайло Го. Кутузовъ.

репная, а между тѣмъ все немного морозить. Ты должна была получить изъ Кіева еще 2,500 р.,—всего 5 т. Теперь скажи мнѣ, сколько тебѣ еще надобно для возвратнаго пути, и распорядись такимъ образомъ: напиши мнѣ въ Вильну и въ то-же время моему управителю въ Горошкахъ по-русски, по слѣдующему адресу. (Адресъ выше). Я приму еще одну мѣру: напишу Бороздину, чтобы онъ ссудилъ тебя деньгами по востребованію, съ условіемъ получить ихъ обратно въ маѣ. Получила-ли Катя посланное ей отъ меня сердечко? Довольна-ли она имъ? Я надѣюсь, что въ Крыму холода теперь прекратились? Напиши мнѣ, мой другъ, долго-ли ты еще пробудешь въ Крыму и вернешься-ли въ Вильну, что было бы весьма хорошо. Контракты вообще были скучны. Меня позабавила только къ концу женская исторія: героинею ея была госпожа Котчевичъ, красавица, о которой я тебѣ писала, сколько ирипомню. Г-жа Пуларъ вообразила, что я очень занятъ этой красавицею, и стала выговаривать мнѣ мое вниманіе, которое, будто бы, должно вполнѣ принадлежать ей; но какъ я только посмѣялся надъ этой претензіей, то она влияніемъ своимъ на Котчевичъ добилась того, что та, спустя два три, ваталась по городу въ каретѣ съ княземъ Голицынымъ, адъютантомъ государя; это происходило послѣ редута, когда всѣ молодые люди, возвращавшіеся оттуда, могли быть свидѣтелями этого tête-à-tête. На другой день г-жа Пуларъ смотрѣла на меня съ торжествующимъ видомъ. Я нисколько не смущался, проводилъ время въ обществѣ госпожи Леданковской, которая помирилась со мною; а между тѣмъ гроза подходила: мужъ, узнавъ о скандалѣ, давай бить жену. Жена въ три часа утра скрывается у госпожи Злотвицкой, но ее съ конвоемъ выпроваживаютъ къ мужу. На другой день всѣ женщины переполошились; бѣгутъ изъ дома въ домъ, и наконецъ хотятъ знать мое мнѣніе. Я выражаю его такимъ образомъ: «Я думаю, ни одна честная женщина не откажется принять сторону оскорбленнаго общества: виновная заслуживаетъ презрѣнія, а виновата госпожа Пуларъ». И я разъяснилъ, въ чемъ заключалась ея вина. Съ этой минуты двери для нея были заперты всюду; она пришла въ отчаяніе. Вѣрь мнѣ, что я въ первый разъ въ жизни сыгралъ такую штуку съ женщиной, но вѣдь только потому, что госпожа Пуларъ безпрестанно дѣлала мнѣ сцены. Такъ какъ Богу угодно было сдѣлать насъ сходимыми съ тобою во всемъ, ты также стала антикваріемъ; это и моя слабость. Была ли ты въ Севастополѣ? Тамъ находятся замѣчательныя развалины древняго Херсонеса. Лѣтъ 40 тому еще видѣлись прекрасныя остатки; а при входѣ въ гавань замѣтъ углубленія, бывшія катакомбы; они устроены какъ разъ подъ замкомъ, называемомъ Инкерманомъ,—онѣ любопытны. Прощай, милое дитя, цѣлую тебя нѣжно и отъ всего сердца.

¹⁾ (Переводъ). Вчерашняя почта не привнесла мнѣ никакой вѣсточки отъ васъ, что не мало меня тревожитъ. Маменька, можетъ быть, позабыла, но отъ

21-го февраля. Кіевъ. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ маленькими, здравствуй! Извини меня, что долго не прислалъ къ тебѣ денегъ. На будущей почтѣ пришлю, конечно. Негдѣ было взять. Я, слава Богу, здоровъ, et je suis tranquille. Катенька помнитъ-ли обо мнѣ и содержитъ-ли въ милости? Что слышно о твоей Дашенькѣ? Боже васъ благослови! Вѣрный другъ Михайла Г. К.

PS. Аннушка, мой другъ, тебѣ не досугъ теперь. Хитровъ въ Петербургѣ. Напиши мнѣ объ немъ все, что знаешь. Катенькѣ и Дашенькѣ кланяйся. Боже васъ всѣхъ благослови!

23-го февраля. Кіевъ. (1811 г.?). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтками, здравствуй. Mille et mille remerciements, ma chère amie, pour votre lettre d'aujourd'hui, quoique peu consolante, mais j'ai au moins beaucoup d'espérance de vous voir sauvée au printemps. Dizkanez ne vous ayant pas envoyé de l'argent, je vous en fais passer 2,500. Je n'ai pas eu le courage de vous écrire la poste passée, mais j'ai écrit à Аннушка où j'ai parlé de vous.¹⁾ Прости, мой другъ, будь здорова и съ дѣтками, поцѣлуй Катеньку. Боже васъ благослови. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

27-го февраля. Кіевъ. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтками, здравствуй. Il m'est arrivé une nouvelle de Petersbourg qui pourra me mener dans votre voisinage; c'est-à-dire je pourrais être obligé de commander l'armée en Turquie. Ça ne me fait pas du tout plaisir, au contraire ça me contrarie beaucoup; je vous le jure. C'est le ministre qui me prépare à cela. Je fais le plus grand secret avec tout le monde, et je vous le dis aussi de cette manière; et vous sourez vous taire jusqu'à ce que ça sera publié. Et si ça tombe heureusement, vous n'en parlerez pas.

Cependant ce départ que l'on m'annonce me tracasse beaucoup. Abandonner mes connaissances, mes habitudes et le repos surtout à mon âge. Mais vous priez Dieu pour moi; vous me consolerez, vous me soutiendrez.²⁾

чего же сестры твои молчатъ? Жду нетерпѣливо Дисканца, чтобы переслать къ вамъ деньги; онъ долженъ пріѣхать сегодня. Я здоровъ; вотъ и исѣдѣшнія повости.

¹⁾ (Переводъ). Премного благодаренъ, милый другъ, за сегодняшнее письмо твое. Хотя оно мало утѣшительно, однако, я надѣюсь, что ты исцѣлишься весною. Такъ какъ Дисканецъ не выслалъ тебѣ денегъ, то получи отъ меня съ этимъ 2,500 р. Въ прошедшую почту у меня не хватило духу писать къ тебѣ; за то я написалъ Аннушкѣ и говорилъ о тебѣ.

²⁾ (Переводъ). Я изъ Петербурга получилъ извѣстіе, которое, быть можетъ, приведетъ меня въ сосѣдство съ тобою; меня, вѣроятно, назначать командующимъ армію въ Турціи; боюсь тебѣ, это меня нисколько не радуетъ, но на-

6-го марта. Вильна. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, буди Богомъ хранима! J'ai beaucoup tardé aujourd'hui de prendre la plume, et me voilà au moment où tout le monde me tourmente: les uns pour aller diner, les autres pour aller recevoir le prince Zoubof, qui est déjà là; ainsi ma lettre sera courte. Je suis encore en place, grâce à Dieu, et ce n'est pas encore décidé, ce que je vous disais dans ma lettre: je veux dire mon rapprochement de la Crimée. Que je voudrais rester tranquille et vous revoir ici! Parlons d'Аннушка; Je vous dirai que je ne m'afflige pas du tout de ce qui est arrivé à X....., et heureusement notre Аннушка a beaucoup de faiblesse. X..... est un vilain, ce devait lui arriver il-y-a longtemps. Cependant si je ne peux rien pour lui a présent, je pourrais peut-être quelque chose à l'avenir. Remettons nous à la Providence....¹⁾ Воже тебя благослови и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайла Го. Ку.

13-го марта. Вильна. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, буди Богомъ хранима. Enfin hier la nuit j'ai reçu un ordre de l'Empereur, pour me rendre en Moldavie et prendre le commandement. Après demain je parts. Ainsi de Vilna c'est ma dernière lettre. Vous, mon enfant, vous m'adresserez les vôtres en Valachie. Ces allées et venues cependant me causent beaucoup de dépenses. Voilà pour la troisième fois que je ne reçois que dix milles roubles, et avec dix milles on ne monte pas son équipage. Je vous avoue qu'il m'est pénible de me séparer de Vilna; mes habitudes ont fortement pris. Ne croyez pas cependant que j'emporte une passion dans mon coeur, ce ne sont que des habitudes. A présent il faut penser comment nous voir avant votre retour en Russie. Ma première lettre ne sera pas de Jassy; arrivé là j'arrangerai que nos lettres nous parviennent bien vite. Je

противъ, очень досадуешь. Министръ меня къ этому подготавливаетъ. Я это для всѣхъ держу въ большомъ секретѣ и тебя прошу никому объ этомъ не говорить, пока не будетъ объявлено. Если же это, къ счастью моему, не сбудется, то я тогда никому объ этомъ не говори... Предвѣщаемый мнѣ отъѣздъ сильно меня тревожитъ; не легко въ моихъ гѣтахъ расставаться съ знакомыми, привычками и удобствами; но ты за меня помолишься, утѣшишь и поддержишь меня.

¹⁾ (Переводъ). Я опоздалъ сегодня писать, а теперь со всѣхъ сторонъ меня тормозятъ: кто советъ отъѣзду, кто докладываетъ о князѣ Зубовѣ. Оттого письмо мое будетъ коротко. Я еще на мѣстѣ, а то, о чемъ я вамъ писалъ — о приближеніи моемъ къ Крыму—еще не рѣшено. Какъ бы я хотѣлъ оставаться въ покоѣ и видѣть тебя здѣсь! Поговоримъ объ Аннушкѣ. Я тебѣ скажу, что я совсѣмъ не огорчаюсь тѣмъ, что случилось съ X*** и къ счастью, что Аннушка не изъ строгихъ X*** недостойный человекъ: туда ему и дорога. Если я теперь ничего не въ состояніи для него сдѣлать, то, можетъ быть, удастся впоследствии. Предоставимъ все Провидѣнію.

vous embrasse, mon enfant, priez Dieu pour moi.²⁾ Боже тебя благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

22-го марта. Кіевъ. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ маленькими, здравствуй! Ты, мой другъ, не знаю, возвратилась-ли изъ Ревеля? Надѣюсь, что много мнѣ напишешь о Дашенькѣ, какъ она выросла, что говоритъ, и какъ съ Катенькой?... Ты уже знаешь, что отсюда скоро выѣзжаю въ Молдавію. Это мнѣ скучно, для того, что при этомъ такъ много хлопотъ и отъ васъ далѣе, и васъ, и дѣтей вашихъ долго не увижу, и Катенька меня забудетъ.... Все, что тебѣ общала, сдѣлаю, и объ этомъ не безпокойся. Боже тебя благослови! Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.

27-го марта. Яссы. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. Me voilà à Jassy, où je suis arrive hier au soir et je parts demain pour Boucharest où se trouve le quartier général. Chaque peuple aime la nouveauté, croyant gagner au changement; mais ici c'est un délire. La joie est inexprimable. Tous les boyards m'ont reçu au sortir de la voiture, et mad. Smaragdetza à la tête qui m'a donné le bras pour descendre. Cette Smaragdetza est un singulier être pour l'exaltation de sa tête....²⁾

Meine liebe Katinka, Gott segne dich; grüsse deine нянюшка und die Martele. Dein guter Freund ³⁾ Михайло Го. Ку.

10-го апрѣля. Бухарестъ.... (1811 г.). Me voilà à Boucharest, au milieu de Valacques, mais beaucoup de travail et beaucoup de soucis.

¹⁾ (Переводъ). Вчера ночью я наконецъ получилъ приказаніе Государя отпрадаться въ Молдавію для принятія командованія. Послѣ завтра я уѣзжаю, а потому изъ Вильны я болѣе писать тебѣ не буду. Вы, мои дѣти, адресуйте ваши письма въ Валахію. Эти переѣзды, однако, дорого мнѣ обходятся. Въ третій уже разъ мнѣ отпускаютъ по 10 т. рублей, а десятью тысячами не подымшесь. Повѣрь, что мнѣ очень трудно расстаться съ Вильною, къ которой я такъ привыкъ; только не думай, что я съ собой увожу сердечную страсть, нѣтъ только удобства, въ которыхъ привыкъ. Теперь надо подумать, какъ бы намъ повидался съ тобой до твоего возвращенія въ Россію? Первое мое письмо не будетъ изъ Яссъ, гдѣ я, по пріѣздѣ, только устрою, чтобы письма доходили до насъ какъ можно скорѣе. Обнимаю тебя, мое дитя. Моли Бога за меня.

²⁾ (Переводъ). Вчера вечеромъ я пріѣхалъ въ Яссы, а завтра уѣзжаю въ Бухарестъ, гдѣ расположена главная квартира. Каждый народъ любитъ перемены, полагая быть отъ нихъ въ выигрышѣ; но здѣсь это — чистая бредня. Восторгъ былъ неописанный; всѣ бояре встрѣтили меня у кареты, а г-жа Смарагдеева, во главѣ ихъ, подала мнѣ руку, чтобы помочь выйти. Эта г-жа Смарагдеева — замѣчательное существо въ отношеніи восторженности.

³⁾ (Переводъ). Милая Катенька, Богъ тебя благослови. Кланяйся твоей нянѣ и Мартели. Твой добрый другъ.

Je suis etonné, ma bonne, chère enfant, de n'avoir pas de vos lettres ici....

Il faut vous dire cependant ce que c'est que Boucharest: une ville par sa grandeur comme il n'y en a pas en Russie, après les deux capitales. Beaucoup de monde. Quelque femmes qui ont deviné le bonton; quelques autres jolies et drôles; quelques femmes russes assez eu prétention. Beaucoup de Grecs et tous dansent beaucoup.¹⁾

28-го апрѣля. Бухарестъ. Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. N'ayant pas encore de réponse à ma lettre écrite de Bukharest, j'envoie, ma très chère amie, Pankratief, qui passera par Odessa dans la supposition que vous pouvez y être arrivée. Si ce détour ne vous contrarie pas beaucoup, je voudrais, mon enfant, que vous veniez à Bukharest; mais si ça vous gêne trop, si vous êtes lasse de courir les champs, j'aime mieux me voir privé de cette satisfaction, que vous causer de la gêne. Pancratief a 1,500 roubles, dont vous pouvez disposer. C'est un détour, c'est vrai, mais vous verrez encore un pays chaud de plus, et nous pourrions causer sur la Crimée. Conduisez vous cependant comme si je vous n'avais rien dit; d'ailleurs vous ne pourriez rester que peu de jours avec moi, ce qui ne retardera pas beaucoup votre retour en Russie. Vous verrez de nouvelles figures, entre autres une femme mariée de 13 à 14 ans, très naïve et très plaisante. Je vous embrasse et vous bénis mille fois, ainsi que Catinka que j'adore. Mes compliments à toute votre colonie.²⁾ Боже тебя благослови. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

¹⁾ (Переводъ). Вотъ я въ Бухарестѣ между Валахами и Валахами, но при множествѣ занятій и заботъ. Я удивился, мое милое, дорогое дитя, когда не нашелъ здѣсь твоихъ писемъ.

Не мѣшаетъ, однако, сказать тебѣ, что такое Бухарестъ: это такой большой городъ, какого подобнаго, кромѣ двухъ столицъ, въ Россіи нѣтъ. Бедна народу, нѣсколько дамъ, понимающихъ кое-что въ свѣтскомъ обращеніи, много другихъ и хорошенькихъ, и смѣшныхъ барынь, нѣсколько русскихъ дамъ съ большими претензіями, и множество Грековъ;—и всѣ они страстные охотники до танцевъ.....

²⁾ (Переводъ). Не получивъ отвѣта на письмо мое изъ Бухареста, я посылаю Панкратьева черезъ Одессу въ томъ предположеніи, что ты, мой другъ, прибыла туда. Если этотъ объѣздъ тебя не обезпечитъ, то я очень желалъ бы твоего приѣзда сюда; но если это тебя затрудняетъ, если ты устала страдать, то я скорѣе согласенъ лишиться удовольствія, нежели подвергать тебя стѣсненію. У Панкратьева къ твоимъ услугамъ 1,500 рублей. Я предлагаю объѣздъ — это правда, но за то ты увидишь еще другой теплый край, а между тѣмъ побесѣдуемъ о Крымѣ. Впрочемъ, поступи такъ, какъ бы я ничего не говорилъ. Во всякомъ случаѣ ты могла бы оставаться со мною только короткое время, а эта малость не причинитъ замедленія въ возвращеніи пути

29-го апрѣля. Бухарестъ. (1811 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. Paresseuse amie, combien y a-t-il que vous ne m'avez pas écrit. Quant à moi, c'est votre voyage qui m'en a empêché; pour ne point faire voyager mes lettres. Je me porte bien, mais l'idée de ne pas être avec les miens, commence à me persécuter beaucoup. Hier on m'a donné une fête à Carestrevn; une superbe illumination etc. Rappelez vous vos dernières lettres, ma chère amie, et demandez moi pardon de vos reproches injustes.

Comment va М. Хитровъ? Malgré vos reproches, je pense beaucoup à son état qui m'inquiète. Mais ce qui fait mon désespoir c'est que je crains que Catinka ne m'oublie.¹⁾

Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайло Г. Кутузовъ.

1-го іюля (въ лагерѣ подъ Бухарестомъ). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. Vous voilà enfin à Pétersbourg, et je désire que vous vous portiez au moins aussi bien qu'à Boucharest. Quant à moi, je pourrais dire que je suis presque content de la fortune. Elle ne m'a pas encore fait d'infidélité; ni elle, ni qui que ce soit, ça veut dire depuis votre départ jusqu'à présent. Pretendre que ça continue toujours serait trop exiger. Ma santé est passable; malgré les grandes fatigues je me soutiens. Mille remerciements à ma chère fille Golitzin pour son petit billet de Moscou. Je n'ai vu personne de Boucharest ici. On demande de venir, mais je refuse; je ne veux pas déplaire à la fortune; les femmes sont jalouses....²⁾

въ Россію. Ты увидишь новыя лица, между прочимъ, замужнюю женщину по 14-му году, такую простушку и забавную. Цѣлую и благословляю тебя тысячу разъ, также и обожаемую Катеньку. Мой поклонъ всей вашей колоніи.

¹⁾ (Переводъ). Лѣзвивый дружокъ! Ужъ какъ давно ты мнѣ не писала. Что касается до меня, то только твое путешествіе меня отъ этого удерживаетъ; я бы не желалъ, чтобы мои письма странствовали. Я здоровъ, но мысль о томъ, что я никогда не бываю со своими, меня начинаетъ очень огорчать. Для меня вчера давали праздникъ въ Карестревнѣ; великолѣпная иллюминація и проч. Вспомни свои послѣднія письма, мой другъ, и извинись передо мной за твои несправедливыя упреки. Что дѣлаетъ Хитровъ? Не смотря на твои упреки, я часто думаю и очень беспокоюсь о его положеніи. Но я боюсь, чтобы Катенька меня не забыла. Эта мысль приводитъ меня въ отчаянье.

²⁾ (Переводъ). Вотъ ты, наконецъ, и въ Петербургѣ, и я желаю, чтобы ты тамъ была также здорова, какъ въ Бухарестѣ. Что касается меня, то могу сказать, что почти доволенъ фортуною. Она мнѣ еще не измѣняла, ни она, ни кто другой, т. е., съ твоего отъѣзда и до сихъ поръ. Предполагать, что это всегда такъ будетъ продолжаться, было бы слишкомъ много требовать. Здоровье мое порядочное, и не смотря на большое утомленіе, я еще держусь. Тысячу разъ благодарю мою дочь Голицину за ея маленькую записку изъ Москвы. Я никого не выдамъ здѣсь изъ Бухареста. Просятъ позволенія при-

23-го іюля.... Je ne m'amuse pas beaucoup, des soucis continuels. Je crains même de m'entourer de société, crainte de laisser échapper quelque chose. L'esprit est toujours en attention, et ça fatigue.... La princesse Golitzin, qui a pris la liberté de me baiser la main, et bien je lui baise le pied.¹⁾

8-го августа.... Je me porte assez bien, mais ce que j'appelle bien; mais je n'ennuie à périr. Je n'ai jamais voulu faire appeler personne de la ville; y aller ne se pourrait pas. Je suis extasié de l'honneur que l'Empereur m'a fait et ça m'a donné plus de gaîté. La Mantefel est à Boucharest, veut accoucher tous les jours et n'accouche pas....²⁾

13-го августа. (Бухарестъ). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй! Depuis quand, ma chère enfant, me croyez vous tyran de mes enfants? Comment m'avez vous cru capable de dire: ne faites pas telle chose et restez malheureuse; et qu'est ce que j'ai à dire contre un mariage avec monsieur Хитровъ? La première chose que je désire n'est ce pas de vous voir bien portante et tranquille? Et à présent je ne doute pas de vous revoir sans maladie et sans tristesse.... J'ai longtemps cherché qui est mon beauфилs, et enfin je l'ai trouvé dans ma mémoire: un garçon bien tourné, un peu grêle, beaucoup d'esprit et fort honnête homme, railleur à part. Je connais beaucoup monsieur Хитровъ, et si jamais je retourne parmi vous, je vivrai beaucoup avec lui. Si vous êtes dans l'habitude de l'embrasser, faites le de ma part. Et pourquoi ne m'écrit-il pas?

А présent vous êtes mariée, mais mes lettres commenceront et finiront comme auparavant. Ainsi donc je vous embrasse tendrement, vous

ѣхать, но я отказываю. Я не хочу разиравиться фортуна; вѣдь женщины ревнивы.

¹⁾ (Переводъ). Я не очень веселюсь, при постоянныхъ заботахъ. Я даже боюсь окружать себя обществомъ, чтобы не сдѣлать какого-нибудь промаха. Ужь въ безпрестанномъ напряженіи, а это утомляетъ. Я цѣлую ножку княжны Голицыной, которая взяла смѣлость цѣловать мнѣ руку.

²⁾ (Переводъ). Я здоровъ, т. е., такъ, какъ я называю быть здоровымъ; но пропадаю отъ скуки. Я никогда не хотѣлъ звать изъ города, а ѣхать туда невозможно. Я въ восторгѣ отъ почестей, которыя мнѣ оказала государь, и это меня развеселило. Мантейфель въ Бухарестѣ, вслѣдствіе ждетъ родовъ и не рождаетъ.*)

*) Мантейфель, рожденная Залеская. Мужъ ея шефъ—Рижскаго драгунскаго полка убитъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 г.; вдова вышла замужъ за гр. Гудовича; она была красива, кокетлива и ловка. Ред.

et ma Катинька; je salue Martel et няня.¹⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

26-го августа.... Я здѣсь живу въ маленькой изобѣѣ, однако вчера съ у меня былъ вечеръ, и дамы: Md. Manteufel, Madame Palen. toutes les deux sont aimables. Однако же мнѣ бываетъ очень скучно, для того, что не вижу конца, когда буду съ вами....

Le 2 octobre. (Jourgea). Nous avons remporté une brillante victoire aujourd'hui sur les Turcs. Le général Markoff a été envoyé de l'autre côté avec un corps de sept milles hommes. Il a surpris le camp turc et s'en est emparé avec tout ce qu'il y avait de canons et de bagages. On a fait beaucoup de prisonniers; on a tué beaucoup de monde et le butin est immense. Le grand-visir est de ce côté-ci, sans aucune communication avec l'autre rive. Je ne sais pas ce qu'il fera, mais il est impossible qu'il se tire de là. Il a demandé un armistice qu'on lui refusera.²⁾

(Неизвѣстной руки и безъ подписи).

16-го октября. Журжа. У меня все хорошо идетъ. Слава Господу силъ! армія турецкая заперта, Силистрія и Туртукай взяты, изъ Видина Зассъ прогналъ Турковъ за Дунай, а самъ переходить; о мирѣ говоримъ, только хлопотъ много и заботъ.

(Неизвѣстной руки и безъ подписи).

¹⁾ (Переводъ). Съ какихъ поръ, милый другъ, считаешь ты меня за тирани своихъ дѣтей? Какъ могла ты думать, что я скажу: «нѣтъ, не дѣлай этого, оставайся несчастной», и развѣ я имѣю что сказать противъ брака съ г. Хитровымъ? Развѣ не первое мое желаніе—видѣть тебя здоровою и спокойною? Теперь тѣмъ болѣе надѣюсь видѣть тебя свободною отъ болѣзни и печали.... Я долго напрягалъ свою память, чтобы представить себѣ моего зятя, наконецъ, я вспомнилъ, каковъ онъ: это ловкій молодой человекъ, нѣсколько худощавый, умница и честная душа, развѣ немного насмѣшливъ. Я очень хорошо знаю г. Хитрова, и если когда-нибудь возвращусь къ вамъ, то не разстанусь съ нимъ. Если это у тебя въ обычаѣ, то поцѣлуй его отъ меня. А отчего онъ не пишетъ ко мнѣ?

Ты хоть и замужемъ теперь, а я все-таки буду по прежнему начинать и заключать мои письма. И такъ, цѣлую тебя нѣжно, тебя и Катеньку; кланяюсь Мартелю и нянѣ.

²⁾ (Переводъ). 2-го октября (кр. Журжа). Сегодня мы одержали блестящую побѣду надъ Турками. Генералъ Марковъ былъ посланъ по ту сторону рѣки съ семитысячнымъ корпусомъ. Онъ напалъ на турецкій лагерь врасплохъ и овладѣлъ имъ со всѣми пушками и багажемъ. Множество людей взято въ плѣнъ, множество побито, а добыча огромная. Великій визиръ стоитъ по сю сторону, отрѣзанный отъ всякаго сообщенія съ противоположнымъ берегомъ. Не вѣдаю, на что онъ рѣшится, но ему не выбраться изъ настоящаго положенія. Онъ просилъ перемирія, но получить отказъ.

5-го декабря. Яссы (1811 г.). Здравствуй, моя милая Лизанька, и съ Катенькой, и съ Дашенькой. Послѣ приѣзда твоего изъ Ревеля получилъ я только одно письмо отъ тебя. *Ce n'est pas parce que vous vous êtes déshabituée de m'aimer, mais parce que vous vous êtes déshabituée de m'écrire*¹⁾. Ты не говоришь мнѣ о Дашенькѣ, похожа-ли она на тебя? *Je ne peux pas me vanter de m'amuser beaucoup à Яссы. Mais enfin j'ai trouvé le moyen de faire venir une troupe de pantomime italienne, qui commence à jouer ces jours-ci.*²⁾ Безпокоюсь, какова Дашенька послѣ родинѣ. Да любить-ли меня маленькая Катенька, отъ которой я безъ ума?...

13-го декабря 1811 г. Бухарестъ. Лизанька, *me voilà à Boucharest, un peu plus tranquillement qu'à mon bivouac à Geourgea. Je commence à me donner un peu de dissipation, et aujourd'hui j'étais au spectacle polonais; Madem: Varlam, arrivée de la capitale, disait que c'est affreux, et madame Goulsani trouvait au contraire que c'était admirable; surtout la statue du commandeur dans Don-Juan. Demain je tiens sur les fonts de batême, l'enfant de madame Manteufel, venu au monde il y a quelques mois. Je ne sais pas ce que l'on dira à la fin de ma campagne; mais j'en suis très content; peut être, que l'engouement, qu'on avait pour moi, est passé. Nous parlons beaucoup, moi et Varlam de vous et de tous les miens; c'est une conversation qui ne tarit pas. Il y a parmi les prisonniers un pacha à trois queues Chaban-Oglou âgé de 25 ans. Il est si beau et si élégant qu'il aurait tourné la tête à tout Pétersbourg...*³⁾

¹⁾ (Переводъ) Это не потому, что ты отвыкла меня любить, но потому, что отвыкла ко мнѣ писать.

²⁾ (Переводъ). Я не могу похвастать, что очень веселюсь въ Яссахъ. Но я наконецъ нашелъ возможность выписать итальянскую труппу пантомимовъ, которые начнутъ играть на этихъ дняхъ.

³⁾ (Переводъ). Лизанька, я въ Бухарестѣ, гдѣ для меня нѣсколько удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ лагерѣ подъ Журжой. Я опять по немногу начинаю предаваться развлечениямъ, и сегодня былъ въ польскомъ театрѣ. М-ле Варламъ^{*)} приѣхавшая изъ столицы, находитъ его отвратительнымъ, а М-ше Гульзани — очаровательнымъ, въ особенности статуя Донъ-Жуана. Я завтра буду крестить у М-ше Мантейфель ребенка, явившагося на свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Не знаю, что скажутъ о кампаніи, по ея окончаніи, а ему остался очень доволенъ. Быть можетъ пристрастіе ко мнѣ охладѣло. Я много съ Варламъ говорю про васъ и этотъ разговоръ у насъ не кончается. Между плѣнными находится трехбичужный паша, Хабанъ-Оглу; ему 25 лѣтъ и онъ такой красивый и ловкій, что въ Петербургѣ онъ всѣмъ вскружилъ бы голвы.

^{*)} Мать жены К. Я. Булгакова.

1812 г.

4-го января. Бухарестъ. (1812 г.) Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй! J'ai reçu, ma chère amie, une lettre d'Аннушка du 25 Novembre, qui me dit que vous étiez malade, et ceci ne m'a pas donné des idées couleur de rose. Léonard, je crois dont vous m'avez parlé, doit avoir reçu son argent jusqu'à cette heure-ci, puisque je sais qu'il est envoyé. Je me porte assez bien, mais je commence à devenir mélancolique d'être si éloigné de tous les miens, et cette idée me tourmente quelquefois. Je rêve souvent à quelqu'une de vous, et la petite Катенька n'est certainement pas oubliée.... Comment se porte notre Хитровъ? Je, sais qu'il était malade.¹⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

19-го января. Бухарестъ. (1812 г.) Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. Съ Самаринимъ не получилъ отъ тебя письма и боюсь, здорова-ли ты? Il faut que vous me tranquillisiez avec le premier courrier. Toutes vous soeurs ont écrit et ça m'a alarmé. Vous ne saurez croire, ma chère amie, comme je commence à m'ennuyer loin de vous, des êtres, qui seuls m'attachent à la vie. Plus je cours cette carrière et plus je vois, qu'un peu de gloire est de la fumée. J'étais toujours philosophe, mais a présent je le suis à outrance. On dit que chaque âge a sa passion; la mienne d'apresent est l'amour passioné de mes plus proches, car la société des femmes que je cherche, n'est qu'un goût. Je ris de moi-même, quand je réfléchis comment je considère et ma place, et mon pouvoir et les honneurs qui m'entourent. Je pense toujours à Катенька, qui me comparait à Agamemnon, et Agamemnon était-il heureux? Ma conversation n'était pas gaie, comme vous voyez, mais je suis monté sur ce ton, car voilà 8 mois que je n'ai vu personne des miens.²⁾ Боже тебя благослови, и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

¹⁾ (Переводъ). Я получилъ отъ Аннушки письмо отъ 25-го ноября, съ извѣщеніемъ, что ты была нездорова, а это не развеселило моихъ мыслей. Леонардъ, о которомъ, кажется, ты мнѣ говорила, вѣроятно теперь уже получилъ свои деньги, потому что онѣ были отправлены. Я довольно здоровъ, но начинаю впадать въ меланхолію отъ разлуки съ своими. Я часто вижу во снѣ то одну, то другую изъ васъ, и конечно, не забыта и Катенька. Какъ здоровье нашего Хитрова? Я знаю, что онъ былъ боленъ.

²⁾ (Переводъ). Всѣ твои сестры мнѣ пишутъ; отъ тебя же я не получалъ ни одного письма, что меня много озабочиваетъ, и я тебя прошу успокоить меня съ первыми отправляющимся сюда курьеромъ. Ты не повѣришь, мой милый другъ, какъ я начинаю скучать вдали отъ васъ, которыя одна привязываютъ меня къ жизни. Чѣмъ долѣе я живу, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что

8-го февраля. Яссы (1812 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дочками, здравствуй. Я пишу къ Катенькѣ отвѣтъ на ея письмо, которое, пожалуйста, прочти ей. Nous avons eu ici un carnaval, à peu près comme chez vous, quatre bals masqués la semaine passée, et beaucoup de monde. J'attendais Аннушка avec impatience. Que n'avez vous pas pu venir aussi, ma chère amie? и Дашенька уѣхала; vous n'avez donc que Катенька, votre soeur? Dites lui que je l'aime tendrement, comme mon amie la plus chère; mais avouez lui que son histoire de mariage me donne un peu de chagrin; mais ne l'affligez pas. Adieu, ma tendre amie. ¹⁾ Тебя и дѣтей Боже благослови! Вѣрный другъ М. Г. К.

26-го февраля. Яссы (1812 г.). Лизанька, мой другъ, и съ маленькими. Дай Богъ тебѣ здоровья. Il me parvient, ma chère amie, que vous êtes malade? Vous ne m'en dites rien dans votre lettre, pour laquelle je vous embrasse. Vous y parlez au contraire des spectacles, du debut de la Xavier. Cette nouvelle m'afflige. X* est parti pour Constantinople pour 20 jours peut-être!... C'est galanterie jurée; pour ça il est incorrigible; voilà déjà la troisième fois qu'il est amoureux. ²⁾ Прости, моя драгоценная Лизанька. Боже тебя благослови и съ дѣтками. Вѣрный другъ Михайла Г. К.

Получила-ли Катенька мое письмо?

19-го іюля (1812). Любезный другъ мой, Лизанька, здравствуй,

слава ничто, какъ дымъ. Я всегда былъ философомъ, а теперь сдѣлался имъ въ высшей степени. Говорятъ, что каждый возрастъ имѣетъ свои страсти; моя же теперь заключается въ пламенной любви къ своимъ близкимъ; общество женщинъ, которымъ я себя окружаю, ничто иное, какъ капризъ. Мнѣ самому смѣшно, когда я подумаю, какимъ взглядомъ я смотрю на свое положеніе, на почести, которыя мнѣ воздаются, и на власть, мнѣ предоставленную. Я все думаю о Катенькѣ, которая сравниваетъ меня съ Агамемнономъ. Но былъ-ли Агамемнонъ счастливъ? Какъ ты видишь, мой разговоръ съ тобой нельзя назвать веселымъ. Что-жъ дѣлать! я такъ настроенъ, потому что вотъ уже восьмой мѣсяцъ, какъ никого изъ васъ не вижу.

¹⁾ (Переводъ). У насъ здѣсь масляницу праздновали не хуже вашего: было четыре маскарада, и всѣ полнешеньки. Я съ нетерпѣніемъ поджидалъ Аннушку. Жаль, милый другъ, что васъ нѣтъ... Съ вами поэтому только сестра Катенька. Скажи ей, что люблю ее нѣжно, какъ лучшаго друга. Признайся ей, что исторія сватовства ея такъ огорчаетъ меня, по не печаль ее. Прощай, милый другъ.

²⁾ (Переводъ). Я слышу, милый другъ, что ты больна? А ты не говоришь объ этомъ въ своемъ письмѣ, за которое благодарю. Въмѣсто того ты пишешь о театрѣ, о дебютѣ актрисы Ксавье. Вѣсть о тебѣ огорчаетъ меня. X* уѣхалъ въ Константинополь, можетъ быть, двѣй на 20.... Волокитство въ немъ несправедливо: вотъ третій разъ, что онъ влюбляется.

и съ Катенькой, и съ Дашенькой. Etes vous enfin à Strelna? Le beau temps est-il enfin venu? C'est sur cela que je fonde mon espérance, pour votre santé. Surtout ne soyez pas mélancolique et ne doutez pas de mon arrivée chez vous.

Catinka Coudacheva m'a écrit de chez son beau père au moment de partir pour Odessa. Elle se plaint de n'avoir point de nouvelles de Pétersbourg. J'ai un jardin chez moi, où quelque fois je m'abandonne à ma reverie et quelque fois j'y trouve une foule de monde pour me distraire. Adieu, mon adorée enfant. Dieu veuille que celle-ci vous trouve moins malade; aussi comme je Le prie pour vous, comme je crains de Lui déplaire à cause de vous. Vous m'avez donné des vertus que je n'avais pas.¹⁾ Богъ тебя благослови и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Го. Ку.

2-го октября 1812 г. Между Москвою и Калугою. (Изъ Летаевки, т. е., за Тарутинымъ). Лизанька, мой другъ, здравствуй. Voilà un siècle, ma chère amie, que je n'ai pas de vos nouvelles; aucun des nôtres ne me dit rien par rapport à vous. Je suis toujours vis-à-vis de Napoléon; nous sommes à nous regarder et à nous tâter, sans qu'aucun a l'envie de venir à une affaire difficile, cependant je lui fais la petite gêne avec beaucoup davantage; et il n'y a pas de jour que nous ne fassions 300 ceuts prisonniers. Koudacheff est aussi partisan, et il fait bien. Je reçois souvent des lettres de Pétersbourg, on se porte bien, et ma Catinka aussi, qui m'écrit quelquefois. Dites moi, que fait Хитровъ, avec sa pauvre santé? Embrassez le de ma part.²⁾ Боже тебя благослови и съ дѣтьми. Вѣрный другъ Михайло Г. Ку.

¹⁾ (Переводъ). Въ Стрѣльнѣ-ли ты, и настала-ли наконецъ хорошая погода? На этомъ основывается моя надежда на поправленіе твоего здоровья. Только не предавайся меланхолин и не сомнѣвайся въ моемъ пріездѣ.

Катенька Кудашева мнѣ пишетъ въ минуту ея отъезда отъ тестя въ Одесу, и жалуется, что не получаетъ извѣстій изъ Петербурга. У меня садъ, въ которомъ иногда я предаюся мечтаніямъ, а иногда нахожу вѣчу народа для развлеченія. Прощай, обожаемое мое дитя. Дай Богъ, чтобы это письмо нашло тебя въ лучшемъ здоровьи, о чемъ молю Его, и, ради тебя, боюсь Его прогнѣвить; ты меня подарила добродѣтелями, которыми я прежде не обладалъ.

²⁾ (Переводъ). Цѣлый вѣкъ я про тебя не слыхалъ и никто изъ нашихъ о тебѣ мнѣ не пишетъ. Я все стою противъ Наполеона; мы другъ друга видимъ и испытываемъ, но никто изъ насъ на что-либо серьезное не покушается, несмотря на то, что я его частенько тревожу, съ немалою для себя выгодой, и каждый день беру въ плѣнъ до 300 человекъ. Кудашевъ тоже партизанъ и прекрасно дѣлаетъ. Я часто получаю письма изъ Петербурга, гдѣ всѣ здоровы ...

[Copie d'une lettre du m-me Koutousoff (рука жены).]

4 octobre, sur la route entre Moscou et Kalouga. (Лета-шевка, т. е., Тарутино). Lisinka, ma chère fille, que Dieu vous conserve? Je vous avais envoyé un courrier il y a longtemps, mais il n'a pu parvenir à cause d'une prétendue peste. Avant hier je vous ai écrit par Kieff en l'adressant au g-al Max. Je reçois très souvent des lettres de Pétersbourg où on me dit que Catinka se porte bien: elle m'a écrit même. Quant à moi, je me porte bien et nous sommes vis-à-vis de Bonaparte. Il y a quelques jours que nous n'avons pas de combats sérieux; mais tous les jours nous faisons beaucoup de prisonniers, et on peu sans exagération compter, un jour dans l'autre jusqu'à 300 hommes. J'ai beaucoup d'espérance en Dieu et dans les braves troupes... (Signé) Michel Golenichtcheff-Koutousoff.

7-го октября (1812 г.). Катенька, мой другъ, и съ маленькой Катенькой, здравствуйте. Богъ далъ намъ побѣду, которую тебѣ описалъ Кудашевъ. Мужъ твой ограбилъ всю французскую армію... Это же самое письмо пошли къ Лизанькѣ, и съ реляціями. Боже васъ благослови. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

Ma chère Лизанька. Je chasse votre courrier bien vite, car je me prépare à une bataille, qui est celle de Чернишня; c'est comme ça que vous l'avons baptisé et voilà la relation; elle est gagnée décidément, mais les approches des camps son pénibles, et je crains de rendre votre homme témoin d'un mauvais succès...²⁾ Вѣрный другъ Михайло Г. К.

(Около 20-го октября). Ne pouvant pas envoyer mon courrier en Crimée à cause de la peste, j'envoie un feldjéguer, pour vous faire

¹⁾ (Переводъ). 4-го октября. На дорогѣ между Москвою и Калугою. Лизанька, моя дорогая дочь, да сохранитъ тебя Господь. Я уже давно послать къ тебѣ курьера, но онъ не могъ къ тебѣ доѣхать по случаю предполагаемой чумы. Я писалъ къ тебѣ третьяго дня черезъ Кіевъ на имя генерала Макса. Я часто получаю письма изъ Петербурга, въ которыхъ мнѣ пишутъ, что Катенька здорова. Она даже сама мнѣ писала. Что касается меня, то я здоровъ и мы находимся противъ Наполеона. Вотъ уже нѣсколько дней, что у насъ нѣтъ серьезныхъ битвъ; но всякій день мы беремъ много плѣнныхъ, и безъ преувеличенія можно насчитать ежедневно до 300 человекъ. Я много надѣюсь на Бога и на храбрый войска. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

²⁾ (Переводъ). Дорогая моя Лизанька.... Отпускаю твоего курьера, какъ можно скорѣе, потому что готовлюсь дать сраженіе подъ Чернишней. Мы такъ его окрестили, и вотъ и реляція; оно непременно будетъ выиграно, но апроши лагерные чрезвычайно трудны и я боюсь, чтобы вашъ покорный слуга не былъ свидѣтелемъ дурнаго успѣха.

parvenir ma lettre. Et je vous dirai que Napoléon fatigué des grands et petits combats, et sans moyens de vivre, a quitté Moscou, et court par les chemins de Smolensk. Je suis déjà près de Wiasma: on le harcèle autant qu'on peu. Il a déjà perdu 72 canons et je ne sais pas s'il s'arrêtera à Smolensk. Je pourrais être fier étant le premier général devant qui l'orgueilleux Napoléon fuit; mais Dieu abaisse les orgueilleux; ainsi je me garderai de ce péché. Embrassez etc.¹⁾

29-го октября, городъ Елма. Милая Лизанька, и съ дѣтьми, здравствуй. J'ai beaucoup fatigué mes yeux, que je n'en peux plus; (дальше рукою кн. Кудашева) ainsi je veux employer la main de Koudacheff. N'allez pas croire cependant que j'ai des maux d'yeux, non; mais tant d'événements agréables, qui me sont encore arrivés hier, m'ont forcé à beaucoup lire et écrire. Voila Bonaparte ce conquérant orgueilleux, ce moderne Achille, léau du genre humain, ou plutôt fléau de Dieu, qui fuit devant moi plus de trois cents verstes comme un écolier devant son maître d'école. L'ennemi perd un monde infini, ses soldats, ses officiers, même les généraux à ce qu'on m'a dit hier, sont réduits à manger de la chair du cheval mort. Quelques uns de mes généraux m'ont assuré d'avoir vu deux malheureux qui grillaient sur un feu les membres de leur troisieme camarade. Cela fait frémir l'humanité. Est-ce donc ma pauvre destinée de faire manger du cheval à l'armée du Visir et à voir réduit au meme régime Napoléon et son armée; ce cas cependant quand on rentre en soi-même et qu'on met de côté le général, et l'homme d'état, et que l'homme seul reste, me fait frémir. J'ai quelquefois pleuré sur le sort des turcs; mais j'avoue que je n'ai pas une larme pour les français. Je vous dirai, ma cherè fille, en abregé: depuis ma victoire du 6 jusqu'à hier au soir l'ennemi a perdu plus de 160 pièces de canon, excepté ceux qu'il a été obligé d'abandonner à Moscou, et un monde infini. Depuis quelques jours tous les prisonniers qui tombent entre nos mains demandent avec instance à entrer à notre service. Hier encore 14 officiers à la garde italienne ont demandé la même faveur en cri-

¹⁾ (Переводъ). Такъ какъ я не могъ послать курьера въ Крымъ, по причинѣ чумы, то посылаю фельдъегеря, который доставить тебѣ мое письмо. Слажу тебѣ, что Наполеонъ, утомленный большими и маленькими сраженіями и лишенный жизненныхъ припасовъ, оставилъ Москву и бѣжалъ по дорогѣ къ Смоленску. Я уже около Вязьмы. Его томятъ непрерывными стычками, гдѣ только могутъ. Онъ уже потерялъ 72 пушки, и я не знаю, остановится-ли онъ въ Смоленскѣ. Я бы могъ гордиться тѣмъ, что я первый генералъ, передъ которымъ надменный Наполеонъ бѣжалъ; но Богъ караетъ гордыхъ, а потому я буду беречься этого грѣха. Обнимаю тебя и пр.

ant que le seul et unique honneur a présent est de porter l'uniforme russe. Hier encore Platoff leur a tué beaucoup de monde et leur a pris au delà de 3,000 hommes. Entre autres le Gé: Sançoïo, chef d'état major de Berthier; et le vice roi n'a échappé que parce qu'il était mal vêtu.¹⁾ Вѣрный другъ Михайло Г. Куту.

10-го ноября. (1812 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. (Далѣ рукою кн. Кудашева.) Voilà la soiree arrivée, ma chère amie, que je n'ai pas pu encore trouver un moment pour vous écrire; et à la lumière cela m'est très pénible; voilà pourquoi j'emploie la main de Koudacheff. Dieu que de bénédictions jusqu'à présent — Viasma, Smolensk, Vitebsk, Orcha, je crois même jusqu'à Mohileff, sont délivrés. L'ennemi fuit à toutes jambes. Le 5 et le 6 nous avons eu des victoires brillantes. Le 5 Bonaparte était en personne; ces journées nous ont valu plus de 20 milles prisonniers sur l'ennemi et de canons le dirai-je plus de 200; ceci est vrai comme je vous aime; plusieurs superbes drapeaux avec des aigles; et dans l'espace de cinq ou six jours huit généraux; un belle partie des équipages de l'Empereur; des cochers, des palefreniers avec sa livrée. Les malédictions contre cet homme si grand, maintenant si petit, qui lui viennent de son armée sont terribles; on m'assure même, qu'en le maudissant, on bénit mon nom, pour avoir su mettre à la raison ce monstre. Ceci m'a été dit

¹⁾ (Переводъ) Пишу тебѣ рукою Кудашева, потому что глаза мои очень утомлены; не думай, что они у меня болятъ; нѣтъ, они только устали отъ чтенія и письма по случаю вновь одержанныхъ побѣдъ. Вотъ Бонапартъ,—этотъ гордый завоеватель, этотъ модный Ахиллесъ, бичъ рода человѣческаго, или скорѣе, бичъ Божій,—бѣжить передо мной болѣе трехсотъ верстъ, какъ дитя, преслѣдуемое школьнымъ учителемъ. Непрiятель теряетъ пропасть людей; говорятъ, что солдаты, офицеры, даже генералы, вѣдаютъ лошадиную падаю. Нѣкоторые мои генералы увѣрили, что они видѣли двухъ несчастныхъ, жарившихъ на огоньѣ части тѣла третьяго ихъ товарища. При такихъ зрѣлищахъ человѣкъ, отбросивъ въ сторону генеральство и государственное свое сановничество, по неволѣ содрогнется. Неужели это мое несчастное назначеніе, чтобы заставляя визиря пытаться лошадинымъ мясомъ, а Наполеона еще болѣе гадкими веществами? Я часто плакалъ изъ-за Турокъ, но, признаюсь, изъ-за Французовъ не проливалъ ни одной слезы. Скажу тебѣ, милая дочь, коротко, что со дня побѣды, 6-го числа, по вчерашній вечеръ, непрiятель потерялъ множество людей и 160 пушекъ, кромѣ оставленныхъ имъ въ Москвѣ. Съ нѣкотораго времени плѣнные настоятельно просятся къ намъ на службу, и вчера еще 14 человѣкъ офицеровъ итальянской гвардіи съ крикомъ умоляли о принятіи ихъ, увѣряя при томъ, что теперь единственное счастье и павелычайшая честь носить русскій мундиръ. Вчерашняго числа Платовъ истребилъ опять множество людей и, кромѣ того, взялъ въ плѣнъ болѣе 3000 человѣкъ, а между ними и начальника штаба Бертъе, генерала Сансоïо; вице-король же ускакалъ только потому, что очень дурно былъ одѣтъ...

exactement à table par mes généraux et j'en prends à témoin Koudacheff; autrement cela serait une fanfaronade. Il y a certainement de beaux moments pour moi, mais je ne suis pas gai, comme à l'ordinaire; mais je vous avoue que je suis attendri du bonheur qui m'accompagne; on ne saurait être gai quand on est ému. Il m'est arrivé ces jours passés de rêver beaucoup de Bonaparte et voilà ce qui m'a passé par la tête sur sa fortune et la mienne. Je joins ici ce petit rêve. (Далѣе рукою Кутузова.) J'ai toujours de bonnes nouvelles de Catinca, et aujourd'hui je lui écris. Embrassez bien Хитровъ¹⁾. Боже тебя благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Г. Кутузовъ.

(Рукою кн. Кудашева). Ne m'en voulez pas, mes chères et bonnes amies, si vous n'avez pas aussi souvent des nouvelles de papa, que vous l'auriez désiré; la raison que je vais vous donner aura l'air d'une fanfaronade; j'en suis au désespoir car c'est tout ce que papa déteste, mais il n'en est pas moins vrai qu'à force de courir et de battre l'ennemi, nous n'avons que le temps de marquer les ordres. Très souvent les yeux se ferment involontairement; les fatigues ici font vieux. Encore dix jours d'un train comme nous avons été jusqu'à présent et Bonaparte n'aura plus de jambes pour courir. Je vous félicite d'avance sur le jour de nom de Катиньва; papa vient de lui écrire, et je lui

¹⁾ (Переводъ). Насталъ уже вечеръ, мой милый другъ, а я не нашель свободной минуты, чтобы тебѣ писать; при свѣчахъ же мнѣ писать весьма трудно, а потому я для этого употребляю руку Кудашева.

О Боже, сколько по сію пору благословеній! Вязьма, Смоленскъ, Витебскъ, Орша, можно даже сказать, и Могилевъ, все освобождено. Непріятель удраетъ со всѣхъ ногъ. 5-го и 6-го числа мы одержали двѣ блистательныя побѣды. 5-го Наполеонъ лично присутствовалъ. Эти два дня намъ дали болѣе 20,000 плѣнныхъ и, совѣстно сказать, болѣе 200 пушекъ; и все это также правда, какъ я тебя люблю. Нѣсколько великолѣпныхъ знаменъ съ орлами, въ продолженіе пяти или шести дней восемь генераловъ; множество императорскихъ экипажей, кучеровъ и конюховъ въ императорскихъ ливреяхъ. Проклятія арміи надъ этимъ, когда-то столь великимъ, теперь столь ничтожнымъ человѣкомъ ужасны! Увѣряютъ даже, что, проклиная его, непріятель благословляетъ меня, сужившаго образумить подобное чудовище. Это мнѣ было подробно передано за столомъ моими генералами, а Кудашевъ былъ тому свидѣтелемъ; иначе оно было бы похоже на самохвалство. Правда, что для меня бываютъ прекрасныя минуты, но при всемъ томъ мени рѣдко видать, по прежнему, веселымъ, хотя я и умилюсь сопровождающимъ меня счастьемъ. Трудно, будучи чувствительнымъ, радоваться. Случилось мнѣ нѣсколько дней тому назадъ видѣть во снѣ Бонапарта, и вотъ что мнѣ пришло въ голову на счетъ его и моего счастья. Прилагаю здѣсь это маленькое сновидѣніе.*)

*) Въ бумагахъ, намъ переданныхъ, нѣтъ описанія сна.

enverrai un petit cadeau. Tachez, mes chères amies, de quitter plus vite la Crimée, venez nous rejoindre avec ma petite famille et nous irrons tous à Paris. On peut-être sûr de tout quand on a à la tête un chef de génie. Que je suis heureux de lui appartenir!

Au revoir, je vous embrasse mille fois, mes charmantes amies, aimez un peu un frère, qui vous adore toute sa vie.¹⁾ N. Pr. Koudacheff.

16-го декабря. Вильна. (1812 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми. здравствуй. Il y a bien longtemps, ma chère enfant, que je ne vous ai pas écrit. Ce dernier temps, en nous approchant de Vilna les derniers jours étaient si actifs, que je ne pouvais pas même écrire à la cour, car l'histoire tirant à la fin. Me voila enfin à Vilna, dans la même chambre, avec les mêmes meubles, avec les mêmes domestiques, qui sont venus me recevoir; n'est ce pas frappant? aussi je n'ai pas pu longtemps m'endormir. L'ennemi a nettoyé les frontières partout. Il faut remarquer, que Charles XII est entré en Russie avec 40,000 hommes et il en a ramené 8,000. Napoléon entré avec 480,000, ramène environ 20,000 et nous laisse 150,000 au moins prisonniers, 850 canons. Vous savez, je crois, que je suis Prince de Smolensk et le 12 Décembre l'Empereur m'a gratifié du Grand Cordon de St. George. Il est très gracieux pour moi. Avec le Grand-Duc jusqu'à présent nous sommes le mieux du monde. A présent je voudrais vous voir hors de cette Crimée. Je m'imagine toutes les privations que vous supportez, et comme vous devez vous ennuyer.... Quand pourrai-je oubliant le carnage, aller vous re rejoindre en passant par Réval. Je vous embrasse de tout mon cœur ainsi que Хитровъ. ²⁾ Боже тебя благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Г. Ку.

¹⁾ (Переводъ). Не гнѣвайтесь, милые, добрые друзья, что вы отъ папеньки не такъ часто получаете письма, какъ бы вы желали. Причына тому покажется вамъ хвастовствомъ, которымъ папенька такъ гнушается; но тѣмъ не менѣе ова заключается въ томъ, что мы такъ усердно пресѣдуемъ и поражаемъ непріятеля, что едва успѣваемъ подписывать отдаваемые приказы. Очень часто глаза невольно смыкаются; отъ здѣшнихъ трудовъ и утомленій человѣкъ старѣеть. Еще десятковъ такихъ дней, какъ послѣдніе, и у Бонапарта ногъ не хватить бѣжать. Покидайте, милныя друзья, скорѣе Крымъ и пріѣзжайте къ намъ съ маленькимъ моимъ семействомъ; мы всѣ вмѣстѣ отправимся въ Парижъ. Все можетъ случиться, когда имѣешь предводителемъ генія, которому принадлежать мнѣ счастьемъ суждено.... Кн. Ник. Кудашевъ.

²⁾ (Переводъ). Давно не писалъ я тебѣ, мое дорогое дитя. Эти послѣдніе дни, при приближеніи къ Вильнѣ, были такъ дѣятельны, что я не имѣлъ времени писать ко двору, потому что все подвигалось къ концу. Вотъ я опять

25-го декабря Вильна. (1812 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, и съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, здравствуйте. Voilà Koudacheff général, et il va voir sa femme. Comme il est heureux! Nous sommes un peu plus tranquilles, c'est-à-dire nous sommes plus paresseux; il n'y a plus d'ennemis dans nos frontières; mais plus une âme. Les pauvres restes des français gelés ont fuit bien loin de moi. J'ai reçu à l'instant votre lettre du 27 Novembre; vous me donnez trop de louanges et vous pourriez me gêner. Hier j'ai écrit une lettre pour Дашенька à Réval. Je lui ai dit tant de choses, qui m'ont fait pleurer. Aujourd'hui nous quittons Vilna, pour entrer dans le Duché de Varsovie. Il y a longtemps que beaucoup de nos corps y sont entrés. Catinka m'écrit très souvent. La malheureuse peste est-elle finie? Avant hier vingt-mille Prussiens se sont séparés des Français. Je remercie, Николай Ѳедоровичъ, pour toutes les jolies choses qu'il me dit dans sa lettre à Koudacheff.¹⁾ Боже тебя благослови. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

1813 г.

10-го января, въ Пруссіи, мѣстечко Лисса.

Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. Me voilà en Prusse, ma chère enfant. Quand nous nous sommes quittés à Pétersbourg, certainement je n'espérais pas voir ce pays si tôt. Voilà un courrier, qui

въ Вильнѣ: въ той же самой комнатѣ, таже мебель, таже прислуга пришла меня встрѣтить. Не странно-ли это? Правда, что я долго не могъ заснуть. Непріятель очистилъ всѣ границы. Надобно замѣтить, что Карль XII вошелъ въ Россію съ 40,000 войска, а вышелъ съ 8,000. Наполеонъ же прибылъ сюда съ 480,000, а убѣжалъ съ 20 т. и оставилъ намъ, по крайней мѣрѣ, 150 т. плѣнныхъ и 850 пушекъ. Ты, я думаю, знаешь, что я названъ княземъ Смоленскимъ, а 12-го декабря государь пожаловалъ мнѣ Георгія 1-я степени. Онъ очень со мною любезенъ; съ великимъ княземъ же я въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Теперь желательво бы было, чтобы ты оставила Крымъ. Воображаю всѣ лишенія, которыя ты переносишь, и какъ тебѣ должно быть скучно. Когда это будетъ, что, забывъ кровопролитіе, я пройду черезъ Ревель и соединюсь съ тобою? Цѣлую тебя отъ всего сердца....

¹⁾ (Переводъ). Вотъ нашъ Кудашевъ и генераль и скоро увидится съ женою. Какой счастливецъ! Мы вѣскольکو поутихли, то есть, поизмѣнилась. Въ нашихъ границахъ уже нѣтъ ни одной непріятельской души. Несчастные остатки замороженныхъ Французовъ бѣжали вдали отъ меня. Сейчасъ получаю твое письмо отъ 27-го ноября, къ которомъ ты слишкомъ меня восхваляешь; это можетъ меня испортить. Вчера я писалъ Дашенькѣ въ Ревель, и столько ей наговорилъ, что самъ расплакался. Сегодня мы оставляемъ Вильну и отправляемся въ герцогство Варшавское, куда уже вступили нѣскольکو нашихъ корпусовъ. Катенька часто мнѣ пишетъ. Прекратилась-ли несносная чума? Вчера 20,000 Пруссаковъ отдѣлились отъ Французовъ.

part, mais il m'a pris en dépourvu; il doit partir à l'instant, et je ne peux pas vous écrire beaucoup. Voilà quelque temps que l'Empereur est avec nous, et nous sommes parfaitement bien. Il m'a consolé en m'assurant que la peste avait cessé en Crimée. Ces jours passés j'étais malade de mes coliques, mais c'est passé. Nous sommes reçus par les Prussiens comme des frères. Il y a 20,000 milles, qui se sont joints à nous. On ne veut connaître qu'Alexandre; on serait capable d'oublier le roi. Il monte tous les jours à cheval, et il faut voir comme les Prussiens courent après lui. Notre Catinka se porte bien; c'est aujourd'hui, que j'ai reçu une lettre.¹⁾ Боже тебя благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

Перваго февраля. Плоцкъ на Вислѣ. 1813 г. Лизанька, мой другъ, здравствуй. Ma chère enfant, j'ai reçu votre lettre avant hier. Je suis bien aise de vous savoir au moins à Sébastopol, où la peste n'a pas pénétré; j'en suis persuadé, car l'Empereur me l'a assuré aujourd'hui encore..... Vous m'avez recommandé de ne pas manger beaucoup d'huitres à la fois; je n'en n'ai pas d'indigestion, car je n'ai pas vu une seule. Il y a quatre jours que Varsovie est occupée par le général Miloradovitch. Nos troupes ont été désirés par les habitants. Les élégantes de Varsovie font des phrases charmantes, comme par exemple: „Messieurs, vous vous conduisez comme des anges, mais vous avez la prétention de vous faire admirer.“ Une autre dit: „Jugez comme nous sommes malheureuses, vous nous forcez à vous chérir et à détester les français.“ Une autre dit: „Que ne suis-je russe, j'aurai partagé votre gloire.“ Mais Bonaparte a dit en passant par Varsovie à Potozky, ministre polonais: „Le 6 Octobre j'étais encore souverain du monde et je ne le suis plus; voyez comme la distance est petite entre le sublime et le ridicule“.... Opotchinin est décoré de St. Anna première classe. J'envoie un exprès à Koudacheff avec cette lettre. Catinka m'a écrit tout récemment et je remercie sa grand-maman pour

¹⁾ (Переводъ). Вотъ, мое дитя, я и въ Пруссiи. Когда мы разставались въ Петербургѣ, я, конечно, не надѣялся такъ скоро увидѣть эту страну. Бѣдѣ курьеръ, но такъ неожиданно, что я не успѣю тебѣ много писать. Съ нѣкотораго времени государь съ нами и очень ко мнѣ милостивъ. Онъ меня очень успокоилъ, увѣряя, что чума въ Крыму прекратилась. На прошедшихъ дняхъ я былъ боленъ коликами, но теперь уже прошло. Мы приняты Пруссаками какъ братья. Къ намъ ихъ присоединилось 20,000. Только и хотятъ знать Александра и, кажется, готовы забыть своего короля. Государь всякій день развѣзжаетъ верхомъ и надо видѣть, какъ Пруссаки за нимъ бѣгаютъ. Наша Катенька здорова, я сегодня получилъ письмо.

elle. Persuadez à votre époux que s'il a de l'amitié pour moi, il n'aime pas un ingrat. Embrassez le de tout mon cœur.!) Боже тебѣ благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Михайло Г. К.

Отъ Платова письмо къ наказному атаману, а другое, къ нему же, здѣсь прилагаю, и къ Портнягину.

27, 28 и 29-го февраля. Калишъ. (1813 г.). Лизанька, мой другъ, и съ дѣтьми, здравствуй. L'Empereur m'a surpris agréablement, il y a deux jours, en me disant qu'il avait envoyé un chiffre à Catinca. Je ne lui ai jamais parlé, mais on savait au quartier général que j'aimais cet enfant. Ça était à l'occasion du traité que j'avais conclu avec la Prusse, qui nous donne 100,000 hommes. Катенька est la proie de cette acquisition. Depuis quelques jours on s'informait de l'âge de Catinca, si effectivement je l'aimais beaucoup etc. etc. Je ne sais pas si cela lui fera plaisir; elle est assez indifférente pour ces choses là. Nous nous sommes arrêtés ici pour quelque temps. Il faut reprendre haleine, en attendant nos détachements sont en Saxe et à Hambourg. Ainsi nos armées pendant une partie de l'hiver se sont portées du bord de l'Oka au bord de l'Elbe. Le roi de Saxe a quitté sa capitale et ne sait pas où il ira; tout le peuple de l'Allemagne est pour nous; même les Saxons et les Souverains de l'Allemagne n'ont plus la force d'arrêter cette réaction; il ne leur reste que de la suivre. Entre autre la conduite angélique de nos troupes est ce qui donne cet enthousiasme pour nous. Quelle moralité dans les soldats, quelle conduite des généraux. En parlant de ça le bon Miloradovitch me dit: Jusqu'à Milora-

1) (Переводъ). Третьяго дня я получилъ твое письмо, дорогое мое дитя. Я очень доволенъ, зная, что ты въ Севастополѣ, гдѣ, какъ я надѣюсь, нѣтъ чумы; по крайней мѣрѣ, государь меня въ этомъ сегодня увѣрилъ. Ты меня просила не кушать много устрицъ. Разстройства желудка у меня отъ нихъ не было, потому что я ни одной не выдалъ. Вотъ уже четвертый день, что Варшава завята генераломъ Милорадовичемъ. Жители желали имѣть наши войска. Варшавскія щеголихи премило витѣствуютъ; какъ напримѣръ: «Господа, вы ведете себя какъ ангелы, но желаете, чтобы вами любовались». Другая говорить: «Посудите, какъ мы несчастны; вы насъ принуждаете васъ любить и презирать Французовъ». Еще другая говорить: «Отчего я не русская, я бы раздѣляла вашу славу». Бонапартъ, проѣзжая черезъ Варшаву, сказалъ польскому министру Потоцкому: «6-го октября я былъ еще властелиномъ свѣта, а сегодня уже нѣтъ. Какъ мало разстояніе между величественнымъ и смѣшнымъ!» Боже мой, когда я буду съ вами! Опочиницъ получилъ Анну 1-й степени. Я посылаю съ этимъ письмомъ нарочнаго къ Кудашеву. Катенька мнѣ недавно писала, и я благодарю бабушку за нее. Увѣрь твоего мужа, что ежели онъ пытается ко мнѣ дружбу, то не найдетъ во мнѣ неблагодарнаго. Поцѣлуй его отъ всего моего сердца.

dovitch qui est devenu modeste. Nous avons ici au quartier-général Sophie Saldan, qui est venue à l'insu de son mari; aussi il n'en est pas du tout enchanté; elle reste au quartier-général et le mari à l'escadron. La femme du Prince Volhonsky enfin, Sénéide Volhonsky dont les manières me plaisent beaucoup. Je vous crois déjà avec Cathérine et c'est là que j'adresse ma lettre, et les 3,000 d. Vous partez pour le Caucase; mais quand nous reverrons nous? Sachez aussi que j'ai vieilli beaucoup dans le courant de cet hiver. J'ai perdu de ma graisse, et un mouvement trop fort me fatigue beaucoup. L'Empereur est allé faire un petit voyage à Breslau où il a été reçu comme un ange gardien. Il sera de retour aujourd'hui. Je vous envoie mon portrait gravé à Berlin, par imagination et d'après les récits faits de ma personne. En Bohême il y en a en couleur et à deux sous la pièce. Aujourd'hui le Prince de Galles et quelques Seigneurs du Parlement m'en demandent aussi. Celui qui a été fait pour l'Empereur à Breslau était si frappant que ça lui a arraché une larme. Ça m'a voulu un compliment bien doux de sa part.¹⁾ Николаю Федор. кланяйся; мнѣ, къ моему покоюству, не достаеъ его здоровья. Боже тебѣ благослови и дѣтей. Вѣрный другъ Г. К.

Сообщ. Графиня Е. О. Тизенгаузенъ.

¹⁾ (Переводъ). Два дня тому вазадъ государь сдѣлалъ мнѣ пріятный сюрпризъ, объявивъ, что послалъ шифръ Катенькѣ; ему я никогда не говорилъ, какъ я люблю этого ребенка, но въ главной квартирѣ это знали. Это было по случаю трактата, заключеннаго мною съ Пруссіей, которая даетъ намъ 100,000 войска; Катенька—добыча этого приобрѣтенія. За нѣсколько дней узнавали, сколько ей лѣтъ и дѣйствительно-ли я ее такъ много люблю. Не знаю, доставить-ли ей это удовольствие; она довольно равнодушна къ подобнымъ вещамъ. Мы остановились здѣсь на нѣкоторое время. Надо вздохнуть, пока наши отряды въ Саксоніи и Гамбургѣ. И такъ, наши войска въ теченіе этой зимы перевесились съ береговъ Оки къ берегамъ Эльбы. Саксонскій король повинулъ свою столицу и не знаетъ, куда отправиться. Всѣ нѣмецкіе народы за насъ. Даже Саксонцы и владѣтельные князья Германіи не въ силахъ остановить этой реакціи и имъ остается только слѣдовать ей. Между прочимъ, пріимѣрное поведеніе нашей арміи есть главная причина этого энтузіазма. Какое благопріятіе солдатъ! Какъ держутъ себя наши генералы! Милорадовичъ, разговаривая со мною объ этомъ, сказалъ: «даже Милорадовичъ сдѣлался скромнѣе». У насъ въ главной квартирѣ находится Софи Солданъ, которая пріѣхала сюда безъ вѣдома мужа, чему онъ весьма не радъ; она остается въ главной квартирѣ, а онъ—въ эскадронѣ. Наконецъ жена князя Волконскаго, Зенанда Волконская, которой обращеніе мнѣ очень нравится. Ты уѣдъжаешь на Кавказъ; но когда же мы увидимся? Знай, что я очень состарился въ теченіе этой зимы. Я очень похудѣлъ и большое движеніе меня утомляетъ. Государь поѣхалъ въ Бреславль, гдѣ его приняли, какъ ангела-хранителя. Онъ сегодня вернется. Посылаю тебѣ мой портретъ, гравированный въ Берлинѣ по памяти и по рассказамъ обо мнѣ. Въ Богеміи есть и съ красками,—но двѣ копѣйки

Памятники кн. М. И. Голенищеву-Кутузову въ Силезіи.¹⁾

Въ 1871 году я возвращался изъ Карлсбада въ Россію и остановился въ Силезскомъ городѣ Бунцлау, въ которомъ проживаетъ мой родственникъ, отставной маіоръ прусской службы фонъ-деръ-Эльсницъ. Этому почтенному, обязательному ветерану, съ которымъ я видѣлся первый разъ въ жизни, я одолженъ тѣми свѣдѣніями, которыя могъ собрать въ этомъ городѣ о памятникахъ Кутузову. Маіоръ отправился со мною въ находящійся въ 1½ часа ѣзды отъ города Лѣсокъ, гдѣ обратилъ мое вниманіе на небольшой памятникъ князю Смоленскому, съ надписью на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Здѣсь Кутузовъ-Смоленскій перешелъ изъ этой жизни въ лучшій міръ 16 (28) апрѣля 1813 года“. Изъ русской надписи явствовало, что памятникъ поставленъ русскими, но кѣмъ именно и почему въ этомъ лѣсу? Отвѣта на этотъ вопросъ я не могъ получить ни отъ кого въ городѣ. Тогда я вспомнилъ о почтенномъ моемъ Петербургскомъ знакомомъ—генералѣ Карлѣ Лукьяновичѣ Монтрезорѣ, который нѣкогда былъ адъютантомъ князя Кутузова, и однимъ изъ приближенныхъ фельдмаршала. К. Л. Монтрезоръ, вмѣстѣ съ другими адъютантами, препровождалъ въ Россію изъ чужой земли бранные останки—сердце и набальзамированное тѣло покойнаго Михаила Илларионовича князя Кутузова-Смоленскаго.

Собственно для него заказалъ я въ Бунцлау три фотографіи: 1) дома, въ которомъ умеръ Кутузовъ; 2) монумента, воздвигнутаго Прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, и 3) памятника, находящагося въ лѣсу, забытаго и, повидимому, немногимъ извѣстнаго въ Россіи.

Когда эти фотографіи были мнѣ присланы въ Петербургъ и я показалъ ихъ нѣкоторымъ знакомымъ, то меня попросили передать ихъ въ журналъ „Русская Старина“, и если возможно, съ нѣсколькими строками описанія. Не могу умолчать о впечатлѣніи, которое рисунки

за экземпляръ. Сегодня французскій принцъ и многіе члены парламента мѣня о немъ просятъ. Тотъ, который для государя сдѣланъ въ Берлинѣ, такъ похожъ, что когда онъ его получилъ, то прослезился. За него получилъ я чувствительную любезность отъ государя.

¹⁾ Рисунки: дома, въ которомъ скончался кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій въ 1813 г., и памятника ему на площади въ городѣ Бунцлау, гравированные съ фотографій, весьма обязательно сообщенныхъ вице-адмираломъ Ф. Д. Нордманомъ, помѣщены въ «Русской Старинѣ» (см. май 1872 г., т. V). Здѣсь помѣщаемъ описаніе этихъ памятниковъ, составленное и сообщенное намъ Ф. Д. Нордманомъ.

Ред.

произвели на К. Л. Монтрезора, когда я вручил ихъ этому маститому воину. Онъ тотчасъ же узналъ домъ, въ которомъ лежалъ Кутузовъ на смертномъ одрѣ; указалъ на тѣ двери, у которыхъ стояли часовые; на комнату, въ которой фельдмаршалъ скончался. Кому тогда принадлежалъ этотъ домъ, за давностию шестидесяти лѣтъ, К. Л. Монтрезоръ вспомнить не могъ; но онъ разсказалъ мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ Кутузовъ простудился; припоминалъ свое славное былое и то довѣріе, которымъ осчастливилъ его фельдмаршалъ.¹⁾ Смотри на рисунокъ, онъ вспомнилъ о тѣхъ безпокойствахъ и опасеніяхъ, которыя болѣзнь фельдмаршала внушала всѣмъ его приближеннымъ, искренно ему преданнымъ. Разсматривая второй рисунокъ, изображающій площадь въ Бунцлау, на которой королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III воздвигнуть чугунный монументъ Кутузову, К. Л. Монтрезоръ замѣтилъ, что видитъ его въ первый разъ.

Взглянувъ на рисунокъ памятника въ лѣсу, сподвижникъ князи Смоленскаго былъ глубоко тронутъ, обнялъ и поцѣловалъ меня за то, что я воскресилъ въ его памяти его молодость, а вмѣстѣ съ нею грустные дни утраты обожаемаго начальника.

„Да“, сказалъ онъ, „я узнаю этотъ надгробный памятникъ; рисунокъ его былъ составленъ при насъ. Подъ нимъ, въ маленькомъ свинцовомъ гробу, похоронены оставшіяся послѣ бальзамированія внутренности тѣла фельдмаршала. Мы, его приближенные и адъютанты, которыхъ помню по имени: Кожуховъ, Панкратьевъ, Златницкій, Дишкванецъ, докторъ Малаховъ, Скобелевъ, Яфимовичъ, Липранди и друг., распорядились этимъ погребеніемъ, гдѣ-то вдалекѣ, но какъ этотъ памятникъ попалъ въ лѣсъ,—не понимаю!“

Еще разъ всмотрѣвшись въ рисунокъ, онъ припомнилъ, что, кажется, никто изъ насъ въ Россіи о немъ не писалъ.²⁾ Одна изъ внучекъ кн. Кутузова, нарочно посѣтившая Бунцлау, чтобы поклониться мѣсту кончины ея знаменитаго дѣда, говорила мнѣ, что и ей этотъ памятникъ не былъ тамъ показанъ.

Исполняя желаніе моихъ знакомыхъ, я вошелъ въ переписку съ нѣкоторыми лицами, живущими въ Бунцлау, и изъ всего того, что я прочелъ, слышалъ, видѣлъ и узналъ въ Петербургѣ, составилъ предлагаемую замѣтку о памятникахъ кн. Кутузову въ Силезіи.

Проходящему по маленькой площадкѣ, для стариннаго Бунцлау

¹⁾ Приказаніе сдать Москву было передано Монтрезоромъ генералъ-губернатору графу Ростопчину.

²⁾ О памятникѣ, сооруженномъ прусскимъ королемъ въ Бунцлау, была напечатана статья г. Аполлона Нестерова въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., № 4. Ред.

обширной, бросается въ глаза чугунный обелискъ, воздвигнутый въ 1819 году Прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III нашему фельдмаршалу князю Кутузову.¹⁾ Русская надпись, совершенно сохранившаяся и позолоченная, привлекаетъ вниманіе соотечественниковъ незабвеннаго героя. Этотъ монументъ, слѣдъ могучей Россіи, когда она не по желѣзнымъ дорогамъ, но, чуть не изъ глубины Сибири двинула свои дружины на помощь Европѣ, чрезъ лѣса и болота, по снѣгамъ и въ весеннюю распутицу, преодолевая неимоверныя затрудненія, побѣдоносно преслѣдуя нарушителя мира Европы. Въ Бунцлау имя Кутузова извѣстно всѣмъ, отъ мала до велика. Всѣ съ уваженіемъ смотрятъ на памятникъ, и хотя на площади въ извѣстные дни производится торговля хлѣбомъ изъ окрестныхъ мѣстъ и наѣзжаютъ огромныя 4-хъ-конныя фуры, при всемъ томъ вокругъ всего памятника соблюдается безукоризненная чистота, доказывающая ясно, что и простой поселянинъ этого края понимаетъ высокую заслугу того, чью память прусскій король увѣковѣчилъ своею признательностью.

При описаніи памятниковъ Кутузову въ Бунцлау, во всѣхъ подробностяхъ я руководствовался присланною мнѣ книгою, сохранившеюся въ городѣ въ частной библиотекѣ: „V. schreibung des Fürsten Kutusoff Leben und Thaten, nebst dem was zu Seinem Andenken in den Jahren 1814 und 1819“, in Bunzlau geschehen; а также книгою: „Хроника города Бунцлау“, изданною Бергманомъ въ 1829 г., и изустными разсказами генерала К. Л. Монтрезора.

Домъ, въ которомъ свѣтлѣйшій князь скончался, находится на углу Николаевской и Замковой улицъ (Nicolai und Schloss Strasse). Тогда онъ принадлежалъ майору фонъ-дерь-Марку. Нынѣ домъ этотъ—собственность г. Вебера. Замѣтно, что въ 1813 году онъ былъ лучший въ городѣ, ибо и понынѣ, сохраняя прежній видъ, отличается своею архитектурою. Въ верхнемъ этажѣ, съ лѣвой стороны, въ угловой комнатѣ обѣ одномъ окнѣ, скончался знаменитый вождь. Провидѣніе не судило кн. Кутузову дожить до торжества окончательнаго низверженія Наполеона и освобожденія Европы отъ его ига. Маститый вождь на походѣ заболѣлъ нервическою горячкою, осложненною паразитическими припадками; прибывъ изъ Гейнау въ Бунцлау отъ Государя, больной принужденъ былъ въ домѣ фонъ-дерь-Марка слечь въ постель; 6-го (18) апрѣля 1813 года кн. Кутузовъ простудился въ Гейнау.

Жители Гейнау, узнавъ, что императоръ Александръ остановился

¹⁾ Внучка кн. Кутузова, гр. Е. О. Тивенгаузентъ, обладаетъ прекрасною изъ чугуна моделью этого памятника.

въ ихъ городѣ и что Кутузовъ тамъ, рѣшились сдѣлать ему овацію. Красивѣйшія дамы и дѣвицы города, съ вѣнками и гирляндами изъ розъ, лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, ожидали выхода его изъ дома, въ которомъ онъ остановился. Когда онъ явился, чтобы отправиться въ квартиру государя, тогда красавицы окружили его, оставовили на пути и буквально засыпали его вѣнками и увѣшали гирляндами, называя своимъ спасителемъ (Erlöser). Старецъ былъ глубоко тронутъ этимъ вниманіемъ, остановился и наговорилъ имъ любезностей. Обманчивый апрѣльскій день охватилъ его холодомъ. Выходя отъ государя, князь сказалъ своему адъютанту Монтрезору:

— „Я продрогъ, достань мнѣ черезъ камердинера рюмку водки“.

8-го (20) апрѣля, уже трудно больной, онъ получилъ радостную вѣсть о сдачѣ русскимъ крѣпости Торна. Но несравненно болѣе на смертномъ одрѣ ошастливило его посѣщеніе, которымъ почтили больного фельдмаршала, 11-го (23) апрѣля, обожаемый имъ Государь Императоръ и Прусскій король.

О памятникѣ, поставленномъ Прусскимъ королемъ въ Бунцлау, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, оказывается, что „7-го (19) іюля 1819 года королевское правительство, изъ Майнца, увѣдомило магистратъ города Бунцлау, что его величество милостивѣйшій король ихъ рѣшилъ воздвигнуть монументъ доблестному князю Кутузову въ этомъ городѣ, мѣстѣ его кончины. Для этого избрано было мѣсто противъ гауптвахты. Первый камень въ основаніе положенъ былъ 5-го (17) іюля президентомъ королевскаго правленія въ Майнцѣ—Кингеромъ: „въ память 16-го (28) апрѣля 1813 года, здѣсь скончавшемуся, ранами покрытому, російско-императорскому фельдмаршалу Кутузову-Смоленскому“. Рисунокъ памятника составилъ оберъ-архитекторъ Шягкель. Фигуры львовъ моделировалъ директоръ Шадовъ. Памятникъ состоитъ изъ чугуннаго обелиска, высотой въ 38 футовъ 10 дюймовъ. Его тяжесть болѣе 600 центнеровъ. У подножія покоятся четыре льва въ натуральную величину. На памятникѣ, чрезъ огонь золоченными латинскими и русскими буквами, находятся слѣдующія надписи:

ЕМУ ПОСВЯТИЛЪ ЭТОТЪ СКРОМНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ III.

КУТУЗОВЪ РОДИЛСЯ 5-ГО СЕНТЯБРЯ 1745 ГОДА, УМЕРЪ 17-ГО АПРѢЛЯ 1813 ГОДА.

Главная надпись гласитъ слѣдующее: „До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя російскія войска; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ Отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна

память героя!" За симъ переименованы всѣ ордена, которые имѣлъ фельдмаршалъ.

Памятникъ въ лѣсу, подъ которымъ были похоронены послѣ бальзамированія внутренности фельдмаршала, представляетъ сломанную колонну, на античномъ цоколѣ. Около середины ея наброшенъ лавровый вѣнокъ. Нижнюю часть обвиваетъ змѣя—символь вѣчности. По четырремъ сторонамъ цоколя надписи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

Здѣсь Кутузовъ-Смоленскій перешелъ изъ этой жизни въ лучший міръ 16-го (28) апрѣля 1813 года.

Ограда простая, желѣзная.

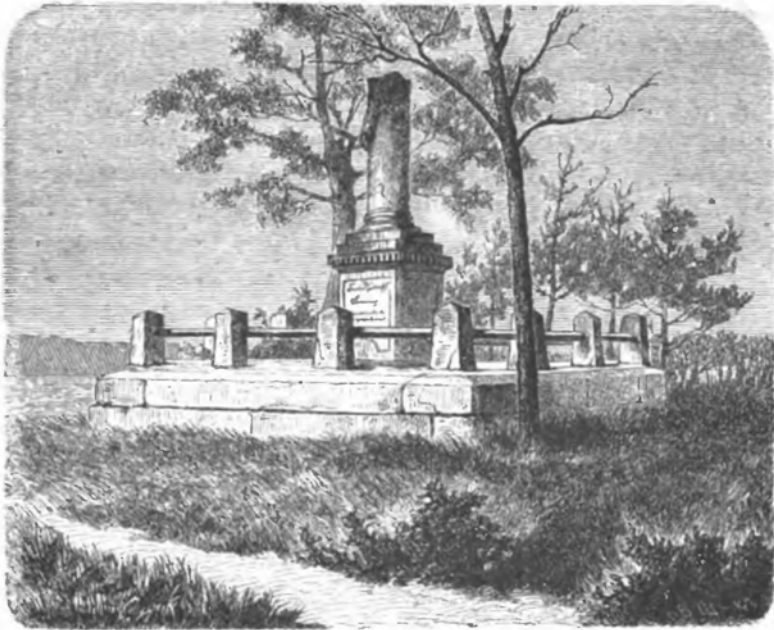
26-го апрѣля (8 мая) 1813 схоронены были внутренности фельдмаршала въ небольшомъ свинцовомъ гробѣ. Могила устроена была на холмѣ капеллы св. Анны, въ Тилендорфѣ, въ 200 шагахъ отъ большой дороги изъ Силезіи въ Саксонію, по которой прошли десятки тысячъ русскихъ войскъ. Какъ нынѣ оказывается, здѣсь было, еще въ 1813 году, прежнее Бунцлаусское кладбище, которое впоследствии упразднено; капелла св. Анны нынѣ обращена въ кузницу. Надгробный памятникъ Кутузову, несмотря на 60 лѣтъ, отлично сохранился и вокругъ его выросла роща. Хотя памятникъ еще проченъ и неумолимос время его пощадило, но все же онъ требуетъ поддержки для сохраненія памяти, драгоцѣнной для Россіи и Германіи.

Ө. Д. Нордманъ.

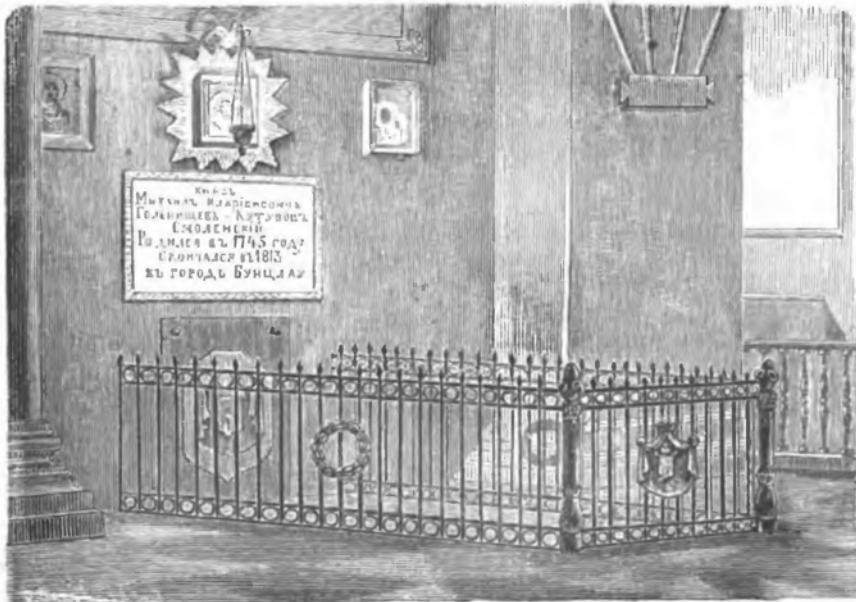
Прилагаемые рисунки изображаютъ памятники надъ останками незабвеннаго кн. М. И. Голенищенна-Кутузова-Смоленскаго.

Ред.

— — — — —

Памятникъ надъ частью останковъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго близъ Вундлау.

Могила кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

род. 1788, ум. 1854 г.

Письма къ Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

(Сообщены П. А. Ефремовымъ).

1810 г.

XXII.¹⁾

16-го января (1810 г. Москва).

Любезный Николай, я начиналъ сто разъ отвѣтъ на твои письма и ни слова написать не сумѣлъ. Что тому причина? Обстоятельства. Ты засмѣешься — но это правда....

Получишь длинное описаніе о Москвѣ, о ея жителяхъ-поэтахъ, о Парнасѣ и пр.... но теперь выслушай.

Я тебѣ писалъ о иностранной коллегіи и теперь писать стану, съ тою только разницею, что.... 1) я обдумалъ мною написанное; 2) что на опытѣ узналъ, сколько мнѣ вредна недѣятельность духа, на которую здѣсь, въ Москвѣ, имѣю болѣе причинъ жаловаться, нежели и въ самой деревнѣ.

Приступимъ:

(Я предполагаю) Тверь отъ меня близко, то есть 150 верстъ. Еслибъ я съвздилъ туда съ 1-й пѣснею „Тасса“?... Еслибъ вел. княг.²⁾ приняла ее милостиво? Еслибъ она дала мнѣ письмо къ министру ино-

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд. второе, стр. 549—554; 1871 г., т. III, стр. 208—236; 394. Примѣчанія къ письмамъ Батюшкова принадлежатъ П. А. Ефремову. Ред.

²⁾ Екатерина Павловна. Она жила тогда въ Твери съ супругомъ своимъ, княземъ Петромъ-Фридрихомъ-Георгомъ Ольденбургскимъ.

странныхъ дѣлъ,¹⁾ съ тѣмъ чтобъ меня помѣстили на первое открьвшаеся мѣсто въ иностранной коллегіи?... Какъ думаетъ?... Или хочешь, чтобъ я весь заржавѣлъ въ ничтожности или—что еще хуже того—женился въ мои лѣта и исчезъ для міра, для людей... за вафлями, за котлетами и за сахарной водой, которую женатые пьютъ отъ икоты послѣ обѣда.

Если ты, если Сем.,²⁾ тобою настроенная, отпишутъ к. Гаг.; если онъ это возьметъ на сердце, то, я думаю, что тутъ ничего мудренаго нѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ Радищеву предлагалъ въ Твери прекрасное мѣсто, отъ котораго нашъ пріятель имѣлъ глупость отказаться. Если такъ, то, отписавъ вмѣстѣ съ Сем.—и Гагарину, напиши мнѣ и я самъ съѣзжу въ Тверь. Проси его; пусть она съ жаромъ растрогаетъ его самолюбіе, и ни слова о моемъ проектѣ, а скажи, что я хочу поднести только стихи и проч.

Я знаю что:

Que la fortune nous vend ce qu'on croit qu'elle nous donne.

Но повѣрь мнѣ, что я весь не свой. Россія такъ надоѣла, домашнія обстоятельства столь докучны, — не говорю о интересѣ, ибо теперь, слава Богу, эта статья исправилась, — что я не могу остаться ни минуты спокойнымъ.

Тебѣ быть одолженнымъ моимъ счастьемъ, тебѣ, Николаю, котораго я не знаю почему, какъ и когда, люблю, какъ брата, — тебѣ, мой другъ, мнѣ пріятно, весело и благородно. Но никому другому. Подумай объ этомъ.

Впрочемъ, я увѣренъ, что ты безразсуднымъ не сочтешь желанія ограниченнаго, нисколько не романическаго. Если никогда не толкнуться у дверей фортуны, то... ты самъ это испыталъ. Увѣдомь меня немедленно о томъ, что предпринять по этому дѣлу. — Скажу тебѣ, что я отдалъ Жуковскому твое посланіе ко мнѣ съ моимъ отвѣтомъ,³⁾ кой-гдѣ оба поправивъ. Онъ тебя любитъ... ибо онъ одинъ съ толкомъ. Весь твой Константинъ.

16-го января

Ты увидишь у Оленина И. М. Муравьева⁴⁾ дочь. Какова?—а?—а?—а?

¹⁾ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

²⁾ Извѣстная актриса Екатерина Семеновна Семенова, впоследствиишедшая замужъ за князя Ивана Алексѣевича Гагарина. Онъ въ 1809 г., былъ дѣйствительнымъ камергеромъ и шталмейстеромъ двора великой княгини Екатерины Павловны. О немъ говорится въ этой же строкѣ письма.

³⁾ Оба посланія напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» (издававшемся В. А. Жуковскимъ) 1810 г., ч. 49, № 3. Въ издавіяхъ сочиненій Гнѣдича и Батюшкова они перепечатаны съ перемѣнами.

⁴⁾ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, родственникъ Батюшкова,

XXIII.

1-го февраля (1810 г. Москва).

Я писалъ къ тебѣ съ Анной Семеновою Муравьевою;¹⁾ если ты не получишь этого письма, то пошли за нимъ немедленно къ Пушкиной на Владимірскую улицу, ибо въ ономъ много вещей нужныхъ.

Теперь прибавлю слѣдующее. Если ты напишешь мнѣ, что можно привести въ дѣйство мой планъ, то я немедленно поѣду въ Тверь и адресуюсь къ в. Гагарину. У меня еще будетъ письмо отъ одной особы, которую ея высочество отличаетъ истиннымъ уваженіемъ, прямо къ великой княгинѣ. Поелику требованіе мое вовсе не важно, не затѣйливо и просто, то я думаю, мой другъ, что будетъ и успѣхъ. Какъ бы то ни было, но я въ первой, да и въ послѣдній толкнусь у дверей фортуны, ибо ты знаешь съ Лафонтеномъ:

«Que la fortune nous vend ce qu'on croit qu'elle nous donne».

Здѣсь Львовъ, который тебя очень любитъ, а это и мнѣ мило. Петинъ читалъ твое письмо и помиралъ со смѣху. Жихаревъ²⁾ (ибо это онъ тебѣ говорилъ) вретъ; Петинъ смѣялся не надъ стихами, а надъ предметомъ ихъ, который, между нами связано будъ, весь въ веснушкахъ.

Ни слова о Москвѣ; я тебѣ готовлю описаніе на дести. Карамзинъ обо-мнѣ съ похвалою относится, какъ слышу отъ многихъ; это даетъ поводъ на его знакомство. Только что ему легче, и я у него.

Батисту пришлю.

Скажи Ниловымъ, что они не знаютъ въ свѣтѣ жить: я къ нимъ писалъ, а они ни слова. Я боленъ, простуженъ, съ головной болью, — вотъ причина, по которой не пишу болѣе. Прощай.

XXIV.

9-го февраля 1810. Москва.

Я отъ тебя не получалъ давно писемъ; ни отъ тебя, ни отъ Полозова. Послѣдній даже не отвѣчалъ на нѣсколько писаній; это ему

человѣкъ высокаго ума, образованія и чести, извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ «Путешествія по Тавридѣ» и переводчикъ Аристофановой комедіи: «Облака». Первое его произведеніе, комедія: «Ошибки», и переводъ съ англійскаго комедіи Шеридана: «Школа злословія», напечатаны были въ 1794 г. Онъ умеръ 12-го марта 1851 г.; средній сынъ его Сергѣй Ивановичъ окончилъ жизнь 13-го іюля 1826 г., младшій — Ипполитъ — 9-го января 1826 г., а старшій — Матвѣй Ивановичъ — нынѣ живеть въ Москвѣ. О которой изъ 4-хъ дочерей говорить Батюшковъ, неизвѣстно.

¹⁾ Супруга Ивана Матвѣевича, рожденная Черневичъ.

²⁾ Степанъ Петровичъ, авторъ «Дневника Студента и Чиновника» и «Воспоминаній стараго театра». Въ то время онъ былъ дѣйствительно великимъ

стыдно. Я нетерпѣливо ожидаю отвѣта на послѣднія. Какъ думаешь?— Неужели ты не согласишься на мои требованія? Неужели мы не сойдемся мнѣніями? Неужели ты не войдешь въ мое положеніе, которое, по чести, забавно. Незабавно! Ахъ, еслибъ ты могъ прочесть въ моемъ сердцѣ. Такъ, я и въ Москвѣ едва-ли болѣе разсѣянъ, чѣмъ въ деревнѣ. Въ Москвѣ? Куда загляну? въ большой свѣтъ? въ свѣтъ кинжетовъ? Онъ такъ холоденъ и ничтоженъ, такъ скученъ и глупъ; такъ для меня, словомъ, противенъ, что я рѣшился нигуда ни на шагъ! И еслибъ не дружба, истинно снисходительная, Катерины Федоровны,¹⁾ которой я день ото дня болѣе обязанъ всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ, то я давно бы уѣхалъ... въ лѣса Помехонскіе опять жить съ волками и съ китайскими тѣнями воображенія, довольно мрачнаго,—съ китайскими тѣнями, которыя вѣрно забавнѣе и смѣшнѣе лучшихъ московскихъ маскарадовъ.

Но что будетъ со мною впередъ, если твое снисходительное, чувствительное дружество не протянетъ мнѣ руки, чтобы вывести изъ этихъ потемокъ? Но вотъ еще опасность (ты вѣрно улыбнешься, и смѣйся, если хочешь): ну, если я влюблюсь отъ нечего дѣлать?... Отвѣчай скорѣе. Да какова парижская красавица? у меня такъ голова вертится.

Ба! да я видѣлъ Бороздина, былъ у него, отвелъ душу. Онъ такъ милъ, что ужасъ. Львовъ тебя любитъ и хвалитъ, какъ солнце. Это мнѣ мило. Въ „Вѣстникѣ“ я напечаталъ твое и мое посланіе.²⁾ Съ Жуковскимъ я на хорошей ногѣ, онъ меня любитъ, и стоитъ того, чтобъ я его любилъ, а прочіе, а маленькая тѣнь?³⁾ Нѣтъ, они меня хотятъ съѣсть. О, головы! О, ослы! О, невѣжды! Кромѣ Каченовскаго,⁴⁾ разумѣется, который ихъ умомъ всѣхъ обработалъ, да и свой на время спряталъ въ карманъ. Дмитріевъ и

театраломъ и несчастнымъ авторомъ двухъ плохихъ трагедій, изъ которыхъ одна (Атрей) была даже поставлена на сцену, но выдержала только одно представленіе.

¹⁾ Муравьевой, вдовы Михаила Никитича.

²⁾ «Вѣстникъ Европы» 1810, № 3.

³⁾ Маленькой тѣнью въ «Видѣніи на берегахъ Леты» названъ Мерзляковъ. Замѣтимъ вкратчѣ, что въ позднѣйшей редакціи этого стихотворенія, напечатанной въ № 20 «Библиографическихъ Записокъ» 1861 г., согласно пишущейся у насъ рукописи поэта, слѣдуетъ исправить примѣчаніе о Мерзляковѣ такъ: «Мерзляковъ продолжаетъ, какъ видно, Душеньку. Амуръ въ стихахъ его на 40 страницахъ плачетъ».

⁴⁾ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, профессоръ исторіи въ Московскомъ университетѣ, въ 1810 г. былъ соредакторомъ Жуковскаго по изданію «Вѣстанка Европы».

Карамзинъ обо мнѣ хорошо отзываются. Послѣдній былъ боленъ, вотъ почему я у него не былъ. Впрочемъ скажу тебѣ, что Москва жалка: ни вкуса, ни ума, ниже совѣсти!!! Пишутъ, да печатаютъ.

Скажи Нилову, что онъ не знаетъ жить въ свѣтѣ, не отвѣчаетъ на письма, что я vos egos (?)... Но скажи ему это.

Какую мысль мнѣ подаль Жуковскій? Именно, писать поэму: Распрю новаго языка съ старымъ, на образецъ „Лютрена“ Буало, но четырехъ-стопными стихами.¹⁾ Какъ думаешь? въ силахъ-ли я сладить съ такимъ богатымъ сюжетомъ? Напиши свое мнѣніе.—Батиста не покупай, ибо вѣрно пришло. А ты мнѣ пришли съ Ермолаевымъ пару сапогъ; закажи ихъ нѣмцу, да пощеголеватѣе. Цѣлю тебя отъ всего сердца. Вонстантинъ Батюшковъ.

Какъ находишь мою печать? ²⁾

Жуковскій говорилъ о твоёмъ „Леарѣ“ въ журналѣ.

Какова парижская красота?

XXV.

(Февраль 1810. Москва).

Я пишу тебѣ, любезный другъ, въ скучномъ расположеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Москвѣ, не былъ еще ни на одномъ балѣ. Сегодня ужасный маскарадъ у г-на Грибоѣдова,³⁾ вся Москва будетъ, а у меня билетъ покойно пролежитъ на столикѣ, ибо я не иобду... Ты на Мур. вооружаешься. Загляни еще въ его оду и увидишь прекрасные стихи. Напр.: „Солонка дѣдовска одна“. Впрочемъ, если уступаю оду, то не уступаю дочери. Она.... повѣришь-ли, голова у меня не на мѣстѣ. Я не влюбленъ, а еслибъ еще.... Ну, да полно! Знаешь ты, я изъ семьи Скотининныхъ: что въ голову залѣзетъ, такъ тутъ и сидитъ. Радищевъ пишетъ къ тебѣ. Онъ милъ, какъ ангелъ. Посылаю тебѣ, мой другъ, маленькую пьеску, которую взялъ у Парни,⁴⁾ т. е., завоевалъ. Идея оригинальная. Кажется, переводомъ не испортилъ, впрочемъ, ты судья! Въ ней какое-то особенное нѣчто меланхолическое, что мнѣ нравится. Что-то мистическое, а proposito. Я гулялъ по бульвару, и вижу карету; въ каретѣ барыня и баринъ; на барынѣ салоупъ, на баринѣ шуба и на мѣсто галстуха желтая шаль.

¹⁾ Мысль эта осталась безъ исполненія.

²⁾ На этомъ письмѣ печати не сохранилось, но на конвертахъ другихъ писемъ этого же времени встрѣчаются двѣ разныя печати: 1-я — съ изображеніемъ Амура, цѣлующаго Психею, и 2-я — съ надписью: «Εοτηχια μου».

³⁾ Дядя Александра Сергѣевича, по увѣренію преданія, выведенный въ «Горѣ отъ Ума» подъ именемъ Фамусова.

⁴⁾ Привидѣніе, изъ Парни, напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1810, ч. 50, № 6, стр. 108.

Стой! и карета стой. Лѣзеть изъ колымаги баринъ. Замѣть, я былъ съ маленькимъ Муравьевымъ, кто же лѣзеть? Карамзинъ! тутъ я былъ ясно убѣжденъ, что онъ не пастушокъ, а взрослой малой, худой, блѣдной, какъ тѣнь. Онъ меня очень зоветъ къ себѣ; я буду еще на этой недѣлѣ и опишу тебѣ все, что увижу и услышу.

Благодарю тебя за обѣщаніе—писать къ Гагарину. Богъ поможетъ, а пока я горе мыкаю. Право, жаловаться боюсь, а умираю, то отъ новыхъ вѣдѣхъ огорченій, то отъ какого-то бездѣйствія душевнаго, отъ какой-то ни къ чему непривязанности. Я здѣсь очень уединенъ. Въ карты вовсе не играю. Вижу стѣнны да людей. Москва есть море для меня; ни одного дома, кромѣ своего, ни одного угла, гдѣ бы я могъ отвести душу душой. Петинъ одинъ меня утѣшаетъ; истинно добрый малый. Я съ нимъ болтаю, сидя у камина, и время кое-какъ утекаетъ. Нѣтъ, я вовсе не для свѣта сотворенъ премудрымъ Діемъ! Эти условія, проклятыя приличности, эта суетность, этотъ холодъ и въ дарованію, и къ уму, это уравненіе сына Фебова съ сыномъ откупщика или выб...мъ счастья, это меня бѣситъ! Повѣришь-ли? Я вовсе сталъ не тотъ, что былъ назадъ три года. Не столько я благополученъ и не столько злополученъ. Годы унесли счастье, этотъ минутный восторгъ, эту молнію; унесли, правда; но они же унесли и безразсудіе; но они научили людямъ давать цѣну истинную. Поцѣлуй Семенову за меня, какъ Иксіонъ севозъ облако Юнону. И то хорошо! лучше безплодной мечты. Пиши скорѣе. Я на первой недѣлѣ поста хочу ѣхать въ Тверь. Но сперва отпиши, какъ взяться за Гагарина, какъ и что дѣлать? К. Б.

Прочитай „Парни“ Самариной. Это въ ея родѣ: любовь мистико-платоническая.

XXVI.

(17-го марта 1810 г. Москва).

Любезный мой Николай. Винавать передъ тобою не я, а болѣзнь моя, которая мѣшала мнѣ къ тебѣ писать, милый другъ мой. Я не шута былъ очень боленъ нервическимъ припадкомъ въ головѣ; странная болѣзнь! Лекаря называютъ ее: *le tyc douleigneux*, или болѣзненное біеніе въ вискахъ. Упаси Богъ отъ этакого мученья. Упаси Богъ!... Вотъ почему я не былъ и въ Твери, даже и вовсе отдумалъ. Что-то все не клеится. Однако же благодарю истинно твоей дѣятельной дружбѣ—или лучше ни слова, положи руку на сердце, вотъ лучшая награда, когда служишь другу.

И такъ, я и въ Тверь не поѣхалъ! Что дѣлать? Знать таковы судьбы! Однако же „Тасса“ моего хочу послать туда прямо къ Гагарину. Что будетъ, того не миновать. Знаю, что самому бы лучше,

да нельзя. Впрочемъ, я такой вѣры, что счастье въ пору и невзначай приходитъ, и что всѣ расчеты бываютъ иногда ничтожны.

Спасибо за Илиаду. Я ее читалъ Жуковск., который предпочитаетъ переводъ твой Кострову.¹⁾ И я самъ его же мнѣнія. Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя мною, сообщу на первой почтѣ.

Повѣрь мнѣ, мой другъ, что Жув. истинно съ дарованіемъ, милъ и любезенъ, и добръ. У него сердце на ладони. Ты говоришь объ умѣ? И это есть, повѣрь мнѣ. Я съ нимъ вижуь часто и всегда съ новымъ удовольствіемъ.

Кстати, скажу тебѣ, что я бываю у Карамзіна и принять у него, кажется, на хорошей ногѣ; всѣхъ замѣчаній, сдѣланныхъ мною, не сообщу, а скажу тебѣ, что я видѣлъ автора „Маремъ“ упоеннаго, избалованнаго безпрестаннымъ куреніемъ, и болѣе ни слова.

Я кончу письмо, почта ѣдетъ. Прощай.

Чудно, что Ермолаева нѣтъ до сихъ поръ. К. Б.

17.

XXVII.

23-го марта 1810 г. Москва.

Любезный Николай. Я вчера видѣлъ Ермолаева, и съ нимъ письма ко мнѣ нѣтъ! Это меня безпокоитъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что у васъ на меня гроза. Этого мало: винить меня. Ты знаешь, хотѣлъ-ли и разглашать шутку,²⁾ написанную истинно для круга друзей? Впрочемъ, чѣмъ болѣе будутъ бранить, тѣмъ болѣе она ихъ будетъ колоть, и это вѣрный знакъ, вопреки судьямъ, что она даже хорошо написана. Для меня слабое утѣшеніе. Представь себѣ, мой другъ, что это даже останавливаетъ отчасти мою поѣздку въ Тверь, что это меня на долго, очень на долго, сгонитъ съ Парнасса, гдѣ я вижу только ословъ. Говорятъ, что пѣвецъ „Фелицы“ и „Василья Темнаго“ болѣе еще вооружится!—Люди!—Я, любезный Николай, рѣшился оставить все: дотяну вѣкъ въ безвѣстности, и—убитый духомъ и обстоятельствами, со слезами на глазахъ, которыя никто кромѣ тебя чувствовать не можетъ,—скроюсь, если можно, на вѣки, отъ этихъ всѣхъ вздоровъ. Заложу часть имѣнія и поѣду въ чужіе края. Не думай, чтобъ это были пустяга слова.

Бога ради, напиши мнѣ все обстоятельно. Изъ рукъ дружбы и непріятныя извѣстія сносить легче. Прощай.

23-го марта 1810. Москва.

¹⁾ Гнѣдичъ тогда началъ продолжать неоконченный Костровымъ переводъ Илиады александрійскими стихами и перевелъ 8 и 9-ю пѣснь.

²⁾ «Видѣніе на берегахъ Леты».

Я тебѣ пришлю всѣ мои сочиненія, которыя собралъ и переписалъ для напечатанія. Но теперь это можетъ быть и на вѣкъ оставлено.

Я знаю и твои горести или неудовольствія съ Яковлевымъ. Вотъ участь наша! И пусть еще говорятъ, что у насъ словесность въ цвѣтущемъ положеніи. Бомарше сказалъ: *sans la liberté de blâmer il n'est point d'éloge*. Слова, которыхъ истина разительна.

Я часто себя поставляю на мѣстѣ людей, переплывшихъ черезъ Лету. Разсердился-ли бы я? Нѣтъ, право, нѣтъ и нѣтъ!...

Меня вотъ что утѣшаетъ. Буря утихнетъ и тогда почувствуютъ истину моихъ словъ. Сонъ мой вѣрно всплыветъ, а имъ

Le ridicule leur reste et c'est ce qu'il me faut.

Жуковский проситъ меня, чтобъ я тебѣ написалъ, не хочешь-ли ты напечатать въ „Вѣстникѣ“ нѣсколько изъ Илиады 8-й пѣсни.¹⁾ Это онъ сочтетъ истиннымъ одолженіемъ. Какъ думаешь? Я тебѣ пришлю замѣчанія.

XXVIII.

1-го апрѣля (1810 г. Москва).

Любезный Николай. Я получилъ отъ тебя два письма почти вдругъ, и посылеу съ ними. Они застали меня въ ужасномъ положеніи. Я былъ свидѣтелемъ смерти Анны Семеновны,²⁾ которая пріѣхала сюда въ среду 24-го, а умерла 29-го марта; сего дня, 1-го апрѣля, ее скоропили. Столь неожиданная кончина женщины, которой едва было сорокъ лѣтъ, матери, у которой семеро дѣтей, меня истинно поразила. Представь себѣ положеніе дочери, положеніе Катерины Ѳедоровны, которая, кромѣ горестей, ничего не знаетъ. Домъ ея есть вѣчная обитель печали, гостинница смерти... Нѣтъ, я не въ силахъ изобразить тебѣ минуту страха, надежды и отчаянія, минуту смерти Анны Семеновны. Но представь себѣ и лекарей, которые для мертвой прописываютъ лекарства (такъ смерть ея была неожиданна), и отчаяніе дочери, и беспокойство Катер. Ѳед., и состояніе всего дома, который на всякую минуту ожидалъ Ивана Матвѣевича!

Словомъ, я эти дни страдалъ какъ несчастный.... Что жизнь наша? Что наши планы? Что наши желанія и надежды? Суета, другъ мой. У насъ на дворѣ есть маленький флигель, гдѣ Анна Семеновна располагалась прожить всю зиму съ семействомъ своимъ. Разъ пригласила меня туда. Она хотѣла осмотрѣть комнаты и въ одной изъ нихъ, наклонясь на столъ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа говорила: „Здѣсь-то я буду счастлива въ кругу своего семейства, когда

¹⁾ Не было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы».

²⁾ Муравьевой-Апостоль, жены Ивана Матвѣевича.

устрою дѣла мои, когда отдохну отъ заботъ“, и впрямь! Я ее вчера видѣлъ въ этой комнатѣ, на этомъ самомъ столѣ.

Гдѣ столъ былъ аствѣ—тамъ гробъ стоитъ!

Надгробные тамъ воютъ лики!

И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ!

Въ церкви, гдѣ стоялъ гробъ, я прочиталъ слѣдующую надпись: *прийдите ко мнѣ и азъ упокою вы....* и впрямь, это одно пристанище, гдѣ впору и не впору, рано и поздно, мы положимъ странническій посохъ свой и бросимъ якорь на вѣки!

De mortuis aut nihil, aut bene. И такъ, замѣчанія твои, хотя довольно справедливыя, теперь и ненужны. Что же касается (до твоихъ страховъ, мой другъ, въ разсужденіи меня) до глазъ и сердца, то скажу тебѣ откровенно, что я далекъ отъ любви къ 15-тилѣтней дѣвушкѣ, которая меня не знаетъ, которую я не знаю, которой ни модное воспитаніе (хотя истинно скромное), ни характеръ, ни положеніе мнѣ не соотвѣтствуютъ. Притомъ, чтобъ я влюбился, нужны двѣ вещи: или очарованіе кокетки, или нѣчто божественное — понимай, если умѣешь. Впрочемъ, я себя считаю достойнымъ руки не только дѣвушки въ 16 лѣтъ, но даже наслѣдной принцессы всего марокскаго царства.

Я Нилову всегда почиталъ, какъ рѣдкую женщину, и такъ твоя похвала меня не удивила. О куплетѣ подумаю, теперь не время до *J'aimai Themire*
Comme on respire
Pour exister.

Не время до любовной метафизики. Молви Нилову, что ему стыдно не отвѣчать на мои письма, да опиши мнѣ подробно гнѣвъ хилыхъ наѣздниковъ Славенскаго Пегаса. Кстати, скажу тебѣ, что Ермолаевъ пріѣхалъ сюда въ отчаянціи, въ гнѣвѣ, въ сожалѣннн, обуреваемый страстьми, какъ лицо Николевской¹⁾ трагедіи; пріѣхалъ и прорекъ

¹⁾ Николай Петровичъ Николевъ (род. 10-го ноября 1758, ум. 24-го января 1815 г.)—авторъ многочисленныхъ одъ, псалмовъ, посланій и трагедій. Изъ нѣсень его многія въ свое время были общеизвѣстны: «Взвѣйся выше», «Вечеркомъ румяну зорю», а трагедія «Сорена и Замиръ» даже нѣсколько времени запрещена была на московской сценѣ по распоряженію главнокомандующаго, но разрѣшена вновь по повелѣнію императрицы Екатерины, которая написала строгому воспретителю, что не относить къ своему царствованію стиховъ:

«Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,

Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!

Льзя-ль видѣть вольность тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,

Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца».

Императрица даже приказала напечатать эту трагедію, безъ малѣйшихъ пропусковъ въ «Россійскомъ Театрѣ».

миѣ невзгоду вашего Пинда, Парнасса и Геликона. Насказалъ три короба зла, и я, и я—ну вѣрить, ну огорчаться, и даже до того дошло, что нѣсколько ночей не спалъ, размышляя, что-де я надѣлалъ? Словомъ, ты меня знаешь, вообрази же мое положеніе. Теперь вижу, что поговорили, да и забыли, а отместили тѣмъ, что напечатали у Шнора „Петриаду“, родную сестру Сладковскаго, лирическую поэму (!!!) въ 300 листовъ,¹⁾—лирическую поэму, о которой никто еще съ сотворенія міра понятія не имѣлъ, ниже Горацій, который былъ невѣжда, ниже Боало, который былъ пьяница, ниже самъ Гомеръ, который вралъ шестистопными стихами отъ искренняго сердца, какъ простякъ. Нѣтъ, эта лирика меня бѣситъ! И эти-то люди такъ чувствительны.... Что же касается до твоего сужденія о „Летѣ“, о которой ты относился съ восхищеніемъ нѣсколько разъ, а теперь называешь только пріятнымъ вздоромъ, то я скажу тебѣ мое мнѣніе: оно останется. Переживетъ „Петриаду“—Сладковскаго и „Лирики“—Шихматова, не такъ, какъ какая-нибудь вещь совершенная, но какъ твореніе оригинальнее и забавное, какъ твореніе, въ которомъ человекъ, несмотря ни на какія личности, отдалъ справедливость таланту и вздору. Здѣсь оно изъ рукъ въ руки ходитъ, а все изъ Питера, ибо я никому не далъ. Мерзляковъ—и это тебя приведетъ въ удивленіе—обошелся какъ человекъ истинно съ дарованіемъ, который имѣетъ довольно благороднаго самонадѣянія, чтобъ забыть личность въ человекѣ. Я съ нимъ имѣю тѣсныя связи по разнымъ домамъ и по собранію любителей словесности, составленномъ изъ нѣсколькихъ человекъ, гдѣ мы время проводимъ весело, съ пользою, и съ чашею въ рукахъ. Онъ меня видитъ—и ни слова, видитъ—и приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ. Тонъ его ни мало не перемѣнился (замѣть это), я молчалъ... молчалъ.. и молчу до сихъ поръ, но если прійдетъ случай, самъ ему откроюсь въ моей винѣ. Повѣрь мнѣ, что ни одинъ Варяго-Россъ этого не сдѣлаетъ.

У васъ въ Питерѣ Каченовскій—бритва парнасская, родной братъ Фрерона, но нравственности прекрасной. Человекъ истинно добрый. по крайней мѣрѣ такъ говорятъ его пріатели. Познакомься съ нимъ. Жуковскаго я болѣе и болѣе любить начинаю.

Бороздина видѣлъ и вижу часто. Исторіи его не знаю; онъ читалъ что-то, но вскользь. Впрочемъ, твое письмо, къ нему писанное, до-

¹⁾ Рѣчь идетъ о книгѣ: «Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе, въ 8-ми пѣсняхъ, соч. кн. Сергѣя Шихматова», напеч. въ 1810 г., а поэма Романа Сладковскаго: «Петръ Великій», въ 6-ти пѣсняхъ, напеч. была въ 1803 г.; собственно же «Петриадою» была названа поэма Александра Грузинцева, появившаяся только въ 1812 г.

казываетъ, что ты его опытами не очень доволенъ. Правду тебѣ сказать, я за всѣ русскія древности не дамъ гроша. То-ли дѣло Греція? То-ли дѣло Италия?...

Кстати: задержанъ будучи истинно обстоятельствами, истинно не позволяющими отлучиться отъ Москвы, я о Твери не забылъ. Переписываю „Тасса“ и его пошлю къ Гагарину. Что будетъ, не минуетъ. А самъ не ѣду. Если счастье захочетъ, то и само придетъ, вопреки покойному Беницкому,¹⁾ котораго память мнѣ болѣе и болѣе дорога.

Ты увидишь въ „Вѣстникѣ“ описаніе Финляндіи и Элегію;²⁾ желаю, чтобъ они тебѣ понравились. Замѣчанія тебѣ пришлю на Иліаду. Теперь, право, не время.

Ты ѣдешь въ Малороссію? полно, правда-ли? И зачѣмъ? Смотри, братъ, не раскайся. Повѣрь мнѣ и своимъ опытамъ, что въ Питерѣ есть люди, есть у нихъ сердце, есть умъ; а это не бездѣлица. Ты разорвешь или охладишь связи. Что выиграешь? Гдѣ найдешь людей, которые бы тобою интересовались, которые бы тебя любили, ласкали, давали тебѣ цѣну, какъ не тѣ, съ которыми ты живешь:

Для насъ все хорошо вдали,
Вблизи—все скучно и постыло!

Вотъ два стиха, которые я написалъ въ молодости, то есть въ 15 лѣтъ, и теперь на опытахъ вижу то, что муза моя, еще дѣвственница, угадала. Эта поѣздка тебя и въ финансахъ разстроитъ, а тебѣ, братъ, объ этомъ пора думать. Не все жить Лафонтеномъ. Ничто не убьетъ такъ скоро твоего таланта, какъ эта поѣздка. Съ кѣмъ ты въ Полтавѣ будешь говорить о пряжкахъ Патрокловой брони или о воловой кожѣ, въ которую одѣвался Аяксъ—стѣна Греція? Съ кѣмъ отведешь душу?

Попроси Ниловыхъ, чтобы они хоть строчку написали, а я ее въ „Лету“. Капнисту до сихъ поръ я ни слова не отвѣчалъ и надѣюсь, что онъ меня ѣстъ зубами.

Посылаю тебѣ замѣчанія. Скажи, чѣмъ будешь доволенъ и чѣмъ нѣтъ. Пришли, пожалуйста, отрывокъ изъ „Мильтона“ о слѣпотѣ, я его дамъ напечатать Жуковскому,—и его, и меня этимъ одолжишь. К. Б.

3-го апрѣля 1810 г. Москва.

Батистъ пришлю скоро.—Я вчера ужиналъ и провелъ наипрѣятный вечеръ у Карамзина. Жена его пригласила меня на мѣсяцъ къ себѣ на дачу—и я надѣюсь воспользоваться.—Недавно у него хвалили тво-

¹⁾ Умеръ 30-го ноября 1809 г.

²⁾ Картина Финляндіи и XI Тибуллова элегія, изъ первой книги, напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1810, ч. 50, № 8.

его „Танкреда“ и тебя онъ хвалилъ, а я сидя въ углу, съ досады пла-
калъ.

Не можешь-ли ты прислать „Танкреда“ Апраксину. Онъ очень объ
этомъ просилъ. Его хотать играть на благородномъ театрѣ. Актеровъ
лучше этихъ я отъ роду не видывалъ.

Вотъ письмо къ Измайлову, выставь имя и отдай ему.

XXIX.

3-го мая (1810 г.).

Я получилъ письмо твое три дни тому назадъ и ужаснулся, его
читая. Ты дурачишься, принимая на сердце людскія глупости. Сто-
итъ-ли это? Вспомни псаломъ: „Не надѣйся на сыны человѣческіе“.
Вѣришь-ли, что я это предвидѣлъ? Утѣшься, мой другъ, ради Бога;
все пройдетъ. Я болѣе твоего терпѣлъ удары. Они были азвительнѣе
изъ рукъ на вѣки драгоценныхъ; но время усыпило горести. Если
двѣты не родятся у ногъ моихъ, то нѣтъ и терній. Тебѣ-ли, другъ
мой, говорить, что жизнь скучаетъ. Будь выше золотыхъ балвановъ
и знай, что

*La plainte est pour le fat, le bruit est pour le sot.
L'honnête homme trompé, s'éloigne et ne dit mot.*

Я знаю, что тебя ласкали, кадили, какъ Вольтера у Фридриха, выжали
сокъ и бросили корку; знаю, что во всѣхъ откровеніяхъ *grimo mihi*
болѣе, нежели дружба дѣйствовала, и всякій соблюдалъ личную пользу.
Это участь дарованія. Трутни пожираютъ медь у пчелъ, но пчелы
не бросаютъ трудовъ своихъ; я видѣлъ въ свѣтѣ:

Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes,

говорить Грессетъ, и эти протеже нужны для таковыхъ покровителей.
Но тебѣ-ли говорить противъ себя? Не жалуйся на фортуны. Не-
ужели ты себя недовольно считаешь, чтобъ со мной не раздѣлять
посредственность, кусокъ хлѣба; неужели думаешь, что я говорю тебѣ
сіе въ поэтическомъ восторгѣ? Нѣтъ, любезный Николай, я тебя люблю
и любить буду.

Я подаль просьбу въ отставку. Здоровье мое на ниткѣ. Надѣюсь,
что ты, освѣдомившись о ней у министра, отложишь путь въ Мало-
россію и повременишь до меня, если на просьбу послѣдуетъ рѣшеніе.
Это для тебя и для меня нужно. Отъ сестрицъ писемъ не имѣю, а
почему не знаю. Поклонись имъ отъ меня и проси, чтобъ писали.
Ихъ молчаніе сокрушаетъ меня совершенно. Отъ А. Н. Оленіина
получилъ письмо. Онъ, кажется, тебя любитъ. Придержись къ нему,
мой другъ, не думай, чтобъ совѣтъ давалъ по предубѣжденію благо-
дарности, отринувъ которую и въ глазахъ твоихъ я былъ бы извергъ;

но онъ просвѣщеніе и лучше, и добрее всѣхъ князей. Впрочемъ, я тебя знаю, здравый разумъ и все тутъ, лучше совѣтовъ, которые или бесплодны, или отъ самолюбія вырваться могутъ.

Еслибъ я говорилъ съ цеховымъ поэтомъ, то сказалъ бы въ утѣшеніе, что несчастіе и неудовольствіе есть плодъ дарованія и успѣховъ. Расинъ послѣ „Британика“ былъ освястанъ, Вольтеръ—послѣ „Альзиръ“.

„Леаръ“¹⁾ твой всѣмъ нравился, ибо посредственность не убиваетъ сердца зависти, но „Танкредъ“²⁾ долженъ былъ быть для нея пятномъ. Зачѣмъ искать дальнаго примѣра. Посмотри на Озерова. Ты скажешь что это неутѣшно, но я тебѣ скажу, что такъ быть должно. Ищи утѣшенія въ себѣ, молись и надѣйся, на Бога; я испыталъ, что онъ поднимаетъ слабого.

Перешли и бумаги, и стихи мои къ сестрамъ, по почтѣ. Запечаттай и проси, чтобъ до меня не трогали. Это—все мое богатство, съ которымъ бѣденъ какъ Ирѣ.

Я иногда такъ скучаю, что мѣста отъ грусти сыскать не могу, иногда отдаетъ, и время все лечить.

Пиши ко мнѣ; письмо можешь отдать Радищеву, онъ перешлетъ. Прощай, дай Богъ тебя видѣть. Конст. Бат.

Я получилъ письмо твое съ Фонъ-Визинимъ³⁾ и деньги. Слѣдственно, къ нимъ пишу самъ. Постарайся черезъ Полозова,⁴⁾ котораго дружба вѣрно не охладилась и отъ котораго услуга мнѣ втрое пріятнѣе, освѣдомляться о моей просьбѣ и черезъ почту увѣдоми. Поблагодари его за всѣ обо мнѣ старанія; пожми у него руку за меня. Если отставка выдетъ, то подожди меня. Я здѣсь ни дня не останусь даромъ.

Напиши объ этомъ сестрицамъ. Это нужно. Vale.

Не забудь сестрицамъ отослать стихи и проч.

XXX.

Мая, а котораго—не знаю (1810 г. Москва).

Я живу въ Москвѣ, живу... нѣтъ, дышу; дышу.... нѣтъ веществу,

¹⁾ «Леаръ», трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, изъ соч. Шекспира, пер. Н. Гиѣдича. представлена въ 1-й разъ 29-го ноября 1807 г.

²⁾ «Танкредъ» трагедія Вольтера, въ переводѣ Гиѣдича, представлена въ 1-й разъ 30-го іюля 1808 г.

³⁾ Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, племянникъ извѣстнаго Дениса Ивановича, служилъ въ военной службѣ и въ 1825 г. былъ генералъ-маіоромъ; по дѣлу 14-го декабря 1825 г. былъ сосланъ въ Сибирь, оттуда возвращенъ въ февралѣ 1853 г. и жилъ до кончины (30-го апрѣля 1854) въ своемъ имѣніи Моск. губ., Бронницкаго уѣзда (Маренно).

⁴⁾ Сослуживецъ Гиѣдича по д-ту просвѣщенія.

т. е., ни то, ни сѣ. Умираю отъ скуки! Занимайся!.. легко сказать,.. дѣло дѣлай!... да какое?.. и книга изъ рукъ выпадаетъ... при томъ же боленъ, чуть дышу. Словомъ, если это состояніе продолжится, то я сойду съ ума.

Оленинъ пишетъ ко мнѣ и бранитъ меня, что я ничего не дѣлаю—онъ совершенно правъ.

Однако-жъ—пусть судьба повелѣваетъ—а я рѣшился и завтра отправлю къ Гагарину „Тасса“. Бога ради, любезный Николай, пиши къ нему еще разъ съ 1-й почтой. Я къ нему писалъ, и довольно искренно просилъ, о чемъ тебѣ извѣстно, т. е. о чужихъ краяхъ. Богъ поможетъ!.. не правда-ли? Попроси отъ меня Семенову; она, кажется, не откажется помочь своей лилейной рукой, у которой пальчики отгнѣнены розами, черкнуть слова три... Жуковскій благодаритъ тебя за стихи. И впрямь, на смерть Даниловой прекрасны,¹⁾ они будутъ напечатаны въ 1 №. Я кой какія бездѣлки осмѣлился переимѣнить, но самыя бездѣлки... Прочиталъ-ли ты мою Элегію? понравилась-ли она тебѣ? Обращеніе къ Пенатамъ кажется хорошо...²⁾ Знай, однако же, что я три мѣсяца ничего не пишу. Что же дѣлаю? Въ карты играешь? Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ, ихъ въ руки не бралъ! По баламъ развѣзжаешь? Даже и въ собраніи не бываю! Влюбился, что-ли? Дай Богъ, быть влюбленнымъ! Я не живу, а дышу, веществую,—ужаснѣйшее положеніе, для человѣка въ 23 года, у котораго есть разумъ и сердце!...

Я разъ только былъ въ театрѣ и тутъ повстрѣчался съ Жихаревымъ, который насадилъ мнѣ тысячу комплиментовъ вслухъ, а я ему въ отвѣтъ Дмитріева стихомъ:

Вы сами рѣшмы плестъ умѣете прекрасно.

Здѣсь ничего новаго нѣтъ. Глинка³⁾ со всѣми поссорился. Мерзляковъ читалъ 4-ю пѣснь „Тасса“, въ которой истинно есть прекрасные стихи. Жуковскій—сынъ лѣни, милый, любезный малой. Радищевъ стихи перекладываетъ въ прозу. Карамзина я люблю и бываю ежедневно; онъ очень уменъ.—Письма твои меня утѣшаютъ, я чувствую, что тебя люблю и безъ твоего бы дружества пропалъ... К. Б.

Бороздинъ и Ермолаевъ—последній, скажи Алексѣю Ник., на мѣ-

¹⁾ Петербургская тавповница. Стихи Гнѣдича напечатаны въ «В. Е.» 1810 г., ч. 51, № 10, вслѣдъ за его же «Гомеровымъ гимномъ Діанѣ». Оба стихотворенія не вошли въ изданіе соч. Гнѣдича. Самъ Батюшковъ тоже написалъ стихи на смерть Даниловой и они напечатаны въ «В. Е.», ч. 50, № 7, съ подписью «А.—Спбгъ».

²⁾ См. «Соч. Батюшкова», изд. 1834 г., т. 2, стр. 43.

³⁾ Сергѣй Николаевичъ, издатель «Русскаго Вѣстника».

сто узоровъ, что на древнихъ кружкахъ, рисуетъ вупидоновъ,—добрый знакъ! Первый зачитался, запылился и показывалъ мнѣ книгу въ сажень, готовую принять описаніе ихъ путешествія, которое кончится—я предвижу это—тѣмъ, что и тотъ и другой, а можетъ быть и всѣ, влюбятся, женятся, выведутъ на свѣтъ дѣтокъ; дѣти ихъ выростутъ, женятся, выведутъ еще поколѣніе,—и отъ поколѣнія до поколѣнія, идя отъ чистаго источника, произведется столь чудное дѣйствіе, что созерцаая въ дальновидности относительно праха Ивана Васильевича Полоцкаго и того самаго, который, какъ извѣстно тебѣ по гадательной исторіи.....

Продолженіе впредь.

XXXI.

(23-го мая 1810 г. Москва).

Жестокій другъ! вотъ уже прошло 6 недѣль, какъ я отъ тебя не получаю ни одной строки; чему припишу я твое молчаніе?—болѣзни. Но не могъ-ли бы ты заставить кого-нибудь увѣдомить меня о состояніи твоёмъ? Бога ради, отпиши,—отдай мнѣ жизнь. Твое молчаніе виной тому, что я къ в. Гагарину не послалъ моего „Тасса“, хотя было и рѣшился это сдѣлать.

Я хочу просить тебя объ одномъ дѣлѣ, отъ исполненія котораго будетъ зависѣть счастье сестры моей. Ты вѣрно согласишься выполнить мою просьбу. Павелъ Алексѣевичъ,¹⁾ зять мой, хочетъ взять мѣсто директора въ Вологодской гимназіи, которое скоро будетъ вакантно, или уже и есть таково. Онъ подалъ прошеніе, которое поступить и къ министру. Я предварилъ письмомъ Мартынова.²⁾ Теперь Кутузовъ—кураторъ.³⁾ Какъ къ нему адресоваться? Попроси г. Хвостова,⁴⁾ чтобъ онъ попросилъ его за Павла Алексѣевича письмомъ, какъ за человѣка, ему извѣстнаго, и честнаго, и способнаго. Хвостовъ вѣрно не откажетъ тебѣ, а ты мнѣ сдѣлаешь болѣе, нежели услугу, ибо сотворишь благодѣяніе сестрѣ моей. Бога ради, только не упускай времени. К.

23-го мая Москва.

XXXII.

30-го сентября 1810 г. Въ Череповецъ адресуй.

Chi va lontan da la sua patria, vede
Cose da quel che gia credea lontane;

¹⁾ Шепиловъ.

²⁾ Ив. Ив., директоръ Департамента просвѣщенія.

³⁾ Сенаторъ Пав. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ 11-го апрѣля 1810 г. назначенъ въ кураторовъ попечителей Моск. Университета в его округа, къ которому принадлежала и Вологодская гимназія.

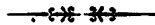
⁴⁾ Извѣстный плохой поэтъ, но добрый человѣкъ, рѣдко не исполнявшій просьбу даже малозвѣстныхъ ему людей.

Che narrandole poi, non se gli crede,
E stimato bugiardo ne rimane.

То есть: ты лжешь какъ французъ, путешествующій по Россіи. Какъ! по тебѣ проѣхала коляска и ты живъ (???), у тебя вырѣзали чемоданъ и оставили тебѣ половинку (???), ты летѣлъ въ Днѣпръ вверхъ ногами и, вопреки силѣ тяготѣнія, не разломалъ себѣ черепа (который, замѣтить надобно, преисполненъ мозга) (???). Если это не чудеса, то я болѣе чудесъ не знаю. 1-му не вѣрю. 2-е несбыточно, и вѣроятно только въ одномъ случаѣ. † 3-е выходитъ изъ порядка естественныхъ вещей, а я нынѣ читаю д'Аламберта, который говоритъ именно, что чудеса дѣлать трудно, бесполезно и вредно.

Какъ бы то ни было, ты живъ и здоровъ, вотъ чего мнѣ было надобно, ибо въ теченіе твоего 3-хъ мѣсячнаго молчанія я сокрушался, не имѣя отъ тебя ни строки, что тебѣ, конечно, приноситъ великую честь, ибо забывать друга есть дарованіе въ тебѣ новое и полезное для общезитія, т. е. urbanitas. Ты былъ у Капниста? видѣлъ все его семейство, и отъ него въ восхищеніи? Признаюсь, этакихъ чудачковъ мало, и твое описаніе меня очень веселило! Не видаль-ли ты у Капниста-стихотворца одну дѣвушку, по имени дѣвицу Бравво. Каковы у нея глаза? Не правда-ли, что она похожа на Нинфу, на младшую Грацію. „Да ты почему это знаешь?“ Я во снѣ видѣлъ. т.-е., и я чудеса умѣю дѣлать.

Твое сверхъ-естественное свиданіе съ Бороздинымъ, конечно, было пріятно. Но что онъ тамъ дѣлаетъ? Чудесникъ, право чудесникъ, и чудесникъ непримѣрный. Не влюбленъ-ли онъ въ какую-нибудь новую Эгерію, Галатею или Миляктрису?

† То есть, если воръ читалъ Дидеротова предисловіе къ драмамъ, въ которомъ сей великій мудрецъ говоритъ поминутно обращаясь къ сочинителямъ: «de l'honnête, mon ami, de l'honnête!» По всѣмъ моимъ выкладкамъ и вычисленіямъ ты лжешь, пли этотъ воръ долженъ быть не Шиллеровъ разбойникъ, а сочинитель Коцебятинъ, то-есть практическій драматургистъ. **Ж. В.**

ВЗГЛЯДЪ М. П. ПОГОДИНА НА ОТНОШЕНІЯ ВРАЖДЕБНЫХЪ РОССІИ ГОСУДАРСТВЪ

ВЪ АПРѢЛѢ 1854 Г.

III.¹⁾

Мы обозрѣли прошедшее и видѣли, въ какихъ отношеніяхъ находилась Россія къ европейскимъ государствамъ, въ продолженіе текущаго столѣтія; обратимся къ настоящему и посмотримъ, въ какомъ отношеніи къ намъ онѣ теперь находятся.

Турція, Франція и Англія объявили войну Россіи. Австрія и Пруссія видимо держатъ ихъ сторону, а невидимо можетъ быть и болѣе, и присоединятся къ нимъ при первомъ нашемъ положительномъ успѣхѣ, слѣдовательно, ихъ можно уже считать противъ насъ. Прочія государства, болѣе или менѣе, волей или неволей, имъ содѣйствуютъ, а Швеція, вѣроятно, даже и съ удовольствіемъ. Общее мнѣніе европейское противъ насъ! Вотъ наши враги.

Разсмотримъ ихъ средства, выгоды и невыгоды, намѣренія и дѣла.

Начнемъ съ Англіи, какъ главной виновницы войны.

Лордъ Редклифъ, принудивъ Турокъ отказаться отъ исполненія требованій князя Меншикова, положилъ, такъ сказать, основаніе войны, подалъ поводъ, завязалъ узелъ.

Было-ли съ самаго начала намѣреніе Англіи начать войну, или только она хотѣла принудить Россію къ нѣкоторымъ уступкамъ, вслѣдствіе невѣрныхъ свѣдѣній или предположеній о нашей робости, нерѣшительности и неготовности,—нельзя сказать навѣрное.

Навѣрное можно сказать только то, что Россія желала войны всѣхъ

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1874 г., т. X, стр. 121—138.

менѣе, какіе бы виды она ни имѣла въ будущемъ. Россія вела даже какъ-будто тильзитскіе переговоры во все продолженіе 1853 г., и мы съ часу на часъ ожидали тильзитскаго мира англійскаго изданія. Тильзитскимъ миромъ назвалъ бы я слѣдующій: очистить княжества, удовольствоваться, вмѣсто фирмана и сенеда, другою вокабулою турецкаго лексикона, и получить округленіе границъ въ Азіи pour sauver les arragences, подобно какъ по тильзитскому миру французскаго изданія, мы получили Бѣлостокскую область.

Такой миръ, какъ бы онъ ни былъ, въ прошедшемъ году, тяжелъ для нашего самолюбія и униженъ, но все-таки могъ утѣшить насъ воспоминаніемъ, что за тильзитскимъ миромъ 1807 г. вскорѣ слѣдовалъ 1812 г. Мы могли быть увѣрены, что Европа, лишь только Россія сняла бы съ нея свою покровительственную десницу, подверглась бы въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ величайшимъ смутамъ, начиная съ Австріи, которая получила-бъ первая наказаніе за свое вѣроломство, потомъ въ Италіи, Германіи, Франціи, — и мы успѣли бы дѣлать на Востокѣ, что намъ угодно. Но теперь невозможно уже и тильзитскій миръ, съ которымъ видно соединяется сплошь 1812 г.: въ продолженіе переговоровъ завязался узелъ, и старанія развязать его только что затягивали его крѣпче и крѣпче, о чемъ будемъ мы говорить послѣ. Это особая сторона событія.

Какъ бы то ни было, теперъ Англія и Франція хотятъ войны непременно, во что бы то ни стало.

Если-бъ онѣ не хотѣли ея, то не говорили-бъ безъ всякой нужды съ такимъ ожесточеніемъ о Россіи и Государствѣ; не старались бы, очевидно, задирать его, какъ-будто опасаясь, чтобъ онъ не уступилъ и не лишилъ ихъ предлога, вызывая непременно его сопротивленіе, ставя его въ такое положеніе предъ Россіей и Европой, что онъ не можетъ никакимъ образомъ податься назадъ. (Упрекая насъ въ желаніи войны, онѣ, по пословицѣ, сваливаютъ съ больной головы да на здоровую).

Для чего же онѣ хотятъ войны?

Для того, чтобъ поддержать Турцію, какъ говорятъ онѣ, — это есть нелѣпость. Ихъ посланники, ихъ путешественники, ихъ ученые, представляли имъ, въ продолженіе даже послѣднихъ двадцати лѣтъ, множество доказательствъ, что Турція умираетъ и что оживить ее нѣтъ никакихъ человѣческихъ средствъ. Слѣдовательно, желаніе поддержать Турцію есть предлогъ, но отнюдь не цѣль.

Они хотятъ войны для того, чтобъ унижить Россію и ослабить ея вліяніе на Востокѣ. Положимъ, это желаніе они имѣютъ, но все-таки, болѣе или менѣе отдаленное и неизвѣстное, польза не прямая,

не положительная. Вѣроятно-ли, чтобъ для такой неопредѣленной цѣли онѣ рѣшились на такія усилія, жертвы и опасности? Какое сравненіе выигрыша съ проигрышемъ и даже съ одними расходами?

Они хотятъ поддержать равновѣсіе. Но почему же они оставляли погибать Австрію—имперію въ 35 милліоновъ, а не 10? Мнимое равновѣсіе должно бы, кажется, нарушиться отъ ея уничтоженія гораздо ближе, чѣмъ отъ уничтоженія Турціи, и они не только не старались предотвратить оное, но дѣлали все нужное для ускоренія катастрофы. Впрочемъ, о нелѣпомъ равновѣсіи говорить долѣе нечего: въ выше-приведенномъ письмѣ представлено нѣсколько примѣровъ, какъ Англичане и Французы понимаютъ равновѣсіе.

Слѣдовательно, должны быть у нихъ въ виду какія-нибудь важныя и положительныя причины. Наши посланники, парижскій и лондонскій, вѣроятно, знаютъ ихъ болѣе или менѣе и донесли о нихъ въ свое время нашему правительству, равно какъ и о составленіи этого союза—Франціи и Англіи, ибо не въ однѣхъ же передачахъ нотъ состояли ихъ обязанности.

Мы можемъ судить объ этихъ причинахъ только гадательно.

Предложимъ же наши гаданія.

Не хотятъ-ли Франція и Англія занять Константинополь вспомогательными войсками, овладѣть Дарданеллами, затѣять ссору съ турецкимъ правительствомъ, объявить о невозможности его поддерживать, провозгласить уничтоженіе Порты, объявить славянскія и прочія государства свободными, съ какими имъ угодно конституціями, сдѣлать Константинополь вольнымъ городомъ, подѣлить между собою Азіатскую часть, Египетъ, острова и прочія владѣнія, открыть Черное море для всѣхъ народовъ и предложить, пожалуй, какую-нибудь частицу намъ и Австріи съ Пруссіей? Такимъ образомъ, они скинули бы съ себя и ту поносную роль въ исторіи, которую они до сихъ поръ принимали.

Говорятъ: Англія и Франція не могутъ не поссориться при дѣлѣхъ. Будто не могутъ? Да неужели онѣ, заключая между собою союзъ, рѣшаясь на такія пожертвованія, употребляя такія силы (Французы можетъ быть послѣднія), не опредѣлили всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ въ предстоящихъ дѣлахъ, не предусмотрѣли всѣхъ случайностей и оставили что-нибудь, даже второстепенное, въ неизвѣстности. По какому праву припишемъ мы имъ такую недалеконovidность и ограниченность? Безъ сомнѣнія, у нихъ рѣшено все предварительно, и безъ такого рѣшенія онѣ не могли сдѣлать ни одного шага. Поссориться могутъ матросы или офицеры, но не два государства, при такомъ великомъ дѣлѣ.

Если бы такой планъ былъ у союзниковъ, чего оборони Боже, то къ намъ можно-бъ было приложить пословицу: въ глазахъ деревня сгорѣла.

При такомъ ходѣ дѣла, Австрія увидѣла бы свою ошибку, поняла бы, что она попалась изъ огня да въ полымя, но сдѣлать ничего не могла-бъ, и ей оставалось бы только заботиться о сохраненіи своихъ Славянъ, которые, разумѣется, вскорѣ послѣдовали бы за турецкими.

Турецкіе Славяне влекутся издавна сердцемъ къ Россіи. Они сочли бы себя на первое время одолженными Россіи, какъ начавшей борьбу, но своя рубашка къ тѣлу ближе, и они рады будутъ получить свободу отъ кого бы то ни было; они будутъ готовы защищать новый порядокъ вещей даже и противъ Россіи.

Да и за что и съ кѣмъ тогда воевать Россіи?

Это, кажется, единственный, выгодный для нихъ, благовидный—для исторіи, полезный—для Европы, разумѣется, съ европейской, а не съ русской точки зрѣнія, планъ, котораго нѣкоторые черты предполагалъ я еще въ донесеніи 1842 года. Въ послѣднее время, недѣли двѣ, эта мысль давила меня, какъ домовая, и не давала мнѣ спать; впрочемъ, и теперь я не совсѣмъ еще отъ нея освободился, хотя изъ всѣхъ дѣйствій Англіи и Франціи, изъ всѣхъ рѣчей, произносимыхъ въ собраніяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода къ предположенію подобнаго исхода: не заготовляются ни какіе выраженія, тамъ и сямъ, кои можно было бы впоследствии напомнить и коимъ можно-бъ было придать новый смыслъ, не избѣгаются случаи къ подтвержденію первой объявленной цѣли, принимаются такіа торжественныя обязательства, по отношеніямъ съ Австріей и Пруссіей, съ такою силою и убѣжденіемъ отклоняются мысли о завоеваніяхъ и распространеніи владѣній, и вообще все дѣло ведется такъ, что Турція непременно должна существовать въ намѣреніяхъ союзныхъ державъ, и всякая перемена въ ихъ политикѣ представилась бы послѣ, несмотря ни на какіе блистательные результаты, такимъ вопіющимъ обманомъ, что мудрено допустить наше предположеніе. Главное, всѣ увѣренія морскихъ державъ почти вѣдь и не нужны; безъ нихъ обойтись онѣ могли бы, слѣдовательно онѣ не были бы дѣланы, если-бъ дѣйствительно была у нихъ вышенисанная цѣль.

Второе предположеніе:

Англія хочетъ войны для того, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить, по наслѣдственному постоянному правилу ея политики, признанной за нею всѣми европейскими народами, съ историками и учеными во главѣ. Можетъ быть, по ея расчетамъ, въ коихъ едва-ли

это съ нею въ состояніи состязаться, оказывается необходимость въ перетасовкѣ собственныхъ капиталовъ, въ произведеніи новыхъ потребностей у прочихъ державъ, въ устроеніи новыхъ отношеній на Востоѣ, въ ослабленіи или напряженіи даже самой Франціи, въ уничтоженіи морской силы Россіи, и тому подобное. Повторяю, это ея расчеты, на кои она мастерица и кои никто объять вполне не можетъ. Она, можетъ быть, сочла всѣ возможные барыши и всѣ возможные убытки и рѣшила, что теперь выгоднѣе воевать, нежели оставаться въ покоѣ, и обманула, такъ или иначе, любезнаго Наполеона, завлекши его собой въ роковую войну.¹⁾

Но, вѣдь, и онъ не промахъ. Если не вышесказанные виды имѣлъ онъ, начиная войну, то все же имѣлъ онъ какіе-нибудь другіе, не менѣе важные: ибо онъ рѣшился въ эту войну ставить на карту не только корону, но можетъ быть и жизнь свою. Какіе же виды можетъ имѣть онъ? Разумѣется, не англійскіе на мутную воду, потому что его обстоятельства совершенно другія:

Не обманываетъ-ли онъ Англій, племянникъ своего дяди, одолженный всѣмъ своимъ бытіемъ его тѣни, а тотъ проклинаетъ Англій, вѣроятно, и на томъ свѣтѣ. Не хочетъ-ли онъ довести ее до крайности, не хочетъ ли онъ привести дѣла въ такое положеніе, чтобъ сдѣлаться главнымъ лицомъ и имѣть въ своихъ рукахъ ключи положенія, чтобъ предложить тогда, разумѣется, на выгодныхъ для себя условіяхъ, соразмѣрныхъ съ своею службою, союзъ Россіи, оставленной всѣми союзниками, раздраженной и находящейся все-таки, несмотря на ея великія силы и средства, въ трудныхъ обстоятельствахъ? То есть, Наполеонъ III набиваетъ себѣ теперь цѣну въ глазахъ Россіи. Вотъ была бы штука, вотъ просвѣтлѣла бы тѣнь Наполеона, вотъ захопала бы въ ладоши Французы, вотъ разинули бы ротъ Нѣмцы, вотъ протянули бы длинныя свои фигуры Англичане! На первую минуту много было-бы радости въ Европѣ, но на вторую минуту мысль, что Россія съ Франціей въ союзѣ, заставила бы поникнуть всѣ мудрыя головы.

Нѣтъ, это мечта, которая, впрочемъ, на нѣсколько времени, имѣла за собою много, не только привлекательнаго, но даже и вѣроятнаго. Дѣйствія Наполеона, слова, рѣчи, въ послѣднее время, становясь крѣпче и крѣпче, яснѣе и яснѣе, положительнѣе и положительнѣе, не оставляютъ мысли о подобной развязкѣ. Какіе бы виды онъ ни

¹⁾ Написавъ это, я услышалъ о брошюрѣ нашего знаменитаго публициста, г. Тенгоборскаго, который цифрами доказываетъ такое предположеніе. (1854 г.)

имѣлъ, но онъ идетъ съ Англіей, а какіе это виды, угадать можно еще менѣе, чѣмъ виды Англіи.

А если дѣйствительно онѣ не хотятъ больше ничего, кромя того, что объявляютъ,—и какихъ-нибудь второстепенныхъ приобрѣтеній и преимуществъ?

Тогда должно сказать только, что Богъ ихъ ослѣпляетъ и ведетъ на казнь, болѣе или менѣе жестокую. Турцію онѣ не возстановятъ, потому что она сгнила; имѣть ее у себя на содержаніи онѣ не могутъ, потому что самимъ содержаться въ обрѣзъ; Христіанъ уравнивать въ правахъ онѣ не могутъ, потому что судьей все-таки остается Турокъ, который слушать-то будетъ Христіанъ, но рѣшатъ по-турецки; Россіи унижить и ослабить онѣ не могутъ, ибо даже потеря флотовъ, потеря нѣсколькихъ гаваней, нѣсколькихъ корпусовъ, можетъ только на время ее остановить, но не болѣе, а дружба Христіанъ, то есть, Славянъ, которые останутся на ея сторонѣ, разумѣется, при умѣннѣ обходиться съ ними, послѣ даже неудачной ея борьбы, всегда дастъ ей средства рѣшить дѣло иначе. А онѣ висятъ на волоскѣ! Не говорю о бурѣ, которая разсѣяла непобѣдимую армаду Филиппа II, но Суворовская побѣда теперь надъ тремя турецкими корпусами, стоящими порознь, до прибытія вспомогательныхъ войскъ французскаго и англійскаго, общее возстаніе Славянъ, можетъ поставить ихъ въ такое положеніе, что давай Богъ ноги. Неужели этого не было у нихъ въ предположеніи всѣхъ возможностей и случайностей?

А сверхъ того, какова еще перспектива въ исторіи? Слѣдовательно, кромя сверхъестественнаго ослѣпленія, нельзя будетъ объяснить иначе роковаго ихъ союза и похода.

Къ числу ихъ явныхъ ошибокъ или недоразумѣній, все-таки мы должны причислить, что славянскаго движенія и его возможности они не понимаютъ, не могутъ завѣсить и, слѣдовательно, при своихъ политическихъ вычисленіяхъ, подвергаются большимъ ошибкамъ, остающимся въ нашу пользу, если мы, въ свою очередь, будемъ умѣть употребить ихъ.

Что они не понимаютъ Славянъ, такъ это мы видимъ и на томъ, что они даже Грековъ не проникли, Грековъ, которые находятся отчасти подъ ихъ властію, и вообще подъ надзоромъ и наблюденіемъ: они не предполагали возстанія. Австрія, вмѣстѣ съ Турціей, находятся на краю бездны, а все-таки не понимаютъ Славянъ; да и мы, едва-ли можемъ похвалиться предъ ними ясновидѣніемъ. Слѣдовательно, на всякаго мудреца бываетъ и простота.

Пеейдемъ теперь къ любезной Австріи, либимицѣ Суворова, Кутузова и Паскевича.

Разумѣется, сначала она не желала войны, потому что войною не могла ничего приобрести и много потерять, или, по крайней мѣрѣ, подвергаться опасности. Когда переговоры приняли рѣшительный характеръ и отношенія Англіи и Франціи натянулись, она не хотѣла поддержать требованія Россіи, и въ этомъ сдѣлала она, кромѣ безпримѣрной неблагодарности, ужасную ошибку, которая можетъ стоить ей очень дорого, а намъ принести пользу со временемъ, или даже скоро. Поддерживъ Россію въ извѣстную минуту, она уничтожила бы возможность войны, ибо Россія, не вполне изготовленная, очевидно, колебалась, и готова была къ умѣренности; драгоцѣнный для Австріи *in statu quo*, остался бы, можетъ быть, надолго. Положимъ, она боялась и боится Франціи, которая можетъ причинить ей много хлопотъ въ Италіи. Но кому можно вѣрить больше: Лудовику-Наполеону или Императору Николаю, не говоря уже о прежнихъ обязательствахъ—нравственныхъ и положительныхъ? Если Лудовикъ-Наполеонъ сладить съ Россіей, то оставитъ-ли онъ ей Италію? А держась за Россію,—она смѣло могла надѣяться на нашу помощь и задержать много наши дѣйствія въ Турціи. Въ дружбѣ она причинила бы намъ гораздо болѣе вреда, какъ и причиняла всегда, нежели во враждѣ. Она послушалась тайной своей ненависти, и Богъ не накажетъ: дни ея сочтены. Я говорилъ въ одномъ своемъ письмѣ, что Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ, чѣмъ другомъ. Сколько вреда она уже причинила намъ, даже въ продолженіе этой войны: какъ сначала она не хотѣла вымолвить одного слова въ пользу Россіи, такъ послѣ начала показывать непрерывно свое расположеніе къ союзнымъ державамъ, выставляя своимъ благодѣяніемъ для насъ нейтралитетъ, а между тѣмъ, все-таки, заставляя насъ, подъ личиною дружбы, бояться за свой тылъ.

Она старалась всѣми силами связывать руки Россіи, заявивъ цѣлость и неприкосновенность Турецкой имперіи (что мы за нею уже и безъ нужды повторяли), требовала, чтобы мы не переходили за Дунай, и грозила, въ противномъ случаѣ, занять Сербію. Что же представляла она дѣлать намъ? Прогуливаться въ княжествахъ и платить волошскимъ торгашамъ и вѣнскимъ подрядчикамъ чистыми деньгами за наше продовольствіе. Она позволяла намъ воевать съ тѣмъ только, чтобы мы отказались впередъ отъ всѣхъ выгодъ войны, аесли одиъ невыгоды. Какая добрая!

Положеніе Австріи понятно: она боится, и очень основательно для себя, чтобы мы, возбудивъ, или, по крайней мѣрѣ, подавъ поводъ къ восстановленію Славянъ Турецкихъ, не оказали вліянія и на Австрійскихъ, которые захотятъ того же, могутъ отдѣлиться отъ нея и

поколебать ея существованіе.* Второстепенныя опасенія — принадлежность Дуная Россіи. По сему она ненавидитъ насъ и подаетъ помощь Англии и Франціи, но она забываетъ, что одна мысль о разрывѣ ея съ Россіей ободритъ всѣ принадлежащія ей враждебныя населенія, начиная съ Сербовъ, и она подписала свой смертный приговоръ по тому же ослѣвленію.

Она погибнетъ вмѣстѣ съ Турціей, или вслѣдъ за нею, погибнетъ вслѣдствіе естественнаго распадена частей, которыя не могутъ держаться болѣе въ связи при столь развившихся народностяхъ.

Bella gerant alii, tu felix, Austria, nube — такъ опредѣлили Австрійскую имперію и судьбу знаменитый венгерскій король, Матвѣй Корвинъ.....

Австрія должна погибнуть, несмотря на всѣ усилія своихъ Меттерниховъ или іезуитовъ, которые не понимаютъ вполнѣ своей болѣзни и въ новое время надѣются напрасно на старыя лекарства. Но до гибели своей, она можетъ еще сдѣлать много зла, которое уже и начала, хотя, до сихъ поръ, отрицательно. Слѣдовательно, мы должны принять въ соображеніе ея послѣднія силы или усилія.

Пруссія имѣетъ менѣе причинъ опасаться насъ и, слѣдовательно, ненавидѣтъ, желать намъ зла. Но она должна бояться Франціи за рейнскую свою половину. Объявляя себя противъ насъ, она отклоняетъ западную опасность, — я говорю о правительствѣ, — и вмѣстѣ удовлетворяетъ общему мнѣнію, которое противъ насъ, а общее мнѣніе противъ насъ вслѣдствіе подозрѣнія о нашихъ деспотическихъ намѣреніяхъ, вслѣдствіе вмѣшательства въ ихъ домашнія дѣла. Дополненіемъ, предлогомъ или оправданіемъ войны противъ насъ, служитъ ей связь съ Германіей и обязанность покровительствовать ея интересамъ, которые подвергаются, будто, великой опасности, вслѣдствіе водворенія русскихъ на Дунаѣ. Опасности намъ со стороны Пруссіи больше, чѣмъ со стороны Австріи, потому что ея населеніе цѣльнѣе, а враждебная часть, Поляки, враждебна и намъ, слѣдовательно, не можетъ принести намъ пользы, какъ враждебное населеніе Австріи. Пруссія можетъ сдѣлать намъ много вреда, особенно въ соединеніи съ прочими.

Швеція, по крайней мѣрѣ, молодежь и лѣвая сторона, при такомъ общемъ возстаніи главныхъ державъ европейскихъ на Россію, надѣется возратить Финляндію и отмститъ сколько-нибудь за униженіе, въ чемъ, разумѣется, есть кому ее подкрѣплять и ободрять, есть чѣмъ обольщать; не станетъ дѣло и за угрозами.

Второстепенныя государства, волей и неволей, влекутся за главными.

И вотъ европейская печать, официальная и неофициальная, провозглашаетъ торжественно, что для политическаго равновѣсія, для успѣховъ цивилизаціи, для общаго благосостоянія, цѣлость и неприкосновенность Турціи необходима, а Россія должна быть обезсилена и обобрана, вслѣдствіе чего европейскія племена и спѣшатъ, со всѣми изобрѣтеніями наукъ и искусствъ, самыми новыми и губительными, на помощь Лунѣ противъ Креста и Корану противъ Евангелія!

Заключу это письмо словомъ писанія: Аще и совѣтъ совѣщаваютъ, разорить и Господь; аще и возмогутъ, и паки побѣждены будутъ, яко съ нами Богъ!

М. П. Погодинъ.

О ПОЛНОМЪ СОБРАНИИ ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Не безъ увѣренности можно сказать, что даже большинство нашихъ свѣдущихъ и опытныхъ юристовъ слишкомъ мало знакомо съ основнымъ источникомъ русскаго законодательства—съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ Россійской Имперіи“. Это зависитъ сколько отъ громадности изданія, столько же, если не болѣе, и отъ того значенія, какое придано было первоначально этому изданію въ юридической практикѣ, такъ какъ при разсмотрѣніи 19-го января 1833 года въ государственномъ совѣтѣ „Свода Законовъ“ было высочайше утверждено мнѣніе совѣта, полагавшаго: „статьи Свода Законовъ признать единственнымъ основаніемъ при рѣшеніи дѣлъ такъ, чтобы текстъ законовъ служилъ только указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ статьи эти составлены, и не былъ бы самъ собою употребляемъ“. Вслѣдствіе этого прекратилась на практикѣ всякая связь между дѣйствующими законами, т. е., между „Сводомъ“, и его источниками, т. е., между „Полнымъ Собраніемъ“. При упомянутыхъ условіяхъ какое-либо объясненіе статьи „Свода Законовъ“ цитированными подъ ними подлинными узаконеніями, сдѣлалось совершенно излишнимъ, такъ какъ по точному смыслу указа, при которомъ былъ обнародованъ „Сводъ Законовъ“, „Сводъ“ этотъ, несмотря на сдѣланныя въ немъ при каждой статьѣ ссылки на „Полное Собраніе“, не могъ быть истолковываемъ подлинными указами, помѣщенными въ „Собраніи“.

Впрочемъ, и тогда еще относительно практическаго значенія „Полнаго Собранія Законовъ“ были высказаны въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія, противоположныя тому, какое было принято имъ окончательно. Такъ, во-первыхъ, было сдѣлано предложеніе: признать статьи „Свода“—закономъ, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія о су-

ществованіи закона, ни объ его смыслѣ; коль скоро же родится такое сомнѣніе, то прибѣгать къ самому тексту закона и разрѣшать сомнѣніе по этому тексту; во-вторыхъ, было предложено: признать текстъ законовъ единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ при рѣшеніи дѣлъ, а статьи „Свода“ только средствомъ вспомогательнымъ, или, такъ сказать, совѣщательнымъ, къ пріисканію ихъ и къ удостовѣренію въ ихъ смыслѣ.

Прежніе наши суды строго придерживались правила, изложеннаго въ упомянутомъ указѣ; они не только основывали свои рѣшенія исключительно на статьяхъ „Свода“, но и не принимали со стороны истцовъ, отвѣтчиковъ и обвиняемыхъ никакихъ поясненій, истолкованій и подкрѣпленій, заимствуемыхъ изъ „Полнаго Собранія Законовъ“. При изданіи „Судебныхъ Уставовъ“ 1864 года, первоначально приданное значеніе „Своду Законовъ“ въ сущности не измѣнилось; тѣмъ не менѣе, однако, новымъ судамъ какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и по дѣламъ гражданскимъ, въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ, вѣщено въ обязанность основывать рѣшенія на общемъ ихъ смыслѣ. Допустивъ даже, что здѣсь подъ словомъ „законы“ подразумѣваются только статьи „Свода“, все-таки нельзя не признать, что и при такомъ условіи „Полное Собраніе Законовъ“ должно служить важнѣйшимъ пособіемъ для разясненія смысла закона. Такое разясненіе лучше всего можетъ быть сдѣлано на основаніи послѣдовательнаго развитія какого-нибудь узаконенія или въ извѣстномъ случаѣ только при знакомствѣ съ его подлинникомъ, если изъ него видны какъ причины, вызвавшія какой-либо законъ, такъ и тѣ,—юридическія и правическія,—соображенія, какія имѣлись при этомъ въ виду у законодательной власти. Съ своей стороны новыя суды хотя и основываютъ, какъ и прежніе, свои рѣшенія только на текстѣ „Свода Законовъ“, но тѣмъ не менѣе они со стороны лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, допускаютъ разясненія „Свода“ ссылками на „Полное Собраніе“ и при своихъ постановленіяхъ принимаютъ въ соображеніе такія разясненія, хотя и не заявляютъ объ этомъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Бывали даже и такіе случаи, гдѣ для разрѣшенія на судѣ какого-либо спорнаго между сторонами вопроса требовалось предъявленіе подлиннаго узаконенія, т. е., требовалось позаймствование изъ „Полнаго Собранія Законовъ“.

При новомъ судебномъ порядкѣ истинный смыслъ законовъ разясняется, какъ извѣстно, кассационными департаментами правительствующаго сената; но намъ не приводилось встрѣчать до сихъ поръ, чтобы въ рѣшеніяхъ этихъ департаментовъ дѣлались ссылки на „Полное Собраніе Законовъ“, а между тѣмъ такой способъ разясненія

смысла законовъ должно признать самымъ правильнымъ. Онъ устранялъ бы произвольныя, иной разъ, истолкованія и придавалъ бы кассационнымъ рѣшеніямъ, особенно по гражданскимъ дѣламъ, ту силу, какую получаетъ разъясненіе каждаго юридическаго вопроса, основанное на историческомъ его изученіи. Мы замѣтили, что въ рѣшеніяхъ кассационныхъ департаментовъ сената не встрѣчается при разъясненіи законовъ ссылокъ на ихъ подлинники, но мы полагаемъ, что, несмотря на отсутствіе въ упомянутыхъ рѣшеніяхъ слѣдовъ подобной работы, и сенаторы, и оберъ-прокуроры съ ихъ товарищами нерѣдко готовятъ свои воззрѣнія на истинный смыслъ закона, изложеннаго въ „Сводѣ“, предварительнымъ и разностороннимъ ознакомленіемъ съ тѣми узаконеніями, которыя находятся въ „Полномъ Собраніи“ и на которыхъ основаны статьи „Свода“. Не допускать такого предположенія—значило бы отнимать много внутреннихъ достоинствъ у трудовъ такого учрежденія, какимъ должно быть высшее кассационное учрежденіе.

Независимо отъ этого, надобно предполагать, что представители и другихъ нашихъ судебныхъ учреждений, да и вообще наши юристы, должны быть заинтересованы въ томъ, чтобы знать основательно не только букву, но и смыслъ закона; безъ всякаго, однако, сомнѣнія, такой смыслъ можетъ быть изученъ несравненно основательнѣе по подлиннымъ узаконеніямъ, находящимся въ „Полномъ Собраніи“, нежели по одгѣмъ только статьямъ „Свода“, въ которыхъ никакое узаконеніе не представляется въ историческомъ и послѣдовательномъ его развитіи. Можно сказать, что знакомство съ подлинными узаконеніями было бы нерѣдко весьма полезно защитникамъ особенно по дѣламъ гражданскимъ. Всѣ существенныя узаконенія, примѣняемыя къ этимъ дѣламъ, до сихъ поръ основываются у насъ преимущественно на старинномъ нашемъ законодательствѣ. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ статьи 1-й части X тома „Свода Законовъ Гражданскихъ“, такъ какъ большая часть ссылокъ, находящихся подъ этими статьями, восходитъ ко времени „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича. Нельзя, однако, не сказать, что наши юристы-практики весьма рѣдко, да и вообще едва-ли даже пользуются этимъ чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ. Въ своихъ кассационныхъ просьбахъ, не говоря уже объ апелляционныхъ, а тѣмъ болѣе исковыхъ прошеніяхъ, они въ подходящихъ случаяхъ разъясняютъ въ свою пользу смыслъ законовъ или на толкованіи статей „Свода“ и на ихъ взаимномъ сопоставленіи, или на собственныхъ своихъ умозрительныхъ выводахъ и соображеніяхъ и даже на послылкахъ къ иностраннымъ юридическимъ теоріямъ. Между тѣмъ они иной разъ, въ подкрѣпленіе своихъ лич-

ныхъ соображеній, могли бы очень удобно приводить подлинныя узаконенія, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, представляли бы болѣе вѣское доказательство, нежели одни только личныя воззрѣнія защитниковъ. Въ подобныхъ случаяхъ судамъ и даже кассационному сенату приводилось бы опровергать уже не собственные доводы частныхъ лицъ, но смыслъ самаго закона въ историческомъ и всестороннемъ его развитіи. Упомянутый недостатокъ нашей адвокатуры объясняется, какъ кажется, прежде всего тѣмъ, что въ настоящее время представители ея не могутъ, съ необходимымъ для того удобствомъ, пользоваться „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“, которое вообще не только слишкомъ дорого, но и сдѣлалось уже библиографическою рѣдкостью, такъ что для наведенія по немъ справокъ требуется отправиться или въ библиотеки, или въ присутственныя мѣста, а это, кромѣ трудовъ, отнимаетъ не мало времени, которымъ долженъ дорожить каждый дѣловой человѣкъ. Наконецъ вообще для практика-юриста знакомство съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ полезно въ томъ отношеніи, что такое знакомство способствуетъ установленію взглядовъ на юридическіе вопросы, наводитъ на новыя мысли и вліяетъ на внѣшнюю обработку его письменныхъ трудовъ и его рѣчи, потому что никакъ нельзя отвергать того, что „Полное Собраніе“ вмѣщаетъ въ себѣ множество такихъ мѣстныхъ терминовъ и точныхъ опредѣленій, каковыхъ нѣрѣдко съ большимъ или меньшимъ трудомъ приходится доискиваться современному русскому юристу, не знакомому съ языкомъ нашего стариннаго законодательства.

Сверхъ юридическихъ матеріаловъ, въ прямомъ значеніи этихъ словъ, „Полное Собраніе Законовъ“ заключаетъ въ себѣ и главнѣйшіе источники для русской исторіи, начиная съ 1649 г. Въ „Собраніе“ это внесены были и такія случайныя или временныя распоряженія правительства, которыя, не представляя сами по себѣ юридической важности, имѣютъ, однако, историческое значеніе. Такія распоряженія сохранены были въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, какъ памятники того вѣка, къ которому они относились, какъ указаніе общественныхъ нравовъ и гражданской жизни той эпохи, когда они были изданы. Кромѣ того, „Полное Собраніе Законовъ“ служитъ весьма значительнымъ пособіемъ для знакомства съ отношеніями, существовавшими въ разное время между Россією и другими государствами, а также для изученія старинной нашей географіи и нашего стариннаго письменнаго языка, постепенная выработка котораго едва-ли представляется въ какихъ-либо другихъ матеріалахъ съ такою наглядностію, какъ въ упомянутомъ изданіи. Ни въ какихъ другихъ письменныхъ памятникахъ не замѣтенъ такъ рѣзко переходъ

отъ дѣловаго языка московскихъ приказовъ къ той иноязычной смѣси, какая появилась въ нашемъ канцелярскомъ слогѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію „Полнаго Собранія Законовъ“ въ нѣкоторыхъ его частностяхъ и къ обсужденію тѣхъ основаній, на какихъ оно должно было бы быть издано въ виду современныхъ требованій исторической и юридической науки,—необходимо указать, въ какомъ положеніи находились матеріалы нашего законодательства до изданія „Полнаго Собранія“. Не касаясь исторіи нашего законодательства вообще, мы выдѣлимъ изъ нея только ту ея часть, которая относится собственно къ собиранію, а не къ кодификаціи законовъ. До изданія „Полнаго Собранія“ у насъ время отъ времени появлялись въ печати сборники указовъ, издаваемые сенатомъ или частными лицами. Такъ, отъ сената были, въ 1721 и 1726 гг., напечатаны: „Копіи его царскаго величества указовъ, состоявшихся въ 1719 и 1720 гг.“, а въ 1733 г. вышло второе изданіе этихъ „Копій“ съ прибавленіемъ къ нимъ указовъ 1721 г. Въ 1739 г. было напечатано „Собраніе указовъ императора Петра I“, начиная съ 1714 г. и кончая 28-мъ числомъ января 1725 г. Изданіе это было повторено въ 1799 г. Въ 1743 г. появился „Сборникъ указовъ“ Екатерины I и Петра II. Указы Екатерины II были издаваемы въ видѣ сборниковъ, по нѣскольکو разъ. Всѣхъ такихъ изданій было 30. Наконецъ сенатомъ были изданы указы императоровъ Павла I за 1798, 1799 и 1800 гг. и Александра I за 1808 г. Кромѣ того, было напечатано собраніе указовъ, отдѣльно изданныхъ, за время отъ 1725 по 1800 г. включительно. Изъ частныхъ изданій такого рода было наиболѣе замѣчательно изданіе, предпринятое Львомъ Максимовичемъ, подъ заглавіемъ: „Указатель російскихъ законовъ, временныхъ учрежденій, суда и расправы“. Изданіе это продолжалось съ 1803 по 1808 г. и состояло изъ тринадцати томовъ, заключающихъ въ себѣ узаконенія со временъ Владиміра Святаго по 1802 г. Единъ изданіе Максимовича сдѣлалось такою библиографическою рѣдкостію, что даже въ Императорской Публичной Библіотекѣ не достаеетъ нѣсколькихъ томовъ упомянутаго „Указателя“.

Независимо отъ означенныхъ выше изданій, коммиссія для составленія законовъ издала „Хронологическій реестръ узаконеніямъ, содержащимся въ ея архивахъ“, а въ 1821 г. были изданы „Ключъ на книги законовъ, изобрѣтенный Алексѣемъ Щербатовымъ“ и „Ключъ къ отверстію законовъ“—того же изобрѣтателя. Въ 1823 г. былъ напечатанъ отъ сената „Общій указатель російскихъ законовъ или оглавленіе высочайшихъ повелѣній и послѣдовавшихъ отъ правитель-

ствующаго сената указовъ съ показаніемъ, гдѣ оныя напечатаны съ 1801 по 1813 г.". Изданіе это было повторено въ Москвѣ въ 1824 г.

Изъ предисловія къ „Полному Собранію“ мы узнаемъ, что недостатокъ такого „Собранія“ былъ въ прежнее время замѣняемъ отчасти изданіемъ слѣдующихъ книгъ и журналовъ: 1) „С.-Петербургскаго Вѣстника“ 1778—1781 гг.; 2) „Древней Россійской Вивліюенки“ 1788—1791 гг.; 3) „Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ 1803—1817 гг.; 4) „С.-Петербургскаго Журнала“ 1804—1809 гг.; 5) „С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей“ 1809—1829 гг.; 6) „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“ 1813—1827 гг.; 7) „Систематическаго Свода существующихъ законовъ Россійской Имперіи“ 1815—1823 гг. и, наконецъ, 8) „Журнала Законодательства“ 1817—1829 гг.

Собственно же начало собранію не только печатныхъ, но и рукописныхъ памятниковъ нашего законодательства, положено было извѣстнымъ дѣятелемъ екатерининской эпохи Н. И. Новиковымъ. Онъ первый началъ печатать ихъ въ своей „Вивліюенкѣ“, и только спустя восемь лѣтъ послѣ перваго появленія этого изданія, императрица Екатерина II вздумала поручить такую работу академику Миллеру.

Обнародованіе законовъ посредствомъ печати началось у насъ собственно со времени изданія „Соборнаго Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича. До тѣхъ же поръ никакіе гражданскіе законы печатаемы у насъ не были, а былъ изданъ только „Номоканонъ“ или „Кормчая Книга“, заключающая въ себѣ уставы православной церкви. Что же касается „Уложенія“, то оно было въ первый разъ напечатано въ 1649 г. въ Москвѣ съ подлинника, написаннаго въ столбцѣ, и въ слѣдующемъ году разослао при указахъ, для руководства, къ областнымъ намістникамъ и воеводамъ. Послѣ того, въ 1654 г., была напечатана славянскими буквами „Уставная грамота о мостахъ и перевозахъ“. а въ 1667 г.—„Торговый Уставъ“. Затѣмъ, въ 1710 г., гражданскимъ шрифтомъ были напечатаны: „Инструкція и артикулы военные россійскому флоту“, „Воинскій Уставъ“, „Генеральный Регламентъ“, „Морской Уставъ“, „Духовный Регламентъ“, а также нѣкоторые другіе уставы, наказы и учрежденія.

Мысль о постоянномъ обнародованіи посредствомъ печати вновь издаваемыхъ законовъ принадлежитъ, какъ и вообще всѣ зачатки улучшеній въ нашихъ государственныхъ порядкахъ, Петру Великому. Упомянутый способъ обнародованія былъ введенъ имъ въ 1714 г. До того же времени указы не печатались, но были рассылаемы къ исполненію въ рукописяхъ, иной разъ съ повелѣніемъ прокликать о нихъ въ городахъ бирючамъ. Такихъ разосланныхъ, но не напечатан-

ныхъ, указовъ считалось со времени изданія Уложенія и по 1714 г до 2,000; всѣ они, въ продолженіи 65-ти лѣтъ, обращались только въ спискахъ, при чемъ неизбежно должны были наполняться ошибками, неточностями и даже, что весьма вѣроятно, подвергались умышленнымъ пропускамъ, дополненіямъ и искаженіямъ.

Въ 1714 г. Петръ Великій повелѣлъ: „всѣ указы, исходящіе по генеральнымъ дѣламъ, печатать для всенароднаго извѣстія“; но тогдашнія типографскія средства не позволяли привести въ исполненіе мысль государя во всей ея полнотѣ.

Не касаясь здѣсь вопроса о внутреннемъ достоинствѣ и недостаткахъ стариннаго нашего законодательства и не дѣлая въ этомъ отношеніи никакихъ критическихъ замѣчаній, должно однако сказать, что внѣшняя его сторона, даже въ царствованіе Екатерины II, представлялась въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ. Такъ напримѣръ, устраивая губернское управленіе въ Россіи, Екатерина II не озаботилась о томъ, чтобы дать въ руки исполнителямъ законовъ эти послѣдніе. Издаваемые послѣ „Учрежденія о губерніяхъ“ указы разсылались въ маломъ числѣ печатныхъ экземпляровъ, да и то въ одни лишь главные присутственныя мѣста, а отсюда они шли во второстепенныя — въ крайне неисправныхъ спискахъ. На всю губернію посылалось изъ сената обыкновенно не болѣе двухъ или трехъ печатныхъ экземпляровъ новаго указа, а такъ какъ экземпляры эти легко утрачивались, то бывали иногда цѣлыя губерніи, въ которыхъ находились только болѣе или менѣе искаженные списки съ печатныхъ указовъ. Когда же стали дѣйствовать устроенныя Екатериною II губернскія учрежденія, то имъ пришлось самимъ переписывать законы или одолжаться, въ случаѣ надобности, въ другихъ мѣстахъ, или же наконецъ посылать за справками въ коллежскій архивъ.

При Александрѣ I установилась болѣе правильная и болѣе щедрая разсылка печатныхъ указовъ, но замѣчательно, что только при императорѣ Николаѣ была допущена продажа указовъ частнымъ лицамъ; до того же времени такой способъ распространенія указовъ считался не соотвѣтствующимъ достоинству правительства. Между тѣмъ законы прежнихъ лѣтъ, необходиміе при производствѣ какъ судебныхъ, такъ и административныхъ дѣлъ, не были еще собраны и они, какъ мы уже видѣли, были разбѣяны во множествѣ отдѣльныхъ разновременныхъ сборниковъ или въ рукописяхъ, не имѣвшихъ ни надлежащей полноты, ни необходимой достовѣрности. Вслѣдствіе этого, при примѣненіи законовъ къ дѣламъ представлялись ежедневны и весьма важныя затрудненія, тѣмъ болѣе, что и новые, хотя бы уже и всѣмъ извѣстные и вполне удовлетворительно изданные законы, ссылались

очень часто на законы прежняго времени, такъ что сила дѣйствующихъ законовъ, во многихъ случаяхъ, могла быть опредѣляема только по соображенію ихъ съ предшествовавшимъ законодательствомъ. Въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ и затрудненій и возникло предположеніе объ изданіи „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“.

Независимо, впрочемъ, отъ этого, оказывалась еще и другая потребность въ подобномъ изданіи.

Еще въ 1701 г. Петръ Великій задумалъ улучшить наше законодательство посредствомъ свода существующихъ и составленія дополнительныхъ узаконеній. Предполагаемый Петромъ Великимъ сводъ долженствовалъ быть не собраніемъ и не выписками изъ законовъ, расположенныхъ постепенно по времени ихъ изданія, безъ взаимнаго между собою соглашенія. Мысль Петра клонилась къ другой формѣ изданія законовъ. Подъ „Сводомъ“ онъ подразумѣвалъ самостоятельную законодательную работу, желая имѣть „Сводное Уложеніе“, т. е., „Уложеніе“ своего отца, согласенное съ изданными впоследствии законами. Война со Швеціею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннія преобразованія, поглощавшія всю дѣятельность государя, отвлекли его, по всей вѣроятности, отъ исполненія этой задачи. При томъ, какъ мы полагаемъ, Петръ Великій, вдумавшись во всѣ частности такого предпріятія, могъ замѣтить, что старинное московское „Уложеніе“ и послѣдовавшіе затѣмъ указы будутъ имѣть только слабую связь съ тѣми новыми порядками, какіе водворялъ онъ самъ, увлоняясь иной разъ въ этомъ случаѣ слишкомъ далеко отъ того пути, по которому шло до него развитіе государственной и общественной нашей жизни. Мало этого, въ старинномъ московскомъ законодательствѣ Петръ могъ встрѣчать очень часто прямыя противорѣчія своимъ собственнымъ понятіямъ и взглядамъ. Какъ бы, впрочемъ, то ни было, но предположеніе Петра о законодательныхъ работахъ осталось безъ осуществленія. Послѣ учрежденія имъ „Уложенной Комиссіи“ были учреждены, въ разное время, шесть, одна за другой, подобныхъ комиссій, въ заключеніе которыхъ явилась екатерининская комиссія депутатовъ для сочиненія новаго „Уложенія“, надѣлавшая столько шума даже въ Европѣ и кончившаяся, однако, тѣмъ же, чѣмъ кончались всѣ предшествовавшія ей комиссіи такого же рода. Девятая комиссія для составленія законовъ была учреждена въ 1797 г. Комиссія эта должна была извлечь изъ существовавшихъ въ ту пору узаконеній систематическія книги; но комиссія ограничилась только приступомъ къ своей задачѣ, оставивъ собранные ею матеріалы даже безъ поверхностнаго обозрѣнія. Десятая комиссія была учреждена въ 1803 г. Главнымъ въ ней дѣятелемъ явился баронъ Розенкампфъ, призванный къ зани-

тіямъ по рекомендаціи своего товарища по лейпцигскому университету, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Розенкампфъ былъ родомъ лифляндецъ и по-русски зналъ весьма плохо. Кромѣ того, онъ не выяснилъ вполнѣ предстоявшей ему задачи, не зналъ, какъ распорядиться бывшими у него подъ руками матеріалами; онъ то хотѣлъ слѣлать изданіе законовъ какимъ-то историческо-археологическимъ трудомъ, то намѣревался придать этому изданію критическій характеръ и, подъ вліяніемъ этой мысли, принимался за сличеніе русскаго законодательства съ иностранными законодательствами. Понятно, что при такомъ, во всѣхъ отношеніяхъ не подходившемъ къ дѣлу, главномъ руководителѣ оно подвигалось чрезвычайно туго. На какой бы системѣ не остановился Розенкампфъ, хотя бы на самой простѣйшей, а именно только на собраніи законовъ въ хронологическомъ порядкѣ, то и при этомъ онъ все-таки, по незнанію имъ русскаго языка, долженъ былъ становиться въ тупикъ передъ множествомъ разныхъ хотя бы, повидимому, и мелочныхъ вопросовъ. Ему прежде всего приходилось работать при посредствѣ переводчиковъ, которые, однако, были слишкомъ слабо подготовлены къ исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей. При томъ вообще старинный нашъ юридическій слогъ не поддавался нѣмецкимъ переводкамъ, а потому все дѣло чрезвычайно затормозилось. Въ 1808 г. въ комиссію, завѣдываемую Розенкампомъ, былъ назначенъ Сперанскій и онъ вскорѣ сдѣлался тамъ главнымъ и чуть-ли даже не единственнымъ руководителемъ всѣхъ работъ. При немъ вопросъ объ изданіи „Полнаго Собранія Законовъ“ на время совершенно упразднился, такъ какъ Сперанскій предпочиталъ писать для Россіи новые проекты законовъ, не справляясь вовсе съ прежде изданными у насъ узаконеніями. Между тѣмъ въ ту пору, когда Сперанскій подготавлиалъ „Гражданское Уложеніе“, примѣняясь къ кодексу Наполеона, Карамзинъ въ запискѣ своей: „О старой и новой Россіи“ нападалъ на законодательныя работы Сперанскаго. Едва-ли можно оспаривать тотъ фактъ, что Карамзинъ въ этихъ нападкахъ былъ преимущественно отголоскомъ тѣхъ русскихъ патриотовъ, которые были проникнуты непримиримою враждою къ тогдашней Франціи, и что онъ работалъ своимъ искуснымъ перомъ не столько для нашего законодательства, сколько въ пользу той придворной партіи, которая была противъ Сперанскаго. Тѣмъ не менѣе, однако, нельзя не признать, что Карамзинъ былъ правъ, когда заявлялъ, что прежде, чѣмъ приступить къ составленію „Свода Законовъ“ или даже отдѣльныхъ его частей, необходимо собрать всѣ изданныя въ прежнее время законы, распредѣлить ихъ по предметамъ, соединить однородныя части въ одно

цѣлое и потомъ исправить то, что требуетъ перемены. Впослѣдствіи и самъ Сперанскій, ставъ вторично въ главѣ законодательныхъ работъ, измѣнилъ свои прежнія теоретическія воззрѣнія и подъ его прямымъ руководствомъ былъ — худо-ли, хорошо-ли — составленъ нынѣ дѣйствующій у насъ „Сводъ Законовъ“ единственно на основаніи „Полнаго Собранія Законовъ“, изданнаго также подъ наблюденіемъ Сперанскаго. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о „Сводѣ“ и оставимся только на „Полномъ Собраніи“.

Казалось бы, что изданіе „Полнаго Собранія“, относительно потребныхъ для него матеріаловъ не могло представлять особыхъ затрудненій, такъ какъ надобно было предполагать, что если въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ получались указы къ исполненію, эти послѣдніе могли быть утрачены, то все-таки подлинныя законы могли быть безъ труда найдены въ предназначенныхъ имъ хранилищахъ. Легкость ихъ отысканія представлялась тѣмъ вѣроятнѣе, что самое ихъ собраніе не должно было восходить къ отдаленной древности, но начаться только съ 1649 г., т. е., со времени изданія „Уложенія“, когда уже были довольно правильно устроены центральные органы государственнаго управленія. Вышло, однако, иначе: и при самомъ собраніи подлинныхъ законовъ представились чрезвычайныя затрудненія. Это объясняется слѣдующими обстоятельствами.

До учрежденія, въ 1711 г., правительствующаго сената, подлинныя узаконенія, начиная съ 1649 г., хранились въ архивахъ старинныхъ приказовъ: Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго Иноземнаго и т. д. Эти частныя архивы были соединены впослѣдствіи въ вотчинномъ архивѣ, находившемся при сенатѣ, и въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ. Затѣмъ съ 1711 г. подлинныя узаконенія стали поступать, главнымъ образомъ, въ с.-петербургскій сенатскій архивъ, а также въ архивъ старыхъ государственныхъ дѣлъ. Кромѣ того, соотвѣтственно содержанію узаконеній, они начали распределяться по архивамъ разныхъ высшихъ управленій, какъ-то: святѣйшаго синода, кабинета, департамента удѣловъ, главнаго штаба его императорскаго величества, по бывшей военной коллегіи, морскаго департамента, а также по архивамъ министерствъ и разныхъ департаментовъ. Вслѣдствіе такой разбросанности тѣхъ матеріаловъ, которые должны были войти въ составъ „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“, представлялось необходимымъ произвести самыя тщательныя розысканія въ архивахъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ, какъ можно было надѣяться, должно было быть отыскано какое-нибудь подлинное узаконеніе. Между тѣмъ состояніе всѣхъ архивовъ было крайне неудовлетворительно: они не были устроены и разобраны

какъ слѣдуетъ. Лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что ни въ одномъ архивѣ, даже въ архивѣ сената—этого первенствующаго хранителя законовъ,—не было найдено полныхъ реестровъ изданнымъ въ разное время узаконеніямъ. Собственно же въ реестрахъ бывшей комиссіи для составленія законовъ означено было 23,433 указа. Къ этому изъ обоихъ сенатскихъ архивовъ, с.-петербургскаго и московскаго, было присоединено 20,472 указа; въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ отыскалось 445 указовъ и, наконецъ, въ архивахъ военной коллегіи и разныхъ министерствъ оказалось 8,889 указовъ. Такимъ образомъ, ко времени составленія „Полнаго Собранія“ число всѣхъ указовъ простиралось по реестрамъ до 53,239. Но это нарицательное число значительно уменьшалось въ дѣйствительности вслѣдствіе того, что въ реестрахъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ, многіе указы были означены вдвойнѣ, хотя и подъ не одинаковыми заглавіями и не подъ однимъ и тѣмъ же временемъ ихъ изданія. Кромѣ того, въ упомянутыхъ реестрахъ были показаны, какъ отдѣльные указы, только отдѣльныя статьи или отрывки изъ цѣлыхъ указовъ. Наконецъ, въ общемъ числѣ указовъ, внесенныхъ въ реестры, были и такіе, которые, не составляя закона, не подлежали внесенію въ „Полное Собраніе Законовъ“.

Само собою разумѣется, что собраніе законовъ по однимъ только реестрамъ не представляло никакого ручательства въ томъ, что отъ поисковъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, которая занималась этимъ дѣломъ, не ускользнетъ какой-нибудь актъ, долженствующій войти въ „Полное Собраніе Законовъ“. Поэтому признано было нужнымъ пересмотрѣть всѣ дѣла тѣхъ учреждений, въ которыхъ, какъ надобно было предполагать, могли находиться подлинныя узаконенія. При всей тщательности работы, недомотры были неизбѣжны. Такъ, напримѣръ, не былъ найденъ весьма важный указъ Петра Великаго объ отмѣнѣ праважа крѣпостныхъ людей за долги ихъ помѣщиковъ. Указъ этотъ, данный въ 1711 г., былъ найденъ извѣстнымъ нашимъ юристомъ К. П. Побѣдоносцевымъ уже гораздо позже изданія перваго „Полнаго Собранія Законовъ“ подъ однимъ суднымъ дѣломъ 1719 г. Мало того, труды г. Баранова, по приведенію въ порядокъ с.-петербургскаго сенатскаго архива, показали, что въ „Полное Собраніе“ не вошло весьма много указовъ Петра Великаго, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ законодательное значеніе. Нашествіе Французовъ на Москву не осталось безъ вреднаго вліянія на тамошніе архивы. Мы, напримѣръ, знаемъ по собственному опыту, что въ вотчинномъ архивѣ, вслѣдствіе этого не

оказывается теперь нѣкоторыхъ дѣлъ, относящихся къ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Приводимыя нами замѣчанія о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при составленіи „Полнаго Собранія Законовъ“, относятся преимущественно къ тѣмъ 40 томамъ, которые носятъ названіе „Перваго Собранія“ и обнимаютъ собою періодъ времени съ 29-го января 1649 по 12-е декабря 1825 года. При изданіи же „Второга Собранія“ уже не встрѣчалось такихъ большихъ затрудненій, и чѣмъ болѣе близится это „Собраніе“ къ нашему времени, тѣмъ болѣе оно представляется и полноты, и точности.

Число всѣхъ узаконеній, вошедшихъ въ составъ перваго „Собранія“, простирается до 30,600 указовъ. Наибольшая ихъ часть, а именно 10,822, относится къ царствованію императора Александра I. Затѣмъ прочіе указы распредѣляются по отдѣльнымъ царствованіямъ въ слѣдующихъ числахъ: на царствованіе Екатерины II приходится 5,948 указовъ; на царствованіе Петра I—3,107; на царствованіе Елисаветы Петровны—2,917; на царствованіе Анны Іоанновны—2,765; на царствованіе Павла Петровича—2,249; на двоцарствіе Петра и Іоанна Алексѣевичей—622; на царствованія: Алексѣя Михайловича—618; Екатерины I—427; Петра II—427; Θεодора Алексѣевича—295; на правленіе герцога Курляндскаго и принцессы Анны Леопольдовны—211 и на царствованіе Петра III—192 указа.

Эти числовыя данныя не представляютъ, однако, никакой возможности судить объ обширности и—что еще важнѣе—о полезности законодательства въ тотъ или другой изъ означенныхъ періодовъ. Такъ, напримѣръ, въ продолженіе двадцати-деяти-лѣтняго единодержавія Петра Великаго, когда, безъ всякаго сомнѣнія, приводились въ исполненіе самыя обширныя предначертанія, появилось только 3,107 узаконеній, тогда какъ ихъ появилось 2,249 въ царствованіе императора Павла, продолжавшееся всего четыре года и два съ половиною мѣсяца. Если бы, однако, внѣшняя законодательная дѣятельность Петра I соотвѣтствовала такой же дѣятельности Павла I, то—соразмѣрно съ продолжительностію государственванія того и другаго—послѣ перваго изъ нихъ должно было бы остаться, по крайней мѣрѣ, 15,000 узаконеній, а число указовъ послѣ втораго могло бы ограничиться съ небольшимъ 410 указами. Въ такомъ же смыслѣ можно сдѣлать замѣчаніе и относительно царствованій Анны Іоанновны и Екатерины II. Отъ царствованія первой изъ нихъ, продолжавшагося всего десять лѣтъ и девять мѣсяцевъ, осталось 2,765 узаконеній; тогда какъ число ихъ за время тридцати-трехъ-лѣтняго царствованія Екатерины II доходитъ только до 5,948, хотя, какъ извѣстно, екатерининская эпоха

сопровождалась несравненно болѣе обширной законодательною дѣятельностію. Такая несоразмѣрность въ числѣ узаконеній зависѣла преимущественно отъ случайности. Такъ, напримѣръ, просматривая внесенныя въ „Полное Собраніе“ узаконенія и въ особенности личныя распоряженія императора Павла I, нельзя не замѣтить, что болѣшая часть ихъ не вызывалась общимъ ходомъ нашего государственнаго управленія, но очень часто только какимъ-нибудь случайнымъ и даже не важнымъ обстоятельствомъ, обратившимъ на себя вниманіе самаго государя. Кромѣ того, число указовъ зависѣло въ нѣкоторой степени отъ системы ихъ подтвержденія, что замѣчается особенно часто въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровы. Наконецъ, увеличенію или, наоборотъ, уменьшенію числа указовъ за тотъ или другой періодъ содѣйствовали самый способъ изданія законовъ. Такъ, напримѣръ, сравнительно малое ихъ число въ царствованіе Петра Великаго и Екатерины II, до извѣстной степени, объясняется тѣмъ, что при нихъ издавались очень часто узаконенія, обнимавшія во всей полнотѣ или какой-нибудь юридическій вопросъ, или казую-нибудь отрасль государственнаго управленія. Изданіе подобныхъ узаконеній не требовало потомъ, въ теченіи нѣкотораго времени, особыхъ указовъ на какіе-нибудь отдѣльные случаи, разрѣшаемые на основаніи общаго, изданнаго уже, законодательнаго акта, который, однако, при другой системѣ законодательныхъ актовъ могъ бы быть раздробленъ на множество мелкихъ указовъ.

При хронологическомъ, повидимому, столь простомъ размѣщеніи законовъ въ „Полномъ Собраніи“ ихъ, встрѣтились, однако, своего рода затрудненія. Это произошло отъ того, что на нѣкоторыхъ указахъ не было выставлено вовсе времени ихъ изданія. Другіе были помѣчены тѣмъ числомъ, когда они состоялись, а третьи—тѣмъ, въ которое они были обнародованы. Такая неодинаковая система означенія требовала, при размѣщеніи узаконеній, особыхъ обсужденій, и основнымъ правиломъ было принято—размѣщать указы въ хронологическомъ порядкѣ, соотвѣтственно тѣмъ числамъ, въ которыя они состоялись; если же на это не было никакихъ указаній, то принимать въ основаніе день ихъ обнародованія. При отсутствіи же того и другаго указанія, дѣлался комиссіею приблизительный выводъ о времени, когда состоялся законъ, подлежавшій внесенію въ „Полное Собраніе“.

Нельзя, однако, не сказать, что въ хронологическомъ размѣщеніи указовъ встрѣчаются въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ неточности; изъ нихъ нѣкоторыя оговорены самими составителями „Собранія“, а другія еще требуютъ особой повѣрки.

Болѣе важнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе затруднительнымъ для разрѣшенія вопросомъ, былъ вопросъ о томъ, какіе именно акты надлежало вносить въ „Полное Собраніе“? Разумѣется, что здѣсь долженъ былъ разсматриваться вопросъ не столько о значеніи закона съ отвлеченной, теоретической точки зрѣнія, сколько въ отношеніи того порядка, въ какомъ издавались тогда у насъ законы. Съ своей стороны составители „Полнаго Собранія“ придали слову „законъ“— самое широкое понятіе. Они, послѣ разсужденія о томъ, что законы изображаютъ внутреннюю жизнь государства, что въ нихъ видно, какимъ образомъ слагались и нравственныя, и политическія его силы, какъ онѣ возрастали и измѣнялись, и, принявъ затѣмъ въ основаніе, что съ изданіемъ „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича всѣ прежніе законы признаются не дѣйствительными,—поставили относительно состава „Полнаго Собранія Законовъ“ держаться слѣдующихъ правилъ.

Въ составъ предположеннаго къ изданію „Полнаго Собранія“ должны были входить „подъ именемъ законовъ, по порядку времени, всѣ постановленія, во всегдашнему исполненію отъ верховной власти или именемъ ея отъ учрежденныхъ ею мѣстъ и правительствъ происшедшія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, безъ всякаго изъятія“. Такимъ образомъ „Полное Собраніе Законовъ“, въ настоящемъ его видѣ, представляетъ собственно не только сборникъ законовъ, въ строгомъ значеніи слова, „законъ“, но и сборникъ правительственныхъ постановленій, которымъ придано „имя законовъ“, хотя они, по своему происхожденію, и не имѣютъ настоящей силы закона. Дѣйствительно, весьма не трудно привести изъ „Полнаго Собранія“ длинный рядъ такихъ, внесенныхъ туда „подъ именемъ закона“, постановленій, которыя нельзя признать ничѣмъ инымъ, какъ только правительственными распоряженіями, не получившими даже утвержденія со стороны верховной законодательной власти.

Въ 1-мъ томѣ „Перваго Полнаго Собранія“ есть даже одинъ актъ чисто повѣствовательнаго содержанія—о торжественномъ въѣздѣ царя Алексѣя Михайловича въ Москву. При томъ актъ этотъ, по самому своему изложенію, наводитъ на мысль, что онъ долженъ быть переводъ съ польскаго, по всей вѣроятности съ донесенія польскихъ пословъ въ Варшаву.

Въ „Полное Собраніе Законовъ“ внесены также и нѣкоторыя судебныя рѣшенія. Хотя такія рѣшенія имѣютъ силу единственно по тѣмъ дѣламъ, по которымъ они состоялись, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются между ними и рѣшенія, получающія обязательную силу и по другимъ дѣламъ, тождественнымъ съ тѣмъ дѣломъ, по которому со-

стоялось особое рѣшеніе. Къ числу подобныхъ рѣшеній относятся такія, сила которыхъ была распространена въ самомъ ихъ изложеніи, на всѣ одинаковые съ ними случаи. Къ этому же разряду рѣшеній, получающихъ какъ бы силу закона, принадлежатъ и такія рѣшенія, которыя въ началѣ были рѣшеніями только частными, но потомъ были приняты, какъ примѣръ и образецъ рѣшеній по другимъ однороднымъ дѣламъ. Сюда относятся и такія еще частныя рѣшенія, въ которыхъ было сдѣлано изъятіе изъ общаго закона, установленъ точный его смыслъ или были отвергнуты толкованія, несогласныя съ духомъ или буквою закона. Всѣ такого рода рѣшенія какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и по дѣламъ гражданскимъ, нашли себѣ мѣсто на страницахъ „Полнаго Собранія Законовъ“. Затѣмъ все, касающееся отдѣльныхъ случаевъ или лицъ, а также всѣ мѣры, временныя и случайныя, были исключены изъ „Полнаго Собранія“ съ тѣмъ лишь изъятіемъ, что въ него вошли распоряженія, важныя по историческому значенію. Они, какъ мы замѣтили выше, были сохранены, какъ памятникъ того вѣка, какъ указаніе его общественныхъ нравовъ, какъ изображеніе его гражданской жизни.

Послѣ выбора матеріаловъ, подлежащихъ внесенію въ „Полное Собраніе“, была сдѣлана троекратная ихъ повѣрка. Составленіе „Собранія“ началось въ 1826 г. и продолжалось до 1-го марта 1830 г. Къ печатанію „Собранія“ приступили 21-го мая 1828 г. и первые 40 томовъ были окончены 1-го апрѣля 1830 г. Для печатанія „Полнаго Собранія“ положено было, 22-го апрѣля 1827 г., учредить типографію при II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, при чемъ какъ въ рабочіе, такъ и въ мастера были взяты подготовленные люди изъ кантонистовъ и нижнихъ чиновъ внутренней стражи.

Каждый законъ печатался съ подлинника отъ слова до слова, и если онъ первоначально былъ на двухъ языкахъ, то оба его текста вносились въ „Полное Собраніе“. Тамъ, гдѣ были присоединены къ закону временныя, случайныя распоряженія, они выпускались и актъ былъ названъ выпискою; опускались обычные, помѣщенные въ указахъ титулы, но было оставляемо выраженіе „боаре приговорили“. Въ заглавіяхъ указовъ означалось: былъ-ли то указъ имянной, или сенатскій или другаго высшаго правительственнаго учрежденія. По своему объему томы „Полнаго Собранія“ весьма неравномѣрны, такъ какъ одни изъ нихъ содержатъ въ себѣ до 180, а другіе только до 100 листовъ. Это произошло отъ того, что въ каждый томъ вмѣщались—если только это было возможно—всѣ указы какого-либо царствованія, или же—при невозможности сдѣлать это—указы распредѣ-

лялись по цѣлымъ годамъ безъ перерыва на томъ или другомъ мѣсяцѣ. Къ первому „Полному Собранію“ присоединенъ, въ видѣ особыхъ томовъ—„Указатель“, который состоитъ изъ двухъ реестровъ, хронологическаго и алфавитнаго. Въ этомъ послѣднемъ главныя слова означаютъ предметы узаконеній, и подъ каждымъ такимъ словомъ приводятся, по порядку времени, съ означеніемъ тома и нумера указовъ, всѣ узаконенія, относящіяся до предмета, обозначеннаго главнымъ словомъ. При второмъ „Собраніи“ особаго „Алфавитнаго Указателя“ не имѣется, но такой „Указатель“ приспособленъ къ каждому отдѣльному тому.

„Полное Собраніе Законовъ“ дополняется „Книгою Штатовъ“, „Книгою Тарифовъ“ и „Книгою Чертежей и Рисунковъ“, представляющею образцовыя рисунки монеты, мѣръ, вѣсовъ и плановъ: межеванія, строенія городовъ и сель. Въ этой же книгѣ помѣщены рисунки гербовъ, присвоенныхъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ.

Въ настоящее время число всѣхъ книгъ „Полнаго Собранія“, доведеннаго до 1869 г., простирается до 111.

Изъ составленнаго такимъ образомъ „Полнаго Собранія Законовъ“ имѣлось въ виду сдѣлать тотчасъ же практическое употребленіе въ области нашего законодательства. Въ засѣданіи государственнаго совѣта, происходившемъ 19-го января 1833 г., когда совѣту были представлены „Сводъ Законовъ“ и 40 отпечатанныхъ уже томовъ „Полнаго Собранія Законовъ“, императоръ Николай объявилъ, что изъ всѣхъ предложенныхъ ему путей для составленія „Свода“, онъ выбралъ совершенно противоположный, такъ какъ вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, онъ велѣлъ: сперва собрать вполне и привести тѣ, которые уже существовали, и на основаніи ихъ составить „Сводъ Законовъ“. Съ своей же стороны составители „Свода“ и „Полнаго Собранія“ выражали, между прочимъ, ту мысль, что неуспѣхъ „Уложенной Комmissiи“, учрежденной еще Петромъ Великимъ, а также и неуспѣхъ всѣхъ послѣдующихъ комиссій, отыскиваемыхъ для составленія законовъ, обусловливался тѣмъ именно, что всѣ эти комиссії не имѣли для своихъ трудовъ твердаго снованія, т. е., „Полнаго Собранія Законовъ“. Комmissiи—говорили эти лица—должны были колебаться въ разныхъ предположеніяхъ, а усовершенствовать законы дополнительнымъ ихъ начертаніемъ невозможно было безъ точнаго и достовѣрнаго „Свода“, а „Свода“, въ свою очередь, нельзя было составить безъ полнаго и исправнаго текста всѣхъ прежде-изданныхъ законовъ. Слѣдовательно, первымъ, основнымъ шагомъ къ усовершенствованію законовъ, во всемъ ихъ объемѣ, должно было служить „Полное Собраніе Законовъ“. Къ этому лучшіе наши юристы того времени прибавляли, что „Сводъ“

долженъ утверждаться единственно на существующихъ уже законахъ, такъ какъ этого требуютъ историческая связь и цѣлость законодательства, дабы можно было основать будущее на полномъ обзорѣннн прошедшаго и настоящаго.

Такъ какъ при составленіи „Полнаго Собранія Законовъ“ имѣлось уже въ виду и составленіе ихъ „Свода“, то вопросъ о различіи между дѣйствующими и отмѣненными законами былъ, при первой изъ этихъ работъ, совершенно излишенъ, и въ „Полное Собраніе“ вносились безусловно всѣ собранные акты. Затѣмъ при составленіи „Свода“ они были приведены въ порядокъ, соотвѣтственно съ содержащимися въ нихъ предметами, и въ заключеніе слѣдовало согласить встрѣчающіяся въ нихъ противорѣчія и отмѣнить все то, что по чему-либо утратило свою ирещнюю силу. Извѣстно, однако, что эта работа была исполнена не совсѣмъ удачно и что въ „Сводѣ“ встрѣчается не мало такихъ ссылокъ на „Полное Собраніе“, которыя весьма неудовлетворительно подходятъ къ статьямъ самаго „Свода“, не говоря уже о томъ, что на многіе указы, имѣвшіе, болѣе или менѣе важное рѣшеніе, не было сдѣлано вовсе соотвѣтственныхъ ссылокъ.

Несмотря, однако, на такое, не совсѣмъ удачное, примѣненіе „Полнаго Собранія“ къ „Своду“, а также на нѣкоторые недостатки перваго изъ нихъ, „Полное Собраніе“ все-таки стоить во главѣ всѣхъ источниковъ по разработкѣ не только русскаго законодательства, но и русской исторіи, начиная съ половины XVII столѣтія. Между тѣмъ, въ настоящее время „Полнаго Собранія Законовъ“ въ продажѣ нѣтъ вовсе, а приобрѣтается оно только случайно, съ платою по 600 и даже по 800 рублей за полный экземпляръ, такъ что каждый томъ обходится круглою цифрою отъ 7 р. 50 коп. до 10 р. При этомъ, однако, никакъ нельзя быть увѣреннымъ, чтобы приобрѣтаемый за такую высокую цѣну экземпляръ „Полнаго Собранія“ не былъ изъ дефектныхъ. Даже не всѣ новыя судебныя учрежденія имѣютъ у себя означенное изданіе во всей полнотѣ, точно также какъ и многія присутственныя мѣста, открытыя послѣ перваго выхода его въ свѣтъ. Главнѣйшимъ же образомъ недостатокъ ощущается въ первомъ „Собраніи“, обнимающемъ собою періодъ времени отъ 1649 по 1825 годъ.

Въ виду этого, составитель настоящей статьи обратился въ 1872 году къ г. главноуправляющему II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, князю Сергѣю Николаевичу Урусову, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему—предпринять на изложенныхъ въ его докладной запискѣ основаніяхъ второе изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“. Вслѣдствіе такого ходатайства, Карновичу

или организуемой имъ компаніи дозволено: „перепечатать узаконенія, помѣщенные въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, въ цѣломъ ихъ составѣ или въ сокращенномъ видѣ, съ дополненіемъ этого изданія и тѣми узаконеніями, которыя почему-либо не вошли въ „Полное Собраніе“, а также сдѣлать это изданіе со всѣми усовершенствованіями, какія признаны будутъ имъ необходимыми для удобнѣйшаго употребленія и удешевленія этого изданія, но безъ всякаго участія, по редакціи со стороны II Отдѣленія“, которое поэтому обязало Карновича означить на изданіи, что это изданіе „частное“, „не называть его „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ и „не объявлять, что оно второе изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“, повелѣніемъ императора Николая I составленнаго“.

Хотя о предпринятомъ мною изданіи не было сдѣлано еще до сихъ поръ никакихъ печатныхъ заявленій, тѣмъ не менѣе въ одной изъ петербургскихъ газетъ („Бирж. Вѣд.“ 1873 года, № 333), обсуждались какъ настоящая потребность новаго изданія „Полнаго Собранія Законовъ“, такъ и способы для исполненія этого предпріятія; при чемъ высказывалось, что редакція означенной газеты „искренно была бы рада только тогда, если бы второе изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“ было сдѣлано, какъ и прежде, II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, потому что, по мнѣнію редакціи „Бирж. Вѣд.“, только такое официальное изданіе могло бы сполна удовлетворить всѣмъ научнымъ и практическимъ требованіямъ нашего общества“. Съ своей стороны редакція „Русской Старины“ за нѣсколько времени до появленія этого заявленія, высказала другой, совершенно противоположный ему, и, по нашему мнѣнію, несравненно болѣе правильный взглядъ, а именно: о предоставленіи такого предпріятія общественной дѣятельности. Такъ какъ, по всей вѣроятности, не одинъ только авторъ упомянутой газетной статьи раздѣляетъ мысль, „что второе изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“ должно быть предпринято II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“, то поэтому прежде всего предлежитъ къ обсужденію вопросъ: удобно-ли и даже возможно-ли исполнить это означенному учрежденію, а также, въ какомъ видѣ должно было бы появиться такое правительственное изданіе, и не возникло-ли бы

¹⁾ Замѣтимъ встать, что въ той же газетѣ сообщалось, что предпринятое Карновичемъ изданіе будетъ ведено по подпискѣ, между тѣмъ, какъ никакой подписки не открывалось и не открывается. Изданіе ведется на средства, предоставленныя нѣкоторыми частными лицами, безъ всякихъ субсидій отъ правительства.
Е. Е.

при этомъ какихъ-нибудь особыхъ затрудненій, которыя, при поверхностномъ взглядѣ на дѣло, теряются изъ виду?

Мы уже замѣтили выше, что на основаніи „Полнаго Собранія Законовъ“ былъ составленъ дѣйствующій нынѣ у насъ „Сводъ Законовъ“. Слѣдовательно, при этомъ съ законодательной точки зрѣнія было признано, что всѣ когда-либо изданныя до того времени законы вошли въ „Полное ихъ Собраніе“ и что затѣмъ въ „Сводъ Законовъ“ внесены только общіе, сдѣланные на основаніи ихъ выводы. Такое предположеніе, — положимъ, хоть въ дѣйствительности и не совсѣмъ вѣрное, — получило, однако, разъ навсегда окончательное утвержденіе со стороны законодательной власти. По этому „второе официальное“ изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“ можетъ быть только точнымъ, безъ малѣйшаго отступленія, воспроизведеніемъ перваго его изданія, такъ какъ официально сдѣланныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ запоздалая слишкомъ на сорокъ лѣтъ дополненія, измѣненія, поправки и разъясненія текста „Полнаго Собранія Законовъ“ поколебали бы, по неразрывной его связи съ „Сводомъ Законовъ“, юридическое значеніе этого послѣдняго. Всякое „официальное“ измѣненіе въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ указывало бы прежде всего, что тоже самое учрежденіе, т. е., II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, которое издало „Полное Собраніе Законовъ“, какъ вполнѣ достовѣрные юридическіе акты, отнимаетъ у нихъ „формальнымъ образомъ“ такое ихъ значеніе и тѣмъ самымъ разрушаетъ работу предшествовавшаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ „официальныя“ измѣненія въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ наводили бы сомнѣніе и на весь „Сводъ Законовъ“, вслѣдствіе того, что онъ составленъ на основаніи изданнаго уже однажды самимъ правительствомъ „Полнаго Собранія Законовъ“. По нашему мнѣнію, само второе отдѣленіе можетъ предпринять „второе“ изданіе этого „Собранія“ только тогда, когда дѣйствующій у насъ „Сводъ Законовъ“ замѣнится постепенно новыми особыми „Уставами“, „Уложеніями“, „Положеніями“, „Наказами“ и т. д., или, говоря иначе, только тогда, когда между текущимъ и предшествовавшимъ законодательствомъ, вмѣщающимся теперь въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, пресѣчется всякая и внутренняя, и внѣшняя связь. Тогда въ законахъ нашихъ не будетъ уже, какъ это дѣлается нынѣ, ссылокъ на „Полное Собраніе“ и тогда можетъ явиться второе „официальное“ его изданіе съ дополненіями, съ поправками и съ разъясненіями; но тогда, само собою разумѣется, „Полное Собраніе Законовъ“ будетъ имѣть уже не нынѣшнее юридическое, но одно только научное значеніе. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, хотя, повидимому, не столько

практичнымъ, сколько отвлеченнымъ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ уважительнымъ, второе „официальное изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“ можетъ быть пока только безусловнымъ повтореніемъ того, что было сдѣлано прежде; всякое же дополненіе, измѣненіе и разъясненіе, хотя бы и сдѣланное формальнымъ образомъ, можетъ имѣть въ юридическомъ отношеніи лишь такую силу, какую получаютъ подобныя работы, исполненныя частными лицами безъ участія въ редакціи со стороны II отдѣленія. Вообще, если бы II отдѣленіе приступило само къ новому изданію „Полнаго Собранія Законовъ“, то оно должно было бы ограничиться при этомъ только тѣми указами и только тѣмъ ихъ текстомъ, какіе имѣлись въ виду при первомъ изданіи и служили какъ первоначально, такъ и впоследствии матеріалами при всѣхъ законодательныхъ работахъ. Предпринявъ же изданіе на другихъ основаніяхъ, необходимо было бы признать при этомъ, что „Сводъ Законовъ“ не долженъ согласоваться съ своими источниками и что, слѣдовательно онъ по своему содержанію, не имѣетъ вовсе того значенія, какое однажды уже было придано ему самимъ правительствомъ. Вообще съ официальнымъ исправленіемъ „Полнаго Собранія Законовъ“ неразрывно соединено и исправленіе основаннаго на немъ „Свода Законовъ“, а это — если такъ выразиться — представляло бы своего рода несвоевременную и даже совершенно бесполезную законодательную революцію.

Независимо отъ этого, при настоящихъ потребностяхъ по разработкѣ какъ русскаго права, такъ и русской исторіи, новое изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“ должно имѣть въ виду не только строго-юридическія, но и общія научныя, слишкомъ разнообразныя, цѣли. Между тѣмъ второе отдѣленіе, направивъ свои труды на удовлетвореніе такихъ цѣлей, вступило бы въ кругъ занятій, не составляющихъ предмета прямыхъ его обязанностей, что, конечно, едва-ли было бы удобно вообще, а тѣмъ болѣе при нынѣшней чрезвычайно обширной дѣятельности этого учрежденія.

Затѣмъ, какъ бы ни было желательно для частнаго издателя какое-либо участіе со стороны втораго отдѣленія собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества, — но по всѣмъ изложеннымъ выше соображеніямъ едва-ли онъ въ правѣ разсчитывать на это. Все благосклонное вниманіе со стороны втораго отдѣленія къ его предпріятію можетъ ограничиться только признаніемъ полноты и вѣрности въ перепечаткѣ тѣхъ узаконеній, которыя вошли однажды въ „Полное Собраніе Законовъ“. Въ этомъ случаѣ II отдѣленіе можетъ сдѣлать для частнаго издателя только то, что въ сущности имѣетъ право сдѣлать каждое правительственное учрежденіе — завѣ-

рить вѣрность копій съ подлинникомъ, т. е., признать, что частнымъ издателемъ перепечатанъ текстъ „Полнаго Собранія Законовъ“ буква въ букву, безъ малѣйшихъ отступленій. Остальныя же всѣ работы по подобному изданію составляютъ такого рода частный трудъ, по вѣрка котораго никакъ не можетъ быть произведена официальнымъ порядкомъ. Такъ, никакъ невозможно издателю домогаться, чтобы II отдѣленіе признало вполнѣ удовлетворительными указатели юридическихъ предметовъ, именъ личныхъ и мѣстностей, чтобы оно заявило о научномъ достоинствѣ объяснительнаго словаря старинныхъ и иностранныхъ словъ, находящихся въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, и признало вполнѣ соответствующими какъ сдѣланныя въ частномъ изданіи дополненія, такъ равно разъясненія текста узаконеній и нѣкоторыя произведенныя издателемъ поправки, помѣщенныя въ особомъ приложеніи. Все это составляетъ предметъ только научныхъ, но не официальныхъ вопросовъ, потому что, повторяемъ мы, съ правительственной точки зрѣнія текстъ однажды изданнаго „Полнаго Собранія Законовъ“ долженъ оставаться въ своемъ первоначальномъ видѣ и въ официальномъ изданіи могутъ быть допущены только корректурныя исправленія.

По всѣмъ изложеннымъ выше соображеніямъ, справедливость которыхъ едва-ли можно оспаривать, а также въ виду того разрѣшенія, какое дано нынѣ частному лицу на перепечатаніе всѣхъ узаконеній, помѣщенныхъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, съ дозволеніемъ—сдѣлать это изданіе со всѣми усовершенствованіями, какія признаны будутъ издателемъ необходимыми для удобнѣйшаго употребленія и удешевленія этого изданія, — издатель поставленъ въ самыя благоприятныя условія. Но прежде, чѣмъ приступить къ исполненію предпріятія, необходимо опредѣлить тѣ главныя основанія, на которыхъ должно быть ведено упомянутое изданіе.

Начнемъ съ оглавленія.

Оглавленіе такому изданію, которое по содержанію своему вполнѣ соответствовало бы „Полному Собранію Законовъ“, можетъ быть дано слѣдующее: „Собраніе узаконеній Русскаго государства“. Позволительно думать, что такое оглавленіе будетъ правильнѣе, нежели оглавленіе „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“. Замѣчаніе наше основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: во-первыхъ, до какой степени не были бы тщательно собраны всѣ законы предшествовавшихъ временъ, все-таки никакъ нельзя ручаться, что они въ общемъ ихъ числѣ представляютъ собою безусловно „Полное Собраніе Законовъ“, безъ всякихъ пропусковъ. Справедливость этого подтверждается и теперь неполнотою официального изданія. По этому

самому, внесеніе въ прописанное нами выше оглавленіе слова „всѣхъ“ передъ словомъ „узаконеній“ было бы, какъ кажется, нѣсколько смѣло, хотя бы такая вставка сама по себѣ и украсила означенное оглавленіе. Во-вторыхъ, при изданіи законодательныхъ актовъ вообще, гораздо вѣрнѣе употреблять для общаго ихъ означенія слово „узаконеніе“, нежели слово „законъ“, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже замѣтили, въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ находится не мало такихъ предписаній, распоряженій и объявленій, которыя ни по своему происхожденію, ни по своему содержанію не соотвѣтствуютъ въ точности тому понятію, какое заключается въ словѣ „законъ“, въ настоящемъ значеніи этого слова, слишкомъ опредѣленнаго въ юридическомъ отношеніи. Въ-третьихъ, слова „Россійской Имперіи“ не представляютъ въ данномъ случаѣ необходимой точности, потому что въ „Полное Собраніе Законовъ“ вошли законы не со времени лишь введенія титула „имперіи“, но и законы тѣхъ еще прежнихъ временъ, когда Россія называлась „царствомъ“. Между тѣмъ слова „Русскаго государства“ совершенно отстраняютъ указанную выше неточность потому, что подъ этими словами одинаково можно подразумѣвать какъ царство, такъ и имперію. Другое дѣло—„Сводъ Законовъ“: онъ совершенно правильно названъ „Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи“, такъ какъ въ немъ заключаются только такіе законы, которые дѣйствуютъ въ существующей нынѣ Россійской Имперіи.

Безъ всякаго сомнѣнія, самымъ вѣрнымъ средствомъ для значительнаго удешевленія изданія, о которомъ идетъ теперь рѣчь, должно служить его сокращеніе, и оно можетъ быть одновременно достигнуто двумя слѣдующими способами: выпускомъ тѣхъ актовъ, которые не имѣютъ важнаго значенія и нѣкоторыми особыми сокращеніями въ текстѣ тѣхъ изъ нихъ, которые войдутъ въ составъ вновь издаваемого „Собранія“. Вдумываясь, однако, въ первый изъ этихъ двухъ способовъ, должно сказать, что онъ оказывается крайне неудобнымъ. Установить вѣрный взглядъ на относительную важность юридическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и историческаго акта, чрезвычайно затруднительно. Правда, если бы вопросъ шелъ исключительно объ юридическомъ значеніи актовъ, внесенныхъ въ „Полное Собраніе Законовъ“, то распредѣленіе ихъ не только на важные или не важные, но даже на нужные и не нужные не представляло бы еще само по себѣ особыхъ затрудненій. Придавая упомянутымъ актамъ лишь юридическое значеніе, важными или нужными изъ нихъ можно было бы признавать только тѣ, на которые сдѣланы ссылки въ „Сводѣ Законовъ“. Съ официальной точки зрѣнія этого было бы достаточно, такъ какъ въ юридической практикѣ должно для разъясненія смысла статей „Свода

Законовъ“ ограничиваться только тѣми подлинными узаконеніями, которыя подведены подъ эти статьи. Но подобное изданіе было бы крайне неудовлетворительно въ научномъ отношеніи, потому что при этомъ уничтожился бы слишкомъ значительный запасъ историческихъ свѣдѣній вообще, сосредоточенныхъ въ „Полномъ Собраніи“, и, кромѣ того, изученіе исторіи нашего законодательства по подлиннымъ юридическимъ актамъ, помѣщеннымъ въ „Полномъ Собраніи“, сдѣлалось бы невозможнымъ, такъ какъ тогда оказывались бы весьма важныя пробѣлы. Это объясняется тѣмъ, что подъ статьями „Свода Законовъ“ дѣлались ссылки на тѣ только узаконенія, которыя при составленіи „Свода“ считались не отмѣненными и, слѣдовательно сохранили свою обязательную силу; на отмѣненные же узаконенія ссылки были совершенно излишни. Слѣдовательно, при вписаніи въ „Собраніе узаконеній“ только тѣхъ подлинныхъ юридическихъ актовъ, которыми воспользовались для составленія „Свода Законовъ“, совершенно утрачивался бы не только общій историческій, заключающійся въ этихъ актахъ матеріалъ, но даже и тотъ, который необходимъ для изученія, въ частности, исторіи нашего законодательства. Добавимъ къ этому, что и цитаты, приведенныя подъ статьями „Свода Законовъ“, нельзя считать достаточными для ознакомленія по нимъ съ подлинными узаконеніями, такъ какъ многія изъ этихъ узаконеній, сохранившихъ тогда, а отчасти еще и теперь сохраняющихъ свою силу, не были подведены подъ соответствующія имъ статьи.

Въ виду всего этого, надобно придти къ тому заключенію, что при изданіи „Собранія Узаконеній Русскаго государства“ не только не слѣдуетъ допускать какія-либо сокращенія противъ того состава, въ какомъ явилось „Полное Собраніе Законовъ“, но даже, напротивъ, необходимо дополнить его тѣми узаконеніями, которыя по чему-либо не вошли въ официальное изданіе.

Что касается другихъ способовъ сокращенія, то относительно этого замѣтимъ слѣдующее.

Тотъ, кто достаточно успѣлъ ознакомиться съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“, не могъ не замѣтить во многихъ случаяхъ несоответственность оглавленій, приданныхъ узаконеніямъ, съ содержаніемъ этихъ послѣднихъ. Кромѣ того, въ старинномъ нашемъ, преимущественно до-Петровскомъ, законодательствѣ представляется почти всегда въ одномъ и томъ же указѣ смѣсь разныхъ, иногда совершенно разнородныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельныхъ предписаній, такъ что совмѣстить въ оглавленіи всѣ частности инаго указа никакъ невозможно иначе, какъ только переиначивъ нѣсколько

самый указъ для того, чтобъ онъ имѣлъ видъ оглавленія. Въсѣдствие этой необходимости находятса въ „Полномъ Собраніи“ не только слишкомъ объемистыя оглавленія, но даже и болѣе пространныя, нежели тотъ указъ, къ которому они приставлены. Такимъ образомъ представляется, повидимому, возможность сократить объемъ „Полнаго Собранія“ вынскомъ изъ него оглавленій, съ переносомъ ихъ въ „Хронологическій Указатель“ и съ оставленіемъ при текстѣ законовъ только послѣдовательной нумераціи, даты и означенія, къ какому роду актовъ принадлежитъ то или другое узаконеніе. Такая система чрезвычайно сократила бы объемъ изданія, въ особенности если принять въ соображеніе, что не малое число оглавленій заключаетъ въ себѣ по 20 строкъ и при томъ напечатанныхъ курсивнымъ шрифтомъ, который при одинаковой крупности занимаетъ, однако, болѣе мѣста, нежели шрифтъ прямой. Кромѣ того, нельзя не согласиться отчасти и въ практической бесполезности подобныхъ оглавленій, особенно если къ изданію будетъ приложенъ самый обстоятельный предметный указатель, по которому каждый предметъ отыскать гораздо легче, нежели по какому бы то ни было оглавленіямъ. Дѣло въ томъ, однако, что такая система,—хотя бы и доставившая возможность сократить объемъ изданія, по приблизительнымъ расчетамъ, по крайней мѣрѣ, на $\frac{1}{10}$ часть противъ прежняго,—представляла бы своего рода весьма важное неудобство. Неудобство же это заключается въ слѣдующемъ. Хотя значительное число оглавленій составлено собственно только при самомъ изданіи „Полнаго Собранія“, или даже заимствовано изъ частныхъ изданій, но зато въ весьма многихъ случаяхъ оглавленія составляютъ какъ бы часть самыхъ узаконеній. Такъ, въ нихъ означается то мѣсто или то лицо, куда или къ кому послыдался указъ, а также объясненіе повода къ изданію нѣкоторыхъ указовъ. Въ виду этого, а также и потому, что самое изданіе нѣкоторыхъ оглавленій показываетъ, что они могли быть современны изданію узаконенія, выпускъ оглавленій былъ бы въ сущности нѣрѣдко сокращеніемъ историческо-юридическаго матеріала, что—какъ мы замѣтили выше—не можетъ быть вовсе допущено. Должно также сказать, что безъ оглавленій нѣкоторыя узаконенія будутъ не удобо-понятны. Все это должно заставить издателя перепечатать существующія въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ оглавленія при текстѣ законовъ.

Уменьшенія въ объемѣ предполагаемаго изданія можно достигнуть до нѣкоторой степени сокращеніемъ наиболѣе употребительныхъ словъ, но сокращенія такого рода могутъ начаться безъ ущерба для ясности текста не въ первыхъ томахъ „Полнаго Собранія“, такъ какъ при изданіи старинныхъ актовъ,—въ которыхъ даже самыя общыя,

повидимому, формулы не установились окончательно, — необходимо соблюдать, для устранения всяких недоразумѣній, буквальную точность.

Затѣмъ способствовать сокращенію объема такого изданія, какъ „Собраніе узаконеній Русскаго государства“, можетъ вообще не выпускъ чего либо изъ текста узаконеній, но только система ссылокъ. Въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ во многихъ случаяхъ прописывается вполнѣ въ текстѣ новаго узаконенія то, что было уже напечатано прежде. Преимущественно встрѣчается это въ справкахъ, приводимыхъ при сенатскихъ указахъ, въ которыхъ дословно повторяется то, что уже было помѣщено однажды. Такія повторенія занимаютъ нерѣдко сплошь даже по 6-ти столбцовъ, и при томъ въ такомъ узаконеніи, которое само по себѣ весьма не обширно. Устранить это можно безъ малѣйшаго неудобства введеніемъ ссылокъ вмѣсто перепечатки каждый разъ предшествовавшихъ узаконеній или справокъ. Но этого нельзя начать съ первыхъ же томовъ, такъ какъ часто одинъ и тотъ же старинный актъ печатался съ нѣкоторыми измѣненіями, по не точнымъ рукописямъ, а потому и представляется необходимымъ удержать въ проектируемомъ изданіи всѣ отрывки стариннаго нашего законодательства.

Самымъ существеннымъ вопросомъ является вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ слѣдуетъ перепечатывать узаконенія, помѣщенные въ „Полномъ Собраніи Законовъ“? Мы уже рассмотрѣли этотъ вопросъ по отношенію къ изданію официальному; что же касается изданія частнаго, то и здѣсь, по нашему мнѣнію, текстъ „Полнаго Собранія“ долженъ быть перепечатанъ буква въ букву, съ исправленіемъ только очевидныхъ описокъ и корректурныхъ ошибокъ, но и исправленія такого рода должны быть непременно оговорены въ особыхъ пригвѣчаніяхъ къ каждому тому. Во всякомъ случаѣ текстъ перваго изданія „Полнаго Собранія“ не долженъ ни малѣйшимъ образомъ утрачиваться и измѣняться вслѣдствіе какихъ бы то ни было поправокъ не только потому, что текстъ этотъ получилъ официальное значеніе какъ самъ по себѣ, такъ и по связи его съ „Сводомъ Законовъ“, но и потому въ особенности, что онъ, несмотря на многія погрѣшности, все-таки представляется пока наиболѣе достовернымъ текстомъ сравнительно съ другими, печатными текстами тѣхъ же узаконеній.

Правда, что къ тексту „Полнаго Собранія“ не относятся съ особеннымъ довѣріемъ, и съ своей стороны г. Замисловскій („Царствованіе Федора Алексѣевича“, 1871) заявилъ, что „съ научной точки зрѣнія изданіе актовъ XVII вѣка, въ двухъ первыхъ томахъ „Полнаго Собранія Законовъ“, нисколько не удовлетворяетъ совре-

меними требованіями". Замѣчаніе это основывается на томъ, что подлинники не описаны, опущены поимѣты и вообще тѣ мѣста въ текстѣ подлинниковъ, которые могли бы послужить къ объясненію формъ стариннаго дѣлопроизводства. Эти, повидимому, незначительныя опущенія, по мнѣнію г. Замысловскаго, весьма существенны, такъ какъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ напечатанъ самый важный, по своему содержанію, матеріалъ. „Опущеніе это“, продолжаетъ г. Замысловскій, лишаетъ насъ возможности составить себѣ опредѣленное и цѣльное понятіе о томъ, какимъ путемъ развивалось, наше законодательство XVIII вѣка, черезъ какія инстанціи проходило рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ и какія были побудительныя причины къ обнародованію того или другаго постановленія“. Конечно, съ научной точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что подлинники не описаны, но это не составляетъ еще существеннаго недостатка. Что же касается другихъ замѣчаній, то съ ними безусловно согласиться нельзя. Въ первомъ „Полномъ Собраніи“ каждый законъ напечатанъ „отъ слова до слова, какъ онъ находится въ подлинникѣ или въ печатныхъ экземплярахъ, изданныхъ отъ правительства“. Тамъ же, гдѣ къ закону примѣшивались временныя и случайныя распоряженія, существу его постороннія, распоряженія эти опускались, и въ этомъ случаѣ актъ былъ названъ выпискою. Конечно, такая система изданія законодательныхъ актовъ съ научной точки зрѣнія можетъ быть признана неудовлетворительною, но дѣло въ томъ, что число такихъ выписокъ во всемъ первомъ „Собраніи“ не болѣе десяти на 30,600 узавозовъ. Изъ текста же узавозовъ видны побудительныя причины къ обнародованію того или другаго постановленія, если же такія причины не объясняются въ самомъ текстѣ законовъ, то это не зависитъ нисколько отъ порядка изданія этихъ послѣднихъ, потому что вообще само правительство не входило, въ большинствѣ случаевъ, въ объясненіе причинъ, побудившихъ его издать то или другое узаконеніе. Такой порядокъ обнародованія у насъ законовъ, (за исключеніемъ развѣ время Петра Великаго, державшагося правила — истолковать значеніе каждаго узаконенія съ практической точки зрѣнія), составляетъ отличительную черту нашего законодательства не только XVII вѣка, но даже и самаго позднѣйшаго времени. Наконецъ, прохожденіе законодательныхъ вопросовъ по инстанціямъ, если только прохожденіе это не отмѣчено въ текстѣ самаго узаконенія, должно, какъ мы полагаемъ, составлять предметъ особаго изслѣдованія, независимо отъ изданія законовъ въ ихъ подлинникахъ.

Говоря о недостаткахъ „Полнаго Собранія Законовъ“, г. Замысловскій, между прочимъ, пишетъ: „при изданіи актовъ XVII вѣка

комиссія по составленію „Полнаго Собранія Законовъ“ пользовалась, кажется, преимущественно рукописными книгами, известными подъ именемъ „книгъ записныхъ указамъ“, конца XVII и начался XVIII вѣка, сохранившихся (sic) въ дѣлахъ II Отдѣленія и Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Хотя книги эти и имѣли официальное значеніе, что доказывается сохранившимися по листамъ скрѣпами, но въ нихъ нерѣдко встрѣчаются ошибки. Ограничилась-ли комиссія, на которую возложено было изданіе свода законовъ только сличеніемъ сохранившихся въ вышеуказанныхъ двухъ архивахъ рукописныхъ книгъ, или она, въ случаѣ разнорѣчій въ книгахъ, обращалась къ столбцамъ,—мы не можемъ рѣшить. Едва-ли не справедливѣе принять первое“.

Съ своей стороны упомянутая выше комиссія („Полное Собрание“, т. I, стр. XIII) заявляетъ, что было сличеніе списковъ съ подлинными указами, что по причинѣ или поздняго доставленія подлинниковъ, или по причинѣ ошибокъ въ доставленныхъ книгахъ,—ошибокъ, не замѣченныхъ при первомъ ихъ пересмотрѣ,—случилось, что нѣсколько узаконеній напечатаны не на своемъ мѣстѣ или вдвойнѣ подъ другими числами; таковыхъ ошибокъ находится во всемъ первомъ „Собраніи“ десять, и что каждая изъ нихъ означена при концѣ тома. Такое заявленіе указываетъ на то, что комиссія для сличенія текста обращалась къ столбцамъ, вопреки высказанному выше предположенію. Въ дѣйствительности же такого обращенія убѣждаетъ лучше всего слѣдующее. Во многихъ случаяхъ печатный текстъ „Полнаго Собранія Законовъ“ не сходится вполне съ рукописнымъ текстомъ „записныхъ книгъ указамъ“. Если встрѣчающіеся въ текстѣ „Собранія“ пропуски и могутъ быть,—и тѣ, впрочемъ, только въ видѣ предположенія,—объяснены небрежностію при перепискѣ указовъ изъ книгъ, то этимъ нельзя, однако, объяснить попадающіеся въ текстѣ „Полнаго Собранія“, сравнительно съ текстомъ „книгъ записныхъ указамъ“, многія дополненія. Эти-то именно дополненія и свидѣтельствуютъ самымъ нагляднымъ образомъ, что комиссія принимала въ основаніе при печатаніи указовъ не только списки ихъ, помѣщенные въ книгахъ, но и ихъ подлинники, т. е., столбцы. Поэтому, тѣ добавленія, которыя съ перваго взгляда, кажутся только произвольными вставками, могли быть взяты изъ текста подлинниковъ, такъ какъ въ книгахъ оказывались пропуски, дополненные по подлинникамъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ, какъ мы полагаемъ, при перепечаткѣ указовъ, помѣщенныхъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, принять въ основаніе текстъ этого „Собранія“, такъ какъ

было бы крайне отважно, только гадательно, безъ всякихъ доказательствъ, отвергать фактъ сличенія печатнаго текста съ подлинниками,—фактъ, не только заявляемый самою комиссiею, но и подтверждающійся тѣми обстоятельствами, на которыя мы сейчасъ указали.

Тѣмъ не менѣе и такой порядокъ перепечатки узаконеній не долженъ освобождать современныхъ издателей отъ исполненія тѣхъ требованій, которыя предъявляются при нынѣшнемъ развитiи нашей исторiи и нашего законовѣдѣнiя. Такъ, г. Замисловскiй совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ „Полномъ Собранiи Законовъ“, по отношенiю къ актамъ XVII вѣка, представляются еще и другiе недостатки, а именно: „пропущено довольно значительное число общихъ постановленiй, между тѣмъ какъ напечатаны нѣкоторыя частныя распоряженiя и такого рода памятники, которые не имѣютъ отношенiя къ внутренней дѣятельности правительства“. Само собою разумѣется, что при перепечаткѣ узаконенiй, находящихся въ „Полномъ Собранiи Законовъ“, недостатокъ этотъ долженъ быть исправленъ, но какими способами? Вотъ вопросъ.

Исключить тѣ памятники, которые по чему-либо признаются не соответствующими „Собранiю“ законодательныхъ актовъ, но которые между тѣмъ, были уже внесены правительствомъ въ такое „Собранiе“, было бы крайне неумѣстно уже по одному тому, что желающiе ознакомиться или справиться съ внесеннымъ туда памятникомъ, имѣютъ полное право разсчитывать на то, что они найдутъ его и въ послѣдующихъ изданiяхъ. При томъ вообще полноту историческаго изданiя, хотя бы до нѣкоторой степени и ошибочную, слѣдуетъ всегда предпочесть урѣзывать и сокращенiямъ, которыя, при всей осмотрительности издателей, могутъ быть точно, такъ же и даже иной разъ еще болѣе неумѣстны, нежели излишество. Что же касается дополненiй, то помѣщать ихъ въ текстъ „Полнаго Собранiя“ чрезвычайно неудобно, потому что такiя дополненiя, по объясненнымъ выше причинамъ, могутъ имѣть значенiе только частныхъ, но никакъ не официальныхъ прибавокъ, хотя бы они и были сдѣланы II отдѣленiемъ собственной Его Императорскаго Величества канцелярiи. При томъ каждое дополненiе актовъ произвело бы путаницу въ официальной нумерацiи, которая на столько установилась, что была принята, да и донныя принимается, въ основанiе „Свода Законовъ“.

Въ виду всего этого, при перепечатанiи узаконенiй „Полнаго Собранiя Законовъ“,—будетъ-ли такое перепечатанiе предпринято правительствомъ, или частнымъ лицомъ,—необходимо, по нашему мнѣнiю, держаться слѣдующаго порядка. Во-первыхъ, перепечатать буква въ букву текстъ узаконенiй съ „Полнаго Собранiя Законовъ“, допустивъ

при этомъ только тѣ, особо оговоренныя исправленія, о которыхъ мы упоминали выше. Во-вторыхъ, издать особня „Дополненія“ къ означенному тексту. Въ этихъ „Дополненіяхъ“ должны быть помѣщены: а) тѣ акты, которые по чему-либо не вошли въ „Полное Собраніе“; б) описаніе подлинныхъ старинныхъ рукописныхъ указовъ и вообще означеніе тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствованъ каждый указъ; в) варианты, извлеченные изъ подлинниковъ или изъ „записныхъ книгъ указамъ“, смотря по тому, откуда заимствованъ напечатанный актъ; и, наконецъ, г) научная интерпретація такихъ мѣстъ въ текстѣ узаконеній, смыслъ которыхъ не вполне уясняется даже при всѣхъ приводимыхъ въ „Дополненіяхъ“ вариантахъ.

Удобства и выгоды такой системы вполне очевидны: официальнѣйшій текстъ законовъ сохраняется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ однажды изданъ правительствомъ, безъ всякаго прямого на него покушенія со стороны позднѣйшихъ комментаторовъ; но въ тоже время онъ дополнится и разъяснится, при чемъ эти дополненія и разъясненія не будутъ ни для кого обязательными. При такихъ условіяхъ строгій юристъ найдетъ въ проектируемомъ изданіи неприкосновеннымъ все то, что онъ съ своей точки зрѣнія долженъ считать не подлежащимъ ни отмѣнѣ, ни измѣненію, ни дополненію, ни сокращенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ ученый изслѣдователь получитъ въ „Дополненіяхъ“ необходимый для него матеріалъ, разработанный применительно къ современнымъ научнымъ потребностямъ нашей исторіи и нашего законодѣнія. Редакціонныя работы такого рода представляютъ значительныя затрудненія только при изданіи первыхъ томовъ „Полнаго Собранія Законовъ“ и затѣмъ, съ обнародованіемъ узаконеній въ печатныхъ экземплярахъ, упомянутыя затрудненія будутъ ослабляться все болѣе и болѣе и, наконецъ, по отношенію къ законодательнымъ актамъ ближайшаго къ намъ времени, они устранятся совершенно. Высказывая все это, мы приходимъ даже къ той мысли, что если бы „Полное Собраніе Законовъ“ не сдѣлалось въ настоящее время библиографическою рѣдкостію, достигшею въ продажѣ громадной цѣнности; если бы экземпляры его имѣлись во всѣхъ судебныхъ и присутственныхъ учрежденіяхъ и въ тоже время могли бы быть приобретаемы безъ чрезвычайныхъ затратъ и неудобствъ частными лицами, то достаточно было бы ограничиться изданіемъ только тѣхъ „Дополненій“, о которыхъ мы говорили выше, а также указателей предметовъ, именъ личныхъ и мѣстностей, а вдобавокъ къ нимъ и объяснительнаго словаря. Между тѣмъ, такъ какъ въ настоящее время оказывается весьма замѣтнымъ недостатокъ въ первомъ „Полномъ Собраніи Законовъ“, то и представляется нужнымъ

удовлетворить прежде всего эту потребность изданіемъ официальнаго текста, присоединивъ къ нему тѣ дополненія, которыя имѣли бы значеніе научной обработки текста, и въ тоже время сдѣлать подобное изданіе гораздо доступнѣе по цѣнѣ, уменьшивъ, по возможности, и ту неудобную громоздкость, которою оно отличается нынѣ.

При первомъ „Полномъ Собраніи Законовъ“ „Указатель“ находится не отдѣльно при каждомъ томѣ, но заключается въ двухъ особыхъ книгахъ, общихъ для всего перваго „Собранія“. Во второмъ же „Собраніи“, какъ изданіи незаконченномъ, „Указатель“ помѣщается при каждомъ томѣ. По нашему плану распредѣленіе „Указателя“ или, вѣрнѣе сказать, „Указателей“ должно быть слѣдующее: при каждомъ томѣ необходимо приложить подробные „Указатели“ а для перваго Собранія составить общіе „Сводные Указатели“. Въ официальномъ изданіи „Указатель“ (index) состоитъ изъ двухъ реэстровъ: „Хронологическаго“ и „Алфавитнаго“. Реэстръ хронологическій идетъ по порядку номеровъ и заключаетъ въ себѣ число и содержаніе каждаго закона. „Алфавитный реэстръ“ есть словарь всего Собранія. Онъ содержитъ въ себѣ главные слова и ссылки. Главныя слова означаютъ главный предметъ узаконеній. Подъ каждымъ такимъ словомъ приведятся всѣ узаконенія, относящіяся, по порядку времени, съ означеніемъ тома и номера. Такой „Указатель“ былъ составленъ съ тою цѣлью, чтобы по главному слову можно было не только найти съ удобностію отыскиваемый законъ, но и можно было бы открыть и обозрѣть весь рядъ узаконеній, принадлежащихъ къ тому предмету, отъ начала и до 1825 года. Само собою разумѣется, что такая главная цѣль „Указателя предметовъ“ должна быть непремѣнно удержана и при новомъ его составленіи. Объясняя такимъ образомъ назначеніе „Алфавитнаго реэстра“, составители его замѣчаютъ, что „легко себѣ представить, какія трудности въ дѣлѣ семъ предстояли“. „Надлежало“, говорятъ они „во-первыхъ, разобрать каждый томъ „Собранія“; затѣмъ въ каждомъ томѣ разложить, такъ сказать, на составныя части каждый законъ, часто даже каждую статью закона; потомъ сложить снова всѣ сіи части и поставить ихъ въ другомъ порядкѣ, подчинивъ ихъ одному главному предмету, и сію работу произвестъ съ единообразіемъ и точностію въ составѣ 40 томовъ, заключающихъ въ себѣ 30,600 узаконеній“. Всѣ эти, дѣйствительно трудныя, операціи представляются къ исполненію и при той системѣ составленія „Указателя“, которая проектируется нами, но въ тоже время для составленія „Указателей“ предполагаются нами нѣсколько измѣненныя основанія. Мы признаемъ нужнымъ составить три рода „Указателей“, а именно: „Ука-

затель предметовъ“, „Указатель именъ личныхъ“ и „Указатель мѣстностей“ или „Географическій указатель“. Въ первомъ изъ этихъ „Указателей“ должны быть приняты не только—какъ это было сдѣлано прежде—главныя слова, но и второстепенныя, т. е., вообще каждое слово, выражающее самостоятельное юридическое понятіе; при чемъ такія слова, приводимыя въ отдѣльномъ „Указателѣ“ при каждомъ томѣ, не должны быть обобщаемы примѣнительно къ современнымъ намъ юридическимъ понятіямъ, но должны быть подводимы подъ юридическую терминологию того времени, къ которому они относятся. При изданіи „Полнаго Собранія“ этого не имѣлось въ виду, вслѣдствіе чего въ „Алфавитномъ реестрѣ“ явились слишкомъ обширныя обобщенія, сопровождающіяся утратою старинной нашей юридической терминологіи и трудностію отыскать тотъ или другой предметъ подъ стариннымъ его названіемъ. Такія обобщенія,—и то, впрочемъ, не слишкомъ обширныя,—мы находимъ умѣстными только въ „Сводномъ Указателѣ предметовъ“, — общемъ для всѣхъ томовъ перваго „Собранія“, когда каждый отдѣльный предметъ, пройдя постепенно черезъ все развитіе нашего законодательства, въ періодъ времени отъ 1649 по 1825 годъ, установился окончательно въ видѣ общепринятаго понятія. Такая двойственность „Указателей“ дастъ возможность наводить въ нихъ справки какъ примѣнительно къ общимъ установившимся юридическимъ понятіямъ, такъ и примѣнительно къ старинной нашей юридической терминологіи. Независимо отъ этого, имѣя въ виду значеніе „Полнаго Собранія Законовъ“, какъ чрезвычайно важнаго историческаго матеріала, нельзя довольствоваться въ отношеніи къ нему „Указателемъ“ однихъ только юридическихъ предметовъ, но необходимо ввести въ этотъ „Указатель“ и такія слова, которыми опредѣляются историческія событія. Такого рода предметы не были введены въ „Алфавитный реестръ“, тогда какъ въ предметный „Указатель“, при нашемъ изданіи, будутъ внесены и историческіе факты, что сдѣлаетъ наше изданіе пособіемъ при историческихъ изслѣдованіяхъ. Затѣмъ, что касается „Указателя мѣстностей“, то онъ долженъ не только имѣть важность для нашей старинной географіи, но и найти примѣненіе ко многимъ юридическимъ предметамъ, такъ какъ многія правительственныя мѣры относились прямо къ извѣстнымъ мѣстностямъ, къ которымъ ихъ и должно приурочивать при составленіи географическаго „Указателя“. Безъ всякаго сомнѣнія, „Указатель“ такого рода принесетъ особенную пользу при справкахъ о предметахъ областного управленія, столь разнообразнаго въ прежнее время. Наконецъ, „Указатель личныхъ именъ“ не долженъ быть однимъ только ихъ перечнемъ, но въ немъ должны

находиться отмѣтки о дѣятельности или о служебномъ или общественномъ положеніи вѣждаго лица, такъ чтобы въ случаѣ предстоящихъ справокъ не было надобности прослѣдить какое-либо имя, или какую-либо фамилію по тексту всѣхъ томовъ такого обширнаго изданія. Сверхъ того, оба „Указателя“, т. е., географическій и именный должны имѣть также, какъ и „Указатель предметовъ“, общіе „Сводные Указатели“, которые облегчали бы справки по отдѣльнымъ томамъ. Въ „Сводныхъ Указателяхъ“ достаточно будетъ ограничиться только простымъ перечнемъ предметовъ и собственныхъ именъ, съ означеніемъ — въ „Указателѣ“ котораго тома можно найти подробныя ссылки. Добавимъ къ этому, что въ предметномъ „Указателѣ“ мы находимъ совершенно излишними тѣ ссылки на отдѣльные законы и ихъ нумера, о которыхъ упомянуто выше, полагая, что въ предметномъ „Указателѣ“ вполне достаточно ограничиться одними ссылками на страницы текста. Не говоря уже о томъ, что такая система даетъ возможность сократить значительно объемъ „Указателя предметовъ“, не затрудняя нисколько дѣлаемые по немъ справки, мы видимъ въ выпускѣ ссылокъ, допущенныхъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ“, особую практическую выгоду. При справкахъ по „Алфавитному реестру“, когда справляющійся видитъ ту же означеніе тома или нумера закона, онъ можетъ вполне удовлетвориться этимъ, не заглядывая затѣмъ въ текстъ узаконенія. Между тѣмъ, какъ бы тщательно ни былъ составленъ „Указатель предметовъ“, все-таки никакъ нельзя ручаться за безусловно-точную передачу, — особенно при необходимыхъ сокращеніяхъ всего того, что въ текстѣ закона относится къ извѣстному предмету. Поэтому, какъ кажется, гораздо основательнѣе указывать только страницы текста, на которыхъ справляющійся найдетъ уже самъ свѣдѣнія объ искомомъ имъ предметѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увидитъ и нумеръ, подъ которымъ помѣщенъ законъ, относящійся къ этому предмету.

„Реестръ хронологическій“ можетъ быть, съ раздѣленіемъ его по томамъ, оставленъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ напечатанъ при „Полномъ Собраніи Законовъ“; но затѣмъ не излишнимъ будетъ, по окончаніи перваго „Собранія“, составить новый общій хронологическій реестръ, основанный на оглавленіяхъ узаконеній, но при этомъ не лишнимъ будетъ передѣлать многія изъ этихъ оглавленій, доведя ихъ до ббльшей точности.

Вотъ въ общихъ чертахъ тотъ планъ относительно перепечатки узаконеній, находящихся въ „Полномъ Собраніи Законовъ“. Хотя такой планъ и выработался у насъ послѣ долгихъ и разностороннихъ соображеній, почерпнутыхъ не только изъ теоретическихъ воззрѣній,

но и изъ собственной практики, тѣмъ не менѣе намъ все-таки весьма желательно, чтобы лица, сочувствующія нашему предпріятію, не отказали намъ въ сообщеніи своихъ взглядовъ на этотъ предметъ. Помѣщая же настоящую нашу статью въ такомъ специальномъ и распространенномъ изданіи, какъ „Русская Старина“, мы надѣемся, что она дойдетъ вѣрнѣе всего въ среду такихъ лицъ, мнѣнія которыхъ по научно-историческимъ вопросамъ будутъ для насъ особенно полезны.

Е. П. Карновичъ.

Поправки. Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., т. X, строка 1-я снизу напечатано: «желтыхъ», читай: «желтыхъ лицъ».

— Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., т. X, въ Запискахъ Денисова, на стр. 24-й помѣщены ошибкою, при сверсткѣ, четыре послѣднія строки которыя должны быть въ концѣ стр. 25-й. Вслѣдствіе этого мы, исправя это, перепечатали двѣ осьмушки, которыя при этой книгѣ рассылаемъ и просимъ нашихъ читателей замѣнить ими страницы 23—26.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣтелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и Э. К. Опочкинна. Сиб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ—рисунокъ Академика В. А. Гартмана; предисловіе, оглавленіе, 108 фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ; приложенія, въ которыхъ напечатаны (большою частью впервые) подлинники снимковъ, какъ-то: письма; стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣтелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 4 р., въ красивой папѣ 4 р. 50 к.; пересылка 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины».
Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и не титулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ. Издаванія нынѣ родословія существенно необходимы при всевозможныхъ справкахъ, и составленные, по преимуществу, по подлиннымъ, достовернымъ источникамъ, либо вовсе не были до сихъ поръ напечатаны, либо хотя и были изданы, но въ незначительномъ вѣдѣ.

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, полицій-мейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кригсъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екаторинѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

IV. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. 1809—1831 гг.
Новые рассказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., въ 8-ю д. л. стр. 308, со снимкомъ почерка Аракчеева.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (*Невскій, у Казанскаго моста, д. Энгельгардта*) и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются новыя книги:

I.

75 КОПѢЕКЪ — КАЖДАЯ КНИГА:

„РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА“

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПЕРВАЯ КНИГА: А. С. ПУШКИНЪ.

ВТОРАЯ КНИГА: М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ВНОВЬ ВЫШЕДШЕЙ ВТОРОЙ КНИГИ: Демопъ.— Пѣсня про Казашникова.— Сказка для дѣтей.— Мцыри.— Мелкія стихотворенія, всего 40.— Три разсказа изъ «Героя нашего времени» — Два отрывка изъ начатой повѣсти.— Портретъ; Біографическій очеркъ, А. Н. Пыпина; Бѣлиевскій о Лермонтовѣ.

Главный складъ изданія: Въ типографіи М. М. Стасюлевича, въ Спб., на Вас. Остр. 2-я линія, д. № 7.— Цѣна въ бумажкѣ 75 коп., въ англійскомъ переплетѣ 1 рубль. За пересылку 25 коп. на каждую книгу.

Третья книга, съ избранными сочиненіями Н. В. Гоголя, поступила въ печать.

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Ф. ЩЕРБИНЫ.

С.-Петербургъ, 1874 г., въ 16-ю долю, 450 стр. Цѣна 2 рубля.

Содержаніе книги: Стихотворенія.— Пѣсни о природѣ.— Ямбы и Элегіи.— Пѣсни русскаго на чужбинѣ.— Эпиграммы.— „Сонникъ Русской Литературы“: шутливыя характеристики русскіихъ писателей 1840—1860-хъ гг. Доморощенныя наброски русскаго лѣннива и ипохондрика у себя и за границей.— Сатирическая лѣтопись: ямбы, ксеніи, шутки и эпиграммы.— Школьничество одного пожилаго Коллежскаго ассесора въ Чухонскихъ Аѳинахъ, т. е. въ Петербургѣ.

Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

«Родитель, мой, взявъ меня изъ пансіона, не переставалъ имѣть попеченіе о моемъ образованіи, не отлучалъ меня съ глазъ своихъ и наблюдалъ, дабы я занимался всегда чтеніемъ книгъ и писаніемъ. Но, въ несчастію, не знавши наукъ и не имѣя собственной бібліотеки, онъ находилъ книги чрезъ офицеровъ своихъ, по городу С.-Петербургу съ командами стоявшихъ; а сіи, меньше того разумѣя достоинство книгъ, присылали ко мнѣ большею частью романы, наполненные негодными прелестями, которые тѣмъ охотнѣе я читалъ. Но хорошая жизнь отца моего, съ благородною строгостію, и истинное богопочитаніе, были весьма полезны мнѣ и вселили въ сердце мое сіи правила стотъ крѣпко, что оныя всегда остались закономъ моимъ. Я всегда долженъ былъ съ отцомъ моимъ являться къ его начальникамъ и во дворцѣ; и очень рѣдко въ театрѣ; другихъ же собраній вовсе я не видѣлъ». ¹⁾

Въ исходѣ 1780 г., отецъ съ сыномъ возвратились на Донъ, гдѣ послѣдній занимался охотою, рыбною ловлею и хозяйствомъ. Имѣніе отца составителя Записокъ, Карпа Петровича, заключалось въ рогатомъ скотѣ, конскихъ табунахъ и водныхъ мельницахъ; крестьянъ всего было до 200 душъ.

«Тутъ долженъ сказать истину», говоритъ Андріянъ Карповичъ Денисовъ, «что я имѣлъ всю свободу дѣйствовать самопроизвольно, но благодарю Всевышняго—внушенныя мнѣ родителями правила не оставляли путеводительствовать меня, а строгость отца моего, который не переставалъ наблюдать мои шаги, подкрѣпляла оныя. Я долженъ былъ всегда доносить ему подробно о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ».

Отъ скуки молодой Денисовъ съѣздилъ посмотреть на житіе Калмыковъ. По возвращеніи, родители начали ему совѣтовать жениться, но онъ, «не зная обязанности мужа и жизни супруговъ», просилъ времени на размышленіе. Про это узналъ дядя, гр. Федоръ Петровичъ Денисовъ, и далъ совѣтъ исвать невѣсту «въ Россіи», ²⁾ съ чѣмъ согласились и родители Андріяна Карповича. Съ письмами перваго и родительскимъ благословеніемъ отпра-

¹⁾ Изъ формулярнаго списка оказывается, что Денисовъ поступилъ на службу казакомъ 13-ти лѣтъ, 1-го августа 1776 г.; пожалованъ есауломъ 14-ти лѣтъ, 12-го апрѣля 1777 г.; провзведенъ въ поручики 17-ти лѣтъ, 2-го мая 1780 г.

²⁾ Т. е., въ предѣлахъ Донской земли, въ губерніяхъ.

Ред.

вился молодой Денисовъ въ Москву въ сопровожденіи казака Кочетовской станицы, Игната Харламова, извѣстнаго отцу своимъ благоразуміемъ и добрымъ поведеніемъ и заслужившаго отъ сына довѣренность и уваженіе.

«По приѣздѣ въ Москву, я нашелъ одного, довольно богатаго и очень хорошо живущаго господина, къ которому имѣлъ письмо, почему и явился къ нему съ онымъ. Я весьма ласково былъ принятъ и, сколь помню, на другой день прошенъ на обѣдъ, что я и выполнилъ. Тутъ былъ я рекомендованъ г-жѣ дома и тремъ ихъ дочерямъ, которыя всѣ меня довольно обласкали, а дѣвицы хотя со всею вѣжливостію, говоря по-французски, довольно надо мной подшучивали: вѣрно не знали, что я могу ихъ разумѣть. Ободрясь симъ и какъ вторая дочь весьма мнѣ полюбилась, то и осмѣлился ее сватать чрезъ письмо, но не знаю точно резона, только отказа не долго дожидался. Тогда я, соображая и состояніе и мѣсто моего жилища, разсудилъ, что такъ и въ Москвѣ свататься не есть мудрое дѣло, возвратился и поѣхалъ въ Рязань, гдѣ должно было мнѣ найти прежде отцомъ моимъ купленныхъ врестьянъ и отправить на Донъ».

«Въ Москвѣ я былъ два или три раза въ театрѣ, гдѣ (были) знатные господа, какъ я заключаю по высокимъ орденамъ, которые на нихъ видны были. Узнавъ, что я Денисовъ, весьма меня обласкали, а нѣкоторые просили, чтобъ я былъ у нихъ — и даже на обѣдахъ.

«Былъ я у графа Петра Ивановича Панина съ почтеніемъ, которому прежде я былъ отцомъ моимъ отрекомендованъ лично. Сей великой мужъ также обласкалъ меня и далъ наставленіе искать счастья въ военномъ ремеслѣ по примѣру моихъ предковъ».

«Приѣхавъ въ Рязань, я остановился на нѣсколько дней, и въ одинъ, ходя вечеромъ по городу, увидѣлъ въ низкомъ деревянномъ, довольно изрядномъ домѣ, много лицъ, смотрящихъ въ окна; спросилъ — чей домъ этотъ, на что отвѣчали, что это трактиръ, въ который вошелъ и нашелъ въ одной просторной горницѣ играющихъ на биллиардѣ. И какъ я сію игру мало видѣлъ и совершенно не зналъ играть на ономъ, крайне удивился ловости играющихъ, особо одного высокаго роста, прекрасной талии и хорошаго лицомъ, почему смотрѣлъ на нихъ съ большимъ любо-

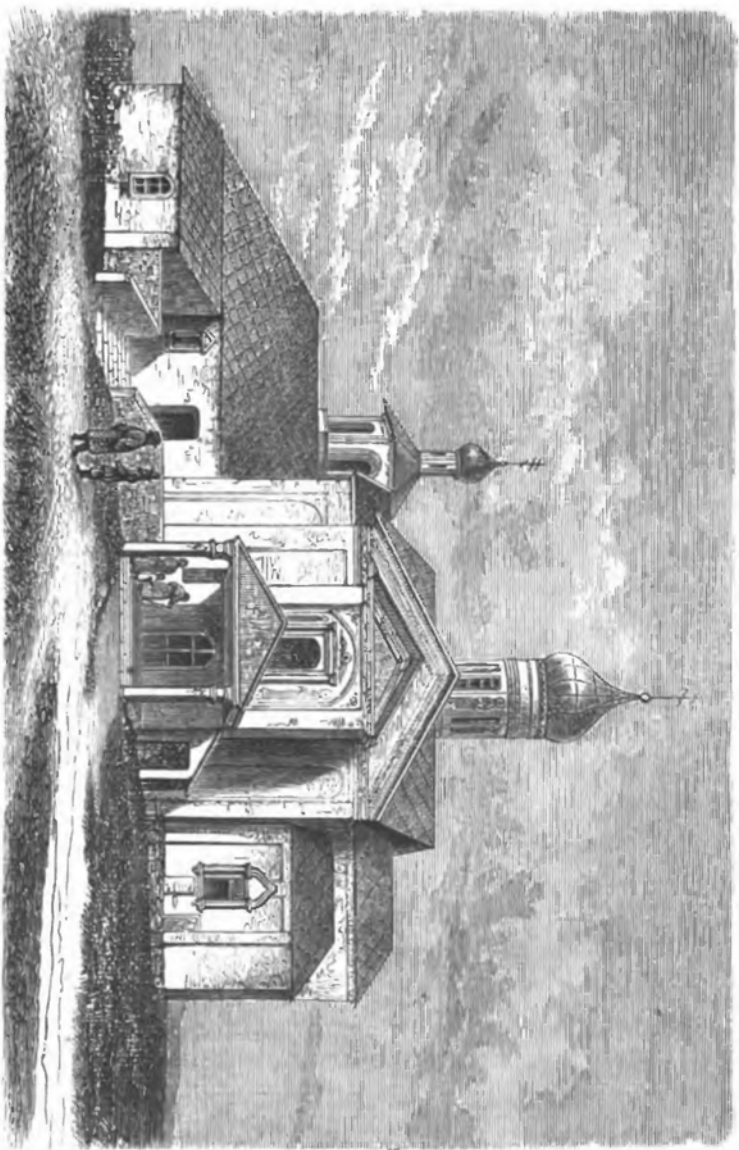
пытствомъ. Съигравши партію, тотъ, который казался мнѣ отличнымъ, подошелъ ко мнѣ и довольно учтиво спросилъ: «не Донскихъ-ли я казаковъ?» и какъ я ему отвѣчалъ, что онъ не обманулъ, онъ началъ себя рекомендовать, и что онъ удовольствіемъ поставить, буде найдетъ моей дружбы, называя себя княземъ, не помню чьей фамиліи. Тутъ же рекомендовалъ мнѣ роднаго своего брата, который походилъ на него видомъ, но казался гораздо скромнѣй. Я, по молодости и неопытности, отвѣчалъ со всею учтивостію, что съ большимъ удовольствіемъ буду стараться заслужить ихъ расположенность. Онъ предложилъ тутъ же сыграть съ нимъ партію, но я просто и прямо отвѣчалъ, что не умѣю. Но какъ сильно былъ упрашиваемъ на первый случай, хотя мажоромъ сдѣлать ему удовольствіе на небольшой партіи, то я и рѣшился. Онъ началъ швырять во всѣ стороны шары, а меня хотя многіе учили, но совсѣмъ тѣмъ я едва двигать могъ шары, но выигралъ партію и дюжину бутылокъ аглицкаго пива, которое трактирщикъ со многими поклонами тотчасъ и представилъ ко мнѣ. Видя сіе, я началъ понимать, что надо тутъ быть поосторожнѣе, и какъ совершенно не пилъ крѣпкихъ напитковъ, то и просилъ все именитое собраніе выпить за здоровье его сіятельства, который такъ скоро выучилъ меня играть на билліардѣ. Просьбу мою съ удовольствіемъ приняли и очень скоро бутылки остались порожними. На другую партію я съ твердостію отказался. Тогда мой знакомый князь просилъ меня на чай въ особую горницу и какъ я не переставалъ искать его дружбы, то и согласился; но вмѣсто чая меня начали подчивать грентвейномъ, увѣряя, что въ ономъ нѣтъ крѣпкихъ напитковъ. Отвѣдавши, напелъ оный очень пріятнымъ, и, помнится, два ставана выпилъ, и неразумѣя причины, сдѣлался нечувствительно веселѣй. Мнѣ пришло въ голову, что должно взаимно его и брата, который съ нами тутъ же былъ, да еще одинъ изъ друзей, подчивать, почему и при сихъ, однако-жъ только трехъ, я предварилъ, чтобъ онъ болѣе друзей своихъ не приглашалъ, ставя въ резонъ, что у меня квартира въ одной и очень малой горницѣ. Они охотно согласились, а я приказалъ трактирщику бутылки двѣ или три прислать шампанскаго. Пошли. Намъ скоро казакъ приготовилъ чай. Они назвали на пуншъ, что также было сдѣлано. По рекомендаціи и просьбѣ гостей выпилъ и я одну чашу, которую услужливые гости сами составляли.

Гостей начало умножаться подъ именемъ друзей и родственниковъ князей; дошла очередь и до шампанскаго. Надо было требовать сигурсу и я сдѣлался такъ пьянъ, что лишился памяти. Дорогой мой князь просить въ эту минуту у меня денегъ тысячу или двѣ рублей взаймы, на нѣсколько часовъ, которыя я ему и общалъ; но ключъ отъ сундука, по счастью, былъ у храбраго моего путеводителя, который, видя меня въ такомъ положеніи, началъ прятаться. И какъ не нашли его скоро, то я, потерявъ память и силы, упалъ на мою кровать и уснулъ. Казакъ, притаившись, неотлучно былъ въ боковой горницѣ, за стѣной, а когда услышалъ стукъ, то вошелъ въ горницу мою и видитъ, что стараются у сундука сломать замокъ и что я сплю. Онъ показалъ себя, что хозяинъ и герой неустрашимый, сталъ грозить, что онъ сдѣлаетъ тревогу, и тѣмъ разогналъ досужихъ моихъ гостей. Проснувшись на другой день и узнавъ болѣе отъ моего наставника о всемъ, весьма былъ опечаленъ и съ истиннымъ раскаяніемъ просилъ у него извиненія. Тогда онъ представилъ мнѣ всю опасность, ежели бы я далъ въ займы чужія деньги, ибо у меня было пять или шесть тысячъ рублей, данныхъ изъ вотчинъ графа Денисова для доставленія къ нему.

Дѣло это тѣмъ еще не кончилось: вскорѣ прибыли къ Денисову полицейскіе офицеры съ приказаніемъ—немедленно явиться въ полицію. Оказалось, что ночью, по выходѣ отъ Денисова, князя и прочіе гости возвратилсъ къ трактиру и требовали впустить ихъ; но когда трактирщикъ не исполнилъ ихъ требованія, то они именемъ Денисова перебили всѣ окна. Молодой человекъ разсказалъ всю исторію прошедшей ночи, увѣряя, что не выходилъ изъ вартыры, и просилъ защиты. Опасаясь, чтобы дѣло не дошло до намѣстника, Михаила Ѳедотовича Каменскаго, у котораго, по пріѣздѣ въ Рязань, Денисовъ былъ съ почтеніемъ, обласканъ имъ и приглашенъ къ обѣду, онъ немедленно нанялъ ямщика и ускавалъ въ Аренбургъ (Раненбургъ, уѣз. гор.), гдѣ принялъ нѣсколько крестьянскихъ семействъ, кушленныхъ его отцомъ.

«Изъ шести или семи семей, слѣдуемыхъ отцу моему, разсказываетъ Денисовъ: «слѣдуемыхъ по законной купчей, получилъ я двѣ и то очень старыхъ: мужика съ сыномъ, другаго—съ женою и дочерью, третьяго—малоумнаго, у котораго жена съ двумя

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ «РУССКОЙ СТАРНА» 1874 Г., Т. X.

СОВРЕМЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ВНЕШНЕМЪ ИВАНОВСКОМЪ МОНАСТЫРЬ, ВЪ МОСКВѢ.

Кончено карандаш. С.-Петербургъ, 21 июля 1874 г.

Типографія В. С. Вайденга, Бол. Сап., № 49—2.

МАРША ПОСАДНИЦА.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Ярославовъ* дворъ, съ вѣчевой башнею въ глубинѣ. Посреди сцены вѣчевое мѣсто, покрытое алымъ сукномъ, съ тремя ведущими на него ступенями. Вечеръ, — мѣсяцъ чуть виднѣется. — Множество народа всякаго званія разговариваетъ отдѣльными группами. Бояре, купцы, ратники въ боевой одеждѣ, простолюдины, женщины — всё тутъ. Въ толпѣ происходитъ постоянное передвиженіе; одна группа незамѣтно смѣняетъ другую. До поднятія занавѣса слышны мѣрные удары вѣчеваго колокола и гулъ говорящей толпы).

Первая группа.

Нѣсколько парней и женщинъ, въ томъ числѣ старуха Игнатъевна и Тимоша Веселый.

Тимоша (выходя изъ толпы).

Ишь нѣнече! и бабъ-то привалило,
Что братчина твоя!

Игнатъевна.

Вотъ и пляши!

Какъ въ тѣ порѣ вамъ, дурнямъ, говорили —
Господь свой гнѣвъ знаменіемъ гласить,
Молитесь, неразумные. Куда-те!
Вишь, бабьи сказки! чѣмъ идти во храмъ,
Знай горло драли пѣснями, да бились
Весь день-денской на Вѣлховскомъ. Вотъ вамъ
И бабьи сказки! горе каково!

Молодой парень.

Что-жь, баушка! пова не знали горя,
 Пѣвали пѣсни, гѣшились;—а вотъ
 Какъ вправду надо биться, съ той-же пѣсней
 Съумѣемъ и головушки сложить.

Тимоша.

Да ты вотъ, тѣта, покажись московцамъ,
 И убѣгутъ,—ей Богу, убѣгутъ.

Игнатьевна.

Охъ, вѣтеръ въ головѣ твоей, Тимоша!
 До смѣху-ль нонече, безстыжій сынъ?
 (Отворачивалась).
 Ну, ужъ народецъ, Господи помилуй!
 Тутъ страхъ какой, а онъ свое несетъ.

Тимоша.

Что-жь! мнѣ, небось, раскукаться съ тобою?
 Слышь, съ пѣснями и помирать поидемъ.
 Ну, вотъ.
 (Отходитъ въ сторону).

Игнатьевна (махнувъ рукою, къ сосѣдкѣ).

Грѣха съ нимъ только!

Сосѣдка.

Охъ, бѣдовый!
 (Обѣ отходятъ и исчезаютъ въ толпѣ.
 Группа сменяется новою группою).

Вторая группа.

Братъ Селезнѣвъ, братъ Аѳанасьевъ, Патрикѣевъ, братъ Арбузьевъ,
 Григоровичъ и Ананѣиъ. Потомъ Сухомѣиновъ, Осташевъ и
 Федоръ Борецкѣй.

Кириѣиъ Арбузьевъ (горячо).

Да это что-жь, бояре? Ходить слухъ,
 Что Образецъ и Тютчевъ, съ вѣшковъ ратью,

Ужь на Двину пошли; что Холмскій, князь,
Съ другою ратью еъ Руссѣ выступаетъ,
А отъ Баторина ни слова! Что-жь онъ?
Насъ выдалъ, что-ли? аль отсель, иные
Москвы радѣльцы выдають насъ? Ась?

Григоровичъ.

Ну, что-бъ Баторинъ....

Ананьинъ.

Кто-жь другой, бояринъ?

Измѣна-то вѣдь видима.

Братя Селезневъ.

Да, такъ;

Должно быть, онъ.

Патрикѣевъ.

Баторинъ не таковскій.

Кирианъ Арбузьевъ.

Кто-жь выдалъ насъ?

Патрикѣевъ.

Да выдалъ Товарковъ.

Кирианъ Арбузьевъ (съ досадою).

Что Товарковъ, бояринъ!

*(Подходятъ Сухоминновъ и Оста-
шевъ, потомъ Фѣдоръ Борецкій).*

Патрикѣевъ.

Вѣдь при немъ же

Народъ кричалъ за Казимира. Ну?

Титъ Арбузьевъ.

Вотъ диво! Мало-ль что кричать на сходѣ!
Не посылали грамоты при немъ.

Патрикѣевъ.

Да грамота сама собой, а ясно,
Изъ-за чего идетъ на насъ Москва.

Ананьинъ.

Ты, знать, со старой пѣсней?

Осташевъ.

А вѣстимо

Изъ-за того, что звали вы Литву.
Гдѣ-жъ эти, ваши други-то, Литовцы?

Василій Селезневъ.

Никакъ, бояринъ, неизвѣстенъ ты,
Что нашихъ не пустили въ Казиміру
Проклятые Ливонцы?

Осташевъ.

Знаю я;

Да прежде, чай, подумать надлежало,
Что можетъ такъ случиться. Что же вы?
Звать звали, а бѣду одну призывали!

Кирианъ Арбузовъ (вспыхнувъ).

Кто предъ бѣдой, бояринъ, труситъ.....

Осташевъ (также).

Ну!

Сухонлиновъ (остававшая изъ).

Бояре! не сердайте! дайте молвить.
Ты, еумъ, не правъ. Ты знаешь, самъ я былъ
Врагомъ союза съ Ляхами, да нонѣ
Не время рѣчь о семъ вести; сошлись
Мы не за тѣмъ. Къ чему ихъ призывали,
Богъ тамъ ужъ вѣсть, но ихъ вѣдь съ нами нѣтъ,
Вотъ-те и вся. Теперь рѣшить намъ надо,

Что дѣлать. Изъ Литвы подмоги нѣтъ;
На Псковъ то-жъ, почитай, что нѣтъ надежды;
Что-жъ дѣлать намъ, бояре?

Киприанъ Арбузьевъ.

Да идти

Самимъ на бой.

Братья Аванасьевы.

Что-жъ больше?

Сухошлиновъ.

Но, дозвольте:

Вѣдь это не на бой, а на убой;
И тользъ каковъ-же будетъ?

Киприанъ Арбузьевъ (*насмѣливо*).

Что-жъ? съ повинной

Никакъ идти?

Сухошлиновъ.

А вѣдомо, съ повинной.

Киприанъ Арбузьевъ.

Ну ужъ, бояринъ! лучше помирать.

Андрей Селезневъ (*со смѣхомъ*).

Мудрѣнь совѣтъ! съ повинной!

Ананьинъ (*презрительно*).

Что объ этомъ

И говорить!

(*Къ Сухошлинову*).

Мы не хотимъ въ Москвѣ.

Василій Селезневъ и братья Аванасьевы.

Мы не хотимъ въ холопство къ Юанну.

Сухомлиновъ.

Ну! Богъ-же вамъ судья. Разъ подвели,
Есть время образумиться, — такъ нѣтъ же!
Погубите вы родину свою.

Андрей Селезневъ.

Кому такъ страшно, можете и отъѣхать.

Сухомлиновъ (горячо).

Не встати рѣчь, бояринъ! Я не трусь;
Сѣдыхъ волосъ не жаль, а есть, вишь, разумъ.

Андрей Селезневъ (вспыхнувъ).

Бояринъ!!....

Патриѣевъ.

Отойдемъ, бояре, прочь!

Народъ глядитъ....

*(Всѣ отодвигаются, горячо разговаривая;
изъ смѣяется новая группа).*

Третья группа.

СТАРИКЪ, МОЛОДЫЕ ПАРНИ, МНОГО РАТНИКОВЪ, ПОТОМЪ ДВѢ ЖЕНЩИНЫ

Старикъ.

..... Такъ ужъ не спорьте; съ вѣтру

Не стану говорить. Вонъ и вечеръ
Пригналъ мой кумъ оттолѣ; люди баюгъ —
И нѣ вѣсть, что тамъ дѣется. Колотятъ,
Колотятъ врѣшкѣ нашихъ.

Первый ратникъ.

Да кому,

Свать, колотить? Складную, самъ ты знаешь,
Вотъ только что прислали.

Старикъ.

Ну, такъ что-жъ?

Складная по себѣ, а рать готова,
Не то вѣдь какъ у насъ; ну, и валяй.

Первый парень.

Сдается, кумъ-то твой, съ просонья развѣ....

Второй парень (*подходя*).

Что? что вы тутъ?

Второй ратникъ.

Вотъ, баеть старина,
Что нашихъ бьютъ подъ Порховомъ.

Второй парень.

Неправда,
Бьютъ, да не тамъ.

Старикъ.

Ну вотъ, не тамъ! Мой кумъ....

Третій ратникъ.

Да что твой кумъ! Возьми же въ толгъ, родимый,
Кому тамъ бить? Московцевъ нѣту тамъ.

Старикъ.

Ну, можетъ, Псковичи; почему я знаю!

Первый парень.

Какъ Псковичи? Вѣдь Псковичи за насъ.

Старикъ.

Вотъ такъ! за насъ! держи карманъ!

Третій парень.

Да, что ты,
Старинушка! Алъ не разслышалъ? Псковъ
Отвѣту нѣ даль намъ, пойдетъ-ли съ нами;
Вотъ это такъ, — мы ждемъ, а чтобъ на насъ
Пошелъ онъ съ Москвичами....

Старикъ (съ досадою).

Да, слыхали —

Мой кумъ пригналъ оттолева.

Первый ратникъ.

Твой кумъ

Хватиль, знать, больно черезъ край хмѣльнаго; .

Что дива! тутъ не то, что Псковичи,

И чортики покажутся.

(Всѣ смѣются).

Первый парень (сторому).

Ты слыхалъ —

Гдѣ бьютъ-то нашихъ?

Второй парень.

На Двинѣ.

Нѣсколько голосовъ.

Вонá!

(Группа все болше и болше увеличиваеться).

Второй парень.

Да, мало бьютъ, а что ни есть посадовъ,

Пожаромъ разоряютъ.

(Вбѣгаютъ двѣ старухи).

Первая старуха.

Ой, бѣда!

Ой, рѣдныя голубчичи! спасайте!

Храни насъ, Мати Божія, помилуй!

Пригнали нашихъ плѣнныхъ — безъ ушей.

Нѣсколько голосовъ.

Оттолева?

Первая старуха.

А ужъ села не помню,

Гдѣ билися съ Московцами.

Первый и второй ратники.

Да ты...

Ты видѣла?

Первая старуха.

Вотъ, и сынонь сосѣдки....

Вторая старуха *(рыдая)*

Ой, горе мнѣ!... мой соколъ дорогой!...

Владыка Боже! покарай злодѣевъ!

Охъ, окаянныя!...

Первая старуха.

А что творять

Надъ жонами, да дѣвками.... и слушать

Такъ дыбомъ волосъ!..

Третій парень *(объял).*

Плохо, братцы, намъ!

Подъ Порховомъ всю землю разоряють.

Старикъ.

Ну, что? не говорилъ я?

Нѣсколько голосовъ *(вошедшему).*

Кто?

Третій парень.

Не вѣмъ.

Должно быть что Московцы.

Старикъ *(утвердительно).*

Да, Московцы.

Третій парень.

И бьютъ-то нашихъ крѣпко. Да, слышать,

Идутъ и къ Руссѣ вражьи рати.

Первый ратникъ.

Братцы!

Что-жь это насъ-то не собирають? А?

Ужь воли нашихъ бьютъ, да уши рѣжутъ,

Такъ дайте-жь намъ побиться!

Нѣсколько ратниковъ.

Отдадимъ,

Ой отдадимъ же сдачи!

Голоса въ толпѣ.

Люди! тише!

Идетъ бояринъ Тысяцкій.

Пусти!

(Входитъ тысяцкій, въ боевой одеждѣ. Онъ вступаетъ на вѣчевое мѣсто; молится на церкви и кланяется на все стороны народу).

Голоса.

Людь православный! не гуторьте!

Слышь-те!

Бояринъ слово держить.

Тысяцкій.

Государь

Великій Новгородъ! мужи и братья!

Просиль я по концамъ опоеѣстить,

Чтобъ на сей разъ, не выборные токмо

Сошлись ото всѣхъ пяти концовъ,

Но чтобъ стеклись всѣ граждане, какъ чада

Единой Новгородскія земли.

Такъ сдѣлалъ я затѣмъ, что не обычный

Сошлись мы судъ вершить; не обсуждать

Обычныя свои дѣла мірсвія.

Сошлись на то, чтобъ всею стать семьей,

Какъ человекъ одинъ, стать общей грудью

За нашу волю,—въ ней же наша жизнь!

Голоса.

Такъ, такъ, бояринь!

Другіе.

Слушайте! молчите!

Тысяцкій.

За мною вслѣдъ идетъ посадникъ нашъ;
Повѣдаетъ онъ вамъ, какая доля
Ждетъ Новгородъ-Великій; спроситъ васъ
Онъ и томъ, какъ міромъ порѣшите —
Отдаться-ль Іоанну, иль животь
За родину свою, да за Святую
Софію, положить съ мечемъ въ рукахъ.

Голоса.

Не отдадимся Іоанну.

(Сергей и Титъ Арбузьевы обращаютъ вниманіе Сухомлинова на этотъ возмездъ).

Тысяцкій.

Ладно;

Но въ дѣлѣ семъ, потребно, братья, знать
Не одного лишь Новгорода волю,
А волю Новгородской всей земли.
Здѣсь есть-ли люди съ пригородовъ?

Сотскій.

Мало.

Наказъ твой всюду посланъ въ тотъ же часъ,
Но люди издалеча не поспѣли.

Тысяцкій.

Тогда сберемся снова.

Голоса въ народѣ.

А чего

Сбираться намъ? Аль пригороды могутъ

Перечеить горожанамъ?

Нѣшто мы,
Великій Новгородъ, не господинъ?

А всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Извѣстно!
Куда съ копытомъ конь,— и ракъ съ елешней.

Повинны согласиться!...

Тысяцкій.

Стойте!

Голоса.

Тише!

Тысяцкій.

Повинны согласиться; ну, а всё-жъ
Порядокъ надо соблюсти.

Голоса.

Вѣстимо!

Ну, да; порядокъ.

Тише, вы! идетъ
Посадникъ. Не гуторьте!

(Входитъ ДМИТРІЙ БОРЕЦКІЙ, въ боевой одеждѣ. При его появленіи Тысяцкій сходитъ съ ѣмчоваго мѣста. ДМИТРІЙ вступаетъ на него, молится на церкви и кланяется во всѣ стороны народу).

Дмитрій.

Государь

Великій Новгородъ! мужи и братья!
Вамъ вѣдомо, что братъ меньшой нашъ, Псковъ,
Не порадылъ помочь намъ въ правомъ дѣлѣ;
Онъ лишь мирить насъ съ княземъ предлагалъ.—
Пословъ его мы проводили съ честью,
Отвѣтивъ, что умѣемъ и безъ нихъ
Бить въ зѣмлю мать-сырѹ челомъ, волю вадо;

Что нужно намъ не краснбайство ихъ
 За насъ, передъ московскимъ государемъ,
 А сила ратная, чтобъ биться съ нимъ.—
 Мы съязнова посла во Псковъ послали
 И ждемъ отвѣта. Богъ имъ судя,
 Коль не помогутъ намъ! придетъ година
 Такая-жъ и для Пскова, какъ для насъ.

Голоса въ народѣ.

Придетъ, и ништо.

Пусть тогда-съ попляшетъ,
 Коли теперь намъ пѣсенки поеть.

Дмитрій (*для знакъ къ молчанію*).

Чай слышали, что наше челобитье
 Въ Литву, до Казиміра не дошло.
 Бояръ къ нему Ливонцы не пустили,
 И чуть-ли тѣ бояре не въ Москвѣ.
 И такъ, намъ на Литовцевъ нѣтъ надежды.
 Но мы о семъ не станемъ горевать.
 При помощи Литовцевъ было-бъ легче
 Намъ отстоять свои правъ; за то,
 На совѣсти намъ нынѣ легче будетъ,
 Что не ведемъ на кровныхъ земляковъ
 Враговъ истонныхъ вѣры православной;
 И Богъ на томъ благословитъ насъ.

Голоса.

Такъ!

А ну ихъ, Ляховъ!

Отстоимъ и сами!

Дмитрій.

Да, отстоимъ; коль въ сей великій часъ
 Припомнимъ, что для насъ всего дороже;
 Когда забудемъ каждый про свое,
 И отдадимся общему намъ дѣлу.
 Вотъ, братья, почему, не вѣче здѣсь,
 Семью единой матери я вижу.

Такъ! въ дѣлѣ предстоящемъ, не рува
 Бойца лишъ намъ безстрашнаго потребна;
 Намъ нужно сердце матери, жены,
 Напутствующихъ въ битву смѣлыхъ духомъ,
 Молящихъ имъ побѣды на враговъ,
 Не льющихъ слезъ унынья по погибшимъ,
 Зане легли за родину они!

Множество голосовъ.

И ляжемъ, коли нужно!

Дмитрій.

Ляжемъ, братья,
 Но напередъ сего, зѣло потщимся
 Не мало и Московцевъ положить;
 А для того нужна намъ рать большая.

Голоса.

Пойдемъ, бояринъ.

Дмитрій.

Ладно, что пойдемъ,
 Но палками не отобьемъ булатныхъ
 Мечей и бердышей дружинъ Москвы;
 А денегъ, на оружье и доспѣхи
 Въ такомъ числѣ, не станеть у казны.

Голоса съ разныхъ сторонъ.

Дадимъ и денегъ.

Дмитрій.

Вотъ идетъ на помощь
 Къ намъ мать моя; внеслите, братья, ей.

(Сходитъ съ мѣста).

Голоса.

Посторонитесь! мѣсто дайте!

Мѣсто

Бояринъ-Посадницъ!... Молчать!

(Входитъ Марфа; за нею что-то несутъ на двухъ золотыхъ блюдахъ. Придя на свое мѣсто, она кланяется на всѣ стороны народу).

Мареа.

Мужи и братья! предъ лицомъ разумныхъ
Правителей и опытныхъ бояръ,
Не слѣдъ женѣ держать къ народу слово;
Но, въ скорбный часъ, когда странѣ родимой
Великое несчастье грозитъ,
Не можетъ быть различія межъ тѣми,
Кому она не меньше дорогá.
Дозвольте слово молвить!

Голоса въ народѣ.

Говори,

Боярыня!

Мы слушаемъ.

Молчите!

Мареа.

Вы видѣли, какъ ладно князь Московскій
Ваялся за то, чтобъ насъ поработить.
Онъ присылалъ посла къ намъ съ мирнымъ словомъ,
Онъ ублажалъ насъ, какъ дѣтей своихъ,
А самъ съладную грамоту готовилъ
И всѣ Москвы дружины подымалъ.
Онъ завязалъ глаза намъ, чтобъ къ отпору
Мы съ силами собраться не могли.
Со всѣхъ сторонъ поляи его ужъ идутъ,
Жгутъ села и посады; мучать, бьютъ
Людей какъ мухъ, грудныхъ младенцевъ душатъ...
И гибнетъ все кругомъ, и страшный вопль
Страданія по всей землѣ несется
И къ Богу объ отмщеньи вопіеть.
Что-жъ остается вольнымъ Новгородцамъ?

Василій Селезневъ и братья Асанаевы.

На мѣстѣ лечь, иль Новгородъ спасти!

Бяпріянъ Арбузьевъ.

На мѣстѣ лечь, иль подъ ярмомъ неволи,
Забить, что мы въ свободѣ рождены!

Народъ.

Не отдадимъ мы вольности ни за-што!

Марса.

Не отдадимъ?... Такъ отдадимъ сейчасъ
Мы дань свою спасенію отчизны!
Общественной казны не станеть намъ,
Чтобъ въ скорый срокъ поднять большое войско
И ладно снарядить, вооружить; —
Нужны необычайныя намъ средства.
Давай-жъ, братья, кто что можетъ дать!
Вотъ все, чѣмъ я въ сей часъ располагаю,
И съ радостью спѣшу принести свою
Я вдовью лепту на родное дѣло.

(Беретъ изъ рукъ слуги ларецъ, на золотомъ блюдѣ, съ дѣньгами, и передаетъ его стоящимъ возлѣ омовнаго мѣста помощникамъ дьяка).

Наталья Григоровичева.

Вотъ и свою я лепту приношу.

(Также передаетъ блюдо съ большою кучою денегъ).

Бунецъ.

Дадимъ и мы: даю пятьсотъ рублей.

Другой.

Я тысячу.

Третій.

И я.

Четвертый.

И я.

Пятый.

И я.

Шестой.

Мы всё дадимъ, и больше коли надо;
Могу за все сословье отвѣчать.

Бунецъ суконныхъ товаровъ.

Прошу мои суконныя три лавки
На одѣянье ратниковъ принять.

Оружейный мастеръ.

Берусь бесплатно на моемъ заводѣ
Ковать мечи дружинникамъ лихимъ;
И будутъ остры, — притупляйте сами.

Торговецъ желѣза.

Мы, съ братомъ, поставляемъ отъ себя
Желѣзо на доспѣхи.

Староста Неревского конца.

Мы что-жь, други.

Неревскіе! отстанемъ что-ли мы?

Очередной Неревского конца.

Ни за что не отстанемъ. Да раскладва
Пусть ужъ послѣ; а со всего конца
Двѣ тысячи? Хотите-ль, братья?

Голоса.

Ладно!

Хотимъ, хотимъ!

Староста Славенского конца.

А мы, Славенцы, что-жь?

Съ Неревскими намъ можно потягаться?
Дадимъ и мы двѣ тысячи.

Голоса.

Нѣтъ, три.

Староста Гончарскаго конца.

А мы, друзья? И наша не щербата
Копѣчка, надѣюся?

Голоса.

Идеть!

Даемъ двѣ тысячи.

Староста Загороднаго конца.

Мы, братья, что-жь?...

Голоса.

Вѣстимо!

Дадимъ и мы, по силамъ.

Староста.

Да хоть двѣ?

Голоса.

Даемъ, даемъ.

Староста Плотницкаго конца.

Кончане! нашъ вонецъ

Бѣднѣ всѣхъ, а все-жь отстать зазорно.

Чѣмъ Богъ послалъ!

Очередной Плотницкаго конца.

Ну, тысячу?

Голоса.

Идеть!

• **Тысяцкій.**

Дьякъ-вазначей! записывай радѣльцевъ

Дмитрій.

И каждый день, во всю недѣлю, пусть
Кто хочеть чѣмъ пожертвовать, приносить
Свой даръ сюда. Оповѣстите всѣмъ.

Мареа (*передвая блюдо съ ожерельями, заплатами и проч.*).

На радостяхъ согласія тавого,
Примите ужъ и это отъ меня.
Все что смогу, отдамъ святому дѣлу,
Лишу себя всего, — умру бѣдна,
Но я умру свободною гражданвой!

Народъ.

На волѣ, всѣ, какъ есть, умремъ и мы!

Нѣсколько голосовъ.

Гонецъ, гонецъ!

Вонъ, скачетъ!

Дайте мѣсто!

(Гонецъ соскакиваетъ съ коня и идетъ впередъ, отвѣчая на вопросы).

Голоса.

Отколева?

Гонецъ.

Изъ Вышгорода.

Дмитрій.

Другъ!

Откуда ты и съ чѣмъ?

Гонецъ (*кланяясь на все стороны*).

Бояре! братья!

Охъ! лучше-бы отсохнуть языку,

Чѣмъ вѣсть мою повѣдать!...

Мареа и Дмитрій.

Ты откуда?

Гонецъ (*съ волненіемъ*).

На Вышгородъ напали Псковичи.

Дмитрій и Мареа.

Какъ? Псковичи?!

Голоса.

На Вышгородъ?!

Гуды!!

Гонецъ.

Напали съ крѣпкой силой; а у насъ,
 Тѣмъ временемъ, — какъ мы уже слышали,
 Что рать ихъ разоренье намъ чинить
 По всѣмъ сосѣднимъ сѣламъ, — людъ охочій
 Поразбрелся отрядами, чтобъ ихъ
 Оттоль прогнать. Они-жъ, какъ подступили,
 Да облегли кругомъ, да стали въ насъ
 Огнѣнными примѣтами метать,
 Такъ что твой адъ кромѣшный! Наши бились
 На жизнь и смерть, безъ отдыха, два дня,
 Убили ихъ посадника и многихъ,
 Да подъ конецъ, на третій-то ужъ день,
 Когда воды не стало, чтобы горло
 Отъ дыму-то и жару промочить,
 А тутъ еще пошло горѣть строенье,
 Такъ до того пришлось жутко намъ,
 Что руки опустились. Жены, дѣти
 Ревутъ, вопятъ... страхъ страшный! — Собрались
 Тутъ воевода нашъ и всѣ старшіе;
 Что дѣлать? сила ломить!... ну...

Дмитрій, Марса и другіе.

И что-жъ?

Гонецъ.

Охъ, государь нашъ, Новгородъ Великій!
 Не отступайтесь! не вляните!...

Дмитрій.

Ну!...

Гонецъ (съ сильнымъ волненіемъ).

И вышелъ воевода со старшими
И закричалъ: бояре! Псковичи!
Какая вамъ ни есть отъ насъ обида,
Пусть вѣдаютъ про то великій князь
И вашъ и нашъ, да Новгородъ Великій;
А насъ вы пощадите! мы же вамъ
Животворящій крестъ цѣлуемъ.

Марea.

Боже!

(Ропотъ негодованія).

Дмитрій.

И отошли они?

Гонецъ.

И отошли.

(Молчаніе).

Марea (сдержанно, торжественно).

Мужи, бояре! братья Новгородцы!
Господь насъ испытуетъ въ этотъ часъ;
Достойны-ль мы Его святой защиты,
Достойны-ль мы великія судьбы
Не знавшаго еще цѣпей народа,
Иль не годны ужъ сердцемъ постоять
За все, что есть святаго человѣку!
Умремъ-ли мы за Новгородъ?

Народъ.

Умремъ!

Марea (съ большимъ одушевленіемъ).

Таеъ день и ночь готовится къ отпору!
Свливать людей; — чтобъ каждый, въ чьей груди
Лежить не камень подъ крестомъ купельнымъ,
Въ чьихъ жилахъ льется дѣдовъ вольныхъ кровь,

Кому свобода солнца Божья краше,
 Кто радъ скорѣй животъ свой положить,
 Чѣмъ мыкаться рабомъ,—не гражданиномъ,
 Чтобъ стали всѣ въ дружинные ряды;
 И, съ Богомъ въ сердцахъ, встрѣтимъ супостатовъ!

Голоса.

И Новгородъ родимый отстоимъ!

Другіе.

И не придемъ назадъ,—иль побѣдимъ!

Дмитрій (съ сильнымъ оживленіемъ).

Такъ стойте же! Заўтра соберитесь
 Во всѣхъ концахъ на вѣча: призовите
 Житіихъ людей изъ пригородовъ; всѣмъ
 То, что мы здѣсь рѣшили, объявите;
 Повѣдайте, что гибнетъ край родной,
 Но что спасти его и честь родную
 Еще во власти нашей. А затѣмъ,
 Рѣшите про наборъ, съ сохи, съ двора-ли,
 И по сколькоу дадите человѣкъ.

Староста Неревского конца.

Исполнимъ все, бояринъ.

Староста Плотницкаго конца.

Не отстанемъ

Ни отъ кого.

Староста Славенскаго конца.

По совѣсти рѣшимъ.

Староста Загороднаго конца.

Ужъ не ударимъ въ грязь лицомъ. Коль битися,
 Такъ битися всѣмъ, кто можетъ.

Староста Гончарскаго конца.

Отъ двора
Дадимъ людей; поставимъ рать на славу!

Дмитрій.

Знать живъ Великій Новгородъ?

Народъ.

А живъ!

Дмитрій.

Ну, коли живъ, такъ будетъ жить во вѣкл!

(Дѣлаетъ знакъ молчанія).

Миръ черезъ день сюда сберется снова,
Чтобы назначить ратныхъ воеводъ,
И вы къ сему избранью приготовьтесь:
А ужъ за симъ, бояре и мужи,
И весь честной народъ Новгородскій,
Дозвольте мнѣ бить крѣпко вамъ челомъ.

(Кланяется на всѣ стороны).

Я послужилъ вамъ всѣмъ моимъ радѣньемъ,
Но нынѣ, отпустите вы меня.
Не мало есть посадниковъ, разумнѣй
И опытнѣй меня, чтобы вести
Дѣла въ такую трудную годину;
А мнѣ, молодшему, не мѣсто здѣсь,
Когда ужъ бьются люди въ ратномъ полѣ.
Съ мечемъ въ рукахъ, повольте постоять
За Новгородъ родимый, и коль Богъ
Не приведетъ съ побѣдой возвратиться,
Последнюю вамъ службу сослужить —
Лечь животомъ за вольную отчизну!

(Кланяется).

Голоса.

Ай да бояринъ!

Знатно!

Ущемилъ

За ретивое!

Подарилъ словечкомъ!

Ну, Богъ-те помочь!

Инда до слезы

Прошибъ сердечный!

Лихо! богатырски!

Тысяцкій.

И такъ, бояре, братья и мужи,
Согласны вы посадника уволить?

Патрикѣевъ.

Пусть что Господь на сердце положилъ,
То и творить.

Голоса.

Перечить не можемъ.

Благодаримъ боярина за службу!

Дмитрій.

Благодарю и васъ, народъ честной,
За добрую любовь. Коль въ чемъ повиненъ,
Не поминайте лихомъ!

Голоса.

За добро

Однимъ добромъ, бояринъ, будемъ помнить.

Благослови Господь тебя на вся!

Дмитрій.

Дозвольте-же вамъ, братья, на прощанье,
Въ послѣдній молвить слово!

Голоса.

Говори!

Мы слушаемъ, бояринъ.

Дмитрій.

Люди правды!

Защитники земли родной! радѣльцы
Святой Софїи, иже насъ хранить!
Готовяся отнынѣ, въ снѣлой битвѣ —
Неробенъ часъ—на Божій судъ предстать,
Свершимте всенародно покаянье
Въ невольныхъ и умысленныхъ грѣхахъ.
Забудемте обиды наши, ссоры;
Пусть всякъ, на сердце руку положе,
Винится передъ тѣмъ, кого обидѣлъ,
И сниметъ съ сердца старую вражду.
Обнимемтеся какъ братья! всѣмъ отнынѣ
Одна намъ доля;—станемъ же однимъ
И сердцемъ передъ Богомъ Всемогущимъ!
Простите, въ чемъ повиненъ передъ кѣмъ!

*(Кланяется на ось стороны. Потомъ
подходитъ къ Сухомлинову и низко
кланяется).*

Передъ тобою, пуще всѣхъ, бояринъ.

Сухомлиновъ *(обнимая его)*.

Кто старое помянетъ въ день такой!

Дмитрій *(подходя къ Патрикѣеву)*.

И предъ тобою, Дмитрій Аванасьичъ.

Патрикѣевъ.

Мы нынѣ за одно съ тобою, другъ.

*(Обнимаются. Въ это время Сухомлиновъ
подходитъ къ Маргѣ, кланяется
ей и жметъ руку Фводору).*

Дмитрій *(отступая назадъ и окидывая
глазами ратниковъ).*

Ну, а теперь, радѣльцы! людъ охочій!
За Новгородъ Великій, — за Святую
Софію!... кто за мною?

Множество ратниковъ *(выступая впередъ).*

Всѣ пойдемъ!

Дмитрій.

Ай, лихо! знать, у всѣхъ одна на плѣчахъ
Головушка удѣлая? Идемъ!

*(Володя Бутусъ, въ боевой одеждѣ,
выступаетъ впередъ съ своею дружиною
и подходитъ къ Дмитрію).*

Володя Бутусъ *(кланяясь).*

Благоволи и насъ, бояринъ Дмитрій,
Принять въ свою дружину.

Дмитрій *(съ удивленіемъ).*

Ты, Бутусъ?

Володя.

Я самъ, бояринъ. Не пошелъ бы вмѣстѣ
Съ Латинцами; я даже на Татаръ,
Тѣмъ пуще на своихъ; но съ землявами,
Я Псковичей не прочь поволоотить.
Они намъ измѣнили, и изъ первыхъ
Бѣду намъ вопіющую творять.
Бери же насъ; не выдадимъ живаго;
А биться, знаемъ дѣло мы свое;
Ужъ на руку окулви не положимъ;
По десяти на брата подавай.

Дмитрій *(пожимая ему руку).*

Спасибо за подспоріе, нашъ витязь!
Ужъ на людяхъ, да и тавихъ какъ ты,
И смерть красна.

Володя.

Пошлемъ её къ врагамъ.

Дмитрій (*подойдя къ матери*).

Ты, мать, меня уже благословила.

Прости, родимая!

Марфа (*освяляя его крестомъ и целуя въ голову*).

Христосъ съ тобой!

(Обнимаются).

Дмитрій (*Феодору*).

Прощай, дружище Федоръ!

Феодоръ.

Богъ те помочь!

(Обнимаются. Потомъ ДМИТРИЙ жмётъ руку предстоящимъ боярамъ; ратники прощаются со своими).

Дмитрій (*къ своей дружине*).

Ну, храбрые товарищи! за мною,

Рядиться въ путь, и съ зорькой на коня!

Володя и ратники.

Готовы за тобой, въ огонь и въ воду!

Дмитрій.

Вотъ это такъ! теперь, гуляй душа!

Не темнымъ закоулкомъ,—съ чистымъ сердцемъ,

Открытою дорогой мы идемъ;

И Богъ да будетъ съ нами! Жены! братья!

Товарищи! благословите насъ!

Не посрадимъ земли своей родимой;—

Костью тѹ ляжемъ всѣ, и если намъ

Придется лечь задѣромъ,—мы того

Не будемъ вѣдать,—мертвые-бо сраму

Не ѣдутъ!

Народъ.

Таеъ!

Дитріѳ *(кивая вѣтъю юловой).*

Храни же васъ Господь.

Идемъ, друзья!

(Уходитъ съ Бутусомъ и ратниками).

Народъ *(бросая шапки вверхъ).*

На славу! на побѣду!

Богъ помочъ вамъ!

За Новгородъ!

Живемъ!

(МАРГА стоитъ, сложивъ руки, въ молитвенномъ положеніи, со взоромъ, обращеннымъ къ небу. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена I

(Презній покой въ домѣ Марѳы; на лѣвой сторонѣ столъ и кресло). Марѳа
Потомъ слуга. Потомъ Баторинъ.

Марѳа (*сидитъ, въ глубокой задумчивости*).

Все кончено. Задавлены — разбиты,
Принижены — судимы — казнены.
Кто судія, и кто отвѣтчикъ?... Боже,
Ты судія! Отвѣтчикъ?... О Господь!
Спаси мнѣ сыновей моихъ, и вару
Пошли на недостойную!...— А онъ....
Онъ измѣнилъ!...— Когда-бъ не онъ, быть можетъ....

(*Входитъ слуга*).

Слуга.

Бояринъ Алексѣй Баторинъ.

Марѳа (*въ сильномъ изумленіи, вставая*).

Здѣсь?!

(*Баторинъ входитъ въ среднюю дверь. Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, и потомъ, остановясь, смотритъ пристально на Марѳу. Она сперва не подымаетъ на него глазъ, но когда онъ приблизился, смотритъ также на него прямо. Нѣмая сцена*).

Марѳа.

Я на лицѣ твоёмъ читаю все.

Баторинъ.

Какъ въ сердцѣ я твою прочелъ ужь, Марса.

Марса.

Ты что же, перевѣтникъ, въ немъ прочелъ?

Баторинъ.

Прочелъ я то, что во сто разъ надежнѣй
 Съ тигрицей лютой въ логовицѣ жить,
 Чѣмъ сердцемъ отвѣчать твоимъ приманкамъ;
 Что нѣтъ въ груди безчувственной твоей
 Ни совѣсти, ни жалости, ни Бога;
 Что родину, друзей, семью, все, все
 Готова ты отдать крамольной страсти,
 Любоначалю въ жертву принести.
 Я, охмѣленъ твоей коварной лаской,
 Отвергнувъ сердца чистаго любовь;
 Я, обведенъ твоей лукавой рѣчью,
 Друзьямъ и дѣлу правды измѣнилъ;
 Я измѣнить былъ близокъ долгу чести!
 Ты чѣмъ же заплатила мнѣ за все?
 Измѣною бездушною, холодной,
 Расчитанной, свершавшейся въ тотъ часъ,
 Когда меня ты клятвой завѣрала,
 Лобзаніемъ Іуды отвѣчала
 На полную довѣрчивость мою! —
 Все темное, отнынѣ стало яснымъ:
 Теперь я понимаю, почему,
 Забывши женскій стыдъ, ты согласилась
 Скорѣ мнѣ любовницею стать,
 Чѣмъ бракомъ, въ храмъ Божьемъ, сочетаться;
 Иной въ виду былъ суженый!...

Марса.

Вотъ какъ!

Теперь и женскій стыдъ пришелся къ слову!

Ты почему-жъ о немъ не говорилъ,
Когда у ногъ моихъ влялся исцхнуть?

Баторинъ.

Тогда тебѣ я вѣрилъ; а теперъ
Я, вижу, былъ лишь нуженъ, какъ забава,
Для вдовьей прихоти, да какъ отводъ
Отъ глазъ чужихъ намѣреній преступныхъ.
Но ты во мнѣ ошиблась; заплатитъ
Сторицею сьумѣлъ бы я за счастье,
Какое мнѣ несла твоя любовь;
Но быть твоимъ игралицемъ, слугою
Позорящему дѣлу....

Марѳа.

Погоди!

Ты о какомъ тамъ суженомъ толкуешь?
Все это ложь.

Баторинъ (*показывая ей письмо*).

И это также ложь?

Марѳа (*очень смутясь, но потомъ черезъ минуту, оправясь*).

И это ложь.

Баторинъ.

Побойся Бога, Марѳа!
Чтожъ? скажешь, не твое письмо?

Марѳа.

Мое.

Баторинъ.

Что-жъ эти строки къ суженому пану:
«Спѣши на помощь, побѣди враговъ,
Моя рука тебѣ наградой будетъ».
И это ложь?

Марѳа.

И это ложь.

Ваторинъ.

Ну, Марѳа;

Доселѣ, вижу, я тебя не зналъ!

Марѳа.

И я тебя не знала; трезвость мужа

Найти въ тебѣ я мнила, и нашла

Одно лишь малодушье старой бабы.

Ты, значитъ, знаешь всё, какъ и зачѣмъ

Писала я письмо такое?

Ваторинъ.

Знаю;

Да нечего и знать; слова письма

Собою ясно говорятъ.

Марѳа.

Довольно!

Пусть будетъ такъ; пусть нужно было мнѣ

Не войско Казимира, не радѣнье

Слуги его и друга, чтобъ спасти

Земли моей свободу отъ насилья,

А только измѣнить тебѣ; пусть такъ.

Ваторинъ (*съ ироніей*).

Не хочешь ли сказать, что ты хотѣла

Надеждой лишь Литовца приманить?

Марѳа.

Я ничего не говорю.

Ваторинъ.

И лучше

Не говори; отвѣчу напередъ —

Все это ложь.

Марѳа (*съ сильнымъ негодованіемъ*).

И я его любила!!

Ваторинъ (*насмѣшливо*).

Любила, да!

Мареа.

Такъ сгинь же съ глазъ, бездушный!
 Ты ненавистенъ мнѣ, какъ тотъ еще
 Презрѣнный рабъ, тотъ гражданинъ позорный,
 Что выдалъ Иоанну насъ; кого
 Своими-бъ я руками задушила,
 Когда-бъ попался онъ мнѣ только.

Ваторинъ.

Да?

Ну, этого врага всвать не долго;
 Онъ здѣсь, передъ тобою.

Мареа.

Ты?!

Ваторинъ.

Я самъ;

Я грамоту представилъ Иоанну,
 Что въ польскому вы слали королю.

Мареа *(съ сильнымъ удивленіи, изъясно)*.

Такъ это ты, измѣнникъ, душегубецъ,
 Такъ это ты, многоглагольный змѣй,
 Кого я на груди своей согрѣла?
 Ты это продалъ братьевъ и мена?
 Ты это сталъ Іудею отчизны?...

Ваторинъ

Объ этомъ лучше ты не говори;
 Не я отчизну погубилъ и продалъ,
 А тѣ глупцы, что увлеклись твоей
 Отвагою крамольной. Ты сгубила
 Друзей, родныхъ и собственныхъ дѣтей;
 Ты навлекла все горе на отчизну,
 Черезъ тебя, на плахъ льется кровь
 И люди задыхаются въ темницахъ;

Черезъ тебя, десяти матерей
 Льютъ слезы о погибшихъ втунѣ жертвахъ,
 Черезъ тебя же, тысячи другихъ
 Лишился семьи своей опоры;
 Черезъ тебя, весь край опустошенъ
 И людямъ смерть голодная зялетъ.
 Все это совершила ты одна,
 Чтобъ страсть любоначалиа насытить;
 И на тебя, ужъ въ недалекой часъ,
 Падеть провлятьє цѣлаго народа;
 Придетъ, затѣмъ, еще и горшій часъ,
 Когда не вошь народа, а немолчный
 Гласъ совѣсти твоей заговорить
 И назоветъ тебя — убійцей края!...

Марѳа.

Ты скоро кончишь?

Баторинъ.

Я свое сказалъ.

Марѳа.

Такъ радуйся-жь бѣдамъ моимъ, безумный!
 Черезъ тебя, кого любила я,
 Черезъ тебя, кому не измѣнила,
 Кто могъ все зло отъ родины отвести,
 Погибла я, и Новгородъ со мною.
 Ливуй свою заслугу, и — прощай!

(Идетъ къ двери, на лѣво).

Баторинъ.

Постой!... Постой!

(Марѳа, на порогъ своей двери, указываетъ ему на среднюю дверь и уходитъ).

Баторинъ *(опадаетъ въ раздумье; потомъ, по некоторомъ молчаніи, говоритъ медленно, часто останавливаясь).*

А если это правда?...

А если я и вправду могъ отвести

Отъ родины свершившуюся гибель,
 Приславъ безумцамъ грамоту назадъ
 И давъ имъ знать о сборахъ Іоанна?...—
 Но развѣ отрезвились бы они?

(Молчаніе).

Я умолялъ... не чаялъ я погрома.

(Минуту спустя).

Нѣтъ! я былъ правъ; я поступилъ какъ долженъ
 Былъ поступить достойный гражданинъ,
 Желаящій добра своей отчизнѣ.
 Я сдѣлалъ хорошо и нѣтъ на мнѣ,
 Не можетъ въ сердцѣ быть моему укора.

(По некоторомъ размысленіи)

Нѣтъ, Алексѣй! душою не криви;
 Не обмануть ни совѣсти, ни Бога!
 Не думалъ ты о родинѣ своей,
 Не думалъ ты ни о какомъ и долгѣ,
 Ты думалъ только о себѣ самомъ.
 Изъ мести за сердечную обиду,
 Ты упредилъ позоръ земли родной;
 Изъ мести-жъ за сердечную обиду,
 Накликалъ ты и гибель на страну,
 Такъ не хвались заслугою своею! —
 Да, Марфа, да; не для тебя одной
 Настанетъ часъ тяжелаго сознанья,
 И не одну глазъ совѣсти тебя,
 Быть можетъ, назоветъ — убійцей края!

(Съ видомъ отчаянія уходитъ).

Сцена II.

Входятъ Патрикѣевъ, вмѣстѣ со слугою. Потомъ Катерина.

Патрикѣевъ *(случь)*.

Зови сюда скорѣй мнѣ Катерину.

(Слуга уходитъ на лѣво).

Боюсь, не вышла Марфа бы сама!
 Что ей скажу?..

(Входитъ Катерина).

31*

Катерина.

Димитрій Аѳанасьичъ!...

Патрикѣевъ.

Скажи ты тѣткѣ: завтра, на зарѣ,
Ей можно будетъ видѣть сына.

Катерина.

Ладно;

Она уже тревожилась.

Патрикѣевъ.

Прощай.

*(Уходитъ въ среднюю дверь, — КАТЕРИНА
уходитъ въ боковую).*

СЦЕНА III.

(Темница. Входитъ въ серединѣ и съ правой отъ зрителя стороны).

*(Димитрій Борьцвѣй и отецъ Амвросій выходятъ изъ отдѣленія темницы
справа отъ зрителя).*

Димитрій *(держитъ за руку отца Амвросія).*

Такъ, отче, такъ! зѣло виновенъ есмь;
Забывъ, безумецъ, что безъ воли Бога
И волосъ съ головы не упадетъ;
Увѣровалъ грѣховному внушенью,
Что все отъ насъ, отъ нашихъ силъ и дѣлъ.
Но, такъ всегда! Доволь среди соблазна
И суеты мірскія бродимъ мы,
Не видятъ очи; даже если чудо
Являетъ Богъ, и тутъ не видимъ мы.
Не чудо-ль въ самомъ дѣлѣ, что ни капли
Въ пять мѣсяцевъ не выпало дождя,
Что всѣ болота, рѣчки и озѣра
Повысохли? что и природа намъ,
Сама природа словно измѣнила,
Чтобъ перейти на сторону того,

На чьей стоялъ самъ Богъ съ своимъ рѣшеньемъ? —
 Все это, отче, видитъ человекъ
 Лишь въ сей вотъ часъ, когда, снимая бремя
 Земныхъ заботъ, стремится духомъ онъ
 И прозрѣваетъ въ жизнь, гдѣ нѣтъ заботы! —
 Я вижу, Иоаннъ пришелъ не самъ;
 Самъ Богъ его привелъ; — такъ было надо!

Отецъ Амвросій.

Смиреньемъ просвѣтленныя души,
 Ты, сыне, искупилъ свою грѣховность.
 Увѣруй же, что благъ Господь, и стань
 Передъ лице Его съ спокойнымъ духомъ.

Дмитрій.

Тебя всѣмъ сердцемъ я благодарю;
 Ты увѣрилъ мнѣ духъ своей бесѣдой,
 И я сповоенъ, отче. — Что же мать?...
 Ужели не дадутъ мнѣ съ ней проститься?

Отецъ Амвросій.

Сейчасъ придетъ; я удалюсь пока,
 Чтобъ не мѣшать бесѣдѣ вашей

Дмитрій (*обнимая его и указывая на дверь*).

Мы тамъ съ тобой увидимся, отецъ.

(*Отецъ Амвросій уходитъ съ среднюю дверь*).

Дмитрій.

И брата нѣтъ!... Что съ нимъ? — онъ не виновенъ.
 За мной пошелъ. — Спаси его, Господь!

(*Слышны голоса за входною дверью*).

Голосъ Марен.

Гдѣ? гдѣ, онъ?

Дмитрій.

Мать! О Боже! дай мнѣ силы!

Сцена IV.

ДМИТРІЙ и МАРФА. Потомъ стража и два тюремные сторожа.

Марфа *(съ радостнымъ крикомъ, бросаясь въ объятія ДМИТРІЯ).*

Димитрій!... ненаглядный!... соколы мой!
Тебя-ли вижу!

Димитрій.

Мать!

Марфа *(продолжая его целовать).*

Ахъ! сколько горькихъ
Ночей я протомилася безъ сна,
Пока тебя дозволили мнѣ видѣть!

Димитрій.

Да, мать, долгонько не видались мы!
И сколько утекло воды!...

(Про себя).

И крови!—

Она еще не знаетъ ничего;
Какъ ей связать?...

Марфа.

Ну, что-же ты родимый?

Димитрій.

Да я... что обо мнѣ! ты мнѣ скажи,
Какъ ты, моя родная, поживаешь?
Что Новгородъ? что дѣло наше?

Марфа.

Дѣло

Пронграно въ конецъ. Вся наша рать
Разбита въ прахъ. Погибло наше вѣче!

Димитрій.

И никакой уже надежды нѣтъ?

Мароа.

Нѣтъ никакой. Василій Селезнѣвъ
И Сухощекъ, и Киприанъ Арбузевъ
Ужъ въ Руссѣ казнены.

Дмитрій.

Ужъ казнены?

А братъ?...

Мароа.

Въ Москвѣ, въ темницѣ, мой голубчикъ!

Дмитрій.

Ну, а другіе наши?

Мароа.

Всѣ въ рукахъ
У Іоанна; также ожидаютъ
Послѣдней доли. Весь народъ вопить
И, страхомъ несказаннымъ обуянный,
Совсѣмъ главой покорною поникъ.

Дмитрій (*закрываетъ лице*).

О, Новгородъ! о, Новгородъ Великій!...

(*Минуту спустя*).

Ну! хоть умремъ съ тобою вмѣстѣ!

Мароа.

Нѣтъ,
Ты не умрешь, мой ясный соколъ; — ѣдетъ
Великій князь сюда; ему челомъ
Ужъ билъ отъ насъ, съ повинной, Сухомлиновъ,
И, воротась изъ стана, говорилъ,
Что князь, пылъ первый гнѣва утоливши,
Сталъ нынѣ милосердиѣе судить.
Нѣтъ, я еще, Богъ милостивъ, надѣюсь.

Дмитрій.

Чего ты, мать, надѣешься?

Марса.

Что онъ

Помилуетъ тебя.

Дмитрій.

Но... но, родная...

Нѣтъ, ты... ты не надѣйся.

Марса.

Почему?

Дмитрій.

Надежды нѣтъ, — не можетъ быть.

Марса.

Дмитрій!!

(Слушаетъ его, какъ бы непонимая).

Дмитрій.

Я порѣшонъ ужъ, мать, и тебя
Впустили только чтобъ проститься.

Марса *(упадъ несколько на колѣна).*

Боже!!...

(Оправясь черезъ минуту и вся дрожа).

Дмитрій!... что сказала ты?... сынъ мой!... нѣтъ...
Не можетъ быть!

Дмитрій.

И духовникъ съ дарами
Ужъ приходилъ. Съ тобой проститься только.

*(Слышенъ набатъ вѣчеваго колокола; за
дверью показывается стража съ факелами.
Сквозь рѣшетку окна, видно, что на дворъ
сѣпаетъ).*

Дмитрій.

Вонъ онъ, гудить, свободы нашей вличъ;
Иную мнѣ свободу возвѣщаетъ!

Марфа.

О, Боже мой! да я съ ума сойду!

(Схвативъ голову Дмитрія руками).

Димитрій! правда-ль это?

Димитрій.

Правда.

Марфа *(съ отчаяніемъ).*

Правда!

И я не видѣла!

(Падаетъ на скамью и рыдаетъ. Потомъ бросается на грудь сына).

И это я,

Я, я тебя, родимый, погубила!

(Плачетъ).

Димитрій *(цѣлуетъ ея руки и стараясь быть твердымъ).*

Нѣтъ, мать; не плачь и не кори себя.

Мы сдѣлали, что слѣдовало сдѣлать,

И сожалѣть не подобаетъ намъ;

А какъ Господь судилъ, въ своемъ рѣшенъи,

Дѣла людей, провидѣть мы могли-ль?

Марфа *(ломая, съ отчаяніи, руки).*

Я, я тебя втянула, мой сердечный!

Димитрій.

Нѣтъ, дорогая, не кори себя!

Не твоего лишь голоса я слушалъ,

Внималъ внушенью сердца моего;

Я за свободу родины боролся,

И за нее не жалко жизни мнѣ.

Марфа *(отирая слезы).*

Ахъ, витязь мой! когда бы за свободу

Земли твоей родной ты погибалъ,

Не этими-бъ я плакала слезами!

Но гибнешь ты не за свободу, нѣтъ!
 Ты гибнешь за безумье и кичливость
 Любоначальной матери твоей!
 Прости-жъ меня, прости!... и въ часъ... послѣдній

(Падаетъ къ его ногамъ).

Не прокляни ты ту, что, подъ своимъ
 Тебя носила сердцемъ; тая счастьемъ,
 Тебя своимъ вскормила молокомъ,
 И ноченьки, горючими слезами
 Надъ колыбелью плакала твоей!
 Не прокляни! не прокляни!

(Падаетъ ничь).

Дмитрій *(не въ силахъ говорить, отираетъ
 слезы. Потомъ, подымая мать).*

Родная!

Зачѣмъ такія рѣчи говоришь?
 Богъ жизнь даетъ, — Богъ жизнь и отымаетъ;
 Что суждено, того не обойдешь.
 Мнѣ-ль клясть тебя?... Нѣтъ! у престола Бога,
 Коль грѣшника допустить Онъ къ себѣ,
 Молиться буду за тебя, родная.
 Не лей же слезъ; благослови меня,
 И прямо ты отсель, къ Святой Софіи,
 Ко всѣмъ святымъ угодникамъ ступай, —
 Моли ты ихъ предстательства, да приметъ
 Благій Господь смиреннаго раба
 И о тебѣ мольбу мою услышать.

Стражъ *(входя).*

Боярыня! пора тебѣ идти.

Марѳа.

Еще минуточку!

Стражъ.

Простись, бояринъ.

Марѳа *(бросаясь на грудь сына).*

Ахъ, Боже мой!...

Дмитрій.

Благослови.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена I.

(Внутренность *Дмитіи* (т. е. града), обнесеннаго вдали каменною стѣною съ башнями и двумя, ведущими въ Гончарскій и Загородный концы, воротами, надъ коими возвышаются церкви Богоявленія и Преображенія Господня. Въ срединѣ, церковь Св. Софїи, Владычній Дворъ и Судебная Изба.— Народъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и женщины, толпятся на площади, въ ожиданіи прибытія Великаго Князя, изъ стана. Въ числѣ бояръ видны: Сухомлиновъ, Осташевъ, Патрикеевъ и Григоровичъ).

На аван-сценѣ, группа простолюдиновъ среднихъ лѣтъ, стариковъ и молодыхъ парней.

Молодой парень (*обращаясь къ старику*).

Что-жъ, дѣдушка? Аль Новгородъ-то нашъ
Совсѣмъ отърасовался? правду-ль бають,
Что съ башни Ярославова Дворища
И волоколь-то на Москву свезутъ?

Старикъ.

А кто его тамъ знаетъ! Какъ положить
Господь на сердце Государю, такъ
Оно и будетъ. Вотъ, гляди, изъ стана
Ужъ выѣхалъ и скоро быть должёнъ.
Передъ обѣдней, знать, и рѣчь къ народу
Держать изволить.

Парень среднихъ лѣтъ.

Лихо, братцы, намъ!

(*Подходитъ Московскій гость, изъ купцовъ*).

МОСКВИЧЬ *(кланяясь)*.

Что, люди православные! чѣмъ лихо?

Второй парень *(кланяясь ему, вѣстия съ другими)*.

Мы, господине, про свои дѣла.

МОСКВИЧЬ.

Ну, что-жь дѣла? Богъ милостивъ, не вѣкъ же
Вамъ бѣдовать. Великій Князь не врагъ,
Онъ вамъ отецъ; и пожурить, и лаской
Пожалуетъ.

Первый парень, среднихъ лѣтъ.

Какъ будетъ напередъ

Богъ вѣсть; а нонѣ, горе! хлѣба нѣту;
Мякину со соломою ѣдимъ;
Не то себя, и малыхъ ребятишекъ
Чѣмъ прокормить, не знаемъ. А ужъ какъ
Понатерпѣлись!... вдѣсталь!

Второй парень, среднихъ лѣтъ.

Вотъ, какъ стали

Вы ратью-то своей насъ облегать,
Да хлынули изъ пригородовъ люди,
Спасенья то-есть въ городѣ ища,
Такъ и питаться стало нѣчемъ; ѣли
Мы въ ту пору конину,—что ни есть;
Вчастію-же, и просто голодали;
Бродили люди выходцами!... ну,
И вымерло-жь за то у насъ народу
Отъ всякаго недужья—страхъ сказать!

МОСКВИЧЬ.

Вотъ то-то! кабы меньше, бушевали
Да дралися на сходкахъ вы своихъ,
Да кабы бабъ-то слушали поменьше,
И нѣ было-бъ такого ничего.

Второй парень *(почесывая затылок)*.

Охъ, да и тѣ бояре....

Москвичъ.

Что, бояре?

А кто къ боярамъ наймитами шель,
Чтобъ со своимъ же братомъ биться, ради
Потѣхи, аль инаго тамъ чего?

Первый парень среднихъ лѣтъ.

Лихіе люди, господине.

Москвичъ.

То-то

Лихіе люди! Больно много ихъ
Поразвелось у васъ, ораль-то всякихъ
Да вѣчниковъ худыхъ. Вотъ и калачъ,
Что сами испекли себѣ. Во здравье
И кушайте его.

Старикъ.

Таеъ, господинъ;

Вѣстимо, виноваты, дурни, сами.
За то-жъ и терпимъ! злѣйшему врагу
Не дай Господь!

Москвичъ.

Ну, нонѣ не тужите;

Вамъ за Московю будетъ хорошо;
Великій Князь — извѣстны, чай, вы сами —
Всегда стоялъ за васъ.

Первый парень среднихъ лѣтъ.

Оно-то такъ;

Кому ни доводилось, для защиты,
На тѣсноту отъ нашихъ, бить челомъ,
Судъ, завсегда, правдивый находили.

Нѣсколько голосовъ.

Да онъ за насъ!

МОСКВИЧЬ.

Всегда онъ былъ за васъ.
Вотъ и теперь: чай, мыслите, въ отместку
Онъ за себя казнить бояръ? ни, ни;
Казнить за то, что васъ-то, православный
Христовъ народъ, въ неправду вовлекли.
Всегда за васъ, и есть, и былъ, и будетъ;
Такъ, значить, нѣ о чемъ тужить.

Второй паренъ среднихъ лѣтъ.

Да, вотъ,
Кабы не голодъ-то, что люди таютъ!...

МОСКВИЧЬ.

И голода не будетъ; вотъ придетъ
Самъ государь, и милость вамъ окажетъ.
Простите на здоровье.

Голоса.

Дай-те Богъ!

*(Москвичъ уходитъ; съ противополож-
ной стороны входитъ МАРФА, опираясь
на руку КАТЕРИНЫ. МАРФА худая, блѣдная,
сюда. Одѣта вся въ черномъ).*

Голоса изъ другой толпы (завидя МАРФУ).

Вонъ! вишь, гляди! Посадница!
Остыла
Небось теперь! скрутили ручьи!
Полно
Мутить честной народъ, да набирать
Себѣ ораля да наймитовъ!
Ну, да!
А выцѣдила денежекъ довольно.

Катерина (продолжая разговоръ).

Хотѣла ты, родимая, сказать...

Марса (*размышляя*).

Ахъ! что-то будетъ съ Федоромъ!...

(*Минуту спустя*).

Все тотъ же

Мнѣ снится сонъ, уже въ который разъ!...
 Что мы стоимъ съ тобою тамъ... Я слышу
 Людскую молвь... и тишина... и звукъ.
 Ужасный звукъ!... и люди зарыдали...
 И кровь на мнѣ!... И ты мнѣ говоришь:
 «Не можетъ быть; стояли мы далѣко»...
 А кто-то тутъ, какъ будто изъ толпы:
 «Далѣко? нѣтъ! и съ высоты небесной
 Кровь невинной жертвы достигнетъ
 На мать, свое сгубившую рожденье!»

Катерина.

О! не смущайся такъ! твой милый сынъ
 Стоитъ, въ сей часъ, предъ милосерднымъ Богомъ
 И молится за мать свою.

Марса (*отирая слезу*).

Святой!

Голоса изъ толпы.

Вонъ какъ оно! куда и прыть дѣвалась!

А выгладить, что вѣдьма на метлѣ!

Вотъ въ Кіевъ бы, на Лысую ей гору;
 Тамъ, бають, много есть ея сестеръ.

(*Смѣются*).

Пожилой дѣтина.

Молчите, зубосвалы! Христіане,
 Аль нѣхристи вы, что-ль? Богъ ей судія!

РЕБЯТИШКИ *(выдвываясь из толпы и крича-
лясь).*

Посадница! Посадница-царица!

Дай денежекъ!

Дай хлѣбца!

Дай медку!

Посадница! давай-ка наши грѣши,

Что ты поотбирала!

Не скупись,

Посадница! женихъ-те Ляхъ заплатитъ.

Э, э! у, у! развязывай кошнѹ!

Э, э! тащи колдунью къ колдуну!

(Всѣ вмѣстѣ припѣваютъ и приплясываютъ).

Э, э! у, у! развязывай кошнѹ!

Э, э! тащи колдунью къ колдуну!

Мареа.

Вотъ, вотъ они, народъ любимый мною!
Припомнить-ли, чтобъ кто-либо, въ бѣдѣ,
Отъ Марей уходилъ безъ утѣшенья
И помощи? Припомнить-ли, что въ дни
Зла общаго: неурожаевъ, глада,
Повѣтрія, пожаровъ, никогда
Рука ея къ страдальцамъ не свудѣла
И очи — ихъ не зрѣли безъ слезы?
Вотъ вся ихъ благодарность!

Екатерина.

Это дѣти.

Что могутъ разумѣть они! — Долой!

Подите прочь, безстыжіе!

(Грозитъ ребятишкамъ).

Мареа.

Да, дѣти

Отцевъ и матерей неблагодарныхъ!

Болтають не свое они, а то,
 Что имъ отцы и матери внушили,
 Кому я ихъ же жизнь приберегла,
 Въ лечебницахъ болѣющихъ врачуя. —
 Какъ люди сердцемъ сухи и черствы!
 Пѣсь лижетъ провормляющую руку, —
 Конь вѣрный ржетъ наѣздника узрѣвъ, —
 Ягница узнаетъ свою ховаяйву;
 А человекъ чуждъ благодарныхъ чувствъ, —
 Онъ зла лишь никогда не забываетъ!

(Оттираетъ слезы).

Твердятъ одно — старалась для себя.
 А прежде, для кого же я старалась?

Екатерина.

Оставь! Богъ съ ними, тетушка.

Марѳа *(задумчиво, какъ-бы говоря сама съ собою).*

Они

Вѣдь правду, впрочемъ, говорятъ! не я-ли
 Сгубила ихъ, да и не ихъ однихъ,
 А всѣхъ, кто былъ мнѣ дорогъ? заплатила
 Я лучше-ли за вѣрность и любовь?
 Любимый сынъ погибъ на срамной плахѣ;
 Другаго сына таже плаха ждетъ;
 Невѣстку горе низвело въ могилу;
 Мой Алексѣй, замученный тоской,
 Укрылся въ Соловецкую обитель....

(Задумывается).

Тамъ, надъ волной шумящей, онъ сидитъ,
 И думаетъ.... и въ думѣ той нѣтъ доли,
 И если молится, въ молитвѣ той
 Нѣтъ мѣста для обманщицы, сгубившей
 Ни за что дорожку жизнь!

(Задумывается).

Сухомятиновъ *(тихо къ ней подойдя).*

Я, Марѳа,

На свой вѣдь страхъ привелъ тебя сюда, —

Не велѣно пускать тебя изъ дома,
 Такъ ужъ гляди, не погуби меня;
 Не прогнѣви Великаго ты князя.
 Какъ сказано, такъ ты и сдѣлай: бухъ
 Не говоря худаго слова въ ноги,
 И всю свою покорность изъяви.

Марѳа.

Ахъ, дорогой ты мой Иванъ Димитричъ!
 И видѣть-то, не знаю какъ смогу.
 Онъ сына моего казнилъ.

Сухошлиновъ.

Онъ можетъ

Казнить другаго сына.

Марѳа (*ломая, въ отчаяніи, руки*).

Боже мой!

Сухошлиновъ.

Тутъ болѣ ничего не остается;
 Иль повинись, и прямо такъ свяжи:
 Вины-де моя, мой государь,
 Я признаю всю тяжесть и грѣховность, —
 «Всю тяжесть и грѣховность» — не забудь,
 Иль уходи отсель прочь. Коль сможешь
 Смириться духомъ, то проси, и князь
 Помилуетъ Θεодора, надѣюсь,
 Но иначе не жди. Ему нужна
 Первѣй всего, пойми, твоя покорность.

Батерина.

Проси, родная! Θεодоръ на тебя
 Одну надѣется.

Марѳа.

Помилуй Боже!

(*Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ*).

Сухолиновъ (*Марья*).

Идетъ! стань здѣсь, къ сторонѣ; я скажу

Когда тебѣ приблизиться.

(*Къ народу*)

Займите

Свои мѣста, честные господа.

(*Всѣ становятся на свои мѣста: ближе всѣхъ къ аван-сценѣ Посадники и бояре; потомъ купцы, прочіе граждане и народъ, женщины и дѣти. При каждомъ словѣи есть депутатъ съ хлѣбомъ-солью. Марья и Катерина становятся за боярами, въ сторону. Всѣ обнажаютъ головы*).

Сцена II.

(Входятъ Іоаннъ, въ сопровожденіи князя Оболенскаго-Стриги и большой свиты Московскихъ бояръ и дружинныхъ воеводъ. При его приближеніи, всѣ предстоящіе низко кланяются, при чемъ нѣкоторые изъ народа начинаютъ преклонять колѣна, но, по знаку его, встаютъ. Придя на свое мѣсто, Іоаннъ останавливается, и въ это время колокольный звонъ умолкаетъ. Съ минутой тишина).

Іоаннъ (*спокойно, взвѣсивая, такъ сказать, каждое слово*).

Внемлите всѣ: посадники, бояре,
 Купцы, житіе люди, весь народъ! —
 Я вашихъ винъ высчитывать не стану;
 Изъ нихъ довольно горшкую назвать:
 Вы измѣнить отечеству хотѣли;
 Вы Польскому сдавались королю!
 Вотъ привело къ чему васъ ваше вѣче;
 Русь раздѣлить хотѣли вы въ конецъ.—
 Что-жь? или вы прошедшее забыли?
 Мы мало-ль угнетены и стыда
 Отъ раздробленья нашего терпѣли?
 Князья въ Орду сбѣгались на поклонъ:
 Холопами князья служили ханамъ.
 Огонь и мечъ сихъ хищниковъ, до тла
 Посады, села; грады истребляли;
 Грабежъ, разбой, безчестье женъ, сиротъ,
 Чего годами мы ни натерпѣлись!...
 Но, болѣе сему ужъ не бывать.—

Уразумѣйте-жъ всѣ вы, до едины:
 Я требовалъ покорности отъ васъ
 Не изъ любоначалія, а съ цѣлью
 Указанною Богомъ мнѣ самимъ—
 Сплотить, связать всю Руси нашей землю,
 Да такъ, чтобъ никакой Монголь иль Ляхъ
 Къ ней простирать и мысли не дерзали!—
 Вамъ тяжело; но вы меня судить
 Не можете. Судить въ грядущемъ будутъ
 Меня и васъ, лишь люди той поры,
 Когда вся Русь, могучая держава
 Подъ свипетромъ единого Царя,
 Не отбиваться отъ враговъ лишь будетъ,
 А станетъ и сама грозой врагамъ.

(Минуту спустя).

Я вамъ еще оставлю вашъ порядокъ,
 Петрону ничего.

Народъ *(кланяясь).*

Благодаримъ!

Іоаннъ.

Но помните! малѣйшій знакъ крамолы,
 И ужъ тогда, все разомъ порѣшу.
 Сведу въ Москву и вѣщунѣ смуть вашихъ,
 Чтобъ онъ, своимъ змѣинымъ языкомъ,
 Не созывалъ лихихъ людей на распрю
 Съ единокровной русскою семьей.
 Вы поняли?

Голоса изъ среды бояръ, купцовъ и народа.

Такъ, Государь! Помилуй!

Уйми свой мечъ!

Гнѣвъ преложи на милость!

Іоаннъ.

Ужъ преложилъ. Храните лишь свое
 Вы крѣпко цѣлованье,—будемъ въ мирѣ.
 Давайте челобитныя теперъ!

*(Князь Оволенскій обходитъ народъ
 и принимаетъ челобитныя)*

Іоаннѣ (*увидя Марѳу, обращается къ
Сухомлинову*).

Не Марѳа-ли?

Сухомлиновъ (*съ низкимъ поклономъ*).

Такъ, Государь, съ повинной.

(Іоаннѣ дѣлаетъ Марѳѣ знакъ прибли-
зиться. Марѳа, подойдя къ нему, прекло-
няетъ колѣно, но Іоаннѣ, останавли-
ваетъ это движеніе).

Марѳа.

Могучій Государь! вины моей
Я сознаю... всю... тяжесть и грѣховность;
Но страшно испустила я её
Оставленной мнѣ жизнью, смерти горшею!
Я видѣла, какъ сына голова
Снатила по моствамъ позорной плахи;
Мнѣ грезилась она, потомъ, не разъ
Плывущею въ потокахъ крови гражданъ,
Погубленныхъ... быть можетъ, что и мною!
Какъ умъ мой устоялъ предъ наводженьемъ,
Какъ я живу,—не знаю; посмотри,
Я вся сѣда,—грудь высохла отъ муки,
Сгорѣли очи отъ палящихъ слезъ,
На мнѣ одинъ лишь остовъ чловека!
Меня, досель, одна крѣпила мысль—

(*Падаеть на колѣна*)

Пастъ, государь, въ стопамъ твоимъ, и если
Не пощадишь ты сына моего,
Молить себѣ самбй позорной казни.
Будь жалостливъ! не дай еще разъ зрѣть
Погибели срамной роднаго сына;
Не дай мнѣ стать всѣхъ кровныхъ палачемъ.
Не дай съ ума сойти мнѣ, милосердый!

(*Съ рыданіемъ, падаетъ ницъ*).

Іоаннѣ (*подымая её*).

Встань, Марѳа! Не казнить сюда пришелъ,
Пришелъ я на союзъ съ моимъ народомъ.

Вы цѣловали крестъ на вѣрность мнѣ,
 И я готовъ забыть обиды ваши.
 Ни одного изъ тѣхъ, кого я могъ
 Помиловать, не измѣняя долгу
 Отвѣтчика предъ Богомъ за народъ,
 Я не казнилъ, вамъ хорошо извѣстно;
 И тѣхъ, кого былъ вынужденъ карать,
 Караль—Богъ это видѣлъ—не охотно.
 Твой сынъ Феодоръ меньше виновать,
 И облегчу ему я наказанье;
 Тебѣ-жь, не оставаться долѣ здѣсь;
 Я не могу имѣть къ тебѣ довѣрья.
 Поѣдешь ты отнынѣ на Москву;
 Тамъ, суеты мірскія удаляся,
 Потщися ты, молитвой и постомъ,
 Обрѣсть себѣ помилованье Бога.

(Дѣлаетъ Маргѣ знакъ удалиться. Она скрывается въ толпѣ).

Іоаннъ *(князю Оболенскому).*

Князь Оболенскій! ты пересмотри
 Ихъ челобитни, и въ Москву представишь.
 Тебѣ вручаю «отчину» мою.

(Минуту спустя).

Преступниковъ, приговоренныхъ въ ссылкѣ,
 Сдать на поруки, а съ имуществъ ихъ
 Копейное взыскать на половину;
 Всѣхъ остальныхъ, совсѣмъ освободить.

(Къ народу).

Ну, вы теперь потщитесь загладить
 Вину свою, чтобъ могъ, по старинѣ,
 Я жаловать мой Новгородъ Великій.

Народъ и всѣ присутствующіе.

Потщимся, государь!

Іоаннъ.

А коли такъ,
 Хлѣбъ-соль отъ васъ я съ радостью приѣмлю.

Народъ.

Благодаримъ, отецъ, благодаримъ!

Іоаннъ.

Пойдемте-жъ въ храмъ, молиться вмѣстѣ Богу
За цѣлость и величіе Русі.

*(Колокольный звонъ. Іоаннъ, со святою,
уходитъ; за нимъ постепенно слѣдуетъ
народъ. Занавѣсъ опускается).*

САЛТЫЧИХА.

1730 — 1801.

Дарья Николаевна Салтыкова, известная въ народѣ подъ названіемъ «Салтычиха», была третьей дочерью дворянина Николая Автомоновича Иванова и Анны Ивановны, рожденной Давыдовой, бывшей во второмъ бракѣ за маіоромъ Василиемъ Семеновичемъ Бредихинымъ. Мать этой послѣдней и баба Дарьи Салтыковой — Прасковья Карповна Давыдова жила, въ началѣ 1760-хъ годовъ, въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Тетка Дарьи Николаевны — Аграфена Автомоновна въ первомъ бракѣ была за гвардіи капитаномъ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, во второмъ — за генераль-поручикомъ, кавалеромъ св. Александра Невскаго, Иваномъ Ивановичемъ Бибиковымъ. Старшія сестры ея: Ѳедора Николаевна была замужемъ за генераль-поручикомъ Аеонасіемъ Семеновичемъ Жуковымъ, а Татьяна — за Муравьевымъ; двѣ младшія — Агрипина — за Иваномъ Никифоровичемъ Тютчевымъ и Марѳа — за Василиемъ Ивановичемъ Измайловымъ.

Дарья Николаевна родилась въ мартѣ 1730 года; вышла замужъ за ротмистра лейбъ-гвардіи коннаго полка Глѣба Алексѣевича Салтыкова и имѣла двухъ сыновей Ѳедора и Николая. По мужѣ она находилась въ родствѣ съ Салтыковыми, Строгановыми, Головинными, Толстыми, Лазаревыми, Татищевыми, Шаховскими, Козловскими, Мусинными-Пушкиными, Засѣкинными, Волынскими, Ягужинскими, Голицынными, Нарышкинными, Глѣбовыми и Мельгуновыми.

Овдовѣвъ около 1756 года, Дарья Салтыкова жила съ дѣтьми

въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Кузнецкой улицѣ, въ приходѣ церкви Введенія пресвятой Богородицы, что на Срѣтенѣ, а лѣто проводила чаще въ подмосковномъ своемъ селѣ—Троицкомъ. Отсюда она предпринимала поѣздки на богомолье въ Кіевъ, въ Казанской Богородицѣ—въ селѣ Богородицкомъ—и въ другія мѣста. По смерти мужа, имѣя съ небольшимъ 25 лѣтъ, Дарья Николаевна, дѣлается полноправною распорядительницею своихъ имѣній и крестьянъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она начинаетъ терзать своихъ крѣпостныхъ: собственноручно бьетъ ихъ скалкою, валькомъ, палкою, плетью, утюгомъ, полѣньями, палитъ на головѣ волоса, разжженными припекательными щипцами беретъ за уши и льетъ на голову и лицо горячую воду. По ея приказу, гайдуки и конюхи наказываютъ ея дворовыхъ, женъ и дѣвокъ, безъ милосердія батожьями, палками, плетями, внутьями и комлевыми розгами. Эти изтязанья производились не за какія-либо преступленія или выходящіе изъ ряда проступки, но единственно за нечистое мытье платья и половъ или за недостаточное смотрѣніе за бабами и дѣвками, мывшими полы и платье. Другой вины, а тѣмъ болѣе преступленій со стороны ея крѣпостныхъ, почти не было, но и этой оказывалось достаточно для возбужденія гнѣва жестокой барыни. Она выходила изъ себя и забывала свое человѣчество. «Бейте до смерти!» кричала Салтыцова изъ окна конюхамъ, наказывавшимъ дѣвку Прасковью Ларіонову. «Я сама въ отвѣтъ и никого не боюсь, хотя отъ вотчинъ своихъ отстать готова. Никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ!» И несчастную Ларіонову, вина которой состояла въ нечистомъ мытьѣ половъ, по приказанію барыни, забиваютъ до смерти.

Обставленная родствомъ и имѣя въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ за свои подарки милостивцевъ, она, дѣйствительно, никого не боялась, и болѣе шести лѣтъ, во время царствованія императрицы Елисаветы и императора Петра III, тиранила людей. Находились въ числѣ ея жертвъ и такіе смѣльчаки, которые ходили къ начальству жаловаться, но жалобы ихъ оканчивались опять-таки наказаніемъ внутомъ и ссылкой, или возвращеніемъ, «по наказанію», къ помѣщицѣ.

— «Вы мнѣ ничего не сдѣлаете», говорила она за обѣдомъ конюху Савелію Мартынову и другимъ людямъ, по возвращеніи отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Молчанова—одного

изъ своихъ милостивцевъ. «Сколько вамъ ни доносить, мнѣ они (т. е. начальство) все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ». И Салтыкова говорила правду. Доносчица Нефедьева, по наказаніи внудомъ, отправлена въ ссылку, а доносчики Ѳеодоръ Ивановъ Соминъ и Ѳеодотъ Михайловъ Богомолловъ послѣ наказанія возвращены, по просьбѣ, ей. Послѣдняго она отправила въ с. Троицкое, гдѣ и держала въ желѣзахъ подъ карауломъ.

— «Когда-бъ», говорилъ про Салтыкову ея дворовый Савелій Мартыновъ, «ей послабленія не было, то-бъ она отъ таковыхъ не порядковъ и смертныхъ людей ея побои унятца могла».

Наконецъ, лѣтомъ 1762 года, Савелію Мартынову и другому его товарищу—Ермолаю Ильину, у котораго барыня убила всѣхъ его трехъ женъ, удалось какъ-то подать императрицѣ Екатеринѣ II жалобу, пересланную изъ Петербурга въ Юстицъ-коллегію для произведенія слѣдствія.¹⁾ Мартыновъ и Ильинъ, описывая звѣрскіе поступки своей барыни съ крѣпостными, просили: «чтобъ отъ таковыхъ смертныхъ губительствъ и немилосердныхъ безчеловѣчныхъ мучительствъ зацѣпить; не отдавая помѣщицѣ ихъ, доносителей, и прочихъ во владѣніе и не допуская до такого губительства и смертнаго убійства, обо всемъ томъ изслѣдовать; при чемъ-де сверхъ того и еще многія смертоубивственныя и весьма не маловажныя криминальныя дѣла, учиненныя ею, помѣщицею, яснѣе оказатца могутъ, яко отъ 1756 году душъ со ста таковымъ же образомъ ею, помѣщицею, погублено, и по изслѣдованіи за тѣ безчеловѣчныя мучительства и смертныя убійства учинить съ нею какъ законы повелѣваютъ».

Слѣдствіе тянулось шесть лѣтъ; имѣнія Салтыковой были взяты въ опеку и опекуномъ назначенъ Сабуровъ. Представляя въ сенатъ донесеніе о всемъ дѣлѣ, коллегія писала: «а сколько челоувѣкъ убитыми или умершими за сумнительство почтено, о томъ значить въ семь экстрактѣ, подъ каждымъ именемъ точно; а по послѣднимъ, взятымъ въ деревняхъ ея, Салтыковой, скасамъ, въ домѣ ея мужеска и женска половъ взятыхъ явилось 138 душъ».²⁾

¹⁾ По словамъ доносителей, они бѣжали изъ Москвы въ концѣ апрѣля 1762 года тайно въ Петербургъ. Г. С.

²⁾ Въ 32-мъ пунктѣ донесенія коллегіи, гдѣ перечисляются взятые пзъ деревень люди, число 138 отнесено къ одному женскому полу. Г. С.

Достоино замѣчанія, что Салтыкова, какъ кажется, не знала грамоты. Въ 1761 году, при продажѣ челоуѣва Гаврилы Андре-ева, «вмѣсто ее, руку приложилъ отецъ ея духовный», а по при-сылкѣ на домъ крѣпостной книги на эту продажу «росписался сынъ ея, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку солдатъ Николай Салтыковъ».

I

С.-петербургская контора Правительствующаго Сената, во исполненіе опредѣленія послѣдняго, 1-го октября 1762 г. прислала въ юстицъ-коллегію доносъ на помѣщицу Дарью Салтыкову, поданный императрицѣ Екатеринѣ II служителями Салтыковой—Савелиемъ Мартыновымъ и Ермолаемъ Ильинымъ. Въ доносѣ этомъ, Мартыновъ и Ильинъ описывали безчеловѣчныя мучи-тельства и неоднократныя смертныя убійства со стороны помѣ-щицы крестьянъ ея, ихъ женъ и дѣвокъ, начиная съ 1756 года. Коллегія допрашивала Салтыкову и ея людей, и допросы эти представила, 6-го ноября 1763 г., въ контору съ своимъ мнѣ-ніемъ: «что означенную вдову, яко оказавшуюся въ смертныхъ убивствахъ весьма подозрительною, по прописаннымъ въ томъ мнѣніи обстоятельствомъ и законамъ, во изысканіи истины, над-лежитъ пытатъ».

На докладѣ о семъ конторы, послѣдовало высочайшее пове-лѣніе: «объявить Салтыковой, что всѣ обстоятельства онаго дѣла и многихъ людей свидѣтельства доводятъ ее до пытки, что съ нею дѣйствительно и послѣдуетъ, если она не принесетъ чистосердеч-наго признанія.¹⁾ Между тѣмъ опредѣлить къ ней искуснаго, чест-наго житія и въ божественномъ писаніи знающаго, священника на мѣсяць, который бы увѣщевалъ ее къ признанію, и если и отъ его еще не почувствуетъ она въ совѣсти своей угрызенія, то чтобъ онъ приготовилъ ее къ неизбѣжной пыткѣ; а потомъ пока-зать ей жестокость розыска надъ приговореннымъ къ тому пре-ступникомъ, и если еще и тогда чистосердечія отъ нее не бу-

¹⁾ См. «Сборникъ Русскаго Историческаго Общ.», т. X, стр. 311 и 312, а также: «Записки вв. Я. П. Шаховскаго», изд. «Русской Старины», стр. 248 и 249.

детъ, то представить ея императорскому величеству, не объявляя ей о томъ послѣднемъ представленіи, и ожидать указа».

Сенать, по 6 департаменту, передавая коллегіи это повелѣніе, 13-го января 1764 г., предписывалъ объявить оное Салтыковой чрезъ своего члена, «исключая изъ того, что ей объявить не велѣно». Тогда же Сенать потребовалъ распоряженія о выборѣ въ Салтыковой священника такого, «какъ означеннымъ ея императорскаго величества указомъ повелѣно», который и обязанъ явиться въ коллегію, а послѣдняя должна познать священника съ дѣломъ подсудимой, и затѣмъ «велѣтъ ему для того увѣщанія быть при ней мѣсяць».

Къ исполненію указанной Сенатомъ обязанности назначенъ московскою консисторіею священникъ церкви Николая чудотворца Явленнаго, Дмитрій Васильевъ, который 3-го марта 1764 г. донесъ, «что онъ означенную Салтыкову чрезъ мѣсяць отъ божественнаго писанія судомъ Божиимъ и Его милосердіемъ увѣщевалъ; но она, Салтыкова, по оному увѣщеванію, чистосердечнаго признанія, въ совѣсти своей не почувствовавъ, не принесла, почему она, Салтыкова, и приготовлена имъ къ неизбѣжной пыткѣ». На слѣдующій день коллегія предписала розыскной экспедиціи при московской губернской канцеляріи донести ей о времени назначенія пытки кому-либо изъ преступниковъ, «второй ему не чиня, дать знать коллегіи, такъ какъ при той пыткѣ, для нѣкоторой надобности, имѣеть быть юстиць-коллегіи собраніе». По полученіи о семъ извѣщенія, «помянутая вдова Дарья Салтыкова изъ дому ея взята и привезена была въ розыскную экспедицію за карауломъ и сведена была въ застѣнокъ и въ чинимыхъ ею людямъ своимъ мучительствахъ и оттого смертныхъ убивствахъ, юстиць-коллегіи присутствующими, что на нее показано и какія на то есть доказательства, довольно была увѣщевана же; послѣ чего, по непризнанію ея ни въ чемъ, показана ей очевидно жестокость розыска надъ приговореннымъ къ тому преступникомъ и посему наеи чинено же ей было увѣщеваніе; но она, Салтыкова, по всѣмъ тѣмъ увѣщаніямъ, ни въ чемъ не призналась, съ чѣмъ и изъ застѣвки вышла и отдана по прежнему подъ караулъ». О послѣдствіяхъ священническаго увѣщанія и розыска коллегія представила сенату 12-го марта.

Чрезъ два мѣсяца, 17-го мая 1764 г., 6-й департаментъ, осно-

вываясь на высочайшемъ повелѣніи, предписалъ справиться: «есть-ли къ обличенію Салтыковой довольное свидѣтельство и былъ-ли повальный обыскъ? и ежели онаго не было и еще какое свидѣтельство потребно, то оное и обыскъ учинить, какъ онымъ ея императорскаго величества указомъ повелѣно, не чиня ни людямъ, ни ей пытокъ».

По распоряженію коллегіи, повальный обыскъ въ Москвѣ, «около ея жительства, гдѣ домъ ея состоитъ», производилъ членъ коллегіи—коллежскій совѣтникъ Степанъ Волковъ, а въ московскомъ уѣздѣ, около подмосковнаго Салтыковой села—Троицкаго, другой членъ — надворный совѣтникъ князь Дмитрій Циціановъ.

Волковъ опросилъ разнаго званія людей болѣе 100 человекъ, изъ коихъ 94 отозвались, «что означенная-де вдова Дарья Салтыкова во время жительства своего въ московскомъ домѣ своемъ, въ какомъ состояніи жизнь свою продолжала — въ добромъ-ли или въ худомъ, о томъ они нието не знаютъ; о мучительствахъ и смертныхъ убивствахъ ею людей ея мужеска и женска полу, они подлинно не вѣдаютъ и отъ домашнихъ ея ни отъ кого извѣстія имъ не было, и сами очевидно того не видали и ни отъ кого не слышали». Какой-то священникъ показалъ, что одна изъ дворовыхъ женокъ Салтыковой приходила къ нему какъ-то лѣтомъ и передавала, что помѣщица взяла къ себѣ въ домъ ея дочь 12-ти лѣтъ, бьетъ и мучитъ ее, и будетъ ли жива—неизвѣстно; что другія двѣ женщины въ то же время рассказывали, что Салтыкова заперла всѣхъ своихъ женщинъ въ пустую избу и моритъ ихъ голодомъ двое сутокъ, а солдатъ Коломенскаго полка Минай Болотовъ говорилъ, что барыня эта убила до смерти жену дядьки дѣтей своихъ. Другой священникъ рассказалъ, что лѣтомъ въ 1762 г. ему довелось быть, по призыву дьякона Введенской церкви и священника церкви Іоанна Бѣлоградскаго, на сѣзжемъ дворѣ 1-й полицейской команды и видѣть въ телѣгѣ мертвое тѣло женщины, на спинѣ коего были великія раны; при чемъ дьяконъ и прочіе люди говорили ему, что мертвое тѣло взято изъ Салтыковского дома. Изъ 18-ти человекъ боярскихъ людей четверо показали, что въ разное время видѣли на дворѣ дома Салтыковой людей ея, бритыхъ и въ колодкахъ, употреблявшихся въ такомъ видѣ въ работу; пятеро — что они съвозъ заборъ господскихъ дворовъ часто слышали о происходившихъ у Салтыковой въ па-

латахъ побояхъ, при чемъ помѣщица кричала: «бей больше!» но кого били—не знаютъ и когда—не припомнятъ; а девять человекъ заявили, что они видѣли на дворѣ у Салтыковой, въ зимнее время, стоявшихъ предъ окнами палатъ босыхъ на морозѣ мужчинъ и женщинъ битыхъ, отчего на рубахахъ и на лицахъ ихъ видна была кровь.

Одновременно съ обыскомъ Волкова въ Москвѣ, Циціановъ опрашивалъ окрестныхъ жителей подмосковнаго села Троицкаго. Изъ нихъ 114 человекъ отозвались совершеннымъ невѣдѣніемъ того, какъ поступала Салтыкова съ своими вѣрными; 43 человека вотчины коллегіи экономіи показали, что они слышали отъ крестьянъ ея жалобы о томъ, что она бьетъ и мучитъ своихъ людей, но отъ постороннихъ ничего не знаютъ; священникъ и дьяконъ, на основаніи слуховъ многихъ людей, говорили Циціанову, что Салтыкова «жизнь свою продолжала въ худомъ состояніи и къ людямъ своимъ строгость употребляла, наказывая ихъ жестоко, а сами они того не видали и заподлинно не знаютъ»; 22 человекъ помѣщичьихъ крестьянъ показали, что Салтыкова, какъ они слышали отъ крестьянъ ея, жизнь ведетъ непорядочную и людей своихъ бьетъ и мучитъ. «Три года назадъ», говорили они, «лѣтомъ, изъ села Троицкаго везли чрезъ ихъ деревню мертвое тѣло дѣвки, при чемъ провожавшіе рассказывали, что дѣвка та убита помѣщицею, и они видѣли на тѣлѣ ея съ рукъ и съ ногъ кожа и съ головы волосы сошли». Провожавшіе везли тѣло, для обтѣвленія, въ московскую губернскую канцелярію; при нихъ былъ сотскій, который взялъ изъ вотчины ихъ конвой въ 6 человекъ. Послѣдніе проводили тѣло до владѣнія Донскаго монастыря, деревни Семеновской. Потомъ по слѣдствію оказалось, что убитая была—Фекла Герасимова. Лѣтомъ 1762 г., она, вмѣстѣ съ другими дѣвками, за нечистоту въ мытьѣ платья и половъ, была сѣчена, по призыву помѣщицы, розгами, послѣ чего ее заставляли опять мыть полы. Хотя Герасимова «отъ сѣченія уже и ходить на ногахъ не могла, но помѣщица била ее еще скальбою». «Послѣ побой тѣхъ Герасимова находилась чуть жива: и волосы были у ней выдраны, и голова проломлена, и спина гнила». Староста села Троицкаго, Иванъ Михайловъ, который прежде скрывалъ преступленія своей барыни, рѣшился везти мертвое тѣло Герасимовой въ Москву, въ губернскую кан-

целярiю. Тамъ тѣло осматривалъ лекаръ Ѳедоръ Смирновъ, причемъ «явились на томъ тѣлѣ—на плечахъ и спиѣ—синіе знаки и опухоль, на поясницѣ и крестцѣ раны, голова и лѣвый високъ и глазъ въ разныхъ мѣстахъ пробиты и сини».

Повальный обыскъ Циціанова продолжался довольно долго. При этомъ вотчинъ коллегіи-экономіи деревни Саларевой и села Орлова — дьячекъ, двое старостъ, сотскій и 77 человекъ крестьянъ рассказали, что Салтыкова «жизнь свою продолжаетъ въ худомъ состояніи, потому что крестьянъ своихъ посылаетъ на работу, не давая имъ никакого пропитанія, и тѣ крестьяне ея ходятъ и кормятся мірскимъ подаваніемъ; отъ людей же ея и крестьянъ слышали жалобы, что она ихъ бьетъ и мучить, а о смертныхъ ею убивствахъ людей ея они не вѣдаютъ и очевидно того не видали». «Только третій годъ», продолжали они, «какъ близъ вотчины своей копали прудъ, тогда пришелъ къ нимъ староста салтыковской Иванъ Михайловъ, извѣщая, что оная помѣщица его убила дѣвцу свою до смерти, а имя ея не объявилъ, и требовалъ, чтобы ту дѣвцу осмотрѣть, куда отъ нихъ міромъ посланъ былъ крестьянинъ Петръ Куракинъ, и возвратясь объявилъ, что онъ съ прочими окольными сторонними людьми ту дѣвцу, избитую, всю въ крови, видѣлъ, и мертвое ея тѣло повезено въ Москву, которое и онъ съ прочими провожалъ». Вѣдомства коллегіи-экономіи, села Семеновскаго, староста и 11 человекъ крестьянъ показали, что третій годъ тому назадъ, лѣтомъ, староста и крестьяне Салтыковой привезли въ ихъ село мертвое тѣло дѣвки и передали стоящимъ въ селѣ «на бекетѣ» солдатамъ, причемъ староста говорилъ, что она убита помѣщицею, «и они видѣли на томъ мертвомъ тѣлѣ струпъ: кожа сошла и видно, что обварена». Часовые отвезли тѣло въ Москву, въ сыскную команду, гдѣ оно и было принято.

Собранныя Волковымъ и Циціановымъ свѣдѣнія, съ обширнымъ извлеченіемъ изъ нихъ, коллегія, 25-го апрѣля 1765 г., представила Сенату, который, 20-го октября того же года, предписалъ: повѣрить экстрактъ съ подлинными дѣлами, для чего вытребовать ихъ изъ Сыскаго приказа и губернской полиціи-мейстерской канцелярiи, и рассмотреть, правильно-ли дѣла произведены, нѣтъ-ли въ нихъ какого упущенія или кому понаровке, чѣмъ рѣшены или остались безъ рѣшенія, законно-ли были истя-

заны доносители; «при чемъ и о показанныхъ на судей и канцелярскихъ служителей и другихъ чиновъ подаркахъ, противъ доносительскаго объявленія, тѣми, на кого оныя написаны и кто оныя принималъ, собравъ ихъ всѣхъ, на-вѣрѣно изслѣдовать же и, по окончаніи всего вышечисланнаго, учиня обстоятельныя и краткіе экстракты пунктами, о каждой матеріи порознь, таеъ чтобъ на всѣ показанія ясныя и приличныя изъ слѣдствія и изъ обстоятельства дѣлъ по порядку, какъ происходило, были очищены, и къ тому подписавъ приличные указы, а подъ тѣхъ, какъ о Салтыковой, въ чемъ она точно виновно состоитъ, описать, таеъ и о другихъ приличившихся противъ того-жъ показать; равно и люди Салтыковой, кто правъ и кто въ чемъ виноватъ, росписать же и о всѣхъ виновныхъ и кто чему за свои преступленія, а невинные, какому награжденію подлежатъ по точной силѣ законовъ, приложить свое мнѣніе и со оными экстрактами представить правительствующаго сената въ 6-й департаментъ».

Съ этого только времени, т. е. съ конца октября 1765 года, началось производство настоящаго слѣдствія о преступленіяхъ Салтыковой, хотя collegія три года раньше, въ 1762 г., могла бы изъ доносовъ Мартынова и Ильина видѣть, что дѣла объ этой помѣщицѣ производились въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ уже съ 1756 г. Collegія теперь только вытребовала къ себѣ дѣла, въ количествѣ 21, и, разсматривая ихъ, нашла, что доносовъ на Салтыкову было много, изъ коихъ нѣкоторыми обвинялись члены и чиновники: полиціймейстерской канцеляріи — дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Ивановъ Молчановъ, Сыскаго приказа — надворный совѣтникъ Петръ Михайловскій (умершій въ началѣ 1765 г.), надворный совѣтникъ Левъ Вельяминовъ-Зерновъ, прокуроръ Ѳедоръ Хвоцинскій, актуаріусъ Иванъ Пафнутаевъ, и тайной конторы — секретарь Иванъ Яровъ, — въ полученіи отъ Салтыковой подарковъ; вслѣдствіе этихъ взятокъ, дѣла о жестокостяхъ ея оканчивались всегда въ пользу помѣщицы, а доносители, по наказаніи кнутомъ, или отсылались въ ссылку или отдавались въ распоряженіе помѣщицы, по ея о томъ просьбѣ.

По полученіи дѣлъ, collegія начала производить слѣдствіе о каждомъ убитомъ или умершемъ отъ побоевъ лицѣ, выписывая жалобы Мартынова и Ильина и прочихъ доносителей по

пунктамъ, подвергая, затѣмъ, допросу какъ Салтыкову, такъ и другихъ участниковъ ея преступленій и всѣхъ знавшихъ и слышавшихъ о томъ или другомъ случаѣ убійства или смерти отъ равнъ; допрашивала священника села Троицкаго, Степана Петрова, если дѣло касалось погребенія убитаго или умершаго отъ побоевъ при церкви того села; собирала справки отъ вотчинъ: кто и когда изъ крестьянскихъ женъ и дочерей были взяты помѣщицею въ домъ и куда потомъ дѣвались, и затѣмъ подъ каждымъ обвиненіемъ дѣлала свое заключеніе о положительной виновности Салтыковой въ преступленіи, или оставляя въ болшемъ или меньшемъ подозрѣніи, не приписывала ей смерти во-го-либо, и даже, по нѣкоторымъ, фактически недоказаннымъ, убійствамъ ее оправдывала.

II.

Убійство трехъ женъ коюха Ермолая Ильина: Аक्सиньи Яковлевой, Катерины Семеновоы и Федосыи Артамоновой.

«Въ поданномъ ея императорскому величеству оной Салтыковой отъ людей ея доносителей—Савелія Мартынова и Ермолая Ильина—на нее, Салтыкову, доношеніи показано: изъ нихъ, доносителей, Ермолай Ильинъ былъ женатъ на 3-хъ женахъ, изъ коихъ помѣщица третью его жену убила скалкою и полѣномъ до смерти, а при томъ убивствѣ были люди ея Михайла Мартыновъ, да Петръ Ульяновъ; которую приказала снести сверху въ заднюю палату и сама (Салтыкова) за ней сошла съ кормилицею Василисою и съ дѣвкою Аксиньею, и въ той задней палатѣ отливала ее виномъ, чтобъ она хотя мало промолвила; а потомъ посылала за приходскимъ священникомъ Иваномъ Ивановымъ, который и пришелъ, но оной жены его уже живой не засталъ и пошелъ обратно, и ту его, Ильина, жену хоронить не сталъ; а она помѣщица убитое жены его мертвое тѣло, ночнымъ временемъ, съ крестьяниномъ Романомъ Ивановымъ и съ дѣвкою Аксиньею послала въ свое село Троицкое, которые, привезя то мертвое тѣло, отдали старостѣ Ивану Михайлову, а его, Ильина, послѣ того отвозу послала въ то-жъ село ея схоронить, и при томъ сказала ему:

— «Ты хотя и въ доносъ пойдешь, только ничего не сыщешь, развѣ хочешь, какъ и прежніе доносители, внутомъ (быть) высвѣченъ .

«Онъ, убоясь того, что и прежде того по разнымъ убивствамъ доносители высѣчены внутромъ и сосланы въ ссылку, а другіе съ наказаніемъ внутромъ отданы для жесточайшаго ея мученія въ ней въ домъ, затѣмъ и не доносили».

«Объ убитіи онаго Ильина жены, которую звали Аксиныю, Яковлева дочь, оною Салтыковою, въ 1762 г., въ московской полиціи и въ бывшей правительствующаго сената конторѣ на оную Салтыкову доносили ея-жъ Салтыковой люди: Мелентій Некрасовъ, Володиміръ и Иванъ Шавкуновы, Артемій Тарнохинъ и Игнатій Угрюмовъ, и показывали, что та женка бита ею, помѣщицею, самою, смертно скалкою и полѣньями, отъ которыхъ побои и умре скоропостижно и отвезена въ село Троицкое крестьяниномъ Романомъ Ивановымъ съ дѣвкою Аксиныю и погребена попомъ Петровымъ, и при погребеніи для прощанія былъ и мужъ ея Ермолай Ильинъ за карауломъ, дабы не ушелъ и объ убивствѣ не объявилъ. А о томъ слышали они отъ онаго мужа ея Ильина. А при томъ же показывали, что показанный Ермолай Ильинъ женатъ былъ на 3-хъ женахъ: на первой—Катеринѣ Семеновой, на второй—Федосѣ Артамоновой, а на третьей—вышеписанной Аксиныѣ Яковлевой, и тѣхъ первыхъ его двухъ женъ она же, помѣщица, била разными побоями, сама, полѣномъ и палкою, а мужъ ихъ Ильинъ попрекалъ, будто бы, за нечистое мытье половъ,—и съ прочими людьми сѣкалъ батожемъ и плетью, отъ которыхъ побои и тѣ его двѣ жены въ разныя времена померли, а во сколько времени послѣ побой,—о томъ не упомянуть; и мертвыя ихъ тѣла—Катерины Семеновой погребено въ Москвѣ, у приходской церкви попомъ Иваномъ Ивановымъ, а Федосы Артамоновой и Аксины Яковлевой—отосланы въ село Троицкое съ крестьянами Давыдомъ и Романомъ Ивановыми, гдѣ попомъ Степаномъ Петровымъ и погребены».

«И по тѣмъ ихъ показаніямъ, по указу изъ оной сенатской конторы, какъ объ оныхъ, такъ и о другихъ, показанныхъ въ убивствѣ отъ нихъ на оную помѣщицу, изслѣдовать велѣно сыскному приказу, для чего изъ того ихъ показанія въ сыскной приказъ послана выписка; но въ томъ сыскномъ приказѣ, по присылкѣ въ оный тѣхъ показателей, мая съ 13-го 1762 г., до взятія того дѣла въ юстиць-коллегію октября по 18-е число того-жъ году, кромѣ какъ справка съ дѣлами, отъ кого на оную

Салтыкову были доносы и о комъ именно и какъ рѣшены, да изъ указовъ выписки, производства никакого не имѣлось».

Объ убійствѣ трехъ женъ Ильина Салтыковою показывала, въ июлѣ 1762 г., въ московской губернской канцеляріи, мать его вдова Дарья Абрамова во время привоза ея, со старостою Ивановъ Михайловымъ, изъ села Троицкаго, мертваго тѣла дворовой дѣвки Феклы Герасимовой (о которой упомянуто выше); то же самое, въ отношеніи Катерины Семеновою и Фодосьи Артамоновой, показалъ Василій Антоновъ, говоря, что «тѣ Ильина двѣ жены померли подлинно отъ побои ея, Салтыковой».

Помѣщица Дарья Салтыкова, по поводу этого обвиненія, въ 1762 г., говорила:

— «Оныхъ женокъ до смерти не убивала и изъ нихъ къ Аксиныѣ Яковлевоу приходскаго попа (приводить) исповѣдывать не приказывала, и ту женку хотя за вины и приказывала людямъ, а кому—не упомню, въ разныя времена наказывать розгами, точію умѣренно, а смертныхъ побои ей чинимо не было и сама ее ничѣмъ никогда не бивала. А въ 1761 г., лѣтомъ, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ—не упомню, въ бытность мою въ селѣ Троицеомъ, оная жена Аксиныя, съ прочими бабами, пришла пѣшкомъ въ то село и жила при мнѣ съ мужемъ своимъ; а какъ я въ осень изъ того села поѣхала въ Москву, то оная жена осталась здоровая. А мужъ ея Ермолай Ильинъ пріѣхалъ со мной въ Москву; и въ томъ же году, зимою, а котораго мѣсяца и числа—не упомню, оный мужъ ея просилъ меня, чтобы отпустить его въ село Троицкое къ ней, женѣ, объявляя, что она больна при смерти, и исповѣдывана, и причащена. Для чего онъ и былъ отпущенъ; а пріѣхавъ оттуда, объявилъ, что она умерла и погребена въ томъ селѣ попомъ Петровымъ при немъ, Ильинѣ, при чемъ была и мать его, Ильина, жена Дарья Абрамова».

Въ ноябрѣ 1766 г. Салтыкова къ этому показанію прибавила:

— «Женка Катерина Семенова взята мною была и при мнѣ имѣлась; но во время произвожденія обо мнѣ слѣдствія въ юстицъ-коллегіи, будучи больна долгое время, умре и погребена въ Москвѣ; а Фодосья Артамонова взята-ль и замужемъ за онымъ Ильинымъ была-ль—за моею болѣзнію и великимъ безпамятствомъ не упомню, но я тѣхъ его женъ никогда, ничѣмъ не бивала и битъ никому не приказывала, и померли не отъ моихъ побоевъ».

Убийство Аксиньи Ильиной подтвердили Михаилъ Мартьяновъ, Петръ Ульяновъ, кормилица Василиса Матвѣева и дѣвка Аксинья Степанова. Они говорили, «что помѣщица ихъ—Ермолая Ильина жену, Аксинью, яко бы за нечистое мытье половъ, скалкою и полѣномъ била до смерти, и они все то видѣли; и послѣдъ побой ту жену сверху въ заднюю палату велѣла снести мужу ея, которую и снесъ, куда и она, помѣщица, съ ними, кормилицею и дѣвкою Аксиньею, пришла. И въ той палатѣ ту женку отливали виномъ, чтобы хотя мало промолвила. Тогда помѣщица ихъ за попомъ Иваномъ Ивановымъ послала—они, Мартьяновъ, Ульяновъ и кормилица, не знаютъ, затѣмъ, что были въ другихъ побояхъ». А дѣвка Аксинья показала, «что она помѣщица за помянутымъ попомъ послала, но онъ той женки уже живой не засталъ и сказалъ, что-де мертвую исповѣдывалъ и приобщать не можно, и для того она, помѣщица, ту мертвую женку съ нею, Аксиньею, и съ крестьяниномъ Романомъ Ивановымъ отослала въ село Троицкое, которую она и отвезла и отдала старостѣ Ивану Михайлову».

Крестьянинъ Романъ Ивановъ подтвердилъ отвозъ съ Аксиньею въ село Троицкое мертваго тѣла послѣдней жены Ильина, которое онъ со старостою Михайловымъ и попомъ Петровымъ, при Аксиньѣ, схоронилъ, а Михайловъ подтвердилъ принятіе тѣла и погребеніе его подомъ при Аксиньѣ и самомъ Ильинѣ.

Священникъ московскій, Иванъ Ивановъ, въ 1762 году, показалъ, «что онъ въ домъ къ оной Салтыковой призванъ былъ, только оной женки живой уже не засталъ и затѣмъ погребать не сталъ; а отчего та жена умерла и убита-ли или нѣтъ,—не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ»; а сельскій священникъ Петровъ отзывался, что дѣйствительно хоронилъ Ильину при означенныхъ лицахъ и при мужѣ убитой, который передавалъ ему, что жена его умерла отъ побоевъ госпожи. Что же касается смерти другихъ женъ Ильина, то Петровъ отзывался, «что Федосью Артамонову похоронялъ-ли, за множествомъ ихъ не упомянуть», а относительно Катерины Семеновой коллегія оговорила, что «попъ Ивановъ, во время производства слѣдствія прежними производителями, былъ не спрошенъ, а нынѣ объявлено, что онъ умеръ въ декабрѣ 1763 года».

Юстицъ-коллегія заключила обвиненіе Салтыковой въ убійствѣ

трехъ женъ Ильина слѣдующимъ мнѣніемъ: •женки Аксиньи Яковлевой смерть, что отъ побой оной, Салтыковой, послѣдовала, обстоятельства дѣла довольно доказываютъ слѣдующее: 1) она показала, что та женка умерла отъ болѣзни въ деревнѣ и при ней не жила, а приходскій попъ свидѣтельствуетъ, что призванъ (былъ въ Москвѣ) для исповѣди и ее не засталъ живую; слѣдовательно, она жила при ней въ Москвѣ; 2) объ отвозѣ ея мертвой въ село Троицкое и о погребеніи свидѣтельствуютъ: попъ сельскій, крестьянинъ Романъ Ивановъ и дѣвка Аксинья Степанова, которые, по частому въ такихъ дѣлахъ употребленію ею, Салтыковою, какъ ниже сего значить, соучастники и согласныи были, почему и свидѣтельство ихъ сильнѣе почитать должно, ибо оно больше признаніемъ есть, нежели свидѣтельствомъ; 3) когда означенная Салтыкова, уже не одной видѣла отъ побой смерть, какъ изъ слѣдующаго ясно окажется, приключаемую, но нѣсколькимъ, то и случайно совсѣмъ происшедшимъ почитать не можно, понеже она оттого не воздерживалась; да въ тому-жъ, 4) она, Салтыкова въ побояхъ Аксиньи хотя и не призналась, но что сѣчена была—объявила; смерть же двухъ прочихъ женъ Ильина—Семеновой и Артамоновой ей же, Салтыковой, за недовазомъ по обстоятельствамъ дѣла, а паче безъ допросу приходскаго попа, за смертію его, о погребеніи Семеновой, и за отрицаніемъ сельскаго попа въ погребеніи-жъ Артамоновой, приписать сумнительно. Слѣдовательно, и доносителей, такъ какъ бы за недоказъ, винить, за неимѣніемъ способа дойти до точной истины, не можно-жъ. Дѣвка Аксинья, въ отвозѣ мертваго тѣла, вѣдая, какъ и сама показала, что отъ побой умерла, равно и попъ за погребеніе того мертваго тѣла, не имѣя никакого виду о исповѣди и причастіи и чѣмъ умерла она, женка, признаются виновными-жъ».

III.

Убийство крестьянина Хрисанфа Андреева.

«Зимою, въ Филиповъ постъ, вечеромъ», показывалъ дворový челоуѣкъ Сергѣй Леонтьевъ, «помѣщица била Андреева сама ѣзжалымъ внудомъ, яко бы за несмотрѣніе его за бабами и дѣвками въ мытѣ половъ, а потомъ, призвавъ дядю его гайдука Федота Михайлова Богомолова, приказала того Хрисанфа бить

тѣмъ же вкнутомъ нагова, и онъ, гайдукъ, его билъ, и отъ тѣхъ побой тотъ человекъ и на ногахъ стоять не могъ и, поднявъ его, оный гайдукъ отдалъ подь караулъ, а кому крестьянамъ—тому не упомянуть затѣмъ, что они были изъ разныхъ вотчинъ для караулу. И тотъ Хрисанфъ во всю ночь стоялъ на морозѣ, а послѣ того введенъ онъ былъ въ палаты, и она, Салтыкова, втайнѣ у себя сама еще била его палкою и при томъ велѣла ему (Леонтьеву) принести разженные припекательные щипцы, кои онъ, Леонтьевъ, и принесть, и она, Салтыкова, тѣми разженными щипцами сама брала Хрисанфа за уши и лила горячую воду ему на голову и на лицо изъ чайника и еще палкою била, и какъ упалъ, то и пинками била, отъ котораго бою онъ чуть живъ. Изъ палаты его вынесъ тотъ гайдукъ, и того-жъ дня она, Салтыкова, того битаго человека, едва только живаго, въ саняхъ на дву лошадяхъ, со онымъ гайдукомъ Богомоловымъ, послала, а куда— не знаетъ, а потомъ извѣстился онъ, Леонтьевъ, что тотъ Хрисанфъ умре».

Доносители Мартыновъ и Ильинъ писали, «что помѣщица убила Хрисанфа до смерти при себѣ, изъ своихъ рукъ, и велѣла принести Леонтьеву разженные припекательные щипцы и тѣми щипцами разженными она, помѣщица ихъ, за уши его брала, и оный Хрисанфъ на томъ мѣстѣ умеръ, и то мертвое тѣло гайдукомъ Федотомъ Михайловымъ въ то-жъ село Троицкое свезено, и тамъ онымъ спрятано было въ поварнѣ подь очагъ». Потомъ Богомоловъ отправился въ Москву доносить объ этомъ преступленіи Салтыковой, но, по случаю «задаренія ею въ Сыскномъ Приказѣ», онъ былъ высѣченъ вкнутомъ и возвращенъ помѣщицѣ, которая отослала его въ Троицкое и тамъ держала въ желѣзахъ подь крѣпкимъ карауломъ.

Богомоловъ — дядя убитаго — показаль: «что помѣщица била Хрисанфа Андреева въжалою плетью сама, а потомъ, по приказу ее, билъ онъ, Богомоловъ, и отъ тѣхъ побой тотъ человекъ былъ безгласенъ и только одно дыханіе имѣлъ, о чемъ онъ объявилъ ей, что умираеть, и она приказала: «ежели-де онъ будетъ говорить, то бы онъ, Богомоловъ, священникомъ его исповѣдалъ, а ежели говорить не будетъ или умретъ, свезъ (бы) его въ село Троицкое и схоронилъ въ лѣсу или хотя въ воду бросилъ». Послѣдствія доноса легли всею тяжестью на Богомолова

потому, что троицкій староста Иванъ Михайловъ, на котораго гайдукъ ссылался, отъ всего отперся, а Салтыкова въ челобитной увѣряла, что Андреевъ, сосланный въ то село, на скотный дворъ, «за продерзости», бѣжалъ, «и хотя тѣло его потомъ нашли, занесенное снѣгомъ, близъ Троицкаго, но, по осмотру, на немъ боевыхъ знаковъ не оказалось, окромя того, что видно только у правой руки персты и повыше колѣновъ оклевано птицами».

Въ дѣйствительности дѣло было такъ: Богомоловъ повезъ Андреева по назначенію, ночью, но на дорогѣ послѣдній умеръ. По приѣздѣ въ Троицкое, Богомоловъ поставилъ тѣло съ саними въ хлѣвѣ, а потомъ объявилъ старостѣ, что Андреева убила помѣщица, приказывая ему, гайдуку, съ нимъ, Михайловымъ, похоронить тѣло въ лѣсу или въ другомъ мѣстѣ. Богомоловъ даже предлагалъ старостѣ зарыть тѣло на дворѣ, но послѣдній «на то хороненіе» не согласился и объявилъ ему, «что онаго учинить не можно затѣмъ, что на тотъ дворъ приходятъ къ нему, старостѣ, многіе сторонніе люди и какъ то тѣло усмотрятъ, то ему, старостѣ, можетъ быть послѣдовать истязаніе и онъ въ томъ имѣетъ опасность. А когда-де помѣщица приказала ему то мертвое тѣло въ томъ селѣ схоронить, то, чтобъ онъ, гайдукъ, гдѣ усмотритъ, тамъ бы и схоронилъ». Тогда Богомоловъ взялъ изъ хлѣва тѣло племянника и при старостѣ снесъ въ поварню, и бросилъ въ подпольѣ. «При томъ, кромѣ ихъ, другихъ не было, а о томъ мертвомъ тѣлѣ онъ, староста, тогда нигдѣ не доносилъ и онаго тѣла не предъявлялъ затѣмъ, что и прежніе доносители на помѣщицу его за такіе доносы наказаны и въ ссылку посланы». Когда Богомоловъ объявилъ объ убійствѣ Андреева, то Салтыкова, вытребовавъ къ себѣ Михайлова, добивалась узнать, «гдѣ оное тѣло оный гайдукъ дѣвалъ?» на что староста отозвался незнаемъ. Она отправила Михайлова обратно въ Троицкое съ Романомъ Ивановымъ съ тѣмъ, чтобы они отыскали тѣло и скровили его. По возвращеніи къ помѣщицѣ, староста объявилъ ей, что тѣла не нашли, и объявилъ онъ такъ для того, «что оной гайдукъ на нее о убійствѣ онаго человѣка, Хрисанфа Андреева, уже доносить въ Московской полиціи, и буде о томъ мертвомъ тѣлѣ объявить ей, помѣщицѣ, то она можетъ принудить его, старосту, то тѣло куда схоронить. А какъ, по показанію онаго гай-

дука, оное тѣло стануть на немъ, старостѣ, разыскивать, то ему и взять его будетъ негдѣ; чего убоясь, такъ ей и объявилъ, а при томъ того опасаясь, что тотъ гайдукъ сказывалъ ему, что того человѣка убила помѣщица и въ томъ бы ему непринять за то какого напраснаго истязанія».

Какъ ни отзывался Михайловъ совершеннымъ незнаніемъ о мѣстѣ нахожденія тѣла Хрисанфа Андреева, Салтыкова опять послала его съ крестьяниномъ Давыдомъ Ивановымъ искать тѣло, вывезти и бросить гдѣ-нибудь на дорогѣ, а чтобы Михайловъ не помѣшалъ этому, то приказала ему отправиться изъ Троицкаго въ Вокшино. Староста, правда, показалъ Иванову тѣло Андреева, но предупредилъ, чтобы онъ не бралъ его изъ поварни и нигуда не бросалъ, представляя ему, что если тѣло будутъ требовать, то онъ, Ивановъ, обязанъ будетъ представить его. Въ отсутствіе Михайлова изъ Троицкаго, призжалъ туда командированный губернскою канцелярією подпоручикъ Суковъ, «но мертваго тѣла и старосты въ томъ селѣ, по объявленію крестьянъ, не явилось», при чемъ трое изъ нихъ «объявили Сукову, что такова мертваго въ привозѣ онимъ доносителемъ (Богомолвымъ) не бывало и о томъ мертвомъ тѣлѣ они не слыхали».

Изъ Вокшина Михайловъ прибылъ, по требованію помѣщицы, въ Москву и въ покояхъ ея видѣлъ чиновника Ивана Никитина Ярова, при которомъ Салтыкова учила старосту, какъ отвѣчать по доносу Богомолова; потомъ она отправила его съ Яровымъ въ домъ послѣдняго, въ Преображенской слободѣ, гдѣ Михайловъ и жилъ трое сутокъ. По истеченіи этого времени, Яровъ призвалъ старосту въ горницу и спрашивалъ объ Андреевѣ, и когда тотъ рассказалъ все чистосердечно, то Яровъ училъ его не показывать о привозѣ тѣла въ Троицкое и не бояться Богомолова. Послѣ этого наставленія, Яровъ повезъ Михайлова въ губернскую канцелярію; въ Кремлѣ онъ оставилъ старосту на паперти церкви Николая чудотворца Галстунскаго, а самъ пошелъ въ канцелярію. Черезъ полчаса Яровъ вышелъ на крыльцо съ помытчикомъ Ивановъ Григорьевымъ Толстымъ, который и повелъ Михайлова въ канцелярію, гдѣ показалъ доносъ Богомолова. Согласно наставленія Салтыковой и Ярова, Михайловъ показалъ, что никакого мертваго тѣла Богомоловъ въ Троицкое не привозилъ, ни отъ кого онъ такого не принималъ, гдѣ оно на-

ходится—не знаетъ, и не знаетъ ни о томъ, что такой человекъ убить, ни о томъ, что онъ былъ даже въ домъ его помѣщицы.

— «Правда», продолжалъ Михайловъ, «пріѣзжалъ въ Троицкое какъ-то Богомолловъ, но только затѣмъ, чтобы объявить ему, что изъ Салтыковскаго дома бѣжалъ дворовый Николай, котораго староста, по приказу помѣщицы, обязанъ былъ доставить въ Москву, въ случаѣ, если онъ покажется въ Троицкомъ».

Черезъ двѣ недѣли староста отозвался незнаніемъ по этому дѣлу и на допросъ секретаря Федора Готовцова. Послѣ такого объявленія Михайлова и челобитной Салтыковой о побѣгѣ Андреева, Богомолловъ, за неосновательный доносъ, получилъ 25 ударовъ кнута и возвращенъ помѣщицѣ.

Пока Михайловъ жилъ въ Вокшинѣ, затѣмъ въ Москвѣ у барыни и у Ярова, а потомъ содержался при губернской канцеляріи, Салтыкова узнала, отъ Давыда Иванова, о мѣстѣ нахождения тѣла Андреева и составила у себя совѣтъ изъ актуаріуса Пафнутаева и Ярова, на которомъ рѣшено было: тѣло Андреева изъ подполья взять и бросить въ полѣ; а когда Ивановъ на то не согласился, то они убѣдили его привести тѣло въ Москву, на загородной Салтыковской дворъ, для объявленія въ Сыскномъ приказѣ, что Ивановъ и сдѣлалъ вмѣстѣ съ Иваномъ Артамоновымъ. Оттуда тѣло, по приказанію Пафнутаева, было доставлено къ Сыскному привазу; тутъ на дворѣ его осматривали, «въ самыя сумерки», Пафнутаевъ съ незнакомымъ Иванову и Артамонову человекомъ, «повидимому секретаремъ», и хотя привезшіе тѣло указывали, «что на вискахъ волосы выщипаны и голова вся проломлена», но Пафнутаевъ отослалъ ихъ за то прочь. Послѣ осмотра, послѣдній приказалъ крестьянину Салтыковой, Ивану Абрамову, росписаться въ пріемѣ тѣла, но тѣло передалъ не ему, а Иванову и Артамонову, которымъ поручилъ везти обратно на загородный дворъ, куда на другой день прислалъ съ гробомъ солдата, «который въ Сыскномъ приказѣ старостою и запираеть казармы».

Посланный съ Артамоновымъ свезли тѣло Андреева въ Троицкое, гдѣ оно, послѣ столькихъ мытарствъ, было наконецъ похоронено священникомъ Петровымъ.

Въ юстицъ-коллегіи Салтыкова по этому дѣлу показала:

— «Назадъ тому года четыре или болѣе, а котораго году,

мѣсяца и числа — не упомяну, объявленный человекъ Хрисанфъ Андреевъ, изъ московскаго моего дому, за продерзости, по приказу моему, отосланъ былъ въ село Троицкое, на скотный дворъ, съ показаннымъ гайдукомъ Федотомъ Михайловымъ. Я въ то время была больна. Тотъ гайдукъ, возвратясь, объявилъ, что онъ, Хрисанфъ, туда отвезенъ и на скотный дворъ отданъ. А послѣ того, дней чрезъ пять, оный же гайдукъ, Федотъ, посланъ же вторично въ то село Троицкое для взятія въ Москву копченой ветчины, и какъ возвратился, то я его и о показанномъ Хрисанфѣ спрашивала, что онъ на скотномъ-ли дворѣ живетъ и ходить-ли за скотиною? На оное объявилъ, что тотъ человекъ сбѣжалъ, а потомъ и гайдукъ, побывъ въ домѣ дней близъ десяти или меньше, бѣжалъ же и доносилъ въ московской полиціи, яко бы оный человекъ, Хрисанфъ, умеръ отъ побой моихъ; а я его ничѣмъ не била и бить его никому не приказывала, и припекательными щипцами за уши не брала, и на голову горячую воду не лила, и о томъ и отъ означеннаго гайдука и въ показаніи тогда не было и нынѣ показано ложно».

Затѣмъ, Юстиць-коллегія подвергла допросу Пафнутьева, Ярова и Толстаго, но они отъ всего отперлись. Всѣ эти лица показывали, что они между собою незнакомы, у Салтыковой не бывали и совѣтовъ не давали; Михайлова, Иванова и Артамонова не выдали; староста у Ярова не жилъ и послѣдній его въ Кремль не возилъ и Толстому не представлялъ; Пафнутьевъ на загородной дворъ не ѣздилъ, мертвaго тѣла къ Сыскному приказу не привозилъ, осмотра ему не дѣлалъ и обратно привозчикамъ не возвращалъ, солдата съ гробомъ не посылалъ, а Толстой Ярова, какъ показываетъ Михайловъ, не видѣлъ. Солдатъ сыскаго приказа, Михаилъ Алексѣевъ, тоже не подтвердилъ ссылку на него Иванова и Артамонова. По его словамъ, получивъ отъ секретаря Донскаго (уже умершаго) бумагу о погребеніи тѣла Андреева, «онъ въ то село, нанявъ своимъ коштомъ извозчика, и поѣхалъ; а какъ пріѣхалъ, то означенное мертвое тѣло стояло у церкви на паперти, положенное въ гробѣ, а кѣмъ положено—того онъ не знаетъ, и ту память (бумагу) оному попу объявилъ, который то тѣло съ крестьянами оной Салтыковой, а съ кѣмъ,—имя не знаетъ, и погребъ; и послѣ того онъ, Алексѣевъ, возвратился и оному секретарю Донскому объявилъ».

Весьма интересно мнѣніе коллегіи по дѣлу Андреева: оно много дополняетъ собою рассказанное здѣсь объ убійствѣ этого несчастнаго и о порядкѣ дѣлопроизводства въ 1759—1762 годахъ въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Коллегія писала: «хотя часто помянутая Салтыкова въ показанномъ бою и мученіи челоуѣку своему Хрисанфу Андрееву, какъ и во всемъ прочемъ, запиралась, но всѣ обстоятельства дѣла, а наипаче села ея подмосковнаго Троицкаго старосты Ивана Михайлова, при послѣднемъ ему нынѣ допросѣ, въ сходственности всѣхъ тогда доносителей показанныхъ окрестностей, признанія, ея причиною смерти онаго Андреева довазываютъ, особливо когда уже ея безчеловѣчная въ поступкахъ съ рабами и съ рабынями жестокость явна оказалась. Не токмо мѣры наказанія обыкновеннаго съ нимъ, Андреевымъ, преступила, но нѣкоторый родъ мученія, христіянамъ неизвѣстнаго, употребила: разженными щипцами припекательными тянувшие за уши и обливая голову горячею изъ чайника водою. Явочная челобитная въ побѣгѣ записана ноября 22-го (1759 г.), а доносъ уже былъ 19-го числа, а потому отъ нея самой мертвое тѣло въ Сыскномъ приказѣ объявлено безъ обстоятельствъ, отъ кого она объ немъ извѣстилась и къмъ сыскано. Мертвое тѣло объявлено отъ Салтыковой ноября 27-го (1759 г.) въ Сыской приказъ, а уже 26-го ноября изъ губернской (канцеляріи) офицеръ посланъ былъ для взятія того тѣла, о чемъ и ей не знать не можно. На челобитной оной, при которой мертвое тѣло объявлено, нумера вѣтъ по входящему. Въ осмотрѣ выговорено, что на тѣлѣ, въ разныхъ мѣстахъ, повидимому, птицами оклевано, которая догадка—подозрительная и съ чего то написано,—трудно познать. Всѣ дѣла объ ономъ Хрисанфѣ Андреевѣ производствомъ непорядочны и къ подозрѣнію въ томъ, что ей, Салтыковой, помогали производители оныхъ къ прикрытію сего поступка, сумнѣніе довольное подають, а именно: изъ губернской Московской канцеляріи въ Сыской приказъ дѣло и колодники почему посланы февраля 12-го (1760 г.), какъ въ доношеніи значить, а въ Сыской приказъ получено и помѣчено апрѣлемъ 3-мъ и тѣмъ числомъ въ томъ Пафнутевъ канцеляристъ за протоколита и росписался; а по тому дѣлу рапортъ отъ поручика Сукова, посланнаго отъ московской губернской канцеляріи для осмотра въ село Троицкое,

помѣченъ 2-мъ ноябремъ; рапортъ писанъ ноября 29-го, а онъ и посланъ былъ 26-го ноября, что совсѣмъ невозможно быть бажется. Въ Судной привазъ запросъ о Богомоловѣ посланъ, а отъ онаго отвѣтствовано о Андреевѣ, съ чего видно: запросъ въ протоколу Смыснаго приказу посланъ отъ дѣла объ осмотрѣ мертваго тѣла онаго Андреева за рукою Пафнутьева; (имъ же) отвѣтствовано и сообщена челобитная Салтыковой; а объ осмотрѣ, съ чего запросъ посланъ и въ немъ именно и мѣсяць упомянуть, по дѣлу ни слѣдовъ нѣтъ, да и опредѣленію-жь на то нѣтъ. Мертвое тѣло отдано тѣмъ, кто оно привезъ, а росписался другой крестьянинъ, и другія, въ экстрактѣ изъясненныя, несправности обаялись Пафнутьева и другихъ, по которымъ всѣмъ резонамъ Коллегія: 1) причину смерти признаетъ Салтыкову; 2) причину того, что доноситель, яко бы за ложный доносъ высѣченъ кнутомъ, между прочимъ признаетъ первѣйшаго тогдашняго жесвидѣтеля старосту Ивана Михайлова, который нынѣ во всемъ противъ показанія доносителя признался, чѣмъ онъ жестокое и заслужилъ наказаніе; 3) Пафнутьевъ за непорядочное дѣлопроизводство не меньше заслуживаетъ наказанія, о чемъ о всемъ во мнѣніи прописано ниже сего; 4) Яровъ отъ подозрѣнія на него, безъ точнаго въ показуемомъ на него доказательствѣ, присягою очистился; 5) хотя по напрасному претерпѣнію наказанія Федотъ Михайловъ (Богомоловъ) и могъ, по разсужденію воллегій, въ награжденіе свободу получить, но по винѣ, которая на третій пунктъ въ разсужденіи изъяснена, самъ себя лишилъ того награжденія.

Въ этомъ 3-мъ пунктѣ, дѣло идетъ объ убійствѣ Аксиньи, Анны Васильевой, Акулины Андреевой, Аграфены Михайловой, Аграфены Алексѣевой и Ирины Харламовой Унженской, при чемъ сказано, что доноситель крестьянинъ Ивановъ, тотъ самый, который ѣздилъ искать тѣло Андреева, по фамиліи Осоминъ (Соминъ), былъ наказанъ за неосновательный доносъ, между прочимъ, по свидѣтельству Федота Богомолова, «второе онъ, потомъ отмыня, повергъ себя винѣ немалой».

IV.

Убийство дворовой дѣвушки Марьи Петровой.

Въ 1759 году, Дарья Салтыкова ѣздила на богомолье въ Кіевъ. Она отправилась туда въ началѣ весны и, возвращаясь въ

Москву, на пути въ Троицкое, остановилась на нѣсколько времени въ имѣніи своемъ—сельцѣ Вокшинѣ (Оксино тожъ). Тотчасъ же по прибытіи, въ октябрѣ мѣсяцѣ, убила дѣвку свою Марью Петрову.

Дѣло было такъ: сначала Салтыкова была Петрову скалкою за нечистое мытье половъ. Натѣшившись, она приказала Богомолу битъ ее ѣзжалымъ кнутомъ, «который и билъ; и послѣ побой, онъ же, Богомолъ, по приезу же ея, Салтыковой, гонялъ ту дѣвку тѣмъ же кнутомъ въ прудъ, которая, бывъ въ прудѣ по горло, изъ того пруда выгнана, и потомъ паки заставляли мыть полъ, но отъ такихъ побой и мученья мыть уже не могла; и тогда-жъ она, помѣщица, была ту дѣвку палкою, а оной гайдуку билъ (ту дѣвку) съ нею, по переѣнамъ, за то, будто-бъ она ругается и полъ мыть не хочетъ; и отъ тѣхъ побой та дѣвка Марья въ тѣхъ же хоромъ, того-жъ дня, въ вечеру, умерла, и изъ хоромъ тотъ гайдуку мертвое оной дѣвки тѣло вытащилъ въ сѣни».

Убитая пробыла въ прудѣ съ четверть часа, и когда одинъ изъ дворовыхъ—Семень Филипповъ пожелалъ взглянуть на это зрѣлище, то Салтыкова отослала его прочь, говоря, «что-де ему того смотрѣть дурно», почему Филипповъ и ушелъ въ поварню. Кромѣ доносителей—Мартынова и Ильина, убійство Петровой, перевозъ тѣла ея и зарытіе въ землю, удостовѣрили своими показаніями: дѣвка Аक्सинья Степанова, кормилица Василиса Матвѣева, Андрей Алфимовъ, Николай Артемьевъ, Сергѣй Леонтьевъ, Семень Филипповъ, Алексѣй Савельевъ, Ульянъ Андреевъ и староста Иванъ Михайловъ.

Позднимъ вечеромъ того же дня, Богомолъ и Аक्सинья Степанова повезли тѣло убитой въ Троицкое на двухъ парахъ лошадей, которыхъ запрягалъ Богомолъ и, по прибытіи, передали тѣло старостѣ Михайлову, поставя тѣло въ банѣ. Богомолъ, вѣроятно по приказанію Салтыковой, уговаривалъ священника Степана Петрова похоронить убитую, приписывая ея смерть болѣзни, но тотъ требовалъ удостовѣренія отъ духовнаго отца умершей въ ея исповѣди и причащеніи. Салтыкова выѣхала изъ Вокшина въ тотъ же день, ночевала въ другомъ своемъ имѣніи—Бѣгичевѣ, и, по приѣздѣ въ Троицкое, велѣла Богомолу снести мертвое тѣло въ лѣсъ и зарыть въ землю; «сама же во всю

ночь ходила по хоромамъ со свѣчкою смотрѣть: не ушелъ-ли кто подглядѣть, гдѣ похоронять въ лѣсу».

Богомоловъ со старостою исполнилъ приказъ: они вывели тѣло въ телѣгѣ и зарыли. На другой день Салтыкова послала въ Москву, къ человѣку своему Мартьяну Зотову, письмо, приказывая, чтобъ онъ подалъ челобитье о томъ, что Петрова бѣжала изъ Вокшина; что тотъ и сдѣлалъ.

На допросъ коллегіи Салтыкова отвѣчала:

— «Въ 1759 г., въ октябрѣ мѣсяцѣ, я оную дѣвку, которая изъ Велгужской вотчины, а которой деревни—не упомяну, Марью Петрову, сама не бивала и никому бить ничѣмъ не приказывала; а въ бытность мою въ селѣ Вокшинѣ, она дѣвка, по приказу моему, послана была въ село Троицкое съ гайдукомъ Федотомъ Михайловымъ (Богомоловъ) и съ крестьянами, а съ кѣмъ—не знаю; а по приѣздѣ моемъ въ то село Троицкое, того-жъ дня, оной гайдукъ объявилъ мнѣ, что та дѣвка съ дороги отъ него бѣжала, за что тотъ гайдукъ отъ меня и наказанъ былъ того-жъ числа, и о побѣгѣ той дѣвки приказала словесно, а чрезъ кого—не помню, чтобъ человѣкъ мой, Мартьянъ Зотовъ, записалъ явочное челобитье; и гдѣ та дѣвка—я неизвѣстна, а о убійствѣ ея показано на меня напрасно».

Коллегія постановила слѣдующее заключеніе: «и сей дѣвкѣ Марьѣ Петровой смерть дѣйствительно ей, Салтыковой, по ея явившимся въ другихъ случаяхъ свирѣпостямъ, причитается, потому что: 1) явилась взята въ домъ ея изъ Унженской деревни; 2) всѣ люди, а наипаче сообщница ея въ такихъ худыхъ дѣлахъ, дѣвка Анисья, сходственно съ доносомъ показала; 3) по многимъ вышепрописаннымъ ея, Салтыковой, поступкамъ, явилось, что она безчеловѣчныя наказанія употреблять обычай имѣла; какъ по сему дѣлу битую жесточайше вогнать, почти въ зимнее время, то есть въ октябрѣ мѣсяцѣ, приказала въ воду, а потомъ заставляла опять мыть полъ и называетъ ея изнеможеніе въ томъ нехотѣніемъ, и за то опять бить велѣла, а сія жестокость не инако, какъ смерть приключить и могла, къ которому беззаконію и то приложила, что безъ исповѣди и причастія въ лѣсу зарыть велѣла. По ея прочимъ поступкамъ, Коллегія и по сему дѣлу далѣе слѣдовать за ненужное почитаетъ,

особливо, чтобъ продолженія бѣльшаго произойти не могло, но какъ наискорѣе правосудіемъ дѣло было окончено».

V.

Убийство жены двороваго — Анисьи Григорьевой.

Въ декабрѣ 1757 г. Салтыкова била скалкою и валькомъ женку Григорьеву, а потомъ конюхи Богомоловъ и Ильинъ сѣбли ту женку розгами и батожемъ. Во время битья, Григорьева выкинула мертваго младенца, котораго жена Ильина—Катерина Семенова (убитая послѣ см. о ней выше) зарыла въ землю у церкви. Салтыкова послала за священникомъ Введенской церкви Иваномъ Ивановымъ, но онъ живой ея не засталъ, «и она умерла безъ исповѣди и причастія». Когда Ивановъ отказался хоронить «требуя объявленія похоронной», помѣщица послала за капитаномъ сѣвѣжской команды Николаемъ Телѣжкинымъ для осмотра тѣла. При этомъ осмотрѣ явилось, «что на тѣлѣ той женки оказались видны рубцы отъ сѣченья и противъ сердца на спинѣ немалая рана и спина вся поспѣла», при чемъ мужъ объявилъ Телѣжкину, что жена его была бита помѣщицею валькомъ и палкою, отъ чего и умерла.

По распоряженію полиціймейстерской канцеляріи, тѣло отвезли въ сухопутный госпиталь «для анатоміи», «при чемъ явилось по всей спинѣ и по обоимъ бокамъ кожа и мясо, даже до самыхъ внутренностей согнили; по вскрытіи же живота, на желудкѣ и на печени была инфламмація». Тѣло Григорьевой было отдано на другой день человѣку Салтыковой, Алексѣю Степанову, съ мнѣніемъ конторы госпиталя, «что отъ вышеписанныхъ причинъ умре». Степановъ привезъ тѣло съ этимъ мнѣніемъ въ церковь къ священнику Иванову, который и похоронилъ Григорьеву наканунѣ Рождества. Мужъ умершей, Трофимъ Степановъ, объявилъ о такой смерти своей жены въ полиціи, а Салтыкова, чрезъ Мартьяна Зотова, подала челобитную о побѣгѣ Степанова, прося показанію его не вѣрить, «а учиня ему за побѣгъ наказаніе кошками, отдать ей». Такъ какъ, по доносу Трофима Степанова, жена конюха Катерина Ильина и дворовый Федоръ Ивановъ Соминъ отозвались незнаніемъ того, что помѣщица и конюхи били Анисью, увѣряя, что объ этомъ они не слышали

отъ умершей, что она отъ родовъ лежала въ болѣзни недѣли съ двѣ и при смерти была исповѣдана и приобщена, то полицій-мейстерская канцелярія заключила дѣло тѣмъ, что отдала Степанова въ распоряженіе помѣщицы.¹⁾

Салтыкова показывала:

— «Оная женка была больна и по исповѣди и причастиі умерла; а для похоронъ у приходской церквѣ не допущена мужемъ ея, который доносилъ въ полицію, яко бы она умерла отъ побои, и во свидѣтельствѣ была Ермолая Ильина жена Катерина, а убійства не показываема, а утверждала, что она во болѣзни умерла, и отослана была изъ полиціи въ госпиталь и оттуда съ письмомъ прислана въ приходской церквѣ, гдѣ и погребена». На дополнительномъ допросѣ, въ ноябрѣ 1766 г., Салтыкова говорила: «женка Анисья Григорьева, которая была въ анатоміи, когда была больна, просила я доктора Гевита, чтобъ ее осмотра, отчего она больна; попользовалъ; на что тотъ докторъ мнѣ объявилъ, что у той женки былъ сперва чирей, но потомъ отъ простыхъ лекарь прикинулось и сдѣлался ракъ; зачѣмъ и лечить не взялся. Да та женка тому доктору и сама сказывала, что у ней былъ чирей и она лечила простымъ лекарьствомъ и тѣмъ растрвила».

Разсматривая это дѣло, Коллегія нашла, что полиція, имѣя рапортъ капитана Телѣжвина, заявленіе мужа Григорьевой о смерти ея отъ побоевъ и медицинскій осмотръ, «по которому явилось на всей спинѣ и по обѣимъ бокамъ кожа и мясо до самыхъ внутренностей согнило, а по вскрытіи живота, на желудкѣ и на печени была инфламация, отъ каковыхъ-де причинъ и умре,—никакой предосторожности во изысканію истины не употребила и оставила въ молчаніи»; что и послѣ доноса мужа умершей и показанія Катерины Ильиной о зарытіи тѣла мертвого младенца, «полиція во изысканію самой истины не приступила и никакой въ томъ строгости не употребила»: она не допрашивала ни Богомолова, ни Ильина, истязывавшихъ Григорьеву, не подвергла допросу священника Иванова, который, по показанію Катерины Ильиной, будто бы, исповѣдывалъ и причащалъ ее; что въ протоколѣ полиціи написано, что будто бы Ивановъ, исповѣ-

¹⁾ Степанова отдала Салтыковой безъ наказанія по болѣзни.

дывая Григорьеву, не слышала отъ нея объявленія, чтобы она была вѣдь бита и не видѣла никакихъ отъ побоевъ знаговъ, но ни въ дѣлѣ, ни въ протоколѣ никакого подобнаго показанія Иванова не заключается; что наказывали Григорьеву Богомолловъ и Ильинъ, а полиція спрашивала о наказаніи у Федора Сомина. Коллегія поэтому подвергла допросу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Молчанова и заключила дѣло слѣдующимъ мнѣніемъ: «женки Анисьи Григорьевой смерть, по самой справедливости, по точному свидѣтельству попа, отъ съѣзжей офицеровъ и самой анатоміи приписывается побоямъ отъ Салтыковой. Упущенія по сему дѣлу московской полиціи хотя, по большей части, и до производителей принадлежать, но и присутствующіе не безвинны. Однако, какъ оное происходило до состоянія иманныхъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшихъ 1762 года, сентября 22-го и октября 25-го, указовъ; къ тому-жъ во взяткахъ, по недоказу, Молчановъ и присягою очистился, то и осужденію (его) точно, по винѣ, въ силу законовъ, Коллегія не можетъ приступить».

VI.

Убіеніе двороваго человѣка Лукьяна Михѣева.

Осенью 1761 года, въ селѣ Троицкомъ, Салтыкова, взявъ за волосы племянника Ульяна Андреева — Лукьяна Михѣева, «била его головою объ стѣну сама, приговаривая, чтобъ онъ ей не ругался»; отчего Михѣевъ «и на ногахъ стоять не могъ и обставленъ былъ стульями». Андреевъ вынесъ племянника «въ заднюю», позовалъ священника Степана Петрова, который исповѣдывалъ Михѣева «глухою исповѣдью» и причастилъ.

Люди Салтыковой Алексѣй Степановъ и Алексѣй Савельевъ показали, «что онаго человѣка помѣщица сама объ стѣну головою подлинно била смертно, а потомъ били они — свидѣтели». Рано утромъ на другой день, послѣ исповѣди и причастія, Михѣевъ умеръ и похороненъ священникомъ Петровымъ въ селѣ Троицкомъ. Этотъ священникъ показывалъ, что Михѣева онъ исповѣдывалъ «глухою исповѣдью» и причастилъ, который въ раннія обѣдни и умеръ, но что при исповѣди Михѣевъ «ему, попу, связывалъ, что онъ битъ, по приказу помѣщицы, людьми ея».

Салтыкова на допросѣ отвѣчала:

— Въ прошломъ 1761 году, въ осень, въ сентябрѣ мѣсяцѣ,

въ подмосковной вотчинѣ, селѣ Троицкомъ, двороваго человѣка Лукьяна Михѣева за волосы и головою объ стѣну я не бивала. А въ томъ селѣ въ то время была, и въ ту мою бытность онъ, Михѣевъ, въ томъ селѣ былъ и имѣлся болѣзнъ, за которымъ ходилъ дядя его родной Ульянъ Андреевъ, и въ той болѣзни онъ. Михѣевъ, по исповѣди и причастіи того-жъ села (священникомъ) Степаномъ Петровымъ, умре и погребенъ въ томъ селѣ при церкви; а сколько времени былъ болѣзнъ — того не упомню».

Коллегія въ заключеніи своемъ по этому дѣлу полагала: «что хотя показаніе священника и содержитъ въ себѣ разнорѣчіе въ томъ, что (первоначально) показалъ, что глухою исповѣдью исповѣдывалъ, а потомъ, что тотъ умирающій сказалъ, что битъ людьми, но, по жестокосердію ея, Салтыковой, и смерть его, Лукьяна Михѣева, а особливо потому, что, по битіи, на другой день умеръ, приписывается, между прочимъ, ей же, Салтыковой».

VII.

Убийство шести дворовыхъ дѣвицъ.

Одинъ изъ дворовыхъ, Родіонъ Тимоѣевъ, обвинялъ Салтыкову въ смерти отъ побоевъ ея дѣвокъ: Авдотьи Ерофѣевой, Татьяны Антиповой, Луверьи Васильевой, Надежды Васильевой, Настасьи Гавриловой и Аграфены Тимоѣевой.

Справками отъ вотчинъ доказано, что дѣвки эти были взяты въ разное время въ господскій домъ; конюхъ Давидъ Ивановъ удостовѣрялъ также, «что онѣ всѣ имѣлись при ней въ томъ домѣ, о чемъ онъ заподлинно знаетъ, потому что ихъ всѣхъ въ томъ домѣ видѣлъ, и изъ нихъ дѣвку Аграфену, тому лѣтъ семь, оная помѣщица, призвавъ его, Давида, въ себѣ въ покои, приказала съ отцомъ ея отвезть въ село Троицкое; почему онъ, съ тѣмъ ея отцомъ, въ то село и отвезъ, и дорогою видѣлъ у той дѣвки оба уха разбиты, при чемъ та дѣвка ему, Давиду, и отцу ея сказывала, что ее била помѣщица; и, не добѣхавъ до того села, дорогою, та дѣвка отъ того бою умре и мертвое тѣло въ ономъ селѣ отдали старостѣ Ерофѣю Архипову (который въ бѣгахъ), которое и похоронили съ попомъ Петровымъ».

Мать Аграфены — Барвара Тимоѣева показывала, по слухамъ другихъ, что дочь ея умерла отъ побоевъ помѣщицы. Крестьянинъ Романъ Ивановъ отвѣчалъ на допросъ, «что таковыя по

именамъ дѣвки въ помѣщицѣ въ дворовыя взяты-ль были и у нея имѣлись-ли, и куда выбыли или оныя ею побиты и имъ, Романомъ, въ село Троицкое отвезены были-ль, — о томъ, за много прошедшимъ временемъ, не упомнить». Староста Иванъ Михайловъ говорилъ, что дѣвка Авдотья Ерофѣева была привезена въ Троицкое мертвая, но еѣмъ и когда — сказать не могъ; что же касается другихъ, «то имѣлись-ли и куда дѣвались, или померли, и отъ побой-ли помѣщицыныхъ, или сами собою, и гдѣ погребены, — онъ, Михайловъ, за многимъ въ нему битыхъ, живыхъ и мертвыхъ, привозомъ, о именахъ оныхъ упомнить и точно показать не можетъ». Запамятованіемъ объ этихъ лицахъ, исключая Ерофѣевой, отозвался и священникъ Степанъ Петровъ.

Дарья Салтыкова на это обвиненіе показала:

— «Подмосковной ея вотчины, изъ деревни Телячковой, крестьянсвіа дочери, дѣвки: Авдотья Васильева, Надежда Васильева-жъ, Настасья Гаврилова, Аграфена Михайлова (Тимошеева), въ домъ взяты были-ль — о томъ я, за всегдашнею моею головою болѣзнію и отъ того безпамятствомъ, не упомню, и тѣ дѣвки нынѣ гдѣ имѣются и въ живыхъ-ли — о томъ я сказать и показать не могу; но тѣхъ дѣвокъ я не бивала и бить никому не приказывала».

По дѣлу объ убійствѣ поименованныхъ шести дѣвокъ Коллегія заключила, что «хотя ея, Салтыковой, показаніе, по заирательству во всемъ, особливо и въ томъ, въ чемъ уже всѣ обстоятельства ея винною быть обличаютъ и малаго увѣренія не дѣлаетъ, наипаче когда и предписанныя отъ всевысочайшаго ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни милосердія и челоуѣколюбія способы, то есть чрезъ священника нѣсколько недѣль увѣщаніе и показаніе надъ виновнымъ пытки, не подѣйствовали, въ чаяніи, можетъ Богъ, не хотя ея вѣчной гибели, сердце ея окаменѣнное, умягчивши, склонить къ раскаянію столькихъ злыхъ дѣлъ, — нынѣ она, Салтыкова, какъ и о прочихъ допрашивана, но куда онѣ дѣвались — вѣроятнаго отводу учинить не могла, да и попъ объ одной дѣвкѣ, равно и крестьянинъ Давидъ Ивановъ о другой дѣвкѣ-жъ, показали сходственно съ доносомъ; но, не имѣя, кромѣ того, о смерти ихъ отъ побоевъ доказательствъ, — приписать ей, Салтыковой, смерть оныхъ Коллегія почитаетъ за сумнительное».

VIII.

Убийство вдовы Ирины Алексѣевой.

Крестьянинъ Василій Антоновъ обвинялъ также Салтыкову въ смерти отъ побоевъ вдовы Ирины Алексѣевой, отъ которыхъ она, будто бы, умерла безъ исповѣди.

Дарья Салтыкова на допросѣ показала: «въ сельцѣ Бѣгичевѣ крестьянская женка Алексѣева не токмо, чтобъ, много тому лѣтъ съ восемь, въ помѣщичій въ той деревнѣ домъ взята или-бъ, по приказу моему, кѣмъ людьми моими бита была; но я ее, Ирину, не знаю и о имени ея никогда не слыхивала, и была-ль такая именемъ у меня въ крестьянствѣ въ той деревнѣ—не знаю».

Говоря это, Салтыкова была совершенно права, потому что Ермолай Ильинъ и Николай Артемьевъ показали въ коллегіи, что они и прочіе конюхи Алексѣевой не били и бить имъ ее помѣщица не приказывала. «Но тому лѣтъ съ 15 или болѣе (около 1750 г.), а точно показать не могутъ, оной помѣщицы ихъ мужъ ротмистръ Глѣбъ Алексѣевъ, сынъ Салтыковъ, какъ случился тогда быть въ объявленномъ сельцѣ Бѣгичевѣ, тогда той вотчины отъ старосты, да и отъ сына ея — Давида Иванова (конюха, который, какъ Романъ Ивановъ и Аксиныя Степанова, занимался, по приказу помѣщицы, вывозомъ мертвыхъ и битыхъ въ село Троицкое), донесено было тому помѣщику, что оная женка производитъ непристойныя дѣла и незнаемо какъ портитъ свадьбы; почему тотъ помѣщикъ оную женку взялъ передъ себя и ее спрашивалъ, и тогда-жъ ту женку имъ Ильину и Артемьеву, да конюхамъ Алексѣеву и Артамонову, съчь батожьемъ (велѣлъ); которую, по тому его приказу, и съели очень больно. Потомъ ту женку отдалъ старостѣ Степану Григорьеву (умершему) и велѣлъ ее сковать, а самъ съ ними уѣхалъ въ Москву, и та женка осталась въ томъ сельцѣ здорова; но послѣ того слышали они, что она умре, а въ какое именно время и отъ тѣхъ-ли побоевъ — они не знаютъ и ни отъ кого не слыхали».

Показаніе Ильина и Артемьева подтвердилъ самъ Давидъ Ивановъ, прибавя къ тому, что послѣ отъѣзда Глѣба Салтыкова, по приказу его, староста еще съѣлъ его, Давида, мать и та въ тотъ же день умерла, «и мертвое ея тѣло онъ, Давидъ, съ братьями погребли сами, безъ попа, Боровскаго уѣзду

въ селѣ Покровскомъ, затѣмъ, что того села попъ Михайла Алексѣевъ безъ похоронной мертваго матери его тѣла погребать не сталъ. А о томъ онъ, Давидъ, нигдѣ не доносилъ, убоясь помѣщика; да и оному помѣщику онъ, Давидъ, на оную мать свою ни о чемъ не доносилъ».

Коллегія нашла, что этотъ доносъ на Салтыкову ложный, а потому «оной смерти ей, Салтыковой, приписать не можно, а виновенъ остается доноситель».

IX.

Истязанные и умерщвленные.

По вотчиннымъ сказкамъ, оказались взятыми изъ деревень Салтыковой, для услугъ въ домѣ, всего 138 женщинъ и дѣвокъ. Изъ этого количества Kollegія производила слѣдствіе о 50-ти лицахъ; показаны умершими отъ болѣзней, въ бѣгахъ, находящимися въ замужествѣ и при домѣ—16 лицъ; безвѣстно отсутствующими—72 лица.

Люди Салтыковой обвиняли ее въ убійствѣ или въ смерти 75-ти лицъ обоего пола; изъ этого числа помѣщица Дарья Салтыкова Kollegіею положительно обвинена въ убійствѣ 38 человекъ, оставлена въ подозрѣніи въ убійствѣ 26-ти человекъ, оправдана по 1-му случаю, не приписана ей смерть 10-ти лицъ.

Вотъ перечень тѣхъ ея крѣпостныхъ людей, которые, по показаніямъ ея людей, оставшихся въ живыхъ, истязаны и замучены до смерти помѣщицей или Дарьей Салтыковой (противъ признанныхъ Kollegіею убитыми ею или умершими отъ побоевъ стоить крестъ):

1. Дѣвки: Аграфена Потапова.
2. » Аксинья.
3. » Анна Васильева.
4. » Акулина Андреева.
5. » Аграфена Михайлова.
6. » Аграфена Алексѣева.
7. » Ирина Харламова.
8. Жены конюха Ильина: Аксинья Яковлева. †
9. » » » Катерина Семенова.
10. » » » Федосья Артамонова.
11. Дѣвка Фекла Герасимова. †

12. Дворовой Хрисанфъ Андреевъ. †
13. Дѣвка Марья Петрова. †
14. Женка Анисья Григорьева Степанова. †
15. Дѣвка Анна Михайлова.
16. > Пелагея Петрова. †
17. Женка Катерина Тимоеева Дементьева. †
18. > Анна Петрова. †
19. Дѣвка Дарья Дементьева. †
20. Дворовой Лукьянъ Михѣевъ. †
21. Дѣвка Агулина Петрова. †
22. Женка Степанида Тарасова Шавкунова. †
23. Староста Никифоръ Григорьевъ. †
24. Дѣвка Прасковья Родионова. †
25. > Феона Иванова. †
26. > Анна Филимонова. †
27. Женка Мавра Исаева. †
28. > Прасковья Иванова. †
29. > Фегла Алексѣева. †
30. Дѣвка Ненила Михѣева. †
31. > Марина (Анна) Егорова. †
32. > Марина Аеонасьева.
33. > Марина Федорова.
34. Женка Агулина Максимова. †
35. > Прасковья Ларионова. †
36. Дѣвка Марья Алексѣева. †
37. > Марья (прозваніе неизвѣстно). †
38. Дѣвочка Прасковья Никитина (12-ти лѣтъ). †
39. Дѣвка Авдотья Артамонова. †
40. > Авдотья Осипова. †
41. > Пелагея Иванова. †
42. > Агафья Карпова.
43. > Агафья (Аграфена) Нефедьева. †
44. Женка Устинья Филиппова. †
45. Дѣвка Анна Матѣева. †
46. > Катерина Иванова. †
47. > Елена Тимоеева. †
48. > Анна Васильева. †
49. > Анна Васильева.

50. Дѣвка Афимья. †
51. » Наталья Алексѣева. †
52. » Ирина. †
53. » Марѳа Тимоѣева.
54. » Авдотья Ерофѣева.
55. » Татьяна Антипова.
56. » Лукерья Васильева.
57. » Надежда Васильева.
58. » Настасья Гаврилова.
59. » Аграфѳена Тимоѣева.
60. Вдова Ирина Алексѣева.
61. Дѣвка Анна Иванова.
62. » Прасковья Андреева.
63. » Аграфѳена Агафонова.
64. » Акулина Агафонова.
65. » Марья Ѳедорова.
66. Жены конюха Шавкунова: Екатерина Устинова.
67. » » » Наталья Прокофѣева.
68. Дѣвка Марья Михайлова.
69. » Акулина Васильева.
70. » Акулина Ѳедорова.
71. » Пелагея Ваулова.
72. » Агафья Михайлова.
73. Дѣвочка Елена Васильева Антонова (11-ти лѣтъ).
74. Жены конюха Юдина: Матрена Иванова Юдина.
75. » » » Устинья Ниветина Юдина.

X.

Особня істязанія.— Излюбленныя жертвы.

Нѣтъ надобности излагать подробности слѣдствія по всѣмъ злодѣйствамъ Дарьи Салтыковой, такъ какъ подробности эти весьма однообразны; наиболѣе характеристическіе эпизоды изложены въ первыхъ восьми главахъ нашего очерка. Въ настоящей главѣ мы ограничимся показаніями доносителей объ убійствѣ еще нѣсколькихъ женщинъ и дѣвокъ.

Аграфѳену Агафонову (№ 63), взятую въ домъ около 1750 г., Салтыкова была сама катальною скалкою, «а конюхи били смертно

палками и батошьемъ, отчего руки и ноги у нея были переломаны».

Акулинѣ Максимовой (№ 34) послѣ битья, безъ всякаго милосердія, скалкою и валькомъ по головѣ, жгла волосы. Она велѣла человѣку своему Алексѣю Степанову «принести пучекъ лучины и, взявъ сама оную лучину и на свѣчкѣ зажгла, и тѣмъ огнемъ у той женки волосы сожгла».

Прасковью Ларіонову (№ 35) была собственноручно палею и полѣномъ, а конюхи — батошьемъ, при чемъ Салтыкова кричала въ окно:

— «Бейте до смерти: я сама въ отвѣтъ, и никого не боюсь, хотя отъ вотчинъ своихъ отстать готова. Никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ».

Ларіонову забили до смерти. Конюхъ Романъ Ивановъ и дѣвка Агсиныя Степанова повезли тѣло въ Троицкое, а на тѣло посадили груднаго ребенка убитой, который, не доѣзжая села, умеръ отъ мороза на трупѣ матери.

Лѣтомъ и осенью 1762 г., конюхи сѣвели розгами дѣвокъ Марью (№ 37), Оеклу Герасимову (№ 11), Авдотью Артамонову (№ 39), Авдотью Осипову (№ 40) и двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку Прасковью Никитину (№ 38), а послѣ сѣченія барыня заставила ихъ опять мыть поды. Хотя дѣвки эти «и ходить на ногахъ не могли, но Салтыкова была ихъ еще скалкою». Оекла Герасимова была едва жива: «и волосы у ней были выдраны, и голова проломлена, и спина отъ побой гнила». Это та самая Герасимова, которую, въ началѣ разсказа, староста Михайловъ везъ въ Москву для объявленія полиціи. Авдотью Артамонову послѣ сѣченія Салтыкова была еще скалкою, а когда она упала, то приказала вынести вонъ и поставить въ саду, гдѣ Артамонова стояла въ одной рубахѣ (въ октябрѣ мѣсяцѣ). Салтыкова вышла сама въ садъ бить ее скалкою, а потомъ приказала привести ее въ сѣни и поставить въ уголь. Здѣсь Артамонова упала и умерла. Дѣвку Агафью Нефедьеву (№ 43) въ своей спальнѣ помѣщица была скалкою, а потомъ головою объ стѣну. Конюхъ Давидъ Ивановъ, отвозя тѣло Катерины Ивановой (№ 46), «видѣлъ отъ бою ноги опухлыя и изъ сѣдалища текла кровь»; а у Елены Тимоѣевой (№ 47) носъ былъ разшибленъ и голова проломлена. Женъ конюха Артамона Шавкунова — Екатерину и На-

талью (№№ 66 и 67) Салтыкова была утюгомъ желѣзнымъ, а потомъ, по приказанію ея, билъ мужъ батошьемъ и плетью. Дочь двороваго Антонова, Елену Васильеву (№ 73), 11-ти лѣтъ, помѣщица была катальною скалкою по головѣ, а потомъ съ каменнаго крыльца столкнула. Одна изъ дѣвокъ—Марина Ѳедорова, въ ноябрѣ 1762 г., когда Салтыкова находилась уже подъ надзоромъ, рассказывала караульнымъ, что помѣщица ихъ бьетъ и мучить, морить голодомъ, заставляетъ въ зимнее время въ холодномъ покоѣ, гдѣ оконницы подняты, мыть полы и отряхивать изъ оконницъ голыми руками изъ платья пыль. Дворовый Мелентій Некрасовъ показывалъ, «что тѣхъ дѣвокъ иныхъ, въ разныя времена, ставливали на дворѣ босыхъ». Дѣвки Афимья (№ 50) и Ирина (№ 52) на исповѣди рассказывали священнику Степану Петрову, «что больны отъ побой помѣщицы ихъ и отъ гладу таковаго, что помѣщица давала имъ по однажды только въ сутки ѣсть».

Конюхамъ приходилось наказывать своихъ женъ и другихъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, Ильинъ, вдовецъ послѣ трехъ женъ, показывалъ, «что онъ, по приказу помѣщицы, многихъ, взятыхъ изъ разныхъ деревень во дворъ, дѣвокъ и женокъ, бивалъ, во время чего и сама она, помѣщица, сверхъ ихъ побой, тѣхъ же бивала, которыя отъ тѣхъ побой вскорѣ и умирали, но всѣхъ по имянно, которая тогда бита, и послѣ того въ какое время умерла и гдѣ каждая похоронена—того точно показать не можетъ. А что она, помѣщица, ему, Ильину, таеъ часто приказывала многихъ дѣвокъ и женокъ бить и при томъ и сама ихъ смертно бивала. и тѣ дѣвки и женки отъ такихъ ея смертныхъ побой помирали,—о томъ онъ, Ильинъ, нигдѣ не объявлялъ и не доносилъ, убоясь оной помѣщицы своей, а болѣе того, что и прежніе доносители: женка Василиса Нефедьева, Ѳедоръ Ивановъ Соминъ и Ѳедотъ Михайловъ Богомоловъ наказаны внудомъ; то ежели-бъ и онъ, Ильинъ, сталъ доносить, таже-жъ былъ истязанъ или еще и въ ссылку посланъ, чего опасаясь и не доносилъ». Ильинъ молчалъ до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, несмотря на убійство его трехъ женъ.

Убитыхъ, или забытыхъ до смерти, хоронили или въ Москвѣ, если удавалось согласить на то священника Иванова, или отвозили въ Троицкое. Въ послѣднемъ случаѣ тѣла отправляли пре-

имущественно по ночамъ, прикрывая ихъ сѣномъ или чѣмъ другимъ, зимою — въ саняхъ, а лѣтомъ въ телѣгѣ. Сопровождали тѣла конюхи Давидъ Ивановъ, Романъ Ивановъ, иногда другіе, но почти всегда была при этомъ дѣвка Аксинья Степанова. Если сельскій священникъ, Степанъ Петровъ, не соглашался хоронить, то Салтыкова приглашала его въ себѣ и тогда дѣло чаще всего улаживалось; если же нѣтъ, то не стѣснялись хоронить внѣ владбища.

На всѣ допросы юстицъ-коллегии Салтыкова, какъ мы видѣли выше, показывала почти одно и то же. Она отвѣчала: «такая-то женка или дѣвка не тово, чтобъ ею, Салтыковою, тому лѣтъ (столько-то), въ помѣщичій дворъ взята, или-бъ, по приказу ея, еѣмъ людьми ея бита была, но она такую-то женку или дѣвку и не знаетъ и объ имени ея никогда не слыхивала, и была-ль такая у нея въ крестьянствѣ въ той деревнѣ, она не знаетъ». Или: «такая-то женка или дѣвка была-ль въ ея домѣ, о томъ она — за всегдашнею головою болѣзнію и отъ того безпамятствомъ — не упомнить, и гдѣ тѣ бабы или дѣвки нынѣ имѣются и въ живыхъ-ли, — о томъ она сказать и показать не можетъ, и тѣхъ дѣвокъ и женовъ она не бивала и бить никому не приказывала». Или: «и тѣ женки и дѣвки живы-ль или померли, — она не вѣдаетъ; а хотя, можетъ, быть, и померли, но по волѣ Божіей; а она, Салтыкова, ихъ никогда не бивала и людямъ своимъ бить не приказывала и отъ ея побои онѣ не умирали». Или: «такая-то женка или дѣвка вдругъ занемогла и пришла въ безпамятство и была уже безъ языка, отчего попъ не исповѣдывалъ, а послѣ умерла».

Служитель Дарьи Николаевой Салтыковой, Мартьянъ Зотовъ, послѣ смерти битыхъ и когда московскій священникъ отъазывался хоронить, подавалъ обыкновенно объявленія въ полицію такого содержанія: «что въ домѣ-де его помѣщичицы такая-то женка или дѣвка безъ покаянія умре, которая имѣлась больна и лежала въ той болѣзни (горячкѣ, колотьи, рожѣ и проч.) столько-то времени и умерла». Или: «такая-то женка или дѣвка тогда-то занемогла и для исповѣди ея званъ былъ приходскій попъ, но приходомъ своимъ умедлилъ; а у означенной женки или дѣвки языкъ притупе; и онъ-де, священникъ, исповѣдовать и причащать не сталъ, и она безъ исповѣди умерла». Иногда Зотовъ объявлялъ въ по-

лиція, что такая-то жена или дѣвка бѣжала и гдѣ находится— неизвѣстно. Такъ онъ сдѣлалъ, по приказу барыни, послѣ убійства Марьи Петровой (№ 13). О дѣвочкѣ Еленѣ Васильевой (№ 73) Зотовъ объявилъ, «что она шла изъ палатъ въ переднія сѣни, и невѣзмъ какимъ случаемъ съ крыльца упала, и разшибла лобъ до крови и въ скорости умре».

Если кто изъ дворовыхъ доносилъ объ убійствѣ или смерти отъ побоевъ своихъ родственницъ и прочихъ страдалицъ, то Салтыкова, которая имѣла въ присутственныхъ мѣстахъ милостивцевъ, или, по приказанію ея, Мартыанъ Зотовъ, подавалъ челобитныя о побѣгѣ доносителя, который, послѣ битья вnutомъ, или ссылался, какъ Нефедьева, объявившая неудачно о смерти Аграфены Потаповой (№ 1), или были возвращаемы къ Салтыковой на новыя истязанія, какъ Ѳедоръ Соминъ и Ѳедотъ Богомоловъ, доносившіе объ убійствѣ Аक्सиньи, Васильевой, Андреевой, Михайловой, Алексѣевой, Харламовой и Хрисанфа Андреева (№№ 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 12).

Изъ разсказа о жестокостяхъ Салтыковой, оказывается, что она, при расправѣ съ дворовыми и ихъ женами и дѣвками, употребляла собственноручно: скалку, которою платье и бѣлье катаютъ, валекъ, полѣнья, палку, бѣзжалую плеть, утюгъ; палила волосы на головѣ лучинами; разженными «припекательными» щипцами брала за уши; била пинками; лила на голову и лицо горячую воду. Конюхи, по ея приказу, наказывали батожемъ, плетью, кнутьями, палками, комлевыми розгами. Наказывали не за какія-нибудь, выходящія изъ ряда, преступленія или проступки, но преимущественно за нечистое мытье половъ и платья, и рѣдко за несмотрѣніе за бабами и дѣвками въ отношеніи мытья половъ и платья. За такую вину замученъ Хрисанфъ Андреевъ (№ 12). Но во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни указанія, ни намека на то, чтобы Салтыкова употребляла, какъ лакомство, тѣло своихъ жертвъ, какъ упорно гласила про нее народная молва. Дворовые близко знали свою барыню, и если бы подобное обвиненіе могло имѣть мѣсто, то они не забыли бы приписать ей и людоедство.

XI.

Любовь, ревность и месть.

Конюхи Ильинъ и Мартыновъ доносили, что барыня ихъ «жила беззаконно съ обрѣтающимся у межеванія земель капитаномъ Николаемъ Андреевичемъ Тютчевымъ», производившимъ межеваніе подъ Москвою, на калужской дорогѣ, въ той мѣстности, гдѣ находились ея имѣнія. Передъ великимъ постомъ 1762 г., любовники разошлись, и Тютчевъ началъ сватать дѣвицу Панютину, жившую за Пречистенскими воротами, у Землянаго города, близъ бывшихъ Левшинскихъ бань. Салтыкова, которой было въ это время 32 года, задумала отомстить бывшему своему любезному, а кстати и его невѣстѣ. По приказанію ея, конюхъ Савельевъ, 12-го и 13-го февраля 1762 г., купилъ, въ главной конторѣ артиллеріи и фортификаціи, 5 фунтовъ пороху, изъ котораго, съ примѣсью сѣры, сдѣлали составъ, завернули все это въ пеньгу, и нажгли изъ тряпки труту, «чтобъ подоткнуть подъ застрѣху». Съ этимъ составомъ помѣщица послала конюха Романа Иванова поджечь домъ такъ, «чтобъ оной капитанъ Тютчевъ и съ тою невѣстою въ томъ домѣ сгорѣли». Ивановъ испугался отвѣтственности и не исполнилъ приказанія, за что былъ битъ. На другую ночь она опять послала его съ Леонтьевымъ, «наказывая непременно сожечь домъ, и чтобъ Тютчевъ съ Панютиной сгорѣли».

— «Если же вы того не сдѣлаете, то убью до смерти, а ея на васъ не промѣняю».

Ивановъ съ Леонтьевымъ отправились; первый хотѣлъ-было уже поджечь составъ, но его остановилъ Леонтьевъ. По возвращеніи къ Салтыковой, они объявили, «что сдѣлать того никакъ невозможно», за что были биты батошьемъ; а послѣ битья батошьемъ Ильинъ и Артамоновъ били еще Иванова въ двѣ пальцы.

Послѣ описанной неудачи, Салтыкова не покушалась уже на поджогъ дома; но, узнавъ, что Панютина отправляется въ Брянскій уѣздъ, что Тютчевъ будетъ провожать ее, и имъ придется ѣхать по тому тракту, гдѣ находятся ея имѣнія,—она послала Ильина, Давида и Романа Ивановыхъ съ другими дворовыми въ деревню свою Теплые-Стани. Здѣсь они, съ мужиками другихъ деревень, вооруженные дубьемъ, должны были ожидать проѣзда Тютчева съ его невѣстой Панютиной, «и какъ онъ про-

бѣдетъ изъ деревни въ поле, нагнать съ мужиками, разбить и убить до смерти».

О томъ умыслѣ узнали сторонніе люди и передали Тютчеву, избавившемуся такимъ образомъ отъ вѣрной смерти; онъ подалъ въ Судный приказъ объявленіе, «о выгздѣ за нимъ, наряднымъ дѣломъ, на четырехъ саняхъ, съ дубьемъ».

Салтыкова въ коллегіи показала:

— «Крестьянина Романа Иванова и человѣка Леонтьева для зажиганія двора оной Панютиной не посылала, и ежели того они не учиняты, убить до смерти ихъ—не говаривала, и за то съчь никому не приказывала; да и въ то время крестьянина Иванова въ Москвѣ не было, а былъ въ деревнѣ или въ бѣгахъ,—не упомяну; да и я въ то время была больна и исповѣдана, а человѣкъ Леонтьевъ находился при московскомъ домѣ».

Юстиць-коллегія заключила это дѣло слѣдующимъ мнѣніемъ: «хотя блудное ея, Салтыковой, житіе съ капитаномъ Николаемъ Тютчевымъ остается по слѣдствію безъ доказательства, но о разбитіи ея приказаніе по справкѣ оказавшаяся отъ помянутаго Тютчева въ Судномъ приказѣ явочная челобитная, а о зажиганіи справка, взятая отъ пороховаго комиссарства, которою показано, что въ самое то время, какъ сіе происходило, пороху въ покупѣ ея человѣкомъ явилось по запискѣ,—явно доказываютъ, и въ сихъ законопреступныхъ страстяхъ ея, Салтыковой, участіе; почему Коллегія ея, Салтыкову, вѣроятнымъ образомъ находить и въ сихъ преступленіяхъ виновною».

ХІІ.

Донось.—Взяты.—Слѣдователи и судья.

Въ мартѣ 1762 г., дворовые Мелентій Некрасовъ, Владиміръ и Иванъ Шавкуновы, Артемій Тарнахинъ, Игнатій Угрюмовъ и Семень Алексѣевъ, которымъ сдѣлались невыносимыми тиранства Салтыковой, отправились доносить на нее въ сенатскую контору въ Москвѣ. Помѣщица узнала объ этомъ и послала за ними въ погоню «крестьянъ съ десятью», но Некрасовъ и прочіе «сюррей добѣжали до будки, и у будки кричали караулъ». Ихъ взяли полицейскіе и отвели въ сѣвзжій дворъ, гдѣ и держали трое сутокъ, а потомъ отправили въ полиціймейстерскую канцелярію. Здѣсь Некрасовъ съ товарищами пробыли двѣ недѣли и ночью,

на Святой недѣлѣ, повели ихъ, будто бы, въ Сенатскую контору; но когда арестанты догадались, что ихъ ведутъ въ домъ Салтыковой, то начали показывать за собою «дѣло государево». Провожавшіе били ихъ по шеямъ, но въ концѣ концовъ принуждены были вести на сѣзжій дворъ.

Салтыкова, между тѣмъ, покушалась взять своихъ людей, послала Зотова и Федота Семенова и съ ними пятерыхъ крестьянъ, на трехъ парахъ, съ тѣмъ, чтобы Некрасова и прочихъ отправить въ колодахъ на загородные дворы. Но доносчиковъ не отдали, а переслали въ полицейскую канцелярію, гдѣ не давали имъ, будто бы, ни пить, ни ѣсть въ продолженіи трехъ сутокъ и добивались узнать сущность доноса,¹⁾ и наконецъ, отправили въ Сенатскую контору, которая передала ихъ потомъ въ распоряженіе юстицъ-коллегии.

Бѣгство этихъ лицъ надѣлало Салтыковой много хлопотъ. Она участила свои поѣздки къ начальнику полиціимейстерской канцеляріи д. ст. сов. Молчанову, навѣщая его рано утромъ и поздно вечеромъ; была у него и въ страстную пятницу. Ѣздила она къ нему только въ подобныхъ случаяхъ начатія объ ней въ полиціи дѣлъ; «какъ же который доносъ минуется, то она и ѣздитъ къ нему перестанетъ; а какъ скоро еще сдѣлается доносъ, то такъ и начнетъ къ нему ѣздить».

Въ одну изъ поѣздокъ Салтыкова свезла Молчанову 120 руб.; на дорогѣ и обратно ни къ кому не заѣзжала, а по возвращеніи домой, приказала Мартынову, у котораго взяла деньги, записать ихъ «въ учиненную на то тетрадь». Потомъ она послала къ Молчанову 20 возовъ сѣна. Савельевъ, Андреевъ и 18 человекъ другихъ крестьянъ повезли его къ Молчанову, жившему, по словамъ перваго, за Москвою-рѣкою, близъ церкви Спаса, что въ Наливкахъ, когда хозяинъ былъ у ранней обѣдни. По возвращеніи оттуда, въ каретѣ, Молчановъ приказалъ принять сѣно, а Савельеву поднести чарку вина. Привозъ сѣна Молчанову подтвердили Данила Сергѣевъ и Федоръ Петровъ. Молчановъ, по ихъ словамъ, жилъ «за Москвою-рѣкою, не доѣзжая острогу, въ переулкѣ.» Укоряя людей и гнѣваясь на нихъ, Салтыкова говорила Мартынову и прочимъ, «что-де на нее доносы происходятъ

¹⁾ Изъ другихъ мѣстъ слѣдственнаго дѣла видно, что Некрасовъ и прочіе обвиняли барыню во многихъ убійствахъ. Г. С.

по общему ихъ всѣхъ согласію, и по тѣмъ-де доносамъ заставили ее ѣздить и просить судей, и тѣмъ-де ее беспокоятъ и убѣждаютъ».

— «Радуйтесь», продолжала она, «что я дарю, а вы мнѣ ничего не сдѣлаете. Сколько вамъ ни доносить, мнѣ они все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ».

Молчановъ отперся; онъ показывалъ, что Салтыкова къ нему не ѣздила, денегъ не привозила и сѣна не присылала. Ложность доноса на него онъ доказывалъ слѣдующимъ: «живетъ онъ въ приходѣ церкви Казанской Богородицы, что у Казанскихъ воротъ, а не у Спаса»; люди не могли знать мыслей барыни, что она пріѣзжала къ нему просить о помощи противъ доносителей; Салтыкова въ великой постъ и страстную пятницу не была у него, «да и быть ей въ то время было невозможно, ибо онъ, Молчановъ, обыкновенно Страстную недѣлю, по долгу христіанскому, гавливалъ; чего ради, убѣгая суетъ, никого къ себѣ въ домъ не пускалъ»; Мартыновъ могъ внести въ тетрадь расходъ 120 руб. изъ злобы къ нему; ему не для чего ѣздить въ церковь въ каретѣ, такъ какъ, по близости ея, «онъ не ѣзжалъ, а хаживалъ пѣшъ»; сѣно онъ покупалъ часто и могъ случайно купить у крестьянъ Салтыковой, а Савельевъ принялъ эту покупку за подарокъ отъ барыни.

Салтыкова показывала:

— «Во время доносу на меня вдовы Василисы Нефедьевой, яко бы о смертныхъ убивствахъ, а котораго мѣсяца и числа—не упомяну, у служителя Савелія Мартынова денегъ 120 руб. не брала и никому не отдавала, да и его, Савелія, въ то время въ московскомъ моемъ домѣ не было, а сосланъ прежде того въ подмосковное мое сельцо Вокшино за продерзость такую, что въ пьянствѣ порѣзалъ себя по горлу ножомъ и имѣлъ намѣреніе чрезъ то себя умертвить, и содержался въ то время въ ономъ селѣ за то подъ карауломъ. А денегъ у него, Савелія Мартынова, вышеписаннаго числа 120 рублевъ, но и ничего тогда на рукахъ не было. И къ полицейскому совѣтнику Молчанову въ то время не ѣздила. Въ 1762 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, во время доносу служителя Ивана Артамонова съ товарищи на меня-жъ, яко бы въ смертныхъ убивствахъ, оному-жъ совѣтнику Молчанову, по приказу

моему, человѣкомъ Алексѣемъ Савельевымъ и со крестьяны ни съ кѣмъ сѣна двадцати возовъ не отсылала.

Юстицъ-коллегія заключила: «доносъ на статскаго дѣйстви-тельнаго совѣтника Молчанова, по неимѣнію довольнаго основанія къ доказательству, остается уничтоженнымъ; но по нѣкоторымъ неисправностямъ и упущеніямъ по дѣламъ, производимымъ по доносамъ на нее, Салтыкову, въ московской полиціи (кои всѣ происходили до всемилостивѣйшихъ указовъ 22-го сентября и 25 октября 1762 г.), поставленъ въ полуподозрѣніе; однако, какъ онъ, Молчановъ, въ томъ присягою очистился, то коллегія его виновнымъ во взяткахъ почитать и не можетъ».

Вмѣстѣ съ Молчановымъ къ допросу были привлечены Яровъ, Пафнутьевъ, Левъ Вельяминовъ-Зерновъ и прокуроръ Фѣдоръ Хвощинскій. Про Ярова люди говорили, что онъ бывалъ у Салтыковой часто и имѣлъ «хожденіе» по всѣмъ ея дѣламъ. Какъ только кто либо изъ людей подавалъ на барыню доносъ въ убійствѣ или смерти отъ побоевъ, она посылала за Яровымъ, который и бывалъ тогда у нея безвыходно; совѣтовалась она съ нимъ, дарила деньгами и продуктами: свинными тушами, масломъ коровьимъ, гусями, утками, поросятами, ржаной мукой, овсомъ, баранами, сѣномъ; все это отвозили къ нему Сергѣй Леонтьевъ, Романъ Ивановъ и Сергѣй Ивановъ. По приказанію барыни, крестьяне ея—Степанъ Устиновъ, Степанъ Васильевъ, Максимъ Гавриловъ и Данила Петровъ—строили для Ярова дворъ бездежно, въ Москвѣ, въ Преображенской слободѣ.

Яровъ показывалъ, что по дѣламъ у Салтыковой не бывалъ, а если иногда въ торжественные дни заѣзжалъ къ ней, «то единственно для отдаванія поклона по давнишнему знакомству съ матерью ея», у которой онъ въ малолѣтствѣ жилъ. Во время доносовъ Дарья Николаевна Салтыкова за нимъ не посылала, онъ у нея не живалъ, совѣтовъ не давалъ, по дѣламъ ея не ѣздилъ и о таковыхъ не былъ извѣстенъ, и денегъ отъ нея и подарковъ не получалъ. Въ 1758 г., во время постройки двора, онъ просилъ Зотова, «чтобъ по означенному знакомству прислалъ къ нему изъ крестьянъ помѣщицы его, кои плотничью работу умѣютъ, нѣсколько въ домъ его поработать; почему онъ, Зотовъ, и прислалъ къ нему 3-хъ человѣкъ, которые съ прочими нанятыми имъ плотниками,

плотничью работу и работали но не безденежно, а за плату отъ него».

Салтыкова, «какъ въ допросѣ, такъ и по увѣщаніи ея въ дачѣ оному Ярову подарковъ, и чтобъ онъ по дѣламъ ея хожденіе имѣлъ, во всемъ заперлась и на него ничего не показала»; а юстиць-коллегія закончила дѣло Ярова тѣмъ, что, «по недоказанному доносу отъ доносителей и очистившись присягою, остается свободнымъ отъ сужденія».

Тоже самое показывали доносители и на Пафнутаева, который оправдывался: «Онъ безпрестанно и почти ежедневно въ домъ ко оной, Салтыковой, ни по какой просьбѣ не ѣзживалъ, а пріѣзжалъ раза съ два и то не по зову отъ нея, но самъ собою, по давнему его, Пафнутаева, знакомству съ матерью ея, Салтыковой, маіоршею Анною Ивановою дочерью Васильевою, женою Бредихина, и когда онъ, Пафнутаевъ, у ней, Бредихиной, случался, тогда и она, Салтыкова, у ней бывала и его видѣла. И по тому знакомству случалось ему, Пафнутаеву, ѣхать куда мимо двора ея, Салтыковой, то и къ ней въ домъ самъ собою заѣзжалъ и съ нею въ палатахъ сиживалъ, токмо не одинъ на одинъ, но при ней всегда бывали дѣти и люди ея безвыходно». «При этомъ», объяснялъ Пафнутаевъ: «людей ея изъ комнатъ не высылалъ, да и высылать ему въ чужомъ домѣ и чужихъ людей не можно; совѣтовъ не давалъ, подарковъ не получалъ; челоуѣка своего Гаврилу Андреева Дарья Салтыкова ему не дарила, а таковой принадлежитъ теткѣ жены его, вдовѣ Агафѣ Леонтьевой, живущей въ Егорьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ».

Спрошенная по поводу этой ссылки на нее, Леонтьева объяснила, что дѣйствительно, у Салтыковой, съ которой они встрѣчалась у бабки ея, Прасковьи Карповны Давыдовой, купила означеннаго Андреева за 10 рублей, при посредствѣ бабки, на котораго купчая совершена въ 1761 г.; что потомъ, когда игуменья монастыря его держать при себѣ не велѣла, то она отдала его къ теткѣ своей, вдовѣ Анисѣ Смирновой, которая, «по свойству своему» (она была двоюродной бабкой женѣ Пафнутаева), жила у Пафнутаева, и что когда Андреевъ, въ 1765 г., бѣжалъ, укравъ у Смирновой 200 рублей, то она, Леонтьева, и явочное прошеніе подавала.

Справкою изъ московской крѣпостной конторы подтверди-

лась покупка Леонтьевой у Салтыковой означеннаго Андреева за 10 рублей.

Салтыкова, по обвиненію въ дачѣ взятокъ Пафнутьеву, отозвалась:

— «Я съ Пафнутьевымъ ни по какимъ дѣламъ ни о чемъ не совѣтывалась и его ничѣмъ никогда не даривала, и къ нему въ домъ ничего изъ столоваго запаса ни съ кѣмъ съ людьми своими не посылавала. И онъ мнѣ по дѣламъ моимъ ничего въ пользу не дѣлалъ; да и крестьянскаго сына Гаврилу Андреева я ему не даривала, а того человѣка продала я вдовѣ Агафѣ Васильевой, дочери протоколиста, Алексѣевской женѣ Леонтьева, на котораго и крѣпость дала ей, Леонтьевой».

Коллегія сдѣлала слѣдующее заключеніе о Пафнутьевѣ: «о немъ въ разсужденіи коллежскомъ—въ семь дѣлъ противъ 4-го пункта довольно изяснено». Изясненіе это приведено нами выше по дѣлу объ убійствѣ Хрисанфа Андреева.

Чиновника Михайловскаго подсудимая снабжала въ разное время овсомъ, сѣномъ, мукой, птицами, гусями и утками и деньгами. Вельяминову-Зернову посылала въ домъ его, на Ордынкѣ, овса — восемь четвертей, а прокурору Ѳедору Хвоцинскому — муку, сѣна — 15 воевъ и деньги. Ѳедоръ Ивановъ, отозвишій къ Михайловскому, Вельяминову-Зернову и Хвоцинскому эти предметы, не зналъ адреса послѣдняго, а потому Салтыкова приказала ему «заѣхать для указанія его двора» къ Пафнутьеву, куда онъ и заѣзжалъ; «и онъ, Пафнутьевъ, того Хвоцинскаго дворъ указать послалъ человѣка своего, который и указалъ близъ калужскихъ воротъ, на шабаловеѣ».

Михайловскій умеръ въ 1765 году. Вельяминовъ-Зерновъ объяснялъ въ коллегіи, что Ивановъ никогда ничего къ нему не привозилъ; да и на Ордынкѣ онъ не только двора своего, но и квартиры никогда не имѣлъ, «а какъ прежде сего домъ свой имѣлъ, такъ и нынѣ имѣеть въ Татарской улицѣ, и тѣмъ оной крестьянинъ поклепалъ его напрасно».¹⁾ Хвоцинскій ото-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ слѣдственнаго дѣла Романъ Пвановъ говорилъ: «въ домъ его, состоящій за Москвою рѣкою, который имѣеть прошеѣ по Пятницкой улицѣ, и повернувъ въ Кузнецкую улицу, на лѣвой сторонѣ»; показаніе же свое о жительствоѣ Вельяминова-Зернова на Ордынкѣ, онъ призналъ ошибочнымъ.

звался, что показаніе на него ложно, основано на чьемъ-либо наущеніи или по злости; нивогда и ниего отъ Салтыковой ему подарковъ не привозилъ, «ничего онъ не принималъ и людямъ своимъ принимать не веливалъ». Пафнутьевъ показывалъ, что Ивановъ нивогда къ нему за адресомъ Хвощинскаго не заѣзжалъ и онъ, Пафнутьевъ, не посылалъ съ нимъ челоувѣка своего ува- зывать дворъ Хвощинскаго.

Салтыкова, на допросѣ о подкупѣ всѣхъ этихъ чиновниковъ, отвѣчала Юстицъ-Коллегіи:

— «Во время производства въ Сыскномъ приказѣ, по доносамъ на меня отъ людей моихъ, жены Василисы Нефедьевой и гайдуковъ Ѳедора Иванова и Ѳедота Михайлова, Сыскаго приказу къ присутствующимъ: Петру Михайловскому, ассесору (что нынѣ надворный совѣтникъ) Льву Вельяминову-Зернову и прокурору Хвощинскому, съ крестьяниномъ своимъ Романомъ Ивановымъ и ни съ кѣмъ, какъ денегъ, такъ хлѣба и изъ запаса ничего, ни за что въ подарки не посылывала и ихъ ничѣмъ не даривала; да и дарить ей было ихъ не за что».

Коллегія постановила: «прокурора Сыскаго приказу Хвощинскаго и присутствующаго Вельямина-Зернова не тожмо по недоказу отъ доносителей, но и по разностямъ показаніевъ доносителя и на кого онъ ссыался, коллегія во всемъ невинными признаеть».

Этимъ заключеніемъ Юстицъ-Коллегія окончила слѣдствіе о преступленіяхъ Салтыковой, и представила его въ VI департаментъ Сената.

ХІІІ.

Приговоръ и казнь.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что тѣже „присутствовавшіе“ Сыскаго Приказа, да чиновники Полиціймейстерской канцеляріи, столь многіе годы лакомившіеся дарами помѣщицы Салтыковой, надоумили ее во всемъ упорно заператься. Дѣло о мучительствахъ людей ея тянулось шесть лѣтъ; надзоръ за подсудимой, по крайней мѣрѣ въ первые годы ея дѣла былъ не строгій, связи Салтыковой были велики, средства достаточны, а слѣдовательно и сношенія съ чиновнымъ приказнымъ людомъ вполне возможны. И вотъ ея радѣльцы—Молчановъ, Пафнутьевъ, Яровъ и др., оберегая себя, не оставили и ее въ бѣдѣ: они, безъ сомнѣнія, были вдохновителями ея упорныхъ, стойкихъ отвѣтовъ на тему: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“.

Тѣмъ не менѣе однако виновность злодѣйки была слишкомъ очевидна. Кровь многочисленныхъ истязанныхъ и умерщвленныхъ ею жертвъ слишкомъ громко вопіяла о казни преступницы, и вотъ Юстицъ-Коллегія, а затѣмъ Правительствующій Сенатъ изрекають правдивый приговоръ о ея виновности.

Императрица Екатерина приняла живое участіе въ томъ, чтобы дѣло правосудія было отправлено неукоснительно; но окончательное его рѣшеніе не представлялось легкимъ: если съ одной стороны надо было справедливымъ возмездіемъ преступницы наложить узду на животные инстинкты нѣкоторыхъ другихъ душевладѣльцевъ, то за то для новой государыни, опиравшейся, главнымъ образомъ, на дворянство, нельзя было оставить безъ вниманія, что виновная есть представительница самаго родовитаго дворянства, а многочисленные ея родичи стоятъ на высшихъ ступеняхъ дворянскаго сословія...

До какой степени представлялось это дѣло затруднительнымъ для окончательнаго рѣшенія, это видно изъ цѣлага ряда проектовъ резолюцій еще въ самомъ началѣ дѣла. Проекты эти сохранились въ бумагахъ Екатерины II за 1768 г., и напечатаны Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.¹⁾ Вотъ они:

I.²⁾ „Объявить оной Салтыковой, что всѣ обстоятельства дѣла и многихъ людей свидѣтельства доводятъ ее къ пыткѣ, что дѣйствительно съ нею и послѣдуетъ, если она не принесетъ чистосердечнаго признанія. Между тѣмъ, опредѣлить къ ней искуснаго, честнаго и въ божественномъ писаніи знающаго священника на мѣсяцъ, который бы увѣщевалъ ее къ признанію, и если ли и отъ него еще не почувствуетъ она въ совѣсти своей угрызенія, то чтобъ онъ, исповѣдавъ ее, приготовилъ къ пыткѣ; а потомъ показать ей розыскъ къ тому приговореннаго преступника, а если и тогда еще чистосердечія отъ нея не будетъ, то представить намъ, не объявляя о томъ послѣднемъ представленіи ей“.

II.³⁾ „Сожалѣю, что оная Салтыкова въ показуемыхъ на нея злодѣяніяхъ по явнымъ, какъ юстиція признаетъ, подозрѣніямъ, ни достовѣрнаго оправданія не представила, ни чистосердечной признанности и покаянія не оказываетъ, и мое стараніе, чтобъ она безъ

¹⁾ Сборникъ, изд. Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, т. X, стр. 311—312.

²⁾ Рукою Ив. Перфи. Елагина съ собственноручными приписками Екатерины II; приписки эти набраны здѣсь разрядкой.

³⁾ Рукою кн. Якова Петровича Шаховскаго, того самаго, весьма интереснаго записки котораго изданы нами отдѣльною книгою. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 325 стр.

истязанія то учинила, ее не склонило. Повелѣваю еще, по особливому нашему снисхожденію, отсрочить ее на покаяніе. И во все это время прилежно ее увѣщевать способнымъ къ тому людямъ. Буде же и затѣмъ въ упрямствѣ останется, поступать съ нею, Салтыковою, по законамъ; но при томъ прилежно наблюдать, чтобы напраснаго крови пролитія учинено не было, а по окончаніи сего дѣла, какому кто за вины наказанію или казни подлежать будетъ, представить намъ со мнѣніемъ.

III.¹⁾ „Когда она Салтыкова въ показуемыхъ на нея злодѣяніяхъ по явнымъ, какъ юстиція признаетъ, подозрѣніямъ, ни достовѣрнаго оправданія не представила, ни чистосердечной признанности и покаянія не оказываетъ, и мое стараніе, чтобы она то безъ истязанія учинила, ее не склонило....“.

IV. „Рукою Екатерины II: „Естьли она Салтыкова, по свидѣтельству и по повальному обыску, довольно обличена по признанію Юстицъ-Коллегіи, а пытка только для того по законамъ слѣдуетъ, чтобы она призналась въ тѣхъ смертныхъ убійствахъ; то, не чиня ни людямъ, ни ей пытокъ, признавъ за виновную оную Салтыкову, приговорить сентенцію“.²⁾

Дѣло окончилось слѣдующимъ высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату 2-го октября 1768 года.

„Указъ нашему сенату. Разсмотрѣвъ поданный намъ отъ сената докладъ о уголовныхъ дѣлахъ извѣстной безчеловѣчной вдовы Дарьи Николаевой дочери, нашли мы, что сей уродъ рода человѣческаго не могъ воспричинствовать въ столь разныя времена и такого великаго числа душегубства надъ своими собственными слугами обою пола, однимъ первымъ движеніемъ ярости, свойственнымъ развращеннымъ сердцамъ, но надлежитъ полагать, хотя къ горшему оскорбленію челоуѣчества, что она, особливо предъ многими другими убійцами въ свѣтѣ, имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую. Чего ради повелѣваемъ нашему сенату: 1) Липить ее дворянскаго названія и запретить во всей нашей имперіи, чтобы она ни отъ кого никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредъ, такъ какъ и нынѣ въ семъ нашемъ указѣ, именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она нынѣ подъ карауломъ содержится, въ на-

¹⁾ Рукою кн. Я. П. Шаховскаго.

²⁾ Затѣмъ отмѣчено рукою Теплова, что резолюція подписана императрицею (въ 1768 г.), и притомъ его же надпись: «Резолюція на поднесенный докладъ отъ шестаго Сенатскаго департамента Московскаго, о Салтыковой, дочери Николаевой, Глѣба Салтыкова женѣ, состоявшаяся».

рочно въ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день, вывести ее на первую площадь и, поставя на эшафотъ, прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ Юстицъ-Коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ оной, какъ выше сказано, родовъ ея мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ее стоячую на томъ же эшафотѣ къ столбу, и прицѣпить на шею листъ, съ надписью большими словами: Мучительница и душегубица. 3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать Промыслу Творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести отсюда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или Земляномъ городѣ, и тамъ, подлѣ которой ни есть церкви, посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерти ея содержать такимъ образомъ, чтобъ она ни отсюда въ ней свѣта не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчемъ, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ее во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, отсюда бы она могла оное слышать, не входя въ церковь.

„Для исполненія сего нашего указа, сенатъ имѣетъ учинить отъ себя всѣ надлежащія къ тому распоряженія. Имѣнія оставить за ея несчастными дѣтьми, а съ людьми ея, причлнчившимися въ семъ дѣлѣ, и въ прочемъ во всемъ поступить и исполнить такъ, какъ въ вышепомянутомъ, возвращаемомъ при семъ, сенатскомъ докладѣ намъ представлено“. Екатерина.¹⁾

Указъ о Салтычихѣ состоялся въ Петербургѣ. Казнь совершена въ Москвѣ.

17-го октября 1768 г., въ субботу, посреди Красной площади построили высокій эшафотъ, на который вело множество ступеней; посреди эшафота воздвигнуть былъ столбъ, а въ него были вбиты три цѣпи. Приготовленія эти подняли всю Москву на ноги. Слухи о жестокостяхъ Салтыковой ходили уже нѣсколько лѣтъ и всѣ желали посмотрѣть на „людоѣду“. Между тѣмъ Государыня, движимая добрымъ чувствомъ утрашить душегубцевъ и злодѣевъ, повелѣла казнь Салтыковой произвести съ наибольшою огласкою, а потому въ тотъ же день, 17-го октября, по всей Москвѣ о предстоящемъ на другой день „поворищѣ“ сдѣлана была „особая публикація, а по знатнымъ домамъ—повѣства“.

¹⁾ См. Архивъ Прав. Сената: книга 125.

18-го октября 1768 г. снѣгъ шель хлопьями, то былъ первый день, когда въ тотъ годъ устанавливалась въ Москвѣ зима. Съ ранняго утра народъ несмѣтными толпами валилъ по всѣмъ улицамъ, ведущимъ на Красную площадь. Въ началѣ 12-го часа, предъ полуднемъ, началось „позорище“.... Вотъ какъ его описываетъ очевидецъ:

....„Прежде шла гусаръ команда, потомъ везена была на роспускахъ (въ саванѣ) Дарья Николаева Салтыкова, во вдовствѣ, людей мучительница, по сторонамъ которой сидѣли съ обнаженными шпагами гренадеры. И какъ привезена была къ эшафоту, то, снявъ съ роспусковъ, взвели и привязали цѣпями ее къ столбу, гдѣ стояла она около часу; потомъ, посадивъ паки на роспуски, отвезли въ Ивановскій дѣвичій монастырь, въ сдѣланную для ней, глубиною въ земли аршина слишкомъ въ три, покаянную, коя вся въ землѣ, и ни откуда свѣта нѣтъ. Она въ желѣзахъ, и никого къ ней, кромѣ одной монахини и караульнаго, допускать не велѣно; да и имъ тогда только ходить къ ней, когда ѣсть принести должно будетъ, и то при свѣтѣ, а какъ отѣсть, то опять огонь погасить и во тьмѣ оставить; а когда будетъ церковное пѣніе, то допускать ее къ церковному окну, къ коему по обыкновеннымъ у ходовъ ступенямъ всходить должна; и быть ей велѣно до смерти“.

„А во время ея у столба привязи надѣтъ былъ на шею листъ съ напечатанными большими литерами: Мучительница и душегубица. А какъ ее повезли, то послѣ ея биты были кнутомъ и клеймены люди ея и попъ: попъ—за то, для чего онъ мученныхъ ея хоронилъ, а людей—дворецкаго, который въ особливои милости былъ, и кучера что убитыхъ валилъ, и другихъ,—чѣмъ и кончилось сіе позорище. Что-жъ принадлежитъ до народа, то не можно повѣрить, сколько было онаго: почти ни одного мѣста не осталось на всѣхъ лавочкахъ, на площади, крышахъ, гдѣ бы людей ни было, а каретъ и другихъ возковъ,—несказанное множество, такъ что многихъ передавили, и каретъ переломали довольно. Пищу-жъ ей велѣно давать обыкновенную монашескую, и лишена имени, дворянства и отцовской и мужеской фамилии...¹⁾“.

Ивановскій монастырь, подъ соборною церковью котораго отвѣдена была покаянная знаменитой душегубицѣ Салтычикѣ, основанъ около конца XV или начала XVI столѣтія, „въ старыхъ садѣхъ, подъ боромъ, что на Кулишкахъ“. Достоинно замѣчанія, что онъ, какъ полагаютъ, основанъ въ честь рожденія Іоанна Грѣшнаго... и вотъ подѣ

¹⁾ Это описаніе, въ частномъ письмѣ, найдено Л. Н. Майковымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ, очевидно, что въ свое время оно ходило по рукамъ. См. «XVIII в.», кн. IV, стр. 94—95.

сводами храма этой обители довелось каяться душегубицѣ..... Возобновленная, послѣ нѣсколькихъ пожаровъ, щедротами императрицы Елисаветы Петровны, въ 1761 г., обитель эта, какъ видно изъ указа 20-го іюня 1761 г., была предназначена для призрѣнія вдовъ и сиротъ заслуженныхъ людей. Въ 1763 г. монастыремъ управляла игуменья, получавшая годоваго жалованья монетою 3 р. 45 коп.; монахинь въ немъ было 43, каждой выдавалось въ годъ по 1 р. 72¹/₂ к.

Монастырь этотъ, какъ свидѣтельствуесть И. М. Снегиревъ¹⁾ былъ не только усыпальницею для умершихъ, и въ немъ уединялись не одни умершіе для міра, но въ его стѣнахъ издавна были заключаемы и опальные, жившіе подъ строгимъ надзоромъ.. Здѣсь неволею была пострижена и заключена подъ началъ разлученная съ супругомъ своимъ въ 1610 г., царица Марія Петровна Шуйская. Сюда прислана была изъ Владиміра постриженная также насильно на Вѣлѣ озерѣ, вторая супруга несчастнаго царевича Іоанна Іоанновича, царевна Прасковья Михайловна, изъ роду Соловыхъ; здѣсь она и умерла въ 1620 г. Сюда присылались, подъ видомъ сумасшедшихъ и секретныхъ, женщины изъ Сыскаго приказа, изъ Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, раскольницы изъ Раскольничьей конторы и замѣщанныя въ политическихъ и уголовныхъ дѣлахъ; въ числѣ ихъ бывали вытерпѣвшія жестокія истязанія въ застѣнкахъ и, какъ говорилось, „очистившіеся кровью“. Ихъ содержали настоятельницы подъ строгимъ надзоромъ, въ особенныхъ вѣльяхъ, подвалахъ и застѣнкахъ, что давало этой обители видъ таинственный и мрачный..

Въ склепѣ подъ соборную церковь этого монастыря, 18-го октября 1768 г., перевезена была Салтычиха прямо съ „позорища“ на Красной площади. Въ этой подземной темницѣ провела она одинадцать лѣтъ. Въ 1779 г. ее перевели въ каменный застѣнокъ, пристроенный къ горней сторонѣ храма. Насущную скудную пищу подавали ей солдатъ сперва въ окно, потомъ въ дверь. Въ тюрьмѣ родила она отъ своего караульнаго.... Молва народная, преувеличивая истязанія, которымъ она подвергала своихъ крѣпостныхъ людей, обвиняла злодѣйку въ людоедствѣ; увѣряли, что Салтычиха употребляла себѣ на жаркое, вмѣсто сладкаго мяса, женскія груди... Любопытные зачастую толпились у желѣзной рѣшетки окошечка ея застѣнка. Салтычиха ругалась, плевала и совала палку сквозѣ рѣшетку въ открытое, въ лѣтнюю пору, окошечко, обнаруживая тѣмъ свое закоренѣлое звѣрство, которое не погасило въ ней ни раскаяніе въ злодѣйствахъ,

¹⁾ «Русскія достопамятности». Выпускъ V: Ивановскій монастырь въ Москвѣ. М., 1862 г., стр. 3, 11—13.

ни истома долговременнаго заключенія въ мрачномъ заперѣ.¹⁾ Видѣвшій Салтычиху въ концѣ прошлаго столѣтія покойный статскій совѣтникъ Рудинъ рассказывалъ П. Г. Кичееву, что она была собою полна и уже въ преклонныхъ лѣтахъ, а по движеніямъ ея казалось, что она не въ полномъ расудѣ....

27-го ноября 1801 г. Дарья Николаевна Салтыкова скончалась и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ погребались ея родственники. Злая память о ней сохранилась въ народѣ. Указъ Екатерины II, 2-го октября 1768 г., ходилъ по рукамъ въ печатныхъ экземплярахъ и во множествѣ рукописныхъ списковъ. Олицетвореніе позорной ея казни перешло даже на лубочныя картинки.²⁾ Слово „Салтычиха“ обратилось въ ругательство.

Г. И. Студеникинъ.

Примѣчаніе. Дѣло о Салтычихѣ нѣсколько разъ останавливало на себѣ вниманіе изслѣдователей, но все, что до сихъ поръ печаталось были небольшія отрывочныя замѣтки. Такъ см. въ «Русскихъ достопамяностяхъ» М., 1862 г., вып. V, стр. 17; въ журналѣ «Зритель» 1863 г., № 35 и 36: начало изложенія экстракта изъ дѣла о Салтыковой; «Р. А.» 1865 г., тетр. 2, стр. 247—256; въ «Восемнадцатомъ вѣкѣ», т. IV, стр. 94—96; въ «Чтеніяхъ Москов. Общ. Исторіи и Древностей» 1872 г., кн. I, смѣсь, стр. 38—44. Сообщеніемъ настоящей статьи мы обязаны Г. И. Студеникину, уже нѣсколько разъ обязавшему «Русскую Старину» своими интересными сообщеніями.

Прилагаемый при этой книгѣ рисунокъ заимствованъ изъ «Русск. достопамяностей» и изображаетъ соборную церковь Ивановскаго женскаго монастыря (упраздненный въ 1812 г., онъ возобновленъ въ 1861 г.). Церковь эта (вышъ перестроенная) была замѣчательна по своеобразности своего зодчества. Вотъ какъ описываетъ ее Снегиревъ: «Она образовала квадратъ съ выдавшимися на вѣшнихъ стѣнахъ лопатками и съ четырьмя фронтонами, въ видѣ трехъугольниковъ, надъ коими возвышалась глава на трибунѣ, обитая вызолоченною жестию, а кровля листовымъ желѣзомъ. Съ востока къ церкви примыкали три шестигранныя полукружія алтаря, съ запада—обширная трапеза представляла квадратную палату съ придѣлами. Въ ней, по срединѣ, на четырехгранномъ, величювою въ кубическую сажень, крѣпостномъ столпѣ опирались со всѣхъ сторонъ коробовые своды. Въ стѣнахъ связи были деревянные; окна малыя и узкія, въ послѣдствіи расширенныя; толстыя стѣны сложены изъ крѣпостныхъ кирпичей; доколъ изъ бѣлаго камня низкій; на вѣшнихъ стѣнахъ не было никакихъ орнаментовъ. Простота, прочность и низменность давали поводъ предполагать, что эта древняя церковь—трапеза, при первоначальной своей постройкѣ, составляла нижній (земный) этажъ храма, на коемъ существовалъ верхній съ лѣтнею церковью. По всѣмъ признакамъ стариннаго сооруженія кирпичныхъ зданій въ Москвѣ, въ этомъ остаткѣ древняго храмоваго зодчества видна работа русскихъ мастеровъ конца XVI столѣтія. На южной и сѣверной сторонѣ у крыльца желѣзныя двери вели въ подвалъ подъ церковь. На той же сторонѣ къ трапезѣ пристроенъ былъ каменный застѣнокъ, впоследствии обращенный въ ризничную пазатку...»

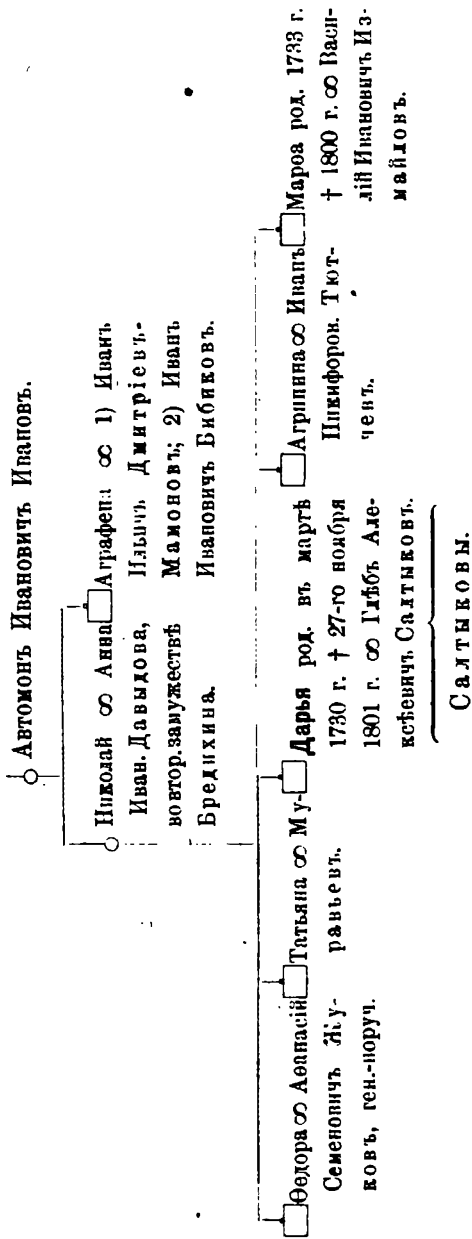
Въ 1861 г. церковь, вмѣстѣ съ застѣнкомъ Салтычихи, разобраны; точное изображеніе его передано въ приложенномъ рисункѣ.

Ред.

¹⁾ Такъ рассказываетъ И. М. Снегиревъ въ указанной выше брошюрѣ, со словъ П. Ѳ. Карабанова, извѣстнаго читателямъ «Русской Старины» весьма интересными историческими разсказами и анекдотами, напечатанными въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583 и 685; изд. 1872 г., т. V, стр. 129, 457, 670 и 767; т. VI, стр. 87 и 284.

²⁾ «Лубочныя картинки русскаго народа въ Московскомъ мірѣ». Соч. И. Снегирева, М., 1861 г., стр. 67.

РОДОСЛОВІЕ ИВАНОВЫХЪ.

РОДОСЛОВІЕ САЛТЪКОВЫХЪ.

Петръ Салтъковъ.

Алексій Петровичъ,
 о Екатерина Федоровна Стрелова.
 Николаи Петровъ, о 1) Елюкия Мартыевна Годовина. 2) Княжна Анна Яковлевна Голицына.

Иванъ о гр. Настасья Петровна Годова.

Сергій о Варвара Ивановна Динарева.

Григорій о Да-
 рья Николаевна Иванова, р. 1730 г. † 1801 г.
 Софиа Аг. о Алексій Де-нектюв. Тати-щевъ.

Сергій о Анастасія Фед. Салтъковъ, рожд. гр. Головина, Якова Николаи Годова. Салтъкова.

Николаи о ев. Марья Яков-левна Шахова-свад.

Марія о князь Козловскій.

Евдокія о ев. За-сѣкинъ.

Паталыя о Бо-дунскій. Ягужинскій.
 Варвара о графъ Ягужинскій.

Алексій
 Ив. о кн. Екатерина Борисовна Голицына.

Утемыре дочеръ:
 Мариа Анна
 Александра Наталья

- 1—3а Нарышкынымъ.
- 2—3а Мус.-Пушкинымъ.
- 3—3а Гавровымъ.
- 4—3а Мельгуновымъ.

Иванъ о Ржев-сканъ.

Наталія о кн. Долгорукинъ.

Александръ о ев. Урусовъ.

Федоръ Губо-род. 1750 † 1801.

Николаи Губо-вичъ † 1775 о гр. Анастасія Федоровна Годова.

Федоръ Ник. † 1790 г.

Евгасявета рож. 1772 г. † 1852 о гр. Моденъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца
города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя
Великаго Князя Константина Николаевича.

V. 1)

Собственноручныя выписки и замѣтки в. к. Павла Петровича,
съ ноября 1778 г. по январь 1779 г., изъ Записокъ Ретца.

Стр. 178. Всѣ люди, отъ природы нерѣшительные, затрудняются
выборомъ и употребленіемъ средствъ, хотя съ рѣшимостью ждутъ
окончанія дѣла. Имъ надобно время, чтобы отъ замысла они пере-
шли къ исполненію. Этотъ порокъ—одинъ изъ ядовитѣйшихъ источ-
никовъ ошибочныхъ поступковъ людей.

Стр. 184. Умѣнье пристроиться—качество весьма рѣдкое, обли-
чающее просвѣщенный, необыкновенный умъ.

2-го ноября.

Стр. 196. Велики разстоянія: отъ желанія до воли; отъ воли до
рѣшимости; отъ рѣшимости до выбора средствъ; отъ выбора средствъ
до ихъ примѣненія къ дѣлу.

Стр. 198. Велика сила привычки въ народѣ, особенно при мятѣ-
жахъ, и преимущественно къ тѣмъ людямъ, которые владѣютъ сер-
дцами.

Стр. 209. Люди неразвитые всегда съ алчностью хватаются за

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 649—690; 853—884;
изд. 1874 г., т. IX, стр. 37—56; 277—300; 473—512; 667—684; т. X, стр. 60—70
309—320.

всѣ внѣшніе признаки, служащіе подтвержденіемъ перваго, на нихъ произведеннаго, впечатлѣнія.

— Вѣрнѣйшее средство — столкнуть съ ихъ мѣсть людей непостоянныхъ, недорожающихъ своими мѣстами: говорить имъ, что желаешь обмануть того, кому служишь.

Стр. 210. Одно изъ спасительныхъ средствъ для государства — сохраненіе членовъ королевскаго дома.

Стр. 216. Умы нерѣшительные никогда не слѣдуютъ ни намѣреніямъ своимъ, ни чувствамъ, покуда не истощатъ запаса оправданій своей нерѣшительности.

— Одно изъ величайшихъ затрудненій для служащихъ при государяхъ заключается въ томъ, что они часто бывають принуждены, по долгу собственной ихъ службы, давать совѣты, умалчивая о ихъ настоящихъ причинахъ.

Стр. 224. Человѣкъ, слабый отъ природы, не можетъ быть силенъ ни въ чемъ.

7-го ноября.

Стр. 240. Большая часть людей совершаетъ великія злодѣянія только потому, что совѣстится малыхъ.

Стр. 244. Есть люди думающіе, что все, кажущееся имъ особенно хитрымъ, есть самое вѣрное.

Стр. 250. Во всякомъ судѣ — добро, не облеченное въ формы, всегда признается преступленіемъ противъ частныхъ лицъ.

Стр. 257. Дворъ всегда расположенъ вѣрить худшему.

Стр. 258. Время всегда родитъ предлоги, даже иногда и причины, по которымъ люди уклоняются отъ добрыхъ дѣлъ.

Стр. 266. Людямъ съ тяжелымъ характеромъ чрезвычайно трудно понимать то, что имѣетъ двойкій смыслъ.

9-го ноября.

Стр. 277. Ничто такъ не пугаетъ слабодушнаго, какъ приступъ къ дѣлу.

14-го ноября.

Стр. 334. Всегда крайне затруднительно оградиться отъ недовѣрія, весьма естественнаго и неизбѣжнаго въ началѣ дѣла; еще того болѣе во время его хода и послѣдствій. Такъ какъ еще ничего вѣрнаго нѣтъ и все смутно, воображеніе, не вѣдая предѣловъ, ухватывается за все, что ему кажется возможнымъ.

Вожакъ партіи заранѣе отвѣтствуетъ за все, что, по догадкамъ подчиненныхъ, должно придти ему въ голову.

Стр. 341. Въ чемъ главная причина гибели душъ робкихъ? Страхъ, всегда увеличивающій предметы и воплощающій мечты воображенія.

Труссы принимаютъ за дѣйствительность мечту, ими созданную, о ихъ непріятеляхъ, и почти неизбѣжно ввергаются въ дѣйствительную опасность, вслѣдствіе уклоненій отъ опасностей вымысленныхъ.

Стр. 344. Изъ всѣхъ страстей — страхъ, болѣе всѣхъ прочихъ, ослабляетъ разсудокъ, и люди, обуянные страхомъ, легко сохраняютъ впечатлѣнія, имъ произведенныя, даже и тогда, когда защищаются, или, вѣрнѣе, когда ихъ защищаютъ отъ его нападеній.

16-го ноября.

Стр. 357. Двору невозможно понимать, что такое народъ. Лесть— придворная чума, всегда до такой степени отравляетъ дворцовый воздухъ, что тамъ, относительно упомянутаго вопроса, угаръ непрерывный.

Стр. 366. Въ обществахъ этого рода (парламентахъ) все, облеченное въ форму, занимаетъ мелкіе умы и даже забавляетъ самыхъ благоразумныхъ.

Стр. 371. Страхъ, которому льститъ лукавство, непреодолимъ.

21-го ноября.

Стр. 372. Большинство людей менѣе обращаетъ вниманія на причины того, что предлагаютъ имъ вопреки ихъ чувствамъ, нежели на причины, могущія заставить самого дающаго совѣтъ ему послѣдовать. Порокъ весьма обыкновенный и весьма большой.

— Человѣкъ, не довѣряющій себѣ самому, никогда и никому вполнѣ не довѣрится.

Стр. 374. Когда случается дѣйствовать, основываясь на догадкахъ, которыя намъ не нравятся и оказываются не совсѣмъ основательными, тогда чувствуется внутренняя борьба между радостью, что ошиблись къ собственной выгодѣ, и сожалѣніемъ о потраченныхъ трудахъ. Люди, которымъ случается быть въ подобномъ положеніи, обыкновенно довольно долгое время думаютъ, что они не ошиблись, даже и послѣ того, какъ замѣтятъ ошибку; потому что трудность распутить начатую ими ткань заставляетъ ихъ дѣлать возраженія себѣ самимъ; эти возраженія, кажущіяся людямъ плодомъ раздумья, почти ничто иное, какъ естественныя послѣдствія ихъ склонностей. Наружно сомнѣваться въ томъ, что имъ говорятъ, — хотя внутренно они въ томъ не сомнѣваются, — вотъ первое движеніе людей, находящихся въ подобномъ состояніи; затѣмъ, вскорѣ слѣдуетъ второе: они стараются оправдаться въ поспѣшности, поставившей ихъ въ затрудненіе.

Стр. 378. Бываютъ случаи, въ которыхъ рѣшительно невозможно удовлетворить обѣ стороны; они опасны тѣмъ, что неминуемо возбуждаютъ ихъ неудовольствіе. Не менѣе затруднительны подобные

случай и при переговорахъ, потому что всегда придаютъ имъ оттѣнокъ плутовства.

Стр. 390. Люди имѣютъ привычку заставлять просить себя даже о томъ, чего и сами желаютъ.

23-го ноября.

Стр. 396. Если сомнѣнія, возникающія въ умахъ, основательны, онѣ неминуемо влекутъ за собою гибельныя послѣдствія; если же лишены основанія, то не замедлятъ внушить опасенія за весьма гибельныя послѣдствія, давая поводъ ко всякаго рода толкамъ и слухамъ. Чтобы однимъ разомъ заглушить ихъ и отнять у однихъ надежду, у другихъ — поводы, я признаю, въ этомъ случаѣ, нужнымъ избѣгать слишкомъ рѣшительныхъ мѣръ.

Стр. 401. Отличительное свойство предубѣжденія — умѣнье вооружаться противъ фактовъ.

— Предупредить то, что съ преувеличеніемъ хотятъ связать о послѣдствіяхъ событій, всегда хорошо, если имѣть дѣло съ людьми, способными судить только по событіямъ; потому что эта же самая способность, порождающая подобный недостатокъ, дѣлаетъ то, что люди, которымъ она свойственна, не всегда и не постоянно судятъ о послѣдствіяхъ по ихъ причинамъ.

28-го ноября.

Стр. 408. Во время мятежей и интригъ, все негѣрое кажется таинственнымъ всѣмъ тѣмъ, которые не привыкли къ великимъ событіямъ.

Стр. 410. Когда правители государствъ не вѣдаютъ ни ихъ основныхъ законовъ, ни свойственныхъ имъ нуждъ, съ ними случается несчастье.

Стр. 417. Дѣйствія слабости непостижимы, и я утверждаю, что онѣ еще чудеснѣе дѣйствій самыхъ сильнѣйшихъ страстей. Слабость, чаще всякой другой страсти, совмѣщаетъ въ себѣ противорѣчія.

Стр. 418. Есть родъ жалости, который ведетъ къ презрѣнію и почти тотчасъ же, слѣдомъ за нимъ, доводитъ до гнѣва.

— Скрытничать съ тѣми, кого презираютъ, гораздо труднѣе, нежели думать.

Стр. 419. Люди никогда не считаютъ другихъ способными сдѣлать то, чего они сами не способны сдѣлать.

Стр. 423. Почти всегда принимаютъ совѣты, когда ясно видятъ близкія ихъ послѣдствія.

Стр. 445. Люди обладаютъ способностью не раздражаться при благополучныхъ событіяхъ.

30-го ноября.

Стр. 454. Весьма часто поступки оправдываютъ предъ общественнымъ мнѣніемъ людей, поступающихъ противъ долга службы.

Стр. 462. Всякій человѣкъ, вознесенный счастіемъ на степень человѣка государственнаго, почти всегда, черезъ нѣсколько времени, ниспадаетъ на степень ничтожнаго частнаго лица.

Стр. 464. Всѣ неурядицы, по достиженіи крайняго предѣла, вслѣдствіе событій, всегда и неминуемо обращаются на пользу королевской власти.

3-го декабря.

Стр. 481. Въ исторіи есть событія необъяснимыя и непостижимыя, даже для тѣхъ, которые къ нимъ особенно близки.

Стр. 488. Герцогъ-де-ла-Рошфуко сказалъ весьма разумно, что даже и для того, чтобы скучать — необходимо умѣнье.

Стр. 492. Нельзя имѣть точнаго понятія о томъ, что такое партія, если воображаешь, что ея начальникъ дѣйствительно ея властелинъ. Должность его всегда оспариваютъ интересы подчиненныхъ, весьма часто вымышленные; и, всего досаднѣе то, что иногда его честность и почти всегда осторожность дѣйствуютъ за одно съ ними, противъ его же самого.

Стр. 493. Дробленіе партіи на отдѣльные кружки почти всегда ее губить, особенно если оно есть слѣдствіе проницательства, диаметрально противоположнаго осторожности; итальянцы называютъ это комедіей въ комедіи (*comedia in comedia*).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

«С.-Петербургъ. 3-го декабря 1778 г.».

ТОМЪ III-й ЗАПИСОКЪ РЕТЦА.

«Начать 5-го декабря 1778 г., въ С.-Петербургѣ».

5-го декабря.

Стр. 10. Во всѣхъ людяхъ есть природная склонность искать утѣшенія въ настоящемъ, не дожидаясь его въ будущемъ.

Стр. 11. Самый обыкновенный источникъ человѣческихъ проступковъ заключается въ томъ, что люди слишкомъ пугаются настоящаго и недостаточно боятся будущаго.

— Важныя ошибки, дѣлаемыя въ средѣ партій, противныхъ власти королевской, порождаютъ въ нихъ такой разладъ, что почти всегда доводятъ виновниковъ до необходимости пасть, каковы бы ни были ихъ послѣдующія дѣйствія.

Стр. 26. Искренность всегда столько же бесполезна, сколько презрѣнна, если вредить успѣху хитрости.

Стр. 27. Есть люди, любящіе самимъ себѣ представлять доводы, препятствующіе имъ на что-нибудь рѣшиться.

Стр. 28. Люди обладаютъ удивительной способностью воображать себѣ, что они могутъ забавлять другихъ тѣми же самыми способами, которыми забавляются сами.

— Величайшій недостатокъ людей — та снисходительность, съ которой они убѣждаютъ себя, что и другіе люди не изъяты отъ пороковъ, которые они сами въ себѣ сознаютъ.

7-го декабря.

Стр. 46. То, что кажется чудомъ послѣдующимъ вѣкамъ, считается за ничто въ свое время.

Стр. 47. Мятежь, достигшій извѣстнаго предѣла, служитъ всегда къ восстановленію королевской власти.

Стр. 58. По мнѣнію большинства, огромное сборище, подобное парламенту, непогрѣшимо.

Стр. 60. Люди слабые, переменная образъ мыслей, всегда поворачиваютъ такъ круто, что уже не соблюдаютъ въ поступкахъ своихъ никакой соразмѣрности. Въмѣсто того, чтобы идти, они скачутъ.

— Фантазіями не обманешь никого; онѣ только служатъ доказательствами намѣренія обмануть.

10-го декабря.

Стр. 74. Тяжело находиться въ такомъ положеніи, въ которомъ нельзя сдѣлать ничего хорошаго.

Стр. 75. Государи считаютъ слова за ничто; но никогда не забываютъ дѣяній.

Стр. 105. Великій и смѣлый замыселъ всегда оправдываютъ и превозносятъ, если онъ увѣнчается успѣхомъ.

Стр. 110. Самые ловкіе царедворцы могутъ попасть въ огромный просакъ, когда черезъ-чуръ полагаются на свои догадки.

— Въ клеветѣ все то, что не вредитъ, приноситъ пользу тому, на кого клеветуютъ.

14-го декабря.

Стр. 138. Причина, по которой люди почти всегда употребляютъ во зло свою власть, заключается въ томъ, что они, облекаясь ею, ослѣпляются и, вслѣдствіе этого ослѣпленія, впадаютъ въ первыя ошибки, по множеству причинъ самыя важныя.

Стр. 140. Ослабить зависть — одна изъ величайшихъ тайнъ.

17-го декабря.

Стр. 160. Какъ прекрасно, если человекъ, геройски храбрый, грѣшитъ отъ избытка кротости.

Стр. 164. Въ смутныхъ обстоятельствахъ удержатъ людей въ по-

виновеніи, возможно посредствомъ страха, внушаемаго имъ исключительно тѣмъ, чему они сами бываютъ причиною. Этотъ страхъ, обыкновенно, самое дѣйствительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе гнусное средство.

Стр. 179. Никогда нельзя достаточно объяснить себѣ доброе дѣло, въ особенности то, которое заслуживаетъ благодарности.

19-го декабря.

Стр. 188. Нѣтъ ничего опаснѣе предложеній, дѣлаемыхъ, повидимому, секретно, на самомъ же дѣлѣ не таковыхъ, потому что онѣ имѣютъ заманчивость, неразлучную съ таинственностію, и препятствуютъ выгодамъ, которыя рассчитываютъ извлечь изъ нихъ.

Стр. 200. Когда случается, что другіе выдумываютъ на вашъ счетъ разныя разности, вы подвергаетесь со стороны однихъ недоверію, со стороны другихъ—опасенію, и переудамъ—со стороны всѣхъ. Лицо, которое сохраняетъ при этомъ только оборонительное положеніе, и то не всегда, весьма опасно, когда надъ нимъ начинаютъ подшучивать. Позорять же его тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе выказываетъ оно тщеславія и самолюбія.

Стр. 207. Кто собираетъ народъ, тотъ его возмущаетъ.

21-го декабря.

Стр. 214. При государственныхъ переворотахъ, на столько сильныхъ, чтобы поддерживать тревожное настроеніе умовъ,—людей, стоящихъ во главѣ возстанія, всегда осыпаютъ похвалами, лишь бы при самомъ его началѣ они имѣли удачу.

Стр. 217. Людей часто уважаютъ за самыя предосудительныя стороны ихъ характера.

Стр. 220. Ужась, возбужденный насиліемъ, всегда и неминуемо примиряетъ народную любовь съ тѣмъ, кого оно заставляетъ страдать.

Стр. 221. Стою на томъ, что тѣ люди слабы и безразсудны, которые великими и прочными своими выгодами жертвуютъ блестящамъ славы—всегда ложной, если она препятствуетъ намъ совершать дѣла важнѣе тѣхъ, которыя намъ предлагаетъ. Нельзя не сознаться, что одинъ только опытъ можетъ научить людей—не предпочитать настоящему интересу другой, существеннѣйшій, который готовитъ имъ будущее.

Стр. 230. Вѣра въ силу увеличиваетъ ее.

Стр. 236. Люди могучіе способствуютъ ослѣпленію прочихъ людей, а потомъ ослѣпляются сами еще опаснѣе, нежели остальные люди.

24-го декабря.

— Домашнія распри погружаютъ въ безпечность даже и отличнѣйшихъ гражданъ.

Стр. 239. Разрядъ людей, желающихъ блага государству, ничего не можетъ дѣлать въ началѣ мятежей; но онъ можетъ все—въ ихъ концѣ.

Стр. 240. Въ тяжелыя и бѣдственныя времена всѣмъ, что слыветъ таинственнымъ, гнушаются.

25-го декабря.

Стр. 293. Въ великихъ событіяхъ воображеніе играетъ болѣе важную роль, нежели въ маловажныхъ. Иногда единственною причиною мятежа бываетъ воображеніе народа.

Стр. 296. По неизбѣжному слѣдствію величайшихъ ошибокъ, возможно, повидимому, все, въ дѣйствительности самое странное и чрезмѣрное.

Стр. 304. Царедворцы всегда тѣшатся народными кличками, не принимая въ соображеніе, что эти клики для всякаго случая одинаковы.

Стр. 316. Всѣ великія предпріятія, не приведенныя въ исполненіе, всегда кажутся неисполнимыми людямъ, неспособнымъ на великія дѣла.

— Люди, совершавшіе великія дѣянія, отличались тѣмъ, что сознавали степень ихъ исполнимости сравнительно съ прочими.

26-го декабря.

Стр. 319. При дворѣ совѣстливость вообще неумѣстна; но есть люди, предпочитающіе успѣху сознаніе собственного достоинства.

Стр. 322. Люди, стоящіе во главѣ великихъ предпріятій, не менѣе встрѣчаютъ затрудненій въ кругу своихъ приверженцевъ, какъ и въ кругу своихъ противниковъ.

Стр. 326. Есть разрядъ людей, и весьма многочисленный, которымъ, по множеству причинъ, нельзя сознаться въ томъ, что можешь, чего—нѣтъ, и предъ которыми, вслѣдствіе этого, никогда невозможно оправдаться. Это зло неисправимое, принадлежащее къ числу тѣхъ, при которыхъ единственная отрада—спокойствіе совѣсти.

Стр. 330. Большая часть распрей, существующихъ при дворѣ, неосновательна; но, должно замѣтить, что распри, лишеныя основанія, самыя упорныя. Причина этому ясная: такъ какъ обиды этого рода существуютъ только въ воображеніи, онѣ всегда растутъ и увеличиваются, благодаря почвѣ, всегда слишкомъ богатой дурными силами, дающими имъ пищу.

Стр. 333. По правиламъ политики, ничего нѣтъ хуже, какъ брать

слишкомъ много на себя. За это свѣтъ весьма рѣдко бываетъ благодаренъ. Добрыхъ намѣреній не слѣдуетъ простираеть слишкомъ далеко. Правило это слѣдовало бы соблюдать, какъ въ важныхъ, такъ и въ домашнихъ дѣлахъ; но, должно сознаться, что мы не исправляемся отъ недостатковъ, которые льстятъ нашему нравственному чувству, а вмѣстѣ съ нимъ и нашимъ слабостямъ.

31-го декабря 1778 г.

Стр. 340. Въ страстяхъ очень трудно соразмѣрять свои поступки.

Стр. 345. Когда скорбь и смущеніе недвижны—это несомнѣнный знакъ упадка духа.

Стр. 357. Находятъ, будто весьма выгодно вести переговоры о дѣлахъ съ людьми, неимѣющими о нихъ никакого понятія.

1-го января 1779 г.

Стр. 372. Дѣлать упреки вмѣсто того, чтобы представлять доводы, основанныя на правдѣ, и при этомъ притворяться, что ее прикрываютъ.—обыкновенный приемъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ болѣе хитрости, нежели здравомыслія; но онъ непримѣнимъ къ людямъ, болѣе способнымъ увлекаться, нежели вѣрять.

Стр. 395. Въ великихъ дѣлахъ никогда не надобно считать за что-нибудь—усталость, опасности и затраты.

2-го января.

Стр. 398. Доброе сердце чувствительно до слабости къ жалобамъ того, кому оно себя считаетъ чѣмъ-нибудь обязаннымъ.

Стр. 408. Въ иные времена не лишнее имѣть въ виду, что мѣста, которыя должны были бы служить убѣжищемъ, легко могутъ превратиться въ мѣста ссылки.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

«С.-Петербургъ. 2-го января 1779 г.».

ТОМЪ IV-й ЗАПИСОКЪ РЕТЦА.

«Начать 7-го января 1779 г., въ С.-Петербургѣ».

7-го января.

Стр. 9. Нежеланіе большинства людей—упускать что-нибудь изъ рукъ заставляетъ ихъ медлить даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они выказываютъ совершенную готовность отъ чего-нибудь отказаться.

Стр. 17. Великія имена всегда даютъ великія права надъ-малыми умами.

Стр. 27. Никогда нельзя такъ искусно притворяться, чтобы не обнаружить чего-нибудь, отъ природы свойственнаго.

— Мелочность—несомнѣнный знакъ не только узкаго ума, но еще и низкой души.

— Иногда бездѣлицы служатъ лучшими доказательствами, нежели вещи крупныя.

Стр. 34. Неспособность должностнаго лица часто выкупается его уваженіемъ къ повелителю. Подобнаго рода явленія довольно обыкновенны въ государствахъ благоденствующихъ.

8-го января.

Стр. 37. Легко вѣрять тому, чего желаютъ.

Стр. 44. По несовершенству человѣческой природы, довольно странному, повышеніе какого-нибудь лица удивляетъ, преимущественно, тѣхъ людей, которые того ожидали съ наибольшимъ нетерпѣніемъ.

Стр. 46. Каждый царедворецъ повышаетъ и понижаетъ свою подлую политику, соразмѣряя повышеніе или пониженіе несравненно чаще со своими вавлонностями, нежели съ истинными выгодами.

Стр. 49. Министру всегда безчестно быть обманщикомъ; но простирать обманъ за предѣлы всякаго приличія—даже не согласно съ политикою.

Стр. 57. У великихъ людей могутъ быть великія слабости: они не изъяты даже и отъ маленькихъ; но за то есть слабости, имъ вовсе несвойственныя, и никогда, напримѣръ, не было видано, чтобы великій человѣкъ, занимая великую должность, занимался бездѣлицами.

9-го января.

Стр. 61. Великій порокъ—во всемъ хитрить и лукавить—еще увеличивается, если онъ свойственъ сановникамъ, которые отъ него никогда не исправляются, потому что уваженіе, имъ оказываемое и заглушающее жалобы, почти всегда поддерживаетъ въ нихъ то убѣжденіе, что они всѣхъ морочатъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда никого не обманываютъ.

Стр. 71. Въ важныхъ дѣлахъ, болѣе нежели въ какихъ-либо другихъ, должно тщательно избѣгать шутокъ.

Стр. 72. Слово чаще связываетъ, нежели дѣло: потому-то въ важнѣйшихъ дѣлахъ должно взвѣшивать каждое слово.

Невѣроятное часто можетъ быть вѣрнымъ; но такъ какъ подобнаго явленія, по порядку вещей, быть не должно, то и не слѣдуетъ ему удивляться, а смотрѣть на него, какъ на удары молніи: они необыкновенны, но всегда могутъ случиться.

Стр. 75. Отвѣчать такимъ образомъ, чтобы вызвать на объясненіе—непремѣнное правило для дѣйствій съ хитрецами.

Стр. 80. Неспособность къ великимъ дѣланіямъ увеличивается по мѣрѣ привязанности къ мелочамъ.

14-го января.

Стр. 83. Большой заговоръ можно сравнить съ большой тучей, которая каждому представляется въ томъ видѣ, въ какомъ ему вздумается.

Стр. 87. Всего необходимѣе съ дѣтства внушать тѣмъ, которые когда-нибудь могутъ занимать важныя мѣста, что упрочить ихъ за ними можетъ только долговременная удача.

— При несчастіи нерѣдко нуждаются въ необходимомъ, потому что въ счастіи никогда не терпятъ нужды въ излишнемъ.

— Нѣтъ въ мірѣ человѣка, который, оказывая услугу несчастному, не воображалъ бы, что тѣмъ дѣлаетъ ему честь. Мало отыщется честныхъ людей съ инымъ образомъ мыслей, потому что это воззрѣніе усваивается людьми непремѣнно для нихъ самихъ. Оно сродно неблагодарности. У обоихъ этихъ пороковъ именно то общее свойство, что люди, у которыхъ они есть, даже и не подозрѣваютъ о ихъ существованіи. Неблагодарные не замѣчаютъ своего порока, вслѣдствіе той же самой слабости, которая заставляетъ ихъ мысленно уменьшать непосильный для нихъ грузъ благодѣаній, имъ оказанныхъ. Тѣ люди, которымъ свойственъ первый порокъ, точно также не догадываются о его существованіи, потому что сознание привязанности къ человѣку, постигнутому несчастіемъ, заставляетъ ихъ тяготиться и соврушаться разъ по десяти въ день.

Стр. 88. Короткость обхожденія, отъ которой всякій истинный вельможа уклоняется менѣе, нежели кто другой, нечувствительно уменьшаетъ должное къ нему уваженіе, всегда оказываемое приближенными важнаго лица, когда оно въ силѣ. Сначала эта короткость ограничивается свободою говорить; за нею слѣдуетъ скорѣ свобода жаловаться. Сущность этихъ жалобъ основывается на мысли, что гораздо лучше жить гдѣ бы то ни было, но лишь бы не у опального вельможи. Въ этой мысли не сознаются и сами себѣ, потому что она противна обязательствамъ, честью налагаемымъ, или, противна пріязни, которую рѣдко сохраняютъ къ человѣку, постигнутому несчастіемъ. По этимъ причинамъ, притворствуютъ и скрываютъ то, что происходитъ въ сокровеннѣйшей глубинѣ сердца, а сокрушеніе объ утраченномъ счастіи и о настоящей невзгодѣ тревожить ежеминутно. Предпочтеніе, оказываемое одному передъ другимъ, въ тысячѣ случаевъ необходимое, всегда кажется людямъ несправедливостію. Что бы ни дѣлалъ для нихъ милостивецъ, вмѣняется ими ему въ обязанность; если же онъ не дѣлаетъ для нихъ чего-либо невозможнаго—это, по ихъ мнѣнію, съ его стороны неблагодарность, или жестокость.

Изъ всего вышесказаннаго, хуже всего то, что лекарство, кото-

рое всякое доброе сердце желало бы дать противъ этого недуга, только ожесточаетъ его вмѣсто исцѣленія, потому что оно ему льститъ.

15-го января.

Стр. 93. Весьма благоразумно не всегда вполнѣ предаваться всей своей добротѣ, и вельможа, у котораго въ глубинѣ души и не можетъ быть ея обильнаго запаса, долженъ умѣть таить ее въ своемъ сердцѣ, для сохраненія своего достоинства, особенно когда подвергается опалѣ. Непостижимо, сколько горестей и страданій приносятъ поступки, противные этому правилу.

Стр. 120. Нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ оказывать милости человѣку, не оказывающему намъ уваженія.

Стр. 121. Первая забота людей, измѣняющихъ друзьямъ своимъ, когда тѣхъ постигаетъ опала,—распускать въ свѣтѣ глухія слухи о своемъ мнимомъ неудовольствіи на друзей, которыхъ они хотятъ поинуть. Вторая забота: убавить, на сколько возможно, бремя одолженій, друзьями имъ оказанныхъ. Для этого имъ весьма полезно прикидываться благодарными тѣмъ людямъ, дружить съ которыми они могутъ безъ всякихъ затрудненій. Такимъ образомъ они привлекаютъ къ себѣ вниманіе, оказываемое половиною человечества неблагодарнымъ, если неблагодарность лично до нея не касается, и отъ настоящей благодарности уклоняются посредствомъ поддѣльной. Правда, всегда находятся люди опытные, которыхъ этимъ пронырствомъ мудрено обморочить.

Стр. 123. Единственное цѣлебное средство отъ неприятностей опалы, которая чувствительнѣе ея самой,—дѣлать добро единственно для самого добра. Это средство самое вѣрное. Дурная натура не способна имъ воспользоваться, потому что ему научаетъ насъ чистѣйшая добродѣтель. Доброму сердцу оно всего доступнѣе, потому что доброе сердце легко соединяетъ побужденія пріязни съ причинами оказываемыхъ имъ благодѣяній, въ угоду собственной совѣсти.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА И ЗАПИСОКЪ РЕТЦА.

«С.-Петербургъ, 15-го января 1779 г. Павелъ».

Примѣчаніе. Весьма интересенъ отзывъ о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ Джемса Гарриса лорда Мальмсбюри, сдѣланный почти въ то время, когда великій князь дѣлалъ приведенныя выше выписки изъ соч. Ретца.

«Внутренность Петербургскаго двора», писалъ Джемсъ Гаррисъ, посолъ Англій въ Россіи, въ 1778 г., «представляетъ зрѣлище интригъ, происковъ и испорченности. Великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга составляютъ единственное исключеніе: они живутъ въ величайшемъ согласіи между собою и ни во что не вмѣшиваются. Желательно, чтобы онъ (т. е. великій князь), рано или поздно, не соблазнился мыслью воспользоваться смутными обстоятельствами и не покусился бы на попытку, которая, конечно, окажется для него гибельною. Я знаю, что нѣтъ недостатка въ дурныхъ совѣтникахъ, готовыхъ склонять его къ этому». («Р. А.» 1874 г., тетр. 6) Ред.

ГРАФЪ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ.

1771—1837.

1798 г.¹⁾

Графъ Н. П. Панинъ — кн. А. Б. Куракину.

Безъ числа (2-го (13) марта).

(Конфиденціально и секретно). № 52. Отвѣтъ на ваши письма отъ 6-го и 10-го февраля я отложилъ за тѣмъ только, чтобы избѣжать затрудненій и неудобствъ съ шифрантомъ, и чтобы побесѣдовать съ вами спокойно о разныхъ предметахъ, заключающихся въ этихъ конфиденціальныхъ депешахъ.

Такъ какъ назначеніе генерала Неплюева неотмѣнно рѣшено, я долженъ покориться. Если бы я могъ это предвидѣть, я не надобдалъ бы вамъ напрасными возраженіями. Будьте увѣрены, милый кузень, что я ни на шагъ не уклонюсь отъ линіи, начертанной вами, при будущихъ моихъ сношеніяхъ съ нимъ, и если, дѣйствительно, данная ему инструкція подчиняетъ его мнѣ и ставитъ въ зависимость отъ меня, тогда я, можетъ быть, успѣю предупредить безразсудныя и глупыя выходки, которыхъ опасался со стороны этого молодого человѣка. Разумѣется, тѣмъ не менѣе, почтенный мой благодѣтель, меня никогда не заставятъ посвятить его въ тайну дѣлъ.

Нечего, безъ сомнѣнія, возражать на причины, по которымъ необходимо возвращеніе г. Кутузова; но я всегда буду сожалѣть, что болѣзнь короля лишила меня средствъ воспользоваться удачнымъ приѣмомъ этого генерала при берлинскомъ дворѣ.

Къ несчастію, положительно извѣстно, что территоріальная цѣлость Германской имперіи не можетъ быть болѣе сохранена. По этой

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 338—373; т. X, стр. 71—85; 321—336.

причинѣ и представленія, которныя я имѣлъ смѣлость сообщить вамъ отъ 19-го февраля, къ этой цѣли не были направлены. Я желалъ знать основы соглашенія, въ которое желали войти съ нашими союзниками, для спасенія той части Германіи, которой политическое существованіе виситъ на нитѣхъ. Мнѣ было необходимо знать, измѣрили вы ту бездну, которая должна поглотить всѣ троны? Взираетъ-ли императоръ спокойнымъ окомъ на близкое распаденіе государствъ, еще отдѣляющихъ насъ отъ революціонной заразы? Вѣритъ-ли онъ, что, сохраняя страдательную роль, можетъ отвратить грозу? Помышляетъ-ли онъ о плачевныхъ и неисчислимыхъ послѣдствіяхъ паденія общественнаго зданія Германіи? Сознаетъ-ли онъ силы, Провидѣніемъ вѣренныя его рукамъ, и измѣрилъ-ли онъ время, остающееся ему на дѣйствіе этими силами? Вы отвѣчаете, что цѣль нашихъ дѣйствій должна состоять единственно въ томъ, чтобы удержать французовъ за Рейномъ и чтобы эта топографическая граница въ тоже время служила преградой ихъ нравственному могуществу и распространенію ихъ разрушительныхъ правилъ. Однако, горькій опытъ слишкомъ хорошо доказалъ, что всѣ естественныя стихіи — препоны ненадежныя. Вы хотите спасти правый берегъ и покуда размышляете о томъ, тамъ уже всходятъ ростки развращенія. Потеря каждаго дня на совѣщанія — новый триумфъ для якобинцевъ; съ каждымъ днемъ увеличиваются ихъ могущество, дерзость и средства ихъ приверженцевъ. Прежде, нежели понудительныя мѣры окажутъ свое дѣйствіе, вы увидите, какъ народятся новыя республики и осуществится планъ, задуманный Директоріей: оградиться отъ монархій за валомъ демократическихъ штатовъ, подобно итальянскимъ и швейцарскимъ. Дознано, что уже давно трудятся надъ осуществленіемъ этого громаднаго плана, и революціонное бѣшенство уже привито жителямъ праваго берега Рейна. Размыслите, если возможно, хладнокровно, о приближающемся безотрадномъ будущемъ и рѣшите сами, можно-ли терять и единую минуту, когда идетъ рѣчь о спасеніи общественнаго блага. Высокій вашъ разумъ не могъ не сознавать столь великой опасности; вижу, что вы ее измѣрили вполне; но въ тоже время вижу, съ грустію, что дворъ нашъ не хочетъ стать во главѣ движенія, ограничиваясь слѣдовать за другими, и что, по вашимъ возрѣніямъ, отъ Берлина ждуть перваго толчка.

Разубѣдитесь, мой почтенный другъ, и возьмите на себя досто-славный трудъ объяснить дѣло нашему кабинету. Тщетно ожидаете вы отъ берлинскаго двора перваго шага къ предположенной цѣли. Никакой благородной мысли, никакого отважнаго рѣшенія никогда не изойдетъ изъ испорченной души Гаугвица и покуда этотъ ми-

нистръ сохранить свое вліяніе — не ждите отъ Пруссіи никакого предложенія, клонящагося къ новой системѣ. Пора мнѣ говорить безъ увертокъ; пора и вамъ обратить на то ваше вниманіе, что надежда, которую друзья праваго дѣла основывали на личномъ характерѣ молодаго короля, ослабѣваетъ съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе многочисленныхъ фактовъ, доказывающихъ его совершенную ничтожность. Онъ хочетъ быть твердымъ, прямымъ и правдивымъ. но другіе умѣютъ такъ хорошо злоупотреблять его неопытностью, что онъ и не замѣчаетъ, какъ его министерство слѣдуетъ стариннымъ заблужденіямъ, дѣлая видъ, будто оно ему повинуется. При перепискѣ съ иностранными дворами, вотъ что дѣлаетъ Гаугвицъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ дѣлаетъ докладъ королю, говоритъ о дѣлѣ на нѣмецкомъ языкѣ; въ глазахъ короля дѣлаетъ помятку о положенной имъ резолюціи; затѣмъ, велитъ написать депешу по-французски, искажая, обезображивая предписанный ему текстъ запутанными, двусмысленными фразами и совершенно произвольными вставками. Король, знакомый съ французскимъ языкомъ поверхностно и имѣющій къ нему великое отвращеніе, принимаетъ одно слово за другое, путается въ чтеніи; одобряетъ и подписываетъ противное тому, что желалъ выразить. Такъ нарушены были его правила въ послѣднихъ сношеніяхъ съ вѣнскимъ дворомъ. Король искренно желаетъ быть съ нимъ въ добромъ согласіи; того не хочетъ его министръ. Ему удалось въ примирительные переговоры выпустить новую завяску жолчи и недовѣрія. Достаточно прочесть депешу, отъ 4-го февраля, адресованную графу Келлеру, чтобы убѣдиться въ истиннѣ моихъ словъ. Для пущей очевидности, я приказалъ переписать ее въ два столбца, въ томъ видѣ, въ какомъ она сообщена нашему двору, и въ экстрактѣ, переданномъ барону Тугуту. Ссылаюсь на нее, препровождая ее, за моею печатью, его величеству Государю Императору.

Каковъ былъ послѣдній результатъ всего, что я вамъ сообщилъ, милый кузень? Дѣло въ томъ, что зло, которое вы хотите предупредить, скоро будетъ непоправимо, и что предполагаемое соглашеніе не состоится, если мы не сдѣлаемъ перваго шагу. Какъ только вы дадите свободу дворамъ — вѣнскому и берлинскому — увеличивать свои владѣнія въ Германіи, ваша декларация о нынѣшнихъ дѣлахъ не можетъ быть принята иначе, какъ съ довѣріемъ и поспѣшностью. Останется только согласиться о мѣрахъ къ упроченію неприкосновенности владѣній обѣихъ державъ и предохранить ихъ отъ революціонной заразы, принявъ внушительный видъ, давая понять республиканцамъ, что они найдутъ конецъ своимъ разбоямъ. Это интересъ всеобщій; съ нашей стороны очищенный отъ всякаго пристрастія, онъ не можетъ не быть

понять нашими союзниками. Но опять стою на своемъ: если первый шагъ будетъ сдѣланъ не нашимъ кабинетомъ, тогда весь планъ превратится въ мечту неосуществимую, и вы услышите, какъ пробьетъ часъ, когда его исполненіе будетъ немислимо.

Мое сегодняшнее секретное донесеніе служитъ вамъ очевиднымъ доказательствомъ, что Россія стоитъ на спискѣ отчужденія, подобно и всѣмъ прочимъ державамъ. Знаю, хотя вы мнѣ о томъ и ничего не сообщали, что въ Литвѣ открыто новое гнѣздо возстанія.¹⁾ Боже великій! Что же вы ждете для принятія мѣръ къ оборонѣ?..

Кавалеръ Витвортъ увѣдомляетъ свой дворъ, что императоръ поручаетъ начальство надъ пограничною арміею фельдмаршалу Суворову. Эта новость, если смѣю ей вѣрить, воскрешаетъ мои надежды; но вы не говорите мнѣ о его возвращеніи на службу. Не откажите мнѣ въ удовольствіи порадоваться, вмѣстѣ съ вами, мѣрѣ, столь разумной, если она дѣйствительно принята.

Я дописалъ до сихъ поръ, милый кузень, и эта часть моего письма уже была перебѣлена, какъ мною были получены, одна за другою, вашѣ депеши отъ 12-го (23), за №№ 1 и 2, и отъ 16-го (27) февраля. Хотя я и усталъ отъ девятичасовой, почти непрерывной, работы, но не отпущу курьера, не давъ отвѣта на главные пункты. Это—слабѣйшій знакъ моей вамъ благодарности за многочисленныя доказательства благосклоннаго вниманія, которымъ вы удостоиваете мою переписку, и свидѣтельство того, что для меня отраднѣйшее развлеченіе — откровенно довѣрять вамъ мои современнѣйшія мечты и каждое движеніе души моей.

Подчиняюсь тому порядку, которому вы слѣдовали въ вашихъ письмахъ.

Несогласіе на средство, предложенное мною, въ моемъ донесеніи за № 43, для нападенія на г. Гаугвица, доставило мнѣ болѣе удовольствія, нежели доставило бы согласіе. Признаю, безъ всякой досады, справедливость возраженій противъ проекта и о немъ не будетъ болѣе помину.

Переимѣна назначенія г. Неплюева—новость, весьма пріятная, и я чувствительно вамъ обязанъ за внимательность, съ которою вы мнѣ о томъ сообщили.

Ошибка при дешифровкѣ моей депеши за № 79, заставила бы меня смѣяться отъ всего сердца, если бы не имѣла такихъ важныхъ послѣдствій и если бы я могъ не вѣдать о крайней неблагоклонности г. канцлера, выказанной имъ ко мнѣ при семъ случаѣ; ибо могъ-ли я думать, чтобы, безъ умысла повредить мнѣ, умный человекъ могъ

¹⁾ Сравни П. С. З., 18, 248, и «Морошенинъ», I, 301.

такъ нелѣпо истолковать себѣ фразу, какой я никогда не могъ написать въ томъ смыслѣ, который ей придалъ вашъ несвѣдущій дешифровщикъ? Кажется достаточно знать мой характеръ и слогъ, чтобы угадать ошибку, вами, наконецъ, найденную. Каково бы ни было невыгодное мнѣніе, сложившееся у меня о прусскомъ королѣ, или о какомъ-нибудь другомъ государѣ, я себѣ никогда не дозволю подобнаго выраженія; я счелъ бы для себя униженіемъ, употребляя гнусную поговорку республиканскихъ писакъ. Разъ навсегда протестую противъ всѣхъ недогадокъ, могущихъ вполнѣдствіи случиться съ моими шифрованными депешами, особенно противъ мыслей, которыя мнѣ вздумаютъ приписывать, стараясь отгадать то, чего не умѣютъ понять. Этотъ случай, впрочемъ, можетъ встрѣтиться еще не одинъ разъ. потому что ничего нѣтъ легче, какъ ошибиться въ шифрованномъ письмѣ. Въ новомъ моемъ шифрантѣ я отдѣляю слова: король и республиканецъ (которыя, согласитесь сами, никогда и не могутъ быть совмѣстны) и какъ только окончу эту работу, уведомлю канцелярію князя и вашу, указывая для этихъ словъ новыя мѣста. Вотъ фраза, которая безвинно произвела всю эту суматоху: „Впрочемъ, всѣ замѣчанія на данныя мнѣ имѣ увѣренія кажутся мнѣ бесполезными послѣ донесеній, которыя я имѣлъ честь повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества, отъ 13, 15 и 16-го чиселъ сего мѣсяца. Вы прочтаете въ гнусной душѣ республиканца и достойно оцѣните причины его мнимой умѣренности“.

Не могу окончить этой статьи, не исполнивъ долга, дражайшаго моему сердцу, прося васъ принять дань нѣжнѣйшей моей признательности за ваши старанія оправдать меня вашими разумными доводами. Вышеприведенная выписка изъ подлинника докажетъ вамъ, на сколько они были основательны. Вѣрно, что я самъ не могъ бы лучше защищаться. Но... г. канцлеръ! Что же я ему сдѣлалъ, чтобы заслужить это неслыханное гоненіе? А г. Чернышъ! Что вы скажете о его низкомъ лицемѣрїи? Вѣднѣй человѣкъ! У него, должно быть, очень слабое зрѣніе, если, послѣ трехъ прїемовъ, онъ не видалъ настоящаго слова рядомъ съ тѣмъ, которое мнѣ такъ легко приписали.

2-го (13) марта.

№ 53. Изъ моихъ сегодняшнихъ официальныхъ депешъ, ваше превосходительство изволите усмотрѣть, что я не могу дать себѣ отчета о мнѣніи короля, на счетъ проекта вѣнскаго кабинета обратиться къ помощи и августѣйшему посредничеству его императорскаго величества. Принцъ Рейссъ еще не имѣлъ времени вручить письмо, содержащее это предложеніе. Покуда считаю долгомъ изло-

жить вамъ мои предположенія о послѣдствіяхъ сего дѣйствія. Личное мнѣніе короля, я думаю, весьма легко можно будетъ примирить съ желаніями вѣнскаго кабинета. Г. Гаугвицъ съ безпокойствомъ посмотреть на ихъ исполненіе, но противъ посредничества нашего двора высказаться не осмѣлится. Онъ будетъ только стараться ослабить его вліяніе, и съ этой цѣлью, какъ мнѣ думается, предпочтетъ перенести переговоры въ Вѣну, гдѣ ему будетъ удобнѣе тянуть ихъ, ограничивая власть прусскихъ полномочныхъ, чтобы попрепятствовать министрамъ нашего, и вѣнскаго дворовъ сноситься непосредственно съ королемъ; чтобы повелѣніямъ этого государя придать совершенно произвольное истолкованіе въ своей перепискѣ съ посланникомъ, которому вѣрены будутъ интересы Пруссіи; — однимъ словомъ, чтобы каверничать безъ всякаго стѣсненія. Такъ какъ легко можетъ случиться, что съ перваго шагу возникнутъ споры, вмѣсто конференцій, и заинтересованныя стороны обратятся къ посредничеству нашего августѣйшаго монарха, то я и поставляю себѣ долгомъ представить эти соображенія на благоразумное усмотрѣніе ваше, не рѣшаясь довѣрить ихъ моимъ официальнымъ депешамъ, какъ предметъ, до министерства моего не относящійся. Во всякомъ случаѣ, если ваше сіятельство признаете полезнымъ обратить на нихъ вниманіе императора, то я попрошу васъ представить ихъ на благоусмотрѣніе его величества.

Р. S. къ № 53 (конфиденціально и секретно, на отдѣльномъ листѣ). Охотники находить дурное во всемъ, скажутъ, можетъ быть, почтенный другъ мой, что воззрѣнія, наложенныя въ этомъ письмѣ, внушены своекорыстными цѣлями; что я хочу втереться въ переговоры и т. д. Отвѣчаю: да и нѣтъ. Мнѣ сдѣлали бы жестокую несправедливость, если бы вообразили, что я пожертвую пользами службы моему честолюбію. Это не препятствуетъ мнѣ сознаться, какъ лестно было бы мнѣ, еслибъ меня почтили подобнаго рода порученіемъ. Скажу болѣе: если взаимныя выгоды дозволяютъ, я ожидаю отъ дружбы вашей, что вы не позволите мнѣ упустить столь прекрасный случай. Всегда спокойный тогда, когда мои интересы въ вашихъ рукахъ, мой почтенный благодѣтель, прибавлю къ сему только просьбу — увѣдомить меня о томъ, что сдѣлаете вы съ этой депешей и цѣлую васъ отъ всего моего сердца.

Князь А. В. Куракинъ — гр. Н. П. Панину.

5-го марта 1798 г.

(Шифромъ, по-русски). Новая инструкция, вамъ предназначаемыя о коихъ я васъ нѣсколько разъ предварялъ и коихъ вы столь не-

терпѣливо ждете, не только не написаны и скоро къ вамъ не отправятся, но отстрочены до другихъ и къ тому удобнѣйшихъ обстоятельствъ, нежели настоящія. Вы сами знаете и видите, что вѣнскій и берлинскій дворы, не чувствуя собственной своей пользы, до сего совершенно отдалены отъ всякой между собою искренности, отъ всякаго истиннаго и взаимнаго желанія всѣ свои виды и подвиги направлять къ единому противоборству общаго всѣхъ правительствъ врага. Изъ сего выходитъ, что мы ни съ однимъ, ни съ другимъ изъ оныхъ въ тѣсную связь входить не можемъ и, по уваженію мѣстнаго положенія и собственнаго великаго могущества нашей имперіи, желаемъ мы токмо оныя съ огражденіемъ нашего спокойствія сохранить, въ чужія крамолы и коварства не вмѣшиваться, въ оныя, вопреки принятаго нами кореннаго миролюбиваго правила, втащенными не быть, и чтобы дружба и доброжелательства наши были одинакими предметами желаній и исканій всѣхъ державъ. Вы извѣстны о великой настоятельности предложеній лондонскаго кабинета, съ послѣднимъ отъ него курьеромъ намъ сдѣланныхъ; но до сего, по прошествіи болѣе мѣсяца, г. Витворту не токмо имъ желательнаго, но и никакого отвѣта еще не дано, и если онъ о полученіи онаго повторять будетъ, то положено тогда отвѣчать въ однихъ общихъ выраженіяхъ, съ отношеніемъ на прежде данный ему отъ насъ отзывъ. Сіе сказываю я, чтобы тѣмъ живѣе начертать вамъ картину того положенія, въ которомъ мы, не бывъ ничѣмъ колеблемы, быть и оставаться хотимъ. Впрочемъ, то, что вы сами до свѣдѣнія нашего доводите о подлой снисходительности берлинскаго двора противъ заносчивой Директоріи и о лживыхъ и безсовѣстныхъ дѣяніяхъ графа Гаугвица въ министерствѣ прусскомъ, знаменитый перевѣсъ дѣлающаго и во всякомъ случаѣ отъ лжи и обмановъ себя не удерживающаго, можетъ вамъ достаточно объяснить всѣ чувства, отъ того здѣсь рождавшіяся, и сколь мало мы на прусскую связь полагаться, или вяще, оной укрѣпленія желать можемъ, покуда король прусскій не рѣшится самъ къ миролюбивой и короткой системѣ нашей пристать, и повуда первымъ къ тому началомъ нами презрѣннаго и злобно противъ насъ расположеннаго министра своего не переимѣнитъ.

Собственное положеніе ваше, любезнѣйшій другъ, конечно, весьма тяжело и непріятно; никто болѣе меня того не знаетъ и не чувствуетъ, но я вызываю ваше благоразуміе, ваше усердіе къ службѣ Государа и отечества, вашу твердость. Оными ограждайте себя, оными руководствуйтесь, и съ одинавою благонамѣренностью, съ одинавою достохвальною въ трудахъ вашихъ неутомимостію, продолжайте, до воспослѣдованія каковой-либо переменъ (которой, между нами сказать,

скоро ожидать нельзя), всѣ ваши поступки на извѣстныхъ вамъ настоящихъ правилахъ нашего двора и на повелѣнiяхъ, на то въ вашихъ рукахъ уже находящихся, основывать. По всѣмъ искреннимъ и сердечнымъ моимъ къ вамъ чувствованiямъ, по всему праву оными и близкимъ родствомъ, между нами находящимся, мнѣ принадлежащему, прошу я васъ не унывать, въ прилежанiи и трудахъ вашихъ не ослабѣвать и, не позволяя себѣ мысли отъ службы отстать, собственную вашу славу въ попечительномъ сбереженiи достоинства, славы и интересовъ отечества искать.

Я васъ уже увѣдомилъ, что меня отъ моего званiя не увольняютъ, и что я въ ономъ, покоряясь вышней волѣ, остаюсь. Я надѣюсь, что вы не оставите замѣтить, что я мѣсто мое означаю не словомъ мѣста, но словомъ званiя.

Долгое пребыванiе въ Берлинѣ и невозвращенiе до сего сюда Михаила Ларионовича (Кутузова) здѣсь удивляетъ, и вы меня обяжете, сообщивъ мнѣ для свѣдѣнiя моего, что истинною тому причиною было.

Образу ношенiя генераломъ Клейстомъ ордена Александровскаго мнѣ дивиться не можно, потому что всякiй знакъ почести своего государя всегда предпочитаетъ. Однако, я увѣренъ, что онъ перемѣну въ ономъ учинить, какъ скоро вы сочтете нелишнимъ ему о томъ, какъ вы хотѣли, примѣтить.

Графъ Н. П. Панинъ — кн. А. В. Куракину.

8-го (19) марта.

(Конфиденциально и секретно. Собственноручное). № 55. Предметъ настоящей депеши, мой почтенный другъ, такого рода, что мнѣ необходимо приложить къ нему величайшую поспѣшность. Это само заставляетъ меня, къ сожалѣнiю, въ нѣсколько строкъ умѣстить мой отвѣтъ на ваши послѣднiя депеши отъ 16-го (27) февраля и 19-го февраля (2-го марта).

Съ грустью узнаю, что послѣднее, мною предложенное, средство—свергнуть Гаугвица и разоблачить его криводушiе, употреблено быть не можетъ. Такъ какъ заявленiя г. Гребена согласуются съ нами во всемъ, что касается до защиты сѣвера Германiи—всѣ предположенiя мои оказываются неосновательными и надобно будетъ прибѣгнуть къ инымъ способамъ. Простѣйшiй, какъ мнѣ кажется, состоялъ бы въ присылкѣ королю конфиденциальнаго письма, въ которомъ его императорское величество изложилъ бы причины справедливаго недовѣрiя къ этому министру, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженiяхъ, которыя были употреблены мною при составленiи де-

пеши, адресованной къ моему предшественнику, въ отвѣтъ на ту, которая была приложена къ договору 5-го августа 1796 года, и отдѣльныя статьи базельскаго мира. Впрочемъ, ограничиваюсь только намекомъ на эту мысль; не мнѣ судить—найдетъ-ли императоръ сходство между нынѣшними обстоятельствами и тѣми, которыя вызвали такую рѣзкую выходку противъ прусскаго министра. По крайней мѣрѣ кажется, что она произвела бы теперь болѣе рѣшительное дѣйствіе, нежели тогда.

Вы говорите справедливо, что для предложенія королю—приступить къ тройственному союзу, надобно подождать, какъ будутъ приняты въ Вѣнѣ послѣднія сообщенія берлинскаго двора. Теперь, какъ вамъ это уже извѣстно, не вижу, что можетъ удерживать васъ, и надѣюсь, что вы скоро сообщите мнѣ инструкціи, касающіяся столь спасительнаго дѣла.

Что скажу я вамъ, милый кузень, о разсужденіяхъ г. канцлера, которыми онъ хотѣлъ воздать хвалу безстрастію нашего двора и оправдать замедленіе инструкцій, которыя уже давно должны были быть у меня? Могу этимъ только огорчаться, и если бы я взялъ легкій трудъ—сдѣлать опроверженія, съ пера моего сорвались бы выраженія, несомнѣнныя съ почтеніемъ, которымъ обязанъ начальнику. По привычкѣ бесѣдовать съ вами, какъ съ духовникомъ, я весьма часто дѣлалъ эту ошибку, и, признаюсь вамъ, испугался, найдя въ послѣдней вашей депешѣ слѣдующія слова: читалъ вашу депешу № 47 канцлеру. Развѣ вы забыли, что въ ней была неумѣренная критика политическихъ операцій князя Безбородко? Или мой благодѣтель сдѣлался орудіемъ моей гибели, невольно возбуждая неблагоклонность, не нуждающуюся въ новой пищѣ, чтобы погубить меня? Бога ради, будьте осторожнѣе съ моими письмами и, умоляю васъ, берегите въ вашемъ бюро всѣ тѣ, на которыхъ помѣтки: конфиденціально и секретно.

Можно-ли хоть сколько-нибудь жалѣть о прекращеніи моихъ сношеній съ Кальяромъ? Допуская даже, что сожалѣнія эти основательны, что воображаетъ г. канцлеръ, выражая ихъ мнѣ? Перечтите мои рапорты и рѣшайте.

Вы желаете знать, милый кузень, причины, заставляющія меня свѣздить на воды въ Карлсбадъ? Во-первыхъ, слабость моего желудка, отъ которой много страдаю; а воды эти, по мнѣнію докторовъ, могутъ быть мнѣ весьма полезны; во-вторыхъ, берлинская скука и потребность немножко отдохнуть; наконецъ, пріятность насладиться вѣрлищемъ мѣстностей, менѣе угрюмыхъ, чѣмъ пески Пруссіи. Сегодня испрашиваю у канцлера дозволеніе отправиться въ это путеше-

ствіе. Можете быть увѣрены, что я не воспользуюсь имъ, если только дѣла потребуютъ моего здѣсь присутствія; прошу васъ передать это канцлеру.

Ожидаю отъ доброты вашей, милый кузень, что вы потрудитесь увѣдомить меня въ возможной сворости: кому будетъ поручено вести переговоры, въ которые, при нашемъ посредничествѣ, вступать Берлинъ и Вѣна? Я уже высказывалъ вамъ мои желанія на этотъ счетъ, и если онѣ исполнены, вы не будете томить меня ожиданіемъ необходимыхъ инструкцій и полномочій.

Князь А. Б. Куракинъ — гр. Н. П. Панину.

19-го марта 1798 г.

(Шифромъ, по-русски). По изъясненіи мною съ нимъ (съ Везбородко), по содержанію письма вашего къ нему, слѣшу вамъ сообщить, что извѣстіе о развратномъ образѣ мыслей де-Ла-Гарца, ¹⁾ бывшаго при воспитаніи государей великихъ князей, сюда дошло, а потому и пресѣченъ уже опредѣленный ему пенсіонъ.

Удивительно, что до сего берлинскій дворъ не дѣлаетъ еще намъ, одинаковаго съ вѣнскимъ, приглашенія о нашемъ между ними посредничествѣ. Всякая въ семъ случаѣ медленность не иное доказываетъ, какъ то, что правила Гаугвица преодолѣваютъ надъ истинною и существенною пользою самой Пруссіи.

Графъ Н. П. Панинъ — кн. А. Б. Куракину.

20-го (31) марта.

№ 56. Вы удивились, можетъ быть, почтенный другъ мой, не получивъ отъ меня ни строчки чрезъ курьера, котораго я сегодня утромъ послалъ въ Ригу? Я намѣревался написать вамъ, но я былъ грустенъ и унылъ: боялся сообщить вамъ мое мрачное настроеніе духа — и я бросилъ перо. Нужно-ли говорить вамъ, что доводитъ меня до этого состоянія? Возмутительное зрѣлище безнаказаннаго злодѣйства, опошленія и летаргическаго отупѣнія, которое постоянно передъ моими глазами — не недостаточная-ли причина, чтобы не распространяться объ ощущеніяхъ, лично мнѣ присущихъ? Можетъ-ли что быть мучительнѣе для общественнаго дѣятеля, когда уходятъ прахомъ всѣ его усилія на пользу общую, когда его предоставляютъ на произволъ судьбы въ ту минуту, когда болѣе, чѣмъ когда-либо, безкорыстное и неизмѣнное усердіе должно имѣть какую-нибудь цѣну? А для чело-

¹⁾ Род. 1739 † 1803 г. Былъ воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. См. о немъ «Русская Старина» 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 27, 103, 407; изд. второе, стр. 152.

вѣка чувствительнаго есть-ли что бѣдственнѣе, какъ быть предметомъ холоднѣйшаго равнодушія? Но, если я, можетъ быть, слишкомъ сильно чувствую пренебреженіе, въ которомъ нахожусь, тѣмъ для меня отраднѣе воздать должное тому, кто постоянно доказываетъ мнѣ свое участіе и нѣжнѣйшую заботливость. Въ этихъ чертахъ вамъ легко узнать себя, милый кузень, и не откажите мнѣ въ утѣшеніяхъ вашихъ. Которую почту я обманываюсь въ моихъ ожиданіяхъ; и письма, долженствовавшія придти вчера, еще не получены!

Получивъ мои депеши за №№ 91 и 92, надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что г. канцлеръ немножко затруднится придумать какой-нибудь новый предлогъ, чтобы, наконецъ, не прислать мнѣ инструкцій. Скажите, пожалуйста, что вы думаете о дѣлѣ, о которомъ я отдалъ отчетъ въ послѣднихъ донесеніяхъ? Министры имѣли любезность сообщить мнѣ, что король желаетъ, чтобы полномочія, весьма обширныя, даны были на мое имя.

20-го (31) марта.

(Конфиденціально и секретно). № 57. Не могу долѣе скрывать, почтенный мой другъ, тоски, которую причиняетъ мое теперешнее положеніе передъ Императоромъ. Вы лучше, нежели кто другой, знаете, заслуживаю-ли я его немилость, и вамъ не безъизвѣстно, что было причиною перемены его обхожденія со мною. Сильный споконсѣиемъ совѣсти и чистотою моихъ намѣреній, я покорился моему участи безропотно, безъ жалобы на моихъ родныхъ и на тѣхъ, которые имѣли законныя права на мою довѣренность. Ссылаюсь въ этомъ случаѣ на собственное ваше свидѣтельство. Но къ чему стану я скрываться? Меня поддерживала надежда, что мое усердіе по службѣ и старанія мои — заслужить одобреніе моего Государя въ моихъ общественныхъ дѣйствіяхъ — убѣдили бы его, наконецъ, и сокрушили бы возни лужавства и злодѣйства тѣхъ, которымъ удалось очернить меня въ его мнѣніи. Служба моя въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, коей вы были свидѣтелемъ, могла бы уже произвести эту перемену; я могъ на это надѣяться, потому что имѣлъ счастье снискать похвалы канцлера и ваши; потому также, что я завѣдывалъ почти всѣми дѣлами. Однако же, меня не удостоили ни единымъ ласковымъ словомъ или какимъ-нибудь изъявленіемъ благоволенія, ибо вы не можете считать за что-нибудь чинъ, полученный по старшинству среди наводненія милостей. Постъ непріятный, ниже моего мѣста, и многія несправедливости были плодами первыхъ трудовъ моихъ, въ то время, какъ милости и всякаго рода награды расточались въ изобилии окрестъ меня. Опять я покорился въ ожиданіи случаевъ, которые доставили бы мнѣ возможность непосредственно переписыв-

ваться съ его величествомъ, дабы онъ лучше узналъ меня. Вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ я въ Берлинѣ. Кажется, не хвастаясь, могу сказать, что не сижу здѣсь склавши руки. Судьба, которая, повидимому, сжалилась надо мною, неоднократно давала мнѣ случаи дѣйствовать по собственному побужденію, не только по приказанію, но и противъ приказаній Императора. Это кажущееся неповиновеніе было самымъ лучшимъ доказательствомъ моей преданности и моего усердія. Я думалъ, однако, что избытокъ твердости погубить меня; вышло иное: меня хвалили. Приятно изумленный, я тогда, болѣе чѣмъ когда-либо, долженъ былъ надѣяться на возвращеніе мнѣ милости и на какой-нибудь вещественный знакъ благосклонности. вмѣсто того, съ нѣкотораго времени присылаемые мнѣ рескрипты не содержатъ болѣе ни одного лестнаго или ободрительнаго слова. Французскій король, по собственному движенію сердца, безъ малѣйшаго вызова, просить Императора наградить меня за него; вы, можетъ быть, видѣли это письмо; король имѣлъ намѣреніе доставить мнѣ его копію. И что же? Чтò оказалось въ результатѣ? Мнѣ даже не связали спасибо за мои сношенія съ Людовикомъ XVIII. Благодаря моимъ тайнымъ агентамъ, я ежедневно доставляю драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія; одобрили-ли хоть, по крайней мѣрѣ, мои дѣйствія? Наконецъ, въ дѣлѣ объ акушерѣ, я — одинъ виновникъ всему не имѣлъ другой отрады, кромѣ полученія вѣжливаго письма отъ Императрицы. Она сочтется со мною, сказано въ письмѣ; гдѣ же и когда? этого я никогда не узнаю.

Признаюсь, эта послѣдняя обида была мнѣ чувствительнѣе прочихъ. Я рассчитывалъ на добрую Государыню; она всегда изъавляла мнѣ участіе. Я имѣлъ глупую гордость думать, что она не сочтетъ немѣстнымъ пожалованіе мнѣ своего портрета; милость эту можно заслужить, сопровождая ее въ путешествіи, или исправляя должность „дядьки“ при великомъ князѣ, подобно Загряжскому.

Чтò долженъ я заключить, милый кузень, сопоставляя эти факты? Что ненависть ко мнѣ все таже, что меня держатъ какъ порядочнаго репортера, газетчика, ибо министры не нужны при системѣ нашего кабинета, и что, наконецъ, шелуху выбросить за окно, выдавивъ изъ нея соевъ, покуда дѣла запутаны и трудны. Между тѣмъ, здоровье мое разстроивается, долги мои растутъ; изъ всей моей службы, я вынесу одно только безплодное уваженіе чужеземцевъ, разстройство состоянія и воспоминаціе о моихъ скорбяхъ. Не лучше-ли предупредить часть этихъ бѣдствій, выйдя въ отставку? Отъ вашей дружбы, милый кузень, ожидаю, что вы поможете мнѣ избрать самую разумную часть, или, утвердивъ меня въ томъ мнѣніи, что всѣ

труды мои были напрасны, или разубѣдивъ меня, если я заблуждался. Но чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли, надобно было бы привести мнѣ факты, или, по крайней мѣрѣ, подлинныя слова Императора, которыя доказали бы мнѣ, что онъ опять хорошаго обо мнѣ мнѣнія. Признаюсь, мнѣ было бы трудно повѣрить этому.

Эти сѣтованія уже слишкомъ продолжительны; не могу, однако, бросить перо, не попросивъ у васъ объяснить мнѣ одинъ довольно странный фактъ. Фельдъегерь, податель настоящей депеши, вручая мнѣ свои бумаги, поздравилъ меня съ орденомъ св. Александра Невскаго, который, будто бы, привезъ мнѣ. Когда я вскрылъ всѣ пакеты и онъ увидѣлъ свою ошибку, онъ все-таки настаивалъ, что г. Обресковъ увѣрялъ его, что онъ везетъ этотъ орденъ ко мнѣ. Не забудьте, сдѣлайте милость, сказать, что подало поводъ къ этой путаницѣ?

Еще убѣдительнѣйше прошу васъ—никому не показывать этого письма, даже князю Репнину, и отвѣчать мнѣ на него собственноручно съ первымъ курьеромъ. Если мнѣ поручены переговоры между здѣшнимъ и вѣнскимъ дворами, вамъ скоро представится къ тому случай, при пересылкѣ мнѣ полномочій. Если эта посылка замедлится, потрудитесь тогда отвѣчать мнѣ шифрантомъ и въ темныхъ выраженіяхъ.

20-го (31) марта.

№ 58. На послѣдней моей конференціи съ графомъ Гаугвицемъ, этотъ министръ, говоря мнѣ объ отношеніи, адресованномъ къ нашему двору, для испрошенія ходатайства Императора, увѣрялъ меня, что король у него просилъ въ знакъ дружбы избрать меня въ полномочные его императорскаго величества. Хотя весьма вѣроятно, что г. Гаугвицъ въ этотъ случаѣ, любезности ради, погрѣшилъ противъ истинны, я однако же не могу не попросить у васъ, милый кузенъ, подтвержденія этихъ словъ, и вы оказали бы мнѣ важную услугу, если бы довѣрили мнѣ копію съ письма, заключающаго эту просьбу. Надѣюсь, что въ тоже время вы удостоите меня увѣдомленіемъ, какъ она была принята.

Здѣсь, кажется, придають большое значеніе ускоренію хода переговоровъ и пламенно желаютъ быстрой присылки полномочій отъ нашего двора, безъ которыхъ вѣнскій дворъ несомнѣнно откажется открыть конференцію. Мнѣ кажется, что это обстоятельство не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что предстоящее путешествіе прусскаго короля, принеся новыя затрудненія, дастъ время Франціи проникнуть его цѣль и противопоставить, можетъ быть, непреодолимыя препятствія къ счастливому исходу, котораго можно ожидать отъ союза трехъ дворовъ. Г. Гаугвицъ надѣется, что пере-

говору будутъ окончены до отъѣзда короля, и я раздѣляю его мнѣніе, если, впрочемъ, вы поспѣшите удовлетворить желаніе нашихъ союзниковъ.

Сообщу вамъ, почтенный мой другъ, одно только замѣчаніе о моей секретной реляціи его императорскому величеству отъ сего числа. Если рѣшатся взяться за нить первыхъ моихъ объясненій съ Кальяромъ, несмотря на важныя причины въ несогласію, было бы, я думаю, легче, при теперешнихъ обстоятельствахъ, согласить Директорію къ нашему посредничеству въ пользу Германской имперіи. Рѣшаюсь высказать эту мысль только на случай, къ несчастію, весьма возможный, если не удастся отстранить Францію отъ дальнѣйшихъ переговоровъ, которые рѣшатъ судьбу Германіи. Нельзя не опасаться, чтобы французы, располагая огромными силами на правомъ берегу (Рейна), не вздумали настаивать на своихъ правахъ—вести тамъ свои законы.

23-го марта (3-го апрѣля)

(Шифромъ). № 60. Изъ официального моего рапорта, за № 96, вы увидите, милый кузень, что у вѣнскаго двора самыя чистыя и безкорыстныя намѣренія. Послѣ его позорныхъ сдѣлокъ съ Франціей, этому, я думаю, позволительно удивляться. Дѣйствительно, какъ я могу согласить послѣднюю декларацію, сдѣланную на конгрессѣ, съ тайными согласіями мира Кампо-Форміо? Не дали-ли вамъ ключа къ этой загадкѣ? Баронъ Тугутъ, нѣсколько времени тому назадъ, поручилъ принцу Рейссъ сказать мнѣ, что его дворъ ни въ какія соглашенія съ французами не вступалъ безъ вѣдома нашего двора. Изъ этого я долженъ заключить, что, если дѣло идетъ о новомъ расширеніи границъ въ Италіи, вмѣсто вознагражденія, исторгнутаго у имперіи,—подобное распоряженіе должно быть вамъ извѣстно, и я надѣюсь, что вы удостоите сообщить мнѣ о немъ. Вы замѣтите еще, что затрудненія, изыскиваемая въ Вѣнѣ, ко всякаго рода вознагражденію принца Оранскаго, явно противорѣчатъ первой секретной статьѣ. Вообще, умоляю васъ сообразить, какъ было бы полезно въ обстоятельствахъ, въ которыхъ я нахожусь, особенно если мнѣ препоручатъ вести предстоящіе переговоры,—какъ, говорю я, было бы важно для меня знать вполнѣ о сдѣлкахъ Австріи съ французскимъ правительствомъ и о вашей корреспонденціи въ Вѣнѣ. Посланникъ доставляетъ мнѣ свѣдѣнія неясныя и неполныя.

(Буквами, по-русски). „Напримѣръ, нынѣ слухъ носится, что въ австрійскихъ владѣніяхъ чинятся большія военныя приготовленія; полагаютъ, что оныя противъ Франціи, а причину находятъ въ опасности, угрожающей неаполитанскому двору. Гр. Разумовскій

о сихъ обстоятельствахъ меня не увѣдомляетъ, а австрійскій посланникъ, который, впрочемъ, весьма откровененъ, не можетъ мнѣ подать никакого объясненія, потому что самъ весьма недостаточныя извѣстія получаетъ изъ своего отечества“.

(Шифромъ). Давно, милый кузень, я желалъ предъявить вамъ мои права, которыя даетъ мнѣ мое мѣсто въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ; я хочу сказать—о правѣ читать всѣ депеши приказовъ и циркуляромъ доставлять въ пакетахъ, адресуемыхъ на мое имя, депеши, пересылаемыя черезъ Берлинъ. Вы сами изъ того извлечете двойную пользу: 1) пересылая ихъ часто съ вашими курьерами и 2) дѣлая мою корреспонденцію полезною, такъ какъ наши комбинаціи будутъ вѣрнѣе. Имѣя покуда только шифранты:

(Буквами, по-русски). „Копенгагенской и Лондонской миссіи, если вы къ онымъ прибавите Франкфуртской, Гамбургской, Штутгардтской и Дрезденской, то сіе распоряженіе не встрѣтитъ никакого затрудненія. По довѣренности, мнѣ оказываемой гр. Воронцовымъ, я увѣренъ, что онъ охотно на оное согласится“.

(Шифромъ). Не думаю, чтобы князь Безбородко нашелъ эту просьбу несправедливою. Отказать мнѣ въ ней, будетъ значить, что онъ болѣе не считаетъ меня членомъ коллегіи, и это заставитъ меня, можетъ быть, обратиться прямо къ Императору, какъ то было, когда мнѣ нуженъ былъ курьеръ. Вы знаете, что рѣшеніе его императорскаго величества соотвѣтствуетъ моимъ ожиданіямъ. Признаюсь, однако, что не желалъ бы имѣть столкновенія съ канцлеромъ и мнѣ было бы пріятнѣе получить желаемое чрезъ ваше ходатайство. Удостоивая меня таковымъ, напомните ему, умоляю васъ, о разныхъ конфиденціальныхъ сообщеніяхъ, которыя онъ изволилъ мнѣ дѣлать, со времени нахождения моего на теперешнемъ постѣ, посылая мнѣ копии съ высочайшихъ приказовъ въ Вѣну и въ Лондонъ, единственно для моего свѣдѣнія. Если вы скажете ему, что этимъ способомъ я надѣюсь получить разрѣшеніе на просьбу, сообщаемую сегодня, то я надѣюсь, что его свѣтлость безъ труда согласится.

Князь А. В. Куракинъ — гр. Н. П. Панину.

24-го марта (4-го апрѣля).

(Шифромъ). Канцлеръ увѣдомилъ меня вчера, что его величество Государь Императоръ уже соизволилъ—безъ малѣйшаго затрудненія и лишь только узналъ о желаніи вашемъ—на вашу поѣздку къ Карлсбадскимъ водамъ, на время, вами назначенное, но прибавилъ къ этому приказъ, чтобы вы и оттуда продолжали сообщать ему ваши донесенія обо всемъ, что узнаете заслуживающаго быть доведеннымъ

до его свѣдѣнія. Я увѣренъ, что канцлеръ не замедлитъ увѣдомить васъ о томъ официально, точно такъ же, какъ не замедлитъ исполнить желаніе ваше. Что касается до меня, я не только не отвѣрываю васъ отъ вашей мысли — поразсѣяться нѣсколько недѣль, а ей радуюсь. Я первый чувствую и сознаю съ вами вмѣстѣ, что вамъ необходимъ нѣкоторый отдыхъ, для освѣженія головы и вашихъ силъ, среди трудовъ, которыми вы неутомимо заняты по вашей теперешней службѣ, особенно же среди затрудненій, ниспосылаемыхъ вамъ судьбою, при осуществленіи мыслей самыхъ простыхъ, при самыхъ свѣтлыхъ свѣдѣніяхъ. Обстоятельства, безъ сомнѣнія, болѣе выяснятся, покуда вы потѣшите ваше зрѣніе прелестными мѣстностями Саксоніи, чрезъ которыя вамъ будетъ лежать путь, и прекрасными видами горъ Богемскихъ — и тогда, по возвращеніи въ Берлинъ, вы будете имѣть возможность вновь дать просторъ дарованіямъ вашимъ и, можетъ быть, лучше успѣете установить совершенное согласіе съ одной стороны, и столь насущныя, предохранительныя мѣры — съ другой; чего мы оба съ вами такъ желаемъ.

Намъ весьма пріятно знать, что берлинскій дворъ вскорѣ намѣревается просить его величество Императора принять на себя посредничество, уже предложенное ему вѣнскимъ дворомъ, для установленія соединенія ихъ въ нынѣшнее критическое время, и правильно распредѣлить обоюдныя ихъ притязанія на вознагражденія, которыхъ они домогаются, въ ущербъ конституціи и территоріи германскихъ. Намъ было бы пріятнѣе, если бы предложеніе, о которомъ вы увѣдомляете, было бы уже сдѣлано. Его примутъ весьма охотно. Его императорское величество отвѣчалъ, собственноручнымъ письмомъ, императору римскому, что онъ согласенъ на его просьбу и поспѣшитъ способствовать всему, что можетъ дать Европѣ и сохранить въ ней всеобщій миръ, и что для обнаруженія, касательно этого вопроса, своихъ желаній и намѣреній, онъ ожидаетъ только со стороны короля прусскаго сообщеній по этому же предмету.

Свяжу вамъ, милый кузень, подъ величайшимъ секретомъ, что избрали князя Репнина для веденія этихъ важныхъ переговоровъ, такъ какъ онъ трудился при заключеніи Тешенскаго мира, и имя его извѣстно повсюду и уважаемо за различныя дипломатическія и военныя должности князя, за его долговременныя, блестящія заслуги. Имѣю причины думать, что вы будете назначены состоять при немъ въ качествѣ втораго полномочнаго, а любя васъ такъ, какъ я люблю, смѣю надѣяться, что въ этомъ случаѣ вы будете повиноваться единственно только чувствамъ, которыя внушитъ вамъ усердіе ко благу вашего отечества и ко благу общему.

Мѣстомъ для переговоровъ изберуть Берлинъ, какъ центръ дворовъ, которые должны собраться для соглашеній между собою. Этому рѣшенію способствовали и другія соображенія: лукавство и зложелательство графа Гаугвица должны быть укрошены и разоблачены, а князь Репнинъ, находясь въ Берлинѣ, при содѣйствіи вашей дѣятельности и вашихъ свѣдѣній, будетъ имѣть возможность близко слѣдить за нимъ; объяснить королю вѣроломное поведеніе этого министра, возбуждающее всеобщее недовѣріе всѣхъ дворовъ; говорить съ молодымъ государемъ съ тѣмъ прямодушіемъ, съ которымъ тотъ уже высказался противъ опасной и разрушительной системы новыхъ республиканцевъ; указать на благія мѣропріятія къ защитѣ и охраненію государствъ; потушить, можетъ быть, вражду давней ненависти и зависти, постоянно глѣбующуюся между берлинскимъ и вѣнскимъ кабинетами.

Князь Репнинъ отправится въ непродолжительномъ времени, тотчасъ по полученіи нами приглашенія, ожидаемаго отъ короля прусскаго. Князь долженъ постараться застать его еще въ Кёнигсбергѣ, а оттуда сопутствовать ему въ Варшаву и въ Силезію. При обширнѣйшихъ полномочіяхъ, онъ не будетъ облеченъ ни въ какое официальное званіе. Отъѣздъ его отсюда будетъ оправданъ частными его дѣлами. Желаютъ—и самая польза дѣла того требуетъ—чтобы о переговорахъ, веденіе которыхъ препоручено князю, знали только заинтересованныя стороны; для прочихъ же государствъ Европы, они должны быть тайною.

Главнѣйшею заботою князя должно быть примиреніе интересовъ и заявленій Австріи и Пруссіи, о ихъ обоюдныхъ вознагражденіяхъ въ Германіи; но затѣмъ, онъ долженъ будетъ предложить тотъ великій союзъ, который воздвигнетъ оплотъ противъ хищническихъ покушеній французовъ. Мы увѣрены въ Англіи и въ Даніи; можемъ поручиться за ихъ расположеніе и готовность, съ которыми онѣ приступятъ къ симъ мѣропріятіямъ. Нельзя предполагать, чтобы Австрія и Пруссія не понимали, что онѣ первыя подвергаются всеобщей опасности, и вслѣдствіе этого, чтобы онѣ отказались отъ средствъ предохранительныхъ. Этотъ четверной союзъ усилится и упрочится приобщеніемъ къ нему Швеціи. Тогда—въ особенноти мы—не опасаясь болѣе, чтобы она могла подпасть подъ зависимость Директоріи, не опасаясь болѣе нападений съ ея стороны, можно будетъ направить все наше вниманіе и наши силы неуклонно къ великой и единой цѣли, къ которой теперь должны стремиться.

Вслѣдствіе неограниченнаго моего къ вамъ довѣрія и удовольствія доказывать вамъ это на дѣлѣ, не могу также скрыть отъ васъ—

но умоляю не дѣлать изъ того никакого примѣненія — что первой мыслию его императорскаго величества было — сосредоточить всѣ переговоры здѣсь, подъ личнымъ его наблюденіемъ. Онъ уже намѣревался первыми полномочными назначить князей Репнина и Безбородко. Но послѣдній, находя, что его канцлерское достоинство не дозволить ему быть вторымъ лицомъ въ дипломатическихъ переговорахъ, предъявилъ, по этому поводу, весьма сильныя возраженія — не самъ лично, но черезъ другихъ; при этомъ указалъ на всѣ удобства въ данномъ случаѣ, представляемія Берлиномъ; напомнилъ, что князь Репнинъ уже былъ назначенъ, годъ тому назадъ, на подобную должность, но не исправлялъ ея вслѣдствіе неожиданнаго подписанія предварительныхъ статей Леобенскаго мира, и его императорское величество, принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, распустилъ за благо отмѣнить первое свое рѣшеніе. По моему личному убѣжденію скажу, что мѣстоположеніе Петербурга могло затруднить переговоры, требующіе быстро и вѣрнаго успѣха; мѣстоположеніе Берлина тому гораздо благоприятнѣе, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, съ чѣмъ, я думаю, и вы согласитесь.

Несмотря на доброе согласіе и любезное обхожденіе, постоянно существующія между канцлеромъ и мною, не могу не сознаться, что мы съ нимъ расходимся во взглядахъ на текущія событія и въ мнѣніяхъ о нихъ; не могу я усвоить его образа мыслей о томъ, что мы дѣлаемъ и что еще должны дѣлать. На его сторонѣ удача; его опытность, большой и долговременный навыкъ, единственный и рѣдкій его талантъ не придерживаться ни одной собственной мысли и ни къ одной изъ нихъ не привязываться, — все это въ совокупности придаетъ вѣсъ его предложеніямъ; онѣ нравятся и всегда принимаются. Несмотря на разность нашихъ мнѣній о нашей системѣ и политической дѣятельности, я его люблю, какъ свѣтскаго человѣка, и могу его только хвалить столько-же, сколько и онъ меня за оказываемыя ему мною уваженіе и внимательность.

Напрасно вы, милый кузень, опасаетесь, будто я небрежно отношусь къ довѣрію вашему и могу окомпрометировать васъ передъ канцлеромъ. Еще того напраснѣе укоряете меня, что я читалъ ему вашу депешу за № 47. Сказавъ вамъ, что я самъ ее читалъ, я думалъ, что тѣмъ достаточно далъ вамъ понять, что я умѣлъ пропустить или замѣнить другими словами рѣзкія выраженія, лично до него касающіяся. Впрочемъ, эта депеша, подобно всѣмъ, выходящимъ изъ подъ вашего пера, была такъ хорошо написана; вы вложили въ нее столько огня и убѣдительнои энергіи, что я не могъ лучше передать ея содержанія, какъ употребляя подлинныя ваши же выраженія.

Ваши депеши съ помѣтками: конфиденціально и секретно, читаются и сохраняются только мною.

Сознаюсь вамъ, что ея величество Императрица часто посвящается въ ваши тайны; но она къ вамъ такъ милостива, а я такъ увѣренъ въ ея скромности и благосклонности ко мнѣ, что за это вы на меня не извольте досадовать. Я услуживаю вамъ, вѣряя ей ваши интересы и знакомя ее подробнѣе съ вашими способностями и дарованиями.

Вы читали, въ свое время, что я думалъ о переговорахъ, вами начатыхъ съ Кальяромъ. Съ тѣхъ поръ я не могъ измѣниться. Однако, канцлеръ, несколько не обвиня васъ, часто говорилъ мнѣ, сожалѣя о томъ, что они не были доведены до конца и были прерваны. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я съ нимъ не одинаковаго мнѣнія.

Графъ Н. П. Панинъ — къ А. В. Буракину.

27-го марта (7-го апрѣля).

№ 61. Ничто не могло такъ сильно порадовать меня, какъ ваше письмо отъ 15-го (26) сего мѣсяца, и невозможно было въ столь немногихъ словахъ выразить такъ много лестнаго, сообщить мнѣ болѣе приятныхъ новостей и любопытныхъ свѣдѣній, сколько оно въ себѣ заключало. Это письмо я имѣлъ счастье получить вчера утромъ. Я нахожусь еще подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня чтеніемъ разныхъ депешъ: голова такъ занята, сердце такъ полно, что, принимаясь за перо, я еще сомнѣваюсь—въ состояніи-ли буду бесѣдовать съ вами о чемъ-нибудь другомъ, вромѣ моей признательности и смущенія. Если быстрота, съ которой мнѣ отвѣчали, и почетъ, который оказали моимъ представленіямъ, усугубляютъ мое усердіе, я нахожу не менѣе лестное ободреніе въ тождествѣ нашихъ чувствъ и нашихъ правилъ. Признаюсь, я не ожидалъ, чтобы моя конфиденціальная депеша, № 52, имѣла такой успѣхъ, и изумленіе мое было совершенно.

(Шифромъ). Поговоримъ теперь о данныхъ мнѣ приказаніяхъ. Первая часть бесполезна, такъ какъ король уже просилъ, если не о посредничествѣ нашемъ, то хоть о ходатайствѣ (ибо надобно быть точнымъ, а письма я не читалъ). Изъ моей депеши отъ 20-го числа, № 95, вы видѣли, что я имѣлъ счастье предупредить повелѣнія его императорскаго величества, настаивая на сообщеніи плана берлинскаго кабинета, касательно правъ и притязаній, которыя онъ предъявилъ на вознагражденіе за его потери. Немногими словами выражая сущность рескрипта 16-го марта и моей корреспонденціи, уви-

дмъ, что первый пунктъ есть, такъ сказать, единственный, исполненіе котораго вы должны ожидать отъ меня. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и самый важный и именно, сознавая все его значеніе, я еще колеблюсь въ выборѣ средствъ, ручающихся за его успѣхъ, устраненіемъ зложелательства и ослабленіемъ усилій, которыя будутъ дѣланы для препятствія этому желанному союзу. Не могу еще куда ничего сказать вамъ—какъ буду дѣйствовать. Этотъ предметъ требуетъ зрѣлаго обсужденія. Вотъ, однако, мои мысли и сомнѣнія, и я оставляю за собою вскорѣ увѣдомить васъ, вслѣдствіе какого рѣшенія одиѣ утвердятся, другія—разсѣются. Вѣриѣ всего, какъ мнѣ кажется, было бы отнестись прямо къ королю съ предложеніемъ союза; но, его величество—въ Потсдамѣ; онъ видитъ здѣсь иностранныхъ министровъ только на официальныхъ аудіенціяхъ, а не имѣя письма для предъявленія ему, трудно получить аудіенцію. Не менѣе важно и то соображеніе, что необходимо падить Гаугвица, такъ какъ онъ будетъ единственнымъ или главнымъ лицомъ при переговорахъ, и это увеличиваетъ мои затрудненія къ исполненію секретнаго приказа 16-го марта. Необходимо будетъ его отстранить. Наконецъ, вопросъ самый щекотливый, рѣшеніе котораго весьма важно для успѣха дѣла, есть назначеніе благоприятнѣйшаго времени для перваго приступа. Я думаю, онъ имѣлъ бы лучше дѣйствіе, еслибы сдѣланъ былъ сообща министрами трехъ дворовъ; по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы подождать присылки полномочій принцу Рейссъ. Лордъ Эльгинъ ¹⁾ уже получилъ предварительныя инструкціи, по которымъ не поколеблется поддержать меня, и я ручаюсь за его, къ тому приложенное, усердіе.

Г. Розенкранцъ, какъ вамъ извѣстно, находится на конгрессѣ въ Раштадтѣ. Его замѣчаетъ здѣсь, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, нѣкто Кноблохъ. Я вижу его довольно часто, потому что онъ втерся въ канцеляріи и всегда знаетъ мелкія новости; но у меня есть важныя причины не довѣрять ему. Правила его очень подозрительны; чувства его соответствуютъ низкому происхожденію, а онъ въ довольно пріятельскихъ отношеніяхъ съ Кальяромъ и его шайкой; короче сказать, этотъ человекъ могъ бы надѣлать много зла, если бы его допустили на переговоры. Примите свои мѣры, милый кузень, и постарайтесь, чтобы назначили полномочнаго, заслуживающаго наше довѣріе, или, и того вѣриѣ, чтобы Данія присоединилась къ

¹⁾ Томасъ Брюсъ графъ Эльджинъ (Elgin) и Кинкардинъ (род. 20-го іюля 1769, † 14-го ноября 1842)—замѣчательный дипломатъ и еще того знаменитѣйшій антикварій. Въ 1792 г. онъ былъ посланникомъ въ австрійскіе Нидерланды; въ 1795 г.—въ Берлинъ; въ 1799 г.—въ Константинополь. Ред.

союзу, когда онъ будетъ заключенъ. Это послѣднее средство вѣжется мнѣ самымъ приличнымъ для вѣщаго сохраненія тайны, необходимою для успѣха. Въ слѣдующемъ обыкновенномъ донесеніи, я объ этомъ предметѣ войду съ официальнымъ докладомъ; но покуда потрудитесь о томъ предупредить г. канцлера.

Хотя изъ содержанія полученныхъ мною приказовъ я могу думать, что для предстоящихъ переговоровъ полномочіе дано будетъ мнѣ, но я жду отъ васъ болѣе положительныхъ подтвержденій о томъ, и мнѣ тяжело было обмануться въ моихъ ожиданіяхъ. Если вы еще не сдѣлали этого, почтенный другъ мой, умоляю васъ, разсѣйте мои сомнѣнія.

Мнѣ остается еще отвѣчать на различныя статьи вашей предъидущей депеши, отъ 5-го числа стараго стила. Лучше сдѣлаю это обстоятельнѣе, неторопясь, и пришлю съ курьеромъ, а теперь покуда скажу, что тотъ же самый долгъ чести, удерживающій офицера при его знаменахъ въ военное время, удержать и меня на моемъ постѣ, покуда не окончатся переговоры. Затѣмъ, увидимъ, чѣмъ рѣшится дѣло, и отвѣтъ, ожидаемый мною на депешу № 57, много поспособствуетъ моему рѣшенію.

30-го марта (10-го апрѣля).

(Шифромъ). № 62. Размышляя о средствахъ для внушенія королю сознанія благодѣтельныхъ видовъ нашего высочайшаго двора въ поддержанію общественнаго строя и счастья народовъ, еще борящихся съ заблужденіями ума человѣческаго; проникнутый сознаніемъ чрезвычайной важности того, чтобы цѣль предполагаемаго союза была представлена молодому государю съ настоящей точки зрѣнія и чтобы тайные приверженцы республики еще не успѣли извратить его убѣжденій, — я былъ пораженъ одной мыслию, вслѣдствіе которой уже не могу надѣяться одержать верхъ надъ Гаугвицемъ и разстроить послѣдствія гнусныхъ его внушеній: развѣ онъ, подумалъ я, уже не предупрежденъ г. Грѣбенемъ? Непремѣнно, если наше министерство сообщило послѣдному проектъ союза. Единственное для меня средство въ томъ удостовѣриться — повѣвѣдать у г. Альвенслебена, и если подозрѣнія мои подтвердятся, если г. Грѣбенъ посвященъ въ тайну, я долженъ отказаться отъ всякой попытки отереть переговоры безъ вѣдома министра и войти въ непосредственныя сношенія съ королемъ. Этотъ шагъ къ достиженію цѣли, и безъ того не достигнутой, отдалилъ бы меня отъ нея еще болѣе, озлобляя человѣка, расположеніе котораго мнѣ необходимо. Надобно было бы предаться ему, и съ той минуты единственными моими орудіями сдѣлались бы только убѣжденія, — опора слабая, усилія напрасныя, если новый толчекъ не

разбудить прусскаго министерства отъ летаргическаго сна, въ который оно погружено.

Таково, князь, состояніе неизвѣстности, въ которомъ я нахожусь, по невѣдѣнію различныхъ сношеній вашихъ съ прусскимъ министромъ. Еслибы заблагодарѣ судили ознакомиь меня со степенью оказываемаго ему довѣрія, я былъ бы увѣреннѣе въ моихъ дѣйствіяхъ; а еслибы я зналъ, что ему не сказали ничего о предложеніяхъ, которыя должны быть сдѣланы чрезъ мое посредство, я имѣлъ бы болѣе простору къ присканію способовъ, а съ нимъ вмѣстѣ и болѣе надежды на успѣхъ моихъ стараній. Вообще, этотъ примѣръ долженъ убѣдить ваше превосходительство, какъ мнѣ необходимо быть посвященнымъ во всѣ дѣла, о которыхъ ведутся переговоры съ г. Грѣбеномъ, особенно когда онѣ столь величайшей важности и когда успѣхъ ихъ можетъ зависѣть отъ быстроты исполненія, или отъ результата моихъ усилій—скрыть ихъ отъ вѣдѣній людей злонамѣренныхъ.

Смѣю надѣяться, князь, что болѣе мнѣ не придется быть въ подобномъ затрудненіи. Вы соизволите принять этотъ вопросъ въ серьезное соображеніе и представите его на благоусмотрѣніе г. канцлера. Не произношу августѣйшаго имени его императорскаго величества, думая, что нѣтъ надобности испрашивать его приказа на счетъ распоряженія, о которомъ я прошу. Какого бы мнѣнія ни были о немъ, я надѣюсь, мнѣ нечего опасаться, чтобы это почтительнѣйшее предложеніе было приписано иной причинѣ, кромѣ моего усердія къ службѣ его величества и желанія исполнять съ честію возложенныя на меня обязанности.

Р. Ш. 1. Я располагалъ отправить мои донесенія его императорскому величеству съ обыкновеннымъ курьеромъ, но нижеслѣдующія соображенія заставили меня переменить намѣреніе: а) въ теченіе этой недѣли я долженъ непремѣнно дать ходъ дѣлу переговоровъ о союзѣ; б) курьеръ, прибывшій изъ Вѣны въ день Свѣтлаго воскресенія, привезъ важныя депеши, о которыхъ не могу упомянуть въ шифрованномъ донесеніи, въ избѣжаніе огласки; в) отъ сего дня до воскресенья я долженъ ожидать курьера отъ васъ—отвѣтъ на мои депеши, присланныя съ фельдъегеремъ Дементьевымъ. Итакъ, князь, если тотъ, кого думаю послать къ вамъ, не возьметъ этого письма, онъ послѣдуетъ за нимъ, по крайней мѣрѣ, черезъ 24 часа. Въ послѣднемъ случаѣ, всего менѣе вѣроятномъ, прошу ваше превосходительство предупредить о томъ его императорское величество.

Р. С. 2. (По-русски). Нѣтъ нужды примѣтить вамъ, милостивый мой благодѣтель, что приложенная депеша съ намѣреніемъ составлена въ слогъ официальной. Поведеніе канцлера въ пред-

пріятої неоголощеніи промѣна Іевера на Мемель, съ его округою, оправдать можетъ подозрѣніе мое, что въ настоящемъ дѣлѣ оказана лишняя и вредная довѣренность г. Грѣбену. Я говорю вредная потому, что нѣтъ никакой возможности трактовать мимо Гаугвица, коль скоро существо тайныхъ переговоровъ извѣстно сему министру. Изъ сего явствуетъ, что всякій разъ, когда его императорскому величеству угодно, чтобы я имѣлъ непосредственное съ королемою сношеніе, здѣшній посланникъ у двора нашего не долженъ имѣть свѣдѣніе о преподаваемыхъ мною наставленіяхъ, ниже о видахъ министерства. Учиненное г. Грѣбену сообщеніе о намѣреніи нашемъ, относительно Іевера, тѣмъ лишне было, что сей планъ остался безъ дѣйствія; и когда я вижу изъ сего опыта, что его свѣтлость открываетъ чужестраннымъ министрамъ мысли свои до событія оныхъ, то могутъ ли я ласкаться, чтобы сокрыто было г. Грѣбену предложеніе объ оборонительномъ союзѣ, которое получило высочайшее утвержденіе? Но если уже князь Александръ Андреевичъ далъ сей ходъ своей политикѣ, я надѣюсь, по малой мѣрѣ, что я не лишень буду предварительнаго сообщенія о бывшихъ со здѣшнимъ посланникомъ переговорахъ. Правитель канцеляріи вашей донесетъ вамъ, что въ подобныхъ случаяхъ графъ Остерманъ¹⁾ сообщалъ всегда министрамъ нашимъ протоколъ конференцій, относящихся до поручаемыхъ имъ дѣлъ. Если вы полагаете, милостивѣйшій мой князь, что приложенная депеша останется безъ уваженія, то прошу поворнѣе призвать оную приложить къ почтѣ, для прочтенія его величествомъ.

Князь А. Б. Куракинъ — гр. Н. П. Панину.

31-го марта.

(Шифромъ, по-русски). Полагая, что вы послѣднимъ моимъ письмомъ въ нѣкоторое безпокойство приведены и нетерпѣливо знать желаете положеніе здѣсь извѣстнаго вамъ важнаго дѣла, поспѣшаю, любезнѣйшій другъ, симъ до свѣдѣнія вашего довести, что Грѣбенъ учинилъ уже ожидаемый зовъ отъ двора своего, къ которому мы уже совсѣмъ готовы были, и ему въ отвѣтъ объявлено, что Государь Императоръ съ удовольствіемъ видитъ къ себѣ довѣренность обоихъ союз-

¹⁾ Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ (род. 23-го апрѣля 1725, † 18-го апрѣля 1811 г.) былъ вице-канцлеромъ (1773) и, по смерти гр. Никиты Ивановича Панина (1783), номинальнымъ начальникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Императоръ Павелъ I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, назначилъ его государственнымъ канцлеромъ (9-го ноября 1796 г.). Уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ 21-го апрѣля 1797 г., и на его мѣсто опредѣленъ Безбородко, возведенный за двѣ недѣли передъ тѣмъ (а именно 5-го апрѣля, при коронаціи) въ княжеское достоинство.

никовъ своихъ, приѣмлетъ ихъ приглашенія, и для лучшаго успѣшествованія совершеннаго ихъ между собою сближенія, отъ коего толь благія слѣдствія для всей Европы ожидаться должны, назначаетъ первымъ своимъ полномочнымъ фельдмаршала князя Репнина, который въ самой скорости въ Берлинъ для сего отправленъ будетъ. Къ сожалѣнью, сей послѣдній сильно простудою дней десять уже боленъ и врядъ черезъ недѣлю выѣхать въ состояннн будетъ.

Между тѣмъ канцлеръ изготавляетъ его инструкціи. Я васъ предупредилъ, что два предмета составляютъ его отправленіе: первое—сближеніе дворовъ вѣнскаго и берлинскаго, миролюбное ихъ согласіе на ихъ взаимное удовлетвореніе, при настоящемъ мирѣ, на счетъ Германской имперіи; второе—установленіе оборонительнаго союза между всѣми сѣверными дворами къ удержанію французовъ отъ дальнихъ наглостей и успѣховъ и къ охраненію непочатой ими части Европы отъ ихъ заразы и развратовъ. Сказалъ я вамъ также, что вы будете въ сей важной негодіаціи вторымъ полномочнымъ. Канцлеръ подтвердилъ мнѣ еще сегодня, что изготавляетъ онъ, на всякій возможный случай, три уполномочія: одну общую, на имена князя Николая Васильевича (Репнина) и ваше; другую, если бы князь Николай Васильевичъ долженъ былъ изъ Берлина отлучиться, на имя ваше; третью, если бы какое-либо непредвидимое до сего обстоятельство князя Николая Васильевича отъ поѣздки въ Берлинъ удержало на одо имя ваше. Все сіе открываю вамъ для вашего единого свѣдѣнія. Правда, что берлинскій дворъ, отдавая вамъ должную справедливость, изъявилъ, чрезъ своего посланника, желаніе свое, чтобы негодіація сія производилась въ Берлинѣ и была бы вамъ препоручена; но, до полученія еще приглашенія прусскаго, какъ скоро приглашеніе цесарское (австрійское) намъ сдѣлано было, то тогда же Государь Императоръ рѣшился въ сіе важное дѣло князя Николая Васильевича употребить. Изъ сего вывожу то безпристрастное заключеніе, что сіе назначеніе близкаго родственника вашего, лѣтами и службою гораздо васъ старѣе, ни съ которой стороны вамъ не предосудительно и васъ оскорблять не можетъ. Сего послѣдняго и отъ васъ ожидаю и не скрою вамъ, по моей къ вамъ горячей привязанности, что, если живность мнѣ извѣстныхъ чувствованій вашихъ въ семъ ожиданнн моемъ ошибитъ, то я самъ крайне тѣмъ огорчуся. Впрочемъ, вы будете сотрудникомъ кн. Николая Васильевича; раздѣляя его труды, будете дѣлать и его успѣхи; ихъ же дѣля съ нимъ, будете дѣлить и славу, васъ обоихъ ожидающую, если Богъ, начинаемое и вамъ обоимъ поручаемое, дѣло желаннымъ и благоуспѣшнымъ окончаніемъ увѣнчасть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

Обзоръ всѣхъ изданій комедіи „Горе отъ Ума“.

1825—1874.

Въ нынѣшнемъ 1874 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени со-
зданія ГрибоѢдовымъ его безсмертнаго произведенія.

«Русская Старина», вѣрная одной изъ своихъ задачъ—содѣйствовать всесто-
ронней обработкѣ біографій отечественныхъ дѣятелей, посвятила памяти Гри-
боѢдова статью, сущность которой состоитъ въ подлинныхъ, донынѣ еще не
бывшихъ въ печати, письмахъ покойнаго, проливающихъ яркій свѣтъ на харак-
теристику автора «Горя отъ Ума»,—матеріалъ для его будущаго біографа.

Какъ участь ГрибоѢдова заставляетъ призадуматься каждаго мыслящаго
и чувствующаго человѣка, такъ и судьба его комедіи пробуждаетъ въ каждомъ
любителѣ роднаго слова безотрадныя мысли. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ,
многострадальное «Горе отъ Ума» перенесло такое множество стѣсненій, что
къ нему невольно можно приравнять слова Чацкаго:

...какъ игру судьбы постичь!

Людей съ душой—гонительница, бичь,—

Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

До появленія въ печати, комедія во множествѣ списковъ разошлась по
всей Россіи: примѣръ небывалый—можно было бы сказать завидный—если бы
эти списки, или большая ихъ часть, не были искажены невѣждами—перепис-
чиками. Появилось «Горе отъ Ума» въ печати, но тутъ его постигло другое;
неизбѣжное горе: на него наложилъ свою десницу неумолимаа цензура; и рѣчи
всѣхъ дѣйствующихъ лицъ были обезображены вымѣнками и сокращеніями;
о Чацкомъ и говорить нечего—онъ подвергся просто-на-просто урѣзанію
азыма; вполнѣ пощаженъ былъ только князь Тугоуховскій: въ его рѣчахъ
цензура не обрѣла ничего либеральнаго. Театральная опека, восемь лѣтъ вовсе
не допускавшая на подмостки сцены безсмертное произведеніе русскаго пи-
сателя, отнеслась затѣмъ къ комедіи ГрибоѢдова нѣсколько свисходительнѣе
цензуры литературной: по крайней мѣрѣ нѣсколько строкъ допускалось на
сценѣ такихъ, которыя въ печати тщательнѣе вычеркивались.

Обзоръ всѣхъ изданій «Горя отъ Ума», тщательно составленный г. И. Д. Гару-
совымъ и печатаемый нами, помимо интереса бібліографическаго и част-

наго, любопытенъ какъ дѣлописъ прохожденія комедіи Грибоѣдова чрезъ цензурныя и рыночныя мытарства. Дождется-ли безсмертное произведеніе Грибоѣдова — черезъ пятьдесятъ лѣтъ — изданія себя достойнаго? неужели ему суждено вѣки вѣчные оправдывать свое заглавіе? Ред.

Не было и нѣтъ до сей поры ни одного литературнаго произведенія, которое имѣло бы такую странную судьбу, какая выпала на долю комедіи Грибоѣдова „Горе отъ Ума“. Сотни тысячъ экземпляровъ въ рукописяхъ облетѣли всю Россію, сотни тысячъ печатныхъ экземпляровъ продавались и продаются до сихъ поръ, несмотря на полувѣковую давность комедіи, — и все-таки Россія не вполне знакома съ „Горемъ отъ Ума“.

П. А. Ефремовъ, перечисляя извѣстныя ему изданія комедіи Грибоѣдова, въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1861 года ¹⁾, насчиталъ 17 изданій по 1862 годъ, включивъ въ то число извѣстное очень немногимъ библиографамъ русское безцензурное изданіе, появившееся безъ означенія мѣста и времени печатанія. При этомъ почтенный библиографъ обѣщаль познакомить русскую публику съ одною изъ цѣнныхъ рукописей, подаренною бывшему инспектору репертуарной части Кирѣеву авторомъ комедіи, но исполнить этого обѣщанія не могъ за цензурными препятствіями.

Въ прошломъ году Н. В. Гербель, выпустивъ свое изданіе съ оригинальной рекламой на заглавномъ листѣ, отмѣтилъ его по счету 30-мъ. Но какъ г. Ефремовъ, такъ и г. Гербель внали въ ошибку, такъ какъ по 1862 годъ появилось не 17, а 23 изданія, а по 1873 годъ не 29, а 43; т. е. г. Ефремовъ ошибся на 6, а г. Гербель — на 14 изданій.

Заинтересованные судьбами комедіи и желая ознакомиться со всѣми изданіями „Горя отъ Ума“, мы, послѣ долгихъ поисковъ и усилій, собрали все, что только отмѣчено въ печати этимъ именемъ. Результатомъ такого труда появилось убѣжденіе, что комедія стала самымъ бойкимъ и выгоднымъ дѣломъ для книжной спекуляціи; но при этомъ ни издатели, ни редакторы „Горя отъ Ума“ не считали нужнымъ отнестись къ комедіи съ тою добросовѣстностью, какой требовали внутреннія ея достоинства и безсмертное имя автора.

По внимательномъ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ всѣхъ изданій комедіи, можно придти къ болѣе или менѣе вѣрному заключенію о взглядѣ на Грибоѣдова, слагавшемся подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ сочетаній, и о значеніи самой комедіи въ исторіи русской ли-

¹⁾ Томъ III, стр. 387.

тературы. Ровно половина идутъ толки о „Горѣ отъ Ума“, а комедія для массы остается непонятною, несмотря на то, что ея шрѣченія перешли въ пословицы и поговорки. Даже столичные артисты, у которыхъ еще не развѣялись преданія объ авторѣ, даже они не въ силахъ воссоздать грибоѣдовскихъ типовъ, ибо въ большинствѣ случаевъ изображаютъ каррикатуры, а не живыя лица. Щейкинъ и Орловъ составляли почти единственное исключеніе, воплощая Фаусова и Скалозуба живьемъ; но и они, согласно времени и условіямъ драматической цензуры, оставляли крупныя пробѣлы въ типахъ, созданныхъ ими, но, къ сожалѣнію, по днѣсь еще ни кѣмъ послѣ нихъ не воспроизведенныхъ типахъ общественныхъ дѣятелей первой четверти XIX вѣка. О женскихъ роляхъ мы не говоримъ, ибо, кромѣ А. М. Каратыгиной (Наталья Дмитріевна), московской Колосовой (Лиза) и В. В. Самойловой (Софья Павловна), ни одна артистка не могла справиться даже со второстепенной ролью.

„Горѣ отъ Ума“ еще не оцѣнено по достоинству, несмотря на три крупныхъ замѣтки: Бѣлинскаго, кн. Вяземскаго ¹⁾ и Гоголя, изъ которыхъ каждый выразилъ скорѣе свой личный взглядъ на комедію, нежели научное ея изслѣдованіе. ²⁾

Грибоѣдовъ самъ сильно хлопоталъ, какъ о постановкѣ „Горы отъ Ума“ на сцену, такъ и о пропускѣ въ печать, но комедія все-таки подверглась запрещенію. Для этого было даже достаточно отзыва московскаго генераль-губернатора кн. Д. В. Голицина, будто „на всю Москву написалъ онъ (Грибоѣдовъ) пасквиль“.

Въ „Горѣ отъ Ума“, московская общественная жизнь увидѣла себя какъ въ зеркалѣ—и возмутилась, пеная на это зеркало.

Не только возстала противъ комедіи московская барская клика, но на нее вострилъ зубы всякій мелкій чинъ, ибо всѣ видѣли въ ней приниженіе своего чиновнаго достоинства. Медвѣжьёю услугу комедіи оказала только-что народившаяся, въ 1834 г., „Библ. для Читенія“: рецензентъ ея, въ „Литературномъ Обзорѣнн“, приравнивая „Горѣ отъ Ума“ къ „Свадьбѣ Фигаро“, буркнулъ съ плеча: „это комедія политическая“. Эти слова натолкнули многихъ на мысль — искать въ ней намековъ на событія 14-го декабря, толковать цѣлыя стихи, особенно болтовню Репетилова до того произвольно и своеобразно, что тѣ общественныя и нравственныя вопросы, которые были подняты

¹⁾ Въ изслѣдованіи о Фонъ-Визинѣ; см. «Фонъ-Визинъ», соч. кн. П. А. Вяземскаго, стр. 221—225.

²⁾ На дняхъ явился въ печати весьма интересный: «Очеркъ первоначальной исторіи «Горы отъ Ума», написанный А. Н. Веселовскимъ («Р. А.» 1874 г., тетрадь шестая).

авторомъ, ступевались. Это обстоятельство вызвало со стороны правительства и цензуры тѣ опасенія, плодомъ которыхъ были передѣлки текста, доведенныя невѣжествомъ издателей и безграмотностью книгопродавцевъ до безобразія.

Въ настоящей статьѣ мы укажемъ на всѣ русскія и заграничныя изданія комедіи, причѣмъ остановимъ вниманіе читателей лишь на тѣхъ, которыя представляютъ или образецъ искаженій, или варианты, дающій иной смыслъ тексту.

По настоящее время „Горе отъ Ума“ имѣло тридцать девять изданій на русскомъ языкѣ и 6 переводовъ на нѣмецкій, польскій, англійскій, французскій и грузинскій языки. „Горе отъ ума“ появилось впервые въ издаваемомъ Ѳ. Булгариннымъ альманахѣ 1825 года „Талия“, съ котораго мы и начнемъ наше обзорніе.

I. Въ „Талии“, начиная съ 257-й страницы, напечатаны были 7-е, 8-е, 9-е и 10-е явленія I дѣйствія и все третье дѣйствіе. Въ настоящее время нѣтъ возможности опредѣлить, какая рукопись послужила оригиналомъ издателю альманаха, но только не та, которую Грибодовъ привезъ въ Петербургъ въ 1824 году, и не та, которую позднѣе (5-го іюня 1828 г.) оставилъ Булгарину. Первая рукопись погибла безвозвратно. Существуетъ догадка, будто она, вмѣстѣ съ письмами Кондр. Рылѣева, кн. Ал. Одоевскаго и другихъ декабристовъ, была сожжена авторомъ. Вторая рукопись не утратилась и понынѣ находится въ семействѣ покойнаго Ѳ. В. Булгарина. Несмотря на неизвѣстность оригинала, мы придаемъ изданію комедіи въ альманахѣ „Талия“ особую важность. Пунктуация и заглавныя буквы соблюдены чрезвычайно вѣрно, напечатаны сцены безъ ошибокъ, и только въ одномъ стихѣ:

Гдѣ время то? Гдѣ возрастъ тотъ невинный,

ошибочно поставленъ знакъ вопроса. Но въ III дѣйствіи уже появляются, противъ разошедшихся по всей Россіи полныхъ списковъ, незначительные варианты и пропуски. Такъ, вмѣсто стиха:

Во всѣхъ князюхъ вселять участие

употребленъ вариантъ:

Во всѣхъ дѣвицъ вселять участие.

Сравнивая изданіе сценъ 1825 г. со вторымъ (первымъ полнымъ 1833 г.), находимъ выпускъ 15-ти стиховъ, о коихъ скажемъ ниже.

Послѣ долгихъ усилій, покойному артисту Брянскому удалось поставить на сцену, въ свой бенефисъ (26-го января 1831 г.), всю коме-

дію ¹⁾). Игралась она по рукописи бенефицианта, который заплатилъ Булгарину 1,000 р. ассигнаціями за то, что журналистъ далъ ему свою рукопись для повѣрки. ²⁾ Но, несмотря на разрѣшеніе—поставить комедію на сцену, все-таки въ печать она не проходила. Наконецъ, книгопродавцу Н. Улитину разрѣшено было издать весь текстъ комедіи по рукописи, утвержденной цензурою 21-го августа 1833 года. Это второе по счету и первое по полнотѣ изданіе вышло подъ такимъ заглавіемъ: ³⁾

II. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Москва. Въ тип. Авг. Семена, при Имп. мед.-хирург. академіи. 1833. Ценз. Л. Цвѣтаевъ, in 8°, страницъ 167.

На заглавномъ листѣ выставлена комическая маска. Это изданіе имѣетъ ту важность, что, будучи перепечаткой сценъ изъ „Талии“ съ уродливыми измѣненіями, само послужило оригиналомъ для позднѣйшихъ изданій. При обзорѣнн его, необходимо остановиться на заглавнѣ „Библиографическихъ Записокъ“. П. Е. приписываетъ этому изданію портретъ автора, гравированный худож. Уткинымъ, потому что этотъ портретъ былъ въ книгѣ библиографа, хотя въ примѣчаніи допускаетъ предположеніе, что портретъ могъ быть присоединенъ прежнимъ владельцемъ книги. Мы положительно отрицаемъ появленіе при этомъ изданіи портрета, во 1-хъ потому, что въ 1840 г. имѣли въ рукахъ своихъ совершенно новый, свѣжій и не разрѣванный экземпляръ этого изданія, сохранившійся у насъ и до сей поры, при которомъ портрета не было, и во 2-хъ потому, что о портретѣ этомъ упоминается при другомъ изданіи, какъ увидимъ далѣе.

Въ I томѣ „Библіотеки для Чтенія“ 1834 года, „литературная лѣтопись“ начинается слѣдующими словами: „Наконецъ „Горе отъ Ума“ вышло изъ печати!... Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его, пришлось бы разбирать не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе ²/₁₀ частей Россіи къ этому сочиненію, и отвращеніе, обнаруживаемое ¹/₁₀ частію. „Горе отъ Ума“ имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство... когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она необыкновенна во всѣхъ отношеніяхъ“.

¹⁾ Въ Москвѣ она дана была позднѣе, именно 25-го февраля 1831 года.

²⁾ Подробности объ этомъ см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 г., т. VII, стр. 176—179 въ «Воспоминаніяхъ» П. А. Каратыгина. И. Г.

³⁾ Всѣ заглавія изданій приводимъ съ буквальной точностью. И. Г.

Такъ было привѣтствовано второе по счету и первое по полнотѣ (относительной—конечно) изданіе комедіи журналомъ, только-что появившимся въ 1884 году.

„Кто“, говорится даже, „безусловно поносить „Горе отъ Ума“. тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россією. Это народная книга: жить русскаго, который бы не зналъ наизусть по крайней мѣрѣ десяти стиховъ изъ этой комедіи“. „Горе отъ Ума“ занимаетъ въ нашей словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которое въ „Свадьба Фигаро“. известная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно „Свадьбѣ Фигаро“. это комедія политическая: Бомарше и Грибодовъ, съ одинаковыми дарованіями и равною коллестію сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки общества, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ“..... „Въ этомъ изданіи примѣчаются нѣкоторые маловажные пропуски противъ рукописныхъ экземпляровъ, которыми наводилена Россія: память нынѣшнихъ читателей легко пополнить подобныя мѣста при чтеніи“.

Это первое полное изданіе напечатано четко, несмотря на мелкій шрифтъ, но имѣетъ слѣдующіе недостатки: 1) знаки препинанія поставлены произвольно и слишкомъ разнятся отъ правописанія словъ, помѣщенныхъ въ „Талин“; 2) въ изданіи очень много весьма грубыхъ опечатокъ и измѣненій въ текстѣ.

Что же касается измѣненій въ текстѣ, то онѣ требуютъ поясненія.

На стр. 82-й напечатанъ впервые вариантъ текста:

Въ ученый комитетъ который поселился
вмѣсто булгаринскаго:

Между учеными, который поселился.

На стр. 46-й напечатано:

Вотъ что онъ вздумалъ проповѣдать

вмѣсто **восстановленнаго** повдѣе:

Онъ вольность вздумалъ (а по инымъ рукописямъ: хочеть) проповѣдать.

Стихъ:

Онъ ничего не признаеть...

вмѣсто сохранившагося въ рукописяхъ и появившагося впоследствии стиха:

Да онъ властей не признаеть.

Слова: вольность, свобода, личность, не только въ 30-хъ, но и въ 40-хъ годахъ были, согласно тогдашнему воззрѣнію, положительно противоцензурнаго свойства. Приведемъ въ подтвержденіе

слѣдующій фактъ. Во время посѣщенія, въ 1847 году, московскаго университета гр. С. С. Уваровымъ, пожелавшимъ выслушать чтенія студентовъ съ кафедры, покойный профессоръ С. П. Шевыревъ слова: личность, свобода мысли, свобода слова обязалъ своихъ слушателей исключить изъ лексикона, какъ имѣющія отрицательный, почти неблагонамѣренный отбѣнокъ. Тѣмъ болѣе могла казаться предосудительною фраза въ комедіи Грибоѣдова: о непривнаніи властей, взятая отдѣльно, безъ критическаго отношенія къ цѣлому.

Въ стихѣ на стр. 49-й:

А? что? Ну такъ и жду содома!

слово „что“ поставлено вмѣсто: „Бунтъ?“ Последнее слово „Бунтъ“ появилось въ позднѣйшихъ изданіяхъ. П. Е. относилъ этотъ стихъ, со словомъ „бунтъ“, къ искаженіямъ, но цензура не возстановила его точной редакціи. На стр. 60-й, вмѣсто слова кредиторовъ, стихъ напечатанъ такъ:

Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ.

Полагаемъ, что по московскому складу рѣчи не только 20-хъ годовъ, но и позднѣе, это выраженіе правильно, ибо слово „кредиторъ“ долго въ Москвѣ оставалось научнымъ терминомъ и стадо популярнымъ только съ конца 40-хъ годовъ. Намъ случалось слышать во многихъ слояхъ общества, что „должникомъ“ звали именно того, кто въ долгъ даетъ, одоужаетъ, а не беретъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, и по сію пору „закладчикомъ“ зовуть не того, кто отдаетъ вещи въ залогъ, а того, кто, принявъ вещи въ залогъ, выдаетъ деньги.

На стр. 80-й стихи:

Чтобъ сердца каждаго биење *)
Любовью ускорилося къ вамъ,

представляютъ не искаженіе, а неогворенную опечатку.

На стр. 89-й стихъ:

Съ министрами про вашу связь

редактированъ такъ:

Съ иными важными людьми про вашу связь,

потому, что всякій, даже невинный намекъ на служебное положеніе какого бы то ни было государственнаго сановника считался недозволительнымъ въ драматической литературѣ. Тогда нельзя было надѣяться на сценѣ дѣйствительныхъ орденовъ, а komponировались они

*) Эта опечатка, дѣлающая стихъ бессмысленнымъ, къ сожалѣнію, повторилась во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ.

изъ подходящихъ матеріаловъ; на эполетахъ не употреблялось даже значковъ. Стихи, заключавшіеся во всѣхъ рукописяхъ 1824 года, въ такой редакціи:

Вѣдь надобно-жъ зависть отъ другихъ....
Въ чинахъ мы небольшихъ.

замѣнены въ изданіи 1833 года слѣдующимъ образомъ:

Вѣдь надобно-жъ другихъ имѣть въ виду,
Чтобъ не попасть въ бѣду.

Этотъ вариантъ былъ необходимъ по тѣмъ соображеніямъ, что въ чинахъ въ то время утверждались высочайшими указами, и потому какъ эти стихи, такъ и стихъ Чацкаго:

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться,

были признаны, какъ направленные къ колебанію довѣрія къ высшей власти.

Стихъ на 101-й стр.:

Обычно фалбарой (вм. бахрамой)

имѣеть, такъ сказать, археологическое значеніе, и потому онъ во всѣхъ изданіяхъ варьировался.

На стр. 107-й стихъ нѣкоторыхъ рукописей:

Отъявленный мошенникъ, плутъ,

сокращень такъ:

Извѣстный плутъ

по тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ, въ виду неприличія публично произносить въ обществѣ слово *мошенникъ*.

На стр. 111-й, вмѣсто:

Въ его высочества, хотите вы сказать,
Въ Новоземлянскомъ мушкетерскомъ?

напечатано:

То есть, хотите вы сказать:
Въ Новоземлянскомъ мушкетерскомъ?

по тѣмъ соображеніямъ цензуры, что произнесаніе словъ: *величество*, *высочество* не только со сцены, но и появленіе ихъ въ драматическомъ сочиненіи принималось, какъ знакъ неуваженія къ власти преемственной.

Особенное вниманіе заслуживаетъ въ разсматриваемомъ изданіи XVII явленіе, гдѣ дѣйствующими лицами двое: Загорѣцкій и Наталья Дмитріевна. Послѣдняя прошла въ этомъ явленіи по всѣмъ (кромя заграничныхъ) изданіямъ до 1862 г., съ котораго, вмѣсто На-

такъ Дмитріевымъ, появляется въ печати уже графиня-внучка, сообразно чему измѣнилось и начало XVIII явленія. Эта редакція съ Натальей Дмитріевной на сценахъ удерживается и до сей поры; между тѣмъ у Булгарина въ „Талии“ выведена графиня-внучка, подобно этому и въ послѣднихъ изданіяхъ. По какимъ соображеніямъ редакція 1833 г. измѣнила дѣйствующихъ лицъ, — ми доискаться не могли, такъ какъ не знаемъ того оригинала, которымъ редакція руководствовалась.

Щепелавенье и картавленье графини-бабушки впервые восстановлено было только въ 1866 г., но и то не во всѣхъ сценахъ, гдѣ ей приходится говорить. На стр. 130 вставлено, противъ „Талии“ Булгарина, какъ мы уже замѣтили, 15 стиховъ, отъ стиха: „Чтобъ исеру заронилъ онъ...“ до стиха: „Ахъ! если рождены мы все перенимать“. На стр. 131 помѣщенъ семистопный ямбъ:

«Ну какъ | перѣ | вѣстѣ | мадамъ | и ма | дему | азель, |» (им. мадамъ, надмуазель),

который удержался вездѣ и даже у г. Гербеля, несмотря на его заявленіе о восстановленіи правилъ стопосложенія.

На стр. 141-й стихъ рукописей и позднѣйшихъ изданій:

Но государственное дѣло...

явился въ такой неудачной передѣлкѣ:

Литературное есть дѣло:

по тѣмъ, быть можетъ, соображеніямъ цензуры, чтобы не возбуждать повода къ воспоминаніямъ о 14-мъ декабрѣ. Необходимо здѣсь замѣтить, что даже книга барона Корфа о событіяхъ 1825 года¹⁾ разрѣшена для публики первымъ изданіемъ только въ 1857 г., уже выдержавъ два изданія для лицъ специальныхъ и особъ высокопоставленныхъ.

Ограничиваясь, въ отношеніи перваго (полнаго) изданія комедіи этими указаніями, мы соглашаемся съ П. Е. въ томъ, что, если точками означены пропуски стиховъ на стр. 17 и 126, то слѣдовало бы ихъ означить и на страницахъ 44, 45, 54 — 57, 60, 61, 77, 89, 121 — 6 и 9, 140 и 146. Но и здѣсь, если не редакція, то цензура, полагаемъ, руководилась, согласно съ духомъ времени, такими соображеніями: такъ какъ въ публикѣ и въ литературѣ установилось мнѣніе о политической тенденціозности комедіи, то и оказалось не-

¹⁾ «Восшествіе на престолъ императора Николая I. Составлено по высочайшему повелѣнію статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ. Третье изданіе. (Первое для публики). С.-Петербургъ, 1857 г. Типографія П. Отд. Соб. Его Императорскаго Величества Канцеляріи». XIV и 238 стр., in 8° majore.

необходимымъ очистить ее отъ вселихъ на то указаній и наменовъ, даже косвенно указывающихъ на полетину, на управление, на сословные, а тѣмъ болѣе на общественно-воспитательные вопросы.

Такъ какъ появленіе нѣсколькихъ сценъ въ 1825 году было многими забыто, а большинство и не знало о нихъ, ибо „Русская Та-лія“, разоидясь въ маломъ числѣ экземпляровъ, скончалась тихо, безъ надежды на свое возрожденіе, то и оставилось общее убѣжденіе, будто передѣлать, исправить и редактировать комедію для печати было поручено Ксенофонту Целевому. Такое мнѣніе распространилось въ Москвѣ (за исключеніемъ неморихъ) между всѣми, кто имѣлъ понятіе о комедіи Грибоѣдова, а изъ Москвы перешло весьма быстро и повсюду.

Вслѣдъ за этимъ изданіемъ появилось, какъ секретная книга, не въ продажѣ, а по рукамъ нѣкоторыхъ лицъ, полное безцензурное изданіе комедіи in 4°, на писчей бумагѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Ш. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Грибоѣдова. 99 стр. Времени и мѣста печатанія не обозначено. Изданіе это, какъ можно безошибочно предполагать, было сдѣлано не для продажи, а для интимнаго кружка, въ которомъ желала увѣковѣчить полный текстъ; но оно исполнено въ высшей степени неудачно. Оно нынѣ составляетъ библиографическую рѣдкость и едва-ли даже сохранилось у кого-либо въ частныхъ рукахъ. Экземпляръ его есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ которую пожертвовано оно было отъ казанскаго книгопродавца Мясникова Нельзя не пожалѣть, что въ отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1858 г. (напечатанномъ въ 1859 г.), въ концѣ 47 и началѣ 48 стр. сказано объ этомъ изданіи лишь нѣсколько строкъ. Не указано даже и того, когда, при бумагѣ-ли, или лично самимъ книгопродавцемъ, изданіе это передано въ Библіотеку и были-ли сообщены о немъ какія-нибудь библиографическія свѣдѣнія. Г. Ефремовъ предполагаетъ, что оно появилось „въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, можетъ быть даже прежде перваго (обыкновеннаго) изданія этой комедіи“. Мы съ этимъ согласиться не можемъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Изданіе это безъ цензуры и напечатано на полубѣлой писчей бумагѣ Императорской Петергофской бумажной мануфактуры, со штемпелемъ вензелеваго имени Государя Николая I (|-|) подъ короною, въ лавровомъ вѣнкѣ. Бумага эта, по цвѣту, плотности, чистотѣ граничной массы и по степени выдѣлки¹¹ относится къ періоду улучшенія петергофскаго бумажнаго производства, т. е. къ управленію фабрикою директора Казина, при которомъ только съ 1834 г. былъ пущенъ

въ продажу именно этотъ сортъ подубавой бумаги. 2) Бумага эта преимущественно приобреталась для военныхъ канцелярій, какъ удобная, по плотности, для письма. Въ 35-хъ годахъ при многихъ полковыхъ канцеляріяхъ были свои—скудные типографскими матеріалами—походныя типографіи, съ ручными печатными станками, которые снабжались старыми избитыми шрифтами, во большей части круглымъ корпусомъ, съ подходящимъ къ нему курсивомъ и небольшимъ количествомъ заглавныхъ буквъ. Шрифтъ упомянутого изданія грубъ и избитъ до невѣроятности; правописаніе словъ слишкомъ близко подходит къ усвоенному въ 35-хъ и 40-хъ годахъ правописанію военныхъ канцелярскихъ писарей. Все военные чины и званія начинаются большими буквами; слово „высота шпю“ (улыбкой) напечатано вробль, какъ тогда оно и употреблялось въ официальныхъ бумагахъ, а въ стихѣ „При расударіиъ Благородіиъ“, собственное имя „Екатериниъ“ написано капиталью; чего нѣтъ ни въ рукописяхъ, ни въ одномъ печатномъ изданіи. То же капиталью напечатано: „его величество король прусскій“. 3) Какъ переписчикъ, такъ и корректоръ, просматривавшій печатные листы, были, замѣтно, люди полуграмотные, безъ всякихъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, но хорошо знакомые съ военными порядками. Все, что относится къ военному быту, въ изданіи напечатано вѣрно, — что же требуетъ свѣдѣній, выходившихъ изъ круга военного канцеляризма, или искажено, или пропущено. Повсюду выброшены (не только цѣлыя французскія фразы, но и самыя простые слова: „мѣсь, мадамъ, топ сдѣт“ и т. п.)

П. Е. говоритъ: „Текстъ испещренъ искаженіями и опечатками, происшедшими, по всей вѣроятности, отъ неправильности списка, съ котораго комедія печаталась“. Мы полагаемъ это дѣло такъ; по выходѣ перваго изданія въ урванномъ видѣ, копіи съ рукописи, при сравненіи ихъ съ печатнымъ текстомъ, получили еще большую дѣдность, а вмѣстѣ съ тѣмъ большую таинственность. Вѣроятно, кому-нибудь, владѣвшему полной копіей съ рукописи и имѣвшему нѣкоторую возможность напечатать комедію вполне безъ цензуры, разумѣется, для ограниченного круга своихъ знакомыхъ, пришла мысль сдѣлать это. Самому переписать рукопись для типографіи составляло

*) Не принадлежить ли это безцензурное изданіе А. А. Закревскому, впоследствии генералъ-губернатору Московскому? По крайней мѣрѣ, намъ известны двѣ тетради, имъ изданныхъ безъ цензуры, для собственнаго любопытства, приказовъ императора Павла; шрифтъ, форматъ этихъ изданій и, кажется, бумага одинаковы съ описываемымъ изданіемъ «Горя отъ Ума». Французскаго языка покойный Закревскій не зналъ, а по-русски писать неправильно.

трудъ, для устраниенія котораго рукопись могла быть передава какому-нибудь писарю, чтобы снять съ нея копію для типографскаго набора. Въ виду буквального исполненія подчиненнымъ приказаній начальника, послѣдній, предполагая рабскую копировку, не потрудился слѣдить списка съ оригиналомъ, а писарь, не понимая многого въ оригиналѣ, призналъ за лучшее сдѣлать передѣлки и поправки по своему соображенію, искажая текстъ; начальство же не обратило критическаго вниманія на текстъ даже и послѣ печати. Такой произволъ переписчиковъ и склонность въ поправкамъ сочиненій русскихъ писателей были особенно въ ходу не только въ 80-хъ годахъ, но и позднѣе. Мы помнимъ, какъ именно въ это время, стихъ Державина ¹⁾: „Всякъ Курцій, Децій, Буаровъ“ бойкимъ писаремъ одного изъ карабинерныхъ полковъ, съ правильной и четкой рукописи, переправленъ былъ такъ: „Всякъ кудый Децимъ бурый носъ“. Поправка сдѣлана потому, что кудый и бурый носъ были близки въ понятію переписчика, а о Курціяхъ и Буаровахъ онъ не имѣлъ никакого понятія.

Другою изъ причинъ искаженія текста разсматриваемаго изданія можетъ считаться поспѣшность работы, которая производилась не иначе, какъ украдкою, въ виду правительственнаго запрещенія надъ полнымъ текстомъ. Запретъ, налагавшійся на литературныя произведенія, какъ и всегда, не достигалъ и въ то время цѣли, а велъ за собою всегда отрицательные результаты: или запрещенное произведеніе искажалось въ безчисленныхъ спискахъ, которые быстро расходились въ обществѣ, или искажалось въ заграничныхъ изданіяхъ, несмотря на то, что тамъ редактировалось по рукописямъ болѣе вѣрнымъ. Ничто такъ много не содѣйствовало распространенію комедіи Грибоѣдова, какъ долготѣній ея запретъ.

Текстъ комедіи напечатанъ хотя по рукописи, относящейся къ 1824 году, но далеко несходной ни съ Жандровой, ни съ Булгаринской, ни съ хранящимися въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Опредѣлить съ точностію оригиналъ, съ котораго печаталось это изданіе, невозможно, по чрезвычайнымъ искаженіямъ стиховъ.

Къ числу особенностей текста относится перечень дѣйствующихъ лицъ на оборотной (2-й) страницѣ заголовка. Вотъ онъ съ сохраненіемъ правописанія:

Павѣль Афонасьевичъ Фамусовъ (Управляющій въ казенномъ мѣстѣ).
Софья Павловна, дочь его.
Лизанька, служанка.

¹⁾ Конецъ 8-й строфы изъ оды «На взятіе Измаила».

Алексій Степановичъ Молчаливъ (Секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ).

Александръ Андрѣевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

Наталья Дмитриевна, молоденькая дама.

Платонъ Михайловичъ, мужъ ея.

Бнязь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми

Графиня Хрюмина, бабушка.

Графининя внучка.

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлѣбстова, свояченица Фамусова.¹⁾

Г. Н.

Г. Д.

Репетитовъ.

Петрушка, и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакѣевъ при разъѣздѣ.

Офиціанты Фамусова.

Стихи расположены по произволу, то къ дѣвой сторонѣ страницы, то ближе къ срединѣ, а иногда и за середину, на право. Съ прописныхъ буквъ начинаются они только на 3, 4 и 5 стр.; съ 6-й же напечатаны сплошь малыми, кромѣ названій чиновъ. Собственныя и нарицательныя имена, означающія полкъ, чинъ, титуль, сословіе, пишутся прописными буквами. Въ 1-мъ явленіи 1-го дѣйствія имя служанки вездѣ пишется Лизанька, а барышни—Софія; со 2-го явленія — сокращенія Лиза и Софья.

Буквы *ъ* и *е* употреблены, какъ пошло: ну кто придѣтъ. бѣремъ-же, гнева, зачемъ, давичѣ, тожь, завѣсти и т. п.

Буквы *ъ*, *ь*, окончанія *мъ*, *шъ*, *шь* употребляются безразлично, какъ для 2-го, такъ и для 3-го лица глаголовъ, причемъ *ъ* выброшено въ неопредѣленномъ наклоненіи и во 2-мъ лицѣ изъявит. накл. предъ *ся*.

Буквы *ѳ* и *ѿ* перемѣшаны, напр. тавтицей...

Приведемъ на выдержку нѣсколько грубыхъ опечатокъ. На страницахъ:

5. «на весь кварталъ симоронію гремишь» (вм. симфонію).
8. Вотъ подпрекать мнѣ стануть
9. Ужастный вѣкъ
10. Цвѣтний лугъ я спала (вм. цвѣтистый лугъ... И я искала)
12. Когда-жь печальная, ни что на умъ нейдегъ,
14. И отъ болѣзни чай, отъ скуки довольнѣе
15. весь и разстроился и падалъ (вм. и растерялся весь, и падалъ) и т. д.
65. кураѣздный вистъ у насъ (вм. курьезный).
- дивидса ему трехъ сажень удадецъ (вм. дался)
70. къ партизанамъ (вм. къ фармазонамъ)

¹⁾ Въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1861 г., стр. 388. Хлюстова.

76. Бодрый (вм. добрый) вашъ народъ.

84. другіе шестую на музыку кладутъ (вм. шестеро) и т. п.

На стр. 95-й явленіе 13-е оканчивается такъ:

Лиза.

Стукъ! шумъ! ахъ! Боже мой! сюда бѣжить весь домъ.

Чацкий.

Вашъ батюшка вотъ будетъ благодаренъ.

Несмотря на сравнительную полноту противъ изданія 1833 г., пропущено много характерныхъ стиховъ, на прим., на стр. 17-й:

На 33: Не влюблены-ли вы, прошу мнѣ дать отвѣтъ,

Къ тому, къ сему, а больше ни къ чему
Поспорать, пошумать... и разойдутся.

На 76: Смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки.

О пропускѣ словъ въ строкахъ мы не говоримъ, ибо ихъ много.

На 96-й стр. включенъ стихъ, существующій во многихъ рукописяхъ, но не вошедшій въ печатныя (кромѣ 2-хъ изъ 39), изданія:

Молчаливъ (ползаетъ у ногъ ея).

Помилуйте...

Первый и послѣдній стихи заключительнаго монолога Фамусова искажены то пропускомъ, то вставкою, отъ чего вмѣсто ямба, вышелъ хорей:

Ну что? | видишь | ты, что | днѣ съ у | ма со | шѣлъ?

Вотъ еще искаженіе стиха:

Княгиня Марья Алексѣвна.

Во всей комедіи курсивомъ напечатаны только тѣ стихи, въ которыхъ на первый взглядъ проявляется сколько-нибудь скабрѣзности, или которыми можно дать не совсѣмъ нравственное, приличное толкованіе, напр. на

стр. 9. попалъ или хотѣлъ попасть.

19. вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

44. помада есть для зубъ и для другихъ прищипъ.

51. но чтобъ имѣть дѣтей
кому ума недоставало.

53. я вѣжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

54. я глупостей не чтець
а пуще образцовыхъ.

72. вѣтъ-съ бочками и сороковыми.

На стр. 76-й стихъ не конченъ; вѣроятно, наборщикъ не разобралъ, а корректоръ не понялъ значенія слова маджоазель. Напечатано такъ:

ну какъ перевести мадана.

Мы остановились особенно долго на этомъ изданіи не только потому, что оно составляетъ нынѣ библиографическую рѣдкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и библиографическій курьезъ, но частью, по другимъ соображеніямъ. Въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ „Горе отъ Ума“ вышло изъ-подъ пера автора въ 1823—1824 г., оно имѣетъ весьма важное литературное значеніе, какъ полное и всестороннее выраженіе своего времени; но въ томъ видѣ, какъ было напечатано въ 1833 г. оно отчасти заслуживало, отсутствіемъ связи и законченности, тѣ нападки, кои появились въ тогдашнихъ журнальныхъ статьяхъ. Вся образованная Россія понимала, что переработка этого произведенія подъ давленіемъ цензуры искажила его, и потому тщательно скрывались и переписывались, какъ полагали переписчики, вполне вѣрныя рукописи; наконецъ, даже выискивались такіе поклонники этой пьесы, которые пожелали имѣть хотя и крайне безграмотный, но печатный текстъ: и вотъ комедія напечатана въ безцензурномъ изданіи.... Все это есть неотразимое свидѣтельство тому, что всякая искусственная мѣра, какова цензурная опека, препятствующая распространенію литературнаго произведенія, заключающаго въ себѣ всѣ достоинства, необходимыя для того, чтобы стать образцовымъ, служить только къ большому его распространенію, но, увы, въ искаженіяхъ.

IV. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Второе изданіе. С.-Петербургъ. Въ военной типографіи. 1839, in 48.¹⁾ С и 202 стр. (14-го декабря 1838 г. Цензоръ А. Фрейгангъ).

Къ изданію приложенъ гравированный на стали полсмой портретъ автора и статья Ксеноф. Алекса. Полеваго: „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“. Текстъ напечатанъ нонпарелемъ, біографія — петитомъ. Несмотря, однако, на столь мелкій шрифтъ, комедія читается легко. Изданіе можно бы было назвать изящнымъ, если бы была чище бумага. Опечатокъ нѣтъ; стихи расположены большею частію по правиламъ стопорасположенія и совершенно иначе, чѣмъ въ изданіи 1833 г. Пропуски въ нѣкоторыхъ мѣстахъ означены точками; но о пропускахъ 4-го дѣйствія нѣтъ даже намека. Употребленіе большихъ буквъ и знаковъ препинанія отличается отъ первыхъ

¹⁾ Форматъ изданія показанъ различно: въ «Сѣв. Пчелѣ» 1839 г., «Библиот. для Чителѣ» и «Отеч. Запискахъ» 1840 г. въ 64-ю долю листа; въ нѣкоторыхъ каталогахъ въ 48-ю и даже въ 32-ю долю малаго формата. И Г.

изданій. Правописаніе болѣе отчетливо и правильно. Замѣтно, что редакция къ изданію отнеслась строго и заботливо и пользовалась вѣрною рукописью. Все третье дѣйствіе и 7—10 явленія 1-го представляютъ буквальную перепечатку текста изъ альманаха „Талія“ 1825 года, за исключеніемъ стиха:

Между учеными который поселился

напечатаннаго въ концѣ 32 страницы, согласно съ рукописью, такъ:

Въ ученый комитетъ который поселился

Союзъ ужли замѣненъ вездѣ союзомъ уже-ль. Противъ перваго изданія допущены исправленія, наприм. на стр. 98, для соблюденія стопы, употреблено слово „къ примахеру“, вмѣсто полной его формы по изд. 1833 г.

Несмотря на болѣшую отчетливость и правильность изданія, и въ немъ, однако, повторились нѣкоторыя ошибки 1-го: такъ, на стр. 91 (а въ изд. 1833 г. на 80) стихъ „Чтобъ сердца каждое бѣенье“ напечатанъ какъ и въ изданіи Улитина:

Чтобъ сердца ~~каждаго~~ бѣенье.

Эта ошибка исправлена только въ 1857 г.

На стр. 128, при обращеніи Чацкаго къ Горичеву о Загорѣцкомъ, употреблено слово „съ смѣхомъ“, вмѣсто „съ хохотомъ“, что противорѣчитъ тексту комедіи. При началѣ IV дѣйствія пропущено, какъ и въ изд. 1833 г., описаніе декораціи парадныхъ сѣней богатаго дома Фамусовыхъ. Позволяемъ себѣ предположить, что сдѣлано это лишь потому, чтобы не напомнить еще существовавшей далеко позднѣе 1839 г., въ Москвѣ, и многимъ ея старожиламъ знакомой, роскошной лѣстницы, съ примыкающими къ ней корридорами и дверями. во 2-й этажъ жилья Фамусова, въ его домѣ, находившемся на одной изъ лучшихъ центральныхъ мѣстностей Москвы.¹⁾

Это изданіе разошлось, какъ и первое, въ самомъ скоромъ времени, несмотря на высокую цѣну: 5 руб. асс. (т. е. 1 р. 43¹/₃ к. сер.); теперь его съ трудомъ можно отыскать у с.-петербургскихъ и московскихъ букинистовъ. Оно послужило оригиналомъ для всѣхъ изданій 1854—1857 годовъ.

Супруга Грибодова, Нина Александровна, скончавшаяся 28-го

¹⁾ Домъ этотъ вполнѣдствіи Софьею Павловною (по комедіи) былъ отданъ въ аренду подъ одно техническое учебное заведеніе. Теперь эту мѣстность узнать трудно. Бульвары закрыты громадными постройками; площадь стѣсна; пролвѣзъ дома возведена прекраснаго рисунка колокольня; высокая ограда скрываетъ старинную церковь, гдѣ говѣя Фамусовы. Нынѣ этотъ домъ совершенно передѣланъ внутри.

іюня 1857 г., какъ прямая наслѣдница литературнаго достоинства бездѣтнаго поэта, въ теченіи 25-ти-лѣтняго, съ кончины Грибоѣдова, срока на право литературной собственности, никому не передала исключительнаго права изданія комедіи. Благодаря такому счастливому стеченію обстоятельствъ, „Горѣ отъ Ума“ съ 1854 г. стало общою литературною собственностью и избѣжало судьбы, тяготящей до нынѣ надъ сочиненіями Пушкина, Лермонтова и др. Торговая спекуляція богатыхъ книгопродавцевъ не закабалит комедіи; а чрезъ это появилась возможность множества ея изданій, оказавшихъ услугу литературѣ, несмотря на тѣ искаженія текста, которыми тотчасъ же и заявили себя различные мелкіе книжныхъ дѣлъ мастера.

Двадцатипяти-лѣтній срокъ собственности рода Грибоѣдовыхъ на комедію „Горѣ отъ ума“ оканчивался 30-го января 1854 г. Между тѣмъ въ С.-Петербургѣ, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1853 г., въ типографіи Якова Трея уже работала надъ третьимъ изданіемъ „Горы отъ Ума“ предусмотрительная предприимчивость с.-петербургскаго книготорговца В. А. Терскова. Требуемое закономъ разрѣшеніе на печатаніе отъ цензора А. Фрейганга было получено за двѣ недѣли до наступленія срока общему праву собственности, именно 15-го января 1854 г., а 31-го января уже бросалась въ глаза на прилавкахъ книгопродавческихъ чалая сѣрая книженочка, въ 32-ю долю листа, на лицевой оберткѣ которой изображено слѣдующее: среди рамки, по матовому полю, представлена сцена, какъ Молчалинъ обнимаетъ Лизу, а Чацкій, въ накинутаой шубѣ, смотритъ на нихъ изъ-за тонкой колонки; Софья откинула правую руку, какъ бы собираясь наградить оплеухою вѣроломнаго. Сверху названіе комедіи, внизу „1854“. На задней оберткѣ, въ огромномъ вѣнкѣ изъ розъ, незабудокъ и другихъ цвѣтовъ, „цѣна 1 р. 50 к. сер.“. Это издѣліе Терскова вышло на свѣтъ Божій подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

V. „Горѣ отъ Ума“. Комедіи въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Третье изданіе. С.-Петербургъ. Продается у издателя и книгопродавца В. А. Терскова (слѣдуетъ адресъ), 1854. стр. 227, in 32°.

Къ изданію приложенъ портретъ автора, очень плохой, хотя и переведенный съ портрета при изд. 1839 г. Бумага сѣровая, печать хоть и чоткая, но съ значительными опечатками. Текстъ составляетъ буквальную перепечатку предъидущаго изданія, съ значительнымъ измѣненіемъ знаковъ прерыванія и съ небольшими отступленіями въ расположеніи стиховъ. Пропусковъ не отмѣчено.

Въ особенностяхъ изданія можно отнести пропускъ на 72-й стр. слѣдующихъ шести стиховъ, противъ двухъ первыхъ изданій:

Сказозубъ.

Однако въ полкомъ два года проводилъ.

Фамусовъ.

Въ дорожъ-ли за полкомъ!

За то, конечно, въ чемъ другомъ.

За нами далеко тянуться.

Сказозубъ.

Нѣтъ-съ, старфе меня по корпусу найдутся:

Я съ восьмисотъ девятаго служу.

Слѣдующій затѣмъ стихъ измѣненъ.

На 75-й стр. пропущенъ стихъ:

И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ.

На стр. 79-й выброшено 37 стиховъ изъ монолога Чацкого, начная со стиха: „Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы?..“ на 111-й стр. восстановлена форма „въ парикмахеру“, въ нарушеніе стопосложенія.

На стр. 188-й, въ стихѣ: „Все знаетъ...“, пропущено окончаніе:

Мы его на черный день пасемъ...

На 216-й и 217-й стр. измѣнена редакція стиха:

И прежній другъ, и женскій стыдъ

Слово „страхъ“ пропущено; а стихи:

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?

Людей съ душой?—Гонительница бить!

отъ постановки знаковъ препинанія утратился смыслъ.

Отъ вышеприведенныхъ пропусковъ, не оправдываемыхъ ничѣмъ, комедія потеряла многое: изданіе продавалось туго, предлагалось въ Москвѣ и Петербургѣ даже на улицахъ за дешевую цѣну. Его можно повсюду найти и теперь за 15 и даже 10 коп. Но неуспѣху его еще болѣе содѣйствовало появившееся въ продажѣ чрезъ двѣ недѣли, разрушенное тѣмъ же цензоромъ А. Фрейгангомъ (1-го февраля 1854 г.), изданіе А. Черноглазова подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

VI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоедова. Съ портретомъ и факсимиле автора и біографіею его, написаною Ѳ. Булгари-

нымъ. Спб. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1854. Стр. XLVI и 154.

Портретъ тотъ же самый, что при изд. 1839 г. На первой заглавной страницѣ слѣдующее факсимиле автора:

Горе мое поручаю Вуггарину
вѣрный другъ.

5-го юня 1828.

Изданіе въ 12-ю долю листа, на плотной, полубѣлой бумагѣ, напечатано отчетливо и даже красиво съ изданія 1839 г., съ соблюденіемъ расположенія стиховъ по строкамъ точно также, какъ и во 2-мъ (1839 г.) компактномъ изданіи, но съ тѣми пропусками, какіе сдѣланы въ изданіи Терскова.¹⁾ Опечатокъ почти нѣтъ. Въ продажѣ изданіе это было пущено дешево и убило бы оба третья: московское и петербургское изданія, если бы на другой же день, по его выходѣ, не появилось въ продажѣ, разрѣшенное 2-го февраля 1854 г. тѣмъ же цензоромъ Фрейгангомъ, новое изданіе комедіи подъ заглавіемъ:

VII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Изданіе Александра Смирдина. Спб. Въ тип. Имп. Акад. Наукъ. 1854. стр. 162. in 12°.

Къ этому изданію былъ впервые приложенъ въ большихъ размѣрахъ портретъ Грибоѣдова, гравированный на мѣди Н. Утинымъ. Издана комедія отчетливо и опрятно, напечатана четкимъ шрифтомъ съ изданія 1839 года. Опечатокъ мало, и тѣ очень незначительны. Но пропуски тѣже, что и во всѣхъ предъидущихъ. Продажная цѣна назначена была 60 коп. Оно вытѣснило изъ продажи изданія Терскова и Черноглазова. О пропущенныхъ стихахъ мы скажемъ при обзорѣ изданія подъ № XII.

Черноглазовъ, не смотря на конкуренцію и еще не распроданныя три изданія, чрезъ 10 дней по выходѣ предъидущаго, именно 12-го февраля 1854 г., выпустилъ новое, компактное изданіе комедіи, по нумераціи страницъ въ 32-ю, а по размѣру листа и числу квадратовъ въ строкѣ—въ 24-ю долю, въ обложкѣ, на которой была перепечатана виньетка и картина, появившіяся въ началѣ на изданіи Терскова, но безъ означенія цѣны. Изданіе это вышло подъ слѣдующимъ заглавнымъ листомъ:

VIII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. А. С. Грибоѣдова. Сбл. Въ типографіи Штаба-

¹⁾ Цезура сдѣлала эти исключенія во всѣхъ изданіяхъ 1854 г. Г.

Военно-Учебныхъ Заведеній. 1854 г. XVI и 205. Комедіи предпослана небольшая статья „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“ (Отрывки изъ воспоминаній).

Въ немъ оказались пропуски и недосмотры. При всемъ нашемъ стараніи, не могли мы добиться свѣдѣній о количествѣ печатныхъ экземпляровъ каждаго изъ предыдущихъ изданій; но полагаемъ, что число ихъ было велико. Послѣднее черноглазовское изданіе раскупалось быстрѣе другихъ; во-первыхъ, оно было дешево, во-вторыхъ, при немъ приложенъ хорошей портретъ, а къ концу книги, на особомъ листочкѣ, факсимиле автора.

Не дремала въ тоже время и московская книгопродавческая промышленность. Въ тѣ самые дни, когда Терсковъ выпускалъ въ С.-Петербургѣ свое третье изданіе комедіи, въ Москвѣ, въ январѣ и февралѣ 1854 г., готовилась на Софійкѣ, въ типографіи Александра Семена слѣдующаго заглавія книженка:

IX. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. А. С. Грибоѣдова. Изданіе третье. Москва. 1854. Въ 8-ю д. л., 161 стр. (Цензоръ М. Похвисневъ. Дозволено 28-го февраля 1854 г.) На оборотѣ заглавнаго листа замѣтка: „печатано съ изданія 1833 г.“. Къ книжкѣ приложенъ весьма грубой работы портретъ автора, копированный съ изданія 1839 г., въ такой же 8-ми угольной рамкѣ, окруженной синемъ виньеткою, изображающею что-то похожее на рѣзбу въ русскомъ вкусѣ. Подъ портретомъ копированное неудачно факсимиле: „Грибоѣдовъ“. На задней обложкѣ выставлена цѣна „1 р. 50 коп.“.

При сличеніи этого изданія съ оригиналомъ (1833 г.), въ немъ оказались тѣже пропуски, какъ и въ 3-мъ петербургскомъ изданіи Терскова, исключая одного стиха, на стр. 139-й:

Все знаетъ: мы его на чернѣй день пасемъ...

напечатаннаго въ этой редакціи, вѣроятно, по недосмотру. Въ типографскомъ отношеніи изданіе ниже всякой посредственности, и представляетъ образецъ самаго грубаго и безцеремоннаго отношенія невѣжественной спекуляціи къ литературѣ. Кромѣ грубыхъ опечатокъ, встрѣчающихся на каждой страницѣ, есть невѣжественное искаженіе стиховъ.

При множествѣ ошибокъ не приложена къ изданію таблица опечатокъ. Словомъ: это—одно изъ самыхъ безсовѣстныхъ лубочныхъ изданій, которыя когда-либо доводилось намъ встрѣчать.

Указывая на это изданіе въ „Библиографич. Зап.“, П. Е. цитируетъ № 6 „Отеч. Зап.“ 1854 г. и прибавляетъ: „указано 3-е изданіе, въ

24-ю д. л., 227 стр., безъ означенія мѣста напечатанія“. Почтенный библиографъ впалъ въ очевидную ошибку. „Отеч. Зап.“ указывали прямо на 3-е московское изданіе, имѣющее 161 страницу, а 227 стр. имѣеть петербургское изданіе Терскова. Притомъ же мѣсто печатанія означено на обоихъ изданіяхъ.

Черезъ 12 дней, по выходѣ предъидущаго изданія, московская спекуляція выпустила новую книженку подъ заглавіемъ:

X. „Горе отъ Ума“. Комедія и т. д. Изданіе четвертое. Москва. Въ тип. Александра Семена, на Софійской улицѣ, 1854 г. (Ценз. М. Похвисневъ. Доввол. 11-го марта 1854 г.), in 16°, 223. Печатано съ изданія 1854 г. безъ перемѣнъ. Къ изданію приложенъ очень грубо скопированный съ изд. 1839 г. портретъ автора. Печать избитая. Опечатокъ весьма много въ началѣ и почти нѣтъ во всемъ IV дѣйствіи. Много стиховъ искаженныхъ. 2-е л. ед. ч. по большей части ованчивается на шъ (знаешъ). На стр. 26-й, вмѣсто стиха:

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу,

напечатано:

Въ немъ мало складу.

На стр. 27-й, вмѣсто: „что дѣло, что ни дѣло“, напечатано: „что дѣло, что не сѣло“.

На 30-й стр. пропущены стихи:

И весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ, о рядахъ.

Кромѣ того, пропущены стихи на 46-й:

Вѣдь вынче любятъ безсловесныхъ,

а на 47-й:

Лицо святѣйшей богомолви.

На 95-й стр. монологъ Лизы:

Вы знаете, что я нельщусь,

не отдѣленъ отъ Молчалина и отнесенъ къ послѣднему. Вообще, изданіе плохое, поспѣшное и небрежное во всѣхъ отношеніяхъ.

21-го іюня 1854 г. было разрѣшено къ печати цензоромъ М. Похвисневымъ въ Москвѣ:

XI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Москва. Въ Университетской типографіи. 1854, in 8°, стр. 81. Выпущено было это изданіе вмѣстѣ съ 3-ю частью романа гр. Дашъ „Валентина“, въ VII выпускѣ X. т. „Библиотеки романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ“, издаваемыхъ Н. Н. Улитинымъ. Изданіе вышло съ тѣми-же пропусками и ошибками, какъ всѣ московскія, 1854 г. Но, кромѣ

пропусковъ, при сличеніи съ изданіями 1833 — 1839 годовъ и другими современными, нашли мы варианты и новую постановку знаковь препинанія, дающую тексту иной смыслъ. Объ этомъ изданіи можно замѣтить, что надъ нимъ работали много рукъ и умовъ: цензоръ выраженіе „за святцами зѣвать“, вѣроятно, находилъ антирелигіознымъ, если только оно было представлено въ рукописи; редакторъ считалъ божьею возможною свою постановку знаковь препинанія, а издателью почему-то понадобилась даже передѣлка смысла нѣкоторыхъ стиховъ. Все это представило литературную помѣсь комедіи въ ущербъ существу ея идеи. Любопытствующіе найдутъ это изданіе въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ XVIII залѣ, подъ №№ 266 — 4 — 50.

Черезъ мѣсяць, по выходѣ изданія Улитина, именно 7-го августа того же 1854 года было разрешено цензоромъ Бекетовымъ къ выпуску новое изданіе комедіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XII. Полное собраніе сочиненій Русскихъ авторовъ: сочиненія Грибоѣдова и Крюковскаго. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе Александра Смирдина. С.-Петербургъ, 1854. Въ тип. Якова Трея. in 12°—298 и 123 стр. Книга начинается „Горемъ отъ Ума“ на 140 страницахъ; остальные 141—300 стр. для другихъ сочиненій Грибоѣдова, и 1—125 для соч. Крюковскаго.

Изданіе это заключаетъ дословную перепечатку описаннаго у насъ подъ № VII. Въ обоихъ ихъ выпущены, противъ печатныхъ изданій 1833 и 1839 годовъ, слѣдующіе стихи, впрочемъ, не только эти, но всѣ, какія опущены и во всѣхъ изданіяхъ 1854 года.

На страницахъ:

- 24 и 22. И весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фронтѣ и радахъ.
34 и 37. Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ
42 и 36. По крайней мѣрѣ искони

Нѣтъ конца монологовъ: Фамусова со словъ:

- 43 и 37. Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,

и Чацкаго:

Прямой былъ вѣкъ покорности и т. д.

- 52 и 44. Бываетъ, моего счастливіе везетъ
54 и 46. И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
55 и 47. Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
57 и 48. Со-словъ: «Гдѣ, уважите намъ, отечества отцы».
115 и 94. Какъ? къ фармазонамъ въ клубъ?
136 и 118. Мы его на черныи день пасемъ.

Затѣмъ, повторяется много неправильно сформированныхъ и перемѣненныхъ стиховъ.

Въ слѣдующемъ 1855 году появилось въ продажѣ новое изданіе комедіи подъ заглавіемъ:

XIII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Изданіе четвертое. Москва. 1855. in 16°, стр. 224. Въ типографіи Смирновой. Оно ничѣмъ не отличалось отъ всѣхъ московскихъ изданій, и не представляло никакихъ особенностей.

Но, видно, потребность въ комедіи „Горе отъ Ума“ была велика и запросъ значителенъ, что московское книжницъ дѣло мастерство и мелкая книжная торговля на перебой пустились вновь издавать пьесу самымъ безцеремоннымъ образомъ. И вотъ, въ 1856 г., въ Москвѣ появилось вдругъ два пятыхъ изданія, нечатавшихся въ двухъ разныхъ типографіяхъ:

XIV. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Изданіе пятое. Москва. 1857 г., in 16, 224 стр. Типографія Ал—ра Семена, на Софійской улицѣ. (Цензоръ И. Безсомыинъ. 29-го сентября 1856 г.) Цѣна 1 р. 50 к. с.

и XV. „Горе отъ Ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе пятое. Москва. Въ типографіи Н. Эрнста, in 24°, стр. 224. На оборотѣ заглавнаго листа значится: „Печатано съ изданія 1854 г. безъ перемѣнъ“. Разрѣшено въ январѣ 1857 г. цензоромъ Гиляровымъ-Платоновымъ.

Оба изданія ниже всякой критики; издатели ихъ укрылись за типографскою фирмою. При всемъ нашемъ стараніи, мы не могли получить вѣрныхъ свѣдѣній у самыхъ записныхъ московскихъ букинистовъ о томъ, кто былъ издателемъ этихъ спекулятивныхъ искаженій „Горя отъ Ума“. Но, по сличенію изданія подъ № XV съ указанными выше изданіями подъ №№ X и XIV, приходимъ къ слѣдующему, очень грустному, выводу о состояніи нашего книгопечатнаго дѣла и объ отношеніи къ нему читающей публики. По формату, шрифту, числу страницъ и тождественности текста можно допустить, что на разсмотрѣніе цензуры былъ представленъ одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ 1854 г., на которомъ и была сдѣлана разрѣшительная помята. Затѣмъ, перепечатаны лишь одни заглавные листы на подходящей бумагѣ подходящими къ тексту шрифтами, и затѣмъ залежавшіяся изданія были обернуты въ новую обложку и съ беззащитностію пущены на книжные прилавки.

Но въ то самое время, когда торговая эксплуатація „Горя отъ

Ума⁴. доходила до послѣднихъ предѣловъ невѣжества, за разработку матеріаловъ для біографіи Грибовдова принялся, въ С.-Петербургѣ, г. Серчевскій, а сынъ Александра Филиповича Смирдина, умершаго въ 1857 году, Александръ Александровичъ (нынѣ также покойный) обратилъ болѣе серьезное вниманіе на самый текстъ комедіи. Онъ добился разрѣшенія пополнить текстъ комедіи включеніемъ тѣхъ стиховъ, кои находились въ рукописи театральной дирекціи. Благодаря предпріимчивости новой фирмы, русская публика дождалась лучшаго, сравнительно со всѣми предшествовавшими, изданія комедіи подъ заглавіемъ:

XVI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибовдова. Изданіе придворнаго книгопродавца А. Смирдина (сына) и К^о, напечатанное съ Высочайшаго соизволенія, по рукописи, употребляемой при представленіи этой комедіи на императорскихъ театрахъ. С.-Петербургъ, въ тип. Имп. Ав. Наукъ, 1857 г., in 16°, тит. стр. 156. Цензоръ В. Бекетовъ. Дозволено цензурою 12-го апрѣля 1857 года.

Изданіе это несравненно лучше всѣхъ предъидущихъ во всѣхъ отношеніяхъ, читается легко и представляетъ самое ничтожное количество опечатокъ. Въ немъ возстановлены всѣ, помѣщенные въ изд. 1833 г. и пропущенные во всѣхъ, слѣдовавшихъ за нимъ, изданіяхъ, стихи. Но при этомъ сдѣланы многія измѣненія въ текстѣ. Правописаніе заглавныхъ буквъ и знаковъ иное, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ. Противъ другихъ сдѣланы слѣдующія варианты:

На сраницахъ:

- 17. Но робокъ... знаете, кто и пр., вм. знать
- 23. Не отъ болѣзни, чай—отъ скуки—по вольнѣе (вмѣсто—по вѣрнѣе)
- 31. Вѣдь онъ одинъ изъ безсловесныхъ, вмѣсто стиха:
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.
- 49. Какъ станешь представлять къ крестнишку-ли, вм. къ крестнишку изъ
- 67. Откуда скромность почерпнуть? вмѣсто скрытность.
- 71. Къ началу стиха: Ужъ развѣ по умнѣлъ?...
прибавленъ конецъ: А тотъ...
- 74. Чтобъ сердца каждое биенье — впервые употреблено согласованіе правильно.

На стр. 121-й, въ послѣднемъ монологѣ Чацкаго, употребленъ новый вариантъ стиха:

Ето недругъ глупыхъ лицъ, всѣхъ вычуръ, словъ кудрявыхъ.

вмѣсто Грибовдовскаго:

Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ.

На стр. 123-й, въ IV дѣйствіи, впервые означена декорация сѣней

въ домѣ Фамусова и напечатано заглавіе дѣйствія: Разъѣздъ послѣ бала.

Издатели умолчали, съ какой именно театральной рукописи печатанъ новый текстъ; но видно, что рукопись много потерпѣла отъ сторонняго вліянія и во многомъ не сходится съ рукописью автора. Появляются и новые стихи, напр., на стр. 40-й:

По крайней мѣрѣ искони
Отцемъ не даромъ называли.

На стр. 41-й и 42-й дополнены монологи Фамусова и Чацкаго.

На стр. 51-й вставленъ новый стихъ:

Бываетъ, моего счастливѣе везеть.

Но и въ дополнительныхъ стихахъ Фамусова и Чацкаго все-таки есть пропуски и передѣлки.

И. Д. Гарусовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Горе от ума“ въ Тифлисъ.

1832.

Въ № 3 «Тифлисскихъ Вѣдомостей» 1832 года (на стр. 69—72) было напечатано нижеслѣдующее письмо, касающееся комедіи А. С. Грибоѣдова. Перепечатавъ его тѣмъ охотнѣе, что упомянутыя «Вѣдомости» нынѣ составляютъ библиографическую рѣдкость, редакция «Русской Старины» долговѣе считаетъ выразить свою признательность Г. Н. Геннади за указаніе на эту курьезную статью.

Ред.

Письмо къ издателю „Тифлисскихъ Вѣдомостей“.

«Читая вашу газету, давно я собирался, милостивый государь, попенять вамъ, что вы мало сообщаете публикѣ извѣстій о нашемъ тифлисскомъ житьѣ-бытьѣ; по всей вѣроятности, наши соотечественники, живущіе въ благословенной Россіи, любопытствуютъ знать, какъ мы здѣсь проводимъ время, съ кѣмъ его раздѣляемъ; что за народы составляютъ публику тифлисскую; какіе здѣсь нравы, обычаи и проч., и проч. Долговременное пребываніе мое за Кавказомъ, глѣта и опытность доставили мнѣ много свѣдѣній о сихъ предметахъ: если угодно, я буду сообщать ихъ публикѣ чрезъ посредство вашихъ литературныхъ листовъ. Можетъ быть рассказы старика понравятся читателямъ. На первый разъ сообщаю вамъ извѣстіе о спектаклѣ, бывшемъ въ домѣ князя Р. И. Багратиона, роднаго брата безсмертнаго русскаго вождя. Тифлисская молодежь играла комедію незабвеннаго А. С. Грибоѣдова — «Горе от Ума».

Еще за долго до представленія комедіи, толковали въ тифлисскихъ гостиныхъ о невозможности сыграть эту пьесу, о неудобности оной для домашняго спектакля, и многое, многое выливалось изъ устъ любителей билетней; но, несмотря на всѣ сіи толки, 21-го января, въ присутствіи г. главнокомандующаго Грузіею, супруги его высокопревосходительства и всего тифлисскаго beau-monde, комедія «Горе от Ума» была представлена и исполненіе превзошло ожиданіе зрителей. Всѣ сожалѣли только о томъ, что начало и конецъ комедіи не были представлены: она началась появленіемъ Чацкаго и кончилась послѣдними словами Репетилова: «Вези куда-нибудь».

Не разбирая въ подробности игры каждаго лица, я скажу, что вообще пьеса шла какъ лучше быть нельзя. Фамусовъ и Репетиловъ почти достигли совершенства, прочія лица также всѣ повали свои роли и выполнили ихъ съ

успѣхомъ. Только одинъ Чацкій не вездѣ выдержалъ свою роль — въ изъясненіяхъ любовныхъ онъ слишкомъ былъ холоденъ. Большая часть ролей была играна закавказскими уроженцами; роля (sic) Натальи Дмитриевны прекрасно была сыграна прелестною грузинскою княжною. Слова Чацкаго, сказанныя ей: «Похорошѣли страхъ», невольно исторгли у зрителей громкія рукоплесканія.....').

Вотъ вамъ, на первый случай, нѣсколько словъ о забавахъ тифлисскихъ. Можетъ быть сей рассказъ не для всѣхъ покажется занимательнымъ, и дабы вознаградить читателей за чтеніе сихъ строкъ, помѣщая здѣсь поправки, сдѣланныя А. С. Грибоевымъ въ бессмертной его комедіи. Поправки сіи, кажется, до сихъ поръ не были извѣстны публикѣ, и онѣ сообщены мнѣ однимъ знакомымъ, получившимъ ихъ отъ его превосходительства П. Д. Завилейскаго пользовавшагося дружбою покойнаго автора. Вотъ онѣ: *)

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I (стр. 59).

Фамусовъ.

То бережешься, то объѣдъ;

Поправка:

<То постничаешь, то объѣдъ>;

ЯВЛЕНІЕ II (стр. 63).

Фамусовъ.

Тогда не то, что нынѣ

При государынѣ служилъ Еватеринѣ.

<Лѣтъ за сорокъ назадъ все было; братъ чинъ чинемъ

<Тогда не всякій могъ быть знатнымъ господиномъ;

<Но всякій важностью, особливою надуть>;

Раскланяйся—тупеешь не кивнуть!

Чацкий (стр. 64).

Иной глядя на тотъ скачокъ

Поправка:

<Иной глядя на счастливый скачокъ>;

ЯВЛЕНІЕ V (стр. 71).

Смалезубъ.

За третье августа: засѣли мы въ траншею;

Ему данъ съ бантомъ, мнѣ — на шею!

*) Описаніе бала, бывшаго послѣ спектакля, ни мало не любопытное.

Ред.

*) Ссылки на страницы сдѣланы нами по послѣднему изданію Н. В. Гербеля, С.-Петербургъ, 1873 г.; въ малую восьмушку, 148 стр. Поправки мы помѣщаемъ въ кавычкахъ.

Ред.

Фамусовъ.

Любезный человекъ! И посмотрѣть такъ хватъ!
Прекрасный человекъ двоюродный вашъ братъ!

Поправка:

Смалозубъ.

<За третье августа: теперь я не съумѣю
<Сказать вамъ именно за что
- <Ему данъ съ бантомъ, мнѣ — на шею!

Фамусовъ.

<Скромны... и братецъ вашъ, люблю его за то!>

Смалозубъ (стр. 72).

У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ¹⁾

Поправка:

<У насъ въ дивизіи не далѣ>

Фамусовъ (стр. 75).

Его величество король былъ прусскій здѣсь:

Поправка:

<Его высочество, какой-то принцъ былъ здѣсь>.

ЯВЛЕНІЕ IX (стр. 84—85).

Софья.

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива: такъ бываетъ,
Карета свалится; поднимутъ — я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ!

- Не трушу за себя: карета-ли зацѣпить —
- Поднимутъ — и опять
- Готова съизнова скакать;
- Но за другихъ — ребячій страхъ и трепегъ!

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I (стр. 93).

Софья.

А надъ собой гроза куда не бесполезна.

- 1) «А строгость къ самому себѣ не бесполезна».
- 2) «Поправка вамъ не бесполезна».
- 3) «И надъ собой гроза была бы намъ полезна».

¹⁾ И въ многочисленныхъ спискахъ, и въ разныхъ издавіяхъ номера дивизій варьируются отъ 12-ти до 18-ти. Г. Г.

ЯВЛЕНИЕ V (стр. 107).

Наталья Дмитриевна.

Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

- 1) «Конечно, гдѣ-нибудь онъ былъ бы комендантомъ».
- 2) «Конечно, былъ бы онъ давно ужъ комендантомъ».

ЯВЛЕНИЕ XIX (стр. 127).

Графиня-бабушка.

Какъ? Чацкого кто свелъ въ тюрьму?

Поправка:

«Кто Чацкого отсюда проводилъ въ тюрьму?»¹⁾

ЯВЛЕНИЕ XXI (стр. 130)

Фамусовъ.

Хоть предъ монаршимъ лицомъ

Поправка:

«Хоть предъ извѣстнѣйшимъ лицомъ».

Хлестова (стр. 132).

По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ!

Поправка:

«По человѣчеству онъ жалости достоинъ!»

ЯВЛЕНИЕ XXII (стр. 137).

Чацкий.

Во всѣхъ княжонъ вселять участие

Поправка:

«Во всякомъ возбуждать участие».

Всѣ сіи поправки писаны собственною рукою автора и найдены въ его бумагахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Грибоедовъ былъ въ живыхъ, то, конечно, много бы сдѣлалъ таковыхъ поправокъ и выбросилъ бы изъ своей комедіи всѣ грубыя и непристойныя шутки. Пустынникъ Горетубанскій.

26-го января 1832 г.

«Р. С. Я, было, забылъ сказать, что комедія «Горе отъ Ума» была играна въ 1827 г., въ присутствіи автора, въ крѣпости Эривани, въ одной изъ комнатъ

¹⁾ Не выходитъ стиха; явная описка или опечатка. Могло быть:

«Отсюда Чацкого кто проводилъ въ тюрьму?»

Г. Г.

дворца сардарскаго. Думалъ-ли Грибоедовъ, писавши комедію, что первое представленіе ея онъ увидитъ въ жилищѣ персидскаго сатрапа.¹⁾

Сообщ. Г. Н. Геннади.

Примѣчаніе. По поводу этихъ поправокъ, мы, съ своей стороны, не можемъ не обратить вниманія читателей на то обстоятельство, что почти всѣ измѣненія сдѣланы Грибоедовымъ (если только они дѣйствительно принадлежатъ ему самому) видимо въ угоду тогдашней цензурѣ — литературной и театальной. Опасаясь придирокъ или неосновательныхъ подозрѣній въ умышленномъ оскорбленіи личностей, самъ Грибоедовъ взялъ на себя обязанность строгаго, придирчиваго цензора и въ расшивѣ Скалозуба перемѣнилъ названіе дивизіи; прусскаго короля замѣнилъ «какимъ-то» принцемъ; въ разговорѣ Натальи Дмитриевны съ Чацкимъ не рѣшился упомянуть именно о «московскомъ» комендантѣ; даже исключилъ слово «княжны» въ монологахъ Чацкаго въ концѣ III дѣйствія. Любопытно знать, руководствовался-ли Грибоедовъ, при этихъ поправкахъ, собственными соображеніями, или послѣдовалъ указаніямъ посторонняго лица? Нанвная замѣтка автора «Письма изъ Тифлиса» о грубыхъ и неприличныхъ шуткахъ въ комедіи, — отголосокъ мнѣнія невѣжественнаго большинства современнаго Грибоедову чиновнаго люда.

Ред.

¹⁾ Вотъ, слѣдовательно, гдѣ впервые была играна комедія Грибоедова до представленія ея на петербургской сценѣ — 26-го января 1831 года. Г. Г.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Указъ Екатерины II объ очисткѣ Невы.

1-го мая 1775 г.

Указъ ея императорскаго величества самодержавица всероссийской изъ правительствующаго сената господину генералъ-поручику С.-Петербургской губерніи, губернатору и кавалеру барону Унгернъ-Штернбергу. Въ собраніи правительствующаго сената, по выслушаніи доношенія вашего, о появившихся по срединѣ Невы рѣки отъ С.-Петербурга, на тридцать на осьмой верстѣ трехъ большихъ камней, признано занужное сдѣлать напередъ, какъ наискорѣе осмотрѣть, тѣмъ камнямъ чрезъ знающаго человѣка. А вслѣдствіе того, для непотеряніи времени въ перепискахъ, призванъ былъ въ сенатъ адмиралтейской коллегіи оберъ-секретарь, коему и приказано отъ собранія объявить коллегіи, чтобъ также безъ всякихъ письменныхъ обрядовъ командированъ былъ тотчасъ на то мѣсто, гдѣ камни осмотрѣны, надежной морской офицеръ съ такимъ наставленіемъ, чтобъ онъ, по приѣздѣ туда водою, сдѣлалъ вѣрный осмотръ въ томъ, не на самомъ ли форватерѣ оные каменья оказались, или въ сторону отъ онаго, какъ далеко и не столько ли опасны, что и въ сторонѣ форватера будучи, могутъ наносить вредъ плывущимъ сверхъ рѣки судамъ и плотамъ; также всѣ ли они на поверхности воды видны, или нѣкоторой изъ нихъ покрытъ водою, и сколь высоко.

Вслѣдствіе чего посланный отъ адмиралтейской коллегіи для сего осмотра секунд-майоръ Красильниковъ, возвратясь, подать въ сенатъ рапортъ, коимъ доносилъ, что тѣ камни лежатъ ближе къ деревни Петрушиной, отъ берегу около семнадцати сажень; надъ водою они въ одинъ съ половиною и съ четвертью аршина, подъ водою—на пять съ половиною футовъ, на каменномъ рифѣ, который простирается отъ нихъ

къ форватеру близъ десяти сажень и занимаетъ ходу часть; при концѣ онаго камень съ водою равенъ, надъ которымъ всплескиваетъ вода; отъ него къ востоку, въ семи съ половиною саженьхъ, подводный камень, надъ которымъ воды одинъ футъ; позади сего каменнаго рифа, къ западу, неподалеку песчаный островокъ; противъ тридцать шестой версты и нижней Петрушиной деревни, отъ берега въ четырнадцать саженьхъ, камень бываетъ съ водою равенъ, и подъ водою фута на два, лежитъ отъ форватера въ лѣвую сторону и не безопасенъ; да неподалеку отъ деревни Святки на nordъ-вестъ камень съ водою наровень лежитъ о самой срединѣ форватера и видны одни всплески; между-жь деревни Святки и деревни Малой-Тосны отъ лежащаго мысу простирается каменный наружный рифъ, куда и форватеръ клонится, отъ коего надлежитъ держать гораздо правѣе. Упомятая напоследокъ, что оныя камни и рифы бывали и прежде, и по указу ея императорскаго величества, правительствующій сенатъ приказали: какъ по осмотру секундъ-маіора Красильникова оказалось, что усмотрѣнные артиллеріи господиномъ генераль-поручикомъ Моллеромъ, въ проѣздъ его по берегу Невы рѣки, три камня тѣ самыя, кои, по причинѣ имѣющихся въ томъ мѣстѣ пороговъ, бывали и прежде, слѣдовательно и плывущимъ къ здѣшнему городу на судахъ и плотяхъ лопманамъ давно извѣстны; одинъ же изъ тѣхъ камней, находящійся вблизи деревни Святки, лежитъ на равнѣ съ водою и на самой срединѣ форватера: то поручить генераль-поручику и кавалеру Моллеру, что если и по его осмотру тотъ камень для проходящихъ судовъ и плотовъ въ самомъ дѣлѣ столько опасенъ, что они безъ вреда миновать его не могутъ, то-бъ приказавъ оный какъ наискорѣе чрезъ знающихъ людей разорвать и форватеръ безопаснымъ сдѣлать, а сколько на то денегъ употреблено будетъ, о томъ бы, для возвращенія ихъ, дать знать сенату; буде-же оны и другіе тамъ камни почитаетъ столько же для судового хода опасными, какъ и вышеписанный, представилъ бы въ сенатъ съ планомъ. Въ то-жь время на всѣхъ примѣченныхъ маіоромъ Красильниковымъ мѣстахъ, дабы оныя каждому вѣдомы были, а особливо при умаленіи въ Невѣ рѣкѣ воды—вреда нанести не могли, велѣтъ адмиралтейской коллегіи поставить немедленно знаки, а поставя оныя, дать знать о томъ канцеляріи Ладожскаго канала, коей нынѣ же отъ сената предписатьъ, чтобъ она, по полученіи такого увѣдомленія, всѣмъ плывущимъ сюда на судахъ и плотяхъ объявляла, дабы они въ вышеозначенныхъ мѣстахъ путь свой держали по тѣмъ выставленнымъ знакамъ. О чемъ въ адмиралтейскую коллегію, въ канцелярію Ладожскаго канала и къ господину артиллеріи генераль-поручику и кавалеру Моллеру указы посланы.

Сообщ. Г. И. Студенникъ.

Пугачевщина.

Историческая литература наша довольно богата обнаруженными материалами къ описанію эпохи Пугачевщины; но эти матеріалы по преимуществу официальные, т. е., правительственныя распоряженія, доведенія властей и т. п. Писемъ частныхъ лицъ, современниковъ и современницъ кровавыхъ событій Пугачевщины, притомъ, писемъ съ мѣста дѣйствій, до сихъ поръ, сравнительно, обнаружено весьма мало.

Вотъ почему нынѣ печатаемое письмо помѣщицы Лопатиной, писанное въ самый разгаръ мятежа 1774 г., получаетъ особое значеніе и интересъ. «Русская Старина» обязана полученіемъ этого весьма характернаго документа, въ подлинникѣ, Александру Ивановичу Языкову. Приводимъ письмо дословно, но съ исправленіемъ правописанія, въ оригиналѣ довольно безграмотнаго.

Ред.

Арзамасъ, сентября 19-го, 1774 года.

«Государь мой, Иванъ Антиповичъ! Письмо отъ васъ, отъ 2-го сентября, получила того-жъ 18-го, въ которомъ изволите писать о несвой (несносной) нашей горести и печали общей, о смерти покойныхъ Степана Ивановича и Марьи Григорьевны. И на то вамъ, государь мой, доношу, что мы къ вамъ писали обоготательно и послали человека, столяра Тимошку, августа 27-го числа; а отъ васъ изъ Мурома онъ поѣхалъ на паръ; на что, и нынѣ васъ о горесномъ случаѣ нашемъ, по смерти ихъ, увѣдомляю. Покойные поѣхали, собравши къ вамъ въ Тулу и взявъ съ собою лутчее платье, брилліанты и серебро, до пріѣзду злодѣя Пугачева въ Саранскъ за день, и доѣхали до Сипягина генерала и предводителя саранскаго, и съ нимъ Василій Ивановичъ Языковъ. А у Сипягина ночевавъ, и послѣ обѣда поѣхали всѣ вмѣстѣ и, отъѣхавъ 15 верстъ до села Украинцова Щербачовой, Марьи Григорьевой, и въ томъ селѣ поймави мужиками; Степана Ивановича сковави съ Сипягинимъ; а Василья Ивановича, посада на стулъ, взявъ на боарсной дворъ подъ караулъ. Обозъ остался за деревнею, въ коемъ была и несчастная Марья Григорьевна, назвавъ ее Бориска своею женою и выпросясь у мужиковъ за дватцать три рубли; и какъ они изъ Украинцова повезли ихъ въ Саранскъ, и отъѣхавъ до села Исмы три версты, и въ томъ селѣ встрѣтись злодѣйская команда—казаки: она ушла изъ обозу, взявъ съ собою бѣднаго сына Дмитрія и всѣхъ прося людей и женщинъ, въ такомъ несчастномъ случаѣ, чтобъ ихъ не оставили; однако никто съ нею не пошелъ. Она же еще на сносеъ была брюхата; и изъ вышеписаннаго села Украинцова ушла Катерина съ сыномъ поваромъ и дѣвкою. А изъ Исмы ушелъ Васька, прикащикъ съ смнъ; Федька, дальшой Нефловки, прикащикъ съ смнъ и псарь. Такъ злодѣи, довеза Степана Ивановича, въ Голицынѣ ночевали, коя на Инзарѣ; изъ Голицына бѣжали Бориска, и столяръ Оска, Савушка, Ммышка. Его упокойнаго, привезя въ Саранскъ, злодѣи замучили плетми, и муча бросили; нѣсколько полежа и сгорача вскочилъ, такъ ему предали смерти, подѣвали жилы. Сипягина тожъ плетми замучили и вбивъ въ ротъ кляпъ, который много передъ нимъ говорилъ и бранилъ его, называя его злодѣемъ и воромъ и разорителемъ Пугачевымъ, и говоря въ народѣ, чтобъ не думали, якобы государь былъ; а Василья Ивановича повѣсили, и Сипягина сына 14-ти дѣтъ. И единнымъ словомъ сказать, если бы люди просили

о избавленіи ихъ смерти, то-бъ они отъ него, злодѣя, избавлены были; многіе такіе образцы были, что упрашивали люди и крестьяне. Имѣніе ихъ все разграблено въ Саранскомъ, кое съ ними было; а въ домѣ что осталось: платье, хлѣбъ, скоть, по себѣ все раздѣлили, до нитки, люди и крестьяне, его и приданные кареты, возки, стулья, канале, кожу и сукно ободрали, желѣзо сняли, дерево и полозья все изрубил. Единнымъ сказать словомъ, въ домѣ стекла побили, ставни, двери выбрали; пробои, крючья выдрали; печи разломали. А она, упокойная, пошла страннымъ образомъ съ Митькою до своей приданой деревни пѣшкомъ, почевала по лѣсамъ; одѣяніе было—одна рубаха на плечахъ. И какъ стала подходить къ своей деревнѣ, узнавъ воры мужики, взявъ ее, привезли къ себѣ и возили на дорогу къ Пугачеву; злодѣй ее простилъ и отпустилъ, коя ими обратно къ себѣ въ деревню привезена къ приданому мужику на дворъ. Они, не выѣзжая изъ его станицы злодѣйской, звали команду, что у нихъ барыня у приданого мужика; такъ три команды набѣжали и отпустили; четвертая прѣѣхала, сѣвши плетью нещадно, повѣшана и мужикъ съ нею то-жъ; а бѣднаго Митьку назвавъ онаго мужикъ повѣшеннаго сынъ своимъ сыномъ, такъ онъ и жизнь свою спасъ. Впрочемъ, пребуду всегда вамъ, государю моему, съ моимъ почтеніемъ, государь мой, покорная всегда—Прасковья Лопатина».

(Приписка Лопатиной на доскутѣ):

«Упокойный Степанъ Ивановичъ замученъ августа 29-го и, послѣ злодѣя въ третій день, погребенъ съ прочими тѣлами, за Изварою у валу, въ двухъ ямахъ, на что вамъ о убитыхъ саранскихъ, пензенскихъ, алаторскихъ реестръ посылаю. А она упокойная того-жъ 30-го августа замучена-жъ, и снявъ ее воры съ петли и съ мужикомъ отвезли за деревню и бросили въ поле безо всякаго присмотру, гдѣ они лежали съ мужикомъ недѣлю; не только подходила скотина, и муха на нихъ не садилась. Такъ было, на томъ мѣстѣ вырыли яму и бросили ихъ; изъ канцеляри поѣхали, велѣли тѣла хоронить. Кормилица ее, мужикова жена, кой повѣшавъ, вступилася, вырыла и погребла у церкви села Пестровки средней Левашева Петра Ивановича, который имъ былъ пріятелемъ,—они у него гостили ночи по двѣ и по три; положена въ томъ крестьянскомъ сарафанѣ, въ коемъ она замучена, а саванъ, Христа ради, солдатка у нихъ злодѣевъ смскала ровный холстъ изъ ихъ разграбленныхъ пожитковъ. Они все бѣлье и холсты разодрали на каждого по доскутамъ, и двѣ кровати ситцовая и домашняя кисейная, и платье, вопъ остались, пряжу и нитки все по себѣ бабы сѣвниа, дворовые и крестьянки раздѣлили и такъ толпами всѣ и ходили».

Сообщ. А. И. Языковъ.

Исторія одной табакерки.

Въ Самарѣ, у моего почтеннаго сосѣда Л. Б. Тургенева, украли старинную, золотую табакерку съ эмалевымъ изображеніемъ, на ея крышкѣ, греческихъ царя и царицы, сидящихъ на престолахъ, и живописца, рисующаго ихъ портреты.

Тургеневъ чрезвычайно дорожилъ этою табакеркою по слѣдующей причинѣ.

Табакерка эта досталась ему отъ тетки жены его В. А. Аплечеевой, къ ней же перешла табакерка отъ ея отца А. А. Аплечеева, бывшаго при императорѣ Павлѣ петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и получившаго ее въ даръ отъ этого государя вотъ по какому случаю.

До императора Павла дошло, что капитанъ гвардейской артиллеріи Л. В. Киндяковъ ведетъ сильную азартную игру.

При одномъ изъ утреннихъ рапортовъ, государь приказалъ Аплечееву тотчасъ взять Киндякова и отправить въ Сибирь.

Киндяковъ былъ искреннимъ пріателемъ и даже другомъ Аплечеева, а потому Аплечеевъ рѣшился его спасти. Выходя изъ дворца, Аплечеевъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и написалъ на немъ, карандашомъ: «въ ту же минуту уѣздай изъ Петербурга», послалъ эту записочку къ Киндякову съ вѣстовымъ, а самъ, пріѣхавъ домой, сейчасъ потребовалъ къ себѣ двухъ своихъ помощниковъ, полиціймейстеровъ. Одному онъ приказалъ: немедленно приготовить тройку лошадей, у себя на дворѣ, затѣмъ ѣхать въ такой-то домъ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, часто бывалъ Киндяковъ, и привезъ его къ нему, если же полиціймейстеръ не найдетъ его въ указанномъ домѣ, то ѣхать къ нему на квартиру и привезъ оттуда; другому полиціймейстеру Аплечеевъ приказалъ: тотчасъ ѣхать въ артиллерійскія казармы и привезъ Киндякова, если же тамъ его не застанетъ, узнать въ канцеляріи его квартиру и ѣхать за нимъ туда. Аплечеевъ вразумилъ полиціймейстеровъ, что распоряженіе его должно быть исполнено съ величайшею точностью и быстротою, такъ какъ оно основано на высочайшемъ повелѣніи.

Полиціймейстеры поскакали и, разумѣется, воротились ни съ чѣмъ. Аплечеевъ жестоко ихъ распекъ и приказалъ сказать по всѣмъ заставамъ, узнать, черезъ которую Киндяковъ выѣхалъ, и послать догнать его. Новая поѣздка полиціймейстеровъ была также безуспѣшна. Тогда Аплечеевъ рѣшительно объявилъ имъ, что онъ ничего знать не хочетъ, и такъ какъ, слѣдовательно, Киндяковъ изъ Петербурга не выѣзжалъ, то къ вечернему рапорту онъ долженъ быть отысканъ, и для этого приказалъ поднять на ноги всю полицію. Но и эта мѣра не имѣла успѣха; обстоятельство это до такой степени поразило Аплечеева, что онъ заболѣлъ и вмѣсто себя послалъ къ государю съ вечернимъ рапортомъ старшаго полиціймейстера.

— «А Аплечеевъ?» спросилъ государь.

— «Заболѣлъ, ваше величество».

Утромъ, на другой день, Аплечеевъ не оправился и опять послалъ полиціймейстера съ рапортомъ.

— «Гдѣ же Аплечеевъ?» съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спросилъ Павелъ.

— «Все еще болѣвъ, ваше величество».

Когда же съ вечернимъ рапортомъ опять явился не Аплечеевъ, а полиціймейстеръ, государь разсердился и приказалъ привезть къ себѣ Аплечеева, живаго или мертваго.

Приказаніе исполнено: Аплечеевъ подъ руки былъ введенъ предъ государя, и отъ слабости опустился на колѣни.

— «Что это значитъ?» закричалъ Павелъ. «Ты не хочешь служить? Что съ тобою?»

— «Болѣвъ, ваше величество».

— «Отчего?»

— «Отъ огорченія, ваше величество».

— «Отъ какого?»

— «Не могъ исполнить воли вашего императорскаго величества».

— «Какой?»

— «Киндякова не отправилъ въ Сибирь, не нашли въ городѣ, пропалъ, неизвестно куда».

— «А - а! Самъ пошелъ въ Сибирь!»

— «Слушаю, ваше величество», покорно отвѣчалъ Аплечеевъ, все еще стоя на козлѣнкахъ, и тутъ же имѣлъ рѣшимость прибавить, глядя на табакерку, которую то закрывалъ, то открывалъ предъ его глазами разсерженный государь: «какая прелестная, новая табакерка у вашего величества!»

— «Правда? Вчера у француза купилъ; посмотри хорошенько, прелесть».

Аплечеевъ принялъ табакерку изъ рукъ государя, полюбовался ею, попробовалъ положить ее въ карманъ своего камзола и, возвращая ее государю, сказалъ: «чудесная и какъ хорошо приходится въ карманъ!»

— «Ну, такъ возьми ее себѣ. Пошелъ», заключилъ Павелъ, грозя пальцемъ Аплечееву, «да смотри ти у мена!»

Замѣчательно, что Киндяковъ, не медля ни минуты, по полученіи записки Аплечеева, уѣхавшій, инкогнито, изъ Петербурга въ свое имѣніе, подъ Симбирскомъ, и уже болѣе не возвращавшійся изъ онаго, проживъ въ этой деревнѣ (Киндяковѣ) до глубокой старости, лѣтъ десять тому назадъ увидѣлъ табакерку, предметъ настоящаго разсказа, въ рукахъ также симбирскаго помещика Л. Б. Тургенева и взялъ ее, чтобы полюбоваться.

— «Знаете - ли какая эта табакерка?» спросилъ Тургеневъ почтеннаго старика.

— «Нѣтъ».

— «Она пожалована императоромъ Павломъ за ваше спасеніе», и Тургеневъ разсказалъ Киндякову нами переданную исторію.

Самара.

Сообщ. П. В. Алабинъ.

Указъ Александра I объ истребленіи неповоленныхъ карточныхъ игръ,

11-го іюля 1801 г.

Господинъ генераль отъ инфантеріи и санктъ-петербургскій военный губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ доходить до свѣдѣнія моего, что карточная азартная игра, многими законами запрещенная и никакимъ благоучрежденнымъ правительствомъ нетерпимая, къ сожалѣнію производится въ здѣшней столицѣ безъ зазору и безъ страха. Признавая зло сіе вреднѣйшимъ въ своихъ послѣдствіяхъ, нежели самое открытое грабительство, коего оно есть благодѣльная отрасль, и зная, сколь глубоко при малѣйшемъ поущеніи можетъ оно пустить свои корни въ снхъ скопищахъ разврата, гдѣ толпа безчестныхъ хищниковъ, съ хладнокровіемъ обдумавъ разореніе цѣлыхъ фамилій, изъ рукъ неопытнаго юншества, или неразсчитливой алчности, однимъ ударомъ изторгаютъ достояніе предковъ, вѣками службы и трудовъ уготованное, и испровергая всѣ законы чести и человѣчества, безъ угрызненія совѣсти и съ челою безстыднымъ не рѣдко поглощаютъ даже до послѣдняго пропитанія семействъ невинныхъ. Я признаю справедливымъ обратитъ всю строгость закона на сіе преступленіе, и дабы остановить въ самомъ началѣ гибельныя его дѣйствія, повелѣваю вамъ неослабно имѣть бдѣніе и наблюденіе, дабы запрещенныя игры отнюдь и внигдѣ не были производимы, и чтобъ вы, принявъ всѣ мѣры къ открытію такового дѣйствія, гдѣ

бы оно ни танцось, виновныхъ въ ономъ, безъ всякаго различія мѣстъ и лицъ, приказали брать подъ стражу и отсылать къ суду, донося мнѣ въ то же время объ именахъ ихъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ. Пребываю впрочемъ вамъ благо-склонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.

Примѣчаніе. Этотъ замѣчательный указъ республикованъ отъ севата 1-го августа 1801 г. и вошелъ въ П. С. З., т. XXVI, № 19,938. Современные списки съ этого указа весьма распространены. Между прочими одинъ изъ нихъ сообщенъ намъ В. В. Садовскимъ, изъ Луги. Въ виду значительности интереса этого документа, считаемъ нелишнимъ его напомнить. Ред.

Разговоръ Наполеона I съ кн. А. Н. Голицынымъ.

1808.

Въ 1808 году, какъ извѣстно, состоялось въ Эрфуртѣ свиданіе императора Александра Павловича съ Наполеономъ I.

День, въ который назначенъ былъ въѣздъ русскаго государя въ Эрфуртъ, стоялъ теплый и ясный. Императоръ Александръ ѣхалъ, — во главѣ многочисленной свиты, — въ открытой коляскѣ съ Нарышкинымъ. Приближаясь къ городу, сначала замѣтили на шоссе облако пыли, а затѣмъ разглядѣли и скакавшихъ навстрѣчу всадниковъ: очевидно, Наполеонъ выѣхалъ привѣтствовать своего царственного союзника. Тогда Нарышкинъ оставилъ государя и онъ продолжалъ путь одинъ.

При встрѣчѣ Наполеонъ спрыгнулъ съ лошади, а императоръ Александръ вышелъ изъ экипажа: государя обнялись и пошли по шоссе пѣшкомъ. За ними, шагомъ, слѣдовали обѣ свиты. Уже въ виду городскихъ воротъ, изъ которыхъ высыпала масса народа, монархи сѣли въ коляску и отправились въ украшенный знаменами и вѣнками городъ.

Во все время пребыванія императоровъ въ Эрфуртѣ,¹⁾ Наполеонъ каждое утро приходилъ къ русскому государю. На императорѣ французовъ всегда была его историческій сѣренькій куртучекъ. Проходя полную принцевъ и генераловъ приемную, онъ шутиливо спрашивалъ дежурныхъ офицеровъ, кивая головой на дверь кабинета:

— «Можно мнѣ войти?» и входилъ, не дожидаясь отвѣта. Эти утреннія свиданія продолжались по два и по три часа, а иногда и долѣе.

На обѣдахъ у Наполеона всегда присутствовали только коронованныя особы и принцы крови, исключеній почти не было. Въ свитѣ русскаго императора въ то время находился князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (впослѣдствіи оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода). Совершенно неожиданно получилъ онъ однажды приглашеніе на обѣдъ къ императору Наполеону. Этикетъ требовалъ, чтобы князь испросилъ у своего государя позволеніе — воспользоваться такимъ приглашеніемъ; но такъ какъ оба монарха въ то утро были на охотѣ, то князь Голицынъ и рѣшился, волей-неволей, отправиться прямо во дворецъ императора французовъ.

Кувертъ кн. Александра Николаевича назначенъ былъ какъ разъ насупротивъ куверта Наполеона. Когда государя и ихъ свита возвратились съ охоты и присутствовавшіе заняли свои мѣста, обѣдъ начался въ глубокомъ молча-

¹⁾ По числу коронованныхъ особъ и принцевъ крови, окружавшихъ государей, эрфуртское свиданіе было самымъ блестящимъ изъ ему подобныхъ.

ніи: хозяинъ имѣлъ привычку не иначе завязывать разговоръ за обѣдомъ, какъ съѣвъ тарелку супа. Быстро исполнивъ эту операцію. Наполеонъ обратился къ кн. Голицыну съ вопросомъ:

— «Скажите, пожалуйста, что ѣсть русскій священникъ на другой день по посвященіи его въ этотъ санъ?»

Озадаченный неожиданнымъ вопросомъ, кн. Голицынъ попробовалъ отдѣлаться шуткой)

— «Государь!» сказалъ онъ: «я думаю, что онъ ѣсть то, что сострапаетъ для него его жена....».

Наполеонъ усмѣхнулся: «Да», сказалъ онъ, «если только у нихъ останется что-нибудь отъ вчерашняго дня на кашу)...».

Этотъ рассказъ кн. А. Н. Голицына записанъ мною со словъ и обязательнаго согласія А. М. Загражскаго.

Сообщ. Н. П. Кичеевъ.

Дѣло о поощреніи сельскаго хозяйства въ Харьковской губерніи.

1843 — 1861.

Прошлое, о которомъ будетъ идти рѣчь, забытое теперь, но не потерявшее чрезъ то своего интереса и поучительнаго значенія для позднѣйшаго времени, есть дѣло о ссудахъ изъ Харьковской конторы государственнаго банка подъ залогъ сельскихъ произведеній. Многомилліонное дѣло это касается землевладѣльцевъ почти половины губерніи; оно разбиралось много лѣтъ и не доведено было до конца, да едва-ли и возможно было довести его къ желаемому исходу. Даже въ настоящее время взысканія по этому дѣлу еще производятся повѣренными конторы банка. Свѣдѣнія о дѣлѣ почерпнуты мною изъ нѣкоторыхъ подлинныхъ бумагъ изъ цѣлой кучи фоліантовъ всего дѣла; которое я имѣлъ случай видѣть. Изъ этихъ документовъ достаточно вырисовывается историческая сущность дѣла и его характерныя черты; нѣкоторыя подробности живо напоминаютъ житье-бытье и взгляды помѣщиковъ Харьковской губерніи недавней старины; губернія эта, какъ извѣстно, въ нѣкоторомъ роѣ знаменита своими процессами, уголовными и не уголовными, широкими размѣровъ. Мое изложеніе будетъ состоять, главнымъ образомъ, изъ буквальныхъ извлеченій изъ документовъ въ историческомъ порядкѣ.

Въ 1843 г. была учреждена правительствомъ въ Харьковѣ контора Коммерческаго Банка «для споспѣшествованія коммерческимъ оборотамъ, а болѣе того для поощренія сельскаго хозяйства и промышленности края». Конторѣ предоставлено было право производить ссуды помѣщикамъ, подъ залогъ ихъ сельскихъ произведеній. Чтобы получить ссуду, необходимы были два условія: во-первыхъ, свѣдѣтельство мѣстнаго земскаго суда о количествѣ сельскихъ произведеній, находящихся въ данное время у просящаго ссуды, и о существующихъ цѣнахъ на произведенія, и во-вторыхъ, поручительство двухъ благонадежныхъ помѣщиковъ въ томъ, что означенныя произведенія до выкупа будутъ сохраняться въ цѣлости. Эту благонадежность, а также и правильность цѣнъ на сельскіе

*) «Oui, s'il leurs reste quelque chose pour le grôot....» (Намѣкъ на стѣнность священническихъ мѣстъ въ Россіи въ то время). Н. Ж.

продукты, утверждалъ мѣстный уѣздный предводитель дворянства. Самыя ссуды производились по 30 коп. за рубль.

Въ первые годы существованія конторы, ссудами изъ нея пользовались очень мало, несмотря на легкость и доступность условий ихъ полученія. Однако, тяжелый во многихъ отношеніяхъ, неурожайный 1848 году вынудилъ многихъ помѣщиковъ прибѣгнуть къ займу, въ надеждѣ удачнаго изворота черезъ устройство фабрикъ, заводовъ и т. под., или только въ предположеніи обильнаго будущаго урожая. Но неурожай продолжался, къ нимъ прибавились: скотскіе надежи (у нихъ погибло до $\frac{9}{10}$ тонкорунныхъ овецъ), тягостное военное положеніе края во время войны съ союзниками и, надо прибавить (чего, конечно, не говорить объяснительная записка дѣла), собственное жите на распашку, но все же, несмотря на трудность обстоятельствъ. Всѣ надежды помѣщиковъ рушились; они увидѣли себя поставленными въ невозможность выплатить въ одинъ разъ долги конторѣ банка. Начали прибѣгать къ возобновленію обязательствъ, по новымъ свидѣтельствамъ, иногда даже съ увеличеніемъ долга противъ прежняго. Мало по малу втягиваясь въ неоплатные долги, многіе изъ помѣщиковъ очутились въ такихъ обстоятельствахъ, что имъ оставалось уже обращать вниманіе единственно на цѣлость или сохраненіе своихъ имѣній, которыми нужно было отвѣтствовать передъ конторою банка. Что же касается сельскихъ продуктовъ, заложенныхъ конторѣ, то ъ нихъ приходилось уже мало думать. Отъ 1850 по 1853 гг. произведены были конторою самыя большія ссуды, доходившія до 2,230,000 р. въ годъ. Правда, что имѣнія нѣкоторыхъ помѣщиковъ улучшились; они воспользовались полученными свободными капиталами для устройства сахарныхъ и селитренныхъ заводовъ и для улучшенія овцеводства. Но такъ было только съ немногими. Легкость полученія ссудъ изъ конторы банка увлекала всѣхъ, не только помѣщиковъ почти половины всего дворянства губерніи, но и должностныхъ между ними лицъ, которыя въ выдачѣ свидѣтельствъ видѣли только соблюденіе формальности, не опасаясь ни дурныхъ послѣдствій, ни отвѣтственности. Выдавались свидѣтельства въ существованіи у помѣщика такихъ сельскихъ продуктовъ, которыхъ у него и помину не было, напр., на такое-то, конечно, весьма не малое, количество канареечнаго сѣмени. Въ 1853-г. контора банка, видя постоянное увеличеніе счетовъ залогодателей и замѣчая ихъ затрудненія, и затѣмъ опасаясь послѣдствій, приняла за правило—не увеличивать кредитъ помѣщикамъ, а, напротивъ, сокращать его при каждомъ наступленіи срока, получая въ уплату наличными деньгами $\frac{1}{10}$ капитала и учетные проценты. Это служило мѣрою постепеннаго погашенія долга. Сумма такой уплаты въ непродолжительное время простиралась до 300,000 р. и тогда бы достигнуть большей цифры, какъ увѣряетъ объяснительная записка дѣла, если бы распоряженіе генерал-губернатора Ковошкина о вараженіи ссуды о недостаткѣ сельскихъ продуктовъ по Сумскому уѣзду не прекратило совсѣмъ кредита этому уѣзду. Переписка Ковошкина съ министромъ финансовъ повела къ учрежденію ссудственной комиссіи, по высочайшему повелѣнію, на которую было возложено перевести обезпеченіе долга конторѣ банка, за недостаткомъ продуктовъ, на имѣнія. Комиссія явилась въ самыя имѣнія должниковъ, описала всѣ найденные въ нихъ на-лицо продукты безъ исключенія и поручила ихъ полицейскому надзору, а на имѣнія, гдѣ оказался недостатокъ продуктовъ, наложила запрещенія. Проходить еще такимъ образомъ годъ, другой, но дѣло внесенія долговъ конторѣ банка не подвигается. Наконецъ 11-го

мая 1859 г. послѣдовало слѣдующее рѣшительное опредѣленіе общаго собранія государственнаго совѣта: «Государственный совѣтъ нашелъ, что на омытѣ оказалось затруднительнымъ наблюдать за сохраненіемъ въ дѣлности заложенныхъ сельскихъ произведеній въ имѣніяхъ помѣщиковъ, что не представляется удобнымъ продолжать осуды изъ харьковской конторы банка и что слѣдствіемъ, произведеннымъ высочайше учрежденною слѣдственной комиссіей, воплію обнаружена виновность лицъ, какъ въ выдачѣ ссудъ изъ харьковской конторы банка, такъ и въ полученіи оныхъ, почему Государственный Совѣтъ опредѣлилъ: передать въ Харьковское губернское правленіе самое дѣло, произведенное слѣдственной комиссіей, для предавія уголовному суду виновныхъ»

Настало критическое положеніе для помѣщиковъ-заемщиковъ. Что дѣлать? Предводители дворянства виновныхъ уѣздовъ, и въ заключеніе самъ губернский предводитель дворянъ, начали искать, черезъ губернатора, ходатайства передъ правительствомъ о выходѣ изъ такого критическаго положенія, о прощеніи ихъ. Ихъ прошенія губернатору весьма интересны по характернымъ мотивамъ, которые развиваются въ этихъ бумагахъ и такъ ясно рисуютъ время и самое дѣло. Я приведу нѣкоторыя выдержки изъ этихъ, теперь уже историческихъ, документовъ.

Предводитель дворянства Сумскаго уѣзда, Савичъ, отъ 10-го сентября 1859 г., пишетъ губернатору Лужину: «Такъ какъ займы были сдѣланы не однимъ, или нѣсколькими лицами, а цѣлымъ дворянствомъ Харьковской губерніи, то и нельзя ихъ назвать ни злоупотребленіемъ, ни попыткой неправильно воспользоваться благодѣтельной мѣрою правительства, а, напротивъ, общою потребностью всего сословія въ кредитъ, вслѣдствіе тяжкаго положенія отъ недостатка наличныхъ капиталовъ, происходящаго отъ разныхъ условій» (отъ какихъ именно, объ этомъ ничего не говорится). Далѣе уѣздный предводитель дворянъ распространяется о почвѣ, географическомъ положеніи, путяхъ сообщенія и производительности земли губерніи; по мнѣнію его, «дешевизна хлѣба вызвала винокурение, которое процвѣтало въ Харьковской губерніи, но введеніемъ акціонной системы упало, а съ нимъ виестѣ упало и хлѣбопашество, и помѣщики прибѣгли къ тяжкимъ займамъ изъ конторы государственнаго банка». Онъ высказываетъ далѣе мысль, которую старается представить положеніе дворянъ опаснымъ для крестьянской реформы, въ виду дурныхъ для нея послѣдствій. «Если», пишетъ онъ, «имѣнія будутъ подвергнуты опеке, то, при ослабленной власти помѣщиковъ и при раздраженномъ состояніи крестьянъ, мѣра эта неминуемо поведетъ къ беспорядкамъ, потому что крестьяне не могутъ понять причины взятія имѣній въ опеку и объяснить это обстоятельство въ свою пользу; такимъ образомъ, взятіе имѣній въ опеку не обезпечитъ уплаты долговъ конторѣ банка, а только лишитъ помѣщиковъ крестьянскаго труда и доходовъ. А такъ какъ долги помѣщиковъ не суть частное явленіе, а будущее положеніе дворянства, то,—дабы дать возможность этому сословію окончить свое прежнее существованіе, со введеніемъ крестьянской реформы, и честнымъ образомъ развязать свои долговныя обязательства передъ казною и частными лицами,—необходимо просить высшее правительство, какъ милости, о разрѣшеніи крестьянскаго дѣла путемъ финансовой операціи, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ проектѣ объ улучшеніи быта крестьянъ въ Харьковской губерніи. Безъ этой мѣры, переходное состояніе, съ обязательными повинностями срочно-обязанныхъ крестьянъ, обратитъ дворянъ-помѣщиковъ въ безсрочно-обязанныхъ нищихъ, ибо—въ чемъ будетъ состоять ихъ

право на землю?— въ правѣ на безконечные споры и искн съ крестьянами, для разбора которыхъ не видно никакихъ средствъ. Гдѣ средства помѣщиковъ для веденія хозяйства, обработки полей? Въ обязательномъ трудѣ; но обязательный трудъ, уничтожая свободу крестьянъ и превращая ее въ одаю мертвую форму, будетъ существовать не на дѣлѣ, но только въ навной доврчивости помѣщиковъ къ возможности его выполнения».

Мрачная картина, рисуемая уваднымъ предводителемъ дворянъ, становится, чѣмъ далѣе, тѣмъ мрачнѣе и краснорѣчивѣе. «Время юношескаго доврбiя пройдетъ», продолжаетъ онъ, «настанетъ холодная дѣйствительность, и роковой стувъ аукционнаго молотка возвѣстятъ, что не стало родоваго завѣтнаго имѣнiя у одного, другаго, третьяго дворянина. Но лишится состоянiя еще не такъ тяжело, а вотъ въ чемъ бѣда, и бѣда горькая: гдѣ возьмутъ помѣщики средства для воспитанiя дѣтей? сколько съ гора погибнетъ матерей! и какъ много вступитъ въ общество молодыхъ людей, рожденныхъ въ роскоши, но не получившихъ воспитанiя. Что будутъ это за люди?— правственные пролетарiи, для существованiя которыхъ нужны—силою вытая чуждая собственность и чужое счастье. Вотъ въ какую бездну разоренiя и гора впадетъ дворянство, если будетъ допущено переходное состоянiе съ обязательными повинностями, которыхъ обезпеченiе едва-ли возможно для самаго правительства». Предводитель дворянъ заключаетъ свое прошенiе мнѣнемъ, что въ интересахъ правительства выгоднѣе оказать благодѣанiе заимодавцамъ, чѣмъ подвергнуть ихъ разоренiю, а для будущаго необходимо общее преобразованiе всей кредитной системы.

Предводитель дворянъ Ахтырскаго уѣзда, Шрейдеръ, въ своей бумагѣ тому же губернатору Лужину, 20-го октября 1859 г., развиваетъ тему съ другой точки зрѣнiя. Онъ обращается къ возможности погашенiя долговъ и говоритъ, что «должники банка, обративъ занятыя деньги въ орудiя общепольной промышленности, погасили бы займы, еслибъ въ уплатѣ ихъ соблюдалась кредитная постепенность и не постигли губернкю нечаянныя издержки на войну, денежныя пожертвованiя, натуральныя повинности и образованiе ратныхъ дружинъ, и если бы самыя состоятельныя хозяйства не пострадали отъ повальной смертности эпидемiи цинги и двухъ эпидемiй холеры, отъ частыхъ повальныхъ падежей скота и управо повторившихся неурожаевъ. Къ этому еще надо присоединить сдѣланное бывшимъ генералъ-губернаторомъ распоряженiе о погашенiи банковыми ссудами податей и недоимокъ. Такое распоряженiе явно увеличивало число должниковъ, избавляя начальника края отъ неприятнаго для него нареканiя въ слабомъ вмсканiи». Предводитель дворянъ указываетъ на то, что «слѣдуетъ снять съ заемщиковъ личную отвѣтственность, которой они подвергались, кромѣ разныхъ бѣдствiй, именно вслѣдствiе этого неожиданнаго распоряженiя начальника края о вмсканiи податей и повинностей». Говоритъ далѣе, что «съ прекращенiемъ ссудъ дворяне лишаются единственнаго источника, изъ котораго истекалъ оживотворяющiй промышленность кредитъ; что уголовная подсудимость дворянъ ставить ихъ не только въ нравственное отчужденiе отъ общества, но и должна имъ причинить матеріальное разоренiе, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ поводомъ въ продолжительному и бѣдственному упадку промышленности дѣлаго края, между тѣмъ какъ дарованiемъ разсрочки платежей и край, и правительство достигли бы благихъ результатовъ. Изъ оборотовъ не будутъ немед-

ленно являты необходимыя для промышленности капиталы, а правительство возвратитъ заемъ сполна по правиламъ кредитныхъ установленій».

Простотою и незатѣйливостію развитія той же темы отличается прошеніе предводителя дворянъ Богодуховскаго уѣзда, Кованько, отъ 25-го декабря 1859 г. Онъ проситъ тоже о разсрочкѣ долга. «Ибо», пишетъ онъ, «считаю долгомъ доложить, что погашеніе долга не можетъ исполниться никакъ иначе, какъ только при одной разсрочкѣ; если же приступлено будетъ къ рѣшительной мѣрѣ: продажѣ съ публичнаго торга,—при чемъ едва-ли банкъ выручитъ подлежащую сумму,—какая участь постигаетъ дворянство, всегда съ честью служащее престолу и отечеству, не щадящее ни достоинства, ни самой жизни по единому слову Монарха, и вездѣ запечатлѣваваго кровью своею вѣрности и безпредѣльную преданность своему Государю. Эта картина предстоящаго опустошенія такъ ярко обрисовывается, что не сомнѣваюсь, что ваше превосходительство (губернаторъ Лужинъ), конечно, вполне сочувствуя этой бѣдственной участи, могущей постигнуть дворянъ-заемщиковъ и поручителей по нимъ, и лицъ, прикосновенныхъ по выдачѣ свидѣтельствъ,—несомнѣнно повергнете все это на высочайшее возвращеніе всемілостивѣйшаго Монарха, какъ о необходимости разсрочки, такъ равно и объ освобожденіи всѣхъ означенныхъ лицъ отъ всякой по закону за поступокъ отвѣтственности. Въ отношеніи же поручителей»,—продолжаетъ онъ,—«которыхъ одна отвѣтственность достаточно уже послужитъ для нихъ урокомъ, не оставите равнолѣдно представленіемъ на милостивое благоуваженіе».

Наконецъ, вотъ главный мѣста ходатайства губернскаго предводителя дворянства, Бахметева, извѣстнаго въ то время оратора, губернатору Ахматову отъ 31-го марта 1861 г. Губернскій предводитель начинаетъ указаніемъ на большую пользу, которую принесла краю выдача ссудъ, на обогащеніе помѣщиковъ, приобрѣтеніе нѣкоторыми изъ нихъ недвижимыхъ имѣній, уплату податей, поднятіе промышленности. «Внезапное требованіе въ 1854 г.», увѣряетъ г. Бахметевъ, «возврата ссудъ, затраченныхъ на промышленныя предпріятія, лишило помѣщиковъ возможности немедленно извлечь употребленные въ дѣло капиталы, повергло ихъ въ уныніе и поставило въ безвыходное положеніе. Послѣдовалъ мѣстный кризисъ, который принялъ значительные размѣры, вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ крымской войны, неурожаевъ, болѣзней и скотскихъ падежей. Несмотря на трудное положеніе, многіе должники погасили свои долги. Если это не оправдало результатовъ, ожидаемыхъ правительствомъ, то причиною того было, кромѣ вышеназложеннаго, неопредѣленное положеніе недвижимой собственности по отношенію къ крестьянскому дѣлу, какъ верѣшному вопросу, ввухавшему всѣмъ нѣкоторое опасеніе и общій денежный кризисъ, отразившійся на всѣхъ отрасляхъ промышленности Россіи. Крестьянская реформа введена, но средства помѣщиковъ должны сократиться, а потому, при всемъ желаніи помѣщиковъ уплатить долги, они могутъ расчитаться съ конторою банка только продажей своихъ недвижимыхъ имѣній. Но продажа имѣній въ столь значительномъ количествѣ не представляетъ ручательства въ выручкѣ потребной суммы для погашенія всего долга, ибо по непреклонному экономическому закону, когда предложенія превышаютъ запросы, то цѣнность предлагаемыхъ кредитовъ на столько падаетъ, на сколько предложенія выше ихъ запросовъ. А поэтому, во избѣжаніе ущерба казеннаго интереса и совершеннаго разоренія почти ста дворянскихъ семействъ, представляется лучшимъ средствомъ—разсрочка ссудъ на продолжительное время, съ

переводомъ долга на земли должниковъ. Такая мѣра представляетъ полное ручательство погашенія остальнаго долга залогодателей, долги которыхъ обезпечены ихъ имѣніями, такъ что изъ всѣхъ залогодателей не болѣе шести могутъ оказаться несостоятельными». (Замѣчу въ скобкахъ, что впоследствии оказались, напротивъ, почти всѣ несостоятельными). Далѣе, губернской предводитель дворянъ обращается къ губернатору съ ходатайствомъ объ участіи, около ста лицъ, отданныхъ подъ уголовный судъ. «Ихъ подсудимость», пишетъ онъ, «совершенно сокрушила ихъ денежное положеніе, ибо невзвѣстность, чѣмъ кончится дѣло, лишаетъ ихъ всякаго кредита и частныхъ капиталовъ и тѣмъ не только губитъ ихъ состоянія, но и отнимаетъ средства оправдать себя передъ правительствомъ. Кроме того, подсудимость ста дворянъ лишаетъ губернію столь значительнаго числа членовъ общества, что на предстоящихъ дворянскихъ выборахъ окажется недостатокъ въ выборѣ способныхъ и полезныхъ дѣателей для замѣщенія разныхъ должностей въ уѣздахъ (Ахтырскомъ, Сумскомъ, Лебединскомъ и Богодуховскомъ). Это обстоятельство неблагопріятно отзовется и въ настоящее время при выборѣ мировыхъ посредниковъ». «Великодушный Монархъ, въ манифестѣ 19-го февраля, соизволилъ выразить слѣдующія слова, глубоко запечатлѣвшіяся въ сердцахъ русскаго дворянства, которое съ благоговѣніемъ приняло и оправдаетъ ожиданія своего Государя въ дѣлѣ окончательнаго устройства быта крестьянъ: «Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тѣпаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства, и что каждый владѣлецъ довершитъ, въ предѣлахъ своего имѣнія, великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его земли крестьянъ и его дворовыхъ людей, на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію государственныхъ постановленій». Этотъ священный завѣтъ возлагаетъ на каждого владѣльца обязанность довершитъ, въ предѣлахъ его имѣнія, великій гражданскій подвигъ всего сословія»—пишетъ губернской предводитель дворянъ,—«но для достиженія этой возвышенной цѣли необходимы: спокойствіе духа и увѣренность наслаждаться плодами своего общественнаго труда. Подсудимость заемщиковъ, тревожа ихъ духъ, поставляетъ къ тому великое препятствіе, вслѣдствіе чего всѣ эти лица лишены возможности, несмотря на ихъ пламенное желаніе, довершитъ, въ предѣлахъ своего имѣнія, спокойно и совѣстливо великій гражданскій подвигъ всего сословія, и сверхъ того отняла бы у нихъ возможность загадать прежнія ошибки». Затѣмъ губернской предводитель дворянъ проситъ ходатайствовать о разсрочкѣ долга на 37 лѣтъ и освободить отъ уголовного суда всѣхъ дворянъ губерніи, виновныхъ по этому дѣлу, «что доставить сословію дворянъ Харьковской губерніи», говоритъ онъ, «тѣхъ полезныхъ дѣателей, которыхъ вызываютъ нынѣ общественныя требованія, впавшихъ въ это несчастное дѣло безъ преступнаго замысла и съ увѣренностью быть состоятельными въ своихъ обязательствахъ предъ правительствомъ, отвѣчая болѣе своими имѣніями, нежели лицомъ, что доказывается произведенною оцѣнкою всѣмъ имѣніямъ должниковъ банка». (По оцѣнкѣ, замѣчу опять, дѣянность имѣній должниковъ оказалась, напротивъ, ниже суммъ долговъ).

Вслѣдствіе ходатайства Харьковскаго губернатора, Ахматова, состоялось высочайшее соизволеніе на утвержденіе положенія комитета министровъ, 29-го мая и 12-го іюня 1862 г., которымъ, между прочимъ, 1) долги по судамъ подъ

залогъ сельскихъ произведеній разсрочены со сроковъ 1862 г., по причисленіи процентовъ къ капиталу, на 37-ми лѣтнихъ правилахъ съ платежемъ 6% интереса и 1% погашенія; и 2) вся отвѣтственность разсроченнаго долга оставлена на заемщикахъ и поручителяхъ по нимъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ, на уѣздныхъ предводителяхъ дворянства, удостовѣрившихъ въ благоважденности поручителей, и на членахъ земской полиціи, выдавшихъ свидѣтельства на отданныя въ залогъ произведенія, конхъ въ наличности не оказалось. Что же касается личной отвѣтственности должниковъ, то особымъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ вслѣдствіе ходатайства Харьковскаго губернатора, всѣ прикосновенныя къ дѣлу о растратѣ лица отъ отвѣтственности по закону, за исключеніемъ платежа долговъ по ссудамъ, освобождены и дальнѣйшее производство дѣла въ уголовномъ порядкѣ прекращено.

Какъ велика была уплата должниковъ банку по ссудамъ, разсроченнымъ на 37-ми лѣтнихъ правилахъ, и какъ велико количество остальнаго долга въ настоящее время,—нельзя опредѣлить точно, не имѣя подъ руками данныхъ; но можно съ увѣренностью сказать, что уплаты произведены были, сравнительно, самыя незначительныя, и то немногими должниками, большинство же ихъ, воспользовавшись льготой, никакнхъ уплатъ не сдѣлало. Долгъ остается громадный, почему конторѣ государственнаго банка предстояло и предстоитъ еще предьявлять цѣлый рядъ исковъ, какъ къ должникамъ и поручителямъ за нихъ, такъ и прочимъ лицамъ, на которыхъ отвѣтственность за долги возложена высочайшимъ повелѣніемъ, и неизбежно, въ виду неоплатности должниковъ, объявленіе ихъ несостоятельными, о чемъ контора банка въ судебныхъ мѣстахъ и возбуждала ходатайства. Количество долговъ въ настоящее время приблизительно опредѣляютъ на сумму до 2½ миллионновъ рублей. Изъ значительныхъ должниковъ, и притомъ ничего не заплатившихъ, извѣстно, напр., что за умершимъ Уваровымъ числится болѣе 217,000 р., за умершимъ Нахимовымъ болѣе 70,000 р., и проч.

Харьковъ.

Сообщ. Г. С. Чириковъ.

Разказы изъ прежней судебной практики.

(Судебныя ошибки).

Х. 1)

Лѣтомъ 1854 года, въ селѣ Рамзаѣ (Пензенской губ.), въ избѣ одного богатаго крестьянина, стоящей на самомъ краю села, вырѣзали, ночью, всю семью и ограбили все цѣнное имущество и деньги. Поутру сосѣди, вида, что въ этой избѣ очень долго не затопляютъ печь, подошли къ окнамъ и заглянули.... видать: вся семья лежитъ на полу, съ перерѣзанными горлами. Дали знать. Земскій судъ и всѣ уѣздныя власти подѣлились на ноги. Даже въ губернскомъ городѣ всѣ переполошились и съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ ожидали результатовъ этого слѣдствія о такомъ неслыханномъ преступленіи.

Временное отдѣленіе (т. е. земскій исправникъ, чиновникъ особыхъ порученій отъ губернатора, уѣздный врачъ и непремѣнный членъ земскаго суда) пріѣхало, очень долго хлопотало и все-таки ничего не открыло и не нашло, кромя крестьянской высокой шляпы, съ нависшими перьями, отыскан-

1) См. «Русская Старина», т. IX, кн. 2 и 4.

ной на огородѣ, въ конопляхъ. Стали сгонять народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень—признавать эту шляпу; но долго не отыскивалось ей хозяина. Наконецъ, нѣсколько мужичковъ изъ одной деревни объявили, что они признають эту шляпу: что она принадлежитъ одному холостому и довольно разгульному парню ихъ деревни. Поскакали за парнемъ; привезли.

— «Твоя шляпа?» спрашиваютъ.

Парень весь измѣнился въ лицѣ, задрожалъ и повалился «суду» въ ноги:

— «Моя, говоритъ; но не погубите занапрасно: я въ этомъ дѣлѣ не виноватъ».

— «Какъ такъ?!» — спрашиваютъ чиновники — «да вѣдь шляпа-то твоя?»

— «Такъ точно, шляпа моя. Я ѣхалъ съ базара, подѣ вечеръ, былъ хмѣленъ, меня нагнали, на тройкѣ, какіе-то люди, сорвали шляпу съ меня и усаkali».

— «Толкуй себя!» отъѣчали парню чиновники»,—и рады были, что попали на слѣдъ, что нашли, наконецъ, виноватаго.

Заковали парня, посадили въ нежную избу, приставили денной и ночной караулъ и стали допрашивать его и разслѣдовать дѣло. Прежде всего, конечно, навели справки въ его деревнѣ, у родныхъ: не отлучался-ли онъ куда въ ночь убійства и гдѣ именно ночевалъ ту ночь? Родные парня—мать и два брата—показали, что онъ ѣздилъ въ это самое время на базаръ, верстъ за семь отъ деревни, и только утромъ, на другой день, возвратился домой. Слѣдали самый строжайшій обыскъ въ домѣ парня и даже у всѣхъ его родныхъ въ деревнѣ, перерыли всѣ подполья, гумны и амбары, потоптали, отыскивая награбленныхъ вещей, всѣ огороды и коноплянники. но ровно ничего не нашли, и порѣшили, что ограбленное имущество скрыто гдѣ нибудь у товарищей, на-сторонѣ.

На дальнѣйшихъ вопросахъ парень показалъ слѣдующее:

— «Какъ схватили они съ меня шляпу, я оборотилъ лошадь и поѣхалъ за ними назеркомъ; они свернули съ дороги въ поле — и я за ними. Потомъ, они пропали съ глазъ долой: у нихъ тройка, а я на одной, да и совсѣмъ примеркать стало. Сбился я съ дороги, не нашелъ ее, да такъ и ночевалъ въ полѣ; а поутру, оглядѣвшись, выбился на дорогу и домой пріѣхалъ».

Для «временнаго отдѣленія» было ясно, что парень запирается, путается... стоять на своемъ: «не мое это дѣло и не повиненъ я въ немъ...».

Слѣдствіе закончили, посадили парня въ острогъ, судили и, по рѣшенію уѣзднаго суда, утвержденною Пензенскою Уголовною палатою, парня оставили «въ сильномъ подозрѣніи» — на основаніи добытыхъ слѣдствіемъ уликъ, но при отсутствіи собственнаго сознанія и по неимѣнію свидѣтельскихъ показаній, которыя несомнѣнно могли бы подтвердить его вину.

Крестьянское общество (государственныхъ крестьянъ), предполагая въ парня убійцу, не пожелало принять его въ свою среду изъ острога обратно, — и онъ былъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь.

Спустя годъ, былъ пойманъ, при ограбленіи церкви, одинъ старый татаринъ,¹⁾ проживавшій въ той же волости. Когда обыскивали, потомъ, домъ этого татарина, то понятые, призванные изъ села Рамзая, признали нѣкоторые вещи и платье, принадлежавшія перерѣзанному семейству. Началось, ко-

¹⁾ Въ Пензенской губ., какъ извѣстно, татары и мордва довольно многочисленны, во всѣхъ уѣздахъ.

вечно, о татаринѣ новое дѣло, — и онѣ чистосердечно повинились въ этомъ преступленіи и указали всѣхъ своихъ сообщниковъ, татарѣ же, объявляя парня, оставленнаго «въ сильномъ подозрѣніи» и сосланнаго уже въ Сибирь, совершенно невиновнымъ въ дѣлѣ рамзайскихъ убійствъ. Шлана, дѣйствительно, была снята татарами съ хмѣльнаго парня — я, затѣмъ, оставлена была въ конопляхъ, для отвода.

Парня велѣно было немедленно же возвратити изъ Сибири, на счетъ общества. Но когда пришла къ нему въ Сибирь эта милость, то онѣ отказался отъ возвращенія на родину, въ свое крестьянское общество, заподозрившее его, со словъ чиновниковъ, въ убійствѣ.

XI¹⁾.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ селѣ Разказовѣ, отстоящемъ отъ губернскаго города Тамбова въ 30-ти верстахъ, вечеромъ, въ августѣ мѣсяцѣ, застрѣлили (въ окно) очень богатаго помѣщика А — ова, въ его собственномъ домѣ, въ кабинетѣ. Въ моментъ выстрѣла (изъ сада), съ нимъ въ кабинетѣ были двое конторщиковъ его имѣнія. Окончивъ съ ними счеты, помѣщикъ только что поднялся со стула, какъ раздался за окномъ (затвореннымъ) выстрѣлъ, — и онѣ повалился за-мертво на полъ, прострѣленный въ голову двумя волчьими пулями (картечью). Выѣстѣ съ нимъ упалъ и одинъ изъ конторщиковъ, раненый въ плечо. Прибѣжали изъ лакейской комнаты люди, подняли съ полу помѣщика и безъ толку, въ попыткахъ, принялись разспрашивать управляющаго, но едва живаго отъ страха, другаго конторщика. Прибѣжалъ управляющій, узнавъ въ чемъ дѣло, — и только тогда кинулись въ садъ. А тамъ и слѣдъ простылъ... Лишь въ одной изъ аллей нашли простые, крестьянскіе сапоги; слѣды же подъ окномъ, какъ оказалось при осмотрѣ мѣста съ фонарями, были сдѣланы разутою ногой. По непростительной оплошности, слѣды эти, собравшимися къ окнамъ крестьянами изъ села, были затоптаны, такъ какъ управляющій забылъ, въ торопяхъ, поставить къ этимъ слѣдамъ караульныхъ для охраненія отъ народа, который огромными массами въ тотъ же вечеръ собрался къ барскому дому.

Помѣщикъ А — онѣ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Тамбовской губерніи: кромѣ имѣній, онѣ имѣлъ въ своемъ селѣ суконныя фабрики, винокуренный заводъ, и пр. Онѣ былъ необыкновенно жестокой человекъ съ своимъ крестьянами: работы были тяжелыя и непокладныя, наказанія — еще тяжелѣй... Иногда, въ страдную пору, онѣ, самъ, бывало, выѣдетъ верхомъ въ поле, — и если завидитъ женщину, оторвавшуюся отъ жнитва, чтобы покормить грудью ребенка, то собственноручно и безъ всякаго милосердія и жалости съѣтъ ее нагайкою. Кромѣ того, былъ очень сластолюбивъ

Нѣкоторые изъ крестьянъ пробовали-было жаловаться на него губернатору, но прямо отъ губернаторскаго крыльца попадали — или въ полицію, гдѣ ихъ жестоко сѣкли, или же въ острогъ, откуда уже отправлялись прямо «на поселеніе».

Подъ конецъ, крестьяне перестали уже жаловаться на него... Рѣшили: «Будь воля Божья!...»

¹⁾ Записано со словъ крестьянъ, въ селѣ Разказовѣ, въ 1855 году. И. З.

И когда свершилось убійство, крестьяне вздохнули свободнѣе; но многіе жалѣли его: «безъ покаянія-де умеръ!...»

Когда узналъ объ этомъ убійствѣ Тамбовскій губернаторъ Б*, близкій человѣкъ А—ову, то велѣлъ найти виноватаго (убійцу)—во что бы то ни стало. Командирована была особая коммиссія въ село Разсказово. На первыхъ же порахъ было арестовано множество крестьянъ. Хозяина сапогамъ нашли очень скоро: они принадлежали сельскому сотнику (или: соцкому), довольно уже пожилому крестьянину, «зашибавшемуся хмѣлемъ». Стали его допрашивать,—не отрицается:

— «Мои, говорить, точно, сапоги, а какъ попали сюда — не знаю. Я въ этотъ день, вечеромъ, съ крестинъ шелъ, во-хмѣлю, легъ въ канавкѣ, па улнцѣ, да и заснулъ. Проснувшись уже ночью, увидѣлъ, что сапогъ на мнѣ нѣтъ; я и не слышалъ, какъ ихъ сняли съ меня. А въ саду здѣсь я не былъ и въ барина не стрѣлялъ; я отродясь ружья въ руки не бралъ и боюсь его...».

Что онъ ни говорилъ въ свое оправданіе, его не слушали. Запугали его, заковали и посадили въ пустой амбаръ, подъ самый строгій караулъ. Сотникъ просидѣлъ нѣсколько дней—и рѣшился бѣжать. Когда ему это удалось, то власти сильно переполошились и отчасти обрадовались: на бѣжавшаго можно было указать, какъ на несомнѣннаго убійцу А—ова. Однако, бѣглеца скоро поймали.

— «Теперь, уже ясно», сказалъ ему предсѣдатель временнаго отдѣленія, «что ты или самъ застрѣлилъ барина, или участвовалъ въ этомъ дѣлѣ; внаиѣ, зачѣмъ бы и бѣгать тебѣ, если ты правъ? Сознавайся!...».

Мужичекъ догадался, что глупо сдѣлалъ, да воротить-то ужъ нельзя было. Его перевели въ нежилую избу и стали кормить салежками, не давая воды,—какъ это очень часто дѣлывали слѣдователи того стараго времени.

На третій день послѣ побѣга, ночью, сотникъ привязалъ гайтанъ (рубашечный поясъ) къ кольцу, на которое въ нѣбѣ дѣтскія люльки вѣшали,—и удавился.

Временное отдѣленіе донесло, что преступникъ лишилъ себя жизни.

Тѣмъ дѣло тогда и кончилось.

Спустя въкоторое время, одинъ умирающій дворовый человѣкъ Разсказовскихъ господъ (наслѣдниковъ А—ова) ходившій по оброку въ сосѣдней Воронежской губерніи, пожелалъ, чтобы при его исповѣди священнику присутствовала бы и мѣстная полиція. На исповѣди онъ объявилъ, что «убилъ барина»; сапоги же съ пьянаго сотника снялъ по дорогѣ въ садъ, наткнувшись на него случайно, и оставилъ эти сапоги въ саду для отвода. Барина застрѣлилъ изъ мести—за обезаченіе своей невѣсты, сильно имъ любимой, и на которой ему, убійцѣ, предстояло скоро жениться.

Сообщ. И. Н. Захарьинъ.

Поправки и опечатки.

Въ IX т., стр. 85—отъ строки 8-й снизу должно быть: «Слѣдуетъ замѣтить, что Вилгъневъ былъ одновременно полномочнымъ и акредитованнымъ посломъ дворовъ французскаго, вѣнскаго и петербургскаго» и проч.

Стр. 86, строка 7-я сверху, вмѣсто статью, слѣдуетъ читать: статьи.

Стр. 88. Въ примѣчаніи § 11, строка 5-я снизу—должно быть: «императ-

рица отдала ее (бумагу) подполковницѣ Юшковой, которая положила ее въ ларчикъ съ драгоценностями императрицы».

Стр. 93, отъ 18-й строки снизу должно быть: «князь Черкасскій и графъ Головкинъ — въ вице-канцлеры и члены Кабинета; адмиралу гр. Головкину, оберъ-штаб-мейстеру кн. Куракину, генералу Ушакову подполковнику лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка — пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. (NB. Въ подлинникѣ каждое лицо названо отдѣльно съ повтореніемъ каждый разъ объ одномъ и томъ же чинѣ и ордени).

На стр. 94, упоминая о лицахъ, особенно близкихъ Аннѣ Леопольдовнѣ, вералась описка — вмѣсто Миниха брата (frère), сказано: Миниха сына (fils).

На стр. 95, строка 3-я снизу, изложеніе, вслѣдствіе корректурнаго недомотра спутано; оно должно быть восстановлено такимъ образомъ: «этотъ договоръ былъ подписанъ въ Дрезденѣ графомъ Вратиславомъ — министромъ вѣнскаго двора и оберъ-гофмаршаломъ королевы польской, въ своихъ переговорахъ весьма пронырливымъ; иезуитомъ, авредитованнымъ вѣнскимъ дворомъ» и проч.

Въ X т., стр. 196, строка 27-я сверху, напечатано: съ 1829 по 1831 гг. Сулима былъ командиромъ 2-го корпуса, слѣдуетъ читать: «Послѣ возвращенія своего, по заключеніи мира въ 1829 г., изъ Румелии въ Россію, временно былъ командующимъ вторымъ корпусомъ».

Таже страница, 30 строка, при исчисленіи должностей, которыя занималъ Н. С. Сулима съ 1832 по 1837 г., не упомянуто, что съ 1836 г. онъ былъ членомъ: Военнаго Совѣта, а съ 1837 г. — Совѣта Государственнаго Контроля.

Стр. 331, въ примѣчаніи 1, напечатано: Петръ Александровичъ Обресковъ, читай: Петръ Алексѣевичъ Обресковъ.

Ред.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.¹⁾

1789—1848.

III.

Аракчеевъ уволенъ отъ званія военнаго министра.—Барклай де-Толли.—Ермоловъ.—Безразсудная отвага офицеровъ.—Сухозанеть.—Объявленіе о войнѣ съ французами.—Дѣло подъ Видзами.—Рахмановъ и гр. Ожаровскій.—Движеніе Демперадовича къ Смоленску.—Спасеніе тещи и невѣсты.

1810 — 1812.

Въ маѣ 1810 года возвратился я въ Петербургъ. Припоминаю забавный анекдотъ съ однимъ изъ моихъ товарищей, поручикомъ Базилевичемъ. Высокаго роста, широкоплечій, красивый собою, но довольно ограниченный, онъ имѣлъ привычку, возвращаясь съ какихъ-либо маневровъ, шутливо рассказывать всѣмъ о своихъ продѣлкахъ; подобнымъ образомъ, при обратномъ переходѣ съ Смоленскаго поля въ казармы, на Исакиевскомъ мосту, онъ подѣхалъ ко мнѣ и спросилъ: «Видѣль-ли ты какъ сегодня государь, проѣзжая мимо меня, обласкалъ меня, поклонился,—и ни слова не сказалъ тебѣ!» Едва онъ успѣлъ кончить эти слова, сзади подѣзжаетъ, верхомъ, командовавшій бригадою полковникъ, Эйлеръ, и самымъ жесткимъ голосомъ говоритъ Базилевичу: «Александръ Ивановичъ! Государь императоръ приказалъ васъ арестовать на 24 часа и посадить на арсенальную гауптвахту за то, что вы очень рано открыли пальбу изъ вашихъ орудій, когда еще не построились колонны къ атакѣ!» Это насъ всѣхъ такъ разсмѣшило, что у насъ обратилось въ пословицу, когда кого-либо

¹⁾ См. «Русскую Старину», томъ IX, 1874 г., февраль, стр. 207—244.

посадить подъ арестъ, говорить: «его обласкали какъ Базилевича....»

Въ августѣ или сентябрѣ того же 1810 г. гр. Аракчеевъ передалъ званіе военнаго министра Барклаю де-Толли и былъ причисленъ состоять при особѣ государя. По этому случаю, онъ давалъ, такъ называемый, прощальный обѣдъ корпусу офицеровъ гвардейской артиллеріи, единственный, сколько запомню, во все время моего служенія съ нимъ; ибо съ этого времени онъ уже рѣшительно не вмѣшивался ни въ какое служебное отношеніе по бригадѣ. Послѣ обѣда, перейдя въ другія комнаты, мы съ жаднымъ любопытствомъ читали въ особой книжкѣ собранныя собственноручныя записки къ Аракчееву государей Павла и Александра и, какъ кажется, книжка эта съ умысломъ была оставлена на столѣ въ гостинной. Множество записокъ изъ этого числа были сокрыты подъ бумагою, съ приложеніемъ по угламъ печати Аракчеева, другія же лежали сверху, на виду. Теперь не припомню содержанія многихъ изъ нихъ, вромѣ писанной карандашемъ государемъ Павломъ Петровичемъ, слѣдующаго содержанія: «Баронъ! кто такой дуракъ, который маршировалъ сегодня въ вахтъ-парадѣ, въ зѣмкѣ такого-то звѣда?...»¹⁾

Ген.-маіоръ Касперскій, еще въ началѣ 1811 года, уволенъ былъ въ отпускъ для излеченія болѣзни, и въ его отсутствіе командовалъ бригадой полковникъ Эйлеръ. Бывши ротнымъ командиромъ, онъ занимался фронтовою службою, какъ мы тогда называли, «педантски», т. е. со всѣми малѣйшими подробностями; а какъ, въ продолженіе двухъ военныхъ кампаній, въ сраженіяхъ подъ Аустерлицомъ и подъ Фридландомъ, онъ заслужилъ репутацію не лестную для воина, то сослуживцы его крѣпко за это не любили. Но какъ удивился я, когда, возвратясь изъ похода моего въ Галицію, я засталъ его уже командующимъ бригадою и слышалъ отзывы своихъ товарищей, что Эйлеръ совершенно пережѣнился, изъ педанта сдѣлался, такъ-сказать, товарищемъ для офицеровъ; расположеніе офицеровъ къ себѣ онъ удержалъ до конца своего командованія; а ко мнѣ онъ даже былъ особенно внимателенъ.

¹⁾ Письма и записочки императора Павла къ Аракчееву перепечатааны въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., т. VII, стр. 477 — 490) съ секретнаго Аракчеевскаго изданія; упоминаемая Жиркеничемъ записка императора Павла Аракчеевымъ не напечатана.

Въ первыхъ числахъ сентября 1811 г., пріѣхалъ въ Петербургъ ген.-маіоръ Ермоловъ. Онъ тогда былъ еще командиромъ конной роты, которую, однакоже, сдалъ, по новому положенію, другому шт.-офицеру и потому считался только по артиллеріи. Во время прошедшихъ войнъ съ французами, Ермоловъ и кн. Яшвиль составили себѣ громкую репутацію первыхъ артиллеристовъ по арміи, хотя были оба совершенно отличны и образованіемъ, и храбростью. Яшвиль—грузинъ, пылкій, болѣе невѣжда, нежели образованный, но не глупый, опытный и отчаянно заносливый въ сраженіяхъ. Ермоловъ же, напротивъ, твердый, скрытный, необыкновеннаго ума, съ познаніями обширными и теоретическими, и практическими, въ сраженіяхъ примѣрно хладнокровенъ. Оба они относительно насъ, гвардейской артиллеріи, отзывались весьма не лестно и въ особенности о нашихъ полковникахъ Эйлеръ и Ляпуновъ; даже слухъ носился, что Ермоловъ, при ретирадѣ подъ Фридландомъ, нагнавъ обѣ батарейныя роты, которыми тогда они командовали, искалъ хотя одного изъ нихъ, громко угрожая ударами нагайки. А теперь вдругъ и неожиданно Ермоловъ назначается командиромъ гвардейской артиллерійской бригады. Это случилось въ тотъ самый день, когда получено было предписаніе отправить меня немедленно въ Смоленскъ проселочною дорогою на Старую-Русу, Холмъ, Торопецъ и Духовщину, на встрѣчу артиллерійскимъ рекрутскимъ партіямъ, направленнымъ уже изъ Смоленска въ Петербургъ по описанному тракту, съ тѣмъ, чтобы я оныя обратно отвелъ въ Смоленску. Получивъ въ тотъ же день всѣ бумаги, я, на другой день, когда прочіе офицеры представлялись Ермолову, хотя еще не выѣхалъ, не стель, однако, нужнымъ ему являться. Онъ спросилъ обо мнѣ и выразился: «Знаю, это тоже любимецъ Аракчеева!»

Я незнаю, почему тогда считали всѣ, будто Аракчеевъ, съ удаленіемъ отъ военнаго министерства, впалъ въ немилость, когда, напротивъ, онъ сдѣлался совершеннымъ подручникомъ государя, не только по военной части, но и вообще по всѣмъ государственнымъ дѣламъ. Обо всемъ этомъ я узналъ уже послѣ, на походѣ, отъ товарища своего, особенно меня любившаго, Вельяминова, который въ это время былъ въ одномъ чинѣ со мной, т. е. поручикомъ.

Первымъ приступомъ Ермолова было, такъ называемое имъ,

очищеніе бригады. Онъ сталъ жаловаться инспектору, что нашелъ большой застой въ производствѣ по бригадѣ; что онъ желалъ бы очень подвинуть впередъ нѣкоторыхъ, лично ему извѣстныхъ или по храбрости, или по образованію своему, для чего онъ почитаетъ весьма удобнымъ такъ называемыхъ «фронтвиковъ» перевести въ армію, гдѣ они съ пользою могли бы употребляться къ приготовленію запасныхъ войскъ. На первый разъ онъ предложилъ перевести въ армію полковниковъ Эйлера и Ляпунова; капитановъ Саблина, Фриша, Королькова и Сукина. О низшемъ разрядѣ офицеровъ на этотъ разъ онъ умолчалъ. Инспекторъ, по соглашенію съ Аракчеевымъ, убѣдилъ, однакоже, Ермолова, что Эйлеръ ему необходимъ, какъ помощникъ по фронту, а остальные всѣ тотъ же часъ были переведены въ другія бригады. Это сдѣлалось не болѣе какъ въ двѣ недѣли со дня принятія Ермоловымъ бригады, а черезъ недѣлю пришло обо мнѣ предписаніе, чтобы меня считать въ отпуску на 3 мѣсяца со дня окончанія моего порученія,— что крѣпко Ермолову не понравилось, и онъ еще болѣе возымѣлъ противу меня предубѣжденіе, такъ что, когда Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, котораго онъ предпочиталъ всѣмъ, принявъ во вниманіе свое, сталъ меня хвалить ему, какъ хорошаго офицера, любимаго всѣми товарищами, онъ никакъ этому не хотѣлъ вѣрить, ссылаясь, что я непростительно и посредствомъ интриги уклонился отъ моего съ нимъ знакомства, тогда какъ я былъ долженъ искать его, еслибы я былъ дѣйствительно такимъ, какимъ меня описывалъ Вельяминовъ.....

Въ Петербургѣ я вернулся изъ отпуску въ послѣднихъ числахъ февраля 1812 г., а 5-го марта бригада наша выступила въ походъ, въ Вильно. Когда я явился къ Ермолову, онъ меня принялъ весьма сухо; а въ продолженіе похода, замѣтивъ, что я не имѣю ни верховой лошади, ни хорошей обмундировки, сталъ обращаться со мной еще холоднѣе и даже съ нѣкоторой небрежностью, что меня чрезвычайно огорчало, но я не находилъ средствъ пособить этому. Одно утѣшало меня, что Ермоловъ каждый день болѣе и болѣе сближался съ Вельяминовымъ и рѣдкій день проходилъ, чтобы не былъ въ квартирѣ у него, гдѣ всегда застаивалъ и меня, ибо я могу похвалиться, что, преимущественно

предъ всѣми моими товарищами, пользовался дружбой Вельяминова.

Не доходя до Вильны, насъ остановили въ м. Даугелишкахъ, гдѣ мы простояли до послѣднихъ чиселъ мая 1812 г., а около этого времени пришли въ Вильну, гдѣ находился уже государь и гдѣ были дѣлаемы маневры. Когда мы стояли въ Даугелишкахъ, наша рота была расположена въ деревнѣ, отдѣленной отъ мѣстечка небольшимъ озеромъ, такъ что чрезъ оное до штабъ-квартиры было не болѣе $\frac{1}{4}$ версты, а въ объѣздъ должно было ѣхать около 4 версты. Въ апрѣлѣ, когда уже въ полѣ снѣгу вовсе не было, но на озерѣ еще держался остатокъ льда, въ нашу роту пріѣхали въ гости изъ штаба наши офицеры: Вельяминовъ, Базилевичъ, Демидовъ, кн. Михаилъ Горчаковъ, адъютанты Ермолова: Фонъ-Визинъ, Поздѣевъ и бывший при немъ же ротмистръ Кавалергардскаго полка Римскій-Корсаковъ. Всѣ они были пріатели товарища нашего Аѳонася Столыпина. Пообѣдавъ хорошенъко у насъ и по какому-то особому случаю спѣша возвратиться въ штабъ-квартиру, они замѣтили, что немного опоздали, тогда Столыпинъ вдругъ предложилъ ѣхать обратно черезъ озеро, взявши на себя быть ихъ вожатымъ. Сперва стали смѣяться такому вызову; потомъ, видя его настойчивость и насмѣшку съ выраженіемъ «струсили», и другіе стали требовать непременно ѣхать черезъ озеро, а у береговъ уже саженой на десять и льда не оставалось. Вельяминовъ и Поздѣевъ одни поѣхали въ объѣздъ, а прочіе, въ глазахъ нашихъ, сперва вплавь, а потомъ, проламываясь на каждомъ шагу, черезъ ледъ, побрели озеромъ. Ермоловъ, съ другаго берега, увидѣвъ въ окно это безразсудство, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и когда они перебрались, порядкомъ намылил имъ головы, грозилъ арестовать ихъ и отдалъ приказъ по пѣхотному гвардейскому корпусу, которымъ онъ уже тогда командовалъ, не оставляя начальства и надъ бригадой нашей, не называя, однакоже, именъ, но выставляя какъ безразсудный поступокъ, нисколько не приписывая таковой мужеству. Я здѣсь упоминаю это происшествіе не въ упрекъ Ермолову и не въ осужденіе, а для того, чтобы можно было судить о духѣ товарищей моихъ и объ образѣ мыслей моего начальниа, котораго, при явномъ его нерасположеніи ко мнѣ, я не переставалъ въ душѣ уважать.

Во время маневровъ въ Вильнѣ, главнокомандующій 1-й западной арміею, военный министръ Барклай де-Толли, сдѣлалъ мнѣ очень строгое замѣчаніе, что я принимаю маневры не въ видѣ настоящаго сраженія, ибо, имѣя предъ собою, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, небольшое возвышеніе, при наступленіи, открылъ пальбу изъ орудій, не занявши этой высоты. Замѣчаніе вполнѣ справедливое, по тактикѣ; но еслибы я, забывъ равеніе фронта, самовольно рѣшился податься впередъ и тѣмъ нарушилъ линію фронта, тогда, вѣроятно, дѣло со мной окончилось бы не замѣчаніемъ, а арестомъ, и меня вѣрно бы не спросили о самовольной моей выскочкѣ, на сколько саженьей впереди отъ меня находилось упомянутое возвышеніе...

До поступленія моего въ канцелярскую службу, я пользовался необыкновенно хорошимъ зрѣніемъ, чѣмъ даже хвасталъ. Приготовляясь ко вторымъ маневрамъ подъ Вильною, наша бригада ночевала подъ монастыремъ на Антоколѣ, гдѣ было назначено сборное мѣсто. Это, я думаю, около 4-хъ верстъ отъ города. Собравшись въ кружокъ, мы стояли нѣсколько офицеровъ вмѣстѣ. Къ намъ подошелъ Ермоловъ и съ видомъ нетерпѣнія говорилъ о замедленіи нѣкоторыхъ полковъ и обратилъ наше вниманіе, что по другую сторону города, нѣсколько вправо, идетъ, кажется, какой-то полкъ, что можно было заключить по отблеску штыковъ на ружьяхъ.

— «Ну, господа», сказалъ Ермоловъ, «кто угадаетъ, какой это полкъ?»

Взглянувъ въ ту сторону, я отвѣчалъ: «должно быть, егеря!»

— «Почему ты это заключаешь?» сухо спросилъ онъ у меня.

— Другіе имѣютъ бѣлые панталоны,—отвѣчалъ я,—а этотъ весь въ темномъ.

— «Ну, братъ, на этотъ разъ я поймалъ тебя», возразилъ онъ мнѣ опять очень сухо. «Сегодня у насъ 15-е мая и всѣ полки въ бѣлыхъ панталонахъ; не хорошо, братъ, пули лить!»

Я покраснѣлъ, но повторилъ: «можетъ быть, я ошибаюсь, но еще разъ подтверждаю, что идущіе солдаты съ ногъ до головы имѣютъ одежду темную!» Прошло около часа времени; прошелъ мимо егерскій полкъ и въ зимнихъ панталонахъ. Ермоловъ сейчасъ поѣхалъ на встрѣчу и спросилъ, отчего не въ лѣтнихъ панталонахъ. Затѣмъ подѣхалъ опять ко мнѣ:

— «Виноватъ, товарищъ», сказалъ онъ, «признаюсь въ этомъ и всѣмъ буду рассказывать, какое у тебя отличное зрѣніе: чутили не за 5 верстъ отличилъ одежду!»

Егера пришли прямо съ караула и потому одни они были въ зимнихъ панталонахъ.

Послѣ маневровъ мы опять отошли отъ Вильны и штабъ-квартира нашей бригады расположилась въ Свенцянахъ, а мы по окрестнымъ деревнямъ. Во время стоянки здѣсь, у Ермолова ожеребилась его верховая кобыла; онъ приказалъ хорошенько отпоить жеребенка, а потомъ зарѣзать и зажарить; приглашая офицеровъ на это жаркое; онъ говорилъ, что хочетъ заблаговременно приучить ихъ во всякой случайной пищѣ, такъ какъ, Богъ знаетъ, что придется еще ѣсть. Обстоятельство это мнѣ тѣмъ памятно, что Ермоловъ къ обѣду этому приглашалъ не только всѣхъ офицеровъ изъ штаба, но даже изъ близъ квартировавшихъ деревень, кромѣ меня, что меня ужасно потревожило и огорчило, ибо это было явное доказательство его ко мнѣ нерасположенія и небреженія.

Вотъ чѣмъ еще памятна для меня стоянка около Вильны. Въ 1808 г. къ намъ въ гвардію переведенъ былъ изъ арміи поручикъ Сухозанетъ тѣмъ же чиномъ, и какъ я былъ въ это время 4-мъ подпоручикомъ, то онъ сталъ мнѣ, какъ называютъ, «на голову». Въ 1809 г. я произведенъ былъ въ поручики, слѣдовательно недалеко отъ Сухозанета. Въ 1811 г., въ первыхъ числахъ февраля, Сухозанетъ, числясь адъютантомъ при кн. Яшвилѣ, переименованъ капитаномъ по артиллеріи и назначенъ командиромъ роты Яшвиля. Въ концѣ февраля того же года, артиллеріи, инженерамъ и кадетскимъ корпусамъ дано старшинство одного чина передъ арміею и вмѣстѣ сдѣлано производство и уравненіе изъ майоровъ и капитановъ въ подполковники, причемъ также произведенъ Сухозанетъ. Въ 1812 г., когда мы были въ Свенцянахъ, государь смотрѣлъ двѣ роты: батарейную 1-й бригады, полковника Глухова, старика лѣтъ 70-ти и имѣвшаго орденъ Георгія 4-й степени, и конную — Сухозанета. Послѣдняя ему такъ понравилась, а первая, напротивъ, такъ не понравилась, что онъ Сухозанета тѣмъ же чиномъ перевелъ опять къ намъ въ гвардію, а Глухова, для исправленія, предоставилъ подъ команду Сухозанета, а потомъ и вовсе лишилъ бригады и роты, и Сухо-

запелъ сталь у насъ старше всѣхъ капитановъ. Въ декабрѣ, при производствѣ по линіи, онъ произведенъ былъ въ полковники, а въ маѣ за Бауценское дѣло получилъ чинъ генераль-маіора. Онъ былъ изъ кадетъ; выпущенъ въ 1804 г. 16-ти или 17-ти лѣтъ, а въ 1813 г., т. е., чрезъ 9 лѣтъ, на 25-ти лѣтнемъ возрастѣ, имѣлъ уже генеральскій чинъ и за Лейпцигъ ленту св. Анны. Не помню что-то весьма остроумно выразился на этотъ счетъ, что онъ одного человѣка знаетъ только, который въ чинахъ шелъ шибче Сухозанета, и этотъ человѣкъ былъ Барклай де-Толли, который, въ 1807 г., командовалъ полкомъ въ чинѣ генераль-маіора, а въ 1814 г. былъ уже генераль-фельдмаршаломъ.

14-го іюня бригаду нашу собрали на тѣсныя квартиры въ штабъ, въ Свенцяны, и тутъ мы узнали, что французы перешли границу. Вечеромъ того же дня, возвѣстили намъ о скоромъ прибытіи государя и гвардіи. Для государя заняли квартиру въ небольшомъ домикѣ гр. Платера, на концѣ города. Для караула была поставлена пѣхотная батарейная рота его высочества. Всѣ офицеры бригады стояли на флангѣ, когда подѣхалъ государь и вышелъ изъ коляски. Еще выходя, онъ поздоровался съ солдатами и громко объявилъ:

— «Поздравляю, господа, съ военными дѣйствіями, примемся работать! Французы перешли Нѣманъ въ Ковно 12-го числа, а теперь въ дѣлу!» Потомъ, поцѣловавъ Ермолова, присовокупилъ: «Будетъ работы, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ну, какъ думаешь, Алексѣй Петровичъ, чья возьметъ?»

— «Государь», отвѣчалъ Ермоловъ, «мы имѣемъ дѣло, точно, съ необыкновеннымъ человѣкомъ, но все-таки съ человѣкомъ! Его надобно бить его же оружіемъ!»

— «Какимъ?» живо спросилъ государь.

— «Упрямствомъ! *Le plus opiniâtre sera toujours vainqueur!*⁽¹⁾ (Кто переупрямитъ, тотъ и выиграетъ!)

— «Ну, что касается до этого», сказалъ весело государь, «то я съ нимъ готовъ буду поспорить», и потомъ сказалъ: «На что ты поставилъ мнѣ цѣлую роту молодцевъ для караула, отпусти; пусть отдыхаютъ, для меня довольно и десятирыхъ!»

¹⁾ Замѣчаніе Ермолова, какимъ оружіемъ можно побѣдить Наполеона, было сказано по-французски, весь же разговоръ, а равно и отвѣтъ государя на это замѣчаніе, происходилъ на русскомъ языкѣ.

На замѣчаніе Ермолова, что сейчасъ пришелъ Преображенскій полкъ и что не прикажетъ-ли государь смѣнить артиллеристовъ.

— «Не надо», сказалъ государь, «и они сберегутъ меня», — что намъ всѣмъ чрезвычайно польстило.

Я въ этотъ день назначенъ былъ главнымъ рундомъ. По пробитіи зари, когда я пошелъ съ патрулемъ обходить посты, я имѣлъ обнаженную шпагу. Войдя въ садъ, у двери, выходящей туда и отворенной, я увидѣлъ, что часовой задремалъ... А между тѣмъ, всѣ окна въ садъ были отворены. Съ одной стороны, не слыша овлика себѣ, а съ другой—при мысли о несчастіи, которое должно неизбежно постигнуть задремавшаго часоваго, если государь замѣтитъ сію небрежность, поставило меня, на минуту, въ затруднительное положеніе. Концомъ шпаги разбудилъ я часоваго, но тотъ такъ смѣшался и испугался за свою вину, что отъ робости все-таки не сдѣлалъ овлика, такъ что я былъ уже вынужденъ заговорить съ нимъ объ этомъ и, возвратясь на гауптвахту, приказалъ немедленно смѣнить этого часоваго, все еще не зная, довести ли о такомъ проступкѣ до начальства, или наказать его по домашнему порядку. Я пошелъ далѣе по городу и чрезвычайно обрадовался, встрѣтивъ на улицѣ государя въ одномъ скюртукѣ и фуражкѣ, выходящаго изъ квартиры Аракчеева. По формѣ я обликнулъ государя и онъ, отозвавшись «солдатъ», сказалъ мнѣ, улыбаясь: «Я говорилъ, молодцы артиллеристы, знаютъ свое дѣло!» Это меня удивительно какъ облегчило; такъ что о винѣ часоваго, я никому другому, кромѣ его ротнаго командира, не объявлялъ и его очень милосердно наказали противу того, чего тотъ заслуживалъ за свой важный проступокъ. На другой день мы выступили на бивуаки и для насъ тоже началась уже дѣйствительная кампанія.

Первые непріятельскіе выстрѣлы, въ 1812 году, которые мы услышали вдалькѣ, были подъ Видзами. Туда, въ числѣ прочихъ раненныхъ, привезли мнѣ двоихъ знакомыхъ: полковника Рахманова, бывшаго адъютантомъ при Барклаѣ, до того издававшаго «Военный Журналъ», и гусарскаго поручика Фигнера, женатаго на воспитанницѣ Мордвинова, съ которымъ въ февралѣ я видѣлся въ Смоленскѣ. Рахмановъ былъ весьма бодръ на языкѣ. Государь посѣтилъ его и Фигнера. Съ государемъ былъ генераль-адъютантъ гр. Ожаровскій. Тотъ, пошутя надъ раню

Рахманова, у котораго картечью оторвало два пальца на правой рукѣ, поострился, сказавъ государю: «Rakhtanoff est puni, раг ой. il a rêché!» (Рахмановъ въ томъ наказанъ, чѣмъ грѣшилъ).

— «Берегитесь, графъ», возразилъ Рахмановъ по-русски, «этакъ не придется вамъ головы снести въ эту кампанію!»

Не помню, кто мнѣ рассказывалъ это: Вельяминовъ или кн. Горчаковъ, которые тутъ были у Рахманова, когда государь неожиданно посѣтилъ его и, несмотря на присутствіе императора, который самъ невольно улыбнулся, всѣ находившіеся тутъ засмѣялись; одинъ графъ Ожаровскій, какъ замѣтно было по выраженію его лица, не сообразивъ тотчасъ всю колкость отвѣта Рахманова, стоялъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

Изъ лагеря, подъ Дриссою, мы выступили въ первыхъ числахъ іюля 1812 года и шли черезъ Полоцкъ, въ Витебску, гдѣ, какъ слышно было у насъ, готовились дать сраженіе непріятелю. Первоначально мы расположились около большой дороги, идущей въ Оршу, и съ того мѣста, гдѣ была расположена наша бригада, даже простымъ глазомъ видѣли происходившую, подъ мѣстечкомъ Островною, стычку съ непріятелемъ, а въ подзорную трубу очень хорошо можно было различать даже передвиженіе войскъ. Послѣ дневки перевели насъ на другую позицію, которая заслоняла проселочную дорогу, прямо идущую на Смоленскъ, черезъ Ліозну и Рудню, и тутъ уже мы были поставлены въ боевую позицію; но, простоявъ одни сутки, потянулись на Ліозну. Всѣ эти переходы и колебанія такъ уронили духъ въ войскѣ, что не только офицеры, но и солдаты начали роптать на главнокомандующаго Барклая.

Государь изъ-подъ Полоцка отбылъ отъ арміи въ Москву, чрезъ Смоленскъ.

Не помню теперь, какого числа, навѣрное между 10 или 15 іюля, когда мы стояли подъ Ліозною, вечеромъ, уже въ совершенныя сумерки, потребовали меня и моего ротнаго начальника, капитана Гогеля, къ генералъ-лейтенанту Депрерадовичу, командовавшему 1-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею. Въ его квартирѣ были собраны уже нѣсколько генераловъ и полковыхъ командировъ. Когда мы прибыли, какъ кажется, уже послѣдними, онъ объявилъ намъ, что онъ назначенъ начальникомъ особаго легкаго отряда, отправляемаго открыть дорогу арміи къ Смолен-

ску и, какъ предполагать должно, дорога эта, быть можетъ, занята уже непріятелемъ; а потому, всё мы должны ожидать жаркой встрѣчи съ незваннымъ гостемъ.

-- «Хотя я», продолжалъ Депрерадовичъ, «совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ готовъ жертвовать жизнію за государя и отечество, но рѣшился предупредить васъ о нашемъ предназначеніи съ тѣмъ, что если кто-либо не чувствуетъ въ себѣ твердости идти на видимую опасность, то лучше бы и не шель въ этотъ отрядъ!»

Равумѣется, что подобнаго труса ни одного не оказалось

Мы отправились въ своимъ мѣстамъ въ 10 часовъ вечера; съ особенною предосторожностью и тишиною снялись съ бивуаковъ, какъ-будто непріятельская цѣпь насъ окружала въ нѣсколькихъ только шагахъ и выступили въ походъ на Рудню. Въ отрядѣ этомъ были полки: Кавалергардскій, Конногвардейскій, гвардейскіе егеря, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, сводный гренадерскій баталіонъ, конная гвардейская артиллерійская рота и наша 2-я легкая рота. Этотъ отрядъ шель съ такой быстротой, что когда приходили къ мѣсту отдыха, то изъ пѣхоты на бивуаки едва-едва вступало нѣсколько человѣкъ, но черезъ часъ или два молодцы-егеря и финляндцы бывали всегда уже въ полномъ комплектѣ. На отдыхахъ мы обыкновенно стояли три или четыре часа и, сваривши кашу, опять подымались въ походъ. Жаръ былъ нестерпимый и мы не болѣе какъ въ 38 часовъ прошли около 75-ти верстъ до Смоленска, безъ малѣйшей встрѣчи съ непріателемъ. Третій раздохъ мы имѣли около удѣльнаго имѣнія «Приказъ Выдры». Я зналъ, что въ этомъ имѣніи очень часто бываетъ мой внучатный братъ Пирамидовъ, женатый на Лаптевой, сестрѣ моей невѣсты, ибо онъ служилъ по удѣльному вѣдомству. поэтому я, по прибытіи на бивуакъ, отправился въ волостную контору отыскивать голову и распросить его, дажно-ли былъ у нихъ Пирамидовъ, и когда и куда онъ уѣхалъ изъ Смоленска, а также не знаютъ-ли чего-либо объ Лаптевыхъ, которыхъ деревня была недалеко отъ Выдры. У головы квартировалъ Депрерадовичъ. Каковъ же былъ сюрпризъ для меня, когда голова сказалъ мнѣ, что Пирамидовъ только нѣсколько часовъ какъ выѣхалъ отъ нихъ въ деревню, къ тещѣ своей, за 12 верстъ отъ нихъ, и что ни его семейство, ни семейство Лаптевыхъ во-

все не думали выѣзжать никуда. Это меня такъ сильно озадачило и напугало, что я тутъ же пошелъ къ Депрерадовичу просить позволенія отправиться тотчасъ же къ Лаптевымъ, вывезти оттуда мою невѣсту и всю родню въ Смоленскъ. Депрерадовичъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ, въ какую сторону лежитъ деревня?—и когда я сказалъ, что къ Днѣпру, онъ сперва мнѣ рѣшительно отказалъ, говоря, что хотя по другой сторонѣ и тянется цѣпь казавовъ, но что на это полагаться нивалъ нельзя, что непріятель, мѣстами, можетъ очень легко пробраться на нашу сторону для розысковъ и что я тогда могу даромъ попасться въ плѣнъ. Но я сталъ его убѣдительно просить отпустить меня и онъ благословилъ меня, подтвердивъ, чтобы я самъ на себя пенялъ и не выдалъ бы извѣстія о томъ, что отрядъ нашъ идетъ на Смоленскъ.

Взявши у головы подводу, часовъ въ 10 утра поѣхалъ я въ Нолинцы (деревня Лаптевыхъ), куда и прибылъ въ самый полдень. Во дворъ господскій я долженъ былъ въѣхать аллеєю, такъ что можно было пріѣздъ мой видѣть еще сажень за 100 отъ дома. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, когда я въѣхалъ на дворъ, была огромная масса сухарей, приготовленныхъ для арміи и сушившихся на солнцѣ, а затѣмъ въ окнѣ я увидѣлъ все семейство Лаптевыхъ, сидящихъ за обѣденнымъ столомъ, и въ концѣ стола, прямо противъ окна, мою невѣсту, которая, вскочивши, закричала: «Ахъ! Иванъ Степановичъ пріѣхалъ!» Тутъ и другіе всѣ бросились къ окну, а потомъ и на подъѣздъ, съ вопросомъ: что значить мой пріѣздъ изъ похода? Этотъ вопросъ мнѣ показался весьма страннымъ; но каково же было мое изумленіе, когда мать моей невѣсты и даже Пирамидовъ объявили мнѣ, что они вовсе не имѣютъ понятія ни о какой опасности; что они слышали, будто армія приближалась къ Витебску или Могилеву; но что около этихъ мѣстъ гдѣ-то было сраженіе и французы уже прогнаны назадъ; что на дняхъ государь былъ въ Смоленскѣ, смотрѣлъ тамъ 12-ть армейскихъ ротъ и рекрутъ, всѣхъ успокоилъ и обнадежилъ; и что они вовсе не собираются и не думаютъ куда-либо выѣхать. Я, объяснивъ имъ ихъ ослѣпленіе, сталъ убѣдительно просить матушку тотчасъ же насъ добратъ въѣхать по крайней мѣрѣ, въ Смоленскъ, что составляетъ не болѣе 16-ти верстъ отъ тамъ она сама

могла удостовѣриться, что имъ никакъ нельзя долѣе остаться въ деревнѣ. Она же мнѣ объявила, что это вовсе не такъ легко сдѣлать, какъ я предполагаю, что она обыкновенно все лѣто живетъ въ деревнѣ, слѣдовательно, на лѣто у нея въ Смоленскѣ вовсе нѣтъ запаса; теперь же пора рабочая, мужики всѣ въ полѣ и отъ работы отрывать ихъ грѣшно. Въ дальній путь, съ семействомъ, ей ѣхать и вовсе нельзя: «На это нужны деньги, а у меня ихъ вовсе нѣтъ»—сказала она и потомъ прибавила: «Да что это, Иванъ Степановичъ, вы насъ пугаете, васъ вѣрно послали по какому-нибудь дѣлу въ Смоленскъ и вы хотите, чтобы ваша невѣста была ближе къ вамъ и потому всѣхъ насъ за собой и таете? Раненько, молодой человѣкъ, вздумали надо мной шутить».

Послѣ долгихъ и долгихъ убѣжденій, она по немного начала давать вѣру моимъ словамъ, обѣщала подумать и дня черезъ два пріѣхать въ Смоленскъ на нѣсколько дней. Пробывши часа два у нихъ, отправился я къ отряду своему, въ деревню Ольшу. Когда я явился послѣ къ Депрерадовичу, онъ съ любопытствомъ сталъ спрашивать меня, что слышно оволо Дибѣра о французѣхъ, но я удивилъ его моимъ рассказомъ и онъ мнѣ серьезно сказалъ: «Напишите сейчасъ къ вашимъ роднымъ, что я вамъ велѣлъ ихъ увѣдомить: они не могутъ оставаться въ деревнѣ и отправьте къ нимъ нарочнаго». Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить приказаніе генерала, и будущая теща моя, съ 4-мя дочерьми, изъ воихъ двѣ беременныя, съ двумя малютками, съ дворней, человѣкъ до 15-ти, безъ денегъ, безъ гардероба, безъ запасовъ на другой день, въ 5-ть часовъ утра, перебралась въ Смоленскъ; а черезъ полчаса послѣ ея выѣзда, въ деревню наѣхали свои мародеры и весь домъ повернули верхъ дномъ, такъ что оставшаяся дворня, а частью и крестьяне, бѣгомъ прибѣжали въ Смоленскъ и принесли вѣсть о томъ....

IV.

Смоленскъ.—Дер. Шеломецъ.—Барклай и Багратионъ.—Битвы 3-го и 4-го августа.—Предсказаніе объ иконѣ Божіей матери.—Пожаръ и отступленіе.—Общая ненависть къ Барклаю.—Ошибки начальства.—Бородино.—Партизанъ Фигнеръ.—Первая побѣда.—Кафтанъ Мюрата.—Выговоръ.—Разсказы о Кутузовѣ.—Бѣдствія непріятельскихъ и нашихъ войскъ.

1812.

Въ тотъ же день, вечеромъ, подойдя къ Смоленску, безъ всякаго приказанія мы расположились на Поворовской горѣ, а на другой день ввечеру и армія подошла, и мы заняли слѣдующую позицію: лицомъ къ Петербургу, такъ что лѣвый флангъ упиралъ въ Днѣпръ, а правый—примывалъ къ дорогѣ на Духовщину. По другую же сторону Днѣпра, у Краснаго, позицію занимала дивизія Невѣровскаго. Тогда носились слухи, что Наполеонъ дѣйствительно приказалъ одному корпусу идти отъ Орши, усиленнымъ маршемъ, въ Смоленску, но что сіе не выполнилось изъ опасенія, ибо французы получили свѣдѣнія, что государь въ Смоленскѣ дѣлаетъ смотръ большому числу войскъ, при которомъ было не менѣе 200 орудій артиллеріи. Послѣднее было дѣйствительно справедливо. Это обстоятельство дало возможность 2-й арміи, которою командовалъ князь Багратионъ, соединиться съ 1-й. Багратионъ, въ чинѣ полнаго генерала, былъ старѣе Барклая; но послѣдній, кромѣ званія главнокомандующаго, носилъ еще званіе военнаго министра. Когда князь, предупредивъ прибытіе своихъ войскъ, пріѣхалъ часомъ или двумя ранѣе въ Смоленскъ, то въ ту же минуту отправился къ Барклаю; но тотъ, узнавъ, что пріѣхалъ Багратионъ, самъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, и оба, одинъ другому, предоставляли честь первенства. Но князь Багратионъ настоятельно самъ подчинилъ себя младшему, утверждая, что тотъ, какъ военный министр, болѣе облеченъ довѣріемъ государя. Къ несчастію, между сими двумя главными военачальниками согласіе было непродолжительно.

Утвержденіе наше около Смоленска ознаменовалось тотчасъ событіемъ, не имѣвшимъ до того времени подобнаго себѣ въ арміи.... Безпрестанное отступленіе отъ границы до Смоленска, какъ я уже говорилъ выше, возбудило ропотъ, но сверхъ того, оставляя большое пространство родной земли непріятелю, сол-

даты привыкли не только равнодушно смотрѣть на развореніе своего роднаго края, но даже и сами тому способствовали, рассуждая: «лучше самимъ взять, чѣмъ отдать неприятелю». Они не считали для себя особенно важнымъ преступленіемъ, если по домамъ и оставленнымъ усадьбамъ и брали что-либо, и вотъ источникъ мародерства, для котораго на русскомъ языкѣ и названія не придумано. Около Смоленска оно дошло до чрезвычайности, и главнокомандующій, сѣрбя сердце, рѣшился самою строгою мѣрою положить тому преграду. Около 20-го іюля, при собраніи отрядовъ отъ каждой части войскъ, разстрѣляли 7 человекъ на Поворовской горѣ. Говорили, что въ числѣ ихъ два человека, едва-ли виновные на самомъ дѣлѣ, подверглись той же участи. Они были уличены въ грубостяхъ военному полиціймейстеру, которому, по своему понятію, считали ни мало неподчиненными, ибо военная полиція была еще новость для цѣлой арміи и какъ бы что-то ей чуждое. Военные у насъ привыкли смотрѣть на полицію презрительно, и этотъ взглядъ былъ распространенъ, начиная отъ солдата до высшаго начальства.

До нашествія французовъ, въ самомъ Смоленскѣ жилъ мой зять, Фроловъ, служившій тамъ при военномъ госпиталѣ смотрителемъ; сестра же моя скончалась въ мартѣ мѣсяцѣ, когда мы подошли къ Смоленску. Зять я засталъ еще въ его домѣ, но онъ уже собирался выѣхать въ слѣдъ за моей матерью, которую я успѣлъ найти у моей тетки Адамовичевой, за Смоленскомъ, верстахъ въ 15-ти. Она перебиралась въ Дорогобужъ, къ родному своему брату, весьма на-легкѣ; такъ мало думали, чтобы французы пошли далѣе Смоленска! Да и мы мечтали, что, по соединеніи обѣихъ армій, дадутъ рѣшительный отпоръ неприятелю. Конечно, были люди, которые рассчитывали и на противные результаты.

Деревня моей матери была за Днѣпромъ, верстахъ въ 6-ти отъ Смоленска, и почти въ одномъ разстояніи отъ нашихъ бивуаковъ, не проѣзжая городъ. Мужички наши съ усердіемъ, ежедневно, таскали ко мнѣ живность и другіе занасы, пока мы стояли близко къ Днѣпру, и не только я, но и мои товарищи въ эту стоянку имѣли хорошее продовольствіе; кромѣ того, я каждый день, по нѣсколько часовъ, проводилъ съ невѣстою, ибо семейство ея прожило въ Смоленскѣ дней десять, а потомъ отправи-

лось чрезъ Ельну въ Москву, незная рѣшительно, гдѣ и у кого со временемъ будутъ имѣть пристанище.

Близъ Смоленска мы простояли около двухъ недѣль. Разъ пять насъ подавали впередъ по береговой дорогѣ къ Витебску на Рудню и два раза доходили до деревни Гаврики, слѣдуя всегда на деревню Шеломецъ. А какъ въ каждой дислокаціи похода встрѣчалось это послѣднее названіе, то солдаты прозвали эти передвиженія «ошеломѣлыми», и дѣйствительно, мы сами не могли понять причину нашихъ маршей и контръ-маршей. Впослѣдствіи, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ при мнѣ рассказывалъ, «что тогдашнее наше положеніе до такой степени было сомнительно, что одинъ Богъ могъ распутать наши дѣла..... Наполеона потеряли изъ виду: то думали, что онъ обходитъ Смоленскъ и тянется бововыми путями на Москву; то — что онъ заслонилъ намъ Петербургъ и думаетъ дать туда направленіе всей своей арміи.»

— «Одинъ разъ въ Гаврикахъ», говорилъ Ермоловъ, «я былъ въ такомъ положеніи, что едва-ли когда кто другой находился въ подобномъ. Барклай сидѣлъ среди двора одного дома на бревнахъ, приготовленныхъ для построекъ; Багратионъ большими шагами расхаживалъ по двору, и ругали, въ буквальный смыслъ, одинъ другаго: «Ты нѣмецъ! тебѣ все русское ни почемъ», говорилъ князь. «Ты дуракъ и самъ не знаешь, почему себя ты называешь кореннымъ русскимъ», возражалъ Барклай. Оба они обвиняли одинъ другаго въ томъ, что потеряли изъ виду французовъ и что собранныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія, чрезъ своихъ лазутчиковъ, одни другимъ противорѣчатъ! Я же въ это время» — добавилъ Ермоловъ — «будучи начальникомъ штаба у Барклая, заботился только объ одномъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ ихъ разговора и потому стоялъ у воротъ, отгоняя всѣхъ, кто близко подходилъ, говоря, что «главнокомандующіе очень заняты и совѣщаются между собой».

Наконецъ, 2-го августа, когда мы стояли въ паралель дороги на Духовщину, намъ опять объявили походъ на Шеломецъ и на Гаврики. Мы выступили вечеромъ, часовъ въ девять, всю ночь тянулись нога за ногу и едва прошли верстъ 10, какъ вдругъ, въ третьемъ часу утра, услышали пушечные выстрѣлы за Днѣпромъ и насъ опять повернули, усиленнымъ маршемъ, къ Смоленску. Французы, маскируя свои движенія, между Краснымъ и

Лядами, у мѣстечка Рососны, сдѣлали дѣйствительную переправу и ударили на Невѣровскаго. Я не буду описывать то, что уже извѣсто изъ реляцій и чего самъ не видалъ; но когда мы подошли въ городу, то въ глазахъ нашихъ, по другую сторону, происходила жаркая свалка. Невѣровский, съ своими остатками, припертъ былъ уже къ самой стѣнѣ города; гренадеры были высланы къ нему на подкрѣпленіе и удержали французовъ. Справедливо-ли, но какъ тогда, такъ и послѣ слышалъ я, что возможностью подкрѣпленія Невѣровскаго гренадерами опять руководилъ случай. Гренадерами командовалъ принцъ Мекленбургскій. Вечеромъ, 2-го числа, когда была прислана въ его дивизію дислокація о походѣ, онъ такъ вѣрноп спать, что его долго не могли добудеться; будили въ нѣсколько прѣемовъ, что взяло времени около 2-хъ часовъ, и двумя часами дивизія запоздала выступленіемъ; а это опаздываніе, вмѣсто вреда, обратилось къ нашей выгодѣ. Еслибы гренадеры были нѣсколько верстъ далѣе на походѣ, французы, оттѣснивши Невѣровскаго, непременно бы заняли Смоленскъ и были бы уже въ тылу нашихъ.

Бой 3-го и 4-го августа происходилъ въ виду нашихъ армій, которыя, въ теченіе 2-хъ недѣль, стояли тыломъ въ Смоленску, а лицомъ—въ Петербургу; теперь же, когда дрались за Смоленскъ, мы стояли уже повернувшись на своей оси. Наша бригада въ резервѣ стала на лѣвомъ флангѣ, противъ Раевскаго пролома, и одна изъ ротъ, вмѣстѣ съ нами составлявшая резервъ артиллерійскій, подполковника Нилуса, была отдѣлена отъ насъ и съ этого берега Днѣпра фланкировала стѣну города, у этого пролома, съ большею, конечно, славою, но безъ всякой для себя опасности; ибо въ то время, когда французскія колонны, пользуясь кустарниками и рытвинами, съ этой стороны стали спускаться въ обходъ стѣны въ пролomu, удачными выстрѣлами Нилусовой батареи были удержаны и не дошли до Днѣпра, а потому не могли на этотъ разъ отрѣзать и уничтожить переправу для бѣгшихъ за Смоленскомъ нашихъ войскъ. Но до Нилусовой батареи не долетало ни одно непріятельское ядро, ибо она стояла гораздо выше той французской батареи, которая была направлена противъ нея.

Нашею бригадою, за отдѣленіемъ Ермолова къ важнѣйшимъ занятіямъ, командовалъ полковникъ Эйлеръ. 3-го августа, когда

мы заняли нашу позицію, онъ, подойдя къ моему бивуаву, вы- звалъ меня и сказалъ:

— «Ты хорошо знаешь, Иванъ Степановичъ, церковную службу, и вѣрно знаешь, какое читають евангеліе, когда служатъ моле- бенъ Божіей матери? Правда-ли, что тутъ говорится, что она про- будеть въ отсутствіи изъ дома три мѣсяца и потомъ возвратится опять къ себѣ?»

Я отвѣчалъ, что хотя и говорится о трехъ мѣсяцахъ, но это уже въ прошедшемъ, а не въ будущемъ отношеніи, и повто- рилъ ему буквально выраженіе этого текста евангелія.

Онъ мнѣ тутъ же прибавилъ:

— «Ну, вотъ теперь на этомъ текстѣ основываютъ нашу на- дежду! Говорятъ, что мы Смоленскъ отдадимъ французамъ, но чрезъ три мѣсяца опять будемъ тутъ же.»

Тотчасъ вынесли чудотворный образъ Божіей матери изъ церкви, что надъ Днѣпровскими воротами и при этомъ пѣли непрестанные молебны, причемъ всѣ повторяли эти слова.¹⁾

Въ то время, когда происходила самая жаркая битва въ Смо- ленскѣ, который переходилъ на глазахъ нашихъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и когда городъ весь былъ объятъ пламенемъ,— я увидѣлъ Барклая, подѣхавшаго къ батарее Нилуса и съ не- обыкновеннымъ хладнокровіемъ смотрѣвшаго на двигавшіяся не- приятельскія колонны, въ обходъ Раевского, и отдававшего свои приказанія.... Но какая злость и негодование были у каждаго на него въ эту минуту за наши постоянныя отступленія, за Смо- ленскій пожаръ, за раззореніе нашихъ родныхъ, за то, что онъ не русскій! Все, накопившееся у насъ, выражалось въ глазахъ на- шихъ, а онъ, по прежнему, безстрастно, громко, отчетливо, отда- вая приказанія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на насъ. Тутъ вдругъ увидѣли, что по мостамъ переходятъ войска наши на эту сторону Днѣпра, за ними толпою тащатся на повозкахъ и пѣшими бѣдные смоленскіе обыватели; резервъ нашъ передви-

¹⁾ Образъ этотъ былъ теперь у насъ въ резервѣ, при ротѣ Нилуса, при которой онъ и находился въ теченіе всего похода до возвращенія въ Смоленскъ. Пророчество это, переданное мнѣ Эйлеромъ 3-го августа, на позиціи подъ Смоленскомъ, дѣйствительно сбылось, ибо Смоленскъ занятъ обратно 3-го ноября, и образъ этого именно числа, внесенъ опять на Смоленскую стѣну....

нулся за 5 верстъ на дорогу, идущую въ Порѣчье, и двѣ батареинныя роты наши заняли возвышеніе, въ перерывѣ большой дороги, а позади расположились гвардейскіе кавалерійскіе полки. Толпы несчастныхъ смолянъ, рассыпавшихся по полю безъ крова, приюта, по немногу собирались сзади, около насъ, чтобы продолжать далѣе свое тяжелое странствованіе. Кривыя дѣтей, рыданія раздирали нашу душу, и у многихъ изъ насъ пробилась невольно слеза и вырвалось не одно проклятiе тому, кого мы всѣ считали главнымъ виновникомъ этого бѣдствiя. Здѣсь я самъ слышалъ, своими ушами, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ нашей батарее, около которой столпилось много смолянъ, утѣшалъ ихъ сими словами: «Что дѣлать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ. А мы, и больно, но должны слушать его! У меня не менѣе вашего сердце надрывается».

Когда такія слова вырывались изъ груди брата царева, что должны были чувствовать и что могли говорить низшаго слоя люди?

Ропотъ былъ гласный, но духъ Барклая ни мало не поколебался и онъ все хранилъ одинаковое хладнокровіе; только изъ Дорогобужа онъ отправилъ великаго князя съ депешами къ государю, удостовѣривъ его, что этого порученія, по важности, онъ никому другому довѣрить не можетъ. Великій князь, какъ говорятъ, рвалъ на себѣ волосы и сравнивалъ свое отправленіе съ должностью фельдгегера. Въ этомъ случаѣ, Барклая обвинять нельзя. Трудно повелѣвать надъ старшими себя и отвѣчать за нихъ же. А великій князь и Багратионъ были старѣе Барклая; и они оба роптали не менѣе другихъ.

На этой позиціи мы простояли только нѣсколько часовъ, потомъ насъ повели по дорогѣ на Духовщину. Едва мы сдѣлали нѣсколько верстъ, какъ насъ своротили по проселку, на большую дорогу изъ Смоленска въ Москву. Проселкомъ мы шли около 20-ти верстъ, и на дорогѣ имѣли ночлегъ. Этотъ переходъ былъ до такой степени затруднителенъ, что колонны безпрестанно останавливались, ибо, кромѣ того, что по этой дорогѣ едва-едва могла пробраться крестьянская телега въ одиночку,— до такой степени она была узка,— она, сверхъ того, была вся въ горахъ и

пересѣчена источниками, на которыхъ еле держались мосты, а другіе-таки просто обрушивались подъ орудіями. Наконецъ, мы стали вытягиваться на большую дорогу въ 16-ти или 18-ти верстахъ отъ Смоленска.

Послѣ слышалъ я сужденіе Ермолова, что здѣсь была самая важная ошибка въ эту кампанію. Багратіонъ шель уже по Московской дорогѣ; мы были въ гористыхъ ущельяхъ; французы, хотя и не перешли Днѣпра, но уже стояли почти противу того пункта, гдѣ мы гусемъ выходили изъ ущелья, и у нихъ подъ носомъ былъ бродъ; такъ что, ежели бы Жюно схватился и перешель чрезъ Днѣпръ, мы всё живьемъ были бы перехвачены или самое лучшее еще—отрѣзаны опять отъ Багратіона и отброшены въ Духовщинѣ, тогда бы намъ другаго пути не было, какъ идти на Бѣлую и оттуда искать случая вновь соединиться съ Багратіономъ. Но, къ нашему счастью, казаки, не помню теперь, подъ командою Исаева или Карпова, цѣпью своей такъ хорошо закрывали наше критическое положеніе и удерживали натиски французской кавалеріи, переправленной, безъ пѣхоты, за Днѣпръ, что мы этому обязаны своимъ спасеніемъ. Когда мы вышли на большую дорогу, тогда гренадеры обращены были къ Валутиной горѣ и тамъ, твердостью своею, загородили путь французскому напору въ преслѣдованіи насъ.

Выйдя на большую дорогу, мы благополучно слѣдовали къ Дорогобужу. Здѣсь со мной встрѣтился странный случай. Года за четыре, бывши въ отпуску, ѣздилъ я изъ Смоленска, проселкомъ, къ дядѣ моему, въ деревню Михайловку, находящуюся верстахъ въ 8-ми отъ Дорогобужа, въ сторону къ Смоленску. Въ Дорогобужѣ я не былъ и мѣстности не зналъ. Когда мы теперь пришли къ Дорогобужу, насъ поставили въ позицію: разумѣется, армія впереди, а резервъ — позади ея. Меня откомандировали фуражировать въ тылу нашихъ. Я поѣхалъ по проселку и слѣдалъ версть 10. Приѣхавши въ одну деревню, привазалъ командѣ отправиться по дворамъ для отысканія овса и сѣна, а самъ остался у входа въ селеніе. Вдругъ подходитъ ко мнѣ человекъ и называетъ меня по имени. Не узнавши его, я спрашиваю, кто онъ и что ему нужно? Онъ отвѣчаетъ, что онъ—человекъ моего дяди и что удивляется, какъ я приѣхалъ на эту дорогу за французами, ибо французы въ 2-хъ верстахъ отсюда по дорогѣ отъ

Ельни къ Дорогобужу. Изъ словъ его замѣчая, что французы обходятъ уже Дорогобужь, я сталъ подробнѣе его разспрашивать, и за чѣмъ онъ самъ тутъ, ибо я полагалъ, что деревня дяди, Михайловка, уже нами пройдена и находится впереди нашей линіи. Какъ же я удивился, и вмѣстѣ съ этимъ испугался, когда онъ удостоверилъ, что эта и есть самая деревня дяди и что я, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ тылъ арміи, самъ теперь нахожусь впереди оной и почти на носу у французовъ! Собравши фуражировъ, я пошелъ на рыскахъ къ ротѣ, но роту уже не нашелъ на старомъ мѣстѣ, а на новой позиціи, и въ проѣздъ мой я уже перерѣзалъ передовую линію. Это обстоятельство долго было для меня загадкой; но въ 1830 году, когда я служилъ въ Тулѣ и Ермоловъ былъ у меня, въ разговорѣ съ нимъ, я коснулся этого обстоятельства и онъ вдругъ остановилъ меня вопросомъ: «Какъ ты знаешь это? Вѣдь это наша государственная тайна! За нее Багратіонъ настаивалъ, чтобы нашего тогдашняго генераль-квартирмейстера Толля, ежели не разстрѣлять, то, по крайней мѣрѣ, облечь въ «бѣлый крестъ»¹⁾ (т. е. разжаловать въ солдаты), ибо онъ расположилъ подъ Дорогобужемъ армію такъ, что она стояла тыломъ къ французамъ, а лицомъ—къ Москвѣ.» Я объяснилъ Ермолову все мною написанное выше.

По прибытіи къ арміи—Кутузова, духъ солдатъ ожилъ и мы положительно уже стали приготовляться къ сраженію. Около Бородина первая наша позиція, т. е. резерва, была лѣвѣе, сзади онаго, и 24-го числа я тутъ встрѣтилъ Б. Н. Гольцова, мужа старшей сестры моей невѣсты; онъ сообщилъ мнѣ послѣднее о ней свѣдѣніе, которое я имѣлъ въ Россіи, и чрезъ него я написалъ къ ней. Въ этотъ день французы дѣлали большое обозрѣніе нашихъ войскъ и упорно насъ атаковали, такъ что ядра ихъ ложились даже у насъ, въ резервъ, около нашихъ орудій, хотя и безъ вреда намъ. Того же числа насъ подвинули впередъ, къ самой линіи, и расположили насъ на лѣвомъ флангѣ арміи, гдѣ мы и провели все 25-е августа 1812 г.

26-го августа, по утру съ зарею, раздался первый пушечный выстрѣлъ, и этотъ звукъ уже не прерывался до захожденія солнца.

¹ Въ то время ремни, поддерживающіе ранцы, были бѣлые и сходились крестъ-на-крестъ на груди у солдатъ,—вотъ на что намекалъ Ермоловъ.

При самомъ началѣ, рота наша хотя и не была въ линіи и стояла позади батарейной роты гр. Аракчеева, но ядра долетали до насъ и много насъ тревожили; одно изъ нихъ разбило колесо подъ однимъ орудіемъ и, сдѣлавъ рикошетъ, поднялось прямо надъ моей головой, такъ что повышеніе онаго отъ земли мнѣ было видимо и я, едва успѣвъ присѣсть, почувствовалъ, что воздухомъ отъ полета ядра какъ будто ударило меня въ поясницу, отчего я весь согнулся. Солдаты закричали: «поручива убило!» но я, выпрямившись, отвѣчалъ: «Погодите, ребята! Мы еще не у мѣста. Вотъ посмотримъ, что будетъ, когда сами будемъ въ дѣлѣ!» Часа два мы были на этомъ мѣстѣ, потомъ намъ приказано было отойти назадъ, сближаясь съ центромъ. Тутъ мы простояли часу до перваго, внѣ выстрѣловъ, и успѣли даже пообѣдать. Но едва кончили нашу закуску, какъ подѣхалъ какой-то адъютантъ. Послѣ мы узнали, что это былъ одинъ изъ адъютантовъ Дохтурова — Дохтуровъ же.

— «Гдѣ здѣсь батарейная рота капитана Гогеля?» закричалъ онъ.

Я и поручикъ Столыпинъ вскочили и подбѣжали къ нему, закричавъ: «Наша!» Гогель же началъ объясняться, что хотя это рота и его, но она не батарейная, а легкая. Не различая этого, Дохтуровъ сказалъ намъ, что мы должны идти на лѣвый флангъ, гдѣ намъ онъ укажетъ мѣсто. Гогель сталъ-было затрудняться, но мы, а вмѣстѣ и всѣ прочіе офицеры настояли, чтобы идти туда. Дохтуровъ поѣхалъ впередъ и повелъ насъ кустарниками, почти безъ дороги; а какъ въ этомъ пунктѣ ядра ложились въ учащенномъ количествѣ, то нашъ вожатый началъ забирать лѣвѣе и лѣвѣе, дабы выйти изъ-подъ выстрѣловъ. Но едва мы вышли изъ кустовъ, какъ по насъ раздался залпъ и мы прямо очутились предъ двухъ-ярусной непріятельской батареєю. Адъютантъ поскакалъ назадъ. Гогель смѣшался, крича ему въ слѣдъ: «Покажите намъ мѣсто!» Я же, будучи впереди, при первомъ орудіи, тронулся, свомандовавъ: «рысью», и, втанувшись въ интервалъ двухъ колонъ въ линіи, закричалъ: «выстраиваться въ лѣво!» Нижняго яруса непріятельская батарея дала нѣсколько выстрѣловъ картечью, а верхняя пустила ядрами, такъ что въ одно время ядромъ убило лошадь подъ Гогелемъ и оконтузило картечью подпоручика Ваксмута, который былъ при сосѣднихъ отъ меня

орудіяхъ. Мы распорядились сами и открыли огонь. Нижняго яруса батарея тотчасъ же отошла къ верхней, но зато ядра просто посыпались на насъ, какъ градъ—и мы едва-едва простояли съ часъ. Множество людей выбыло изъ фронта, довольно перебито лошадей и подбито 3 или 4 лафета.

Гогель давно уже послалъ извѣстить о нашемъ трудномъ положеніи и насъ смѣнила другая легкая рота Вельяминова; но какъ и онъ получилъ контузію, то этою ротою командовалъ Лодыгинъ. Когда подъ Гогелемъ убили лошадь, онъ былъ возлѣ меня. Упавши вмѣстѣ съ конемъ, онъ едва выпуталъ ноги и, весь блѣдный, дотащился до меня. «Что же это ты, Александръ Григорьевичъ?» сказалъ я ему, «или тебѣ сѣдла не жаль? Вели снять, а то послѣ будетъ поздно!» и приказалъ это солдату сдѣлать; самъ же Гогель не въ состояніи былъ и этого приказать.

Когда нашу роту смѣнили, мы пошли на прежнее мѣсто, но уже другимъ и гораздо кратчайшимъ путемъ. Тутъ передъ сумерками подѣхалъ какой-то адъютантъ, сталъ разспрашивать насъ о нашихъ потеряхъ и поврежденіяхъ, записывая все карандашемъ, и объявилъ именемъ Кутузова, чтобы мы на завтра были бы готовы сами атаковать французовъ, чему мы очень вѣрили; но когда смерклось, то получили другое приказаніе — идти назадъ къ Можайску.

Подъ Можайскомъ, гдѣ всѣ наши 4 роты сошлись опять вмѣстѣ, возникъ споръ у офицеровъ батарейной роты его высочества съ Лодыгинымъ, который утверждалъ, что офицеры первой роты много прихвастываютъ, за что вступился подпоручикъ князь Михайла Горчаковъ и вызвалъ Лодыгина на дуэль. Они дрались на сабляхъ и Лодыгинъ получилъ рану въ руку, и затѣмъ помирились. Поводомъ же къ спору послужило составленіе реляціи о сраженіи и представленіе къ наградамъ.

Когда мы дошли до Москвы, то на бивуакахъ, при деревнѣ Фили, 1-го сентября, Вельяминовъ, князь Горчаковъ, я и еще нѣсколько изъ нашихъ товарищей, обѣдали у поручика Столыпина. Передъ самымъ обѣдомъ зашелъ ко мнѣ и къ Вельяминову артиллерійскій штабсъ-капитанъ Фигнеръ; мы его пригласили съ собой въ Столыпину, и тутъ зашелъ разговоръ, въ которомъ Фигнеръ съ горячностью сталъ утверждать, «что настоящая война — есть война народная; что она не можетъ быть ведена

на общихъ правилахъ; что ежели бы ему дали волю и дозволеніе выбрать человекъ 50 охотниковъ, онъ пробрался бы внутрь французскаго лагеря, до мѣста пребыванія Наполеона, и непременно бы убилъ его, и хотя увѣренъ, что и самъ бы живъ не остался, но охотно бы пожертвовалъ жизнью!

Противъ этихъ мыслей возникло много возраженій и предположеніе это называли варварствомъ. Но когда кончился обѣдъ, Фигнеръ обратился съ просьбой къ Вельяминову, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился къ начальнику штаба, Ермолову, и поддержалъ бы его вызовъ на партизанство, что тотъ охотно исполнилъ.

2-го сентября 1812 г., противу всякаго ожиданія, въ ночь, мы оставили Москву и расположились по рязанской дорогѣ. Отсюда мы видѣли зарево пожара, уничтожавшаго нашу древнюю столицу. Черезъ нѣсколько дней, легкія роты были раздѣлены на половины, и мнѣ съ одною изъ таковыхъ пришлось состоять при Семеновскомъ полку, которымъ тогда командовалъ полковникъ Посниковъ. Впрочемъ, это причисленіе ничего особеннаго не значило, ибо во время похода рота всегда соединялась вмѣстѣ, а только при квартирномъ расположеніи, на возвратномъ походѣ, каждая половина располагалась вмѣстѣ съ полкомъ. Полковникъ Посниковъ былъ такъ во мнѣ внимателенъ, что нѣсколько разъ приглашалъ меня квартировать съ собой.

Съ рязанской дороги, мы, боковыми трактами, перешли на валажскую, около города Подольска, а потомъ подались черезъ Тарутино до деревни Латышевки, гдѣ была главная квартира Кутузова, а гвардія передъ этой деревней—на бивуакахъ. Мы стояли на одномъ мѣстѣ до 6-го октября.

6-го октября было извѣстное дѣло подъ Тарутинымъ. Какъ ни маловажно было это дѣло по своему исходу, какъ ни старалось все начальство путать, гдѣ безъ пользы погибъ достойный сожалѣнія храбрый генералъ Багговутъ, тѣмъ не менѣе, мы всѣ въ лагерѣ ликовали этой побѣдѣ. Во-первыхъ, это была, если можно сказать, наша первая побѣда надъ французами, которые отъ насъ бѣжали, между тѣмъ какъ мы до сего времени все отъ нихъ уходили, и во-вторыхъ, значить, чувствовали себя уже на столько сильными, а французовъ не такими грозными, что перешли въ наступленіе.

Въ лагерѣ много продавалось казаками изъ вещей, принадлежавшихъ неаполитанскому королю Мюрату, весь обозъ котораго былъ захваченъ казаками и разграбленъ. Пришелъ мнѣ на память одинъ замѣчательный случай: въ числѣ продаваемыхъ вещей былъ какой-то темно-пунцовый бархатный кафтанъ Мюрата, вышитый на груди, на спинѣ и по подолу золотомъ, отороченный какимъ-то мѣхомъ, и таковаго же цвѣта бархатная шапка, на манеръ конфедератокъ, но безъ пера; все это купилъ за ничтожную цѣну, кажется за 5 рублей, офицеръ нашей бригады, Добрынинъ, и послѣ одной попойки, происходившей у князя Горчакова, когда уже порядочно нагрузились, пришла шутовская мысль намъ одѣть Добрынина въ мюратовское платье, воткнуть въ шапку, вмѣсто недостающаго пера, красный пампонъ музыкантскій и въ такомъ нарядѣ пустить его по всему лагерю. Эффектъ произошелъ необыкновенный! Гдѣ мы ни проходили, всѣ выбѣгали изъ палатокъ и съ хохотомъ присоединялись къ намъ. Дежурный генералъ Коновницынъ, Кайсаровъ и многіе другіе изъ штабныхъ и близкихъ лицъ главнокомандующаго раздѣляли нашу общую веселость.

Вдругъ показались дрожки и на нихъ Кутузовъ, который съ изумленіемъ глядитъ на эту толпу, которая съ хохотомъ и шутками приближается къ нему. Онъ остановился, зоветъ къ себѣ Добрынина и спрашиваетъ: кто онъ такой? Тотъ называетъ себя и на новый вопросъ: офицеръ онъ или нѣтъ? отвѣчаетъ, что онъ офицеръ.

— «Стыдно, господинъ офицеръ», громко и явственно заговорилъ Кутузовъ, глядя сердито на несчастнаго Добрынина, а равно и на всѣхъ насъ. «Не подобаетъ и неприлично русскому офицеру наряжаться шуткомъ, а вамъ всѣмъ этимъ потѣшаться, когда врагъ у насъ сидитъ въ матушкѣ-Москвѣ и полчища его топчутъ нашу родную землю. Плакать нужно, молиться, а не комедіи представлять; повторяю вамъ всѣмъ, что стыдно! Такъ и передайте всѣмъ своимъ товарищамъ, кого здѣсь нѣтъ, что старику Кутузову въ первый разъ въ жизни случилось покраснѣть за своихъ боевыхъ товарищей. Ступайте, такъ и скажите, что я за васъ покраснѣлъ! А ты, голубчикъ» — продолжалъ Кутузовъ обращаясь къ Добрынину, который стоялъ все время какъ опшаренный — «ступай поскорѣе къ себѣ домой, переѣми

это дурацкое платье и отдай его поскорѣ кому-нибудь, чтобы оно не кололо тебѣ глаза.»

Можете себѣ представить, какъ мы себя чувствовали послѣ такого неожиданнаго урока и какъ всѣмъ намъ было совѣстно глядѣть другъ другу въ глаза! Куда дѣвался и хмѣль!

Въ ночь съ 11-го на 12-е октября мы пошли къ Малому-Ярославцу, на перерѣзъ пути французской арміи.

Подъ Малымъ-Ярославцемъ сраженіе происходило въ виду нашемъ и на походѣ одно непріятельское ядро упало на мою батарею. Это было единственное ядро, которое удостоило долетѣть до гвардіи.

Къ ночи, за моей батареею разбита была палатка, принадлежавшая Семеновскаго полка штабсъ-капитану Кошкареву; въ ней почеваль Кутузовъ. Около 10-ти часовъ вечера, когда онъ, вѣроятно, начиналъ засыпать, вдругъ пальба, прекратившаяся совершенно у города часу въ восьмомъ, внезапно открылась въ большомъ размѣрѣ. Кутузовъ вышелъ изъ палатки и съ сердцемъ сказалъ:

— «Охъ, ужъ этотъ мнѣ Дмитрій Сергѣевичъ (Дохтуровъ), и уснуть не дастъ! Оставилъ бы ихъ, провлятыхъ, въ покоѣ. Кашваровъ! Пошли узнать, что это за тревога?» Потомъ, войдя въ палатку, онъ проспалъ уже до разсвѣта, до новаго похода.

На одномъ изъ маршей, Кутузовъ, на дрожкахъ, подѣхавъ къ Семеновскому полку, впереди котораго ѣхали верхомъ Посниковъ, я и другіе ближайшіе офицеры, объявилъ намъ, что перехваченъ курьеръ, везшій извѣстіе къ Наполеону о Маллетовскомъ заговорѣ, возникшемъ въ Парижѣ. Разсказавъ подробно обстоятельства этого дѣла, онъ прибавилъ: «я думаю, собачьему сыну эта вѣсточка не по нутру будетъ. Вотъ что значить не законная, а захваченная власть!»

Кутузовъ былъ вообще краснорѣчивъ; но при солдатахъ и съ офицерами онъ всегда говорилъ такимъ языкомъ, который бы имъ врѣзывался въ память и ложился бы прямо на сердце.

Въ одну деревню, гдѣ назначена была квартира для Семеновскаго полка и вмѣстѣ главная квартира Кутузова, онъ пріѣхалъ впередъ одинъ, въ крытыхъ саняхъ, паркою, и съ конвоемъ двухъ только казаковъ. Сани вѣхали во дворъ, а самъ онъ вошелъ въ избу и усѣлся на скамьѣ. Квартиргеръ полка, подпоручи-

чивъ Буйницкій, прибывшій туда незадолго, для занятія квартиры, внезапно воѣхалъ въ ту же избу и, найдя неожиданно главнокомандующаго, оробѣлъ и спѣшилъ выдти. Кутузовъ остановилъ его и спросилъ:

— «Какого полка и что тебѣ надобно, мой другъ?»

Буйницкій отвѣчалъ: «Семеновскаго, прибылъ для занятія квартиры».

— «Чего же ты испугался меня и бѣжишь вонъ», продолжалъ Кутузовъ, «а еще гвардеецъ, и не нашелся! Обожди. Присядь со мной и побесѣдуемъ вмѣстѣ. Успѣешь еще занять квартиры—полезъ далеко». Усадилъ его съ собой и продержалъ съ четверть часа.

Такъ какъ я пишу здѣсь не реляціи, а то, что случилось со мной, или что до слуха моего доходило необыкновеннаго, то, не вдаваясь въ подробности преслѣдованія непріятеля отъ Малаго-Ярославца до Краснаго, въ которомъ мнѣ ни разу не пришлось дѣйствовать, перейду просто уже къ Красному.

3-го ноября мы подошли къ Красному. Тутъ, послѣ сильныхъ морозовъ, начавшихся отъ Вязьмы и продолжавшихся дней 10-ть, сдѣлалась сильная оттепель. На днѣвѣ, вечеромъ, часу въ пятомъ, Кутузовъ объѣзжая бивуаки, подѣхалъ къ Семеновскому полку. За нимъ ѣхало человекъ пять генераловъ, въ числѣ которыхъ были принцъ Александръ Виртембергскій, Опперманъ и Лавровъ, а позади ихъ семь человекъ конногвардейцевъ везли отбитые у непріятеля знамена.

— «Здравствуйте, молодцы-семеновцы!» закричалъ Кутузовъ. «Поздравляю васъ съ новою побѣдою надъ непріателемъ. Вотъ и гостинцы везу вамъ! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! пуская кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ доноситъ мнѣ, что сегодня взялъ 115-ть пушекъ и сколько-то генераловъ.... не помнишь-ли ты, Опперманъ, сколько именно?»

Опперманъ отвѣчалъ: «15-ть».

— «Слышите-ли, мои друзья, 15-ть, т. е., 15-ть генераловъ! Ну, если бы у насъ взяли столько, то остальныхъ сколько бы осталось? Вотъ, братцы, пушки пересчитать можно на мѣстѣ, да и тутъ не вѣрится; а въ Питерѣ скажутъ: «хвастаютъ!»

Затѣмъ Кутузовъ подѣхалъ къ палаткѣ генерала Лаврова, командовавшаго въ то время 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей

и расположившагося за Семеновскимъ полкомъ. Кутузовъ и прочіе генералы сошли съ лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тутъ же кирасиры сошли съ лошадей, стали въ кружокъ и составили изъ знаменъ навѣсъ, въ родѣ шатра. Кто-то изъ офицеровъ, подойдя къ знаменамъ, сталъ читать надписи, на одномъ изъ нихъ, вслухъ всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ отличался тотъ полкъ, которому принадлежало знамя, и въ числѣ прочихъ побѣдъ прочелъ: «Аустерлицъ!»

— «Что тамъ», спросилъ Кутузовъ, «Аустерлицъ? Да, правда! Жарко было и подъ Аустерлицемъ! Но омываю руки мои предъ всѣмъ войскомъ: неповинны онѣ въ крови аустерлицкой! Вотъ, хотя бы и теперь, къ слову, не далѣе какъ вчера, я получилъ выговоръ за то, что капитанамъ гвардейскихъ полковъ, за Бородинское сраженіе, далъ брилліантовые кресты въ награду. Говорятъ, что брилліанты—принадлежность кабинета и что я нарушаю предоставленное мнѣ право. Правда, и въ этомъ я безъ вины виноватъ. Но ежели по совѣсти разобрать, то теперь каждый, не только старый солдатъ, но даже и послѣдній ратникъ, столько заслужили, что осыпъ ихъ алмазами, то они все еще не будутъ достаточно награждены. Ну, да что и говорить! Истинная награда не въ крестахъ или алмазахъ, а просто въ совѣсти нашей. Вотъ здѣсь кстати я расскажу о дошедшей мнѣ наградѣ. Послѣ взятія Измаила, я получилъ звѣзду св. Георгія; тогда эта награда была въ большой чести. Я думаю, здѣсь есть еще люди, которые помнятъ молодого Кутузова. (Тутъ Кутузовъ вздернулъ носъ къверху). Нѣтъ? Ну, послѣ! Когда мнѣ матушка-царица приказала прибыть въ Царское Село, къ себѣ, я поспѣшилъ выполнить ея приказаніе—поѣхалъ. Приѣзжаю въ Царское. Приемъ мнѣ былъ назначенъ парадный. Я вхожу въ залу въ одну, въ другую, всѣ смотрятъ на меня, а ни на кого я смотрѣть не хочу. Иду себѣ и думаю, что у меня Георгій на груди? Дохожу до кабинета, открываются двери; что со мною случилось? И теперь еще не опомнюсь! Я забылъ и Георгія, и то, что я Кутузовъ. Я ничего не видѣлъ, кромѣ небесныхъ, голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда!» И съ чувствомъ, постепенно понижая голосъ,¹⁾ Кутузовъ пріостановился—и все кругомъ его молчало.

¹⁾ Зачеркнуто: «какъ актеръ».

Потомъ весь этотъ разсказъ онъ повторилъ на французскомъ языкѣ принцу Александру Виртембергскому, видимо съ цѣлью, чтобы отъ него перешло это выше—въ Петербургъ....

Тутъ одинъ изъ офицеровъ Семеновскаго полка сказалъ громко:
— «Не правда-ли, какъ эта сцена походитъ на сцену изъ трагедіи «Дмитрій Донской» (трагедія Озерова)!

Поснижковъ закричалъ: «Ура! спасителю Россіи!» и громкое «ура» повеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный вопль тронулъ каждого изъ присутствующихъ, а Кутузова, конечно, болѣе всѣхъ.

Онъ вдругъ всталъ на скамейку и закричалъ: «Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мнѣ эта честь, а слава русскому солдату!» и потомъ, бросивъ вверхъ свою фуражку и сильно возвысивъ свой голосъ, закричалъ: «Ура! ура! ура! доброму русскому солдату....»

Потомъ, когда «ура» утихло, Кутузовъ усѣлся опять на скамью и, обращаясь къ Лаврову, продолжалъ такъ:

— «Гдѣ это собачій сынъ сегодня почуетъ? Я знаю, что въ Лядахъ онъ не уснетъ покойно. Александръ Нивитичъ (партизанъ Сеславинъ, въ это время только капитанъ гвардіи) далъ мнѣ слово, что онъ сегодня не дастъ ему покоя. Вотъ послушайте, господа, какую мнѣ прислалъ побасенку нашъ краснобай Крыловъ: Собрался волеѣ на псарню, псовъ потревожить. Войди-то онъ вошелъ, да вотъ какъ пришлось выбираться оттуда—давай за умъ! Собаки на него стаю, а онъ въ уголь, ощетинился и говоритъ: «Что вы, друзья! За что это вы на меня? Я не врагъ вамъ. Пришелъ только посмотреть, что у васъ дѣлается, а вотъ сейчасъ и вонъ пойду». Но тутъ подошелъ псарь, да и отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, братъ волчище, не проведешь тебѣ насъ! Правда! ты сѣрый умень, но и я, дружище, сѣдъ уже и не глупѣе тебя»; (тутъ Кутузовъ снялъ шапку и рукою, вкругомъ головы, показавъ сѣдины свои), «не уберешься такъ легко отсюда, «какъ пришелъ сюда!—и пустилъ стаю псовъ на него»,—прибавилъ онъ. Громкое «ура» повторилось вновь по войску!...

Эта сцена разсказана не вполне вѣрно Данилевскимъ въ его «Исторіи войны 1812 года» со словъ Вахсмута, бывшаго въ моей полуротѣ подпоручикомъ и находившагося тутъ же, вмѣстѣ со мной. Здѣсь сцена эта описана съ историческою вѣрностью.

Около Краснаго, верстахъ въ 12-ти, находится деревня моего двоюроднаго брата Платона Васильевича Жиркевича. Въ молодыхъ лѣтахъ, дослужившись до чина надворнаго совѣтника и въ званіи оберъ-секретаря сената, онъ, женившись, оставилъ службу. Не зная никакого языка, кромѣ русскаго, безъ особеннаго образованія, онъ слылъ всегда, однакоже, умнымъ и дѣловымъ человѣкомъ и неоднократно приглашаемъ былъ дворянствомъ и начальствомъ на службу, по выборамъ, но рѣшительно и всегда отъ сего отказывался; занимался же болѣе всего торговлей, сплавляя изъ Порѣчья хлѣбъ, по Двинѣ, въ Ригу. Въ 1812 году у него скопилось хлѣба въ Ригѣ 2-хъ-годовая пропорція, по случаю запрещенія вывоза онаго за границу. Когда открылась кампанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, можно было предполагать, что хлѣбъ примутъ въ казну, и онъ въ началѣ іюня, лично для сего отправился въ Ригу. Но какой же былъ ему сюрпризъ, когда, вмѣсто обращенія на продовольствіе, приказано было всѣ магазинцы, на форштатѣ, предъ крѣпостью, гдѣ былъ сложенъ и его хлѣбъ — предать огню! И онъ, бѣдняга, оставивъ дома беременную жену на сносѣ, долженъ былъ немедленно выбраться изъ Риги и двѣ станціи шелъ пѣшкомъ. Къ Смоленску онъ прибылъ 1-го или 2-го августа и нашелъ жену уже въ Смоленскѣ. На вопросъ, какъ и когда она туда прибыла?—она отвѣчала ему, что только наканунѣ выбралась изъ дома и ровно ничего не взяла съ собой. Проводивъ жену къ одному родному своему, версть за 20, за Смоленскъ, онъ верхомъ поспѣшилъ къ себѣ въ деревню, чтобы захватить серебро и часть одежды. Но едва добрался до дома, какъ окруженъ былъ французами и посаженъ подъ присмотръ. Жена его родила 6-го августа. Когда французы положительно заняли всю Смоленскую губернію, тогда она отправилась обратно къ мужу, который, присутствіемъ своимъ въ деревнѣ, спасъ свое имущество отъ расхищенія вполнѣ, такъ какъ въ нему въ домъ поставленъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, караулъ для присмотра за нимъ; а за тѣмъ, по неимѣнію въ виду значительныхъ помѣщиковъ и по знанію о личномъ уваженіи къ нему сосѣдей, онъ былъ назначенъ французскимъ начальствомъ подпрефектомъ Смоленской провинціи. Префектомъ же былъ опредѣленъ нѣкто Г. (В.) Сольтской (?), помѣщикъ Могилевской губерніи.

Когда мы расположились у Краснаго и узнавъ, что мы бу-

демъ днѣвать тутъ, я отпросился у полковника съѣздить въ деревню брата, узнать что-нибудь объ его участи, и каково же было мое удивленіе, когда я засталъ тамъ все семейство и услыхалъ всѣ подробности, выше мною описанныя. Я тотчасъ посовѣтовалъ брату ѣхать въ главную квартиру и тамъ объяснить все дѣло. Послѣдствія были очень непріятныя для него, и только одинъ милостивый манифестъ 12-го декабря успокоилъ его личность, хотя совѣсть нисколько и никогда его не упрекала. Свиданіе же мое съ нимъ доставило мнѣ нѣсколько удовольствія, а важнѣе всего я получилъ тулупъ, хотя простой икрытый затрапезою, но когда я явился въ немъ на бивуаки, товарищи мои встрѣтили меня съ большою завистью.

По возвращеніи моемъ къ ротѣ, узналъ я, что капитанъ мой Гогель, который оставался старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ при гвардіи, получилъ приказаніе — отрядить одну полуроту съ егерскимъ полкомъ, назначеннымъ въ особый отрядъ, для встрѣчи идущей отъ Смоленска къ Красному, французской колонны. Я убѣдительно просилъ его командировать меня туда, но онъ отказалъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не можетъ самъ остаться только при 6-ти орудіяхъ своей роты, бывши начальникомъ, когда другая рота, состоящая въ его командѣ, будетъ оставаться безъ раздробленія, въ комплектѣ, и назначилъ изъ той роты Вельяминова, а при немъ — Лодыгина и Зварковскаго.

Эта полурота, на другой день, не наведя на себя ни одного непріятельскаго выстрѣла, поврылась честью отличнаго подвига, такъ что Вельяминовъ и Лодыгинъ получили георгіевскіе кресты, а Зварковскій — золотую шпагу. На мою же долю только пришлось нѣсколько благосклонныхъ словъ прямо отъ Кутузова, и вотъ по какому случаю.

Послѣ оттепели, сдѣлался легкій морозецъ. На походѣ моя полурота перевозилась съ одной горы на другую и тутъ же подѣхалъ въ крытыхъ санихъ Кутузовъ. Пара, везшая его, была не подкована, и при началѣ спуска съ горы одна лошадь упала. Я тотчасъ же приказалъ солдатамъ спустить сани съ горы и на себѣ поднять ихъ на другую сторону. Кутузовъ, увидя мою заботливость, велѣлъ подовзвать меня къ себѣ, и когда я подошелъ, спросилъ, какъ меня зовутъ? Получивъ отвѣтъ, сказалъ мнѣ: «Припомни, другъ мой Жиркевичъ, меня старика подъ старость.

Какъ ты меня бережешь, старика, такъ и тебя когда-нибудь беречь стануть!»

Въ этотъ же день я видѣлъ, до какой степени начали доходить съ одной стороны отчаяніе, а съ другой стороны ожесточеніе въ этой войнѣ. При выходѣ нашемъ на большую дорогу, путь нашъ пересѣлся гвардейскимъ егерскимъ полкомъ. Вдругъ я вижу, что въ рядахъ онаго преспокойно идетъ себѣ одинъ французскій солдатъ, съ ружьемъ на плечѣ. Онъ до такой степени былъ обезумѣвшимъ, что, конечно, полагалъ себя въ тылу своихъ товарищей. Но тутъ замѣтилъ его одинъ егерскій солдатъ и не говоря ни слова, прикладомъ ударилъ его по головѣ такъ, что тотъ, безъ чувствъ, упалъ на землю. Я сталъ строго за сіе выговаривать ударившему, но тотъ съ жестокостью возразилъ мнѣ:

— «Ваше благородіе! у меня не стало ни отца, ни матери отъ этихъ бестій; и другаго утѣшенія не имѣю, какъ не щадить ни одного изъ нихъ; я поклонялся передъ Богомъ въ этомъ».

Въ Копысѣ мы простояли три дня. Сюда прибылъ изъ Петербурга великій князь Константинъ Павловичъ, и первымъ приступомъ его къ начальству надъ гвардейскимъ корпусомъ было требованіе, чтобы офицеры не отступали, на походѣ, отъ установленной формы. Но главнокомандующій отдалъ приказъ противъ этого и требовалъ, чтобы каждый сберегалъ здоровье свое, одѣвался теплѣе, но избѣгалъ безобразія. Со всѣмъ тѣмъ, не взирая на то, что морозы доходили до 25°, великаго князя мы иначе не видали на походѣ, какъ веркомъ, въ шпензерѣ сверхъ мундира, и всегда въ шляпѣ.

Изъ Копыса мы опять пошли боковою дорогою и вышли на большую—уже у Опшмянъ. Здѣсь (верстъ 40 или 50 до Вильны) намъ представилось зрѣлище нанужаснѣйшее, подобнаго которому не случалось никогда видѣть и на поляхъ битвъ.... Морозы стояли постоянно около 30°, при жестокихъ мятеляхъ и вѣтрѣ, дувшемъ все время намъ въ лицо; слѣдовательно, и колонновожатые наши, т. е., французы, претерпѣвали ту же участь, но только съ тою разницею, что мы въ своемъ климатѣ болѣе или менѣе освоились съ этими непогодами, а имъ она была въ диковинку и въ новинку. Но и у насъ было не безъ бѣдъ. Очень и очень часто случалось видѣть даже гвардейскихъ молодцовъ, замерзающихъ на дорогѣ, а пособить было нечѣмъ. Въ рядахъ

ослабѣть солдатъ, не можетъ идти, оставляютъ его за собою, въ ожиданіи слѣдующихъ за корпусомъ подводъ и обоза, а для присмотра за нимъ остается свѣжій и исправный товарищъ его. Но не только обывательскія, но даже обозныя лошади, не бывъ подкованы, по гололедицѣ едва передвигали ноги и только на дневкахъ, или уже на другой день, утромъ, когда полки выходили въ новый походъ, достигали бывшаго ночлега. А между тѣмъ, не только ослабѣвшій, но и оставшійся при немъ, засыпали сномъ вѣчнымъ, и эта смерть для слабого была менѣе страшна, чѣмъ для бодрого человѣка, ибо послѣдній видитъ заблаговременно то, что и его ожидаетъ тоже самое, когда онъ начнетъ слабѣть.

Больше, нежели на 50 верстѣ, не только по дорогѣ, но и въ стороны отъ селеній, виднѣлись однѣ лишь трубы да печи, а все, что только имѣлось въ деревнѣ удобосгораемаго, употреблено на топливо, и отъ Опшмянъ до Вильны нельзя было двухъ шаговъ пройти безъ того, чтобы не наткнуться на одинъ или на нѣсколько труповъ. Въ другихъ мѣстахъ видно было, что нѣкоторыхъ смерть заставляла на трупахъ ихъ товарищей въ то время, когда они готовились ими утолить свой голодъ. Еще ужаснѣе было видѣть, какъ десятками залѣзали въ самую середину костровъ и обгорѣвшіе, оставались въ такомъ положеніи. Другіе, не испустившіе еще послѣдняго дыханія, тлѣли, буквально, на угольяхъ, не высказывая ни малѣйшаго страданія въ потухающихъ глазахъ.

Почти на каждыхъ 20-ти саженьяхъ встрѣчалось или покинутое орудіе, или съ зарядами фура, и подъ оными по четыре, по три, по двѣ и одной лошади, съ упряжью, павшихъ. О взятіи этихъ фуръ или орудій на подводы, никто даже не имѣлъ помысленія, ибо каждый заботился о личномъ своемъ сохраненіи, или о сбереженіи вѣренной ему команды. Счастливъ былъ тотъ, у кого имѣлся тулупъ, какъ у меня, или кто еще не износилъ своей ватной шинели, а бѣдные солдаты, хотя въ Копысѣ и получили полушубки, но страшно терпѣли отъ несообразной, по времени года, обуви. Тогдашняя форма заключалась въ такъ-называемыхъ «кожаныхъ крагахъ», плотно облегающихъ икру ноги и застегивающихся мѣдными пуговицами. Для красы, въ этомъ мѣстѣ не вставлялось сукно при панталонахъ, а приши-

вался кусокъ холста. А какъ солдатъ не имѣлъ возможности ничего подвѣртывать подъ враги, то тутъ и начиналось для него самое гибельное отъ стужи пораженіе. Мы, артиллеристы, были счастливиѣ тѣмъ, что ранцы и кивера вляли на орудія и зарядные ящики, шли безъ ружей и съ тепло-покрытою головою, и дѣлали больше движенія; имѣли возможность на ходу одинъ другому пособлять и отогрѣвать отмороженные члены. Лошади у насъ ковались на шипы и мы всегда имѣли запасъ въ подошвахъ. Вотъ примѣръ для будущихъ временъ. Боже сохрани еще отъ подобныхъ обстоятельствъ.

Въ Вильну мы пришли 5-го декабря 1812 г. Тутъ я узналъ, что мнѣ за Бородино дали орденъ св. Владимира 4-й степени.

Я квартировалъ на форштатѣ въ Вильнѣ; когда мнѣ случилось проходить въ городъ, я насчиталъ неубранныхъ до 20-ти труповъ. Потомъ, дня черезъ два, улицы въ городѣ и на форштатѣ очистились. Въ устроенныхъ французами лаваретахъ, въ канавахъ, на дворахъ, вблизи жилыхъ улицъ, валялось около 30,000 труповъ, которые вывозились, на лошадяхъ нашихъ, за городъ. Тамъ ихъ складывали въ костры и сжигали. Но хотя мы простояли въ Вильнѣ двадцать два дня и ежедневно совершалась подобная операція, все-таки осталось болѣе половины изъ нихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ
БУЛАТОВЪ.

1760—1825.

ИЗДАНО КЪ ВОЗВѢЩЕНІЮ Д. БУЛАТОВА

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ БУЛАТОВЪ.

1760 — 1825.

Вполнѣ сочувствуя одной изъ главнѣйшихъ задачъ историческаго журнала «Русская Старина» — обнародованію документовъ, служащихъ къ ознакомленію съ жизнью и дѣятельностью замѣчательныхъ отечественныхъ дѣятелей, и желая, съ своей стороны, посильно оной содѣйствовать, я представляю на страницахъ этого изданія біографію моего дѣда, генералъ-лейтенанта Михаила Леонтьевича Булатова, одного изъ достопамятныхъ дѣятелей трехъ царствованій — Екатерины II, Павла I и Александра I.

Біографія эта составлена мною по имѣющимся въ фамильномъ архивѣ подлиннымъ документамъ, и составлена, главнымъ образомъ, для восстановленія истинны, нарушенной г. Богдановичемъ въ его сочиненіи: «Исторія царствованія императора Александра I».

Подлинная, до сихъ поръ неизданная, записка М. Л. Булатова о сраженіи Русскихъ, подъ его начальствомъ, со Шведами при Револакскѣ (1808 г.), какъ документъ первой важности, присоединена мною къ его біографіи.

Д. А. Булатовъ.

I.

Г. Богдановичъ въ своемъ сочиненіи: „Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время“ (томъ II, стр. 345), описывая эпизоды шведской кампаніи 1808 года, между прочимъ, говоритъ:

«Между тѣмъ, въ началѣ (въ половинѣ) апрѣля, Клингспоръ успѣлъ со-
брать близъ Улеборга до 10 т. человекъ, и, уступивъ настоянію своего началь-
ника штаба, полковника Адлеркрейца, одного изъ лучшихъ шведскихъ
офицеровъ, рѣшился дать отпоръ нашему отряду. Полковникъ (?) Булатовъ,
стоявшій съ небольшою частію войскъ у Револакса, былъ разбитъ наго-
лову, что заставило Тучкова отступить къ Гамле-Карлеби. Неудача, нами
здѣсь повесенная, разсѣла убѣжденіе шведовъ въ непобѣдимости русскихъ»
и проч.

Далѣе, описывая эпизоды турецкой кампаніи 1809, 1810 и 1811 годовъ, г. Богдановичъ указываетъ на два дѣла, въ которыхъ участвовали генералъ Булатовъ, а именно: дѣло при переправѣ турокъ черезъ Дунай, въ 6-ти верстахъ отъ Рущука, на 28-е августа 1811 года (томъ II, стр. 523), и дѣло 23-го сентября того же года, въ которомъ Булатовъ овладѣлъ турецкимъ редутомъ. Говоря о первомъ дѣлѣ, г. Богдановичъ, между прочимъ, прибавляетъ:

«Императоръ Александръ приказалъ сдѣлать замѣчаніе Булатову за отбитое у него орудіе» (стр. 525).

Вотъ все, что г. Богдановичъ нашелъ нужнымъ сказать о дѣятельности М. Л. Булатова въ турецкую кампанію. Странно, что, пройдя молчаніемъ рядъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ Булатовымъ, не коснувшись тѣхъ монаршихъ милостей, которыми Булатовъ былъ удостоенъ за свои славныя дѣла, историкъ почему-то признаетъ необходимымъ упомянуть о мнимомъ (что я докажу далѣе) выговорѣ государя, будто бы послѣдовавшемъ этому воину. Удивляюсь, что г. Богдановичъ ничего не говоритъ объ участіи Булатова въ столь блестящихъ событіяхъ турецкой кампаніи, какъ напримѣръ: первоначальный переходъ черезъ Дунай, причемъ Булатовъ командовалъ авангардомъ генерала Засса,—о занятіи Исаки, Тульчи, сраженіи при мѣстечкѣ Расеватъ (4-го сентября 1809 года), сраженіи при вылазкѣ турокъ, 4-го октября 1809 года, при осадѣ Силистріи, сраженіи при селеніи Батинѣ, гдѣ Булатовъ командовалъ двумя частями нашихъ войскъ (а между тѣмъ у г. Богдановича и имени его не упомянуто въ этомъ дѣлѣ) и о другихъ славныхъ дѣлахъ, въ которыхъ Булатовъ игралъ видную роль. Таковое молчаніе тѣмъ болѣе непонятно, что тотъ же историкъ считаетъ необходимымъ упомянуть о такихъ, напримѣръ, мелочахъ, кто шелъ въ авангардѣ колонны Лопухина при взятіи Слободзеи, 24-го марта 1809 года (стр. 461). Далѣе, въ самой біографіи М. Л. Булатова, я посвящу нѣсколько страницъ участію Михаила Леонтьевича въ упомянутыхъ событіяхъ, а теперь перехожу прямо къ первой приведенной выпискѣ изъ исторіи г. Богдановича, а именно о Револякскомъ сраженіи, бывшемъ 15-го апрѣля 1808 года.

Читая эти нѣсколько словъ, единственно посвященныхъ г. Богдановичемъ кровавому событію, невольно является мысль о томъ — не былъ-ли начальникъ русскаго отряда, Булатовъ, виновнымъ въ нанесеніи пораженія войскамъ, ввѣреннымъ его охранѣ (по непредусмотрительности, неумѣнью распорядиться или во-время—безъ ущерба русскому оружію—соединиться съ отрядомъ генерала Тучкова); невольно рождается сомнѣніе, что онъ былъ (вслѣдствіе пораженія) причиною,

хотя и невольно, что въ шведахъ, — какъ свидѣтельствуемъ Богдановичъ, — разсѣялось убѣжденіе въ непобѣдимости русскихъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности выходитъ иначе: поражение при Револакскѣ славнѣе другой побѣды; въ этомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, выказалось непоколебимое мужество русскихъ, ихъ мощный духъ, ихъ геройская храбрость и умѣнье умирать при исполненіи своего долга. А потому, мнѣ кажется, что говори о такомъ эпизодѣ военной исторіи, какъ сраженіе при Револакскѣ, говоря о такихъ личностяхъ, какъ М. Д. Булатовъ, и о тѣхъ воинахъ, которые „отъ младшаго до старшаго (по выраженію извѣстнаго Скобелева) легли съ честію при Револакскѣ“, — г. Богдановичу можно было бы отнестись и къ событію, и къ дѣятелямъ онаго съ большимъ вниманіемъ, нежели онъ это сдѣлалъ; можно было бы не навлекать на этихъ людей какую-нибудь тѣнь сомнѣнія или просто недоразумѣнія. Рѣзня при Револакскѣ не могла разсѣять убѣжденія шведовъ въ непобѣдимости русскихъ;¹⁾ напротивъ, она должна была укрѣпить въ нихъ это убѣжденіе. Изъ тысячнаго отряда русскихъ къ концу сраженія осталось 27 человекъ, въ томъ числѣ и генералъ Булатовъ, но рѣшительно изуродованныхъ; противъ нихъ боролась вся армія фельдмаршала графа Клингспора! Эти истинные сыны Россіи о сдачѣ или отступленіи не думали, и Булатовъ тогда только былъ взятъ въ плѣнъ, когда, получивъ въ теченіи боя седьмую рану (въ лѣвую сторону груди, близъ сердца), упалъ замертво близъ батареи. Подобный примѣръ доблести не только не могъ поколебать увѣренности шведовъ въ непобѣдимости русскихъ, но, напротивъ, преисполнилъ ихъ удивленіемъ и уваженіемъ къ Булатову и его героямъ-сподвижникамъ. Это подтверждается словами, сказанными при этомъ случаѣ фельдмаршаломъ гр. Клингспоръ, когда онъ, по окончаніи боя при Револакскѣ, приказалъ оставить русскимъ плѣннымъ оружіе изъ уваженія къ ихъ доблести и самоотверженію; вотъ слова Клингспора:

— „Эти люди принадлежатъ славѣ, они служатъ примѣромъ и, по качеству геройскаго подвига, составляютъ общее сокровище всѣхъ царствъ и всѣхъ народовъ“.

Не стану говорить о томъ, что невниманіе къ этому факту г. Богдановича видно даже изъ того, что начальникъ русскихъ войскъ

¹⁾ Не могло-ли скорѣе разсѣяться это убѣжденіе шведовъ послѣ упоминаемыхъ г. Богдановичемъ эпизодовъ, а именно: на островѣ Кумлингѣ (одинъ изъ острововъ Аландскихъ), 24-го апрѣля 1808 г., или послѣ дѣла на Готландѣ въ половинѣ мая того же года? Въ первомъ случаѣ отрядъ положилъ оружіе, во второмъ — капитулировалъ (стр. 345 и 346). Ни того, ни другаго факта не было въ сраженіи при Револакскѣ. Д. В.

при Революціи, М. Л. Булатовъ, неизвѣстно почему, разжалованъ имъ въ полковника, между тѣмъ какъ еще при императорѣ Павлѣ I онъ былъ генераломъ и состоялъ въ свитѣ государя.

Имѣя въ рукахъ данныя, могущія служить къ восстановленію истинны историческихъ фактовъ, касающихся военной исторіи—фактовъ, въ коихъ принималъ славное участіе М. Л. Булатовъ, я считаю долгомъ своимъ представить настоящій очеркъ.

II.

Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ провелъ почти пятьдесятъ лѣтъ въ славной боевой службѣ, подъ начальствомъ Потемкина, Суворова, Прозоровскаго, Каменскаго, Кутузова. Эти пятьдесятъ лѣтъ службы—рядъ блестящихъ подвиговъ и 28 ранъ, полученныхъ имъ на поляхъ сраженій, даютъ, безспорно, право на уваженіе къ нему потомства.... Его знанію военнаго дѣла отдавали справедливость не только соотечественники, въ лицѣ своего монарха, но и самые враги его, какъ напримѣръ: графъ Клингспоръ, король шведскій Густавъ-Адольфъ IV и его преемникъ Карлъ XIII (бывшій герцогъ Зюдерманландскій).

Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ родился въ 1760 году. Онъ происходилъ изъ древней русской дворянской фамиліи, ведущей свое начало отъ царя Золотой Орды Булата (Зелеть-Салтанъ-Тохтамышъ), царствовавшего въ Ордѣ въ 1395 году и къ которому, въ 1412 г., великій князь Василій Димитріевичъ и князь Иванъ Михайловичъ Тверской ходили на поклонъ въ Орду. Два внука Булата, Касимъ да Юсупъ, выѣхали въ Москву для службы великому князю Василю Васильевичу.

По документамъ (граматамъ) видно, что царь Алексѣй Михайловичъ жаловалъ предковъ Михаила Леонтьевича населенными помѣстьями и вотчинами въ Рязанской губерніи; нѣкоторыя изъ этихъ помѣстій, переходя преемственно отъ отца къ сыну, и въ настоящее время составляютъ достояніе нашего рода.

Михаилъ Леонтьевичъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, куда поступилъ въ 1776 году. Въ 1783 году, въ чинѣ капитана, перешедъ въ Ладожскій мушкетерскій полкъ, онъ былъ отправленъ на Кавказскую линію, гдѣ за рѣками Кубанью и Лабю находился въ корпусѣ генерала Леонтьева, при усмиреніи разбоевъ горскихъ народовъ, причемъ неоднократно участвовалъ въ сраженіяхъ, имѣя подъ своею командою особые отряды. Въ 1787 году Булатовъ находился при екатеринославской арміи, расположенной на турецкой границѣ, а въ 1788 году—при движеніи войскъ за Бугъ чрезъ степь въ Очавову; по особому избранію

главнокомандующаго, онъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ. Въ продолженіи осады Очакова, фельдмаршалъ князь Потемкинъ послалъ Михаила Леонтьевича съ партиями къ Бендерамъ и Акерману и за отличіе произвелъ его изъ капитановъ въ премьеръ-майоры въ генеральный штабъ; во время же самаго штурма и взятія Очакова, Булатовъ находился при самомъ главнокомандующемъ, который послалъ его впередъ съ приказаніями къ войскамъ, въ самый пылъ сраженія.

Въ 1789 году Михаилъ Леонтьевичъ находился при всѣхъ движеніяхъ арміи въ Молдавіи и Бессарабіи, а въ 1790 г.—при блокадѣ Измаила; при этомъ, по особому ордеру генерала графа Суворова, Булатовъ съ 2-хъ тысячною командою былъ посланъ за Дунай; въ одни сутки онъ заготовилъ и къ мѣсту доставилъ весь необходимый матеріалъ для построенія четырехъ батарей, былъ траншей-майоромъ и за инженера; въ одну ночь — противъ каменнаго непріятельскаго укрѣпленія — построилъ первую отъ Дуная батарею на 12 орудій, а при штурмѣ и взятіи крѣпости велъ на приступъ шестую колонну. За этотъ подвигъ Булатовъ получилъ отъ Екатерины II слѣдующій рескриптъ:

«Нашему оберъ-квартирмейстеру Булатову.

—Усердная ваша служба и мужественные подвиги, оказанные вами при осадѣ и взятіи приступомъ города и крѣпости Измаила и истребленіи бывшей тамъ турецкой арміи, гдѣ вы, сверхъ исправляемой вами должности, заготовляли туры и фашины и находились въ траншеяхъ безотлучно, а на приступѣ, бывъ вожакомъ шестой колонны, находились впереди и отличались мужествомъ,— обрадуютъ на себя наше вниманіе и милость. Мы, въ изъявленіе оныхъ, всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ ордена нашего святаго равноапостольнаго князя Владиміра четвертыя степени, котораго знави повѣщаемъ вамъ носить въ петлицѣ съ бантомъ установленнымъ порядкомъ. Удостоверены мы совершенно, что вы, получа сіе со стороны нашей ободреніе, потщитесь продолженіемъ службы вашей вице удостоиться монаршаго нашего благоволенія. Въ Санктпетербургѣ. Марта дня 1792 года. «Екатерина».

«Иванъ Шуваловъ».

1791 годъ Булатовъ провелъ при войскахъ въ Молдавіи, Валахіи и за Дунаемъ въ окрестностяхъ мѣстечка Мачина; 1792 г.—въ Польшѣ, а въ 1793 году, по случаю присоединенія въ Россіи польскихъ областей, получилъ особенное отъ генерала Кречетникова порученіе — назначить границы между Россіей и Нѣмецкими владѣніями.

1794 — 1796 года Булатовъ провелъ безотлучно при войскахъ, исправляя должность генераль-квартирмейстера, имѣлъ порученіе отъ фельдмаршала графа Румянцева и за отличіе, по представленію генерала князя Долгорукова, произведенъ въ подполковники, въ

1797 г.—въ полковники, а въ 1799 г.—въ генераль-маіоры, причеѣмъ опредѣленъ, за упраздненіемъ генеральнаго штаба, по имянному императора Павла указу, въ Ямбургскій кирасирскій полкъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ взятъ въ свиту государя. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1797 г. онъ командированъ къ войскамъ, расположеннымъ на цесарской границѣ, причеѣмъ получилъ высочайшее повелѣніе — снѣять карту, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ „военныхъ примѣчаній“, пограничныхъ уѣздовъ Волынской и Подольской губерній; тѣми же работами продолжалъ заниматься и въ корпусѣ генерала графа Гудовича, какъ видно изъ слѣдующаго документа:

«Господину генераль-маіору и кавалеру Булатову.

«Карту кантонирь-квартирамъ корпуса генерала графа Гудовича 2-го и вѣдомость полкамъ я получилъ и за исправность оной благодарю вашему превосходительству; а между тѣмъ предписываю о всѣхъ будущихъ перемѣнахъ, какія случиться могутъ въ перемѣщеніи квартиръ, или отдѣленіи цѣлаго полка въ другой корпусъ, тотчасъ меня увѣдомлять. Санктпетербургъ, іюня 2-го дня 1799 года. № 174. «Графъ Аракчеевъ».

Изъ корпуса гр. Гудовича, по указу государя, Булатовъ былъ отряженъ въ корпусъ генерала Нумсена на границу прусскую, а оттуда, имяннымъ же указомъ, возвращенъ къ прежнему корпусу. Въ 1800 году, ¹⁾ имяннымъ приказомъ государя, опредѣленъ въ депо петербургское по управленію квартирмейстерскою частію, а потомъ командированъ для снѣтія военной карты берега Финскаго залива отъ мызы Стрѣльны до Красной Горки, съ прилежащею къ ней окрестностію. 2-го января 1801 года Булатовъ пожалованъ „почетнымъ командоромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго“.

Окончивъ труды по снѣтію картъ, Булатовъ управлялъ дѣлами депо.²⁾ Въ 1803 году Булатовъ получилъ орденъ Георгія IV класса, при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Нашему генераль-маіору Булатову.

«Ревность и усердіе ваше къ службѣ, продолженной болѣе 22-хъ лѣтъ въ дѣйствительномъ офицерскомъ чинѣ и должности, равномѣрно мужество, оказанное вами при взятіи приступомъ города Измаила, учпняютъ васъ достойнымъ къ полученію отличной чести и нашей монаршей милости, а потому мы васъ въ кавалеры четвертаго класса военнаго ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія всемілостивѣйше жалуемъ и знакъ оного, при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію. Сія ваша заслуга увѣраетъ насъ, что вы, получивъ таковое монаршее ваше по-

¹⁾ Указомъ Сенату повелѣно Булатову при Петергофскомъ быть дворцѣмъ казеляномъ замка. См. «Русскую Старину» изд. 1873 года, т. VII, стр. 630.

²⁾ Нынѣ Генеральный штабъ.

ощреніе, наипаче потщитесь и впредь усугублять ваши военныя достоинства. Данъ въ Санктпетербургѣ, ноября 26-го дня 1803 года. «Александръ».

«Князь Прозоровской».

Въ 1807 г., по повелѣнію государя, Булатовъ посланъ въ Пруссію, въ армію генерала Бенингсена, для занятія по квартирмейстерской части; въ апрѣль—назначенъ бригаднымъ генераломъ въ корпусъ генерала графа Толстаго, находившагося противъ Гухтата, отсюда посланъ къ мѣстечку Остроленко для усиленія корпуса генерала Тучкова; въ декабрѣ—назначенъ шефомъ Могилевскаго пѣхотнаго полка и велѣно ему, съ особымъ отрядомъ, слѣдовать къ границамъ шведской Финляндіи. Тутъ начинается непрерывный рядъ сраженій, въ которыхъ главное участіе принимали войска подъ командою Булатова.

III.

19-го февраля 1808 года Булатовъ взялъ шведское мѣстечко Краютіно, 20-го—Сантмихель; слѣдуя изъ сего послѣдняго къ Вардегусу, 3-го марта онъ достигъ Красной-Мивы, гдѣ гр. Кронштетъ съ своимъ корпусомъ занялъ сильное дефиле, укрѣпивъ оное засѣками и ложе-ментами; послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны шведовъ, позиція эта была взята приступомъ, и русскія войска, подъ начальствомъ Булатова, пройдя эти укрѣпленія, имѣли еще три сраженія на озерахъ; затѣмъ, взявъ городъ Куопіо, русскіе имѣли еще сраженіе; взяли вновь дефиле, защищаемое девятью пушками, и въ которомъ шведы опять—было пытались укрѣпиться; ночью отняли у нихъ деревню Тайволу и преслѣдовали ихъ пять миль. Тутъ Булатовъ получилъ повелѣніе—остановиться въ Куопіо, что онъ немедленно и исполнилъ, учредивъ лазаретъ для больныхъ и раненыхъ и магазинъ для провіанта; затѣмъ, въ началѣ апрѣля, онъ снова выступилъ противъ непріятеля къ Улеаборгу—къ сторонѣ Франціи, гдѣ находился корпусъ Кронштета; въ это время Булатовъ получилъ предписаніе корпуснаго командира—идти немедленно съ отрядомъ къ Револаксу, что и было имъ исполнено. Трагическая участь постигла его отрядъ: онъ легъ костью, и самъ Булатовъ, израненный, съ немногими войнами, также покрытыми ранами,—взятъ въ плѣнъ. Представляя да-дѣе подробную записку самаго М. Л. Булатова объ этомъ сраженіи, я считаю излишнимъ приводить здѣсь подробности онаго.

Въ 1809 г., по возвращеніи Булатова изъ плѣна, изъ Швеціи, онъ, 9-го іюля, по повелѣнію императора, отправился въ Молдавію—въ армію фельдмаршала кн. Прозоровскаго, куда прибывъ 27-го того же мѣсяца и съ авангардомъ отъ корпуса генерала Засса перешелъ за Дунай; 29-го іюля Булатовъ взялъ приступомъ крѣпость Исаку; 1-го

августа взялъ крѣпость Тульчу и занялъ Бабадагъ, очистивъ все пространство земель, лежащихъ между моремъ и Дунаемъ; затѣмъ, находился при взятіи крѣпости Кюстенджи; назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ арміи и 4-го сентября того же 1809 года участвовалъ въ сраженіи съ турками при мѣстечкѣ Расеватѣ.

Въ этомъ рядѣ военныхъ дѣйствій, Булатовъ, по словамъ высочайшаго рескрипта отъ 16-го января 1810 г.: „ознаменовалъ себя во всѣхъ случаяхъ мужествомъ и необыкновенными знаніями въ дѣлѣ воинскомъ“, за что и пожалованъ кавалеромъ ордена святыя Анны перваго класса.

Во время осады Силистріи, сверхъ должности дежурнаго генерала, Булатовъ командовалъ авангардомъ корпуса графа Ланжерона, и 4-го октября 1810 г. имѣлъ большое сраженіе противъ сильной городской вылазки; 10-го же октября, когда главнокомандующій князь Багратіонъ, при селеніи Татаринцѣ, сражался съ прибывшими на подкрѣпленіе турецкими корпусами и турки сдѣлали сильнѣйшую вылазку изъ крѣпости, чтобы напасть съ тыла на сражающіяся русскія войска,—Булатовъ, угадавъ намѣреніе непріятеля, остановилъ турокъ, и послѣ десяти-часоваго жестокаго боя, прогналъ врага назадъ въ городъ и тѣмъ, конечно, способствовалъ успѣхамъ главнокомандующаго. За этотъ подвигъ Булатовъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени, при самомъ милостивомъ рескриптѣ 7-го августа 1810 года.

Послѣ взятія крѣпости Силистріи, русскія войска, подъ главнымъ начальствомъ графа Каменскаго, двинулись къ Шумлѣ, и 11-го и 12-го іюня 1810 года атаковали эту крѣпость и ея нагорныя укрѣпленія. Во время этихъ сраженій, главнокомандующій давалъ Булатову разныя важныя порученія, по поводу которыхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Булатова (4-го сентября 1810 г.), сказано:

«Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи противу турокъ, 11-го и 12-го чиселъ минувшаго іюня (1810 г.), при крѣпости Шумлѣ, гдѣ вы посланы были главнокомандующимъ неоднократно въ тѣ мѣста, которыя имъ видны быть не могли, для отдаванія повелѣній его и для доставленія подробныхъ свѣдѣній о теченіи дѣла и успѣхахъ тѣхъ частей, гдѣ онъ самъ быть не могъ—жалую вамъ препровождаемые у сего алмазные знаки ордена святыя Анны перваго класса».

Съ 9-го іюля 1810 г. Булатовъ находился при блокадѣ крѣпости Рущука, а 22-го того же мѣсяца—на штурмѣ оной; 26-го августа, во время сраженія при селеніи Батинѣ, графъ Каменскій поручилъ ему въ командованіе двѣ части войскъ; принявъ начальство надъ ними, Булатовъ взялъ главное непріятельское укрѣпленіе и рѣшилъ побѣду.

«Отличное мужество и храбрость, оказанная вами при разбитіи турецкихъ войскъ, 26-го минувшаго августа, при селеніи Батинѣ»,— такъ выражено въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя генераль-маіора Булатова (24-го ноября 1810 г.),— «гдѣ вы, главнокомандующимъ генераломъ графомъ Каменскимъ избраны будучи къ командованію двумя частями войскъ нашихъ, оправдали сей выборъ совершенно, поступая съ прикѣрною неустрашимостью,—заслуживаютъ награжденія орденомъ святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, а потому мы всемілостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ сего ордена третьяго класса».

Въ сентябрѣ, по взятіи Рушукъ, Булатовъ посланъ съ корпусомъ къ городу Никополю и находился при его сдачѣ. Въ апрѣлѣ 1811 г. новый главнокомандующій Мих. Ил. Голенищевъ-Кутузовъ послалъ его за Дунай, въ корпусъ генерала Эссена; здѣсь Михаилъ Леонтьевичъ имѣлъ нѣсколько сраженій съ передовыми войсками верховнаго визири и 22-го іюля участвовалъ въ генеральномъ сраженіи обѣихъ армій. Вотъ рескриптъ, отъ 23-го августа 1811 г., который Булатовъ получилъ отъ государя за это дѣло:

«Господинъ генераль-маіоръ Булатовъ. Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи противу турецкихъ войскъ въ 22-й день іюля сего года подъ Рушукомъ, гдѣ вы, командуя вѣреннѣмъ вамъ отрядомъ войскъ, съ особеннымъ мужествомъ опрокидывали сильное непріятельское нападеніе, обращая непріятеля въ бѣгство съ большимъ, со стороны его, урономъ, и дабы отвлечь вниманіе его на наши фланги, двинулись впередъ со вѣренными вамъ кареями, — жалую вамъ золотую шпагу, съ надписью: «за храбрость», алмазами украшенную, увѣренъ будучи», и проч.

Когда армія по прежнему перешла на лѣвый берегъ Дуная. Булатовъ оставался съ отрядомъ въ Рушукѣ и охранялъ его отъ всѣхъ непріятельскихъ покушеній до того времени, какъ чрезъ два дня городъ былъ весь зажженъ и онъ, подъ выстрѣлами турецкихъ батарей, защищая снимаемый съ Дуная понтонный мостъ, послѣ всѣхъ присоединился къ арміи.

28-го августа 1811 г., когда корпусъ изъ арміи визири въ ночь переправился черезъ Дунай и укрѣпился близъ селенія Малки, Булатовъ съ отрядомъ, по особому повелѣнію Кутузова, его остановилъ и, по жестокомъ сраженіи, удержалъ турокъ отъ покушенія войти далѣе въ Молдавію; въ это время Булатовъ командовалъ всѣми войсками и пятью большими редутами и ложементами праваго фланга до самаго Дуная; въ этотъ періодъ и до взятія въ плѣнъ всей турецкой арміи, всѣ покушенія непріятельскія на войска, вѣренныя Булатову, были уничтожены; всѣ вылазки, дневныя и ночныя, отбиты побѣдоносно. 23-го сентября 1811 г., турки, собравъ всѣ свои силы, сдѣлали редутъ близъ праваго фланга Булатова, на берегу Дуная. Михаилъ Леонтьевичъ, въ виду всей арміи и главнокомандующаго,

взялъ этотъ редутъ штурмомъ, истребилъ защищавшихъ его до 700 албанцевъ и затѣмъ, сражаясь болѣе десяти часовъ со всѣми войсками визиря, подъ выстрѣлами 9-ти, устроенныхъ по берегамъ Дуная, турецкихъ батарей, разбилъ наголову и прогналъ ихъ въ большія укрѣпленія. Послѣ этой блистательной побѣды турки не осмѣливались болѣе дѣлать нападеній на войска Булатова. Орденъ св. Владимира большаго креста второй степени былъ наградою ему за это славное дѣло.¹⁾

Въ началѣ ноября 1811 года, отрядъ Булатова былъ расположенъ вверхъ по Дунаю; къ нему присоединена была взятая въ плѣнъ турецкая армія и въ этомъ положеніи, подъ командою Булатова, находилась около 3-хъ мѣсяцевъ, до отправленія въ Россію; въ продолженіе всего этого времени, эта масса войскъ сохранила удивительный порядокъ: дисциплина ни разу не была нарушена и главнокомандующій объявилъ, приказомъ по арміи, что доведеть объ этомъ до свѣдѣнія императора. Въ 1812 году, 1-го и 5-го февраля, по приказанію гр. Кутузова, Булатовъ, со всѣмъ отрядомъ и артиллеріею, сдѣлалъ двѣ экспедиціи за Дунай—по льду; одна изъ нихъ была направлена мимо города Никополя—къ вѣрности Гудунецкой (?), занимаемой вновь приходившими турецкими войсками; Булатовъ прогналъ турокъ, завладѣлъ этимъ мѣстомъ и его окрестностію и, по невозможности употребить въ пользу нашихъ войскъ, истребилъ непріятельскіе запасные провіантскіе магазины; плѣнныхъ привелъ около 700 человекъ.

Въ апрѣлѣ 1812 г., Михаилъ Леонтьевичъ получилъ въ команду 4-й корпусъ дунайской арміи. На этомъ кончается рядъ блистательныхъ подвиговъ Булатова во время турецкой кампаніи; отечество, въ лицѣ своего монарха, оцѣнило его заслуги! Державныя слова государя, высказанныя Михаилу Леонтьевичу, въ рескриптѣ отъ 16-го января 1810 года, о томъ, что онъ „ознаменовалъ себя во всѣхъ случаяхъ мужествомъ и необыкновенными знаніями въ дѣлѣ воинскомъ“, останутся — вопреки исторіку, не пожелавшему почему-то обратить должнаго вниманія на этого доблестнаго, самоотверженнаго воина,—неизгладимыми для потомства. Никакихъ высочайшихъ выговоровъ за турецкую кампанію Булатовъ не получалъ, да въ виду описанныхъ мною блистательныхъ подвиговъ и побѣдъ, онъ и получить не могъ. Въ формулярномъ о службѣ его спискѣ, выданномъ сыну его А. М. Булатову, моему отцу, никакихъ положительно выговоровъ не значится, а между тѣмъ извѣстно, что высочайшіе выговоры вносятся въ послужной списокъ; по отсутствію этихъ данныхъ, я вправѣ

¹⁾ Высочайшій рескриптъ отъ 16-го февраля 1812 г.

заявить, что высочайшаго выговора моему дѣду не было; рядъ самыхъ лестныхъ высочайшихъ рескриптовъ, мною съ этою цѣлю приведенныхъ выше, вполне подтверждаютъ мои слова. Откуда почерпнулъ г. Богдановичъ свѣдѣніе объ упомянутомъ выговорѣ,—мнѣ неизвѣстно; но если онъ напелъ нужнымъ говорить о выговорѣ (если допустить его существованіе), и этимъ намѣревался умалить подвиги Булатова въ турецкую войну, то, мнѣ кажется, самая справедливость обязывала упомянуть какъ о дѣлахъ его въ эту кампанію, такъ и о всѣхъ высочайшихъ наградахъ и благоволеніяхъ, ибо еслибы Булатовъ и имѣлъ-бы несчастіе получить отъ государя выговоръ, то это бы касалось его личности и не прибавляло бы ничего для исторіи. Вслѣдствіе всего, мною сказаннаго, съ намѣреніемъ изложить довольно подробно дѣянія дѣда моего въ турецкую кампанію, я, дабы не утомить читателя, перечислю далѣе только тѣ главныя назначенія, которыя Михаилъ Леонтьевичъ получалъ до своей кончины.

IV.

Въ исходѣ іюля 1812 года, по особому назначенію адмирала Чичагова, возвращаясь въ Россію, Булатовъ, съ вѣренными ему войсками, послѣ всѣхъ другихъ корпусовъ проходилъ форсированнымъ маршемъ чрезъ горы и разлившіяся отъ дождей рѣки, по самой границѣ Молдавіи и Австріи, какъ вдругъ, на срединѣ дороги получилъ онъ новое предписаніе—ускорить еще маршъ и, оставя больныхъ и обозъ, привести къ арміи—часть войска, какую только будетъ возможно. Булатовъ преодолѣлъ всѣ затрудненія, не оставилъ ни одного человѣка, догналъ прежніе корпуса и съ ними слѣдовалъ къ сторонѣ Лудца на Волынѣ.

Въ сентябрѣ 1812 г. войска, подъ командой Булатова состоявшіе, настигли непріятеля: поляки и саксонцы были ими разбиты. Послѣ дѣла при селеніи Клодовѣ, Булатовъ получилъ повелѣніе—присоединиться къ арміи у Лямбала, откуда онъ преслѣдовалъ непріятеля къ Кобрину и къ сторонѣ Брестъ-Литовска; въ октябрѣ онъ посланъ съ корпусомъ за Бугъ, въ герцогство Варшавское, въ окрестности мѣстечка Било, противъ австрійцевъ и саксонцевъ, а по отходѣ съ арміею адмирала Чичагова, поступилъ въ составъ отдѣльнаго корпуса генерала Сакена; здѣсь онъ находился всегда въ авангардѣ, и противъ тѣхъ же соединенныхъ непріятелей имѣлъ нѣсколько частныхъ сраженій. Такъ 31-го октября, при мѣстечкѣ Горностаевѣ и съ 1-го на 2-е ноября ночью, при городѣ Волковискѣ, Булатовъ атаковалъ большой саксонскій лагерь, отнялъ знамя и истребилъ цѣлую колонну войскъ. Затѣмъ, когда корпусъ генерала Сакена от-

ступилъ къ мѣстечку Свислочу и отъ онаго чрезъ Бѣловѣжскую пушу къ Брестъ-Литовску и далѣе — въ Волинскую губернію, Булатовъ оставался въ арьергардѣ; тутъ онъ имѣлъ частныя и продолжительныя сраженія въ лѣсахъ и дефилеихъ съ войсками князя Шварценберга, возвратившагося вновь на нашъ правый флангъ, послѣ неудачнаго понушенія преслѣдованія Чичагова. 1-го декабря Булатовъ выступилъ противъ непріятеля отъ города Невеля къ Минску, вытѣснилъ его изъ тѣхъ окрестностей и преслѣдовалъ за предѣлы Россіи, взявъ при этомъ болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ. Въ январѣ 1813 года Михаилъ Леонтьевичъ находился при занятіи Варшавы.

Въ февралѣ 1813 г., графъ Милорадовичъ послалъ его преслѣдовать коляковъ и австрійцевъ къ сторонѣ Кракова, а въ началѣ апрѣля мы видимъ Булатова — прикрывающимъ осаду Ченстоховской крѣпости, производимую генераломъ Савеномъ; въ исходѣ апрѣля къ отряду Булатова присоединились три тысячи пруссаковъ, съ коими, дойдя до Кракова, онъ 11-го мая оный занялъ, а затѣмъ форсированнымъ маршемъ слѣдовалъ для соединенія съ главною арміею въ Силезію къ Бреславию. Тутъ Булатовъ получилъ высочайшее повелѣніе, коимъ переведенъ въ польскую армію; прибывъ въ оную, онъ съ авангардомъ выступилъ въ Богемію и занялъ селеніе Эпфельдъ, впереди города Тевлица; отсюда слѣдовалъ въ окрестности крѣпости Пирно, и когда другіе корпуса атаковали мѣстечко Дона, Булатовъ командовалъ нашимъ правымъ флангомъ, выбилъ изъ лѣсу непріятельскіе отряды и, въ виду главнокомандующаго, отнялъ лежащія на берегу Эльбы пять деревень. Съ 1-го октября, подступа подъ Дрезденъ, Михаилъ Леонтьевичъ командовалъ аванпостами и имѣлъ всѣдневныя перестрѣлки съ французами; 5-го числа, когда маршалъ Сентъ-Сиръ атаковалъ корпусъ, а ополченіе генерала гр. Толстаго и корпусъ генерала Маркова принудили Сентъ-Сира къ отступленію, Булатовъ составлялъ арьергардъ; отбивая многократныя и сильныя нападенія французовъ, на высотахъ Лофцихъ, онъ остановился и удержалъ дальнѣйшія стремленія французовъ.

17-го октября 1813 г. онъ придвинулся къ Дрездену и на высотахъ, близъ батарей городскихъ, атаковалъ сильную позицію французскихъ бивуаковъ; по усиленномъ сопротивленіи, овладѣлъ ею и всѣми деревнями до садовъ, близъ самаго города, гдѣ немедленно и расположенъ съ передовыми постами; черезъ это гарнизонъ былъ стѣсненъ, и это обстоятельство, конечно, много способствовало сдачѣ крѣпости. Отъ Дрездена Булатовъ слѣдовалъ къ Гамбургу, куда прибылъ 21-го декабря; здѣсь онъ командовалъ аванпостами всего праваго фланга — къ сторонѣ Альтоны до самой Эльбы. 23-го декабря 1813 г.

Михаилъ Леонтьевичъ взялъ приступомъ мѣстечко Елиндорфъ, селеніе Гогелифъ и Ейленбиттель, защищаемыя сильными ретраншаменентами войскъ и укрѣпленныя засѣками.

1-го января 1814 года, Булатовъ взялъ, ночью, приступомъ нѣсколько укрѣпленныхъ земляными окопами и засѣками нѣстовъ и деревень, близъ самаго почти города. 25-го января, 5-го, 12-го и 25-го февраля, по особому повелѣнію главнокомандующаго графа Беннингсена, Булатовъ сдѣлалъ четыре ночныя экспедиціи на острова за Эльбу, и пятую — кругомъ всего города и мимо всѣхъ корпусовъ нашей арміи, для истребленія всѣхъ непріятельскихъ отдѣльныхъ нѣстовъ; при этихъ движеніяхъ происходили большія сраженія, какъ съ войсками, находившимися на островахъ, такъ и высылаемыми отъ маршала Даву въ нимъ на подкрѣпленіе; при этомъ французы вездѣ съ большимъ урономъ были разбиты: отнято у нихъ восемь пушекъ и взято до двухъ тысячъ плѣнныхъ разныхъ чиновъ. Въ продолженіи всей осады и до завладѣнія Гамбургомъ, Булатовъ безотлучно находился на передовыхъ постахъ; въ этотъ промежутокъ времени онъ былъ два раза тяжело раненъ: въ високъ близъ лѣваго глаза и въ колѣно правой ноги. По взятіи Гамбурга, Булатовъ съ 16-ю пѣхотною дивизіею выступилъ, 10-го декабря, въ Бессарабію.

1815-й годъ и начало 1816 г. онъ командовалъ войсками, расположенными между Днѣстромъ, Прутомъ и Дунаемъ. Въ началѣ 1820 г. былъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Бессарабіи; 26-го ноября 1823 года Булатовъ произведенъ въ генерал-лейтенанты и сдѣланъ командиромъ 27-й пѣхотной дивизіи, а въ 1824 году назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири, гдѣ и смѣнилъ генерала Капцевича. Прибывъ въ Сибирь, Михаилъ Леонтьевичъ едва успѣлъ объѣхать край, какъ вдругъ въ Омскѣ, 2-го мая 1825 года, скоропостижно скончался, бесѣдуя съ лицами своего штаба. Тѣло его погребено въ Омскѣ.

V.

Михаилъ Леонтьевичъ былъ женатъ на Марьѣ Богдановнѣ Нилусъ, дочери кіевскаго генералъ-губернатора, генералъ-аншефа Богдана Богдановича Нилуса.¹⁾ У Михаила Леонтьевича было три сына: старшій Александръ, средній также Александръ²⁾ и младшій Михаилъ;

¹⁾ Другая дочь Нилуса — Елисавета Богдановна была замужемъ за графомъ де-Парижъ, младшимъ братомъ герцога Пармскаго. Д. В.

²⁾ Второй сынъ названъ Александромъ въ честь покойнаго государя Александра Павловича, который вмѣстѣ съ вдовствовавшей императрицей Маріей Теодоровной были воспріемниками его отъ купели; обрядъ совершенъ въ церкви Петергофскаго дворца. Д. В.

этотъ послѣдній былъ камеръ-нажемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и умеръ холостымъ, въ молодыхъ годахъ. Второй Александръ, служа въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку до чина штабсъ-капитана, по кончинѣ отца, оставилъ службу и вступилъ въ бракъ съ дочерью князя Андрея Андреевича Голицына, княжною Марією Андреевною, отъ котораго брака и идетъ нынѣ мужское поколѣніе этого дома Булатовныхъ.

Старшій сынъ Александръ началъ службу также въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку и, будучи еще 19-ти лѣтнимъ юношей, неоднократно отличился въ войну 1813 года.

«... Въ справедливомъ уваженіи къ отличной храбрости вашей, оказанной въ сраженіи при Люценѣ 20-го апрѣля сего года, гдѣ вы, находясь въ стрѣлахъ, мужествомъ и храбростію своею подавали примѣръ подчиненнымъ и поражали на каждомъ шагѣ непріятеля, гдѣ и ранены въ правую руку пулею на вылетъ,»—писалъ къ юному А. Булатову главнокомандующій арміею Витгенштейнъ, —«препровождаю присемь для возложенія на васъ орденъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени, съ бантомъ....»¹⁾

«... Въ справедливомъ уваженіи къ отличной храбрости вашей, въ сраженіи при Парижѣ, 18-го марта 1814 года, оказанной, по засвидѣтельству о томъ генералъ-лейтенанта Ермолова,»—писалъ къ тому же поручику Булатову главнокомандующій арміями Барклай де-Толли, —«препровождаю присемь для возложенія на васъ орденъ св. Анны 2-го класса.»²⁾

Тридцати лѣтъ Александръ Булатовъ былъ полковникомъ и командиромъ армейскаго 12-го егерскаго полка въ дивизіи Н. М. Сипягина. Александръ Михайловичъ былъ человекъ съ пламенной душою, глубоко любившій свое отечество; современники, знавшіе его, отдавали ему полную справедливость.

„Въ Александрѣ Булатовѣ“, говоритъ одинъ изъ его уважаемыхъ современниковъ, „всегда было храбрости и смѣлости довольно. Лейбъ-гренадерамъ хорошо извѣстно, какъ онъ въ отечественную войну со своею ротою бралъ непріятельскія батареи, какъ онъ восторженно штурмовалъ ихъ, какъ онъ, подъ градомъ непріятельской картечи, во многихъ шагахъ впереди роты увлекалъ людей, куда хотѣлъ.“

Александръ Булатовъ скончался 32-хъ лѣтъ, въ 1826 г.;³⁾ послѣ него остались двѣ дѣвочки-малютки.

Къ очерку боевой службы и дѣятельности Михаила Леонтьевича Булатова, я позволю себѣ прибавить разсказъ, слышанный

¹⁾ Отъ 27-го августа 1813 г.

Д. В.

²⁾ 25-го іюля 1814 г., бумага за № 3,714.

Д. В.

³⁾ Женаъ былъ на дочери почтъ-директора, тайнаго совѣтника Ивана Андреевича Мельникова, дѣвицѣ Елисаветѣ Ивановнѣ.

Д. В.

мною неоднократно отъ отца моего А. М. Булатова 2-го, относящійся ко времени назначенія моего дѣда Михаила Леонтьевича, на мѣсто генерала Капцевича, въ Сибирь; разсказъ этотъ доказываетъ какую безпредѣльную любовь питалъ М. Л. Булатовъ къ своему государю, какое чарующее дѣйствіе имѣли на него слова Александра I.

Шестидесятипяти-лѣтній старецъ, весь израненный въ бояхъ, Михаилъ Леонтьевичъ рѣшился не принимать болѣе участія въ общественныхъ дѣлахъ и службѣхъ, и желалъ всего себя посвятить воспитанію младшаго сына Михаила, тогда еще юноши. Однажды, сидя вечеромъ у себя въ домѣ¹⁾ и, по обыкновенію, принимая всѣхъ знаменитостей того времени, Михаилъ Леонтьевичъ въ разговорѣ высказалъ Арсенію Андреевичу Закревскому²⁾ мысль о рѣшимости своей — успокоиться отъ тревожной службы; на это Закревскій замѣтилъ, что ходитъ слухъ о назначеніи его въ Сибирь на мѣсто Капцевича. Михаилъ Леонтьевичъ отвѣчалъ, что онъ ни за что не поѣдетъ отъ дѣтей, которымъ далъ слово оставаться въ С.-Петербургѣ, и если бы на то пошло, то онъ лично будетъ утруждать объ этомъ самого государя. Поздно вечеромъ, гости разъѣхались, а въ томъ числѣ и Закревскій. На другой день Михаилъ Леонтьевичъ получилъ приказъ явиться къ государю. Какъ бы предчувствуя, онъ передъ отъѣздомъ еще разъ далъ слово второму сыну Александру (уже тогда гвардейскій офицеръ) остаться въ Петербургѣ. По прибытіи во дворецъ, онъ прямо проведенъ былъ въ кабинетъ государя. Александръ Павловичъ стоялъ у окна и держалъ въ рукахъ какую-то книгу; какъ ни легко былъ шумъ отворившейся двери, но государь немедленно поднялъ голову, быстро подошелъ къ Михаилу Леонтьевичу, обнялъ старика, поцѣловалъ его нѣсколько разъ и сказалъ, что, цѣня всю службу Михаила Леонтьевича, онъ рѣшился вѣрить ему, какъ истинно преданному и вѣрному сыну отечества и слугѣ государя, въ управленіе такой отдаленный край, какъ Сибирь. При этомъ государь разсказалъ ему о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя тамъ творились, и добавилъ, что онъ вполне увѣренъ въ немъ, а также и въ его согласіи. Это послѣднее было сказано государемъ съ особеннымъ удареніемъ. Милостивый приемъ монарха тронулъ старика; отъ волненія и слезъ онъ не могъ еще выговорить ни слова, какъ вдругъ государь, какъ бы угадывая его мысль, сказалъ: „о дѣтяхъ не заботься, я ихъ не забуду. Скажи, что ты хочешь, чтобы я для нихъ сдѣлалъ?“

На это Михаилъ Леонтьевичъ отвѣчалъ: „Государь, въ настоящую

¹⁾ Противъ собора Спаса Преображенія, пятакъ домъ Лисицына. Д. В.

²⁾ Впослѣдствіи графъ и московскій военный генераль-губернаторъ. Д. В.

минуту бѣльшей награды для нихъ не можетъ быть, какъ та, которую вамъ угодно было ихъ осчастливить, вспомнивь объ нихъ: они и это еще должны заслужить на службѣ вашего величества!"

Черезъ минуту согласіе было дано, и Михайль Леонтьевичъ, подъ впечатлѣніемъ ласковаго пріема государя, вернулся домой, рассказать все это дѣтямъ и прибавилъ: „На дняхъ ѣду“. На это сынъ Александръ сказалъ: „А мы, пана? а слово ваше?“ Михайль Леонтьевичъ на секунду задумался, но потомъ, быстро поднявъ голову, сказалъ: „Богъ и государь васъ не оставятъ!“

Черезъ нѣсколько дней Михайль Леонтьевичъ уѣхалъ. Судьба не дозволила ему болѣе видѣться съ дѣтьми и возвратиться въ любимый Петербургъ.

Для сравненія съ выпискою о Револакскомъ сраженіи изъ исторіи г. Богдановича, слѣдовало бы напомнить здѣсь рассказъ генерала И. Н. Скобелева, рассказъ современника Михаила Леонтьевича, лично знаваго его и цѣнившаго заслуги Булатова. Но, не повторяя напечатаннаго еще въ 1838 г.,¹⁾ приведу подробности кроваваго боя подъ Револаксомъ по подлинной, весьма обстоятельной и до сихъ поръ неизданной, запискѣ безстрашнаго и честнаго М. Л. Булатова.

г. Ростовъ.

Д. А. Булатовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ «Рассказы Русскаго Инвалда», т. I, стр. 18.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Статья эта сообщена намъ покойнымъ П. А. Мухановымъ и принадлежитъ, какъ онъ говорилъ, одному, имянъ также уже умершему старику, «тайному совѣтнику», фамилію котораго однако намъ не сказалъ. Въ настоящей статьѣ мы обращаемъ вниманіе читателей отнюдь не на сужденія и выводы автора — они рѣшительно ничего не заключаютъ въ себѣ любопытнаго, — но на выдержки изъ документовъ, которыя почти всѣ, впервые появляясь въ печати, проливаютъ весьма яркій свѣтъ на положеніе и дѣятельность Пушкина въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, именно съ 1826 по 1836 г. Необходимо замѣтить, что авторъ настоящей статьи былъ современникомъ Пушкина и хорошо его зналъ.

Ред.

I.

Пушкинъ не долго былъ писателемъ начинающимъ. Еще въ Царскосельскомъ лицей товарищи смотрѣли на него съ уваженіемъ. По вступленіи въ свѣтъ, тотчасъ окружили его своими обаяніями и народная молва и слава. Скоро онъ сталъ на первую степень между русскими поэтами. Явились сотни подражателей ему, и за блестящимъ періодомъ литературы нашей того времени осталось названіе Пушкинскаго періода.

Посадите студента въ министерскія кресла, или произведите кадета въ фельдмаршалы, если они и совершатъ подвиги, достойные ихъ призванія, то рядомъ съ этимъ непремѣнно надѣлаютъ тѣму проказъ и ошибокъ. Двадцатилѣтній поэтъ, на котораго обращено общее вниманіе, при встрѣчѣ съ которымъ говорятъ шопотомъ: „вотъ онъ, вотъ знаменитый поэтъ“! и сочиненіями котораго восхищаются всѣ образованные люди, находится въ меньшей опасности. Пушкинъ, по тому времени, когда началась его слава, и по своей природѣ, еще менѣе всякаго другаго могъ устоять противъ искушеній.

Въ то время разгульная жизнь, шалости и вольномысліе были ще-

гольствомъ между молодежью; а войска, возвратившіяся послѣ отечественной войны изъ-за границы, принесли съ собой мысли о конституціи, свободѣ и равенствѣ. Въ то же время въ литературномъ мірѣ славился Байронъ, знаменитый своими поѣмами и странностями. Правнукъ, по матери, африканца, пылкій и смѣлый, легкомысленный, склонный къ удалству и сатирѣ, воспитанный на французскихъ книгахъ, Пушкинъ легко всосалъ въ себя всѣ недостатки современнаго общества. Онъ тратилъ жизнь въ праздности, въ попойкахъ съ друзьями и за картами. Для звучнаго стиха онъ не боялся нарушить чувства стыдливости и затронуть предметы, чтимые въ народѣ; для остраго слова не щадилъ никого, даже людей, которыхъ самъ уважалъ. Не уступавшій никому, онъ, за малѣйшую противъ него неосторожность, готовъ былъ отплатить эпиграммой или вызовомъ на дуэль. Въ самой наружности его было много особеннаго: онъ, то отпуская кудри до плечъ, то держалъ въ беспорядкѣ свою курчавую голову; носилъ бакенбарды большія и всклокоченныя; одѣвался небрежно; ходилъ скоро, повертывая тросточкой или хлыстикомъ, насвистывая или напѣвая пѣсню. Въ свое время многіе подражали ему и эти люди назывались: à la Пушкинъ. Объ острогахъ и странностяхъ его рассказывались анекдоты; его непристойныя и недозволенные стихи переписывались и заучивались. Онъ былъ первымъ поэтомъ своего времени и первымъ шалуномъ; прослылъ русскимъ Байрономъ, вольнодумцемъ и опаснымъ человѣкомъ.

Молодость Пушкина, какъ у многихъ людей, ему подобныхъ, продолжалась во всю его жизнь, и въ 30 лѣтъ онъ казался хоть менѣе мальчикомъ, чѣмъ былъ прежде, но все-таки мальчикомъ, лицейскимъ воспитанникомъ. Между прочимъ, въ немъ оставалась студенческая привычка—не выставлять ни знаній, ни трудовъ своихъ. Отъ этого многіе въ немъ обманывались и считали его талантомъ природы, не вулненнымъ ни размышленіемъ, ни ученостью, и не ожидали отъ него ничего великаго. Конечно, онъ не былъ труженникомъ и не имѣлъ профессорскихъ знаній; но въ тишинѣ кабинета своего онъ работалъ болѣе, нежели думали другіе; читалъ много, рылся даже въ лѣтописяхъ и старыхъ рукописяхъ, а еще трудолюбивѣе былъ при отдѣлкѣ стиховъ своихъ. То, что иные считали слышимся съ пера его, стоило ему иногда величайшей работы: это узнали только по смерти его, изъ его рукописей, измаранныхъ и перемаранныхъ. Въ обществахъ на него смотрѣли, какъ на человѣка, который ни о чемъ не думалъ и ничего не замѣчалъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно терялся въ мелочахъ товарищеской бесѣды и равно готовъ былъ вести бездѣльный разговоръ съ умнымъ и глупцомъ, съ

людьми почтенными и самыми пошлыми; но онъ все видѣлъ, глубоко понималъ вещи, замѣчалъ каждую черту характеровъ и видѣлъ насквозь людей. Чего другіе достигали долгимъ ученіемъ и упорнымъ трудомъ, то онъ свѣтлымъ умомъ своимъ схватывалъ на лету. Не показываясь важнымъ и глубокомысленнымъ, слывя лѣнивымъ и празднымъ, онъ собиралъ опыты жизни и въ умѣ своемъ скопилъ неистощимый запасъ познаній человеческого сердца. .

Вѣтренность была главнымъ основнымъ свойствомъ характера Пушкина. Онъ имѣлъ отъ природы душу благородную, любящую и добрую. Вѣтренность препятствовала ему сдѣлаться человекомъ нравственнымъ, и отъ той же вѣтренности пороки (?) не глубоко пускали корни свои въ его сердце. Въ стихотвореніяхъ своихъ, онъ шутилъ надъ связями родства и старостью; но самъ онъ глубоко уважалъ отца своего и мать, съ заботливостію сидѣлъ у постели больного дяди своего, Вас. Льв. Пушкина, хотя иногда и смѣялся надъ нимъ, и питалъ къ нейъ своей, старой Аринѣ, самое нѣжное чувство.

Въ стихотвореніяхъ его много картинъ сладострастія, пооекъ и разврата, такъ что уже никакъ нельзя назвать его писателемъ правоучительнымъ; а между тѣмъ, читая его сочиненія и находя въ нихъ столько прекрасныхъ истинъ и мыслей, вы никакъ не скажете, чтобы онъ желалъ быть развратителемъ нравовъ; да онъ въ душѣ своей и не былъ развратникомъ. Въ стихотвореніяхъ его встрѣчаются насмѣшки надъ духовенствомъ и даже выходки не совсѣмъ религіозныя; но онъ въ другихъ мѣстахъ выражалъ величіе Божіе и предметы вѣры, какъ мужъ, вдохновенный свыше; а въ послѣдніе годы его жизни религіозность сдѣлалась въ немъ преобладающимъ чувствомъ. Словомъ, сочиненія его, упоющія сладостію стиха, могутъ развратить (!?) неопытнаго и легкомысленнаго читателя; но для человека возвышеннаго въ нравственности и прямыхъ правилахъ вѣры— онъ сокровищница наслажденій и даже поучительныхъ истинъ. Тутъ не будетъ противорѣчій, если сказать, что Пушкинъ — писатель прекрасный и негодный (!?).

Эпиграммы, которыми славился Пушкинъ, были плодомъ также не злаго сердца, а вѣтренности его. Онъ не могъ удержаться, чтобы не поднять на зубки то, что казалось ему смѣшно, или подло. Разъ В. А. Жуковскій, выходя изъ дворца, о чемъ-то просилъ камеръ-лакея и пожалъ ему руку. На бѣду это увидѣлъ Пушкинъ и сказалъ:

Изъ савана одѣлся ты въ ливрею,
На пудру промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Съ указкой втерся во дворецъ
И руку жмешь камеръ-лакею...
Бѣдный пѣвецъ!

Въ другой разъ, не заставъ Жуковскаго дома, Пушкинъ написалъ на его запертой двери: „Здѣсь живетъ гробовой мастеръ!“ Жуковский былъ столько добръ и столько любилъ молодаго поэта, что никогда не сердился на него. Но болѣею частію эпиграммы, каламбуры и остроты срывались съ языка Пушкина противъ тѣхъ людей, которые имѣли неосторожность оскорбить чѣмъ-либо раздражительнаго поэта: въ этихъ случаяхъ онъ не щадилъ никого и тотчасъ обливалъ своего противника ѣдкою желчью.

На одномъ вечерѣ Пушкинъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, былъ пьянъ и велъ разговоръ съ одной дамою. Надобно прибавить, что эта дама была рябая. Чѣмъ-то недовольная поэтомъ, она сказала:

— У васъ, Александръ Сергѣевичъ, въ глазахъ двоить?

— „Нѣтъ, сударыня“, отвѣчалъ онъ, „рабитъ!“

Уже не задолго передъ смертію, Пушкинъ въ Александринскомъ театрѣ сидѣлъ рядомъ съ двумя молодыми людьми, которые безпрестанно, кстати и некстати, аплодировали Асенковой, въ то время знаменитой актрисѣ. Не зная Пушкина и видя, что онъ равнодушенъ къ игрѣ ихъ любимицы, они начали шептаться и заключили, довольно громко, что сосѣдъ ихъ дуракъ. Пушкинъ, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— „Вы, господа, назвали меня дуракомъ; я—Пушкинъ и далъ бы теперь же каждому изъ васъ по оплеухѣ, да не хочу: Асенкова подумаетъ, что я ей аплодирую!“

Пушкина въ свое время боялись, какъ огня: онъ такъ вѣрно попадалъ, что отмѣченные его эпиграммой оставались клейменными въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ, болѣшая часть эпиграммъ его, имѣвшихъ когда-то несчастную извѣстность: къ портрету гр. Аракчеева, на Андрея Николаевича Муравьева, на московскихъ сенаторовъ Мороза и Вашилова, на измѣну любвицы брату поэта, Льву Сергѣевичу Пушкину, и другія, столько смѣшаны съ неблагопристойностью, что сдѣлали бы честь развѣ Баркову, а не Пушкину.

Тоже надобно сказать и о вольномыслии Пушкина. Его „Ода на свободу“, „Посланіе къ Дельвигу“, „Кинжалъ“, „Уединеніе“ и другія, исполнены мыслей самыхъ дерзкихъ. Но онъ и здѣсь былъ не болѣе, какъ вѣтренный и легкомысленный мальчигъ. Онъ писалъ эти стихотворенія отъ того, что онѣ легко сливались съ его пера, и отъ того, что преступныя мысли, въ несчастію, округляются красиво и блестятъ сильнѣе мыслей правильныхъ (?). Пушкинъ никогда не дорожилъ этими сочиненіями и, кажется, самъ забывалъ о нихъ. Стихотворенія, имъ любимыя, лежали долго между его бумагами и печатались тогда уже, когда были доводимы имъ до самой окончательной

отдѣлки. Напротивъ того, въ возмутительныхъ сочиненіяхъ только немногіе стихи хороши, но вообще онѣ слабы и не додѣланы. Это лучше всего доказываетъ, что онѣ вылились мгновенно, въ минуты легкомыслія или какъ бы опьяненія поэта. Еще нѣсколько минутъ терпѣнія, и Пушкинъ самъ уничтожилъ бы свое произведеніе, но онъ не имѣлъ этого терпѣнія, а товарищи, подхватывая его стихотворенія, тотчасъ разносили по свѣту. Навѣрное можно сказать, что Пушкинъ, съ самой молодости своей сочиняя подобныя стихи, не имѣлъ ни цѣли, ни мысли о возмущеніи. Впослѣдствіи въ немъ замѣчали даже нѣкоторую осторожность въ сужденіяхъ; но было уже поздно: о комъ разъ протрубила дурная слава, тому уже трудно пріобрѣсть себѣ доброе имя, и Пушкина, до конца жизни его, не иначе разумѣли, какъ будущимъ возмутителемъ.

II.

Поведеніемъ Пушкина правительство поставлено было въ такое положеніе, что оно по необходимости (?) постоянно наблюдало за всѣми дѣйствіями Пушкина. Впрочемъ, это дѣлалось съ величайшею снисходительностію къ поэту и съ заботливостію о сохраненіи его таланта.

Въ маѣ 1820 г., онъ удаленъ былъ въ южный край Россіи, подъ начальство добраго и почтеннаго генерала Инзова, управлявшаго новороссійскими колонистами. Пріѣхавъ къ Инзову въ Екатеринославль, Пушкинъ сдѣлался болѣзнъ, ѣздилъ лечиться на Кавказъ и, по возвращеніи оттуда, жилъ при своемъ начальникѣ, то въ Бессарабіи, то въ Одессѣ. Пушкинъ не измѣнился на югѣ: былъ по прежнему уменъ, вѣтренъ, насмѣшливъ и безпрестанно впадалъ въ проступки (?), какъ ребенокъ. Старикъ Инзовъ любилъ его, но жаловался, что ему съ этимъ шалуномъ столько же хлопотъ, сколько заботъ по службѣ. Обритый, послѣ болѣзни, Пушкинъ носилъ ермолку.

Славный стихами, страшный дерзостію и эпиграммами, своевольный, непослушный и еще въ ермолкѣ — онъ производилъ фуроръ.

Пушкинъ былъ предметомъ любопытства и разсказовъ на югѣ и по всей Россіи.

Въ Одессѣ интересно знакомство его съ графомъ Ланжерономъ. Этотъ французскій эмигрантъ, одинъ изъ знаменитыхъ генераловъ великой брани противъ Наполеона, имѣлъ слабость считать себя поэтомъ, писалъ на французскомъ языкѣ стихи и даже драмы. Однажды, сработавъ трагедію, Ланжеронъ далъ ее Пушкину, чтобы тотъ прочиталъ и сказалъ ему свое мнѣніе. Александръ Сергѣевичъ продержалъ тетрадь нѣсколько недѣль и, какъ не лю-

битель галиматѣи, не читалъ ее. Черезъ нѣсколько времени, при встрѣчѣ съ поэтомъ, графъ спросилъ:

— „Какова моя трагедія“?

Пушкинъ былъ въ большомъ затрудненіи и старался отдѣлаться общими выраженіями; но Ланжеронъ входилъ въ подробности, требуя особенно сказать мнѣніе о двухъ главныхъ герояхъ драмы. Поэтъ, разными изворотами, заставилъ добродушнаго генерала назвать по именамъ героевъ и, наугадъ, отвѣчалъ, что такой-то ему больше нравится.

— „Такъ“, вскрикнулъ восхищенный генералъ, „я узнаю въ тебѣ республиканца; я предчувствовалъ, что этотъ герой тебѣ больше понравится!“

На югѣ Пушкинъ пробылъ слишкомъ четыре года и потомъ ему оказана была только та милость, чтобы онъ жилъ въ имѣніи отца своего, въ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи. Здѣсь находился онъ съ осени 1824 до половины 1826 года.

III.

Время удаленія Пушкина изъ столицъ, для него, какъ для поэта, было полезно. Поѣздка на Кавказъ, посѣщеніе Тавриды и жизнь въ Бессарабіи доставили ему разнообразныя предметы для стихотвореній. Поэмы „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ и „Цыганы“ слѣдовали одна за другою.

На югѣ онъ началъ и „Евгенія Онѣгина“; въ деревнѣ написалъ „Полтаву“ и „Бориса Годунова“. Мелкія поэмы и стихотворенія его также носятъ на себѣ слѣды знакомства его съ разными краями Россіи.

Въ первой поэмѣ „Русланъ и Людмила“ — созданіи его молодости, онъ началъ было прокладывать дорогу къ нашей народной поэзіи; усиліе это проявляется и въ слѣдующихъ его произведеніяхъ, но оно уже вездѣ пересиливалось подражаніемъ. У насъ онъ казался поэтомъ самостоятельнымъ и увлекъ за собою толпы послѣдователей; но въ европейской литературѣ онъ самъ былъ не болѣе, какъ подражатель. Въ то время всѣ проповѣдывали о романтизмѣ, и онъ сдѣлался романтикомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это направленіе тогда принималось. Въ то время англійскіе и французскіе литераторы писали поэмы, драмы, элегіи, романы и повѣсти, придавая дѣйствующимъ лицамъ характеръ отчаянія и дерзости (?), выбирая для содержанія преступленія, ужасы и нескромность, или возстановляя преданія и старину своего народа: и Пушкинъ писалъ въ тѣхъ же формахъ, и въ томъ же духѣ. Болѣе всего онъ былъ подражателемъ Байрона. Главное достоинство Пушкина состояло въ легкости и прелести

стиха. Прежде стихъ для нашихъ писателей былъ потовою, воловьей работой. И. И. Дмитриевъ, Жуковский и Батюшковъ писали уже свободнѣе и правильнѣй; но искусство ихъ почти не перенималось другими. Ихъ стихи, даже Жуковского и Батюшкова, не дѣйствовали на массу писателей такъ обаятельно, какъ стихи Пушкина. За нимъ всѣ пошли, даже негалантливые стихотворцы, и всѣ начали писать легко, приятно, не коверкая языка для стопы или рифмы.

Въ исторіи русскаго стиха Пушкинъ имѣетъ такое же значеніе, какъ Карамзинъ въ исторіи нашей прозы.

Характеръ вѣтренности и недостатковъ терпѣнія въ Пушкинѣ отразились и на его сочиненіяхъ. Онъ былъ великій мастеръ набросать легкій эскизъ, небольшую картину, милый образъ, очеркнуть однимъ взмахомъ сильный характеръ или блестящее событіе, мимоходомъ обронить, гдѣ острое слово, гдѣ высокую мысль. Самыя лучшія его произведенія тѣ, которыя не велики въ объемѣ; онѣ кажутся только отрывкомъ отъ чего-то; основой, на которой не все додѣлано. Онъ былъ великій человекъ на малыхъ дѣлахъ (?). Друзья поэта и современные критики нападали на него, когда онъ шелъ по этой стезѣ своего таланта, и требовали отъ него созданій обширныхъ. Но всякому дано свое. Какъ Гомеръ былъ бы ничтоженъ, если бы принялся писать антологическія стихотворенія, такъ Пушкинъ не могъ произвести ничего гомерическаго. Увлекаемый современными требованіями, онъ пытался произвести что-либо обширное; но природный талантъ его вездѣ превозмогалъ. Обширныя его сочиненія, „Онѣгинъ“ и „Борисъ Годуновъ“, вышли не болѣе, какъ сшивки отрывковъ (?). Изъ другихъ поэмъ его всѣхъ лучше „Цыганы“, именно потому, что и въ этой поэмѣ вездѣ, между разрывающимся рассказомъ, остаются промежутки. Но приданное нами названіе Пушкину—„великій человекъ на малыхъ дѣлахъ“—не уменьшаетъ его славы. Онъ былъ дѣйствительно великъ въ мелкихъ и въ сшивныхъ (?) сочиненіяхъ. Всякій другой писатель не могъ бы составить поэмы и драмы столь безсвязно, какъ составлены „Онѣгинъ“ и „Годуновъ“; такъ точно и Пушкинъ, сколько бы ни насиловалъ себя, не могъ, по таланту своему, составить ни плавной и текущей поэмы, ни драмы по правиламъ сценическаго искусства, или—это было бы паденіе его. Поэтому, мы должны радоваться, а не сожалѣть, что онъ болѣею частію предавался мелочамъ въ поэзіи. Эти мелочи были его тарелка, его санки. Въ нихъ-то онъ и былъ великъ. Передъ мелкими его произведеніями пропадаютъ многія сочиненія, которыя славятся связностью и полнотою содержанія, важнымъ тономъ и счастливою породностью.

Съ появленіемъ первой главы „Онѣгина“, всѣ читали и перечи-

тывали эту поэму; многіе, не учивъ, знали наизусть эти легкіе и прелестныя стихи. Картины, мысли, остроты и умныя замѣчанія изъ обыкновенной жизни въ ней такъ вѣрны природѣ, что всякому при встрѣчѣ съ милымъ существомъ или съ человѣкомъ смѣшнымъ и порочнымъ, невольно приходили на умъ стихи изъ „Онѣгина“. Это учебникъ свѣтскій, не всегда нравственный, но столько полный по всѣмъ предметамъ, что многіе жили умомъ Онѣгина, и тѣ, которые хотѣли сказать или написать что-либо свое въ томъ же родѣ, никогда и ничего не сказали лучше Пушкина. Расскажу для примѣра одинъ случай.

Извѣстны въ „Онѣгинѣ“ стихи объ Истоминой, стихи воздушныя, игривыя, очаровательныя, какъ была сама эта танцовщица. Послѣ Истоминой славилась Телешова. Во время появленія первой главы „Онѣгина“, за молодой танцовщицей ухаживалъ не молодой уже, но все еще любезный графъ Милорадовичъ. Ему чрезвычайно хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ поэтовъ прославилъ его любимицу такъ, какъ Пушкинъ прославилъ Истому. Многіе подносили графу свои опыты, но онъ всегда оставался недоволенъ.

— „Нѣтъ“, говорилъ онъ, „все не то; главное нѣтъ вотъ этого, какъ она ножкой-то объ ножку бьетъ!“

Разумѣется, „Онѣгинѣ“ увлекъ за собою больше всего вниманіе молодежи; но были и старики, даже иностранцы, которые восхищались имъ. Старикъ Нейманъ, бывший много лѣтъ профессоромъ юридическихъ наукъ, сначала въ Казанскомъ, а потомъ въ Дерптскомъ университетахъ, знатокъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ словесностей, говорилъ худо по-русски, какъ всѣ необрусѣвшіе нѣмцы, но разумѣлъ письменный языкъ нашъ такъ, что сочинялъ на немъ книги и любилъ читать на нихъ писателей. Этотъ разсудительный и ученый нѣмецъ былъ въ восторгѣ отъ „Онѣгина“; онъ предпочиталъ его всѣмъ другимъ сочиненіямъ Пушкина и съ жаромъ доказывалъ, что ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ произведенія столь легкаго, остраго, умнаго и восхитительнаго по стиху, какъ „Евгеній Онѣгинъ“.

IV.

Императоръ Николай Павловичъ, съ перваго же года своего царствованія, началъ изливать милости на Пушкина. Ему дозволено было оставить деревню и пріѣхать въ Москву, гдѣ тогда, по случаю коронаціи, находилась императорская фамилія.

Въ то время слава Пушкина была повсемѣстна и, конечно, даже государю пріятно было взглянуть на знаменитаго молодого человѣка. Но милостямъ способствовало и то, что поэтъ былъ совершенно

чуждъ преступленію декабристовъ. Самое удаленіе его изъ столицъ, а потомъ въ деревню, было его спасеніемъ отъ соблазна: Божія рука хранила его для славы нашей литературы. Размножавшіеся тогда злоумышленники не имѣли случая вовлечь его въ свои сѣти. Впрочемъ, Пушкинъ быть можетъ и не поддакъ бы злему обоянію. Мы уже говорили, что онъ, по вѣтренности своего характера и по добротѣ сердца, былъ не способенъ къ преступленію преднамѣренному и продолжительному. При томъ же онъ имѣлъ свѣтлый умъ и съ перваго взгляда понималъ вещи прямо и вѣрно. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Пушкинъ и попалъ въ общество заговорщиковъ, то онъ тотчасъ увидѣлъ бы всю несообразность силъ ихъ съ силами сѣвернаго монарха и всю нелѣпость ихъ замысловъ, несообразенныхъ ни съ нравами, ни съ святыми убѣжденіями русскаго народа. Приятно вѣрить послѣднему предположенію; но какъ бы то ни было, только при допросахъ декабристовъ, ни одинъ изъ нихъ не упомянулъ даже объ имени Пушкина. При обширной заразѣ, и отсутствіе преступленія, особенно въ такомъ опасномъ человѣкѣ, какимъ могъ бы сдѣлаться Пушкинъ, было уже заслугою, и царь оцѣнилъ ее.

Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву въ началѣ сентября 1826 года.

Государь принялъ его съ великодушной благосклонностью, легко напомнилъ о прежнихъ проступкахъ и давалъ ему наставленія, какъ любящій отецъ. Поэтъ и здѣсь вышелъ поэтомъ. Ободренный снисходительностію государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ дошло до того, что онъ, незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ.

Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ:

— „Съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ!“

Въ то же самое время отделившись Пушкину одинъ изъ прежнихъ грѣховъ его. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смуты декабрьской, онъ перевелъ изъ Андрея Шенье злегію, которая съ пропускомъ одного мѣста, относящагося до французской революціи, дозволена была цензурою къ напечатанію еще 8-го октября 1825 года и помѣщена въ первомъ собраніи стихотвореній Пушкина, изданномъ въ 1826 году. Вотъ этотъ непронущенный цензурою отрывокъ:

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!

Я славилъ твой небесный ликъ,

Когда онъ искрою возникъ,

Когда ты въ бурѣ восходило.

Я славилъ твой священный громъ,

Когда онъ разметалъ позорную твердню

И власти древнюю гордыню

Развѣяль пепломъ и стыдомъ:
 Я зрѣль твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
 Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
 Я зрѣль, какъ ихъ могучи волны
 Все испровергли, увлекли,
 И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный
 Перерожденіе земли.
 Уже сіяль твой мудрый геній,
 Уже въ безсмертный Пантеонъ
 Святыхъ изгнанниковъ входилъ славны тѣни,
 Отъ пелены предубѣждений
 Разоблачался ветхій тронъ.
 Оковы падали. Законъ,
 На вольность опершись провозгласилъ равенство!
 И мы воскликнули: блаженство!
 О горе, о, безумный сонъ?
 Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
 Единый властвуетъ топоръ.
 Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
 Избрали мы въ цари. О ужась! о позоръ!
 Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая. Нѣтъ—невиннова ты:
 Въ порывахъ буйной слѣпоты,
 Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
 Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
 Завѣшенъ пеленой кровавой.....
 Но ты прійдешь опять со мщеніемъ и славой,
 И вновь твои враги падуть.
 Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
 Все ищетъ вновь унитъся имъ;
 Какъ-будто Вакхомъ разъяренный,
 Онъ бредять, жаждою томимъ.....
 Такъ—онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минеть.¹⁾

Отрывокъ этотъ былъ извѣстенъ друзьямъ Пушкина и ходилъ по Москвѣ въ рукописи.

Штабсъ-капитанъ конно-егерскаго полка Александръ Алексѣевъ передалъ его прапорщику лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона, Молчанову. Послѣдній, передавая стихи эти кандидату московскаго университета Андрею Леопольдову, сказалъ ему, что стихи напи-

¹⁾ Этотъ отрывокъ не былъ еще напечатанъ лѣтъ двадцать тому назадъ, когда составлялась настоящая статья, но нынѣ его можно найти въ «Полю Собр. соч. Пушкина», изд. 1870 г., т. I, стр. 321—322. Ред.

санъ на 14-е декабря 1825 года, а Леопольдовъ поставилъ это уже и въ заглавіе отрывка. Такимъ образомъ, стихи, переведенные изъ А. Шенье и относящіеся до кровавой сцены изъ французской исторіи, пошли за стихи о декабрьской смутѣ. Это тѣмъ болѣе казалось правдоподобнымъ, что нѣкоторые стихи дѣйствительно можно было примѣнять (?) и къ нашему происшествію. На бѣду отрывокъ этотъ перешелъ отъ Леопольдова къ чиновнику Коноплеву, агенту генерала Скобелева. Послѣдній употреблялся тогда по дѣламъ секретной полиціи. Скобелевъ, впоследствии самъ писатель, въ то время не разумѣя цѣны Пушкину, слышалъ о немъ только, какъ о вольнодумномъ молодомъ человѣкѣ, удаленномъ за какія-то сочиненія въ деревню, и предалъ его.¹⁾ Заварилась исторія! Алексѣевъ, Молчановъ и Леопольдовъ были посажены въ тюрьму и судились: первые два — военнымъ, а послѣдній — уголовнымъ судомъ.²⁾ Гражданскій судъ продолжался два года; къ отвѣту его былъ призываемъ и Пушкинъ.

Поэтъ доказывалъ, что стихи изъ А. Шенье переведены имъ гораздо прежде 14-го декабря 1825 года, что они явно относятся къ французской революціи, въ которой Шенье погибъ, и никакъ, безъ совершенной бессмыслицы, не могутъ быть относимы къ 14-му декабря; что онъ не знаетъ, кѣмъ надъ этими стихами поставлено ошибочное заглавіе, и не помнитъ, кому онъ могъ передать алегію. Далѣе же объясняя, что въ этомъ отрывкѣ Шенье говоритъ о взятіи Бастиліи, о влѣтѣ du jeu de раише, о перенесеніи тѣхъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей, — Пушкинъ заключилъ вопросомъ: „Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?“

¹⁾ По высочайше утвержденному рѣшенію аудиторіатскаго департамента, штабсъ-капитанъ Алексѣевъ и прапорщикъ Молчановъ выписаны изъ гвардіи тѣми же чинами въ армейскіе полки: первый — въ Арзамасскій конноегерскій, а второй — въ Нижегородскій драгунскій; сверхъ того, Алексѣевъ былъ выдержанъ мѣсяцъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Леопольдову же, по высочайше утвержденному въ августѣ 1828 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, въ уваженіе того, что онъ предувѣдомлялъ правительство о полученныхъ имъ отъ Молчанова стихахъ, только подтверждено, чтобы въ поступкахъ своихъ былъ осмотрительнѣе, и вмѣнено въ обязанность начальству, у котораго онъ будетъ служить, обратить особенное вниманіе на его поведение.

Авт.

²⁾ См. статью «Скобелевъ и Пушкинъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV, стр. 667—673.

Ред.

На вопросъ суда: какимъ образомъ непрощенный цензурою отрывокъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки, Пушкинъ отвѣчалъ, что элегія его „Андрей Шенье“ была всѣмъ извѣстна вполне еще до напечатанія, и онъ не думалъ дѣлать изъ нея тайны.

Правительствующій Сенатъ, соображая духъ этого творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, призналъ это сочиненіе „соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ“, и постановилъ, что „хотя Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года, то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взыскапія“.

Государственный Совѣтъ прибавилъ къ этому, чтобы „за Пушкинымъ, по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его, въ октябрѣ мѣсяцѣ того года напечатаннаго, имѣлся секретный надзоръ“.

Все это было высочайше утверждено въ августѣ 1828 года. Такъ разыгралась для Пушкина эта неприятная исторія.

Между тѣмъ, еще при началѣ этой исторіи, высшая полиція обратила вниманіе на Пушкина. Съ того времени Бенкендорфъ и его помощникъ, фонъ-Фокъ, ошибочно стали смотрѣть на молодого поэта, не какъ на вѣтреннаго мальчишка (!?), а какъ на опаснаго (?) вольнодумца, постоянно слѣдили за нимъ и приходили въ тревожное положеніе отъ каждаго его дѣйствія, выходившаго изъ общей колен.

Государь былъ чрезвычайно милостивъ къ поэту, встрѣчалъ сочиненія его съ величайшимъ одобреніемъ и, судя по тѣмъ задачамъ, которыя предлагалъ молодому писателю, надобно думать, что готовъ былъ оказывать ему полную довѣренность. Бенкендорфъ же и его помощникъ, фонъ-Фокъ, не восхищавшіеся ничѣмъ въ литературѣ и не считавшіе поэзію дѣломъ важнымъ, передавали царскую волю Пушкину всегда пополамъ со строгостью, хотя въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Они какъ бы безпрестанно ожидали, что вольнодумецъ ихъ предприметъ какой-либо вредный замысль, или сдѣлается коноводомъ возмутителей. Между тѣмъ, Пушкинъ безпрестанно впадалъ въ проступки (?), выслушивалъ замѣчанія, приносилъ извиненія и опять проступался. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ дитя и, какъ дитя, ни кого не боялся. За то люди, которые должны бы были прозорливыми, его боялись. Отсюда начался рядъ съ одной стороны на-

поминовеній, выговоровъ, а съ другой — извиненій, обѣщаній и вѣчныхъ проступковъ (?).

Въ Москвѣ Пушкинъ оставался недолго, и въ сентябрѣ 1826 г. отправился въ свою Псковскую деревню. Туда Бенкендорфъ, 30-го сентября, сообщилъ Пушкину высочайшую волю, чтобы онъ сочиненія свои представлялъ не въ цензуру, но къ государю императору.

„Сочиненій вашихъ“ — писалъ Бенкендорфъ — „никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ... Какъ сочиненія ваши, такъ и письма можете, для представленія его величеству, доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя“.

Конечно, съвозъ это посланіе проглядываетъ и осторожность; но для поэта ничего не могло быть лестнѣе такой милости. Послѣ Карамзина, котораго исторію цензуровалъ императоръ Александръ Благословенный, Пушкинъ первый, и притомъ произведеніями не многолѣтнаго важнаго труда, а легкой литературы, удостоился имѣть цензоромъ императора.

Въ томъ же письмѣ Бенкендорфъ извѣщалъ Пушкина, что государь возлагаетъ на него еще болѣе важныя надежды, по предметамъ исторіи и народнаго образованія.

„Его величество“ — писалъ Бенкендорфъ — „совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія; предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что (вы) на опытъ видѣли всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія“.

Пушкинъ былъ восхищенъ этими знаками милостей и довѣренности къ нему государя; онъ показывалъ знакомымъ письмо, полученное имъ отъ Бенкендорфа; но былъ столько недогадливъ и беззаботенъ, что не подумалъ поблагодарить, оставивъ письмо безъ всякаго отвѣта. Сверхъ того, Пушкинъ читалъ въ нѣкоторыхъ обществахъ своего „Бориса Годунова“, еще до представленія этого сочиненія на разсмотрѣніе государя. Два мѣсяца Бенкендорфъ ждалъ отвѣта и наконецъ, 26-го ноября 1826 года, выговаривая Пушкину за оба проступка, прибавилъ: „Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслиши, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ велико-

душнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго“.

Пробужденный поэтъ, отъ 29-го ноября 1826 года, писалъ Бенкендорфу изъ Пскова:

„Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ былъ я тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя,—то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія.... Мнѣ было совѣстно беспокоить ничтожными литературными занятіями моими человека государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшенія сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ“.

По послѣднему предмету, Бенкендорфъ тогда же писалъ Пушкину: „Прошу васъ сообщать мнѣ, для разсмотрѣнія государя, всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера“.

Драма Пушкина, въ представленной имъ рукописи, названа была „Комедіей о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“. Поэтъ этимъ заглавіемъ хотѣлъ подражать древнимъ нашимъ писателямъ, которые драматическія пьесы свои называли комедіями, напримѣръ: „комедія о Блудномъ сынѣ“; „комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ, златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ печи сожженныхъ“¹⁾ и тому подобное.

Государь, прочитавъ драму Пушкина съ большимъ удовольствіемъ, замѣтилъ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, еслибы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ Вальтера Скотта.

Графъ Бенкендорфъ, 14-го декабря 1826 года, извѣщая объ этомъ Пушкина, прибавилъ: „Мнѣ крайне лестно и пріятно служить

¹⁾ «Древн. Рос. Вифліюфика», изд. 2-е, ч. VIII, стр. 34 и 158.

отголоскомъ всемилоствѣйшаго вниманія его величества къ отлич- нымъ дарованіямъ вашимъ“.

Пушкинъ отвѣчалъ: „Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилоствѣйшемъ отзывѣ его величества, касательно моей дра- матической поэмь. Согласенъ, что она болѣе сбивается на истори- ческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ из- волилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное“.

Драма Пушкина, прежде чѣмъ онъ снова представилъ ее на разсмотрѣніе, пролежала въ его портфель еще нѣсколько лѣтъ.

Почти въ одно время съ драмою, въ декабрѣ 1826 года, Пуш- кинъ представилъ и статью свою: „О народномъ воспитаніи“. Мы уже сказали, что Пушкинъ, получивъ повелѣніе заняться предме- тами о воспитаніи юношества, два мѣсяца не отвѣчалъ на это. Нѣтъ сомнѣній, что въ это время онъ еще и не принимался за перо для обработанія этого предмета, а написалъ статью свою уже по по- лученіи, въ исходѣ ноября, напоминанія отъ Бенкендорфа.

Статья Пушкина носить на себѣ всѣ признаки легкости и не- обдуманности въ трудѣ: все показываетъ, что она сочинена на-скоро, въ одинъ разъ, и представленная имъ рукопись, быть можетъ, есть не болѣе, какъ черновая. Это подтверждается и тѣмъ, что въ бума- гахъ, оставшихся по смерти его, не нашлось черновой рукописи этой статьи. Сверхъ того, Пушкинъ въ то время былъ еще молодъ, да и никогда онъ не имѣлъ ни опытности въ воспитаніи дѣтей, ни той степенности ума, ни тѣхъ многостороннихъ практическихъ поз- наній, которыя требуются для того, чтобы здраво разсуждать о столь важномъ предметѣ. Не вѣтренному и легкомысленному Пушкину было предлагать совѣты о томъ, какъ готовить молодыхъ людей, чтобы они были нравственными и полезными гражданами. Не болѣе какъ за годъ предъ тѣмъ обнаружены были замыслы декабристовъ, и въ то время у всѣхъ на умѣ было несчастье, въ которое вовлек- лись эти люди иноземными идеями..... При самомъ порученіи Пуш- кину—заняться предметами воспитанія, словами: „на опытѣ видѣли всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія“, какъ бы указывалось на декабрьскую смуту. Поэтому, Пушкинъ написалъ разсужденіе свое именно на эту, заданную ему, тему, и высказалъ не свои мнѣнія, не плодъ собственныхъ размышленій, но тѣ мысли, которыя тогда всѣхъ занимали.

Такимъ образомъ, если въ разсужденіи его и заключаются истины, то онѣ выражены были передъ тѣмъ самимъ правительствомъ, въ

манифестъ, 13-го іюля 1826 года, и суть истины временныя, полезныя для той эпохи, а не тѣ вѣчныя истины, на которыхъ основываются правила воспитанія. Развивая мысли правительства, онъ признаетъ вреднымъ домашнее воспитаніе и совѣтуетъ увлечь все юношество въ общественныя заведенія; предлагаетъ не выпускать юношей въ свѣтъ въ ранней молодости, но удерживать ихъ, разными преимуществами, столько времени, чтобы они могли „перезипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздноствіи казармъ“. Для сохраненія нравственности въ воспитанникахъ, онъ предлагаетъ обращать вниманіе на рукописи ихъ и „за найденную пахабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища“.

Странно видѣть такую строгость въ поэтѣ, который самъ, даже и послѣ сочиненія этой статьи, писалъ пьесы соблазнительныя и не совсѣмъ въ духѣ правительства (?). Это—учитель, который именно то дѣлалъ, что запрещалъ дѣлать ученикамъ. Стараясь настроить разсужденіе свое на ладъ правительства, онъ иногда стрѣлялъ совершенно не впопадъ. Такъ онъ совѣтывалъ, чтобы учитель исторіи, въ окончательномъ курсѣ, „не хитрилъ, не искажалъ республиканскихъ разсужденій“. Далѣе онъ прибавляетъ: „Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны“. Можно остановиться въ статьѣ Пушкина только на двухъ мысляхъ, истинныхъ и прекрасно имъ выраженныхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Наказывать юношу, или взрослого человѣка, за вину отрока, есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное“; въ другомъ мѣстѣ: „Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. „Исторія государства Россійскаго“ есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“. ¹⁾ Эта мысль, какъ и вся драма „Борисъ Годуновъ“, показываетъ, какое глубокое уваженіе къ Карамзину питалъ Пушкинъ. Вообще же разсужденіе поэта о воспитаніи не важно по мыслямъ, съ противорѣчіями самому себѣ, и доказываетъ, что онъ принялся не за свое дѣло. Самъ онъ, въ заключеніи статьи своей говоритъ, что онъ не осмѣлился бы представить столь недостаточныя замѣчанія о воспитаніи, еслибы не долженъ былъ исполнить воли государя, и просилъ дозволенія повергнуть передъ нимъ мысли о предметахъ, болѣе ему близкихъ и знакомыхъ.

¹⁾ Эту мысль впоследствии онъ повторилъ въ прозаическихъ отрывкахъ своихъ, подъ заглавіемъ: «Мысли, замѣчанія и отрывки».

Бенкендорфъ, 23-го декабря 1826 г., извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ: „Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и гений служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе — предпослѣдствіе должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ“.

Еще въ Москвѣ, 30-го сентября 1826 г., когда Пушкину поручалось заняться предметами воспитанія, Бенкендорфъ писалъ къ нему, что государь не только не запрещаетъ ему пріѣзда въ Петербургъ, но предоставляетъ это совершенно его волѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ предварительно испросилъ разрѣшеніе. Пушкинъ изъ Псковской деревни своей иногда пріѣзжалъ въ Москву и оттуда, только 24-го апрѣля 1827 г., писалъ, что семейныя обстоятельства требуютъ присутствія его въ Петербургѣ. Ему тотчасъ разрѣшенъ былъ пріѣздъ; но при этомъ Бенкендорфъ писалъ къ нему: „Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано“.

V.

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ имѣлъ тяжбу съ однимъ изъ подчиненныхъ Бенкендорфа, статскимъ совѣтникомъ Ольдекопомъ, который извѣстенъ переводами русскихъ романовъ, повѣстей и стихотвореній на нѣмецкій языкъ.

20-го іюля 1827 года, Пушкинъ писалъ къ Бенкендорфу: „Въ 1824 году, г. статскій совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое „Кавказскій плѣнникъ“, и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3,000 рублей. Вслѣдствіе сего, родитель мой, статскій совѣтникъ Сергій Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де „Кавказскаго плѣнника“ для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій

совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа, токмо развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другаго способа къ обезпеченію своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ сильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ превосходительствомъ, осмѣливаюсь, наконецъ, прибѣгнуть къ вашему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность“.

На это Бенкендорфъ, вѣроятно, не безъ вліянія Ольдекопа, отвѣчалъ, что „перепечатаніе „Кавказскаго плѣнника“, вмѣстѣ съ переводомъ, послѣдовало съ дозволенія цензуры, которая имѣетъ на то свои правила; и что, впрочемъ, даже тамъ, гдѣ находятся положительныя законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками“.

Не удовлетворившись этимъ, Пушкинъ, 10-го сентября 1827 года, уже изъ Опочки, писалъ къ Бенкендорфу: „Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительныя законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ“.

Это дѣло кончилось молчаніемъ Бенкендорфа на послѣднюю просьбу поэта.

Въ 1827 году Пушкинъ представлялъ свои стихотворенія сначала: два отрывка изъ „Евгенія Онѣгина“ (ночной разговоръ Татьяны съ няней и письмо Татьяны), „Къ ****“ и „19-е октября“; а потомъ: „Ангель“, „Стансы“, третью главу „Евгенія Онѣгина“, „Фаустъ и Мефистофель“ и гѣсни „О Стенькѣ Разинѣ“. Первые три стихотворенія доставлены были, въ февралѣ мѣсяцѣ, черезъ барона Дельвига, а послѣднія—въ юніѣ 1827 г. самимъ Пушкинымъ.

При полученіи стиховъ черезъ барона Дельвига, Бенкендорфъ замѣтилъ Пушкину, что онъ не долженъ былъ избирать посредника въ сношеніяхъ, основанныхъ на высочайшемъ повелѣніи. При этомъ ему сообщено было, что государь изволилъ читать стихотворенія его съ особеннымъ вниманіемъ, а графа „Нулина“—съ большимъ удоволь-

ствіемъ, и что прелестная пьеса эта дозволяется къ печатанію. Впрочемъ, указано было на нѣкоторые неприличные стихи въ „Нуллинъ“¹⁾ и „Фаустъ“.²⁾ О пѣсняхъ же про „Стеньку Разина“, Бенкендорфъ писалъ, что онѣ, „при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему не приличны къ напечатанію, и что сверхъ того, церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева“.

Пушкинъ, прочитавъ всѣ замѣчанія съ покорностію, извинялся въ своихъ ошибкахъ и всегда выражалъ глубочайшую благодарность за милости къ нему государя. „Съ благоговѣніемъ и благодарностію“—писалъ онъ къ Бенкендорфу, 10-го сентября 1827 года, — „получилъ я чрезъ ваше превосходительство отзывъ государя императора. Почитаю за счастье во всемъ повиноваться высочайшей его волѣ“.

Въ мартѣ 1828 года, бывъ опять въ Петербургѣ, Пушкинъ представлялъ шестую главу „Евгенія Онѣгина“ и стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Друзьямъ“. Первую государь одобрилъ, а о послѣднемъ Бенкендорфъ извѣстилъ, что его величество совершенно доволенъ и этимъ стихотвореніемъ, но не желаетъ, чтобы оно было напечатано. Вотъ это стихотвореніе:

Нѣтъ, я не льстець, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ вамъ;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О вѣтъ, хотъ юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Въ изгнаньи жизнь моя текла;
Влачилъ я съ миломи разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,

¹⁾ Прою съ бариномъ шалить....
Коснуться хочетъ оубаза.

²⁾ Да, модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

И я-ль, въ сердечномъ умиленнѣ,
Ему хвалы не воспую?

Я лъстець! вѣтъ, братья, лъстець лукавъ,
Онъ горе на царя навличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничить.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Глуши природы голосъ вѣжннй.
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Развратъ и вѣкій духъ мятежннй.

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ п лъстець
Одни приближены къ-престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчать, потупя очи долу! ¹⁾

Съ Пушкина началась мода презирать оды, похвалы, посвященія книгъ или стиховъ важнымъ лицамъ и тому подобное. Правда, торжественныя оды и похвалы уже всѣмъ надобѣли; правда, что въ духѣ того времени было свободомысліе и неуваженіе: тогда и дѣти, на ученическихъ скамьяхъ, хотѣли показывать, что они никому не лъстятъ. Это доходило до того, что не полагали разницы между лестью и воздаяніемъ должнаго, и всякое чувство признательности называли подлостью. Но нельзя не сказать, что Пушкинъ своимъ примѣромъ укрѣпилъ это дурное (?) направленіе. Въ этомъ на него всѣ указывали. Между тѣмъ, самъ онъ, по возвышенности души своей, благоговѣя передъ достойнымъ благоговѣніемъ, не могъ укрыть собственной благодарности къ людямъ, которые дѣлали ему добро. Еще въ юности, когда дурное (?) поборало все, что было въ немъ добраго, онъ въ посланіи „Къ Елизаветѣ“, исполненномъ вольныхъ мыслей (?), послѣ увѣреній, что онъ не хвалилъ земныхъ владыкъ, что имъ

Кадимомъ лести не служилъ,

онъ невольно пѣлъ хвалу доброй императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.²⁾ Такъ и императоръ Николай, какъ бы вывелъ его изъ терпѣнія своими благодѣяніями, и онъ, въ стихотвореніи „Къ Друзьямъ“, излилъ свое чувство признательности. Изъ этого стихотворенія видно, что ложное (?) понятіе о лести, имъ поддержанное, было такъ сильно, что Пушкинъ и самъ уже боялся хвалить и прослыть лъстецомъ.

¹⁾ Стихотвореніе это, многіе годы не появлявшееся въ печати, теперь уже давно помѣщается въ «Полн. собр. сочин. Пушкина», см. изд. 1870 г., т. I, стр. 337—338; здѣсь оно приведено съ вариантами. Ред.

²⁾ См. въ «Русск. Стар.», изд. 1873 г., т. VII, стр. 212. Ред.

Получивъ лестный отзывъ государя, Пушкинъ, отъ 5-го марта 1828 года, писалъ въ Бенкендорфу:

„Позвольте мнѣ принести вашему превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лѣтѣйшая для меня награда, и (я) почитаю за счастье обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію“.

VI.

Въ то время начиналась турецкая война. Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій просили опредѣлить ихъ въ дѣйствующую армію. Бенкендорфъ, отъ 20-го апрѣля 1828 года, извѣстилъ того и другаго, что государь, принявъ весьма благосклонно ихъ вызовъ, изволилъ, однакоже, отозваться, что всѣ мѣста въ арміи уже заняты; но что его величество не забудетъ ихъ и воспользуется первымъ случаемъ употребить отличныя дарованія ихъ на пользу отечества.¹⁾

Черезъ годъ послѣ того, 9-го марта 1829 года, Пушкинъ, неожиданно и никому не сказавшись, уѣхалъ изъ Петербурга въ свою деревню, оттуда въ Москву и потомъ на Кавказъ. Бенкендорфъ сильно встревожился этимъ поступкомъ Пушкина; тщетно успокаивали и представляли Бенкендорфу довольно вѣрное (?) изображеніе Пушкина.

— „Вспомните, что у Пушкина родной братъ служить на Кавказѣ, и что господинъ поэтъ столько же опасенъ pour l'état, какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣветъ ничего въ своей вѣтренной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи. Это вѣрно! Laissez le courir le monde, chercher des filles, des inspirations poétique et—du jeu. Можно смѣло ручаться, что это путешествіе устроено игроками, у которыхъ онъ въ тискахъ. Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а какъ увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ и — конецъ“.

Но встревоженный Бенкендорфъ этимъ не успокоился и, по его распоряженію, въ Грузіи учрежденъ былъ надзоръ за Пушкиннымъ. Когда же получено было извѣстіе, что поэтъ находится уже въ Арзерумѣ, то посланы были запросы къ нему и къ тифлисскому военному губернатору, о цѣли путешествія поэта.

Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ отправился на Кавказъ для свиданія съ братомъ своимъ, который служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и съ которымъ онъ не видался пять лѣтъ; что въ

¹⁾ См. объ этомъ эпизодѣ изъ жизни А. С. Пушкина: «Попытка отправиться на Дунай и въ Парижъ въ 1828 г., рассказъ А. А. Ивановскаго». «Русск. Стар.», 1874 г., т. IX, стр. 392—399.

Тифлисъ онъ прибылъ, когда войска уже находились въ походѣ противъ турокъ, а потому онъ, черезъ друга своего Николая Раевского, испросилъ у фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго дозволеніе прибыть въ армію; что, сверхъ того, ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ подать ему матеріалъ для сочиненій; что, наконецъ поведеніемъ своимъ на Кавказѣ онъ не навлекъ на себя никакого нареканія.

Изъ Арзерума Пушкинъ возвратился въ Тифлисъ, въ концѣ августа 1829 г., и потомъ отправился въ Москву. Въ ноябрѣ онъ былъ уже въ Петербургѣ, и здѣсь досказали ему то, чего не дописали въ Грузію.

Въ январѣ 1830 года, Пушкинъ снова подвергся упреку. На балѣ у французскаго посланника всѣ приглашенные были въ мундирахъ; одинъ Пушкинъ явился туда во фракѣ. Государь это замѣтилъ и, по волѣ его величества, поэту было объявлено, что всѣмъ дворянамъ присвоенъ мундиръ той губерніи, гдѣ они имѣютъ помѣстья, и что русскому дворянину приличіе въ этомъ нарядѣ являться въ подобныя собранія.

Едва простылъ этотъ выговоръ, какъ Пушкинъ подвергся другому. Въ мартѣ 1830 года, поэтъ внезапно уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Бенкендорфъ, отъ 30-го марта, спрашивая его, почему онъ не предупредилъ о своемъ отъѣздѣ, писалъ ему, что всѣ непріятности, которымъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ собственному своему поведенію.

Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 года, когда ему высочайше дозволено жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительно разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиною и невольнаго проступка его, поѣздки въ Арзерумъ, за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ выразилъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говорилъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что Бенкендорфъ остается единственнымъ его защитникомъ. „Если завтра“—прибавилъ онъ—„вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму“. Особенно онъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью своей къ Бенкендорфу. Ѳаддѣй Венедиктовичъ, по словамъ поэта, злобясь на него за критики, впрочемъ вовсе не имѣ писанныя, готовъ въ остервененіи своимъ рѣшиться на все.

Бенкендорфъ успокоивалъ Пушкина, увѣряя, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурнаго о немъ; что журналистъ

этотъ вовсе не близокъ къ нему, и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того, чтобы обуздать его.

Между тѣмъ, поѣздка въ Москву предпринята была Пушкинымъ не даромъ. Онъ сваталъ тамъ невѣсту, дѣвицу Гончарову, которую страстно полюбилъ и о которой говорилъ друзьямъ своимъ: „Я ею очарованъ, огончарованъ!“ Объ этомъ намѣреніи своемъ онъ извѣстилъ Бенкендорфа и просилъ его доложить государю императору. Снова при этомъ жалуясь на свое тягостное положеніе, онъ писалъ: „Мать невѣсты страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣеть несчастіе быть подъ гнѣвомъ государя“.

Бенкендорфъ, 28-го апрѣля 1830 года, отвѣчалъ, что государь съ удовольствіемъ услышалъ о намѣреніи Пушкина жениться на такой достойной дѣвицѣ, какъ Гончарова; что государь поручилъ ему увѣрить поэта, что онъ находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ его величества; что онъ довѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ найдеть себѣ друга и покровителя, который оберегаетъ его своими совѣтами и руководитъ имъ только къ его пользѣ.

Пушкину дозволено было представить это письмо тѣмъ, которымъ показать онъ признаеть нужнымъ.

VII.

Доходъ отъ сочиненій былъ однимъ изъ важныхъ пособій для содержанія поэта, и когда онъ женился, то началъ болѣе заботиться объ изданіи своихъ стихотвореній. Комедія о „Борисѣ Годуновѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ“ долго лежала въ его портфелѣ. Онъ исправилъ ее по замѣчаніямъ государя, объявленнымъ ему еще въ 1826 году, и только въ 1829 году, или не довѣряя собственному своему вкусу, или желая подвергнуть свои поправки свѣжему взгляду, передалъ рукопись В. А. Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, пересмотрѣвъ еще драму, заготовилъ чистый экземпляръ въ томъ видѣ, въ какомъ полагаетъ лучше напечатать это сочиненіе. Изданіе же драмы поручилъ онъ П. А. Плетневу, который, 20-го іюля 1829 года, представилъ Бенкендорфу и подлинную рукопись, и списокъ съ нея, сдѣланный по распоряженію Жуковскаго. Но и въ этотъ разъ драма возвращена была Пушкину съ тѣмъ, чтобы онъ перемѣнилъ еще нѣкоторыя „тривіальныя мѣста“.

Снова Пушкинъ представилъ это сочиненіе свое уже послѣ женитьбы своей, и только 22-го октября 1830 года высочайше разрѣшено было напечатать ее, но подъ собственною отвѣтственностію

поэта. Она явилась въ свѣтъ въ январѣ 1831 года, уже подъ названіемъ: „Борисъ Годуновъ“. Поправки въ ней, противъ первоначальнаго списка, сдѣланы очень немногія: нѣкоторые слова и выраженія, слишкомъ простонародныя или нарушающія скромность, замѣнены другими; нѣкоторые мѣста вовсе опущены. Впрочемъ, большая часть и этихъ поправокъ сдѣлана не столько по замѣчаніямъ государя, сколько самимъ Пушкинымъ или по совѣту друзей его. Вообще драма напечатана почти въ томъ видѣ, какъ она написана была первоначально и какъ ее хотѣлъ издать сочинитель.

По представленіи печатной драмы государю, Бенкендорфъ снова извѣстилъ поэта, что его величество изволятъ читать ее съ особымъ удовольствіемъ.

Пушкинъ, 18-го января 1831 года, отвѣчалъ: „Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, „Борисъ Годуновъ“ обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и ваше высокопревосходительство, какъ голосъ высочайшаго благоволенія и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе“.

Драма Пушкина, при выходѣ ея въ свѣтъ, не произвела особеннаго впечатлѣнія на читателей. Всѣ ожидали отъ него драмы романтической, однакоже въ смыслѣ театральной пьесы. Драмы испанцевъ, англичанъ и нѣмцевъ, даже хроника Шекспира, трилогія „Валленштейнъ“ и „Іоанна д'Аркъ“ — Шиллера, сочиненныя болѣе для чтенія, нежели для сцены, все-таки раздѣлены на дѣйствія, имѣютъ связь, полноту и, при нѣкоторомъ сокращеніи, могутъ быть представлены на театрѣ. Въ драмѣ Пушкина читатели не нашли ни дѣйствій, ни связи и ни малѣйшаго примѣненія къ сценѣ. Это ни драма, ни поэма, ни повѣсть; она показалась какимъ-то вырожденіемъ, которому нѣтъ имени въ произведеніяхъ литературы и которую невозможно ни къ чему, какъ говорится, приспособить. Сверхъ того, въ сочиненіяхъ Пушкина всѣ привыкли встрѣчать картины, игру словъ, эффектъ въ мысляхъ и выраженіяхъ. Уже и „Полтава“ его, напечатанная въ 1829-мъ году, не всѣмъ понравилась, потому что и въ ней поэтъ уже не гонялся за блестками и приближался къ той умной и истинной красотѣ, которою запечатлѣны позднѣйшія его произведенія. Въ драмѣ Пушкина, прежнимъ почитателямъ его таланта, еще бо-

лѣе представились простой, безыскусственный рассказъ, дѣльность мысли, точность каждаго слова и отчужденіе всякихъ блудящихъ огоньковъ, всякой погрешки. Многіе начинали думать, что свѣтильникъ души поэта угасъ. Но драма Пушкина, не поражая съ перваго раза, тѣмъ больше нравилась, чѣмъ болѣе ее читали. Даже люди стараго поколѣнія, воспитанные на чтеніи Ломоносова, Державина и Озерова, напитанные древними и новыми иностранными классиками, даже они, читая драму Пушкина по правиламъ учебниковъ, въ послѣдствіи сознавались, что она — произведеніе великаго таланта. Тутъ каждая сцена, несмотря на короткость и какъ-бы неоконченность, заключаетъ въ себѣ полную картину, и всѣ эти отрывки, повидимому, ничѣмъ несвязанные, сами собой въ умѣ читателя соединяются въ цѣлое, превосходное зданіе. Тутъ всѣ дѣйствующія лица какъ-бы отлиты изъ бронзы и одушевлены. Преступный и наказываемый судьбою Борисъ, его невинная и прекрасная дѣти, за него страдающія, вѣтренный Гришка и тщеславная полька Марина, хитрый царедворецъ Шуйскій и прямодушный патріархъ Іовъ, изгнанникъ изъ родины Курбскій, лѣтописецъ Пименъ, бродячіе монахи, ядровый и всѣ другія лица, мелькомъ, едва являющіяся, очерчены выпукло, вѣрно каждый своему характеру и вѣку. Самые слогъ и стихъ драмы, разнообразны въ устахъ каждаго, простые, какъ-бы рассказъ нашихъ лѣтописцевъ, довершаютъ очарованіе. Все въ этой драмѣ поражаетъ правдою чувствъ, истинною и глубиною мыслей, точностію словъ и выраженій; отъ всего въ ней пахнетъ землею и вѣетъ воздухомъ XVI вѣка. По прочтеніи драмы, мало того, что кажется, будто мы видѣли ее на сценѣ, разыгранную первоклассными актерами; но думается, что передъ нами прошли всѣ эти люди, выходившіе изъ древнихъ могилъ своихъ, что мы жили съ ними и имѣли несчастье быть очевидцами кары Божіей надъ царемъ Борисомъ. Это не драма, но лучше сотни драмъ.

VIII.

А. С. Пушкинъ самъ вызвался на трудъ — составить исторію Петра I-го.

„Если“ — писалъ онъ — „государю императору угодно будетъ употребить перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнять волю его величества, и готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей.... Болѣе соотвѣтствовало бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званіе историографа послѣ незабвеннаго Карамзина;

но могу, со временемъ, исполнить давнишнее мое желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III“.

Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, Пушкинъ выказалъ, что онъ не чуждъ и тѣхъ мелкихъ расчетовъ, которые важны только для людей, не отличенныхъ отъ природы даромъ на какой-либо особый блистательный путь. Знаменитый, уважаемый всею Русью, поэтъ печалился, что онъ въ служебной іерархіи не болѣе, какъ коллежскій секретарь.

„Мой несчастный чинъ“—продолжалъ Пушкинъ въ той же запискѣ—„тотъ самый, съ которымъ выпущенъ я былъ изъ лица, къ несчастію, представляетъ мнѣ препятствіе на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 года; мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго и коллежскаго ассесора; но бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало“.

Желанія Пушкина исполнены. Въ іюлѣ 1831 года, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ опредѣленъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, хотя тамъ не было свободнаго штатнаго мѣста, съ жалованьемъ по пяти тысячъ рублей и съ дозволеніемъ отыскивать въ архивахъ матеріалы для составленія исторіи императора Петра I-го¹⁾.

Въ началѣ 1832 года отъ государя прислана была къ Пушкину какая-то книга, и онъ по этому случаю, отъ 24-го февраля, писалъ Бенкендорфу:

„Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилостивѣйше пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ. Драгоценный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудить во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то, по крайней мѣрѣ, усердіемъ и добросовѣстностію“. При этомъ онъ просилъ еще дозволить ему: „разсмотрѣть находящуюся въ Эрмитажѣ бібліотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловымъ, для составленія его исторіи Петра Великаго“.

Пушкину и это было высочайше дозволено.

Нельзя положительно сказать, что бы Пушкинъ сдѣлалъ по части исторіи, еслибы жизнь его продолжилась; но знавшіе его талантъ не ожидали отъ него ничего послѣдовательнаго и окончательно обработаннаго. Ни умъ, ни характеръ его не соответствовали строгому и серьезному званію историка. Это былъ не Карамзинъ. Знамени-

¹⁾ Дѣла архивныя Пушкинъ читалъ въ самомъ министерствѣ и, послѣ работы, тамъ же возвращалъ ихъ на мѣсто.

тый историографъ нашъ, еще въ молодости, богатѣль познаніями для будущаго великаго труда. Многія мѣста „Писемъ русскаго путешественника“ обнаруживаютъ, что онъ еще въ то время, когда сочинялъ стихи и чувствительныя повѣсти, уже имѣлъ глубокой взглядъ на исторію; а его „Похвальное слово Екатеринѣ II“, его „Марса Посадница“, его статьи: „Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ“, „Русская старина“ и особенно „О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“—это превосходная проба историческаго пера. Приступивъ же къ составленію Русской исторіи, онъ высидѣлъ 12 лѣтъ и приобрѣлъ столь обширныя познанія, что могъ назваться профессоромъ своей части. Онъ бросилъ всѣ удовольствія свѣта, отказался отъ всѣхъ исканій и, бывъ тоже небогатымъ человекомъ, довольствовался пожалованными ему 2,000 руб. въ годъ, колотился, жался съ своимъ семействомъ, а все шелъ постоянно къ своей пѣли: исторія сдѣлалась его мыслию, его душою, его жизнію. Совсѣмъ другое представляется въ Пушкинѣ. Не имѣвъ прежде запасныхъ познаній, онъ не сдѣлалъ себя ученикомъ своей науки и никогда не былъ профессоромъ ея. Онъ посѣщалъ государственный архивъ, читалъ въ немъ дѣла и бумаги, доставалъ и другими путями рукописи и книги, относящіяся до избранной имъ эпохи; но все это дѣлалъ слегка, мимоходомъ, и часто изъ важныхъ матеріаловъ исторіи у него развивались легкіе поэтическіе образы, или возникалъ историческій отрывокъ, почти чуждый главному предмету его занятій. Какимъ Пушкинъ былъ въ стихотворныхъ поэмахъ и въ драмѣ, такимъ онъ вышелъ въ исторіи.

Между тѣмъ, ви́шняя жизнь его нисколько не измѣнилась. Онъ не отказался ни отъ свѣта, ни отъ картъ, ни отъ разгула; гордый древностію своего рода, онъ лѣзъ (?) въ аристократическія общества и былъ очень доволенъ, достигнувъ камеръ-юнкерства. Бросая деньги на легкомысленныя надобности, онъ годъ отъ году все больше и больше нуждался въ нихъ: того требовали и жизнь не по состоянію, и умножавшееся семейство его. Онъ никогда не былъ писателемъ безкорыстнымъ (?!), онъ не жилъ для одной поэзіи, ни для славы; не былъ счастливъ однѣми высокими созданіями духа (?!) ...

Нашъ вѣкъ — торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
 Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
 Что слава? Яркая заплата
 На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата, злата, злата,
 Копите злато до конца....

Въ этихъ стихахъ Пушкинъ, еще въ молодости, выразилъ свои чувства, свои убѣжденія (?!). Послѣдующая переписка его съ братомъ

доказываетъ, что поэтъ цѣнилъ столько свои произведенія, сколько онѣ приносили денегъ. Онъ, наконецъ, можно сказать, сдѣлался торгашемъ: желалъ за каждое стихотвореніе свое брать деньги, сердился, что сочиненія его расходятся въ рукописяхъ, прежде напечатанія, сердился, что сочиненія не скоро печатаются, просилъ денегъ, денегъ и денегъ. Ему слишкомъ мало. было пожалованныхъ 5,000 руб. въ годъ, и онъ метался отъ одного предпріятія къ другому, чтобы достать денегъ: то хотѣлъ издавать журналъ, то писалъ мелкія стихотворенія, то опять добывался права быть журналистомъ, то принимался за романъ... а исторія и съ мѣста не трогалась.

IX.

Еще въ іюлѣ 1831 г., какъ только получилъ уполномочіе собирать матеріалы для исторіи Петра I-го, Пушкинъ писалъ:

„Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ у насъ не существуетъ, — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальныи журналъ. Но тѣмъ не менѣе, общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями и, такимъ образомъ, приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“. О желаніи издавать этотъ журналъ Пушкинъ упоминалъ и въ письмѣ отъ 1-го іюня 1835 г., когда просилъ объ увольненіи его на нѣсколько лѣтъ въ деревню.

Въ январѣ 1832 г., Бенкендорфъ спрашивалъ его, „почему стихотвореніе его „Древо яда“ (Анчаръ) было напечатано въ альманахѣ, безъ предварительнаго рассмотрѣнія государя императора?“

На это, 7-го января, Пушкинъ отвѣчалъ:

„Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей неожиданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастье найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней“.

Въ августѣ 1833 года, онъ просилъ о дозволеніи съѣздить въ

Дерптѣ, для свиданія съ г-жею Карамзиной, а потомъ мѣсяца на три въ свое имѣніе, въ Нижегородской губерніи, а также въ Оренбургъ и Казань; послѣдніе два города онъ желалъ посѣтить потому, что въ нихъ происходитъ большая часть дѣйствія романа, давно имъ начатаго, и что онъ надѣется окончить его въ уединеніи, въ деревнѣ. При этомъ Пушкинъ объяснилъ, что, въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, занимаясь одними историческими розысканіями, онъ не писалъ ни одной строки чисто литературной; что романъ доставитъ ему деньги, въ которыхъ онъ нуждается; что хотя ему совѣстно тратить время на суетныя занятія, но онѣ доставляютъ ему способъ жить въ Петербургѣ; что, кромѣ жалованья, опредѣленнаго ему щедростію государя императора, у него нѣтъ настоящаго дохода, тогда какъ жизнь въ столицѣ дорога, а съ умноженіемъ его семейства умножаются и его расходы.

Это ему было дозволено.

6-го декабря 1833 г. Пушкинъ писалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію журнала („Библ. для Чт.“), просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ—утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей. Пушкинъ испрашивалъ на то разрѣшенія, и ему тогда же дозволено было помѣщать сочиненія его въ журналъ Смирдина, по рассмотрѣнн цензурою, на общемъ основаніи.

Въ томъ же письмѣ, отъ 6-го декабря 1833 г., онъ извѣщалъ:

„Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугачева; но, нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволенія представить оную на высочайшее рассмотрѣніе. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать, но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ“.

Гр. Бенкендорфъ просилъ Пушкина доставить въ нему рукопись.

На напечатаніе этой книги, названной „Исторія Пугачевского бунта“, по высочайшему указу отъ 16-го марта 1834 г., было выдано Пушкину изъ государственнаго казначейства 20 т. руб., на два года, безъ процентовъ и безъ вычета въ пользу увѣчныхъ. Книга была отпечатана въ ноябрѣ 1834 г., а въ январѣ 1835 г. онъ представилъ замѣчанія, которыя не могли войти въ „Исторію Пугачев-

скаго бунта," но которыя, — какъ писалъ Пушкинъ, — „могутъ быть любопытны для государя императора“.

Его величество принялъ эти замѣчанія и изволилъ повелѣть благодарить Пушкина.

Съ этимъ вмѣстѣ, 26-го января 1835 г., слѣдовательно послѣ напечатанія исторiи, онъ писалъ: „Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то, по крайней мѣрѣ, для полноты моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти“.

Государь дозволилъ Пушкину читать все дѣло и поручилъ ему составить выписку для его величества. Дѣло это, въ восьми запечатанныхъ пакетахъ, хранилось въ архивѣ сената и въ то время предназначалось въ государственный архивъ, состоящій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Государь повелѣлъ передать это дѣло въ государственный архивъ и тамъ уже допустить Пушкина къ чтенію и составленію выписки.

Еще въ іюнѣ 1834 г. Пушкинъ писалъ, что онъ, по обстоятельствамъ своимъ, для него интереснымъ, имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу, но просилъ дозволить ему продолжать посѣщеніе архивовъ. 30-го іюня ему отвѣчали, что „его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли; но что на посѣщеніе государственныхъ архивовъ, для извлеченія справокъ, его величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства“.

Въ іюнѣ 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ говорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоянія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Государь повелѣлъ спросить его: хочетъ-ли онъ отставки?—потому что иначе нѣтъ возможности уволить его на столь продолжительный срокъ.

Пушкинъ отвѣчалъ: „Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его величества не было для меня знакомъ немилости и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ“. Потомъ онъ представилъ изчисленіе долговъ своихъ и просилъ сдѣлать ему ссуду. На этотъ разъ маневръ его удался: 1-го августа 1835 г. государь уволилъ его въ отпускъ на 4 мѣсяца и пожаловалъ ему изъ государственнаго казначейства въ ссуду 30

тысячь рублей, безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы въ уплату этой суммы было удерживаемо производящееся ему жалованье.

Онъ не платилъ денегъ и по первому долгу, 20 тысячь рублей, который съ сѣнтября 1835 г., былъ разсроченъ ему еще на 4 года, безъ процентовъ же.

31-го декабря 1835 года Пушкинъ просилъ дозволенія издавать журналъ. „Я желалъ бы“ — писалъ онъ — „въ слѣдующемъ 1836 году издать 4 тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, наподобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ *Reviews*. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой *Review* доставило бы (мнѣ) вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя“.

Это было высочайше дозволено Пушкину, съ тѣмъ, чтобы періодическое изданіе проходило, по установленному порядку, черезъ цензурный комитетъ.

Х.

По смерти Пушкина, въ февралѣ 1837 г. высочайше разрѣшено было издать „Современникъ“, по прежнему плану, и въ этомъ году, въ пользу семейства поэта. Издателями были Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій и П. А. Плетневъ, редакторомъ А. А. Браевскій. Тогда же высочайше дозволено было издать, въ пользу дѣтей Пушкина, полное собраніе извѣстныхъ сочиненій его, въ стихахъ и прозѣ, съ тѣмъ, чтобы напечатаніе ихъ произведено было не иначе, какъ по надлежащемъ разсмотрѣніи ихъ цензурою, подъ особеннымъ наблюденіемъ министра народнаго просвѣщенія.

Въ уплату 30 т. р., при жизни Пушкина, удержано было изъ его жалованья 6,666 р. 67 к.; самъ же онъ ничего не уплатилъ ни по этому долгу, ни по долгу въ 20 т. р. Всего, въ день смерти, оставалось на немъ этихъ долговъ 43,333 р. 33 к. Весь этотъ долгъ, въ февралѣ же 1837 г., по ходатайству гр. Канкринна, всемилостивѣйше прощенъ. Сверхъ того, тогда же пожаловано было: 92,500 р. на уплату частныхъ долговъ и 50 т. р. на изданіе сочиненій его; вмѣстѣ съ симъ назначены: вдовѣ пенсія по 5 т. р., на воспитаніе каждому изъ 4-хъ дѣтей по 1,500 р. въ годъ, до поступленія сыновей въ Пажескій корпусъ, а дочерамъ — до замужества.

Рукописи Пушкина, съ 7-го по 28-ое февраля 1837-го года, были разсматриваемы на квартирѣ его, почти каждый день генераломъ Дубельтомъ и Жуковскимъ. Между бумагами его находи-

лись: книги и рукописи, относящіяся до исторіи Петра I и Пугачевского бунта; его выписки для исторіи Петра; манускриптъ руки Пушкина о Пугачевскомъ бунтѣ, въ 9-ти тетрадахъ; 18 переплетенныхъ книгъ съ черновыми сочиненіями Пушкина; 6 тетрадей, въ листъ, съ прозаическими отрывками его; два манускрипта, писанные карандашемъ, его же; 3 тетради съ отрывками, въ стихахъ, его же; такіе же отрывки въ двухъ тетрадяхъ, въ четвертку и осьмушку; 9 пакетовъ равныхъ сочиненій его, на отдѣльныхъ листахъ; журналъ Пушкина; портфель съ разными черновыми бумагами его; письма родственникововъ, друзей и почти всѣхъ современныхъ писателей, даже недруговъ его, напримѣръ Булгарина, Греча и Шишкова, даже такихъ писателей, какъ графъ Хвостовъ, Шаликовъ, Александръ Орловъ; изъ иностранцевъ письма Мериме и барона Баранта.

Почти всѣ эти бумаги отданы были Жуковскому.

Опека, въ февралѣ 1837 г., учреждена была, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Григорія Строганова, изъ гофмейстера графа Михаила Вельгорскаго, тайнаго совѣтника Жуковскаго и статскаго совѣтника Наркиса Тарасенко-Отрѣшкова. Отъ продажи сочиненій Пушкина выручено 361,302 р. 14¹/₂ к.; на изданіе этихъ сочиненій употреблено 105,265 р. 93¹/₂ к.

Для дѣтей Пушкина куплено село Михайловское, за 20,825 руб.

Къ 1-му февраля 1846 г., въ теченіи 9-ти лѣтъ, денегъ у дѣтей его было наличными и стоимостью имѣнія всего 281,959 р. 18¹/₂ к.; независимо отъ этого, отдѣлено было вдовѣ, на ея законную часть, 60,010 р. 41¹/₂ к.

Вдова Пушкина вышла замужъ въ началѣ 1846 г., а февраля 1846 г. опека, принимая въ уваженіе, что село Михайловское, состоя изъ 76-ти душъ мужскаго пола, и весьма достаточно округленнаго количества земель, составляетъ наследственное достояніе фамилии Пушкина; что онъ лучшія свои творенія произвелъ въ имѣніи томъ; что, по желанію Пушкина, онъ и погребенъ въ сосѣднемъ съ тѣмъ селомъ монастырѣ, и что, наконецъ, оставленіе этого имѣнія въ родѣ Пушкина будетъ служить постояннымъ ознаменованіемъ всѣхъ щедротъ, излитыхъ государемъ императоромъ на дѣтей Пушкина, ходатайствовала объ обращеніи села Михайловскаго въ маіоратъ, въ пользу старшаго сына, Александра. Но государь призналъ невозможнымъ это сдѣлать, потому что означенное имѣніе не заключаетъ въ себѣ того числа душъ, которое по закону требуется при учрежденіи маіоратв.

Въ мартѣ 1846 г. графъ Строгановъ, по желанію его, уволенъ отъ званія опекуна.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОЎДОВЪ.

Обзоръ всѣхъ изданій комедіи „Горе отъ Ума“.

1825—1874.

30-го октября 1857 года было одобрено цензоромъ Мацкевичемъ изданіе объемистой книги подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XVII. А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Съ приложеніями: 1) портрета автора; 2) изображенія памятника надъ его могилою; 3) автографа; 4) герба Грибоѣдовыхъ; 5) сценъ изъ комедіи „Горе отъ Ума“: а) балъ, б) разъѣздъ, в) явленіе Решетилова; 6) статей о „Горѣ отъ Ума“ изъ лучшихъ журналовъ (1825—1857 гг.) Изданіе Евграфа Серчевскаго. „Горе отъ Ума“ напечатано въ этой книгѣ по рукописи, употребляемой при представленіи комедіи на императорскихъ театрахъ. Спб., 1858 г., in 8°; страницъ: III для оглавленія, III отъ издателя, XCI на матеріалы для біографіи и 404 для сочиненій Грибоѣдова. „Горе отъ Ума“ занимаетъ 77—184 страницы. Грибоѣдовъ изображенъ на портретѣ во весь ростъ, ¹⁾ въ сидячемъ положеніи.

Текстъ комедіи тотъ же, какъ въ изданіи Смирдина 1857 г., статьи же о комедіи извлечены изъ журналовъ безъ достаточной полноты и безъ критики. Матеріалы для біографіи являются въ сыромъ видѣ. Родословная поэта изложена темно; Тегеранская катастрофа представляетъ выписку изъ официальныхъ документовъ безъ сличенія съ другими источниками.

По внѣшней сторонѣ изданіе хорошо, напечатано четко и читается легко. Опечатокъ встрѣчается мало, и то при самомъ внимательномъ просмотрѣ. Вообще, это изданіе можно назвать хоро-

¹⁾ Портретъ этотъ снятъ съ Грибоѣдова П. А. Каратыгнымъ и, по словамъ Серчевскаго, имѣетъ болѣе сходства, чѣмъ портретъ грав. Уткинымъ.

шимъ и полезнымъ, хотя далеко необработаннымъ. Несмотря на дорогую цѣну въ продажѣ (3 р.), оно все разошлось и нынѣ едва ли имѣется два-три экземпляра въ старыхъ книжныхъ магазинахъ, да у немногихъ букинистовъ. Даже Императорская Публичная Библиотека имѣетъ только одинъ экземпляръ книги Серчевскаго, для читальной залы, крайне подержанный, прошедшій сквозь многія руки, оставившія на книгѣ слѣды своихъ работъ. Главнѣйшій недостатокъ книги—отсутствіе критики и комментариевъ, и перепечатка текста безъ свода вариантовъ. Не отмѣчены даже вновь внесенные стихи.

Казалось бы, что послѣ изданія комедіи Серчевскимъ не оставалось мѣста для выпуска книженоевъ, позорящихъ книгопечатное дѣло; но Москва не знала мѣры въ книжномъ дѣлѣ и подарила читающую публику слѣдующими произведеніями торгашества:

XVIII. „Горе отъ Ума“. Комедія А. С. Грибоедова. Изданіе пятое. Москва. Въ типографіи С. Попова. 32-ю д. л. 224 стр. Дозволено цензоромъ Гиляровымъ-Платоновымъ 5-го іюля 1858 г.

XIX. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе шестое (вм. шестое). Москва. Въ типографіи С. Попова, 32-ю д. л., стр. 224. Дозволено 5-го іюля 1858 г. цензоромъ Гиляровымъ-Платоновымъ. На послѣдней страницѣ обертки сказано: „Изданіе В. Шерапова“. Къ обѣмъ книженкамъ приложенъ нангрубѣйшій, лубочной работы, портретъ автора. Опечатокъ, ошибокъ нѣтъ числа. Между обѣими книженками разница только въ одномъ словѣ: пято и шестое; во всемъ остальномъ онѣ тождественны, т. е., издатель, не представляя даже экземпляра въ цензуру, перемѣнилъ заглавный листъ съ единственнымъ словомъ шестое.

Въ 1858 г., кромѣ русскихъ невѣжественныхъ издателей, стали искажать комедію и за границею. Приманкою служило то, что книга, во-первыхъ, печатается не у насъ и, во-вторыхъ, печатается, будто бы, полный текстъ. Воспользоваться такою слабостью русской природы пришлось Юрію Приваловскому, выпустившему въ 8-ю д. л. слѣдующую книжку:

XX. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе А. С. Грибоедова. Полное изданіе Юрія Приваловскаго. Лейпцигъ, у Густава Бера: Leipzig, Gustav Baer. 1858. Внизу заглавной страницы рука, указывающая на „Единственное полное изданіе“. Въ небольшомъ предисловіи, издатель говорить, что онъ удостовѣрился въ точности рукописей, съ которыхъ, со всею добросовѣстностью, возстановлялъ полный текстъ.

Издатель, очевидно, билъ на хорошей сбытъ книги и особенно на

довѣрчивость публики къ заграничной безцензурной печати русскихъ авторовъ. Но до какихъ границъ безобразія можетъ быть доведена подобная эксплуатація русскаго добродушія, это можно видѣть изъ близкаго ознакомленія съ этимъ плачевнымъ изданіемъ. Не вдаваясь, впрочемъ, въ подробности, остановимся хотя на нѣкоторыхъ искаженіяхъ комедіи. Пропущены вовсе стихи:

На страницахъ:

- 9. Далъ чинъ ассессора и взялъ въ секретари;
- 30. Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство;
- 42. Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
- 122. Безумный! Что онъ тутъ за чепуху молоть!

Слѣдующіе стихи потеряли смыслъ отъ вставки ненужныхъ словъ на страницахъ:

- 41. Не помняйте намъ: ужъ мало-ли мостать,
Съ тѣхъ поръ, дороги, тротуары,
Дома, и все на новый ладъ.
- 44. И офицеровъ вамъ начту притомъ,
- 56. Малѣйшая въ вомъ странность чуть видна,
И спортитъ все, веселость ваша не скромна.

Въ трехъ мѣстахъ слиты въ одно цѣлое двѣ редакціи стиховъ: рукописная и передѣлка для печати. Именно, на стр. 50-й:

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепіано.
{Мы въ трауръ, такъ бала дать нельзя.
{Смотрите-жь, опоздать нельзя.

И два отвѣта Молчалина на 67-й страницѣ:

{Вѣдь надобно-жь имѣть въ виду,
{Зависитъ отъ другихъ.

Чацкий.

За чѣмъ же надобно?

Молчаливъ.

{Чтобъ не попасть въ бѣду,
{Въ чинахъ мы меньшихъ.

Приведемъ для образца и своевольную передѣлку нѣкоторыхъ, на выдержку, стиховъ, на страницахъ:

- 21. На сѣздахъ, на балахъ, на праздникахъ приходскихъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ.
- 27. Она не родила,—по моему разсчету (вм. разсчету)
Должна вскорѣ родить.

28. Не веселья! Въ мои гѣта
 Вѣдь не скакать же мнѣ въ присядку.
 36. Вотъ кресла вамъ, раскньтесь на покой.
 41. Порадуйтесь—не истребить
 Ни годы ихъ, ни люди, ни парады.
 101. Пиля за мѣртво—не спать ночей по девяти
 111. А! дѣло! день идетъ къ разсвѣту.

По внѣшности, изданіе красиво и опрятно; опечаткамъ, опискамъ и искаженіямъ нѣтъ числа. Несмотря на то, оно проникло въ Россію и хорошо продавалось, въ 1860-хъ годахъ, даже по 3 р. сер.

Одновременно съ Приваловскимъ принялся за Грибоѣдова въ Берлинѣ Фердинандъ Шнейдеръ и выпустилъ, въ 8-ю д. л., въ 203 стр., очень опрятную, на глазированной бумагѣ, книжку съ такимъ титуломъ:

XXI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, А. С. Грибоѣдова. Полнѣйшее изданіе. Berlin, 1858. Ferdinand Schneider. Lenné Strasse. 3. Paris, A. Bonne et Schultz. Rue de Rivoli. 170, vis-à-vis du Louvre. Печатано въ типографіи Шульца въ Берлинѣ. Neue Friedrich Strasse. 47.

Это изданіе хотя и вѣрнѣе (немного) предъидущаго, но въ текстѣ комедіи повторились всѣ тѣ передѣлки, кои нами приведены изъ изданія Приваловскаго, и передѣланы стихи Чацкаго:

Родныхъ мильонъ у нихъ, а съ помощью сестрицъ
 такимъ образомъ:

Родней богатые, и съ помощью сестрицъ
 и въ заключительномъ монологѣ:

Безумнымъ вы меня прославили?... нѣтъ споровъ
 вмѣсто подлиннаго стиха:

Безумнымъ вы меня провозгласили хоромъ...

Это изданіе хотя и проникло въ Россію, но, сколько мы успѣли добыть свѣдѣній, расходилось туго.

Несмотря на двѣ неудачныя попытки издавать „Горе отъ Ума“ за границую, въ 1859 г., въ Берлинѣ же, вновь появилось въ 20 листовъ, четко и толково, даже, можно сказать, изящно отпечатанное изданіе комедіи подъ такимъ заголовкомъ:

XXII, Сочиненія А. С. Грибоѣдова. (Первое полное изданіе). Берлинъ. Рудольфъ Вагнеръ. № 19, подъ липами. Печатано въ типографіи Шульца, въ Берлинѣ, 1860.

Въ это изданіе вошла часть другихъ сочиненій Грибоѣдова, такъ что оно распалось, по числу страницъ на 3 отдѣла: 1 — 160 сочине-

нія Грибоѣдова, 161 — 296 „Горе отъ Ума“, 297 — 326 примѣчанія. Въ продажѣ этого изданія мы не нашли. Въ Импер. Публ. Библ. оно значится по карточкамъ подь № XVIII, 150—6—15.

Это изданіе представляетъ пеструю смѣсь текста по изданіямъ Приваловскаго, Смирдина и частію нѣкоторыхъ рукописей. Видна усидчивая, кропотливая надъ текстомъ и примѣчаніями работа, которая не легко доставалась заграничной типографіи. Но новаго, противъ прежнихъ изданій, въ немъ не прибавлено ни единого слова; и потому выраженіе заголовка „первое полное изданіе“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что это было, по убѣжденію издателя и по доступности ему матеріаловъ, первымъ полнымъ изданіемъ не „Горя отъ Ума“, а собранія сочиненій Грибоѣдова.

Варианты крайне незначительны, встрѣчаются по большей части въ словахъ, но не въ цѣлыхъ стихахъ. Несмотря на добросовѣстное выполненіе своей задачи, изданіе это имѣло до того плохой сбытъ, что чрезъ 10 лѣтъ, именно въ 1870 г., оказалось необходимымъ изъять его изъ залежей и пустить въ продажу въ новой обложкѣ, прибавивъ на ней „второе полное изданіе“.

Недоступность цѣны изданія Серчевскаго вызвала, въ 1860 г., книгопродавца Мухина выпустить собраніе сочиненій Грибоѣдова въ маленькомъ форматѣ, въ 24-ю д. л., подь такую первую заглавную страницу:

XXIII. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, съ портретомъ автора и 5-тью картинами. Спб., въ типогр. Штаба военно-учебныхъ заведеній., 1860. Среди страницы эпитафия:

Судьба—проказница шалуныя,
Устроила на свѣтѣ такъ она:
Всѣмъ глупымъ счастье отъ безумья,
А умнымъ—горе отъ ума. ¹⁾

Предъ этимъ заглавіемъ очень плохой портретъ автора и гербъ рода Грибоѣдовыхъ, по одну сторону котораго вылиотографировано: „Ред. 4-го января 1793 г.“, а подругую — „Убитъ 30-го января 1829 г.“. На оборотѣ цензурное дозволеніе отъ 20-го мая 1860 г. (ценз. Обертъ). На второмъ листѣ слѣдующее посвященіе: „Уважающимъ память незабвеннаго творца комедіи: „Горе отъ Ума“, посвящаетъ издатель Мухинъ“.

¹⁾ Подлинная редакція этого эпитафия слѣдующая:

Судьба — проказница, шалуныя
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ — счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума.

Издание начинается краткою біографією (I—XVIII стр.) поэта, послѣ которой идетъ комедія „Горе отъ Ума“ (1—199 стр.), и затѣмъ страницы 200—334 для прочихъ сочиненій. Въ этой книжкѣ помѣщены: „Молодые супруги“, отрывокъ изъ 2-го акта комедіи: „Своя семья“, „Прологъ Фауста“, посланіе „Телешевой“, и затѣмъ: Хищники на Чегемѣ, Душа, Востокъ, Отрывокъ изъ поэмы Кальянчи, Романсъ и Эпиграмма, въ которой два послѣднихъ, приведенныхъ нами въ выносѣ, стиха замѣнены точками¹⁾. Изданіе это является образцомъ своеобразной работы, представляя только перепечатку съ изданія Серчевскаго, но въ „Горѣ отъ Ума“ болѣе вѣрную постановку знаковъ препинанія. Пять картинъ скопированы съ рисунковъ Серчевскаго, но уменьшенные, онѣ явились очень плохую копировкою. Въ „Горѣ отъ Ума“ варианты ничтожны, въ отдѣльныхъ словахъ, больше даже слоговые; но въ текстѣ „Своя Семья“ Мухинъ помѣстилъ вариантъ цѣлыхъ двухъ явленій, не указавъ, впрочемъ, той рукописи, съ которой печаталъ текстъ. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только „Горе отъ Ума“, то и не считаемъ нужнымъ приводить этого варианта.

Относительно „Горы отъ Ума“ Мухинъ ограничился сведомъ въ одно цѣлое полнаго текста явившихся изданій и театральной рукописи, надо полагать, принадлежавшей Кирѣеву; критически же къ дѣлу не отнесся. Изданіе впрочемъ разошлось быстро. Теперь оно составляетъ рѣдкую книгу. Едва могли мы найти два экземпляра въ Александровскомъ рынкѣ.

12-го января 1861 г., цензоръ Бекетовъ подписалъ къ выпуску новую брошюру, отпечатанную въ 2 столбца петитомъ на 26 страничкахъ, in 4°, подъ заглавіемъ:

XXIV. А. С. Грибоводовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Новое, дополненное изданіе. Спб., 1862 г. Цѣна 10 к., съ перес. 40 к. На оборотной страницѣ обертки, послѣ перечисленія изданій книжнаго магазина Битпажа и Калугина, ярко напечатано: „Лейпцигъ, въ типографіи Ѳ. А. Брокгауза“. Типографія же Тиблена, гдѣ работалась эта бро-

¹⁾ Вотъ эта эпиграмма по нашей рукописи:

И сочиняютъ — врутъ, и переводятъ — врутъ!
 Затѣмъ же врите вы, о дѣти!... Дѣтямъ — пруть.
 Шлите рюемами, навпзывайте стопы,
 Ужь такъ и быть! — Но вы ругаться удалды:
 Такъ чтобы были вы умѣе, молодды,
 Вамъ слѣдуетъ всѣмъ пренсправно вдрать ж . . .

шюрка, означена на оборотѣ заглавнаго листа едва замѣтнымъ шрифтомъ. Но ни ссылка на Брокгауза, ни гостинодворскій маневръ не дали быстрого хода брошюрѣ, которую и нынѣ легко отыскать.

Наконецъ, въ 1862 г., за серьезное изданіе комедіи взялся книгопродавецъ Н. Тиленъ, напечатавъ разрѣшенную В. Бекетовымъ, in 16°, таже на 109 стр., 25-го марта 1862 г., комедію подъ такимъ заголовкомъ:

XXV. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Первое полное изданіе Николая Тиблена. Цѣна 10 коп.

Издатель, назвавъ текстъ полнымъ, не указалъ той рукописи, которой держался. Но мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что ему основою служила рукопись Кириѣва, текстъ которой сходился съ изданіями Серчевскаго, берлинскимъ и Смирдина. Оттого вошли въ изданіе столь крупныя погрѣшности, что онѣ были замѣчены даже самимъ издателемъ, оговорившимъ ихъ при 2-мъ изданіи.

Такъ на стр. 14-й, стихъ:

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.

измѣненъ такъ:

Въ немъ мало складу.

Два стиха въ отвѣтѣ Молчалина Фамусову:

Я только несъ ихъ для доклада,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ нихъ....

неудачно передѣланы въ такой вариантъ:

Я только несъ ихъ для доклада,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ; а въ нихъ....

Стихъ:

Сидишь, а на дворѣ давно ужъ побѣгло.

получилъ сокращеніе стопъ:

Сидишь, а на дворѣ ужъ побѣгло.

На стр. 39-й, вмѣсто ироническаго стиха:

И гдѣ не воскресятъ кліенты - иностранцы
Промедшаго життя подлѣйшія черты.—

употребленъ вариантъ, лишенный смысла:

И гдѣ не пстрелятъ кліенты - иностранцы
Промедшаго життя подлѣйшія черты?

На 46-й страницѣ подлинный стихъ:

Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

появился въ такомъ вариантѣ:

Смотряте-жь опоздать нельзя.

На 77-й страницѣ неправильно скандированъ стихъ Загорѣцаго:

Объ Чац | комъ; онъ | въ комнатѣ | тѣ сѣй | часъ здѣсь | былъ.

вмѣсто:

Объ Чацкомъ. Онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Въ IV дѣйствіи (стр. 86) впервые появилось подробное описаніе декорации сѣней дома Фамусовыхъ.

Наконецъ заключительный монологъ Чацкаго представляетъ смѣсь рукописи Кирѣева съ заграничнымъ изданіемъ Приваловскаго, а оттого представляетъ совершенную путаницу понятій и переходитъ въ наборъ громкихъ фразъ. Такъ какъ разсматриваемаго изданія нынѣ въ продажѣ нѣтъ, то мы приводимъ вариантъ этого монолога, какъ образчикъ искаженія текста, когда къ изданію его приступаютъ безъ предварительной подготовки:

Чащнн.

Не образуясь! Винавать!

Не знаю, какъ я невпопадъ

Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ

Искательницъ фортуны и жениховъ чиновныхъ,

Которой красотѣ едва дано разцвѣсть,

Ужъ глубоко натвержено искусство

Не сердцемъ понимать, а взвѣсить и разчесть

И торговать собой въ замужество!

Нѣтъ, нѣтъ—ошибся я... намѣченъ былъ у васъ

Любовникъ, миленькой, котораго подъ часъ

Могли бы,—несмотря, что въ возрастѣ онъ зрѣломъ,—

Беречь, и целовать, и посылать за дѣломъ.

Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ женниныхъ нажей

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

Но, Боже мой, кого себѣ избрали?

Когда размыслию я, кого вы предпочли?

За что меня заманили, завлекли,

Повергли въ бездну зодъ, мученій и печали!

Слѣпецъ! Въ комъ я искалъ награду всѣхъ трудовъ!

Слѣпшилъ, летѣлъ, дрожалъ! Вотъ счастье, думалъ, близко!

Предъ вѣмъ я давеча, такъ страстно и такъ низко

Былъ расточитель вѣжныхъ словъ.

Но что? наказаны всѣ горемъ справедливымъ...

А вы, сударь, отецъ,—вы, страстные къ чинамъ,

Желаю вамъ дремать въ невѣдѣннн счастливымъ!

Я сватавѣемъ моимъ не угрожаю вамъ; и проч.

Остальное, какъ и вездѣ.

Мы успѣли, времѣ известныхъ официально, перечитать до 30—

40 рукописей комедіи, принадлежащихъ разнымъ лицамъ, и такой пестроты представлений нигдѣ не находили, хотя по большей части этотъ монологъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, является въ приведенной формѣ, а не какъ у К. Полеваго (изд. 1839 г.). Сожалѣемъ, что намъ, не пришлось видѣть рукопись Кирѣева, и потому мы не можемъ утверждать, чтобы она, какъ подаренная авторомъ владѣльцу, послужила оригиналомъ Тиблену. Это первоначальная, такъ сказать, черновая работа поэта, которая въ надлежащей формѣ, приведенной позднѣе Полевымъ, явилась уже въ 1824 г., когда самъ авторъ исключилъ изъ комедіи все, что шло въ разрѣзъ съ его начертанными типами.

Въ одно время съ предъидущимъ, какъ видно изъ цензурской помѣтки, вышло роскошное, иллюстрированное изданіе „Горя отъ Ума“, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XXVI. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Полный текстъ съ 25-ю рисунками М. С. Башилова, рѣзанными на деревѣ Августомъ Габеромъ, въ Дрезденѣ. Изданіе Николая Тиблена. Спб. 1862. Въ тип. Н. Тиблена и К°. (Ценз. Бекетовъ. 25-го марта 1862 г.). in folio, 113 стр. Цѣна 5 руб.

За ликвидаціею дѣлъ Тиблена, изданіе это было куплено М. Вольфомъ и, несмотря на высокую цѣну, расходилось хорошо, такъ что нынѣ его можно имѣть только у немногихъ книгопродавцевъ. Оно имѣетъ тѣже недостатки, какъ и первое, но и такія достоинства, какихъ не имѣло ни одно изъ вышедшихъ по настоящій день изданій „Горя отъ Ума“. Не останавливаясь на погрѣшностяхъ текста, роскошно и четко напечатаннаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы повторить все вышесказанное, укажемъ на главнѣйшее достоинство изданія. Это — рисунки, къ тексту приложенные, возстановляющіе живые типы, съ ихъ костюмами, манерою, общественнымъ положеніемъ, моменты котораго художникомъ схвачены мастерски и съ глубокимъ знаніемъ московской, своеобразной жизни. Башиловъ, сколько намъ извѣстно отъ людей, близко знавшихъ этого художника, пользовался, при созданіи своихъ типовъ, не одними модными журналами 20-хъ годовъ, не одними, такъ сказать, археологическими, по части костюмовъ, розысканіями, но преданіями, хорошо ему извѣстными, какъ москвичу, разказами и указаніями лицъ, знавшихъ и то общество, съ которымъ ему приходилось знакомить публику, и ту „тишичность“, которая могла быть уловима однимъ лишь москвичемъ. Фамусовъ, Софья, Лиза и Молчаливъ, — это мѣткіе портреты своихъ прототиповъ. Если въ Скалозубѣ комментаторы видятъ троихъ, въ то

время счастливыхъ полковниковъ, то Башиловымъ выведенъ именно тотъ, который, командуя полкомъ, покрывалъ своимъ басомъ даже полковую музыку. Репетитовъ какъ бы снятъ съ Пл. Ал. Шатилова, а Загорѣцкій — вылитый тогдашній управляющій виннымъ откупомъ, впоследствии самъ ставшій откупщикомъ. Не удались вполне художнику три лица: Горичевыхъ и Хлестовой, — но и сквозь художественное выполненіе, сквозь позу, какая имъ дана, можно все-таки догадаться, что это люди не нашего времени, а тѣ, на которыхъ

Отъ головы до пятокъ

Есть особый отпечатокъ.

Наконецъ, на 90-й страницѣ (рис. 21), парадная лѣстница, съ колоннадою и выходящимъ въ боковую сторону двернымъ тамбуромъ, такъ живо напоминаютъ москвичамъ знакомый домъ, что никто изъ старожилонъ не усомнится указать мѣсто дѣйствія. Во всѣхъ рисункахъ „московскій барскій духъ, Москвою пахнетъ“.

Вообще, рисунки Башилова составляютъ серьезный матеріалъ. Въ этомъ отношеніи, изданіе Тиблена заслуживаетъ почетнаго мѣста во всякой серьезной, научной библиотекѣ.

Въ этомъ изданіи, какъ и въ первомъ, восстановлено впервые правильное чтеніе фамиліи Анфисы Ниловны Хлестовой, чрезъ постановку двосточія надъ е, а не Хлестовой, какъ привыкли ее произносить. Очевидна попытка размѣщать стихи по стопамъ, законченная нѣтъ (хотя и не вездѣ удачно) г. Гербелемъ. Но въ изданіи этомъ бросается въ глаза одна странность, когда сравниваешь его съ 1-мъ и 2-мъ изданіями того же Тиблена. Помѣчено оно къ выпуску цензуромъ въ одно число съ 1-мъ, вышло ранѣе 2-го, слѣдовательно должно бы быть съ первымъ тождественно; между тѣмъ, въ заключительномъ монологе Чацкаго, мы видимъ смѣсь текста 1-го изданія съ рукописью А. А. Жандра, по которой исправлено второе. Считаю необходимымъ привести ту вставку нѣсколькихъ стиховъ, которыхъ нѣтъ въ 1-мъ изданіи, и которая, какъ заимствованная изъ рукописи, публикѣ неизвѣстной, придаетъ монологу еще болѣе пестроты:

За чѣмъ мнѣ прямо не сказали,

Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ;

Что память даже вамъ постыла

Тѣхъ чувствъ въ обонхъ насъ, движеній сердца тѣхъ,

Которыя во мнѣ ни даль не охладила,

Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!

Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ непрерывно!

Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,

Мой видъ, мои слова, поступки — все противно!

Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ,

И передъ тѣмъ, какъ на всегда разстаться,
 Не сталъ бы очень добиваться,
 Кто этотъ вамъ любезный человекъ...
 Довольно, съ вами я горжусь моимъ разрывомъ!

(Фамусову).

А вы, сударь, отецъ... и т. д. (какъ въ прочихъ изданіяхъ).

Первое изданіе разошлось такъ быстро, что чрезъ два мѣсяца появилось, подписанное 9-го мая 1862 г. цензоромъ Еленевымъ, вновь:

XXVII. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Второе полное (исправленное) изданіе Н. Тиблена. Спб., 1862 г. Тип. П. А. Кулиша. in 8°, 97 стр. сѣровой бумаги. На послѣдней страницѣ сдѣлана слѣдующая оговорка:

«Въ первое полное изданіе вкралось значительное количество погрѣшностей. Онѣ были частію слѣдствіемъ недосмотровъ, частію слѣдствіемъ того, что изъ нѣсколькихъ рукописей, повидимому, заслуживающихъ одинаковаго довѣрія, не было и двухъ совершенно сходныхъ между собою. Настоящее изданіе проверено окончательно по рукописи А. А. Жандра, исправленной самимъ Грибоѣдовымъ. Къ сожалѣнію, издатель получилъ ее, когда первые листы были уже отпечатаны,—а потому оказалось и въ этомъ изданіи нѣсколько погрѣшностей противъ помянутой рукописи. Важнѣйшія изъ нихъ указаны на оборотѣ» (т. е. въ таблицѣ опечатокъ).

Идея Тиблена дать рисунки вызвала исполнѣ каррикатурное изданіе подъ такимъ заглавіемъ:

XXVIII. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Полное (!) иллюстрированное изданіе. Рисунки рисоваль Іогансонъ. Рѣзалъ на деревѣ Михайловъ. Москва. Въ тип. Степановой. Стр. 106, in 8°. Рисунковъ 17. Помѣта цензуры 12-го ноября 1862 года. Спустя короткое время, въ 1863 году, книгопродавецъ Шамовъ выпустилъ эту же книгу, съ тѣмъ же числомъ страницъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ тѣми же рисунками уже вторымъ изданіемъ:

XXIX. А. С. Грибоѣдовъ и проч. Полное иллюстрированное второе изданіе книгопродавца Е. И. Шамова. 1864. Въ Универс. тип. (Каткова и К^o). (Дозволено цензурою 3-го апрѣля 1863 г.).

Текстъ той и другой книги не имѣетъ никакихъ особенностей; это дословная перепечатка 2-го изд. Тиблена, съ ничтожными отступленіями въ знакахъ препинанія. Но 17 „картинъ“ представляютъ образецъ непониманія ихъ исполнителемъ ни текста комедіи, ни задачи, за которую онъ взялся. Лубочныя картины шемякина суда и погребенія мышами kota болѣе заключаютъ въ себѣ правдоподобія, чѣмъ эти несчастныя каррикатуры.

Въ промежутокъ времени между приведенными двумя изданіями появились новыя:

XXX. А. С. ГрибоѢдовъ. „Горе отъ Ума“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе дополненное новымъ, нигдѣ еще ненапечатаннымъ, вариантомъ, соч. А. С. ГрибоѢдова, состоящимъ изъ 25-ти стиховъ. Москва. Въ тип. Л. В. Степановой, 87 стр., in 8° majore. Цѣна. 40 к. Разрѣшено 8-го іюня 1863 года.

XXXI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. ГрибоѢдова. (Безъ пропусковъ). Изд. Ив. Бочкарева. Осташковъ, in 8°, стр. 102. Цѣна 10 к. Разрѣшено 10-го іюня 1863 г.

Смотря на 1-е изъ нихъ, нельзя не удивляться смѣлости издателя, рѣшившагося дурачить публику: „Нигдѣ еще ненапечатанныя 25 строкъ“, есть перепечатка изъ Тибленовскаго изданія послѣдняго монолога Чацкаго, въ видѣ выноски, заимствованнаго изъ 2-го изданія. Второе же было плодомъ расчета типографщика Бочкарева.

XXXII. „Горе отъ Ума“. ГрибоѢдовъ. Полный текстъ съ рисунками М. С. Башилова. Изд. Н. Тиблена. Спб., 1865 г. Доволено 25-го августа 1865 г. Цѣна 30 к. Напечатано въ два столбца. Рисунки тѣже, что и въ № XXVI.

Если иллюстрированное съ рисунками Башилова изданіе обременительно для библиотекъ по высокой цѣнѣ, то это изданіе должно составлять необходимую книгу въ каждомъ собраніи книгъ по исторіи русской литературы.

Въ 1866 г. Товарищество „Общественная Польза“ выпустило, тоже in folio, на гласированной бумагѣ книгу подъ заглавіемъ.

XXXIII. А. С. ГрибоѢдовъ. „Горе отъ Ума“. Полное иллюстрированное изданіе Товарищества „Общественная Польза“. Съ 32-мя рисунками академика П. А. Соколова. 122 стр.

Сверху перваго заглавнаго листа, курсивомъ, приведена подпись съ рукописи Булгарина: „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ А. ГрибоѢдовъ“. На второмъ листѣ помѣщенъ рѣзанный Даммиллеромъ портретъ поэта, окруженный какими-то фантастическими набросками, смысла которыхъ искать было бы бесполезно. Напечатанный превосходно, текстъ комедіи не имѣетъ никакихъ особенностей, кромѣ постановки знаковъ препинанія, употребленныхъ по личному усмотрѣнію редакціи, чѣмъ значительно испорченъ смыслъ комедіи. Въ продажу оно было пущено дешевле тибленовскаго (3 р. 50 к.) и все-таки не пошло въ ходъ, упавъ въ настоящее время до 1 р. 50 к. и дешевле. Куплено оно было отъ Тов.

„Общ. Польза“ картографомъ Ильинимъ, въ числѣ другихъ книгъ, и нынѣ продается повсюду. Рисунки сдѣланы изящно въ художественномъ отношеніи, но представляютъ рядъ карриатуръ и отсутствіе правды. Нѣтъ позы, которая знакомила бы съ представителями Москвы начала XIX вѣка; нѣтъ костюма, который напоминалъ бы намъ оригинальныя моды москвичей до и послѣ пожара 1812 г.

26-го мая 1869 г. подписано къ выпуску слѣдующее:

XXXIV-е изданіе: „Классная Библиотека. Литературное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 6-й. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Полный текстъ съ рукописи, подаренной авторомъ Ѡ. В. Булгарину. Съ учеными примѣчаніями В. Я. Яковлева. Спб. Изданіе Я. А. Исакова. 1869 г. Типографія Безобразова и К°, in 8°, стр. 121.

При всемъ снисходительномъ отношеніи къ новѣйшимъ изданіямъ комедіи, не могли мы прибрать приличнаго эпитета для редакціи г. Яковлева. Было-ли это изданіе проявленіемъ совершеннѣйшаго незнакомства редакціи съ библиографіею „Горя отъ Ума“, или оно явилось сарказмомъ надъ публикою, которая, авось-де, бросится покупать комедію съ „учеными“ примѣчаніями, да еще напечатанную съ рукописи Булгарина,—опредѣлить мы никакъ не могли. Перепечатка оказалась не только плохю, но искаженною на столько, на сколько ухитрились портить комедію московскіе книжныхъ дѣлъ мастера въ 1854 и 1857 годахъ. Ученыхъ же примѣчаній мы не нашли во всей книгѣ ни одного, кромѣ небольшой перепечатки статьи А. Д. Галахова изъ III ч. его хрестоматіи.

Несмотря, однако, на безцеремонность, съ какою г. Яковлевъ работалъ „Горе отъ Ума“, изданіе все было распродано и нынѣ нѣтъ ни одного экземпляра даже въ магазинѣ самого издателя. Замѣтимъ, что для приманки прибавленъ, подъ чертою, все тотъ же несчастный вариантъ монолога Чацкаго, о которомъ мы сказали подъ № XXVIII.

Въ 1870 году за границую появилась книга:

XXXV. Gribojedoff vollstendige Werke. Сочиненія А. С. Грибоѣдова. (Второе полное изданіе). Berlin. В. Behr's Buchhandlung. (E. Book) 27. Unter den Linden. In 8°. Страницъ 1—160 для сочиненій Грибоѣдова; 160—264 для „Горя отъ Ума“ и по 326-ю примѣчанія.

Это изданіе на столько тождественно съ берлинскимъ 1860 года, что при наложеніи, на выдержку, какой-либо страницы одного на такую же другаго, совершенно совпадаютъ не только цѣлые стихи, шрифты, пробѣлы, но даже и буквы. Изъ этого можно вывести только

одно заключеніе, что залежавшемуся изданію 1860 года дали новую обложку съ заглавнымъ листомъ и пустили въ продажу, пользуясь возникшимъ запросомъ на комедію.

Въ 1870 г. на „Горе отъ Ума“ обратилъ должное вниманіе бывшій преподаватель 3-й Спб. гимназій, нынѣ инспекторъ классовъ Николаевскаго сиротскаго института, въ Москвѣ, В. Я. Стоюнинъ, выпустивъ съ объясненіями сперва „Недоросля“, а потомъ „Горе отъ Ума“, въ одной съ „Недорослемъ“ книжечкѣ, на которой значится цензурная помѣта отъ 24-го сентября 1870 г. Это первое, позволимъ сказать, научное и серьезное изданіе появилось подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XXXVI. „Недоросль“. Комедія Фонвизина. 1782 г. „Горе отъ Ума“. Комедія Грибовдова. 1823 г., съ примѣчаніями и вопросами, для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ. Редакція В. Стоюнина. Спб. Типографія Эдуарда Праца, Офицерская улица, д. № 26, 1870, in 16°.

Съ 1—117-й стр.—идеть „Недоросль“, съ 118—227—„Горе отъ Ума“, и 229—330 — вопросы для изученія комедій. Подъ текстомъ 58 примѣчаній, имѣющихъ, впрочемъ, общій характеръ и не касающихся тѣхъ серьезныхъ задачъ, кои проведены Грибовдовымъ. Текстъ не полный, въ виду опредѣленной цѣли изданія. Почтенный издатель находилъ, напримѣръ, злобную характеристику Чацкимъ Молчалина въ словахъ, приведенныхъ нами разрядкой:

А впрочемъ чѣмъ не мужъ?... Ума въ немъ только мало.

Но, чтобъ имѣть дѣтей,

Кому ума не доставало!

не пригодною для класснаго чтенія, тогда какъ г. Яковлевъ, редактируя „Горе отъ Ума“, какъ классное же пособіе, этихъ и имъ подобныхъ стиховъ не исключилъ. Впрочемъ, В. Я. Стоюнинъ имѣлъ въ виду преимущественно женскія среднеучебныя заведенія, въ которыхъ на чтеніе писателей и на выборъ ихъ существуетъ свой, такъ сказать, специальный взглядъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, не только нельзя читать многихъ, признанныхъ безвредными общественной совѣстью писателей, но даже нельзя упоминать имена нѣкоторыхъ литераторовъ. Къ такой учебно-воспитательной оцѣнѣ относятся Чаадаевъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ и нѣкоторые изъ другихъ, дѣйствовавшихъ на развитіе интеллектуальныхъ силъ въ воспитуемыхъ. А такое приуроченіе изданія къ мѣсту и тѣсной цѣли ограничиваетъ и стѣсняетъ дѣятельность издателя. Больше всего удивляетъ въ этомъ изданіи постановка знаковъ препинанія и варианты текста въ отдѣльныхъ словахъ. Нужно пожалѣть, что г. Стоюнинъ не указалъ

рукописи, съ которой печатаѣть текстъ; но рукопись его должна быть довольно своеобразна. Послѣ внимательнаго сличенія этого изданія со всѣми берлинскими, тибленовскими и рукописями Имп. Публ. Библ., невольно приходишь къ заключенію, что рукопись, послужившая основою его изданія, составляла общій сводъ различныхъ редакцій. Заключительный монологъ Чацкаго есть вариантъ, употребленный въ заграничныхъ изданіяхъ и въ одной изъ рукописей Имп. Публ. Библ. По сравненіи съ изданіемъ г. Гербеля — изданіе г. Стоюнина можно назвать діаметральною ему противоположностью. Сличая ихъ буква въ букву, мы не нашли двухъ строкъ, вполне согласныхъ по правописанію.

Въ концѣ 1872 г. Я. А. Исаковъ, несмотря на находившееся въ продажѣ (20 коп.) г. Стоюнина и свое изданіе, выпустилъ новое, разрѣшенное 28-го ноября 1872 г., подъ такою заглавною страницю:

XXXVII. „Классная Библиотека. Литературное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній“. Выпускъ 6-й. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Полный текстъ съ рукописи, подаренной авторомъ О. В. Булгарину. Изданіе 2-е книгопродавца Я. А. Исакова. 1872. Спб. Типографія Безобразова и К^о, in 8^о, 111 стр.

Искаженіе текста неправильною постановкою знаковъ препинанія доведено въ этомъ изданіи до крайнихъ размѣровъ. Нѣтъ буквально одного стиха, который выдержалъ бы серьезную критику. О сравненіи изданія съ другими и говорить нельзя. Приведенный въ 1-мъ изданіи вариантъ здѣсь выкинуть, а объ „ученыхъ примѣчаніяхъ“ нѣтъ и помину. Такое неудачное выполненіе изданія вызвало новую попытку, о которой мы говоримъ подъ № XXXIX, а теперь укажемъ на трудъ г. Гербеля, появившійся съ такимъ заглавіемъ:

XXXVIII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Изданіе Н. Гербеля, сегоднѣшнѣ 30-е, напечатанное въ первый разъ съ соблюденіемъ всѣхъ стихотворныхъ правилъ, при размѣщеніи стиховъ по стопамъ, чего не было сдѣлано ни при одномъ изданіи. Спб., 1873. Тип. Имп. Акад. Наукъ. In 16^о, 1—27 стр. біографія Грибоѣдова и 28—168 текстъ комедіи. Цѣна 25 коп.

Если бы о достоинствѣ книги судить по формѣ, а не по содержанію, то, конечно, изданіе Гербеля удовлетворило бы взыскательный глазъ, какъ чистенькое, уютненькое (карманное) и четко отпечатанное. Но произведенія, подобныя „Горю отъ Ума“, судятся по ихъ содержанію; а послѣднее-то и осталось у издателя въ загонѣ. Изъ множества недостатковъ укажемъ на важнѣйшіе:

1) Несмотря на усиліе очистить стихъ и подвести подъ пѣтическій законъ, у него просвакиваютъ, какъ замѣтили мы, 7-ми стопные ямбы, внесенные въ рукописи безграмотными переписчиками:

Ну какъ | перѣ | вѣстѣ: | мадамъ | п ма | дему | азель? .

2) Правописаніе глаголовъ вполнѣ отстываетъ отъ грибовдовскаго и несогласно съ законами грамматики. Мы назвали бы его гербелевскимъ правописаніемъ, если бы почтенный издатель, кромѣ изданій своихъ, заявилъ себя какимъ-либо филологическимъ трудомъ. Такъ, онъ повсюду пишетъ вошелъ вм. вошелъ, окончанія въ прилагательныхъ аго, ого и ова, чрезвычайно характерныя въ комедіи, употребляетъ, какъ и гдѣ ему лично заблагоразсудится; по такому же благоусмотрѣнію, отступая отъ всякаго грамматическаго закона, ставитъ и знаки препинанія, напр. на стр. 137-й:

Вотъ случай вамъ со мной—онъ не повѣй: (: вм. точки).

Москва и Петербургъ во всей Россіи то,

Что человекъ изъ города Бордо: (опять : вм. точки).

Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье (— вм. запятой),

Во всѣхъ княжонъ вселять участие.

3) Строки пестрятся лишними, ненужными и непринятыми нашею орфографіей надстрочными знаками, напр. на стр. 58-й:

Онъ всё своё

4) Опечатки не оговорены, слѣдовательно приходится убѣждаться, что все, что бы могло считаться опечаткою, есть собственное, усидчивое изобрѣтеніе издателя. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ краткой біографіи, предъ текстомъ, есть нѣсколько дѣльных и любопытныхъ извлеченій изъ старой литературы, очень полезныхъ тѣмъ, кто незнакомъ съ журналистикою прежнихъ лѣтъ.

Послѣднимъ на русскомъ языкѣ изъ всѣхъ печатныхъ изданій было выпущено слѣдующее, разрѣшенное цензурой 19-го августа 1873 г., въ количествѣ 5,000 экземпляровъ:

XXXIX. „Классная бібліотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 6-й¹⁾. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибовдова. Редакція и примѣчанія П. Д. Гарусова. Сиб. Типографія Сквятина. I—XXIX стр. объ авторѣ и комедіи, 1—120—для текста, 121—129—для вопросовъ при изученіи комедіи. Къ тексту приложено 137 подстрочныхъ объясненій и 97 примѣчаній и варьянтовъ.

¹⁾ Подъ этою цифрою «выпускъ 6-й» вышло три псаковскія изданія: два—подъ редакцію В. Яковлева и третье, рассматриваемое, подъ моею. И. Г.

По независѣвшимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы, при редакціи комедіи, были вынуждены держаться установившагося взгляда на издательское дѣло и цѣли изданія; и потому сами, лучше всякаго рецензента, знаемъ множество капитальныхъ недостатковъ этого изданія, которые надѣемся исправить въ приготавлиаемомъ нами и печатающемся трудѣ. Укажемъ лишь на одно, что, говоря о неполнотѣ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, изданій, мы, въ подтвержденіе нашихъ словъ, сдѣлали слѣдующія замѣтки на страницахъ:

73. Недостаетъ 4-хъ стиховъ между строкъ:

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

При немъ остерегись.

75. Нигдѣ не находится 45-ти стиховъ послѣ словъ Хлестовой:

Я за уши его дирала — только мало.

76. Нѣтъ 6-ти стиховъ послѣ словъ Хлестовой:

Знакомить, не спросясь, пріятель-ли намъ, нѣтъ-ли.

91. Неизвѣстны въ печати 3 стиха Чацкаго послѣ:

И овъ осмѣлятся ихъ гласно объявить —

99. Въ монологѣ Репетилова совсѣмъ исчезли изъ памяти два стиха послѣ словъ:

Объ чемъ бишь? Нѣчто? Обо всемъ.

102. Въ обращеніи Репетилова къ Скалозубу пропущено вездѣ 5 стиховъ между словами:

Все служба на умѣ.

Мон cher, гляди сюда:

103. Ни въ рукописяхъ, ни въ печати, нѣтъ послѣднихъ 3-хъ стиховъ монолога Репетилова. Такъ же и на стр. 107-й нѣтъ начала монолога Репетилова въ числѣ 12-ти стиховъ.

Всѣ недостатки разсмотрѣннаго изданія мы надѣемся исправить въ выпускѣ, въ текущемъ 1874 г., полнаго текста „Горя отъ Ума“, съ поясненіями и всѣми найденными нами вариантами, каковой выпускъ и будетъ:

XL. Сороковымъ изданіемъ комедіи Грибоѣдова на русскомъ языкѣ.

Изъ переводовъ „Горя отъ Ума“ на иностранные языки, обращаютъ на себя вниманіе два нѣмецкихъ:

I. Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring.

Reval 1831. Gedrukt bei Lindfors Erben. „Gore отъ Ума“ oder Leiden durch Bildung. Lustspiel in vier Aufzügen, aus dem Russischen des Gribojedow. Цензоръ Фридрихъ Эрдманъ, 18-го сентября 1831 года. Несмотря на тонкія буквы готическаго шрифта, изданіе читается легко. Есть противъ текста крупныя измѣненія. Переводчикъ многого въ комедіи не уснулъ и не понялъ. Должность Фамусова названа не „Управляющаго въ казенномъ мѣстѣ“, а „Oberforstmeister'омъ“. Изъ двухъ редакцій стиха:

Вѣкъ не встрѣчалъ: { Въ томъ клятву дамъ —
 { Подписку дамъ —

переведена вторая половина такъ:

... gern will ich es schriftlich geben...

Стихъ:

И не торопится вписаться въ цехъ (полкъ) шутовъ —
..... im Chor der Thoren.

На 72-й стр. принята одна первая редакція стиха:

Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя
..... den einen Ball zu geben
Ich nicht erlaubt, weil wir ja Trauer tragen.

Несмотря на то, что изданіе вышло подъ цензурою двумя годами ранѣ изданія Улитина, однако, слова Молчалина:

Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?
Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ:
Въ чинахъ мы не въ большихъ.

переведены по подлиннику, что и доказываетъ позднѣйшую ихъ въ русскомъ изданіи передѣлку:

Mann wollte Sie zu keinem Rang erheben
Im Dienste, scheinthes, haben sie kein Glück.
Man muss abhängen von der Andern doch
Wir sind im Rang nicht hoch.

По полнотѣ текста, это изданіе близко къ тибленовскому.

II. Verstand Schafft Leiden. („Gore отъ Ума“). Schauspiel in vier Akten und in Versen nach dem Russischen der Gribojaedoff metrisch übertragen von der Bertram. Den Bühnen gegenüber als Manuscript zu betrachten. Leipzig, in Commission bei F. A. Brockhaus. Переводъ крайне вольный, съ значительными отступленіями и передѣлками текста, съ прибавленіями, какія мы нашли только въ одной рукописи (случайно сохранившейся отъ 1824 г.). Мы назвали бы это изданіе или вольнымъ переводомъ, или передѣлкою русской комедіи на нѣмецкій складъ. Предѣлы нашего обзора не позволяютъ намъ дѣ-

лать сравненій, такъ какъ пришлось бы привести половину текста; ограничимся лишь нѣсколькими стихами:

Und dennoch leb 'ich so, dass jeder, der mich kennt,
Mein Leben exemplarisch nennt.

Lisette.

Doch dürft'ich fragen, Herr, wie's...

Такъ переведены два грибоѣдовскихъ стиха:

Монашескимъ извѣстевъ поведеньемъ.

Лжаа.

Осмѣлюсь я, сударь....

Въ первомъ монологѣ Фамусова, во II-мъ дѣйствіи, переводчикъ совершенно утратилъ художественное изображеніе старосвѣтской барской наивности, пѣтушинаго величія среди челядинцевъ, комическаго простосердечія и правячности, которыми пропитанъ Фамусовъ до мозга костей. Его задушевная исповѣдь утратила въ переводѣ весь свой непередаваемый юморъ и высокій комизмъ.

Стихи:

Къ Прасковѣ Федоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я, на форели.

переведены:

Am Dienstag zur Baronin Fladen
Bin auf Forellen ich geladen.

При каждомъ дѣйствіи указана обстановка сцены; а въ IV дѣйствіи, описывая сцену, переводчикъ далъ ей уже свою обстановку, имѣя въ виду выполненіе „Горя отъ Ума“ въ Москвѣ въ невозвратимые дни дебютовъ покойнаго Фамусова — Щепкина.

III. Biada temu kto ma gosum („Горе отъ Ума“). Komedia w czterech aktach, wiérstem napisana przez A. Grybojedowa. Tłumaczył polskimi wiérstem Josef Lewart-Lewiński. Warszawa. Henryk Natanson. 1857 г. Старшій цензоръ Собѣщанскій. ⁵/17 Listopada (ноября) 1855 г.

Нужно полагать, что переводъ этотъ сдѣланъ съ рукописи, а не съ печатнаго текста. Переводъ очень близокъ къ подлиннику, но въ немъ является много такихъ измѣненій и отступленій, которыя можно замѣтить лишь при сравнительномъ сличеніи комедіи. Чтобы сохранить рѣмому польскаго стиха, переводчикъ часто отступаетъ отъ смысла.

Стихи:

Къ Прасковѣ Федоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели.

переведены такъ:

Do domu księżnej Adeli
Na pstragi jęstem proszony.

• Выпущены въ переводѣ этомъ всѣ тѣ стихи, которые не вошли въ изданіе Смирдина и Сергеевскаго.

На англійскомъ языкѣ комедія явилась подъ такимъ заглавіемъ:

IV. *Gore ot ouma a comedy from the russian of Gribojedoff translated by Nicholas Benardaky. London, 1857. Printed by R. and R. Clark, Edinburgh. 134 стр., in 8° maj.* На превосходной веленовой бумагѣ. Комедія предпослана небольшая статья о значеніи „Горя отъ Ума“, о Грибоводѣ и его типахъ. Переводъ сдѣланъ въ прозѣ и очень близко къ подлиннику. Замѣтно, что переводчикъ, принимаясь за дѣло, былъ чуждъ меркантильных цѣлей, а смотрѣлъ на комедію, какъ на образцовое произведеніе и старался съ нею, какъ можно точнѣе, ознакомить англичанъ.

V. Мы не могли отыскать переведенныхъ на французскій языкъ третьяго и четвертаго актовъ „Горе отъ Ума“, переведенныхъ Сенъ-Моромъ (St. Maur), и потому не можемъ о нихъ ничего сказать.

VI. На грузинскій языкъ „Горе отъ Ума“ переведено кандидатомъ московскаго университета, нынѣ занимающимъ одну изъ судебныхъ должностей на Кавказѣ, Цинамсгваровымъ. Въ предисловіи своемъ, переводчикъ изложилъ идею комедіи и, какъ видѣвшій ее на московской сценѣ и сохранившій много преданій, хорошо очертилъ характеры дѣйствующихъ лицъ.

И. Д. Гарусовъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотакѣ дворца
города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя
Великаго Князя Константина Николаевича.

VI.¹⁾

Мысли герцога Сюлли.

(Выдержки изъ его записокъ).

Великій князь Павелъ Петровичъ, во многіе годы своего досуга, въ уединенномъ Павловскѣ²⁾, до воступленія на престолъ, прилежно занимался чтеніемъ, дѣлая выписки изъ любимыхъ авторовъ. Со своей стороны императрица Екатерина II, поддерживая въ сынѣ своемъ эту склонность, перѣдко руководила имъ при выборѣ книгъ, снабжая великаго князя таковыми и изъ собственной своей библіотеки. «Записки Сюлли» принадлежали къ числу этихъ немногихъ избранныхъ сочиненій³⁾ и онѣ же были любимымъ чтеніемъ великаго князя. Вотъ что по по-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 649 — 690; 853 — 884; изд. 1874 г., т. IX, стр. 37 — 56; 277 — 300; 473 — 512; 667 — 684; т. X, стр. 60 — 70; 309 — 320; 549 — 560.

²⁾ Визитка изображаетъ памятникъ основанію этого города въ 1777 г.; памятникъ находится въ Павловскѣ, на берегу р. Славянкъ.

³⁾ См. «Русская Старина», томъ IX, 1874 г., январь, стр. 47 — 48.

воду этой книги говорится въ запискахъ графини Н. Н. Мордвиновой: *) «Будучи еще великимъ княземъ, онъ (Павелъ Петровичъ) подарилъ отцу моему (графу Н. С. Мордвинову) изъ собственной своей библіотеки Записки Сюлли (Les mémoires de Sully), съ везелемъ П. П. подъ императорской короной, въ знакъ искренности своего чувства и сказали: «когда я буду царемъ, ты будешь при мнѣ моимъ Сюлли». «Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ графиня,—книга эта претерпѣла у насъ въ подмосковной при нашествіи французовъ въ 1812 г.»

Максимилианъ де-Бетюнъ герцогъ Сюлли родился въ Рони въ 1560 г. Въ дѣтствѣ былъ сверскимомъ, а въ юности ратнымъ товарищемъ короля Наварскаго, принималъ дѣятельное участіе въ усобицахъ Лиги. Вскорѣ по восшествіи Генриха IV на престолъ, онъ былъ назначенъ супер-интендантомъ (1597) и вполне оправдалъ довѣріе своего государя. Сюлли нашелъ средство ликвидировать громадный государственный долгъ; наполнилъ казну сборомъ недоимокъ; далъ Генриху IV денежные средства вести войны съ Испаніею и Савоіею. И, наконецъ, не взирая на всевозможныя препятствія, искоренилъ многія злоупотребленія, издавна вкравшіяся въ государственную администрацію. Стараніямъ Сюлли Франція была обязана развитіемъ и успѣхами земледѣлія, что хотя и вредило отчасти промышленности мануфактурной, однако же, дало государству богатѣйшіе хлѣбные запасы и многіе милліоны казны. Сюлли тѣмъ удобнѣе было совершать великія преобразованія, что онъ поочередно занималъ высшія государственныя должности, будучи губернаторомъ Баскии, главнымъ инспекторомъ путей сообщенія и дворцовъ, потомственнымъ начальникомъ водныхъ коммуникацій, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-инженеромъ и губернаторомъ Пуату. Обѣ послѣднія должности онъ сохранилъ за собою послѣ смерти Генриха IV (1610) и хотя имѣлъ личныя неудовольствія съ королевою-правительницею Маріею-Медичи, но почти не принималъ никакого участія въ смутахъ, ознаменовавшихъ эпоху этого регентства. Людовикъ XIII пожаловалъ его въ маршалы (1634), уважая въ немъ вѣрнаго друга и сподвижника своего родителя. Сюлли умеръ въ преклонной старости, въ 1641 году. Имя его—самое лестное прозвище, которое только можно дать государственному человеку. Вѣрному своему другу Рони Генрихъ IV обязалъ всею своею славой. Неподкупный, благородный, безстрашный Сюлли былъ не только совѣтникомъ, но весьма часто и руководителемъ своего державнаго друга. Онъ велъ борьбу и съ его врагами, и съ многочисленными его фаворитами, видя въ каждой изъ нихъ позорное пятно царствованія Генриха. Генриху IV вѣрный Сюлли высказывалъ въ глаза самыя горькія истины и король всегда умѣлъ ихъ выслушивать; скупой во всѣхъ дѣлахъ случаяхъ, когда дѣло шло о какой-нибудь пустой забавѣ Генриха IV,—Сюлли не жалѣлъ денегъ, если съ затратою соединялась выгода государства или величіе короля. Записки Сюлли (les Economies royales), помимо ихъ историческаго значенія, весьма любопытны, какъ заключающія въ себѣ многія правила и афоризмы, вполне достойныя вниманія.

Выписки дѣланы въ небольшую тетрадь и сохраняются въ числѣ прочихъ бумагъ великаго князя Павла Петровича въ Библіотекѣ дворца города Павловска. Ред.

*) «Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ». Спб. 1873, стр. 21.

Томъ I, стр. 65. Добродѣтель, вслѣдствіе постояннаго ей служенія, должна до такой степени обращаться въ привычку, чтобы никакое добродѣтельное дѣяніе никогда не казалось тягостнымъ и чтобы, — въ случаѣ необходимости все спасти путемъ преступленія, или всего лишиться вслѣдствіе добраго дѣла, — сердце даже и не вѣдало внутренней борьбы между склонностью и обязанностью.

Стр. 148. Всѣ слова великаго государя должны до такой степени быть ненарушими, чтобы не было повода даже и къ мысли — сомнѣваться въ его честности.

Стр. 157. Горе тому государю, который на столько безразсуденъ, что не въ состояніи скрывать своей ненависти къ людямъ, служба которыхъ становится для него необходимою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ въ пользу добродѣтели, что уваженіе къ ней самая несомнѣнная порука за успѣхъ въ важнѣйшихъ предпріятіяхъ. Мудрость, справедливость, благоустройство, порядокъ, храбрость, счастье порождаются добродѣтью въ вышеупомянутой послѣдовательности; таково сцѣпленіе дѣяній истинно великихъ людей. Инымъ путемъ шествуютъ несправедливо украшающіеся этимъ прекраснымъ именемъ: въ ихъ дѣяніяхъ видимъ, напротивъ, дерзость и упрямство — спутниковъ слѣплаго честолюбія; упоеніе могуществомъ; суетную увѣренность въ своихъ дарованіяхъ; кичливость при удачѣ и всѣ послѣдствія лести, обыкновенно никого не поработящей такъ могущественно, какъ этихъ мнимыхъ героевъ, воображающихъ, будто они рождены поработить весь міръ.

Стр. 182. Люди, по бѣльшей части, дорожатъ своими обязанностями, обществомъ и родствомъ, ради надеждъ и выгодъ — отнюдь не по влеченію къ добрымъ дѣламъ, къ честности и добродѣтели.

Стр. 228. Въ какія тревоженія способенъ впасть государь нерѣшительный, робкій и лѣнливый! Для государства нѣтъ ничего хуже характера нерѣшительнаго. Въ трудныхъ обстоятельствахъ не должно предоставлять все на волю случая, или все отнимать у него; но избравъ цѣль, по разумномъ и холодномъ размышленіи, надобно стараться направить всѣ свои дѣйствія къ ея достиженію. Не слѣдуетъ также покупать необходимаго мира, или спѣшить его заключеніемъ; особенное же стараніе прилагать къ тому, чтобы умы подданныхъ не оставались въ сомнѣніи между миромъ и войною.

Стр. 228. Недостатокъ, свойственный умамъ, способнымъ только на мелкія, ничтожныя интриги, и вообще тѣмъ, въ которыхъ болѣе живости, нежели здравомыслія, — представлять себѣ ближайшіе предметы въ ослѣпительномъ свѣтѣ, отдаленные же видѣть сквозь туманъ.

Нѣсколько мгновений, нѣсколько дней — вотъ въ чемъ для нихъ состоитъ вся будущность.

Стр. 233. Часто сухая бездѣлица, ничтожность, производять дѣйствія, обыкновенно приписываемыя инымъ, важнѣйшимъ причинамъ.

Стр. 272. Перевороты, совершающіеся въ великихъ государствахъ, отнюдь не дѣло случая, или слѣдствіе прихоти народовъ. Ничто такъ не возмущаетъ вельможъ въ государствѣ, какъ слабое и безпорядочное правленіе. Что же касается до народа, онъ возстаетъ не изъ желанія напасть, но по недостатку терпѣнія переносить страданія.

Стр. 346. Поражая внезапною, храбростю, одушевленная славою и затрудненіями, помогаетъ меньшинству противъ массы и тѣмъ почти уравниваетъ стороны.

Стр. 363. Случается видѣть государей, способныхъ воздавать добромъ за добро и быть благодарными; но, какъ рѣдко это чувство усиливается, или только сохраняется при счастіи!

Томъ II, стр. 14. Нельзя слишкомъ полагаться на руку того, чье сердце намъ не принадлежитъ.

Стр. 99. По успѣху нельзя было бы вѣрно судить о достоинствахъ и дарованіяхъ, еслибы, въ тоже время, мѣрилами успѣху не служили препятствія.

Стр. 210. Истинно достойнымъ престола оказывается тотъ, кто умѣетъ преодолевать въ себѣ склонность и естественное стремленіе взойти на престолъ.

Стр. 219. Для успѣшныхъ переговоровъ о политическихъ дѣлахъ, нѣсколько затруднительныхъ, надобно приѣтливо обходиться со всѣми; мало общать; дѣлать видъ, что желаешь кончить, слагая всю вину въ промедленіи на препятствія, и прилежно трудиться надъ ихъ отстраненіемъ.

Стр. 220. Разница между торопливостю и быстротою въ томъ, что послѣдняя, подобно первой, врагъ бездѣлствія и лѣни, не дѣлаетъ, однакоже, ни единого шагу безъ совѣщанія съ разсудкомъ; при всемъ томъ, въ практической жизни, одну съ другою почти ежеминутно смѣшиваютъ.

Стр. 228. Отъ снисходительности къ государю до лести весьма ничтожное разстояніе.

Стр. 266. Мужество возвышаетъ сердце, придаетъ ему великодушія и наполняетъ благородною гордостью, которая ничто иное, какъ чувство сознанія своего достоинства, не имѣющее ничего общаго съ низкимъ тщеславіемъ и съ напыщеннымъ самообожаніемъ. Человѣкъ прямой искренъ и правдивъ; не способенъ ни на хитрость, ни на коварство; уступчивъ разсудку и справедливости. Тому, кто

соединяетъ мужество съ прямодушiемъ, иногда бываетъ свойственъ одинъ только порокъ — вспыльчивость.

Стр. 278. Женщинамъ ничего не значить обшцать хранить тайну, потому что ихъ вообще обвиняютъ въ дурномъ храненiи тайнъ.

Стр. 307. Бываютъ обстоятельства, при которыхъ самое счастливое намѣренiе превращается во вздорное и неисполнимое — по свойству препятствiй, по различiю духа и характера народовъ, по складу законовъ, ими принятыхъ, и по долгому ихъ владычеству, налагающему на законы послѣднюю печать. Только время и долгiй опытъ способны исцѣлить недостатки въ обычаяхъ государства съ установленнымъ образомъ правленiя, что должно быть всегда по образцу его первобытныхъ узаконенiй. Это до такой степени вѣрно, что каждый разъ, когда государство ведется иными путями, противоположными его основнымъ законамъ, можно быть твердо убѣжденнымъ, что оно недалеко отъ великаго переворота. Впрочемъ, и наилучшiя лекарства не дѣйствуютъ на больныхъ, если они упрямятся ихъ принимать.

Стр. 334. Министръ и всякое должностное лицо совершаетъ вопiющую несправедливость, принимая подарки, которые въ данную минуту, или впоследствии, но всегда приведутъ къ ущербу королю или ко вреду народу. Если мы не должны полагаться на честность намѣренiй дарящихъ, то еще того менѣе не должны полагаться на самихъ себя, подарки принимающихъ. Приучимъ себя смотрѣть, какъ на двѣ несовмѣстныя, непримиримыя противоположности: на выгоду государя и на нашу собственную; при этомъ замѣтимъ, если дарить самъ государь, то его даянiя должны быть на столько щедры, чтобы мы не имѣли повода къ жалобамъ, коль скоро убѣдимъ его, что иныхъ доходовъ у насъ нѣтъ. Но горе въ томъ, что привычка считать деньги и пропускать чрезъ свои руки громадныя суммы, почти всегда, нечувствительно, ведетъ насъ къ тому, чтобы считать за ничто суммы, достаточныя для счастiя и благосостоянiя частнаго лица.

Стр. 341. Невозможно убѣдить честолюбцевъ, что самыя благiя намѣренiя тѣ, которыя соединены съ выгодами посредственными, но вѣрными и никакимъ случаямъ неподверженными.

Стр. 426. Истинно великiй человекъ умѣетъ быть, попеременно и судя по обстоятельствамъ, начальникомъ, или равнымъ; государемъ, или гражданиномъ. Онъ ничего не утратитъ, нисходя на степень человека обменовеннаго, лишь бы въ ея былъ одинаково способенъ къ дѣламъ военнымъ и политическимъ: царедворецъ всегда помнить, что онъ состоитъ при государѣ.

Стр. 435. Хотя люди, одаренные живымъ и сильнымъ воображеніемъ, обыкновенно подвержены двумъ большимъ недостаткамъ: мелочности въ мысляхъ, беспорядку и непостоянству въ намѣреніяхъ, однакоже, ихъ не должно считать за совершенно неспособныхъ къ дѣламъ, потому что имъ нерѣдко удается измышлять средства, ускользающія отъ умовъ холодныхъ и безстрастныхъ; надобно только постоянно наблюдать за ними и направлять ихъ.

Стр. 436. Лысецъ всегда наговорить болѣе, нежели сказать четыре.

Томъ III, стр. 21. У непорочности есть нѣкоторыя нѣмныя доказательства, въ которыхъ трудно обмануться.

Стр. 26. По какой роковой случайности знанія, приобретаемыя однимъ вѣкомъ, обширнѣйшія сравнительно со знаніями вѣковъ предъидущихъ, никогда не служатъ на пользу добродѣтели, а только для утонченности порока?

Стр. 94. Первый законъ для государя—соблюденіе всѣхъ законовъ. Выше его самого два повелителя: Богъ и законъ. Правосудіе должно возсѣдать на престолѣ; кротость должна быть прочнѣйшею его опорой. Богъ—истинный властитель царствъ; цари, будучи только правителями, своими качествами и совершенствами должны олицетворять народамъ Того, чьи они намѣстники; царствовать, подобно Ему, они могутъ только тогда, когда будутъ отцами своихъ подданныхъ.

Въ государствахъ монархическихъ-наслѣдственныхъ существуетъ заблужденіе, которое также можно назвать наслѣдственнымъ: оно состоитъ въ томъ, что государь властенъ въ жизни и въ имуществѣ всѣхъ своихъ подданныхъ и немногими словами: мнѣ такъ угодно, избавляется отъ отчета въ причинахъ своихъ поступковъ, можетъ даже и вовсе не имѣть никакихъ причинъ. Если такъ, то можетъ-ли что быть неосторожнѣе, какъ возбуждать къ себѣ ненависть въ тѣхъ, кому государь ежеминутно принужденъ ввѣрять свою жизнь? И не есть-ли это несчастіе—насилъственно пользоваться правомъ, заявляя при томъ, что оно будетъ употреблено во зло?

Что касается до подданныхъ, первый законъ, налагаемый на нихъ, какъ религію, такъ природою и разсудкомъ, есть, безспорно,—послушаніе. Они должны уважать, бояться, чтить своихъ государей, будто изображающихъ Всевышняго, какъ-бы пожелавшаго въ ихъ лицѣ явиться на землѣ, подобно тому, какъ на небесахъ, Онъ проявляется въ совершеннѣйшихъ свѣтилахъ. Подданные обязаны питать эти чувства къ государямъ изъ признательности за спокойствіе и за всѣ тѣ блага, которыми они пользуются подъ покровомъ царскаго имени. Въ виду несчастія имѣть царя несправедливаго, надмен-

наго, жестокаго, у подданныхъ одно только средство: царя укрощать покорностью, Бога—умилостивлять молитвою. Всѣ будто-бы справедливыя причины сопротивляться царямъ, въ сущности—если ихъ пристально поразсмотрѣть—ничто иное, какъ предлоги измѣны, тонко закрашенные; этими путями никогда ни исправляли царей, ни избавлялись отъ налоговъ.

Стр. 101. Непомѣрное уваженіе къ древности, ложная мысль о послѣдствіяхъ удаленія отъ старины, мало обдуманнѣй выводъ изъ событій минувшихъ, недостатокъ болѣе ясныхъ и вѣрныхъ воззрѣній на будущее—въ чемъ, къ несчастію, не хотятъ сознаться—вотъ причины увѣковѣченія старинныхъ злоупотребленій. Говорятъ: не должно ничего измѣнять въ законахъ и въ обычаяхъ. Я большой приверженецъ этого правила, кромѣ того случая, когда польза,—а еще того болѣе—необходимость требуютъ, чтобы отъ него отступили.

Стр. 108. Одно изъ главнѣйшихъ правилъ монархическаго правленія заключается въ томъ, чтобы государь всего болѣе остерегался доводить своихъ подданныхъ до неповиновенія ему, не только на дѣлѣ, но даже и на словахъ.

Стр. 312. У царей въ добрыхъ подданныхъ никогда не бываетъ недостатка, въ царяхъ же случается недостатокъ у добрыхъ подданныхъ. Величайшая трудность будетъ всегда заключаться въ обрѣтеніи государя, который не искалъ бы въ своемъ совѣтѣ министра по своему вкусу и прихотямъ; который, соединяя великую мудрость съ великою прозорливостью, взялъ бы на себя заботу призывать на главныя должности только тѣхъ, которые извѣстны ему, какъ обладающія богатымъ запасомъ пркомы, здраваго смысла и способностей; наконецъ, который будучи самъ съ дарованіями, не завидовалъ бы имъ въ другихъ. Эта зависть къ чужимъ достоинствамъ—въ государѣ, полагающему, что онъ есть и въ немъ, въ извѣстномъ смыслѣ приносятъ государству болѣе вреда, нежели ему приносятъ пользы ненависть къ нѣкоторымъ порокамъ.

Стр. 327. Государя подлежать отвѣтственности предъ судомъ Бога, судящаго о войнахъ, къ несчастію государей-воителей, не по правиламъ сихъ послѣднихъ.

Стр. 384. Состояніе, въ которомъ долженъ находиться каждый разсудительный человѣкъ, имѣвшій важныя причины къ огорченіямъ, должно заключаться въ томъ, чтобы онъ не оуждалъ, не одобрялъ ихъ; не вызывалъ воспоминаній о минувшемъ, но и не предавалъ его забвенію.

Томъ IV, стр. 243. У самыхъ добрыхъ государей бывають минуты недовѣрчивости и дурнаго расположенія духа. Иногда одной

подобной минуты достаточно, чтобы погубить самого могучаго министра.

Томъ V, стр. 172. Любовники никогда съ такой охотою не восхваляютъ своихъ любезныхъ, какъ высказавъ о нихъ всевозможное зло.

Стр. 241. Благоразуміе — качество, несвойственное человѣку съ нечистой совѣстью.

Стр. 292. Добрыя нравы и хорошія узаконенія взаимно образуютъ другъ друга. Къ несчастію для насъ, это отрадное сочетаніе одного съ другимъ замѣтно только тогда, когда нравственная порча и въ то же время злоупотребленія достигаютъ высочайшей степени; такъ что у людей въ величайшемъ злѣ всегда скрываются начатки добра.

Стр. 330. Въ политикѣ время дать все, когда умѣешь его дожидаться.

Стр. 392. Должно быть, для зависти нѣтъ ничего завѣтнаго, коль скоро она можетъ принудить себя даже хвалить другихъ. Она не только хвалитъ того, кого внутренно ненавидитъ, но еще могла бы въ этомъ случаѣ дать уроки и самой лести.

Стр. 436. Благодарность — добродѣтель, несвойственная царедворцу.

Маріанталъ, построенный въ 1778 г., крѣпость Бибъ въ городѣ Павловскѣ.

СКАЗАНІЯ ИНОЗЕМЦЕВЪ О РОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Кавалеръ д'Эонъ и его пребываніе въ Петербургѣ.

Исторія восемнадцатаго столѣтія, особенно во второй половинѣ его, богата не только событіями, имѣвшими огромное значеніе для всего человѣчества, но и передовыми, замѣчательными личностями, принимавшими участіе въ этихъ событіяхъ, то какъ явные, главные двигатели ихъ, то какъ закулисные дѣятели, направлявшіе къ извѣстной цѣли дипломатическія интриги. Между этими корифеями, вліявшими на историческія событія, вращалось не мало второстепенныхъ лицъ, не имѣвшихъ прямого вліянія на ходъ дѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, игравшихъ видную роль въ политической комедіи своего вѣка.

Къ числу такихъ лицъ, безспорно даровитыхъ и замѣчательныхъ, принадлежитъ и кавалеръ д'Эонъ, тайный дипломатическій агентъ французскаго двора въ Петербургѣ и Лондонѣ. Уже одно, довольно продолжительное пребываніе его въ нашей столицѣ и сношенія съ нашимъ дворомъ, заставляютъ обратить на него вниманіе; но судьба его до того любопытна и загадочна, что онъ сдѣлался, въ иностранной литературѣ, предметомъ продолжительныхъ и многочисленныхъ изслѣдованій; о немъ написано много томовъ; современные ему составители „мемуаровъ“ и хроникеры послѣдующей эпохи посвящаютъ ему цѣлыя главы въ своихъ запискахъ. Странную, загадочную жизнь его рассказываютъ англійскіе и нѣмецкіе историки, не говоря уже о его соотечественникахъ — французахъ.

Въ интересѣ, возбужденномъ этою личностью, принадлежащею все-таки къ авантюристамъ, которыми такъ богатъ XVIII-й вѣкъ, болѣе всего участвовало, конечно, обстоятельство, до сихъ поръ еще не вполне разъясненное, и, дѣйствительно, весьма странное, именно то, что д'Эонъ почти пол-жизни своей ходилъ въ женскомъ платьѣ и считался женщиною. Двойственная роль, играемая этимъ лицомъ, безъ со-

мнѣнія, обратила на него общее вниманіе гораздо болѣе своею таинственностью и отчасти скандальностью положенія, чѣмъ его значеніемъ и заслугами, которыя, однако, были немаловажны; но эта же двойственность породила такое множество нелѣпныхъ и преувеличенныхъ разсказовъ о кавалерѣ д'Эонѣ; что въ нихъ не всегда легко отличить правду отъ вымысла. А знать правду все-таки любопытно, и намъ, русскимъ, легче дойти до нея, разобравъ безпристрастно и критически все, что писали о немъ французы, — большіе охотники возводить на пьедесталь важдаго изъ своихъ соотечественниковъ и украшать его всевозможными доблестями. Поэтому мы сочли неизлишнимъ разсказать, во всякомъ случаѣ, интересную жизнь этого искателя приключеній, очистивъ ее отъ всѣхъ преувеличеній и прикрасъ, обративъ преимущественно вниманіе на его сношенія съ Россіей, куда, въ эту эпоху, стремились всѣ авантюристы, искавшіе денегъ, карьеры и „случая“. Пребываніе при петербургскомъ дворѣ такихъ личностей, какъ д'Эонъ, Казанова, Калиостро, графъ Сен-Жерменъ, представляетъ явленіе, характеризующее ту эпоху и духъ того времени, и историческая хроника не можетъ умолчать о нихъ, такъ какъ они представляютъ одну изъ сторонъ общественной жизни XVIII вѣка, рисуютъ нравы и направленіе его. Не приписывая особаго значенія герою нашего очерка, мы думаемъ, однакоже, что характеристика его, очищенная отъ всего скандальнаго и присочиненнаго какъ самимъ д'Эономъ, такъ и его панегиристами, или черезъ-чуръ довѣрчивыми хроникерами, будетъ не бесполезна, объяснивъ намъ, между прочимъ, дипломатическія отношенія версальскаго кабинета къ петербургскому двору, въ эпоху довольно важную въ нашей исторіи — въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны. На этихъ отношеніяхъ мы остановимся преимущественно, разсказавъ, въ сжатомъ видѣ, всю предъидущую и послѣдующую жизнь д'Эона, знакомство съ которой необходимо для полноты картины эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ этотъ даровитый и замѣчательный авантюристъ.

О д'Эонѣ, какъ мы уже сказали, писано очень много, но и самъ онъ писалъ не мало; при этомъ между его произведеніями есть такія, которыя служатъ оправдательными или объяснительными документами важнѣйшихъ событій его жизни. Изъ этой массы разнородныхъ матеріаловъ выдаются, впрочемъ, немногіе, бросающіе вѣрный и яркій свѣтъ на эту личность. Кромѣ записокъ, современныхъ д'Эону и принадлежащихъ Вашомону, г-жѣ де-Кампанъ, Гриму и др.; еще при жизни д'Эона вышли о немъ записки де-ла-Фортель Пейро-де-Боссоля (de la Fortelle-Peyraud de Beaussol): „*Vie militaire, politique et privée de demoiselle d'Eon de Beaumont, écuyer, chevalier, ci-devant docteur*

en droit, avocat, censeur royal, envoyé en Russie etc. 1779, Paris) и Гоффа (Merkwürdiges Leben des ehemaligen Ritter's von Eon, von G. H. Hoff. Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1780 г.). Еще прежде появились въ печати отдѣльные документы и сборники, относящіяся къ дипломатической карьерѣ д'Эона; замѣчательны изъ нихъ слѣдующіе: „Lettres, mémoires et negociations particulières du chevalier d'Eon avec M. M. les ducs de Praslin, de Nivernois, de Sainte-Foy et Regnier de Guerchy (Лондонъ и Гага, 1764 г., 3 ч.); Pièces, relatives aux lettres du chevalier d'Eon, examen de lettres, mémoires etc. (Лондонъ, 1764 г. и продолженіе этого же сборника 1765 г.: Pièces authentiques pour servir au procès criminel intenté au tribunal du roi d'Angleterre par le chevalier d'Eon contre Cl. Regnier, comte de Guerchy, Bèrlinъ, 1765 г.); Réponse de M-lle d'Eon à M. de Beaumarchais (Римъ, 1778 г.); Pièces relatives au démêlé entre M-lle d'Eon et M. Sagon de Beaumarchais (1778). Но всѣ эти источники не объясняли главнаго вопроса о полѣ д'Эона, разрѣшившагося только послѣ его смерти. Прошло, однако, еще четверть столѣтія, пока всѣ сомнѣнія были окончательно разъяснены. Въ 1836 г. вышли „Записки кавалера д'Эона, обнародованныя въ первый разъ на основаніи бумагъ, доставленныхъ его семействомъ, и официальныхъ документовъ, хранящихся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ“. Составитель этихъ „Записокъ“ былъ молодой французскій писатель Теодоръ-Фредерикъ Гальярде (род. 1805 г.), сдѣлавшійся извѣстнымъ, въ 1832 году, своимъ процессомъ съ Александромъ Дюма, присвоившимъ себѣ его драму „Нельская башня“. „Записки“ эти имѣли такой успѣхъ, что въ томъ же году вышли вторымъ изданіемъ (послѣднее появилось въ 1866 году). Къ сожалѣнію, Гальярде, хотя и принадлежить къ числу добросовѣстныхъ и серьезныхъ писателей (онъ долго жилъ въ Америкѣ и основалъ тамъ газету „Courrier des Etats-Unis“), не могъ воздержаться въ этихъ „Запискахъ“ отъ фразерства, пикантныхъ сценъ и скандальныхъ подробностей; въ разсказѣ его замѣтна также слишкомъ добродушная довѣрчивость ко всему, что повѣствуетъ о себѣ герой его, не отличавшійся вообще скромностью и любившій выставять въ преувеличенномъ видѣ свои заслуги и подвиги; отсутствіемъ критики также сильно страдаютъ эти „Записки“, самая форма которыхъ не можетъ быть названа удачною, такъ какъ Гальярде заставляетъ очень часто д'Эона говорить отъ своего лица, тогда какъ лично имъ описаны только немногіе эпизоды его жизни. Частыя бесѣды съ разными историческими лицами и слишкомъ интимныя отношенія къ нимъ д'Эона также весьма неправдоподобны; многочисленные успѣхи его надъ женщинами очень сомнительны; но всѣ

главные эпизоды его жизни, на сколько это можно провѣрить, исторически вѣрны и, какъ мы уже замѣчали, на столько любопытны, что представляется не бесполезнымъ познакомить читателей съ этою личностью и записками о ней; изъ нихъ, впрочемъ, мы извлечемъ, только самую сущность, отбросивъ всѣ ненужныя, сомнительныя и скандальныя подробности.

I.

5-го октября 1728 года, въ маленькомъ городѣ Іонскаго департамента, Тонеррѣ, славящемся хорошимъ бургонскимъ виномъ, у Луи д'Эона де-Бомонъ, адвоката парламента и управляющаго королевскими имуществами, родился отъ супруги его, Франсуазы де-Шавонсонъ, сынъ. Рожденіе ребенка не сопровождалось никакою таинственностью: по крайней мѣрѣ, двадцать человѣкъ видѣли новорожденнаго, черезъ два дня потомъ овященнаго въ приходской церкви и записаннаго въ церковныхъ книгахъ подъ именемъ Карла-Женеьевы-Луи-Огюста-Андре-Тимоея. Изъ всѣхъ этихъ именъ только одно женское, Женеьева, было дано мальчику въ честь его крестной матери; свидѣтелями подписались три лица, извѣстныя всему городу. Ребенокъ росъ и воспитывался также на глазахъ всѣхъ, чего, конечно, не случилось бы, еслибъ необходимо было почему-либо скрывать его полъ. Онъ былъ отданъ изъ семьи на воспитаніе кормилицы, жившей въ самомъ многолюдномъ кварталѣ. Образование его началось въ городской коллегіи, гдѣ онъ отличался живостью, веселостью и шалостями, за которыя не разъ получалъ отъ священника положенное число розогъ. Изъ жѣстной школы мальчика привезли въ Парижъ, въ коллегію Мазарини, гдѣ дѣти дворянъ, готовившіяся на судебныя должности, довершали свое воспитаніе. Онъ скоро получилъ мѣсто секретаря по судебному вѣдомству, потомъ адвоката при парламентѣ, потомъ званіе доктора гражданскаго и каноническаго права. Въ то же время онъ отличался въ фехтовальныхъ залахъ и занимался литературою. Онъ написалъ двѣ надгробныя рѣчи, помѣщалъ статьи въ журналѣ „*Année littéraire*“, издалъ „Историческій опытъ о финансахъ“ и два тома „Политическихъ разсужденій объ администраціи у древнихъ и новыхъ народовъ“. Черезъ эти труды онъ познакомился со всѣми знаменитостями тогдашняго времени: Вольтеромъ, Шанфоромъ, Мармонтелемъ, Лавло, Кребийономъ, Фрерономъ, Лагарпомъ, Дюкло, Грекуромъ, Берни, Пирономъ и др. Въ то же время онъ свелъ знакомство съ вельможами: герцогомъ Ниверне, занимав-

шимся литературою и дипломатіею, принцемъ Конти, этимъ искателемъ троновъ, Лозеномъ, Дампіеромъ, Сент-Фуа, Безанвалемъ. Между всѣми этими представителями интеллигенціи, богатства, знатности и, надо признаться, распущенности нравовъ, скромный провинціалъ игралъ довольно странную роль. Онъ очень походилъ на женщину. Когда ему было десять лѣтъ, онъ, шутя, наряжался въ платье своей сестры, и тогда всѣ принимали его за дѣвочку. Талія его была чрезвычайно тонка, руки и ноги крошечныя; въ двадцать лѣтъ у него были бѣлокурныя волосы, голубые глаза, нѣжная, прозрачная кожа, тонкіе пальцы, борода не росла, легкій пухъ покрывалъ розовыя щеки. Темпераментъ его былъ самый флегматическій, и даже насмѣшки пріятелей надъ его апатіею и безчувственностью не могли пробудить въ немъ влеченія къ чувственнымъ наслажденіямъ. Онъ самъ сознается въ этомъ, въ письмѣ къ герцогу Брольи (отъ 7-го мая 1771 г.), гдѣ говоритъ, что всегда былъ очень холоденъ и нерасположенъ къ удовольствіямъ—и это было одною изъ причинъ, что его многіе считали женщиною. Посреди этого распутнаго общества, д'Эонъ былъ недоволенъ тѣмъ, что сама натура не позволяла ему увлечься и броситься за всѣми въ водоворотъ сатурналіи.

Какимъ образомъ д'Эонъ, въ эту эпоху (1755 г.), сдѣлался извѣстенъ при дворѣ Людовика XV? Самъ онъ рассказываетъ довольно неправдоподобную и скандальную исторію на балу, куда его привезла, въ женскомъ платьѣ, первая возлюбленная его, графиня Рошфоръ, и гдѣ онъ близво сошелся съ маркизою Помпадуръ и королею. Конечно, въ ту эпоху, когда раздуренный, завитый, напомаженный абатіиъ Верни, съ его крошечной фигуркой и еще болѣе крошечнымъ талантомъ писать галантерейныя стинки, послѣ мадригаловъ маркизѣ Помпадуръ, дѣлался ея счастливымъ обожателемъ, а потомъ министромъ и, недовольный этимъ, являлся счастливымъ обожателемъ Маріи-Луизы-Елисаветы Бурбонской, дочери Людовика XV, которая сдѣлала его кардиналомъ, въ эту невѣроятную эпоху всеобщей распущенности были возможны всякія неожиданныя возвышенія; но чтобы король, при всемъ его нравственномъ паденіи, позволилъ себя одурачить двадцатисемилѣтнему повѣсѣ въ женской юбкѣ и еще награждать его за это, чтобы на такую шутку рѣшились уговорить д'Эона такіе придворные, какъ грязный, но низкоповеленный Дюбарри, Лораге и Сент-Фуа,—все это, повторяемъ, черезъ-чуръ неправдоподобно и неестественно. Д'Эона могли просто представить всемогущей фавориткѣ, а она рекомендовала его королю, какъ человѣка, пригоднаго для исполненія всякаго рода дипломатическихъ порученій. Сходство же д'Эона съ женщиною могло дать поводъ къ отправленію его тай-

нынѣ дипломатическимъ агентомъ, помимо его способностей, еще не выказавшихся на этомъ поприщѣ, и единственно вслѣдствіе протекцій и интригъ, господствовавшихъ въ ту эпоху во Франціи. Въ числѣ покровителей д'Эона былъ принцъ Конти, изъ младшей линіи дома Кондэ, храбрый воинъ, но большой интриганъ. Дѣдъ его былъ женатъ на дочери Людовика XIV и Лавальеръ—отецъ—былъ кандидатомъ на польскій престолъ, и сыну хотѣлось тоже сдѣлаться королемъ. Поэтому, зная, что дворъ намѣренъ отправить агента въ Петербургъ для возобновленія сношеній съ Россією, Конти рекомендовалъ Людовику XV д'Эона съ тѣмъ, чтобы онъ въ тоже время дѣйствовалъ въ интересахъ принца и приготовилъ почву для искательствъ его въ Польшѣ. А политическое положеніе Европы было въ то время такое, что допускало возможность большихъ переворотовъ.

Со времени послѣдней войны, возникшей по смерти императора Карла VI, прошло только семь лѣтъ, дочь его выдержала съ честью эту войну почти противъ всей Европы. Фридрихъ II счумѣлъ вовлечь въ эту войну и Францію, или скорѣе, кардинала Флѣри, управлявшаго ею; потомъ, король Пруссій неожиданно, заключилъ отдѣльный миръ съ Маріей-Терезіей, получивъ за это Силезію, и оставилъ Францію вѣдаться какъ ей угодно съ Австрією. Ахенскій трактатъ прекратилъ военныя дѣйствія только на время; ихъ вскорѣ же начала Англія,—этотъ вѣковой врагъ Франціи, напавъ на отдаленныя французскія колоніи и завоевавъ Канаду. Австрія, принужденная отдать Пруссіи богатую провинцію, собиралась съ силами и помышляла только о томъ, какъ бы снова отнять ее у Фридриха II, который, опасаясь, что его принудятъ возвратить добычу, помышлялъ о томъ, какъ бы вознаградить себя чѣмъ-нибудь въ Саксоніи, король которой, сидѣвшій въ тоже время и на польскомъ тронѣ, былъ далеко отъ своего королевства и, кромѣ того, близокъ къ смерти. Франція, у которой въ это время Англія захватила почти всѣ корабли (до 300), болѣе другихъ державъ нуждалась въ союзникахъ. Прежде всего ея дипломаты хотѣли обратиться къ Фридриху II, но онъ поступилъ съ нею такъ нецеремонно въ послѣднюю войну, что положиться на него было опасно. Къ тому же, онъ далъ прозваніе Помпадуръ—Юба II (Cotillon II), подразумѣвая подъ первую—Людовика XV, а о стихахъ министра-кардинала Берни говорилъ, что въ нихъ царствуетъ „безплодное изобиліе“ (sterile abundance)—и этого было довольно, чтобы Франція, управляемая плохимъ стихотворцемъ и мстительною куртизанкою, сдѣлалась врагомъ Пруссіи. Съ Австрією французы были во враждѣ почти двѣсти лѣтъ и, со временъ Ришелье, считали ее своимъ

врагомъ. Испанія не хотѣла выходить изъ нейтральнаго положенія. Польшу раздирали внутреннія несогласія и интриги ея собственныхъ гражданъ. Тогда Франція задумала обратиться къ Россіи, съ которою, въ теченіи четырнадцати лѣтъ, дипломатическія сношенія были почти совершенно прерваны: державы эти не старались скрывать своего нерасположенія другъ къ другу.

Восшествію на престолъ Елисаветы много содѣйствовали, какъ извѣстно, два француза: посланникъ Ла-Шетарди и докторъ Лестоукъ, но оба они потеряли свою силу и значеніе вскорѣ же по воцареніи императрицы. Новый любимецъ ея, Бестужевъ-Рюминъ, сталъ во главѣ управленія, выслалъ изъ столицы посланника, а Лестова отправилъ въ ссылку, гдѣ онъ пробылъ до воцаренія Петра III. Ла-Шетарди, вернувшись во Францію, распускалъ невыгодные слухи объ императрицѣ; они, конечно, дошли до Елисаветы, и когда французскій дворъ имѣлъ неосторожность, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, дать снова изгнанному послу дипломатическое порученіе въ Россію, Бестужевъ приказалъ безъ церемоніи выпроводить его за границу. Ла-Шетарди началъ требовать возмездія за такое обращеніе съ посломъ, но версальскій кабинетъ чувствовалъ свою слабость, старался заискивать у Россіи, и такъ какъ оскорбленный посоль слишкомъ громко выражалъ свое негодованіе, то его заперли въ крѣпость Монпелье. Это не смягчило, однако, русскаго канцлера и онъ продолжалъ враждебно относиться къ Франціи, питая полную симпатію къ Пруссіи и Англій. Извѣстно, что онъ получалъ даже отъ послѣдней значительныя денежныя субсидіи.

Несмотря на нескромные рассказы Ла-Шетарди, Елисавета лично была расположена къ Франціи и французамъ. Въ ея молодые годы, какъ извѣстно, существовалъ планъ—выдать веза Людовика XV. Англійю она не любила, а Фридрихъ II преслѣдовалъ ее насмѣшками не меньше, чѣмъ Людовика и его фаворитовъ, поэтому нерасположеніе русскои императрицы къ прусскому королю было очень естественно. Франція знала это, и не разъ уже пробовала возобновить дипломатическія сношенія съ петербургскимъ дворомъ, отправленіемъ къ нему тайныхъ агентовъ, съ собственноручными письмами французскаго короля къ Елисаветѣ Петровнѣ. Но Бестужевъ-Рюминъ учредилъ на границахъ имперіи таковой строгій надзоръ, что агентамъ не удавалось проникнуть въ Россію. Только одинъ изъ нихъ, Валькруассонъ, успѣлъ пробраться въ Петербургъ, но вскорѣ же былъ узнанъ, схваченъ и запертъ въ Шлисельбургскую крѣпость, гдѣ сидѣлъ больше года, когда маркиза Помпадуръ подала Людовику мысль, что только женщина можетъ обмануть бдительность канцлера и проникнуть ко двору Елисаветы.

Д'Эонъ, очень похожій на женщину, былъ выбранъ для этой маскарадно-дипломатической интриги, и охотно принялъ на себя не совсемъ безопасное порученіе. Но для успѣшнаго исполненія его, необходимо было имѣть спутника, тоже иностранца и который не внушалъ бы опасенія. Принцъ Конти отыскалъ въ Парижѣ шотландскаго дворянина Дугласа, потомка дома Макензи, оставившаго Англию изъ ненависти къ притѣснителямъ его родины. Дугласъ зналъ хорошо минералогію, что могло служить предлогомъ къ путешествію съ ученою цѣлью, хотя и безъ того извѣстная страсть англичанъ къ волямъ объясняла экскурсію въ Петербургъ, и они не могли быть подозрительны въ русской столицѣ. Шотландцу было поручено доставлять свѣдѣнія объ имперіи и столицѣ. „Дѣвица де-Бомонъ“, провинувъ ко двору, должна была сообщать о придворныхъ интригахъ.

Это былъ уже не первый опытъ отправленія тайныхъ агентовъ къ иностраннымъ дворамъ. Людовикъ XV содержалъ подобныя миссіи при всѣхъ главныхъ державахъ. Любопытіе всего, что обыкновенные посланники и даже министры, назначенные фавориткою, часто и не подозрѣвали существованія этихъ агентовъ, сносившихся прямо съ королемъ, черезъ своихъ курьеровъ, писавшихъ особымъ секретнымъ шифромъ, извѣстнымъ только одному Людовику, выбранныхъ иногда между врагами фаворитки, которой, въ свою очередь, придворные шпионы передавали свѣдѣнія о каждомъ шагѣ короля. Эта система обоюднаго шпионства, подсматриваній, подслушиваній, секретныхъ доносовъ, тайныхъ сношеній, „полиціи въ полиціи“, была такъ развита при французскомъ дворѣ, что проникнуть ее и распутать было совершенно невозможно. Самыя высокопоставленныя лица не считали для себя унизительнымъ наблюдать за кѣмъ-нибудь и доносить королю или фавориткѣ. У Людовика были даже свои секретные министры, которые сносились съ секретными агентами, что еще болѣе запутывало дипломатическія интриги и сношенія. Такими министрами, въ эту эпоху, были графъ де-Брольи — посланникъ Франціи при польскомъ дворѣ, принцъ Конти и Терсье, управлявшій иностранными дѣлами. Имъ король сообщилъ объ отправленіи д'Эона въ Россію, тогда какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Рулье, зналъ только объ отъѣздѣ туда Дугласа-Макензи, который и долженъ былъ официально писать въ министерство свои донесенія, въ то время какъ д'Эонъ сносился тайно и прямо съ Людовикомъ, Конти и Помпадуръ. Сверхъ того, д'Эонъ долженъ былъ попытаться: нельзя-ли возобновить кандидатуру принца Конти на польскій престолъ; положено было даже сдѣлать косвенные запросы, касательно возможности для этого искателя не-

вѣсть и троновъ—предложить свою руку сорокашестилѣтней императрицѣ; въ крайнемъ случаѣ, д'Эонъ долженъ былъ хлопотать для принца хоть о Курляндскомъ герцогствѣ, бывшемъ тогда вакантнымъ, или о званіи главнокомандующаго русской арміи. Объ этихъ планахъ не былъ извѣщенъ даже Брольи, пользовавшійся полною довѣренностью Людовика; ихъ знали только: король, Помпадуръ, д'Эонъ, Дугласъ и секретарь принца Кюти, Монень.

Въ началѣ іюня 1755 года, это странное посольство отправилось въ Россію. д'Эонъ везъ съ собою полный дамскій туалетъ, Дугласъ, полныя инструкціи, въ которыхъ ему предписывалось слѣдующее:

Для того, чтобы не возбудить толковъ и любопытства, онъ долженъ былъ проѣхать черезъ Швабію въ Богемію, гдѣ осмотритъ рудники, такъ какъ минералогическія изслѣдованія составляютъ предлогъ путешествія; оттуда, черезъ Саксонію, гдѣ онъ точно также осмотритъ фрейбергскія рудоконни, онъ отправится въ Пруссію и Курляндію; въ этомъ герцогствѣ онъ остановится для отдыха, и постарается разузнать, что думаетъ курляндское дворянство о ссылкѣ своего герцога, и кѣмъ думаетъ замѣнить его русское правительство. Предписывалось также узнать подробно, какое число войскъ содержитъ Россія въ Курляндіи. Особенная осторожность предписывалась по прибытіи въ Петербургъ, гдѣ, прежде всего, необходимо было развѣдать: число русскихъ войскъ, состояніе флота, положеніе финансовъ и торговли; степень вліянія, которымъ пользуются Бестужевъ-Рюминъ, Воронцовъ, фавориты, министры; о судьбѣ малолѣтняго и свергнутаго императора Іоанна и его отца, герцога Брауншвейгскаго; имѣютъ-ли они сторонниковъ въ Россіи или между иностранными державами; какъ расположенъ народъ къ великому князю Петру Федоровичу, послѣ того, какъ у него родился сынъ Павелъ; какіе виды имѣетъ Россія на Польшу, Швецію и Турцію; готовится-ли Россія къ войнѣ; какъ расположены къ ней казаки и проч.

Всѣ эти свѣдѣнія Дугласъ, конечно, не долженъ былъ сообщать черезъ обыкновенную почту, а если можно, черезъ Швецію, и не иначе какъ въ условныхъ выраженіяхъ, въ основу которыхъ должна быть положена переписка о покупкѣ мѣховъ. Такъ, англійскій посланникъ, Вильямсъ, будетъ называться „черной лисицей“, и сообщенія о томъ, падаетъ онъ въ цѣнѣ или поднимается—будутъ означать степень его вліянія при дворѣ; выраженіе „горностаи въ ходу“—будетъ значить, что русская партія преобладаетъ, а иностранцы не пользуются вліяніемъ; если же австрійская партія, къ которой принадлежитъ Бестужевъ, возьметъ верхъ, тогда напишутъ, что „волчьи шкуры также въ цѣнѣ“; „соболь падаетъ“—будетъ означать, что

вліяніе канцлера уменьшается; число войскъ въ тысячахъ — будетъ показано количествомъ мѣховъ въ единицахъ; если нельзя будетъ ничего достигнуть, посланникъ сообщитъ, что здоровье его плохо; если ему необходимо будетъ вернуться — увѣдомитъ, что мѣха уже куплены и т. п. Д'Эону врученъ былъ особый шифръ, которымъ онъ долженъ былъ переписываться съ королемъ.

Тайные агенты слѣдовали предписанному имъ маршруту. Дугласъ былъ чрезвычайно любезенъ со своею спутницею, причѣмъ она, несмотря на свой женскій костюмъ, сопровождала его при всѣхъ осмотрахъ рудниковъ и изучала минералогію. Дугласъ, изъ Саксоніи, заѣхалъ только въ Нейстрелицъ, къ герцогу Мекленбургъ-Стрелицкому, знавшему его лично, и попросилъ у него рекомендательныхъ писемъ въ Петербургъ; онъ представилъ д'Эона, какъ свою племянницу, и авантюристъ познакомился съ одною изъ молодыхъ герцогинь Софіей-Шарлотою, которая дала ему письмо къ своей подругѣ, переселившейся въ Петербургъ два мѣсяца тому назадъ. Д'Эонъ называетъ эту особу Надеждою Штейнъ, фрейлиною императрицы. Настоящее-ли это имя — неизвѣстно.

II.

Д'Эонъ прибылъ въ Петербургъ, когда тамъ преобладало вліяніе Англии. Двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, между ею и Россіею заключенъ былъ оборонительный трактатъ. Теперь этотъ трактатъ былъ возобновленъ и въ наступательномъ смыслѣ. Россія обязывалась послать въ Ганноверъ, или другую часть Германіи, пятьдесятъ пять тысячъ войска (45—пѣхоты и 10—кавалеріи) на службу Англии, а та выплачивала за это сто тысячъ ливровъ стерлинговъ ежегодно. Англійскимъ посланникомъ былъ въ Петербургѣ сэръ Вильямсъ Гембори (Hambug). Д'Эонъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени хитромъ, распутномъ, коварномъ. Подозрительный въ высшей степени, даже въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, онъ постановилъ, чтобы ни одинъ англичанинъ не являлся ко двору иначе, какъ представленный самимъ посланникомъ. Надѣясь на то, что Вильямсъ не знаетъ его, Дугласъ явился къ посланнику, но тотъ отказалъ наотрѣзъ представить его императрицѣ и обошелся съ нимъ такъ сухо, что шотландецъ, видя совершенную невозможность войти съ кѣмъ-нибудь въ сношенія, принужденъ былъ вскорѣ же оставить Петербургъ и вернуться во Францію. Д'Эонъ былъ счастливъ; ему удалось въ это время приобрести протекцію графа Михаила Воронцова, вице-канцлера, столько же обходительнаго, учтиваго и внимательнаго, сколько канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ былъ грубъ, рѣзокъ,

недовѣрчивъ. Воронцовъ былъ главою партіи, искавшей союза съ Франціею, и ему-то д'Эонъ вручилъ свои полномочія и собственноручное письмо Людовика XV къ Елисаветѣ; въ то время, когда Бестужевъ и Вильямсъ слѣдили за каждымъ шагомъ Дугласа, оставившаго Россію, Воронцовъ представилъ „дѣвицу де-Вомонъ“ императрицѣ—и та назначила ее своею „чтицею“. Въ этомъ мѣстѣ „Записокъ“ д'Эонъ приводитъ длинную рѣчь Воронцова, объясняющаго французу, что такое Елисавета и ея дворъ, Екатерина, ея супругъ, отношенія ихъ къ Салтыкову, Понятовскому, причѣмъ представляется, въ самомъ неприглядномъ видѣ, ихъ характеры и недостатки. Неестественность такого рода признаній чисто русскаго человѣка, любившаго свое отечество, сдѣланныхъ французскому авантюристу, сама собою бросается въ глаза. Очевидно, что д'Эонъ могъ собрать въ городѣ сплетни, но не услышать отъ Воронцова извѣстія въ родѣ того, что Евдоіи Лопухиной дали двадцать ударовъ кнутомъ и прокололи языкъ горячимъ желѣзомъ, въ то время, когда она была въ послѣднемъ періодѣ беременности, что въ царствованіе Елисаветы, отрѣзаны двѣ тысячи языковъ, двѣ тысячи паръ ушей, столько же носовъ и выколото столько же глазъ. Эти негѣлости повторялись нѣсколько разъ въ иностранной печати, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они были сколько-нибудь основательны. Еще менѣе можно вѣрить разсказу д'Эона о первомъ свиданіи его съ Елисаветою, и о томъ, что она пересказала впослѣдствіи французскому посланнику, маркизу д'Опиталю, какую жалкую роль игралъ въ этомъ случаѣ авантюристъ. Поэтому, оставляя безъ всякаго вниманія всѣ успѣхи его у женщинъ, одержанные имъ въ женскомъ платьѣ надъ дѣвицею Штейнъ, лэди Феррерсъ, мужъ которой, адмиралъ, столько разъ разбивалъ французскій флотъ и влюбился въ д'Эона, принимая его за женщину,—перейдемъ къ его дипломатическимъ подвигамъ. Между тѣмъ замѣтимъ, что писатель Луве-де-Кувре, въ своемъ извѣстномъ романѣ „Chevalier de Faublas“ привелъ цѣлыя сцены изъ похождения д'Эона, котораго зналъ лично, и даже заставилъ своего героя явиться въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ дѣвицы Вомонъ. Повѣствуя подробно о подобныхъ похожденіяхъ д'Эона, авторъ его „Записокъ“ не объясняетъ, однако, почему Елисавета согласилась нарушить союзъ съ Англіею и заключить другой съ Франціею. Чтобы узнать это, мы должны обратиться къ другимъ историческимъ документамъ.

Мы говорили, что когда д'Эонъ прибылъ въ Петербургъ, 6-го августа 1755 г., трактатъ съ Англіею былъ уже заключенъ. Но, заручившись такою союзницею какъ Россія, англійскіе дипломаты сообщили этотъ трактатъ Фридриху II, который понялъ, какая опасность угрожала

ему и поспѣшили, съ своей стороны, заключить съ англичанами союзъ, гарантировавшій обоимъ державамъ ихъ владѣнія на материкѣ Европы. Этотъ трактатъ былъ подписанъ 16-го января 1756 года. Елисавета пришла въ негодованіе отъ такого двуличнаго поступка Англіи и хотя ратификовала, 11-го февраля того же года, трактатъ съ Англіею, но къ нему было прибавлено, по совѣту И. И. Шувалова, одно условіе, уничтожавшее всю сущность трактата, который долженъ былъ имѣть силу только въ случаѣ, если прусскій король нападетъ на владѣнія короля англійскаго или его союзниковъ, — что по смыслу конвенціи Пруссіи съ Англіею дѣлалось уже само по себѣ невозможнымъ. Вскорѣ послѣ того произошло также сближеніе двухъ вѣковыхъ враговъ — Франціи и Австріи. Какъ насмѣшка Фридриха II надъ Помпадуръ и кардиналомъ Берни сдѣлала Францію врагомъ Пруссіи, такъ три слова въ письмѣ австрійской императрицы къ фаворитѣ Людовика помирили Францію съ Австріею. Письмо это убѣдилъ написать Марію-Терезію ея министръ, Кауницъ. Говорятъ, что она три раза опускала перо, не рѣшаясь писать, и что Кауницъ водилъ ея рукою, когда она чертила въ заголовкѣ письма слова: „*ma chère amie*“. Какъ ни дорого стояли гордой дочери Габсбурговъ эти слова, еще дороже стояли они державамъ, заключившимъ вслѣдъ за ними тѣсный союзъ и потерявшимъ въ Семилѣтнюю войну до милліона солдатъ и до миллиарда денегъ. Трактатъ между Австріею и Франціей былъ заключенъ въ томъ же 1756 году, 1-го мая.

Узнавъ объ этомъ, Елисавета, негодуя на Англію, рѣшилась приступить къ союзу двухъ примирившихся державъ и потребовала, чтобы къ ней присланъ былъ отъ версальскаго двора официальный повѣренный, который представилъ бы ей проектъ союзнаго трактата съ Франціей. Она написала собственноручное письмо къ Людовику XV съ выраженіемъ этого желанія и, въ концѣ мая, д'Эонъ выѣхалъ изъ Петербурга съ этимъ письмомъ. Чтобы вознаградить Дугласа за высылку его изъ Россіи, Людовикъ назначилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ при петербургскомъ дворѣ. Д'Эонъ былъ опредѣленъ секретаремъ къ нему, теперь уже подъ настоящимъ своимъ именемъ, какъ братъ дѣвицы Ли-де-Бомонъ. Въ Петербургѣ, конечно, удивлялись поразительному сходству брата съ сестрою, можетъ быть и подозревали истинну, но нието, разумѣется, не смѣлъ высказать ее громко. Вестужевъ-Рюминъ, пораженный переменою въ настроеніи императрицы, не смѣлъ, однако, явно противиться союзу съ Франціей, и русскія войска, собранныя въ Лифляндіи и Курляндіи для того, чтобы идти на помощь Англіи и Пруссіи, получили приказаніе двинуться противъ нихъ же присоединившись къ арміямъ Маріи-Терезіи и Людовика XV. Русскій канцлеръ

надѣялся, впрочемъ, посягнуть несогласія и недовѣрчивость между союзниками и посорить ихъ снова. Предлогъ къ неудовольствіямъ нашелся тотчасъ же: Франція требовала внесенія въ трактатъ—непривкосновенности турецкихъ владѣній, Россія не соглашалась на это. Австрія, въ виду вступленія Фридриха II въ Саксонію (въ августѣ 1756 г.) приняла сторону Россіи. Дугласъ согласился на включеніе въ секретный трактатъ, которымъ гарантировалась Турція, „секретнѣйшей“ статьи, уничтожавшей эту гарантію. Версальскій кабинетъ не согласился ратифицировать эту статью, и д'Эонъ, съ помощью И. И. Шувалова, успѣлъ убѣдить императрицу отказаться отъ нея. Переговоры длились до мая 1757 года. Съ этимъ трактатомъ д'Эонъ отправился снова въ Парижъ; Бестужевъ получилъ приказаніе отъ Елисаветы выдать д'Эону триста червонцевъ на дорогу.

Кромѣ подписаннаго императрицею трактата, д'Эонъ повезъ въ Версаль планъ военныхъ дѣйствій, составленный въ Петербургѣ. Въ Бѣлостокѣ онъ встрѣтился съ маркизомъ д'Опиталь, отправлявшимся посланникомъ къ русскому двору; въ Вѣнѣ посланный сѣхался также съ графомъ Брольи,—посланникомъ при польскомъ дворѣ, который вручилъ Маріи-Терезіи другой планъ кампаніи, составленный въ Парижѣ маршаломъ д'Эстре. Въ то же самое время въ Вѣну пришло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной, 6-го мая, австрійцами надъ Фридрихомъ II при Прагѣ. Д'Эонъ, отправляясь въ Парижъ, поспѣшилъ отъѣздомъ, чтобы скорѣе сообщить и эту новость Людовику XV, но такъ торопился, что по дорогѣ вылетѣлъ изъ экипажа и сильно разбилъ себѣ ногу. Ему сдѣлали наскоро перевязку и онъ, помчавшись впередъ, успѣлъ все-таки предупредить 36-ю часами депешу о томъ же Кауница австрійскому посланнику во Франціи, принцу Штарембергу. Оцѣнивая такое усердіе, Людовикъ послалъ д'Эону своего собственнаго хирурга, значительную денежную награду, чинъ драгунскаго поручика и золотую табакерку со своимъ портретомъ, осыпаннымъ жемчугомъ.

Вмѣстѣ съ трактатомъ, подписаннымъ императрицею Елисаветою Петровною, д'Эонъ, по словамъ составителя его „Записокъ“, привезъ добытый имъ, съ большимъ трудомъ, историческій документъ—завѣщаніе Петра Великаго. Намъ не зачѣмъ распространяться въ доказательствахъ о недѣлности этого мнимаго документа, неизвѣстно кѣмъ сфабрикованнаго. Замѣтимъ только, что онъ сдѣлался извѣстенъ въ Европѣ, дѣйствительно, впервые, въ эту эпоху, въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Д'Эонъ говоритъ впрочемъ, что его правительство не придавало никакого значенія этому документу.

III.

Поврежденная нога заставила д'Эона предпринять серьезное лечение. Между тѣмъ дѣла французской, русской и австрійской коалиціи шли не блистательно. Бестужевъ-Рюминъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы мѣшать успѣхамъ союзниковъ. Русскій фельдмаршалъ Апраксинъ, взявъ Мемель, разбивъ пруссаковъ при Грос-Егерсдорфѣ и вдругъ отступилъ послѣ побѣды на зимнія квартиры, въ Курляндію. Положеніе его было затруднительно между прямыми приказаніями и тайными предписаніями, явно противорѣчившими одни другимъ. Императрица и Воронцовъ требовали сраженій; великій князь-наслѣдникъ и канцлеръ предписывали бездѣйствіе. Фельдмаршалъ не могъ сдѣлать шага безъ того, чтобы не нажить себѣ непріятностей: ему угрожала немилость въ настоящемъ или въ близкомъ будущемъ; побѣды его войска огорчали его, и поэтому онъ предпочелъ остановиться. Это, однакоже, было очень невыгодно для Австріи въ особенности, и она начала заискивать при петербургскомъ дворѣ. Для того, чтобы приобрести расположеніе и великаго князя, обращавшаго, какъ извѣстно, особенное вниманіе на свои голштинскія войска, — Австрія предложила содержать ихъ на военной ногѣ, въ готовности выступить въ походъ, какъ скоро это потребуетъ, и опредѣлила для этой цѣли сто тысячъ франковъ ежегодно (15-го іюля 1757 г.). Бестужевъ-Рюминъ отказался отъ субсидіи Австріи; получая ихъ отъ Англіи, онъ показывалъ этимъ, что держится по убѣжденію одного политическаго принципа.

Какъ непрочно была коалиція Россіи, Франціи и Австріи, основанная не на дѣйствительныхъ народныхъ интересахъ, а на случайномъ сближеніи ихъ правителей и на личныхъ расчетахъ, доказывается тѣмъ, что союзъ между ними каждую минуту могъ нарушиться, вслѣдствіе, повидимому, незначительнаго обстоятельства. 16-го сентября 1757 года, французскій посланникъ въ Россіи писалъ министру Берни, что Дугласъ, возвращаясь въ Россію, везетъ съ собою предложеніе русской императрицы: крестить, выѣсть съ Людовикомъ XV, ребенка, который скоро долженъ родиться у великой княгини. Воронцовъ одинъ зналъ объ этомъ намѣреніи и поручилъ л'Опиталю узнать секретно: пріятно-ли будетъ королю это предложеніе? Воронцовъ прибавлялъ, что когда ея величество изъявила ему это желаніе, онъ замѣтилъ, что крестной матерью можетъ быть также Марія-Терезія, но императрица отвѣчала, что она хочетъ крестить одна съ королемъ. Письмо л'Опиталья поставило министровъ въ большое затрудненіе; они долго думали, спорили о немъ и рѣшили — не сообщать объ этомъ Людо-

вику XV (какъ это положе на державу, въ которой властителю никогда не говорится правды, если она можетъ быть для него неприятна!) Берни отвѣчалъ посланнику, что благочестіе его величества не позволить ему быть духовнымъ отцомъ не католическаго ребенка. И это говорилось о королѣ, который чуть не всякій день нарушалъ самыя священныя законы церкви и нравственности, попиралъ ногами стыдъ и совѣсть! Елисавету могъ оскорбить этотъ отказъ, основанный на такой странной причинѣ и, для разъясненія этого обстоятельства и смягченія неудовольствія императрицы, д'Эонъ былъ въ третій разъ отправленъ въ Россію, въ званіи секретаря посольства. Бестужевъ протестовалъ формально противъ этого назначенія и объявилъ л'Опиталю, что д'Эонъ „человѣкъ опасный и что лично канцлеру будетъ неприятно снова встрѣтить человѣка, способнаго нарушить спокойствіе имперіи“. Несмотря на такое категорическое заявленіе, л'Опиталь торопилъ д'Эона пріѣхать скорѣе, хотя не совѣмъ еще зажившая нога мѣшала ему отправиться въ отдаленное и трудное путешествіе. Онъ, однако, долженъ былъ отправиться по повелѣнію короля.

Вскорѣ, по прибытіи его въ Петербургъ, произошло паденіе Бестужева-Рюмина. Мюнъ-де-Лиданъ, авторъ жизнеописанія д'Эона въ „Biographie générale“, и другіе писатели говорятъ, что паденію этому содѣйствоваль д'Эонъ, добывшій бумаги, компрометировавшія канцлера. Гальярде не упоминаетъ объ этомъ ни слова, а онъ, конечно, не упустилъ бы случая придать еще болѣе значенія своему герою. Но онъ приводитъ любопытную русскую ноту, адресованную маркизу л'Опиталю и врученную всѣмъ дипломатическимъ агентамъ. Такъ какъ она во многомъ отличается отъ выраженій, приведенныхъ въ высочайшихъ манифестахъ, отъ 27-го февраля 1758 г. и 5-го апрѣля 1759 г., помѣщенныхъ въ полномъ собраніи законовъ и объясняющихъ „вины“ канцлера, то мы приводимъ ее въ дословномъ переводѣ, напоминая читателямъ, что подробное изложеніе слѣдствія надъ канцлеромъ Бестужевымъ, напечатано въ „Военномъ Сборникѣ“ 1862 г. (кн. V—VII) и принадлежитъ М. И. Семеvскому.

„Нота для его сиятельства маркиза л'Опитала, французскаго посланника при русскомъ дворѣ“.

„Уже нѣсколько времени императрица имѣла основаніе не довѣрять канцлеру Бестужеву-Рюмину; но увлеченная величіемъ души и естественною слонностью въ милосердію, она довольствовалась, до настоящаго времени, тѣмъ, что слѣдила за его поступками“.

„Наконецъ, ея величество увидѣла съ сожалѣніемъ, что не напрасно подозрѣвала она вѣрность этого человѣка, такъ какъ отерпѣ-

лось множество преступлений, интригъ, происковъ и другихъ черныхъ поступковъ, клонившихся къ тому, чтобы нанести оскорбленіе ея величеству“.

„Чѣмъ болѣе онъ забылъ Бога, свой долгъ, свою присягу на вѣрность, милости и благодѣянія, которыми его осыпала ея величество, не потому, что онъ заслуживалъ ихъ, а единственно вслѣдствіе своей милости и щедрости, тѣмъ болѣе видитъ она себя въ необходимости подавить на время движенія сроднаго ей величія души и, истощивъ терпѣніе, принуждена, наконецъ, прибѣгнуть къ правосудію“.

„Съ этою цѣлью императрица приказала арестовать означеннаго Бестужева-Рюмина, бывшаго канцлера, лишить его всѣхъ его званій и достоинствъ и произвести слѣдствіе надъ его поступками и дѣйствіями его сообщниковъ“.

Въ Савѣтъ-Петербургѣ, 15-го (26) февраля 1758 г.

Между дипломатическими переговорами, д'Эонъ не забылъ и плановъ своего патрона, принца Конти. Онъ извѣщалъ Людовика XV, что имѣетъ надежду выхлопотать для него инвеституру курляндскаго герцогства и званіе русскаго фельдмаршала. Неизвѣстно, до какой степени были основательны эти надежды, какъ вдругъ онъ получилъ приказаніе короля оставить всѣ дальнѣйшіе переговоры по этому предмету и не возвращаться къ нимъ болѣе. Принцъ прогнѣвилъ чѣмъ-то въ Парижѣ маркизу Помпадуръ, и какъ ни унижался потомъ передъ нею, она настояла на томъ, чтобы король не хлопоталъ больше о своемъ родственникѣ. Тѣмъ и кончилось это дѣло. Но за свои услуги д'Эонъ получилъ, послѣ паденія Бестужева, чинъ капитана и пенсію въ 2,400 ливровъ.

Онъ пробылъ въ Россіи до 1760 года.¹⁾ Изъ писемъ его къ Берни и министру иностранныхъ дѣлъ, видно, что ему предлагали остаться въ Петербургѣ, но онъ не согласился на это и отвергнулъ предложеніе въ напыщенныхъ фразахъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Такъ, въ письмахъ этихъ онъ говоритъ, что боится Сибири и прибавляетъ: „*Regnare nolo, dum liber populum*“. Онъ добылъ у доктора императрицы и доктора французскаго посольства, Пуассонье, свидѣтельство о своей болѣзни и необходимости подышать воздухомъ родины

¹⁾ Одновременно съ д'Эономъ, въ концѣ царствованія Елисаветы, былъ при французскомъ посольствѣ, въ Петербургѣ, Мессельеръ, оставившій довольно любопытныя замѣтки о своемъ пребываніи въ Россіи. Выдержки изъ его книги: «*Voyage à St.-Petersbourg*» изд. 1803 г., съ весьма обстоятельными историко-критическими примѣчаніями, напечатаны въ 4-й тетради «Р. А.» 1874 года.

и уѣхалъ, давъ обѣщаніе возвратиться. По его словамъ, канцлеръ Воронцовъ сказалъ ему, прощаясь:

— „Сожалѣю о вашемъ отъездѣ, хотя и первый пріѣздъ вашъ сюда съ кавалеромъ Дугласомъ стоилъ моеѣ государынѣ болѣе двухъ-сотъ тысячъ человекъ и пятнадцать милліоновъ рублей“.

— „Это правда, отвѣчалъ д'Эонъ, но за то государыня эта и ея министры пріобрѣли значеніе и славу, которыя продолжатся до конца вѣковъ“.

Съ окончаніемъ дипломатическихъ похожденій, начались романтическія, которыя, какъ мы уже замѣчали, нельзя вѣрить вполне. Д'Эонъ рассказываетъ, что онъ искренно полюбилъ въ Петербургѣ фрейлину императрицы, сироту Надежду Штейнъ, и хотѣлъ на ней жениться. Для того, чтобы ее отпустили отъ двора, она написала къ своей покровительницѣ, принцессѣ Мекленбургъ-Стрелицкой, чтобы та потребовала ее къ себѣ. Письмо это повезъ д'Эонъ, но чтобы не возбудить подозрѣній, явился въ Стрелицъ въ женскомъ платьѣ, какъ и въ первый разъ. Тотчасъ-же по прибытіи туда, онъ захворалъ довольно серьезно и долго лечился. Принцесса написала письмо къ русской императрицѣ, и д'Эонъ просилъ Надежду пріѣхать прямо въ Парижъ.

Онъ привезъ, впрочемъ, новому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Шуазелю, ратификацію Елисаветы по морской конвенціи между Россіей, Швеціей и Даніей. Но дипломатическая карьера ему уже наскучила. Вся Европа въ то время сражалась. Д'Эонъ перешелъ въ драгунскій полкъ маркиза д'Отишанъ и сдѣлался адъютантомъ маршала Броули. Въ февралѣ 1761 года, онъ получалъ отъ доктора Пуассонъ извѣстіе, что Надежда Штейнъ скрылась изъ Петербурга неизвѣстно куда. Онъ былъ въ это время въ верхне-рейнской арміи, операціи которой были довольно несчастливы и ее окружали войска Фридриха II. Д'Эонъ отличился при Гехстѣ, переплывъ два раза Везеръ подъ пушками непріятели; при Ультропѣ, гдѣ онъ былъ раненъ въ руку и голову, при Эймбекѣ; при Остервицѣ, гдѣ съ сотней драгунъ онъ взялъ въ плѣнъ цѣлый баталіонъ пруссаковъ. Въ это время покровительница его, принцесса Стрелицкая, вышла замужъ за короля Англии, Георга III, и д'Эонъ отправился просить ее вновь написать письмо къ Елисаветѣ, съ просьбою отпустить ее фрейлину. Королева исполнила его желаніе. Отвѣтъ пришелъ уже отъ другой императрицы, супруги Петра III, взшедшаго на престолъ 18-го декабря 1761 года. Екатерина писала, что найдя, въ бумагахъ покойной тетки письмо англійской королевы, она приказала отыскать Надежду Штейнъ, но всѣ старанія были напрасны: особа эта исчезла без-

сѣдно. По нѣкоторымъ признакамъ, она, вѣроятно, умерла на дорогѣ изъ Петербурга въ Сибирь.

Смерть Елисаветы измѣнила ходъ военныхъ событій: русскія войска, сражавшіяся противъ пруссаковъ, присоединились къ нимъ, чтобы сражаться противъ австрійцевъ и французовъ. Но не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ послѣдовавшее затѣмъ низложеніе съ престола Петра III и его кончина дали опять другое направленіе политикѣ: русскія войска были отозваны въ Петербургъ; Австрія и Франція остались однѣ сражаться съ Пруссією и Англією. Франція, потерявшая уже почти всѣ свои колоніи, захваченныя англичанами, прибѣгла къ помощи семейнаго союза, заключеннаго между всѣми Бурбонами. Сторону ея приняла Испанія, но также поплатилась своими колоніями. Семь лѣтъ союза съ Австріей были для Франціи пагубнѣе двухсотлѣтней вражды съ нею. Германія поглощала лучшія силы Франціи. Потребность въ мирѣ сдѣлалась необходимою. Шуазель рѣшился отправить въ Англію, для переговоровъ о мирѣ, герцога Ниверне; герцогъ взялъ къ себѣ секретаремъ д'Эона, которому удалось добыть ультиматумъ Англіи, прежде чѣмъ онъ былъ посланъ во Францію. 10-го февраля 1763 г. миръ былъ заключенъ окончательно. Англія сставляла за собою Канаду и весь сѣверъ Америки; Испанія теряла Флориду, но ей были возвращены: Минорка и Куба; Франція теряла въ Индіи всѣ свои владѣнія на Гангѣ; но ей оставили право рыбной ловли на Нью-Фундлендѣ и возвратили Мартинику, Гваделупу, Пондишери. Въ Германіи Губертбургскій миръ возвратилъ дѣла почти въ то же положеніе, въ какомъ онѣ были до войны. Таковъ былъ конецъ Семилѣтней войны, стоившей столько крови и денегъ. Недовольнѣе всѣхъ была Англія, выпустившая изъ рукъ большую часть своихъ завоеваній. Общественное мнѣніе обвиняло короля въ слабости, королеву—въ интригахъ, принцессу Вельскую и лорда Бюта—въ продажности. Рѣзкій памфлетистъ, скрывавшійся подѣ псевдонимомъ Юніуса, безпощадно клеймилъ министровъ, согласившихся заключить такой миръ; агитаторы, Вильксъ и Мольгрэвъ, явно обвиняли правительство въ неспособности и измѣнѣ англійскимъ интересамъ. Но д'Эонъ уже отвезъ въ Версаль ввѣренный ему Георгомъ III мирный трактатъ, для ратификаціи Людовика XV, и король сдѣлалъ его, 20-го марта, кавалеромъ ордена св. Людовика.

IV.

Миръ, окончившій Семилѣтнюю войну, не удовлетворилъ никого. Мы говорили уже, какъ была имъ недовольна Англія. Франція, хотя и потеряла менѣе, чѣмъ рассчитывала, однако громко роптала на свое

правительство, бывшее причиною войны и потерь. Въ особенности оскорбляло ея національное самолюбіе одно изъ условій мира: скрыть укрѣпленія Дюнкирхена. Людовикъ XV, несмотря на свою апатію и безхарактерность, чувствовалъ униженіе государства и, понимая, что Англія уязвима только на своемъ островѣ, задумывалъ планы вторженія въ Великобританію. Одинъ изъ плановъ былъ составленъ д'Эономъ; къ этому присоединялся планъ поднятія Ирландіи и возстановленія Стюартовъ. Король далъ предписаніе д'Эону, какъ дѣйствовать ему въ этомъ случаѣ; снабженный, по обменовенію, секретнымъ шифромъ для переписки, д'Эонъ вернулся въ Лондонъ къ своему посланнику, герцогу Ниверне. Но герцогъ не захотѣлъ оставаться въ Англіи и д'Эонъ былъ назначенъ при сентджемскомъ дворѣ сначала резидентомъ, а въ іюлѣ 1763 г. полномочнымъ министромъ. Но онъ оставался въ этомъ званіи недолго. Новая придворная интрига низвергла его покровителей: маршала и графа Брольи; маркиза Помпадуръ, давно подоврѣвавшая, что король скрываетъ отъ нея переписку со своими тайными агентами, нашла въ секретной шкатулкѣ Людовика депеши д'Эона, и въ Лондонъ назначенъ былъ новый чрезвычайный посланникъ, графъ де-Герши, прибывшій туда 17-го октября 1763 г. съ отзывною грамотою для д'Эона, которому предписывалось вмѣстѣ съ тѣмъ оставить Лондонъ и, прибывши въ Парижъ, ждать приказаній министра. не являясь ко двору. Но въ то же время онъ получилъ повелѣніе отъ короля слѣдующаго содержания:

Версаль, 4-го октября 1763 года.

„Вы служили мнѣ также вѣрно въ женскомъ платьѣ, какъ и въ томъ, которое носите теперь; одѣньте-же вашъ прежній нарядъ и удалитесь въ Сити. Предупреждаю васъ, что король подписалъ вашу отставку, но я приказываю вамъ остаться въ Англіи, со всѣми вашими бумагами, до тѣхъ поръ, пока я прищлю вамъ мои послѣдующія инструкціи. Въ вашемъ отелѣ вы безопасны, а здѣсь найдете сильныхъ враговъ. Людовикъ“.

Объ этомъ странномъ письмѣ упоминаетъ и госпожа Кампанъ въ своихъ запискахъ о Маріи-Антуанетѣ. Отставка эта была вызвана, впрочемъ, очень дерзкимъ письмомъ д'Эона къ министру иностранныхъ дѣлъ и графу Герши, но къ этому недипломатическому поступку его принудили придиры и несправедливости всякаго рода, посыпавшіяся на него по отъѣздѣ изъ Лондона герцога Ниверне. Съ прибытіемъ новаго посланника, положеніе его сдѣлалось еще хуже. Герши требовалъ его удаленія, секретное приказаніе короля предписывало ему оставаться. Д'Эонъ пріискивалъ всевозможные предлоги — про-

длить свое пребываніе въ Лондонѣ. Видя невозможность выжить добромъ своего врага, между тѣмъ какъ онъ обѣщалъ отправить его въ Парижъ къ маркизѣ Помпадуръ со всѣми его бумагами, посланникъ рѣшился прибѣгнуть къ странному средству: дать д'Эону приѣмъ опиума, чтобы усыпить его и, овладѣвъ его бумагами, соннаго перенести на судно, стоявшее въ Темзѣ, и отправить во Францію. Но и эта попытка не удалась. Доза опиума, всыпанная въ вино д'Эона, на обѣдѣ у Герши, была слишкомъ сильна или слишкомъ слаба: Д'Эонъ почувствовалъ сильныя желудочныя боли, за которыми послѣдовала рвота; онъ ослабѣлъ, но не терялъ сознанія. Опасаясь послѣдствій, какія могли произойти отъ этой исторіи, которую д'Эонъ рассказывалъ, конечно, съ преувеличеніями, Герши сталъ распускать слухъ, что кавалеръ сошелъ съ ума. Въ то же время посланникъ подкупилъ его людей, подсылалъ къ нему негодаевъ и авантюристовъ всякаго рода, чтобы завлечь его въ какую-нибудь скандальную исторію; нѣсколько разъ покушался похитить его и силою увести изъ Лондона. Д'Эонъ не поддавался, отражалъ хитрость — хитростью, выгонялъ клеветовъ Герши, берегъ свои бумаги и, наконецъ, переѣхалъ скрытно съ ними къ своему другу въ то время, когда Герши приготовилъ все, чтобы захватить его ночью. Преслѣдованія посланника вывели, наконецъ, д'Эона изъ терпѣнія, и онъ официально обвинилъ графа де-Герши — въ покушеніи на отравленіе бывшаго полномочнаго министра Людовика XV. Дѣло это произвело страшный скандалъ, но покаместъ шло слѣдствіе, дѣла д'Эона улучшились. Видя, что съ д'Эономъ ничего не подѣлаешь хитростью, враги его рѣшились прибѣгнуть къ силѣ. Герцогъ Праленъ отправилъ къ графу Герши полдюжины полицейскихъ агентовъ съ формальнымъ требованіемъ выдачи его, адресованнымъ королю Англии отъ имени короля Франціи. Графу Герши предписывалось всѣ бумаги, найденныя у д'Эона, опечатать, не разбирая ихъ, и привезти самому во Францію. Въ то же время Людовикъ предувѣдомилъ д'Эона о принятой противъ него мѣрѣ и писалъ ему, что если онъ не можетъ спастись самъ, то спасъ бы, по крайней мѣрѣ, свои бумаги и опасался Монена, секретаря Герши. Д'Эонъ обратился къ покровительству королевы и принялъ всѣ мѣры къ защитѣ себя отъ насилія. Англійское правительство отказало въ выдачѣ кавалера и содѣйстви французскому посольству, предоставляя ему дѣйствовать, какъ само оно найдетъ лучшимъ. Герши попробовалъ взять д'Эона въ его домѣ, но долженъ былъ отказаться отъ этой мѣры, получивъ увѣдомленіе отъ своихъ агентовъ, что д'Эонъ вооружилъ своихъ людей, укрѣпилъ свой домъ и будетъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. Въ то же время д'Эонъ

писалъ къ Герши, что отдать бумаги только по формальному приказанію короля. Посланникъ сообщилъ этотъ отвѣтъ Людовику; тотъ не отвѣчалъ ничего.

Вся эта переписка, хранящаяся въ Парижѣ, въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, эти переговоры между министрами, посланниками, настоящими и бывшими, вся эта невѣроятная исторія, въ которой король игралъ такую жалкую роль, обманывая своихъ представителей, свою фаворитку, исполняя, повидимому, ея волю, а въ тайнѣ дѣйствуя противъ нея, показываютъ лучше всякихъ разсужденій, чѣмъ занималась политика французскаго двора и какъ глубоко пала она въ правленіе Людовика XV. Сопротивленіе д'Эона, между тѣмъ, выводило изъ себя маркизу Помпадуръ, и она стала преслѣдовать родныхъ кавалера, его друзей, всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ какія-нибудь сношенія. Самъ д'Эонъ былъ объявленъ измѣнникомъ, мятежникомъ, виновнымъ въ оскорбленіи королевскаго величества, лишень своихъ званій, и слѣдующее ему жалованье было не выдано и прекращено. Въ этомъ положеніи оставленный, обвиняемый почти всѣми, онъ провелъ почти пятнадцать лѣтъ. Никто не понималъ причинъ его упорства; его осыпали клеветами, оскорбленіями — онъ хранилъ упорное молчаніе. Желая вывести его изъ терпѣнія и расчитывая, что горячій характеръ заставитъ выдти его изъ границъ и при этомъ, можетъ быть, онъ проговориться, какія причины заставляютъ его покидать Англію и не исполнять приказаній министра и посланника, — враги придумали преслѣдовать д'Эона памфлетами. Двое наемныхъ писакъ, Гударъ и Трейсак-де-Вержи, напечатали брошюры, въ которыхъ возводили на кавалера даже преступленія, упрекали его въ томъ, что онъ укралъ 75,000 изъ посольскихъ суммъ, утверждали, что онъ гермафродитъ и т. п. Д'Эонъ отвѣчалъ также въ печати, въ довольно спокойномъ тонѣ, на всѣ эти обвиненія, но въ тоже время жаловался Людовику на незаслуженныя оскорбленія. Король, по обыкновенію, не отвѣчалъ ничего; но тайный агентъ его и д'Эона, Терсье, увѣдомлялъ кавалера, что враги его совершенно овладѣли королемъ, что д'Эонъ и покровитель его, графъ Брольи, погибнутъ, если позволятъ себя компрометировать или захватить ихъ бумаги; что король можетъ покровительствовать имъ только въ тайнѣ, но, конечно, пожертвуетъ ими, чтобы избѣжать явнаго разрыва со своею фавориткою и ея приверженцами. Необходимо было имѣть большое самоотверженіе — служить такому повелителю.

Въ это-то время (въ началѣ 1764 г.) вышли „Записки д'Эона“, заключающія въ себѣ, впрочемъ, только всю исторію его съ посланникомъ Герши, котораго онъ предалъ публично посмѣянію.

маркизы Помпадуръ не улучшила положенія д'Эона: ея крестурны оставались въ главѣ управленія Франціею; друзья кавалера не могли вступить за него. Доведенный до отчаянія, онъ просилъ разрѣшенія—принять англійское подданство. Тогда Людовикъ отправилъ къ нему одного изъ его друзей, который уговорилъ д'Эона отказаться отъ своего намѣренія и привезъ ему небольшую сумму денегъ отъ короля. Въ то же время Герши обвинялъ его передъ судомъ въ напечатаніи оскорбительнаго памфлета противъ посланника. Въ юлѣ того же 1764 г. д'Эона призвали къ суду; онъ требовалъ отсрочки процесса, по случаю отсутствія четырехъ свидѣтелей, необходимыхъ для защиты, но которыхъ посланникъ отправилъ во Францію. Ему отказали въ этомъ; тогда, по совѣту адвокатовъ, онъ рѣшился вовсе не являться къ суду и былъ осужденъ заочно. Но судьба, въ то же время, послала ему неожиданную помощь въ лицѣ того самаго Вержи, который былъ подкупленъ посланникомъ написать памфлетъ противъ д'Эона. Авантюристу обѣщали мѣсто, деньги, но предложили въ то же время отравить д'Эона. Вержи былъ негода, но не убійца; онъ отказался и былъ посаженъ въ тюрьму, освобожденъ оттуда и открылъ все д'Эону. Тогда тотъ, подтвердивъ это показаніе другими свидѣтелями, обвинилъ формально французскаго посланника въ покушеніи на убійство и отравленіе.

1-го марта 1765 года, Герши призванъ былъ къ суду. На обвиненіе въ оскорбленіи д'Эонъ отвѣчалъ обвиненіемъ въ убійствѣ, и двѣнадцать присяжныхъ подтвердили, что обвинитель имѣетъ основаніе привлечь къ суду посланника. Тотъ попробовалъ опять захватить кавалера силою. Въ домъ доктора Эддоуса, гдѣ жилъ д'Эонъ, вторглись полицейскіе сыщики, но онъ успѣлъ скрыться. Между лондонскимъ и вестминстерскимъ мостами долго стояла приготовленная лодка, которая должна была, когда д'Эона схватятъ, отвезти его въ Гревесендъ, гдѣ ждало его французское судно; но всѣ эти приготовленія были напрасны. Д'Эонъ выходилъ не иначе, какъ въ сопровожденіи десятка друзей, хорошо вооруженныхъ и готовыхъ къ отпору, а отказъ англійской полиціи — помогать аресту д'Эона не позволялъ французскимъ сыщикамъ принять крайнія мѣры. Узнавъ объ обвиненіи передъ судомъ Герши, Шарль, буфетчикъ его, всыпавшій опиумъ въ вино, бѣжалъ изъ Лондона, а самъ посланникъ обратился къ Георгу III съ просьбою прекратить производство дѣла.

Англійское министерство, на основаніи законовъ, потребовало изятія этого дѣла отъ суда присяжныхъ, перенесенія его на судъ министровъ и потребовало, въ то же время, чтобъ д'Эонъ представилъ имъ всѣ доказательства обвиненія, возводимыхъ на послан-

нива. Д'Эонъ отказался подчиниться этой исключительной юрисдикціи. Но дѣло это возбудило такой шумъ, поступки Герши такъ громко осуждались общественнымъ мнѣніемъ, что онъ долженъ былъ просить Людовика XV о своемъ отозваніи. Просьба его была тотчасъ же исполнена. Опозоренный, униженный Герши вернулся во Францію и умеръ въ 1767 году, преслѣдуемый д'Эономъ, его брошюрами и мемуарами. Въ свою очередь, враги д'Эона не оставили въ покоѣ даже его восьмидесятилѣтнюю мать и довели ее до крайней бѣдности, преслѣдуя всякими придирками и несправедливостями. Въ этой странной борьбѣ враги доходили до безчеловѣчія.

Еще страннѣе былъ сертификатъ, врученный д'Эону въ іюлѣ 1766 года, новымъ посланникомъ Дюраномъ и назначавшій ему двѣнадцать тысячъ ливровъ ежегодной пенсіи „въ вознагражденіе за услуги, оказанныя кавалеромъ д'Эономъ, какъ въ Россіи, такъ въ арміи и при исполненіи другихъ, данныхъ ему, порученій“; пенсію эту онъ „имѣлъ получать до тѣхъ поръ, пока получить новое назначеніе, съ высшимъ содержаніемъ“. Документъ этотъ былъ подписанъ Людовикомъ XV, но обѣщаніе не исполнялось и д'Эонъ терпѣлъ большой недостатокъ въ деньгахъ. Между тѣмъ переписка его съ королемъ возобновилась вслѣдствіе полученнаго приказанія и шла очень дѣятельно. Денешіе его о сентджемскомъ дворѣ гораздо лучше обрисовывали его положеніе, нежели донесенія посланника, и онъ часто получалъ секретныя предписанія подкупать, въ интересахъ Франціи, разныхъ лицъ. Система подкуповъ и обмановъ составляла въ то время основаніе политики. Портреты придворныхъ Георга III, рассказы о жизни короля и его приближенныхъ, набросанные д'Эономъ въ его „Политическихъ письмахъ“, представляютъ весьма непривлекательную картину англійскаго двора, гдѣ распущенность нравовъ была не меньше, чѣмъ въ Версали, хотя д'Эону нельзя довѣрять исполнѣ, какъ вообще всѣмъ тайнымъ агентамъ XVIII вѣка.

Въ началѣ 1771 г., какъ говорить д'Эонъ, Георгъ III просилъ Людовика XV, вслѣдствіе одной сцены (которую мы не считаемъ нужнымъ приводить, считая ее неправдоподобною) увѣдомить его положительно: женщина или мужчина д'Эонъ? Сомнѣнія, касательно пола его, возникали не разъ, какъ мы видѣли, въ теченіи дипломатической дѣятельности кавалера, но на этотъ разъ онѣ были высказаны такъ, что надо было отвѣчать категорически. Новая фаворитка короля, Дюбарри, и новый министръ его, д'Эгильонъ, рѣшили, что необходимо выдать д'Эона за женщину и король отвѣчалъ въ этомъ смыслѣ, оставивъ свое подтвержденіе различными доказательствами. Слухъ объ этомъ скоро распространился въ Лондонѣ и д'Эовъ сдѣлался предме-

томъ толковъ, споровъ и, больше всего — пари, по англійскому обычаю. Онъ самъ сначала сильно возставалъ противъ распространителей этихъ слуховъ, сильно поколотилъ двухъ, черезъ-чуръ уже любопытныхъ джентльменовъ, добивавшихся разъяснить этотъ вопросъ, во что бы то ни стало; даже уѣвжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Лондона, чтобы дать замоленуть этимъ слухамъ, перешедшимъ вскорѣ въ газеты, серьезно обсуждавшія этотъ вопросъ; но ничто не помогало. Вспомнимъ, что княгиня Е. Р. Дашкова, въ бытность свою въ Лондонѣ, увѣрляла при дворѣ положительно, что д'Эонъ женщина. Слухи и толки эти перешли и во Францію. Сомнѣвающихся было, конечно, больше тамъ, гдѣ д'Эона не знали съ его молодыхъ лѣтъ. Вскорѣ, получивъ письмо отъ д'Эгильона, наминаршаго, что король Франціи подтвердилъ своимъ словомъ принадлежность кавалера къ женскому полу и что опроверженіе этого можетъ повести къ важнымъ политическимъ послѣдствіямъ, не говоря уже объ интимныхъ отношеніяхъ Георга III, самъ д'Эонъ понялъ необходимость, по крайней мѣрѣ, молчать и согласился, въ письмѣ къ герцогу д'Эгильонъ (отъ 18-го октября 1771 года), чтобы его принимали за женщину; онъ далъ обѣщаніе не протестовать противъ этого названія, но не хотѣлъ только одѣться въ женское платье, хотя и носилъ его въ молодости. (Въ это время ему было уже 43 года). Въ виду настаиваній на необходимости исполнить и это, д'Эонъ хотѣлъ оставить Англію и просился въ Польшу, куда звалъ его Станиславъ Понятовскій, познакомившійся съ кавалеромъ еще при дворѣ Елисаветы. Людовикъ XV не согласился отпустить его, не позволилъ ему ѣхать ни въ Швейцарію, ни въ Тоннеръ. Переговоры объ этомъ шли до конца 1773 года.

Въ 1774 г. умеръ Людовикъ XV. Новый король поставилъ условіемъ возвращенія д'Эона во Францію и своихъ милостей — принятіе имъ женскаго костюма. Д'Эонъ соглашался на это также съ условіемъ, чтобы ему выдали, наконецъ, всѣ обѣщанныя и неуплаченныя суммы и чтобы признали несправедливыми всѣ обвиненія, возведенныя на него графомъ Герши, Праленомъ и другими его врагами. Французское правительство не хотѣло принять этихъ условій, и чтобы принудить д'Эона къ повиновенію, отнало у него все содержаніе. Положеніе его было критическое: англичане предлагали ему большія суммы за секретныя бумаги французскаго двора, въ особенности относящіяся въ миру, заключенному съ Англіей. Доведенный до крайности, д'Эонъ отдалъ эти бумаги лорду Феррерсу, своему старинному знакомому еще по Петербургу, съ тѣмъ, чтобы тотъ хранилъ ихъ до смерти д'Эона, если Франція не выкупитъ ихъ, а потомъ можетъ публиковать. Правительство Людовика XVI не могло оставить бумагъ этихъ въ рукахъ англичанъ.

Тамъ были между прочимъ, и планы его предмѣстника овьсадитъ въ Англію и о будущей войнѣ съ этою странюю. А война эта была близка: Франція, встрѣтившая съ неодобреніемъ возстаніе колоній Сѣверной Америки противъ своей метрополіи, начинала, подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія, склоняться на сторону инсургентовъ и готовилась помочь имъ. Необходимо было уладить дѣло съ д'Эономъ. Для этого нуженъ былъ тонкій агентъ. Въ Лондонъ послали знаменитаго Бомарше.

Авторъ „Свадьбы Фигаро“ былъ восторженнымъ поклонникомъ сѣвероамериканцевъ и ихъ революціи. Онъ содѣйствовалъ возстанію штатовъ всѣми своими силами и средствами, и потому охотно принялъ на себя порученіе—уговорить д'Эона вернуться во Францію и отдать бумаги, послѣ чего версальскій дворъ могъ открыто принять сторону американцевъ. Бомарше ѣздилъ въ Лондонъ и велъ переговоры въ теченіи трехъ лѣтъ (1774—76). Еще прежде переговоровъ съ д'Эономъ, онъ имѣлъ порученіе купить у памфлетиста Тевено де-Моранда, издававшего въ Лондонѣ листокъ: „Le Gazetier Cuirassé“, его исторію графини Дюбарри, готовившуюся къ печати, и д'Эонъ содѣйствовалъ Бомарше въ покупкѣ этого изданія, которое, въ числѣ шести тысячъ, было сожжено въ печи для обжиганія кирпичей, близъ Лондона. Памфлетистъ получилъ за это полторы тысячи ливровъ и четыре тысячи франковъ пенсія, съ переводомъ ея на жену. Д'Эонъ былъ недоволенъ этою сдѣлкою и говорилъ, что если бы обратились къ нему прямо, онъ обдѣлалъ бы это дѣло дешевле. Вообще, онъ не симпатично относился къ Бомарше и отзывался о немъ свысока. Писатель обѣщалъ отъ имени французскаго правительства, что заслуги д'Эона будутъ торжественно признаны и всѣ долги его заплачены, въ замѣнъ чего онъ долженъ былъ объявить себя женщиною, никогда не снимать женскаго платья и возвратитъ бумаги, хранящіяся у лорда Феррерса. Онъ долженъ былъ также отказаться отъ всякихъ личныхъ или юридическихъ преслѣдованій противъ сына и племянниковъ графа Герши. Д'Эонъ выговорилъ себѣ только, при заключеніи этого договора, написаннаго по всѣмъ формамъ нотаріальнаго порядка, право носить орденъ св. Людовика и двѣ тысячи ливровъ на женскій туалетъ. Пенсія ему назначалась въ двѣнадцать тысячъ ливровъ. Всѣ принадлежности мужскаго костюма онъ долженъ былъ оставить въ Лондонѣ и ему позволялось только взять на память мундиръ своего драгунскаго полка, съ саблей, каской, пистолетами и ружьемъ со штыкомъ.

Такимъ образомъ, сорокасемилѣтній д'Эонъ, въ 1775 году, превратился въ дѣвицу Женевьеву-Луизу-д'Эонъ-де-Бомонъ. Любопытнѣе всего, что самъ Бомарше вѣрилъ въ женскій полъ д'Эона и

подтверждалъ это своими письмами и огромными пари, которыя держалъ за это убѣжденіе. Онъ пошелъ еще дальше и предлагалъ д'Эону свою руку, въ которой тотъ не отказывалъ прямо, а тянулъ дѣло, забавляясь надъ писателемъ, который, можетъ быть, и самъ смѣялся надъ своимъ ухаживаніемъ за пожилымъ драгуномъ. Кто кого тутъ обманывалъ?—рѣшить трудно; во всякомъ случаѣ, между ними происходилъ обмѣнъ довольно нѣжныхъ писемъ и портретовъ, и это обстоятельство еще болѣе сбilo съ толку державшихъ пари за и противъ д'Эона. Въ газетахъ „Morning-Post“ и „Daily Advertiser“ явились общанія, что вопросъ рѣшенъ будетъ вскорѣ осмотромъ. Д'Эонъ протестовалъ противъ этого и отвѣчалъ, что, въ случаѣ попытокъ на это, уѣдетъ тайно изъ Англій. Бомарше, не желавшій проиграть пари, сдѣлалъ ему за это грубую сцену, д'Эонъ отвѣчалъ площадною бранью; потомъ начались нарушенія договора, только что заключеннаго. Долги д'Эона были далеко не всѣ заплачены и не всѣ признавались. Д'Эонъ, выдавая бумаги, выдалъ не всѣ, а многія удержалъ у себя; обѣ стороны поступали не весьма честно, но сдѣлки со своею совѣстью, въ ту эпоху, допускались не одними авантюристами. Д'Эонъ нашелся вынужденнымъ даже жаловаться на Бомарше министру, графу де-Верженъ. Писатель, взбѣшенный этою жалобой, заставилъ своего друга, Моранда, написать пасквиль на д'Эона. Тотъ вызвалъ на дуэль памфлетиста; Морандъ отказался драться не только съ д'Эономъ, потому что онъ женщина, но и съ его братомъ, и пожаловался полиціи. Д'Эонъ долженъ былъ внести залогъ въ сто фунтовъ стерлинговъ и дать общаніе не нападать на Моранда въ Лондонѣ; тогда д'Эонъ привлекъ его къ суду за пасквиль—и авантюристъ принесъ повинную.

Прервавъ сношенія съ Бомарше, д'Эонъ писалъ къ графу де-Верженъ, можетъ-ли онъ, наконецъ, вернуться на родину, и министръ отвѣчалъ „дѣвицѣ д'Эонъ“, à Mademoiselle la chevalière, что она можетъ пріѣхать во всякое время подъ условіемъ абсолютнаго молчанія о прошедшемъ и обязательства—никогда не покидать женскаго платья. Ночью, въ августѣ 1777 года, д'Эонъ тихонько уѣхалъ изъ Лондона и, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія, явился въ Версали, къ Вержену, но въ своемъ драгунскомъ мундирѣ. Министръ принялъ его ласково, но потребовалъ, чтобы онъ носилъ женскій костюмъ. 27-го августа д'Эонъ получилъ строгое приказаніе короля о томъ же—и покорился. Въ ноябрѣ того же года онъ явился передъ публикою въ женскомъ платьѣ. Парижъ и Версаль сбѣгались смотрѣть на „дѣвицу д'Эонъ“; ее приглашали вездѣ; портреты ея расходились повсюду; лондонскія гравюры изображали ее въ видѣ Паллады; парижскій живописецъ, Праденъ, нарисовалъ ее въ двухъ костюмахъ: дра-

гунскимъ капитаномъ и дѣвушкой. Всѣ хотѣли видѣть ту, о которой ходило столько толковъ, въ кого влюбился Бомарше. Ее приглашали даже въ монастыри и она (онъ) провела недѣлю въ Сен-Сирѣ „для своего спасенія“, какъ говорила она. Въ Версали ей строго запретили повторять подобныя продѣлки.

Перемѣна костюма имѣла, однако, дурное вліяніе на д'Эона; онъ началъ страдать ревматизмомъ и черезъ годъ просилъ, чтобы ему позволили оставить женское платье. Въ этомъ ему было отказано, также какъ въ позволеніи принять участіе въ войнѣ за американскую независимость и отправиться въ Лондонъ—продать свою библиотеку и покончить тамъ всѣ свои дѣла.

Вскорѣ, по словамъ д'Эона, ему пришлось испытать большую радость, въ его тяжелой жизни. Та, кого онъ любилъ въ первой молодости, Надежда Штейнъ, скрывшаяся неизвѣстно куда въ концѣ царствованія Елисаветы, свидѣлась съ нимъ послѣ 18-тилѣтняго отсутствія. Разсказъ его о томъ, какъ она была заключена въ крѣпость на рѣвѣ Уралѣ, гдѣ родила сына, какъ бѣжала оттуда, во время пугачевского бунта, слишкомъ неправдоподобенъ, чтобы приводить его. Но положеніе д'Эона было стѣснительно въ томъ отношеніи, что онъ не могъ жениться на той, кого любилъ. Въ этомъ ему отказали всѣ министры, грозившіе ему заключеніемъ въ Бастилію и отнятіемъ пенсіи, если онъ вздумаетъ опять выдать себя за мужчину. Тогда онъ рѣшился удалиться въ свой родной городъ Тоннеръ, куда Надежда послѣдовала за нимъ, въ качествѣ служанки. Сыны ихъ не перенесли трудностей дальняго пути и умеръ въ Парижѣ.

Д'Эонъ прожилъ въ Тоннерѣ два года. По заключеніи мира съ Англіею, ему позволили, наконецъ, ѣхать въ Лондонъ, гдѣ ему покровительствовали королева и принцъ валлійскій. 9-го апрѣля 1787 г., происходилъ въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ принца, публичный бой на рапирахъ д'Эона съ кавалеромъ Сен-Жоржъ, изображенный въ гравюрахъ того времени. Въ Карльтонгоузѣ собрались всѣ знаменитости и всѣ красавицы Англій; семь ударовъ нанесъ Сен-Жоржу д'Эонъ, несмотря на то, что ему было почти 60 лѣтъ, и женское платье стѣсняло его.

Въ 1792 году, съ уничтоженіемъ монархіи во Франціи, д'Эонъ получилъ возможность одѣваться снова въ мужское платье. Онъ разсказываетъ, что однажды вечеромъ, на улицахъ Лондона ему удалось освободить отъ воровъ женщину, кричавшую о помощи. Это была графиня Дюбарри. Она созналась ему, что совѣтовала Людовику XV не позволять д'Эону носить мужскаго костюма. Онъ не претендовалъ на нее за это, и она вскорѣ уѣхала во Францію; онъ хотѣлъ также

вернуться на родину, но такъ какъ былъ внесенъ въ списокъ эмигрантовъ, то написалъ въ конвентъ просьбу о разрѣшеніи прибыть въ Парижъ и служить республикѣ. Конвентъ не отвѣчалъ ничего на прошеніе—и д'Эонъ долженъ былъ вернуться въ Лондонъ, гдѣ прожилъ послѣдніе семнадцать лѣтъ своей жизни, получая скромную пенсію отъ англійскаго двора, такъ какъ республика не выплачивала пенсій, назначенныхъ монархіею.

Въ маленькомъ домикѣ улицы Нью-Уильманъ, 21-го мая 1810 года, кавалеръ д'Эонъ умеръ 83-хъ лѣтъ. Со смертью его, загадка, окружавшая для многихъ послѣдніе годы его жизни, должна была окончательно разъясниться. Хирургъ Томасъ Копеландъ, съ двумя врачами, прокуроромъ, французскимъ консуломъ и двѣнадцатью извѣстными лицами, освидѣтельствовали тѣло и подписали протоколъ, подтверждавшій, что д'Эонъ былъ мужчина, „безъ всякой примѣси другаго пола“. Съ нагаго тѣла былъ сдѣланъ даже рисунокъ, потому выгравированный и доказывающій совершенно правильное устройство всѣхъ органовъ. Священникъ церкви св. Панкратія, хоронившій д'Эона, далъ такое же удостовѣреніе. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ мужчина, хотя 34 года, волею-неволею, выдавалъ себя за женщину.

Такова была судьба этого человѣка, игравшаго хотя не важную, но замѣтную роль въ политикѣ Франціи. Въ немъ соединялись отличительныя свойства французской націи: остроуміе, живость, любезность, храбрость, но въ то же время непослѣдовательность въ поступкахъ, поверхностныя знанія, легкомысленныя взгляды на жизнь, недостатокъ серьезныхъ отношеній къ важнымъ вопросамъ, хвастовство и слишкомъ высокое мнѣніе о своемъ значеніи. Мы видѣли, что д'Эонъ стоялъ невысоко, какъ политическій дѣятель. Не выше онъ — и какъ писатель. Главныя сочиненія его собраны въ 13-ти томахъ и изданы въ Лондонѣ въ 1775 году, подъ названіемъ: „*Loisirs du chevalier d'Esp*“. Онъ писалъ о множествѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ; въ этомъ собраніи помѣщены: его историческія изслѣдованія о Польшѣ, Альзасѣ, королевствѣ обѣихъ Сицилій; хронологическое руководство священной и церковной исторіи; изслѣдованія о торговлѣ, навигаціи, должностяхъ, пошлинахъ, безбрачій; изслѣдованія о Россіи; разборъ банка Лоу; исторія супруги Петра I, царицы Евдокии Ѳедоровны; замѣчанія объ Англіи и Шотландіи; разсужденіе о Гамбургѣ и англійской Америкѣ; диссертация о торговлѣ хлѣбомъ, о незаконныхъ дѣтяхъ, о налогѣ на соль, о табакѣ, чиновникахъ, духовенствѣ, финансахъ и проч.; описаніе инвалиднаго дома въ Парижѣ; положеніе Франціи

въ Индіи; записки о несогласіяхъ съ Герши, исторія ихъ,— все предметы, имѣющіе значеніе. Но обо всемъ отзывается онъ вскользь или поверхностно, ничего не изслѣдуетъ подробно, основательно. Слогъ его живъ, блестящъ, но вычуренъ, натаануть; какъ всѣ французы, онъ гоняется за фразой, старается отличиться изысканностью. Этимъ особенно грѣшитъ и біографъ его, Гальярде, изъ трехъ объемистыхъ томовъ „Записокъ“ котораго мы не могли выбрать ни одной страницы, ни одного мнѣнія, ни вѣрной оцѣнки поступковъ героя, ни просто рассказанной сцены, ничего, что могли бы привести вполнѣ. Но извлеченный изъ нихъ очеркъ жизни д'Эона, даетъ всетаки, полагаемъ, полное и ясное понятіе объ этомъ лицѣ, имѣющемъ историческій и общечеловѣческій интересъ. Хотя, въ теченіи своего пятилѣтняго пребыванія въ Россіи, онъ изъ нея не вывезъ никакихъ дѣльных свѣдѣній и не оставилъ о ней никакихъ серьезныхъ воспоминаній, но имя его, тѣмъ не менѣе, осталось въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашего отечества, и надъ странною, романической судьбою кавалера д'Эона остановится съ любопытствомъ историкъ и философъ....

В. Зотовъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ.

205. ¹⁾)

Эрмитажныя собранія при Екатеринѣ II.

Въ эрмитажныхъ собраніяхъ, при императрицѣ Екатеринѣ, нѣкоторое время заведенъ былъ ящикъ для вклада штрафныхъ денегъ за вранье. Всякій провинившійся обязанъ былъ опустить въ него 10 коп. мѣдью. При ящикѣ назначенъ былъ казначеемъ графъ А. А. Безбородко, который собранныя деньги послѣ раздавалъ бѣднымъ. Между другими, въ эрмитажныя собранія являлся одинъ придворный, который, бывало, что ни скажетъ, все не впадетъ, или солжетъ. Неуклюжій казначей безпрестанно подходилъ къ нему съ ящикомъ, и этотъ враль почти одинъ наполнялъ ящикъ деньгами. Разъ, по разѣздѣ гостей, когда при императрицѣ остались немногіе, самыя приближенные, Безбородко сказалъ:

— „Матушка-государыня, этого господина не надобно бы пускать въ Эрмитажъ, а то онъ скоро совсѣмъ разорится“.

— „Пусть пріѣзжаетъ“, возразила императрица, „мнѣ дороги

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587, 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147, 457—468, 670—680, 767—772; т. VI, стр. 87—97, 285—290, 675—678. Нынѣ помѣщаемые рассказы собраны и записаны однимъ, нынѣ уже покойнымъ, старикомъ, весьма интересовавшимся отечественной исторіей. Это обширное и любопытное собраніе будетъ постепенно помѣщено на страницахъ «Русской Старины». Предваряемъ, что нѣкоторые изъ рассказовъ, впрочемъ немногіе, представляютъ варіанты сообщенныхъ прежде подобныхъ рассказовъ.

такіе люди; послѣ твоихъ докладовъ и послѣ докладовъ твоихъ товарищей, я имѣю надобность въ отдыхѣ; мнѣ пріятно изрѣдка послушать и вранье“.

— „О, матушка-императрица“, сказала Везбородко, „если тебѣ это пріятно, то пожалуй къ намъ въ первый департаментъ правительствующаго сената: тамъ то-ли ты услышишь!“

Такъ свободно обращались съ Екатериной въ эрмитажныхъ собраніяхъ.

Съ удовольствіями, въ этихъ собраніяхъ, императрица соединяла и государственныя виды. Тутъ она узнавала способности и достоинства людей, ихъ недостатки и пороки. Если случалось ей слышать о какомъ-либо достойномъ человѣкѣ, она прежде приказывала повѣрить эти слухи, а потомъ приглашала его въ эрмитажныя собранія. Здѣсь она заговаривала съ нимъ о разныхъ предметахъ и вводила его самого въ разговоръ. Сообразуясь съ личными наблюденіями, однихъ она отдаляла отъ себя, другихъ возвышала. Губернаторы назначались только черезъ Эрмитажъ. На важнѣйшія мѣста министровъ, статсъ-секретарей, и другія, она опредѣляла не иначе, какъ послѣ продолжительнаго, личнаго знакомства. Мудрено-ли, что царствованіе ея славится великими государственными умами. Она умѣла выбирать людей. Вотъ почему и сама она была великая государыня.

206. ¹⁾

Княжна Тараканова.

Княжна Тараканова была дочь императрицы Елисаветы Петровны и графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, родившаяся послѣ ихъ тайнаго бракосочетанія, слѣдовательно была законная дочь императрицы. Княжна воспитывалась и выросла въ Италіи. Она славилась красотою и, обеспеченная капиталами, жила если не по царски, то въ полномъ смыслѣ по княжески. Ее иначе не называли тамъ, какъ русскою принцессой. Императрицѣ Еватеринѣ II донесли, что княжна питаетъ властолюбивыя виды на престолъ русскій. Императрица тревожилась этими слухами, тѣмъ больше, что не могла не чувствовать незаконности своего царствованія. Тогда графъ А. Г. Орловъ, послѣ Чесменской битвы, находился въ Средиземномъ морѣ.

¹⁾ Что Тараканова была не болѣе какъ авантюристка и самозванка, это доказано издавіемъ подлинныхъ о ней документовъ и изслѣдованіемъ г. Лонгинова; мы оставляемъ, однако, настоящій рассказъ, записанный лѣтъ двадцать тому назадъ, какъ преданіе, ходившее изъ устъ въ уста. Ред.

Императрица ему поручила сблизиться съ княжной и завлечь ее въ Россію.

Графъ Орловъ въ февралѣ 1772 года, воспользовавшись перемиремъ, присталъ, съ нѣсколькими жораблями, въ берегамъ Италіи, подъ видомъ временной стоянки, какъ бы для отдохновенія и развлеченія. Проводя роскошную жизнь и давая блестящіе пиры, онъ незамѣтнымъ образомъ сблизился съ княжной Таракановой и до того очаровалъ ее, что она въ него влюбилась: мечты быть женой русскаго знаменитаго адмирала обольстили ее. Тутъ Орловъ запятналъ себя вторымъ поступкомъ, не менѣе страшнымъ, какъ прежній..... Притворясь влюбленнымъ и готовымъ на женитьбу, онъ увезъ княжну на свой корабль и устроилъ подложную свадьбу. Поступившій въ Ливорно на службу къ Орлову, итальянецъ, впоследствии русскій адмиралъ, хитрый Рибасъ, игралъ роль священника, а моряки-офицеры и матросы представляли, кто дьякона, кто дьячка, кто пѣвчихъ. Они-то обвинчали Орлова съ обманутой княжной. Первую ночь молодые провели, какъ бываетъ у молодыхъ.¹⁾ На слѣдующій день, въ каютѣ адмиральскаго корабля, былъ роскошный обѣдъ. Княжна, ничего не подозрѣвая, была беззаботно весела; гости кушали и пили; на палубѣ гремѣла музыка; раздавались пѣсни матросовъ; происходила торжественная пальба изъ пушекъ: корабль исчезалъ въ облакахъ дыма. По обвинчаніи продолжительнаго обѣда, гости вышли изъ каюты на палубу и — княжна пришла въ неописанный ужасъ: корабли давно неслись на всѣхъ парусахъ и уже почти не были видны берега Италіи. Тогда же Орловъ надѣлъ на княжну оковы. Отчаяніе и вопли ея были напрасны.

Иностранные писатели повѣствуютъ, что въ адмиральскомъ кораблѣ устроенъ былъ люкъ. Когда путешественники были уже въ Нѣмецкомъ морѣ, графъ Орловъ привелъ и поставилъ княжну на то мѣсто, гдѣ находился люкъ: тотъ опустился и она погибла въ морѣ.

Но это сказка. Княжна Тараканова была привезена въ Петербургъ и заключена въ крѣпость. Ее допрашивали. Показаніе ея²⁾ и другія свѣдѣнія отрывали, что она не имѣла никогда никакихъ по-

¹⁾ Обо всемъ этомъ рассказывалъ мнѣ сенаторъ Иванъ Савичъ Горголи, который женатъ на дочери генерала Рибаса, и потому рассказу его, какъ дошедшему до него изъ семейства самаго Рибаса, нельзя не вѣрить.

Прим. Собирателя.

²⁾ Подлинныя показанія княжны Таракановой сохранились въ семействѣ князей Голицыныхъ и находятся, какъ говорятъ, у статсъ-секретаря, князя Александра Федоровича Голицына.

Прим. Собирателя.

литическихъ видовъ и намѣреній. Но императрица опасалась дать ей свободу, и узница около пяти лѣтъ томилась въ крѣпости. Княжнѣ суждены были однѣ несчастія. 10-го сентября 1777 г. страшное наводненіе постигло Петербургъ. Вода затопила тотъ казематъ, въ которомъ содержалась княжна. Несчастливая погибла.

207.

Екатерина II, слушающая рассказъ Чичагова о побѣдѣ.

Въ 1789 и 1790 годахъ адмиралъ Чичаговъ одержалъ блистательныя побѣды надъ шведскимъ флотомъ, которымъ командовалъ сначала герцогъ Зюдерманландскій, а потомъ самъ шведскій король, Густавъ III. Старый адмиралъ былъ осипанъ милостями императрицы: получилъ андреевскую ленту, 1,388 душъ крестьянъ, потомъ орденъ св. Георгія 1-й ст., еще 2,417 душъ, а при заключеніи мира похвальную грамоту, шагу, украшенную алмазами, и серебряный сервизъ. При первомъ, послѣ того, прѣздѣ Чичагова въ Петербургъ, императрица приняла его милостиво и изъявила желаніе, чтобы онъ разсказалъ ей о своихъ походахъ. Для этого она пригласила его къ себѣ на слѣдующее утро. Государыню предупреждали, что адмиралъ почти не бывалъ въ хорошихъ обществахъ, иногда употребляетъ неприличныя выраженія и можетъ неугодить ей своимъ разсказомъ. Но императрица осталась при своемъ желаніи. На другое утро явился Чичаговъ. Государыня приняла его въ своемъ кабинетѣ и, посадивъ противъ себя, вѣжливо сказала, что готова слушать. Старикъ началъ.... Не привыкнувъ говорить въ присутствіи императрицы, онъ робѣлъ, но чѣмъ дальше входилъ въ разсказъ, тѣмъ больше оживлялся, и наконецъ, пришелъ въ такую восторженность, что кричалъ, махалъ руками и горячился, какъ бы при разговорѣ съ равнымъ себѣ. Описавъ рѣшительную битву и дойдя до того, когда неприятельскій флотъ обратился въ полное бѣгство, адмиралъ все забылъ, ругалъ трусовъ — шведовъ, причемъ употреблялъ такія слова, которыя можно слышать только въ толпѣ чернаго народа. „Я ихъ... я ихъ....“ кричалъ адмиралъ. Вдругъ старикъ опомнился, въ ужасѣ вскочилъ съ кресель, повалился передъ императрицей...

— „Виноватъ, матушка, ваше императорское величество....“

— „Ничего“, кротко сказала императрица, не давъ замѣтить, что поняла непристойныя выраженія, „ничего, Василій Яковлевичъ, продолжайте; я вашихъ морскихъ терминовъ не разумѣю“.

Она такъ простодушно говорила это, что старикъ отъ души по-

вѣрилъ, опять сѣлъ и докончилъ разсказъ. Императрица отпустила его съ чрезвычайнымъ благоволеніемъ.

208.

Екатерина за журналомъ Новикова.

Читая журналъ Новикова: „Живописецъ“, императрица часто догадывалась, что во многихъ мѣстахъ осуждали ея дѣйствія или смѣялись надъ ея слабостями. Нерѣдко она плакала и говорила: „что я имъ сдѣлала, за что они на меня нападаютъ?“ но никогда не преслѣдовала.

209.

Приступая къ какому-либо важному постановленію, Екатерина предварительно приказывала распространить о томъ вѣсти и потомъ прислушивалась къ толкамъ народнымъ. Оберъ-полиціймейстеръ каждый день докладывалъ ей о всѣхъ происшествіяхъ, даже мелкихъ, и о говорѣ народномъ; придворные и другіе, близкіе ко двору, особы тоже передавали ей городскіе толки. Если предполагаемое постановленіе одобрялось, то императрица утверждала его, а если не одобрялось, то отмѣняла.

210.

Храповицкій.

Екатерина II была недовольна однимъ изъ иноземныхъ пословъ и, пригласивъ его къ обѣду, начала говорить съ нимъ рѣзко и желчно.

Храповицкій сказалъ въ полголоса сосѣду: „жалъ, что матушка такъ неосторожно говорить“.

Императрица перебрѣнула разговоръ. Послѣ обѣда, когда роздали чашки кофе, государыня подошла къ Храповицкому и вполголоса сказала:

— „Ваше превосходительство, вы слишкомъ дерзки, что осмѣливаетесь давать мнѣ совѣты, которыхъ у васъ не просятъ“.

Гнѣвъ былъ на ея лицѣ; она поставила дрожащею рукою чашку на поднось, раскланялась и вышла. — Храповицкій считалъ себя погибшимъ; онъ едва поплелся домой, но на лѣстницѣ догналъ его камердинеръ съ приказаніемъ, чтобы шелъ къ императрицѣ. Все-таки это было лучше, чѣмъ оставаться въ неизвѣстности. Императрица ходила по комнатѣ и, остановившись противъ него, съ гнѣвомъ опять сказала:

— „Ваше превосходительство, какъ вы смѣли при собраніи явно

ужорить меня, тогда какъ вы не должны смѣть въ присутствіи моемъ говорить иначе, какъ отвѣчая на мои вопросы?"

Храповицкій упалъ въ ноги и просилъ помиловаія. Императрица вдругъ перемѣнила тонъ и съ лаской, приказавъ ему встать, сказала:

— „Знаю, знаю, что вы это сдѣлали изъ любви ко мнѣ, благодарю васъ“. Взявъ со стола табакерку съ брилліантами, она продолжала: „Вотъ, возьмите на память; я женщина и притомъ пылкая, часто увлекаюсь; прошу васъ, если замѣтите мою неосторожность, не выражайте явно своего неудовольствія и не высказывайте замѣчанія, но раскройте эту табакерку и нюхайте: я тотчасъ пойму и удержусь отъ того, что вамъ не нравится“.

211.

Алексѣй Мухановъ.

Алексѣй Ильичъ Мухановъ, въ послѣдствіи сенаторъ, былъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента сената еще молодымъ и неизвѣстенъ Екатеринѣ.

Сенату поручено было розыскать средства къ умноженію доходовъ. Разсужденія кончились тѣмъ, чтобъ возвысить цѣну на соль. Въ сенатѣ всѣ были на это согласны и никто не смѣлъ подать противнаго мнѣнія, такъ какъ всѣ знали, что повелѣніе объ умноженіи доходовъ исходило свыше. Одинъ Мухановъ подалъ голосъ въ защиту бѣдныхъ, на которыхъ ложилась эта новая тягость. Дѣло было оставлено.

Черезъ полгода Екатерина приказала генераль-прокурору кн. А. А. Вяземскому привести на одинъ изъ ея выходовъ Муханова и стать съ нимъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Она сказала только, что желаетъ видѣть оберъ-прокурора 1-го департамента, не давая замѣтить, что хочетъ его отличить. Между тѣмъ, она узнала о его имени и отчествѣ.

Вяземскій представилъ его: „вотъ оберъ-прокуроръ Мухановъ“.

Императрица сказала: „Алексѣй Ильичъ! Извините меня, что я васъ до сихъ поръ не знала, тогда какъ вы меня такъ коротко знаете. Скажите, какимъ образомъ вы узнали мой образъ мыслей, мои правила, мое сердце? Въ вашемъ мнѣніи вы изложили точно то, что я думаю о моемъ народѣ; вы изложили не свое, а мое мнѣніе. Благодарю васъ, благодарю васъ“.

Она сама возложила на него орденъ св. Владиміра 3-й степени, и это было началомъ его возвышенія.

212.

Арсеній Мацѣвичъ.

Вотъ одно изъ преданій, слышанныхъ мною отъ Н—тія, преосвященнаго иркутскаго, о кончинѣ Арсенія Мацѣвича, разстриженнаго, въ царствованіе Екатерины II, митрополита ростовскаго.

Когда офицеръ везъ Арсенія изъ Архангельска въ Ревельскую крѣпость, въ одномъ селѣ, во время мятели, Мацѣвичъ вошелъ въ церковь и попросилъ дозволенія помолиться въ алтарѣ. Когда священникъ, совершивъ тайны, приступалъ къ причащенію, то, оглянувшись, увидалъ, что пришелецъ въ архіерейскихъ ризахъ и просить приобщить его.

Священникъ повлонился и просилъ святителя благословить его и причастить. Архіерей самъ причастился и причастилъ іерея. По окончаніи причастія, онъ, именемъ архіерея, запретилъ говорить о видѣнномъ. Потомъ Арсеній просилъ оставить его въ церкви помолиться и, заверевъ его, отдать ключъ офицеру. Такъ и сдѣлали.

Когда офицеръ, закусивъ у священника, приготовился опять ѣхать и вошелъ въ церковь за Арсеніемъ, то нашелъ его мертвымъ, распростертымъ у престола.

Мацѣвичъ предъ его разстриженіемъ въ синодѣ, предрекалъ гибель враговъ своихъ и говорилъ, что „Екатерина II не удостоится христіанской кончины“ (она, какъ извѣстно, умерла внезапно, въ кабинетѣ, близъ гардеробной), „а митрополитъ Новгородскій, Димитрій Сѣменовъ, умереть страшною смертію“.

Сѣменовъ умеръ отъ паралича; языкъ его вытянулся на четверть аршина, и видъ покойнаго представлялъ страшное безобразіе.

213.

Екатерина II и сенатскій чиновникъ.

Мелкій сенатскій чиновникъ, имѣвшій прекрасный почеркъ, постоянно былъ занимаемъ перепискою копій съ высочайшихъ указовъ для передачи въ департаменты сената. Разъ полученъ былъ въ сенатѣ указъ, подписанный императрицей, и оберъ-прокуроръ, по обыкновенію, отдалъ его чиновнику, чтобы тотъ, къ слѣдующему дню, написалъ извѣстное число копій самымъ лучшимъ почеркомъ. Было поздно; присутствіе обанчивалось и вся канцелярія уже расходилась. Чиновникъ чувствовалъ себя усталымъ отъ работъ и нездоровымъ. Онъ началъ было писать первую копию и не могъ продол-

жать. Поэтому онъ, какъ и прежде иногда дѣлывалъ, рѣшился исполнить приказаніе у себя, дома. Сложивъ вчетверо указъ, онъ положилъ его въ карманъ (бумагу и другія принадлежности письма, для подобныхъ работъ, онъ хранилъ въ запасъ на дому) и отправился изъ сената. Дорогой онъ почувствовалъ еще большее нездоровье, припадокъ, въ родѣ холеры.... Въ жару припадка, въ полубезпамятствѣ, забывъ, что у него въ карманѣ, онъ выхватилъ подлинный именной указъ и разорвалъ его.... Вдругъ вспомнилъ онъ, что изорвалъ! Быстро подобралъ лоскутки бумаги, стеръ съ нихъ, сколько можно было, нечистоту, и опять положилъ въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ не зналъ, что дѣлать: хотѣлъ броситься въ воду, но страхъ грѣха и инстинктъ жизни удержали его; хотѣлъ явиться съ повинной къ генераль-прокурору князю Вяземскому, или оберъ-прокурору; но страхъ наказанія подкашивалъ ему ноги. У него же были жена и дѣти. Наконецъ, вспомнивъ, что императрица въ Царскомъ Селѣ, онъ рѣшился пасть къ ногамъ самой милосердной государыни. Опряметью побѣждалъ онъ и, больной, измученный мыслями, едва къ вечеру добрался до Царскаго. Тамъ, въ саду, гдѣ-то въ темномъ уголкѣ, онъ провелъ бессонную ночь. Рано утромъ, онъ вышелъ изъ засады и легъ въ кусты при одной изъ тѣхъ дорожекъ, по которымъ императрица дѣлала утреннія прогулки. Настала привычный часъ.

Идетъ императрица, одна, и передъ ней бѣжитъ комнатная собачка. Чиновникъ испугался и не находилъ въ себѣ мужества выйти изъ кустовъ. Вдругъ собачка, чуя человѣка, побѣжала къ кусту и неумолчно залаяла. Остерытый ею чиновникъ не могъ уже не показаться: онъ привсталъ и вышелъ на дорожку, блѣдный, трепещущій. Императрица смутилась и отступила нѣсколько шаговъ. Виновный бросился къ ногамъ ея, умолялъ о помилованіи, говорилъ, что онъ достоинъ казни и просить не о себѣ, но ради малютокъ — дѣтей своихъ.

— „Что такое, что такое?“ спрашивала императрица и приказала чиновнику встать.

Онъ подробно разсказалъ дѣло, и когда дошелъ до подробностей, началъ заикаться, подбирая приличные выраженія....

— „Да, понимаю, понимаю“, говорила съ улыбкой императрица, „вы изорвали указъ мой; не хорошо это; законы не пощадили бы васъ; вы сохранили лоскутки? въ чемъ состоялъ указъ?“

Услышавъ, что лоскутки въ карманѣ и что указъ не важнаго содержанія, по крайней мѣрѣ, не такого, чтобы можно было подозрѣвать чиновника въ намѣреніи или злоупотребленіи, императрица сказала:

— „Хорошо, не сходите съ этой дорожки; а докончу мою прогулку; надѣюсь, что вы доволите мнѣ это: утренняя прогулка необходима для моего здоровья; за вами придетъ посланный; вы слѣдуйте за нимъ; оставайтесь же здѣсь“.

Сказавъ это, императрица удалилась. Отлегло отъ сердца чиновника; но онъ еще не зналъ, что съ нимъ будетъ. Черезъ часъ является придворный слуга. Чиновникъ слѣдуетъ за нимъ. Войдя во дворецъ, они пошли какимъ-то излучистымъ путемъ, то служительскими комнатами, то корридорами и, наконецъ, потаенной лѣстницей вошли въ комнату, богато убранную. Здѣсь чиновникъ увидѣлъ себя лицомъ въ лицу предъ императрицей.

Указывая на столъ, на которомъ разложена была бумага разнаго рода, государыня сказала:

— „Садитесь, выберите бумагу, на какой былъ написанъ указъ, перепишите его съ лоскутковъ, позовите звонкомъ этого слугу и черезъ него дайте мнѣ знать, что кончили работу“.

Императрица вышла. Чиновникъ исполнилъ повелѣніе. Слуга доложилъ государынѣ и она опять вошла. Прочитавъ указъ, она съѣла, подписала его; потомъ приказала чиновнику, при ней же, бросить лоскутки прежняго указа въ пылавшій каминъ, и отдавая новый указъ, милостиво сказала:

— „Вотъ вамъ, сверните его, какъ онъ былъ, и исполните приказаніе вашего оберъ-прокурора; только, чтобъ все это осталось между нами тайной; особенно бойтесь, чтобъ не узналъ князь Александръ Андреевичъ Вяземскій, а то вамъ худо будетъ!“

Чиновникъ, распростертый у ногъ императрицы, плабаль навзрыдъ. Ничѣмъ не могла быть выражена краснорѣчивѣе его благодарность милосердной монархинѣ.

214.

Грибовскій.

Грибовскій, въ послѣдніе годы царствованія Екаторины II, былъ однимъ изъ любимыхъ ею статсъ-секретарей и на дѣла имѣлъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ другіе его сотоварищи.

При Павлѣ I онъ удалился въ малороссійскія свои помѣстья. Императоръ Александръ I приглашалъ его на службу, но онъ отказался.

Онъ былъ въ отставкѣ не болѣе, какъ полковникъ, но когда-то при немъ были адъютантами М. И. Голенищевъ-Кутузовъ и Рибасъ; министры новаго царствованія были когда-то его товарищи или въ числѣ тѣхъ, которые искали его покровительства. Поэтому, во

время прїѣздовъ его въ Петербургъ, его вездѣ принимали съ величайшимъ почетомъ.

Разъ у министра Голубцова былъ обѣдъ. Съѣхались Трощинскій, Завадовскій, Ководавлевъ и другіе, стоявшіе уже на высокихъ степеняхъ; но все еще кого-то и долго поджидали. Вдругъ подъѣзжаетъ коляска, запряженная прекрасной четвернею лошадей. Прошелъ говоръ, что прїѣхалъ Грибовскій, и всѣ пришли въ суетливое движеніе. Когда вошелъ онъ въ залу, министры....

Примѣчаніе. Въ подлинной рукописи этотъ рассказъ не оконченъ.

Ред.

215.

Марья Савишна Перекусихина рекомендовала Екаторинѣ II одного человѣка въ службу, который и былъ принятъ во дворъ.

Разъ государыня гуляла въ Царскосельскомъ саду, взявъ съ собой этого человѣка. Найдя какого-то червяка, она взявъ его на ладонь, дивилась, отчего онъ сдѣлался вдругъ недвижимъ, и всячески старалась оживить его. Она обратилась къ человѣку съ вопросомъ: не знаетъ-ли онъ, какъ привести червяка въ движеніе?

— „Знаю, ваше величество“, отвѣчалъ тотъ, „стоитъ только“.... и онъ плюнулъ на червяка.

Въ самомъ дѣлѣ, червякъ оживился, а слуга нисколько не догадывался, что сдѣлалъ большое невѣжество. Императрица стерла руку, не показавъ ни малѣйшаго неудовольствія, и они возвратились во дворецъ, какъ бы ничего не произошло особеннаго. Только послѣ государыня замѣтила Марьѣ Савишнѣ, что она доставила ей прислугу не слишкомъ вѣжливую.

(Слышалъ отъ Сенявиной, рожденной княжны Мешерской).

216 — 218.

Шешковскій.¹⁾

Род. 1720, ум. 1794 г.

Степанъ Ивановичъ Шешковскій, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елисаветы Петровны, служилъ въ Тайной канцеляріи. Тогда онъ былъ еще мелкимъ чиновникомъ, но успѣлъ уже при-

¹⁾ О Шешковскомъ упоминается въ «Словарѣ достопамятныхъ людей» — Бантыша-Каменскаго, ч. 3, стр. 78; ч. 4, стр. 28, 262 и 263; въ «Запискахъ Державина», стр. 323—325, 327, 328. См. также интересную замѣтку о Шешковскомъ П. А. Ефремова въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., т. II, стр. 637—639.

обрѣсти извѣстность челоуѣка, способнаго къ тайнымъ дознаніямъ и розыскамъ. При государѣ Петрѣ III уничтожена страшная канцелярія, и Шешковскій оставался нѣкоторое время безъ назначенія. Императрица Екатерина II не желала возобновлять этой канцеляріи; но потомъ увидѣла необходимость имѣть отрывковъ ея, чтобы слѣдить за духомъ народнымъ, за образомъ мыслей людей; выдающихся впередъ, и за поступками тѣхъ, которые были нерасположены къ новому царствованію. Императрица обратила вниманіе на Шешковского и поручила ему дѣйствовать въ духѣ прежней канцеляріи.

Дѣйствія одного не могли быть столько обширны, сколько дѣйствія цѣлой канцеляріи, и сама Екатерина, умѣвшая снисходить къ слабостямъ челоуѣческимъ, всегда, даже въ минуты гнѣва, владѣвшая собою, и болѣе склонная къ милосердію, нежели къ строгости, — не допускала тѣхъ ужасовъ, которые происходили въ Тайной канцеляріи временъ Бирона и Александра Ивановича Шувалова (при императрицѣ Елисаветѣ).

Шешковскій былъ чрезвычайно расторопенъ и на дѣлѣ доказывать способность къ исполненію возложенной на него обязанности. Онъ вездѣ бывалъ; часто его встрѣчали тамъ, гдѣ и не ожидали. Имѣя, сверхъ того, тайныхъ лазутчиковъ, онъ зналъ все, что происходило въ столицѣ: не только преступные замыслы или дѣйствія, но даже вольные и неосторожные разговоры. Провинившихся онъ, обыкновенно, приглашалъ къ себѣ: никто не смѣлъ не явиться по его требованію. Однимъ внушалъ онъ правила осторожности, другимъ дѣлалъ выговоры; болѣе виновныхъ подвергалъ домашнему наказанію. Только за важнѣйшія преступленія, и это было рѣдко, виновнаго сѣвли жестоко ¹⁾ или заключали въ крѣпость. ²⁾

Для домашняго наказанія—въ кабинетѣ Шешковского находилось кресло, особаго устройства. Приглашеннаго онъ просилъ сѣсть въ это кресло и какъ скоро тотъ усаживался, одна сторона, гдѣ ручка, по привосновенію хозяина, вдругъ раздвигалась, соединялась съ другою стороною кресель и замыкала гостя таеъ, что онъ не могъ ни освободиться, ни предотвратить того, что ему готовилось. Тогда, по знаку Шешковского, локъ съ креслами опускался подъ полъ. Только голова и плечи виновнаго оставались на верху, а все прочее

¹⁾ О допросѣ Шешковскимъ Я. Б. Княжнина см. «Словарь достопамятныхъ людей, земли русской» — Баятшъ-Крѣменскаго М., 1836 г., ч. 3, стр. 78.

Примѣч. Собирателя.

²⁾ О заключеніи Н. П. Новикова въ Шпесельбургскую крѣпость и о допросѣ его Шешковскимъ — тамъ же, ч. 4, стр. 29.

Примѣч. Собирателя.

тѣло висѣло подъ пологомъ. Тамъ отнимали кресло, обнажали наказываемыя части и сѣкли. Исполнители не видѣли кого наказывали. Потомъ гость приводимъ былъ въ прежній порядокъ и, съ креслами, поднимался изъ-подъ пола. Все оканчивалось безъ шума и огласки.

Но, несмотря на эту тайну, молва разносила имя Шешковского и еще увеличивала дѣйствія его ложными прибавленіями. Во все царствованіе Еватерины II, онъ былъ для всѣхъ страшнымъ чело-вѣкомъ: одно напоминаніе о немъ многихъ приводило въ ужасъ.

Изъ разсказовъ о Шешковскомъ приведемъ два, не столько возмущающихъ душу, сколько забавныхъ.

Пріѣзжій донецъ, отставной генераль, былъ на дружескомъ обѣдѣ. За столомъ, однакоже, сидѣло чело-вѣкъ до тридцати. Подгулявъ, генераль началъ говорить свободно о правительствѣ, о государынь. Вдругъ, среди разговора, онъ замѣчаетъ, что за столомъ, среди гостей, сидитъ и Шешковскій. У генерала и языкъ остановился. По окончаніи обѣда, когда гости разошлись въ разные углы и сидѣли кучками, подошелъ къ генералу Шешковскій. Начавъ вѣжливо разговоръ о разныхъ предметахъ, Шешковскій, между прочимъ, спрашивалъ генерала, давно-ли онъ пріѣхалъ съ Дона, просилъ жаловать къ нему, а чтобы не отгадывать вдаль, приглашалъ его на другой же день, къ обѣду. Прошелъ и хмѣль у генерала! Онъ почти не могъ отвѣчать и едва произносилъ несвязныя выраженія: „ваше превосходительство, конечно ваше превосходительство, извините меня, я не привыкъ къ богатымъ обѣдамъ, я простой чело-вѣкъ, куда мнѣ? мнѣ былъ бы малороссійскій борщъ“....

— „Въ томъ-то и дѣло“, перебилъ его Шешковскій, „потому-то я и приглашаю васъ, что завтра у меня будетъ приготовленъ чудесный борщъ“.

— „Знаю, знаю, ваше превосходительство“, продолжалъ генераль, „но ради же Бога, увольте меня отъ обѣда“. Сколько ни отговаривался онъ, Шешковскій оставилъ однакоже его, твердо повторивъ приглашеніе къ завтрашнему обѣду. Задумался генераль и не зналъ, что дѣлать: ѣхать къ Шешковскому — бѣда! и не ѣхать — бѣда! Всю ночь протосковалъ онъ. На слѣдующее утро, рѣшившись пасть къ ногамъ самой императрицы, онъ отправился во дворецъ. Камердинеръ Зотовъ не рѣшался доложить о немъ, потому что было время, когда императрица ожидала докладчиковъ съ дѣлами. Но генераль просилъ неотвязчиво.

— „Ради же Господа Бога, доложите матушкѣ-то государынь, мнѣ, крайняя нужда просить о себѣ, ради Бога.“

„Захарушка“ доложилъ, объяснивъ, что проситель отъ чего-то въ страхѣ и трепетѣ. Императрица дозволила ввести его.

Только что вошелъ генераль и чубурахъ въ ноги.

— „Матушка—государыня!“ завопилъ онъ: „виновать передъ Богомъ и передъ тобою, прости меня, помилуй!“

Императрица спрашиваетъ: „что такое, что такое, скажите?“

Генераль откровенно разсказалъ, какъ онъ былъ на веселѣ, что болталъ отъ вина и простоты, какъ Шешковскій просилъ его на борщъ. Загнувъ руку за спину и потирая ее, онъ говорилъ плачевнымъ голосомъ:

— „Знаю я, матушка-государыня, знаю, что у него за борщъ!“

Понравилась императрицѣ наивность генерала. Она побранила его за разговоры и взяла съ него слово, что онъ никогда не будетъ дѣлать этого. Въ это время вошелъ Захарушка, съ докладомъ, что Шешковскій пріѣхалъ и спрашиваетъ дозволенія войти къ императрицѣ. Государыня приказала генералу спрятаться за ширму и стоять тамъ; потомъ приказала звать Шешковского.

— „Знаю“, сказала она, „о чемъ вы хотите доложить мнѣ; но я уже видѣла виноватаго, онъ въ полномъ раскаяніи; пожалуйста, дозвольте ему не являться на вашъ борщъ; я съ нимъ переговорила“....

Стоявшій за ширмами генераль до того обрадовался, что не утерпѣлъ, выглянулъ изъ-за ширмы и, разинувъ ротъ и показывая кукишъ, съ насмѣшкой сказалъ Шешковскому:

— „А, что взялъ!“

Императрица услышавъ его голосъ, тотчасъ оглянулась, увидѣла все, и много смѣялась надъ наивнымъ донцомъ.

Разъ Шешковскій самъ попалъ въ свою ловушку. Одинъ молодой человекъ, уже бывшій у него въ передѣлкѣ, успѣлъ замѣтить и то, какъ завертывается ручка кресла, и то, отчего люкъ опускается; этотъ молодой человекъ провинился въ другой разъ и опять былъ приглашенъ къ Шешковскому. Хозяинъ, по прежнему, долго выговаривалъ ему за легкомысленный поступокъ и по прежнему просилъ его садиться въ кресло. Молодой человекъ отшаркивался, говорилъ: „помилуйте, ваше превосходительство, я постояю, я еще молодъ.“ Но Шешковскій все упрашивалъ и, окруживъ его руками, подвигалъ его ближе и ближе къ кресламъ, и готовъ уже былъ посадить сверхъ воли. Молодой человекъ былъ очень силенъ; мгновенно схватилъ онъ Шешковского, усадилъ его самого въ кресло, завернулъ отодви-

нутую ручку, тошнугъ ногой и — кресло съ ковчиномъ провалилось. Подъ поломъ началась работа! Шешковскій кричалъ, но молодой человекъ зажималъ ему ротъ, и крики, всегда бывавшіе при такихъ случаяхъ, не останавливали наказанія. Когда порядочно высѣли Шешковскаго, молодой человекъ бросился изъ комнаты и убѣжалъ домой. Какъ освободился Шешковскій изъ засады, это осталось только ему извѣстно!

Въ долговременное царствованіе Екатерины II, Шешковскій не дослужился выше чина статскаго совѣтника: это значитъ, что она считала необходимымъ имѣть такого чиновника, но не высоко цѣнила его ремесло.¹⁾ Вѣроятно, заслуги его награждались больше деньгами, чѣмъ почетными наградами. Говорятъ, что онъ и самъ умѣлъ наживаться: за деньги освобождалъ отъ наказанія тѣхъ, которые приглашались къ нему. Вѣрно только то, что онъ оставилъ послѣ себя три дома въ Петербургѣ (одинъ домъ, въ которомъ самъ жилъ, былъ въ Коломнѣ, близъ Калинина моста) и большіе капиталы. Но богатство, нажитое службой неблагородной и неправдой, не пошло въ прокъ. Единственный сынъ его былъ человекъ ничтожный, пьяница и мотъ (?). У него все исчезло прахомъ!

Шешковскій умеръ 12-го мая 1794 г. (см. „Описаніе Александро-Невской лавры“, соч. Попова, 1842 г. стр. 111).

219.

Коронаваніе Петра III.

Говорили мнѣ, что Петръ III, по отрытіи его въ концѣ 1796 г. найденъ сохранившимся и что въ Петропавловскомъ соборѣ онъ посаженъ былъ на стулъ и коронованъ.

Болѣе же достовѣрные люди утверждаютъ, что въ гробу найдены были только кости и одинъ сохранившійся сапогъ; что приготовлена была особенная корона и положена на престолѣ въ Петропавловскомъ соборѣ; что Павелъ, еще до коронаціи своей, снявъ плагу, самъ взошелъ въ алтарь, вынесъ корону и надѣлъ ее на черепъ своего отца; и что только въ этомъ состояло все коронаваніе Петра III.

¹⁾ Это не справедливо, такъ какъ Шешковскій, въ 1791 г., былъ произведенъ уже въ тайные совѣтники. См. «Русск. Стар.», 1870 г., т. II, стр. 639.

Четверостишіе Жуковского къ Ермолову.

Въ замѣткѣ о Ермоловѣ В. Хлопова, въ „Русской Старинѣ“, т. X (1874 г. кн. V), на стр. 200 приведена, не исполнѣ, надпись Жуковского, сдѣланная имъ на экземплярѣ его стихотвореній (рѣдкаго изданія, напечатаннаго въ Карлсруэ), подаренномъ Ермолову, который самъ ихъ перепелелъ. Экземпляръ этотъ хранится въ библиотекѣ Ермолова, поступившей въ Московскій университетъ; четверостишіе это я списалъ и напечаталъ въ статейкѣ о библиотекѣ Московскаго университета, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1858 г., № 66. Вотъ оно:

Жизнь чудная его въ потомство перейдетъ:
 Дѣлами славными она безсмертно дышетъ;
 Заочеть—о себѣ какъ Тацитъ онъ напишетъ
 И лихо лѣтопись свою переплететъ.

Ермоловъ подъ старость любилъ заниматься переплетомъ книгъ.

Г. Н. Гекнади.

Мѣдный всадникъ.

Въ 1812 году, во время нашествія французовъ, изъ Петербурга вывозились многіе драгоценные предметы, архивы, библиотеки, собранія рѣдкостей и проч., все это было отправляемо въ отдаленныя губерніи. Заботиться объ этомъ поручено было кн. А. Н. Голицыну, который предполагалъ вывезти изъ столицы даже конную статую Петра I — знаменитое произведеніе Фальконета. Между приготовленіями къ этому, разъ является къ кн. Голицыну почтъ-директоръ Булгаковъ и рассказываетъ сонъ, пригрезившійся ему прошлой ночью. Булгакову снилось, что онъ, пройдя мимо памятника, вдругъ услышалъ за собою страшный топотъ коны; обернувшись, увидѣлъ онъ бронзоваго Петра, скачущаго на конѣ своемъ; Петръ проскакалъ мимо, по направленію къ Каменному острову, и Булгаковъ, пораженный этимъ явленіемъ, слѣдовалъ за мѣднымъ всадникомъ; на Каменномъ острову Петръ, встрѣтивъ императора Александра, остановилъ его и сказалъ:

— „Бѣдствіе великое грозитъ тебѣ; но не бойся за Петербургъ: я храню его, и доколѣ я здѣсь — мой городъ безопасенъ!“

По выслушаніи Булгакова, кн. Голицынъ не могъ освободиться отъ вліянія вѣры въ это сновидѣніе, и хотя нѣсколько разъ возобновлялъ заботы о вывозѣ памятника изъ Петербурга, но никакъ не могъ приступить къ этому, боясь лишить столицу ея хранителя. Вотъ причина, почему памятникъ не былъ вывезенъ.

Случай этотъ подаль Пушкину мысль написать поэму: „Мѣдный всадникъ“.

М.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ X ТОМЪ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1874 г.

А.

Аббасъ-Мирза, персидскій наслѣдний принцъ, р. 1782 † 1833 г., 164, 293, 308.

Абрамова, Дарья, крестьянка, 508.

Абрамовъ, Иванъ, крестьянинъ, 514.

Агафонова, Аграфена, дворовая, 528.

Агафонова, Акулина, дворовая, 528.

Адамовичъ, помѣщица, 647.

Аделунгъ, 301.

Адлер-Прейцъ, швед. полковникъ, начальникъ штаба 1808 г., 667.

Ажогинъ, хорунжій 1788 г., 37.

Аксинья, дворовая дѣвушка, 517, 526, 532.

Александровскій, А. П., адъютантъ кн. Бебутова 1849 г., внослѣд. флигель-адъютантъ, 194.

Александръ Павловичъ, императоръ. Указъ объ истребленіи непопулярныхъ азартныхъ игръ 1801 г., 620—621. Рескрипты Булатову 1803, 1810 и 1811 гг., и благожелательность къ нему, 672—673, 674, 675, 681—682. Свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ 1808 г., 621—622. Отношенія къ Аракчееву, 635. Присутствіе

при арміи въ 1812 г. и благожелательность къ Ермолову, 640—642. Посѣщеніе больного Кутузова 1813 г., 381. Назначеніе А. В. Иловайскаго атаманомъ донскаго казачьяго войска 1821 г., 3. Упом. 58, 126, 129, 130, 138, 162, 192, 196, 276, 331, 375, 412, 414, 419, 634, 667, 695, 780.

Алексѣева, Агафья Вас., см. Леонтьева.

Алексѣева, Аграфена, дворовая, 517, 526.

Алексѣева, Ирина, дворовая Салтыковой. Убіеніе ея, 525—526, 528, 532.

Алексѣева, Марія, дворовая, 527.

Алексѣева, Наталья, дворовая, 528.

Алексѣева, Феодора, дворовая, 527.

Алексѣевъ, Александръ, шт.-капитанъ 1826 г., 692—693.

Алексѣевъ, от. Михаилъ, сельск. священникъ 1750-хъ гг., 526.

Алексѣевъ, Семень, дворовый, 534.

Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629 † 1676 г., 410, 418, 419, 421, 670.

Алиаръ-ханъ, персид. сановникъ 1827 г., 293, 295.

Алфимовъ, Андрей, дворовый, 519.

Альвенслебенъ, 531.

Амбургеръ, Н. С., генеральный консулъ въ Персіи 1828 г., 298.

Амликъ, дядька А. С. Грибоѣдова, 165, 169.

Андреева, Акулина, дворовая, 517, 526, 532.

Андреева, Прасковья, дворовая, 528.

Андреевъ, Гаврила, крѣпостной чело-
вѣкъ, 538, 539.

Андреевъ, Ульянъ, дворовый, 522, 523.

Андреевъ, Хрисанфъ, крестьянинъ
Салтыковой. Убіеніе его, 510—517, 527,
532, 539.

Андріаковъ, полковникъ 1819 г., 2.

Анна, королева австрійская, 309.

Анна Иоанновна, императрица, 419.

Анна Леопольдовна, правительница
Россіи, принцесса Брауншвейгъ-Люне-
бургская, р. 1718 † 1746 г., 419.

Антипова, Татьяна, дворовая. Убі-
ство ее, 523—524, 528.

Антонова, Елена Вас., дворовая дѣ-
вочка, 528, 530, 532.

Антоновъ, Антонъ, казакъ, 8.

Антоновъ, Василій, крестьянинъ, 508,
525.

Антонъ-Ульрихъ, см. герц. Браун-
швейгъ-Люнебургскій.

Аплечева, В. А., 618.

Аплечевъ, А. А., с.-петерб. об.-поли-
ціймейстеръ въ 1790-хъ гг. Спасеніе имъ
Киндякова, 618—620.

Апраксинъ, 394.

Апраксинъ, гр. Степ. Фед., фельдмар-
шалъ, р. 1702 † 1760 г. Побѣда его при
Гросъ-Эгерсдорфѣ, 756.

Арачневъ, гр. Алексій Андр., воен.
министръ, р. 1769 † 1834 г. Предписанія
его Булагову 1799 г., 672. Увольненіе
отъ званія воен. министра 1810 г., 634,
635. Письмо къ брату Петру передъ вой-
ной 1812 г., 190—192. Упом. 636, 641,
654, 686.

Арачневъ, Андрей Андр., кievскій
комендантъ, р. 1778 г., 192.

Арачневъ, Петръ Андр., фл.-адъютантъ
импер. Александра I, р. 1776 г. Письмо
къ нему брата Алексія Андрее-
вича, 1812 г., 190—192.

Араповъ, Пимень, театрал. гѣтоши-
сецъ, 158, 159.

Аргутинскій-Долгорукой, кн. Мои-
сей Захар., генер.-лейт., командующій
войсками въ южномъ Дагестанѣ 1846 г.,
впослѣд. генералъ-адъютантъ, † 1855 г.,
195.

Арина, няня Пушкина, 685.

Арсеній, (Мацѣвичъ), митрополитъ
ростовскій. Народное преданіе въ Си-
бири о смерти его на пути въ Ревель,
778.

Артамонова, Авдотья, дворовая, 527,
529.

Артамонова, Федосья, дворовая Сал-
тыковой. Обстоятельства ея убійства,
506—510, 526.

Артамоновъ, Иванъ, крестьянинъ,
514, 515.

Артемьевъ, Николай, дворовый, 519,
525.

Архиповъ, Ерофей, сельскій староста,
523.

Асенцова. Варв. Никол., извѣстная
актриса, † 1841 г., 686.

Астаховъ, Никита, офицеръ 1790 г., 11.

Афимья, дворовая, 528, 530.

Ахвердова, Прасков. Ник., 306.

Ахматовъ, харьковскій губернаторъ
1861 г., 626, 627.

Аванасьева, Марина, дворовая, 527.

Б.

Багговутъ, генералъ. Смерть его подъ
Тарутинимъ 1812 г., 656.

Багратионъ, кн. Петръ Иван., генер.
отъ инфантеріи, р. 1765 † 1812 г. Коман-
дование арміей и отношенія къ Барклая-
де-Толли, 646, 648, 651—653. Упом. 191,
674.

Багратионъ, кн. Романъ Ив. О пред-
ставленія въ его домѣ ком. «Горе отъ
Ума» въ 1832 г., 610—611. Упом. 59.

Бажлевичъ, Александръ Ив., пору-
чникъ 1810 г. Арестъ его по приказанію
императора, 633. Упом. 637.

Базинъ, генералъ 1855 г., 150.

Байрокъ, англ. поэтъ, 684, 688.

Балашевъ, Александръ Дмитр., разза-

скій генер.-губернаторъ, потомъ членъ государст. совѣта и министръ полиціи, † 1837 г., 190.

Вактышъ-Кажокоиѣ, Дмитр. Никол., тайн. сов., составитель «Словаря достопамятв. людей русской земли», тобольскій, потомъ виленскій гражд. губернаторъ, р. 1788 † 1850 г., 781, 782.

Варжакъ-де-Толки, кн. Мих. Богдан., генер.-фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г. Назначеніе его военнымъ министромъ 1810 г., 634. Командованіе арміей въ 1812 г. и отношенія къ Багратиону 640, 641, 642, 646, 648. Ропотъ и негодованіе в. кн. Константина Павловича и всѣхъ подчиненныхъ за отступление отъ Смоленска, 650—651. Упом. 191, 680.

Варшавъ, стихотворецъ, 686.

Варшавъ, Дмитрій Никол., гв. офицеръ 1810-хъ г., 156.

Вартъ, писатель, 157.

Васовъ, офицеръ 1828 г., 306.

Ватушковъ, Конст. Никол., писатель, р. 1788 † 1854 г. Письма его къ Н. И. Гнѣдичу 1810 г., 383—398. Упом. 689.

Важметевъ, харьков. уѣздн. предвод. дворянства 1861 г., 626.

Вашиловъ, сенаторъ, 686.

Вашиловъ, М. С., художникъ, 728—724, 726.

Вашомонъ, франц. писатель, 744.

Вебутовъ, кн. Василій Осип., генер. отъ инфант. и членъ государств. совѣта, † 1858 г., 139, 146, 147, 148, 194.

Вевородово, кн. Александр. Андр., госуд. канцлеръ, р. 1747 † 1799 г. Заключение мира въ Яссахъ 1791 г., 45. Рассказъ о немъ, 772—773. Упом. 83, 569, 575, 583.

Везобразовъ, содержатель типографіи, 727, 729.

Везомышнѣ, И., цензоръ 1856 г., 607.

Везетовъ, цензоръ 1857 г., 608.

Венигсенъ, госпожа, 352.

Венингемъ, гр. Леонтій Леонт. (Людвигъ-Августъ), генералъ отъ кавалеріи, главнокоманд. арміями 1807 и 1813 гг., † 1826 г., 673, 679.

Венкендорфъ, гр. Александръ Хри-

стоф., генер. отъ кав., ген.-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ и членъ госуд. сов., р. 1783 † 1844 г. Надзоръ его за А. С. Пушкинымъ и переноска съ нимъ по приказанію императора, 694—712.

Вергмагъ, авторъ «Хроникъ города Бунцлау», 380.

Вердишвовъ, И. Д., 175.

Верже, Адольфъ Петр., предсѣд. Кавказской Археографической Коммиссіи. О статьѣ его «Н. Н. Муравьевъ во время намѣстничества на Кавказѣ», 139—140. Ссылка на статью его объ А. С. Грибоедовѣ, 308.

Верни, кардиналъ, 746, 747, 754, 756, 757, 758.

Вертье, начальникъ штаба франц. арміи 1812 г., 371.

Веръ, Карлъ Максим., академикъ, начальникъ экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства 1855 г., 146.

Веръ, Густавъ, содержатель типографіи въ Лейпцигѣ 1858 г., 716.

Вестужевъ, Александръ Александров. (псевдонимъ Марлинскій), писатель, декабристъ, р. 1797 † 1837 г. Дружба съ Грибоедовымъ, 276.

Вестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петр., каб.-министръ, потомъ государст. канцлеръ, р. 1693 † 1766 г. Враждебныя отношенія его къ Франціи и дружескія къ Пруссіи, 749, 756. Паденіе его, 757—758. Упом. 751, 752, 753.

Вибликова, Аграфена Автож., см. Иванова.

Вибликовъ. Сообщ. статью о Н. Н. Муравьевѣ, 139—151.

Вибликовъ, Ив. Ив., генер.-поручикъ, 497, 547.

Виронъ, Іоганнъ-Эрнстъ, герцогъ Курляндскій и Семигальскій, регентъ Російской Имперіи, р. 1690 † 1772 г., 419, 782.

Виршовъ, цензоръ 1824 г., 287.

Влужъ, историкъ, 188.

Вобровъ, писатель, 286.

Вогдановичъ, М. И., воен. писатель. Опроверженіе описаннаго имъ эпизода шведской кампаніи 1808 г., 667—670. Упом. 677.

Вогомоловъ, Федотъ Мих., гайдукъ Салтыковой, 499, 510—517, 518, 519, 522, 530, 532, 540.

Водянский, издатель «Памятной книжки Полтавской губернии» 1856 г., 206.

Волгарскій, дѣйств. ст. сов., вносч. тайн. сов. и сенаторъ 1819 г., 2.

Волотовъ, Минай, рядовой 1762 г., 502.

Вошарше, франц. писатель. Исторія его съ д'Эономъ, 767—771. Упом. 390.

Воровскій, Григорій, крестьянинъ, 111—116.

Ворождина, госпожа, 353, 355.

Ворождинъ, 353, 357, 396, 398.

Вочкаревъ, издат. комедіи «Горе отъ ума» 1863 г., 726.

Бравно, дѣвица, 398.

Брауншвейгскій, герцогъ, 74.

Брауншвейгъ - Люнебургскій, герцогъ Антонъ - Ульрихъ, генерал-писмунъ русскыхъ войскъ, † 1776 г., 427.

Вредихина, Анна Ив., см. Иванова.

Вредихинъ, Вас. Сем., майоръ, 497.

Врожь, К. О., рисовальщикъ на деревѣ, 171.

де-Врольи, графъ, франц. посланникъ въ Польшѣ 1755 г., 750, 751, 755, 759, 761, 763.

Вроонецъ, 78.

Врянчаниновъ, гв. поручикъ 1821 г., 59.

Буало, франц. писатель, 387.

Буйницкій, подпоручикъ, квартирм. Семенов. полка 1812 г., 659.

Буканова, Праск. Мин.; см. Остроухова.

Букановъ, Степ. Лукьяновъ, крестьянинъ, 46.

Будатъ, царь Золотой Орды, родоначальникъ Будатовыхъ, 670.

Будатова, Елиз. Ив., рожд. Мельникова, 680.

Будатова, Марія Андр., рожд. кж. Голицына, 680.

Будатова, Марія Богд., рожд. Нилусъ, 679.

Будатовъ, Александръ Мих. 1-й (декабристъ), † 1826 г. Замѣтл. о немъ, 679—680.

Будатовъ, Александръ Мих. 2-й, штабсъ-капитанъ, 679—682.

Будатовъ, Д. А. Сообщ. біографію М. Л. Будатова, 667—682.

Будатовъ, Мих. Леонт., генер.-лейт., р. 1760 † 1825 г. Біографія его, 667—682.

Будатовъ, Мих. Мих., камер-пажъ императоръ Марія Федоровны, 679, 680.

Будлашовъ, К. Я., завѣдывающій почтовою частью въ Москвѣ 1816 г., 365, 786.

Будгарина, Елена Ив., 290, 292, 298, 305, 308.

Будгаринъ, Ѳадей Венедикт., литераторъ. Отношенія къ А. С. Грибоѣдову и переписка съ нимъ, 156, 158, 275 — 303, 588. Отношенія къ Пушкину, 704. Упом. 589, 593, 596, 714.

Будгаринъ, Владиславъ и Болесл. Ѳад. Сообщ. переписку Грибоѣдова съ разн. лицами, 152—170; 275—308.

Буле, И. И., профес. естеств. и народ. правъ Москов. университета 1810-хъ гг., 154, 283.

Бѣгичевъ, Дмитр. Никит., 294.

Бѣгичевъ, Степанъ Никит., адъютантъ при генер. Коллриговѣ. Дружба съ А. С. Грибоѣдовымъ, 154 — 155, 282, 294, 299, 300.

Бѣлецкій-Носенко, Пав. Пав., черплг. педагогъ 1810-хъ гг., 206.

Бѣлинскій, маршалъ Гродненскаго сейма 1793 г., 189.

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григ., критикъ, р. 1811 † 1848 г., 587, 728.

Бѣлоградскій, от. Іоаннъ, москов. священникъ 1762 г., 502.

Бѣлосельская-Бѣлосерская, гр. Зинаида Александровна, см. кн. Волконская.

Бюргеръ, авторъ баллады «Ленора», 158.

Бѣтъ, лордъ, 760.

В.

Вагнеръ, Рудольфъ, берлин. издатель комедіи «Горе отъ ума» 1859 г., 718.

Ваксмуть, поручикъ 1812 г., 654.

Вакудова, Пелагея, дворовая, 528.

Вали-Ага, начальникъ персид. кавалеріи 1828 г., 304.

Вальберхова, актриса 1818 г., 157.

Вальвиль, капитанъ, фехтов. учитель, 1821 г., 59.

Вальдмюссонъ, франц. агентъ, 749.

Васильева, Акулина, дворовая, 528.

Васильева, Анна, дворовая, 527.

Васильева, Анна, дворовая, 517, 526.

Васильева, Лукерья, дворовая Салтыковой. Убійство ея, 523—524, 528.

Васильева, гр. М. А., см. гр. Орлова-Денжикова.

Васильева, Надежда, дворовая Салтыковой. Убійство ея, 523, 524, 528.

Васильевъ, от. Дмитрій. Порученіе ему увѣщавать Салтыкову 1764 г., 501.

Васильевъ, Степанъ, крестьянинъ, 537.

Варламовъ, Сергій Варлам., офицеръ 1788 г., 36.

Варламъ, госпожа, 365.

Варшавская, кн. Елиз. Алексѣев., гр.

Паскевичъ-Эриванская, рожд. Грибоѣдова, † 1856 г., 153.

Варшавскій, кн. Ив. Ѳед., гр. Паскевичъ-Эриванскій, фельдмаршалъ, † 1856 г. Назначеніе его на Кавказъ 1827 г., 288. Побѣды надъ Персіей, 292—293. Отношенія къ А. С. Грибоѣдову, 290, 294. Упом. 153, 289, 306, 404, 704.

Веберъ, бундлаускій домовладѣлецъ, 380.

Вельская, принцесса, 760.

Вельяминовъ, Алексѣй Александр., генер.-майоръ, началъ корпусн. штаба въ Тифлисѣ 1827 г., впослед. генер.-лейт. и начальникъ кавказской области, † 1838 г. Расположеніе къ нему Ермолова, 636, 637. Упом. 279, 297, 635, 642, 635, 656, 663.

Вельяминовъ-Зерковъ, Левъ, надвор. сов. 1764 г. Дѣло объ укрывательствѣ пмъ преступленій Салтыковой, 505, 539, 540.

де-Верженъ, франц. министръ, 768.

Веселовскій, А. Н., авторъ очерка первоначальной исторіи «Горе отъ Ума», 587.

Викторовъ, А. Е., 175.

Вильямсъ, англ. посланникъ въ Россію 1755 г., 751, 752, 753.

Вильямсъ, англ. генералъ 1854 г., 147, 150.

Вилькъсъ, англичанинъ, 760.

Виктеръ, часовщикъ, 303.

Виртембергскій, принцъ Александръ, 659, 661.

Витгенштейнъ, кн. Петръ Христіан., генер.-фельдмаршалъ, р. 1768 † 1843 г., 680.

Витвортъ, англ. посланникъ въ Россію 1798 г., 335, 564, 567.

Видьгородскій, гр. Мих. Юрьев., гофмейстеръ, р. 1787 † 1858 г., 714.

Волковъ, Степанъ, коллеж. сов., членъ юстицъ-коллегии 1764 г. Порученіе ему прозвести повальный обыскъ по дѣлу Салтыковой и его донесенія, 502—505.

Волжонская, кн. Зинаида Александровна, рожд. кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская, 377.

Волжонскій, кн. Никита Григ., егермейстеръ, † 1840 г., 377.

Вольтеръ (François - Marie - Aronnet), франц. писатель, р. 1694 † 1778 г., 395, 746.

Волынская, Нат. Никол., см. Салтыкова.

Волынский, Мих. Ив., 543.

Воронинъ, Андрей, крестьянинъ, 93, 96, 97.

Воронцова, гр. Еват. Ром., см. кн. Дашкова.

Воронцовъ, гр. Алексан. Роман., госуд. канцлеръ, р. 1741 † 1805 г., 575.

Воронцовъ, гр. Мих. Илар., госуд. канцлеръ, р. 1714 † 1767 г., 751, 752, 753, 756, 759.

Воронцовъ, кн. Мих. Семен., кавказскій наместникъ, генер. отъ инфант., генер. адъютантъ, р. 1781 г. По поводу отношенія его къ дѣлу флиг.-адъютанта Копьева, 192—195. Упом. 141, 142, 144, 145.

Всеволодскій, Александръ, 296.

Вындомскій, штабъ-ротмистръ 1815 г., 55.

Вяземскій, кн. Александръ Алексѣев.,

генер.-прокуроръ сената, р. 1727 † 1793 г., 777, 780.

Вяземскій, кн. Петръ Анд., поэтъ, р. 1792 г., 279, 587, 703, 713.

Г.

Габеръ, Августъ, рѣзчикъ на деревѣ, 723.

Гаврилова, Анастасія, дворовая Салтыковой. Убийство ея, 523—524, 528.

Гавриловъ, Максимъ, крестьянинъ, 537.

Гагарина, кн. Екат. Сем., ом. Семенова.

Гагаринъ, кн., дербентскій губернаторъ 1849 г., 195.

Гагаринъ, кн. Ив. Алексѣев., дѣйств. камергеръ и шталмейст. двора в. кн. Екатерины Павловны, 384, 385, 388, 393, 396, 397.

Галаховъ, А. Д., составитель хрестоматіи, 727.

Галаховъ, А. П., генер.-адъютантъ, с.-петерб. об.-полцімейстеръ 1847 г., 203—205.

де-Галло, маркизъ, австр. повѣренный при заключеніи мира въ Кампо-Форміо, 81.

Гальярде, Теодоръ-Фредерикъ, франц. писатель. Составленныя имъ записки д'Эона, 745—771.

Гаррисъ, Джемсъ, лордъ Малмсбюри. англ. посланникъ въ Россію 1778 г. Отзывъ его о в. кн. Павлѣ Петровичѣ, 560.

Гарусовъ, И. Д. Сообщ. составленный имъ обзоръ всѣхъ изданій «Горе отъ Ума» 1825—1874 гг., 585—614, 715—734.

Гассанъ-паша, турецкій военачальникъ 1789 г., 39.

Гаугвицъ, гр. Христіанъ - Генрихъ-Карлъ, прус. мин.—ръ иностр. дѣлъ, р. 1752 † 1822 г., 75, 82—85, 321, 322, 326, 328, 330, 332, 335, 562, 563, 566, 567, 568, 570, 573, 580, 581, 583.

Гевитъ, докторъ 1766 г., 521.

Геймъ, профессоръ Москов. универс. 1810 г., 154.

Геннадіи, Г. Н. Сообщ. указаніе на статью о представленіи «Горе отъ Ума»

въ Тифлисѣ 1832 г., 610. Четверостишіе Жуковского въ Ермолову, 786.

Генрихъ IV, франц. король, 312, 736.

Георгъ III, англ. король, 759, 760, 764, 765, 766.

Герасимова, Фека, дворовая. Обстоятельства убійств ея Салтыковой, 503—504, 508, 526, 529.

Гербель, Н. В. Объ изданіи имъ комедіи «Горе отъ Ума», 586, 593, 724, 729—730.

Герюль, франц. полковникъ 1805 г., 196.

Германъ, историкъ, 186.

Герши, графъ, франц. послан. въ Лондонѣ 1763 г. Исторія его съ д'Эономъ, 761—767, 771.

Гете, поэтъ, 278.

Гиларовъ-Платономъ, цензоръ 1857 г., 607, 716.

Глазенацъ, Романъ Григ., ротмистръ 1815 г., 54, 55.

Глинна, А. Г. Сообщ. бумаги В. К. Брюхельбергера, 168.

Глинна, Михаилъ Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г., 206.

Глинна, Сергій Никол., издатель «Русскаго Вѣстника», р. 1775 † 1847 г., 396.

Глинна, Фед. Никол., поэтъ, р. 1787 г., 199.

Глуховъ, полковникъ 1812 г. Немилость къ нему государя, 639.

Глѣбова, Александра Ив., см. Салтыкова.

Глѣбовъ, Серг. Ив., ген.-майоръ, 548.

Глѣдичъ, Никол. Ив., писатель. Письма къ нему К. Н. Батюшкова 1810 г., 383—398. Упом. 158, 173.

Гоголь, Александръ Григ., капитанъ, потомъ полковникъ 1. - гв. конной артиллеріи, † 1812 г., 642, 654, 655, 663.

Гоголь, Никол. Вас., писатель, р. 1809 † 1852 г., 173, 174.

Голенкичева-Кутузова, Анна Мих., см. Житрово.

Голенкичева-Кутузова, Дарья Мих., см. Опочинина.

Голенкичева-Кутузова, Екат. Мих., см. Будашева.

Голенищева-Кутузова, Елиз. Мих., см. гр. Тизенгаузенъ.

Голенищева-Кутузова-Смоленская, кн. Екат. Ильин., рожд. Бибикова, р. 1754 † 1824 г., 337, 342, 347, 356.

Голенищевъ - Кутузовъ, Пав. Вас., (внослѣд. графъ), генер. отъ кавалеріи, генер. - адъютантъ, директоръ кадет. и нажеск. корпусовъ, погомъ с.-петербург. воен. генер.-губернаторъ и членъ госуд. совѣта, р. 1772 † 1843 г. Указъ ему объ истребленіи непозволенныхъ азартныхъ игръ 1801 г., 620—621.

Голенищевъ - Кутузовъ, Пав. Ив., попечит. Москов. университета, сенаторъ 1810 г., р. 1767 г., 397.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Илар., генер.-фельдмаршалъ, р. 1745 † 1813 г. Письма его къ дочери гр. Е. М. Тизенгаузенъ 1803—1813 г., 337—377. Отзывъ о Сулимѣ, 196. Командованіе арміею въ 1812 г., 653—661. Болѣзнь и посѣщеніе императоромъ, 381. О памятникѣ фельдмаршалу, 378—382. Упом. 73, 74, 78, 81, 324, 334, 404, 561, 568, 663, 670, 675, 780.

Голицына, княжна, 362, 363.

Голицына, кж. Анна Яков., см. Салтыкова.

Голицына, кн. Екат. Борис., см. Салтыкова.

Голицына, кж. Марія Анд., см. Булатова.

Голицынъ, кн. Александръ Николаев., об.-прокуроръ синода, внослѣд. мин.—ръ духовн. дѣлъ и народн. просвѣщенія, р. 1773 † 1844 г. Разговоръ съ нимъ Наполеона въ Эрфуртѣ 1808 г., 621—622. Упом. 357, 786.

Голицынъ, кн. Александръ Ѳед., ст.-секретарь, членъ госуд. сов., р. 1796 г., 774.

Голицынъ, кн. Анд. Андр., 680.

Голицынъ, кн. Дмитрій Влад., генер. отъ кавалеріи, москов. генер.-губернаторъ, р. 1771 † 1844 г. Отзывъ его о комедіи «Горе отъ Ума», 587.

Головкина, гр. Анаст. Ѳед., см. Салтыкова.

Головкина, Евд. Матъ., см. Салтыкова.

Гольцовъ, Б. Н., офицеръ 1812 г., 653.

Гончарова, Наталья Никол., см. Пушкина.

Горбуновъ, полковникъ, квартал. надзиратель 1847 г., 201.

Горгожи, Ив. Савичъ, сенаторъ. Разсказъ его о княжнѣ Таракановой, 773—776.

Горкинъ, вахмистръ 1816 г., 57.

Горичъ, Ив. Петр., 85.

Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., генер. отъ артил., генер.-адъютантъ, главнокомандующій южною арміею, намѣстникъ Царства Польскаго, р. 1790 † 1861 г. Дуэль его съ Лодыгинимъ 1812 г., 655. Упом. 637, 642, 657.

Госнеръ, пасторъ, 287.

Готовцевъ, Ѳеодоръ, секретарь 1764 г., 514.

Гоффъ, авторъ записокъ о кавалерѣ д'Эонъ, 745.

Граббе, графъ, 21.

Граббе, гр. Алекс. Ѳед., см. гр. Орлова-Денисова.

Гребенъ, генераль, прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ 1798 г., 72, 81, 321, 322, 323, 331, 332, 334, 568, 581, 582, 583.

Гревуловъ, полковникъ. По поводу донесенія его по дѣлу Копьева, 193.

Грегуръ, франц. писатель, 746.

Грессетъ, франц. писатель, 394.

Гречъ, Никол. Ив., литераторъ. Отношенія къ А. С. Грибоѣдову, 156. Упом. 167, 282, 283, 287, 288, 290, 714.

Грибовскій, А. М., ст.-секретарь Ека-терины II. Разсказъ о немъ, 780—781.

Грибовъ, Александръ, камердин. А. С. Грибоѣдова, 165, 292.

Грибоѣдова, Анаст. Ѳед., рожд. Грибоѣдова, † 1834 г. Письмо ея къ Булгарину, 300—301. Упом. 153, 289, 293.

Грибоѣдова, Анна Ѳед., въ замуж. гр. Разумовская, 153.

Грибоѣдова, Елиз. Алексѣев., см. кн. Варшавская.

Грибоѣдова, Марія Серг., въ замуж.

Дурново, † 1856 г. Письмо ея къ брату, 298—300. Упом. 153.

Грибодова, Нина Александр., рожд. кж. Чанчавадзе, р. 1812 † 1857 г., 305—308, 601.

Грибодовъ, дядя писателя, 387.

Грибодовъ, Александръ Сергѣевичъ, р. 1795 † 1829 г. Биографическій и характеристическій очеркъ его, 152—170. Неизданныя бумаги его, 275—308. Обзоръ всѣхъ изданій его комедіи «Горе отъ Ума» 1825—1874 гг., 585—614; 715—735.

Грибодовъ, Алексѣй Ѳед., надворн. совѣт., † 1830 г., 153.

Грибодовъ, Сергѣй Ив., 153.

Григорьева, Анисья, дворовая Салтиковой. Убіеніе ея, 520—522, 527.

Григорьевъ, Никифоръ, сельскій староста, 527.

Гриммъ, франц. писатель, 744.

Гротъ, Ян. Карл., академикъ, 173.

Грузиновъ, майоръ 1794 г., 16.

Грузинцевъ, Александръ, писатель, 392.

Гударъ, франц. памфлетистъ, 763.

Гудовичъ, гр. Андрей Иван., генер.-майоръ, москов. губерн. предвод. дворянства, потомъ егермейстеръ и почет. опеунъ москов. воспит. дома, 363.

Гудовичъ, гр. Екат. Никол., см. гр. Мантейфель.

Гудовичъ, гр. Ив. Вас., генер.-фельдмаршалъ, москов. главнокомандующій, потомъ членъ государств. совѣта, р. 1741 † 1821 г., 672.

Гульванк, госпожа, 365.

Гуринъ, Григ. Степ., крестьянинъ, 95.

Гуринъ, Петръ Григ., крестьянинъ, Разсказъ его о картофельномъ бунтѣ въ Пермской губерніи 1842 г., 86—120.

Гурьевъ, исправникъ 1842 г., 91, 110.

Густавъ III, король шведскій, 775.

Густавъ-Адольфъ IV, король шведскій, 670.

Д.

Давыдова, Анна Ив., см. Иванова.

Давыдова, Праск. Карн., 497.

Давыдовъ, Денисъ Вас., генер.-лейт.,

партизанъ и поэтъ, р. 1784 † 1839 г. Отношенія его къ А. С. Грибодову, 282, 288. Упом. 163.

Давыдовъ, Ростиславъ Дмитр., полковникъ 1848 г., 195

Даммиллеръ, художникъ 1866 г., 726.

Данилова, тапцовщица, 396.

Даниловъ, Григорій, деревенскій прикащикъ, 48.

Дашьева, кв. Еват. Ром., рожд. гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 766.

Дашъ, графиня, романистка, 605.

Дельвицъ, бар. Ант. Антон., поэтъ, р. 1798 † 1831 г., 700.

Дементьева, Дарія, дворовая, 527.

Дементьева, Екат. Тимоѳ., дворовая, 527.

Дементьевъ, фельдшеръ 1798 г., 582.

Демидовъ, офицеръ 1812 г., 637.

Денжсова, рожд. Персидская, 21.

Денжсова, Варв. Карпов., въ замуж. Сычева, 21.

Денжсова, Дарія Ѳед., см. Орлова.

Денжсова, гр. Марина, рожд. Червоzubова, 18.

Денжсовъ, капитанъ 1789 г., 39.

Денжсовъ, Андр. Карп., донской атаманъ, р. 1763 † 1841 г. Записки его, 1—59.

Денжсовъ, Денисъ (Денисъ - Батырь), родоначальникъ фамиліи Денжсовыхъ. Замятка о немъ, 7—8.

Денжсовъ, Карпъ Петр., генер.-майоръ. Биографическія свѣдѣнія о немъ, 19—21, 23.

Денжсовъ, Логинъ Карп., ген.-майоръ, 21.

Денжсовъ, Петръ Денисъ, казач. полководецъ при Петрѣ Великомъ, 8—9.

Денжсовъ, Тимоѳ. Петр., ген.-майоръ, 21, 27, 28, 29.

Денжсовъ, гр. Ѳед. Петр., генер. отъ кавал., † 1811 г. Биографическія свѣдѣнія о немъ, 9—20. Упом. 23, 26, 27.

Депрерадовичъ, генер.-лейт., команд. 1-й гвард. кавал. дивизіи 1812 г., 642—645.

Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ, писатель, тайн. сов. и министръ юстиціи 1806 г., р. 1743 † 1816 г., 707, 781.

Дидло, петерб. домовладѣлецъ 1847 г., 201.

Дипшанецъ, приближенный Кутузова, 353, 354, 358, 379.

Дмитріевъ, Ив. И., писатель, 388, 396, 689.

Дмитріева-Мамонова, Аграф. Автом. см. Иванова.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Ив. Ильичъ, гв. капитанъ, 497, 547.

Добролюбовъ, Ник. Алекс., критикъ, 728.

Добрыжничъ, офицеръ 1812 г. Шутка надъ нимъ товарищей и выговоръ отъ Кутузова, 657—658.

Долгорукая, вж. Нат. Влад., см. кн. Салтыкова.

Долгорукая, кн. Нат. Сер., см. Салтыкова.

Долгорукой, князь, 671.

Долгорукой, кн. Ник. Серг., † 1781 г., 548.

Долгорукой, кн. Юрій Влад., генер.-иншефъ, р. 1740 † 1830 г., 85.

Дожтуровъ, адъютантъ Д. С. Доктурова 1812 г., 654.

Дожтуровъ, Дмитр. Серг., генер. отъ инфант., корпусный командиръ 1812 г., † 1816 г., 654, 658.

Дубельтъ, Леонтій Вас., начальникъ корпуса жандармовъ, 718.

Дуглазъ, шотланд. дворянинъ. Отправление его въ Петербургъ, въ качествѣ тайнаго французскаго агента 1755 г., 750—756, 759.

Дурново, Александръ, р. 1828 г., 298, 299, 300.

Дурново. Письмо его къ А. С. Грибоѣдову, 300.

Дурново, Марія Сергѣев., см. Грибоѣдова.

Дюбаррж, фаворитка Людовика XV, 765, 769.

Дюжазовъ, курьеръ 1798 г., 82, 325, 329.

Дюкло, франц. писатель, 746.

Дюма, Александръ, франц. романистъ, 745.

Е.

Евдокія Ѳеодоровна, царица, первая жена Петра Великаго, рожд. Лопухина, р. 1669 † 1731 г., 753, 770.

Егорова, рожд. Денисова, 21.

Егорова, Марина, дворовая, 527.

Егоровъ, Андрианъ Ив., майоръ Атаманскаго Наслѣдника Цесаревича полка, † 1857 г. Сособщ. записки А. К. Денисова, 4. Упом. 21.

Егоровъ, Ив. Аван., отставн. полковникъ, 21.

Егоръ, работникъ, 47.

Екатерина I, императрица, 412, 419.

Екатерина II, императрица. Законодательныя распоряженія ея, 412, 413, 414, 420. Распоряженіе о производствѣ слѣдствія надъ Салтыковой и указы по ея дѣлу 1768 г., 499—543. Указъ объ очисткѣ Невы 1775 г., 615—616. Рескриптъ Булатову 1789 г., 671. Заключение мира съ Турціей 1791 г., 45. Различныя расказы изъ ея царствованія, 772—784. Упом. 11, 18, 83, 126, 129, 310, 391, 419, 660, 667, 735, 753, 759.

Евваторина Павловна, великая княгиня, въ супружествѣ принцесса Ольденбургская, 383—384.

Елагичъ, Ив. Перф., об.-гофмейстеръ, сенаторъ, писатель, р. 1725 † 1796 г. Составленный имъ проектъ приговора надъ Салтыковой, 541—542.

Елизавета Алексѣевна, императрица (Луиза-Марія-Августа), р. 1779 † 1826 г., 702.

Елизавета Петровна, императрица. Политика ея въ отношеніи Франціи, Пруссіи, Австріи и Англіи, 748—760. Упом. 8, 419, 498, 545, 744, 776, 769, 781.

Ермолаевъ, 389, 391, 396.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генер. отъ артил., членъ госуд. сов., р. 1777 † 1861 г. Назначеніе командующимъ гвардейскою артиллеріею 1811 г., 655. Дружба съ Вельяминовымъ, 636—637. Характеристическія черты, 638—639. Милости государя Александра Павловича, 640—642. Отношенія къ Грибоѣдову, 163, 165, 169, 281, 282,

290, 294. Опала, 288, 290. Разсказъ о давнемъ въ честь его вечерѣ и прочитанное ему на этомъ вечерѣ стихотвореніе 1847 г., 198—200. Четверостишіе къ нему Жуковскаго, 786. Упом. 140, 143, 648, 652, 653, 656.

Ерофѣева, Авдотья, дворовая. Убійство ея, 523, 524, 528.

Ефремовъ, Петръ Александр., библіографъ. Сообщ. списокъ стихотворенія «Валерикъ», 172—185. Письма К. Н. Батюшкова къ Н. И. Гвѣдичу и примѣчанія къ нимъ, 383—398. Упом. 586, 781.

Ефремовы, отецъ и сынъ, донскіе атаманы, 19.

Ж.

Жандръ, Андрей Андр., вполсѣдствіи дѣйств. тайн. сов., † ок. 1870 г. Укрывательство декабриста кн. А. П. Одоевскаго, 157. Дружба съ А. С. Грибоѣдовымъ, 276, 295. Упом. 167, 291, 292, 596, 724, 725.

Жандръ, Н. П. Драма его «Марья Посадница», 207, 274, 441, 496.

Жирневичъ, Ив. Степ., отст. генер.-маіоръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его, 633—666.

Жирневичъ, Платонъ Вас., отставной надворн. сов., об.-секретарь сената, смоленскій помѣщикъ, 662—663.

Жихаревъ, Степ. Петр., авторъ «Дневника Студента и Чиновника», 385, 396.

Жоля, Юсифъ, содержат. пансіона, 22.

Жукова, Федора Никол., рожд. Иванова, 497, 547.

Жуковский, капитанъ главнаго штаба 1826 г., 283, 286.

Жуковский, Вас. Андр., поэтъ, р. 1783 † 1852 г. Эпиграмма на него Пушкина, 685. Отношенія къ поэту, 686, 706. Стихи къ Ермолову, 199, 786. Упом. 206, 284, 386, 387, 389, 390, 393, 396, 689.

Жуковъ, Леон. Семен., генер.-поручикъ, 497, 547.

Жюно, франц. военачальникъ 1812 г., 652.

З.

Заборинскій, полковникъ, эскадронный командиръ 1815 г., 56.

Завадовскій, гр. Александръ Петр., Дуэль его съ гр. Шереметевымъ, 161—162.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., дѣйств. тайн. сов., ст.-секретарь Екатерины II, вполсѣд. министръ народн. просвѣщенія и предсѣдатель департамента законовъ, р. 1738 1812 г., 781.

Завилейскій, П. Д., генералъ, 611.

Загоскинъ, Мих. Никол., дѣйств. ст. совѣтн., директоръ москов. оруж. палаты, писатель, р. 1789 † 1852 г., 169.

Загряжскій, А. М. Разсказъ его о разговорѣ императора Наполеона съ кн. А. Н. Голицынымъ, 622.

Загряжскій, 572.

Заиревскій, гр. Арсеній Андр., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, мин — ръ внутреннихъ дѣлъ 1830 г., московскій главнокомандующій 1854 г., членъ государственнаго совѣта, р. 1783 г., 595, 681.

Залѣсская, Екатерина Никол., см. гр. Мантейфель.

Замысловскій, Е. Е., проф., заявленіе объ изданіи актовъ XVII вѣка, 432, 433, 435.

Засозъ, генералъ, 1808 г., 663, 673.

Засѣкина, кн. Евдокія Николаев., см. Салтышова.

Засѣкинъ, кн. Александр. Никол., 548.

Захарьинъ, И. Н. Сообщ. разсказы изъ прежней судебной практики, 628—631.

Зварковский, офицеръ 1812 г., 663.

Зиссерманъ, А. Сообщ. замѣтку по поводу разсказа о дѣлѣ фл.-адъютанта Копьева, 192—195.

Злотницкая, госпожа, 357.

Злотницкій, приближенный Кутузова, 379.

Золотницкій, персскій оружейной начальникъ 1842 г., 116.

Зотовъ, В. Р. Сообщ. статью о кавалерѣ д'Эонѣ, 743—771.

Зотовъ, Захаръ, камердянеръ императрицы Екатерины II, 783—784.

Вотовъ, Мартыянъ, служитель Салтыковой, 531, 532, 535, 537.
Зубкова, госпожа, 343.

И.

Инокентій, прутскій митрополитъ. Разсказъ его объ Арсеніи Мадѣевичъ, 778.

Иванова, Аграф. Автомон., въ 1-мъ замуж. Дмитріева-Мамонова, во 2-мъ — Бибикова, 497, 547:

Иванова, Агрипина Никол., см. Тютчева.

Иванова, Анна, дворовая, 528.

Иванова, Анна Ив., рожд. Давыдова, во 2-мъ замуж. Бредихина, 497, 538, 547.

Иванова, Дарія Никол., см. Салтыкова, прозвище «Салтычиха».

Иванова, Екатерина, дворовая, 527, 529.

Иванова, Марѳа Никол., см. Исмаилова.

Иванова, Пелагея, дворовая, 527.

Иванова, Прасковья, дворовая, 527.

Иванова, Тат. Никол., см. Муравьева.

Иванова, Феодора Никол., см. Жукова.

Иванова, Феона, дворовая, 527.

Ивановскій, А. А. Ссылка на разсказъ его объ А. С. Пушкинѣ, 703.

Ивановъ, Давидъ, крестьянинъ, 507, 513, 517, 523, 524, 525, 526, 529, 531, 533.

Ивановъ, Иванъ, москов. священникъ, † 1763 г., 509, 520, 521, 522, 530.

Ивановъ, Никол. Автомонов., дворянинъ, отецъ «Салтычихи», 497, 547.

Ивановъ, Романъ, крестьянинъ, 506, 507, 510, 523, 529, 531, 533, 537, 539, 540.

Ивановъ, Сергѣй, крестьянинъ, 597.

Ивановъ, Феодоръ, дворовый, 540.

Исмаилова, Марѳа Никол., рожд. Иванова, 497, 547.

Исмаиловъ, Вас. Иван., полковникъ, р. 1717 † 1798 г., 497, 547.

Исмаиловъ, Влад. Вас., литераторъ, р. 1775 † 1830 г., 394.

Иловайскій, Алексѣй Вас., генерал-майоръ. Назначеніе его донскимъ наказнымъ атаманомъ 1821 г., 3.

Иловайскій, Д. И., историкъ. Статья его по поводу сочиненія, Н. И. Костомарова «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», 186—189.

Иловайскій, Павелъ, войсковой старшина 1708 г., 27, 34, 35.

Ильинъ, казакъ, 8.

Ильинъ, Ермолай, служитель. Розысканіе по дѣлу о доносѣ его на Салтыкову, 498—536.

Извозъ, генералъ, управл. новороссійскими колоніями 1820 г. Расположеніе его къ А. С. Пушкину, 687.

Иржа, дворовая, 528, 530.

Исаева, Мавра, дворовая, 527.

Исаевъ, казакъ. офицеръ 1812 г., 652.

Исаевъ, Як. Алексѣев., издатель и книгопродавецъ, 727, 729.

Истомина, известная танцовщица, 161, 690.

І.

Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 † 1584 г., 544.

Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь, р. 1666 † 1696 г., 419.

Іоаннъ VI Антоновичъ, императоръ, р. 1740 † 1764 г., 751.

Іоаннъ Іоанновичъ, царевичъ, 545.

Іоансонъ, художникъ 1862 г., 725.

Іонъ, Богданъ Ив., докт. правъ 1817 г., 154, 162.

Іордезь, составит. географич. атласа, 297.

К.

Каверинъ, гусар. офицеръ 1817 г., 162.

Казанова, Джіовани—Джакомо, авантюристъ, р. 1725 † 1803 г., 744.

Каземъ-бейъ, профессоръ восточныхъ языковъ 1824 г., 276.

Кайсаровъ, дежурн. генералъ при Кутузовѣ 1812 г., 657.

Калиостро, графъ, авантюристъ, 744.

Калычевскій, полковн., эскадр. командиръ 1815 г., 56.

Кальяръ, Антоній — Бернаръ, фран-

дузскій дипломатъ, р. 1737 † 1787 г., 81, 84, 323, 325, 327, 331, 332, 334, 569, 574, 579.

Каменскій, гр. Мих. Оелот., генераль-фельдмаршалъ, р. 1738 † 1809 г., 26,

Каменскій, гр. Никол. Мих., генер. отъ инфант., главнокоманд. дунайской арміей, р. 1776 † 1811 г., 10, 670, 674, 675.

де-Кампонъ, франц. писательница, 744, 761.

Канахинъ, сельскій писарь 1742 г., 90.

Каняринъ, Егоръ Франц., генер. отъ инфант., мин—ръ финансовъ † 1845 г. Ходатайство его о прощеніи Пушкину долга, 713, Упом. 191.

Кантемиръ, кн. Антиохъ Дмитр., вѣстный сатирич. писатель, р. 1709 † 1744 г., 174.

Капнистъ, Вас. Вас., стат. сов., писатель, р. 1757 † 1824 г., 393, 398.

Капцевичъ, Петръ Мих., генер. отъ артил., генер.-губернат. Западной Сибири, потомъ команд. отдѣльн. корпуса внутр. стражи, р. 1772 † 1840 г., 679, 681.

Карамзина, госпожа, 711.

Карамзинъ, Никол. Мих., историограф., р. 1766 † 1826 г. О нападкахъ его на законодательныя работы Сперанскаго, 416. Упом. 207, 385, 389, 393, 396, 689, 695, 698, 707, 708.

Каратыгина, Александра Мих., артистка, 587.

Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ, артистъ, 165, 171, 294, 589, 715.

Карлъ VI, императоръ германскій, 748.

Карлъ X, франц. король, 135, 136.

Карлъ XIII (герцогъ Зюдерманландскій), король швед., 670, 775.

Карновичъ, Евгенийъ Петр. Статья его о новомъ изданіи перваго Полнаго Собранія Законовъ (1649—1825 г.), 408—440.

Карпова, Агафья, дворовая, 527.

Карповъ, казач. офицеръ 1812 г., 652.

Карповъ, генер.-лейтенантъ 1819 г., 2.

Касперскій, Ив. Фед., ген.-маіоръ 1811 г., 634.

Катенина, Над. Вас., см. гр. Орлова-Денисова.

Катенинъ, Александръ Андр., вполн. генер.-адъютантъ, командиръ Преображенскаго полка, потомъ, товарищъ воен. министра и наконецъ оренбург. воен. генер.-губернаторъ, р. 1800 г., 165.

Катенинъ, Мих. Анд., 21.

Катенинъ, Пав. Александр., драмат. писатель, р. 1792 † 1853 г. Значеніе его въ средѣ артистовъ, и отношенія къ Грибоѣдову, 150, 157, 158. Письмо Грибоѣдова о комедіи «Горе отъ Ума», 166, 168. Уп. 165.

Кауницъ, гр. Венцеславъ - Антонъ, австр. госуд. канцлеръ, р. 1711 † 1794 г., 754, 755.

Кауфманъ, Конст. Петр., гв. капит. 1849 г., вѣнъ генер.-лейтенантъ, генер.-адъют., начальникъ Туркестанской области, 195.

Каченовскій, Мих. Троф., профессоръ исторіи въ Москов. Университетѣ, 386, 392.

Келлеръ, гр., прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ 1789 г., 563,

Кизмеръ, Ив. Ив., ротмистръ, эскадр. командиръ 1816 г. Жестокость его, 56, 57. Упом. 58.

Кизгеръ, президентъ королев. правл. въ Майндѣ 1819 г., 381.

Кидяшовъ, Л. В., гв. артил. капит. Гнѣвъ на него императора Павла, и снисаніе его Аплечевымъ, 618, 620.

Киселевъ, казакъ 1709 г., 43.

Киселевъ, гр. Пав. Дмитр., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, членъ госуд. сов.—а и миц—ръ госуд. имущества, р. 1788 † 1872 г., 89.

Кичеевъ, Н. П. Сообщ. рассказъ о разговорѣ Наполеона съ кн. А. Н. Голицынымъ въ Эрфуртѣ 1808 г., 621, 622.

Кичеевъ, П. А., 546.

Клейотъ, прус. генер.-лейт. 1798 г., 72, 335, 568.

Клигспоръ, гр., швед. фельдмаршалъ 1808 г. Отзвѣвъ его о русскихъ, 669. Уп. 667, 670.

Кноблохъ, прус. генераль, 580.

фонъ-Енорригъ, Карль, переводчикъ «Горе отъ Ума», ком. Грибоѣдова, 731.

Ежвинигъ, Яковъ Борис., писатель, р. 1742 † 1791 г., 782.

Екобенцель, гр. Людвигъ, австр. министр иностр. дѣлъ, р. 1763 † 1806 г., 81.

Ковалью, богодухов. уѣзди, предвод. дворянства 1859 г., 626.

Кожуховъ, приближенный Бутузова, 379.

Ковачковскій, майоръ 1828 г., 202.

Козловская, кн. Марія Никол, см. Салтыкова.

Козловскій, офицеръ 1828 г., 306.

Козловскій, кн. Мих. Сем., тайн. сов., † 1767 г., 548.

Ководавлевъ, Осипъ Петр., министр внутр. дѣлъ, р. 1754 † 1819 г., 416, 781.

Кожошенинъ, Сергѣй Александр., ген.-адъютантъ, генер.-лейт., С.-Петербургск. об.-полиціймейстеръ, потомъ генер.-губернаторъ Чернигов., Харьков. и Полтавской губерній, р. 1786 г., 206, 623.

Кологривовъ, Анд. Семен., ген. отъ кав., корпусн. командиръ 1812 г., 154, 155.

Колокольцова, Еват. Фед., см. Муравьева.

Колосова, актриса, 587.

Колосниковъ, Николай, крестьянинъ, 112, 113.

Коновницынъ, гр. Петръ Петр., ген. отъ инфант., генер.-адъютантъ, военный министр, директ. корпусовъ и воспит. В. Кн. Николая и Михаила Павловичей, р. 1776 † 1822 г., 657.

Коноплевъ, чиновникъ 1826 г., 693.

Констанскій, от. Василій, сельскій священникъ. Истязаніе его во время бунта въ Пермской губ. въ 1842 г., 90.

Константинычъ Николаевичъ, Великій Князь. Данное Е. И. В. Великимъ Княземъ разрѣшеніе къ печати историческихъ матеріаловъ изъ Павловской Библиотеки, 60—70, 319—320; 549—560; 735.

Константинычъ Павловичъ, Цесаревичъ. Негодованіе его противъ Барялая за отступление отъ Смоленска, 651. Упом. 664.

Копти, привѣцъ. Замысли его на польскій престолъ и соора съ Цомпадуръ, 747, 748, 750, 751, 758.

Копеландъ, Томась, хирургъ 1810 г., 770.

Копьевъ, фл.-адъютантъ, полковникъ. Замѣтка къ разсказу о его дѣлѣ, 192, 195.

Коровяковъ, волостной писарь 1842 г., 94, 101, 116.

Корольковъ, капитанъ 1811 г., 636.

Корфъ, бар. Модестъ Андр. (нынѣ графъ), дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов. О книгѣ его «Восшествіе на престолъ императора Николая I» 1825 г., 593.

Косова, Юстина Вильгельм., рожд. Кюхельбекеръ. Сообщ. бум. В. К. Кюхельбекера, 168.

Коссаковский, епископъ, 188, 189.

Костомаровъ, Никол. Ив., историкъ. Статья по поводу монографіи его «Последніе годы Рѣчи Посполитой», 186, 189. Упом. 207.

Костровъ, писатель, 389.

Костюшко, Фаддей, предвод. польск. войскъ, 1794 г., 12, 13, 189, 200.

Котцевичъ, госпожа, 357.

Коцебу, Августъ-Фридрихъ-Фердин. драматич. писатель, р. 1761 † 1819 г., 169, 347.

Коцебу, Пав. Евстаф., генер.-адъют., генер.-лейт., начальникъ штаба на Кавказѣ 1845 г., р. 1802 г., 195.

Кочубей, кн. Викторъ Павл., министръ внутр. дѣлъ, предсѣдат. госуд. совѣта и комитета министровъ и наконецъ госуд. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., 76, 190.

Копшаревъ, штабсъ-капит. 1812 г., 658.

Краевскій, Андрей Александр., издатель и редакторъ «Голоса», 172, 713.

Крамской, Ив. Никол., акад., художникъ. О написанномъ имъ портретѣ А. С. Грибоѣдова, 171.

Красильниковъ, сев.-майоръ 1775 г., 615, 616.

Красновъ, капитанъ, вполн. генер.-майоръ, уб. 1812 г. Участіе въ турецкой кампаніи 1788 г., 37, 43.

Кребицонъ, франц. писатель, 746.

• Кречетниковъ, Мих. Никит., генер.-

поручикъ, намѣстн. тульскій, калуж. и разанскій 1777 г., впослѣд. ген.-аншефъ и главнокомандующій въ новоприсоединен. отъ Польши областяхъ, † 1793 г., 38, 189, 671.

Брыллоуъ, Ив. Андр., р. 1768 † 1844 г., 286.

Крюжовской, писатель, 279, 606.

Ксавье, актриса, 367.

Будашева, кн. Екат. Мих., рожд. Голенищевы-Бутузова, во 2-мъ замуж. Сарачинская, р. 1787 † 1826 г. Письмо къ ней отца, 369. Упом. 345, 346, 348, 349, 367, 368, 374, 375, 376.

Будашевъ, кн. Нивол. Данил., генер-майоръ, † 1813 г. Письмо его къ роднымъ 1812 г., 372—373. Упом. 368, 369, 370, 371, 372, 374, 376.

Бузнецовъ, Аванасій, крестьянинъ, 107.

Бузнецовъ, Иванъ, крестьянинъ, 107.

Бузнецовъ, Фед. Мих., крестьянинъ, 97, 106.

Бужольникъ, Несторъ Вас., писатель, 205.

Бужольникъ, Пав. Вас., 205.

Булишъ, П. А. О переданной имъ въ Московскій Музей рукописи 2-го тома «Мертвыхъ Душъ», 173. Упом. 725.

Буракинъ, кн. Александр. Борисов., дѣйств. тайн. совѣтн. и вице-канцлеръ, р. 1752 † 1818 г. Переписка съ гр. Н. П. Панинымъ о прусскихъ дѣлахъ 1798 г., 71—85; 323—336; 561—584.

Буракинъ, Петръ, крестьянинъ, 504.

Бюхельбергеръ, Вильгельмъ Карл., де-кабристъ, поэтъ. Отношенія его къ А. С. Грибоѣдову, 160. Письмо Грибоѣдова 1822 г., 168—170. Отношенія къ Марквичу, 206. Упом. 286.

Л.

Лавровъ, Никол. Ив., генер.-лейт., корпус. командиръ 1812 г., 191.

Лавровъ, генер., командиръ 1-й гвард. пѣхотн. дивизіи 1812 г. 659.

Лагаршъ, франц. писатель, 746.

де-Лагаршъ, Фридр.-Цезарь, воспитат.

вел. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1838 г., 570.

Лажло, франц. писатель, 746.

Ламажонскій, Порф. Ив. Сообщ. письмо гр. Аракчеева къ брату передъ войной 1812 г., 190—192.

Лажеронъ, графъ франц. генералъ 1812 г., впослѣд. эмигрантъ, 674, 687—688.

Лажской, москов. губернаторъ 1809 г., потомъ сенаторъ, 191.

Лажтевъ, смолен. помѣщикъ 1812 г., 648—645.

Ларионова, Прасковія, дворовая Салтыковой, 498, 527.

Лафонтенъ, франц. баснописецъ, 385. 393.

Лебедевъ, канцеляристъ 1815 г., 52.

Левартъ-Левинскій, Иосифъ, переводчикъ «Горе отъ Ума», соч. Грибоѣдова, 783.

Левашовъ, Петръ Ив., саранскій помѣщикъ 1774 г., 618.

Левицкій, Сергій Львовичъ, фотографъ, 171.

Леданювская, госпожа, 353, 357.

Лейнингенъ, графъ, 124.

Левковъ, франц. полиц. сыщикъ, 205.

Леонтьева, Агафія Вас., рожд. Алексеева, 538—539.

Леонтьевъ, генералъ 1783 г., 670.

Леонтьевъ, Сергій, дворовый Салтыковой. Показанія его объ убійствѣ Андреева, 510—517, 518, 533, 534, 537.

Леопольдовъ, Андрей, кандидатъ московскаго университета 1826 г., 692—693.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., р. 1814 † 1841 г. Стихотвореніе его «Валерикъ», по подлин. рукописи, 172—185. Упом. 601.

Лестовъ, лейбъ-медикъ императр. Елизаветы. Ссылка его въ Сибирь, 749.

Липранди, адъютантъ Бутузова 1813 г., 379.

Лисицынъ, петерб. домовладѣль, 681.

Литка, полякъ, 339.

Лихарева, Варв. Ив. см. Салтыкова.

Лихачевъ, Алексѣй Яковл., сельскій старшина, 94.

Лодыгинъ, ротн. командиръ 1812 г.

Дуаль съ кн. М. Д. Горчаковнѣ, 655.
Упом. 663.

Ломачевскій, А. Сообщ. рассказы изъ
прежней полицейской службы, 201—205.

Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ,
р. 1711 † 1765 г., 707.

Лонгиновъ, М. Н., 155.

Лопаткина, Прасковія, помѣщ. Пись-
мо ея о жестокостяхъ Пугачева 1774 г.,
617—618.

Лопухинъ, офицеръ 1808 г., 668.

Лугвинъ, Наумъ, крестьянинъ, 110.

Лужинъ, харьков. губернат. 1859 г.,
624, 625.

Лувашевичъ, полтав. помѣщ. 1857 г.,
206.

Лужинъ, Ив. Сем., волостной голова,
113.

Львовъ, 385, 386.

Любичевая, рожд. Денисова, 21.

Любичей, отст. гв. поручикъ, 21.

Людовикъ XIII, франц. король, 736.

Людовикъ XIV, король франц., 127,
348.

Людовикъ XV, франц. король. Поли-
тика его въ отношеніи европейск. дер-
жавъ и отношенія къ д'Эону, 747, 749—
769.

Людовикъ XVI, король франц., 135,
205.

Людовикъ XVIII, король франц.,
135, 572.

Ляпуновъ, гв. полковникъ 1811 г.
Нерасположеніе къ нему Ермолова и пе-
реводъ въ армию, 635—636.

М.

Магмедъ-Эминъ, двубунчужный па-
ша 1828 г., 304.

Магницкій, Михаилъ Леонт., дѣйст.
ст. сов., попечитель казанскаго универ-
ситета 1824 г., 191, 287.

Мазарини, франц. министръ, 3, 309,
313, 318.

Мазаровичъ, русскій повѣренный въ
Персію 1817 г., 163, 289.

Майковъ, Д. Н. Найденное имъ опи-
саніе казни Салтыковой, 544.

Мавсимова, Акулина, дворова, 527,
529.

Мавсимовичъ, Левъ, издатель «Ука-
зателя россійскихъ законовъ, временныхъ
учрежденій, суда и расправы», 412.

Малаховъ, докторъ, 379.

Малеевъ, купецъ, 47.

Мальмбюри, см. Гаррисъ.

Мальцевъ, И. С., офицеръ 1828 г.,
306, 307.

Мантейфель, гр. Екат. Никол., рожд.
Залѣсская, во 2-мъ замуж. гр. Гудовичъ,
363, 364, 365.

Маринъ, Сергій Никифор., 156.

Марія-Антуанета, франц. королева,
761.

Марія-Луиза-Елизавета, принцесса
Бурбонская, дочь Людовика XV, 747.

Марія-Терезія, австр. императрица,
748, 754, 755, 756.

Марія Феодоровна, императрица,
679, 680.

Марія, дворова, 527, 529.

Маршавичъ, Никол. Андр., малорос.
историкъ и поэтъ, р. 1804 † 1859 г. Би-
ографическая замѣтка о немъ, 206.

Маршовъ, гр. Аркад. Иванов., р. 1747
† 1824 г., тайн. сов., членъ иностр. кол-
легіи, 80, 325, 364, 678.

фонъ-дербъ-Маркъ, бундлаусскій до-
мовладѣлецъ 1813 г., 380.

Марлинскій, см. Вестужевъ.

Мармонтель, франц. писатель, 746.

Мартыновъ, Михаилъ, дворовый, 509.

Мартыновъ, донской войсковой стар-
шина 1787 г., 32.

Мартыновъ, Ив. Ив., директоръ де-
пар—та народ. просвѣщенія 1810 г., 397.

Мартыновъ, Савелій, конюхъ. Розы-
сканіе по дѣлу о доносѣ его на Салты-
чиху, 498—536.

Масонъ, содержатель пансіона, 22.

Матвѣева, Анна, дворова, 527.

Матвѣева, Василиса, кормилица, 509,
518.

Мацлевичъ, цензоръ 1857 г., 715.

Машковина, рожд. Денисова, 21.

Машковинъ, хорунжій, 21.

Мекленбургскій, принцъ, командиръ
гренад. полка 1812 г., 649.

Мекленбург-Стрелицкая, герцогина Софія-Шарлотта, в послѣд. супруга англ. короля Георга III, 752, 759.

Мекленбург-Стрелицкій, герцогъ, 752.

Мейнабъ, генералъ 1789 г., 44.

Меллингъ, графъ, генер.-поруч., корпус. командиръ 1789 г., 38.

Мельгунова, Нат. Ив., см. Салтыкова.

Мельгуновъ, Алексѣй Петр., дѣйств. тайн. сов., ярослав. и вологод. генер.-губернаторъ, 548.

Мельникова, Елиза. Иван., см. Булатова.

Мельниковъ, Ив. Андр., тайн. сов. почтъ-директоръ, 680.

Меншиковъ, кн. Александр. Серг., адмиралъ, генер.-адъют., финлянд. генер.-губернаторъ, главнокомандующій войсками въ Крыму и членъ госуд. совѣта, р. 1787 г., 124, 399.

Меньшой, Ив. Минаев. (Остроуховъ). Воспоминанія его 1806—1822 гг., 46—59.

Мерляковъ, Алексѣй Оед., профессоръ Москов. университета, поэтъ и критикъ, р. 1778 † 1830 г., 386, 392.

Мериме, Просперъ, писатель, 714.

Мессельеръ, состоящій при франц. посольствѣ въ Петербургѣ, авторъ «Voyage à St.-Petersbourg», 1758 г., 758.

Мещерская, княж., см. Сенявина.

Миллеръ, акад. въ царств. Екатерины II, 413.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., с.-петербургскій воен. губернаторъ, † 1825 г., 276, 376, 377, 678, 690.

Мира-Джафаръ, профессоръ восточ. языковъ 1824 г., 276, 305.

Михаилъ Павловичъ, вел. князь, 59.

Михайло, крестьянинъ, 617.

Михайлова, Агафья, дворовая, 528.

Михайлова, Аграфена, дворовая, 517, 526.

Михайлова, Анна, дворовая дѣвушка, 527.

Михайлова, Марія, дворовая, 528.

Михайловскій, Петръ, надвори. сов., † 1765 г., 505, 539, 540.

Михайловскій-Данилевскій, Але-

ксандръ Ив., генер.-лейт., воен. писатель, 337, 661.

Михайловъ, рѣзчикъ на деревѣ, 725.

Михайловъ, Иванъ, сельскій староста, 503, 504, 506, 508, 509, 512—517, 518, 519, 324, 529.

Михѣева, Неонила, дворовая, 527.

Михѣевъ, Лукьянъ, дворовый. Убийство его, 522—523, 527.

Моллеръ, генералъ-поручикъ 1775 г., 616.

Молчановъ, прапорщикъ л.-гв. пионер. эскадрона 1826 г., 692—693.

Молчановъ, Андр. Ив., дѣйств. стат. сов. 1764 г. Дѣло объ укрывательствѣ нѣхъ преступленій Салтыковой, 498, 505, 522, 534—540.

Мольгревъ, англичанинъ, 760.

Мольеръ, франц. писатель, 167.

Моненъ, секретарь принца Конти 1755 г., 751.

Монтреворъ, Карлъ Лукьян., генералъ. Сообщ. свѣдѣнія о памятникѣ Кутузову въ Силезіи, 378—381.

Моравская, содержательница театра въ Вильнѣ 1810 г., 349.

Мордвинова, гр. Н. Н. Ссылка на ея записки, 786.

Мордвиновъ, гр. Никол. Сем., адмиралъ, вице-презид. адмиралт. коллегіи и морской министр, р. 1753 † 1845 г., 736.

Моровъ, сенаторъ, 686.

Морандъ, франц. памфлетистъ, 763.

Муравьева, Екат. Фед., рожд. Колокольцова, р. 1771 † 1848 г., 386, 390.

Муравьева, Татьяна Никол., рожд. Иванова, 497, 547.

Муравьева-Апостолю, Анна Сем., рожд. Черненичъ, † 1810 г., 385, 390.

Муравьевъ, 497, 547.

Муравьевъ, Андр. Никол., дѣйств. стат. сов., камергеръ, р. 1805 г., 686.

Муравьевъ, Мих. Никит., сенаторъ, товарищъ мин.—ра народн. просвѣщ., попечитель Москов. университета, р. 1757 † 1807 г., 386.

Муравьевъ, Никол. Никол., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, намѣстникъ кавказскій, р. 1793 † 1866 г. Очеркъ его

жизни и дѣятельности 1854—1856 гг., 139—151. Упом. 195.

Муравьевъ, Яковъ, деревенскій староста, 48.

Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., писатель, † 1851 г. Замятка о немъ, 384—385. Упом. 390.

Муравьевъ-Апостолъ, Имподитъ Ив., декабристъ, † 1826 г., 385.

Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Ив., декабристъ, 385.

Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., декабристъ, р. 1796 † 1826 г., 385.

Муромцевъ, полковникъ 1794 г., 13, 14.

Мусина-Пушкина, Анна Ив., см. Салтыкова.

Мусина-Пушкина, гр. Марія Фед., см. гр. Орлова-Денисова.

Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Ив., 548.

Мухановъ, Алексѣй Ильичъ, об.-прокуроръ 1-го департ. сената, вполнѣд. сенаторъ. Разговоръ его съ Еватериною Ц, 777.

Мухановъ, Пав. Александр., членъ госуд. сов. и предсѣдатель археографической комиссiи, р. 1798 † 1872 г. Сообш. статью о Пушкинѣ, 683—714.

Мухинъ, книгопродавецъ 1860 г., 619.

Мюлье-де-Лиданъ, авторъ жизнеописанiя д'Эона, 757.

Мясниковъ, книгопродавецъ, 594.

Н.

Наибъ-Султанъ, 164.

Наполеонъ I. Свиданiе его съ русскимъ императоромъ въ Эрфуртѣ 1808 г. и разговоръ съ кн. Голицыннмъ, 621—622. Война 1812 г., 1, 56, 129, 130, 369, 370; 371, 374, 416, 640, 646, 656, 658.

Наполеонъ III, 403.

Нарышкина, Марія Ив., см. Салтыкова.

Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, об.-гофмаршалъ, об.-камерг., директоръ императ. театровъ, р. 1760 † 1826 г., 621.

Нарышкинъ, Сем. Вас., стат. сов., литераторъ, 548.

Нарышкины, родственники Грибоѣдовыхъ, 153.

Натаксонъ, Генрихъ, содержатель типографiи въ Варшавѣ 1855 г., 733.

Нахимовъ, харьков. помѣщикъ, 628.

Нацковнъ, генералъ 1788 г., 36.

Невѣровскій, дивизионный командиръ 1812 г. Участiе въ войнѣ 1812 г., 646, 648—649.

Нейдгардтъ, генералъ, 195.

Нейманъ, профессоръ юридич. наукъ въ Казанскомъ, а потомъ въ Дерптскомъ университетѣ. Отзывъ его объ «Евгенiй Овѣгннѣ», 690.

Некрасовъ, Мелентiй, дворовый, 507, 530, 534, 535.

Нелидовъ, генер.-адъютантъ 1798 г., 330, 331.

Неплюева, Анна Ив., рожд. Панина, р. 1717 † 1745 г., 71

Неплюевъ, генер.-маюръ, генер.-адъютантъ 1798 г., 71, 77, 78, 323, 324, 330, 334, 561.

Неплюевъ, Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов. р. 1693 † 1773 г., 71.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас., госуд. канцлеръ, р. 1780 † 1862 г., 121.

Нестеровъ, Апполонъ, 379.

Несмыжъ, Алексѣй Андр., крестьянинъ, 95, 96, 97.

Нефедьева, Агафья, дворовая Салтыковой, 499, 527, 529.

Нефедьева, Василиса, дворовая, 530, 536, 540.

Ниверне, герцогъ, франц. полномочн. министръ въ Англіи 1761 г., 760, 761.

Николай Павловичъ, императ. Награжденiе Грибоѣдова, 294. Назначенiе его полномочнымъ министромъ въ Тавризу 1828 г., 295. Распоряженiя законодательныя, 423. Вниманiе къ Пушкину, цензурованiе его сочиненiй и заботы о его семьѣ, 690—691; 694—714. Пожалованiе донскихъ казаковъ землями 1845 г., 3. Упом. 124, 128, 129, 130, 138, 157, 307, 405, 414, 425, 593, 594.

Николай, дворовый челоѣкъ, 514.

Николевъ, Николай Петр., писатель, р. 1758 † 1815 г., 391.

Никитина, Елиз. Алексѣев. см. гр. Орлова-Денисова.

Никитина, Прасковья, дворовая дѣвочка, 527.

Нивулинъ, казач. сотникъ 1789 г., 45.

Нилковы, семейство, 385, 387, 391.

Нилусъ, подполковникъ 1812 г., 649, 650.

Нилусъ, Богданъ Богд., генералъ-аншефъ, кievскій генер.-губернаторъ, 679.

Нилусъ, Елиз. Богд., см. гр. де-Шармъ.

Нилусъ, Марія Богд., см. Вулатова.

Новиковъ, Никол. Ив., глава москов. мартинистовъ, † 1816 г. Чтеніе императрицею Екатериною его журнала, «Иконописецъ», 776. Упом. 413.

Нордманъ, Ф. Д., вице-адмиралъ С.-общ. замѣтку о памятникахъ Кутузову, 378—382.

Нумсонъ, генералъ 1800 г., 672.

О.

Обертъ, цензоръ 1860 г., 619.

Обресковъ, Мих. Алексѣев., тайн. сов. и сенаторъ, директоръ департ.—а внѣшней торговли при минист.—ствѣ фпнпавсовъ 1823 г., 12, 13.

Обресковъ, Петръ Алексѣев., тайн. сов., состоящій при императорѣ Павлѣ, † 1814 г., 325, 330, 331, 573.

Одоевскіе, князья, родственники Грибоѣдовыхъ, 153.

Одоевскій, кн. Александръ Ив., поэтъ, декабристъ, р. 1804 † 1839 г. Дружба съ А. С. Грибоѣдовымъ, 276, 286. Письмо Грибоѣдова 1828 г., 294—295. Упом. 157, 588.

Одоевскій, кн. Влад. Фод., поэтъ, 713.

Ожаровскій, графъ Юсифъ Корнил., генер.-адъютантъ, генералъ отъ кавал., † 1849 г., 641—642.

Оверовъ, писатель, 661, 707.

Олежикъ, Алексѣй Никол., президентъ Академіи Художествъ, † 1842 г., 384, 394, 396.

Ольдемонъ, стат. совѣтъ. Тяжба его съ А. С. Пушкинымъ 1827 г., 699—700.

Ольденбургскій, принцъ, Петръ-Фридрихъ-Георгъ, 383.

Омеръ-паша, командующій турецкими войсками въ 1855 г., 146.

л'Опиталь, маркизъ, франц. посланникъ въ Россіи, 753, 755, 756.

Опочинина, Дарія Мих., рожд. кн. Голенищева-Кутузова, р. 1788 † 1854 г., 374.

Опочининъ, Фод. Конст., 283, 337, 338.

Опочининъ, Фод. Петр., об.-гофмейстеръ, † 1852 г., 338, 341, 376.

Опперманъ, гр. Карлъ Ив., инж.-генер., вполнѣд. директ. инженери. корпуса и членъ госуд. совѣта, р. 1765 † 1831 г., 659.

Ординскій. 297.

Орлова-Денисова, гр. Алекс. Фод., въ замуж. гр. Грабе, 21.

Орлова-Денисова, гр. Елена Иван., рожд. Черткова, 21.

Орлова-Денисова, гр. Елена Фод., въ замуж. Тучкова, 21.

Орлова-Денисова, гр. Елиз. Алексѣев., рожд. Никитина, 21.

Орлова-Денисова, гр. Любовь Вас., въ замуж. кн. Трубецкая, 21.

Орлова-Денисова, гр. М. А., рожд. Васильева, † 1829 г., 21.

Орлова-Денисова, гр. Марія Фод., въ замуж. гр. Мусина-Пушкина, 21.

Орлова-Денисова, гр. Над. Вас., въ замуж. Катенина, 21.

Орлова-Денисова, гр. Нат. Алексѣев., рожд. Шидловская, 21.

Орлова-Денисова, гр. Софія Вас., въ замуж. гр. Толстая, 21.

Орловскій, О. С., брантъ-маіоръ 1840 г., 205.

Орловъ, актеръ, 587.

Орловъ, Александръ, писатель, 714.

Орловъ, Вас. Петр., ген. отъ кав., донской казач. атаманъ. Участіе въ турецкой кампаніи 1788 г., 36, 37, 39—41. Упом. 21.

Орловъ-Денисовъ, гр. Алексѣй Вас., † 1834 г., 21.

Орловъ - Денисовъ - Никитинъ, гр. Алексѣй Фод., 21.

Орловъ-Денисовъ, гр. Василій Вас., † 1827 г., 21.

Орловъ-Денисовъ, гр. Вас. Вас., ген.-

альют., генер. отъ кав., р. 1780 † 1843 г., 21.

Орловъ-Денжсовъ, гр. Михаилъ Вас., † 1859 г., 21.

Орловъ-Денжсовъ, гр. Никол. Вас., † 1853 г., 21.

Орловъ-Денжсовъ, гр. Никол. Фед., 21.
Орловъ-Денжсовъ, гр. Петръ Вас., † 1858 г., 21.

Орловъ-Денжсовъ, гр. Фед. Вас., ген.-адъют., ген.-лейт., † 1865 г., 21.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексѣй Григ., ген.-аншефъ, р. 1737 † 1808 г. Арестованіе имъ княжны Тарабановой, 773—775.

Осипова, Авдотья, дворовая, 527, 529.

Осипъ, столяръ, 617.

Остенъ-Сазенъ, графъ, Д. Е. Сообщ. статью о Н. Н. Муравьевѣ, 151.

Остенъ-Сазенъ, гр. Фабианъ Вильгельмовичъ, генер. отъ инфант., корпусн. командиръ 1812 г., губернаторъ Парижа 1814 г., вполнѣд. фельдмаршалъ и князь, р. 1752 † 1837 г., 677, 678.

Остерманъ, гр. Ив. Андр., госуд. канцлеръ, р. 1725 † 1811 г., 583.

Остроухова, Акулина Мян., въ замуж. Тарасова, 46.

Остроухова, Евдокія Минаев., 46.

Остроухова, Пелагея Минаев., 46, 51, 53.

Остроухова, Прасковья Минаев., въ замуж. Буланова, 46.

Остроухова, Федосья Ларіон., 46.

Остроухова, Ив. Минаев., крестьянинъ, 46, 49—52.

Остроуховъ, Лука Минаев., крестьянинъ, 46, 49, 50.

Остроуховъ, Минай Ив., крестьянинъ, 46.

Остроуховъ, Мих. Минаев., крестьянинъ, 46.

д'Отишанъ, маркизъ 759.

II.

Павелъ Петровичъ, императоръ. Собственноручный проектъ войны съ Австріей, 60—70. Собственноручныя выписки изъ записокъ Ретца, 309—320;

549—560. Удаленіе отъ службы гр. А. И. Маркова 1796 г., 80. Выписка изъ записокъ Сюлли, 735—742. Коровованіе императора Петра III, 1796 г., 785. Разказы о Павлѣ I, 618—620. Упом. 126, 129, 412, 419, 420, 634, 667, 672, 751. 780.

Павловскій, Иванъ. Сообщ. замѣтку о Н. А. Маркевичѣ, 206.

Павловъ, полковникъ 1815 г., 54.

Паленъ, графиня, 364.

Паленъ (фонъ-дербъ), гр. Петръ Алексѣевичъ, генер. отъ кавал., с.-петербург. воен. генер.-губернаторъ, р. 1745 † 1826 г., 36.

Пальмерстонъ, лордъ, 123.

Панина, Анна Ив., въ замуж. Неплюева, р. 1717 † 1745 г., 71.

Панинъ, гр. Никита Петр., русскій дипломатъ при Прусскомъ дворѣ 1798 г. Переписка его съ кн. А. Б. Куракпнымъ о прусскихъ дѣлахъ 1798 г., 71—85; 323—336; 561—584.

Панинъ, гр. Петръ Ив., генер.-аншефъ, р. 1720 † 1789 г., 24, 71.

Панкратьевъ, приближенный Кутузова, 361, 379.

Панкрутовъ, мясникъ, 46.

Панютина, дѣвица. Замысли на нее Салтыковой, 533—534.

Пармскій, герцогъ, 679.

де-Пармъ, графъ, братъ герцога Пармскаго, 679.

Паскевичъ-Эриванскій, см. кн. Варшавскій.

Паулуччи, генер.-лейт. 1812 г., 190.

Пафнугтьевъ, Иванъ, актуаріусъ 1764 г. Дѣло объ укрявательствѣ имъ преступленій Салтыковой, 505, 514—517, 537—540.

Пережухина, Марья Савишна, приближенная Елизаветы II, 781.

Персидская, см. Денжсова.

Персидскій, казацкій чиновн., 1784 г., 21, 29.

Петерсъ, портной, 292.

Петикъ, 385, 388.

Петрова, Акулина, дворовая, 527.

Петрова, Анна, дворовая, 527.

Петрова, Марія, дворовая дѣвушка

Салтыковой. Дѣло объ убіеніи ея, 517—520, 527, 532.

Петрова, Пелагея, дворовая, 527.

Петровъ, Давида, крестьянинъ, 537.

Петровъ, от. Стефаній, сельскій священникъ 1764 г., 506, 507—509, 514, 519, 522, 524, 530.

Петровъ, Федоръ, крестьянинъ, 535.

Петровскій, ученый и энциклопедистъ, 154.

Петръ Великій, императоръ. Законодательныя распоряженія его, 412, 413, 414, 415, 418, 420, 433. Упом. 276, 419, 423, 707, 708, 714, 755, 770.

Петръ II, императоръ, 412, 419.

Петръ III, императоръ. Уничтоженіе имъ Тайной Канцеляріи, 782. Коронованіе его императоромъ Павломъ 1796 г., 785. Упом. 419, 498, 708, 749, 751, 759, 760.

Пирамидовъ, чиновникъ удѣльн. вѣдомства 1812 г., 643, 644.

Пиронъ, франц. писатель, 746.

Писемскій, П. П., 199.

Платеръ, графъ, 640.

Платовъ, гр. Матвѣй Ив., генер. отъ кавал., наказной атаманъ войска Донскаго, основатель Новочеркасска, р. 1751 † 1818 г. Отношенія его къ А. К. Денисову, 1. Командованіе полкомъ въ 1787 г., 32—35. Упом. 44, 376, 659.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель, 705, 713.

Плюшаръ, изд. «Энциклопедическаго Лексикона», 153.

Побѣдинская, госпожа, 349.

Побѣдоносцевъ, К. П., членъ Госуд. Сов., 418.

Погодинъ, Михаилъ Петров., историкъ и публицистъ. Записки его о политикѣ Россіи 1853—1854 гг., 121—138. Взглядъ на отношенія враждебныхъ Россіи государствъ 1854 г., 399—407.

Поджорытовъ, заводскій полиціймейстеръ 1842 г., 89.

Подъявичій, Филать, сельскій старшина 1842 г., 89.

Поздѣвъ, адъют. Ермолова 1812 г., 637.

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., 594, 599, 721.

Полозовъ, чиновникъ департ. просвѣщенія 1810 г., 385, 395.

Полляковъ, казакъ 1789 г., 40.

Помпадуръ, фаворитка Людовика XV. Вліяніе ея на государственныя дѣла, 747, 749—751, 758, 761, 763. Упом. 748, 754, 764.

Пономаревъ, сельскій пономарь 1842 г., 91.

Понятовскій, Станиславъ, послѣдній польскій король, 187, 766.

Поповъ, совѣтникъ тульского рекрут. присутствія 1815 г., 52.

Поповъ, Вѣс. Степ., правит. канцелярія кн. Потемкина-Таврическаго, впоследствии тайн. сов. и предсѣдат. департ. гражд. дѣлъ въ госуд. совѣтѣ, † 1823 г., 35.

Поповъ, С., содержатель типографіи 1868 г., 716.

Поскиповъ, полковникъ 1812 г., 656, 658.

Поталова, Аграфена, 526, 532.

Потемкинъ, гр. Серг. Павл., гв. офицеръ 1810-хъ гг., 156.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александр., фельдмарш., р. 1738 † 1791 г. Участіе его въ войнѣ 1784 г., 19, 22, 28, 29, 32. Местъ Денисову за его дядю, 34—35. Упом. 41, 670, 671.

Потоцкая, графиня, 339.

Пожвиловъ, 297.

Похвисневъ, М., цензоръ 1854 г., 604, 605.

Праденъ, франц. живописецъ, 768.

Праленъ, франц. графъ, 310.

Прасковія Михайловна, рожд. Солова, вторая жена царевича Іоанна Іоанновича, 545.

Працъ, Эдуардъ, содерж. типографіи 1870 г., 728.

Приваловскій, Юрій, издатель комедіи «Горе отъ Умѣ» 1858 г., 716, 718, 719, 720.

Проворовская, кж. Варвара Ив., см. гр. Суворова-Рымникская.

Проворовскій, кн. Александръ Александровичъ, ген. отъ инфант., впоследствии генер.-фельдмаршалъ, р. 1732 † 1808 г., 331, 670, 673.

Пуассонъ, докторъ 1760 г., 758, 759.
Пугачевъ, Емельянъ, самозван., 711—713.

Пушаръ, госпожа, 357.

Пушталовъ, подполковникъ 1794 г. 15, 16.

Пушкина, Наталья Николаев., рожд. Гончарова, во 2-мъ замуж. Ланская, р. 1812 † 1863 г., жена поэта, 705.

Пушкинъ, Александръ Александров., сынъ поэта, 714.

Пушкинъ, Александръ Серг., р. 1799 † 1837 г. Характеристическій очеркъ его, какъ человѣка и какъ писателя, и обзоръ его литературной дѣятельности, 688 — 714. Отношенія его къ А. С. Грибоѣдову, 160 — 161. Упом. 162, 173, 174, 200, 283, 601, 786.

Пушкинъ, Вас. Львов., 685.

Пушкинъ, Левъ Серг., 291, 292, 686.

Пушкинъ, Сергѣй Львов., стат. сов., отецъ поэта, 699, 700.

Р.

Радинъ, минскій губернаторъ 1809 г., 346.

Радищевъ, 1810 г., 384, 387, 395, 396.

Раевскій, Никол. Никол., герой отечественной войны 1812 г., 649, 650, 704.

Разумовскій, гр., женатый на Аннѣ Федор. Грибоѣдовой, 153.

Разумовскій, гр. Андрей Кирил., посоль въ Вѣнѣ 1798 г., р. 1751 † 1823 г., 77, 328, 575.

Разумовскій, гр. Алексѣй Григ., фельд-маршалъ, 778.

Расстригинъ, гр. Фед. Вас., управляющій коллегією иностр. дѣлъ, потомъ обер-камергеръ, ген. отъ инфант., членъ госуд. сов., москов. главнокомандующій, р. 1765 † 1826 г., 379.

Рахмановъ, полковн. и издат. «Военнаго Журнала» 1812 г., 641—642.

Редлифъ, лордъ, 399.

де-Реймонъ-Моденъ, гр. Гавр. Карл., об.-егермейстеръ, р. 1773 † 1833 г., 548.

де-Реймонъ-Моденъ, гр. Елиза. Никол., см. Салтыкова.

Рейнгардъ, профес. Москов. университета 1810-хъ гг., 154.

Рейссъ, принцъ, 565, 574, 580.

Рейникъ, кн. Никол. Вас., ген.-губернаторъ вилен., гродненскій, лифляндскій и эстляндскій, потомъ фельдмаршалъ и посоль въ Берлинѣ, р. 1734 † 1801 г. Командованіе корпусомъ въ 1789 г., 38—45. Отправленіе въ Берлинъ 1798 г., 576—578, 584. Упом. 75, 80, 573.

Ретцъ (Жанъ-Франсуа-Поль, аббать Гонди), кардиналъ, р. 1614 † 1679 г. Записка о немъ, 309 — 310. Выдержки изъ его записокъ, сдѣланныя в. кн. Павломъ Петровичемъ, 309—320, 549—560.

Ржевская, см. Салтыкова.

Рибасъ, Осипъ Ив., итальянецъ, воевод. русскій вице-адмиралъ, † 1800 г., 774.

Рибасъ, 80, 325.

Римонъ-Корсаковъ, родственникъ Грибоѣдовыхъ, 153.

Римонъ-Корсаковъ, ротмистръ кавалергард. полка, состоящій при Ермоловѣ 1812 г., 637.

Риншалъ, кардиналъ, 310, 311.

Родионова, Прасковія, дворовая, 527.

Родионовъ, офицеръ, † 1828 г., 302—303.

Родофинкинъ, Конст. Конст., генералъ 1828 г., 304, 306.

Розеншампфъ, баронъ, предсѣд. законодательной комиссіи 1803 г. Дѣятельность его въ комиссіи, 415.

Рудинъ, ст. сов. Свидѣтельство его о Салтыкигѣ, 546.

Рудневъ, отстав. офицеръ 1815 г., 53.

Рулье, франц. министръ иностр. дѣлъ 1755 г., 750.

Румянцевъ, гр. Николай Петр., министръ иностр. дѣлъ и предсѣдатель государств. совѣта, р. 1754 † 1826 г., 190, 384.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, фельдмаршалъ, р. 1725 † 1796 г., 9, 671.

Рылѣевъ, Кондр. Фед., писатель, декабристъ, р. 1795 † 1826 г. Дружба съ Грибоѣдовымъ, 276, 588.

С.

- Сабининъ, капитанъ 1811 г., 636.
- Сабуровъ, опекунъ надъ имѣніями Салтыковой, 499.
- Савельевъ, Алексѣй, дворовой, 519, 522, 535, 536.
- Савва, крестьянинъ, 617.
- Савичъ, сумскій уѣздн. предвод. дворянства 1859 г., 624.
- Садовскій, В. В. Сообщ. указъ императора Александра объ истребленіи запрещенныхъ азартныхъ игръ 1801 г., 620—621.
- Салтыцова, рожд. Ржевская, 548.
- Салтыцова, Александра Ив., въ замуж. Глѣбова, 548.
- Салтыцова, Александра Серг., въ замуж. кн. Урусова, р. 1743 † 1799 г., 548.
- Салтыцова, Анаст. Петр., рожд. гр. Толстай, 548.
- Салтыцова, Анаст. Ѳед., рожд. гр. Головина, р. 1753 † 1818 г., 548.
- Салтыцова, Анна Ив., въ замуж. Мушкова-Пушкина, 548.
- Салтыцова, Анна Яковл., рожд. кн. Голицына, р. 1718 † 1771 г., 548.
- Салтыцова, Варвара Ив., рожд. Лихарева, 548.
- Салтыцова, Варвара Никол., въ замуж. гр. Ягужинская, р. 1749 † 1843 г., 548.
- Салтыцова (Салтычиха), Дарія Николаевна, рожд. Иванова, р. 1730 † 1801 г. Очеркъ ея преступленій, слѣдствіе, судъ, казнь, заточеніе, 497—548.
- Салтыцова, Евдокія Матв., рожд. Головина, 548.
- Салтыцова, Евдокія Никол., въ замуж. кн. Засѣкина, 548.
- Салтыцова, Екат. Борис., рожд. княж. Голицына, 548.
- Салтыцова, Екат. Ѳед., рожд. Строганова, 548.
- Салтыцова, Елиз. Никол., въ замуж. гр. де-Реймонъ-Моденъ, р. 1772 † 1852 г., 548.
- Салтыцова, Марія Иван., въ замуж. Нарышкина, р. 1738 † 1807 г., 485.

- Салтыцова, Марія Никол., въ замуж. кн. Ковловская, 548.
- Салтыцова, Марія Яковл., рожд. кн. Шаховская, р. 1741 † 1827 г., 548.
- Салтыцова, кн. Нат. Влад., рожд. кн. Долгорукая, р. 1737 † 1812 г., 548.
- Салтыцова, Нат. Ив., въ замуж. Мельгунова, 548.
- Салтыцова, Наталія Никол., въ замуж. Волынская, 548.
- Салтыцова, Нат. Серг., въ замуж. кн. Долгорукач, р. 1742 † 1801 г., 548.
- Салтыцова, Софія Алексѣев., въ замуж. Татищева, 548.
- Салтыцовъ, графъ, сформировав. московскій гусарскій полкъ въ 1812 г., 154.
- Салтыцовъ, Алексѣй Ив., бригадиръ, 548.
- Салтыцовъ, Алексѣй Петр., 548.
- Салтыцовъ, Глѣбъ Алексѣев., ротмистръ 1-го кон. полка, † ок. 1756 г., 497, 525, 526, 542, 547, 548.
- Салтыцовъ, Ив. Алексѣев., генер.-аншефъ, † 1773 г., 548.
- Салтыцовъ, гр. Ив. Петр., генер.-аншефъ, вполѣд. фельдмаршалъ, р. 1830 † 1805 г., 28, 35.
- Салтыцовъ, Ив. Серг., 548.
- Салтыцовъ, Никол. Глѣбов., † 1775 г., 497, 500, 548.
- Салтыцовъ, кн. Никол. Ив., фельдмаршалъ, воспитат. вел. кн. Александра и Константина Павловичей, председат. гос. сов. и комитета мин.—ровъ, р. 1736 † 1816 г., 548.
- Салтыцовъ, Никол. Никол., дѣйств. тайн. сов., † 1806 г., 548.
- Салтыцовъ, Никол. Петр., тайн. сов., москов. губернат., † 1755 г., 548.
- Салтыцовъ, Петръ Самуилов., бояринъ и воевода смоленскій, 548.
- Салтыцовъ, Сергѣй Алексѣев., 548.
- Салтыцовъ, Сергѣй Никол., генер.-майоръ, 548.
- Салтыцовъ, Ѳедоръ Глѣбов., р. 1760 † 1801 г., 497, 548.
- Салтыцовъ, Ѳед. Никол., † 1790 г., 548.
- Самарина, 388.
- Самойлова, В. В., актриса, 587.

Саксою, франц. генералъ 1812 г., 371.
 Сафоновъ, помѣщикъ 1806 г., 47.
 Святонольдъ-Мирскій, князь, полков. командиръ 1854 г., 143.
 Семенова, Екатерина Семеновна, актриса, въ замуж. кн. Гагарина, 384, 388, 396.
 Семенова, Екатерина, дворов. Салтыковой. Обстоятельства ея убіенія, 506—510, 526.
 Семенова, Пнифодора Семен., въ замуж. гр. Мусина-Пушкина, артистка, 157.
 Семеновъ, Петръ Никол., гв. офицеръ 1810-хъ гг., 156.
 Семеновъ, Федотъ, дворовый, 535.
 Сѣмень, Александръ, содерж. типографіи 1833 г., 589, 605, 607.
 Сень-Жерменъ, графъ, авантюристъ, 744.
 Сень-Моръ, переводчикъ «Горе отъ Ума», соч. Грибоѣдова, 734.
 Сень-Пріестъ, корпусн. командиръ 1813 г., 191.
 Сень-Сиръ, франц. маршалъ 1813 г., 678.
 Сенявина, рожд. кн. Мещерская. Рассказъ ея объ Екатеринѣ II, 781.
 Сергѣевъ, Данила, крестьянинъ, 535.
 Серчевскій, Евграфъ, издат. книги: «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія», 153, 291, 296, 608, 715, 716, 719, 734.
 Сеславинъ, Алексан. Никит., партизанъ 1812 г., 661.
 Сиверсъ, 188, 189.
 Симоночь, грекъ, 169.
 Сипягинъ, генералъ, саравскій предв. дворян. Убіеніе его пугачевцами 1774 г., 617—618.
 Сипягинъ, Никол. Мартем., генер.-адъютантъ, тѣлис. воен. губернаторъ, 680.
 Скарятинъ, содержатель типографіи, 730.
 Скобелевъ, адъютантъ Кутузова 1813 г., 379.
 Скобелевъ, Ив. Никит., генералъ, р. 1778 † 1849 г., 682, 693.
 Скопинъ, Мих. Петр., бѣлев. купецъ 1812 г., 49.

Скоттъ, Вальтеръ, шотланд. писатель, 696.
 Сладковскій, Романъ, писатель, 392.
 Сленинъ, Ив. Вас., книгопродавецъ 1826 г., 286.
 Смараддецкая, госпожа, 360.
 Смирдинъ, Александръ Александр., книгопродавецъ, 608, 715, 719, 734.
 Смирдинъ, Алекс. Филип., издатель и книгопродавецъ, 603, 606, 711.
 Смирнова, содержательница типографіи 1855 г., 607.
 Смирнова, Анисья, вдова, 538.
 Смирновъ, Д. А. Ссылки на статью его въ книгѣ: «Бесѣды въ Общ. Любителей Словесности», 158, 163, 279, 289.
 Смирновъ, Федоръ, лекаръ 1762 г., 504.
 Смитъ, историкъ, 186.
 Снегиревъ, И. М. Записки его объ Ивановскомъ монастырѣ, мѣстѣ заточенія Салтычихи, 545, 546. Упом. 154.
 Собѣщанскій, цензоръ 1857 г., 733.
 Соловьевъ, П. А., академикъ 1866 г., 726.
 Солданъ, Софи, 377.
 Солдогоубъ, гр., Владим., Александр., писатель, 145.
 Соловьевъ, Сергѣй Мих., историкъ, 186, 207.
 Сольтскій, могилев. помѣщикъ 1812 г., 662.
 Соминъ, Фед. Ив., дворовый Салтыковой, 499, 530.
 Сосновскій, Т. А. Сообщ. бумаги А. С. Грибоѣдова, 152.
 Сохадскій, профессоръ Москов. унвер. 1810-хъ гг., 154.
 Сперанскій, гр. Мих. Мих., государ. секретарь, р. 1772 † 1839 г. О работахъ его по законодательству, 416—417. Упом. 191.
 Степанова, Анисья, дворовая, 509, 510, 519, 529, 531.
 Степанова, Л. В., содержательница типографіи 1862 г., 725, 726.
 Степановъ, Алексѣй, дворовый, 520, 521, 522, 529.
 Степановъ, Максимъ, рядовой 1815 г., 52.

Столыпинъ, Аванасій, офицеръ 1812 г., 637, 655.

Стоюкинъ, Влад. Яков., инспекторъ Николаев. Сирот. Института въ Москвѣ. О редактированномъ имъ изданіи «Горе отъ Ума», 728—729.

Строганова, Екат. Фед., см. Салтыкова.

Строгановъ, гр. Григор. Александр., дѣйств. тайн. сов. Назначеніе его опекуномъ дѣтей Пушкина, 714.

Струговщиковъ, А. Н. Сообщ. замѣтку въ статьѣ о М. И. Глинкѣ, 205—206.

Студенкинъ, Г. И. Составленный имъ историческій очеркъ дѣла о Салтычихѣ, 499—546. Сообщ. указъ объ очисткѣ Невы, 1775 г., 615.

Суассонъ, графъ, 311.

Суворова-Рымнииская, гр. Варв. Ив., кн. Италійская, рожд. кн. Прозоровская, 331.

Суворовъ-Рымниискій, гр. Алексан. Вас., кн. Италійскій, генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г., 9, 36, 42, 200, 331, 404, 564, 670.

Сувикъ, капитанъ 1811 г., 636.

Сувовъ, полпоручикъ 1764 г., 513, 516.

Сулдма, Никол. Семен., генералъ, предсѣд. комиссіи для уничтоженія состава бывшей польской арміи, потомъ сибирскій генер.-губернаторъ, потомъ членъ госуд. контроля, р. 1777 † 1840 г. Биографическая замѣтка о немъ, 195—196. Письмо къ сыну, 197—198.

Сулдма, Сем. Никол. Сообщ. письмо къ нему отца 1840 г., 197—198.

Сухованетъ, ротн. командиръ 1812 г., ген.-майоръ 1813 г. Быстрое повышение его, 639—640.

Сушковъ, Н. В., 199.

Суякинъ, Агафилъ, сельскій писарь 1842 г., 89.

Сысоевъ, Иванъ, крестьянинъ, 103, 107, 108.

Сычева, Варв. Карп., см. Денисова.

Сычевъ, Петръ Захар., казад. полковникъ, 21.

Съровъ, пермскій окружной начальникъ 1842 г., 89, 91.

Сѣряковъ, Л. А., граверь, академ., 171.

Сѣченовъ, Дмитрій, митрополитъ новгородскій. Предсказаніе ему митрополитомъ Арсеніемъ страшной смерти, 778.

Сюдли, герцогъ, Максимиліанъ де-Бетюнь, министръ Генриха IV, р. 1560 † 1641 г. Замѣтка о немъ, 736. Выписки, сдѣланныя в. кн. Павломъ Петровичемъ изъ его записокъ, 737—742.

Т.

Тараханова, княжна, дочь императрицы Елизаветы Петровны. Разсказъ объ арестѣ ее Орловымъ, 773—775.

Тарасенко-Отрѣшковъ, Наркызъ, ст. сов. Назначеніе его опекуномъ дѣтей Пушкина, 714.

Тарасова, Акул. Минаев., см. Остроухова.

Тарасовъ, Семень, купецъ, 46.

Тархокинъ, Артемій, дворовый, 507, 534.

Татищова, Софія Алексѣев., см. Салтыкова.

Татищевъ, Алексѣй Венедикт., генер.-поручикъ, 548.

Тауенціевъ, генералъ, 335.

Темешова, Екат. Александр., танцовщица 1825 г., 278, 690.

Тельжинъ, Николай, капит. 1764 г., 520, 521.

Тенгоборскій, публицистъ 1854 г., 403.

Тепловъ, Григ. Никол., ст.-секретарь Екатерины II, писатель, р. 1725 † 1779 г., 542.

Терсковъ, В. А., книгопродавецъ, 601, 603.

Терсье, франц. управляющій иностр. дѣлами 1755 г., 750, 763.

Тибленъ, Николай, издатель комедіи «Горе отъ Ума» 1862 г., 723, 724, 725, 726.

Тивенгаузенъ, гр. Дарія Фед., 340—347, 358, 364, 368.

Тивенгаузенъ, гр. Екат. Фед. Сообщ. письма кн. М. И. Голенцева-Кутузова-Смоленскаго къ дочерн, 337—377.

Тивенгаузенъ, гр. Елиз. Мих., рожд. Голенцева-Кутузова, во 2-мъ замуж.

Хитрово, р. 1783 † 1839 г. Письма къ ней отца 1803—1813 г., 337—377.

Тизентаузенъ, гр. Иванъ, 339.

Тизентаузенъ, гр. Фед. Иван., флиг.-адъютантъ, † 1805 г., 338, 339.

Тимеревъ, Вас. Гавр., крестьянинъ, 94, 95, 96, 97.

Тимеревъ, Петръ, сельскій писарь 1842 г., 97, 100, 101, 105, 106, 107.

Тимоеева, Аграфена, дворовая Салтыковой. Убійство ея, 523—524, 528.

Тимоеева, Варвара, крестьянка, 523.

Тимоеева, Елена, дворовая, 527, 529.

Тимоеева, Марса, дворовая, 528.

Тимоеевъ, Родионъ, дворовый. Обвиненіе его Салтыкову въ убійствѣ шести дворовыхъ дѣвушекъ, 523—524.

Тимосей, столяръ, 617.

Тишенкиновъ, полковникъ 1847 г., 201.

Тихинъ, 191.

Толстая, гр. Анаст. Петр., см. Салтыкова.

Толстая, гр. Софія Вас., см. гр. Орлова-Денисова.

Толстой, гр. генералъ 1813 г., 190, 678.

Толстой, гр. Влад. Петр., генералъ, р. 1805 г., 21.

Толстой, Ив. Григ., повѣтчикъ 1764 г. Дѣло объ укрывательствѣ имъ преступленій Салтыковой, 513—517.

Толь, бар. Карлъ Фед. (Карлъ - Вильгельмъ), генер.-квартирм. 1812 г., вполс. графъ, генералъ отъ инфантер., генер.-адъютантъ, главноуправляющій путями сообщеній и публичными зданіями, р. 1777 † 1842 г. Военная ошибка его въ 1812 г., 653.

Тормасовъ, гр. Александр. Петр., генер. отъ кавалеріи, москов. воен. генер.-губернаторъ 1816 г., 12, 13, 15.

Торнау, полковникъ 1821 г., 59.

Торнау, бар. Ф., воен. писатель, 182.

Трей, Яковъ, содержатель типографіи 1853 г., 601, 606.

Трейсаъ-де-Вержи, франц. памфлетистъ, 763—764.

Третьяковъ, владѣлецъ портрета А. С. Грибоѣдова, 171.

Трошчжскій, Дмитр. Прокоф. тайн.

сов. и сенаторъ, потомъ членъ госуд. совѣта, † 1829 г., 781.

Трубецкая, кн. Люб. Вас., см. гр. Орлова-Денисова,

Трубецкой, кн. Никол. Петр., 21.

Тугутъ, баронъ, 563, 574.

Тургеневъ, Л. Б., самарскій помѣщикъ, 618, 620.

Турчаниновъ, петерб. домовлад., 22.

Тучкова, Елена Фед., см. гр. Орлова-Денисова.

Тучкова, полковникъ, 21.

Тучковъ, генералъ 1808 г., 667, 668, 673.

Тышневичъ, маршалъ литовскій 1793 г., 189.

Тютчева, Агрип. Никол., рожд. Иванова, 497, 547.

Тютчевъ, Ив. Никифор., 497, 547.

Тютчевъ, Никол. Андр., капитанъ 1762 г. Мщеніе ему Салтыковой, 533—534.

У.

Уваровъ, харьков. помѣщикъ, 628.

Уваровъ, гр. Серг. Семен., дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. совѣта, министръ народн. просвѣщенія 1833—1848 гг., 591.

Угрюмовъ, Игнатій, дворовый, 507, 534.

Улановъ, Никол. Ив., бѣлев. купецъ 1812 г., 49.

Улитинъ, Н. Н., книгопродавецъ, 589, 600, 605, 606, 732.

Ульяновъ, Петръ, дворовый, 509.

Унгернъ - Стерибергъ, бар. Карлъ Карлов., ген.-адъютантъ Петра III, генер.-поруч. и с.-петерб. губернат., вполсѣд. ген. отъ инфантеріи, р. 1730 † 1799 г. Указъ ему объ очисткѣ Невы 1775 г., 615—616.

Урусова, кн. Александра Серг., см. Салтыкова.

Урусовъ, кн. Петръ Вас., 548.

Урусовъ, кн. Серг. Никол., главноуправляющій II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Имп. Вел. канцеляріи, 424.

Устиновъ, Степанъ, крестьянинъ, 537.

Уткинъ, художникъ, 589, 715.

Ф.

Фельднеръ, Алекс. Иван. Замятка къ его разсказу о дѣлѣ флигель-адъютанта Кольева, 192—195.

Фердинандъ, императоръ австр., 186.

Ферзенъ, 200.

Фехтъ-Али-шахъ, персидскій шахъ, † 1834 г., 164, 293.

Фигнеръ, гусар. поручикъ 1812 г., партизанъ въ войнахъ 1812—1813 гг., 641, 655—656.

Филимонова, Анна, дворовая, 527.

Филипова, Устинья, дворовая, 527.

Филиповъ, Семень, дворовый, 518.

Филисъ, актриса 1806 г., 342.

Фишеръ, госпожа, 353.

Флѣри, франц. министръ, 748.

Фонъ-Визинъ, адъютантъ Ермолова 1812 г., 637.

Фонъ-Визинъ, Деннсъ Ив., писатель, р. 1744 † 1792 г., 174, 395.

Фонъ-Визинъ, Мих. Алекс., генер.-маіоръ, декабристъ, † 1858 г., 395.

Фонъ-Фокъ, 694.

Форреръ, англ. адмиралъ 1755 г., 763, 766, 767.

Форреръ, леди, супруга адмирала, 753.

де-ла-Фортель Пейро-де-Воссоль, авторъ записокъ о кавалерѣ д'Эонъ, 744.

Франжъ, пѣвица 1809 г., 346, 349.

Францъ-Иосифъ, императоръ австр., 136.

Фрейгантъ, А., цензоръ 1838 г., 599, 602.

Фреронъ, франц. писатель, 746.

Фридрихъ II Великій, король прусскій. Его отношенія къ Франціи, Австріи и Россіи, 748—749, 753—755, 759.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій. О памятникѣ, воздвигнутомъ имъ Кутузову, 378—381. Упом. 333.

Фришъ, капитанъ 1811 г., 636.

Фроловъ, смотритель воен. госпиталя 1812 г., 647.

Фуссъ, авторъ статьи: «Одинъ день изъ жизни Суворова», 290.

Фуше, франц. полнд. смщикъ, 205.

Х.

Хабанъ - Аглу, трехбунчужный паша 1811 г., 365.

Хамутлинъ, офицеръ, 35.

Харламова, Ирина, дворовая, 517, 526, 532.

Харламовъ, Игнатъ, казакъ, 24.

Хвостовъ, гр. Дмитрій Ив., стихотворецъ, р. 1757 † 1835 г., 397, 714.

Хвоцинскій, Фед., прокуроръ 1764 г. Дѣло объ укрывательствѣ имъ преступленій Салтыковой, 505, 537—540.

Хитрово, Анна Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, р. 1782 † 1846 г. Письмо къ ней отца, 350. Упом. 340, 345, 349, 351, 358, 359, 366, 367.

Хитрово, Никол. Фед., генер.-маіоръ 338, 358, 362, 363, 364, 366, 374.

Хлоповъ, В. В. Сообщ. замѣтку по поводу разсказа о вечерѣ съ А. П. Ермоловымъ, 198—200.

Хмельницкій, Никол. Ив., правитель канцеляріи петербург. воен. губернатора 1822 г., 157.

Хорошикъ, Осипъ, крестьянинъ, 97, 106.

Храповицкій, Александръ Вас., ст.-секретарь Екатерины II, † 1801 г. Разсказъ о немъ, 776—777.

Храповицкій, С. И. По поводу воспоминанія его о вечерѣ, данномъ А. П. Ермолову, 198—200.

Ц.

Цѣтаевъ, Л., цензоръ 1833 г., 589.

Цинамстваровъ, кандидатъ Московск. университет., переводчикъ «Горе отъ Ума» на грузинскій языкъ, 734.

Цицановъ, кн. Дмитрій, надворный сов., членъ юстицъ-коллегіи 1764 г. Порученіе ему произвести повальный обыскъ по дѣлу Салтыковой и его донесенія, 502—505.

Ч.

Чавчавадзе, кн. Александръ, 306.

Чавчавадзе, кж. Нина Александр., см. Грибодова.

Чаликовъ, Ант. Степ., генер.-майоръ, полковой командиръ 1815 г., 56.

Чеботаревъ, Адамъ Петр., ген.-лейт. Сообщ. записки А. К. Денисова, 1—59.

Черешковъ, генералъ-майоръ 1819 г., 2.

Черевновъ, ген.-майоръ 1770-хъ гг., 22.

Чернесъ-паша, турецкій военачальникъ, 10.

Черневичъ, Анна Семеновна, см. Муравьева-Апостоль.

Черноглазовъ, А., издатель комедій «Горе отъ Ума» 1854 г., 602, 603, 604.

Черновубова, Марина, см. гр. Денисова.

Чернышевъ, кн. Александръ. Ив., генералъ отъ кавал. ген.-адъютантъ, военный министръ, предсѣдатель государ. совѣта и комитета министровъ, р. 1786 г., 2, 3.

Чернышевы, семейство, 346.

Черткова, Елена Ив., см. гр. Орлова-Денисова.

Чириковъ, Г. С. Сообщ. дѣло о поощреніи хозяйства въ Харьковской губерніи 1842—1861 г., 623—628.

Чичаговъ, Василій Яковл., адмиралъ, Разказы его въ присутствіи императрицы о побѣдахъ надъ шведами, 776—776.

Чичаговъ, Пав. Вас., вице-адмиралъ исправляющій должность морскаго министра, р. 1765 † 1849 г., 190, 677, 678.

Чичеринъ, Б. Н., 172.

Чупикъ, чиновникъ 1842 г., 91, 106.

Ш.

Шавкунова, Екат. Устин., дворовая, 528—529.

Шавкунова, Наталья Прокоф., дворовая, 528.

Шавкунова, Степ. Тарас., дворовая, 527.

Шавкуновъ, Артамонъ, конюхъ, 528—529.

Шавкуновъ, Владиміръ, дворовой, 507, 534.

Шавкуновъ, Иванъ, дворовый, 507, 534.

Шадовъ, медальеръ, 381.

Шаликовъ, князь Петръ Иван., изда-

тель «Дамскаго Журнала», поэтъ, р. 1768 † 1852 г., 290, 714.

Шамиль, имамъ кавказскій, 144.

Шамовъ, К. И., книгопродав. 1864 г., 725.

Шамшевъ, подполковникъ 1819 г., 2.

Шанфоръ, франц. писатель, 746.

Шаньгинъ, Ив. Дм., крестьянинъ, 95.

Шаньгинъ, Матвѣй Ив., сельскій писарь 1842 г., 94, 95, 96.

Шатиловъ, Плат. Алек., 724.

Шаховская, кн. Марія Яковл., см. Салтыкова.

Шаховской, кн. Александръ Александр., драматическій писатель, р. 1777 † 1846 г. Отношенія къ А. С. Грибоѣдову, 155—156, Упом. 159, 167.

Шаховской, кн. А. В. Сообщ. статью о Н. Н. Муравьевѣ, 139, 151.

Шаховской, кн. Як. Петр., дѣйств. тайный совѣт., генер.-прокуроръ, р. 1705 † 1777 г., 500, 541, 542.

Шванценбургеръ, 134, 678.

Шевыревъ, Степ. Петр., профессоръ Московск. университета, 591.

Шекспиръ, англійскій писатель, 395, 706.

Шелегинъ, Петръ, крестьянинъ, 113—114.

Шенъе, Андрей, французскій писатель, 691—694.

Шепиловъ, Пав. Алексѣев., директоръ Вологодской гимназіи, 397.

Шереметовъ, Вас. Александр., кавалергардскій офицеръ. Смерть его на дуэли съ Завадовскимъ 1817 г., 161—162.

Шерстобитовъ, Карлъ Леонт., полнейскій смѣщикъ въ Петербургѣ. Замѣтка о немъ, 204—205. Разказы изъ его службы, 201—204.

де-ла-Шетардж, маркизь, французскій посланникъ въ Россію. Высылка его изъ Петербурга, 749.

Шешковскій, Степ. Ив., тайн. сов., начальникъ Тайной Канцеляріи, р. 1720 † 1794 г. Разказы о немъ, 781—785.

Шидловская, Натал. Алексѣев., см. гр. Орлова-Денисова.

Шиллеръ, поэтъ, 398, 706.

Шинкель, прусскій об.-архитекторъ, 1819 г., 381.

Шихматовъ, князь Сергѣй, писатель, 392.

Шлецеръ, профессоръ Москов. университета 1810-хъ гг., 154.

Шнейдеръ, Фердинандъ, берлинскій издатель комедіи «Горе отъ Ума» 1858 г., 718.

Шрейдеръ, ахтырскій уѣздный предводитель дворянства 1859 г., 625.

Штейнъ, Надежда, фрейлина при дворѣ имп. Елисаветы Петровны 752, 753, 759, 769.

Шторембергъ, принцъ, австр. посланникъ во Франціи, 1756 г., 755.

Шуазель, герцогъ, мин-ръ иностранныхъ дѣлъ, 759—760.

Шуваловъ, Александр. Ив., генерал-фельдмаршалъ, р. 1710 † 1771 г., 782.

Шуваловъ, Ив. Ив., об.-камергеръ, кураторъ Москов. университета, р. 1727 † 1797 г., 671, 754, 755.

Шуйская, Марія Петр., царица, жена царя Василія Ивановича, 545.

Шульцъ, содерж. типографіи въ Берлинѣ 1858 г., 718.

Щ.

Щепинъ, Мих. Семен., артистъ, 587, 733.

Щербатовъ, † 1822 г., 169.

Щербачова, Марія Григ., помѣщица. Убіеніе ее пугачевцами 1774 г., 617—618.

Щербачовъ, Дмитрій, сынъ предъидущей, 617—618.

Щербининъ, М. П. По поводу замѣтки его о Кошчевѣ, 192—195.

Э.

д'Эгилонъ, министръ Людовика XV, 765—766.

Эйхеръ, полковникъ, командиръ бригады 1810 г. Отношенія въ офицерамъ, вражда съ Ермоловымъ, 635. Упом. 633, 649, 660.

Эльджинъ, графъ Томасъ Брюсъ, дипломатъ, р. 1769 † 1842 г., 590.

фонъ-деръ-Эльоникъ, майоръ прусской службы, 378.

Эммануель, генералъ 1828 г., 303.

д'Эонъ (Карль-Женевьева-Луи-Огюсть-Андре-Тимоей д'Эонъ де-Бомонъ), р. 1728 † 1810 г., тайный дипломатическій агентъ франц. двора въ Петербургѣ и Лондонѣ. Записки его, составленныя Гальярде, 743—771.

д'Эонъ-де-Бомонъ, Луи, адвокатъ франц. парламента 1728 г., 746.

д'Эонъ-де-Бомонъ, Франсуаза, рожд. де-Шавовсонъ, 746.

Эрдманъ, Фридрихъ, цензоръ 1831 г., 732.

Эристъ, содержат. типографіи 1857 г., 607.

Эссекъ, корпусный командиръ 1811 г., 675.

д'Эстре, франц. маршалъ 1756 г., 755.

Ю.

Юдина, Matr. Ив., дворовая, 528.

Юдина, Устинья Никит., дворовая, 528.

Юдинъ, конюхъ, 528.

Я.

Яковлевъ, сынъ чиновника. Разсказъ о совершенномъ имъ преступленіи 1847 г., 201—203.

Ягушинская, гр. Варв. Никит. см. Салтыкова.

Ягушинскій, гр. Сергѣй Павл., ген.-поручикъ, 548.

Явышовъ, Александръ Иванов. Сообщ. письмо помѣщицы Лопатиной о звѣрствахъ Пугачева 1774 г., 617—618.

Явышовъ, Вас. Ив., саранскій помѣщикъ. Убіеніе его пугачевцами 1774 г., 617—618.

Явоби, генералъ отъ инфантеріи, 327.

Яковлева, Аक्सинья, дворовая Салтыковой. Обстоятельства ея убіенія, 506, 510, 526.

Яковлевъ, 390.

Яковлевъ, В. А., 727.

Якубовичъ, Александр. Ив., шт.-рот-мистръ 1817 г., впоследствии декабристъ. Дуэль съ Грибоѣдовымъ, 161—163.

Янеко, Яв. Фед., художникъ, 205.

Яровъ, Иванъ Никит., секретарь московской тайной конторы 1764 г. Дѣло объ укрывательствѣ имъ преступленій Салтыковой, 505, 513, 517, 537, 540.

Яфимовичъ, адъют. Кутузова 1813 г., 379.

Яшвилъ, князь. Слава его, какъ артиллериста, 636. Упом. 639.

Ө.

Өаддей, работникъ, 47.

Өедорова, Алуина, дворовая, 528.

Өедорова, Марина, дворовая, 527—530.

Өедорова, Марія, дворовая, 528.

Өедоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1656
† 1682 г., 419, 432.

Въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ Вазунова въ Спб. и въ магазинѣ Соловьева въ Москвѣ, можно получить всѣ 12-тъ книгъ, съ приложеніями, изданія:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1872-й г. (изданіе второе).

Въ «Русской Старинѣ» 1872 г., между прочимъ, напечатаны: Записки гр. Чернышева, сподвижника Петра Великаго. — Воспоминанія академика Витберга, съ его словъ записанныя въ Вяткѣ А. И. Герценомъ (Искандеромъ) въ 1836 г. — Записки поч. лейбъ-хирурга Тарасова. — Записки партизана Денкса Давыдова. — Собственноручныя шуточныя произведенія Петра Великаго о князъ-пацѣ и «всепьянѣйшемъ соборѣ» (Петръ I, какъ юмористъ). — Секретныя депеши прусскаго посла объ обѣдахъ, нанесенныхъ ему царемъ Петромъ и кн. Меншиковымъ, и др. матеріалы о Петрѣ Великомъ и его времени. — Письма и мѣтнія кн. М. М. Щербатова, кн. Суворова, кн. Голеницева-Кутузова - Смоленскаго, гр. Мордвинова, гр. Стеранскаго, Ермолова и друг. — Секретныя донесенія Дибича и Паскевича о Ермоловѣ 1826 — 1827 гг. — Письмо Ермолова къ Устрялову. — Письмо Н. Н. Муравьева (Барскаго) къ Ермолову 1855 г., съ отвѣтомъ на него кн. Святополкъ-Мирскаго. — Письмо фельдмаршала кн. И. Э. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову озащитѣ и паденіи Севастополя (1855 г.). — Воспоминанія Т. П. Пассека 1810—1826 гг. — Дѣло о жестокостяхъ помѣщика Измайлова 1825 г. — Историческіе рассказы и анекдоты, записанныя со словъ именитыхъ людей П. Э. Карамызовымъ и др. лицами. — Думы, посланія, сатира на Аракчеева и пророческая ода «Видѣніе» Рылѣева. — Воспоминанія о Гоголѣ—Верга, о Грибоѣдовѣ—Жаратыгина, объ Аракчеевѣ — доктора Швропеуса. — Смерть Грибоѣдова — изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ А. П. Верже. — Незд. стихотворенія Лермонтова. — «Насильный бракъ» баллада гр. Ростопчиной. — Басни и сказки Жемжицера (по подлинной его рукописи). — Письма Дубельта. — «Маіоръ» шутка-позма Фодотова. — «Солдатская сказка про царей російскаго и нѣмецкаго» Чернышева. — Мѣтніе по дѣлу Петрашевскаго 1849 г. Письма и программы оперы «Русланъ и Людмила» — М. И. Глинки, и проч.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г., третій годъ, имѣетъ приложенія: «Записки» А. Т. Волотова. — Портреты: академика Витберга и Пѣвца былинъ Рябинина. — Фрески на лѣстницѣ Киево-Софійскаго собора XI вѣка. — Рисунки: Храмъ Спасителя въ Москвѣ — по проекту Витберга. — Домъ, въ которомъ скончался кн. Кутузовъ-Смоленскій, въ Бунцлау, и памятникъ ему тамъ же. — Снимокъ съ письма кн. Кутузова о Бородинской битвѣ 1812 г. — Рисунокъ казни Пугачева и нѣсколько рисунковъ въ Запискахъ Волотова.

Гг. Иногородныя просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“: въ С.-Петербургъ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1872 года съ пересылкой—8 руб.

Всѣ экзмп. „Русской Старинны“ 1870 г. (два изд.), 1871 г. и 1873 г.

• сполна разошлись по подпискѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1874 года.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.
МАИ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ, АВГУСТЪ.

Записки и воспоминанія.

	СТР.
I. Исторія казака Войска Донскаго, атамана Андріана Карповича Денисова. 1763—1841 гг. Главы I—V, съ 1763 по 1791 г. Сообщ. А. П. Чеботаревъ	1
(См. поправку, стр. 440).	
II. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—1848 гг. Главы III и IV, съ 1810 по 1812 годъ. Сообщ. С. Д. Карповъ	633
III. Воспоминанія Ивана Меньшаго. 1806—1822 гг.	46

Исслѣдованія, біографическіе очерки и статьи.

I. Кавалеръ д'Эонъ (онъ же дѣвица де-Бомонъ) и его похождения въ Петербургъ и западной Европѣ. Статья В. Р. Зотова	743
II. Салтычиха. 1730—1801 гг. Историческій очеркъ Г. И. Студенкина	497
III. Последніе годы Рѣчи Посполитой. Статья Д. И. Иловайскаго	186
IV. О Полномъ Собраніи Законовъ Россійской имперіи. 1649—1825 гг. Статья Е. П. Карновича	408

Указы, переписка, донесенія, историческіе рассказы и анекдоты.

Царствованіе Екатерины II.

- I. Пугачевщина. Письмо дворянки, 19-го сентября 1774 года, о злодѣйствахъ Пугачевцевъ. Сообщ. А. И. Языковъ 617
- II. Указъ Екатерины II объ очисткѣ Невы, 1-го мая 1775 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ 615
- III. Историческіе рассказы и анекдоты объ Екатеринѣ II-й, ея сподвижникахъ и современникахъ . . . 772

Царствованіе Павла I.

- I. Цесаревичъ Павелъ* Петровичъ до восшествія своего на престолъ. Собственноручные его: проектъ о войнѣ Россіи съ Австріей.—Примѣрное исчисленіе государственныхъ расходовъ Россіи въ 1786 г.—Выписки изъ записокъ кардинала Ретца и герцога Сюдли, 1777—1790 гг. Историческіе матеріалы изъ библиотеки дворца города Павловска. Напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича 60, 70, 309, 549 и 740
- II. Исторія одной табакерки императора Павла Петровича. Рассказъ Л. Б. Тургенева. Сообщ. П. В. Алабинъ 618
- III. Графъ Никита Петровичъ Панинъ, русскій посолъ въ Берлинѣ. Дипломатическая его переписка съ кн. А. В. Куракиннмъ. 1798 г. Сообщ. баронъ М. Н. Сердобинъ 71, 321 и 561

Царствованіе Александра I.

- I. Указъ Александра I объ истребленіи запрещенныхъ карточныхъ игръ. 11-го іюля 1801 г. Сообщ. В. В. Садовскій 620
- II. Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій: его письма къ своей дочери гр. Е. М. Тизенгаузенъ, во второмъ замужествѣ Хитрова. 1803—1813 гг. Сообщ. графиня Е. Ѳ. Тизенгаузенъ 337
- III. Памятники кн. М. И. Голенищеву-Кутузову-Смоленскому въ Германіи и въ Россіи. Сообщ. Ѳ. Д. Нордманъ 378

	СТР.
VI. Разговоръ Наполеона I съ кн. А. Н. Голицинимъ. 1808 г. Разказъ А. М. Загряжскаго. Сообщ. Н. П. Кичеевъ	621
V. Графъ А. А. Аракчеевъ наканунѣ войны 1812 года: письмо его къ брату Петру Андреевичу Аракчееву. Сообщ. П. И. Ламанскій	190
VI. Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ, генераль-лейтенантъ. 1760—1825 гг. Біографическій очеркъ. Сообщ. Д. А. Булатовъ	667

Царствованіе Николая I.

I. Картофельный бунтъ въ Пермской губерніи въ 1842 году. Разказъ крестьянина П. Г. Гурина. Сообщ. П. Деви	86
II. Дѣло о поощреніи сельскаго хозяйства въ Харьковской губерніи. 1813—1855 гг. Сообщ. Г. С. Чириковъ	622
III. Флигель-адъютантъ Кошневъ. Замѣтка. Сообщ. А. Зиссерманъ	192
IV. Николай Семеновичъ Сулима, генераль-губернаторъ Сибири, род. 1777 г. † 1840 г. Біографическая замѣтка и его письмо къ сыну 1840 г. Сообщ. С. Н. Сулима	195
V. Вечеръ съ А. П. Ермоловымъ 23-го января 1847 г. Сообщ. В. В. Хлоповъ	198
VI. Николай Николаевичъ Муравьевъ, намѣстничество его на Кавказѣ. 1854—1856 гг.	139
VII. Михаилъ Петровичъ Погодинъ: записки и письма его о войнѣ и политикѣ Россіи. 1853—1854 гг. 121 и 399	
VIII. Разказы изъ прежней судебной практики: судебныя ошибки. Сообщ. И. Н. Захарьинъ	628
IX. Разказы изъ прежней полицейской службы въ Петербургѣ. Сообщ. А. Ломачевскій	201

Исторія русской литературы.

I. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. 1788—1854 гг. Письма его къ Н. И. Гнѣдичу, 1810 г. Сообщ. съ примѣчаніями П. А. Ефремовъ	383
--	-----

	СТР.
II. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. 1795—1829 гг.:	
1) Біографическій очеркъ по подлиннымъ его письмамъ, 1795—1829 гг.	152 и 275
2) Обзоръ всѣхъ изданій комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ Ума“. 1825—1874 гг. Сообщ. И. Д. Гарусовъ.	585 и 715
3) „Горе отъ Ума“ въ Тифлисѣ. 1832 г. Сообщ. Г. Н. Геннади	610
4) Замѣтка о наиболѣе схожемъ портретѣ А. С. Грибоѣдова.	171
III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. 1799—1837 гг.	
1) Новые матеріалы для біографіи: переписка его съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ, 1826—1836 гг.	683
2) Мѣдный всадникъ, мысль къ созданію этой поэмы.	786
IV. Михайлъ Юрьевичъ Лермонтовъ. 1814—1841 гг.	
Стихотвореніе его „Валерикъ“ по подлинной рукописи автора. Сообщ. П. А. Ефремовъ	172
V. Марѳа Посадница, драма въ пяти дѣйствіяхъ Н. П. Жандра.	
	207 и 441

Замѣтки, мелочи и поправки.

I. Описка въ „Воспоминаніяхъ А. Н. Струговщикова о М. И. Глинкѣ“	205
II. Историкъ Малороссіи Н. А. Маркевичъ, другъ М. И. Глинки, біографическая замѣтка. Сообщ. И. Павловскій.	206
III. Поправки и опечатки	440, 631 и 632

Портреты и рисунки.

- I. Портретъ Александра Сергѣевича Грибоѣдова со снимкомъ съ его подписи. Писалъ академикъ И. Н. Крамской, рисовалъ съ фотографіи С. Л. Левицаго художникъ К. О. Брозъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. объ этомъ портретѣ стр. 171).
- II. Памятникъ надъ частью останковъ кн. М. И. Голеничева-Кутузова-Смоленскаго близъ Бунцлау, въ Силезіи. Гравировалъ съ фотографіи Ѳ. Д. Нордмана акад. Л. А. Сѣряковъ.

- III. Могила кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, въ Казанскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ. Гравироваль акад. Л. А. Сѣряковъ.
- IV. Древняя соборная церковь въ Ивановскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, съ застѣнкомъ, мѣсто дридцатидвухлѣтняго заключенія Салтычихи.
- V. Портретъ генераль-лейтенанта Михаила Леонтьевича Булатова. Рисоваль на деревѣ К. О. Брожъ, гравироваль акад. Л. А. Сѣряковъ. Изданъ иждивеніемъ Д. А. Булатова.
- VI. Памятникъ основанію города Павловска 1777 г. (Виньетка на стр. 735). Рисоваль г. Шпавъ, гравироваль акад. Л. А. Сѣряковъ.
- VII. Крѣпость Бибъ, сооруженная великимъ княземъ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ въ городѣ Павловскѣ. Рисоваль г. Шпавъ, гравироваль акад. Л. А. Сѣряковъ. (стр. 724).

Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

(На оберткѣ).

1. Сладчина. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ, въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи. Спб., 1874 г., въ большую 8-ю д., 718 стр. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб. (На оберткѣ V-й кн. «Русской Старины» 1874 г.).
2. Собраніе сочиненій А. Ѳ. Гильфердинга. Томъ IV. Исторія Балтійскихъ Славянъ. Спб., изданіе Д. Еожанчикова. 1874 г., въ 8-ю д. л., портретъ, IV+462+XVII. Цѣна за 5 томовъ 15 руб. Тома 3, 4 и 5 продаются отдѣльно. Цѣна за 3 тома 10 руб. (Тамъ-же).
3. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ I-й: трактаты съ Австрією. 1648—1762. Спб., 1874 г., въ 8-ю д. л., стр. XX, XXIII и 324. (На оберткѣ VI-й кн. «Русской Старины» 1874 г.).
4. Бѣлорусскія народныя пѣсни. Сборникъ П. В. Шейна. Спб., 1874 г., въ 8-ю д. л., 566 стр. Цѣна 2 руб. (Тамъ-же).
5. Провинціальная историческая литература. (Тамъ-же).
6. Памятная книжка Калужской губерніи. Изданіе калужскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакцію Н. А. Гильдебрандта. Калуга, въ 8-ю д. л., V+224+LXXII+16+XXX стр. Цѣна 1 р. 50 к. (Тамъ-же).
7. Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакцію Н. В. Гербеля. Томъ первый. Изданіе второе, Спб., 1874 г. XVI+320 стр., въ 8-ю д. л. Томъ второй, IV+336 стр. (Тамъ-же).
8. Сказанія Массы и Германа о смутномъ времени въ Россіи. Изд. археологической Коммиссіи, подъ ред. Е. Е. Замысло вскаго. Спб., 1874 г., въ 8-ю д., VII, VI, 364. Цѣна 2 руб. (Тамъ-же).

9. Записки фельдмаршала графа Миниха. Переводъ съ французскаго. Редакція изданія и примѣчанія г. Шубинскаго. Изданіе г. Исакова. Спб., 1874 г. (На оберткѣ VII-й кн. «Русской Старины» 1874 г.).
10. Описаніе празднованія столѣтняго юбилея Горнаго Института. Спб., 1874 г. XVI и 298 стр., въ 8-ю д. л. (Тамъ-же).
11. Пугачевцы. Историческій романъ. Сочиненіе Ев. Салиаса. 1874 г. Москва. 4 тома. Цѣна 5 руб. (На оберткѣ VIII-й кн. «Русской Старины» 1874 г.).
12. Историко-политическія письма и записки въ продолженіе Крымской войны. 1853—1856. М. П. Погодина. Москва. 1874 г. Цѣна 2 руб. (Тамъ-же).
13. Борьба, не на животъ, а на смерть, съ новыми историческими ересями, М. Погодина. Москва, 1874 г., Цѣна 2 руб. (Тамъ-же).

